XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

9.

Въ приложеніи.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

В. Алексѣевъ. Суворовъ-поэтъ. Приложеніе: письма Суворова къ разнымъ лицамъ 1778—1800 г. С.ПБ. 1901. Мал. 8-ка. 6 нен. и 68 стр.

В. А. Алексѣевъ считаетъ, что Суворовъ-поэтъ заслуживаетъ нашего вниманія уже по одному тому, что онъ Суворовъ. Впрочемъ, поэтическаго дарованія въ Суворовѣ онъ не признаетъ и только указываетъ, что его стихи были не хуже другихъ заурядныхъ стиховъ того времени. Современники уважали и Суворова-поэта, но самъ онъ понималъ цѣну своихъ литературныхъ опытовъ и нигдѣ ихъ не печаталъ. Несомнѣнное значеніе имѣютъ стихи Суворова по колкимъ намекамъ на разныхъ лицъ, и нѣкоторые изъ этихъ намековъ раскрыты въ книжкѣ. Укажемъ попутно, что г. Алексѣевъ напрасно ставитъ Суворову въ особую вину такія риѳмы, какъ „преисподнихъ" и „дольнихъ", относя ихъ къ неумѣнію поэта-воина справляться съ трудностями стихосложенія. Подобныя риѳмы были освящены примѣромъ Державина, считавшаго возможнымъ риѳмовать „царевна" и „несравненна". Обращая вниманіе въ риѳмѣ только на сходство *гласныхъ*, Суворовъ слѣдовалъ обычаю и образцамъ величайшаго лирика своего вѣка.—Почти всѣ письма Суворова, собранныя въ Приложеніи къ книжкѣ г. Алексѣева, появляются въ печати впервыя. Русскія собственноручныя письма къ Румянцову и В. С. Попову (секретарю Потемкина) дышать всѣмъ своеобразіемъ Суворовской рѣчи. Къ Румянцову обращено письмо изъ Бахчисарая, отъ Іюня 1778 года, когда Суворову пришлось имѣть дѣло съ Турками, высадившимися на берегъ Крыма, подъ предлогомъ его защиты. Россія не желала явной войны со Стамбуломъ, и нужно было дѣйствовать уклончиво, чтобы заставить Турокъ уйти изъ Тавриды, не доводя отношеній до разрыва. „А такъ какъ г. Суворовъ неговорливъ и неподатливъ, жаловался Румянцовъ Потемкину, то не поссорились бы они, а послѣ и не подрались бы". Дѣйствительно. Суворовъ писалъ: „Осмѣливаюсь доложить: Стамбуловцы на Крымскомъ берегу выгружаются и укрѣпляются. Выгруженія умножатъ. сравняются Россійскимъ, зазаконодательствуютъ на землѣ; моихъ оказательствъ, внушеньевъ, угрозъ, съ протестами правительства не внимутъ, но, нандружественно вгѣсняясь, внѣдрятся внутрь земли. Какому жъ бы я тогда соотвѣтствію подвергся! Вооруженная рука то зло одна превозможетъ, но средства нѣтъ: ханъ готовъ бешлеями*) начать, Суворовъ-агрессоръ! Завременно повелите, милостивый государь, вамъ наипреданнѣйшему. Есть то теперь одно воображеніе, могущее сбыться... Ѣздиль я нынѣ довольно; симптомовъ къ внутреннимъ безпокойствамъ непримѣтно; надлежитъ бдѣть всегда". Изъ писемъ къ Попову заслуживаетъ особого вниманія написанное въ кампанію 1789 года, изъ Берлада, вскорѣ послѣ Фокшанъ. Суворовъ тогда, благодаря нерѣшительности Потемкина, принужденъ былъ отступать, не смотря на блистательную побѣду; да и честь этой побѣды склонны были приписывать не ему, а принцу Кобургскому. „Не забудьте моихъ Фокшанскихъ,—просилъ Суворовъ, имѣя въ виду тѣхъ, кому онъ испрашивалъ награды за Фокшанскій бой,— и вѣдомо, все зависитъ отъ милости князь Григорья Александровича, какъ и я самъ. Я, право, не увеличилъ, развѣ уменьшилъ: басурманы считаютъ ихъ уронъ однихъ убитыхъ 4000, и половины арміи нѣтъ на лицѣ. Мнѣ не очень было весело,—надобно было вернуться назадъ; уповалъ бы на Бога, могъ бы быть и конецъ. Пишу къ вамъ, какъ къ другу, не пеняю ни на кого. Принцъ Кобургъ самый пречестный и милый человѣкъ. Вотъ вамъ все. Простите". Диктованныя письма къ П. А. Зубову держатся въ предѣлахъ офиціальныхъ отношеній.

*) Бешлейка, по Далю, снизанная монета въ косникѣ дѣвъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

1901.

3.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Листьямъ въ дубравахъ подобны сыны человѣковъ;
Вѣтеръ одни по землѣ развѣваетъ, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая, рождаетъ и съ новой весной возрастаютъ.
Такъ человѣки: сіи нарождаются, тѣ погибаютъ.
Иліада. VI, 146—149.

1901.

КНИГА ТРЕТЬЯ

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.



ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1827-й годъ [1]).

Москва, 1 Генваря 1827.

Проснувшись ранѣе обыкновеннаго, начинаю тобою. Какъ стукнуло 12 часовъ, поцѣловалъ я Наташу за нее, а также за тебя и всѣхъ твоихъ. Будьте, мои любезные, всѣ здоровы. Дѣтямъ посылаю игрушку Парижскую trompe-l'oeil, о коей и въ журналахъ писано было[2]).

Бѣдная Сарачинская (Кутузова дочь, бывшая Кудашева) съ годомъ кончила и жизнь, оставя множество дѣтей. Вчера также хоронили графиню М. А. Толстую[3]); везли ее мимо Фаста въ Донской монастырь, и онъ сказывалъ, что похороны были великолѣпны.—Губернаторъ Оренбургскій Нелидовъ[4]) умеръ и оставилъ, кромѣ имѣнія, 600 т. деньгами, кои, пишетъ Эссенъ, завѣщалъ Кирилѣ Нарышкину. Нашелъ кому отдать, тогда какъ родная его сестра, вдова княгиня Голицына, по бѣдности живетъ въ монастырѣ.—Благодарю тебя за костюмы Турецкихъ войскъ регулярныхъ. Очень глупы и смѣшны, и понимаю, какъ они должны быть ненавистны народу, столь суевѣрному и привязанному ко всему старому, не только къ одеждѣ, но даже и къ предразсудкамъ.

*

Москва, 3 Генваря 1827.

Вчера кн. Зенаида забавляла своего сыночка [5]). Много было смѣху и фарсовъ. Я былъ въ покойномъ костюмѣ капуцина и ужасно мучилъ пріѣхавшаго только что Петрушу Бутурлина. Вообрази, что въ полночь въѣхали вдругъ въ залу (во второмъ этажѣ NB) Донъ-Кихотъ и Саншо-Панса, верхомъ на живыхъ лошадяхъ. И насмѣшили, и напугали всѣхъ. Никто еще не знаетъ, кто это были. Сама княгиня прекрасно была одѣта en Jeanne d'Arc. Всѣ были въ маскахъ, даже старухи.

---

[1]) Письма предъидущихъ годовъ см. въ первыхъ 8 тетрадяхъ „Русскаго Архива“ сего года.

[2]) Слѣдуетъ подробное описаніе игрушки. А. Я. Булгаковъ охотникъ былъ до всяческихъ веселыхъ затѣйностей.

[3]) Живо изображенную въ письмахъ Кристина къ княжнѣ Туркестановой („Русск. Архивъ“ 1881 и 1882 г.).

[4]) Роднаго брата графини Марьи Васильевны Адлербергъ.

[5]) Князя Александра Никитича Волконскаго, впослѣдствіи нашего посланника въ Дрезденѣ и въ Мадритѣ.

Былъ я у графини Чернышовой. Она разрыдалась, увидя меня. Жаль несчастную эту мать! Муравьева[1]) страшна, точно тѣнь. Вчера должна была уѣхать въ ссылку произвольную.

*

Москва, 8 Генваря 1827.

Вчера въ «Семирамидѣ» пошелъ я въ ложу къ Юсупову. Старикъ тотчасъ началъ поздравленіемъ и прибавилъ, что никогда не бывалъ въ Архивѣ, но теперь поѣдетъ непремѣнно посмотрѣть, а между тѣмъ Малиновскій всѣмъ разсказываетъ, что мнѣ дали Шульцово мѣсто. При первой съ нимъ встрѣчѣ, объясню ему, что ошибается, и вообще съ этимъ поповичемъ поставлю себя на холодную ногу.—Не я одинъ, вся Москва въ восхищеніи отъ великой княгини Елены Павловны. Какъ мило то, что̀ она изволила тебѣ сказать! Но какъ и справедливо! Очень для меня лестны слова Государя. Дай Богъ, чтобы никогда мысли царскія не перемѣнились, а мое дѣло никогда ничѣмъ не давать къ тому повода.

Меня очень насмѣшилъ Мих. Антоно̀вичъ: пришелъ съ поздравленіемъ, только безъ стиховъ. Я распечатывалъ почту, смотрю и хвалю Готскій календарь, что̀ ты мнѣ прислалъ на Новый годъ, а онъ говоритъ: Да, батюшка, ваша превосходительство, здѣсь не такъ, какъ чужіе края, издѣся азбука не найдется продать, а въ Германія, когда пришла Новый годъ, то куча книги, особливо календари и Готскіе, и Остроготскіе, и Визиготскіе. Уморилъ!

Вотъ и Метакса, въ горѣ: его княжна Голицына (племянница гр. Растопчиной), коей имѣніемъ онъ управляетъ, постригла себя въ монахини во Франціи. Увезла туда 60 т. р., кои надобно черезъ 7 лѣтъ выплатить изъ доходовъ, а тамъ имѣніе отдастъ братьямъ своимъ. Вся эта семья помѣшалась на католичествѣ.

*

Москва, 10 Генваря 1827.

Вотъ тебѣ карточка: новая свадьба. Женихъ[2]) при миссіи нашей въ Швейцаріи, а невѣста, дочь покойнаго кн. Александра Θедор. Щербатова, сестра покойной Обрѣзковой, жены брата нашего Обрѣзкова. Вотъ тебѣ цѣлая генеологія.

*

---

[1]) Александра Григорьевна, ур. графиня Чернышова, поѣхала въ Читу къ своему ссыльному супругу Никитѣ Михайловичу Муравьеву и повезла туда стихи Пушкина: „Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ“. Передавая ей эти стихи, Пушкинъ такъ сжалъ ей руку, что у нея защемило пальцы.

[2]) Это Д. Н. Свербеевъ, сочинитель прекрасныхъ автобіографическихъ записокъ, появлявшихся въ „Русскомъ Архивѣ“.

Москва, 11 Генваря 1827.

Фастъ явился вчера въ большомъ смущеніи. Что̀ такое сдѣлалось?—Чего, братецъ, домъ мой въ Слободѣ сгорѣлъ, да не весь!—Такъ ты объ этомъ жалѣешь?—А почему нѣтъ? Вѣдь его нанимаетъ Демидовъ: по контракту долженъ мнѣ заплатить 35 т. Я бы не сталъ дѣлать глупости, строиться такъ далеко, а лучше долги бы этими деньгами заплатилъ. Вышло, что сгорѣлъ только мезонинъ Плетешковскаго дворца[1]). Демидовъ не хотѣлъ впустить полицію, говоря: пусть горитъ домъ мой, а вы пріѣхали только грабить. Частный приставъ замѣтилъ ему, что не бѣда бы, ежели и всѣ его дома сгорѣли, да зачѣмъ страдать сосѣдямъ отъ его прихоти? Стало быть, отстояли домъ противъ желанія и Фаста, и Демидова. Однакоже, ежели не исполнилось желаніе наемщика, то страхъ его оправдался, ибо у него украли въ этотъ пожаръ богатый серебряный déjeuné. Фастъ посылалъ своего архитектора освидѣтельствовать домъ, а Демидовъ его прогналъ, говоря: я исполню все по контракту, отдѣлаю и сдамъ домъ, какъ его принялъ. Ужъ подлинно сошлись два чудака; только боюсь я, чтобы Демидовъ не попалъ наконецъ въ Мамоновы. Въ прошломъ году онъ своего управителя, молодого Француза, изранилъ своею шпагою и убилъ было за то, что онъ купилъ ему лошадей, кои понесли первый разъ, что̀ ихъ заложили. Не всегда и богатство дѣлаетъ насъ счастливыми.

*

Москва, 12 Генваря 1827.

Я тебѣ писалъ о странной бумагѣ Апраксина. Онъ проситъ у клоба 50 т. заимообразно, за кои даетъ себя порукою и берется выписать славную Французскую труппу. Ему отвѣчали, что ежели она будетъ хороша, то между 600 членами вѣрно многіе охотно поѣдутъ слушать актеровъ; что же касается до 50 т., то клобъ на подобныя издержки и спекуляціи капиталовъ не имѣетъ. Не можетъ этотъ Апраксинъ жить безъ затѣй.

*

Москва, 17 Генваря 1827.

Ты пишешь объ Уваровѣ то, что̀ мы знаемъ. Скажи, пожалуй, стоило ли труда заварить кашу, начать процессъ и отъ того только, что велѣно ему дать законный ходъ, посягнуть на себя[2]). Своимъ гнуснымъ концомъ онъ завершаетъ мнѣніе, которое должно имѣть объ его нравственности. Жилъ, поступалъ дурно, а умеръ еще хуже.—Кн. Зе-

[1]) Домъ этотъ въ Плетешковскомъ переулкѣ принадлежитъ нынѣ Дмитрію Фавстовичу Макеровскому.

[2]) Это былъ Уваровъ, женатый на сестрѣ Декабриста Лунина и затѣявшій тяжбу о незаконности его завѣщанія, написаннаго раньше заговора.

наида сказывала мнѣ вчера, что Ричша проситъ «Танкреда» отложить на нѣсколько дней, будто для этого траура 9 или 12 или 20 дней не равно. Да главное то, что нѣтъ удостовѣренія въ смерти Уварова: онъ исчезъ; это такъ, но могъ и дать тягу куда-нибудь, сѣсть на корабль въ Кронштадтѣ; послѣ года или двухъ можно ручаться, что онъ умеръ, а не послѣ недѣли; тѣло его не найдено. Аменаида вмѣсто Пятницы будетъ отличаться въ Понедѣльникъ. Здѣсь всѣ заняты были этою исторіей, но теперь заговорили о Татищевѣ Алекс. Ив., отданномъ будто подъ судъ и который сознался въ страшныхъ взяткахъ по комисаріату. Сказываютъ, что вчера въ клобѣ только и говорили, что объ этомъ. Вотъ и Щербининъ попался. Спасибо Государю; конечно, трудно всѣ злоупотребленія вдругъ искоренить, но такіе примѣры заставятъ бояться виновныхъ и удержать распространеніе зла.

Вчера я опять Малиновскаго не засталъ, а Анна Петровна приняла меня только что не въ передней и провожала также, радовалась, что мужу ея данъ такой товарищъ и пр., ругала немилосердно графа Шереметева. Я слышалъ, будто Малиновскаго очень туго считаютъ по больницѣ, что̀ очень ему не нравится. Ну, братъ, какой домъ у Малиновскаго! Это дворецъ, огромныя комнаты, и убрано хорошо. Дешево купили, за 60 т., да я чаю дорого сталъ [1]).

*

Москва, 18 Генваря 1827.

У Шепелева на балѣ сѣли ужинать, а мы съ Фастомъ дали тягу домой, мой милый другъ. Я закурилъ трубку и, покуда курится, стану тебѣ писать. Балъ былъ славный, но я не разъ вспоминалъ Девонширскаго и тебя. Какъ мы тутъ ходили, ѣли, пировали! На молодого Шереметева скалили зубы и пялили глаза наши мамзели; но онъ только показался и, не танцовавши, уѣхалъ. Наши кумушки выдумали уже, что Шепелевъ для того и балъ давалъ, чтобы дочь за него выдать. On dirait qu'il ne faut pour cela qu'un bal.

Этотъ Закревскій право безцѣнный человѣкъ! Ржевская эта [2]) въ нищетѣ. Для нея этотъ пенсіонъ, что̀ онъ ей выходилъ, великое благодѣяніе.

*

Москва, 19 Января 1827.

Вчера былъ я въ маскарадѣ въ собраніи, было весело и много разныхъ масокъ. Одна между прочимъ меня мучила; долженъ быть мужчина, все говорилъ о тебѣ, что пріѣхалъ изъ Петербурга, что имѣетъ

---

[1]) Это домъ на Мясницкой (нѣкогда графа П. И. Панина, который изъ него отправился на Пугачова) нынѣ Липгарда. Анна Петровна — супруга А. Ѳ. Малиновскаго, ур. Исленьева, родственница и воспитанница княгини Дашковой.

[2]) Племянница графа Каменскаго, котораго Закревскій считалъ своимъ благодѣтелемъ.

письмо о тебѣ, которое сегодня хотѣлъ ко мнѣ привезти, знаетъ всѣхъ насъ и общество твое хорошо. Много было также дамъ, но я узнать могъ только кн. Вяземскую и Зенаиду Волконскую. Я все сидѣлъ со старикомъ Юсуповымъ, который очень былъ веселъ и любезенъ. (Сегодня свадьба сына его). Была пресмѣшная нянюшка старая, толстая такая, что насилу ходила, съ нею ребеночекъ въ дѣтскомъ платьѣ, ростомъ съ графа Панина. Это очень было смѣшно.

*

Москва, 23 Генваря 1827.

Вы не только всѣ здоровы, но и повеселились въ Эрмитажѣ. Ежели дастъ Богъ быть въ Питерѣ, то я чаю, ключъ отопретъ и намъ входъ туда; а я не имѣю понятія, что такое Эрмитажный спектакль, только желаю, чтобы дурно дѣлалось актерамъ (ежели пьеса того требуетъ), а не зрителямъ. Маркову[1]) пора бы дома сидѣть въ шлафрокѣ. А Уварова тѣла таки не нашли. Положеніе его жены странно: вдова и не вдова. Не приняли ли тѣло казначея за камергерское тѣло? Чего добраго, одинъ другого стоитъ. Жаль, что не буду на свадьбѣ Кривошапкина [2]); скажи ему, что я заочно на ней пляшу и желаю ему всякаго благополучія и сыночка. Надѣюсь, что все обошлось хорошо, не какъ у Юсупова. Бореньку посадили, повезли къ вѣнцу, у почтамта вспомнили, что уѣхали, забывши благословеніе отцовское; для этого надобно было, по требованію барынь (и весьма, впрочемъ, справедливому), воротиться. Въ церкви, какъ стали размѣнивать кольца, то невѣста свое уронила, и оно закатилось такъ далеко, что никому въ голову не приходило, такъ что искать надобно было очень долго; увѣряютъ, будто и не нашли, а подсунули другое, чтобы сдѣлать конецъ остановкѣ. Иные говорятъ, что это очень худо для невѣсты, другіе для жениха, а третьи, что не годится для обоихъ. У необыкновеннаго жениха должны быть необыкновенныя происшествія. Всѣ говорятъ, что она была очень весела, а Боренька задумчивъ и нахмуренъ.

*

Москва, 26 Генваря 1827.

Вчерашній спектакль у княгини Зенаиды продолжался очень долго, почти до двухъ часовъ. Le tout a été très-bien. Je suis parti sans avoir déviné le mot de la charade, mais enchanté de Tancrède. On peut avoir une plus belle voix que la princesse, mais il est difficile de mieux exprimer la pensée du musicien: elle prononce et déclame à merveille. Au lieu d'être occupée des spectateurs, ce qui arrive toujours

---

[1]) Престарѣлому графу Аркадію Ивановичу.

[2]) Этотъ Кривошапкинъ позднѣе управлялъ Витебскимъ имѣніемъ братьевъ Булгаковыхъ.

aux femmes quand elles jouent la comédie, la princesse était toute à son rôle. Barbieri a été fort drôle dans le Fanatico. Костюмъ уморительный, au lieu du catogan[1]), il avait derrière un petit violon suspendu à sa perruque, et son bonnet de nuit était un tambour. M-me Akouloff a très-bien chanté, elle a une belle voix. Dans la seconde pièce de mad. Staël, qui est fort drôle, Allart était charmant. C'est un marin qui ne fait que jurer et raconter ses campagnes et qu'on trompe pour lui faire donner sa fille à un jeune amant, tandis qu'il la destinait à un marin. M-me Dumouchel [2]) fesait la femme, m-me Akouloff la fille, Metchersky l'amant, la Ricci la soubrette et le petit Alexandre le domestique du marin. Il y avait ensuite une scène du Bourgeois-Gentilhomme, celle où il prend leçon, et puis le second acte du Tancrède. Объ немъ и говорить нечего, la Ricci a été très-bien, aussi quand on ne la comparait pas à Tancrède. Barbieri a très bien fait Argyre. Le jeune comte Michel Boutourline (только-что пріѣхавшій изъ Флоренціи, гдѣ, кажется, и родился) remplissait le petit rôle d'Arbassan; il a une belle voix et prononce à merveille l'Italien[3]). Tout a été très-bien, mais beaucoup trop long. Il est difficile que l'admiration même dure pendant six heures.

Меня восхищаетъ милость государева и вниманіе его. Могъ ли я льститься тѣмъ, что ему угодно будетъ вспомнить обо мнѣ? Я постараюсь быть сколько можно полезнымъ на этомъ мѣстѣ. До сихъ поръ я все наводняемъ визитами и поздравленіями Архивскихъ; не могу нахвалиться ихъ ласкою, и будемъ жить, кажется, ладно. То самое не предвижу съ Малиновскимъ. Охъ, дай Богъ силъ Государю! Горячо за все принимается, были бы только хорошіе сотрудники. Иные говорятъ: не искоренить зла! Почему нѣтъ? Ужъ то хорошо, что оно возрастать не будетъ.

*

Москва, 28 Генваря 1827.

Лунинъ уѣхалъ опять въ Рязань къ откупамъ; онъ очень согласенъ на мировую съ Уваровой, но она должна утвердить завѣщаніе брата, тѣмъ болѣе, что симъ признаетъ она, что̀ онъ постановилъ и для нея самой. A propos de mort. Вчера въ большомъ новомъ театрѣ былъ бенефисъ Синецкой, биткомъ было набито; только вдругъ въ креслахъ повалился и умеръ нѣкто Краснопольскій. Сдѣлался шумъ, полиція было унимать, но сосѣди покойника громко сказали: здѣсь

---

[1]) Особаго рода прическа.

[2]) Маргарита Борисовна Дюмушель, урожд. Алларъ, впослѣдствіи была извѣстна въ Москвѣ своею опытностью въ дѣлѣ воспитанія. Ея пансіонъ для дѣвицъ, нынѣ г-жи Констанъ, въ Гончарномъ переулкѣ, въ прекрасномъ домѣ (бывшемъ именитыхъ людей Строгановыхъ), откуда видъ на цѣлую треть Москвы, Степановой.

[3]) Читатели „Русскаго Архива" (1897 и 1898 гг.) помнятъ его „Воспоминанія".

умеръ человѣкъ! Опустили среди пьесы занавѣсъ, пришли жандармы, потащили тѣло (что̀ не легко было сдѣлать, ибо проходъ довольно тѣсенъ въ креслахъ). Послѣ подняли занавѣсъ, и пьеса продолжалась, однако многіе уѣхали, и Обрѣзковъ долго возился съ мертвымъ тѣломъ: не было ни человѣка, ни кареты, видно, отослалъ; не знали, гдѣ онъ живетъ. Умереть въ театрѣ, вещь незавидная, признаться.

Негри теперь отъ меня. Мамоновъ, катавшись, заѣхалъ вчера въ его лавку, вышелъ, былъ тамъ съ полчаса, разсматривалъ все подробно, изъявлялъ нетерпѣніе, что не было дома Негри, все его спрашивалъ и велѣлъ ему быть къ себѣ завтра до обѣда; но я велѣлъ ему просить согласія Маркуса и опекуновъ. Графъ взялъ одну табакерку, любовался ею и положилъ ее въ карманъ, сказавъ сыну Негри: J'espère que vous me ferez crédit pour ces 300 r., car vous savez que je n'ai pas un sou à ma disposition, que je suis gardé à vue comme un prisonnier; mais si je ne vous paye pas, je vous rendrai la boîte. Dîtes à Negri de venir chez moi ce soir ou demain matin et que je voudrais avoir des gravures à regarder. Иные входили въ лавку; графъ не дичился и не убѣгалъ ихъ.

*

Москва, 2 Февраля 1827.

Получа довѣренность графини, я первымъ долгомъ почелъ быть у опекуновъ, долго толковалъ съ велерѣчивымъ Арсеньевымъ. Онъ все оставляетъ опеку и радуется, что мнѣ все сдастъ. Не знаю, почему думаетъ, что безъ воли государевой нельзя ему отойти. Да вѣдь вы не по высочайшей волѣ назначены, указъ не на лицо ваше; а воля государева была учредить только опеку, а вы уже избраны были дворянскою опекою, то̃ ею и уволены быть можете. Не думаю, отвѣчалъ. А ежели такъ, то тѣмъ лучше. Г-да эти сенаторы ужасно важничаютъ; а между тѣмъ идутъ въ правители канцеляріи и даже въ управители. Завтра предъявляю опекѣ свою довѣренность. Немного же у нихъ въ приходѣ: ломбардными билетами 59 т., да наличными тысячи три, а расходъ не великъ, кажется. Послѣ все это подробнѣе изслѣдую. А графъ опять баламутитъ: написалъ Негри предлинное письмо на четырехъ страницахъ, въ коемъ говоритъ о gouvernement insurrectionnel qui nous régit, что Голицынъ chenapan, а опекуны бездѣльники и пр. Не бывать проку отъ него; но все хорошо, что онъ тихъ и что бѣшенство миновало.

Слава Богу, что Государь къ тебѣ милостивъ; но такому Государю какъ не благоволить къ усерднымъ своимъ подданнымъ? Князю Павлу Голицыну бью челомъ, я не забуду никогда ласки его и милой его жены, когда были мы съ Волковымъ въ Дрезденѣ. Спроси у Саш-

ки, ужъ полно не влюбленъ ли онъ былъ въ княгиню; а князь также и Фастовъ пріятель.—Меня все еще тормошатъ, все пріѣзжаютъ Архивскіе на поклонъ. Вчера былъ племянникъ твоего князя[1]) рекомендоваться; бѣдный такъ говоритъ, что едва его поймешь: ротъ обезображенъ. Не могъ застрѣлиться, а женился таки. Теперь пріѣзжалъ графъ Валеріанъ Зубовъ, только не Александровичъ съ того свѣта, а сынъ его брата Николая; и этотъ служитъ въ Архивѣ.

Вчера объявлено банкрутство князя Михаила Петровича Голицына, dit le Губанъ, на 3 милліона слишкомъ. Многихъ пуститъ по міру. Его князь Сергій Мих. беретъ на хлѣбы въ домъ къ себѣ. Его не жалѣютъ: дуракъ умѣлъ дойти до этого съ 10 т. душами, изъ коихъ 7 продалъ. Жалѣютъ о его трехъ побочныхъ дѣтяхъ; сынъ уже маіоръ, да двѣ дѣвицы; по несчастію, дано имъ было отличное воспитаніе; останутся на улицѣ; странно, что эти Голицыны или скряги, или моты.

*

Москва, 7 Февраля 1827.

Все, что имѣетъ нужду до опеки Мамонова, все ко мнѣ хлынуло. Графъ М. А.[2]) вчера сочинилъ въ стихахъ посланіе Богу; есть прекрасныя строфы. Видно, читая оду «Богъ» Державина, воспламенилось его воображеніе. Онъ спрашивалъ, кто опекуны? Сказалъ Сандрартъ, что Арсеньевъ, Ф.-Визинъ и Булгаковъ. Quel B? Est-ce celui qui a été chez moi il y a quelque temps?—Non, c'est son frère, le directeur des postes. Sur cela il est parti d'un éclat de rire en ajoutant: Mon Dieu, qu'ils sont bêtes! Le pupille est à Moscou, et le tuteur à Pétersbourg. Онъ и правъ. Пусть себѣ графиня переводитъ опеку къ себѣ, ежели хочетъ, отъ чего однакоже послѣдуетъ большая медленность во всемъ; но покуда, ежели хотятъ, чтобы все шло плавно, надобно и тебѣ дать мнѣ довѣренность дѣйствовать вмѣсто тебя. Многое мелочное не кончено, потому что нѣтъ твоего разрѣшенія и графининова. Послѣднее устроено теперь[3]); надобно бы и тебѣ развязать меня: это не помѣшаетъ мнѣ въ случаяхъ значущихъ отписываться и съ тобою, и съ нею, и требовать совѣта и разрѣшенія.

*

Москва, 8 Февраля 1827.

Вчера проѣхалъ здѣсь Дибичъ. Онъ остановился въ Москвѣ только 8 часовъ и никого не видалъ, кромѣ князя И. А. Шаховскаго, коменданта и оберъ-полиціймейстера. Не знаютъ ни куда, а еще менѣе за-

---

[1]) Князя А. Н. Голицына.

[2]) Т. е. графъ Матвѣй Александровичъ Мамоновъ.

[3]) Т. е. графиня Марья Александровна, сестра умоповрежденнаго, дала А. Я. Булгакову довѣренность заниматься дѣлами ея брата.

чѣмъ ѣдетъ. Всѣ полагають важную причину, да и кажется, что начальнику Главнаго Штаба мудрено оставить столь важное мѣсто безъ важныхъ причинъ.

Много дѣлаетъ шуму болѣзнь С. С. Апраксина, который очень плохъ; и подлинно, въ его лѣта не шутка нервическая горячка. Вчера онъ исповѣдовался и причащался и самъ просилъ, чтобы его масломъ соборовали, чтò онъ и исполнилъ ночью, нарочно, чтобы никто объ этомъ не зналъ. У твоего Петербургскаго сосѣда, Ланскаго, былъ вчера дѣтскій маскарадъ, на который мои однакоже не попали, хотя и были званы; тутъ видѣлъ я С. А.[1]) Волкова. Онъ пріѣхалъ отъ Апраксина, гдѣ онъ ami de la maison, а потому и сообщилъ мнѣ достовѣрныя подробности; онъ мнѣ сказалъ, что Апраксинъ его не узналъ и лежалъ какъ въ забытьи въ ужасномъ поту, чтò доктора признавали хорошимъ признакомъ. Онъ недавно былъ на ногахъ. Душевное огорченіе его сразило: есть у него побочная дочь, которую выдалъ онъ за какого-то генерала, нынѣ пожалованнаго въ генералъ-маіоры. Надобно сдавать полкъ, и при сдачѣ оказалось 120 т. недоимки. С. С. желалъ спасти зятя отъ бѣды, но не было средства, ибо самъ весь въ долгу; нашла тоска, скопилась желчь, и онъ слегъ, отказывая лѣкарства. Старикъ князь Ю. В. Долгоруковъ всѣхъ удивилъ. Хотя насилу сидитъ и скупъ до безконечности, велѣлъ себя везти къ Апраксину, началъ его утѣшать, наконецъ ему выговариваетъ, что онъ, имѣя скорбь, оную отъ него скрылъ; кончилъ тѣмъ, что положилъ ему на столъ 120 т. Апраксину стало лучше тотчасъ, но такъ какъ было упущено нѣсколько дней, то болѣзнь усилилась между тѣмъ. Въ консиліумѣ доктора иные отчаявались, а другіе еще надѣются. Не знаю, каковъ онъ сегодня утромъ. Пошлю спросить. Дочь Щербатову не пускаютъ къ нему, потому что она все плачетъ и разстраиваетъ больного. Чтò болѣе дѣлаетъ вреда больному, это видѣнія; ихъ было уже нѣсколько у него, а послѣднее его поразило. Il ne s'en explique pas; нò когда Волковъ ему замѣтилъ, что находитъ его лучше, то онъ отвѣчалъ таинственно: мнѣ будетъ лучше, когда ты пришлешь спросить обо мнѣ, и тебѣ скажутъ, что меня нѣтъ въ домѣ. Впрочемъ, онъ очень твердъ, далъ разныя отпускныя и награжденія людямъ, вчера велѣлъ себя перенести въ другую комнату, говоря: не хочу тутъ умереть, а на постели. Послана эстафета къ сыну въ Петербургъ. Для К. Вл.[2]) будетъ это большой ударъ. Она его любитъ чрезвычайно.

---

[1]) Сергѣя Аполлоновича, брата извѣстной Марьи Аполлоновны.

[2]) Т. е. для супруги больного, Екатерины Владимировны, ур. кн. Голицыной.

Другое приключеніе, занимающее Москву, есть слѣдующее. Оно въ родѣ того, что̀ было съ Зосимою, коего роль играетъ одинъ извѣстный скряга и богачъ, престрашный князь Гагаринъ, бывшій въ Коломнѣ предводителемъ дворянскимъ, а Севенисову роль взялъ на себя нѣкто Ник. А. Норовъ, женатый на княжнѣ Голицыной. Онъ подвернулся къ этому Гагарину, началъ разсказывать о старой исторіи, въ то время замятой, т. е. что этотъ старый хрычъ засѣкъ мальчика. Норовъ началъ его пугать, что дѣло это возобновляется будто, и что одинъ онъ, Норовъ, принадлежащій къ тайной полиціи, вновь учрежденной, можетъ его спасти отъ бѣды. Стали торговаться; на первый случай кащей далъ въ 26 т. заемное письмо; только Норовъ опять явился просить денегъ, а между тѣмъ Гагаринъ такъ былъ напуганъ разными безымянными письмами, кои приносили ему почтальоны будто изъ Петербурга и кои всѣ были составлены Норовымъ, что онъ согласился выдать ему въ 250 т. ломбардный билетъ съ надписью своею. Когда Норовъ явился за деньгами, то Кушниковъ[1]), остерегаясь, велѣлъ узнать у Гагарина, точно ли онъ далъ право на сіи деньги Норову, на что̀ получа отвѣтъ утвердительный, велѣлъ деньги выдать. Все бы тѣмъ и кончилось, Норовъ былъ доволенъ, и скряга также радовался, что по словамъ Н. избѣгалъ Сибири, заплатя только, можетъ быть, 20-ю часть своей фортуны. На бѣду Обольяниновъ[2]), узнавъ объ этой исторіи глухо, захотѣлъ все объяснить, поѣхалъ къ Гагарину и началъ его допрашивать. Были двѣ очныя ставки. Не знаю, чѣмъ это кончится; только Гагаринъ все твердитъ, что онъ воленъ въ своихъ деньгахъ, можетъ ихъ дать, кому хочетъ, что онѣ у него не украдены, а далъ онъ ихъ Норову по дружбѣ. Какая же тутъ дружба къ человѣку, спрашиваетъ Обольяниновъ, коего вы два раза въ жизнь вашу видѣли? Норова требовали къ Шульгину, но и онъ тоже отвѣчаетъ, что̀ и напуганный Гагаринъ.

Я тебя поподчивалъ банкрутствомъ князя М. П., но ваша Лобанова-Безбородко перещеголяла нашего Губана. Можно ли съ 500 т. дохода привести себя въ такое положеніе?

*

Москва, 9 Февраля 1827.

Апраксинъ скончался вчера въ пятомъ часу по полудни. Когда я печаталъ къ тебѣ письмо, то читали надъ нимъ отходную. Гулявши пѣшкомъ, я зашелъ провѣдать и нашелъ въ передней всѣхъ людей плачущихъ; ему тогда было уже очень худо. Вчера только и разговора было, что о сей смерти. Доктора увѣряютъ, что главная болѣзнь

---

[1]) Сенаторъ Сергѣй Сергѣевичъ.

[2]) Губернскій предводитель Московскаго дворянства.

была моральная и пораженное воображеніе. С. С. давно уже иначе не ѣздилъ со двора, какъ съ кѣмъ-нибудь въ каретѣ. Онъ имѣлъ два видѣнія въ разныя эпохи жизни; второй разъ старикъ, который ему представлялся, сказалъ, что въ третій разъ явится объявить ему о кончинѣ, и подлинно, старецъ дней десять тому назадъ явился Апраксину для сдержанія слова своего, и это чрезмѣрно испугало и встрѣвожило больного. Хозяинъ дома умеръ, а за стѣною пѣли Итальянцы оперу; это бы ничего, но театръ былъ набитъ пріятелями покойнаго, иные почитали себя обязанными дѣлать печальную рожу. Апраксинъ былъ, конечно, самый пустой человѣкъ, но въ столицахъ такого рода люди нужны. Москва лишилась большого дому, гдѣ всѣхъ принимали и часто забавляли. Нельзя не жалѣть о бѣдной Катер. Влад., которая мужа очень любила и не приняла послѣдняго его вздоха. Вчера послали эстафету съ объявленіемъ о кончинѣ. Княгиня Зенаида должна была дать еще разъ Танкреда, но за симъ пѣчальномъ случаемъ спектакль отмѣненъ.

*

Москва, 11 Февраля 1827.

Ну, братъ, настаетъ прощаніе съ Италіей. Охъ жаль! А Кокошкинъ ѣдетъ въ Петербургъ за лентою, т. е. везетъ, сказываютъ, слишкомъ 200 т. накопленныхъ экономіею *своею* денегъ. Это значитъ, что вездѣ отрѣзывалъ отъ самонужнѣйшаго содержанія бѣдныхъ актеровъ. Г-да эти всю пользу службы обращаютъ на одно свое лицо. Все это толковалъ мнѣ вчера Юсуповъ. Норовъ не арестованъ, но Шульгинъ сказывалъ, что онъ обо всѣмъ донесъ Государю прямо.

Долго сидѣлъ у меня Воронцовскій Вигель и разсказывалъ о краѣ томъ. Онъ малый умный.—До сихъ поръ все еще являются чиновники Архивскіе; иные были въ отлучкѣ, другіе больны.

*

Москва, 12 Февраля 1827.

Ну запрягла и меня также Наташа! Почти цѣлое утро рыскалъ, и теперь опять отправляетъ съ разными комиссіями. Кн. Зенаида изъявила желаніе быть на нашемъ маскарадѣ и привезти сына; очень будемъ рады, только право не знаю, гдѣ это все помѣстится. Съ двухъ часовъ гонятъ меня со двора, чтобы не мѣшать пріуготовленіямъ. Поѣду обѣдать въ Англійскій клобъ.

Удивляетъ меня тщеславіе гр. Маркова. Можетъ ли оно идти за предѣлы гроба? 75 т. назначаетъ на свои похороны! Какая глупость, малодушіе! Лучше бы ему душою своею заняться, а послѣ смерти, какая нужда до тѣла (по крайней мѣрѣ тому, кто умеръ)? И безъ того съѣдятъ черви.

Москва, 14 Февраля 1827.

Вчера былъ я на двухъ вечерахъ, мой милый и любезнѣйшій другъ; но подобаетъ начинать сначала. Увы, разстались мы съ Итальянцами. Мы слышали вчера въ послѣдній разъ «Семирамиду». Пѣли нельзя лучше на прощаніе. Послѣ начали вызывать; сперва вышли Анти, Тегиль и Този. Хлопали, кричали браво, addio, buono viaggio etc. Тамъ вызвали Перуцци, онъ былъ уже во фракѣ; его заставляли въ оперѣ два раза спѣть арію его во второмъ актѣ. Потомъ вызвали Замбони, не игравшаго даже въ «Семирамидѣ», а тамъ m-me Peruzzi; долго ее ждали, ибо ложилась уже спать. Она, такъ какъ не кокетка, то явилась въ дурномъ капотцѣ, растрепанная, съ зеленымъ платочкомъ. Ей очень кричали и аплодировали. Когда я уѣхалъ, то вызывали суфлера, коего и труппа, и публика очень любятъ: онъ намъ всѣмъ списываетъ всѣ аріи и любимыя пьесы. Такой суфлеръ кладъ, ибо не только суфлируетъ слова, но бьетъ кадансъ и даже поетъ самъ иной разъ хористамъ при двери своей. Имѣя почти всего Россини, стану теперь мучить жену, чтобы все мнѣ проигрывала, а то перезабудешь все. Я купилъ жизнь Россини, стану писать на нее свои замѣчанія, ибо Англичанинъ этотъ (имя въ книгѣ этой выдуманное) часто и неправду говоритъ. Оттуда поѣхалъ я къ Зенаидѣ Волконской, гдѣ нашелъ маленькіе танцы, а отъ нея къ М. И. Корсаковой, гдѣ нашелъ большіе танцы. Балъ былъ хоть куда. Послѣ ужина Соф. Ал.[1]) и меня заставила танцовать. Сказывала, что получила отъ Сашки письмо, что онъ велитъ ей принять Попандопуло какъ можно получше и ласкать новую чету [2]). Скажи ты это эскулапу, о коемъ она и понятія не имѣетъ. Я поѣхалъ съ балу въ три часа, и оставилъ всѣхъ танцующихъ въ запуски.

Ну, сударь, нашъ маскарадецъ очень удался. Было съ 50 человѣкъ, а право не было ни жару, ни тѣсноты. Дѣти раза три переодѣвались. Зенаида мнѣ сказывала, что давно и она, и сынъ ея такъ не веселились, ибо все было безъ претензіи. Танцовать не переставали. Сначала дѣти были въ розовыхъ домино, какъ донна Фіорелли въ «Туркѣ in Italia», Клавдинька и Нѣмка наша Турками, а я, какъ Замбони, съ Гваренгіевымъ носомъ; послѣ Лёлька была въ костюмѣ Реро (Гацци-Ладры), а тамъ крестьянкою Швейцарскою, а Катя Жидов-

---

[1]) Волкова, супруга А. А. Волкова („Сашки“), дочь М. И. Корсаковой.

[2]) Врачъ Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло передъ тѣмъ женился на двоюродной сестрѣ Булгаковыхъ Любови Андреевнѣ Мартыновой. Ихъ сынъ, тоже врачъ, Василій Константиновичъ Попандопуло, достойный всякой хвалы человѣкъ, скончавшійся недавно въ Москвѣ и ей памятный своею любовью къ ея древностямъ (благодаря ему, возобновлена колокольня у церкви Николы Явленнаго на Арбатѣ).

кою. Elles étaient charmantes toutes les deux et fesaient à merveille les honneurs de la fête. Il y avait les Sacovnin, Broker, Obreskoff, Wolkonsky, Хрущовы, Фастовы дѣти, дочь Алек. Ник. Бахметева etc. Ужинъ былъ славный. Негри насъ уморилъ, былъ въ костюмѣ старой дамы въ фижмахъ. Дѣти по сю пору въ восхищеніи отъ этого праздника. En ville on en parle comme d'une fête en forme, et hier je n'ai eu que des compliments à recueillir sur la beauté de mes enfants. Кавалеры были все Архивскіе и славно отличались: мазурки, Фр. контрдансы, вальсы, всего было довольно. Честь и слава Наташѣ, она одна все сдѣлала; я право не воображалъ, что такъ удастся.

Вяземскій звалъ къ себѣ ужо на вечеръ. Послѣ ужина княгиня съ Зенаидою Волконскою ѣдутъ въ Калугу къ женѣ Мих. Орлова *). Что̀ за мысль? А за другою Зенаидою, т. е. Юсуповою, волочился Вяземскій. Мужъ очень косился; онъ, кажется, ревнивъ; а за ужиномъ возлѣ нея усѣлся нашъ слѣпой князь Фарфанонъ Аморозовичъ. Вотъ все, что̀ знаю. Пора въ Архивъ, гдѣ надобно привести къ присягѣ Бартенева и быть при торгахъ на перестройку каменнаго худого флигеля.

*

Москва, 15 Февраля 1827.

Сегодня хоронили Апраксина. Все было очень великолѣпно, но не такъ-то много было на похоронахъ, какъ бывало на балахъ покойнаго. Такъ-то всегда бываетъ на семъ свѣтѣ!

*

Москва, 16 Февраля 1827.

Сегодня не думалъ ѣхать въ Архивъ, но князь Юсуповъ просилъ меня сдѣлать нѣкоторую выправку царствованія царя Алексѣя Михайловича. Нечего дѣлать, надобно угодить старику, а въ этотъ холодъ хотѣлось было просидѣть дома.

*

Москва, 17 Февраля 1827.

Посылаю тебѣ бумагу, написанную намедни Мамоновымъ послѣ спора, который онъ имѣлъ съ Сандрартомъ. Этотъ ему доказывалъ, что онъ никогда не получитъ свободы, ежели не будетъ повиноваться власти, всѣми признаваемой. Allez, lui dit-il, m-r le comte, à l'église écouter la messe; vous verrez qu'on prie Dieu partout pour l'Empereur Nicolas; il est reconnu non seulement par ses sujets, mais par toutes les puissances de la terre. Vos droits ne sont que dans votre imagination. Qui les appuie, qui les reconnait? Personne! Vous vous abstinez seul à soutenir une chimère. Qu'avez-vous à m'opposer?—Je vais vous répondre par écrit, отвѣчалъ графъ, сѣлъ и въ минуту написалъ галиматью,

* Екатеринѣ Николаевнѣ, ур. Раевской, правнучкѣ великаго Ломоносова.

которую тебѣ посылаю [1]); я самъ списалъ это съ подлинника, выставивъ всѣ его поправки, какъ онѣ въ оригиналѣ. Этотъ документъ очень важенъ: онъ заключаетъ въ себѣ эссенцію Мамонова сумасшествія и можетъ сильно опровергнуть мнѣніе тѣхъ, кои утверждаютъ, что онъ не помѣшанъ. Меня только то удивляетъ, что столь сильное помѣшательство на одномъ пунктѣ не имѣетъ никакого вліянія на его умственныя способности въ разсужденіи всѣхъ другихъ предметовъ. Замѣчанія, кои дѣлаетъ онъ на книги, кои читаетъ, очень умны и основательны, напримѣръ на книгу Мирабо о Пруссіи. Онъ очень много читаетъ и пишетъ. Биліардъ бросилъ совсѣмъ.

*

Москва, 19 Февраля 1827.

Норовъ, коего знаешь и мой знакомый,—прекрасный малый; мы какъ сойдемся, все говоримъ объ Сициліи; онъ написалъ, кажется, путешествіе, которое намѣренъ былъ напечатать, а тотъ Норовъ дядя его. A propos de parens de ce genre. Есть нѣкто подполковникъ Протоповъ, хорошо служившій въ гренадерскомъ корпусѣ. Шульгинъ, зная его тамъ, переманилъ въ полицію и сдѣлалъ его частнымъ приставомъ въ Таганскую часть. У него молодая, прекрасная жена, дворянка, видно щеголиха; только намедни въ городѣ, въ лавкѣ одной, разсматривая, да разговаривая, украла она кружевъ, матеріи и всякой всячины и все привѣшивала къ поясу, который былъ для того нарочно устроенъ; большая шуба все это прикрывала. Не знаю какъ, только всю эту контрабанду обнаружили, и въ минуту была она окружена ужасною толпою купцовъ и проходящихъ, кои начали плевать ей въ глаза, ругать воровкою... Пріѣхавши домой, эта несчастная имѣла ударъ, языкъ отнялся и теперь умираетъ; очень это весело для мужа! Экій срамъ!—Сегодня ѣдетъ въ свой Керчь Вигель, вчера вечеромъ былъ у насъ; очень пріятный малый, и этотъ тебя превозноситъ до небесъ [2]).

*

Москва, 21 Февраля 1827.

Былъ у меня Зандрартъ, долго сидѣлъ, толковалъ про Мамонова. Онъ опять свихнулся. Я писалъ тебѣ о пожарѣ, который такъ

---

[1]) Этого приложенія у насъ не имѣется.—Дмитріевы-Мамоновы, дѣйствительно, происходятъ отъ Рюрика, о чемъ, конечно, зналъ несчастный графъ Матвѣй Александровичъ, въ головѣ котораго дѣйствовала и мысль о близости его родителя къ царскому престолу. Онъ рано осиротѣлъ, и подъ какими вліяніями воспитался, намъ неизвѣстно. И. И. Дмитріевъ (одного съ нимъ родословія), будучи министромъ юстиціи, назначилъ его, еще совсѣмъ юношу, въ Московскій Сенатъ прокуроромъ, чѣмъ и возбуждено было его славолюбіе. Затѣмъ 1812 годъ и полкъ, набранный и содержимый на собственныя средства...

[2]) Въ послѣдствіи, въ Запискахъ своихъ, Ф. Ф. Вигель отзывался о К. Я. Булгаковѣ совсѣмъ иначе.

насъ напугалъ. Comme la Tverskoy est tout près de la barrière, l'épouvante dans la maison de la comtesse*) a dû nécessairement être plus grande. Sandrart courrut tout de suite en bas, trouve le comte agité. Vite un traîneau, dit-il!—Pourquoi?—Je veux aller à l'incendie.—Mais c'est loin, fors de la barrière, m-r le comte.—Il faut que j'y aille.—Mais pourquoi?—Et qui commandera donc, si je n'y vais pas, moi le feldmaréchal suprême? Тутъ началъ ему Зандрартъ выговаривать, что онъ выдаетъ себя то за одно лицо, то за другое. Графъ ему, наконецъ, сказалъ: Vous êtes Satan, il faut en finir, prenez une épée, et battons nous; nous déciderons qui je suis, car je suis César. Oui, j'ai tous les vices de César, mais aussi ses vertus. Sur cela il se met à faire le portrait de César en dépeignant avec crapule ses débauches, ajoutant: et moi aussi.. Ce tableau était si sale que S. lui coupe la parole, ajoutant: Au fait vous n'irez pas à l'incendie, car vous pourriez vous y permettre des actions que moi je peux souffrir de vous, mais pour lesquelles on vous arrêterait dans la rue. Il se rendit à ces raisons, se tût et demanda seulement la permission de descendre dans la rue pour contempler l'incendie, ce qui lui fut accordé. Le lendemain il fut assez calme, mais traita grossièrement S. Этотъ дорого покупаетъ хлѣбъ свой. Онъ меня проситъ побывать сегодня у графа и умоляетъ сдѣлать ему маленькое наставленіе. Никто кромѣ Зандрарта не говоритъ ему правды, поэтому графъ можетъ думать, что З. вретъ; надобно, чтобы другіе еще подтвердили ему тѣже истины. Мои товарищи не хотятъ даже его видѣть теперь, не только говорить съ нимъ; поѣду, попытаю, желая истинной его пользы и вывести его изъ его несчастнаго заблужденія. Завтра тебѣ напишу, что̀ выйдетъ изъ этого. Литературныя его занятія идутъ хорошо, много пишетъ и читаетъ.

*

Москва, 22 Февраля 1827.

Учитель дѣтей, чудакъ Лоди, вчера умеръ крѣпко увѣреннымъ, что его отравила одна Петербургская барыня, которая была ему должна и которой онъ писалъ, что принужденъ будетъ жаловаться Государю. Я его навѣщалъ, бѣднаго, и не могъ его разувѣрить; но онъ плакалъ и благодарилъ, что я его навѣстилъ. Онъ, говорятъ, сынъ побочный славнаго Корсиканскаго Паоли. Фастъ имѣлъ съ нимъ странное условіе. Онъ давалъ ему только половину платы за уроки дѣтскіе, но заплатилъ ему за годъ (или еще два, кажется) впередъ, съ тѣмъ условіемъ также, что ежели Лоди не будетъ ѣздить аккуратно,

*) Т. е. сестры графа Мамонова. Нынѣ это домъ Глазной больницы.

то онъ, Фастъ, въ правѣ его *бить*. Долго Лоди не соглашался, но, наконецъ, рѣшился.

Ну, сударь, вчера былъ я у Мамонова и весьма длинную имѣлъ конференцію, въ продолженіе коей были основательныя сужденія, но и много вздору. Сперва былъ я у Сандрарта, который меня аноисировалъ. Voulez-vous descendre, v. e.?—Volontiers. Хочу я изъ передней идти далѣе, мнѣ люди говорятъ: графъ здѣсь. Я удивился видѣть его тутъ у окна, курившаго сигару. Подошелъ къ нему, поклонился.—Что вамъ угодно, былъ первый вопросъ.—В. с. мнѣ объявили, что посѣщенія мои не будутъ вамъ противны. Видя неприличіе съ нимъ говорить въ передней между лакеями, я прибавилъ: не угодно ли вамъ идти въ тѣ комнаты? Это все равно, отвѣчалъ онъ, но Сандрартъ сказалъ: C'est indigne de vous et de s. e. m-r B. de vous entretenir ici. Тогда пошелъ онъ въ гостиную. Слова de s. e. его поразили и какъ будто были ему непріятны.—Въ какомъ же вы состоите чинѣ?—Я д. с. с. и въ коронацію получилъ камергерское званіе.—Все это вздоръ, вы не можете быть д. с. с.—Когда я вамъ говорю это, то вы можете мнѣ вѣрить; я служу 25 лѣтъ, то неудивительно, что я могъ дослужиться до этого чина. Вы меня гораздо моложе сами, а генералъ-маіоры.—Я все и ничего, отвѣчалъ онъ. Сталъ спиною къ стѣнѣ и началъ, положа руки назадъ, качаться. Замѣть, что мы оба кашляемъ. Я началъ говорить о медикахъ, сталъ ему хвалить Маркуса. Je n'ai besoin, dit-il, de rien, ni de Marcus, ni de médécine, ni de personne; je me porte à merveille. Alors Sandrart ajouta: Oui, m-r le comte, votre physique est sûrement excellent, mais nous parlons du morale. Тогда графъ отвѣчалъ съ улыбкою: N'est-ce pas? Et vous êtes cette *craye*, cette essence sublime qui doit me rendre mes facultés intellectuelles!!—Je ne dis pas cela, m-r le c. А графъ тотчасъ съ насмѣшкою спросилъ меня: въ какой вы пріѣхали каретѣ, въ 4-хъ мѣстной или 2-хъ мѣстной? Я усмѣхнулся самъ и спросилъ, не хочетъ ли онъ, можетъ быть, ѣхать прогуливаться со мною? Je suis incarcéré, dit-il, gardé à vue, tout m'est défendu.—Pas du tout, vous sortez pour prendre l'air et vous jouiriez de toute votre liberté, si on ne craignait que vous en abuserez; il y a des points sur lesquels vous obstinez à être en contradiction avec tout le monde, ce n'est pas bien et cela prolonge seulement sans utilité pour vous les mesures qu'on est forcé de prendre.—Pourquoi ne voulez-vous pas vous ouvrir à s. e.? спросилъ Сандрартъ. Parlez lui franchement. Тутъ отвернулся онъ и, пошедъ въ залу большую, началъ тамъ ходить. Я вошелъ туда также. Онъ опять поклонился, какъ будто не видалъ меня прежде, спросилъ, кто первый членъ въ Архивѣ. Малиновскій се-

наторъ, а я второй. Тутъ вошелъ онъ въ подробности о бумагахъ архивскихъ, говоря: тамъ должны храниться любопытныя хартіи; а тамъ опять, вспомнивъ, видно, мой чинъ, цугомъ ли я ѣзжу. Это вывелось, отвѣчалъ я, даже и Государь и вся царская фамилія ѣздятъ въ четыре лошади. Замолчалъ и вдругъ прибавилъ: Вы все утверждаете таки, что вы генералъ?—Я не генералъ, ибо не служилъ въ военной службѣ, а д. с. с. Зачѣмъ васъ это удивляетъ? Мой младшій братъ тайный совѣтникъ; вы знаете, что онъ избранъ Государемъ вашимъ опекуномъ. Я собираюсь ѣхать въ Петербургъ, не угодно ли вамъ что-нибудь приказать?—Я, отвѣчалъ онъ, не хочу съ вашимъ братомъ быть ни въ письменныхъ, ни въ словесныхъ, ни въ какихъ сношеніяхъ.—Послушайте, графъ, съ терпѣніемъ: ежели уже рѣшена необходимость опеки надъ вами и имѣніемъ вашимъ, то не лучше ли, чтобы опекуномъ былъ человѣкъ честный, благородный и всѣмъ, даже Государю, извѣстный, какъ братъ мой, нежели другой кто? Какъ я ни настоялъ, онъ все упорствовалъ въ молчаніи и смотрѣлъ на меня пристально, а когда Сандрартъ сказалъ: parlez avec s. e., exposez lui vos raisons avec franchise, то графъ вдругъ спросилъ: Будете ли вы на дорогѣ ночевать? Меня это кольнуло, и я сказалъ ему: Конечно я ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить вашу довѣренность, но ежели бы вы знали меня короче, я смѣю ласкать себя мыслію, что вы иначе принимать стали бы мое предложеніе. Si vous me jugez trop sévèrement ne me connaissant pas, au moins donnez moi quelques simples commissions pour Pétersbourg. Vous avez là des connaissances, que dis-je? Mais vous oubliez donc que vous avez une soeur?—On dit que j'ai ou j'ai eu une soeur.—Votre soeur la comtesse Marie existe, elle est à la vérité souvent malade, et c'est en partie à cause de vous; j'irai sûrement la voir à Pétersbourg.—Si vous la voyez, je vous prie de *l'embrasser* de ma part. Mais il y avait une telle absence d'expression quelconque dans ces mots, que je n'ai pu déchiffrer si c'était par tendresse ou dérision qu'il les disait; car un étranger ne pouvait pas être autorisé, par lui surtout, d'embrasser sa soeur. Quand je verrai Marcus, je lui demanderai s'il ne serait pas bon que la comtesse écrivît une lettre à son frère pour le remercier de son souvenir pour elle. Enfin j'ai été le premier à oser lui rappeller qu'il avait une soeur, car Arsénieff soutenait: Ему не надобно и напоминать о сестрѣ, а то онъ взбѣсится. Une autre fois je lui parlerai plus en détail, car cette fois-ci il était mal monté. Sandrart dit, que cela est venu de ce que quand on m'annonça il écrivait, et il jetta la plume pour aller à ma rencontre et, m'ayant trouvé dans la première pièce, il se mit à causer. Peut-être avec le temps s'habituera-t-il à moi. Il serait trop long de vous rapporter toute

notre conversation, j'ai rapporté les traits principaux. Quand je lui demandais: не встревожилъ ли васъ намедни пожаръ?—Меня ничто ни встревожить, ни испугать не можетъ. Je finirai par une particularité nulle en elle-même, mais qui me fournit l'occasion de placer un mot qui me parut embarasser le comte. En parcourant des yeux la salle, je dis: Сколько я веселился, видалъ танцы и пѣнье слышалъ въ этой залѣ! Здѣсь жилъ графъ Чернышовъ.—Какой Чернышовъ? Это чтò *выдаетъ* себя за генералъ-адъютанта?—Нѣтъ, не тотъ; но тотъ не выдаетъ себя, а точно генералъ-адъютантъ Императора, а я говорю о графѣ Гр. Ив.—Это оберъ-шенкъ, отвѣчалъ графъ, а какой *присвоиваетъ* онъ себѣ чинъ?—Онъ не присвоиваетъ себѣ, а имѣетъ точно чинъ д. т. сов.—Гдѣ онъ теперь?—Онъ пріѣхалъ изъ Петербурга.—Зачѣмъ ѣздилъ туда?—Прощаться съ сыномъ.—Сынъ, вѣрно, ѣдетъ въ Грузію?—Нѣтъ, онъ по несчастію осужденъ слѣдственною комиссіею за участіе въ нѣкоторомъ заговорѣ. Графъ сталъ часто посматривать на Зандрарта, а между тѣмъ спрашивать сталъ, какой имѣлъ чинъ Чернышовъ (и все его смѣшивалъ съ генер.-адъют.), противъ кого былъ заговоръ, на какое осужденъ наказаніе Чернышовъ, куда сосланъ, показывалъ довольный видъ и вообще говорилъ съ жаромъ, какого я не примѣчалъ въ прежнихъ разговорахъ. Ежели онъ подлинно былъ замѣшанъ серьезно въ семъ заговорѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, то вѣрно замѣтилъ бы я какое-нибудь смущеніе, а тутъ замѣтно было только любопытство знать все. Я однакоже прервалъ разговоръ. Оставимъ, сказалъ я, этихъ несчастныхъ; надобно все это предать забвенію, а буйнымъ головамъ это урокомъ должно служить. Я говорилъ, что довольно хорошо играю въ бильярдъ, предлагалъ сразиться когда-нибудь; графъ отвѣчалъ: Я не могу играть съ вами, ибо только что въ шаръ попадаю. Надобно бы мнѣ все это отписывать графинѣ, но право недосугъ сегодня. Je vous prie, mon cher, de lire tout cela à la comtesse et de lui remettre le rapport ci-joint de Sandrart. C'est un véritable souffre-douleur, il achète chèrement son pain; car le comte le traite ou avec mépris, ou avec une extrême froideur. Cependant il y a des moments où il le traite avec douceur. Moi, mon cher, je dirai toujours que Marcus et Évenius lui rendent des services éminents; ils ont amené le malade à un état calme, la folie se trouve concentrée dans le seul point de l'orgueil démesuré, point dont il ne sera guerri de la vie. J'irai le voir l'autre fois et, puisque je lui ai déclaré mon droit, je lui parlerai encore plus ferme à l'avenir. On avait habillé à neuf et proprement le comte, mais il a dit que les bretelles le gênent, la cravatte aussi, les bôtes de même et qu'étant chez lui, il pouvait se mettre comme il voulait, à quoi il n'y a eu rien à objecter, il a donc repris son costume d'avant.

Москва, 28 Февраля 1827.

Какое же сомнѣніе, что Мамоновъ помѣшанъ? Графинѣ посылаю я его стихотворенія, о коихъ она меня проситъ; тутъ нѣтъ признаковъ сумасшествія, все плавно и хорошо; за то тебѣ посылаю бумаги совсѣмъ въ другомъ родѣ. Не знаю, ей пріятно ли читать ихъ; не думаю; впрочемъ, оставляю на твою волю, казать ли ей или нѣтъ. Я списалъ ихъ съ оригиналовъ. 1-е. Ты помнишь пожаръ, о коемъ я тебѣ писалъ. Мамоновъ хотѣлъ непремѣнно туда ѣхать, Зандрартъ не позволилъ; графъ, войдя въ кабинетъ, написалъ протестацію. Полюбуйся титулами, кои себѣ присвоиваетъ; смѣшно, что ко всѣмъ симъ почестямъ прибавляетъ онъ титулъ полицейскаго офицера. 2-е. Разговоръ въ Царствѣ Мертвыхъ его доктора Маркуса съ Маркъ - Авреліемъ, въ кои жалуетъ онъ себя. Это очень замѣчательно, ибо онъ тутъ сознается, что онъ безумный и что Маркусъ ему грозитъ холодною ванною и велитъ связать ему руки. Ce dialogue est tout-à-fait plaisant. 3-е. C'est une conversation entre un Ange et l'Ange-Empereur (опять онъ будто); не давали ли ему это имя въ какой-нибудь ложѣ масонской или другомъ обществѣ? Онъ что-то часто называетъ себя Ангеломъ. Покуда пишу тебѣ о немъ, приходили уже трое требовать деньги по счетамъ графскимъ. Право срамъ, что заставляютъ кричать и жаловаться, тогда какъ деньги эти признаны законными, а деньги у Арсеньева лежатъ. Я жду только указъ свой изъ опеки, чтобы напасть на моихъ товарищей.

*

Москва, 5 Марта 1827.

Лодеръ былъ у меня болѣе часу вчера, разсказывалъ мнѣ предлинную рацею, какъ онъ покойному Государю подносилъ какую-то славную книгу медицинскую, надъ которою работаетъ 20 лѣтъ и коей одни planches стоятъ ему болѣе 10 т.; какъ онъ эту книгу огромную хотѣлъ царствующему Императору поднести, какъ Государь велѣлъ ему черезъ твоего князя*) написать, что желаетъ, чтобы посвященіе оставалось покойному Государю, хотя самъ и пріемлетъ книгу etc. etc. Да полно, не разсказываетъ ли онъ самъ тебѣ въ письмѣ своемъ, здѣсь прилагаемомъ, всю эту исторію? Дѣло въ томъ, pour en finir, что онъ проситъ тебя убѣдительно посылки сіи (распечатавъ ихъ, найдешь внизу надпись въ Лондонъ, какъ слѣдуетъ) отправить надлежащимъ образомъ въ Лондонъ; тутъ доски или оригинальные рисунки, кои должны быть выгравированы въ Лондонѣ. Возьми на себя этотъ трудъ.

*

*) Т. е. князя А. Н. Голицына: онъ продолжалъ вѣдать почту и ея тайны.

Москва, 7 Марта 1827.

Побранилъ я молодого Соболевскаго, который осмѣлился сюда [1]) пріѣхать въ сюртукѣ. L'Archive n'est pas une auberge, m-r. — Mais j'ai cru que vous ne viendriez pas aujourd'hui. — Mais ce n'est pas de moi qu'il s'agit, vous devez plus de respect au portrait de l'Empereur que voici, qu'à ma personne; je vous aurais plutôt pardonné de venir en surtout chez moi qu'ici. Извинялся и самъ почувствовалъ свою ошибку. Ему товарищи прежде уже говорили, что это негодится, но онъ не послушался, и потому я его не поберегъ, а то сказалъ бы ему тоже, но съ глазу на глазъ. Надобно молодчиковъ проучивать[2]).

*

Москва, 10 Марта 1827.

Ты, я думаю, помнишь молодого Свербеева, бывшаго при Швейцарской миссіи съ Крюднеромъ; онъ только-что женился на молодой княжнѣ Щербатовой. Онъ занемогъ горячкою, и говорятъ, что болѣзнь беретъ дурной оборотъ.

Я оканчиваю письмо это въ Архивѣ, куда сегодня и Малиновскій явился: есть бумаги отъ графа[3]) и Блудова, по коимъ надобно рыться и сдѣлать исполненіе. Сенаторъ очень меня благодарилъ за стараніе твое о Егоровѣ и предлагалъ мнѣ въ замѣну свои услуги, въ чемъ ему можно будетъ.

Вяземскій пишетъ мнѣ узнать черезъ Маркуса о состояніи Свербеева и прибавляетъ: сдѣлай одолженіе, напиши брату, чтобы онъ мнѣ прислалъ черезъ тебя книги, ему для меня изъ Дрездена отъ Жуковскаго и Тургенева присланныя. Мнѣ эти книги нужны по моимъ журнальнымъ занятіямъ [4]).

*

Москва, 11 Марта 1827.

Зима наша хоть куда, т. е. новая. Морозъ, и снѣгу болѣе теперь, нежели когда-либо, а были дни такіе весенніе, что я поэта Пушкина видалъ на бульварѣ въ одномъ фракѣ; но правда и то, что пылкое воображеніе стóитъ шубы.

*

---

[1]) Т. е. въ Архивъ, гдѣ Булгаковъ начальствовалъ вмѣстѣ съ Малиновскимъ.

[2]) Этому молодчику (впослѣдствіи извѣстному библіофилу) было тогда 24 года. Мать его, Анна Ивановна Лобкова, давала ему большія средства къ жизни, и онъ отличался щегольствомъ въ одеждѣ, красивою упряжью и нѣкоторымъ нахальствомъ.

[3]) Т. е. отъ графа Нессельроде.

[4]) Князь Вяземскій въ то время сотрудничалъ Н. А. Полевому въ изданіи „Московскаго Телеграфа“.

Москва, 12 Марта 1827.

Вчера было совѣщаніе по дѣламъ князя Мих. Петров. Голицына; милліонъ 400 т. долгу обозначены на залогахъ, это все уплатится, а милліонъ 800 т. безъ обезпеченія, этимъ достанется по 15 или 20 копѣекъ на рубль. Голицынъ имѣлъ безстыдство показать, что разоренъ былъ Французами: ему доказали, что онъ послѣ 12 года продалъ имѣніе на два милліона почти; онъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это для заплаты долговъ. Какъ же, безъ особенныхъ несчастій, долги не только не истребились или уменьшились, но вдвое возросли? Никто не понимаетъ этой загадки, и думаютъ, что онъ перевелъ капиталы въ чужіе края. Съ нашимъ Бравурою нехорошо онъ поступилъ: онъ у него просилъ 6300 р. по 40 на сто на 4 мѣсяца, а Бравура отвѣчалъ, что онъ не Жидъ, а очень радъ, что можетъ князя ссудить сею суммою, взявъ съ него 6 процентовъ, и далъ; теперь онъ бѣдный за свою честность долженъ терять свои деньги.

*

Москва, 16 Марта 1827.

Здѣсь слухъ, что въ Парижѣ умеръ князь Тюфякинъ. И не вѣрится, скажетъ Губанъ Голицынъ, ибо этотъ обанкрутившійся князекъ наслѣдникъ Тюфякинскаго материнскаго имѣнія, а оно составляетъ 2000 душъ. Между тѣмъ его согнали изъ дому, и онъ живетъ у князя Серг. Мих. Голицына, который опредѣлилъ ему по 2000 р. въ мѣсяцъ пенсіи. C'est un beau trait de la part du prince Serge. On a beau dire qu'il est riche: il pouvait autrement employer cet argent. Un autre aurait nourri des ressentiments contre le prince Michel, dont le prince Serge était l'héritier.

*

Москва, 17 Марта 1827.

Не знаю, писалъ ли я тебѣ о странной ссорѣ, бывшей въ клобѣ? Нѣкто Щукинъ подаетъ мнѣніе, чтобы члены имѣли право не платить за цѣлый ужинъ, а требовать только одного такого-то блюда и платить за одну только порцію. Противъ сего возстало большинство, и возраженіе писано было профессоромъ Давыдовымъ. Слушая оное, профессоръ Каченовскій былъ пораженъ слогомъ, спросилъ, кто писалъ и узнаётъ, что это Давыдовъ, другъ его, съ коимъ въ Университетѣ они всегда одного мнѣнія. Тутъ началъ онъ ему выговаривать, что таилъ отъ него мнѣніе свое, сталъ убѣждать, чтобы отступился отъ онаго; но Давыдовъ не согласился, и теперь два профессора, бывшіе друзьями, поссорились за порцію кушанья. Этотъ вздорный споръ вооружаетъ одну часть Англійскаго клоба противъ другой, какъ важное

какое-нибудь дѣло, и вчера еще былъ большой шумъ, а въ Субботу станутъ балотировать вздоръ этотъ, и я тебя этимъ вздоромъ потчую, не имѣя ничего лучшаго писать [1]).

*

Москва, 18 Марта 1827.

Вяземскій написалъ біографію графа Арк. Ив. Маркова и просилъ меня достать ему нѣкоторыя справки изъ Архива; надобно было рыться почти цѣлое утро, но наконецъ исполнилъ его комиссію [2]). Перебралъ множество старыхъ календарей и бумагъ.

Москва, 23 Марта 1827.

Вчера былъ у насъ Малиновскій и сидѣлъ болѣе часу. Очень и онъ, и всѣ жалѣютъ о преждевременной кончинѣ бѣднаго Веневитинова. Прекрасный былъ молодой человѣкъ. Мать, сказываютъ, въ ужаснѣйшемъ положеніи. Княгиня Зенаида объявила ей о несчастіи, ее постигшемъ. Не завидная комиссія! Всѣ Архивскіе товарищи, любившіе очень покойника, плачутъ, какъ о братѣ.

Москва, 29 Марта 1827.

Споръ въ клобѣ кончился и не въ твою пользу: ужинъ остался попрежнему, порціи одной требовать нельзя, кромѣ бутерброда, размазни и жаркого. Послѣднее, видно, тебѣ въ угодность. Выбрали новыхъ старшинъ, а именно: губернатора Безобразова, Ив. Ив. Дмитріева, Масальскаго, Ив. Дмитр. Нарышкина, князя Серг. Ал. Волконскаго, князя Павл. Павл. Гагарина и Горяинова. Были интриги для избранія нѣкоего Гейера (бывшаго любовника княгини Вар. Юрьевны Горчаковой), да не удалось.

Какъ скоро статья Вяземскаго о гр. Марковѣ выйдетъ въ Телеграфѣ, я тебѣ сообщу. Желательно бы что-нибудь подробнѣе, но и это хорошо.—Видно, Дибичъ все дѣло сладилъ, что Паскевичъ ѣдетъ оттуда, да и его самого сегодня ожидаютъ въ Москву. Въ Комиссаріатѣ и госпиталѣ военномъ все приготовлено на показъ ему.—И поэтому надобно полагать, что Долгоруковъ [3]) у васъ останется, что переводитъ сына изъ Архива въ Коллегію. Всѣ его товарищи сенаторы крѣпко добиваются, что будетъ съ нимъ; иные любятъ его, иные нѣтъ,

[1])

Въ палатахъ Англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба)
Безмолвно, въ думу погруженъ,
О кашѣ прѣнья слышитъ онъ.

[2]) Когда пишущій эти строки служилъ въ Архивѣ, директоръ онаго кн. М. А. Оболенскій (племянникъ графа Маркова по матери своей) поручилъ ему заняться бумагами этого дѣятеля. Отсюда вышла біографія графа А. И. Маркова, напечатанная въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 года, т. е черезъ 30 лѣтъ послѣ статьи о немъ князя П. А. Вяземскаго.

[3]) Князь Алексѣй Алексѣевичъ, министръ юстиціи.

третьи, а можетъ и всѣ—завидуютъ!—Скажи графинѣ, что братъ ея говѣетъ, ѣздитъ къ обѣднѣ въ свой приходъ; все это хорошо, увидимъ, чтò будетъ, какъ дойдетъ до причастія. Духовникъ и прошлаго года послѣ исповѣди объявилъ, что не можетъ его допустить до причастія. Булгаринъ расписалъ въ Пчелѣ своей концертъ Шимановской довольно надуто. Вчера въ клобѣ читалъ громко Вяземскій, а Ив. Ив. Дмитріевъ и Пушкинъ Александръ смѣялись, дѣлая критическія замѣчанія *).

*

Москва, 4 Апрѣля 1827.

Ну, братъ, поѣздилъ я вчера съ визитами; слушай и считай: у князя Дм. Вл., Филарета, Обольянинова, Корсакова, Чернышовыхъ, Обрѣзковыхъ, Малиновскаго, Растопчиной, Нарышкиной и Милашевичевой (которая не на шутку слегла), Курбатова, князя Сер. Мих. Голицына, Юсупова, Арсеньева, Фонъ-Визина, графа Мамонова (но не видалъ), Глѣбовой, Черткова, княгини Кат. Ал. Волконской, Л. А. Яковлева, тестя; кажется все, да кажется и довольно.—Только въ городѣ и разговору, чтò о Ермоловѣ съ разными толками. Онъ имѣетъ сильную партію, но ежели судить безпристрастно, не по прежней его репутаціи, то чтò же сдѣлалъ онъ въ 10 лѣтъ и страшными способами, которые были ему даны? А какъ было ему не предвидѣть, не предупредить это дерзкое вторженіе въ наши предѣлы такого человѣка, каковъ Абасъ-Мирза? Я сужу впрочемъ, какъ слѣпой. Всякій спрашиваетъ, чтò съ Ермоловымъ будетъ? Какъ не попалъ ни въ Совѣтъ, ни въ другія назначенія, какъ не смягчено удаленіе его и пр.? Можетъ быть, и было ему предложено; но онъ по нраву своему все отказалъ, предпочитая отставку. Иные говорятъ, что онъ здѣсь остается; другіе, что купилъ уже домъ гдѣ-то въ Крыму. Слухъ здѣсь носится о войнѣ съ Турками. Ты знаешь, что Москва не можетъ жить безъ вѣстей и предположеній

*

Москва, 9 Апрѣля 1827.

Ну, братъ, какъ обрадовалъ ты Волковыхъ! Получа приказъ, я тотчасъ къ нему; нѣтъ дома ни его, ни славной женщины. Досадно! Сажусь, пишу записку и приказываю жандарму отыскать его, гдѣ бы ни былъ, а нельзя его, то Софью Ал. Воротясь домой, Наташа говоритъ: mais allez aux качели; ils sont là sûrement. Я подъ Новинское, это недалеко. Первое лицо въ толпѣ Волковъ, въ синемъ своемъ мундирѣ. Я ну его цѣловать и поздравлять: Mon cher, je n'y croirai que quand je verrai le приказъ...—Да братъ пишетъ.—Братъ пишетъ; да кабы было вѣрно, то прислалъ бы

*) Тогда въ Москвѣ жилъ и Мицкевичъ (женившійся позднѣе на дочери славной піянистки Шимановской).

приказъ.—Экой ты неугомонный, ну вотъ тебѣ и приказъ. Взялъ меня за руку.—Ну, пойдемъ искать жену—искать, искать, — наконецъ видимъ идущую, летящую къ намъ славную женщину съ радостной улыбкой. Я спрятался.—Mon bon ami, j'ai à vous annoncer une bonne nouvelle.—Чтò такое?—Пашка-офицеръ.—Вздоръ!—Право, вотъ читай записку Булгакова, мнѣ ее привезъ жандармъ сію минуту.—Да вздоръ, Сонюшка. Сколько разъ насъ обманывали, вѣдь приказа нѣтъ? Нѣтъ! —Да вѣрно будетъ. Какъ ты смѣшонъ? Чѣмъ бы самому радоваться, а ты мою радость портишь. Ужъ тутъ я не стерпѣлъ: вынимай, варваръ, жандармская душа, приказъ; дай прочесть офицерской матери патентъ родимаго сынка. Оба, особливо Соф. Ал., были внѣ себя отъ радости. Тотчасъ схватили съ улицы жандарма и отправили верхомъ къ М. И. Корсаковой съ приказомъ и поздравленіями, меня потащили насильно къ себѣ обѣдать и пили Шампанское за здравіе de m-r l'officier.—У тестя былъ пиръ на весь міръ, какъ и всякій годъ; ты знаешь, что въ Пятницу бываетъ гулянье на Пречистенкѣ. Я тутъ обрадовалъ также княгиню Долгорукову, которая не знала ничего о лентѣ мужа ея. О, Боже мой! Видѣлъ я тутъ, чтò это свѣтъ? Это женщина (простая и тихая), съ которою прежде и говорить никто не хотѣлъ; теперь всѣ вились около нея, а сенаторъ Кашкинъ сбилъ было другого сенатора Каверина съ ногъ, промчась мимо его, чтобы идти дать руку и вести за столъ княгиню Долгорукову, потому что Обольяниновъ объявилъ, что его знакомый читалъ рескриптъ Государя къ кн. А. А. о бытіи его на мѣсто Лобанова. Князь Дм. Вл. меня спрашиваетъ, правда ли это; я отвѣчалъ, что это дѣло сбыточное, но что по послѣднимъ письмамъ изъ Петербурга отъ 4-го этого еще не было, и что князь А. А. тебѣ сказалъ, что ждетъ просухи, чтобы ѣхать въ Москву. Я васъ увѣрить смѣю, сказалъ Обольяниновъ, что Долгоруковъ министромъ и сюда не возвратится.—А я думаю, отвѣчалъ я ему, что ежели князь и будетъ министромъ, то все-таки пріѣдетъ въ Москву, чтобы разъ навсегда устроить свои дѣла. Весь этотъ вечеръ прошелъ въ спорахъ pour et contre. Я желаю, чтобы это было для пользы службы, да и съ княземъ А. А. былъ я всегда въ хорошихъ очень сношеніяхъ.

Вчера Ричша собирала для бѣдной Фензи, коей мужъ умеръ нищимъ; я далъ половину своего выигрыша въ мушку 25 р.; весело разсказывать черты добродѣтели: это такъ рѣдко бываетъ. Анти по примадонничеству была во враждѣ съ Фензи, теперь къ ней поѣхала и говоритъ: Я ѣду въ деревню на два мѣсяца, квартира моя въ городѣ нанята до Августа, переѣзжайте въ нее жить, какъ хозяйка, тутъ мебель, дрова, все, чтò надобно; пользуйтесь симъ, примите оное, вы

меня осчастливите, а я васъ довезу до любого города Италіи: вамъ путешествіе не будетъ стоить ничего, а мнѣ ни копейки лишняго. Другая черта еще трогательнѣе: у Фензи есть слуга Венеціанецъ, который 13 лѣтъ имъ служитъ. Онъ дѣлался ей бременемъ послѣ смерти мужа; но какъ его отпустить, не заплативъ ему 140 (рубл.), кои онъ въ 13 лѣтъ заработалъ? Слуга, замѣтя, что это мучаетъ его барыню, пришелъ къ ней и говоритъ: Я знаю, что вы заботитесь обо мнѣ; плачьте о мужѣ вашемъ, а меня забудьте. Зачѣмъ я такъ долго вамъ служилъ? Затѣмъ, что вы бѣдные, но добрые люди; другому надобно бы вамъ платить, а я служилъ такъ, подъ видомъ, что накоплю себѣ капиталъ; этой мысли не было у меня никогда, я не хотѣлъ васъ обидѣть, предложивъ служить безплатно. Я одинъ, на что̀ мнѣ деньги? Вы меня кормили, одѣвали. Я имѣю двѣ руки и здоровъ, стану работать и добывать вамъ, что̀ могу, а какъ ослабну, то все-таки довольно останется у меня силъ, чтобы идти просить милостыню: просить буду для себя, пусть меня укоряютъ, какъ всѣхъ нищихъ, а что̀ сберу, будетъ для васъ же. Я васъ только прошу не говорить объ этомъ и любить попрежнему вашего слугу. Бѣдная Фензи могла только рыданіями отвѣчать, но свыше ея силы было утаить такой добродѣтельный поступокъ. Сердце радуется, что встрѣчаются еще такія души и чувства въ развращенномъ этомъ свѣтѣ. Бѣдный Фензи пріѣхалъ сюда съ 13 т. капитала, по несчастію въ такую минуту, что̀ былъ здѣсь Ромбергъ; соперничество это ему повредило, и нача̀ло было дурно; послѣ имѣлъ онъ разныя несчастія и неудачи, впалъ въ меланхолію и болѣзни, кои его разорили, а наконецъ и умеръ, оставя платье, которое имѣлъ на себѣ.

*

Москва, 12 Апрѣля 1827.

Кривцовъ и въ Нижнемъ не сдобровалъ. Его жена здѣсь и все не ѣхала; подожду, сказала она Исленьевымъ, того и гляди, что мужъ что-нибудь и тутъ напроказитъ, и что его отставятъ; такъ и вышло. Экой чудакъ! А всѣ говорятъ, что человѣкъ честный и благонамѣренный. Ты пишешь, что на его мѣсто вице-губернаторъ, но не говоришь какой; видно, забылъ ты прибавить слово *вашъ*, ибо точно Храповицкій назначенъ въ Нижній: ему пишетъ это генералъ-адъютантъ и cousin Храповицкій. А нашъ бывшій вице-губернаторъ взялъ дилижансъ и скачетъ въ Петербургъ отговариваться отъ губернаторства этого, желая быть въ Орлѣ или Смоленскѣ.—Это, видно, Лиза Строгонова выходитъ за Салтыкова; а я съ другимъ его братомъ, что̀ женатъ на княгинѣ Горчаковой дочери (de l'ouvrage de m-r Geyer), игралъ намед-

ни въ мушку у княгини Волконской. Какой онъ тщедушный! За то она плотна и, вѣроятно, пойдетъ по матушкѣ.

*

Москва, 14 Апрѣля 1827.

Меня разбудили въ $4^1/_2$ часовъ. Я забрался на чердакъ (faute d'observatoir), чтобы видѣть униженіе величественнаго свѣтила. Вся та сторона неба имѣла какой-то розовый, прекрасный цвѣтъ. Къ пяти часамъ начало показываться солнце, походившее на луну, когда, еще отражаемая солнечными лучами, имѣетъ она нѣкоторую красноватость. Облачка мѣшали хорошо видѣть, но въ пять часовъ (по моимъ часамъ) показался изъ-за облаковъ рогъ, который по мѣрѣ, что̀ поднимался, дѣлался чище. Наконецъ, показался прекрасно изображенный шифръ твой Французскій, то есть С; часть А была какъ золотая, а В совершенно черная. Видъ этого солнца возбуждалъ какое-то странное чувство. Когда видишь вещь 44 года сряду однимъ манеромъ, то мудрено вдругъ найти столь большое измѣненіе. Я не могъ воздержаться, человѣкъ любитъ сообщать другому чувства свои, а особенно удивленіе. Я къ женѣ—она спитъ. При нездоровьѣ ея, сонъ лучше затмѣнія, я не рѣшился ее разбудить (хотя теперь и пеняетъ мнѣ), но разбудилъ дѣтей, кои восхищались зрѣлищемъ этимъ. Послѣ пяти минутъ сдѣлалась перемѣна, правая сторона солнца освѣтилась такимъ образомъ: пятно черное было гораздо чернѣе, нежели прежде, и свѣтлая сторона не образовала столь хорошо нарисованнаго С, хотя и въ обращенномъ видѣ, какъ прежде. Лучи были не ярки, имѣли какую-то розовую оттѣнку вмѣсто огненной. Сторона А была чрезвычайно черна, точно какъ бы черный островокъ, плывущій въ золотомъ морѣ; глазомъ мнѣ казалось видѣть безпрестанное движеніе острова сего. Какъ орелъ, могъ я смотрѣть на солнце безъ малѣйшаго ослѣпленія. Пятно все увеличивалось, солнце болѣе восходило и имъ наполнялось, а въ шесть часовъ пришло въ свое обыкновенное положеніе, и нельзя уже было смотрѣть на него. Не знаю, понялъ ли ты что-нибудь? Laplace, Piazzi и даже нашъ Виленской Почобутъ лучше бы тебѣ объяснили гораздо. Сказалъ, какъ умѣлъ, а Гаазъ и Фишеръ, чтобы не прогулять затмѣнія ночевали... гдѣ ты думаешь? На Иванѣ Великомъ!

*

Москва, 13 Апрѣля 1827.

Wolkoff*) déploye une grande activité, et il est continuellement chargé de commissions, qui toutes tendent à extirper les abus et les vols. Не-

*) А. А. Волковъ, близкій другъ А. Я. Булгакова, который звалъ его Сашкою, а по кончинѣ его напечаталъ особою книжкою его біографическій очеркъ, былъ въ Москвѣ первымъ начальникомъ незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго жандармскаго управленія.

давно обыграли молодого Полторацкаго*), что̀ женать на Киндяковой, на 700 т. р.; тутъ потрудились Американецъ Толстой и Исленьевъ, а теперь извѣстный разбойникъ Нащокинъ обдулъ какого-то молодого человѣка, коего увезъ играть въ Серпуховъ. Какъ накажутъ путемъ одного изъ сихъ мерзавцевъ, то перестанутъ играть.

*

Москва, 15 Апрѣля 1827.

On parle de l'éclipse. Peu de personnes l'ont vu, car beaucoup de monde met le sommeil au-dessus de tout, et l'éclipse a eu lieu à 4 heures et ½ du matin. Le prince Dmitri a été la voir sur Иванъ Великій. C'est tout naturel: un aussi grand personnage ne pouvait observer un aussi grand phénomène que cramponné sur un aussi grand clocher; а я, кажется, писалъ тебѣ, что Гаазъ тамъ и ночевалъ, чтобы не прогулять затмѣнія. Онъ дѣлаетъ подробное оному описаніе. Завтра все это забудутъ. Случилось бы это въ Парижѣ, то показались бы куплеты, карикатуры, литографіи, а можетъ и водевили, а ужъ конечно какія-нибудь котлетки или моды à l'éclipse annulaire.

*

Москва, 19 Апрѣля 1827.

Моя жена, какъ ребенокъ, радуется. Ты помнишь, что старичокъ Нечаевъ, недавно умершій, оставилъ завѣщаніе; но оно такъ безтолково и противозаконно, что нельзя оное исполнить. Объ имѣніи будутъ долго спориться разные претендаторы. Между тѣмъ, въ завѣщаніи сказано также было: Н. В. ея пр-ству Булгаковой перстень. C'est parler clair; aussi m-r Poloudensky, l'exécuteur testamentaire, m'a prié de passer ce matin aux Enfants Trouvés; il m'a apporté la cassette du défunt, dans laquelle il y avait tous les bijoux qu'il a laissés, et m'a donné à choisir entre 16 bagues (toutes reçues de la magnificence de l'Impératrice-Mère) celle qui me plairait le plus. Comme dans ce cas il faut toujours trouver plus joli ce qui est plus riche, j'ai choisi un monstre dépourvu d'élégance, mais qui a été taxé 4000 r. au Cabinet. Cela vaut toujours plus de 3000. Il y a une émeraude au milieu et des diamants assez grands autour. Наташѣ очень понравился даровой конь, а потому и въ зубы ему не смотрѣла, а надѣла на палецъ; полъ-руки закрыто отъ перстня, и она ходитъ, какъ павлинъ. Это хорошо, но что̀ еще лучше перстня, это то, что ей лучше да лучше самой: показался славный аппетитъ и цвѣтъ въ лицѣ.—Я получилъ пренѣжную записку отъ нѣжнаго Малиновскаго, который спрашиваетъ,

*) Это Сергѣй Дмитріевичъ, уже тогда занимавшійся библіографіею.

каково здоровье *ея пр-ства* Н. В., и когда я ѣду? J'ai trouvé *ея пр-ство* bien ridicule dans sa bouche. Отвѣть, что ея пр-ству лучше, а я скоро ѣду и пріѣду съ нимъ проститься *).

*

Москва, 21 Апрѣля 1827.

Можно было предвидѣть, что Государь утвердитъ дилижансы до Радзивилова. Этому весьма согласенъ и ты, и публика должна весьма радоваться. Ревельскій дилижансъ вѣрно тоже устроится.—Вчера былъ концертъ въ пользу бѣдной Фензи. Много было, собрали 4000 р., вся Италія пѣла; а публика, похваляя ихъ прекрасный поступокъ, привѣтствовала ихъ продолжительными рукоплесканіями. Фильдъ только измѣнилъ: напился пьянъ, да такъ, что ежели бы не приставили піявки къ горлу, у него было бы воспаленіе. Экой чудакъ! Новосильцовъ сказывалъ мнѣ тутъ, что дѣло Французской труппы не состоялось; все было уже слажено и представлено на утвержденіе государево, но князь П. М. пишетъ князю Дм. Вл. и, посылая ему въ оригиналѣ рапортъ Кокошкина, прибавляетъ: вы увидите сами, что, по настояніямъ директора театральнаго, учрежденіе Французскаго театра въ Москвѣ допущено быть не можетъ безъ явнаго подрыва дирекціи. Всѣ бѣсятся на Кокошкина, особливо Юсуповъ. Да вѣдь была же здѣсь Итальянская труппа, а подрыву дирекціи не дѣлала? Въ Русскій театръ ѣздитъ совсѣмъ другой свѣтъ, а балеты все-таки навѣщала бы вся публика.

Дѣло Полторацкаго не хорошій беретъ оборотъ: его обыграли на 700 т. Онъ писалъ пресильное письмо и жалобу князю Дм. Вл., разсердясь, что не хотѣли съ нимъ мириться и сдѣлать уступку. Играло тутъ много: называютъ Исленьева, Голицына, что̀ женатъ на Кутайсовой, Пашкова и другихъ. Волковъ слѣдуетъ это дѣло.

Вчера за обѣдомъ пили три здоровья. Трубы три раза поднимали насъ со стульевъ. Одинъ пьянюшко сказалъ: J'aime la trompette à cause des santés et les santés à cause du Champagne. А дѣло-то было triplicato.

*

Москва, 22 Апрѣля 1827.

Новосильцовъ сказывалъ мнѣ, что есть указъ Сенату судить Витберга, къ которому приставленъ часовой, а также и къ Руничу и тремъ другимъ, въ комиссіи сей засѣдающимъ. Никто о Витбергѣ не жалѣетъ; онъ былъ очень дерзокъ въ обхожденіи своемъ со всѣми. Симъ

---

*) А. Я. Булгаковъ собирался къ брату своему въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ довольно долго.

теряетъ онъ право на участіе и снисхожденіе. На Кокошкина всѣ косились. Онъ лишилъ публику удовольствія. Вчера поутру былъ онъ у князя Дм. Вл.; видно, оправдываться. Новосильцовъ доложилъ. Dites que je n'y suis pas, dites ce que vous voulez: je ne veux pas voir cette figure, отвѣчалъ князь. Новосильцовъ, выйдя изъ кабинета, пустилъ Кокошкину каламбуръ, сказавъ ему: князь видѣть васъ не можетъ! Всѣ на этомъ обѣдѣ наполнены были новостью, написанною Дегаю изъ Петербурга, что князь Дмитр. Ив. Лобановъ боленъ, и что нашъ Арсеній правитъ его должность. Это было бы не секретъ, и вѣрно ты бы мнѣ написалъ, тѣмъ болѣе, что ты говоришь мнѣ о Закревскомъ въ послѣднемъ письмѣ твоемъ. Да и съ какой стати Закревскому, который не переставалъ быть Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, занимать другое мѣсто? Всѣ со мною спорили, je les laisse dire. Тутъ нѣтъ ничего дурного для нашего общаго пріятеля.

*

Москва, 23 Апрѣля 1827.

Когда будешь писать доброму Каподистріи, ото всѣхъ насъ поклонъ дружескій. Я отнялъ у Свербеева портретъ его литографированный и довольно похожій, съ простою надписью внизу *Capodistrias*. Не знаю, есть ли онъ у тебя. По этому портрету, онъ очень состарился и похудѣлъ.

Намедни какъ я удивился! Иду съ Фастомъ пѣшкомъ къ Николевой; вижу вдали идетъ къ намъ навстрѣчу женщина одна одинешенька, въ вуалѣ, безъ человѣка, разряжена. Фастъ говоритъ: посмотри-ка, вѣрно это дѣвка?—Нѣтъ, это должно быть иностранка, отвѣчалъ я. Только какъ поравнялись, вышло, что это княгиня Зенаида, съ коею я остановился и говорилъ. Фастъ отчего-то не одобрилъ этого. Какъ можно, говоритъ онъ, ходить такъ одной! Ну какъ нападетъ *собака*? Кому до чего, а Фасту все до собакъ, какъ будто собака не можетъ укусить и гренадера: опаснѣе гораздо молодчики и хваты. Какъ схватитъ эдакій въ объятья да станетъ цѣловать и къ себѣ прижимать, такъ не прогнѣвайся Зенаида: у нея на лбу не написано, кто и что̀ она?

Умеръ извѣстный богачъ и скряга, князь П. И. Гагаринъ*), тотъ, коего Норовъ обдулъ. Онъ оставилъ бездну денегъ и большое имѣніе. Бо́льшая часть достанется князю И. А. Гагарину, что̀ живетъ съ Семеновой. On suppose qu'à présent il va l'épouser et légitimer par là les enfants qu'il a d'elle. Теперь Гагарину придется возиться съ Норовымъ. А старикъ умеръ, имѣя подъ головами ломбардные свои би-

*) Въ Росс. Родосл. Книгѣ кн. Долгорукова, № 174-й.

леты. По увѣреніямъ иныхъ, остается 3 милліона денегъ, а другіе говорятъ, что чистыхъ только 750 т., да на столько же векселей, изъ коихъ большая часть съ залогами. Это годится, особливо многодѣтному князю Ивану Александровичу.

*

Москва, 27 Апрѣля 1827.

Покража у Полетики довольно странна, и кажется, воръ долженъ отыскаться. А меня у Зенаиды какъ душилъ Волконскій-заика: поймалъ меня на лѣстницѣ, да все провожалъ и держалъ полчаса, разсказывая. Какая со мной бѣда, ты не слышалъ?—Нѣтъ! (хотѣлъ сказать да, чтобы избавиться длинной скучной реляціи).—Вообрази (я стану чрезмѣрно сокращать), вообрази, что ложусь спать по обыкновенію, сплю, просыпаюсь, иду въ кабинетъ—ничего—иду въ садъ, гуляю, возвращаюсь опять въ кабинетъ—ничего—иду къ женѣ, завтракаю—ничего—возвращаюсь въ кабинетъ, опять ничего, одѣваюсь—хвать! Что-же? Вообрази себѣ — не нахожу своихъ часовъ и.... двухъ полуимперіаловъ! Куда дѣвались? Просто ук...ук...кккрали! Насилу фатальное слово выговорилъ. Стоило труда такъ долго разсказывать? Я думалъ, что милліонъ пропалъ. Увидавши тутъ Шульгина *), я пожалѣлъ о немъ, и подлинно, мой заика впился въ него и не далъ ему и «Танкреда» послушать. Охъ, куда тяжелъ этотъ князекъ!

Вообрази, что старику-богачу Гагарину было 114 лѣтъ. Это видно по купчей, которую у него нашли. Какая-то тетка отказала ему имѣніе, когда онъ былъ еще малолѣтній, 6 лѣтъ, а актъ написанъ 1719 года. Каковъ же молодецъ! А на лицо глядя, нельзя было дать ему болѣе 80. Намъ, братъ, до этого не дожить, но онъ цѣлый вѣкъ жилъ безъ заботъ.

*

Москва, 28 Апрѣля 1827.

Мамонову гораздо лучше: самъ забралъ Маркуса, который возвратилъ ему свободу, перья, бумагу и книги; очень желаетъ скорѣе переѣхать на дачу. Вчера мы осматривали Васильевское съ Фонъ-Визинымъ, а сегодня онъ ѣдетъ въ Дубровицы, чтобы перевезти оттуда библіотеку; а то она совсѣмъ тамъ сгніетъ, будучи въ большой, холодной, сырой залѣ. Графъ самъ заговаривалъ о сестрѣ своей, называя ее *сестрою*, а мнѣ тогда говорилъ: on dit que j'ai ou que j'ai eu une soeur. Совершеннаго излѣченія не надобно ожидать, это невозможно, но успѣхи очевидны: онъ все-таки въ лучшемъ положеніи, нежели былъ. Арсеньевъ подалъ въ отставку. Фонъ-Визинъ безъ меня или другого опекуна порядочнаго оставаться не хочетъ. Я пересматривалъ всѣ бумаги, касающіяся до управленія имѣніемъ, и могу тебя увѣрить,

*) Московскаго оберъ-полицмейстера.

что хозяйственнѣе, порядочнѣе и полезнѣе для опекаемаго управлять имѣніемъ невозможно. Время, впрочемъ, все это покажетъ и, ежели графиня не возмется сама за управленіе (и Богъ знаетъ, лучше ли будетъ тогда), то очень умно сдѣлаетъ, оставя все, какъ оно есть.

*

Москва, 2 Мая 1827.

Такого 1-го Мая никто не запомнитъ. Точно лѣто! Я на своемъ термометрѣ въ *тѣни послѣ обѣда* видѣлъ 21 градусъ теплоты. Гулянье было прелестнѣйшее, только пыль ужасная. Я ѣздилъ одинъ съ дѣтьми; насъ затащилъ къ себѣ въ палатку Шепелевъ, у коего былъ весь beau-monde. Онъ ознакомилъ своихъ дочерей съ моими. Потчиванье было превеликолѣпное, только куда мало хорошихъ экипажей! То ли бывало въ старину? Слова эти доказываютъ, что и я становлюсь старъ, ибо молодые не въ правѣ говорить о томъ, чего не видали. Замѣтилъ я также то, что много было безобразныхъ костюмовъ, особенно мужскихъ; также посмѣялись мы и надъ щеголихами. Я такъ усталъ отъ зѣванія и пыли, что въ одиннадцатомъ часу легъ спать, прогнавши Попандопуло съ женою, а они было пріѣхали на вечеръ, но въ это Воскресенье не было у насъ ничего. И эскулапъ [1]) также каталъ свою чету въ коляскѣ.

Боренька веселитъ публику Петербургскую, а вчера отецъ его задавалъ обѣдъ молодежи въ рощѣ; а ея отецъ сказывалъ мнѣ, что она пишетъ, что ей очень скучно въ Петербургѣ. Да съ Боренькою гдѣ не соскучишься, хотѣлъ я ему сказать въ отвѣтъ.—Есть прекрасный молодой человѣкъ Бахметевъ, сынъ заводчика хрустальнаго Ник. Ал., а онъ самъ Алексѣй Николаевичъ [2]) и былъ адъютантомъ графа П. А. Толстого, ѣдетъ лѣчиться въ чужіе края. Я хотѣлъ его ввести къ тебѣ въ домъ, но боюсь, чтобы онъ не уѣхалъ, не дождавшись меня, а потому и пошлю ему рекомендательныя письма: 1-е къ тебѣ, а 2-е къ пріятелямъ моимъ въ чужихъ краяхъ. Онъ прекрасный молодой человѣкъ и одинъ сынъ у богатаго отца.

*

Москва, 3 Мая 1827.

Я получилъ твои нѣсколько строкъ о назначеніи Долгорукова и отставкѣ князя Якова Ивановича. О послѣднемъ сказалъ я его племяннику, бывшему губернатору Рязанскому. Онъ обрадовался и прибавилъ: давно этого хотѣлось дядюшкѣ, теперь онъ пріѣдетъ въ Москву и здѣсь поселится, а мы станемъ его обыгрывать въ биліардъ. Много

[1]) Т. е. докторъ Константинъ Анастасьевичъ Попандопуло.

[2]) Кончившій жизнь попечителемъ Московскаго учебнаго округа.

было споровъ о Долгоруковѣ, что будетъ и не будетъ. Волковъ мнѣ сказывалъ, что князю Дмитрію Ивановичу не хотѣлось его имѣть товарищемъ, а Долгорукову не хотѣлось быть на одномъ ряду съ Блудовымъ и Дашковымъ; видно, все это согласилось. Здѣсь въ Сенатѣ много надѣлаетъ это шуму.

Въ Клину, въ деревнѣ, мужики убили своего помѣщика, какого-то князя Серг. Мих. Оболенскаго; предводитель, воротившійся со слѣдствія, сказывалъ мнѣ, что всѣ мужики плачутъ, называя его отцомъ своимъ, а сдѣлалъ все это бурмистръ, и вышло все за какую-то дѣвку по ревности. Несчастный князь нескоро умеръ и мучился нѣсколько времени.

*

Москва, 4 Мая 1827.

Юсуповъ возится все съ комиссіею, бывшею на рукахъ у Витберга; только всѣ его чиновники отказываются. Однакоже Гедеонову ввѣрено управленіе имѣніями, купленными въ казну для храма, князюЦиціанову деньги и матеріалы, прочее еще не распредѣлено. Немало будетъ тутъ работы.

Князя Андрея Петровича Оболенскаго дочь, что̀ за Волковымъ Николаемъ Аполлоновичемъ, очень больна, такъ что послали за отцомъ въ подмосковную. Она всегда была слабенькая и тщедушная.

*

Москва, 5 Мая 1827.

Ты мнѣ не писалъ ничего о Костакіевой исторіи съ Сушковымъ*). Куда какъ эта фамилія несчастлива, и какъ часто достаются ей оплеухи! Старикъ Варламъ уже очень старъ, а болѣе хилъ, нежели старъ. Сынъ его все еще при Воронцовѣ или нѣтъ? Жаль, ежели лишится своею виною столь прекраснаго начальника. Ты сдѣлалъ для всѣхъ членовъ этой семьи все, что̀ смертному только возможно.—Не имѣя о чемъ тебѣ говорить, сообщу смѣшной анекдотъ, случившійся 1-го Мая на гуляньѣ. Юсуповъ пошелъ въ лѣсокъ, взявъ съ собою Савельича, наряженнаго въ глазетовый кафтанъ и распудреннаго. Возвращаясь оттуда, встрѣчаютъ они какую-то женщину, мѣщанку или купчиху. Юсуповъ ей говоритъ: ударь его (Савельича) въ щеку, я дамъ тебѣ цѣлковый!—Ахъ, батюшка, какъ я смѣю, ваше пр-ство. — Да вѣдь это шутъ Иванъ Савельичъ!—Ахъ, батюшка, да вы меня обманываете; цѣлковый бы мнѣ и годился, да это, я чаю, баринъ, какъ вы: вишь у него золотой кафтанъ. А Савельичъ ей въ отвѣтъ: И, ма сёръ, что̀ ты

---

*) Н. В. Сушковъ убилъ на поединкѣ Константина (Костаку) Варлама, брата супруги К. Я. Булгакова.

его слушаешь, онъ все вретъ; я князь Юсуповъ, меня всѣ знаютъ, а ты лучше его (указывая на Юсупова) ударь, такъ я тебѣ дамъ три цѣлковыхъ. Видно, Савельича голосъ болѣе ее убѣдилъ, потому что она чуть было не заѣхала стараго Татарскаго князя по шеѣ.

*

Москва, 9 Мая 1827.

Я все вожусь съ швейцарами. Приходилъ умирающій съ голоду швейцаръ покойнаго графа Растопчина: пятеро дѣтей, жена четыре года больна, мѣста лишился, просится хоть въ дворники; жаль бѣднаго! Графиня съѣхала съ Лубянскаго дома, наняла домъ Караса за Масальскимъ въ переулкѣ, а тому дому станутъ дѣлать опись, по коей Брокеръ долженъ за все отвѣтствовать. Много она накуртемила, и конецъ ея будетъ незавидный. Она попалась въ руки къ Крюкову, или лучше Крюковой, заявленной бестіи (хотя она и теща Лонгинова), графъ Ѳ. В. въ домъ ея не пускалъ. Графинѣ вбили въ голову скупать векселя графа Серг. Ѳедор. Я знаю, что одному моему знакомому отдавали 60 т. вексель, данный Растопчинымъ Сабурову, за 3.000 р., а теперь графиню заставили купить этотъ вексель за 14 т. Ей кажется это находка, а это спекуляція только для совѣтчиковъ ея. Мнѣ сказывалъ предводитель Вырубовъ, что съ тѣхъ поръ, что̀ существуетъ опека, не выдано еще такихъ удовлетворительныхъ отчетовъ, какъ тѣ, что̀ подалъ Брокеръ о управленіи своемъ имѣніемъ малолѣтняго. Такого порядка и соблюденія пользъ малолѣтняго не видали мы, говоритъ онъ, ни отъ одного отца или матерей, не только отъ не-родственнаго опекуна.

Вчера подходитъ ко мнѣ въ клубѣ нѣкто Хомяковъ, коего знаю только съ виду, и говоритъ, что имѣетъ долгъ благодарить меня за твою ласку, и что ты, зная его мало, способствовалъ его помѣщенію, кажется, за оберъ-прокурорскій столъ. Человѣкъ, кажется, порядочный, и тесть мнѣ его хвалилъ. Въ клубѣ нашелъ я также неожиданнаго хромого Кривцова. Я и не спросилъ, здѣсь ли онъ думаетъ поселиться.

*

Москва, 16 Мая 1827.

Вчера купилъ я славный телескопъ у Пристлея для Мамонова. Онъ ведетъ себя нельзя лучше, обрилъ усы, уменьшилъ бакенбарды, одѣвается опрятно, очень учтивъ. Однимъ словомъ, Маркусъ такъ имъ доволенъ, что на дняхъ будемъ у него обѣдать, и даже хочетъ, чтобы Наташа поѣхала туда съ дѣтьми; но я прежде желаю знать отъ графа самого, не будетъ ли это ему непріятно. Арсеньевъ отошелъ рѣши-

тельно, вчера сдалъ онъ мнѣ всѣ книги, счета и деньги, коихъ всего на всего тысячъ *одиннадцать*, семь ломбардными билетами, а остальное деньгами. Было до 60 т., но уплатили всѣ долги графскіе; теперь не долженъ онъ ни гроша. Арсеньевъ пустой человѣкъ, съ Фонъ-Визинымъ лучше можно ладить. Только все-таки, признаюсь тебѣ, что непріятно мнѣ брать хлопоты на себя, безъ малѣйшей пользы для себя. Дѣлаю это, любя графиню, а буду ее просить меня уволить. Жаль, если не будетъ кто-нибудь серьезно заниматься особою брата ея. Я все одного мнѣнія, что вылѣчить его нельзя, но можно очень облегчить участь его. Переводъ опеки въ Петербургъ для меня непонятенъ; графъ здѣсь, имѣнія около Москвы, сама графиня сюда же собирается и на житье. Все это объяснится, когда буду съ вами.

*

Москва, 18 Мая 1827.

Волковъ возвратился изъ Вязьмы, очень доволенъ, веселъ и здоровъ. Въ Субботу имѣлъ онъ счастіе обѣдать у Государя. Императоръ очень былъ доволенъ войсками, а они всѣ въ восхищеніи отъ Царя своего. Великій князь все Москву хвалитъ. Сдѣлай мнѣ одолженіе, сказалъ онъ Волкову, упроси князя Голицына, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ въ частные пристава. Потише, отвѣчалъ Волковъ: извольте-ка, в. в., прежде послужить хожалымъ или, по крайней мѣрѣ, квартальнымъ надзирателемъ. Мих. Павл. очень этому смѣялся. Ничего особеннаго не было въ Вязьмѣ. Дибичъ вступаетъ въ свою старую должность, а графъ П. А. Толстой собирается завернуть въ Москву. Бѣдный Сухозанетъ упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ спину, ужасно мучился, но было лучше, какъ Волковъ уѣзжалъ. Въ Вязьму поѣхала бездна народу изъ окружностей и много очень дамъ. Волковъ сказывалъ мнѣ подъ секретомъ, что Государь изволилъ писать Аракчееву, что воля Его Величества есть, чтобы онъ взялъ свои мѣры не находиться никогда тамъ, гдѣ изволитъ быть Государь и избѣгать съ нимъ всякую встрѣчу. Надобно думать, что это послѣдствіе какого-нибудь письма или домогательства Аракчеева видѣть Государя.

*

Москва, 20 Мая 1827.

Зандрартъ вчера у меня былъ. Кажется, что у графа начало горячки; вчера былъ жаръ сильный, и онъ изъ комнаты не выходилъ. Его отецъ духовный былъ очень доволенъ бесѣдою съ нимъ. И ему графъ говорилъ, что чувствуетъ въ себѣ перемѣну, что ему кажется, что у него была *бѣлая горячка*, что онъ желалъ бы видѣть людей, опять войти въ общество, а когда священникъ сталъ его къ этому

ободрять, то онъ сдѣлалъ слѣдующій достопамятный отвѣтъ: Какъ мнѣ быть опять съ людьми? Я ихъ отъ себя отвратилъ холоднымъ своимъ обращеніемъ и *чрезмѣрною гордостью.* Удивителенъ этотъ переходъ отъ прежнихъ его понятій и мечтаній къ такому признанію. Теперь онъ говоритъ даже объ опекѣ, находя, что она была необходима, и что онъ не могъ ничѣмъ заниматься; Зандрарта ласкаетъ, часто его спрашиваетъ, говорилъ ему обо мнѣ, и Зандрартъ воспользовался случаемъ, чтобы ему сказать, что я заступилъ мѣсто Арсеньева. Графъ спросилъ: pourquoi est-ce, que m-r B. ne vient pas dîner chez moi?

Что̀-то скажетъ ужо Маркусъ? Да надобно теперь спросить у него, не хорошо ли бы было графинѣ написать брату письмо ласковое. И это можетъ имѣть хорошее вліяніе на возникающую его чувствительность.

*

Москва, 24 Мая 1827.

Наконецъ, явился нашъ любезный сенаторъ - ревизоръ - вояжёръ. Очень я обрадовался Полетикѣ*), мой милый другъ. Вчера прихожу вечеромъ къ Волкову, къ коему привезли его. Софья Алекс., увидя меня, взяла за руку и тащитъ въ спальную: посмотрите-ка, кого я вамъ представлю? Гляжу, сидитъ мой малютка, а онъ было ко мнѣ собирался оттуда. Сѣли мы и проболтали до часу. Все такой же оригиналъ. Donnez moi du sucre, du rhum, de l'eau, voilà mon soupé. Demain, Alexandre, allons le matin sur le clocher д'Иванъ Великій. C'est ma manière: quand j'arrive dans une ville, je vais tout de suite sur le plus haut des clochers; да поѣдемъ, братъ, въ книжную лавку, да къ Зенаидѣ Волконской, да къ Ив. Ив. Дмитріеву, а обѣдать, братъ, у тебя: хочу видѣть Н. В., твоихъ дѣтей, да позови обѣдать вотъ Волкова, Фаста, Метаксу, Новосильцова для меня, да для себя человѣка два, слышишь ли ты? Вѣдь ты глуха, глупа и безтолкова, да дай мнѣ Journal des Débats etc. Все тотчасъ распредѣлимъ, такъ все и будетъ.

*

Москва, 25 Мая 1827.

Полетика мнѣ вскружилъ голову, отнялъ меня отъ своихъ здѣсь и отъ тебя, мой милый и любезный другъ: все вожусь съ нимъ и именно тебя любя. Конечно, пріятно мнѣ къ тебѣ писать, но еще пріятнѣе быть и говорить о тебѣ съ человѣкомъ, который тебя всякій день видалъ и пользовался твоею дружбою. Право, не наговорюсь съ нимъ. Вчера были мы съ нимъ цѣлый день: ходили пѣшкомъ, были съ визитами у Потоцкаго, Дмитріева, Зенаиды, князя Дм. Вл., Рушковскаго (этотъ показывалъ ему всѣ экспедиціи, такъ что въ Почтамтѣ

*) Воспоминанія П. И. Полетики см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1885, III, 305.

приняли сенатора нашего почти за ревизора), ѣздили по лавкамъ, лазили на Ивана Великаго. Обѣдали у меня добрые все люди: Волковъ, Фастъ, Новосильцовъ, тесть. Метакса готовилъ *ризи**), въ бесѣдкѣ курили трубки, говорили, спорили, къ вечеру ходили по бульвару. Онъ захотѣлъ рано лечь спать. Сегодня смотримъ Оружейную и все въ Кремлѣ, обѣдаемъ въ клубѣ, въ вечеру въ Большомъ театрѣ, покажемъ ему Richard и балеты, завтра покажу ему свою команду, Архивъ, а тамъ у Фаста обѣдъ. Вотъ мы какъ нашего дорогого гостя тормошимъ, и онъ очень радъ. Полетикинъ пріѣздъ доставилъ мнѣ большую отраду и утѣшилъ меня нѣсколько отъ отсрочки поѣздки къ вамъ.

Ну, братъ, большую вѣсть тебѣ сообщаю: вчера явился вдругъ Мамоновъ къ намъ. Наташа храбро и ласково его приняла; меня не было дома. Онъ былъ очень милъ, хорошо обошелся съ Наташею и дѣтьми, особенно съ Ольгою, которая около него ухаживала. Я увѣренъ, что онъ будетъ къ намъ ѣздить, ибо ему не показали ни малѣйшаго страха, а обошлись съ нимъ просто, какъ бы со всякимъ другимъ. Говорено о многомъ, онъ любовался очень Фастовой Богородицей Брогелевой и о многомъ говорилъ; сказалъ, что будетъ опять и звалъ жену и дѣтей къ себѣ въ Васильевское. Я описываю все подробнѣе графинѣ; чтобы не повторяться, прочти мое письмо къ ней, запечатай и отдай ей. Какъ ни было все хорошо, но все-таки видно сумасшедшаго человѣка (этого не пишу я сестрѣ его): какъ подали завтракать, то Мамоновъ взялъ руками кусокъ телятины, рвалъ его пальцами, обмакивалъ въ горчичницу и ѣлъ также руками; жена говоритъ, что тутъ было что-то не человѣчьяго, а львинаго. Сестры чему-то постороннему засмѣялись между собою, онъ на нихъ посмотрѣлъ злобно (не подумалъ ли, что надъ нимъ смѣются?), онѣ нимало не сконфузились, продолжали смѣяться и громче заговорили, тогда и онъ сталъ улыбаться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ лучше, нежели былъ, гораздо; но на совершенное его излѣченіе я нимало не считаю.

*

Москва, 13 Іюня 1827.

Вчера былъ я почти все утро у Мамонова и, право, очень былъ доволенъ имъ. Мнѣ кажется, что онъ начинаетъ ко мнѣ привыкать. Всѣ эти дни спрашивалъ обо мнѣ Зандрарта и говорилъ, что я давно у него не былъ; вчера хотѣлъ, чтобы я непремѣнно остался съ нимъ обѣдать, я извинился, что меня будутъ дома ждать, онъ предложилъ послать человѣка верхомъ сказать Наташѣ; но я поблагода-

*) Итальянское кушанье.

рилъ и обѣщалъ завтра у него обѣдать, если время будетъ хорошо. Я не знаю, о чемъ не было у насъ рѣчи; даже были разсужденія о *сумасшедшихъ*. Онъ заговорилъ о Бернадотѣ, а тамъ о Шведскомъ королѣ, полковникѣ Густавзонѣ. Я ему разсказалъ объ его образѣ жизни въ Лейпцигѣ и что онъ проѣдаетъ по шести грошей въ день. Il n'y aurait pas là, сказалъ Зандрартъ, de quoi nourir un paysan même. Графъ улыбнулся и возразилъ: Notre réflexion n'est pas juste; il faut beaucoup plus à un paysan qu'à un roi.—Je ne comprends pas, m-r le comte, pourquoi?—Pourquoi! Comment pourquoi? отвѣчалъ графъ улыбаясь: car un paysan, qui travaille une demie-journée en plein air à la sueur de son front, a toujours plus d'appetit qu'un roi fainéant! Это хоть и не сумасшедшему сказать. Потомъ требовалъ у меня истолкованія весьма подробнаго, почему я почиталъ Густава не совсѣмъ въ умѣ своемъ, и признаюсь, что часто дѣлалъ мнѣ возраженія, которыя приводили меня въ затрудненіе. Говорили о шарахъ аэростатическихъ, о Жуковскомъ, о Наполеонѣ, о 1812 годѣ, о Римѣ, папахъ, о Египетской кампаніи Англичанъ и Французовъ, о чумѣ и пр. и пр. Я тебя увѣряю, что я провелъ пріятно три часа и не ѣду къ нему, какъ прежде, съ отвращеніемъ.

*

Москва, 22 Іюня 1827.

Волковъ въ Маѣ просилъ у меня коротенькую записку о болѣзни графа, его дѣйствіяхъ, упражненіяхъ и пр. Я ему составилъ маленькую notice. Бенкендорфъ ее показывалъ Государю, который изволилъ ее взять къ себѣ, приказавъ отъ времени до времени извѣщать его подобными записками, что съ Мамоновымъ происходитъ. При хорошихъ перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ здоровьѣ его, съ переѣзда его въ Васильевское, я счелъ нужнымъ сдѣлать теперь новую такую notice. Она Волкову очень понравилась, и онъ отправляетъ ее въ Петербургъ. И подлинно, любопытно было видѣть, какъ обошелся во дворцѣ, въ Оружейной, видя царскія украшенія, корону, тронъ и пр., человѣкъ, мечтавшій, что онъ императоръ, уступающій одной силѣ беззаконнаго правительства, человѣкъ, приговаривавшій письменно князя Дм. Вл. и коменданта то къ висѣлицѣ, то къ палочнымъ побоямъ. Все это обошлось нельзя лучше, и ежели обошелся онъ неучтиво съ Юсуповымъ, то этотъ самъ виноватъ: зачѣмъ было ему приходить со всею своею свитою въ Оружейную? Когда я сталъ графу выговаривать послѣ въ коляскѣ, что онъ не обласкалъ Юсупова, то онъ отвѣчалъ: Il est venu me regarder comme une curiosité. Послѣдній разъ Мамоновъ, говоря со мною о Маврѣ Ив., которую знавалъ, спрашивалъ даже о дочери ся Елисаветѣ Вас. и князѣ Серг. Иван., гдѣ онъ служитъ

и пр. Я начиналъ говорить о графинѣ, но онъ перемѣнилъ разговоръ. Теперь напишу ему и пошлю книги, потому что онъ не разъ говорилъ Зандрарту: pourquoi est-ce toujours à vous et jamais à moi que m-r B. écrit?

*

С. Семердино, 12 Іюля 1827.

Благодарю тебя за сообщеніе касательно Каподистріи. Я не щеголяю болтливостью, ты это самъ знаешь, и тайну вѣрно сохраню, ежели бы и въ городѣ былъ, а здѣсь съ кѣмъ говорить, кому дѣлать довѣренность? Развязку эту можно было предвидѣть. Ce qui me réjouit c'est que tout cela se fait de l'agrément de l'Empereur, qui ne peut que rendre justice aux sentiments qui guident notre excellent ami. Il va sortir de cette position fausse, désagréable, dans laquelle il se trouvait depuis tant d'années. Il n'était pas dégagé de la Russie et il n'appartenait pas à sa patrie. Sans parler de son esprit et de ses talents, son nom seul donnera une autre tournure aux affaires des Grecs. Il peut rendre son nom immortel dans l'histoire. Que Dieu le garde et protège l'excellente cause qu'il va embrasser! Je ne prévois que de bonnes choses; mais ma femme, ne trouvant rien à dire, craint que quelque génie malfaisant ou soudoyé ne l'empoisonne[1]). Cette idée l'a tracassé toute la matinée. Ожидать буду указа съ нетерпѣніемъ. Право, будь я холостой, я бы послѣдовалъ за добрымъ этимъ человѣкомъ и сталъ бы ему помогать по силамъ моимъ. Я чувствую, что меня Гречанка выкормила, не по ненависти къ Туркамъ, но по любви къ Грекамъ.

*

Троицко-Сергіевскій посадъ, 22 Іюля 1827.

Меня поразило извѣстіе о жалкой кончинѣ Костакія; видно судьба его такова была: одинъ разъ разлучили съ соперникомъ, а дуэли таки не избѣжалъ. Жаль несчастнаго, слѣпого отца! Лико[2]) такъ веселъ, доволенъ, что я не могу рѣшиться его огорчить. Я ему только намекнулъ, что Сушковъ поѣхалъ въ Тирасполь искать его брата, чтобы драться на пистолетахъ, что говорятъ даже, что и дрались, но неизвѣстны послѣдствія. Этотъ каналья Сушковъ, отвѣчалъ Лико, вѣрно все это время учился стрѣлять [3]), на что я сказалъ: Боже сохрани, а

---

[1]) Женское предчувствіе.

[2]) Кто этотъ Лико? Не братъ ли убіеннаго Варлама и Маріи Константиновны Булгаковыхъ?

[3]) Изъ пистолетовъ Ивана Петровича Липранди, который намъ показывалъ ихъ въ Петербургѣ. Онъ принималъ участіе въ этомъ поединкѣ, послѣ котораго Н. В. Сушковъ посланъ былъ на покаяніе въ Москву.

долго ли до несчастія! Лико былъ цѣлое утро задумчивъ, теперь опять веселъ попрежнему. Я ему скажу о несчастіи на Петербургской дорогѣ; болѣе будетъ тутъ разсѣянности для него.

*

Москва, 28 Іюля 1827.

Вчера такъ я затормошился, что тебѣ не писалъ вовсе, милый и любезный другъ, да и былъ я очень не въ духѣ и опять было занемогъ, по милости Мамоновой и ея братца. Вотъ тебѣ ея письмо и мой отвѣтъ; прочитай, запечатай и тотчасъ ей доставь. По его приглашенію ко мнѣ и Ф.-Визину, поѣхали мы къ сумасшедшему, гдѣ были болѣе трехъ часовъ; принялъ славно, ласково, особенно меня, только когда я назвалъ слово Государь, то онъ взбѣсился, говоря: при мнѣ не называйте никогда и не упоминайте о *Государѣ*. Я не оставилъ это безъ возраженія, и пошла потѣха; но только я вижу, что, скаля зубы Мамонову, можно его и угомонить. Онъ успокоился, потомъ изложилъ многія жалобы, болѣе вздорныя и неосновательныя, нежели важныя, говорилъ о дѣлахъ преосновательно, желалъ имѣть отчеты, очень былъ доволенъ тѣмъ, что̀ могли мы ему сказать en gros. Онъ меня почиталъ повѣреннымъ твоимъ, а не сестры, ея не ругалъ, но сухо говорилъ о ней и сказалъ: *она не наслѣдница послѣ меня, потому что я могу еще имѣть дѣтей*. Я тебѣ все это подробно разскажу. Не могъ я равнодушно говорить съ нимъ и, будучи уже слабъ, домой пріѣхалъ изнуренъ, съ маленькою лихорадкою; сегодня мнѣ обметало губы, стало-быть проходитъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Д. В. БАРТЕНЕВА.

...Весьма естественно, что захватъ Евреями въ свои руки торговли во всей Малороссіи, а также разные гешефты, сплошь да рядомъ основанные на обманѣ и наглой лжи, возмутили весь край, и взрывъ общаго негодованія и недовольства выразился въ погромѣ Жидовъ и ихъ имущества. Да, и могло ли быть иначе? Вѣдь сколько не терпѣли, нужна была и реакція!

Это было въ 1882 г. Штабъ моего полка[1]) былъ расположенъ въ городѣ Козельцѣ, Черниговской губерніи, а 3-й баталіонъ, въ которомъ я состоялъ на службѣ, находился въ семи верстахъ отъ штаба, въ Георгіевскомъ монастырѣ [2]), гдѣ и былъ размѣщенъ казарменнымъ порядкомъ. Баталіономъ командовалъ старый полковникъ К. С. Листарновскій, а моей 12-й ротой поручикъ Г. А. Скочко. Полкомъ въ то время командовалъ полковникъ А. И. Пантелѣевъ [3]).

Волненіе и безпорядки въ Черниговской губерніи настолько усилились, что потребовалось вызвать военныя силы, и вотъ на нашъ полкъ выпалъ этотъ весьма непріятный жребій. Въ самомъ дѣлѣ, если признаться въ душѣ каждому, то симпатіи были не на сторонѣ Евреевъ, а ихъ приходилось, въ силу закона, защищать. Очень скверно чувствовалъ каждый изъ насъ, выйдя въ этотъ несимпатичный походъ. Ограждать и защищать отъ насилія, и кого же? Эксплуататоровъ населенія, дѣльцовъ темныхъ и некрасивыхъ дѣлъ и торговыхъ операцій! Судьба военныхъ — не разсуждать, а исполнять то, что̀ предписано. Одно, что̀ мирило насъ съ нашей миссіей было то, что дѣйствія населенія были достойны сочувствія, но не вполнѣ законны.

Въ первыхъ числахъ Мая, рано утромъ, 3-й баталіонъ выступилъ въ походъ. Раіономъ его дѣйствій былъ назначены городъ Борзна и его ближнія и дальнія окрестности. На первой же остановкѣ въ походѣ населеніе насъ встрѣтило очень непріязненно, узнавъ о цѣли нашей командировки, и выразилось это тѣмъ, что приходилось чуть не съ боя брать квартиры, а также и добывать себѣ что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ. На все слышался отрицательный отвѣтъ, и видно было полное нежеланіе что-либо намъ продавать, даже за дорогую цѣну. Въ сторонѣ то и дѣло слышались возгласы отдѣльныхъ лицъ: „Бачишь (видишь) Жидивское войско?“ Остроты въ этомъ родѣ такъ и сыпались кругомъ. Когда мы услыхали это, намъ всѣмъ стало какъ-то

---

[1]) 17-й пѣхотный Великаго Князя Владимира Александровича.

[2]) Нынѣ третьеклассномъ, а нѣкогда, при гетманахъ Малороссіи, первоклассномъ.

[3]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, Иркутскій генералъ-губернаторъ.

не по себѣ. При выступленіи изъ села, въ насъ полетѣли изъ-за угла камни, и одинъ изъ нихъ попалъ солдату нашего баталіона въ високъ, но къ счастію рана оказалась неопасной. Такимъ образомъ въ деревняхъ и селахъ населеніе выражало свой протестъ противъ войскъ. По всему пути нашего слѣдованія и почти до города Борзны повторялось тоже самое, т. е. чувствовалось скрытое озлобленіе противъ военныхъ силъ. Послѣ утомительнаго перехода по грязной, плохо проходимой дорогѣ, мы прибыли, наконецъ, въ городъ Борзну. Это была наша главная стоянка, а отсюда роты должны были расходиться по разнымъ сторонамъ, чтобы дѣйствовать самостоятельно и на свой страхъ, соблюдая данныя по этому поводу инструкціи. Въ случаѣ чего-нибудь, выходящаго изъ ряда, роты должны были увѣдомлять штабъ баталіона. Въ Борзнѣ при штабѣ баталіона осталась моя 12-я рота.

На другой день послѣ прибытія, всѣ роты разошлись, а для 12-й роты сдѣланъ нарядъ такимъ образомъ, чтобы рота дежурила въ двѣ очереди, т. е. въ сутки должна была нести нарядъ на службу одна полурота, а другая находиться на отдыхѣ. Мы рѣшили съ ротнымъ командиромъ оставлять одинъ взводъ на самой площади города, а другой взводъ ставить въ резервъ, собравъ ружья въ козлы, и чередовать службу полуроты по полу-сутками. Подобный распорядокъ былъ самый цѣлесообразный, и люди не такъ сильно утомлялись. Я съ первымъ взводомъ занялъ середину площади. Жду, что дальше будетъ? Это было въ Воскресеніе. Едва успѣла отойти обѣдня, какъ на площади появилось много пьяныхъ. Я далъ знать объ этомъ ротному командиру, а тотъ велѣлъ мнѣ послать патруль и приказать, чтобы всѣ питейные дома были заперты. Немедленно все это было исполнено, но странное дѣло: пьяныхъ прибывало все больше и больше. Что бы это могло значить? Стоя на площади, я завелъ разговоръ съ однимъ изъ обывателей, выражая свое удивленіе такому обстоятельству, но былъ пораженъ его отвѣтомъ: „У насъ вся полиція на откупѣ у Жидовъ". Подобный отвѣтъ мнѣ мало уяснилъ вопросъ, потому что я зналъ о мѣрахъ принятыхъ противъ питейныхъ домовъ. Но вѣдь не спроста же мнѣ было сказано на счетъ мѣстной полиціи. Посылаю новый патруль и даю приказъ, какъ можно строже осмотрѣть вновь всѣ питейные дома. Возвратившись обратно, старшій патруль мнѣ доноситъ, что пьяныхъ прибываетъ оттого, что Жиды торгуютъ водкой съ задней двери, хотя съ лицевой стороны питейные дома заперты. Ларчикъ очень просто открылся. Немедленно я приказалъ передать корчмарямъ, чтобы они прекратили торговлю съ задняго крыльца. Возвратившійся унтеръ-офицеръ доложилъ мнѣ, что они не хотятъ запирать питейныхъ домовъ съ задняго крыльца и въ догонку ему прокричали: „Намъ на васъ плевать; намъ разрѣшено торговать господиномъ исправникомъ". Тогда я вытребовалъ взводъ изъ резерва и изъ него велѣлъ назначить по часовому къ каждому изъ питейныхъ домовъ съ тѣмъ, чтобы не пускать болѣе туда народа. Мѣра эта подѣйствовала, но все же пьяныхъ было очень много.

Около четырехъ часовъ пополудни на площадь явилась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и начала вести себя довольно непристойно: тамъ и

сямъ слышались ругательства и возгласы въ родѣ: „Хлопцы, бачите Жидивское войско, яко гарное!“ *) Пришлось поднять полуроту, находящуюся на отдыхѣ, и она присоединилась къ намъ. Толпа все болѣе и болѣе напирала на насъ. По моей командѣ, рота отступила нѣсколько назадъ, и я жду, что̀ будетъ? Вдругъ вижу изъ толпы выдѣляется какой-то молодой Хохолъ и, надѣвъ на руку пустой ящикъ отъ макароновъ, въ видѣ щита, такъ и лѣзетъ прямо на роту.... Я еще приказалъ немного отступить, но онъ тогда вдругъ заоралъ: „Бачите, бачите Жидивское войско отступаетъ, побьемо его громадой (толпой)!“ Что̀ дѣлать? Нужно дѣйствовать и дѣйствовать рѣшительно. Раздалась команда разсыпаться цѣпью, и она стала кольцомъ опоясывать бѣснующуюся толпу; а когда это было исполнено, я сталъ тѣснить толпу къ острогу, который находился недалеко отъ базарной площади. Придвинувъ толпу къ воротамъ острога, я велѣлъ ихъ быстро открыть, и вся толпа до единаго человѣка была туда загнана. Ворота опять быстро затворились. Волненіе сразу прекратилось. На другой день спокойныхъ распустили по домамъ, а главарей волненія оставили тамъ впредъ до особаго распоряженія начальства.

Послѣ этого день или два не было никакихъ безпорядковъ, но затишье продолжалось недолго. Наступало самое безпокойное время безпорядковъ и волненій, и служба, день за день, становилась болѣе и болѣе тяжелой и отвѣтственной. Отъ другихъ ротъ приходили тревожныя донесенія въ штабъ баталіона: и тамъ было не лучше! Стою я съ солдатами опять дежурнымъ на площади, какъ вдругъ ко мнѣ является какой-то Еврей и говоритъ мнѣ, что онъ членъ Городской Управы и находитъ наши дѣйствія незаконными, именно приставленіе часовыхъ къ дверямъ питейныхъ домовъ по Воскресеніямъ. Я ему вѣжливо отвѣчалъ, что это не его дѣло обсуждать дѣйствія военнаго начальства. Гляжу, а кругомъ насъ собралась уже цѣлая толпа Жидовъ: шумятъ и галдятъ такъ, что хоть убѣгай! Я попросилъ его удалиться съ площади и не производить такого безпорядка, но онъ на это мнѣ дерзко сказалъ „Хиба мы не бачили (развѣ мы не видали) вашихъ красныхъ мундировъ“ (Мой полкъ былъ первымъ въ дивизіи, а потому у него былъ красный приклад, т. е. воротники, погоны и канты). Видя, что онъ не унимается, я рѣшилъ для прекращенія безпорядка его арестовать, что̀ и было немедленно исполнено. Въ то время, когда его запирали въ камеру при полиціи, онъ кричалъ оттуда, что мнѣ это не пройдетъ, и самъ господинъ баронъ Гиршъ покажетъ мнѣ, какъ арестовывать гражданина и т. п. Черезъ десять минутъ его ареста, но никакъ не болѣе, старшій въ караулѣ унтеръ-офицеръ докладываетъ мнѣ, что онъ зоветъ меня къ себѣ. Я подошелъ къ камерѣ арестованнаго и слышу оттуда: „Господинъ офицеръ, я умираю, дайте мнѣ доктора“. Услыхавъ по голосу, что онъ здоровъ и что это, вѣроятно, какая-нибудь новая штука съ его стороны, я отвѣчалъ ему: „Ничего не безпокойтесь, смѣю васъ увѣрить, что до утра вы не умрете“. Черезъ часъ или два ко мнѣ подъѣзжаетъ мѣстный исправникъ и проситъ выпустить его изъ подъ ареста, говоря: „Я за него ручаюсь, что онъ боль-

*) Хлопцы, видите Жидовское войско, какое оно хорошее.

ше не будетъ производить безпорядковъ, а за дерзость онъ уже наказанъ арестомъ". Послѣ ручательства исправника, я его выпустилъ изъ-подъ караула. По выходѣ его изъ камеры, онъ былъ окруженъ цѣлой толпой изъ Евреевъ и, гордо поднявъ голову, отправился домой; а одинъ изъ сопровождавшихъ его Жидовъ обернулся въ мою сторону и, подмигнувъ солдатамъ, проговорилъ: „Герой, герой, уфъ какой герой!" Мы могли только на это улыбнуться: ужъ больно все отзывалось дешевымъ комизмомъ.

Опять на нѣсколько дней наступило затишье, но на долго-ли! Настало опять Воскресеніе. Къ полудню снова появилось очень много пьяныхъ-бунтарей, и ихъ арестовывали при полицейскомъ управленіи. Совершенно случайно особенно буйныхъ пришлось арестовывать съ солдатами изъ Евреевъ. Откуда у нихъ взялась и расторопность, и храбрость? Я просто удивлялся подъему ихъ военнаго духа, потому что въ обыкновенное время солдаты изъ нихъ хуже и гаже чего и быть не можетъ. Весьма понятно, что рычагомъ тутъ являлся интересъ сродичей и единовѣрцевъ, который и былъ причиной подъема духа и храбрости Жидовъ. Замѣтивъ это, я не приказалъ при арестахъ брать солдатъ изъ Евреевъ. Въ три часа подбѣгаетъ ко мнѣ Еврей и говоритъ: „Ваше благородіе, скорѣй, скорѣй, нашихъ бьютъ и грабятъ!" Я взялъ полуроту и бѣгомъ направился къ мѣсту побоища. Подбѣгаемъ, а въ воздухѣ такъ и стоитъ пухъ отъ Жидовскихъ перинъ и подушекъ, изъ-за котораго ничего не видно; но слышны стоны, гамъ, крикъ и ругань. Какъ оказалось потомъ, толпа человѣкъ въ пятьдесятъ разгромила нѣсколько Жидовскихъ домовъ и лавченокъ, а изъ перинъ выпустила пухъ на воздухъ. Случаевъ убійства и тяжелыхъ увѣчій не было, но поколотили Жидовъ все-таки довольно основательно. При тщательномъ осмотрѣ побоища и дознаніи, оказалось, что и тутъ дѣло не обошлось безъ фальши со стороны Жидовъ. Жидами было повыбрано самое цѣнное заблаговременно и оставлено въ домахъ и лавкахъ кое-что, а затѣмъ при продажѣ начался привычный обманъ, т. е. недомѣръ, недовѣсъ, что̀ и вызвало разгромъ лавченокъ и домовъ у Жидовъ. Слѣдовательно, и тутъ зачинщиками опять являлись Евреи, а не мѣстное населеніе, какъ и всегда. При опросѣ пострадавшихъ, были, весьма понятно, заявлены громадные убытки и притомъ все полностью: припрятанное не шло въ счетъ. Когда-же у пострадавшихъ нашлось спрятанное, то они заявили комиссіи, будто со страху забыли, что у нихъ есть эти предметы и товары. И такъ въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что Жиды всегда со страху забывали, что̀ у нихъ есть, и предъявляли всегда неправильный искъ, какъ потерпѣвшіе, за весьма и весьма малыми исключеніями. И тутъ въ несчастіи Жидъ старается сдѣлать выгодный гешефтъ: вѣдь нужно положить что-нибудь лишнее за свой страхъ и безпокойство. Такова Еврейская натура!

Очень смѣялась комиссія и солдаты, когда у разгромленной лавки оказалось много пришлыхъ деревенскихъ бабъ съ холщевыми мѣшками. „Что̀ вы здѣсь дѣлаете съ мѣшками?" — Кажутъ, что Жидовъ бить будутъ,—„Ну, такъ что-жъ?"—Мы и пришли подбирать ихъ достатки... У всѣхъ просто-

людиновъ замѣчалось полное непониманіе того, что дѣйствія ихъ относительно Евреевъ незаконны; никто изъ нихъ и понять этого не хотѣлъ, и каждый изъ Малороссовъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ вполнѣ правъ. Весьма естественно, что этому много способствовало упрямство Малоросса въ своихъ убѣжденіяхъ. Не даромъ есть Русская пословица: „упрямъ, какъ Хохолъ". Въ одномъ изъ волостныхъ правленій былъ собранъ становымъ приставомъ, по приказанію генералъ-губернатора, сходъ, на которомъ объяснялись незаконность разгрома Жидовъ, отвѣтственность за это передъ закономъ и т. п. Слушая эти объясненія, сходъ говорилъ: „такъ, такъ!" Окончивъ свою рѣчь, приставъ спросилъ сходъ: „Поняли, что̀ я говорилъ вамъ?"—Поняли!—„Ну, такъ ступайте по домамъ и не громите болѣе Жидовъ". Толпа начинаетъ уже расходиться, какъ вдругъ раздаются голоса изъ толпы: „а всёжъ-таки Жидивъ бить будемо!" У толпы было глубокое убѣжденіе въ свое право бить Жидовъ. Вотъ къ какимъ результатамъ привелъ населеніе Малороссіи нечестный образъ дѣйствій Евреевъ. Накипь и злоба у Малороссовъ скоплялись противъ Жидовъ вѣками. Нужно подмѣчать, съ какимъ презрѣніемъ смотритъ на Жида каждый изъ Хохловъ. Я спросилъ какъ-то одного: „За что вы такъ не любите Евреевъ?"—Кровь нашу пьютъ, вотъ що! Это было сказано съ глубокимъ убѣжденіемъ.

Послѣдній безпорядокъ въ городѣ Борзнѣ былъ въ базарный день, и тутъ, какъ и всегда, зачинщиками явились опять Жиды. Дѣло началось съ того, что Жидовка, торговка лукомъ и чеснокомъ, вздумала обмануть пучкомъ чеснока какого-то Хохла, а когда тотъ ее уличилъ въ этомъ, она ударила его пучкомъ чеснока по головѣ, что̀ и было сигналомъ для общаго погрома Жидовъ въ городѣ Борзнѣ. Благодаря во̀ время принятымъ мѣрамъ, погромъ былъ скоро прекращенъ, но нѣсколько лавокъ и домовъ пострадали, а пухъ отъ Жидовскихъ перинъ и подушекъ долго леталъ по городу.

Передъ нашимъ уходомъ изъ города населеніе насъ благодарило за то, что никому не сдѣлано было обидъ и притѣсненій. Недовольными остались, разумѣется, зачинщики безпорядковъ.

Въ городѣ Нѣжинѣ пришлось пустить въ ходъ холодное и огнестрѣльное оружіе, и тамъ безпорядки долго не прекращались. Къ счастію, принимать эти мѣры пришлось не нашему полку, а мѣстному резервному баталіону. Нашъ полкъ былъ свободенъ отъ разныхъ нареканій. Потомъ говорили, что были приняты полумѣры, и это оказалось крайне вреднымъ и деморализующимъ населеніе и, не будь этого, число жертвъ было-бы меньше. Горжусь тѣмъ, что нашъ баталіонъ выполнилъ свою трудную задачу, не потративъ ни одного заряда и ни разу не пустивъ въ ходъ холоднаго оружія. Подобное дѣло тяжело ложится на душу человѣка *).

Димитрій Бартеневъ.

---

*) Покойный Московскій старожилъ Антонъ Францовичъ Томашевскій сказывалъ намъ, что бывало, въ послѣдніе дни Святой недѣли, купцы и мѣщане хаживали въ Зарядье „Жида потрепать", безъ увѣчья, а такъ, чтобъ помнилъ и меньше воровалъ. Безъ того инымъ Москвичамъ и праздникъ былъ не въ праздникъ. П. Б.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1857-й годъ *).

28-го Сентября. Возобновились мои уроки у принцессы Маріи. Давать уроки дѣтямъ царственныхъ особъ отличается во многомъ отъ уроковъ, которые даютъ дѣтямъ другихъ смертныхъ. Нужно взять во вниманіе всѣ требованія, которыя ставятъ имъ. Во-первыхъ, ихъ время всегда ограниченное, и слишкомъ много требованій ставится имъ въ обязанность; значитъ, когда другія дѣти, согласно дарованію, могутъ на что-нибудь удѣлять побольше времени, у дѣтей царственныхъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ механическая часть всякаго искусства требуетъ много времени для своей разработки, значитъ, отъ нея приходится отказаться, а все свое вниманіе обратить на то, чтобы возбудить въ ребенкѣ пониманіе и правильную оцѣнку, напримѣръ музыки, потому что для нихъ еще нужнѣе умѣть правильно судить и цѣнить искусство, чѣмъ для другихъ: отъ нихъ зависитъ процвѣтаніе его.

30-го Сентября. Государь и Императрица пріѣхали навѣстить свою тетушку, а на слѣдующій день (1-го Октября) прибылъ и императоръ Францъ-Іосифъ. Это было какъ бы примиреніе послѣ Венгерской кампаніи, и наша великая княгиня, которая очень сочувствовала Австріи и мнѣніямъ князя Метерниха, была довольна, что Россія забыла измѣну Австріи. Былъ парадный обѣдъ и théâtre-gala, гдѣ подъ управленіемъ Листа шелъ Тангейзеръ.

3-го Октября. Была всенощная. Обыкновенно ея никогда не служили въ церкви великой княгини, а отецъ долженъ былъ служить ее для себя дома; но теперь, ради присутствія Ихъ Величествъ въ Веймарѣ, великая княгиня приказала ее отслужить. Я никогда не понимала, почему великая княгиня, имѣя свою церковь и всѣхъ нужныхъ служащихъ, не дозволяла этой службы. Причину этого нужно отнести ко времени ея воспитанія, къ царствованію Екатерины II-й. Императоръ

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, книги I-ую и II-ую.

Николай Павловичъ, какъ и Александръ II-й, тоже не ходилъ ко всенощной, за исключеніемъ когда онъ говѣлъ и Вербной Субботы; великимъ княжнамъ Маріи, Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ не разрѣшалось ходить ко всенощной. Великая княжна Александра Николаевна была очень набожна и иногда украдкой присутствовала у всенощной. Но великая княжна Марія Александровна и великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи, пока они были дѣтьми, посѣщали вечернія службы.

4-го Октября. Ихъ Величества, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, королева Голандская и великая княгиня Марія Павловна съ сыномъ и невѣсткою присутствовали у обѣдни въ Православной церкви. Въ 12 часовъ Ихъ Величества уѣхали въ Россію.

Днемъ я была на музыкальномъ утрѣ у Листа, гдѣ была его дочь Козима (уже г-жа фонъ Бюловъ). Листъ игралъ вмѣстѣ съ Зингеромъ и Косманомъ два тріо, Бранда и Гольдбека.

6-го Октября. Я была съ визитомъ у новобрачныхъ, т. е. у г. фонъ Бюлова съ женою; онъ, какъ будто, сталъ смирнѣе.

Въ 3 часа я была на урокѣ у Листа, а вечеромъ пришелъ Таузигъ. Благодаря его росту, всѣ считали его за мальчика. Онъ очень любилъ моего брата Ивана, у котораго была мягкая, добрая душа.

7-го Октября. Я кончила свой мужской хоръ на слова С. А. Рачинскаго «Св. Францискъ», который хотѣла посвятить Листу. Но передъ тѣмъ, не полагаясь на свою собственную критику, я попросила Лассена пересмотрѣть со мной эту композицію, и тогда только отдала переписать голоса, чтобы можно было ее пропѣть.

Ко дню рожденія Листа (22-го Октября) хотѣли устроить ему особую овацію. Неутомимый г-нъ Штейнкеръ взялся написать подходящее къ этому дню стихотвореніе. Княгиня Витгенштейнъ предоставила нѣсколько комнатъ для устройства сцены живыхъ картинъ и исполненія музыкальной программы, такъ что, при общемъ стараніи, каждый принялся писать, играть и учить наизусть. Бюловъ очень любезно взялъ на себя устройство музыкальной части вечера.

22-го Октября. Утромъ я принесла Листу отъ имени моихъ родителей, сестеръ и своего сердечныя поздравленія. Вечеромъ, когда собрались всѣ, принимавшіе участіе въ предполагаемомъ чествованіи Листа, его пригласили придти.

Интересно было мнѣ познакомиться съ Робертомъ Францомъ, который, послѣ Франца Шуберта и Роберта Шумана, неоспоримо самый выдающійся и плодовитый Нѣмецкій писатель романсовъ. Къ несчастью онъ былъ очень глухъ, такъ что вести съ нимъ разговоръ было нелегко. Его внѣшность соотвѣтствовала характеру его романсовъ: онъ

былъ внушителенъ, сосредоточенъ, какъ будто бы душа его витала надъ всѣмъ и всѣми.

Въ этотъ день въ Парижѣ состоялась свадьба Бландины Листъ съ демократическимъ депутатомъ Парижа, адвокатомъ (avocat au bureau de Paris) Эмилемъ Оливье, который былъ министромъ при Наполеонѣ III-мъ, при паденія его имперіи. Листъ далъ согласіе на этотъ бракъ, самъ лично не зная своего зятя; но общее мнѣніе о немъ говорило въ пользу какъ его характера, такъ и дарованій.

28-го Октября. Вечеромъ Листъ пришелъ къ намъ и игралъ со мной въ четыре руки марши и дивертисментъ Шуберта, затѣмъ разныя свои вещи. У насъ были еще Анна фонъ-Эйхель, Женни Герстенбергъ, г-жа Тейцманъ, Лассенъ, Е. Генастъ, Суппе, М. ф. Бейльвитцъ; они всѣ рады были услыхать лишній разъ Листа, который игралъ только при дворѣ, всегда у насъ, когда его просили, и очень рѣдко у другихъ знакомыхъ.

Анна фонъ-Ейхель ежегодно проводила зиму на Югѣ, ради здоровья. Она и теперь собиралась въ Римъ и, пріѣхавъ въ Веймаръ, пригласила меня ѣхать съ ней и ея матерью, которая почти всегда ей сопутствовала. Чтобъ видѣть Италію, я не могла желать себѣ лучшаго чичероне. Меня только стѣсняла мысль опять просить отпуска у гросъ-герцогини Софіи послѣ того, что въ предшествовавшую зиму я пользовалась имъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ; но съ другой стороны жаль было упустить такой хорошій случай видѣть Италію, о чемъ я только и мечтала. Наконецъ, я рѣшилась деньги, скопленныя мною собственными трудами, употребить на это путешествіе, такъ какъ изученіе художественныхъ коллекцій Италіи имѣетъ большое воспитательное значеніе. Я передала свою просьбу Э. Фрорипъ, воспитательницѣ герцогини Саксонской, которая, сообщивъ ее отсутствовавшей гросъ-герцогинѣ Софіи, получила отъ нея согласіе.

22-го Ноября. Листъ возвратился изъ Дрездена. Я посѣтила его на слѣдующій день и, когда сообщила ему о своемъ намѣреніи провести слѣдующую зиму въ Италіи, онъ предложилъ дать мнѣ два письма: одно маркизѣ Мартеллини во Флоренціи, а другое къ Ландсбергеру въ Римѣ. «Маркиза Мартеллини, рожденная графиня Нóбили, сказалъ онъ, своего рода графиня Фритшъ во Флоренціи: всѣ являются къ ней на поклонъ. Для меня она была необыкновенно любезна и въ 1839 г. заступилась даже за меня передъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ. Ландсбергеръ своего рода Фигаро, который устраиваетъ у себя музыкальныя собранія, отдаетъ въ наемъ рояли и ноты». Далѣе Листъ разсказывалъ, что въ Дрезденѣ онъ видѣлся съ К. К. Павловой, которая въ его честь устроила вечеръ, «Celebritäten-

Soirée», какъ иронически выразился Листъ. Между прочими приглашенными были Девріенъ и Дависонъ, личные враги. Но Девріенъ въ это время оказался въ Ганноверѣ, а Девисонъ не пришелъ. Изъ присутствовавшихъ на вечерѣ былъ В. Вольфсонъ, написавшій трагедію «Nur eine Seele», которая въ Дрезденѣ давалась довольно успѣшно. Слухъ о «Celebritäten-Soirée» распространился по Дрездену, также какъ и вѣсть объ отсутствіи враговъ; по этому случаю Дрезденцы сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: присутствовала «nur eine Seele». Манія быть знаменитой (célèbre), видѣться и быть знакомой со знаменитостями (célébrités) доходила у К. К. Павловой до болѣзненнаго. На вечерѣ у г-жи Ф. Серръ, гостепріимный домъ коей служилъ мѣстомъ соединенія всѣхъ выдающихся личностей, Павлова подошла къ Листу и говоритъ ему: «Гдѣ же знаменитости (célébrités) сегодня вечеромъ?» Листъ, указывая на нее и на себя, отвѣчаетъ ей: «А мы?» Скульпторъ Ритчель, у котораго была своя мастерская на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ, обратился къ Листу, очень не въ духѣ: «Дайте мнѣ, пожалуйста, средство, чтобы избавиться немного отъ г-жи Павловой; она не только приходитъ ко мнѣ, но даже стережетъ меня на улицѣ». Она умна, но очень неудобна, прибавилъ Листъ.

«Въ Дрезденѣ, продолжалъ Листъ, я встрѣтился съ І. Іоахимомъ, который разошелся со мною уже нѣсколько лѣтъ. Въ прошломъ Сентябрѣ я приказалъ его пригласить отъ моего имени въ Веймаръ, ко дню открытія памятниковъ Гёте и Шиллера; но въ отвѣтъ на это получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ объяснялъ свой отказъ пріѣхать тѣмъ, что, не смотря на его глубокое уваженіе ко мнѣ лично, онъ не можетъ пріѣхать, въ виду противоположности его мнѣній въ музыкальномъ отношеніи съ моими. Будучи въ Дрезденѣ, я узналъ, что Іоахимъ живетъ въ одной гостинницѣ со мною и написалъ ему нѣсколько строкъ; онъ явился ко мнѣ. Я его принялъ словами: «Я знаю, что моихъ сочиненій ты не признаешь; пиши, говори, дѣлай противъ меня, въ музыкальномъ отношеніи, все, что̀ хочешь. Я не могу сказать, чтобъ эти отношенія меня радовали, но разъ этого нельзя измѣнить, то пусть хоть наши личныя отношенія остаются хорошими, и не доставляй филистерамъ удовольствіе говорить, что мы оба хватаемся за волосы. Изо всѣхъ членовъ артистическаго міра мы двое принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые могутъ подать другъ другу руку». Іоахимъ казался тронутъ моими словами; мы видѣлись нѣсколько разъ и, кажется, личныя наши хорошія отношенія возстановлены». Говоря Іоахиму о родѣ своихъ сочиненій и о своей манерѣ сочинять, Листъ сказалъ ему: «Не думай, что я такъ пишу изъ тщеславія; Богу извѣстно, что кромѣ заботъ, скуки и непріятностей, я ничего отъ этого

не получаю». Но Іоахимъ возразилъ ему на это, что Листъ изъ упрямства не хочетъ прислониться къ старому и общепринятому. Листъ отвѣчалъ, что объ этомъ онъ вовсе не думаетъ, а пишетъ по внутренному убѣжденію, что ему рѣшительно все равно, сумасшествіе ли это съ его стороны, или въ свое время принесетъ плоды. Онъ уподобилъ себя лошаку, который съ наглазниками всходитъ на крутую гору, не заботясь о томъ, что у него лежитъ по правой и лѣвой сторонѣ. Сочиненія Іоахима очень нравились и доставляли удовольствіе Листу.

Во время своей Дрезденской поѣздки, Листъ остановился въ Лейпцигѣ, музыкальный міръ котораго составлялъ ему сильную оппозицію. Но Листъ прибавилъ: «Я даю этой оппозиціи отъ трехъ до четырехъ лѣтъ существованія. Ихъ свѣчка скоро догоритъ; поэтому я нахожу излишнимъ вести съ ними чернильную войну, что я и сообщилъ Бюлову». (Извѣстно, что Бюловъ, въ своихъ литературныхъ работахъ, не щадилъ вожаковъ оппозиціи Лейпцига противъ Веймара). Продолжая говорить о Лейпцигѣ, Листъ разсказалъ, «какъ на прошлой недѣлѣ, за однимъ ужиномъ, на которомъ были А. Г. Рубинштейнъ «murrando»*), какъ его называлъ Листъ, когда А. Г. бывалъ не въ духѣ, (нѣкоторые) изъ артистовъ съ восторгомъ говорили о высокомъ наслажденіи, которое имъ доставили симфоніи Гайдна, изъ коихъ многія были играны за послѣднее время въ концертахъ въ Лейпцигѣ. Для Рубинштейна это было слишкомъ сильно; онъ крикнулъ лакею: Дайте мнѣ стаканъ Гайдна, то-есть, воды. Но эти слова привели въ негодованіе многихъ изъ присутствовавшихъ артистовъ, и Рубинштейнъ сталъ у нихъ на плохомъ счету.

Изъ произведеній Рубинштейна, игранныхъ тогда въ Лейпцигѣ, довольно хорошо были приняты его симфоніи; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ его тріо. Листъ находилъ, что этотъ періодъ работъ Рубинштейна переходный, но надѣялся, что изъ него выйдетъ что-то большое, если только въ немъ окажется достаточно творческой силы. «Вы знаете», продолжалъ Листъ, «какъ высоко я цѣню талантъ Рубинштейна, вотъ почему я и говорю это откровенно. Въ развитіи Рубинштейна два періода: дѣтскій и настоящій, переходный. До сихъ поръ онъ слишкомъ колеблется и прислоняется къ разнымъ школамъ, напримѣръ, къ школѣ Мендельсона. Положеніе Рубинштейна, написавшаго послѣ Гайдна ораторію «Сотвореніе міра», было очень трудное, напримѣръ, вновь произвести звѣрей, растенія и т. д. Рубинштейнъ ввелъ свѣтъ съ піаниссимо; у Гайдна вступленіе свѣта фортиссимо.

*) Вѣроятно отъ Нѣмецкаго слова murren —ворчать.

Въ «Потерянномъ Раю» Рубинштейна (къ поэмѣ Мильтона) нѣсколько чудныхъ хоровъ, напримѣръ, когда добрые духи сражаются противъ злыхъ. Что̀ мнѣ мѣшаетъ, это голосъ Бога-Отца; по моему это непристойно. Но я бы желалъ давать его эту зиму».

1858-й годъ.

Не смотря на то, что наступилъ канунъ моего отъѣзда въ Италію и мысли мои стремились къ Югу, а сердце къ больному брату въ Римъ, я не хотѣла пропустить репетиціи концерта, ежегодно исполнявшагося, по желанію [illegible]ей великой княгини, при дворѣ, вечеромъ 1-го Января. Концертомъ управлялъ Листъ. Изъ вещей для оркестра повторяли двѣ: увертюру Фетиса, очень хорошо инструментованную и благодарную, какъ для исполнителей, такъ и для слушателей, и каприччіо въ видѣ увертюры, Аррагонскую Хоту Глинки, вышедшую въ свѣтъ только послѣ его смерти. Это геніальное сочиненіе, типичное и мелодичное, исполненное граціи и музыкальной прелести, расшевелитъ какую угодно публику. Повторяли также отрывокъ, хоры и соло, изъ неоконченной оперы «Лорелей» Мендельсона. Отрывокъ оперы написанъ въ семитическомъ духѣ Мендельсоновскихъ произведеній: ласкающій ухо и звучный, онъ ловко проскальзываетъ мимо уха и сердца. Драматическая часть отрывка слишкомъ новомодна. Сказка о Лорелеѣ— старинная Нѣмецкая и, для передачи ея въ формѣ оперы, требуется болѣе Германскій средне-вѣковый характеръ музыки. Вотъ почему я не согласна съ характеромъ отрывка Мендельсона. Изъ солистовъ въ концертѣ участвовалъ скрипачъ Бацини, съ очень широкимъ смычкомъ, но не достигшій еще сказочной техники своего маэстро, Сивари [illegible]. игралъ концертъ и «La ronde des lutins» собственнаго сочиненія; музыкальной цѣны эти вещи не имѣютъ. Пѣла молодая дѣвица Баумъ арію Россини и «la Zingara» Доницетти.

2-го Января. Простившись съ дорого̀ю моею семьею и съ провожавшими меня друзьями, я пустилась въ дальній путь. Мать моя провожала меня до Эйзенаха, гдѣ ко мнѣ въ купэ вошли мои спутницы, г-жа фонъ-Эйхель и ея дочь Анна.

Около Фридберга мы свернули въ сторону, въ имѣніе Ильбенштатъ, принадлежавшее сестрѣ г-жи фонъ-Эйхель, графинѣ Лейнингенъ. Болѣзненное состояніе моей подруги требовало ежедневныхъ остановокъ, вслѣдствіе чего мы употребили на проѣздъ изъ Веймара въ Римъ семнадцать дней. Эти остановки давали мнѣ возможность осматривать разные города, которыхъ я еще не знала, а главное не утомляться, такъ какъ цѣлью моего путешествія на Югъ было возстановленіе моего здоровья, которое очень пошатнулось отъ сильнаго напряженія.

Уже въ Марсели, гдѣ мой кашель сталъ проходить, я почувствовала, что Югъ и устраненіе всякихъ занятій мнѣ помогутъ. Грудь еще болѣла, но этому, вѣроятно, содѣйствовала ѣзда по желѣзной дорогѣ.

Мы двинулись далѣе по желѣзной дорогѣ, еще не оконченной на всемъ протяженіи избраннаго нами пути. Изъ Мюльгаузена до Безансона намъ пришлось ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ. Это былъ первый разъ, что̀ я пріѣхала во Францію. Утром въ Безансонѣ, отправившись гулять по городу, я была пораже живостью народа. На улицахъ говорили на непонятномъ мнѣ пат сопровождая безконечными жестами громкій разговоръ; назой ые мальчишки преслѣдовали прохожихъ предложеніемъ почистить ихъ обувь; другіе выкрикивали жареные каштаны, которые готовили тутъ-же на жаровняхъ, мѣшая ихъ натуральными своими ложками, т. е. пальцами. Полицейскіе, съ большими треуголками на головахъ, въ мундирахъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ, мѣшались повсюду; солдатъ, съ лицомъ настоящаго sans-souci, художественно драпированный въ своей ротондѣ, болталъ или хохоталъ съ женщинами въ круглыхъ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями; торговки выкрикивали свой товаръ, зелень, фрукты, рыбу и т. д., и, сидя одна возлѣ другой на базарной площади, образовали своими шляпами громадное соломенное море; крестьянки возили въ деревянныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ собаками, молоко для продажи; словомъ, всюду оживленіе, беззаботность и натуральность, и выносишь впечатлѣніе, что народъ пользуется полнѣйшей свободой, не стѣсненной никакими законами; пристрѣвшись же поближе, узнаёшь, что лишь Французское легкомысліе пл аетъ имъ такъ относиться къ жизни.

Въ Безансонѣ уже южное устройство домовъ: каменные полы, камины съ прямыми трубами, замѣняющіе сѣверныя печи, тонкія стѣны, черезъ которыя свободно проникаетъ наружный воздухъ.

Отъ Ліона желѣзная дорога слѣдуетъ по лѣвую сторону Роны, которая извиваетъ свои свѣтло-зеленыя, прозрачныя, какъ стекло, воды по живописной долинѣ. На противоположной сторонѣ Роны, въ мягкомъ контурѣ поднимается хребетъ горъ, la Côte d'or, окрашенныхъ въ нѣжный южный оттѣнокъ.

Проѣзжая Авиньонъ, мы незамѣтно въѣзжали въ благодатную Провансъ. Дома отличаются южной архитектурой: плоскія крыши, веранды и малое число оконъ—ихъ характеристичныя черты. Деревни, большей частью, расположены вдоль горъ; ихъ дома̀, прислонившись къ скаламъ, разсѣяны въ живописномъ безпорядкѣ. Природа полна южной растительности, съ вѣчнозеленою листвою и кустарниками. Кипарисъ стройно поднимаетъ къ небу свою темную, плотно соединен-

ную зелень; масличныя деревья, съ листвой сѣро-сине-зеленаго цвѣта, покрываютъ откосы горъ, и между ними, художественно развѣтвляясь, какъ истый царь деревьевъ, гордо стоитъ вѣчнозеленый дубъ. На всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги видны лавры и цвѣтутъ еще розы и львиный зѣвъ. Нельзя передать, какъ видъ такой полной жизни природы дѣйствуетъ на сѣвернаго человѣка, привыкшаго цѣлые мѣсяцы видѣть унылое, безконечное, бѣлое одѣяло, покрывающее весь кругозоръ.

При закатѣ солнца, вдали виднѣлась горная цѣпь морскихъ Альпъ, залитыхъ ярко-розовымъ оттѣнкомъ (Alpenglühen).

Черезъ Марсель мы отправились моремъ дальше въ Геную. Она очаровала меня своимъ мѣстоположеніемъ и чудными старинными дворцами, которые большей частью оставлены своими прежними владѣльцами—Генуезскими дворянами (nobili), и превращены въ гостиницы, присутственныя мѣста, или въ казармы. Грустно вспомнить о прежнемъ величіи и богатствѣ Генуи, отъ которыхъ теперь осталась одна только тѣнь. На улицахъ жизнь еще болѣе развита, чѣмъ во Франціи, благодаря болѣе теплому климату. Итальянское «dolce far niente» очень характерно выражается у этого лѣниваго, неопрятнаго и ограниченнаго народа.

Осмотрѣвъ Геную, Ливорно и Пизу, мы, наконецъ достигли Чивитта-Веккіи, гдѣ ночевали; а оттуда въ экипажѣ отправились въ вѣчный городъ.

Покинутая кампанья кругомъ Рима тянется въ мягко-очерченныхъ холмообразныхъ формахъ, съ нѣжнѣйшими оттѣнками. Слѣды жизни исчезли изъ нея; встрѣчаются только остатки прежняго величія, развалины домовъ и дачъ, акведуковъ, мостовъ и гробницъ. Даже природа въ ней точно замерла: кое-гдѣ виднѣется осиротѣвшее дерево, или кустарникъ, болѣзненно питающійся малярійнымъ воздухомъ кампаніи. Все, что̀ здѣсь было и цвѣло, обросло мелкой травой. Но эта пустыня невыразимо-чарующимъ образомъ проникаетъ въ душу человѣка; ее любишь, она плѣняетъ своей глубокой грустью, раздирающей сердце тоской. Эта пустыня, эта безлюдность такъ уныло дѣйствуютъ на человѣка, что нельзя себѣ представить, что вблизи есть какое-нибудь человѣческое жилье. Нашъ почталіонъ, вѣроятно тоже подъ вліяніемъ пустыни, задремалъ, и мы очутились опрокинутыми въ канаву. Намъ пролежать бы тамъ цѣлый день, если бы, на наше счастье, не увидѣли мы партію желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которые и помогли намъ поднять экипажъ. Этотъ неожиданный сюрпризъ занялъ нѣсколько часовъ, и нашъ пріѣздъ въ Римъ на много опоздалъ. Но вдругъ вдали показался куполъ собора Св. Петра, освѣщенный вечернею зарею.

Мы въ Римѣ. Не предчувствовала я, сколько горя принесетъ мнѣ этотъ вѣчный Римъ.

18-го Января. Пока окончили визировку паспортовъ и осмотръ багажа таможенными чиновниками, и пока мы доѣхали до Hotêl d'Angleterre, было уже такъ поздно, что я рѣшила только на слѣдующій день отыскать своихъ братьевъ, Ивана и Василія.

19-го Января. Г-жа фонъ-Эйхель вмѣстѣ со мной отправилась къ моимъ братьямъ; пріѣзжаемъ, ихъ нѣтъ дома. Это меня поразило. Возвращаюсь домой; меня встрѣчаетъ братъ Иванъ, лица̀ на немъ нѣтъ. Мой первый вопросъ: что̀ Василій?—Отвѣта нѣтъ; я угадала страшную дѣйствительность. Сердце разрывалось отъ боли. Мои бѣдные родители! Не легко потерять такого даровитаго сына, 21-го года. Его похоронили на Cimiterio dei Protestanti, близъ пирамиды Цестіуса. Недалеко отъ его могилы покоится прахъ Брюлова и сына Гёте. 7-го Января онъ пріобщался и скончался на другой день. Чувствуя приближеніе своей кончины, онъ звалъ насъ всѣхъ по именамъ и говорилъ брату, что будетъ съ ангелами. На каминѣ стояло распятіе; онъ попросилъ брата дать его ему и, поцѣловавъ его, скончался. 10-го, въ Воскресеніе, его похоронили. Русскіе художники въ Римѣ его провожали и пѣли на его похоронахъ: Ивановъ, Плѣшановъ, Ксенофонтовъ, Венигъ и еще другіе, именъ которыхъ я не знаю. Въ Римѣ онъ прожилъ всего одинъ мѣсяцъ. Я нахожу варварствомъ со стороны врачей посылать безнадежнаго больнаго такъ далеко отъ его семейства; такому больному умирать на чужбинѣ только усложняетъ его страданія.

Нелегко мнѣ было съ братомъ Иваномъ; онъ бродилъ, какъ тѣнь и не на что не могъ рѣшиться: ни рисовать, ни писать, ни пойти ко мнѣ или къ другимъ; словомъ, я съ ужаснымъ безпокойствомъ слѣдила за нимъ, какъ и всѣ мои знакомые, знавшіе его раньше. Я надѣялась, что, какъ стипендіатъ Академіи Художествъ, онъ находится подъ надзоромъ и руководствомъ какого-нибудь художника; но какъ онъ самъ, такъ и другіе мнѣ сказали, что всѣ они живутъ отдѣльно и дѣлаютъ, что̀ хотятъ. Гедеонову, жившему тогда въ Римѣ, порученъ былъ надзоръ за стипендіатами Академіи; но говорили, что въ дѣлѣ искусства онъ ничего не понималъ. *) Въ письмѣ къ отцу я писа-

*) Императоръ Николай Павловичъ пріобрѣлъ въ Римѣ, въ лучшемъ мѣстѣ, цѣлую десятину земли для раскопокъ, дабы не тратить денегъ на поддѣльныя древности (изготовленіемъ которыхъ такъ успѣшно занимаются Итальянцы). Въ слѣдующее царствованіе, при Гедеоновѣ, эта десятина промѣнена святѣйшему отцу-папѣ на древнюю статую, нынѣ красующуюся въ нашемъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ. Знатокъ древностей Русскихъ, Гедеоновъ—сынъ директора театровъ, котораго читатели „Русскаго Архива“ знаютъ по письмамъ А. Я. Булгакова. П. Б.

ла: «Я-бы очень хотѣла, чтобъ Иванъ поддерживалъ личныя сношенія съ Корнеліусомъ, Виттихомъ, Леманомъ и другими художниками старше его; но онъ болѣе чѣмъ странно смотритъ на это мое предложеніе. Нѣсколько разъ въ недѣлю онъ по вечерамъ бываетъ у Софіи Дмитріевны Сухово-Кобылиной, гдѣ кружокъ молодыхъ Русскихъ художниковъ собирается и рисуетъ костюмы; но для него, я повторяю нужна болѣе серьезная поддержка. Онъ такой ипохондрикъ; не знаю, что съ нимъ дѣлать. Ольга Грантъ (моя подруга изъ Веймара) съ мужемъ навѣщала часто больного и умирающаго Василія, и говоритъ, что Иванъ, послѣ смерти брата, растерялся, и они не знали, что съ нимъ дѣлать.»

Вернувшись съ дорогой могилы, мы проѣхали мимо Форума Романума. Видя это величіе, я разрыдалась.

20-го Января пріѣхали къ намъ скульпторъ К. Виттихъ, впослѣдствіи директоръ Дюссельдорфской Академіи, и художникъ Родольфъ Леманъ, оба давнишніе знакомые моихъ друзей.

24-го Января. Мы были у вечерни въ монастырѣ монахинь ордена «Sacré Coeur», Trinita dei Monti, находящемся надъ Piazza di Spagna. Монахини пѣли чисто, согласно, и между ними слышались хорошіе голоса; но то, что онѣ пѣли, доказывало только полнѣйшій упадокъ церковнаго пѣнія въ Италіи. По характеру своему, это не была ни церковная, ни свѣтская музыка, но изъ двухъ скорѣе послѣдняя. Всѣ композиціи носили характеръ то какого-то рондо-аллегро, то рондо-виваче; словомъ, я была вполнѣ разочарована. Думала: поѣду въ соборъ Св. Петра; тамъ, должно быть, будетъ лучше.

26-го Января. Насъ посѣтилъ Прусскій посланникъ въ Римѣ, Г. фонъ-Реумонтъ, ученый знатокъ Италіи. Его безобразная наружность вошла въ поговорку въ Римѣ. Въ своей жизни я встрѣчала только еще одного человѣка съ такою наружностью: это былъ Андерсенъ, Датскій писатель сказокъ. У обоихъ лица были сморщенныя, а оконечности до того длинны, что руки висѣли ниже колѣнъ, что придавало имъ особое сходство съ обезьяною.

27-го Января. При входѣ въ храмъ Св. Петра, изъ одной боковой капеллы до меня долетѣли звуки органа, игравшаго Польку. Я не вѣрила своимъ ушамъ, но, подойдя ближе, убѣдилась, что не ошиблась. Шла вечерня, запѣли пѣвчіе; но грустно было сказать себѣ, что поютъ потомки того народа, который съ гордостью называлъ своими гражданами Палестрини, Перголезе, Лотти, Витторіо и многихъ другихъ геніальныхъ писателей церковной музыки. Во всѣхъ церквахъ Италіи пѣніе весьма непріятно сопровождается стукомъ палки или свертка бумаги регента, который отбиваетъ имъ не только четверти, но и вось-

мыя. Опять съ моей стороны полное разочарованіе. Я столько читала о папскихъ пѣвчихъ, что ѣхала въ Римъ въ надеждѣ, что услышу небесное церковное пѣніе; но, увы, упадокъ искусства и въ этомъ оказался полнѣйшій.

Послѣ смерти брата меня такъ и тянуло домой. Хотя, благодаря Югу, я меньше кашляла и боль въ груди стала слабѣе, но съ моей стороны было-бы неблагоразумно опять ѣхать на Сѣверъ, и мои друзья слышать не хотѣли о моемъ отъѣздѣ, а родители мои настаивали на томъ, чтобы я оставалась въ Римѣ, и ради своего здоровья, и ради брата Ивана. Мнѣ же Римъ казался еще серьезнѣе и величественнѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ представился бы мнѣ, если бы не убивало меня грустное чувство потери брата.

28-го Января. Мы пошли въ Колизей и на Форумъ-Романумъ. Съ чувствомъ глубокаго волненія ставишь ногу на землю, на которой разыгралась часть всемірной исторіи, гдѣ жили, боролись и мучились герои, гдѣ, начиная съ воспитанія Ромула и Рема у соска волчицы, до могущественныхъ цезарей, папъ и до настоящаго дня, исторія можетъ разсказать столько, какъ ни въ одной странѣ на свѣтѣ. Видя теперь лишь остатки великолѣпныхъ построекъ этихъ гигантовъ, переживших монархію цезарей, могущество папъ, и перешедшихъ и въ нашъ изнѣженный вѣкъ, невольно изумляешься генію художника, которому возможно было начертить планы подобныхъ вѣковыхъ монументальныхъ сооруженій. Сердце сжимается при видѣ того, что въ четырнадцатомъ столѣтіи средневѣковый вандализмъ не щадилъ этихъ неоцѣненныхъ остатковъ: на постройку новыхъ дворцовъ расхищали кирпичъ и ровные каменные блоки, служившіе для сооруженія Колизея. Изъ разрушеннаго Колизея выросли многіе дворцы; назову только палаццо Венеція и Фарнези. Папа Пій VII положилъ конецъ этому дикому расхищенію и приказалъ укрѣпить откосами разрушенные концы стѣнъ.

Посреди арены вооруженъ большой черный крестъ, а кругомъ всей арены четырнадцать алтарей, съ изображеніемъ страстей Господнихъ; въ продолженіе великаго поста поютъ тамъ вечерню «Ave Maria», а по пятницамъ, въ 2 часа дня, монахъ, священникъ проповѣдуетъ о страстяхъ Спасителя. При насъ проповѣдывалъ на Французскомъ языкѣ извѣстный Капуцинскій монахъ; онъ призывалъ грѣшниковъ къ покаянію. Прочувствованной рѣчью своею онъ глубоко поразилъ своихъ слушателей: это была всеобще-христіанская рѣчь, безо всякой примѣси католицизма. И онъ очень умѣстно вспоминалъ въ ней о всѣхъ мученикахъ, которые были здѣсь умерщвлены за вѣру Христіанскую.

Но какая удивительная акустика въ этомъ Колизеѣ! Гдѣ бы ни стоять, вездѣ внятно слышно каждое слово проповѣди.

24-го Января. Петеръ фонъ-Корнеліусъ, украшенный лаврами вождь Нѣмецкихъ художниковъ, пригласилъ насъ пріѣхать къ нему въ ателье, посмотрѣть на большую, только что оконченную имъ картину «Положеніе во гробъ». Корнеліусъ большею частью рисуетъ карандашемъ или углемъ; вотъ почему очень рѣдко приходится видѣть его картину, писанную красками. На меня она произвела сильное впечатлѣніе выраженіемъ глубокой скорби и серьезностью происшествія. Сочетаніе красокъ достойно кисти Корнеліуса. Другой, только-что оконченный маленькій рисунокъ карандашемъ, заказанный принцессой Прусской, изображалъ лэди Макбетъ, ходящую во снѣ, съ ужасающимся лицомъ при видѣ капель крови.

Корнеліусъ очень худощавый, маленькій, но добрый восьмидесятилѣтній старикъ, съ острыми чертами лица. Его маленькіе, блестящіе глаза зорко, наблюдательно и долго смотрятъ на предметъ или на лицо, говорящее съ нимъ. Его длинные волосы еще темно-каштановые; держится онъ очень прямо и дѣлаетъ мало движеній. Онъ встрѣтилъ насъ очень любезно и ласково, но вообще онъ почти никого ни принимаетъ. Въ обществѣ его не видно, онъ избѣгаетъ свѣта и только собираетъ къ себѣ по вечерамъ нѣсколькихъ молодыхъ художниковъ. Его участь подобна участи всѣхъ геніевъ: ему завидутъ, и почти всѣ его коллеги въ Римѣ враждебно къ нему относятся, не находя достаточно камней, чтобы бросать въ него, этого великаго художника, достойнаго всякаго преклоненія. Зная свою силу, Корнеліусъ смотритъ на нихъ свысока, посмѣивается надъ ихъ невѣжествомъ и оцѣниваетъ ихъ работы справедливо, но строго. Онъ ненавидитъ всякое искривленіе и отступленіе отъ правды въ искусствѣ; а къ сожалѣнію надо сказать, что, особенно за послѣднее время, въ художественномъ отношеніи въ Римѣ творится мало отраднаго. Понятно, что онъ оставляетъ собакъ лаять и нападать на него, а самъ твердымъ шагомъ идетъ къ тому, что̀ онъ призналъ за истину въ искусствѣ. Жена Корнеліуса очень красивая Итальянка; но смертельная болѣзнь, ракъ, истощаетъ ея силы.

Леманъ и Виттихъ чаще другихъ художниковъ бывали у насъ, но трудно себѣ представить два такихъ контраста. Виттихъ уроженецъ Мейсена изъ очень бѣдной семьи, гдѣ на внѣшній лоскъ обращаютъ мало вниманія. Онъ художникъ съ серьезными стремленіями, поэтому ему плохо приходится въ жизни. О славѣ и успѣхахъ въ свѣтѣ онъ и не думаетъ: въ его глазахъ они не имѣютъ никакой цѣны. Онъ человѣкъ съ сильной вѣрой; голова и сердце хорошо у него работаютъ. Но такъ какъ на этомъ свѣтѣ внѣшность — все, то онъ не

скоро себѣ пробьетъ дорогу: онъ слишкомъ прямой и правдивый въ искусствѣ.

Леманъ, наоборотъ, очень щегольской наружности, съ самыми изящными свѣтскими манерами, ловкій собесѣдникъ, владѣетъ отлично Европейскими языками, нрава ни теплаго, ни холоднаго и вѣруетъ по-свѣтски. Счастіе ему везетъ, и почти всѣ его картины идутъ въ Англію или Америку.

2-го Февраля. Мы поѣхали въ соборъ Св. Петра, гдѣ папа Пій IX служилъ обѣдню; мнѣ хотѣлось видѣть папское служеніе, извѣстное своей пышною внѣшностью. По пріѣздѣ моемъ въ Римъ, меня поразило, что все напоминаетъ о папскомъ величіи и указываетъ, что мы въ столицѣ папы; но въ тоже время замѣтно, что теперь это только фиктивная столица папы. На улицахъ движется живописная толпа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ; большинство движущихся — лица духовнаго сана: папскіе монсиньоры, въ живописныхъ средневѣковыхъ дворянскихъ костюмахъ, прелаты, патеры, діаконы, пѣвчіе, монахи всѣхъ возможныхъ орденовъ, словомъ, пестрая толпа духовныхъ и свѣтскихъ представителей составляетъ главный элементъ улицъ Рима. Военныхъ рѣдко видно: Римъ занимаютъ Французскія войска и если встрѣчаешь иногда между народомъ Французскихъ солдатъ, то всегда по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, Итальянцы же держутся отъ нихъ въ сторонѣ.

Папа самъ нигдѣ не смѣетъ показываться пѣшкомъ; гуляетъ онъ пѣшкомъ только въ своемъ частномъ саду, соединенномъ съ Ватиканомъ, мѣстомъ его резиденціи. Совершать прогулку за городъ онъ можетъ только верхомъ на бѣломъ ослѣ, и его любимая прогулка, это выѣзжать черезъ Porta del popolo въ Porta Angelica. Выѣзжаетъ онъ, какъ и всѣ кардиналы, въ закрытой большой каретѣ; карета папы запряжена шестерикомъ, съ четырьмя лакеями, кареты кардиналовъ парою лошадей, на запяткахъ стоятъ трое лакеевъ, а передъ ними на каретѣ лежитъ неизмѣнно закрытый большой зонтикъ. Кардиналы тоже не смѣютъ показываться пѣшкомъ на улицахъ Рима. Проѣздъ папы на улицахъ сейчасъ же замѣтенъ: народъ колѣнопреклоненно принимаетъ его благословеніе (по крайней мѣрѣ такъ это было въ то время), которое онъ не переставая даетъ по обѣ стороны, черезъ окна своей кареты.

Къ вышеозначенному празднику (2-го Февраля) всѣ Французскія войска заняли площадь передъ соборомъ Св. Петра, ожидая благословенія отъ папы. При входѣ въ церковь, меня поразила пышность обстановки: живописные костюмы лицъ папскаго штата бросались въ глаза. Швейцары, исполняющіе при папѣ военную службу, имѣютъ покрой мундира еще средневѣковой, ботфорты съ пестрымъ обшлагомъ,

прилегающіе инекспримабль, мундиръ-камзолъ изъ полосатой, желтой съ краснымъ, матеріи, каску, галлебарду и короткую саблю. Личная охрана папы, la garde nobile, образуется изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій; черный бархатный костюмъ съ прорѣзами на груди и прилегающихъ рукавахъ, для выступающихъ шелковыхъ буфовъ, наброшенная черезъ плечо альмавива съ широкой бѣлой фрезой кругомъ ворота, Испанская шляпа со страусовымъ перомъ и прямая шпага довершаютъ ихъ костюмъ. Кромѣ того пышный штатъ папы состоялъ изъ камергеровъ, сенаторовъ, прелатовъ, монсиньоровъ, священниковъ, діаконовъ, разныхъ ниже стоящихъ духовныхъ чиновъ, монаховъ, пѣвчихъ, лакеевъ, и все это своимъ внѣшнимъ видомъ придерживалось старинныхъ преданій; словомъ, толпа была такая живописная, что часами можно было бы стоять и смотрѣть на нее. Эта живописная картина производитъ сильное впечатлѣніе на народъ и на пріѣзжихъ, не видавшихъ нигдѣ подобной характерной процессіи. Несмѣтное множество народа собралось въ соборъ, и видъ этого красиваго народнаго типа еще способствуетъ оживленію и украшенію всей картины; невольно любуешься ихъ красотой, стройностью, врожденною гибкостью и элегантностью: поразительно ихъ умѣнье художественно набросить на себя плащъ, любую тряпку, или приколоть женскій головной уборъ.

Папу уже вынесли на его тронѣ. Служитъ онъ звучнымъ теноровымъ голосомъ; его внѣшность невзрачная: онъ небольшого роста. На немъ надѣта была риза изъ серебрянаго глазета, поверхъ нея мантія съ драгоцѣнными застежками, на головѣ была его золотая тіара; непосредственно передъ нимъ носили знаки его папства, посохъ, и два псаломщика держали въ рукахъ, на длинныхъ палкахъ, громадный вееръ изъ павлиньихъ перьевъ, которымъ обмахивали папу. Кардиналы въ тіарахъ, обшитыхъ широкими старинными кружевами, съ маленькой красной скуфьей на головѣ, въ лиловыхъ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, окружали папу. По окончаніи обѣдни, восемь служащихъ діаконовъ вынесли папу на его тронѣ, окруженнаго пышнымъ шествіемъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, обратно въ Ватиканскій дворецъ, соединенный съ соборомъ черезъ правую его колоннаду.

Папскіе пѣвчіе пѣли обѣдню, должна сказать, гораздо лучше, чѣмъ все прежде слышанное мною; но ихъ пѣніе не соотвѣтствуетъ ихъ прежней славѣ. Кастраты, исполняющіе сопранный голосъ, производятъ непріятное впечатлѣніе слабымъ тембромъ голоса; когда въ первый разъ слышишь ихъ пѣніе, то не знаешь, кто и что̀ поетъ; оно звучитъ какъ-то безхарактерно и безжизненно, хотя объемъ голоса

бываетъ довольно значительный, до *si* съ перечеркнутой шейкой надъ верхней линейкой, въ сопранномъ ключѣ. Во время обѣдни постоянная ходьба народа по церкви очень мѣшаетъ общему спокойствію, привычному во время богослуженія. Если увидите кого-нибудь стоящаго спокойно и со вниманіемъ слѣдящаго за службой, то можете быть увѣрены, что это чужестранецъ. Но молиться при постоянной ходьбѣ, движеньи, глазѣньи и толкотнѣ въ церкви—дѣло невозможное.

У Ольги Грантъ я познакомилась со Шведской писательницей Фредерикой Бремеръ; ея семейные романы переведены на всѣ Европейскіе языки; изъ нихъ особеннымъ успѣхомъ пользуются «Сосѣди» и «Дневникъ» («Skizzen aus dem Alltagsleben»). Она почтенная старушка, ей за шестьдесятъ лѣтъ; она очень молчалива, но весьма наблюдательна.

15-го Февраля. Я съ братомъ посѣтила нѣсколько мастерскихъ художниковъ. Около семидесяти стипендіатовъ Петербургской Академіи художествъ, архитекторы, скульпторы и художники, живутъ въ Римѣ. При такомъ почтенномъ числѣ учащихся, можно было бы подумать, что художества процвѣтаютъ въ Россіи; но странно, пока это не замѣтно. Изъ Римскихъ стипендіатовъ я поѣхала въ мастерскую Томашевскаго, который окончилъ маленькій образъ св. Екатерины для великой княгини Елены Павловны. Стипендіатъ работаетъ надъ большой картиной, находящейся еще въ первой степени развитія; мотивомъ для нея служитъ явленіе Господа Савлу, по дорогѣ въ Дамаскъ. Композиція картины очень живая, но до полнаго окончанія судить о ней нельзя, такъ какъ именно въ этой картинѣ много зависитъ отъ колорита.

Затѣмъ мы поѣхали въ мастерскую Ксенофонтова. Онъ работаетъ надъ сценой изъ карнавала: двѣ красивыя Албанки сидятъ въ экипажѣ и перебрасываются цвѣтами съ проходящими. Какъ композиція, картина дѣлаетъ впечатлѣніе куска, вырѣзаннаго изъ большой картины; какъ колоритъ, она хорошо подготовлена.

Меня интересовало видѣть скульптора Штейнгейзера (родомъ изъ Бремена) и его работы въ Римѣ, такъ какъ для Веймара пріобрѣтена его колоссальная группа, изображающая Гёте съ Психеей (Беттиной фонъ-Арнимъ, рожденной Брентано), которая дотрогивается до струнъ его лиры. Отношенія Гёте съ Беттиной Фонъ-Арнимъ извѣстны изъ ихъ переписки, которая была напечатана (Briefwechsel von Göthe mit einem Kinde); къ этой книгѣ былъ приложенъ рисунокъ Б. фонъ-Арнимъ, который и послужилъ Штейнгейзеру моделью для вышеупомянутой группы. Онъ началъ ее работать въ полной надеждѣ, что ее пріобрѣтутъ для Берлина; но, хотя надежда его не сбылась, скульпторъ не охладѣлъ къ своей работѣ и, съ шестью мастерами, продолжалъ ее

на авось, въ теченіе шести лѣтъ. Счастье ему благопріятствовало, и онъ нашелъ для своей группы достойное мѣсто въ Веймарскомъ паркѣ, гдѣ Гёте жилъ и работалъ. Если бы не знать, что въ Психеѣ передъ глазами публики изображена сама Беттина фонъ-Арнимъ, то можно быть увѣреннымъ, что рисунокъ прошелъ бы незамѣтно; но есть многіе, которые и до сихъ поръ порицаютъ Штейнгейзера за это. Если самъ онъ, при началѣ работы, не чувствовалъ никакой неловкости, то посѣщавшіе его мастерскую, вѣрно, своими замѣчаніями навели его на это, потому что, во время работы, онъ дѣлалъ измѣненія въ рисункѣ Беттины фонъ-Арнимъ, но благодаря, его гармоничности, каждый разъ принужденъ былъ вернуться къ нему.

Теперь видна еще въ его мастерской колоссальная модель головы Гёте.

Мой братъ поѣхалъ еще со мной къ г. Ландсбергеру, чтобы осмотрѣть его коллекцію картинъ. Но меня гораздо больше интересовало его собраніе автографовъ, особенно Бетховена, отъ котораго у него нѣсколько книжекъ для замѣтокъ, симфонія «Eroica», нѣсколько сонатъ и квартетовъ въ манускриптахъ.

Вечеромъ у Ольги Грантъ я слышала извѣстнаго кастрата Мистафа, изъ числа Сикстинскихъ пѣвчихъ. Между прочимъ, онъ пѣлъ арію сопрано изъ «Луизы Миллеръ» Верди; не могу сказать, какое отталкивающее впечатлѣніе производитъ на меня такое пѣніе.

17-го Февраля. Среда первой недѣли Великаго поста отличается тѣмъ, что папа посыпаетъ пепломъ головы присутствующихъ при богослуженіи въ Сикстинской капеллѣ. Эта маленькая церковь, въ которую во время богослуженія пускаютъ только по имяннымъ билетамъ, поражаетъ своею художественною простотою; единственное украшеніе стѣнъ и потолковъ—художественныя произведенія Микель Анджело, Перуджино, Ботичелли, Синьорелли, Рафаэля и другихъ. Мы пріѣхали въ капеллу, когда начинали собираться кардиналы, депутаціи духовныхъ лицъ, монаховъ, пѣвчихъ и высокопоставленныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ. По срединѣ одной стѣны стоитъ тронъ папы, по обѣ стороны отъ него идетъ рядъ соединенныхъ вырѣзныхъ деревянныхъ креселъ для кардиналовъ. До прибытія папы, они по одиночкѣ являются въ капеллу, въ сопровожденіи своего «servitore» съ узломъ въ рукахъ и, ставъ у своего кресла, начинаютъ скидывать ненужныя одежды и облачаться въ другую, положенную для церемоніи. По окончаніи богослуженія таже ходьба лакеевъ, тѣже раздѣваніе и одѣваніе возобновляются, что, по моему, очень нарушаетъ тишину и благопристойность храма. Фреска «Страшный судъ» Микель - Анджелло занимаетъ всю восточную стѣну церкви; на свѣтѣ нѣтъ второй кар-

тины, равной ей по мастерскому и вѣрному исполненію человѣческихъ формъ. Микель Анджелло, геній, какъ архитекторъ, скульпторъ и художникъ, былъ такой знатокъ анатоміи человѣческаго тѣла, что любой докторъ можетъ учиться анатоміи на его работахъ. Передъ этой фреской Микель Анджелло стоитъ престолъ, на которомъ папа совершаетъ обѣдню. На противоположной сторонѣ трибуна для дамъ, пускаемыхъ по билетамъ. Обязательно для нихъ быть въ черномъ, съ длиннымъ, ниспадающимъ до полу, кружевнымъ вуалемъ на головѣ. Папа, прибывшій пѣшкомъ въ свою капеллу, былъ одѣтъ въ бѣлый подрясникъ, съ маленькой красной скуфьей на головѣ. Кардиналы первые приближаются къ папѣ, цѣлуютъ ему руку и становятся передъ нимъ на колѣни, а онъ крестообразно сыплетъ имъ на голову пепелъ, присовокупляя нѣсколько словъ; затѣмъ кардиналъ поднимается съ колѣней и отходитъ къ своему мѣсту, а къ папѣ приближается другой. Всѣ, кромѣ кардиналовъ, цѣлуютъ у папы не руку, а ногу. Во время этой церемоніи пѣвчіе поютъ, или, вѣрнѣе сказать, выкрикиваютъ старинный Грегоріанскій напѣвъ; если бы его исполняли согласно традиціямъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ глубоко перевернулъ бы души всѣхъ присутствующихъ слушателей, какъ это бывало прежде; но нашъ реальный вѣкъ ведетъ къ паденію искусства и всего того, что̀ велико и свято для каждаго истиннаго художника, который теперь становится борцомъ за искусство. Мнѣ не вѣрилось, что это поютъ всемірно-извѣстные Сикстинскіе пѣвчіе; говорили, что хоръ очень упалъ, но это меня нисколько не утѣшило.

У княгини Хилковой познакомилась я съ г-жею Штуббе, драматической пѣвицей съ большимъ голосомъ. Она родомъ изъ Германіи, дочь врача; до пріѣзда своего ко двору великой княгини Елены Павловны, она жила въ Мейнингенѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Парижѣ, гдѣ пользовалась уроками Гарчіа (отца) и Бордони. Она вышла замужъ за гофмаршала двора вел. кн. Елены Павловны Абазу. При ея драматическомъ дарованіи, если бы голосъ ея былъ болѣе разработанъ, то она вѣрно стала бы наравнѣ съ самыми извѣстными пѣвицами. Sie hat viel Zeug, какъ говорятъ Нѣмцы, и статная ея фигура во многомъ бы содѣйствовала ей для занятія мѣста драматической пѣвицы, что̀, по моему, было бы наиболѣе для нея подходящимъ.

На слѣдующій день (19-го Февраля), я получила, черезъ княжну Львову, письменное приглашеніе на вечеръ къ Еленѣ Павловнѣ. Я привезла отъ Веймарскаго двора письма для ея высочества, но въ то время она сильно страдала отъ нарыва въ ухѣ, вслѣдствіе чего не могла меня принять. Великая Княгиня очень выдающаяся личность по начи-

танности, знанію и любви къ музыкѣ и по живому интересу, который она оказывала всѣмъ вопросамъ политическимъ, художественнымъ и литературнымъ. Ея живой умъ во все вникалъ, всѣмъ занимался, и этимъ она привлекала въ свой кругъ людей единомыслящихъ съ нею и сочувствовавшихъ ей.

Кромѣ ея свиты (княжны Львовой, фрейлинъ баронессъ ф.-Раденъ, Сталь, барона Розена, д-ра Арндта и г-жи Штуббе), изъ приглашенныхъ я видѣла Александра Васильчикова, его сестру княгиню Екатерину Алексѣевну Черкасскую съ мужемъ, монсиньора князя Гогенлое, писателя Грегоровіуса и Черткова. Принцъ Николай Нассаускій [1]), проводившій зиму въ Римѣ, былъ тоже въ числѣ приглашенныхъ. Я играла нѣсколькой пьесъ, побаиваясь избалованнаго уха великой княгини. Постояннымъ посѣтителемъ ея двора былъ А. Г. Рубинштейнъ, чѣмъ и положилъ онъ начало своей славы въ Россіи.

21-го Февраля. У стипендіатовъ Французскаго правительства въ Римѣ собственный домъ (villa Medici) съ мастерскими и помѣщеніями для стипендіатовъ. Они образуютъ свою Римскую Французскую академію, и у нихъ свой директоръ—Шнецъ. Это былъ большой любитель музыки; по воскреснымъ вечерамъ на виллѣ Медичи собирались лица всѣхъ націй, но главное Французы, занимались музыкой, разсматривали гравюры и т. д. Здѣсь были и два стипендіата-музыканта, присланные также на нѣсколько лѣтъ въ Италію.

26-го Февраля вечеромъ намъ показывали Ватиканскій музей, освѣщенный восковыми свѣчами. Шесть восковыхъ свѣчей, толщиною въ четыре вершка каждая, вставлены въ подсвѣчникъ на длинной палкѣ. Подсвѣчникъ съ трехъ сторонъ снабженъ стѣнками, отражающими свѣтъ, четвертая сторона открыта, и черезъ нее наводится свѣтъ на статую, подлежащую освѣщенію. Благодаря яркому свѣту, всѣ формы выходятъ гораздо рельефнѣе; были статуи, которыя казались живыми, такъ отлично онѣ сдѣланы. Освѣщались только самыя выдающіяся статуи: Минерва, Нилъ, Венера, Атлетъ, Посейдиппъ и Менандръ [2]), Клеопатра, голова Юпитера, бѣгъ съ двумя лошадьми, Дискоболъ, Тиверій, дѣтская головка Августа. Возлѣ античныхъ произведеній скульптуры новѣйшія, даже работы Кановы, находящіяся въ залѣ возлѣ Бельведерскаго двора, очень теряютъ: тѣла съ неопредѣленными формами кажутся жирными и неповоротливыми; нѣтъ той античной легкости въ

---

[1]) Пр. Николай Нассаускій, нѣсколько лѣтъ спустя, женился на дочери Пушкина.

[2]) Посейдиппъ (Poseidippus) и Менандръ (Menandros)— Греческіе драматическіе поэты; ихъ статуи въ Ватиканѣ стоятъ одна противъ другой.

движеніяхъ, того вѣрнаго подражанія природѣ, оконченности въ работѣ, той правды, которая составляетъ характерность временъ процвѣтанія искусствъ. Одна группа меня глубоко потрясаетъ каждый разъ, что̀ я ее вижу; это нападеніе змій на Лаокоона и на его сыновей. Я не знаю второго столь трагическаго изваянія. Какое благородство и сколько чувства во всѣхъ движеніяхъ! Какой страхъ выражаетъ лицо одного изъ сыновей (у другого уже замѣтно приближеніе смерти), съ какой отчаянной силой отецъ отбивается отъ змія! При вечернемъ освѣщеніи еще ярче вырисовывались мельчайшія формы: казалось, мускулы натянуты до послѣдняго предѣла. Геній точно вдулъ жизнь въ этотъ благородный, холодный мраморъ, и до сего дня жизнь эта свидѣтельствуетъ намъ о томъ, какъ процвѣтало когда-то искусство. Особенность этой группы состоитъ въ томъ, что ростъ сыновей Лаокоона слишкомъ малъ въ сравненіи съ его ростомъ; но подобная несоразмѣрность встрѣчается въ античной скульптурѣ. Группа эта найдена въ 1506-мъ году около резервуара термъ императора Тита. Вторая, любимая моя группа, это Нилъ, колоссальная мужская фигура, оживленная шестнадцатью мальчиками, которые идутъ, влѣзаютъ и сидятъ на немъ и вокругъ него. Нельзя себѣ представить что-нибудь болѣе милое и граціозное, какъ оживленный рой голыхъ мальчугановъ вокругъ этого сидящаго колосса. Можно тоже сказать, что и эти дѣти непропорціонально малы по отношенію къ фигурѣ Нила; но видно, что эта несоразмѣрность—отличительная черта той эпохи. Историческіе критики говорятъ, что эти 16 дѣтей, находящіяся на различной высотѣ около фигуры Нила, обозначаютъ его наводненія; но это толкованіе я не хорошо понимаю; по моему, скорѣе это число большихъ городовъ, расположенныхъ у береговъ Нила. И эта группа при искусственномъ свѣтѣ стала какъ бы живою.

1-го Марта. Я получила письмо отъ моего дорогого отца; всякая строка отъ моихъ была для меня истиннымъ утѣшеніемъ. Время смягчало мою жгучую боль, я старалась вновь привыкнуть къ людямъ, хотя это мнѣ было нелегко; къ этому надо прилагать силу воли, потому что такъ должно быть. Но какъ только, бывало, увижу я издали пирамиду Цестіуса, я не знала, какъ побороть свою скорбь.

4-го Марта. Между приглашенными у Великой Княгини былъ кардиналъ Антонелли, правая рука Пія IX. Несомнѣнно, что онъ былъ очень тонкій дипломатъ, но время унесло и его славу, а то время уже было не то, что̀ прежде, и онъ отлично это сознавалъ. Въ обществѣ онъ «galant homo», отлично владѣетъ Европейскими языками и вездѣ, гдѣ онъ появляется, его съ удовольствіемъ принимаютъ.

13-го Марта. Обѣдали у княжны Екатерины Владимировны Львовой; потомъ перешли на вечеръ въ гостиную Великой Княгини, гдѣ изъ посторонних были И. С. Тургеневъ и Петербургскій академикъ Неффъ.

14-го Марта. Въ женскомъ монастырѣ Св. Филиппо Нери, находящемся за соборомъ Santa Maria Maggiore, былъ совершенъ обрядъ постриженія двухъ молодыхъ сестеръ, 20-ти и 22-хъ лѣтъ, въ монахини, имѣющія право только одинъ день въ году выходить изъ монастыря, гдѣ онѣ занимаются обученіемъ дѣтей. Мы пріѣхали въ монастырь съ Фредерикой Бремеръ и были приняты монахинями въ пріемной, гдѣ онѣ всѣмъ присутствующимъ предлагали шоколадъ. Обѣ молодыя дѣвицы, пожелавшія отречься отъ свѣтской жизни и ея радостей, были одѣты въ бѣлыя платья, расшитыя серебромъ, съ длиннымъ тюлевымъ вуалемъ на головѣ, и обвѣшаны бриліантами и разными драгоцѣнностями, которыя ихъ родственники предлагаютъ имъ надѣть на этотъ случай. Я удивлялась веселости и спокойствію этихъ дѣвицъ, которыя ходили въ пріемной отъ однихъ знакомыхъ къ другимъ, болтая и смѣясь; а мать ихъ между тѣмъ заливалась горькими слезами. Тяжело было на это смотрѣть. Церковная служба началась обѣдней, которую совершалъ кардиналъ. По окончаніи ея, обѣихъ сестеръ ввели черезъ главныя двери въ церковь, къ алтарю, гдѣ съ лѣвой стороны на мягкомъ креслѣ сидѣлъ кардиналъ. Онѣ подошли къ нему и опустились передъ нимъ на колѣни; онъ имъ что-то сказалъ, но что̀, нельзя было понять. Кардиналъ, за спиной котораго стоялъ еще священникъ, сидя, сталъ читать сестрамъ длинную рѣчь, и, несмотря на то, что онъ держалъ въ рукахъ бумагу, онъ часто останавливался, обора̀чивался, разговаривалъ и смѣялся со стоявшимъ за нимъ священникомъ, нюхалъ табакъ; словомъ, о благо̀говѣніи не было и помину. Затѣмъ начался обрядъ постриженія. Двѣ монахини, прислуживая при этомъ, передали сначала сидѣвшему кардиналу два распятія изъ чернаго дерева, а онъ вручилъ ихъ сестрамъ, стоявшимъ передъ нимъ на колѣняхъ. Монахини отшпилили съ нихъ вуали и всѣ драгоцѣнности; кардиналъ трижды рѣзалъ имъ волосы, а монахини отрѣзали ихъ чудныя, черныя косы. Сняли съ нихъ платья, и взамѣнъ кардиналъ далъ имъ по черной рясѣ, сверхъ нея какую-то бѣлую одежду, повязку на лобъ, широкій рюшъ на воротъ, чепецъ, поясъ, четки, вуаль, и наконецъ по розѣ и по серебряной коронѣ. По мѣрѣ полученія, имъ все это надѣвали и, наконецъ, на ихъ головы укрѣпили серебряныя короны, которыя онѣ должны носить весь этотъ день. Ихъ окропили святой водой и затѣмъ дали имена Maria Nazareni di S. Luigi

и Maria Anna di Jesu. Кардиналъ взялъ ихъ за руки и, черезъ потайную дверь, за лѣвой стороной престола, повелъ ихъ въ монастырь. Я не могу сказать, какое грустное впечатлѣніе все это произвело на меня; видно было, что новопостриженныя не понимали всей важности сдѣланнаго ими шага. Изъ церкви всѣ опять собрались въ пріемной монастыря, гдѣ раздавали печатные сонеты, сочиненные по случаю постриженія молодыхъ дѣвицъ, и подавали гранаты, мороженое и всякія сладости.

25-го Марта. Въ день Св. Благовѣщенія происходитъ ежегодно извѣстный базаръ свиней и ословъ въ Гротта-Феррата, мѣстечкѣ, лежащемъ у подножія Альбанскихъ горъ. Мы поѣхали туда въ сопровожденіи нѣсколькихъ знакомыхъ, при чудномъ голубомъ небѣ и ласкающихъ солнечныхъ лучахъ. Дорога, идущая черезъ пустынную Кампанью, была усѣяна экипажами, наѣздниками, пѣшеходами; казалось, весь Римъ устремился туда. Передъ самымъ мѣстечкомъ большая лужайка, гдѣ народъ совершалъ торги, или, разлегшись въ живописныхъ группахъ, подкрѣплялъ себя овечьимъ сыромъ, мѣстнымъ краснымъ виномъ и жареной свининой. Свинина къ этому дню приготовляется совсѣмъ особымъ способомъ. Вдоль главной улицы мѣстечка стояли бѣлые столы, а на нихъ разложены были, жареныя на вертелѣ, цѣлыя свиньи громадныхъ размѣровъ, внутренность коихъ наполнена всевозможными пряностями, какъ-то розмаринъ, лавровый листъ, петрушка, гвоздика и т. д. Для болѣе фешьонабельной публики выстроены балаганы, и тамъ, подъ защитой отъ стоявшаго уже высоко солнца, мы сѣли и съ большимъ апетитомъ подкрѣпились очень вкусной свининой. Можно было встрѣтить представителей всѣхъ народовъ Европы и новаго свѣта на этомъ праздникѣ, гдѣ, кромѣ зрѣлища жареныхъ свиней, можно еще слушать пьесы, разыгрываемыя въ театрѣ Пульчинелло, или слѣдить за національными танцами съ кастаньетами или тамбуриномъ. Но что̀ вездѣ въ Италіи отравляетъ вамъ каждый шагъ, это неисчислимое множество нищихъ, которые васъ повсюду осаждаютъ и, еслибы возможно было, облегчили бы вашъ кошелекъ до послѣдняго байокки.

26-го Марта. Былъ вечеръ у Великой Княгини, которая явилась только на полчаса, по случаю плохихъ извѣстій о здоровіи великой княгини Екатерины Михайловны. Изъ приглашенныхъ были И. С. Тургеневъ, Бутеневъ, Амперъ; послѣдній, какъ личность, меня очень интересовалъ; умный разговоръ, глубокое знаніе Рима.

27-го Марта. Мой братъ поѣхалъ съ нами къ художнику Иванову, который окончилъ свою большую картину—Іоаннъ Креститель, указывающій на приближающагося къ нему Спасителя. Художникъ

употребилъ двадцать лѣтъ жизни на одну эту картину, при первомъ обзорѣ которой васъ поражаетъ особый колоритъ восточныхъ народовъ, прибывшихъ къ Іоанну, чтобъ креститься. Фигуры исполнены почти въ человѣческій ростъ, ихъ около пятидесяти; поразительно хороши одежды, какъ по рисунку и глубинѣ складокъ, такъ и по колориту; но въ картинѣ есть рѣзкость и твердость, къ которымъ глазу приходится привыкать. Нельзя не преклоняться передъ терпѣніемъ и и настойчивостью художника—два качества чуждыя Русскому характеру. Разработка картины художественна, и въ этомъ отношеніи она составляетъ рѣдкое исключеніе даже среди картинъ прежней школы, тѣмъ болѣе среди мазкòвъ новѣйшей.

28-го Марта. Вербное Воскресенье и наступленіе Страстной седьмицы, которая въ Россіи и въ другихъ странахъ отличается общей тишиной, какъ внѣшней, такъ и у семейнаго очага. Въ Римѣ же во всю эту недѣлю больше чѣмъ когда-либо жизни и движенія. Съ ранняго утра всѣ стремятся въ соборъ Св. Петра, чтобы видѣть благословленіе и раздачу̀ вербъ святѣйшимъ отцемъ. Вербы плетутся изъ соломы или сухихъ пальмовыхъ листьевъ, въ видѣ ажурной косы, въ аршинъ и больше длины. Въ 9 часовъ утра въ соборъ, съ обычной помпой, внесли папу, и онъ сталъ раздавать вербы каждому изъ приближавшихся къ нему и цѣловавшихъ ему руку или туфлю, смотря по чину; продолжалось это довольно долго. По окончаніи раздачи вербъ былъ крестный ходъ по церкви, затѣмъ началась обѣдня. Грубое пѣніе во время обѣдни поразило не только меня, но и всѣхъ присутствовавшихъ музыкальныхъ лицъ: нельзя свыкнуться съ исполненіемъ и характеромъ, который данъ пѣвчими твореніямъ геніальныхъ церковныхъ композиторовъ Италіи. Должно быть, музыка какъ и другія искусства, пережила свою классическую эпоху, во время которой соединеніе духа и матеріи (Geist und Materie) достигаютъ высшаго, идеальнаго равновѣсія. Искусство рождается отъ перевѣса духовной матеріи надъ чувственной, ихъ равновѣсіе приводитъ къ классической эпохѣ, которая клонится къ упадку, когда чувственная матерія беретъ перевѣсъ надъ духовной. Понятно, что развитіе и упадокъ искусства въ исторіи человѣчества обозначаются столѣтіями, и надо сказать, что упадокъ церковнаго пѣнія въ Италіи принадлежитъ 19-му столѣтію; самое высокое, классическое процвѣтаніе ея принадлежитъ 16-му вѣку; 17-й и 18-й вѣка принадлежатъ хорошей музыкѣ, а 19-й вѣкъ переживаетъ упадокъ этого искусства. Даже въ такіе дни шумъ, ходьба, разговоры въ церкви не прекращаются: точно люди собрались въ гостиную, а не въ церковь. Съ грустью надо сознаться, что кое-гдѣ и

въ нашихъ церквахъ ведутся разговоры, далеко не благопристойные во время богослуженія; но, слѣдуетъ отдать справедливость, въ протестантскихъ церквахъ я нигдѣ этого не встрѣчала. По окончаніи обѣдни папу опять отнесли въ его внутренніе покои; народъ сталъ расходиться, нищіе давили выходящихъ изъ церкви.

Братъ мой работаетъ надъ большимъ картономъ «Спаситель является Маріи Магдалинѣ въ саду»; какая разница съ прежними его работами; я не думала, чтобы сокровища Рима могли такъ скоро подѣйствовать на его работы.

Три дня сряду я ѣздила слушать Мизерере въ Сикстинской капеллѣ. Преданіе говоритъ намъ, что подобнаго пѣнія нельзя услышать во всемъ мірѣ, и съ этимъ убѣжденіемъ я поѣхала туда, но разубѣдившись, пришлось сказать себѣ, что на землѣ нашей нѣтъ ничего постояннаго: все, достигнувъ высшей точки своего развитія, приближается затѣмъ къ своему упадку. Что́ могло быть причиной упадка Сикстинскаго хора? Для этого было достаточно, чтобы ихъ старый регентъ закрылъ глаза, и на его мѣсто хбромъ взялся управлять человѣкъ молодой, неопытный, незнакомый съ преданіями этого артистическаго учрежденія. Чтобы поддерживать характеръ учрежденія, надо усвоить себѣ его традиціи, сжиться съ ними; вступивъ же въ него, приходится сперва изучать ихъ, съ неизвѣстнымъ еще результотомъ. Между пѣвчими Сикстинской капеллы есть чудные голоса, мягкіе, звучные и полные, но вслѣдствіе того, что они нечисто интонируютъ, пѣніе часто звучитъ фальшиво; и теперь еще замѣтно, что они могутъ пѣть хорошо и когда-то хорошо пѣли. Словомъ Мизерере называется сочиненіе на слова 50-го псалма; они пѣли одно сочиненіе аллегри, другое басси; каждое изъ нихъ продолжалось приблизительно тридцать минутъ. Ламентаціи, написанныя на слова плача пророка Іереміи (въ этотъ день пѣли сочиненіе Палестрини) длятся около часа съ четвертью. О музыкальности этихъ вещей нечего и говорить: онѣ принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ XVI-го столѣтія, времени процвѣтанія въ Италіи церковной музыки. Извѣстно, что эти композиціи стали доступны всѣмъ черезъ Моцарта, благодаря тому, что, будучи въ Римѣ, онъ по слуху написалъ Мизерере аллегри, тогда какъ прежде эти сочиненія были собственностью папской капеллы и никому не выдавались*). По окончаніи пѣнія, священникъ читаетъ короткую молитву, всѣ

*) Покойному Александру Яковлевичу Скарятину, долго жившему въ Римѣ, посчастливилось добыть списки съ разныхъ нотъ, ревниво хранимыхъ папскою капеллою. Мы видѣли у него эти большія нотныя тетради. Онѣ должны находиться у его дочери Марьи Александровны Дембской.

встаютъ и подошвами своей обуви трутъ полъ, въ память землетрясенія во время распятія Спасителя.

Вечеромъ посѣтила насъ Фредерика Бремеръ, которая нѣкоторое время передъ тѣмъ вдругъ исчезла, и никто не зналъ куда. На всѣ наши вопросы, гдѣ она такъ долго пропадала, она разсказала намъ слѣдующую любопытную исторію. По пріѣздѣ ея въ Римъ, кругъ знакомыхъ ея мало по малу сталъ очень обширенъ; особенно представлялись ей многія изъ духовныхъ лицъ, между прочими и кардиналъ Антонелли. Привыкшая къ тому, что, куда она ни пріѣдетъ, всегда многіе стараются познакомиться съ нею, хотя бы просто изъ любопытства видѣть автора любимыхъ въ то время романовъ, она сначала не обращала на это особаго вниманія. Ея романы, какъ извѣстно, описывали обыкновенно семейный бытъ и несомнѣнно имѣли большое вліяніе на молодежь. Фредирика Бремеръ была протестантскаго вѣроисповѣданія. Вскорѣ она замѣтила, что кардиналъ Антонелли, при возобновляющихся своихъ посѣщеніяхъ, касался особенно часто религіозныхъ вопросовъ, сравнивалъ протестантское вѣроисповѣданіе съ католическимъ, указывалъ на превосходство послѣдняго, и наконецъ сталъ уговаривать ее перейти въ католичество. Оказалось, что католическое духовенство желало этимъ путемъ пріобрѣсти ея перо, чтобы воспользоваться ея романами для распространенія католичества по всему свѣту, такъ какъ ея романы переводились на всѣ Европейскіе языки и читались повсюду; надо замѣтить, что она очень много и хорошо писала. Ф. Бремеръ возразила кардиналу, что о переходѣ ея въ католичество не можетъ быть и рѣчи, что многое въ католической вѣрѣ не согласуется съ ея религіозными убѣжденіями. Этимъ окончились разговоры съ кардиналомъ Антонелли; но на другой день онъ явился отъ имени папы Пія IX-го, поручившаго ему пригласить строптивую писательницу къ нему. Не сомнѣваясь въ твердости своей вѣры, она явилась къ папѣ, который назначилъ частную аудіенцію для нея одной. Папа самъ опять предложилъ ей перейти въ лоно спасительной католической церкви, убѣждая ее всѣми возможными доводами. Она, не стѣсняясь, отвѣчала и возражала ему, и наконецъ, чувствуя, что ею овладѣваетъ нетерпѣніе, сказала его святѣйшеству: «Вотъ еще одинъ пунктъ, въ который я никакъ не могу никогда повѣрить,—это въ непогрѣшимость папы». На это святой отецъ сказалъ ей: «вы можете не вѣрить въ мою непогрѣшимость, но въ непогрѣшимость папы вы должны вѣрить». Разговоръ длился болѣе часа, а Фридерика Бремеръ все оставалась непобѣжденной. Наконецъ, дѣлая для нея исключеніе, папа попросилъ ее на время поселиться въ одномъ изъ женскихъ мо-

настырей, для изученія католической вѣры и для убѣжденія въ ея превосходствѣ передъ другими вѣроисповѣданіями. На это Ф. Бремеръ согласилась, и папа назначилъ ей мѣстомъ жительства женскій монастырь Монте-Тринита̀, гдѣ игуменьей была княгиня Волконская, Русская, перешедшая въ католичество. Въ этотъ монастырь и исчезла Ф. Бремеръ, и была тамъ все время, пока мы ея искали. Но княгиня Волконская и всевозможныя духовныя особы такъ приставали къ ней, что въ одинъ прекрасный день она просто бѣжала изъ монастыря, боясь потерять разсудокъ ото всѣхъ предсказанныхъ ей страстей ада и вѣчнаго огня, если она не приметъ католической вѣры. Вернувшись домой, она написала кардиналу Антонелли, что благодаритъ его за гостепріимство, но что католичкой она никогда не будетъ.

1-го Апрѣля. Въ Великій Четвергъ послѣ обѣдни папу выносятъ на лоджію (балконъ) Св. Петра, и ровно въ 12 часовъ дня онъ, при обычной церемоніи, благословляетъ оттуда народъ. Страшно становится за него, какъ-бы на этой высотѣ у него не закружилась голова. Минута, когда онъ благословляетъ, величественная и единственная въ своемъ родѣ. Затѣмъ папу вносятъ обратно въ соборъ Святаго Петра, гдѣ онъ совершаетъ омовеніе ногъ у 13-ти странниковъ. Каждое католическое посольство имѣетъ право предложить одного странника въ число тринадцати. Они всѣ одѣты въ бѣломъ; священникъ снимаетъ съ нихъ обувь и чулки, затѣмъ папа обливаетъ имъ ноги, вытираетъ и цалуетъ ихъ. Окончивъ церемонію омовенія ногъ, папа даетъ каждому изъ нихъ по медали и по букету цвѣтовъ; тѣхъ же тринадцать странниковъ отводятъ въ одну изъ лоджій Рафаэля въ Ватиканѣ, гдѣ бѣлой скатертью накрытъ длинный столъ на тринадцать приборовъ; передъ каждымъ приборомъ поставлена статуэтка одного Апостола. Входитъ папа въ домашнемъ бѣломъ подрясникѣ, надѣваетъ на себя большой бѣлый передникъ и начинается церемонія питанія—la Cena. Папа читаетъ обѣденную молитву, умываетъ и вытираетъ руки у каждаго изъ странниковъ, послѣ чего они садятся за столъ. Папа подаетъ каждому изъ нихъ по тарелкѣ супа и еще по двѣ перемѣны, наливаетъ имъ также вино и воду и удаляется въ свои внутренніе покои. Лакеи подаютъ странникамъ еще двѣ перемѣны и большую корзину, куда каждый изъ нихъ собираетъ всѣ свои остатки отъ обѣда: рыбу, пироги, овощи и т. д., такъ какъ они не могутъ ѣсть такъ быстро и много, что̀ имъ подаютъ. Черезъ часъ послѣ этого начинается пѣніе всемірно извѣстныхъ Мизерере и Ламентацій, для кардиналовъ въ Сикстинской капеллѣ, а для монсиніоровъ въ соборѣ Св. Петра. По окончаніи пѣнія священникъ читаетъ короткую молитву,

и всѣ присутствующіе встаютъ и трутъ о полъ ногами, что̀ изображаетъ землетрясеніе при кончинѣ Спасителя.

Потомъ, часовъ въ шесть, мы пошли въ соборъ. Пѣвчіе въ этотъ день пѣли хорошо, но̀ ничего особенно художественнаго въ ихъ исполненіи не было. Шумъ приходящихъ, уходящихъ и гуляющихъ по церкви и громкій разговоръ нисколько не стѣсняющейся публики мѣшали внимательно слушать. Точно базаръ, а не церковь. Около одного изъ среднихъ пилястровъ собора, въ продолженіи всей недѣли, сидитъ на возвышеніи одинъ изъ кардиналовъ въ полномъ облаченіи, съ широкой мантіей и съ саженнымъ золотымъ хлыстомъ въ рукѣ. Прихожане по очереди становятся на колѣни передъ кардиналомъ, а онъ, произнося нѣсколько словъ, слегка ударяетъ ихъ хлыстомъ, и этимъ о̀ни получаютъ разрѣшеніе своихъ грѣховъ. Другіе колѣнопреклоненно становятся на мантію кардинала и устно исповѣдаются. Къ вечеру гасятъ всѣ лампады, которыя горятъ круглый годъ на рѣшеткѣ вокругъ гробницы Св. Апостола Петра. Церковь освѣщается только большими восковыми свѣчами, которыя горятъ по одной подъ каждой аркой средней части церкви. При такомъ освѣщеніи церковь кажется какъ бы въ туманѣ, и ея колоссальные размѣры выступаютъ еще поразительнѣе. Съ бѣлаго мраморнаго престола, стоящаго на возвышеніи со̀ ступенями, снята вся утварь и дальнѣйшія украшенія, какъ-то вазы съ искусственными цвѣтами, подсвѣчники со свѣчами, и затѣмъ совершается омовеніе алтаря. Пять священниковъ первые выходятъ въ рядъ и, приблизившись къ престолу, разливаютъ по немъ, изъ стоящей на немъ стеклянной вазы, бѣлое вино и, обмакнувъ въ винѣ свои метелочки, начинаютъ мыть ими алтарь. За ними слѣдуютъ кардиналы и всѣ прочіе до послѣдняго маленькаго пѣвчаго, каждый стараясь хоть разъ провести своей метелочкой по доскѣ. Потомъ снова являются первые пять священниковъ и вытираютъ алтарь сначала большой губкой, а затѣмъ и полотенцами. По окончаніи умыванія алтаря, весь причтъ становится направо отъ алтаря, въ ожиданіи поклоненія мощамъ. Надъ алтаремъ возвышается куполъ Св. Петра, который поддерживаютъ четыре громадныхъ пилястра; въ этихъ пилястрахъ, на значительной высотѣ, находятся комнаты съ выходящими во внутрь церкви балкончиками; въ этихъ комнатахъ хранятся главныя святыни Св. Петра. Четыре громадныя статуи: Св. Вероники, Св. Елены, Св. Апостола Андрея и Св. Логгина, стоятъ по одной на каждомъ пилястрѣ и напоминаютъ о главныхъ святыняхъ, хранящихся здѣсь; это—полотенце Св. Вероники (Образъ Нерукотворенный), кусокъ Животворящаго Креста, найденный Св. Еленою, копье, которымъ,

Св. Логгиномъ прободенъ былъ бокъ Спасителя, и голова Св. Апостола Андрея. Въ средніе вѣка паломники тысячами стремились въ Римъ для поклоненія этимъ святынямъ. Папа, въ бѣломъ подрясникѣ, является пѣшкомъ и, вмѣстѣ съ молящимися тамъ, поклоняется четыремъ главнымъ святынямъ, которыя и показываютъ съ балкона Св. Вероники. Во время поклоненія св. мощамъ въ соборѣ царила гробовая тишина, при мнѣ это въ первый разъ, и также безмолвно всѣ разошлись. Отъ Субботы передъ Вербнымъ Воскресеньемъ до Пасхи, всѣ художественныя произведенія, какъ краской, такъ и мозаикой, завѣшаны во всѣхъ церквахъ.

Въ Великую Субботу въ баптистеріи Латерана крестятъ всегда одного Еврея и одного идолопоклонника, а въ Сикстинской капеллѣ поютъ обѣдню Палестрини; но я не попала ни туда, ни сюда, а была въ нашей посольской церкви, гдѣ пріобщался братъ Иванъ.

У заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе (4-го Апрѣля) мы были въ нашей посольской церкви, гдѣ собралось неимовѣрное количество Русскихъ. Великая Княгиня, не имѣя въ своемъ отелѣ достаточно большихъ помѣщеній, чтобы вмѣстить всѣхъ представленныхъ ей Русскихъ, пригласила всѣхъ на разговливаніе въ помѣщеніе нашего посланника, гдѣ мы и встрѣтили нашъ праздникъ съ куличами, пасхами и яйцами. Отдохнувъ немного, мы съ братомъ отправились въ соборъ Св. Петра, гдѣ папа, съ кардиналомъ Антонелли, совершалъ обѣдню. Всѣ мѣста на трибунахъ, выстроенныхъ для церемоній Страстной недѣли и Св. Пасхи, были уже съ шести часовъ утра заняты неутомимыми Англичанами и Американцами, но во время обѣдни они поминутно падали въ обморокъ отъ страшной жары. Къ церемоніи выхода папы въ соборъ мы опоздали: онъ уже служилъ обѣдню. Сильное впечатлѣніе производятъ минуты причащенія папы. Онъ пріобщается и показываетъ молящимся чашу и остію; въ это время изъ верхней внутренней галереи купола Св. Петра хоръ трубачей заигралъ чудный церковный мотивъ, въ церкви полнѣйшая тишина, всѣ на колѣняхъ, минута величественная. Къ двѣнадцати часамъ мы взошли на балконъ правой колонады, чтобы оттуда видѣть папу, благословляющаго народъ. Вся площадь Св. Петра была покрыта Французскими войсками, съ ихъ главнымъ штабомъ во главѣ, жителями Рима, крестьянами, пріѣзжими, парадными экипажами посольствъ, сенаторовъ и кардиналовъ, словомъ, массой народа, которая образовала живописное зрѣлище. Одинъ пушечный выстрѣлъ и трезвонъ всѣхъ колоколовъ возвѣстили о наступленіи двѣнадцати часовъ. Папу на тронѣ вынесли на большой балконъ. При появленіи его водворилась мертвая тишина.

Звучнымъ голосомъ прочиталъ онъ короткую молитву, потомъ поднялся со своего трона и стоя благословилъ колѣнопреклоненный народъ.

Величественность этой минуты нельзя описать. Колокола вновь затрезвонили, и пушки салютовали съ крѣпости Св. Ангела. Папу внесли обратно, и всѣ разошлись и разъѣхались, чтобы вернуться опять къ 6-ти часамъ вечера, къ пышному освѣщенію собора Св. Петра. Проѣзжая послѣ пяти часовъ вечера по одной изъ улицъ по дорогѣ къ собору св. Петра, я вдругъ увидѣла его освѣщенный куполъ, возвышавшійся надъ рядомъ домовъ: это было поразительное зрѣлище. На темномъ небосклонѣ рѣзко выдѣлялись контуры купола, во всей ихъ художественной красотѣ. Отъ впечатлѣнія я не могла говорить. Доѣхавъ до площади передъ соборомъ, мы остановились, не выходя изъ экипажа. Видъ этой монументальной постройки глубоко врѣзался въ мою душу. Съ изумленіемъ поминаешь создателей такого величія искусства. При полномъ освѣщеніи, еще рѣзче чѣмъ днемъ, бросались въ глаза красота и гармоничность линій этого собора. Крестъ, вѣнчающій этотъ божественный храмъ, сіялъ далеко, далеко въ ночномъ небѣ. Рабочій, устраивающій илюминацію креста, всегда пріобщается въ этотъ день: до того опасна его задача. Въ 8 часовъ, вдругъ между всѣми колонами, и на углахъ крыши и стѣнъ всей церкви, до самаго креста, мгновенно зажглись громадныя смоляныя сковороды; эту перемѣну освѣщенія Итальянцы называютъ «Преображеніемъ». Городъ исчезъ въ ночной темнотѣ, одинъ соборъ сіялъ огненнымъ свѣтомъ. Я не могла оторваться отъ этого зрѣлища.

Итальянцы большіе любители фейерверковъ съ шумомъ и трескомъ. На второй день Пасхи всегда сжигается большой фейерверкъ; прежде его пускали изъ крѣпости Св. Ангела, но теперь, когда ее занимали Французскія войска, зрѣлище это перенесли на Монте-Пинчіо, противъ Піаццы-дель-Пополо. Монте-Пинчіо поднимается терассами на порядочную высоту и весь обросъ вѣчно-зелеными деревьями и кустами; паркъ этотъ, созданный Наполеономъ 1-мъ, который, идучи завоевывать народы, пожелалъ украсить столицу папы, служитъ для жителей Рима любимымъ мѣстомъ прогулокъ. Народъ собрался на Піацца-дель-Пополо, чтобы смотрѣть на жирандоли. Ровно въ 8 часовъ, шесть пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили о началѣ фейерверка, и одновременно съ этимъ съ Пинчіо на площадь спустился широкій огненный ручей, что всегда составляетъ начало и конецъ этого зрѣлища, и называется жирандола. За ней сжигали разныя огненныя изображенія и картины, взлетали ракеты, лягушки, шутихи, и чѣмъ больше было шума, тѣмъ довольнѣе оставался народъ. Послѣдняя кар-

тина была очень удачно освѣщена: большой крестъ съ гербомъ папы и инициалами Сената; въ тоже время по воздуху летали райскія птицы, ракеты, летучія рыбы, и чего только тамъ не было, а шумъ и трескъ невообразимые. Затѣмъ съ Монте-Пинчіо потекла жирандола, а вокругъ обелиска, стоящаго посреди Піацца-дель-Пополо, закружились летучіе драконы, и посредствомъ воспламеняющейся нити зажглись смоляныя бочки, какъ дневнымъ свѣтомъ озарившія всю площадь съ народомъ.

Вечеръ мы провели у геніальнаго Корнеліуса. Сколько жизни еще въ этомъ старикѣ, сколько знаній! Въ этотъ вечеръ онъ былъ очень обрадованъ полученіемъ копіи съ письма Гёте, которое онъ считалъ потеряннымъ. Письмо помѣчено 8-го Мая 1811-го года, и Гёте выражаетъ въ немъ свое удовольствіе и одобреніе рисункамъ, составленнымъ Корнеліусомъ къ Фаусту и совѣтуетъ ему прилежно разсматривать рисунки Альбрехта Дюрера.

11-го Апрѣля. По правой сторонѣ Форума-Романума поднимаются высокія старинныя стѣны баснословной толщины, поддерживающія холмъ, на которомъ въ прежнія времена возвышались дворцы цезарей. По исчезновеніи ихъ и развалинъ, папа Павелъ III-й приказалъ развести на этомъ холмѣ садъ, получившій названіе *Фарнезіанскаго*. Впослѣдствіи этотъ садъ перешелъ въ собственность короля Неаполитанскаго, который, къ великому негодованію Римлянъ, перевезъ всѣ сокровища, украшавшія его, въ Неаполь. Фарнезіанскій садъ пришелъ въ упадокъ, и большая часть его превращена въ поле, гдѣ разводятъ артишоки. Отъ колоссальныхъ дворцовъ, видны только развалины трехъ комнатъ, которыя учеными изслѣдователями обозначаются, какъ помѣщенія цезарской библіотеки. Съ выступа около нихъ открывается обширный видъ на Форумъ-Романумъ, съ Капитоліемъ позади. Глядя на развалины храма Юпитера, Веспасіана, Сатурна, на тріумфальную арку Септима Севера, и сравнивая ихъ съ постройками послѣдовавшихъ вѣковъ, кажется, что эти гиганты, своими колоссальными размѣрами, уничтожаютъ все, что̀ ихъ окружаетъ.

Недалеко отъ городскихъ воротъ di S. Spirito, на холмѣ Яникулисъ стоитъ церковь Св. Онуфрія съ Доминиканскимъ монастыремъ. При входѣ въ церковь, (внутри) по лѣвой сторонѣ отъ дверей, на полу лежитъ каменная плита, обозначающая мѣсто, гдѣ, до прошлаго 1857-го года, покоились бренные останки несчастнаго поэта Торквато Тассо. Въ монастырѣ показываютъ (только не дамамъ) келью, въ которой жилъ Торквато Тассо; въ ней стоятъ деревянный столъ, стулъ

и кровать. Мой братъ входилъ въ нее и говорилъ мнѣ, что въ ней все очень просто, но что изъ окна чудный видъ *) на Римъ, какъ и изъ сада, окружающаго монастырь, куда мы ходили смотрѣть дубъ, подъ которымъ сиживалъ поэтъ.

13-го Апрѣля. Молодые Русскіе художники устроили въ Римѣ выставку своихъ работъ, на которой было много хорошаго; назову: Итальянскій Бандитъ, поясная картина Худякова, жанры Бронникова, Монахъ и Албанка, два очень хорошихъ вида Рыбинскаго, два эскиза деревьевъ изъ Албано, Сухово-Кобылиной, сцена Римскаго карнавала Ксенофонтова, и многія другія хорошія вещи, но безъ имени художника. «Благовѣщеніе» Сорокина можно назвать менѣе удачной картиной, такъ какъ святость минуты теряется въ современномъ характерѣ всей картины. Но въ общемъ надо сказать, что выставка нашихъ художниковъ куда лучше бывшей незадолго передъ тѣмъ выставки Итальянскихъ художниковъ—нельзя сравнить.

14-го Апрѣля. Вечеромъ я много играла. Былъ между прочими баронъ Гакстгаузенъ, котораго я нѣсколько разъ встрѣчала; онъ много писалъ о Россіи, и односторонне (иначе и не можетъ быть).

Великая княгиня Елена Павловна пригласила меня на вечеръ, гдѣ я была представлена герцогинѣ Гамильтонъ, дочери гросъ-герцогини Стефаніи Баденской; были герцогъ де Граммонъ, Амперъ, Гакстгаузенъ, Мальтійскій генералъ Готци и нѣсколько Русскихъ. Гакстгаузенъ забавно разсказывалъ исторіи о привидѣніяхъ, что мало согласовалось съ серіознымъ и интереснымъ разговоромъ Ампера.

18-го Апрѣля. Въ этотъ вечеръ играли сестры Ферри, скрипачки въ родѣ сестеръ Миланолло, которыхъ я еще совсѣмъ молодой слыхала въ Веймарѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онѣ играли на улицахъ въ Сѣверной Италіи, гдѣ тогда жили; вотъ почему нельзя отъ нихъ требовать ни художественнаго пониманія, ни художественнаго исполненія; но все, что онѣ играли, было исполнено чисто и отчетливо, смычокъ у нихъ широкій и звучный, одна изъ нихъ ведетъ его легче, чѣмъ другая, а вмѣстѣ онѣ играютъ точно одинъ смычокъ, а не два. Слыша подобныхъ «Wunderkinder,» мнѣ всегда дѣлается грустно за искусство, которое становится предметомъ торговли; публика не разбираетъ и поддерживаетъ это направленіе. Вскорѣ (1-го Мая) я опять ихъ слышала и подтверждаю, что чистота и ensemle у нихъ безукоризнены. Одна изъ нихъ играла варіаціи на Швейцарскую

*) Гоголь находилъ, что этотъ видъ схожъ съ видомъ, который открывается на Москву, когда стоишь на вышкѣ Румянцовскаго Музея. П. Б.

тему, другая—варіаціи на Австрійскій народный гимнъ; вмѣстѣ онѣ играли прелюдъ (до-мажёръ) I. С. Баха и арію Страделлы «Pieta, Signore»; казалось, слышишь одну, а не двѣ скрипки. На этотъ разъ публика осыпала ихъ цвѣтами, вѣнками, букетами, сонетами, словомъ, онѣ нашли себѣ почву въ Римѣ. Въ третій разъ я ихъ слышала (10-го Мая) у Великой Княгини. Кажется, жизнь имъ не улыбалась: онѣ горько жаловались на участь артиста и на злоупотребленія его талантомъ для наживы. Онѣ держали себя очень просто, но у нихъ есть чувство собственнаго достоинства.

Пріѣзжіе въ Римѣ считаютъ своимъ долгомъ взойти на куполъ Св. Петра (что совсѣмъ не такъ легко, какъ можно было бы подумать), потому что только при этомъ восхожденіи получаешь ясное понятіе о громадности размѣровъ этого храма. Первыя приблительно сто двадцать ступеней очень широки, такъ широки, что на каждой изъ нихъ приходится дѣлать по три шага. Эта лѣстница ведетъ на первую платформу собора, на ту лоджію, откуда папа благословляетъ народъ, а такъ какъ его несутъ туда на тронѣ, то понятно, что ступени такъ широки. По стѣнамъ этой лѣстницы вложены плиты, съ именами тѣхъ папъ, по приказанію которыхъ въ соборѣ сдѣланы улучшенія или перестройки, а также имена царствующихъ лицъ, поднимавшихся въ конечный шаръ подъ крестомъ Св. Петра, куда ведутъ 486 менѣе широкихъ ступеней, и наконецъ веревочная лѣстница. Эти 486 ступеней идутъ параллельно съ внутреннимъ куполомъ церкви и съ этой лѣстницы можно взойти на двѣ галлереи, построенныя внутри купола; когда смотришь съ этихъ галлерей на внутренность церкви, ясно обнаруживаются громадные размѣры подробностей этого храма, которые, вслѣдствіе соразмѣрности всей постройки, не поражаютъ зрителя при обыкновенномъ осмотрѣ церкви. На видъ храмъ какъ будто только что оконченъ, такъ какъ (онъ выстроенъ изъ неизмѣняющагося мрамора, а образа сдѣланы изъ мозаики) при малѣйшей трещинѣ или порчѣ, неотлагательно поправляютъ, и такимъ образомъ храмъ всегда поддерживается въ безукоризненномъ состояніи и избѣгаются большіе ремонты. Мы недаромъ утомились, поднимаясь на храмъ, такъ какъ видъ на окрестности Рима оттуда прелестный.

25-го Апрѣля. Вечеромъ послѣ десяти часовъ мы отправились въ Колизей, чтобы видѣть его при лунномъ свѣтѣ. Въ это время улицы Рима точно вымерли: только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, освѣщенныхъ газомъ, замѣчалось еще небольшое движенье, но тамъ, гдѣ въ фонаряхъ печальный свѣтъ масляныхъ лампъ, вездѣ царитъ мертвая тишина; даже собаки точно попрятались куда-то. Мрачно, точно привидѣ-

нія, возвышались гигантъ Колизей и развалины Форума - Романума. Насъ окружала гробовая тишина, было жутко. Одно только голубое небо, усѣянное безчисленными звѣздами, напоминало намъ, что есть жизнь на небосклонѣ, откуда луна поражаетъ насъ своимъ чарующимъ серебристымъ блескомъ.

10-го Мая, послѣ музыкальнаго вечера у великой княгини Елены Павловны, я откланялась ея высочеству, которая уѣзжала въ Ниццу. Никогда не забуду, какъ Великая Княгиня старалась развлечь меня послѣ моего горя. Она еженедѣльно приглашала меня на свои вечера, гдѣ бывала музыка, разговоры, часто бывали Тургеневъ и Амперъ; интересно было слушать разсказы послѣдняго.

15-го Мая. Насталъ послѣдній день нашего пребыванія въ Римѣ. Поклонилась я праху дорогого брата и обняла на прощаніе Ивана, который на другое же утро отправлялся изъ Рима во Фраскати, для рисованія съ натуры. Мы въ послѣдній вечеръ отправились черпать и пить воду изъ фонтана Треви. Преданіе гласитъ, что всякій, кто, покидая Римъ, на прощанье напьется воды изъ фонтана Треви, тотъ непремѣнно вернется въ вѣчный городъ.

Въ моемъ пребываніи въ Римѣ была и душевная скорбь и радость. Благодарю Бога за радости, ниспосланныя мнѣ Его святой волей.

ГРАФЪ М. Д. БУТУРЛИНЪ [1]).

Воспоминанія, автобіографія, историческія современныя мнѣ событія, портреты, впечатлѣнія, артистическія свѣдѣнія, художническіе очерки, литературныя замѣтки и фамильная лѣтопись.

1838—1839.

Умѣстнымъ считаю изложить здѣсь о ходѣ благопріятныхъ для моего бывшаго наставника г. Слоана[2]) обстоятельствъ, способствовавшихъ ему пріобрѣсти нынѣшнее его состояніе.

По окончаніи моего воспитанія и когда я поступилъ на службу, выдано было ему моими родителями, въ видѣ ли награды или какъ оставшееся недоплаченнымъ отъ слѣдуемаго ему годового оклада за прежнее время, всего около 30 или 40 тысячъ франковъ (отъ 8 до 10 т. рубл. сереб.). Кромѣ его бережливости и пользованія квартирой въ нашемъ домѣ (до его женитьбы), онъ довольно удачно помѣщалъ свои небольшія деньги. Въ числѣ его друзей, у коихъ онъ обѣдывалъ въ опредѣленные дни, были г.г. Фенци и Голь [3]), главные дѣятели одной изъ первыхъ банкирскихъ фирмъ во Флоренціи. Независимо отъ ихъ банкирской конторы, эти господа состояли въ товариществѣ съ нѣкіимъ Французомъ г. Лебланомъ для разработки мѣдной руды внутри Тосканы, близъ небольшаго городка Вольтерры. Г. Лебланъ разстроилъ свои дѣла по другимъ предпріятіямъ и удалился изъ Флоренціи, вслѣдствіе чего г.г. Фенци и Голь не могли имѣть должнаго за разработкою руды надзора, не отвлекаясь отъ болѣе важныхъ занятій по банкирской ихъ конторѣ, и потому дѣло это шло весьма неудовлетвори-

---

[1]) Записки графа Михаила Дмитріевича Бутурлина помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1897 и 1898 годовъ. Сыну его, графу Дмитрію Михаиловичу, обязаны мы за доставленіе найденнаго въ его бумагахъ и издаваемаго здѣсь дополненія къ этимъ Запискамъ. П. Б.

[2]) Читатели припомнятъ, что Англичанинъ Слоанъ, по чувству признательности къ семейству графовъ Бутурлиныхъ, помогалъ своему бывшему воспитаннику, когда тотъ разстроилъ свое имущество. П. Б.

[3]) „M-r Horace Hall“, сынъ Ливорнскаго Англійскаго (или Американскаго) пастора. Былъ въ то время во Флоренціи другой банкирскій домъ Еврея г. Финци, коего не слѣдуетъ смѣшивать съ Итальянцемъ Фенци.

тельно. Обсудивъ это обстоятельство, они оба обратились къ г. Слоану съ предложеніемъ войти въ сношенія съ г. Лебланомъ объ уступкѣ г. Слоану компаньонскаго пая, дабы, сдѣлавшись товарищемъ въ предпріятіи, онъ посвятилъ этому дѣлу все досужее свое время. На таковое предложеніе г. Слоанъ отвѣчалъ, что, какъ бы ни были умѣренны требованія г. Леблана, они все-таки на много превышали бы капиталъ, коимъ онъ (г. Слоанъ) могъ располагать; но противъ этого возраженія г.г. Фенци и Голь сказали, что они знаютъ-де его за способнаго и трудолюбиваго человѣка и берутъ будущую его дѣятельность взамѣнъ капитала: пусть-де онъ сговорится съ г. Лебланомъ и дастъ ему въ уплату капиталъ, коимъ онъ располагаетъ, а за остальное они оба поручатся предъ г. Лебланомъ. Такъ дѣло и состоялось. Французу кстати весьма пришлось развязаться сразу со всѣми своими комерческими неудачами во Флоренціи; онъ оказался непритязательнымъ въ своихъ требованіяхъ, и г. Слоанъ принялся за новое ввѣренное ему дѣло со свойственнымъ ему рвеніемъ. Онъ началъ теоретически и практически изучать металлургію, столкнулся съ Англичанами-спеціалистами по части копей и черезъ годъ съ небольшимъ представилъ новымъ своимъ товарищамъ дивидендъ; чистой прибыли на долю каждаго изъ нихъ пришлось отъ 20 до 30 тысячъ Итальянскихъ лиръ *).

Въ послѣдующіе года выручка все болѣе и болѣе увеличивалась, а въ 50-хъ годахъ каждый изъ товарищей получалъ на свою часть чуть ли не до 100 т. франковъ въ годъ. Съ самаго начала вступленія своего въ дѣло, Слоанъ переселился съ женою на руду, называемую «La Cava», и лишь мелькомъ показывался во Флоренціи. Продолжая жить съ прежнею строгою умѣренностію, онъ началъ откладывать часть своего дивиденда, лѣтъ чрезъ 20 пріобрѣлъ покупкою обѣ остальныя части своихъ товарищей и сдѣлался единственнымъ хозяиномъ рудника. И даже послѣ такого успѣха, когда онъ купилъ уже себѣ большой домъ во Флоренціи и величавую загородную виллу, называемую Кареджи, и началъ жить прилично новому своему состоянію, онъ не проживалъ никогда всего своего дохода. Когда, по изгнаніи въ 1859 году Итальянскихъ принцевъ изъ ихъ княженій, значительное весьма помѣстье въ Тосканѣ, принадлежавшее Моденскому герцо-

*) Лира равнялась около $^3/_4$ франка. Монета эта была почти что фиктивною и рѣдко весьма встрѣчалась въ чеканѣ, но существовала во всеобщемъ употребленіи въ торговой бухгалтеріи. Кромѣ этой Итальянской лиры была также, исключительно въ Ломбардо-венеціянскомъ королевствѣ, Миланская лира совершенно фиктивная и ниже курсомъ, чѣмъ Итальянская. Нынѣ принято по всей Италіи десятичное монетное дѣленіе на франки и сольди.

ту, продавалось новымъ Итальяно-піемонтскимъ правительствомъ, г. Слоанъ также пріобрѣлъ это имѣніе во избѣжаніе перехода его въ чужія руки, и съ цѣлію, кажется, возвратить это имѣніе настоящему его владѣльцу, буде послѣдній пожелаетъ его выкупить. По мѣрѣ возрастанія своихъ средствъ, онъ расширялъ дѣйствія свои по рудѣ и въ началѣ настоящихъ 60 годовъ получалъ уже (какъ о томъ носилась молва) болѣе 300 т. франковъ годъ. Не оставлялъ онъ между тѣмъ своимъ пособіемъ Римско-католическаго свѣтскаго Коллегіума въ Сѣверной части Англіи (Ushaw-colledge), гдѣ онъ воспитывался, и пожертвовалъ значительную сумму денегъ на сооруженіе тамъ новаго корпуса[1]). Кромѣ того, онъ участвовалъ чуть ли не на половину въ окончательномъ устройствѣ наружности Флорентинской церкви Санта-Кроче (Святаго Креста), этого пантеона, такъ сказать, многихъ Итальянскихъ знаменитостей, остававшагося въ прискорбно-недоконченномъ видѣ, съ голыми даже неоштукатуренными кирпичными стѣнами въ теченіе 4-хъ или 5-ти столѣтій. Работы эти, состоявшія изъ барельефовъ разноцвѣтнаго мрамора, принадлежатъ даровитому, но къ сожалѣнію малоизвѣстному въ Европѣ, ваятелю Дюпре́. Но все это ничтожно въ сравненіи съ филантропическими щедротами г. Слоана, расточаемыми на мѣстѣ источника его богатства въ Ла-Кавѣ, между сельскимъ населеніемъ коего и въ его окрестностяхъ нѣтъ болѣе нынѣ, какъ утверждаютъ, ни одного нищаго, ни даже ни одного нуждающагося семейства, между тѣмъ какъ нищенство есть одна изъ язвъ всей почти Италіи, за исключеніемъ Ломбардіи. Тамъ же учреждены г. Слоаномъ школы и больницы; а дабы пріучить дѣтей къ трудолюбію съ ранняго возраста, придуманы работы, соразмѣрныя ихъ лѣтамъ, съ поощрительною за нихъ преміею. Въ знакъ признательности за таковыя, почти-что государственныя услуги, послѣдній великій герцогъ, Леопольдъ II-ой, удостоившій руду своимъ посѣщеніемъ, почтилъ виновника мѣстнаго сельскаго благоустройства орденомъ Св. Стефана и званіемъ камергера своего двора[2]). Весьма естественно, что изъ чувства признательности, г. Слоанъ остался вѣренъ памяти царственнаго изгнанника, ук-

---

[1]) Имя этого Коллегіума напомнило мнѣ теперь, что при описаніи семейной нашей жизни въ виллѣ Пальміери въ 1819 году и бывшихъ у насъ тамъ посѣтителей, не упомянулъ я, что у г. Слоана бывалъ одинъ изъ дѣтскихъ его по Коллегіуму товарищей г. Уайзманъ (D-r Wiseman), тогда только - что рукоположенный въ священническій санъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи знаменитымъ въ званіи кардинала съ титуломъ Вестминстерскаго архіепископа, а также и въ Англо-католической литературѣ. Его романъ „Фабіола", въ Русскомъ переводѣ, подъ именемъ „Катакомбъ" имѣлъ успѣхъ въ высшемъ кругу религіознаго настроенія.

[2]) По поводу этого посѣщенія руды Тосканскимъ великимъ герцогомъ случилось забавное обстоятельство, выказывающее патріархальную простоту нравовъ Тосканскаго

лоняясь отъ всякаго сближенія съ людьми, стоящими во главѣ нынѣшняго правительства, и живетъ въ интимномъ почти кружкѣ изъ мѣстныхъ приверженцевъ стараго порядка и нѣкоторыхъ рекомендованныхъ иностранцевъ-туристовъ [1]). И въ самой Флоренціи онъ неоскудно помогаетъ нуждающимся; но, вѣрный своей національности, которая никогда не разлучается съ какой-либо странностію, онъ не любитъ, чтобы посторонніе благодѣтели обращались къ нему за помощью для чужихъ бѣдныхъ, и устраняетъ эти просьбы, отзываясь, что всему нуждающемуся человѣчеству помочь онъ не можетъ, и потому-де удѣляетъ посильную помощь только по собственному усмотрѣнію.

Я счелъ поясненіе о причинѣ богатства моего бывшаго наставника тѣмъ болѣе необходимымъ, что клевета не переставала приписывать его другимъ источникамъ [2]). Прежде однакоже чѣмъ приняться снова за нить моего разсказа, передамъ анекдотъ, слышанный мною отъ него объ адмиралѣ Чичаговѣ, съ коимъ онъ былъ знакомъ во Флоренціи въ началѣ 30-хъ годовъ. Г. Слоанъ встрѣтился однажды въ Парижѣ въ 1837 году съ Чичаговымъ; они пошли прогуливаться и дошедши до площади, гдѣ стоитъ Вандомская колонна, остановились разсматривать барельефы, изображающіе Наполеоновскія побѣды. Г. Слоанъ замѣтилъ, что когда очередь ихъ обзора дошла до барельефа переправы черезъ Березину, спутникъ его сдѣлалъ кислую рожу и какъ бы сконфузился. Я далеко не сторонникъ Чичагова, но отталкивающее мое къ нему чувство основано не столько на неудачныхъ его дѣйствіяхъ въ 1812 году, сколько на злобѣ, имъ питаемой впослѣдствіи къ своему отечеству. Онъ говаривалъ, что у насъ все идетъ дурно, что никакія реформы не могутъ помочь дѣлу, и что надо всю Россію перепахать заново [3]). Гнѣвъ его на государя Николая Павловича былъ

тогдашняго двора. Когда великая герцогиня, сопутствовавшая своему супругу, хотѣла сѣсть въ кресла, чтобы спуститься по канату въ колодецъ руды, то ей замѣтили, что отъ сильнаго теченія воздуха, дувшаго снизу, она, безъ теплыхъ кальсоновъ, рискуетъ простудиться и заболѣть; на бѣду въ походномъ гардеробѣ принцессы не оказалось таковаго свойства невыразимыхъ. Чтобы не лишиться однако удовольствія спуститься въ руду, она не побрезгала фланелевыми кальсонами, или чуть ли не настоящими брюками камердинера г. Слоана, Джіачинта. (Выборъ палъ на него по причинѣ его небольшого роста).

[1]) Партія приверженцевъ прежняго порядка называется въ народѣ и въ торговомъ сословіи „codini“ т. е. хвостами или клерикальною, по причинѣ костюма аббатовъ, которые носятъ въ видѣ мантіи узкое полотнище шелковой черной матеріи, висящее на спинѣ и доходящее почти до пятокъ (оно прикрѣпляется сверху къ воротнику сюртука или фрака).

[2]) Т. е. будто Слоанъ разбогатѣлъ на счетъ гр. Анны Артемьевны Бутурлиной (ур. гр. Воронцовой). П. Б.

[3]) По свидѣтельству Ѳ. М. Достоевскаго (въ одномъ его письмѣ), И. С. Тургеневъ тоже утверждалъ въ Баденѣ, что провались Россія сквозь землю, человѣчество только бы выиграло. П. Б.

совершенно неоснователенъ. Поселившись за границею вскорѣ послѣ Отечественной войны, онъ не возвращался ни одинъ разъ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ, а между тѣмъ пользовался полнымъ своимъ окладомъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта. Наконецъ, въ 30-хъ годахъ, Государь повелѣлъ сообщить ему, что если онъ не возворотится въ назначенный срокъ въ Россію, то выдача оклада будетъ пріостановлена, за что Чичаговъ прогнѣвался, эмигрировалъ окончательно и принялъ Англійское подданство. Онъ былъ и безъ того желчнаго темперамента, но ненависть его ко всему Русскому объясняется Итальянскою поговоркою «Chi offende, non perdona». (Оскорбитель не прощаетъ имъ же оскорбленному). А что̀ до того, что онъ выпустилъ будто-бы изъ рукъ Наполеона передъ Березиною, то, читая его о томъ разсказъ (помѣщенный въ «Русскомъ Архивѣ» за 1869 г.), видимъ, что у него не было достаточно войскъ, чтобы воспрепятствовать непріятелю переправиться черезъ Березину, силы коего были почти втрое больше, чѣмъ такъ называвшаяся армія подъ начальствомъ Чичагова: въ ней насчитывалось, по его показанію, не болѣе 20,000 человѣкъ. Трудно подозрѣвать его въ этомъ случаѣ въ наглой лжи.

Возвращаюсь къ разсказу о нашей жизни. Съ наступленіемъ осени (1838 г.) мы разъѣхались. Сначала братъ мой отправился съ своею семьею въ Римъ на зиму, а мать моя во Флоренцію, куда и я съ женою переѣхалъ позднѣе; но первоначально я отвезъ жену съ дочерью въ Лукку къ маркизѣ Вирджиніи Бочелла, а самъ оставался недѣли на двѣ въ Ливорнѣ, для отправки своихъ реставрированныхъ картинъ въ Россію. Теща моя уѣхала также во Флоренцію, одна съ своею Русскою горничною Машею. Это было послѣднее мое въ жизни свиданіе съ безцѣннымъ моимъ братомъ, хотя ничего не предвѣщало тогда возможности таковой на вѣки разлуки съ нимъ: я вовсе еще не помышлялъ о возвращеніи въ Россію, а онъ уѣзжалъ на зимніе только мѣсяцы въ Римъ. Одною изъ причинъ, побудившихъ его оставить Флоренцію, было (какъ я впослѣдствіи узналъ) желаніе избѣгнуть сближенія его сына Дмитрія (коему минуло тогда 10 лѣтъ) съ его двоюродными братьями, сыновьями сестры нашей Маріи Дмитріевны Ди́ни, воспитанія коихъ не одобряла графиня Аврора Осиповна: строгія правила ея расходились со взглядами на тотъ предметъ супруговъ Дини. А вѣдь ничего въ сущности порочнаго не было въ мальчикахъ Дини: они были лишь немного шумливы и развязнѣе своего двоюроднаго брата Дмитрія, вслѣдствіе предоставленной имъ большей свободы, и не могу даже сказать, чтобы методъ воспитанія дѣтей Дини привелъ къ дурнымъ результатамъ. Изъ четырехъ братьевъ одинъ только,

бѣдный Августинъ, сбился съ пути и огорчалъ мать своимъ поведеніемъ; остальные трое проложили себѣ дорогу въ жизни, усвоивъ практическую ея сторону, т. е. науку, не давшуюся мнѣ и отчасти добрѣйшему моему брату. Въ этомъ отношеніи невѣстка моя превосходитъ, конечно, обоихъ насъ; но она впала, какъ кажется мнѣ, въ другое ошибочное направленіе. Находясь постоянно подъ вліяніемъ опасеній, чтобы сынъ ея не былъ вовлеченъ въ порочныя привычки свѣтской молодежи и чтобы не отступалъ отъ строгихъ религіозныхъ правилъ, внушенныхъ ему съ малолѣтства, она съ этою, вѣроятно, цѣлію помѣстила его позднѣе въ Фрибургскій Іезуитскій Коллегіумъ и общимъ направленіемъ его воспитанія уничтожила въ немъ, какъ мнѣ кажется, чувство самостоятельности и силу воли, и изъ него вышелъ человѣкъ, не способный ни къ какому почти серьезному труду или занятію, вопреки тому, что онъ вовсе по себѣ не глупъ. Къ тому же и свѣтское его положеніе весьма фальшивое и подчасъ неловкое. Русскій по фамиліи и по недавно возобновленному имъ подданству, онъ въ сущности не принадлежитъ ни къ какой національности, а по привычкамъ жизни, языку и осѣдлости во Флоренціи, онъ настоящій Итальянецъ, хотя не токмо что не сроднился съ тѣмъ краемъ, но гнушается быть признаннымъ за Итальянца. Спеціальность его лингвистика: по-англійски, по-французски и по-итальянски онъ говоритъ, какъ бы тамошній уроженецъ, знаетъ также Польскій, Нѣмецкій и Португальскій языки, владѣетъ значительнымъ довольно состояніемъ; но въ нашемъ дѣловомъ вѣкѣ космополитизмъ не пользуется нигдѣ почетомъ; настоящаго же отечества, то есть такого, въ судьбахъ коего онъ могъ бы принимать участіе, у него нѣтъ, и взамѣнъ этого чувства имъ овладѣлъ полный индиферентизмъ. Во время послѣдней поѣздки моей въ Италію, тамошнія политическія событія и перевороты шевелили во мнѣ сердце сильнѣе, чѣмъ въ немъ. Разсказываютъ, что въ первой своей молодости онъ рвался будто-бы на военную службу въ Россію, но мать его подъ кошмаромъ (вѣроятно) опасенія, чтобы онъ не обратился въ Православіе, объявила будто бы наотрѣзъ, что она никогда, при своей жизни, не дастъ на это своего согласія, и примѣрный (надо отдать ему должную справедливость) сынъ подчинился приговору. Во время его путешествій по Востоку, въ сопровожденіи какого-то довѣреннаго лица (это было вскорѣ по выпускѣ его изъ Фрибургскаго Коллегіума), когда онъ отправился съ другими туристами изъ Алжира внутрь края, подъ прикрытіемъ военнаго отряда, на нихъ напала партія Бедуиновъ, и командиръ отряда Канроберъ (тогда еще только, помнится мнѣ, полковникъ) пригласилъ всѣхъ стать безразлично въ ряды, для правильнаго отраженія нападающихъ. Племянникъ мой ус-

пѣлъ отличиться, за что и былъ представленъ къ кресту Почетнаго Легіона. Извѣстіе это сильно встревожило его родителей, и Августъ Осиповичъ Понятовскій поспѣшилъ въ Парижъ, остановить дальнѣйшій ходъ этого представленія, весьма, по моему, напрасно. Допускаю, что подобное отличіе могло бы не понравиться въ Россіи и вызвать, пожалуй, нахмуреніе бровей царствовавшаго тогда Николая Павловича; но этимъ бы только дѣло и кончилось. Ни семейные, ни денежные интересы моего брата въ Россіи не подвергались уже въ то время никакой опасности, такъ какъ выкупившіеся его крестьяне обращены были въ вольные хлѣбопашцы; слѣдовательно, Французскій орденъ на груди его сына никому и ни въ чемъ вредить не могъ, а между тѣмъ лестно было бы этому юношѣ получить заслуженный имъ знакъ военнаго отличія. Если братъ мой и его жена желали и заботились лишь о томъ, чтобы про нихъ забыли совершенно въ Россіи, то они также заблуждались, какъ куропатка, воображающая, что никто ея не видитъ, потому что она скрыла голову подъ крыломъ. И такъ, если не слѣдуетъ строго обвинять моего племянника въ безцвѣтной и безцѣльной его жизни, нельзя не снизойти и къ матери его, дѣйствовавшей сообразно съ глубокими ея убѣжденіями, что ради душевнаго спасенія сына нужно было всѣмъ пожертвовать, даже и свѣтскимъ его положеніемъ. Иное дѣло не раздѣлять такого воззрѣнія; но нельзя не согласиться, что невѣстка моя дѣйствовала, послѣдуя вполнѣ Римскому ученію о невозможности спастись внѣ этой церкви; иначе мы будемъ ставить въ вину чадамъ всякой церкви безусловное ихъ повиновеніе ея началамъ. Тутъ мы видимъ фатальное лишь стеченіе безвыходныхъ для обѣихъ сторонъ обстоятельствъ, внѣ ихъ собственной воли, основной узелъ чего оказывается въ Римско-католической пропагандѣ въ Россіи, въ первое двадцатилѣтіе сего вѣка. Въ томъ и состоятъ, по моему мнѣнію, посылка и заключеніе вопроса.

Нынѣ, когда, благодаря прогрессивному направленію нашего правительства, вѣротерпимость входитъ (хотя еще не вполнѣ) въ составъ его программы, и Русскій подданный не лишается (если не «de jure», такъ «de facto») гражданскихъ своихъ правъ и сословныхъ привилегій (въ чемъ было прежде неправосудное ограниченіе) потому только, что внушено было ему съ дѣтства, что папа есть видимый глава всей вселенской церкви, племянникъ мой могъ бы конечно поступить на нашу государственную службу безъ обязательной перемѣны вѣроисповѣданія, чему были недавніе примѣры; но уже поздно: ему минуло 40 лѣтъ, и житейскія его привычки настолько уже сложились, что ему черезчуръ было бы трудно, чтобы не сказать невозможно, разстаться съ

своею независимостію и подчиниться обязательному труду. Да и достигнулъ ли бы онъ до чего-нибудь значительнаго на поприщѣ службы, если бы и принялся ранѣе онъ за нее: это также вопросъ. Сдается мнѣ, что въ обоихъ насъ, сыновьяхъ нашего отца, не было, да и въ новомъ (отъ насъ двоихъ) поколѣніи не видно, никакого служебнаго призванія, но не потому, чтобы всѣ мы были людьми ни къ чему неспособными, а потому, что мы грѣшили и грѣшимъ неустойчивостію въ серьезныхъ нашихъ занятіяхъ: мы не поставили себѣ никакой служебной цѣли, а служили кое-какъ, спустя рукава, и какъ говорится въ просторѣчіи «для блезиру».

Не взирая на это столь длинное отступленіе, надѣюсь, что читатель не потерялъ изъ виду, что рѣчь идетъ объ осени 1838 года, памятной необычайнымъ стеченіемъ Русскихъ въ Италіи. Первыми изъ нихъ пріѣхали во Флоренцію графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ съ своею женою гр. Вѣрою Григорьевною и дѣтьми; старшая изъ двухъ ихъ дочерей, Алека, была уже тогда дѣвочка поразительной красоты, съ чертами лица и выраженіемъ недѣтскими. Они пріѣхали прямо изъ Парижа, гдѣ гостили нѣкоторое время у графа Петра Петровича Палена, бывшаго тогда нашимъ посломъ при Французскомъ дворѣ.

Помнится мнѣ, что графиня Вѣра Григорьевна пріѣзжала будто-бы на короткое время въ Кіевъ, для свиданія съ моею матерью, хотя я о томъ не упомянулъ, гдѣ слѣдовало. Само собою разумѣется, что все происшедшее между нами за 10 ровно лѣтъ предъ тѣмъ предано было забвенію*). Я уже до сего сдѣлалъ замѣчаніе, что тѣсная дружба, соединявшая нѣкогда мать мою съ графинею Елисаветою Петровною Чернышовой, отразилась въ обоюдныхъ отношеніяхъ ихъ дѣтей. Дочери тетки моей не иначе смотрѣли на нашу мать, какъ на свою, и таковыми были приняты ею: братъ мой, всѣ три сестры наши и я остались навсегда съ дочерьми тетки нашей на ногѣ братьевъ и сестеръ, хотя мы съ ними состоимъ уже въ третьемъ колѣнѣ родства. Проходятъ десятки и болѣе лѣтъ разлуки, но, встрѣчаясь съ посѣдѣвшими уже, какъ и я самъ, Наталіею Григорьевною Муравьевой и графинею Вѣрою Григорьевною Паленъ (однѣ оставшіяся въ живыхъ изъ шести сестеръ—образцовыхъ женъ и матерей), мы кидаемся по сю пору въ объятія другъ къ другу, и слышатся, какъ въ былые годы, фамильярныя имена «Мишель», Наташа, Вѣра, а въ нашихъ разговорахъ, родственное «ты».

Явился во Флоренцію въ числѣ прочихъ туристовъ нашъ родственникъ, молодой Александръ Дмитріевичъ Жеребцовъ, сынъ католички Софіи Филипповны (урожденной Дореръ), о коей пространно

*) Графъ М. Д. Бутурлинъ искалъ руки графини Вѣры Григорьевны. П. Б.

говорилось въ I-й части сихъ Записокъ, малый-куріозъ въ своемъ родѣ. Хотя далеко неглупый и даже съ нѣкоторою дозою поэтическаго дарованія, изумительно помнившій все прочитанное имъ изъ отечественной и Французской литературы, онъ нерѣдко казался какъ бы полупомѣшаннымъ. Иногда онъ прикидывался поборникомъ Римской церкви *), но не признавалъ себя принадлежащимъ къ ней, затѣмъ дѣлался апологистомъ Декабрьскаго заговора и не стѣснялся при постороннихъ лицахъ высказывать свои будто-бы революціонные принципы; а то кидался на шею собесѣднику, когда въ разговорѣ затрогивалось чувство Русской національности. Разсказывалъ онъ также небылицы о Петербургскомъ высшемъ обществѣ, въ уголокъ коего онъ случайно было втерся, какъ-то не надолго, и такія же небылицы о своемъ семействѣ. Словомъ, въ немъ былъ хаосъ всякой всячины, и оставалось лишь удивляться, какъ онъ не попалъ въ домъ умалишенныхъ, вмѣсто случившейся съ нимъ за болтовню высылки въ 40-хъ годахъ на службу въ одну изъ отдаленныхъ (восточныхъ, кажется) губерній. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ уже никакихъ дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній. Воспламененное его отъ природы воображеніе поддерживалось склонностію къ лишнему иногда стакану вина, и онъ дѣлался бретёромъ; но къ чести его, я долженъ добавить, что онъ не былъ трусомъ и на одномъ поединкѣ на шпагахъ съ пріятелемъ моимъ виконтомъ де-Романъ, изъ-за пустого повода, онъ порядочно, помнится мнѣ, былъ раненъ въ локоть. Онъ разсказывалъ (передано мнѣ третьимъ лицомъ, самъ же я этого не слыхалъ), будто-бы отецъ его, убѣдясь въ истинѣ Римской церкви, заявилъ, что онъ не иначе исполнитъ-де обрядъ присоединенія къ ней, какъ публично въ Петербургскомъ Римско-католическомъ храмѣ (что̀ и состоялось) и что для придачи большей торжественности этой церемоніи, Австрійскій посланникъ графъ Фикельмонъ стоялъ-де возлѣ него, въ видѣ крестнаго отца или поручителя за будущую его вѣрность въ новомъ его вѣроисповѣданіи. Передавшій мнѣ этотъ анекдотъ добавилъ (можетъ быть, ради краснаго словца), якобы молодой Жеребцовъ, въ заключеніе разсказа, придавалъ слѣдующія слова упомянутому Австрійскому дипломату: «Maintenant que j'ai converti un des plus grands aristocrates russes, ma mission en Russie est terminée.» Жеребцовъ былъ способенъ сочинить таковую басню. Однажды войдя ко мнѣ на верхъ съ мрачнымъ лицомъ, онъ сказалъ, что стыдится своего бездѣйствія во Флоренціи, тогда какъ въ этотъ са-

---

*) Напоминаю, что С. Ф. Жеребцова успѣла прозелитизировать разорившагося своего мужа Дмитрія Александровича, сыновей и дочь Анну Дмитріевну, вышедшую замужъ въ началѣ 1835 года за Поляка г. Шеміота. Старики Жеребцовы переселились въ Италію и умерли въ Римѣ.

мый день въ Россіи долженъ былъ вспыхнуть заговоръ и что оба меньшіе его братья, участвовавшіе будто въ ономъ, подвергаются, можетъ быть, эшафоту. Не знавъ его тогда близко, я встревожился и поспѣшилъ передать матери моей слышанное отъ Жеребцова; она перепугалась и написала немедленно къ его матери Софіи Филипповнѣ, совѣтуя ей имѣть бдительный надзоръ за ея сыновьями, но та поспѣшила отвѣтомъ, что нечего опасаться за ея двухъ юношей, находящихся неотлучно при ней, и что̀ касается говореннаго старшимъ ея сынкомъ во Флоренціи, то такъ какъ онъ находится на лицо передъ моею матерью, то ей предстоитъ-де сдѣлать свое о немъ заключеніе. Дѣло это такъ бы и кануло въ воду, если бы галюцинація Жеребцова не выходила изъ семейнаго нашего круга; но онъ возобновилъ свою болтовню въ салонѣ жены Григорія Ѳедоровича Орлова, одномъ изъ центровъ свѣтскаго общества, танцуя тамъ по Четвергамъ, и гдѣ кромѣ того бывали званые обѣды разъ въ недѣлю; тамъ Жеребцовъ пустилъ (вѣроятно) свой разсказъ, обогативъ его вновь импровизованными варіантами и оговоривъ въ сообщничествѣ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ Петербургской молодежи. Слухъ о миѳическомъ заговорѣ дошелъ чрезъ шпіоновъ, коихъ было во Флоренціи, какъ и въ другихъ мѣстахъ немало, до Петербурга, и оговоренныхъ молодыхъ людей потребовали въ III Отдѣленіе къ генералу Дубельту; но нелѣпость извѣта не замедлила обнаружиться, и ихъ освободили. Къ счастію выдумщика, его арестовали при первомъ появленіи въ предѣлахъ Россіи, и въ сопровожденіи синемундирнаго оберегателя общественнаго спокойствія отвезли для отрезвленія въ одинъ изъ восточныхъ пунктовъ Имперіи*); а не то̀, явись только онъ на свободѣ въ Петербургъ, досталось бы, пожалуй, его бокамъ отъ лицъ озлобленныхъ за неосновательный на нихъ извѣтъ. Въ заключеніе добавлю, что, не имѣя никакого состоянія, Жеребцовъ велъ игру въ экарте́. Однажды на балѣ у Орловыхъ, вслѣдствіе карточной его ссоры съ однимъ Испанцемъ по имени Гусманомъ, господиномъ неизвѣстной отчасти личности, но съ замашками человѣка, для котораго процессъ застрѣлить ближняго не важнѣе того, какъ зарѣзать курицу, послѣдовалъ вызовъ, и Жеребцовъ попросилъ меня не отказаться быть его секундантомъ, не смотря на то, что я отецъ семейства, такъ какъ я единственный его во Флоренціи родственникъ. Это было не совсѣмъ мнѣ по нутру; но я, скрѣпя сердце, согласился въ надеждѣ уладить дѣло безъ кровопролитія. Не сказавъ ни слова о томъ моей женѣ, когда она улеглась спать (мы уже съ самаго пріѣзда во Флоренцію не имѣли общей спальни), я переодѣлся въ утреннее, обык-

*) Въ Пермь. П. Б.

новенное платье и первоначально отправился къ Жеребцову, чтобы подробнѣе освѣдомиться, какъ дѣло было, кто былъ изъ свидѣтелей онаго и кто долженъ быть секундантомъ у свирѣпаго Испанца. По словамъ его, свидѣтелемъ полученнаго-де афронта былъ Англійскій туристъ, молодой лордъ Вальполь *), а секундантомъ противника долженъ былъ быть секретарь Французской миссіи, г. Лафонъ, одинъ изъ кротчайшихъ молодыхъ людей нашего общества; а затѣмъ Жеребцовъ любезно добавилъ, что полагается во всемъ на мою честь, опытность и дружбу къ нему и что заранѣе соглашается на всякое мое дѣйствіе; что ни о чемъ болѣе не хочетъ знать; что, готовясь ко всему худшему, онъ уже принялся писать своимъ родителямъ на случай неблагополучнаго для него исхода поединка. Отъ него я направилъ стопы мои на противуположный конецъ города, за рѣкою Арно, и разбудилъ спавшаго уже г. Лафона, съ цѣлью условиться, какъ намъ дѣйствовать. Крошечный изъ себя и кроткій дипломатъ казался не совсѣмъ доволенъ своимъ назначеніемъ въ секунданты, и въ свою очередь началъ опираться на мою опытность, какъ на человѣка зрѣлыхъ лѣтъ, и потому, удостовѣряясь въ миролюбивыхъ его наклонностяхъ, я просилъ его одѣться и со мною отправиться къ г. Гусману, чтобы постараться общими нашими силами склонить его на мировую. Такимъ образомъ вся ночь (поздне-осенняя) прошла въ странствованіяхъ и переговорахъ, но на разсвѣтѣ оставалось еще разспросить свидѣтеля ссоры, Британскаго лорда, жившаго въ большомъ отелѣ Шнейдера, у моста Карраія; и потому, не взирая на свою усталость, я поплелся къ нему пѣшеходствомъ, такъ какъ во то время фіакровъ во Флоренціи почти что не было. Солнце начинало всходить, когда я ворвался въ спальню милорда и, извиняясь за несвоевременное нарушеніе его сна, по дѣлу, касающемуся чести моего довѣрителя, просилъ его потрудиться сообщить мнѣ подробности вчерашняго происшествія. Не скажу однакоже, чтобы потревоженный столь неожиданно милордъ казался черезчуръ удивленъ или недоволенъ моимъ посѣщеніемъ. Онъ вѣжливо весьма, хотя и уклончиво, передалъ мнѣ видѣнное и слышанное имъ. Изъ словъ его я не могъ однакоже заключить, были ли дѣйствительно произнесены одною изъ сторонъ такія слова, оскорбительность коихъ должна быть выкупаема цѣною крови. Отъ Британца я поспѣшилъ къ Испанцу и, поддерживаемый моимъ товарищемъ г. Лафономъ, принялся его увѣщевать. Вопреки грозной своей физіономіи, онъ

*) Личность довольно эксцентричная. Поселившись вскорѣ послѣ сего въ Египтѣ, онъ присвоилъ себѣ мѣстный костюмъ и привычки и даже завелъ (какъ разсказывали) у себя гаремъ, каковую роскошь дозволяли его средства.

началъ уже отчасти поддаваться, но съ условіемъ, что мы секунданты не потребуемъ отъ него, чтобы онъ первый извинился передъ Жеребцовымъ, въ чемъ мы дали обѣщаніе, и затѣмъ предложили, чтобы противники, встрѣтившись при насъ, молча подали руку другъ другу. Поладивъ съ нимъ, г. Лафонъ и я направились къ Жеребцову, коего уломали согласиться на наши условія; съ нимъ мы снова, помнится мнѣ, возратились къ Испанцу, и примиреніе состоялось на указанныхъ нами началахъ.

Когда я вернулся домой, у насъ сидѣли уже за чайнымъ утреннимъ столомъ, и къ общему удивленію собравшихся по семейному обычаю къ чаю, я передалъ имъ о ночныхъ своихъ похожденіяхъ. Мать моя пожала плечами и благодарила меня за удачное окончаніе дѣла, касавшагося человѣка намъ нечужого. Въ числѣ своихъ элюкубрацій, Жеребцовъ утверждалъ, что его мать происходила, хотя въ отдаленной степени родства, отъ знаменитаго Французскаго рода принцевъ Водемоновъ (Vaudémont), о чемъ конечно никогда не подозрѣвали мать его Софія Филипповна и смиренные ея родители Дореры, Эльзаскіе уроженцы *); но открытіе это до того имъ овладѣло, что, воспользовавшись случаемъ познакомиться съ герцогинею де-Гонтò (тещею герцога де-Рогана), онъ не замедлилъ заявить ей, что считаетъ себя въ родствѣ съ нею, по свойству нѣкоторымъ образомъ съ генеалогическимъ деревомъ Водемоновъ, домъ коихъ былъ въ родствѣ съ сказанною дюшессою. Величавая эта представительница Парижскаго легитимистскаго «Faubourg S-t Germain», крайне удивленная таковымъ извѣстіемъ, при первой встрѣчѣ съ теткою моею графинею Маріею Артемьевной Воронцовой, просила ее объяснить ей, по какому случаю, она, г-жа де-Гонтò, въ родствѣ съ г. Жеребцовымъ. Adressez-vous pour cela à lui-même, chère duchesse, былъ отвѣтъ; quant à moi, je n'en ai jamais entendu parler.

Одновременно почти съ прочими Русскими, изъ Парижа пріѣхали на зиму во Флоренцію Николай Адріяновичъ Дивовъ, его жена и путешествовавшая съ ними Марія Павловна Сумарокова. Они наняли квартиру въ домѣ у одного Грека, на набережной Арно, близъ моста «Санта - Тринитà», окнами на полдень: обстоятельство немаловажное во Флоренціи, гдѣ свирѣпствующій часто зимою сѣверный холодный вѣтеръ (tramontana), при отсутствіи печей, дѣлаетъ апартаменты, об-

*) Одна изъ сестеръ Софіи Филипповны была замужемъ за г. Карасомъ, сына коего я знавалъ въ 30 годахъ въ Москвѣ инженернымъ офицеромъ. Нынѣшній часовыхъ дѣлъ мастеръ г. Дореръ принадлежитъ, вѣроятно, къ той же фамиліи.

ращенные къ Сѣверу, почти-что не обитаемыми для дѣтей нашего (хотя еще болѣе суроваго) Сѣвера, привыкшихъ къ комнатной теплотѣ, достичь которую невозможно въ Италіи въ зимнее время. Дѣтей въ то время у Дивовыхъ еще не было, и они воспитывали тогда, какъ бы родную свою дочь, бѣдную дѣвочку, крестницу Зенаиды Сергѣевны, Зенаиду Николаевну [1]), наставницею при которой и въ тоже время компаніонкою самой Зенаиды Сергѣевны, была прехорошенькая Москвитянка-Француженка, дѣвица Елисавета Павловна Гоффаръ [2]). Неотлучно при Дивовыхъ находившійся карликъ Филя (получившій уже за выслугу лѣтъ наименованіе Филиппа Арсеньевича) многихъ удивлялъ въ Италіи, какъ феноменъ тамъ небывалый, такъ что одинъ изъ интимнаго намъ кружка спрашивалъ у Николая Адріяновича, составляетъ ли этотъ человѣчекъ исключеніе и представляетъ только игру природы, или онъ вывезенъ изъ какой нибудь провинціи имперіи, гдѣ все народонаселеніе состоитъ изъ карликовъ. Касательно понятій сихъ господъ о нашемъ краѣ можно судить по укоренившемуся между ними мнѣнію о цѣлыхъ стаяхъ волковъ, будто бы встрѣчающихся у насъ на каждомъ шагу. Мысль эта до того пугала ихъ, что когда Дивовы, въ 40-ыхъ годахъ, уговаривали Римлянку-кормилицу старшаго ихъ сына (Сергѣя, нынѣ умершаго) ѣхать съ ними въ Россію, и она ходила прощаться съ какимъ-то маркизомъ, въ домѣ коего жила передъ тѣмъ, то получила отъ него дружеское предостереженіе: «Fate attenzione, cara mia, che in Russia sono molti lupi». (Будьте осторожны, милая моя, потому что въ Россіи множество волковъ). Ежедневный мой акомпаніаторъ пѣнія, пользовавшійся званіемъ маѐстро, говоря однажды объ одномъ пѣвцѣ, ангажированномъ для Одесскаго театра, спросилъ меня, далеко ли Одесса отъ Россіи? Невѣжество Итальянцевъ въ этомъ отношеніи равняется только съ безцеремонностію, даже дамъ, насчетъ высказыванія во всеуслышаніе своихъ недуговъ. Они, напримѣръ, не стѣсняются говорить, что одержимы констипаціею; впрочемъ, пояснить слѣдуетъ, что терминъ этотъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ на ихъ нарѣчіи: констипація «di testa» (головная) обозначаетъ насморкъ, а констипація «di corpo» (брюшная) запоръ. Наши Русскія дамы, даже не изъ жеманныхъ, привыкнуть не могли къ безцеремонности, съ которою молодыя Итальянки вы-

---

[1]) Она вышла замужъ въ 1849 году за Николая Ивановича Колесова, нынѣ уже дѣйств. статс. совѣтника и вице-директора департамента внѣшней торговли въ Министерствѣ Финансовъ (отецъ его командовалъ батареею въ Тарусѣ, въ 20-хъ годахъ).

[2]) Она много позднѣе вышла замужъ за г. Пешессъ, изъ первыхъ открывшихъ въ Москвѣ фотографическое заведеніе въ Газетномъ переулкѣ; жена его тутъ же содержала весьма комфортабельныя меблированныя комнаты, съ отличнымъ столомъ.

сшаго круга говорили во всеуслышаніе о женскихъ періодическихъ полу-недугахъ, безъ обиняковъ. Не должно впрочемъ заключать, чтобы это происходило у нихъ отъ потери чувства стыдливости; вовсе-нѣтъ: это просто наивность, присущая многимъ изъ нихъ. Но безчинствъ, открыто происходящихъ (или происходившихъ въ то время) на улицахъ, кто не былъ въ Италіи *) не можетъ себѣ представить. Среди бѣлаго дня жители не стѣснялись отдавать долгъ природѣ на центральныхъ иногда городскихъ улицахъ и на публичныхъ гуляньяхъ, и идущія пѣшкомъ дамы (обычай общепринятый въ теплыхъ климатахъ) не могли избѣжать, чтобы не проходить мимо сидѣвшаго на корточкахъ Флорентинскаго ремесленника. Въ нѣкоторыхъ стѣнахъ вставлены были иконы и статуетки Мадонны и другихъ святыхъ, или нарисованъ рядъ крестовъ съ надписью: «rispetto al Santissimo» (почитайте Святѣйшаго); въ Римѣ же помню, на одной стѣнѣ встрѣчалась крупными буквами надпись «Qui non si fa immondezze» (здѣсь запрещается дѣлать нечистоты), на противоположной надпись «immondezzaio» или разрѣшеніе таковаго рода дѣйствій. О чистотѣ самихъ улицъ можно судить по тому, что почти все выбрасывалось и выливалось на гладкую, изъ широкихъ плитъ, мостовую, дѣлавшуюся чрезъ то иногда весьма слизкою. А иныя улицы надо было буквально обходить по причинѣ зловонія отъ выставленныхъ передъ лавками съѣстныхъ припасовъ кадокъ съ отточенною *бакалóю* (Итальянское названіе вяленой трески, привозимой въ высушенныхъ связкахъ изъ Америки и составляющей наидешевѣйшую пищу для рабочаго класса въ постные дни). На Югѣ Италіи (гдѣ впрочемъ я не бывалъ) почти вся жизнь мелкихъ ремесленниковъ проходитъ подъ открытымъ небомъ; она стѣсняетъ проѣздъ по улицамъ, и безъ того уже узкимъ.

Въ концѣ Октября или въ Ноябрѣ 1838 г. прибылъ во Флоренцію Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ Императоръ, въ сопровожденіи князя Ливена и генераловъ Кавелина и Юрьевича (послѣдняго сопровождала его жена). При его высочествѣ состояли адъютантомъ князь А. И. Барятинскій (тогда поручикъ л.-гусарскаго полка), гг. Паткуль и Мердеръ. Великій Князь стоялъ въ отелѣ Имберъ (M-r Imbert), возлѣ моста и площади «Санта - Тринитà», и тамъ мы всѣ Русскіе, находившіеся во Флоренціи, представлялись ему. Старикъ Флорентинецъ Бріоски, продолжавшій числиться реставраторомъ картинъ при Императорскомъ Эрмитажѣ, напялилъ по этому случаю на себя синій мундиръ, съ вышитымъ воротникомъ нашей Академіи Худо-

*) Миланъ представлялъ исключеніе въ этомъ отношеніи, по милости Австрійской полиціи, наблюдавшей за уличнымъ благочиніемъ.

жествъ. Графъ Лудовикъ Серристори, какъ бывшій полковникъ Русской службы, счелъ обязанностію явиться также въ мундирѣ главнаго штаба, съ коимъ былъ уволенъ. Нечего говорить конечно, что онъ встрѣтилъ благосклонный пріемъ *). Флорентинцы, помнится мнѣ, не вполнѣ апробовывали эту Руссофильскую демонстрацію ихъ соотечественника.

При дворѣ Тосканскаго великаго герцога не было бала въ честь Наслѣдника Россійскаго престола, не помню по какой причинѣ, и все ограничилось большимъ концертомъ, а въ другой разъ обѣдомъ во дворцѣ Питти. На этотъ обѣдъ приглашены были всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе. Для встрѣчи Великаго Князя прибылъ изъ Рима нашъ представитель г. Потемкинъ, господинъ странныхъ довольно маneровъ, женатый на Англичанкѣ-католичкѣ. Онъ вообще сбивался болѣе на иностранца въ нашей службѣ. Въ числѣ приглашенныхъ на обѣдъ во дворецъ Питти была также моя мать, и передъ тѣмъ, чтобы идти къ столу, была представлена Потемкинымъ. Это было въ первый разъ въ ея жизни, что̀ она видѣла Великаго Князя, родившагося черезъ годъ послѣ семейнаго нашего выѣзда изъ Россіи. Я началъ слѣдить за всѣми ея движеніями, и мнѣ ясно довольно показалось, что въ эти немногія минуты въ ней пробуждалось патріотическое чувство. По мѣрѣ, какъ Наслѣдникъ, удостоивая нѣсколькими привѣтливыми словами каждаго изъ представленныхъ ему лицъ, приближался постепенно къ ней, она какъ будто бы вся перерождалась. Изъ строгой подвижницы католицизма, изъ женщины отрекшейся отъ свѣта и ходившей пѣшкомъ въ изношенномъ почти платьѣ къ ранней мессѣ (въ началѣ 7-го часа) ежедневно въ приходскую свою церковь Санъ-Микеллино, вдругъ явилась придворная дама, издавна какъ будто-бы привыкшая къ пріемамъ дворцоваго церемоніала, величавая и съ улыбкою. Легко было догадаться, что сердце въ ней затрепетало, когда сынъ царя, племянникъ обожаемаго ею Александра І-го, подошелъ къ ней. Она присѣла передъ нимъ, точь-въ точь какъ будто-бы всю жизнь ничего другого не дѣлала, и если память не измѣняетъ мнѣ, то слеза блеснула въ ея глазахъ. Повторяю, что не безъ жестокой борьбы съ прошедшимъ обошлось матери моей и моему брату отреченіе отъ ихъ національности. Касательно же бѣднаго моего брата я почти убѣжденъ, что борьба

---

*) Нелишнимъ считаю помѣстить одно замѣчаніе графа Л. Серристори, поразившее меня своею вѣрностью. Однажды, когда нашъ разговоръ случайно попалъ на тему о стремленіи женской части моего семейства сродниться съ Итальянскою національностію, графъ Серристори сказалъ: „Понимаю желаніе человѣка, родившагося въ маленькомъ государствѣ, принадлежать къ болѣе сильному; но не понимаю, чтобы человѣкъ, родившійся въ государствѣ послѣдней категоріи, могъ домогаться національности въ краю первой категоріи".

эта немало способствовала сокращенію страдальческой его въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ жизни.

Были въ числѣ званыхъ и Дивовы. Съ Зенаидою Сергѣевною Великому Князю легко было разговориться про общихъ знакомыхъ, и онъ повелъ рѣчь о миловидной ея племянницѣ Варварѣ Павловнѣ, недавно передъ тѣмъ вышедшей за Василія Сергѣевича Шереметева, перваго красавца кавалергардскаго полка и вскорѣ послѣ назначеннаго адъютантомъ при Михаилѣ Павловичѣ *). Я не упомянулъ, гдѣ слѣдовало, что на первой аудіенціи у Великаго Князя въ отелѣ Имберъ, на его вопросъ о прежней моей службѣ, я отвѣчалъ, что служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, и что онъ, вспомнивъ о томъ, сказалъ женѣ моей во время концерта во дворцѣ Питти, что мужъ ея служилъ въ его (то-есть, носившемъ его имя) полку: обстоятельство тогда еще мнѣ неизвѣстное. Это былъ единственный въ жизни моей случай, что̀ я имѣлъ честь представляться и говорить съ Его нынѣ Величествомъ. Въ числѣ званыхъ, якобы Русскихъ, къ обѣду во дворецъ Питти былъ позванъ Эстонецъ, нѣкій баронъ Гротусъ. Стоя рядомъ со мною въ шеренгѣ, во время молчаливаго офиціальнаго промежутка, предшествовавшаго общему нашему переходу въ обѣденный залъ, онъ сдѣлалъ мнѣ на ухо многозначущее признаніе о чувствѣ неловкости его объясненій съ Великимъ Княземъ отъ незнанія Русскаго языка, причемъ добавилъ, что весьма жалко, что не обучаютъ его соотечественниковъ Русскому нарѣчію.

Какъ не привыкшій къ придворному этикету, я во время стола попросилъ у одного изъ камерфуріеровъ, подносившаго ви́на, вторую рюмку какого-то особенно хорошаго Венгерскаго, и меня удовлетворили; но сидѣвшій со мною рядомъ нашъ консулъ старикъ Энгельбахъ, наклонившись ко мнѣ, по праву своихъ лѣтъ, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что это не дѣлается на дворцовыхъ обѣдахъ. И здѣсь я долженъ сознаться, что поводомъ къ тому была желудочная потребность чего-то

---

*) Достойнѣйшая и рано умершая Варвара Павловна была въ 40-хъ годахъ общею фавориткою, или правильнѣе сказать, балованною дитятею при дворѣ, хотя не только не принадлежала къ оному, но по чину ея мужа не могла иначе, какъ по особенному приглашенію быть на куртагахъ, развѣ только на большихъ выходахъ, на коихъ всякій гвардейскій офицеръ имѣлъ право находиться. Но, не взирая на свой успѣхъ при дворѣ, эта примѣрная молодая женщина осталась до конца чиста и безукоризненнаго поведенія. Дѣтей у нея никогда не было, и она привязалась какъ бы къ дочери къ подкинутому ей въ колыбели младенцу и обезпечила будущность этой дѣвочки, коей, какъ пріемышу, дано было и собственное ея имя Варвары, а по отчеству Павловны, по той причинѣ, что воспріемникомъ при купелѣ этого младенца - подкидыша былъ князь Павелъ Алексѣевичъ Голицынъ, отецъ Варвары Павловны Шереметевой.

подкрѣпительнаго (или правильнѣе сказать, *зашибительнаго)*, послѣ излишка выпитаго гдѣ-то накунунѣ. По части гастрономіи я почти-что обскурантъ, хотя и сумѣлъ оцѣнить достоинство свѣжихъ фазановъ, входившихъ въ составъ великогерцогскаго угощенія; но родственникъ мой Н. А. Дивовъ, компетентное лицо въ этой наукѣ, рѣшилъ, что какъ столъ, такъ и вина, были вполнѣ безукоризненны.

Великій Князь былъ въ ту пору весьма красивъ собою, съ неимовѣрно-добродушнымъ выраженіемъ на молодомъ его челѣ и въ глазахъ. Онъ плѣнялъ всѣхъ непринужденною своею любезностію, и Итальянскія дамы прозвали его «l'angelo simpatico». Къ тому же, статскій его ежедневный костюмъ шелъ къ нему какъ нельзя лучше. Онъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный въ его честь Григорьемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, и гдѣ, для встрѣчи его, исполненъ былъ оркестромъ въ первый разъ во Флоренціи Русскій гимнъ «Боже Царя храни». Пробывъ во Флоренціи около двухъ недѣль, Государь Наслѣдникъ отправился на зиму въ Римъ.

Съ разрѣшенія матери моей, обрадованной моею просьбою, я однажды пригласилъ обѣдать къ себѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго (съ которымъ я довольно сошелся въ Москвѣ, въ началѣ 1836 г., у Елисаветы Григорьевны Чертковой), а также и г. Паткуля, съ которымъ мы стали на *ты* съ первыхъ дней нашего знакомства, и онъ сказалъ мнѣ, отъѣзжая въ Римъ, что изъ всѣхъ женщинъ Флорентинскаго общества болѣе всѣхъ нравилась ему моя жена. Sic transit gloria mundi! Этотъ цитатъ я вставляю потому, что мимолетное мое знакомство съ придворными этими господами никогда болѣе не возобновилось въ Россіи.

Вскорѣ по отъѣздѣ государя Наслѣдника, пріѣхала во Флоренцію княгиня Татьяна Васильевна Голицына съ меньшимъ своимъ сыномъ княземъ Борисомъ Дмитріевичемъ и съ больною своею внучкою, княжною Долгоруковою, коей было тогда 10 или 11 отъ роду лѣтъ [1]). При ней находился домашнимъ медикомъ тогда и до ея кончины (случившейся въ Москвѣ въ 1841 году) Андрей Станиславовичъ Кронбергъ, основавшій позднѣе Московскую дѣтскую больницу, что на Бронной, и коей онъ оставался директоромъ до 60-хъ годовъ [2]). Самъ же князь

[1]) Она въ 50-хъ годахъ вышла за Ѳедора Дмитріевича Нарышкина, сына Дмитрія Васильевича, который былъ роднымъ братомъ тестю моему Ивану Васильевичу.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать его съ Кронебергомъ, авторомъ Латинско-Русскаго лексикона. Замѣчу кстати, что ученый этотъ лексикографъ умеръ въ стѣсненныхъ, повидимому, обстоятельствахъ, ибо дочь его воспитывается въ Театральномъ училищѣ.

Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, со старшимъ своимъ сыномъ княземъ Владимиромъ, прибылъ, помнится мнѣ, отдѣльно, и немного позднѣе. Вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ пріѣхали на зимній сезонъ наши соотечественники: Иванъ Петровичъ Мятлевъ съ женою, урожденною Балкъ *); Мавра Егоровна Быховецъ, съ неразлучною подругою своею Настасьею Сергѣевной Голубковой (объ артистической натурѣ коей придется еще говорить); г. Феллеръ съ женою (Тульскій помѣщикъ и сынъ извѣстнаго въ Москвѣ, въ началѣ столѣтія, медика); г. Мясоѣдовъ, весьма талантливый художникъ - аматеръ, женатый на единственной дочери бывшаго нашего бригаднаго генерала Христофора Өедоровича Солдейна; княгиня Ольга Армандовна Долгорукова, рожденная графиня Сенъ-При (здоровье коей было совершенно разстроено); князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ съ женою, княгинею Анною Матвѣевною, рожденною Толстою, а подъ конецъ зимы (т. е. уже въ 1839 г.) Варвара Александровна Шатилова, рожденная Алябьева, съ сестрою своею Екатериною Александровною Алябьевой и съ незамужнею еще своею дочерью Лидіею Николаевною. Пріѣхалъ также осенью 1838 г. Шерваль (братъ красавицъ графини Пушкиной и Демидовой, нынѣ Карамзиной). Будучи принятъ у насъ въ домѣ, онъ разсказывалъ, какъ пароходъ Николай, шедшій изъ Кронштадта, сгорѣлъ и какъ ему, находившемуся тогда на этомъ пароходѣ, удалось спастись. О нихъ о всѣхъ придется подробнѣе говорить, за исключеніемъ четы Феллеровыхъ, съ коими мы не имѣли никакого почти знакомства, и потому ограничиваюсь тѣмъ, что г-жа Феллеръ была одержима (если вѣрить молвѣ) двумя пламенными желаніями: быть принятой за красавицу и возбудить страстное, свойственное Югу, чувство къ ней какого-нибудь черноглазаго туземнаго адониса; но ни то, ни другое изъ этихъ желаній не сбылось.

У И. П. Мятлева были уже тогда наготовѣ первыя главы извѣстной его юмористической поэмы «Сенсаціи мадамъ Курдюковой», и нѣсколько отдѣльныхъ отрывокъ для продолженія оной. Вслѣдствіе, можетъ быть, дружескихъ отношеній, существовавшихъ нѣкогда между нашими родителями, онъ сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у насъ въ домѣ, со мною сталъ на *ты* (онъ былъ значительно старше меня) и сопровождалъ насъ (т. е. жену мою и меня) почти-что ежедневно на утреннемъ бонтонномъ гуляньѣ въ Кашинахъ. Быть тамъ ежедневно сдѣлалось какъ-бы обязательнымъ для моей жены, признанной одною изъ самыхъ орнаментальныхъ звѣздъ общества. И дѣйствитель-

*) Сестра г-жи Мятлевой была замужемъ за княземъ Голицынымъ, бывшимъ въ концѣ 40-хъ годовъ Тульскимъ военнымъ и позднѣе Витебскимъ генералъ-губернаторомъ.

но, она была тогда въ зенитѣ своей красоты, вопреки ея худобѣ, по поводу чего, а также по причинѣ живости ея натуры, семейный нашъ врачъ, почтенный г. Ладзарини, прозвалъ ее *l'anguille* (угремъ). Ей была очень къ лицу тогдашняя прическа широкими бандо (по-Итальянски «cocchi»), низко спущенными по щекамъ и граціозно окаймлявшія лицо и матовый ея лобъ, какъ бы рамкою.

Возвращаюсь къ автору Курдюковой. Гуляя съ нами по южной дорожкѣ Кашинъ, по берегу Арно (предоставленной однимъ пѣшеходамъ), Иванъ Петровичъ читалъ намъ наизусть отрывки, по мѣрѣ того какъ вновь писалъ ихъ въ своей поэмѣ, и въ шутку, или серьено, но говорилъ, что оригиналомъ его Курдюковой была Мавра Егоровна Быховецъ, типъ дѣйствительно своеобразный, но не подходившій къ Мятлевской Курдюковой. Сочиненіе это, хотя грѣшитъ немного однообразностію при чтеніи, теряло свою монотонность и дѣлалось вполнѣ юмористичнымъ, когда самъ авторъ декламировалъ свои вирши. Однажды онъ предупредилъ меня, чтобы я не былъ въ претензіи, если замѣчу, что въ описаніи воздушнаго салона въ Кашинахъ онъ метитъ на меня въ стихѣ о баринѣ «плохо чесанномъ, плохо бритомъ» и напѣвающемъ въ полголоса мотивы изъ Моцарта. Этимъ я не только бы не оскорбился, но счелъ бы почти за честь получить по его милости всеобщую извѣстность, не взирая на невѣрность моего будто бы распѣванія Моцарта (не особенно любимаго мною композитора); но дѣло въ томъ, что ничего подобнаго я не нашелъ во всей его поэмѣ. Упомянутый сборный пунктъ въ Кашинахъ былъ какъ бы воздушнымъ салономъ, потому что на центральной площади этого гулянья, называемой «Il piazzone», насупротивъ лѣтняго великогерцогскаго дворца, съѣзжались и останавливались экипажи съ дамами, а между ними сновали конные и пѣшіе кавалеры. Дамы, принадлежавшія одной «côterie», приказывали ставить свои коляски почти что вплоть одна къ другой, и тогда завязывалась обычная салонная болтовня о новостяхъ дня и прочей дребедени *фашіонабельной* жизни, а межъ рядами экипажей суетились неутомимыя Флорентинскія цвѣточницы (fioraie) въ соломенныхъ широкопольныхъ шляпахъ (продуктъ мѣстной промышленности) съ пучками разноколерныхъ, распущенныхъ по плечамъ лентъ; цвѣточницы эти, непрошенныя, бросали знакомымъ дамамъ и мужчинамъ букеты изъ искусно сплетенныхъ камелій, съ пахучими фіалками и «гаджіами» *),

*) Mimosa farnesiana, по итальянски „gaggia". Цвѣты этого растенія совершенно сферическіе, какъ пилюльки, вохре-желтые, съ сильнѣйшимъ ароматическимъ запахомъ; они не перестаютъ цвѣсти отъ Ноября до Февраля. Растеніе принадлежитъ къ семейству акацій.

и убѣгали, не дождавшись платы за свой товаръ. Къ пѣшимъ же кавалерамъ онѣ бывало подойдутъ, ловко и быстро всунутъ гвоздичку или миніатюрный пучевъ фіалокъ въ петлицу ихъ сюртука или пальто, и также поспѣшно убѣгутъ. Разсчетъ ихъ былъ вѣренъ: цѣна цвѣтовъ тамъ ни по чемъ, а потому дамы и кавалеры, получившіе два-три раза даровые букеты, давали въ одинъ разъ и безъ торга этимъ цвѣточницамъ вдвое больше противъ цѣнности ихъ товара. Между ними особенно отличалась нѣкая Джузеппина, удостоившаяся, благодаря своей знаменитости, гравированнаго портрета; она, послѣ почти тридцатилѣтней дѣятельности, пріобрѣла на свои деньги земельку съ домикомъ возлѣ самаго города.

Мнѣ всегда досадно на И. П. Мятлева, что онъ посвятилъ недюжинный свой лирическій даръ исключительно на буффонство, такъ скоро пресыщающее. Вотъ начало стиховъ, для которыхъ онъ просилъ было меня написать музыку, чего однакоже я не исполнилъ.

Упадетъ
Тараканъ
Въ мой стаканъ,
Не всползетъ,
Не всплыветъ,
Пропадетъ.

далѣе не помню. О Московской цыганоманіи онъ говаривалъ, что

Слушать ихъ нельзя съ экстазомъ,
Развѣ лишь съ подбитымъ глазомъ.

Я удостоился великой чести представить Ивана Петровича, по его о томъ просьбѣ, принцу Гіерониму Монфору, благоволившему ко мнѣ. Авторъ «Курдюковой» и «Фонариковъ», повидимому, очень понравился бывшему Вестфальскому монарху и сдѣлался съ того времени частымъ его посѣтителемъ. Весьма естественно, что Иванъ Петровичъ произвелъ сразу такое впечатлѣніе: его можно было заслушиваться по цѣлымъ часамъ, такъ какъ разсказы его были приправлены остротами и комизмомъ, и все это «coulait de source.» На обратномъ его пути изъ Неаполя чрезъ Флоренцію (уже въ началѣ лѣта), онъ увѣрялъ меня, что бывшій его Итальянскій камердинеръ, къ коему онъ было привыкъ, отошелъ отъ него въ Неаполѣ изъ-за того только, что этого человѣка принимали тамъ за пріѣзжаго господина и величали его титуломъ «eccelenza» *), титулъ, безразборчиво даваемый Неаполитанцами всѣмъ почти иностранцамъ, болѣе прочихъ тратившимъ денегъ. Иванъ Петровичъ передалъ мнѣ также, что, въ бытность

*) Эччеленцами зовутъ въ Италіи одинаково князей, графовъ и генераловъ.

его въ Парижѣ, онъ всячески домогался знакомства съ герцогинею д'Абрантесъ, дабы имѣть случай высказаться насчетъ пасквильнаго ея сочиненія о жизни императрицы Екатерины II-ой, и отчасти достигъ желаемой цѣли. Нѣкій Французъ, изъ интимнаго кружка этой писательницы, не замедлилъ предложить свои услуги Ивану Петровичу, чтобы представить его знаменитой дюшессѣ; а онъ только и хотѣлъ того, чтобы отозваться, что отклоняетъ отъ себя честь знакомства съ авторомъ книги, которую онъ опредѣлилъ словами «que c'est la bave d'un crapeaud, vomie aux pieds de l'idole d'une nation», и радовался мыслію, что его слова буквально переданы будутъ на слѣдующій день по принадлежности.

Онъ сообщилъ мнѣ также, что гдѣ-то по дорогѣ, на Алпійскихъ высотахъ, онъ посѣтилъ поселившагося тамъ извѣстнаго когда-то Петербургскаго кондитера Лареда[1]). Разбогатѣвшій у насъ иностранецъ выстроилъ себѣ усадьбу наподобіе Русской избы и въ ней радушно принималъ людей Русскихъ. Съ Мятлевыми путешествовала молодая Англійская миссъ, коротко имъ знакомая. Она была весьма недурна собою и съ манерами, обличавшими привычку вращаться въ высшихъ кругахъ общества. Иванъ Петровичъ говорилъ, что эта особа пользовалась особеннымъ расположеніемъ Баденской принцессы Стефаніи, каковое обстоятельство онъ не упустилъ довести до свѣдѣнія принца Монфора.

Тогда шла съ большимъ фуроромъ во Флоренціи опера «Лукреція Борджіа», съ первоклассными артистами Итальянскаго полуострова, г-жею Унгаръ, теноромъ Моріяни, басомъ Козелли и меццо-сопраномъ, дѣвицею Маццарелли. Я былъ изъ самыхъ ярыхъ поклонниковъ таланта г-жи Унгаръ и лично познакомился съ нею въ Луккѣ, во время тамошняго лѣтняго опернаго сезона. Иванъ Петровичъ, пораженный драматическимъ ея пѣніемъ и игрою, просилъ меня познакомить его съ нею. Мы отправились съ утреннимъ къ ней визитомъ и застали ее въ хлопотахъ по устройству вновь купленнаго ею дома съ пространнымъ садомъ, въ родѣ виллы, близъ городскихъ воротъ Санъ-Николо, на берегу Арно, позади палаццо Серристори[2]). Иванъ Петро-

---

[1]) Кондитерская Лареда, котораго я еще засталъ въ 1830 году, была на углу Невскаго проспекта и Адмиральтейской площади, по правой рукѣ, если идти отъ Невскаго къ Зимнему дворцу.

[2]) Г-жа Каролина Унгаръ, Австрійская уроженка, дебютировала въ Вѣнѣ на Керинтійскомъ театрѣ (Кертнеръ-торъ), въ 1824 году, одновременно почти съ знаменитою г-жею Генріетою Зонтагъ; но самый блистательный періодъ ея драматической карьеры былъ въ Италіи между 1833 и 1839 гг. Въ описываемое мною время (1838—1839 г.) носился слухъ, что она имѣла выходить замужъ за барона Шницера, секретаря Австрій-

вичъ удачно весьма опредѣлялъ, что въ извѣстномъ тріо названной выше оперы, начинающемся словами «Della duchessa ai preci» (сцена перваго отравленія) олицетворяются три противуположныя идеи и начала. Въ безпощадно-звѣрскомъ Феррарскомъ герцогѣ Альфонсѣ—демонская натура; въ герцогинѣ Лукреціи—любящая женская натура, устрашенная угрожающею и ею же безсознательно накликанною смертію своему сыну, и наконецъ, непорочная, какъ бы ангельская—въ молодомъ Дженàрѣ, не подозрѣвавшемъ, что онъ попалъ въ ловушку и что эта величественная герцогиня, столь къ нему внимательная и нѣжная, но ненавидящая его друзей, есть его мать. Иванъ Петровичъ говорилъ также, что Флорентинское наше общество, по пестрому и разнородному своему составу, было почти тоже, что̀ общество на Германскихъ лѣтнихъ водахъ. Да и дѣйствительно, за исключеніемъ пріемныхъ домовъ князей Понятовскихъ и принца де-Монфора, графини Липоны (вдовы Мюрата) и Г. Ѳ. Орлова, персоналъ общества смѣнялся при каждомъ зимнемъ сезонѣ.

Вѣсть, дошедшая тогда до насъ, о помолвкѣ великой княжны Маріи Николаевны съ принцемъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ возбудила въ Иванѣ Петровичѣ и въ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ людей чувство негодованія, понятное весьма: ибо принцъ Евгеній (Богарне́) числился ничѣмъ болѣе, какъ однимъ изъ *медіатизованныхъ* Нѣмецкихъ принцевъ, и то потому только, что былъ женатъ на дочери Баварскаго короля. Сообразно съ этимъ, соотечественники наши находили, что если сынъ такого рода принца удостоенъ руки дочери Русскаго Царя, то любой изъ дворянскихъ-княжескихъ родовъ (нѣкогда владѣтельныхъ) могъ бы претендовать на подобную же честь.

Послѣ Ивана Петровича, замѣчательнѣйшею въ своемъ родѣ изъ Русскихъ особъ была во Флоренціи Мавра Егоровна Быховецъ, рожденная Крюкова, женщина оригинальная въ физическомъ и нравстенномъ отношеніяхъ. Начнемъ съ ея наружнаго вида. Она стригла сѣдые, но густые свои волосы въ кружокъ «à la moujik», носила мужскую широкопольную (кажется, бѣлую) шляпу и у себя дома не выпускала почти изъ рукъ длиннаго, черешневаго чубука и трубки съ Жуковымъ табакомъ. Ей было тогда, повидимому, за 50 лѣтъ; сложенія была тучнаго, съ двойнымъ подбородкомъ, тонкимъ правильнымъ съ горбомъ носомъ и держала голову откинуто назадъ, какъ бы отъ привычки по-

скаго посольства при Тосканскомъ дворѣ, но бракъ этотъ не состоялся. Она позднѣе вышла за Француза г. Саббатіе и окончательно поселилась во Флоренціи. Дѣтей у нея не было и, въ бытность мою во Флоренціи въ 1862—1863 г., мнѣ говорили, что она воспитывала тогда пріемыша-дѣвочку.

велѣвать, что́ и дѣйствительно, если вѣрить молвѣ, было ей привычно въ отношеніи къ покойному ея супругу Степану Антиповичу, и вообще, осанкою и даже профилемъ, она напоминала отчасти портреты Екатерины II-ой. Состояніе ея было довольно значительное, но таже злословная молва гласила, якобы оно небезукоризненно было пріобрѣтено во время управленія ею Нижегородской губерніи, номинальнымъ губернаторомъ коей былъ нѣкогда ея супругъ. Я слышалъ отъ его племянника, Григорія Андреевича Быховца, что дядя его пользовался особымъ къ нему расположеніемъ великой княгини Екатерины Павловны, по ходатайству или даже по рекомендаціи коей поручено было ему въ 1815 и 1816 годахъ разобрать и привести въ порядокъ всѣ дѣла, оставшіяся по кончинѣ принца Ольденбургскаго, для чего отведено было С. А. Быховцу въ Аничкиномъ дворцѣ помѣщеніе съ назначеніемъ въ подмогу ему чиновниковъ. Позднѣе онъ впалъ въ идіотизмъ и въ этомъ положеніи умеръ и погребенъ въ своемъ имѣніи, Тарускаго уѣзда, въ с. Истоминѣ [1]). Какъ бы то ни было, но Мавра Егоровна, по смерти своего мужа, завѣщавшаго ей все свое имѣніе (оно было благопріобрѣтенное), щедро поступила съ его племянникомъ, вышесказаннымъ Григоріемъ Андреевичемъ, коему передала с. Истомино съ деревнями, всего около 800 душъ. И даже много позднѣе, когда Григорій Андреевичъ лишился всего своего состоянія чрезъ неудачныя спекуляціи, она призрѣла многочисленное его семейство, четырехъ изъ его дочерей помѣстила въ институтъ и одновременно положила въ сохранную казну на имя каждой изъ нихъ по 2000 р. сер., до ихъ совершеннолѣтія, а матери ихъ, много перестрадавшей и достойнѣйшей Наталіи Ѳедоровнѣ [2]), передала, купчею на ея имя крѣпостію, деревню во 100 душъ съ водяною мельницею, въ Тарускомъ же уѣздѣ. Таковы были свѣтлыя стороны покойной Мавры Егоровны; очень же темныхъ не было, а были лишь человѣческія слабости, изъ коихъ первенствовало скряжничество въ мелочныхъ расходахъ (lésinerïe), много повредившее ей въ заграничныхъ отеляхъ. Кромѣ того она подвержена была склонности къ рому, и эта несчастная привычка сдѣлалась подъ конецъ ежедневною для нея потребностію. Во всемъ остальномъ Мавра Егоровна была практичная и дѣловая барыня, палата природнаго ума, и одна особа, долго находившаяся при ней, говорила мнѣ, что многія изъ постороннихъ лицъ приходили къ ней въ Москвѣ совѣщать-

---

[1]) Имѣніе это нынѣ принадлежитъ малолѣтнимъ дѣтямъ умершей г-жи Бологовской, рожденной Васильчиковой.

[2]) Урожденной Воронцовой и умершей осенью 1866 года. Когда мужъ ея лишился всего своего имѣнія, а меньшія дочери поступили въ институтъ, то Мавра Егоровна взяла ее и старшихъ ея дочерей къ себѣ въ домъ въ Москвѣ, гдѣ они жили до смерти тетки.

ся по своимъ дѣламъ. По французски она не говорила, да и очевидно было, что умственнымъ своимъ развитіемъ она обязана была самой себѣ. Она имѣла привычку говорить *ты* всѣмъ мало-мальски знакомымъ ей людямъ обоего пола, но которые приходились ей по сердцу, и высказывала имъ безъ обиняковъ въ глаза все, что не нравилось ей въ ихъ дѣйствіяхъ. Тутъ уже она совершенно расходилась съ Мятлевской Курдюковой.

Достопочтенный нашъ Ливорнскій Греческій священникъ о. Іоахимъ разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи, что когда онъ, по рекомендательному моему письму, явился въ первый разъ къ Маврѣ Егоровнѣ въ Ливорно, то остолбѣнѣлъ при видѣ этой странной фигуры, сидѣвшей на балконѣ отеля въ мужской широкой шляпѣ съ чубукомъ въ зубахъ, и недоумѣвалъ, къ какому полу фигура эта принадлежала.

Въ числѣ пріѣзжихъ Русскихъ въ началѣ 1839 года были еще слѣдующіе: графъ Васильевъ [1]), Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, тогда почти юноша [2]), и князь Михайло Викторовичъ Кочубей, весьма красивый тогда собою. Онъ владѣлъ весьма пріятнымъ, хотя слабенькимъ, теноровымъ голосомъ.

Наѣзжалъ по временамъ во Флоренцію доблестный Кульмскій безрукій герой, графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой. Первый его туда пріѣздъ относится къ 1825 или 1826 году; тогда онъ бывалъ у насъ (при жизни еще моего отца) въ виллѣ Гебгартъ, близъ Ливорно, которую мы занимали три раза въ тотъ періодъ. Въ 1838 и 1839 году онъ имѣлъ уже свой палаццо во Флоренціи, въ улицѣ «Via Ghibellini», но преимущественно проживалъ въ Швейцаріи. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ, наполненномъ странностями, близкимъ къ умопомѣшательству; напримѣръ, онъ путешествовалъ подъ псевдонимомъ полковника Иванова, какъ-бы какой-нибудь принцъ крови, избѣгающій почестей. Слышно было также, что въ его Флорентинскомъ палаццѣ проживало будто-бы его семейство съ лѣвой стороны отъ связи съ Итальянкой.

Я уже говорилъ, что жена моя была одна изъ свѣтскихъ планетъ, какъ Кіевскаго, такъ и Флорентинскаго общества; но быть таковою въ послѣднемъ изъ сихъ двухъ было много лестнѣе, по обширности и составу того общества. Не скажу однакоже, чтобы ѳиміамъ скружилъ ей голову, или чтобы она впадала въ кокетство, хотя, ко-

---

[1]) Онъ женился вскорѣ послѣ того на хорошенькой Англичанкѣ миссъ Вильсонъ, бывшей тогда компаньонкою у г-жи Акацатовой, позднѣе принцессы Корсини.

[2]) Нынѣ директоръ театровъ, какъ-бы наслѣдственно послѣ своего отца.

нечно, она не могла не чувствовать себя изъ первенствующихъ на сценѣ свѣта. Что она имѣла всѣ нужныя къ тому данныя, стоило ей взглянуть только въ зеркало *). Она чисто-дѣтски любила наряды, выѣзды и балы, ради удовольствія поплясать, и предавалась бальной болтовнѣ безъ всякой задней мысли привлечь къ себѣ поклонниковъ или затмить свѣтскую соперницу; не предпочитала никого изъ окружавшей ее молодежи, и ей было все равно, съ кѣмъ бы ни танцовать, лишь бы только танцовать, въ каковомъ упражненіи она и прославилась своею неутомимостію. Со свойственною намъ Русскимъ способностію къ лингвистикѣ, она чрезъ годъ по пріѣздѣ во Флоренцію свободно уже поддерживала разговоръ съ Итальянскими кавалерами, въ глазахъ коихъ сразу получила мѣстное право гражданки: ее считали не какъ иностранку-туристку, эфемерно украшавшую зимній сезонъ, но какъ члена Флорентинскаго общества. Мѣстныя львицы и нельвицы, всѣ неимовѣрно добродушныя по натурѣ и независтливыя къ пріѣзжимъ красавицамъ, очень полюбили мою жену, чего, конечно, не могло-бы случиться, если бы она домогалась соперничества съ ними. Фамиліарно называя её по имени, онѣ говорили «Quanto è carina quella Caterina». (Какая милушка эта Катерина). Она весьма скоро усвоила многія особенности Флорентинскаго нарѣчія, а также и иныя мѣстныя привычки: приказывала, напримѣръ, лакею, чтобы карета была подана въ 22-мъ или 23-мъ часу дня. Карета и лошади матери моей, рѣдко весьма выѣзжавшей, были всегда почти къ нашимъ услугамъ вмѣстѣ съ вѣрнымъ ея лакеямъ, Кіевскимъ нашимъ Консиліо, въ егерскомъ нарядѣ (cacciatore), съ серебрянными галунами при кортикѣ и въ треугольной шляпѣ съ зеленымъ султаномъ. Въ ремесленномъ людѣ въ Италіи сохранялось еще дотолѣ древнее Итальянское распредѣленіе дня на 24 часа, каковые означались на циферблатахъ иныхъ башенныхъ часовъ и на колокольняхъ. Точкою исхода таковаго счисленія было время заката солнца, называемое «le ventiquattre,» то есть совершившіеся 24 часа; а затѣмъ, по истеченіи одного часа, говорилось «un'ora di notte» (одинъ часъ ночи) и такъ далѣе. Но счисленіе это выходило весьма сложнымъ по мѣрѣ постояннаго ущерба или прибавленія дня, такъ что исходная 24-хъ часовъ точка приходилась въ 5 часовъ (по нашему) въ зимнее время, а въ 8 часовъ въ лѣтнее. Впрочемъ на практикѣ упоминалось только о двухъ-трехъ часахъ,

*) Не таковыми были, повидимому, прежнія наивныя поколѣнія. Мать моя разсказывала, что бабушка наша, графиня Прасковья Ѳедоровна Воронцова, дабы отвратить отъ нея чувство гордости своею красотою, успѣла до того увѣрить ее въ противномъ что мать наша, въ своей невинности, подходя даже къ зеркалу, не удостовѣрялась въ несостоятельности внушеній своей родительницы.

предшествующихъ захожденію солнца, какъ-то «le ventidue, le ventitre» (22, 23) или по захожденіи солнца «una ora di notte, due ore di notte», а всѣ прочіе часы дня и ночи обозначались по общепринятому обычаю, нерѣдко однакоже съ прибавленіемъ слова «alla francese», то-есть по Французскому счисленію.

Дивовы расположились провести всю зиму во Флоренціи; но ни городъ этотъ, ни тамошній образъ жизни, балы и кавалькады или утреннія обозрѣванія мѣстныхъ артистическихъ и историческихъ примѣчательностей не нравились Николаю Адріановичу, и онъ сильно скучалъ. Въ то время его интересовали скотоводство и улучшенная агрономія, въ чемъ находилъ онъ обильную пищу для своей любознательности въ Англіи, Голландіи и Германіи, а привычки его къ клубной жизни въ Россіи вполнѣ были удовлетворены въ Лондонѣ и Парижѣ. Первымъ изъ сихъ двухъ предметовъ Тоскана не отличалась, а касательно второго, вмѣсто какого-нибудь клуба, было лишь одно «Casino de'nobili» (дворянское собраніе), гдѣ чины собирались для игръ и гдѣ иногда давались балы; но ни стола, ни буфета въ немъ не было, и членскій составъ былъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ съ рѣдкими весьма исключеніями для иностранцевъ. Къ тому же, непривыкшій къ комнатамъ безъ печей въ зимнее время, Николай Адріановичъ все зябнулъ, когда отрывался отъ камина, и потому, пробывъ во Флоренціи недѣли съ три, онъ уѣхалъ одинъ въ Неаполь, гдѣ, какъ разсказываютъ, зимою бываетъ жарко даже и въ нетопленныхъ домахъ. Я проводилъ его до Ливорно, гдѣ онъ задалъ мнѣ въ Англійскомъ отелѣ Томсона, «San-Marco», не столько гастрономическій, какъ биберическій обѣдъ. Хотѣлось ему, повидимому, удостовѣриться, какое число бутылокъ Шампанскаго я былъ въ силѣ опорожнить. Помнится мнѣ, что я дошелъ до цифры четырехъ, если не съ чѣмъ-то, на мою долю, но сознаюсь, что былъ порядочно навеселѣ, когда мы оба оттуда отправились съ вечернимъ визитомъ къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Толстой (урожденной Перовской), прибывшей тогда въ Италію для возстановленія здоровья молодого ея сына, извѣстнаго нынѣ поэта, графа Алексѣя Константиновича Толстого. Впрочемъ, я долженъ добавить, что двоюродный братецъ мой мало отставалъ отъ меня въ семъ подвигѣ; но на вино, какъ и на многое прочее, онъ былъ здоровъ, *какъ быкъ,* и когда мы отправились къ графинѣ Толстой, то у него не было, какъ говорится, ни въ одномъ глазѣ. У нея въ салонѣ онъ уговаривалъ меня ѣхать съ нимъ и на его счетъ въ Неаполь, гдѣ я никогда не бывалъ ни прежде, ни послѣ; но я не рѣшался принять его предложенія, не предупредивъ о томъ мою жену. Да, хотя отсутствіе мое

не могло продлиться болѣе двухъ, или много трехъ недѣль, но я не хотѣлъ лишить жену удовольствій свѣтской ея жизни, зная, что мать моя не дозволитъ ей выѣзжать одной. Немного позднѣе, Николай Адріановичъ, возвратившись изъ Неаполя во Флоренцію, вторично сдѣлалъ мнѣ подобнаго рода предложеніе; но этотъ разъ онъ приглашалъ меня ѣхать съ нимъ въ Парижъ, гдѣ также я никогда не бывалъ и, вѣроятно, никогда не буду, но и отъ этого я отказался по тѣмъ же самымъ причинамъ. Каюсь теперь, но поздно, что упустилъ столь удобные случаи побывать въ этихъ двухъ городахъ. Когда я, возвратившись изъ Ливорно домой, разсказалъ моимъ о предложеніи Николая Адріановича, то мать моя сожалѣла, что я имъ не воспользовался.

Мы обомлѣли отъ полученнаго извѣстія, что Петербургскій Зимній дворецъ сдѣлался жертвою пламени. Да и въ самомъ дѣлѣ, непонятно, какъ могли допустить его сгорѣть. Кстати, запишу каламбуръ Михаила Павловича. Когда онъ проѣзжалъ мимо возобновленнаго Зимняго дворца, въ сопровожденіи Петра Александровича Чичерина, сей послѣдній замѣтилъ: «Qui sait, monseigneur, ce que cette construction a du coûter»—«Oh, quant à cela» отвѣчалъ великій князь, «le *compte* est fait» (le *comte* est fait), такъ какъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель только-что былъ пожалованъ въ графы за быструю эту постройку.

Въ наше Флорентинское общество неожиданно упала, какъ будто съ неба и безъ всякихъ извѣстныхъ о ней антецедентовъ, Одесская наша землячка дѣвица Акацатова, alias m-lle Catastrophe. На видъ ей казалось отъ 30 до 40 лѣтъ неопредѣлительно; лицо было пріятное, но корпусомъ тучная. Послѣдствія выказали ее искательницею свѣтскаго виднаго положенія подъ супружескимъ ярмомъ, чего затруднительно, видно, было ей достичь на своей родинѣ, хотя слыла она владѣлицею порядочнаго весьма состоянія. И она добилась цѣли, ибо чрезъ недолгое время мы узнали, къ крайнему всѣхъ насъ удивленію, что она выходитъ замужъ за престарѣлаго вдовца принца Корсини *). Понявъ (вѣроятно), что непремѣннымъ условіемъ для того, чтобы быть супругою столь знаменитаго родомъ и богатствомъ Римска-

*) Изъ четырехъ уже зрѣлыхъ тогда сыновей принца Корсини двое давно были женаты. Старшій носилъ титулъ герцога-де-Кассиліано; а второй, женатый на дочери маркиза Ринучини, носилъ фамилію маркиза Лаіятико, и когда жена его, бывшая дѣтскою подругою меньшой моей сестры княгини Видони, пріѣзжала къ намъ, то лакей матери моей Консиліо, отворяя передъ нею дверь въ гостиную, не иначе провозглашалъ ея фамилію какъ „госпожа маркиза дель-Аліатико“ (вмѣсто Лаіятико), тогда какъ Аліатико есть названіе мѣстнаго сладкаго краснаго вина.

го и вмѣстѣ съ тѣмъ Тосканскаго магната (почти что перваго послѣ Римскихъ принцевъ Боргезе), была принадлежность къ мужнинову вѣроисповѣданію, она не замедлила перейти въ католичество. О степени ея религіозныхъ убѣжденій и тенденцій ничего мнѣ неизвѣстно; но я узналъ, что она сблизилась, хотя не интимно, съ моею теткою графинею М. А. Воронцовою. Ея мужу-принцу было тогда, конечно, всѣ 70 лѣтъ сполна, но онъ молодился, чернилъ волоса и брови (или носилъ черный парикъ), стягивалъ талію и почти-что каждодневно рисовался верхомъ въ Кашинахъ, а вечеромъ въ своей ложѣ въ театрѣ, съ розою или съ гвоздичкою въ петлицѣ фрака. Онъ былъ въ этомъ отношеніи повтореніемъ Москвича Ивана Александровича Нарышкина, претендента на неувядающую юность; но въ Итальянскомъ принцѣ разрушительные слѣды годовъ были замаскированы много искуснѣе, надо отдать ему должную въ томъ справедливость, нежели у скромнаго домовладѣльца на Пречистинской улицѣ. При всей своей знатности и богатствѣ, Римско-Тосканскій принцъ жилъ скупо и уединенно, залы пышнаго его палаццо отпирались лишь на одинъ балъ или званый обѣдъ въ году; и поэтому можно предположить, что онъ не побрезгалъ приданымъ Русской неаристократики, каковое, по мѣстному законодательству, долженствовало слиться съ мужнинымъ состояніемъ *). Свадьба состоялась зимою съ 1838 на 1839 годъ втихомолку, безъ присутствія постороннихъ лицъ. Гдѣ именно она совершилась, осталось для насъ тайною; но явно было, что мѣстомъ для того выбрана была не Флоренція. Однакоже публичное заявленіе нашему обществу о семъ событіи ознаменовалось большимъ обѣдомъ, даннымъ въ палаццѣ Корсини, куда приглашены были всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе. Новая, но не молодая, принцесса была добрая безъ всякихъ претензій женщина, поддерживала знакомства съ своими соотечественниками, и когда жена и я немного сблизились съ нею и бывали въ ея ложѣ въ театрѣ, то она дозволяла себѣ подшучивать надъ Итальянскими манерами своего супруга. Въ 1840 г., или немного позднѣе, она пріѣзжала, если не ошибаюсь, въ Петербургъ и вскорѣ послѣ того умерла; принцъ же Корсини, носившій между прочими титулами громкое званіе единственнаго Римскаго сенатора, пережилъ жену и въ 1848 или 1849 году еще здравствовалъ, но съ гвоздичкою ли въ фрачной петлицѣ, о томъ не вѣдаю.

---

*) Я уже прежде объяснялъ это обстоятельство по поводу приданаго моихъ сестеръ. Добавлю, что, взамѣнъ внесеннаго женою приданаго, эквивалентные тому проценты обезпечены ей на ежегодные ея расходы изъ мужнинаго состоянія. Но къ несчастію обезпеченіе это не всегда надежно, чему служатъ примѣромъ обѣ старшія мои сестры.

Въ тогдашнемъ наплывѣ Русскихъ находился г. Лазаревъ, незадолго передъ тѣмъ женившійся на принцессѣ Биронъ, племянницѣ знаменитаго Талейрана, Наполеоновскаго и Бурбонскаго министра - разстриги. Впослѣдствіи сказано было мнѣ, что г. Лазаревъ, возгордившійся таковымъ своимъ родствомъ, называлъ якобы его «mon oncle Tallerand», и князь А. С. Меншиковъ замѣтилъ ему на это: Vous voulez dire votre oncle Tamerlan.

Этой зимой мы нѣсколько разъ бывали на придворныхъ балахъ во дворцѣ Питти, доступъ куда былъ незатруднителенъ. Акредитованные при Тосканскомъ великомъ герцогѣ резиденты представляли ему кого только хотѣли изъ туристовъ, и нечванливый принцъ посылалъ таковымъ лицамъ приглашеніе на свои балы, безъ учиненія дальнѣйшихъ о нихъ справокъ, и отъ того можно было встрѣчать во дворцѣ въ числѣ преобладавшаго Британскаго элемента какого - нибудь разбогатѣвшаго пивовара изъ Лондонской буржуазіи.

Когда еще былъ въ 20-хъ годахъ во Флоренціи Англійскимъ министромъ лордъ Бургешъ (впослѣдствіи герцогъ Вестморлендскій), мать моя, по праву близкаго съ нимъ знакомства, сдѣлала однажды ему замѣчаніе насчетъ его неразборчивости въ лицахъ, представляемыхъ имъ великому герцогу. На это онъ ей отвѣчалъ, что иначе онъ не могъ дѣйствовать: ибо всякій Англичанинъ-туристъ, явившійся къ нему, имѣетъ, по принятому обычаю, право просить о представленіи его Тосканскому дворцу, въ чемъ акредитованный резидентъ не можетъ-де ему отказать. За то и не церемонился Британскій этотъ дипломатъ въ процедурѣ презентаціи своихъ земляковъ Тосканскому владѣтельному принцу. Какъ накопится, бывало, десятокъ таковыхъ средняго или торговаго сословія личностей, лордъ Бургешъ введетъ всю ватагу въ пріемный дворцовый залъ, и если затруднится вспомнить всѣ ихъ неаристократическія фамиліи, то старается припомнить лишь нѣкоторыя, а затѣмъ употребляетъ слѣдующую формулу: «Честь имѣю представить вашему высочеству изъ Лондонскихъ жителей (примѣрно) г. Смита, г. Брауна, и еще шестерыхъ (или болѣе) моихъ соотечественниковъ». Великій герцогъ Леопольдъ II-й, хотя вообще не разговорчивый и застѣнчивый, силился тѣмъ не менѣе сказать привѣтливое слово всякому изъ представленныхъ ему лицъ. Отъ этой его робости взошло у него въ привычку смотрѣть исподлобья, что́ давало ему видъ какъ бы злого и фальшиваго человѣка, между тѣмъ какъ онъ былъ добрѣйшаго сердца и далеко неглупъ. Одно время онъ былъ даже отчасти либеральнымъ и во время событій 1847 и 1848 годовъ высказалъ было себя патріотомъ и сторонникомъ партіи молодой Италіи,

иначе «la giovina Italia». Но гибелью его была невольная его зависимость отъ Австрiйской старшей династiи, подчиненной тогда Метерниховской угнетающей политикѣ.

Придворные балы были пышные, какъ и все прочее при Тосканскомъ дворѣ. Кромѣ буфета съ чаемъ, фруктами, мороженымъ и прочими десертными принадлежностями, съ самаго начала бала открывался ужинный буфетъ, роскошно гарнированный паштетами съ труфелями и съ «foies gras», жаркимъ изъ свѣжихъ фазановъ, фаршированныхъ индѣекъ и разной дичи, съ соотвѣтствующими отборными винами. Буфеты таковаго рода были тогда новостiю и замѣняли потребность ходить къ ужину, въ опредѣленный часъ, за общiй столъ, и буфеты эти не переставали дѣйствовать въ одинаковомъ видѣ отъ начала до конца баловъ. Нашлись, къ сожалѣнiю, аматёры, которые, позабывъ подобающее мѣсту приличiе, обступили однажды буфетъ, и отъ повторенныхъ чрезмѣрно либацiй безотказываемыхъ винъ сдѣлались сперва шумливыми, а затѣмъ чуть ли не завели ссору, и произошелъ было скандалъ; и въ числѣ этихъ господъ былъ родственникъ нашъ Александръ Жеребцовъ. Съ тѣхъ поръ прекратились по милости ихъ открытые буфеты на придворныхъ балахъ и замѣнились, вѣроятно, накрытымъ ужиннымъ столомъ.

Говоря объ этихъ балахъ, я долженъ сознаться въ тщеславномъ моемъ малодушiи: меня всегда льстило, когда я съ женою выходилъ изъ кареты у дворцоваго крыльца, и стоявшiе у подъѣзда часовые дѣлали мнѣ ружьемъ на караулъ при видѣ креста «virtuti militari» съ акомпаниментомъ медали за Турецкую войну 1828—1829 годовъ, украшавшихъ мой дворянскiй мундиръ, тогда какъ у насъ Польскiй этотъ крестъ не числится кавалерскимъ, а лишь знакомъ отличiя военнаго ордена; да у насъ и не принято отдавать военныя почести какому бы ни было кавалерскому ордену*). Впрочемъ, не мнѣ одному, но и молодой моей барынѣ прiятенъ былъ, кажется, военный этотъ мѣстный обычай.

Во время шумнаго карнавала, принцъ Iеронимъ, благоволившiй къ обоимъ намъ, просилъ насъ на одномъ *веліонѣ* (такъ называются маскарадные балы въ театрѣ Перголе) прибыть замаскированными къ нему въ ложу, гдѣ онъ уже сидѣлъ съ одною дамою, и оба въ черныхъ, какъ и мы, домино съ масками. Дама эта была, какъ мы вспо-

---

*) Такъ ли это? Я незнакомъ съ военными порядками, но помню, что на придворныхъ балахъ въ Петербургѣ мнѣ часовые всегда отдавали честь. (Примѣчанiе графа Д. Н. Толстаго).

слѣдствіи узнали, нѣкая г-жа Бартолини, весьма симпатичная особа *). Мы же нужны были ему въ качествѣ компаньоновъ, чтобы его не узнали, когда онъ будетъ ходить изъ одной ложи въ другую интриговать своихъ знакомыхъ. Онъ взялъ подъ руку мою жену и отправился съ нею на экспедицію, каковому примѣру и я послѣдовалъ со сказанною дамою. Вошедши съ нею въ ложу жены Австрійскаго посланника графини Ревицкой, гдѣ сидѣла сестра моя княгиня Видони, я подсѣлъ къ первой изъ нихъ, и нашептанныя мною ей въ ухо слова привели ее въ сильное волненіе. И немудрено, ибо я билъ, такъ сказать, навѣрняка. Вотъ въ чемъ было дѣло. Прекрасная графиня Сидонія Ревицкая была Полька, изъ Львова, и, будучи еще дѣвицею, влюблена была въ Кесаря Осиповича Понятовскаго, посѣщавшаго этотъ городъ, такъ какъ въ немъ жила, какъ я уже говорилъ, его бабушка, «пани маршалкова Понятовска». Откуда почерпнулъ я это свѣдѣніе, не помню; но случай былъ слишкомъ искусительнымъ, чтобы не воспользоваться имъ. На слѣдующее утро, когда всѣ мы собрались по обыкновенію къ утреннему чайному столу, сестра моя, разсказывая матери моей объ этомъ происшествіи, не могла надивиться, кто бы могла быть эта маска, разстроившая не на шутку графиню Ревицкую какими-то (непереданными, вѣроятно, ею сестрѣ моей) таинственными напоминаніями. Я все это время сидѣлъ какъ на иглахъ, чтобы не быть изобличену и не выслушивать родительскую нотацію, подобную той, какой я подвергся 13 лѣтъ передъ тѣмъ, когда почти такимъ же способомъ (впрочемъ, много нахальнѣе) поступилъ съ другою Полькою, графинею Севериною Собаньскою. Дѣло однакоже сошло съ рукъ безъ дальнѣйшихъ справокъ и вскорѣ пало въ забвеніе. Графиня Ревицкая слыла красавицею, но я не раздѣляю этого мнѣнія. Росту она была слишкомъ для женщины высокаго, черты лица ничего не выражавшія и большіе глаза навыкатъ, впрочемъ хорошо была сложена и въ бальномъ нарядѣ производила большой эффектъ. Супругъ ея годился бы ей въ отцы, даже съ излишествомъ, но она была безукоризненнаго поведенія.—Изъ хорошенькихъ дѣвицъ того времени были три или чуть ли не четыре сестры Англичанки Макдональды, одна изъ коихъ вышла немного позднѣе за миліонера Француза (или Испанца, хорошо не помню) маркиза Агуàдо. Нерѣдко бывалъ у матери моей молодой Баварецъ баронъ Пфефферъ съ женою. Она была вылитымъ портретомъ великой княгини Елены Павловны, обстоятельство дававшее нѣкоторое вѣроятіе слуху, что эта баронесса была незаконною дочерью принца Павла Виртембергскаго. Баронъ Пфефферъ имѣлъ всѣ данныя

*) Принцъ Іеронимъ обвѣнчался позднѣе съ нею тайнымъ бракомъ.

быть пріятнымъ въ обществѣ, но дѣлался докучливымъ отъ привычки сводить разговоръ на тему дороговизны житейскихъ потребностей, чѣмъ онъ высказывалъ свою скупость, и не знаю, право, какъ онъ рѣшился однажды задать всему нашему семейству, въ томъ числѣ и Диковымъ, пристойный весьма обѣдъ.

Въ числѣ немногихъ вообще посѣтителей салона матери моей были слѣдующія лица: представитель Сардинскаго двора графъ де-Сенъ-Марсанъ съ женою, таковой же Бельгійскаго двора г. Виленъ-Каторзъ (фамилія эта пишется по-французски W. Vilain XIV) также съ женою, Флорентинецъ кавалеръ Фаброни и Полька графиня Стрижевская, дочь графа Северина Потоцкаго, одного изъ извѣстныхъ Польскихъ сановниковъ, окружавшихъ престолъ императора Александра Павловича *). Опишу ихъ вкратцѣ. Графъ де-Сенъ-Марсанъ былъ немолодой уже человѣкъ и ничѣмъ не замѣчателенъ, кромѣ того, что былъ кривоглазъ или сильно косъ (что̀ именно изъ двухъ, хорошо не помню). Блондинка, его жена, не менѣе какъ двадцати годами моложе мужа, но уже мать семейства, прикидывалась рѣзвою, наивною дѣвочкою; она бывала чаще у невѣстки моей графини Авроры Осиповны, чѣмъ у насъ въ домѣ, и тамъ игрывала въ куклы съ меньшою племянницею моею Маріанною и бѣгала съ прочими дѣтьми моего брата, какъ будто-бы ихъ ровесница. Странность вставки цифры XIV въ фамиліи Бельгійца г. Вилена-Каторза происходила отъ того, что король Людовигъ XIV, въ награду за какія-то услуги одного изъ прапрадѣдовъ сказаннаго господина, даровалъ ему право прибавить къ своей фамиліи ту самую цифру, которою обозначалось имя надменнаго монарха, говорившаго о себѣ, что «государство состоитъ изъ его личности» («l'état c'est moi»). Немолодой уже Флорентинецъ кавалеръ Фаброни былъ сынъ давно умершаго директора Тосканскаго монетнаго двора, часто хаживавшаго по вечерамъ къ моему отцу въ первые года нашего поселенія во Флоренціи. Сынъ его, о которомъ идетъ теперь рѣчь, былъ нѣчто въ родѣ литератора. Графиня Стрижевская была много старше своего брата, графа Льва Севериновича Потоцкаго; значитъ, въ описываемое время ей было за 50 лѣтъ. Она издавна жила совершенно одна во Флоренціи.

На гуляньяхъ и во всѣхъ почти пріемныхъ салонахъ можно было встрѣчать важно расхаживавшаго герцога де-Дино̀, впослѣдствіи

*) Графу Северину Потоцкому поручено было торжественное открытіе Харьковскаго Университета, и въ рѣчи своей по сему случаю онъ выразилъ, что правительство, основывая новое это высшее учебное заведеніе, имѣло цѣлію сдѣлать изъ него разсадникъ либеральныхъ государственныхъ дѣятелей, наподобіе Англійскихъ университетовъ.

герцога Перигорскаго, весьма уже немолодого человѣка. О незначительной его личности не стоило бы упоминать, если бы я не имѣлъ добавить, что въ послѣднее мое пребываніе во Флоренціи, въ Февралѣ 1863 года, я снова встрѣчалъ его въ Кашинахъ такимъ же черноволосымъ, изящно одѣтымъ и задирающимъ немного голову назадъ, какимъ я его тамъ же встрѣчалъ за четверть ровно вѣка передъ тѣмъ. Изумительно, какъ это бываютъ люди, умѣющіе всецѣло сохранять свою персону до преклонныхъ лѣтъ, допуская даже употребленіе ими косметическихъ средствъ. Тогда какъ молодившіеся упомянутые выше принцъ Корсини и нашъ Москвичъ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ были карикатурны, герцогъ де-Дино, напротивъ, носилъ мнимую юность преклонныхъ своихъ лѣтъ весьма натурально, чѣмъ и подтверждалъ истину сказаннаго Бальзакомъ: On a l'age, qu'on a l'air d'avoir.

Вездѣ на Западѣ, какъ у Латинянъ, такъ и у Лютеранъ, великій постъ начинается со Среды первой недѣли, каковой день называется Пепельною Средою («Mercredi des cendres»), потому что въ церквахъ сожигаются вербы, оставшіяся отъ воскреснаго дня недѣли Ваіи предыдущаго года, и этимъ пепломъ священникъ посыпаетъ крестообразно чело предстоящихъ, произнося при томъ слова: «memento, homine, quod pulvis es et in pulverem reverteris». (Вспомни, о человѣкъ, что ты прахъ и въ прахъ возвратишься). Но въ Миланѣ, и только въ немъ одномъ, по какому, не знаю, случаю, карнавалъ прерывается лишь на этотъ день покаянія, а съ Четверга снова начинается шумная маскарадная жизнь до слѣдующаго включительно воскреснаго дня (у насъ Недѣли Православія); и я слыхалъ, что любители карнавальныхъ увеселеній переѣзжаютъ на это время изъ Флоренціи въ Миланъ.

Кончился Флорентинскій фашіонабельный зимній сезонъ, и съ наступленіемъ весны разлетѣлись стаи Русскихъ и иноземныхъ туристовъ, кто въ Римъ, кто въ Неаполь, а кто въ Швейцарію или на воды въ Германію, иные же во свояси. Прерываю на время нить событій, чтобы изложить кое-что о Тосканской администраціи, предметъ, до котораго я почти не коснулся по сю пору.

Государственный и полицейскій строй продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ патріархальномъ духѣ, какъ искони, сирѣчь, невидимымъ для публики, по крайней мѣрѣ, для насъ иностранцевъ, скрытымъ способомъ. Былъ ли мѣстный во Флоренціи губернаторъ, не знаю; предполагаю даже, что таковаго не существовало, но слышно было о какомъ-то лицѣ, носившемъ званіе «presidente del buon governo» (предсѣдатель правильнаго управленія). Фамиліи этого господина я не зналъ или, по маловажности его атрибутовъ, забылъ ее, и самого его я никогда не

видывалъ. Было однакоже какое-то полувоенное лицо, носившее (кажется) званіе префекта полиціи, или нѣчто въ этомъ родѣ; но во все трехлѣтнее мое тамъ пребываніе, не болѣе какъ раза три и много-много четыре, имѣлъ я удовольствіе лицезрѣть этого блюстителя общественнаго внѣшняго порядка, да и то на городскихъ гуляніяхъ («corso»), гдѣ онъ вертѣлся пѣшкомъ между рядами экипажей. Квартальный надзиратель былъ миѳическимъ лицемъ для публики, и если имъ считалось лицо, которое въ полицейскихъ спискахъ носило наименованіе комисара, то по костюму его невозможно было различить отъ прочихъ жителей. Изъ нижняго полицейскаго штата были, дѣйствительно, люди, коихъ можно было встрѣчать изрѣдка на улицѣ въ плисовыхъ оливковаго цвѣта курткахъ съ охотничьимъ ружьемъ на перевязи за спиною. Этихъ людей звали съ давнихъ временъ «збирри», но должность ихъ ограничивалась (повидимому) сопровожденіемъ, въ родѣ конвоя, арестантовъ и каторжныхъ галерныхъ работниковъ въ Пизу и Ливорно и содержаніемъ очередныхъ дежурствъ при тюремныхъ входахъ, гдѣ они преспокойно сидѣли на скамейкахъ съ сигарою въ зубахъ, а въ зимнее время наклоненными тамъ же передъ жаровнею съ красными угольями *). За порядкомъ во время публичныхъ катаній по узкимъ Флорентинскимъ улицамъ наблюдало нѣсколько конныхъ егерей (cavallegieri) изъ эскадрона единственной тамошней кавалеріи; кромѣ нихъ я никакого полицейскаго лица на улицахъ никогда не видалъ: обстоятельство, свидѣтельствующее о миролюбивомъ настроеніи обывателей. Но если владѣтельный принцъ не могъ хвастаться своею полиціею, то онъ имѣлъ полное право гордиться славою всей въ совокупности мѣстной администраціи, сосредоточенной въ министрѣ графѣ Фоссомброни, занимавшемъ этотъ постъ въ теченіе чуть-ли не тридцати лѣтъ. О теоріи управленія, усвоенной государственнымъ симъ мужемъ, можно судить изъ его поговорки, что издавать-де законы и регламенты есть только напрасный трудъ, ибо свѣтъ идетъ себѣ своимъ порядкомъ безъ посторонней помощи. «Il mundo va da se», говаривалъ онъ, вслѣдствіе чего дано было ему прозвище «министра того свѣта, что идетъ самъ по себѣ». Муниципальное (и, вѣроятно, хозяйственное) управленіе городомъ и ограниченнымъ весьма его уѣздомъ или общиною («commune») былъ искони подъ вѣдѣніемъ *гонфалоніера*, должность коего соотвѣтствовала обязанностямъ градского главы, и его выбирали

*) У бѣднаго и ремесленнаго люда не имѣется ни печей, ни каминовъ, да и самое топливо было бы не по ихъ средствахъ, и взамѣнъ того они работаютъ на улицѣ и у себя дома съ висящимъ на одной рукѣ горшечкомъ съ горячими угольями (scaldino), а женщины, когда работаютъ сидя, ставятъ этотъ горшокъ подъ юбкою. Въ лакейскихъ переднихъ имѣются большія жаровни; надъ ними дремлютъ и не угараютъ!

изъ аристократической древней фамиліи срокомъ на три или четыре года. На процессіяхъ и публичныхъ церемоніяхъ онъ являлся въ средневѣковомъ пышномъ костюмѣ. О прочихъ атрибутахъ этой должности, также и о составѣ и занятіяхъ городской думы, я ничего болѣе не знаю. Во всѣхъ прочихъ Тосканскихъ городахъ и «боргахъ» (т. е. посадахъ, мѣстечкахъ) главою муниципалитета былъ «подеста̀», также по балотировкѣ; а въ провинціальныхъ городахъ, Пизѣ, Ливорнѣ, Сіеннѣ и Ареццѣ, были (кажется, во всѣхъ) губернаторы. Народонаселеніе въ самой Флоренціи едва ли доходило тогда до ста тысячъ.

Единственный разъ, когда представился мнѣ неожиданный случай лицезрѣть пресловутаго, по скорбной для Русскаго гражданина памяти, князя Адама Чарторижскаго, былъ весною того 1839 года. Этотъ Польскій вельможа, ранній другъ Александра 1-го, не преминулъ посѣтить мою мать, по старому съ нею знакомству въ блестящую эпоху его жизни, въ началѣ сего столѣтія. Мать моя представила меня, какъ слѣдуетъ всякой хозяйкѣ дома, своему гостю; я съ старательною аффектаціею придалъ наивозможнѣйшую холодность моему поклону, съ цѣлью выразить этимъ патріотическія свои чувства при встрѣчѣ съ однимъ изъ вліятельныхъ лицъ Польскаго мятежа 1831 года, хотя я этимъ рисковалъ быть сочтеннымъ за невѣжу. (Кстати добавлю ради истины, что уже не разъ случалось мнѣ въ семейномъ нашемъ кругу впадать въ экзальтированную утрировку моего патріотизма, что̀ было протестомъ противъ итальянизированія моей семьи). Впослѣдствіи, въ разговорѣ съ матерью моею о князѣ Чарторижскомъ, она правильно весьма выразилась, что его погубило его честолюбіе, что̀ подтверждается его выходками во время Парижской эмиграціонной его жизни, доходившими до абсурда, какъ напр. (если вѣрить молвѣ) его фиктивнымъ коронованіемъ Польскою короною, каковая шутовская сцена разыграна будто была въ его домѣ. По всему прочтенному мною о немъ, относящемуся ко времени его фавора при перемѣнчивомъ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, онъ вовсе не кажется мнѣ ни государственнымъ, ни особенно даровитымъ человѣкомъ; удивительна развѣ только настойчивость, съ которою онъ проводилъ водвореніе польщизны въ Виленскомъ учебномъ округѣ, коего онъ долго былъ попечителемъ, каковую тенденцію раздѣлялъ, впрочемъ, и самъ императоръ, введенный въ заблужденіе своимъ великодушіемъ. Признаю также за этимъ Польскимъ магнатомъ рѣдкое искусство владѣть перомъ и послѣдовательность въ убѣжденіяхъ (политическихъ) и ставлю ему въ заслугу, что, не взирая на таковыя естественныя Поляку убѣжденія, онъ, на сколько могу судить, не былъ однимъ изъ подпольныхъ конспираторовъ предъ Ноябрьскими 1830-го года событіями, но примкнулъ лишь къ дѣлу, когда оно

разыгралось. Слыхалъ я отъ достовѣрныхъ довольно людей, что если бы при начальномъ образованіи Польскаго Царства, намѣстникомъ назначенъ былъ вмѣсто автомата Зайончка (человѣка безъ аристократическаго значенія) князь Чарторижскій, жаждавшій, какъ говорятъ, быть таковымъ, тогда не случилась бы катастрофа 1830 года. Впрочемъ, и это вопросъ; ибо избѣгнуть ея не иначе можно было бы, какъ удаленіемъ совершенно изъ края Константина Павловича, замашки коего много споспѣшествовали Польскому возмущенію.

Въ Маѣ, въ лѣтнюю уже Итальянскую пору года, возвратились изъ Рима князь Д. В. и княгиня Т. В. Голицыны съ обоими сыновьями и съ малолѣтнею внучкою княжною Т. Н. Долгоруковою. Пробыли они около двухъ недѣль во Флоренціи, и я вызвался быть ихъ *чичероне* для обозрѣванія мѣстныхъ достопримѣчательностей, знакомыхъ мнѣ съ дѣтства, и сопровождалъ ихъ также въ Пизу, Ливорну и Лукку. Въ Пизѣ, гдѣ мы останавливались въ отели «Дель-Уссаро» т. е. Гусара, князь Дмитрій Владимировичъ, облокотясь на открытое окно въ ожиданіи подачи обѣда, завелъ со мною разговоръ, впечатлѣвшійся въ моей памяти. Онъ началъ разспросами о католицизмѣ въ моемъ семействѣ и, переходя постепенно къ другимъ предметамъ, разсказывалъ, какъ онъ, еще мальчикомъ, проходя съ своимъ наставникомъ чрезъ Бастильскую площадь во время первой Французской революціи, въ тѣ самыя минуты, когда Парижская чернь обрушилась на крѣпость, былъ вмѣстѣ съ чужестранцами принужденъ принять участіе въ этомъ штурмѣ и долженъ былъ переносить кое-какія вещи съ одного мѣста на другое. Когда онъ посѣтилъ со мною извѣстный Пизанскій «Кампо-Санто», мы встрѣтили тамъ знакомаго князю по Риму Англійскаго лорда Шрозбюри, и къ моему удивленію князь пустился съ нимъ въ Англійскій разговоръ, и хотя выговоръ его на этомъ языкѣ не былъ безупреченъ, но онъ объяснялся свободно. Въ Ливорнѣ, при посѣщеніи тамошней Греческой церкви, гдѣ почіютъ останки моего родителя, князь выразилъ мнѣ упрекъ, что я и мой братъ не перевезли ихъ въ Россію. Отчасти я заслуживалъ, можетъ быть, таковой упрекъ, но, судя нынѣ по результатамъ и отсутствію семейнаго гнѣзда, рѣшить не берусь, хуже или лучше, что отцовскій прахъ остался на чужбинѣ. Фамильнаго склепа или даже опредѣленнаго кладбища семейство наше въ Россіи не имѣетъ. Я не слыхалъ, чтобы отецъ нашъ назначалъ мѣсто, гдѣ желалъ быть похороненнымъ, и если бы, вскорѣ по его кончинѣ, братъ мой и я рѣшились перевезти его прахъ на родину, то выбрали бы, пожалуй, для того нашу слободу Бутурлиновку или Порзню, и это оказалось бы впослѣдствіи прискорбнымъ весьма обстоятельствомъ, такъ какъ оба эти имѣнія не принадлежатъ болѣе

намъ. Остальное наше семейство пріобрѣло себѣ, съ разрѣшенія папы, семейную усыпальницу въ одной изъ каплицъ Римской церкви «Il Gesù», принадлежащей Іезуитамъ, гдѣ я, съ Божіею милостію, твердо уповаю не лечь.

Въ Луккѣ, когда князь Голицынъ обозрѣвалъ дворцовую картинную галлерею тамошняго герцога, въ дверяхъ зала показался одинъ изъ герцогскихъ камергеровъ, или его церемоніймейстеръ, старикъ маркизъ Чезарино Трента, хорошо мнѣ знакомый, какъ обычный посѣтитель салона маркизы Вирджиніи Бочеллы. Когда я ему отрапортовалъ, что онъ имѣетъ честь видить предъ собою Московскаго царскаго намѣстника (для пущей важности я назвалъ князя, признаюсь, вице-императоромъ), то титулъ этотъ до того поразилъ Лукскаго царедворца, что онъ отъ порога до середины зала подходилъ къ князю съ безпрерывными поклонами. Да и дѣйствительно, фигура тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора была и величава, и привлекательна, и трудно было бы вообразить себѣ намѣстника болѣе пригожей наружности. Я упустилъ сказать, гдѣ слѣдовало, что во время зимняго въ Римѣ пребыванія Наслѣдника, князь Дмитрій Владимировичъ находился временнымъ гофмаршаломъ при его высочествѣ, по случаю отбытія находившагося при немъ, князя Ливена. На обратномъ его пути чрезъ Флоренцію, гдѣ князь Голицынъ часто бывалъ у матери моей, старой своей знакомой, онъ разсказывалъ ей, какъ забавлялъ Великаго Князя Римскій карнавальный обычай бросать фальшивыя изъ мѣла конфекты въ знакомыхъ лицъ, отъ чего одежда ихъ вся кажется какъ бы мукою покрыта *). Онъ сказывалъ также, что Государь Николай Павловичъ не соглашается на его просьбу уволить его отъ занимаемаго имъ мѣста въ Москвѣ, по неимѣнію будто бы никого въ виду, кѣмъ замѣнить князя, и что князь указывалъ ему на родного племянника, т. е. на принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Княгиня Татьяна Васильевна разсказывала о куріозномъ съ нею обхожденіи г. Потемкина. Надо сказать, что между странностями этого нашего посланника, акредитованнаго одновременно при Тосканскомъ и Римскомъ дворахъ, было то, что онъ не отличался, кажется, особеннымъ знаніемъ Русскаго языка, или отъ продолжительнаго пребыванія за границей сдѣлался какъ бы полу-иностранцемъ. По окончаніи заутрени подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ Римской нашей посольской церкви, Потемкинъ весьма неловко сталъ приглашать всѣхъ, находившихся тутъ нашихъ соотечественниковъ разговѣться у него, выражаясь будто бы словами: «пожалуйте ко мнѣ на . . . . . . пасхалію,

*) Даровитый художникъ-аматеръ г. Мясоѣдовъ (женатый на дочери ген. Солдейна) написалъ тогда по заказу Великаго Князя картину Римскаго карнавала.

или какъ *это зовется у васъ?*» и вслѣдъ за тѣмъ, не обративъ никакого вниманія (можетъ быть, въ порывѣ разсѣянности) на княгиню, первую даму тамошняго Русскаго общества, ни на другихъ дамъ, подхватилъ подъ руку попавшую ему женскую особу и повелъ ее къ столу; эта особа оказалась горничною дѣвушкою, чуть-ли не Мавры Егоровны Быховецъ.—Въ Луккѣ я разстался съ Голицыными, продолжавшими обратный путь чрезъ Каррару и Геную. Въ Каррарѣ князь Дмитрій Владимировичъ долженъ былъ остановиться для обозрѣванія работъ заказанныхъ изъ тамошняго извѣстнаго бѣлаго превосходнаго мрамора колоннъ для новаго Георгіевскаго зала, строившагося послѣ пожара Петербургскаго Зимняго дворца. Подрядъ этотъ былъ взятъ, какъ и позднѣе для новаго Кремлевскаго дворца, а также мраморовъ для строящагося Московскаго собора Спаса, Иваномъ Великановымъ, когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ генералъ-адъютанта князя Василія Сергѣевича Трубецкаго, отставшимъ отъ своего барина во Флоренціи въ началѣ 20-хъ годовъ *). Князь Голицынъ говорилъ мнѣ, что въ Генуѣ его ожидало свиданіе съ маркизомъ Паулуччи, тогда (т. е. въ 1839-мъ г.) губернаторомъ Генуезскомъ.Я былъ очень тронутъ тѣмъ, что княгиня Татьяна Васильевна, на прощаніе, благословила меня. Когда я возвратился во Флоренцію, добрѣйшая моя мать изъявила живѣйшее удовольствіе, что я сопровождалъ Голицыныхъ, такъ какъ хотя сама она почти-что прервала прежнія свои связи въ Россіи, но дорожила ими для меня.

Не упомянулъ я, что во время нахожденія въ Италіи князя Д. В. Голицына, къ нему втерся въ коммиссіонеры неизбѣжный полубанкиръ Русскихъ туристовъ, Флорентинецъ Маріотти, прозванный неблаговолившими къ нему его соотечественниками «mangia russo», т. е. пожирателемъ Русскихъ. Поручено было, сколько мнѣ помнится, старику Бріоски пріобрѣтать для Эрмитажа, при содѣйствіи этаго Маріотти, картины извѣстныхъ художниковъ древнихъ Италъянскихъ школъ. Однакоже я не слыхалъ, чтобы пріобрѣтено было симъ способомъ что-либо, кромѣ Рафаэлевской Мадонны, напоминающей Греческій иконописный стиль его учителя Перуджина и называемой «Дель Альба» (т. е. при разсвѣтѣ, представленномъ на этой картинѣ). Еще подлежитъ сомнѣнію, дѣйствительно ли это произведеніе Рафаэля.

Прибыли также обратно изъ Неаполя Варвара Александровна Шатилова съ дочерью Лидіею Николаевной и съ сестрою Екатериною Александровною Алябьевою. Лидія Николаевна, немногимъ стар-

*) Впослѣдствіи, этотъ Великановъ поселился въ пригородной Флорентійской своей виллѣ, пріобрѣлъ въ Каррарѣ свои каменоломни мраморовъ и въ 1860 г. имѣлъ складъ этого издѣлія въ Петербургѣ.

ше моей жены, сблизилась съ нею и ежедневно почти бывала у насъ. Она владѣла прекраснымъ контральтомъ и въ зимнее свое пребываніе въ Неаполѣ успѣла выработать голосъ и усвоить хорошій методъ пѣнія, а вдобавокъ всего Итальянское произношеніе было у нея столь чисто, что посторонніе слушатели исполненія дуэтовъ ею и мною съ трудомъ убѣждались въ Русской нашей національности. Варвара Александровна замѣчательно поддерживала еще Московскую свою славу красавицы и казалась сестрою своей дочери [1]). Одновременно почти съ Шатиловыми находились также во Флоренціи княгиня Надежда Александровна Черкасская (рожденная Крюкова) съ дочерью своею княжною Софіею. Пріѣхали также весною Алексѣй Ираклевичъ Левшинъ съ семействомъ, для здоровья малолѣтней дочери его, Ольги Алексѣевны, и адмиралъ Рикордъ. Съ почтеннымъ семействомъ Левшиныхъ я впослѣдствіи еще болѣе сблизился, но адмирала Рикорда я совершенно потерялъ изъ виду, въ Россіи. Сдѣлавшись антикварнымъ вожатымъ и этой партіи нашихъ соотечественниковъ, я устроилъ для нихъ нѣчто въ родѣ пикника въ одной изъ лѣтнихъ загородныхъ великогерцогскихъ резиденцій на Апенинскомъ склонѣ, въ такъ называемомъ Пратолино. Во Флоренціи была первая и послѣдняя жены моей и моя встрѣча съ княжною Софіею: дни милѣйшей этой въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ дѣвушки были сочтены, и она менѣе года послѣ описываемаго мною времени, умерла въ Москвѣ, завѣщавъ свое (отцовское) имѣніе своей матери [2]). Княжну нельзя было звать красавицею; но она особенно какъ-то привлекала къ себѣ тихимъ говоромъ и сдержанностію своихъ пріемовъ, полна была натуральной граціи и откровенности. Не знаю почему, но образъ этой дѣвушки и много позднѣе, образъ моей Анны, и еще позднѣе Олимпіады Семеновны Яковлевой (умершей въ Петербургѣ въ 1861 году), всѣхъ трехъ, изчезнувшихъ едва по достиженіи зрѣлаго дѣвичьяго возраста, слились какъ-то въ моихъ воспоминаніяхъ въ одну сестринско-ангельскую тройственность, которую я не рѣдко привѣтствую мысленно церковнымъ похороннымъ пѣснопѣніемъ: «Блаженни, ихъ же избралъ и пріялъ еси, Господи!»

---

[1]) Мужу В. А. Шатиловой и брату ея, извѣстному композитору Русскихъ романсовъ г. Алябьеву, запрещенъ былъ въѣздъ въ обѣ столицы, по дѣлу объ участіи въ какой-то карточной исторіи въ 1824 или 1825 году, надѣлавшей много шуму въ Москвѣ, гдѣ замѣшанъ былъ (кажется) также Петръ Александровичъ Нащокинъ. Лидія Николаевна Шатилова вышла въ концѣ 40-хъ годовъ, будучи не первой уже молодости, за графа Сиверса и умерла вскорѣ родами въ Харьковѣ, гдѣ ея мужъ былъ губернаторомъ.

[2]) Она была почти-что обручена съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Хилковымъ, и вотъ почему княгиня Надежда Александровна Черкасская завѣщала князю ту часть ея имѣнія, коей онъ бы пользовался, если бы былъ мужемъ ея дочери.

ПЕРВЫЙ ПРОѢЗДЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ПО ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

Что Николаевская дорога стоила колоссальныхъ расходовъ, какіе не требовались даже на Альпійскихъ съ многоверстными тонеллями подъ снѣговыми хребтами, это извѣстно всѣмъ; но надо сказать, что причины дороговизны не могутъ быть безусловно осуждаемы, по новизнѣ дѣла, прочности постройки, желанію графа Клейнмихеля блеснуть своими инженерами безъ помощи иностранцевъ, вслѣдствіе чего было предоставлено каждому молодому начальнику дистанціи право составлять и исполнять дорогіе проекты мостовыхъ и иныхъ сооруженій. Въ штатѣ инженеровъ было два полковника, начальники дирекцій: сѣверной — Мельниковъ (впослѣдствіи министръ Путей Сообщенія) и южной — Крафтъ (получившій за время постройки дороги чинъ генералъ-маіора и затѣмъ ничѣмъ не заявившій себя), почти полныхъ три выпуска молодыхъ поручиковъ, окончившихъ курсъ Института въ 1842—1844 годахъ и, наконецъ, значительно число старшихъ офицеровъ, занявшихъ должности начальниковъ отдѣленій, ихъ помощниковъ и строителей отдѣльныхъ зданій, станцій, локомотивныхъ депо и пр. Всѣ эти зданія сооружались по нормальнымъ, заблаговременно утвержденнымъ, чертежамъ, настолько капитальнымъ, что могли бы годиться для странъ подверженныхъ землетрясеніямъ. Но не всѣ назначенные строителями были довольны порученіемъ: нѣкоторые входидили съ добавочными проектами объ увеличеніи и расширеніи зданій, и это если и не удавалось, то влекло за собою награду за усердіе къ службѣ, а одинъ храбрый подполковникъ увеличилъ Мало-Вишерскую станцію чуть не вдвое въ длину по фасаду, за что̀ и получилъ нахлобучку, но тѣмъ не менѣе произвольно начатая имъ постройка была доведена до̀ конца. Каждый молодой инженеръ желалъ имѣть на своей дистанціи мостъ, черезъ оврагъ, въ которомъ и воды вовсе нѣтъ, но согласно съ представленнымъ проектомъ вода могла оказаться весною во время таянія снѣговъ, и мостъ утверждался. Такъ, напр., мостъ черезъ оврагъ Сходню подъ Москвою въ первые же годы существованія оказался совершенно ненужнымъ и былъ замѣненъ дамбой съ трубой для пропуска небольшихъ весеннихъ водъ; а между тѣмъ этотъ мостъ, перекинутый черезъ оврагъ на значительной высотѣ, стоилъ большихъ денегъ.

Немалая причина вынужденной постройки большихъ мостовъ лежала въ непремѣнномъ желаніи Николая Павловича имѣть, изъ стратегическихъ видовъ, кратчайшій путь изъ Петербурга въ Москву. Этой прямой линіи былъ обязанъ своимъ сооруженіемъ знаменитый въ свое время Веребьинскій мостъ. Мостъ этотъ, 28 саж. надъ водою и около версты длиною, стоилъ болѣе миліона; но онъ былъ необходимъ, потому что вывести со дна оврага дамбу на такую колоссальную высоту стоило бы дороже. Лѣтъ 20 назадъ мостъ, построенный изъ дерева, пришелъ въ ветхость; построить новый желѣзный сто-

ило бы нѣсколько миліоновъ; поэтому компанія, державшая въ то время дорогу въ арендѣ, задалась мыслью обойти оврагъ съ нѣкоторымъ удлиненіемъ пути. Путь удлиннился версты на четыре, за то мостикъ черезъ ручей Веребью не возбуждалъ уже тѣхъ криковъ ужаса у нервныхъ людей, глядѣвшихъ изъ вагона внизъ съ высоты висѣвшаго въ воздухѣ стараго моста. Вотъ что̀ можно было сдѣлать сначала, отступивъ немного въ сторону отъ прямой линіи. Но тогда за экономіей не гнались, денегъ не жалѣли, и много ихъ уплыло безъ нужды и разсчета. Богатѣли подрядчики, многіе изъ мужиковъ обратились въ миліонеровъ; доставались изрядные куши и инженерамъ въ видѣ процентныхъ вознагражденій, а иногда и отъ тайно производившихся за свой счетъ построекъ. Но и это еще не все: займы, дѣлавшіеся за границей для постройки дороги, часто уходили совсѣмъ на другія государственныя надобности. Такъ напр., заемъ въ 50 мил., сдѣланный для дороги, весь ушелъ на Венгерскую кампанію, потому что тогдашній министръ финансовъ графъ Вронченко не находилъ возможнымъ сдѣлать еще заемъ за границей для непопулярной тамъ войны.

И много еще миліоновъ могло употребляться графомъ Клейнмихелемъ по указанію Государя; а всѣ они заносились по счету сооруженія желѣзной дороги. Въ запутанномъ счетѣ этомъ, уснащенномъ процентами и разными выдачами, вѣроятно, безъ оправдательныхъ документовъ, трудно доискаться, во что̀ дѣйствительно обошлась верста Николаевской дороги. Одно только можно сказать, что денегъ потрачено слишкомъ много, и что при правильномъ расходованіи ихъ достало бы и на дорогу отъ Москвы до Севастополя — дорогу, оказавшуюся крайне необходимою во время Крымской кампаніи. Но какъ бы то ни было, Николаевская дорога построена прекрасно и по прочности сооруженій считается одной изъ лучшихъ въ Европѣ.

За годъ до предположенной поѣздки Николая Павловича на коронаціонныя празднества 1851 года въ Москву, графъ Клейнмихель обѣщалъ провезти туда Государя по желѣзной дорогѣ. Сказано это было, надо думать, сгоряча: графъ зналъ ходъ постройки, зналъ состояніе ея въ данное время; но будь онъ инженеромъ и практикомъ-строителемъ, онъ никогда не отважился бы дать подобное обѣщаніе. Строители дороги, Мельниковъ и Крафтъ, пришли въ ужасъ, когда имъ было объявлено, что дорога должна быть готова черезъ годъ.—Это немыслимо! рѣшился замѣтить графу первый изъ нихъ.—Мыслимо или немыслимо, но я обѣщалъ, а Государь привыкъ вѣрить моимъ словамъ, и въ Августѣ будущаго года онъ долженъ проѣхать по рельсамъ отъ Петербурга до Москвы и обратно.

Возражать было нечего: немыслимое приходилось обращать въ мыслимое, и началась работа, хотя, какъ говорится, черезъ пень-колоду, но на парахъ. Всего сдѣлать было невозможно; принялись энергично за путь, и главнымъ образомъ за мосты. Рельсы были уложены, конечно, только въ одну колею, безъ баласта, а гдѣ грунтъ былъ слабъ (полпути, вѣдь, пролегало по болотамъ), тамъ предполагалось ѣхать самымъ тихимъ ходомъ, какъ и по мостамъ, изъ коихъ многіе достраивались на скорую руку и даже во время проѣзда Государя оставались съ подпорками и неразобранными лѣсами. Въ выемкахъ,

особенно глубокихъ, рабочихъ было не менѣе чѣмъ муравьевъ въ гнѣздѣ. Работало все окрестное населенiе. Мужики съ подводами, даже бабы и подростки съ ведрами и лукошками вывозили и выносили землю на обочины, получая за трудъ неслыханную плату; но и при всемъ томъ объ откосахъ не было рѣчи: поѣздъ долженъ былъ проходить между двумя почти отвѣсными стѣнами, въ большинствѣ глинистыми, а потому отекавшими при дождѣ и наполнявшими всю выемку жидкой грязью. Станцiи, даже большiя каменныя, были всѣ готовы; но во многихъ изъ нихъ не было воды, за неготовностью водопроводовъ и водокачекъ, такъ что, въ случаѣ недостатка воды въ паровозѣ, приходилось доставлять ее на лошадяхъ. Не существовало и телеграфа, что̀ при движенiи по одной парѣ рельсовъ болѣе чѣмъ опасно. Положимъ, что при проѣздѣ царскаго поѣзда было заблаговременно сдѣлано распоряженiе, чтобы на всей линiи не было не только служебныхъ и рабочихъ поѣздовъ, но даже дрезинъ; но мало ли что̀ могло случиться съ поѣздомъ при такомъ состоянiи пути, не говоря о порчѣ локомотива! Что̀ тогда? Вѣдь на ближнихъ станцiяхъ не будутъ знать, гдѣ поѣздъ и что̀ съ нимъ случилось, пока не придетъ пѣшiй посланецъ; а когда придетъ такое извѣстiе, то еще вопросъ, можетъ ли станцiя чѣмъ либо помочь поѣзду? На всей линiи отъ Петербурга до Москвы было всего десятка два-три локомотивовъ, часть которыхъ уже была попорчена; годные же находились на большихъ станцiяхъ. Не угодно ли ихъ вытребовать оттуда при неимѣнiи телеграфнаго сообщенiя и особенно при отдаленности станцiи?

Удивляться надо, что путешествiе при такихъ условiяхъ сошло благополучно и тѣмъ спасло отъ большой отвѣтственности и строителей и самого графа. Пронеси Господи! срывалось не только съ устъ подрядчиковъ, но и у самыхъ младшихъ участниковъ постройки дороги, открытой просто на ура для проѣзда Русскаго Императора.

Оба столичные казарменнаго вида пассажирскiе вокзала не отвѣчаютъ, конечно, вкусу современному, а потому не разъ заходила въ печати рѣчь о придачѣ обоимъ болѣе изящныхъ фасадовъ. Но 50 лѣтъ назадъ было время нечетнаго числа оконъ по фасаду, симметрично расположенныхъ входныхъ дверей съ отсутствiемъ какихъ либо украшенiй и выступовъ кромѣ колоннъ и пилястровъ на стѣнахъ; подобныя зданiя считались прекрасными, и строители ихъ были награждаемы орденами. Царскiй поѣздъ съ вагономъ-салономъ и опочивальней для Государя и нѣсколькими другими вагонами для свиты, столовой и кухни тоже заслужилъ одобренiя Николая Павловича, хотя этотъ поѣздъ былъ бѣденъ въ сравненiи съ нынѣшними роскошными царскими поѣздами. Но не надо забывать, что Николай Павловичъ не любилъ себя нѣжить: онъ съ удовольствiемъ натягивалъ на себя мокрыя лосины, какъ неизбѣжную принадлежность любимаго параднаго конно-гвардейскаго мундира, надѣвалъ сѣрую солдатскую шинель, въ которой прогуливался по городу, и ею же накрывался ночью вмѣсто одѣяла.

Я не стану говорить объ остановкахъ, гдѣ мѣстные жители и крестьяне ближайшихъ деревень подносили Государю хлѣбъ-соль, что было очень картинно и уподобляло проѣздъ трiумфальному шествiю, остановлюсь только на пунктахъ дороги, гдѣ графъ Клейнмихель объ-

яснялъ произведенныя работы, а Государь выходилъ на платформу станціи или даже спускался на рельсы и подъ мостъ, если его интересовало сооруженіе.

Первой такой продолжительной остановкой была Сосницкая пристань на Волховѣ, нынѣшняя Волховская станція. Почти отъ Чудовской станціи до самаго Волхова вся мѣстность одно сплошное болото, оставившее о себѣ недобрую память на всю жизнь, какъ въ инженерахъ, такъ и въ рабочихъ. Болото прокапывали канавами, спускали воду, но къ веснѣ отъ дамбъ не оставалось и слѣда. Доложили графу Клейнмихелю, что земли, наконецъ, не хватаетъ на засыпку болота и что непремѣнно надо сдѣлать обходъ. Ни за что на свѣтѣ! Государю это не угодно, и дѣлу конецъ. За деньгами дѣло не стои́тъ; и чтобы осушено было болото: на то вы инженеры.

Опять начались работы; стали вбивать сваи и затѣмъ уже насыпали землю, привозившуюся издалека; на весну же земли никакой не оказывалось, и только сваи торчали изъ болота, перевернувшись вверхъ башмаками (Такъ называются коническіе желѣзные наконечники, надѣваемые на тонкій конецъ сваи, чтобы она шла легче въ землю). Пришлось предпринимать громадныя осушительныя работы, и только на девятый годъ насыпь, наконецъ, удержалась. Теперь она прочна, но вначалѣ она еще долго тряслась подъ вагонами, и поѣзда̀ ходили по ней не иначе, какъ самымъ тихимъ ходомъ. Клейнмихель доложилъ Николаю Павловичу о поглощенныхъ болотомъ миліонахъ, но, не поддаваясь искушенію подумать, что приказанія и распоряженія Государя могутъ быть ошибочны или неисполнимы, умолчалъ о томъ, что столь необычайныхъ тратъ и потери времени, не говоря о массовыхъ заболѣваніяхъ рабочихъ, можно было избѣжать уклоненіемъ нѣсколько въ сторону отъ злополучной прямой линіи.

Николай Павловичъ въ сопровожденіи графа Клейнмихеля и свиты прошелъ по мосту черезъ Волховъ, но, повидимому, не нашелъ въ немъ ничего особеннаго, можетъ быть потому, что видѣлъ его уже ранѣе, такъ какъ посѣтилъ однажды работы именно до рѣки Волхова. Но это не помѣшало наградѣ орденами участвовавшихъ какъ въ постройкѣ моста, такъ и пресловутой дамбы.

Слѣдующія остановки были на Мало-Вишерской станціи и Мстинскомъ мосту, но та и другая не очень продолжительныя; графъ Клейнмихель, очевидно, приготовлялъ Николая Павловича къ восприятію впечатлѣнія на Веребьинскомъ мосту, отъ котораго былъ самъ въ восторгѣ, считая его наиболѣе замѣчательнымъ сооруженіемъ на всей линіи. Подъѣхавъ къ мосту, графъ свелъ Государя по удобнымъ сходамъ къ основанію моста, чтобы показать оттуда, кромѣ его конструкціи, дѣйствительно замѣчательной по своей легкости, необыкновенную по тогдашнимъ понятіямъ длину его (около версты) и рѣдкую высоту (28 саж.) отъ поверхности воды до верхней настилки этого колосса между мостами. Проектировалъ и строилъ этотъ мостъ молодой инженеръ, выпуска 1843 г., Журавскій. Въ 1851 г., во время осмотра моста, онъ былъ уже капитаномъ, но орденовъ не имѣлъ. Государь снялъ у одного изъ приближенныхъ Владимирскій крестъ 4 степени и подалъ его, милостиво разговаривая, Журавскому, при чемъ шутя сказалъ,

что боится, выдержитъ ли его при переѣздѣ такая легкая постройка. Сѣли въ вагоны, и поѣздъ направился къ мосту; но какъ паровозъ ни пыхтѣлъ—взобраться на мостъ не могъ: колеса вертѣлись на одномъ мѣстѣ, и поѣздъ не двигался ни взадъ, ни впередъ. Всѣ встревожились. Государь и свита снова вышли изъ вагоновъ и увидѣли слѣдующую картину: щегольской мостъ съ рельсами только утромъ выкрашенными бѣлою, масляною краской не допускалъ въѣзда на себя паровоза, колеса котораго напрасно усиливались преодолѣть своего непреодолимаго врага, невысохшую масляную краску. Государь нахмурился. Графъ Клейнмихель, освѣдомившись въ чемъ дѣло, подошелъ съ докладомъ.—Это произошло отъ излишняго усердія, Ваше Императорское Величество: строитель перехватилъ черезъ край въ стремленіи изукрасить свой мостъ.—Что же изъ этого выйдетъ? спросилъ Государь серьезно.—Ничего кромѣ происшедшей остановки. Дрезину съ пескомъ уже выводятъ на главный путь; она пойдетъ впереди поѣзда для посыпки рельсовъ пескомъ, и мы безъ дальнѣйшей задержки переѣдемъ мостъ.

Случай этотъ не имѣлъ дурныхъ послѣдствій для Журавскаго; напротивъ, благодаря Веребьинскому мосту, онъ быстро пошелъ въ гору; еще относительно молодымъ человѣкомъ онъ былъ генераломъ и достигъ высшихъ мѣстъ въ министерствѣ, но на этомъ, конечно, не остановился бы, если бы судьба не рѣшила иначе: прогрессивный параличъ или просто психическое разстройство свели его въ чинѣ тайнаго совѣтника въ преждевременную могилу.

Какъ ни незначительно было происшествіе при въѣздѣ на Веребинскій мостъ, но оно не прошло безслѣдно въ дальнѣйшемъ пути. Николай Павловичъ не выходилъ уже изъ вагона на каждомъ мосту и станціи и видимо желалъ скорѣе пріѣхать въ Москву. Тѣмъ не менѣе онъ приказалъ всѣхъ производителей работъ представить къ наградѣ орденами, а главныхъ строителей, полковниковъ Мельникова и Крафта, благодарилъ лично, украсивъ ихъ Станиславомъ 1-й степени. Носились слухи, что и графъ Клейнмихель ожидалъ чрезвычайной награды, можетъ быть даже княжескаго достоинства, но не получилъ ничего особеннаго. Извѣстна жестокая экзекуція надъ выпускными воспитанниками Института, безъ пощады высѣченными розгами (что по уставу не допускалось) и вдобавокъ разжалованными въ солдаты за очень обычное въ то время издѣвательство надъ дежурными, недалекими армейскими офицерами. Графъ не внялъ тогда даже просьбѣ Наслѣдника Цесаревича о смягченіи наказанія и за это теперь расплачивался, наживъ много враговъ даже между лицами приближенными къ Государю, а черезъ пять лѣтъ, по вступленіи на престолъ Александра Николаевича, лишился и министерства. Ему было поставлено въ вину, что до Севастополя не было не только рельсового пути, но вовсе никакихъ порядочныхъ дорогъ, и замѣчаніе это было вполнѣ основательно. При той власти и силѣ, которыми графъ пользовался при Николаѣ Павловичѣ, онъ могъ многое сдѣлать для развитія сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній; но для этого мало быть строгимъ и исполнительнымъ въ приказаніяхъ свыше начальникомъ.

В. Шиманъ.

КРАТКАЯ ЗАМѢТКА НА МНѢНІЕ С. Ѳ. ПЛАТОНОВА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА.

Въ очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. С. Ѳ. Платоновъ пишетъ: „Что патріархъ не былъ высокаго рода, въ этомъ можно не сомнѣваться. Если-бы онъ былъ изъ служилаго класса, то, по тогдашнему обычаю, съ иноческимъ именемъ писалъ бы свою мірскую фамилію; но мы ея ни разу не встрѣчаемъ въ памятникахъ, относящихся къ Гермогену. Напротивъ, имѣемъ основаніе причислять Гермогена къ тяглому городскому классу: сохранилась запись на одной изъ иконъ въ Вяткѣ о томъ, что патріархъ Гермогенъ въ 1607 г. благословилъ иконою „зятя своего Корнилія Рязанцева“, посадскаго человѣка на Вяткѣ“ (стр. 632, примѣч. 198).

Самъ С. Ѳ. Платоновъ считаетъ эти указанія шаткими; тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что въ происхожденіи патріарха Гермогена отъ высокаго рода можно не сомнѣваться.

Считаю долгомъ указать на то мѣсто изъ „Дневника Марины“, гдѣ прямо сказано, что „Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени патріарха, *своего родственника*, опредѣленіе“. (Указывается на извѣстную грамоту патріарха 29—30 Ноября 1606 года. Сказанія Соврем. Устрялова, ч. II, стр. 194).

Нужно сказать, что свѣдѣнія, сообщаемыя въ такъ называемомъ „Дневникѣ Марины“, отличаются вообще значительною точностью, и въ данномъ случаѣ тотъ, кто писалъ этотъ Дневникъ, какъ современникъ, не могъ сдѣлать невѣрное указаніе на такое событіе, которое онъ письменно приводитъ въ доказательство, почему патріархъ допустилъ Шуйскаго составить такое опредѣленіе отъ его имени: онъ былъ родственникъ Шуйскаго. Съ этимъ прямымъ указаніемъ современника о происхожденіи патріарха Гермогена во всякомъ случаѣ нужно считаться, и оно въ рѣшеніи вопроса должно имѣть большее значеніе, чѣмъ шаткія указанія *).

Д. Глаголевъ.

---

*) Читателямъ „Русскаго Архива“ памятно, что, по словамъ С. М. Соловьева, патріархъ Гермогенъ былъ изъ рода князей Голицыныхъ и носилъ до постриженія въ монашество имя Ермолая. П. Б.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ АНГЛИЧАНЪ.

А. Я. Булгаковъ, въ письмѣ къ брату отъ 23 Ноября 1824 г., сообщая слухи, ходившіе въ Москвѣ по поводу бывшаго въ С.-Пб. 7 Ноября наводненія, писалъ: „думаю, что въ Лондонѣ будетъ подписка для пострадавшихъ отъ воды". (Русск. Арх. 1901 г., вып. 5, стр. 90).

Была ли въ Лондонѣ подписка, неизвѣстно; но замѣчательно, что въ Петербургѣ Англійская колонія оказалась весьма отзывчивою къ этому бѣдствію. На другой же день, 8-го Ноября 1824 г., Англичанинъ Веннингъ (владѣвшій домомъ въ Галерной улицѣ) собралъ нѣкоторую сумму, пріобрѣлъ теплое платье и роздалъ его пострадавшимъ отъ наводненія. Веннингъ и его сотрудники образовали общество, которое названо было „Dorcas-Society". Въ 1830 г., послѣ выѣзда изъ Россіи первыхъ основателей этого общества, завѣдываніе его дѣлами принялъ на себя Англійскій пасторъ Килль, и общество переименовано въ „Общество для снабженія бѣдныхъ одеждою". Оно просуществовало до средины восьмидесятыхъ годовъ, при чемъ въ его дѣятельности всегда принимали участіе представители Англійской колоніи въ С.-Петербургѣ.

По примѣру этого общества, учреждены были общества для снабженія бѣдныхъ одеждою въ 1858 г. въ Кронштадтѣ, а въ 1860 въ г. Коломнѣ, если не ошибаемся, продолжающія свою дѣятельность до сихъ поръ.

(См. Монографіи Учрежденій Вѣдомства Императрицы Маріи. Приложеніе къ изданію „Пятидесятилѣтіе IV Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи").

Г. Т.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ.

Sitam heic
Teneram XIX annorum matrem
Virtutibus quam annis adultiorem
Avorum nobilitate quam aetate clariorem
Annam
Ex illustriss. Skoropadskiorum a patre familia
A matre autem ex perillustri Czetuertinskiorum Principium
Poloniae antiquiss. domo natam
Anno MDCCXL ineunte nuptam
Exeunte eodem
Infeliciore filii partu extinctam
Uxorem desiratiss.
Luget viduus moestiss.
Georgius Lieven Eq. Curon.
General Mai.
Equitum Praetorian. S. Mai. Imp. Ruth.
Prochiliarcha
Eques Ord. St. Alexandri.

Переводъ.

Положенную здѣсь нѣжную девятнадцатилѣтнюю мать, которая была выше добродѣтелями, чѣмъ годами, и болѣе извѣстна знатностью предковъ, чѣмъ возрастомъ, Анну, происходившую по отцу изъ благороднѣйшей семьи Скоропадскихъ, а по матери изъ знаменитѣйшаго дома Польскихъ князей Четвертинскихъ, вышедшую замужъ въ началѣ 1740-го года и скончавшуюся въ концѣ того же года, несчастно разрѣшившись отъ бремени сыномъ, оплакиваетъ скорбящій вдовецъ, Георгій Ливенъ, Курляндскій генералъ-маіоръ, командующій гвардіей Ея Величества Императрицы Всероссійской, кавалеръ ордена Св. Александра.

Эта надпись на серебряной доскѣ, повѣшенной въ рамкѣ по правую сторону входа въ «придворную» церковь Скоропадскихъ въ селѣ Дунайцѣ, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Оплакиваемая Анна погребена подъ сводами церкви, но точное мѣсто ея могилы неизвѣстно. Подъ этими сводами хранится нѣсколько деревянныхъ, довольно удачно скомпанованныхъ, если не изящно исполненныхъ, статуй, изображающихъ святыхъ. Статуи нѣкогда украшали церковь. Кто-то изъ Черниговскихъ владыкъ, въ концѣ прошлаго вѣка, приказалъ убрать ихъ, какъ символы Латинской ереси. Нынѣ добираются и до остатковъ скульптурнаго украшенія церкви Скоропадскихъ, уцѣлѣвшаго

въ видѣ горельефныхъ изображеній Пресвятой Дѣвы и Архангела Гавріила на царскихъ дверяхъ. Но прихожане энергически протестуютъ противъ этого. Впрочемъ въ церкви много другихъ предметовъ, указывающихъ, что по внѣшности Западная Католическая церковь не отдѣлялась до XIX вѣка отъ Восточной такой бездною, какъ теперь: въ алтарѣ стоитъ шкапъ, видимо бывшій прежде конфесіоналомъ.

Въ Малороссіи, въ XVII вѣкѣ Латинскій языкъ до такой степени былъ въ употребленіи, что на немъ бесѣдовалъ бѣглый король съ изгнаннымъ гетманомъ (Карлъ XII съ Мазепою).

Анна Михайловна Скоропадская, внучатная племянница гетмана Скоропадскаго, была замужемъ за генералъ-аншефомъ Юріемъ Григорьевичемъ Ливеномъ (р. 1695, ум. 1763), который, по кончинѣ ея, женился на Цёге-фонъ-Мантейфель. Мать рано умершей Малороссіянки была изъ роду князей Четверинскихъ.

ПОПРАВКИ.

Въ „Новомъ Времени“ было напечатано о внезапной кончинѣ, 24 Іюля сего года, въ окрѣстностяхъ Флоренціи, маркизы Маріи Григорьевны Инконтри, рожденной графини Кушелевой. У графа Григорія Григоріевича Кушелева († 17 Февраля 1855) и супруги его Екатерины Дмитріевны Васильчиковой дѣтей не было; но у нихъ была воспитанница Марія Григоріевна, которая передъ выходомъ замужъ за кавалергардскаго офицера, князя Бориса Николаевича Голицына, получила дворянскую фамилію Кушелевыхъ. Во второмъ бракѣ она была за маркизомъ Инконтри, служившемъ при Итальянскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ прошлаго года, въ Февральскомъ выпускѣ, сказано ошибочно, что достоуважаемый археологъ Сергѣй Николаевичъ Кологривовъ *завѣдуетъ* Московскимъ дворцовымъ Архивомъ. Нынѣ тайный совѣтникъ Анатолій Викторовичъ Половцовъ проситъ насъ заявить, что „Общимъ Архивомъ Министерства Императорскаго Двора завѣдуетъ онъ, а титулярный совѣтникъ Кологривовъ занимаетъ только должность архиваріуса, и въ кругъ его служебныхъ обязанностей входитъ между прочимъ и оказаніе возможнаго содѣйствія всѣмъ изслѣдователямъ, занимающимся въ архивѣ“, каковой въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ именуется такъ: „Московскій Отдѣлъ Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора“.

*

Въ Іюльскомъ выпускѣ стр. 446-я, послѣдняя строка: вмѣсто *Наталья* надо *Настасья*.

22. Графъ Ал. Ан. Безбородко мнѣ открылъ: 1-е, о предложеніи Польскаго короля, чтобъ утвердить Польскую корону въ наслѣдіе одному изъ нашихъ великихъ князей, съ сохраненіемъ новой конституціи во всей ея силѣ; 2-е, что съ Прусскимъ дворомъ мы готовимся заключить трактатъ на прежнемъ основаніи, и что тутъ, по новости Зубова, вышли было смѣшные пункты отъ Моркова въ разсужденіи Польской короны относительно двора Саксонскаго: ибо тогда Дрезденскій дворъ былъ въ связи съ Австрійцами, а мы въ связи съ Пруссіей; теперь же, возобновляя соединеніе съ Берлинскимъ дворомъ, находимъ его въ связи съ Дрезденскимъ.

25. Фрейлина Нелидова прислала письмо къ графу Безбородкѣ, съ приложеніемъ прошенія къ Ея Величеству о дозволеніи ей жить по прежнему въ монастырѣ, т. е. dans la maison de demoiselles nobles, où elle rapportera son coeur aussi pur, qu'il a été, à sa sortie du couvent *).

28. Вышло производство и награжденіе Польскимъ побѣдителямъ. Указы подносилъ Зубовъ. Попову порученъ Кабинетъ до возвращенія Стрекалова. Съ примѣтнымъ удовольствіемъ Ея Величество сказывать мнѣ изволила, что Англія вышла изъ нейтралитета по Французскимъ дѣламъ, и Ганноверскія войска въ движеніи.

Іюль. 1. Когда подносилъ внутреннюю почту, то спрашивали у меня: купаюсь ли я? И совѣтовали купаться.

2. Курьеръ съ донесеніемъ, что Каховскій вступилъ въ Дубно.

4. За поднесенную мною складную карту Польши получилъ большую благодарность, сказавъ: я все беру смотрѣть у Платона Александровича, не имѣвъ своей. — Въ Рижской почтѣ читалъ я рапортъ графа Броуна на указъ, отъ 18 Іюня ему данный, что получилъ онъ его 29-го съ предписаніемъ о пропускѣ за границу графини Шуваловой и Стрекалова, ѣдущихъ къ теплымъ водамъ. При чтеніи моемъ засмѣялись, что тайна открылась; но, взявъ у меня рапортъ, запретили говорить о томъ до времени. Указъ самъ Стрекаловъ отвезъ къ графу Броуну.

6. Спрошенъ поутру, чтобъ достать еще разрѣзную Польскую карту, за коей послалъ я въ городъ.—Сказалъ я графу Безбородкѣ, что Аркадій Морковъ долженъ Сутерланду 42 т., и хотятъ простить. Зубовъ требовалъ о томъ записку у Васильева и спрашивалъ, какъ написать указъ? Графъ признался, что примѣтно ко всѣмъ недовѣріе, стараются всѣхъ ссорить; его бумаги отдаютъ Попову, а по которымъ

*) Въ помѣщеніи благородныхъ дѣвицъ, куда она возвратится съ сердцемъ столь же чистымъ, каковымъ оно было, когда она оставила монастырь.

докладывалъ Поповъ, отданы графу, и въ томъ числѣ реестръ о находившихся при князѣ Потемкинѣ Таврическомъ въ штатѣ и въ канцеляріи (см. 1 Декабря 1791).

7. Спрошенъ поутру. Поднесъ требованную Польскую карту складную, на тафтѣ подклеенную; благодарили и отослали къ графу Эстергази.—Василію Попову, по случаю какихъ-то его же доносовъ, велѣно объявить въ Сенатѣ указъ, чтобъ безъ вѣдома Ея Величества не опредѣлять никого въ губернію Екатеринославскую и въ область Таврическую.

9. Въ 2 часа пополудни великая княгиня начала мучиться родами, и 11 Іюля по полуночи въ исходѣ 2-го часа родилась великая княжна Ольга Павловна. Во все то время Ея Величество почти безотлучно тамъ быть изволила и, не спавъ двѣ ночи, много обезпокоилась. Когда палили изъ пушекъ, при нареченіи имя, сказано: faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle [1]).

12. Я поздравлялъ поутру по обыкновенію; сказали мнѣ: много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ, состарѣются въ дѣвкахъ. Я замѣтилъ, что императрица Марія Терезія всѣ союзы съ разными державами замужествомъ дочерей своихъ утвердила. Отвѣтъ: я не такъ союзы дѣлаю. Приданое сестеръ пойдетъ на счетъ братьевъ, ou bien il ne faut pas songer si loin[2]).—Послѣ сей рѣчи, читалъ я просьбу Николая Пизани, у коего семеро дѣтей. Тотчасъ сказали: не два ли сына и пять дѣвокъ? M'entendez-vous? [3])

13. Спросили у меня пакетъ съ бумагами, лежавшими въ городѣ на столѣ, въ спальной. Тутъ отыскали записку о всѣхъ должностяхъ князя Вяземскаго и взяли еще у меня статскій списокъ.

14. Лежатъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты князю Николаю Никитичу Трубецкому; ничто еще не подписано.

18. Въ Царскомъ Селѣ крестины великой княжны Ольги Павловны. Никакого произвожденія не было. Я радъ, что успѣлъ поутру отдѣлаться съ Московской почтой.

19. Отвѣчали А. Ив. Васильеву, подавшему просьбу генералъ-прокурора князя Вяземскаго объ отставкѣ, что скоро кончатъ сіе дѣло, и теперь занимаются выборомъ людей къ разнымъ его должностямъ.

22. Для тезоименитства великой княгини Маріи Θеодоровны и великой княжны Маріи Павловны, былъ въ Царскомъ Селѣ балъ весь-

---

[1]) Стоитъ ли дѣлать столько шуму изъ-за жалкой дѣвицы?

[2]) Или, пожалуй, не надо такъ задолго заботиться.

[3]) Понимаете меня?—Въ то время у Екатерины было пять внучекъ (Александра, Елена, Марія, Екатерина и Ольга) и два внука, Александръ и Константинъ. П. Б.

ма короткой, съ приглашеніемъ иностранныхъ министровъ. Поутру пришла на караулъ Семеновская гренадерская рота, капитанъ графъ Толстой, женатый на дочери принцесы Голштейнбекъ и племянникъ Ник. Ив. Салтыкова. Взглянувъ въ окно, осердились, что заняли въ безпорядкѣ весь дворъ. Сказали при мнѣ, что капитанъ served дуракъ, не зналъ, гдѣ стать, весь дворъ загородилъ, и посламъ къ крыльцу нельзя подъѣхать. Посланъ Вася Поповъ для поправленія фронта. Все сіе происходило при разбираніи внутренней почты.

23. Бригадиръ Гудовичъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что король Польскій приступилъ къ нашей реконфедераціи. Новый сеймъ будетъ въ Гроднѣ.

24. Спрошенъ для того только, чтобъ достать складную карту Франціи. Тутъ мнѣ сказано: я хочу видѣть, какъ союзныя войска станутъ входить.

25. Подалъ Французскую карту, потому что была у меня готовая съ означеніемъ и сосѣдственныхъ земель. Получилъ благодарность.

26. За несносною зубною болью, не ходилъ въ верхъ. Почту Московскую читалъ Поповъ и приходилъ ко мнѣ, по приказу Ея Величества, показать рапортъ князя Прозоровскаго о смерти племянника моего Михайла Сушкова. Онъ въ комнатѣ своей повѣсился, и тутъ же копія съ его письма къ брату Михайлу Вас. Храповицкому. Буде вѣрить словамъ Попова, то сказано: Вотъ какое воспитаніе! Не вкорененъ законъ христіанскій.

27. По причинѣ болѣзни, уѣхалъ я въ городъ.

Августъ. 2. Вышелъ указъ, подписанный 1-го Августа, о содержаніи Новикова 15 лѣтъ въ крѣпости Шлиссельбургской, и другой къ кн. Прозоровскому, чтобъ взять отвѣты по посланнымъ при томъ вопроснымъ пунктамъ съ князя Николая Трубецкаго, Лопухина и Тургенева.

10. Явился въ Царскомъ Селѣ послѣ болѣзни. Сказали мнѣ, при выходѣ за туалетъ: vous n'avez plus mal aux dents *), и я подошелъ къ ручкѣ.

13. Поручено мнѣ, чтобъ въ гротѣ Царскаго Села, по знанію моему, выбралъ я лучшіе античные бюсты для отливки въ мѣди и постановленія на колоннаду. Тутъ изъяснялись о бюстѣ Платона, котораго давно не видятъ и надѣются, что я его отыщу.

14. Подалъ записку о бюстахъ, мною выбранныхъ, съ разсужденіемъ о ихъ древности. Сама изволила отмѣтить, какіе выливать, говоря со мною ласково и похваляя мой выборъ.

*) У васъ не болятъ больше зубы.

16. Поднесъ рѣзные камни, изъ Англіи отъ Бровновъ присланные. Приняты хорошо, ими любовались, и вырѣзанная на камнѣ урна съ эмблемою на смерть кн. Потемкина Таврическаго принята sans aucune sensation [1]).

19. Шешковскій и Поповъ вмѣстѣ докладывали по присланнымъ допросамъ кн. Трубецкаго и статскаго совѣтника Лопухина. Первый очень струсилъ, и велѣно ему жить въ отдаленной отъ Москвы деревнѣ, подъ надзираніемъ гражданскаго начальства; второй, во уваженіе службы и старости отца, оставленъ въ Москвѣ подъ присмотромъ; Тургенева же нѣтъ теперь въ Москвѣ, и допроса ему еще не сдѣлано. Указъ о семъ сего же дня подписанъ и отправленъ съ курьеромъ къ князю Прозоровскому.

21. Получено извѣстіе о новомъ въ Парижѣ смятеніи, случившемся 30 Іюля (10 Августа). Le roi est suspendu de sa fonction. Въ Тюльери было кровопролитіе, и король съ фамиліей пришли и остались въ народномъ собраніи. Еще не назначено, гдѣ будутъ содержать короля. Ея Величество, говоря о томъ со мною, сказала: cela est horrible [2])!

22. Спрашивать у меня изволила о генералъ-маіорѣ Иванѣ Николаевичѣ Неплюевѣ. Я похвалилъ, знавъ его подполковникомъ. Чьихъ мать его? Не могъ отвѣчать. Онъ и генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ суть кандидаты въ генералъ-прокуроры, рекомендованные Поповымъ.

23. Доносилъ, по полученному освѣдомленію, что мать Неплюева была княжна Мещерская, а онъ воспитывался у дѣда своего Ивана Ивановича Неплюева.

28. Изъ Французскихъ извѣстій, сегодня полученныхъ, замѣчательно, что статуя Людовика XIV поставлена 10 Августа 1692, а низвержена и разрушена 10 Августа 1792 н. ст. Не уцѣлѣла статуя и добраго Генриха IV; въ тотъ же день и ее разрушили. Нынѣшняго короля съ его фамиліею, пока кончатъ его процессъ, содержатъ au Temple, dans la tour de Banqueroutiers [3]).

29. Головку младаго Ахиллеса, на камнѣ вырѣзанную, отъ Рибаса поднесъ Ея Вел. Поповъ, а я Фокса и два антика, принятые съ удовольствіемъ.

30. День своихъ имянинъ проводилъ въ городѣ.

31. Явился въ Ц[арское] С[ело], и приказано, чтобъ я купилъ Русскаго Жилблаза, для вел. князя Константина Павловича.

---

[1]) Весьма равнодушно.

[2]) Король лишенъ своей должности.—Это ужасно!

[3]) Въ Тамплѣ, въ башнѣ несостоятельныхъ должниковъ.

Сентябрь. 1. Скоро послѣ обѣда переѣхали въ городъ. Поутру Терскій докладывалъ по жалобѣ маіора Ярославова на Евгенія Петровича Кашкина, и былъ гнѣвъ.

2. Призыванъ по вчерашнему дѣлу оберъ-прокуроръ Неклюдовъ. Ему мыли голову, и дѣло съ указомъ, Терскимъ заготовленнымъ, отдано въ Совѣтъ.

3. Подписали указъ въ пользу Кашкина, чтобъ судить Ярославова противъ старательства Державина и Зубова.

5. Возвысилась вода сверхъ обыкновенной на 6 футовъ и 6 дюймовъ, но на улицы въ городѣ не выливалась.

9. Подписали ратификацію трактата съ Пруссіею. Большой былъ Ермитажъ, т. е. съ приглашеніемъ иностранныхъ министровъ. По возвратѣ въ вечеру были слезы, а съ утра досада.

10. Изъ Зимняго дворца ѣздили въ Конногвардейской, который велѣно называть Таврическимъ дворцомъ. Тамъ прежде tout était charmant [1]), а теперь все не ладно.

11. Говоря съ графомъ Ал. Андр. Безбородкой о вчерашнемъ по Таврическому дворцу происшествіи, замѣтилъ ему мимоходомъ, что при уборкѣ бумагъ, во время переѣзда изъ Царскаго Села, видѣлъ на особой запискѣ имена Коновницына, Шешковскаго и Терскаго, и что я буду въ обидѣ, ежели назначатъ ихъ въ сенаторы. Графъ, обѣщавъ стараться, открылъ мнѣ, что на сдѣланный ему вопросъ о генералъ-прокурорской должности, онъ съ прочими назвалъ и меня; но ему отвѣчали, чтобы хорошъ былъ Поповъ, человѣкъ довольно дальновидный, съ открытою головою, ежели бы ей самой не былъ нуженъ. Графъ смѣялся и просилъ о секретѣ. Однакоже я изъяснилъ графу, что должность генералъ-прокурора въ теперешнихъ обстоятельствахъ est un casse-cou [2]), и я ея не желаю и желать не могу, по образу мыслей, мнѣ свойственному.

12. Ея Вел., показавъ мнѣ, какъ въ ея комнатѣ собачки, свернувшись, лежатъ на солнцѣ, сказала: вы такъ не ляжете? — Я отвѣчалъ: c'est leur instinct qui vaut bien notre raison [3]). Правда.—При внутренней почтѣ читалъ я рапортъ Архарова, что достроенъ большой Мстинской шлюзъ. Тутъ вспомнили о дѣдѣ моемъ, Михайлѣ Ивановичѣ Сердюковѣ, и со мною говорили о смерти сына его и моего дяди, Ивана Михайловича Сердюкова.

14. Ея Вел. послѣ обѣда изволила переѣхать на временное пребываніе изъ Зимняго дворца въ Таврической.

---

[1]) Все было прелестно.

[2]) На ней сломаешь шею.

[3]) Это у нихъ чутье, которое стоитъ нашего ума.

16. Графъ Безбородко, вслѣдствіе указа (см. 3 Сент.), при выѣздѣ изъ дворца, просилъ поднести къ подписанію Ея Вел. указъ къ Ев. Петр. Кашкину, чтобъ изъ пристойности не входилъ онъ въ производство дѣла Ярославова и прожилъ въ Вологодской губерніи, или въ Москвѣ; но мнѣ велѣли переправить слово «совѣтую». Переписалъ, и подписали.

17. У Зубова подписали указъ объ отставкѣ генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, со всѣми жалованьями, ежегодно имъ получаемыми. Должность править на краткое время Самойлову, ему же вѣдать и Тайную. Фарфоровый заводъ кн. Юсупову; Ассигнаціонный Банкъ и казначейскія экспедиціи остались безъ назначенія. О вчерашней поправкѣ слова «совѣтую» отвѣчалъ мнѣ графъ Ал. Анд. Безбородко, что когда Глѣбовъ отданъ былъ подъ судъ, тогда собственноручно къ нему писали: совѣтую остаться въ Москвѣ и отдалиться отъ губерніи.

18. Поднесенный отъ Совѣта протоколъ, съ кандидатами въ губернаторы и вице-губернаторы, отданъ Зубову. Къ обѣду переѣхали изъ Таврическаго въ Зимній дворецъ.

22. Вотъ какое вышло чрезъ Зубова произвожденіе: камергеры и дѣйствит[ельные] статскіе совѣтники десятилѣтніе пожалованы въ тайные совѣтники; ихъ 10, да 9 сенаторовъ, и вышло помѣщеніе въ губернаторы и вице-губернаторы.—Получено извѣстіе о смерти графа Броуна.

23. Худой былъ пріемъ Васильеву. Казначейства и экспедиціи подчинены Самойлову; онъ же сегодня и членъ Совѣта.

26. При разборѣ почты сказывать изволила, что въ Москвѣ былъ разговоръ у крестьянина кн. Трубецкого съ крестьяниномъ казеннымъ. Каз[енный]: Зачѣмъ вашего барина сослали? Труб[ецкаго].—Сказываютъ, что искалъ другаго Бога.—Каз[енный]: Такъ онъ виноватъ: на что лучше Русскаго Бога? Очень хвалили cette naïveté*) и не разъ мнѣ подтвердили. — Входили со мной во всѣ обстоятельства теперешняго состоянія князя Ал. Ал. Вяземскаго и его болѣзни. Я разсказалъ все, что̀ зналъ.

27. Приняли ласково Мятлева, и Ассигнаціонный банкъ Самойлову не отданъ.

30. Имянины покойника кн. Потемкина Таврическаго. Были слезы, но при выходѣ непримѣтно.—Подписанъ указъ, чтобъ князю Репнину быть генералъ-губернаторомъ Рижскимъ и Ревельскимъ.

---

*) Это простодушіе.

Октябрь 4. Хвасталъ Поповъ тѣмъ, что съ Ея Величествомъ вмѣстѣ плакалъ, вспомня своего свѣтлѣйшаго князя. Онъ съ нимъ въ сей день прощался въ Яссахъ.

5. День кончины кн. Потем[кина] Таврическаго. Во все утро никого не спрашивали, и въ вечеру выхода не было; но сказываютъ, что проводили день спокойно, хотя и въ уединеніи.

11. При слушаніи почты читалъ письмо военнаго совѣтника Русанова, бывшаго правителемъ канцеляріи гр. Вал. Плат. Мусина-Пушкина въ первую кампанію противъ Шведовъ. Онъ, полагая, что обнесенъ, доказываетъ невинность свою и ссылается на графовъ Ник. Ив. Салтыкова и Вал. Пл. Мусина-Пушкина. Приказали справиться, замѣтя притомъ: comme il s'est emparé de l'esprit du comte Pouschkin, cela peut bien être qu'on n'aimoit pas d'être gouverné par la chancellerie [1]).

18. Спросили у меня, которое число, и когда будетъ 19-е? Завтра. Мятлевъ разрѣшилъ мнѣ сей вопросъ, т. е., завтра Стрекаловъ и графиня Шувалова будутъ въ Ригу съ двумя принцессами Луизой и Фредерикой Баденъ-Дурлахъ; онѣ дочери Амаліи Гессенъ-Дармштадтской, сестры покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны. — Слушая читанный мною рапортъ Симбирскаго губернатора о бригадирѣ Иванѣ Тургеневѣ (см. 19-го Августа), сказывать мнѣ изволила, что всѣхъ Мартинистовъ обманывалъ бывшій въ нашей службѣ поручикъ Шредеръ. Удивишься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную, и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ признается. Они до того доходили, что призывали чертей. Все найдено въ бумагахъ Новикова, и ему отъ Шредера тысячъ шесть досталось. Я отражалъ нелѣпость, дивился легковѣрію и сказалъ, что видалъ только Каліостра, а о Шредерѣ совсѣмъ не слыхалъ.

20. Докладывалъ по запискѣ Мильотія о Venus de Médicis, находящейся въ гротѣ Лѣтняго сада, что статуя рѣдкая, но не въ бережи, и худыя руки къ ней придѣланы. Отозвались: qu'on a l'avis de bonne part que Miliotty est le confident et l'espion secret du duc d'Orleans [2]). Венеру не трогать: пусть стоитъ тамъ, гдѣ Петръ Первый поставилъ.

25. Милостиво разговаривая о домѣ Убри, гдѣ я живу, сказывать изволила, что 1766 году на Масляной была въ немъ у Пассека Пет[ра] Богд[ановича]; знаетъ столовую съ пятью окошками, и тогда Строга-

---

[1]) Такъ какъ онъ овладѣлъ умомъ графа Пушкина, то, конечно, могло быть, что негодовали на то, что управляются канцеляріею.

[2]) Имѣется надежное извѣстіе, что Миліоти—повѣренный и тайный лазутчикъ герцога Орлеанскаго.

новъ проѣхалъ въ маскерадномъ платьѣ, и кучеръ былъ одѣтъ арлекиномъ. Съ удовольствіемъ повторили, какъ все это еще помнится.— По просьбѣ Русанова въ оберъ-штер-кригсъ-коммиссары по инспекторск. экспедиціи при Военной Коллегіи, вспомнили, что на сіе мѣсто просилъ покойный князь Пот[емкинъ] Тавр[ическій] о камеръ-юнкерѣ князѣ Голицынѣ, и въ томъ отказано. Тутъ надобенъ честный человѣкъ, а Русановъ можетъ быть въ дѣлахъ только способенъ (см. 11-го Октября). Велѣно, чтобъ графъ Н. Ив. Салтыковъ самъ о томъ изъяснился.

28. Передъ обѣдомъ отъ Ея Величества присланъ ко мнѣ Поповъ, чтобъ я у Мильоти купилъ на себя abraxas, и Поповъ не зналъ, что̀ такое abraxas [1]).

29. Поутру я подалъ абраксасы, которые для счастія, какъ талисманы, хотѣли послать къ воюющимъ братьямъ короля Французскаго, но не хороши и не показались. Однакоже полюбились двѣ большія головы, in taglio, celle d'Aurélie, mère d'Auguste, et celle de Mécène; ихъ купили, всѣмъ хвастали, а меня благодарили.

31. Въ девятомъ часу вечера пріѣхали принцессы Баденъ-Дурлахъ.

Ноябрь 1. Ея величество хвалила мнѣ старшую принцессу: on ne peut la voir sans en être charmée [2]).—Читали мнѣ готовое письмо au Prince de Ligne, съ сожалѣніемъ о смерти сына его, въ сраженіи Французами убитаго. Тутъ довольно круто писано о худыхъ успѣхахъ Прусской и Австрійской армій, и сколько сострадаютъ несчастію Французскихъ принцевъ. Хотятъ, чтобъ сіе письмо видѣлъ императоръ. Послали къ Зубову на низъ; тамъ присовѣтовали, чтобъ пустить и чрезъ Берлинъ. Похвалили такую мысль и велѣли такъ письмо отправить, дабы и въ Берлинѣ могли перелюстровать. Въ письмѣ точно изъяснено: qu'à Du Mourier, Custine et Montesquoi ни дожди, ни грязь въ успѣхахъ не препятствуютъ.

3. Большая аудіенція Польскимъ делегатамъ.—Въ вечеру въ Ермитажѣ, при большомъ собраніи, комедія.—Поутру принцессы стояли близъ трона, къ вечеру были въ Ермитажѣ.

4. Поднесъ 6 крупныхъ рѣзныхъ камней за 510 рублей. Очень были довольны и мнѣ сказали, что Цесаревичъ очень полюбилъ и хвалитъ старшую принцессу, но женихъ застѣнчивъ и къ ней не подходитъ. Она очень ловка и развязна, elle est nubile à 13 ans [3]).

---

[1]) Такъ называется драгоцѣнный камушекъ, про который вѣрятъ, что носить его полезно, въ предупрежденіе какихъ-либо бѣдъ или болѣзней. П. Б.

[2]) Видя ее, нельзя ею не плѣняться.

[3]) Въ 13 лѣтъ она способна къ дѣторожденію.

5. Было со мною изъясненіе. Въ камняхъ вчерашнихъ Зубовъ узналъ Gelon, roi de Syracuse, что̀ былъ обдѣланъ porte-montre de Mirabeau, который Мильоти выдавалъ ему за рѣдкость et comme une chose sainte [1]). Подозрѣніе на Мильоти. Не заводитъ ли здѣсь Якобинскаго клуба? Я сказалъ, что̀ зналъ отъ Чинати. Два раза начинали о семъ говорить и приказали мнѣ, чтобъ Чинати замѣчалъ; но послѣ того позванъ былъ Самойловъ, и онъ, вышедъ отъ Ея Величества, просилъ меня, чтобъ ознакомить его съ Чинатіемъ, моимъ курьеромъ изъ Кабинета по должности секретарской.

6. Донесъ, что послалъ своего Чинатія къ Самойлову. Такъ; я велѣла, чтобъ онъ поговорилъ и съ извозчикомъ, который былъ у принца de Ligne и теперь живетъ у Мильоти. Тутъ надобно только примѣчать, и когда начнутся шалости, то велѣть ему выѣхать изъ Россіи.—Гнѣвны на короля Прусскаго. Не знаетъ самъ, что̀ дѣлаетъ. Le duc de Brunsvik оставилъ команду. Теперь все въ замѣшательствѣ. Курфирстъ Саксонскій вывелъ войска свои на границу. — Французы вездѣ разсѣялись.

16. Графъ Безбородко, въ разговорѣ со мною, сказывалъ, что нашъ министръ во Франкфуртѣ гр. Ник. Пет. Румянцовъ да принцъ Нассау замѣшиваютъ всѣ дѣла, входя въ разныя сплетни. Подлинно извѣстно, что Прусскій король и императоръ искренно согласны продолжать войну противъ Франціи, но кабинеты ихъ тому противны. Мы хочемъ втянуть въ войну Англію, но сіе несбыточно. Питъ намъ недоброжелатель, что̀ самое сказалъ Государынѣ при подписаніи бумагъ.

22. Графъ Безбородко говорилъ мнѣ съ неудовольствіемъ о назначеніи Суворова къ командованію войскъ на границѣ Турецкой. Онъ всѣхъ изнуритъ и также разгонитъ, какъ въ Финляндіи. Тамъ надобенъ человѣкъ, который бы могъ все сберечь и приготовить и умѣлъ бы доставлять сюда вѣрныя свѣдѣнія, потому что Турки вооружаютъ флотъ; Суворовъ же, напротивъ того, будетъ писать только загадками къ Турчанинову.—Тутъ разсказалъ я графу, для смѣха, разговоръ со мной Попова, который радовался, что Французы готовы поджечь Турокъ, а Сурововъ и Мордвиновъ и спятъ и видятъ, чтобъ войти съ флотомъ въ Царьградъ. Турки тотчасъ убѣгутъ; тамъ останется до 300 т. Грековъ—и вотъ наслѣдство вел. кн. Константину Павловичу.

24. Рибасъ переименованъ въ контръ-адмиралы гребного флота Черноморскаго; Ник[олаю] Сем[еновичу] Мордвинову орденъ Св. Александра, таковой же гр. Ник. Пет. Румянцову, убѣжавшему изъ Франкфурта на Майнѣ, и Аркадій Ив. Морковъ пожалованъ въ тайные совѣтники [2]).

---

[1]) Носильные часы Мирабо.—И какъ вещь священную.

[2]) Неизвѣстно, отчего послѣ этого въ Дневникѣ 20-дневный перерывъ. П. Б.

Декабрь. 13. Письмо отъ Бобринскаго по почтѣ. Pourquoi me donnez-vous ce paquet sans l'ouvrir[1])? Я промолчалъ. Онъ проситъ свиданія. Позвали Завадовскаго для объясненія.

20. На мѣсто аншефа Каховскаго поѣхалъ въ Польшу командовать войсками Игельстромъ. Посломъ въ Варшаву Сиверсъ, и отправленіе ему готовятъ Зубовъ и Морковъ. Графъ Безбородко въ тѣ дѣла не мѣшается, но снаряжаетъ Мих[аила] Ларіо[новича] Голенищева-Кутузова въ Царьградъ, вмѣсто Самойлова, который остался и генералъ-прокуроръ, и государственный казначей уже не на краткое время. Ищутъ домъ и ждутъ сюда графа д'Артуа.

23. Графъ Александръ Ром. Воронцовъ, по его прошенію, уволенъ въ отпускъ на годъ, и гр. Безбородко мнѣ сказалъ, что онъ уже не возвратится; да и самъ онъ поѣдетъ къ водамъ, сколь скоро тамошнія мѣста очистятся, то есть посмотря, что̀ сдѣлаетъ будущая кампанія противъ Французовъ.

26-е, 27-е и 28-е. Нездоровы; сегодня 29-е лучше, но еще слабы и только прочесали волосы.

30. Гнѣвны. Съ утра докладывалъ Зубовъ по гвардейскимъ бумагамъ, и было не безъ шума.—У меня не подписали благодарности графу П. Ал. Румянцову-Задунайскому за поздравленіе съ Новымъ годомъ: je ne suis plus si familière avec lui[2]). Я не могла его выжить изъ Молдавіи.

1793.

Январь. 1. Чрезъ Зубова вышли доклады гвардейскіе, произвожденіе воинское и статское десятилѣтнимъ, не свыше какъ въ 4-й классъ.

2. Читалъ внутреннюю почту.—Подписали у меня сухую благодарность графу П. А. Рум[янцову] Зад[унайскому] за присланное имъ поздравленіе съ Новымъ годомъ.—Шутили со мной, что надобно давать аудіенцію Гишпанскому министру Onis и женѣ его. Мнѣ будутъ сегодня представлять Agat'onix и жену его Sard'onix. Я спросилъ: à combien de couches? Отвѣчали: cela je ne sais pas[3]).

7. Сказывать изволила, что Французы намъ объявили войну, шутя притомъ, что я не читаю по-нѣмецки. Je suis donc plus savante que vous; mais non, vous êtes un mathématicien, et moi je n'en sais rien[4]). Извинился тѣмъ, что давно въ математическихъ исчисленіяхъ не упражнялся.

---

[1]) Отчего вы подаете мнѣ этотъ пакетъ, не распечатавъ его?

[2]) Я уже не такъ съ нимъ обходительна.

[3]) Во сколько слоевъ?—Этого я не знаю.

[4]) И такъ я васъ ученѣе; нѣтъ, вы математикъ, а тутъ я ничего не смыслю.

8. Подано въ запискѣ полицейской, что вчера, за полночь, скончался князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской. Со мною ни слова. Но Тюльпину сказали, что онъ всѣхъ развязалъ и домашнимъ далъ покой.—Сей праводушный мужъ служилъ безъ мала 30 лѣтъ генералъ-прокуроромъ, съ неимовѣрною привязанностію къ своей Монархинѣ, и послѣ отставки изъ жалованья получилъ только одну треть вмѣсто всей награды [1]). Онъ родился 3 Августа 1727 года, скончался на 8-е число Генваря 1793; слѣдовательно, жизнь его продолжалась 65 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 5 дней.

11. Былъ въ Невскомъ на похоронахъ князя. Съ душевнымъ прискорбіемъ простоялъ съ 10-ти часовъ до часа за полдень. Увидѣлъ мавзолею графа Алексѣя Григорьевича и графини Екатерины Ивановны Разумовскихъ, коихъ я также провожалъ. Князь, въ гробѣ лежащій, бѣлъ, и видъ умильный.

Князь Вяземскій лежитъ здѣсь первый и послѣдній.
Онъ славою своей не долженъ никому,
Но многіе должны всѣмъ счастіемъ ему.

12. Докладывалъ по внутренней почтѣ. Послѣ позванъ былъ читать доклады, Ив. Васил. Гудовичемъ поданные. Приказали отдать Зубову. Ce qu'il fait, il le fait bien. Savez-vous pourquoi? Parce qu'il est impartial et qu'il n'a pas des vues particulières [2]).

13. Подписали отвѣтъ графу Ивану Григорьевичу Чернышову въ Римъ, чтобъ не покупалъ и не заказывалъ мозаичныхъ вещей, за тѣмъ что берегутъ деньги для будущаго бракосочетанія вел. кн. Александра Павловича, и собственноручно приписали: notre princesse est aussi jolie qu'elle est aimable et nous plait beaucoup. Adieu [3]). Сегодня ея рожденіе. Комедія благородныхъ и маскерадъ въ Ермитажѣ.

25. При поднесеніи ланкартъ, изъ Ниренберга выписанныхъ, запамятовали было приказаніе, мнѣ о томъ данное; но, увидя собственныя отмѣтки на каталогахъ, увѣрились и меня благодарили.

26. Пріѣхалъ изъ Москвы князь Прозоровскій. Помѣшалъ читать газеты. Спросили у меня: знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ? Я промолчалъ. Но онъ пріѣхалъ, сирѣчь, къ наградѣ за истребленіе Мартинистовъ.

31. Поутру дошло къ ея величеству извѣстіе que le malheureux Louis XVI fut décapité le 10 (21) Janvier 1793 [4]). Наложенъ трауръ

---

[1]) Противорѣчіе съ тѣмъ что̀ сказано 17 Сентября 1792 года. П. Б.

[2]) Что̀ онъ дѣлаетъ, то дѣлаетъ хорошо. Знаете отъ чего? Отъ того, что онъ безпристрастенъ и не имѣетъ личныхъ видовъ.

[3]) Наша княжна столь же красива, какъ и любезна, и очень намъ нравится. Прощайте.

[4]) Что несчастный Людовикъ XVI обезглавленъ 10 (21) Января 1793.

на шесть недѣль. Замѣчательно стеченіе чиселъ: 10 Генваря 1775 года въ Москвѣ казненъ Пугачевъ.

Февраль. 2. Съ полученія извѣстія о злодѣйскомъ умерщвленіи короля Французскаго, Ея Величество слегла въ постель, и больна, и печальна. Благодаря Бога, сегодня лучше.—Я читалъ почту. Тутъ присланъ странный доносъ на Петра Өедоровича Талызина въ похищеніи имъ экстраординарной суммы. Сіе показываетъ бывшій у него адъютантъ. Отдано Сомойлову. Ея Величество говорила со мной о варварствѣ Французовъ и о явной несправедливости въ утайкѣ голосовъ при сужденіи: c'est une injustice criante même envers un particulier [1]). Когда узнали сіе въ Лондонѣ во время спектакля и актеръ объявилъ о томъ публикѣ между большой и малой піесы, то всѣ зрители не велѣли играть и разошлись. Англія расположена разорить Францію: il faut absolument exterminer jusqu'au nom des Français [2]). Былъ оборотъ къ собственному ея правленію, съ вопросомъ у меня о соблюденіи правъ каждаго. Я отвѣчалъ, что не токмо ни у кого ничего не отнято при новыхъ установленіяхъ, для пользы государства нужныхъ, но и правà и привилегіи намъ пожалованы и утверждены Ея Величествомъ.

5. Продолженіе разговора о Парижскомъ варварствѣ. Въ Вѣнѣ народъ хотѣлъ побить всѣхъ Французовъ и намѣренъ сіе исполнить, буде коснутся королевы, дочери покойной императрицы Маріи Терезіи. L'égalité est un monstre, il veut être roi [3]).

8. Подписанъ указъ Сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи всѣхъ тѣхъ обоего пола Французовъ, которые не сдѣлаютъ присяги по изданному при указѣ образцу.

12. Узналъ, что несчастный и добродушный Людовикъ XVI родился нов. ст. 23 Августа 1754; взошелъ на престолъ, по смерти дѣда своего, 10 Мая 1774; умерщвленъ 21 Генваря 1793 г.; слѣдовательно царствовалъ 18 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Singularités:

21 April 1770. Mariage à Vienne et l'envoi de l'anneau.

21 Juin 1770. La fête du mariage.

21 Janvier 1782. La fête à Paris pour la naissance du premier dauphin.

21 Juin 1791. Fuite à Varennes.

21 Septembre 1792. Abolition de la Royauté

21 Janvier 1793. Mort du malheureux roi [4]).

---

[1]) Это вопіющая несправедливость даже въ отношеніи къ частному лицу.

[2]) Надо непремѣнно уничтожить самое имя Французовъ.

[3]) Равенство есть чудовище, оно хочетъ быть государемъ.

[4]) Странности: 21 Апрѣля 1770. Свадьба въ Вѣнѣ и посылка кольца. 21 Іюня 1770.

14. Васенька Поповъ, послѣ доклада по дѣламъ, ему порученнымъ, вышелъ очень невеселъ и задумчивъ. Нѣсколько погодя, признался мнѣ, что не получаетъ уже нѣсколько дней желаемой резолюціи на свои бумаги и встрѣчаетъ затрудненія. Ежели докладчикъ забылъ сіе обстоятельство и станетъ хвастать высочайшею къ себѣ довѣренностью, то могу ему припомнить зятя Ягупа-аги, просьбу объ отставкѣ извѣстнаго Ефима Мартемьяновича Чулкова и манифестъ, имъ сочиненный, о награжденіи некрещеныхъ Татаръ орденомъ Св. Владимира.

16. По почтѣ пришла просьба отъ протопопа Екатеринославскаго о дачѣ ему креста. Cela ne se demande pas. Не прикажете ли отдать Попову? Онъ, можетъ быть, его знаетъ. Знаешь ли, какими людьми тамошній край наполненъ? C'est un tas d'avanturiers, tous les jours j'entends des nouvelles histoires; mais n'allez pas dire cela à Popoff*). (См. 11 Сентября 1792 г.).

24. Изъ Риги получено по почтѣ письмо Северина Ржевускаго въ собственныя руки. Онъ дѣлаетъ возраженіе на раздѣлъ Польши и описываетъ, сколь затруднительно теперь положеніе его и графа Потоцкаго. Онъ не вѣритъ, чтобы была на то воля Ея Величества. Я думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но вмѣсто того войска мои дошли до Варшавы и конфедерацію открыли за спиной арміи. Они сами не сдержали слова, и теперь беру я Украйну взамѣнъ моихъ убытковъ и потери людей. Читано съ насмѣшкой и велѣно Зубову скорѣе заготовить отвѣтъ. (См. 7 Марта 1792).

27. Пришла стафета отъ графа Ник. Пет. Румянцова, что короля Людовика XVI братъ, графъ д'Артуа, уже въ дорогѣ и скоро сюда будетъ. Недовольны симъ посѣщеніемъ. Думаютъ, что станетъ докучать разными затѣями и претензіями на Польшу.

Мартъ. 3. Читалъ донесеніе Иркутскаго губернатора Пиля о разговорѣ нарочно посыланнаго въ Ургу къ Китайскимъ амбанямъ, дабы помѣшать намѣренію Агличанъ въ заведеніи непосредственной торговли съ Китаемъ. Амбани не знали и названія Англичанъ, спрашивали о ихъ землѣ и ближайшихъ къ нимъ Англійскихъ поссесіяхъ? Смотрѣли карту и сдѣлали записку, которую къ нашему же посланцу присылали для поправки. Сказано: C'est une pièce intéressante; les Chi-

---

Свадебное пиршество. 21 Января 1782. Торжество въ Парижѣ по случаю рожденія перваго дофина. 21 Іюня 1791. Бѣгство въ Вареннъ. 21 Сентября 1792. Уничтоженіе королевскаго сана. 21 Января 1793. Кончина несчастнаго короля.

*) Объ этомъ не просятъ.—Это сбродъ проходимцевъ; я каждый день слышу про новыя исторіи; но не вздумаете сказывать о томъ Попову.

nois sons bien bêtes. Я: mais ce sont des bonnes gens, du moins ils sont tranquilles. Отвѣтъ: cela est vrai [1]).

8. Пошедъ одна въ мыльню къ женщинамъ, внизу ея ожидавшимъ, упала и скатилась съ лѣстницы. По счастію, услышалъ Зах. Конс. Зотовъ; съ трудомъ поднялъ и спасъ отъ великой опасности. Сегодня рожденіе графа Безбородки. Онъ родился 8 Марта 1747.

9. Благодаря Бога, сегодня гораздо лучше Ея Величеству; вчерась пускали кровь.

10. День рожденія Самойлова, и Зах. Кон. Зотовъ, сказавъ сіе Ея Величеству, напомнилъ, что изволила дарить графиню Браницкую. Пожалованъ Самойлову изумрудный перстень въ 3700 р. Вотъ какъ было, а въ городѣ слава велія.

12. Пріѣхалъ графъ д'Артуа и принятъ въ изготовленный домъ Василья Ивановича Левашова.

13. Былъ выходъ для аудіенціи графу д'Артуа. Ему тотъ же пріемъ и тѣже почести, что̀ Генриху принцу Прусскому были оказаны.

23. При отказѣ, по докладу моему, на разныя просьбы о продолженіи арендъ и о пенсіяхъ, сказано, что отъ сего самаго разорилась Франція.

30. Du but en blanc[2]) спрашивали у меня: какъ идутъ дѣла воинскія и гражданскія послѣ князей Потемкина и Вяземскаго? Теперь вездѣ почти люди новые. Я отвѣчалъ, что законы старые, и ваши правила непремѣнны, слѣдовательно новымъ людямъ надобно вникнуть въ законоположенія и основать только по своимъ должностямъ часть исполнительную.

Апрѣль. 4. Полученъ курьеръ изъ Лондона, и конвенція, заключенная 14-го (25) Марта о торговлѣ, основанная на трактатѣ коммерческомъ 1766 года. Полезно для Россіи таковое сближеніе съ Англіею, и особливо въ нынѣшнее время, когда Австрія кричитъ о раздѣлѣ Польши, завидуя тому, что много достается королю Прусскому, да и тѣмъ болѣе, что заключена и другая конвенція о содѣйствіи противъ Франціи. (См. 16 Ноября 1792 г.). Лорду Гренвилю въ 25 т. р. солитеръ и табакерка съ портретомъ Ея В—ва.

9. Курьеръ отъ Кречетникова съ извѣстіемъ о занятіи земель, отъ Польши нынѣ пріобрѣтенныхъ, и что всѣ охотно присягаютъ. Еще курьеръ, что Дюмурье передался къ Австрійцамъ 22-го Марта (2 Апрѣля). Было у него и прежде секретное о томъ условіе. Теперь съ

---

[1]) Это любопытная бумага. Китайцы очень глупы.—Но это добрые люди; по крайней мѣрѣ, они миролюбивы.

[2]) Невзначай.

20-ю т. идетъ онъ для возстановленія короля въ Парижъ, и Австрійцы за нимъ пойдутъ. Графъ д'Артуа симъ происшествіемъ уже и недоволенъ, думая que la régence tombera entre les mains de la reine[1]).

11. Золотая шпага со вса̀женнымъ солитеромъ въ 10,000 рублей и съ надписью на чашкѣ: Avec Dieu pour le Roi[2]), положена была на гробницѣ Святаго Александра Невскаго. Митрополитъ, отслужа молебенъ, окропилъ ее святою водою, а Зубовъ съ прочими подарками отвезъ къ графу д'Артуа, который сего же дня съ сею шпагою былъ на вечеринкѣ у Льва Александровича, гдѣ Ея Величество быть изволила.

14. Нѣсколько времени недовольны прогулками Зубова. Были о томъ рѣчи съ Зотовымъ, и сегодня именно ему приказано было примѣтить, не поѣдетъ ли онъ куда послѣ ужина прощальнаго отъ графа д'Артуа. Зотовъ ѣздилъ самъ смотрѣть. Зубовъ пріѣхалъ прямо домой.

15. Поутру выѣхалъ изъ Петербурга графъ д'Артуа. Левашову за постой пожалована табакерка съ брильянтами. Въ этотъ день, 15-го Апрѣля 1776 года, скончалась великая княгиня Наталья Алексѣевна.

17. Позванъ по утру, и за секретъ мнѣ сказано, что послѣ обѣда переѣдутъ въ Таврическій дворецъ. Тутъ же назначено, какія бумаги и книги долженъ я самъ туда привезти. Я все исполнилъ въ 4 часа по полудни.

18. По полученнымъ извѣстіямъ стали говорить, что Дюмурье не предъуспѣлъ склонить Французскую армію на свою сторону и принужденъ былъ самъ съ малымъ числомъ передаться Австрійцамъ, въ ночь съ 25 на 26 Марта (5 на 6 Апрѣля). Ея Величество сказать мнѣ изволила, что и прежде то думала.

21. Въ Четвертокъ Страстныя недѣли, въ день своего рожденія, Ея Величество, послѣ говѣнія, пріобщалась въ церкви Таврическаго дворца.

22. Спросили у меня: Hier vous avez fait aussi vos dévotions?—Non, Votre Majesté[3]).

23. Спрошенъ по утру. Приказали собрать бумаги и, послѣ обѣда, переѣхали изъ Таврическаго въ Зимній дворецъ. Завтра Свѣтлое Христово Воскресенье.

28 Въ Четвертокъ на Святой недѣлѣ, опять послѣ обѣда, переѣхали изъ Зимняго дворца въ Таврическій.

Май. 1. По утру пріѣхалъ курьеромъ графъ Николай Александровичъ Зубовъ и пожалованъ изъ полковниковъ въ генералъ-маіоры,

[1]) Правленіе падетъ въ руки королевы.

[2]) Съ Богомъ за короля.—Любопытно бы знать, сохранился ли этотъ даръ Русской Государыни у потомковъ графа Шамбора. П. Б.

[3]) Вчера вы также говѣли?—Нѣтъ, Ваше Величество.

да подарена ему табакерка съ вензелемъ, брильянтами осыпанная.— Вышедъ въ уборную, сама намъ сказывать изволила, что гарнизонъ Каменца Подольскаго добровольно присягнулъ 21-го Апрѣля, въ день рожденія и причащенія Ея Величества. Я, Турчаниновъ и камердинеръ Тюльпинъ подошли къ рукѣ и поздравили; кромѣ насъ никого тутъ больше не было.—Мнѣ дали переписать записку и поставить по старшинству генералъ-маіоровъ: Богдана Кноринга, Ѳедора Берхмана, Ивана Неплюева и Василья Шереметьева, чтобъ дать имъ ленты Св. Анны.—Въ разговорѣ со мною зашла рѣчь о княгинѣ Еленѣ Никитишнѣ Вяземской. Я сказалъ, что для расплаты долговъ продаетъ городской домъ и Александровское. Какіе долги? По дѣламъ доказано, что давала деньги въ проценты и брала вещи подъ закладъ. Графъ Брюсъ говорилъ, что приказали ему осмотрѣть кладовыя.

3. По запискѣ, вчера посланной къ его высочеству Государю Цесаревичу, сегодня надѣтъ орденъ Св. Анны на князя Алексѣя Борисовича Куракина.

4. Вошелъ я съ почтой послѣ Пушкина Алеши. Сказывали, что Елагинъ дивится, откуда собранъ Родословникъ древнихъ князей Россійскихъ, и многое у себя въ исторіи поправилъ.—Дошли до занятія Польши. Владимиръ на Волынѣ мы теперь не взяли по причинѣ, но со временемъ надобно вымѣнять у Императора Галицію. Она ему не кстати, а нужна прибавка къ Венгріи изъ владѣнія Турецкаго.

5. Вошелъ послѣ Самойлова. Вдругъ сказали мнѣ, что онъ часъ отъ часу становится больше по рукѣ; съ прежнимъ у него равное усердіе, но нынѣшній умнѣе.

7. Спрошенъ при волосочесаніи для того: можно ли дать серебряную кружку Никитѣ Ѳедорову за пару бѣлыхъ павлиновъ? Я вѣдь даю кружки за другія дѣла? Отвѣчалъ, что тѣ кружки бываютъ съ надписью, за что пожалованы; а Никита Ѳедоровъ мужикъ богатый, и деньгами подарить его неловко. Рѣшились и пожаловали ему кружку въ 150 рублей. Послѣ обѣда переѣхали изъ Таврическаго въ Зимній дворецъ.

9. Въ придворной церкви совершено мѵропомазаніе принцессы Луизы Августы Баденъ-Дурлахъ, нареченной великою княжною Елисаветою Алексѣевною.

10. Обрученіе Елисаветы Алексѣевны съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

12. Послѣ обѣда переѣхали въ Царское Село. Мнѣ никакого приказанія не было; но камердинеры прислали ночью сказать, чтобъ, собравъ всѣ бумаги и книги, постарался скорѣе доставить.

13. Рано по утру исполнилъ приказаніе, разобралъ и отправилъ книги и бумаги, а самъ пріѣхалъ на вечеръ въ Царское Село.

15. Получилъ отъ Ея Величества благодарность за порядочное доставленіе ея бумагъ и книгъ, вчера по столамъ мною разложенныхъ.

19. Пришло извѣстіе, что умеръ графъ Михайло Никитичъ Кречетниковъ. Онъ пожалованъ въ графы 6-го Мая, а умеръ 10-го; слѣдовательно, и курьеръ съ указомъ до живаго не доѣхалъ.

25. Когда принесъ я почту, то изволила шутить; чтобъ, бывши на площадкѣ, я всегда садился на диванъ, а не на стулъ, за тѣмъ, что какъ упаду, то сама меня поднять не можетъ. Спрашивали еще, купаюсь ли я, и совѣтовали купаться чаще. Сіе отъ того вышло, что я на жаръ прежде жаловался.

29. Вчера въ вечеру умерла Марья Павловна Нарышкина. Ея Величество сказывала мнѣ о томъ съ сожалѣніемъ, вспомня, что въ молодыхъ лѣтахъ вмѣстѣ съ нею рѣзвились, и спрашивала: жива ли сестра ея, княгиня Щербатова? Но и та за годъ уже умерла.

30. Получено съ непріятностію извѣстіе изъ Голландіи съ попутнымъ курьеромъ, что въ Лондонѣ не хотѣли принять графа д'Артуа и выслали къ нему на встрѣчу пакетботъ, прикрывая отказъ тѣмъ, что по долгамъ можетъ онъ встрѣтить непріятности отъ своихъ заимодавцевъ въ Лондонѣ, гдѣ правительство, по законамъ Англійскимъ, его свободить отъ того не можетъ. Въ самомъ же дѣлѣ опасаются оппозиціи, чтобъ не подать ей права къ дальнѣйшимъ уликамъ касательно войны съ Франціею. Симъ поступкомъ очень недовольны здѣсь.

Іюнь. 1. Представленъ былъ Ея Величеству генералъ-аншефъ князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ. Онъ вызванъ изъ Москвы и опять вступаетъ въ службу.

8. Князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ благодарилъ за принятіе въ службу, за 10 т. на проѣздъ и деньги столовыя. Онъ приметъ команду надъ войсками, бывшими у графа Кречетникова.

9. Поповъ мнѣ божился, что, по дѣлу Новикова, я только въ одномъ реестрѣ прежнихъ масоновъ упомянутъ.

14. Державинъ мнѣ сказывалъ, что при немъ Ея Величество меня и Ал. Ив. Васильева назвала мартинистами, и что Новиковъ сочтенъ умнымъ и опаснымъ человѣкомъ.

19. Представленъ и хорошо принятъ le comte Choiseul-Gouffier, бывшій короля Французскаго министръ въ Цареградѣ и оттуда пріѣхавшій прямо къ намъ. Ему даютъ пенсію comme à S-t Priest, à Senac de Meilhan.

20. Поздно вчера пришла почта Московская. Дошла ко мнѣ во время туалета Ея Величества, и подалъ я сегодня, т. е. вмѣсто Воскресенья въ Понедѣльникъ. Тутъ попалъ глупый рапортъ Уфимскаго губернатора, генералъ-поручика Пеутлинга, съ пухлымъ описаніемъ о разграбленіи въ деревнѣ Каргалѣ одного обывательскаго дома, и что онъ послалъ 50 солдатъ и 100 Башкиръ для поимки тѣхъ воровъ. Принято съ жаромъ и велѣно мнѣ тотчасъ написать указъ. Я тогда же написалъ, чтобъ, поступая по 244-й статьѣ Учрежденій, немедленно распустилъ воинскую команду, и заготовленный указъ послалъ съ камердинеромъ.

23. Поповъ, читая предъ Ея Величествомъ рапортъ губернатора Каховскаго, довелъ до сильнаго изъясненія о себѣ, Каховскомъ и Тибекинѣ. Были слезы, и онъ сказалъ мнѣ, что имѣлъ случай оправдаться во всемъ, на него взведенномъ.

26. Отправили Попова въ Выборгъ, для осмотра случившагося тамъ пожара. Хотѣли послать Турчанинова, но нуженъ онъ для перестроекъ въ дворцахъ: Зимнемъ, Таврическомъ и въ Селѣ Царскомъ. Показалось, что Поповъ, при полученіи приказа, сдѣлалъ недовольное лицо. Говорено о томъ при волосочесаніи, напомня Турчанинова, который всюду ѣхать готовъ.

27. У Самойлова подписанъ указъ, чтобъ Ал. Ив. Васильеву быть главнымъ директоромъ Медицинской Коллегіи.

29. Надѣты ордена Св. Анны: на Воронежскаго губернатора Осипа Хорвата и на С.-Петербургскаго вице-губернатора Новосильцова за Екатеринославскій винный откупъ; да еще на камергера Степана Степановича Колычова, и тѣмъ только ознаменованъ день Петра и Павла.

30. Графъ Безбородко показалъ мнѣ свою записку, касательно его и дѣлъ Польскихъ, отъ него скрываемыхъ, прося увольненія, буде не нуженъ. Вся записка его руки, и, по совѣту моему, подана Ея Величеству Зах. Конст. Зотовымъ *).

Іюль. 1. Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана и къ графу Безбородкѣ возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ.

---

*) Эту собственноручную записку гр. Безбородки мнѣ случилось видѣть въ собраніи матеріаловъ для біографіи его, извлеченныхъ Н. И. Григоровичемъ изъ Диканьскаго Архива князя С. В. Кочубея. Записка писана на трехъ золотообрѣзныхъ листахъ съ слѣдующею надписью: „Къ собственному прочтенію Ея Императорскаго Величества“.

5. Нездоровы.—Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать упомянутый на записку его собственноручный Ея Величества отвѣтъ. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія. Писано, въ видѣ оправданія, противъ графской записки, со включеніемъ слѣдующаго: всѣ дѣла вамъ открыты; Польскій сеймъ отправляется публично, и отвѣты къ Сиверсу или у васъ заготовляютъ, или вамъ и вице-канцлеру показываютъ, и я при подписаніи всегда о томъ спрашиваю; но что̀ я сама пишу, въ томъ отчетомъ не обязана. Вы сами говорили о слабости здоровья своего и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ отклонялись; челобитчиковыми же, думаю, никто не занимается: ибо всѣ просьбы присылаются ко мнѣ чрезъ Почтамтъ, какъ и вамъ извѣстно. Кончено тѣмъ, что когда вы не столь много обременены дѣлами, то можете имѣть время смотрѣть, чтобъ исполнялись мои повелѣнія. Графъ мнѣ сказалъ, что послѣ сего никакого съ нимъ разговора не было. Онъ 7-го числа ѣдетъ въ Москву, по данному уже на 4 недѣли дозволенію.

7. Графъ Безбородко, поутру, поѣхалъ въ Москву. Въ 11-мъ часу вечера прислана ко мнѣ собственноручная записка, чтобъ отыскать министерскую почту и доставить къ Ея Величеству. Сегодня Четвертокъ *).

8. Пятница. Требованную почту доставилъ въ 7-мъ часу утра. Читана самимъ его императорскимъ высочествомъ. Ни Зубова, ни секретаря тутъ не было.

10. Сдѣланъ мнѣ вопросъ о графѣ Безбородкѣ, когда онъ возвратится? Отвѣчалъ, что 3-го или 4-го Августа. Какъ! Я считала, что онъ поѣхалъ только на 10 дней? Вотъ хорошо, уѣзжать, когда самъ знаетъ, что есть до него дѣло. (Показывая на бумаги къ торжеству Турецкаго мира). Будетъ 4-го Августа, а дѣло надобно кончить ко 2-му Сентября; да самъ же и жалуется, что не поручаю дѣлъ.

12. Зубовъ призывалъ Трощинскаго, и подписали изъ заготовленнаго графомъ Безбородкой сокращенный манифестъ, чтобъ всемѣстно праздновать миръ 2-го Сентября.

13. Поповъ ходилъ съ кабинетскими бумагами и вышелъ удостовѣреннымъ, что на три года Ея Величество будетъ брать изъ Кабинета только по 2 м[илліона] въ годъ, а $2^1/_2$ м[илліона] оставлены на платежъ долговъ. Я вошелъ послѣ, и Ея Величествомъ мнѣ тоже подтверждено въ видѣ вопроса. Отвѣчалъ, что сіе зависитъ отъ вѣрной калькуляціи долговъ и исправнаго по срокамъ платежа. Я и велѣла то сдѣлать и составлю особый Комитетъ.

*) См. пис. имп. Екатерины, пис. 147.

14. Сего утра, Державинъ докладывалъ по Сутерландову дѣлу. Тутъ я похваленъ Ея Величествомъ, съ отданіемъ справедливости въ средствахъ моихъ къ вѣрной сохранности денегъ заграничныхъ, въ чемъ самомъ послѣ меня упущеніе сдѣлано *).

15. Какъ Поповъ сталъ повѣрять вѣдомости кабинетскія, то другой вышелъ разсчетъ: всего дохода въ годъ до 3,900,000 р[ублей], окладныхъ выдачъ 1,900,000 р., долговъ до 7,000,000, и на диспозицію думаютъ ежегодно оставлять только 1,200,000 р[ублей].

17. По прочтеніи Московской почты, приказано мнѣ читать иностранную. Пріѣхалъ изъ Гродны курьеръ съ извѣщеніемъ, что бывшіе на Сеймѣ затрудненія въ уступкѣ земель, нами занятыхъ, кончились, и трактатъ подписанъ 11-го Іюля, въ день рожденія и имянинъ великой княжны Ольги Павловны.

20. При благосклонномъ пріемѣ подписаны у меня разные указы. Сказано мнѣ, что Самойловъ въ генералъ-прокурорахъ еще новъ, да и въ финансахъ много слушаетъ другихъ. Въ продолженіе разговора, вышла похвала физическому и моральному воспитанію велик. князя Александра Павловича. Ежели у него родится сынъ и тою же Англичанкою также семь лѣтъ воспитанъ будетъ, то наслѣдіе престола Россійскаго утверждено на 100 лѣтъ. Какая разность между воспитаніемъ его и отцовскимъ! Тамъ не было мнѣ воли сначала, а послѣ, по политическимъ причинамъ, не брала отъ Панина. Всѣ думали, что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ. Примѣть, что пядень его руки и слѣдъ ноги доказываютъ, каковъ долженъ быть его ростъ.

23. Предъ обѣденнымъ столомъ пожалованъ гр. Пл. Зубову портретъ Ея Величества и орденъ Св. Андрея, а на Аркадія Моркова возложенъ орденъ Св. Александра.

24. Читано мнѣ родословіе князей Литовскихъ по теченію исторіи, въ коей Ея Величество упражняется. Разговоръ о Зоричѣ. Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ худое; былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ. И виноватъ по дѣлу гр[афовъ] Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ.

25. Подписаны у Самойлова указы: о бытіи гр. П. Зубову въ должности ген[ералъ]-губернатора Екатеринославскаго и Таврическаго. Боку присутствовать въ Военной Коллегіи на мѣстѣ умершаго Ив[ана] Ник[итича] Болтина, генералъ-провіантмейстеромъ Новосильцову, а Тибекину Петербургскимъ вице-губернаторомъ; но онъ, услыша о семъ, бросился со слезами къ Зубову, чтобъ не переводить его изъ Екате-

*) Слѣдовательно и это приписано Храповицкимъ уже въ бѣловой рукописи Дневника. П. Б.

ринославской губерніи. Тамъ хочется ему быть губернаторомъ, сверзя антагониста своего Каховскаго.

27. Сказывалъ Поповъ, что Бока зачернилъ Самойловъ за то только, что Бокъ увѣрялъ, по точнымъ словамъ Фалѣева, что покойникъ князь, видя въ болѣзни попеченіе о немъ графини Браницкой, хотѣлъ отдать ей все свое имѣніе.

31. Ея Величество, въ шуткахъ, похуля мою шпагу, пожаловала мнѣ изъ новокупленныхъ Тульскій ефесъ.

Августъ. 2. Новосильцовъ привезъ статскаго совѣтника Ивана Алексѣевича Алексѣева и представилъ Ея Величеству, яко кандидата въ С.-Пб. [С.-Петербургскіе] вице-губернаторы. Въ разговорѣ показался хорошъ. Но отпустя его и узнавъ, что былъ при князѣ Репнинѣ, опросили: не мартинистъ ли онъ? Новосильцовъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и Самойловъ справлялся со спискомъ.

4. Въ девятомъ часу вечера возвратился изъ Москвы графъ Безбородко.

5. Часу въ одиннадцатомъ утра поѣхалъ изъ Ц[арскаго] С[ела] Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ съ Баденскою принцессою. — Графъ Ал. Ан. Безбородко говорилъ со мною откровенно, отдалъ поклонъ отъ графа Ал. Ром. Воронцова. По истинѣ, онъ лично обиженъ, недоволенъ Морковымъ и общею его администраціею съ Зубовымъ; ибо и князь Потемкинъ въ дѣла политическія не мѣшался. Миръ Турецкій и планъ занятія Польши непосредственно принадлежатъ графу Безбородкѣ; но по первому надѣтъ орденъ Св. Андрея прежде на Самойлова, а по второму все отнесено къ Зубову и Моркову.

7. Читавъ въ Московской почтѣ донесеніе князя Прозоровскаго, касательно окончанія дѣла о книгопродавцахъ, торговавшихъ запрещенными книгами; при вопросѣ: почему запрещена «Киропедія?», нашелъ я случай изъясниться о старомъ масонствѣ, что былъ въ ложѣ Александра Ильича Бибикова, и что я же перевелъ «Société anti-absurde», сочиненія Ея Величества. Кажется, что выслушанъ хорошо, и нѣкоторыми отзывами отдѣленъ отъ нынѣшнихъ мартинистовъ.

8. Выпущены указы о Бокѣ и Новосильцовѣ. На мѣсто послѣдняго въ СПБ. [С.-Петербургскіе] вице-губернаторы опредѣленъ Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, и указъ подписанъ.

10. Новосильцовъ пріѣхалъ въ генералъ - провіантмейстерскомъ мундирѣ. Хвалили при мнѣ его способность и честность. Въ то время, какъ онъ докладывалъ, былъ для навыка и новый вице-губернаторъ.

16. Были у обѣдни. Большой столъ. Не раздѣлися и въ 3 часа изъ Царскаго Села поѣхали въ Таврическій дворецъ. Мнѣ оставлена

записка для разбора бумагъ, изъ коихъ часть отослалъ я съ камердинерами въ Таврическій, а большой остатокъ въ Зимній дворецъ *).

17. Я разобралъ и разложилъ книги и бумаги въ Зимнемъ дворцѣ. Прилежное Ея Величествомъ продолжается разсмотрѣніе бумагъ къ мирному торжеству.

23. Издано утвержденное Ея Величествомъ постановленіе о мирномъ торжествѣ, которое начнется 2-го Сентября и 15-го кончится фейрверкомъ.

29. Изъ дворца Таврическаго ѣздили ко всенощной въ Невскій монастырь, и оттуда прибыли на ночь въ Зимній дворецъ.

31. Изъ Зимняго Ея Величество переѣхать изволила въ Таврическій къ обѣденному столу, и тамо остаться. Сего утра всѣ бумаги для мирнаго торжества подписаны.

Сентябрь. 1. Къ ночи изъ Таврическаго переѣхали въ Зимній дворецъ.

2. Торжество мира. Я пожалованъ въ тайные совѣтники и сенаторы, окончa тѣмъ службу при дворѣ.

3. Благодарилъ Ея Величество въ ея кабинетѣ и поднесъ, на прощаніи, три рѣзные камня, бывъ принятъ благосклонно.

5. Приносилъ благодарность ихъ императорскимъ высочествамъ.

7. Въ Сенатѣ мнѣ сказанъ чинъ, и я приведенъ къ присягѣ.

КОНЕЦЪ.

---

*) См. письма имп. Екатерины, пис. 148.

Французскія письма къ барону А. Я. Бюлеру, во время заграничной кампаніи 1799 года, благодаря условному языку, безцвѣтны по слогу, хотя въ нихъ немало любопытныхъ мелочей. Въ концѣ Октября Суворовъ писалъ: „Я увѣренъ, что вы, баронъ, не можете не раздѣлить моего негодованія по поводу ложныхъ сообщеній, напечатанныхъ Французами въ различныхъ газетахъ, и позволяю себѣ послать вашему превосходительству прилагаемый при семъ краткій правдивый разсказъ о моемъ переходѣ черезъ Альпы, съ просьбой помѣстить его по возможности скорѣе по-французски и по-нѣмецки въ наиболѣе распространенныхъ газетахъ.“ Къ сожалѣнію разсказа этого не приложено; слѣдовало бы поискать его въ современныхъ иностранныхъ газетахъ. Замѣтимъ въ заключеніе, что напрасно г. Алексѣевъ считаетъ помѣту Суворова Alessandrie, вмѣсто Alexandrie, опиской: Суворовъ очевидно имѣлъ въ виду Итальянское названіе города Alessandria. В. Б.

„Жизнь и труды М. П. Погодина“, книга XV-я. **Николая Барсукова.** С.П.Б. 1901, 8-ка, XIV и 522 стр.

Продолженіе труда Н. П. Барсукова обнимаетъ собою разсказъ о событіяхъ 1856—1857 годовъ. Онъ начинается повѣствованіемъ о короновании императора Александра II. Вслѣдъ за симъ идетъ разсказъ о запискахъ, представленныхъ Погодинымъ по поводу дѣлъ Россіи, внутреннихъ и внѣшнихъ. Между прочимъ тутъ разсказывается о запискѣ Погодина по поводу событій въ Польшѣ и о соображеніяхъ его по вопросу объ устройствѣ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. Въ высшей степени любопытно то, что сообщаетъ Н. П. Барсуковъ по поводу появленія въ свѣтъ (за границей), при участіи Погодина, статьи покойнаго священника Бѣлюстина „О сельскомъ духовенствѣ“; въ свое время появленіе этой статьи вызвало большое оживленіе, и содѣйствіе Погодина къ ея напечатанію въ Лейпцигѣ можетъ быть поставлено въ число гражданскихъ его заслугъ. Не меньшій интересъ возбуждаетъ въ читателѣ разсказъ автора о полемикѣ, возбужденной появленіемъ статьи Григорьева о Грановскомъ; мы всѣ помнимъ ожесточенныя нападки, которымъ подвергался покойный Григорьевъ за эту статью, и то, какъ благодушно относился онъ къ этой полемикѣ. Также полны животрепещущаго интереса сообщаемыя г. Барсуковымъ данныя по поводу диспута Б. Н. Чичерина въ Московскомъ Университетѣ. Диспутъ этотъ повелъ къ обширной полемикѣ съ участіемъ покойнаго проф. Крылова, а также и Леонтьева: она была весьма страстная и мѣстами не служила къ чести споровшихъ, которые значительно увлекались. Всѣ эти эпизоды переданы авторомъ съ рѣдкою живостью изображенія и производятъ прекрасное впечатлѣніе на читателя, особенно того, кто помнитъ лицъ, о которыхъ ведется рѣчь. Было-бы очень затруднительно перечислять въ подробности все, чѣмъ полна книга Барсукова. Въ виду всѣмъ еще памятныхъ событій въ нашей академической жизни, не можемъ не обратить особеннаго вниманія на тѣ главы его книги, въ которыхъ идетъ разсказъ о происходившихъ въ Московскомъ Университетѣ безпорядкахъ: то, что говоритъ почтенный авторъ, можетъ быть, mutatis mutandis, приложено и къ настоящему времени, и въ тѣмъ большую заслугу г. Барсукову надо поставить его правдивыя слова объ этихъ событіяхъ. Отъ души желаемъ, чтобы Николай Платоновичъ безпрепятственно окончилъ свой капитальный трудъ.

И. Помяловскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1901 года.
(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ **двѣнадцатью выпусками,** которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884**, **1886**, **1887**, **1888** и **1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкоюпо 7 р.; годы **1898—1900** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

XXXIX.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

10.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

К. Я. Гротъ. Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго. С.Пб. 1901. 8-ка, 36 стр.

Эти дополненія извлечены изъ бумагъ П. А. Плетнева, сочиненія и переписка котораго изданы покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ, но еще не вполнѣ, какъ свидѣтельствуетъ сынъ издателя. 4 (16) Ноября 1838 г. Жуковскій писалъ Плетневу: „Я живу въ Венеціи окнами на Piacetta di S. Marco и на дворецъ дожей, котораго огромныя окна смотрятъ на меня, какъ отворенныя глаза мертваго великана: и величественно, и страшно, и печально. Одинъ только Байронъ умѣлъ сказать, чтò такое Венеція; а я пока не умѣю.—Въ Комо и Миланѣ я провелъ много времени съ Тютчевымъ, который стòитъ своихъ стиховъ“. Нынѣ читатели уже знаютъ, какъ мѣтко-справедливъ этотъ отзывъ о человѣкѣ, въ то время почти неизвѣстномъ въ печати. Жуковскій тогда путешествовалъ за границею, сопровождая Наслѣдника, и писалъ о томъ письма къ его старшей сестрѣ, еще недавно своей ученицѣ. „Писать къ ней истинное наслажденіе, ибо въ ея умѣ и сердцѣ есть на все отголосокъ, и съ нею легко быть откровеннымъ въ лучшія минуты жизни, и въ минуты простыя, и въ минуты вдохновенныя“. Сохранились ли эти письма Жуковскаго? Ихъ слѣдуетъ поискать для предстоящаго изданія его сочиненій. Покойный И. И. Глазуновъ сказывалъ намъ, что кто-то продавалъ ему письма къ Великой Княгинѣ Маріи Николаевнѣ достопамятныхъ лицъ.

На стр. 10—23 помѣщены прекрасное письмо къ Плетневу отъ вдовы Жуковскаго, отъ его тестя и рядъ писемъ на Русскомъ языкѣ отъ Х. Х. Рейтерна (это братъ министра финансовъ), изъ которыхъ въ одномъ находится описаніе кончины Жуковскаго (12 Апрѣля ст. ст. 1852). Его похоронили на Баденскомъ кладбищѣ въ склепѣ, гдѣ теперь покоится его единственная дочь, баронесса Александра Васильевна Вѣрманъ († 14 Сент. ст. ст. 1899 г. въ Баденѣ); тѣло же поэта въ Августѣ 1852 года перевезено въ Александроневскую лавру. (П. А. Плетневъ мнѣ передавалъ, что М. П. Погодинъ просился, чтобы его послали за этимъ въ Баденъ).

Цѣнители поэзіи и жизни человѣка, какимъ былъ для Россіи В. А. Жуковскій, благодарны К. Я. Гроту за эту небольшую тетрадь (отдѣльный оттискъ изъ VI тома „Извѣстій Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ), а люди, знакомые съ монументальными трудами его отца Якова Карловича, радуются, что онъ съ такимъ успѣхомъ идетъ по стопамъ его, издавъ его сочиненія и переписку его съ П. А. Плетневымъ, представляющія собою многоцѣнный вкладъ въ исторію Русскаго просвѣщенія. П. Б.

*

Въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія нынѣшняго года (Іюнь и Іюль) напечатана превосходная статья Е. Сидорова: *„Литературное Общество „Арзамасъ“*. Это почти полный сводъ всего, чтó до сихъ поръ извѣстно было объ этой забавѣ цѣлаго кружка даровитыхъ людей Александровскаго времени. Нѣкоторыя обобщенія кажутся намъ излишними, и недовольно оцѣнена Арзамасская дѣятельность В. А. Жуковскаго, который въ сущности былъ тутъ главнымъ затѣйщикомъ и устроителемъ. Онъ до конца дней своихъ былъ неистощимый смѣхотворъ. Не даромъ Пушкинъ говорилъ, что у него „чертовски-небесная душа“. Автору неизвѣстно, что попытка будущихъ Декабристовъ придать „Арзамасу“ значеніе политическое была устранена Д. Н. Блудовымъ, который произнесъ о томъ особую рѣчь. Ждемъ изъ „Остафьевскаго Архива“ дополненій къ цѣнному и добросовѣстному изслѣдованію г-на Сидорова. П. Б.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1828-й годъ [1]).

Померанье, 12 Марта 1828.

Не знаю, гдѣ наткнусь на почту, но начинаю письмо это въ Померанье, любезнѣйшій братъ. Костя[2]) вызвался тебѣ писать изъ Царскаго Села. Вотъ двѣ горестныя для меня разлуки, особенно же Петербургская. Я было привыкъ жить съ тобою и видѣть тебя цѣлый день, но не ропщу, а желаю только, чтобы чаще это повторялось. Жалѣю о тѣхъ, кои не въ такой легкой повозкѣ, какъ я: на дорогѣ навозъ, а гдѣ и земля голая, и снѣгу почти нѣтъ; ѣду однакоже хорошо. Выѣхавъ изъ Царскаго въ шесть часовъ, я въ полночь сюда прибылъ. Кибитка очень покойна; я въ ней и сидѣть могу хорошо и спать. Россини все спитъ; это бы ничего, да на моемъ плечѣ, а какъ разбужу и стану урезонивать, то увѣряетъ: вамъ это кажется. Охъ, досадно!

Я встрѣтилъ графа Кутайсова, къ вамъ возвращающагося, и какую-то княгиню Вяземскую. Ужъ не Вѣра ли это? Дорогою воображалъ я себѣ, что̀ съ вами у Кіарини; слышу смѣхъ дѣтей и радость ихъ.

Ну, братъ, что̀ волковъ на дорогѣ! Такъ стадами и ходятъ, да около самой дороги, и пребольшіе. Ружьемъ могли бы себѣ настрѣлять цѣлую шубу. До Царскаго все шелъ дождь, теперь дорога хороша, мѣсячныя ночи, подмораживаетъ, лучшее время для ѣзды.

*

Спаская Полесть, 6 ч. утра.

Такъ спалъ въ кибиткѣ, что насилу разбудили пить кофей и чай. Съѣхался я здѣсь съ какимъ-то Оренбургскимъ помѣщикомъ Неплюевымъ, везущимъ дѣтей своихъ въ ученье въ Петербургъ; выходитъ, что онъ родня Петрушѣ Булгакову. Вся сбруя ихъ самая Азіатская.

---

[1]) См. выше, стр. 5-я. Первыя здѣсь помѣщаемыя письма писаны съ возвратнаго пути изъ Петербурга, гдѣ А. Я. Булгаковъ гостилъ у своего брата слишкомъ полгода.

[2]) Старшій сынъ А. Я. Булгакова, обучавшійся въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Ночью подморозило, и лучше было ѣхать кажется, а, можетъ быть, и оттого, что спалъ. Въ Чудовѣ слышалъ, что Аракчеевъ пріѣхалъ въ Грузино, ѣздилъ къ какой-то роднѣ въ деревню и жилъ тамъ съ братомъ, также изъ Кіева пріѣхавшимъ съ мѣсяцъ. У него былъ Московскій Писаревъ въ гостяхъ.

*

Хорошилово, Вторникъ, 8 ч. утра.

Начались ухабы, и къ Москвѣ, говорятъ, ихъ столько, сколько звѣздъ на небѣ. Я ѣду благополучно и довольно скоро, какъ видишь. Ночью встрѣтилъ я фельдъегеря отъ Паскевича; съ нимъ ѣдетъ какой-то князь, генералъ-майоръ, занемогшій дорогой. Вотъ почему и опоздало извѣстіе о мирѣ.—Ежели можно, сдѣлай благодѣяніе здѣшнему смотрителю: онъ служитъ 25 лѣтъ, изъ почтальонскихъ дѣтей, имѣетъ пять малютокъ и слѣпую мать въ Кашинѣ. Опредѣли его туда въ экспедиторы; тамъ умеръ экспедиторъ. Этотъ, кажется, исправенъ и трезвъ.

*

Торжокъ, Вторникъ, 9 час. вечера.

Два только было приключенія. 1-е: на Валдайскихъ горахъ вывалили коляску какого-то полковника-Нѣмца изъ Риги, ѣдущаго къ мѣсту въ Шую, и поднялся вопль, крики, посыпались изъ кибитки дѣти грудныя и всякихъ лѣтъ, штукъ пять; мы подъѣхали имъ помогать. Слава Богу, никто не ушибся, а одному малюткѣ лѣтъ 4 такъ понравилось кувырканіе, что онъ все твердилъ: мама, еще! 2-е: ѣдемъ мимо деревни, вижу прибита медвѣжья шкура на фасадѣ одной избы и всю почти занимала средину. Что̀ такое, спрашиваю ямщика? Такъ, батюшка; вотъ мужикъ, знаешь, балагуритъ, лѣсъ недалеко, такъ вчера къ нему медвѣдь и приди, да почти на дворъ. Коровы ревѣтъ, лошади также, а мужикъ рѣзалъ хлѣбъ, да говоритъ: дай-ка посмотрю, что̀ такое. Да и пошелъ, и ножъ-то взялъ съ собою, словно будто зналъ, да медвѣдю-то и распоролъ брюхо, да шкуру-то вотъ и прибилъ къ избѣ, чтобы ребятъ забавлять. Разскажи-ка это Матушевичу. Вотъ un héros sans s'en conter. Ломоносова я еще не встрѣчалъ, а съ Бенкендорфомъ*) и Грибоѣдовымъ разъѣхался.

*

Завидово, Среда вечеромъ.

Что̀ это за скверная дорога! Вообрази себѣ море, волнуемое бурею и которое бы вдругъ окаменѣло: вотъ большая дорога. Въ Мѣдномъ нашелъ я графиню Растопчину, ѣдущую въ Петербургъ. Она ѣхала 58 часовъ изъ Москвы, до Черной Грязи тащилась почти сутки и тамъ ночевала, но за то не карета у нея, а домъ. Какъ ее сто

*) Это братъ шефа жандармовъ.

разъ не вывалили, не понимаю. Она сказывала, что Ираклію Маркову сдѣлался ударъ, а княгиня Трубецкая, урожденная княгиня Прозоровская, что̀ недавно замужемъ, умерла, бѣдная, въ родахъ отъ оплошности, говорятъ, докторовъ. Здѣсь, т. е. въ Завидовѣ, встрѣтилъ я графиню Чернышову, удивился. Одна умерла. Неужели это Анна Родивоновна? [1]) Вышло, что жена генералъ-адъютанта.

*

Москва, 16 Марта 1828.

Я еще какъ въ чаду. Пріѣхалъ вчера поздно въ Москву, промѣшкавъ часовъ 8 на двухъ послѣднихъ станціяхъ. Дали мнѣ мерзкихъ лошадей, а ямщикъ одинъ бросилъ меня на дорогѣ и бѣжалъ. Я шелъ пѣшкомъ до села Чашникова, гдѣ нанялъ тройку крестьянскихъ. Всѣ находятъ, что я поправился, и подлинно по старому сюртуку и жилету, кои здѣсь надѣлъ, я сталъ толще. Какъ быть иначе, блаженствовавъ съ тобою семь мѣсяцевъ! Я право восхищенъ ласками князя П. М. [2]), твоего князя [3]) и вообще всѣхъ большихъ господъ.

*

Москва, 17 Марта 1828.

Поутру рано забрались Архивскіе ко мнѣ, одинъ послѣ другого; не хотѣлъ ихъ обидѣть при первой встрѣчѣ, всѣхъ долженъ былъ принимать. Какъ ни торопился, прежде 11 часовъ выѣхать не могъ. Пустился прямо къ Малиновскому. Сперва при женѣ его начался разговоръ поверхностный, а тамъ отвелъ онъ меня въ свой кабинетъ; тамъ была исповѣдь, продолжавшаяся два часа. Я счелъ, что всего лучше быть откровеннымъ; что̀ зналъ о штатахъ, ему сказалъ, прибавя, что онъ вѣрно довѣренность мою во зло не употребитъ и меня не компрометируетъ. Очень было ему не по душѣ, что званіе управляющаго съѣзжаетъ на директора.—Меня гонятъ вонъ, почему это? Какъ же сенатора дѣлать директоромъ Архива?—Да развѣ Обрѣзковъ М. А. не былъ также директоромъ департамента и вмѣстѣ сенаторомъ? — Все сдѣлали, меня не спросясь; какъ съ вами говорили о новыхъ штатахъ, такъ и со мною могли бы посовѣтоваться.—Да со мною говорили потому, что я случился въ Петербургѣ, а вы были въ Москвѣ. Да на счетъ штатовъ меня не спрашивали ни слова, а только, кого я полагалъ способнымъ ко всякому мѣсту.—Меня графъ Н. давно гонитъ, по милости этого шельмы Шульца.—Помилуйте, А. Ф. Шульца черви съѣли. Да чѣмъ могъ онъ вамъ вредить у графа: одинъ въ Москвѣ былъ, другой въ Петербургѣ. Вы напрасно на графа жалуетесь; во-первыхъ, онъ

---

[1]) Вдова Екатерининскаго гр. Захара Григорьевича; она прожила еще лѣтъ восемь.
[2]) Волконскаго. — [3]) А. Н. Голицына.

вамъ доставилъ въ коронацію Владимирскую звѣзду; ежели бы онъ васъ гналъ, то не назначилъ бы директору болѣе жалованья, нежели имѣете теперь, яко управляющій.—Мнѣ ждать нечего, я старѣю, глаза мои плохи; я оставлю Архивъ и очищу вамъ мѣсто.—Ежели здоровье гонитъ васъ прочь, это другое дѣло.—Да и вамъ будетъ это непріятно: всѣ скажутъ, что вы ѣздили въ Петербургъ, чтобы меня лишить мѣста.—Я не боюсь этого нареканія; я имѣю честное имя, сколько всегда могъ, угождалъ всякому, а никому не вредилъ; интриговать не мое дѣло, совѣсть моя чиста передъ вами; ежели вы отойдете, я все имѣю право васъ замѣстить по старшинству; ежели вы останетесь, мнѣ очень будетъ это пріятно.

Долго онъ горячился, жаловался на Нессельрода, хвасталъ, что Государь его знаетъ, кланяется ему всегда, когда его встрѣчаетъ и что не попуститъ его обидѣть.—Вѣрю этому, однакоже Государь штаты утвердилъ.—Архивъ придетъ въ упадокъ безъ меня.—Почему же? Н. Н. Каменскій умеръ, а Архивъ все-таки процвѣтаетъ. Я былъ бы дуракъ, ежели бы сталъ себя ровнять съ вами; но вы такой завели порядокъ, что управленіе дѣлается весьма легкою работою. Смягчаясь и горячась попеременно, онъ, наконецъ, сталъ у меня просить совѣта, т. е. это была западня, въ которую онъ меня однакоже не уловилъ. На вашемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, я бы остался въ Архивѣ директоромъ. —Что же ждать мнѣ, чтобы меня выгнали?—Помилуйте, да кто думаетъ васъ выгонять? И что̀ это за кладъ Московскій Архивъ, и какъ выгнать того, кто 48 лѣтъ служилъ?—Къ чему меня служба Архивская поведетъ?—Ну, конечно, ни чина д. т. с., ни Александровской вы не получите.—Такъ лучше отойти, какъ скоро штаты выдутъ?—Тогда вы покажете, что недовольны; а останьтесь лучше послѣ штатовъ нѣсколько времени, и ежели подлинно здоровье ваше плохо, попросите увольненія.—Я бы сдѣлалъ такъ, но желалъ бы отойти съ нѣкоторою выгодою; напримѣръ, кабы мнѣ сохранили мой окладъ теперешній, тогда оставилъ бы я мѣсто свое безъ неудовольствія.—Я почти увѣренъ, что графъ Нессельроде не отказалъ бы вамъ исходатайствовать это; вы все имѣете право за 48-лѣтнюю службу; впрочемъ, все это предположенія одни, ибо и штаты еще не существуютъ и пр.

Онъ сказалъ, что будетъ со мною еще говорить, что обдумаетъ хорошенько, благодарилъ очень за откровенность, съ коею я ему говорилъ. Мы разстались очень хорошо, но въ душѣ у него заноза противъ меня. Судя о другихъ по себѣ, онъ долженъ полагать во мнѣ скрытнаго злодѣя. Я тебѣ передаю эссенцію моего разговора съ нимъ, скажи мнѣ свои мысли. Я тебѣ признаюсь, что начальство надъ Ар-

живомъ только для того меня льститъ, что ежели Малиновскій отойдетъ, то тогда, какъ говорили Полѣновъ и графъ Н., мое мѣсто уничтожится теперешнее, и окладъ присутствующаго сольется съ окладомъ директора, что̀ составитъ тысячъ семь, съ надеждою, что со столовыми со временемъ возрастетъ онъ до 10 т. Я буду счастливъ; мнѣ не надобно ничего, а въ томъ ручаюсь, что пользу принесу и службѣ, и исторіи [1]).

Я живо вспоминаю счастливое время, которое провелъ съ тобою. Для меня было бы блаженство раздѣлять съ тобою всѣ твои радости, утѣхи и заботы. Я не безъ пользы былъ бы для тебя по многимъ отношеніямъ, но какъ быть! Такъ Богу угодну. Ангельская душа, наслѣдованная Сашкою [2]) у тебя, очень мнѣ извѣстна и, прощаясь съ нимъ, я самъ съ трудомъ могъ удержать слезы; но послѣ, посмотря назадъ и видя васъ обоихъ, стоящихъ у шлагбаума, далъ волю слезамъ, и это меня облегчило, хотя и было немного стыдно Россини.

У Бенкендорфа осталась моя статья о театрѣ. Я не имѣю копіи; онъ сказалъ, что въ тотъ же вечеръ мнѣ возвратитъ, но видно забылъ. Вотъ для него статейка моя о журналахъ. Чтобы онъ зналъ, что я не одними глупостями занимаюсь, доставь ему.

*

Москва, 19 Марта 1828.

Занимательно очень дѣло графа Кочубея, которое будетъ судиться. Графъ В. П. купилъ имѣніе, которое нельзя было продать, и владѣть имъ принадлежало мѣщанину. По закону должно отобрать имѣніе и возвратить деньги графу; но имѣніе изъ худого положенія приведено въ цвѣтущее пожертвованіями. Кто же за это вознаградитъ покупщика? Дѣло это много занимаетъ публику.

Былъ у меня Мамоновскій дядька Зандрартъ. По истеченіи срока, онъ отходитъ; а я въ томъ поручусь всѣмъ на свѣтѣ, что другого, какъ онъ, не найдутъ не только здѣсь, но нигдѣ. Твой отходъ очень ихъ всѣхъ огорчаетъ. Фонъ-Визинъ и Маркусъ иначе не хотятъ оставаться, какъ ежели согласятся на нѣкоторыя ихнія распоряженія. Графъ все въ томъ же положеніи, но тихъ, пишетъ все Mémoires; много очень хорошаго и много вздору [3]). Удивительно, какъ онъ помнитъ наизустъ всѣ обстоятельства, самыя мелкія, и эпохи, числа, своей молодости даже. Опять говѣетъ, говѣлъ уже на первой недѣлѣ, все шло прекрасно; но какъ дойдетъ до исповѣди, то тутъ священникъ долженъ отка-

---

[1]) Т. е. исторіографіи.

[2]) Это сынъ Константина Яковлевича Булгакова, Александръ Константиновичъ умершій въ наши дни холостякомъ и оставившій по себѣ самую свѣтлую память.

[3]) См. статью Н. С. Киселева о Запискахъ графа Мамонова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1868 г. и замѣчанія графа на книгу Кастера о Екатеринѣ тамъ же 1877, III, 389.

заться: онъ исповѣдывается, какъ императоръ, говоря о царскихъ своихъ обязанностяхъ.

*

Москва, 20 Марта 1828.

Мнѣ, право, надоѣла уже Москва своими визитами, разспросами, вѣстями и пр. Ежели бы могъ я пріѣхать прямо въ Семердино, очень былъ бы доволенъ; зналъ бы только свою семью, а то съ ними-то и не даютъ мнѣ быть: надобно все или рыскать, или принимать гостей; а, кажется, протрубилъ я, что говѣю. Хоть бы говѣльщика оставили въ покоѣ.

Я здѣсь занялся разборомъ одного изъ присланныхъ изъ Петербурга ящиковъ, гляжу—Польскія дѣла 1769 года; развертываю книгу, и первая бумага батюшкиной руки: черновая реляція къ Императрицѣ; тогда былъ онъ секретаремъ при Репнинѣ, кажется. Разборъ бумагъ сихъ будетъ доставлять мнѣ великое удовольствіе. Съ Малиновскимъ все толковали о Калайдовичѣ, который точно сумасшедшій, но какъ скоро перо беретъ въ руки, пишетъ хорошо, умно, основательно, а дѣйствуетъ все вопреки. Какъ удосужусь, поѣду его навѣстить. Скажи Вяземскому, чтобы далъ мнѣ адресъ къ княгинѣ, а то не знаю, куда писать къ ней *).

*

Москва, 21 Марта 1828.

Тесть былъ у меня вчера, какъ я получилъ почту. Я сказалъ о графствѣ и деньгахъ Паскевичу, о мирѣ и пр. Только гляжу: папахенъ, покуда я сходилъ въ кабинетъ, скрылся; спрашиваю, гдѣ? Уѣхалъ: вѣрно барабанить! Только черезъ два часа опять является. Знаешь, откуда я?—Не знаю, скажите.—А былъ я у новой графини Эриванской. Вообрази, что не было болѣе часу, что она это знала; почта пришла также скоро, какъ эстафета, которую отправилъ къ ней съ симъ извѣстіемъ Сухозанетъ. Она въ восхищеніи, и пропасть валитъ къ ней народу; она имъ сказывала, что мужъ ея очень любитъ Конст. Яковлевича, а я отвѣчалъ, que c'est la maladie de tout le monde. О Грибоѣдовѣ она не знала ничего, я ей первый сказалъ, а вѣдь онъ ей cousin; она просила, что̀ и впредь узнаю ей сообщать и пр. и пр. Гдѣ мнѣ пересказать тебѣ все, что̀ тесть мнѣ тутъ наговорилъ! Также сказывалъ, что Ермоловъ очень обрадовался миру, прибавя: счастливъ Паскевичъ, въ годъ получилъ то, что̀ другіе пріобрѣтаютъ въ полвѣка; только ежели не выговорили соляныя руды (не помнилъ тесть, какія), то пріобрѣтенный край не такъ будетъ полезенъ для Россіи. Извѣстіе о мирѣ и выгодахъ его большую произвело здѣсь радость, особенно между купцами, а награжденія цар-

*) Княгиня Вѣра Θедоровна жила въ это время у матери своей П. Ю. Кологривовой, въ Пензенской губерніи.

скія всѣхъ восхищаютъ; есть уже ода, въ коей уподобляютъ Государя для флота Петру, для щедрости Екатеринѣ и для ума Александру. Дай Богъ Государю также кончить съ Турками; я желаю это для моихъ любезныхъ Грековъ и для славы Россіи; тогда загремитъ и имя Каподистріи. Ну и Мордвиновъ нашелъ также своего шаха, отъ котораго нешуточную получитъ контрибуцію. Меня спрашиваютъ, хороша ли невѣста его Яковлева; я отвѣчаю, что безъ приданаго своего была бы недурна, а по милліонамъ своимъ она красавица [1]). Здѣсь говорили, что Бенкендорфъ въ ссорѣ съ Паскевичемъ; видно, вздоръ; но вздоръ не новое для Москвы: добрая старушка, но часто врётъ.

Экая собралась у тебя компанія! Я, перечитывая имена со вниманіемъ, переселялся мысленно въ Петербургскій почтамтъ и всякому назначалъ квартиру, кому въ угольной, кому въ маленькой гостиной за вистомъ, другихъ сажалъ за круглымъ столомъ, другихъ еще на диванѣ, другихъ еще въ биліардную, кого съ трубками, а Вьелеурскаго съ сигарами, за которыми Сашка бѣгаетъ курьеромъ въ кабинетъ. Такое взяло раздумье, что даже грустно стало. Вижу Голандца Обрѣзкова, являющагося поздно. Ножки цѣлую вамъ, К. Я., говоритъ онъ тебѣ. Качай-валяй въ Москву, какъ бы не остался до Ламсдорфа или Бальша, и не спустилъ бы всѣ субсидіи, кои ты ему досталъ. То-то будетъ разсказывать, пріѣхавши сюда. Завтра, вѣроятно, явится къ намъ.

Лестное же получилъ награжденіе Грибоѣдовъ. Фельдмаршалу Кутузову пожаловано было за Бородино 100 т.[2]), а тутъ колл. совѣтникъ получаетъ почти 50 т., кромѣ чина и креста. Вотъ такъ-то Екатерина награждала, что можно было оставлять что-нибудь дѣтямъ. Охъ, думалъ я, что кабы шепнулъ кто-нибудь Государю, что Булгаковъ учредилъ скорое, порядочное сообщеніе между Тифлисомъ и Петербургомъ, чѣмъ тоже способствовалъ къ пользѣ дѣлъ Персидскихъ: щедрый Николай подмахнулъ бы охотно ему полсотни тысячъ. Будь я въ Петербургѣ, я бы, право, поѣхалъ къ князю твоему; хуже учтиваго отказа не было бы ничего, а ты былъ бы въ сторонѣ. Сказали бы, Булгаковъ забылъ, что недавно простили имъ 150 т.; но должно его извинить: онъ слушалъ одну только свою любовь къ брату.

*

[1]) Александръ Николаевичъ Мордвиновъ (сынъ адмирала и впослѣдствіи графа) женился тогда на дочери милліонера Настасьѣ Алексѣевнѣ Яковлевой.

[2]) И при томъ на вѣки вѣчные, такъ что потомки его и доселѣ дѣлятъ между собою эту безпримѣрную пенсію (сынъ же графа Растопчина умеръ въ крайней бѣдности).

Москва, 23 Марта 1828.

Вечеромъ вчера были у насъ тесть, Брокеръ и Афросимовъ; только и слышалъ я, что про Сенатъ, Растопчину и Кокошкина. Этотъ началъ путаться въ показаніяхъ своихъ и самъ себѣ противорѣчитъ, а Растопчина, т. е. повѣренный ея Крюковъ, подала преябедническую бумагу на Брокера и доказываетъ нелѣпо дурное управленіе Брокера, а онъ, при всѣхъ издержкахъ, накопилъ уже въ два года 180 т. капитала! На мѣсто уволеннаго Митюши [1]), графиня, которая сама отъ опеки Комитетомъ Министровъ устранена, требуетъ, чтобы назначили князя Масальскаго, извѣстнаго дурака. У Брокера была конференція очень серьезная съ княземъ Дм. Влад. Этотъ говорилъ Брокеру, что покойный графъ Ѳ. В. умеръ въ безбожіи, безпамятствѣ и пилъ безпрестанно Шампанское. Брокеръ отвѣчалъ, что графъ пилъ Сельцерскую воду, въ которую наливали палецъ Шампанскаго, что онъ 27 Декабря соборовался масломъ, исповѣдался, причащался, прощался со всѣми, давалъ наставленія всѣмъ, а умеръ 18 Генваря; что безбожіе его было таково, что Брокеръ желаетъ ему князю и себѣ подобнаго конца Христіанскаго. Князь прибавилъ на это съ удивленіемъ: Мнѣ это сказывалъ старикъ д. т. с. князь Масальскій, тутъ бывшій. Извольте же, отвѣчалъ Брокеръ, попросить А. Я. Булгакова къ себѣ: графъ умеръ на нашихъ рукахъ, Ал. Як. 22 ночи спалъ возлѣ больного; онъ вамъ скажетъ, что князя Масальскаго нога не была у графа, который, не смотря на домогательства графини, не велѣлъ князя пускать къ себѣ съ Ноября мѣсяца, зная его страхъ къ больнымъ и умирающимъ. Вотъ, братъ, какія гнусныя каверзы выдумываютъ на покойнаго графа, и кто-же ?Жена, имъ облагодѣтельствованная! Ибо все идетъ отъ нея. Я жалѣю о Лонгиновѣ; но Крюковъ[2]) мерзкую играетъ роль, въ чемъ и дворянская опека сама сознается. Крюковъ горланитъ, что его не допускали къ больному; а я зналъ, что графъ и здоровый его принималъ неохотно, а жену его въ домъ къ себѣ не пускалъ. Твердость, честность и примѣрная, безкорыстная преданность Брокера къ покойному достойны, право, почтенія. Кончится это дурно для графини; ибо ложь, какъ ни окутывай ея, наконецъ, оголится. Ежели меня спросятъ, я готовъ правду сказать подъ присягою. Такъ вотъ чему учитъ вѣра Католическая! Гдѣ же тутъ смиреніе, милосердіе, терпѣніе, благодарность, почтеніе къ праху умершихъ? Мнѣ, право, больно и говорить объ этомъ.

*

[1]) Т. е. Дмитрія Васильевича Нарышкина.

[2]) Это двоюродный братъ графа Растопчина, женатый на княжнѣ Черкасской. На дочери Крюкова, Марьѣ Александровнѣ, былъ женатъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

Москва, 26 Марта 1828.

Охъ, усталъ я. Въ половинѣ 12-го началась служба въ нашемъ приходѣ безотходная съ обѣднею, продолжалась битыхъ 5 часовъ и 10 минутъ, по милости пѣвчихъ княгини Катер. Алекс. Волконской, проповѣдей священника, крестныхъ ходовъ и пр. Насилу мы всѣ устояли; домой пріѣхали, разговѣлись наскоро и кинулись спать, а въ 10 часовъ меня уже будилъ тесть одѣваться, и поѣхали вмѣстѣ къ князю Дм. Вл., Обольянинову и другимъ матадорамъ. Разгавливались у тестя; послѣ обѣда я поспалъ, а тамъ опять отправилъ визитовъ нужныхъ съ десятокъ.

Въ вечеру были у насъ гости. Дѣти, жена и молодежь складывали картинку сраженія Грековъ съ Турками у Тенедоса и насилу сладили до ужина. Послѣ ужина меня посадили за клавикорды вмѣсто оркестра, и ну вальсировать. Вотъ какъ весь день провелся.

Странное было происшествіе вчера. Есть одна старая княгиня Оболенская, живущая въ Страстномъ монастырѣ. Она была долго больна. Въ послѣднее время имѣла она видѣніе или сонъ, что умретъ въ ту минуту, какъ запоютъ Христосъ Воскресе. Чѣмъ ее испугать, это предвѣщаніе ее обрадовало; она стала говѣть, исповѣдывалась, причастилась, велѣла себя везти къ заутренней въ приходъ, гдѣ бывалъ домъ ея отца, тутъ распростилась со всѣми знакомыми. Къ началу службы стала ослабѣвать, а какъ запѣли Христосъ Воскресе, то она сѣла на стулъ, съ коего привстала было, чтобы перекреститься, и умерла. Теперь нѣтъ иного разговора, какъ о странной этой смерти. Конечно, пораженное воображеніе, дѣйствуя надъ ослабѣвшимъ тѣломъ, могло произвести эту кончину, которая многимъ кажется чудесною.

Посмотрѣлъ бы, какъ поднимали первую колонну Исакіевскаго собора. Экая махина, и въ часъ поставить ее на ноги! Будь одна колонна среди какой-нибудь площади, съ статуей, напр., Суворова вверху, всѣ бы ей удивлялись, а теперь, что̀ будетъ ихъ 30, то всѣмъ будетъ это казаться вещію обыкновенною. Развѣ одни знатоки да мастера̀ дѣла будутъ смотрѣть съ удивленіемъ на этихъ великановъ новаго Египта.

*

Москва, 28 Марта 1828.

Благодарю добраго Вейса за память обо мнѣ. Я отыскалъ много монетъ чужестранныхъ, кои хранились у Фаста въ деревнѣ; я бы охотно отдалъ ихъ Вейсу, въ его собраніи играли бы онѣ нѣкоторую

роль. Пришлю тебѣ, а ты дай ему; пусть отбереть, что̀ ему покажется. Мамоновъ пишетъ теперь свои Mémoires; нельзя не удивиться его памяти, ибо онъ говоритъ о всѣхъ обстоятельствахъ молодости своей. Прежде нежели приняться за трудъ этотъ, начерталъ онъ краткую о себѣ біографію. Я просилъ Зандрарта дать мнѣ копію, списанную съ оригинала; вотъ она. Право любопытно; смотри, какая смѣсь ума и сумасбродства. Экая гордость!

*

Москва, 29 Марта 1828.

Мнѣ сказывали давеча, что Гагаринъ много посылаетъ сюда денегъ и платитъ старые свои долги; видно, онъ нашелъ дорогу къ шкатулкѣ скупой Мамоновой. У нея нѣтъ гроша никогда; она ему, видно, отдаетъ бриліанты братнины, кои мы отдали ей на сохраненіе и кои она, видно, славно сохраняетъ. Я на Гагаринѣ много видалъ всегда колецъ и разныхъ булавочекъ бриліантовыхъ. Управитъ она своего братца!

*

Москва, 30 Марта 1828.

Я замѣчалъ, бывши еще въ Петербургѣ, что ты не такъ-то былъ по себѣ; авось либо піявки сдѣлаютъ тебѣ добро. Почему же ты былъ изъемленъ отъ милостей? Почему? Потому что Нессельроде думаетъ только о себѣ и о своихъ. Буду ему завтра писать и поздравлять его. Вотъ ты такъ помнишь свои обѣщанія: Долгоруковъ—камеръ-юнкеръ. Ну и Родофиникинъ не промахъ; кажется, недавно получилъ 25 тыс. Кому хочетъ, такъ Нессельроде дѣлаетъ, вооружается необыкновенною храбростью и смѣлостью. Больно мнѣ, что я не въ Петербургѣ былъ. Я увѣренъ, что намекнувши, онъ бы охотою сказалъ слово за тебя. А все тебѣ надобно благодарить Государя, столь щедраго и милостиваго. Мы всѣ были тронуты анекдотами о Государѣ. Какъ не быть благословенію Божіему надъ нимъ? Глядя на него, станешь и мать уважать, и жену любить, и бѣднымъ помогать! Жалѣю о бѣдномъ Ламсдорфѣ, но онъ давно угрожаемъ несчастіемъ, его постигнимъ.

*

Москва, 31 Марта 1828.

Я получилъ очень ласковое письмо. Оно все рукою Бенкендорфа, который благодаритъ меня за брошюру мою, что̀ ты ему доставилъ. Вчера былъ пребольшой обѣдъ у богачей Хрущовыхъ. Ты мнѣ доставилъ случай сдѣлать пріятное князю Якову Ив. Лобанову; онъ тутъ обѣдалъ тоже. Какъ дошло до Шампанскаго, то я, адресуясь къ нему, сталъ пить здоровье новаго генералъ-майора, сына его, и въ доказа-

тельство представилъ ему и приказъ. Тутъ и пошло всеобщее поздравленіе ото всѣхъ. A propos, былъ тутъ и Ермоловъ; вечеромъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ, отвелъ къ сторонкѣ, и мы съ часъ болтали вмѣстѣ. Не нахожу въ немъ большой перемѣны, только потолстѣлъ. Тотчасъ спросилъ о Закревскомъ и тебѣ весьма подробно.—Помнитъ ли меня Конст. Як.?—Развѣ, узнавши одинъ разъ А. П. Ермолова, можно ли забыть или перемѣниться къ нему? Онъ также все любезенъ, уменъ, разговора препріятнаго и какъ будто и сегодня главнокомандующимъ въ Грузіи, безъ всякой афектаціи и принужденія. О дѣлахъ не говорилъ; просилъ пустить его ко мнѣ и быть къ нему (что̀ исполню; тогда, вѣрно, дойдетъ и до всего, хотя, вѣрно, я начинать не стану эту деликатную статью), а только сказалъ: Человѣкъ можетъ жить во всѣхъ климатахъ и во всѣхъ положеніяхъ; я думалъ, что безъ службы я съ ума сойду или умру со скуки; признаться, сначала было трудно, а теперь, имѣя много свободнаго времени, читаю много и вижу, что я былъ большой невѣжда. Просилъ очень тебѣ, Закревскому и Воронцову кланяться. Онъ хочетъ основаться или у Воронцова, гдѣ имѣетъ какой-то клочекъ земли, или въ Орловской губерніи, гдѣ ищетъ купить крошечную деревеньку [1]).

Я слышалъ отъ домашняго доктора тестя моего, что вчера умеръ скоропостижно докторъ Гаазъ [2]); жаль, добрый и добродѣтельный былъ человѣкъ.

*

Москва, 2 Апрѣля 1828.

О Гаазѣ провралось: онъ живехонекъ, но представь себѣ его удивленіе и людей. Вся Москва присылала къ нему въ теченіе цѣлаго утра спрашивать, какъ и въ которомъ часу онъ умеръ, а человѣкъ П. А. Рахманова, заставшій его садящагося въ карету, сказалъ ему наивно: Пав. Алекс. приказалъ доложить, что очень вся семья огорчена, что вы изволили скончаться, и приказалъ провѣдать, какъ это было, а моей больной слава Богу получше и что пожалуйте, дескать, къ намъ хоть вечеромъ. Гаазъ думалъ, что весь городъ рехнулся и уже послѣ только узналъ, отчего вся эта каша произошла.

*

---

[1]) Вмѣсто того А. П. Ермоловъ купилъ себѣ подъ Москвою, за Кунцевымъ, сельцо Осоргино, гдѣ и проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Нынѣ оно принадлежитъ г-ну Катуару-де-Біонкуру.

[2]) Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ прожилъ еще много лѣтъ и кончилъ свою добродѣтельную жизнь въ Москвѣ, въ Августѣ 1853 года. Кстати сказать, что ему было изъ чего помогать бѣднымъ людямъ: есть извѣстіе, что ему принадлежалъ большой домъ на Кузнецкомъ мосту (нынѣ наслѣдниковъ доктора Г. А. Захарьина).

Москва, 4 Апрѣля 1828.

Смотри, брать, чтобы тебѣ и Фонъ-Визину не отвѣчать за шкатулку графа съ бриліантами, что̀ сестра его увезла отсюда; вещи поименованы, это правда, но не оцѣнены. Оставляя эту обузу, не худо бы тебѣ подкрѣпить настоянія Фонъ-Визина, въ опеку сдѣланныя, чтобы вещи, хранящіяся въ шкатулкѣ, были приведены въ извѣстность или оцѣнены, или, по крайней мѣрѣ, чтобы одна графиня отвѣчала за нихъ, а не опекуны. Серг. Павл.*) не хочетъ оставаться, да и подлинно смѣшно, что ему или тебѣ, назначеннымъ Государемъ, придется отчетъ давать кому? Графинѣ, какъ дѣлаютъ это управители.

*

Москва, 5 Апрѣля 1828.

Дай Богъ князю П. М. столько звѣздъ, сколько ихъ (сказать на тебѣ, было бы черезъ-чуръ увеличено), но столько, сколько ихъ въ большой Медвѣдицѣ — разумѣется бриліантовыхъ; ихъ, кажется, семь. Ты пишешь, что звѣзда, пожалованная ему Государемъ, стóитъ 45 тысячъ. 45 т.$\times$7=315 т.. Годится нашему покровителю! Дай Богъ ему получать отъ Николая, что̀ онъ заслужилъ уже отъ Александра. Мнѣ очень пріятны его воспоминанія обо мнѣ, ибо знаю, что онъ не любитъ комплименты и пустыя слова.

Меншиковъ былъ здѣсь и уѣхалъ уже сегодня далѣе. Вчера былъ на минуту въ клобѣ, но не остался обѣдать, наскуча невидальщиною Москвичей, кои бѣгали за нимъ, какъ за маскою въ маскарадѣ. Большіе мы тунеядцы, надобно признаться. Жалѣю, что его не видалъ. Шимановской бью челомъ. Все собирался быть у нея, попросить полюбоваться ея славящемуся альбому, а написать въ него что-нибудь не почитаю себя достойнымъ. «Телеграфъ» сообщилъ, что̀ вписано тамъ Гете, Байрономъ, Россини и пр. Графа Растопчина шуточка очень смѣшна.

On m'annonce: чиновникъ изъ театральной дирекціи желаетъ съ вами говорить. Давай его сюда! Я думалъ, ужъ не по дѣлу ли это Афросимова съ Кокошкинымъ. Входитъ старичокъ. Я васъ не знаю и вы меня, но̀ всѣ знаютъ душу вашего братца и его любовь къ вамъ.— Что̀ вамъ угодно?—Будьте оба благодѣтелями моего родственника. Онъ экспедиторомъ въ Красномъ. Отдалъ одному лицу 1200 р. денегъ вмѣсто другого, попалъ подъ взысканіе; у него пятеро дѣтей.—Понимаю, но какъ же спасти его? Онъ виноватъ. Это дирекція Рушковскаго, я съ нимъ поговорю.—Ему говорили, онъ отвѣчалъ: покуда не взыщутся деньги для удовлетворенія настоящаго ихъ владѣльца, ничего не

*) Фонъ-Визинъ, родственникъ больного графа Мамонова.

могу дѣлать.—Да это, кажется, и дѣльно, отвѣчалъ я.—Мой родственникъ внесъ сперва 800 р., а теперь, продавши, что̀ могъ, и всю сумму внесъ. Одной милости прошу, чтобы К. Я. защитилъ его въ Петербургѣ; онъ довольно наказанъ, для него 1200 р. страшная сумма, ему это наука на всю жизнь; можно ли неосмотрительность наказывать, какъ плутовство умышленное? Отецъ его былъ тутъ же 30 лѣтъ экспедиторомъ, спасите сына. Ежели К. Я. скажетъ слово, то Краснобаева оставятъ на его мѣстѣ и пр. Онъ такъ плакалъ и жалокъ былъ, что я обѣщалъ къ тебѣ писать сегодня же и просить, и прошу: сдѣлай это доброе дѣло, буде обстоятельства сіи не ложны. Скажи мнѣ слово въ отвѣтъ, чтобы я могъ старика обрадовать.

*

Москва, 6 Апрѣля 1828.

Обѣдъ былъ очень пріятный у князя Дм. Влад.; жаль, что не пріѣхалъ Меншиковъ, для коего это дѣлалось; за то былъ здѣсь Сухтеленъ, коего также пріятно послушать, а ему есть что̀ разсказывать. Я съ нимъ нечаянно познакомился въ Велижѣ, на балѣ у одного тамошняго помѣщика Богдановича. Мы очень обрадовались другъ другу. Обѣдало тутъ человѣкъ съ 20. Князь Я. И. Лобановъ, Юсуповъ, Кайсаровъ, Шепелевъ, Скарятинъ, Тучковъ, да сахарный Малиновскій, да Небольсинъ, который ужасно потолстѣлъ.

У меня есть пріятель Кобылинскій, служащій въ Воспит. Домѣ, въ Петербургѣ. Хлопоталъ я ему о чинѣ у добраго Новосильцова. Бѣднякъ, только играя ужасно счастливъ: въ карты тысячъ до 8 и даже 15 въ годъ пріобрѣталъ. Знакомится онъ съ однимъ Стрекаловымъ, богатымъ пьяницею. Кобылинскій своими убѣжденіями отвратилъ его отъ вина, исторгъ изъ дурной и ввелъ въ хорошую компанію, разстроенныя дѣла привелъ въ порядокъ. Этотъ Стрекаловъ, изъ благодарности и не любя родныхъ, отдалъ Кобылинскому слишкомъ 1000 душъ заживо, такъ что этотъ, ходившій почти пѣшкомъ, вдругъ очутился съ 50 т. дохода годового. Прекрасно! Да что̀ же? Радость ли неожиданная, перемѣна образа жизни, только пріятель нашъ съ того времени все боленъ, хотя и выѣзжаетъ, сохнетъ, чахнетъ, а предобрый малый. Мы хотимъ его женить. Ежели бы Лизанька[1]) была благоразумнѣе, то вотъ бы женихъ; но онъ не пригожъ, хотя и молодъ, не aimable, не знаетъ по-французски.

Очень для меня лестна была память обо мнѣ Прусскаго принца[2]). Богъ знаетъ, какъ и когда увидимся; но думаю, что скорѣе онъ попа-

---

[1]) Сестра Булгаковыхъ отъ брака ихъ матери, Шумлянская.

[2]) Это будущій императоръ Вильгельмъ I-й.

детъ въ Архивъ нашъ, нежели я въ Берлинскій дворецъ, а всего скорѣе съѣдемся опять въ Питерѣ, Богъ дастъ когда-нибудь. Здѣсь онъ слыветъ красавцемъ. Слава Богу, что кончилось безъ дурныхъ послѣдствій у принца Оранскаго; помнится, и съ отцомъ его было что-то подобное.

*

Москва, 9 Апрѣля 1828.

Меня вчера затащили смотрѣть гнусную эту піесу: «30 лѣтъ или Жизнь Игрока». Я бы запретилъ такія представленія. Тутъ три эпохи игрока. Въ первой половинѣ старый отецъ, послѣ всѣхъ тщетныхъ усилій усовѣстить и исправить сына, который только - что женился, произнеся надъ нимъ проклятіе, падаетъ и умираетъ. Сынъ предаетъ себя всѣмъ преступленіямъ. Жена его ангелъ; она слѣдуетъ всюду за нимъ, видя его всѣми брошеннымъ и осужденнымъ на эшафотъ. Есть сцены, кои душу раздираютъ и въ ужасъ приводятъ. Я право не могъ дослушать и уѣхалъ, не дождавшись послѣдней эпохи игрока. Волковъ также далъ себѣ слово никогда не бывать. Mais comme on aime les grands émotions! Imaginez-vous que cet immense théâtre était tout plein, surtout des femmes. Я нашелъ одну въ коридорѣ, которой давали капли и воду пить; вездѣ слышны были слезы. Кокошкинъ сказывалъ Волкову, что онъ сказалъ одному игроку: Конечно, я тебя не сравниваю съ графомъ Жермени, но все-таки это ужасный урокъ, которымъ ты воспользуешься. Знаешь ли, что тотъ ему отвѣчалъ? Какой вздоръ! Почему не играть! Жермени дуракъ, онъ все пунтируетъ, а я банкъ мечу... Хорошъ сахаръ! Изъ любопытства посылаю тебѣ афишу.

Здѣсь слышно, что поэтъ Пушкинъ принятъ въ службу въ собственную канцелярію Государя*). Что̀, кабы да исправился этотъ шалунъ! Августъ и Людовикъ XIV имѣли великихъ поэтовъ. Пушкинъ достоинъ воспѣвать Николая.

Пріѣхалъ Фонъ-Визинъ и продержалъ меня часа полтора. Все проситъ убѣдительно быть опекуномъ, говоря, что и князь Дм. Вл. меня атакуетъ. Правда и то, что теперь до имѣнія дѣла нѣтъ, а только наблюденіе за персоною графа. Ежели это составитъ мнѣ опекунскихъ процентовъ тысячъ *пять*, то, можетъ быть, и соглашусь. 5000 для меня сумма весьма значущая. Ежели графиня будетъ такъ безстыдна и захочетъ брать себѣ участокъ опекунскихъ процентовъ, то тогда, раздѣляя на три доли, выйдетъ менѣе, и не стоитъ мнѣ труда озабочи-

*) Это могло быть послѣ исторіи съ Гавриліадою.

вать себя; кажется бы, довольно ей и 100 или 120 тысячъ, коими (за исключеніемъ полагаемыхъ на содержаніе брата 60 т. въ годъ) будетъ ворочать какъ хочетъ безочетно. Она опредѣлила своему управляющему изъ братниныхъ доходовъ по 6000 р. въ годъ, за управленіе будто конторою.

Пришли мнѣ списокъ Воронцовской коллекціи портретовъ съ отмѣтками его и графа Семена Романовича, чтобы пріискивать, чего у него нѣтъ, а здѣсь много можно купить портретовъ и очень дешево[1]). Меня просилъ Воронцовъ, я все забывалъ взять у тебя реестръ, когда былъ въ Петербургѣ. Я, сдѣлавъ выписку, тебѣ возвращу.

*

Москва, 11 Апрѣля 1828.

Почты все еще нѣтъ. Удивительно! Видно, все еще копается пріятель нашъ. И я здѣсь сегодня копался; хочется мнѣ сдѣлать записку о происхожденіи канцлерскаго, слѣдовательно и вице-канцлерскаго титула и о всемъ, касающемся до этого, наконецъ, и списокъ ихъ по старшинству, и сдѣлать это приношеніе графу К. В.[2]), да ничего еще не нашелъ. Вчера Паскевичева получила отъ мужа письмо, что онъ съ лошади упалъ и очень ушибся, лежитъ, однако самъ пишетъ; на что́ же было ее тревожить? Я встрѣтилъ вчера, шедши изъ Архива пѣшкомъ домой, Шульгина А. С., который велѣлъ тебя обнять и превозносить тебя до небесъ. Я къ К. Я. пойду въ денщики, ежели ему нужна могла быть прислуга. Вотъ какъ! Я увѣренъ, что не одинъ онъ тебя такъ любитъ, да и не лицемѣрно, а истинно.

*

Москва, 14 Апрѣля 1828.

Дай Богъ, чтобы подобныя награжденія продолжались и заслуживались. Славно подсыпали Дибичу! Какъ ни говори, онъ одинъ въ Россіи въ званіи своемъ, и дѣла у него много. Это мнѣніе всѣхъ здѣсь, и Государя благословляютъ за его щедрость. Благодарю тебя, что отдалъ своему князю мою статейку; желаю, чтобы ему была угодна, а тебѣ доставлю другой экземпляръ. Теперь хочется мнѣ заняться изысканіемъ о канцлерствѣ и вице-канцлерствѣ. Сегодня Суббота, но я пріѣхалъ въ Архивъ (откуда тебѣ и пишу), чтобы порыться въ бумагахъ. Никого нѣтъ, насъ только четверо; тѣмъ лучше: никто мѣшать не будетъ.

---

[1]) Это для большаго собранія портретовъ въ селѣ Андреевскомъ, Владимирской губерніи, нынѣ принадлежащемъ свѣтлѣйшему князю Михаилу Андреевичу Воронцову графу Шувалову. Сличи „Архивъ князя Воронцова“, кн. XXXIII-я.

[2]) Карлу Васильевичу Нессельроде.

Видно, Закревскому не миновать министерства; только это, мнѣ кажется, будетъ хлопотливѣе юстиціи, которую онъ отказалъ. Этотъ человѣкъ вездѣ хорошъ, куда его ни посади; только жалѣю, что онъ лишается 50-ти тысячнаго своего оклада, который имѣлъ въ Финляндіи. Слышно, что Лонгиновъ также отправляется въ путь, а потому и пишу я ему, чтобы напомнить о дѣлѣ бѣднаго Аристова, коего вся просьба въ томъ только состоитъ, чтобы прошеніе его было препровождено къ министру юстиціи, для разсмотрѣнія сходственно съ законами, а не къ Мещерскому[1]), ибо дѣло у него съ попами, а свой своему по неволѣ другъ.

*

Москва, 16 Апрѣля 1828.

Читалъ я статью Улыбышева [2]); довольно вздорная и ничего не доказывающая, да и время ли теперь говорить о томъ, что̀ давно было? Ежели бы подлинно дурна была Каталани, не стали бы церемониться послѣ Эрмитажныхъ представленій и сказали бы ей тогда, что дурно; а я имѣю письменную похвалу объ ней Вьелеурскаго. Онъ одинъ дѣлаетъ ей только упрекъ, въ которомъ однакоже самъ не убѣдился, но говоритъ: On dit que mad. Catalani est sujette à des affaiblissements de gorge, qui la fait détonner pendant un certain tems, mais cela tient à la construction du gosier et nullement à son oreille; elle serait sans cela une chanteuse du premier ordre etc. Да кто повѣритъ Улыбышеву? Развѣ въ Парижѣ нѣтъ у всякаго своихъ ушей? Онъ вѣчно въ экзажераціяхъ, а ежели станетъ такъ превозносить Шоберлехершу, то болѣе ей сдѣлаетъ вреда, нежели пользы. Стало, Марколини не диковинная вещь, а какъ твердили!

За дурною погодою Святой Недѣли качели и гулянье Новинское отложили до 1-го Мая. Вчера возилъ я туда дѣтей. Пашка очень радовался на паяца, но какъ этотъ ушелъ съ балкона, то онъ закричалъ, желая его возвращенія: Папа, я хоту (хочу), чтобы паяцъ еще разъ былъ дуракъ. Съ Катенькой гулялъ я пѣшкомъ; спустили шаръ, который, летѣвъ мимо всей Москвы, очень величественно упалъ на Полянкѣ прямо на извозчика, закрывъ его всего съ дрожками, и задушилъ было оставашимся въ шару дымомъ соломеннымъ. Тотъ ѣхалъ шагомъ, дремалъ на ко̀злахъ, какъ вдругъ очутился въ шару бумажномъ.

Надобно мнѣ еще писать къ князю П. М. и просить его, чтобы онъ далъ хлѣба кусокъ бѣдному Кампорези. Екатерина его выписала

---

[1]) Князь П. С. Мещерскій былъ тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

[2]) Александра Дмитріевича Улыбышева, сочинителя извѣстной Французской книги о Моцартѣ. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 года, помѣщенъ очеркъ его жизни и историко-бытовая драма „Раскольники“.

въ 1781 году, и съ тѣхъ поръ онъ все работаетъ; теперь сталъ дряхлъ, можно за 47 лѣтъ службы дать пенсію подъ старость. Онъ подавалъ Государю письмо, которое препровождено, по отзыву Лонгинова, къ князю П. М. на разсмотрѣніе.

*

Москва, 17 Апрѣля 1828.

Я думалъ было уѣхать отъ Ланскихъ*), вмѣсто того Юсуповъ меня за полу. Allons, ne faites pas les choses à demi, mettez vous là et soupons. Тутъ подсѣли еще князь Дм. Вл. и прекрасная Потемкина; я и остался и приятно провелъ вечеръ, но воздержался и не ужиналъ, чему очень радуюсь. Говорили все о театрахъ и разныхъ пустякахъ. Я исполнилъ комиссію Воронцова, отъ котораго получилъ сегодня письмо; онъ желаетъ, чтобы въ Одессѣ дѣлались искусственныя воды, учреждаемыя здѣсь Лодеромъ. Je vous conterai une anecdote, сказалъ Юсуповъ, d'un de nos amis, un grand yvrogne. On parlait devant lui de ces eaux factices et on disait donc qu'il y aurait toutes les eaux imaginables, et lui il demanda toute de suite, s'il y auraint des eaux de vie. Князь очень хвалитъ воды, т. е. князь Д. В. Подписки простираются до 60 т. р., и этого достаточно было для начатія предпріятія; съ 1-го Іюня все пойдетъ. Можно будетъ имѣть всевозможныя Европейскія воды, весь курсъ будетъ стоить около 300 р. Князь самъ пить будетъ Эгерскія. Только воля его, а я спорился и всегда буду спорить, что это не тоже, что̀ пить всякую воду на мѣстѣ. Перемѣна лицъ, мѣстъ, воздуха, безпрестанное разсѣяніе, регулярная жизнь, рано ложишься спать, рано встаешь, ходишь, а главное, что лишаешься всѣхъ возможныхъ заботъ и хлопотъ, огорченій, коихъ у всякаго есть болѣе или менѣе. Тутъ былъ Новосильцовъ, который очень основательно замѣтилъ, что Петербургъ не Карлсбадъ, что онъ тамъ воды не пьетъ, но всякій разъ, что̀ тамъ бываетъ, набирается здоровья. Да спросите-ка (прибавилъ онъ) у Ал. Як., не толи же скажетъ онъ о себѣ; да спросите у графини Строгановой, не толи скажетъ она о князѣ Дм. Вл.? А Юсуповъ все свое толковалъ: Dites moi, je vous prie, et laissons là de côté les beaux sentimens, est-ce qu'à vos eaux d'ici il y aura une bonne restauration? Князь Д. В. ну хохотать по своему. Voilà qui est délicieux: nous parlons de raccomoder nos santés, et vous parlez des moyens de gagner d'indigestion. У насъ такое пошло веселіе и смѣхъ, что всѣ съ другихъ столовъ къ намъ сошлись. Послѣ Ланская начала говорить о твоихъ племянницахъ, превознося ихъ красоту. Ричша, которая всегда въ восторгахъ ото всего, начала ихъ

*) Это будущій (при Александрѣ II-мъ) министръ внутреннихъ дѣлъ, Сергѣй Степановичъ, и его супруга Варвара Ивановна.

расхваливать. Это отчасти и правда; но признаюсь, что я не люблю эти похвалы чрезвычайныя: онѣ вредятъ болѣе, нежели приносятъ пользы молодымъ дѣвушкамъ. Накричатъ такъ, что всякій ожидаетъ болѣе, нежели есть въ самомъ дѣлѣ. Хорошо, что у Катеньки такой нравъ и отсутствіе всякаго кокетства, что ея не избалуютъ рѣчи чужія. Лёлькѣ*) скорѣе можетъ это голову вскружить, но эта еще долго дома посидитъ.

Да благословитъ Богъ путешествіе Государя! Извѣстно ли когда и куда изволитъ онъ отправиться? Князь сказывалъ, что Государь ѣдетъ въ трехъ только повозкахъ, съ однимъ Бенкендорфомъ, докторомъ и камердинеромъ, и что князь П. М. сопровождать будетъ вѣроятно Императрицу. Спроси у Делинсгаузена, будетъ ли выпускъ подпрапорщиковъ, и попадетъ ли Хрущовъ, о коемъ я его просилъ; а я даю ему слово, что это, право, останется между нами.—Я нашелъ въ Архивѣ многое, до почтъ въ Россіи касающееся; сдѣлаю тебѣ списочекъ; буде найдешь что̀ любопытнымъ, то для тебя спишу. Ты забылъ мнѣ сказать, а я читаю въ Инвалидѣ, что Татищеву 1-го Владимира, чему не очень онъ обрадуется. Я помню, что лѣтъ пять назадъ говорили, что ему дадутъ; а онъ меня увѣрялъ, что ежели получитъ, то назадъ отошлетъ.

*

Москва, 19 Апрѣля 1828.

Очень тебя благодарю за манифестъ Турецкій. Будь Божіе благословеніе надъ Государемъ, а писанъ актъ этотъ премудро, основательно, твердо, убѣдительно. Тутъ есть очень умная загвоздка. Государь говоритъ, что цѣль войны сей есть установить всѣмъ Европейскимъ флагамъ свободное плаваніе Босфоромъ; теперь всѣ дѣлаются участниками дѣла нашего, ежели не явнымъ союзомъ, то обѣтами въ нашу пользу. Чѣмъ завидовать и мѣшать, какъ то было при Екатеринѣ, Европа будетъ въ душѣ нашею союзницею. Я раза три перечитывалъ манифестъ. Поѣхалъ въ клобъ, коему пожертвовалъ однимъ экземпляромъ. Какъ меня благодарили всѣ за атенцію эту! Какъ читали! Какой сдѣлался шумъ, восторгъ! Иной и самъ не знаетъ, зачѣмъ радуется войнѣ этой; всякій предвѣщаетъ успѣхи, да и дѣло правое.

*

Москва, 20 Апрѣля 1828.

Въ нынѣшнюю ночь скончался сенаторъ князь Кириллъ Александровичъ Багратіонъ, послѣ 7-лѣтней болѣзни. Споръ о его лѣтахъ и теперь еще не рѣшенъ. Князь Юрій Владимировичъ Долгоруковъ, который себѣ даетъ только 90 лѣтъ, увѣряетъ, что Багратіонъ годомъ его старѣе былъ всегда. Тесть мой (на коего сестрѣ Багратіонъ былъ

*) Ольга Александровна, въ замужествѣ княгиня Долгорукая. Старшая сестра ея, Екатерина вышла за П. Д. Саломирскаго.

женатъ первымъ бракомъ) говоритъ, что когда онъ посватался, то всѣ удивлялись, что княжна Хованская предпочла молодому Растопчину (графу Ѳед. Вас.) старика Багратіона; это было въ 1788 году, и тогда былъ ему 51 годъ. По этому расчету князь Ю. В. правъ. Какъ бы то ни было, онъ умеръ, и теперь все равно, сколько жилъ, мало или много. Злоязычные полагаютъ, что княгиня только ждала этого, чтобы выйти за Ив. Ив. Демидова (и этому гусю лѣтъ подъ 80), съ коемъ очень давно въ интригѣ, а другіе говорятъ, что княгиня наводняетъ домъ свой слезами. Да полно, у дамъ часто одно другому не мѣшаетъ. Тесть очень пораженъ этою смертью, хотя и давно ея ожидали; онъ духомъ и тѣломъ упадаетъ.

Вотъ и приглашенія князя Дм. Вл. завтра на большой обѣдъ. Не хотѣлось бы, а надобно выпить Шампанское за здравіе Императрицы и Наслѣдника царскаго. Мнѣ дали расписаніе всѣмъ экипажамъ, отправляющимся въ свитѣ государевой; но по оному не видно еще, когда изволитъ отправиться самъ Государь.

*

Москва, 21 Апрѣля 1828.

Вчера обѣдали мы у Фаста большою компаніею; онъ по обыкновенію своему не отпустилъ уже никого, и надобно было остаться у него на цѣлый день, что̀ немного тяжело. Я тотчасъ послѣ ужина отретировался и нашелъ дома письмо твое № 31 отъ 16-го. Не одинъ разъ, мой милый и любезный другъ, перечитывалъ я письмо это. Оно для меня новымъ доказательствомъ нѣжныхъ твоихъ чувствъ ко мнѣ. Лишнее тебѣ говорить, сколько оно меня тронуло. Иначе я тебѣ никогда говорить не умѣлъ, какъ чистосердечно, и теперь тоже буду дѣлать. Я знаю одинъ, сколько трудовъ, огорченій стоилъ мнѣ несчастный нашъ процессъ; ты былъ въ чужихъ краяхъ. Богъ помогъ! Конечно, тѣнь батюшкина и друзья его болѣе сдѣлали, нежели я, но процессъ былъ выигранъ. Что̀ же досталось? Около 3000 душъ, а долговъ? 215 т. р., кои съ процентами въ 7 лѣтъ составили 361 т., нами признанныя, да 90 т. въ банкѣ. Опека въ управленіе свое во время тяжбы ничего не уплачивала, а намъ имѣніе сдала съ 11000 р. наличныхъ, да на 30 т. претензій тяжебныхъ. Вотъ съ какими трудностями надо бороться. Когда имѣніе состояло и изъ 4000 душъ, батюшка никогда 10 т. не имѣлъ дохода. За продажею Азанчевскому, за умершими отъ заразы въ 12 году, за уступленными Щербатову, оставшіеся у насъ 1700 душъ даютъ намъ отъ 40 до 50 т. дохода; стало быть, ресурсы умножены, имѣніе не разорено. Пусть любой хозяинъ поѣдетъ и посмотритъ, не въ цвѣтущемъ ли положеніи деревни? Я завелъ вновь пять скотныхъ дворовъ и фольварковъ, на заводахъ котлы всѣ мѣдные,

10*

и ихъ берутъ въ залоги, когда мы ставимъ вино въ казну. Мы начинали исправляться послѣ опеки, что же вышло? Ты помнишь Кикина, надобно было дѣлать мировую, т. е. разоряться, отдать Щербатову домъ, Нижегородскую деревню и Чуриловы 600 душъ, дававшіе 20 т. дохода, и все это отдать чистое, освобожденное отъ всякаго долгу, который палъ на насъ. Три голодные года и пожаръ, истребившій почти въ глазахъ моихъ на 40 т. хлѣба, довершили. Тутъ выдали намъ 150 т. изъ Кабинета, безъ коихъ мы все бы потеряли. Вотъ въ двухъ словахъ исторія имѣнія нашего. Сдѣлалъ ли бы другой лучше меня, не знаю. Я не оправдываюсь, да и ты меня не обвиняешь. Я сдѣлалъ все, что могъ и умѣлъ, но сознаюсь, что самъ я послѣдствіями не доволенъ, хотя и утѣшаюсь въ совѣсти моей. Доходы я не проматывалъ, ибо не имѣю никакихъ разорительныхъ вкусовъ; живемъ мы скромно, половину года въ подмосковной, домъ нанимаю крошечный по 2500 р., держу 5 лошадей, имѣю 2 кареты, 22 человѣка людей; но насъ 6 человѣкъ въ семьѣ, дѣти не маленькія, тутъ не объ одной одеждѣ рѣчь, но и о воспитаніи ихъ. Жалованья получаю я 3000 р., вотъ всѣ мои доходы и ресурсы. Богъ еще спасалъ насъ тѣмъ, что ты все лишнее предоставлялъ мнѣ, не пользуясь грошемъ изъ доходовъ съ деревень. Все это такъ, но я все-таки совершенно съ тобою согласенъ, что надобно взять какія-нибудь мѣры.

*

Москва, 23 Апрѣля 1828.

Вотъ и Ульяновскій явился прощаться со мною. Тихій, добрый малый; онъ привезъ намъ Екатерининскія бумаги. Малиновскій все добивается, когда будетъ графъ: хочетъ просить его быть въ Архивѣ. Я говорю, что графъ Архивъ знаетъ, что въ немъ ничего у насъ не перемѣнилось и что графу и безъ этого довольно будетъ дѣла въ Москвѣ, гдѣ, вѣроятно, остановится очень мало. Главное, видно, у него атаковать графа насчетъ штатовъ. Я увѣренъ, что ежели графъ сухо ему скажетъ, что на все это была воля Государя, что тотъ жалобы свои оставитъ. А Малиновскій мнѣ говорилъ именно, что они не думаютъ, чтобы Государь одобрилъ, что сенатора съ управляющихъ дѣлаютъ простымъ директоромъ, что Государь его лично знаетъ и пр. глупости. Ему очень было непріятно, что на большомъ обѣдѣ, въ Субботу, князь Дм. Вл., говоря о мирѣ, какъ-то сказалъ, оборотясь ко мнѣ: Vous, qui êtes diplomate et chef des Archives. Малиновскій покраснѣлъ, а я прибавилъ: Vous voulez dire un des chefs.

*

Москва, 25 Апрѣля 1828.

Бѣдная моя пріятельница, Николева, очень плоха; ее поддерживало магнетизированіе, а дѣлала это извѣстная Турчанинова, о коей не только праздные, но и сами доктора (et c'est beaucoup dire) такія разсказываютъ чудеса, напр., что воду изъ груди обратила въ ноги, что горбатому уменьшила горбъ, отъ чего началъ мальчикъ расти и пр. Все это обратило вниманіе полиціи. Ровинскій[1]) ѣздилъ къ ней узнавать правду; она объявила, что внутрь ничего не даетъ, а второе, что не беретъ гроша за лѣченіе, дѣлая это по одной страсти. Николевой сказали, что Турчанинову высылаютъ изъ Москвы, это ее испугало, встревожило; прислала за мною, просила съѣздить къ князю Дм. Вл. узнать правду и сказать ему, что она двухъ дней не проживетъ, ежели лишатъ ее помощи Турчаниновой. Всѣ эти глупости отняли у меня цѣлое утро, такъ что я и въ Архивъ не попалъ, но успокоилъ хоть бѣдную мою больную.

Вчера бѣгалъ скороходъ въ Кремлевскомъ саду, бездна была народу; только въ 7 часовъ побѣжалъ не онъ, а *всѣ* отъ хлынувшаго вдругъ дождя. Порядочно вымочило тѣхъ, кои не забрались заблаговременно въ галлереи, гдѣ ужасная была духота; у многихъ дамъ сильно исковеркало шляпы и капоты. Онъ бѣгалъ отъ большой рѣшетки до арки, гдѣ начинается второй садъ, и, повторивъ это путешествіе бѣгомъ 30 разъ въ 40 минутъ, говорятъ, что собралъ 4000 р., и вѣроятно; но много было и издержекъ: ибо вся эта галлерея была завѣшана холстинною кулисою, да и кресла, канапе, взятыя на прокатъ, были испорчены дождемъ. Coup d'oeil былъ прекрасный: Арсеналъ былъ, равно какъ и стѣны Кремлевскія, усѣяны народомъ, смотрѣвшемъ gratis; на всѣхъ домахъ, даже отдаленныхъ, видны были люди на крышахъ. Экое любопытство! Я слышалъ у князя, что мѣщанинъ одинъ вызвался бѣгаться съ этимъ мусье, требуя только 100 р., ежели прежде его перебѣжитъ условленное пространство.

*

Москва, 26 Апрѣля 1828.

И мы не придумали новую штатсъ-даму, т. е. не угадали и полагали все, что княгиня Софья Григорьевна[2]). А всѣхъ лучше мнѣ кажется Перовскому: 10 т. жалованья не бездѣлица. Посмотримъ штаты коллегіи нашей и на что рѣшится Малиновскій. Ежели не понравится ему титулъ директора, то понравятся 4000 р. жалованья вмѣсто 2200 р., кои теперь получаетъ.

---

[1]) Московскій полицмейстеръ, отецъ собирателя гравюръ.

[2]) Волконская, супруга министра двора.

Вчера пріѣзжалъ къ намъ прощаться А. П. Ермоловъ и часа два просидѣлъ и проболталъ. Любезный и пріятный человѣкъ, очень тебѣ велѣлъ кланяться. Сегодня ѣдетъ къ отцу въ Орелъ на житье, а къ будущему году хочетъ основаться здѣсь въ Москвѣ. Я ему давалъ читать указъ о Закревскомъ; онъ его любитъ душою и радъ, что дали ему мѣсто, гдѣ много можетъ надѣлать добра.—Ты помнишь Останкиновскаго учителя Иванова? Онъ служитъ у князя Дм. Вл., который имѣлъ очень счастливую мысль заставить издавать въ Москвѣ ежедневную газету. Стыдно, что не было это до нынѣ въ столицѣ, какова Москва. Редакторовъ человѣкъ шесть, всякій по своей части. Князь предоставляетъ всѣ барыши Иванову, предлагая помогать ему во всѣхъ издержкахъ; есть уже болѣе 500 подписчиковъ. Вотъ записка Иванова. Скажи слово Блудову, ежели увидишь его. Ивановъ боится, чтобы это не пошло въ длинный ящикъ. Россія будетъ знать, что дѣлается въ Москвѣ по крайней мѣрѣ; только не надобно во всемъ перенимать у Сѣверной Пчелы, коей и форматъ будетъ имѣть новая эта газета. Можно ее сдѣлать очень занимательною.

Малиновскій не былъ сегодня. Надобно будетъ браниться съ нимъ. Онъ сдѣлалъ изъ двухъ хорошихъ комнатъ кладовую для книгъ, напечатанныхъ Румянцовымъ, т. е. Собраніе грамотъ; онѣ не продаются вовсе, а только мѣсто занимаютъ хорошее, а дѣла Екатерининскія некуда положить, а въ подвалѣ, гдѣ лежатъ теперь покуда, все это сгніетъ. Онъ не жалуетъ эти бумаги, потому что не онъ ихъ выпросилъ, а кажется сохраненіе ихъ поважнѣе, нежели печатные экземпляры грамотъ. Довольно бы и одного экземпляра. Малиновскій говорилъ мнѣ о необходимости сдѣлать повѣстку, чтобы ѣздили въ Архивъ всякій день. Вѣдь вы управляющій, зачѣмъ же не прикажете? Да я васъ ожидалъ все, чтобы намъ обоимъ это приказать, а молодые люди не подумали бы, что это мой капризъ. Въ этихъ случаяхъ онъ ничего безъ меня не хочетъ приказывать, а въ другихъ дѣлаетъ все одинъ. Шульцъ хорошо дѣлалъ, что всегда съ нимъ огрызался, а ласкою ничего не возьмешь. Безпрестанно присылаетъ спрашивать, когда будетъ графъ Н.

*

Москва, 28 Апрѣля 1828.

Итакъ графъ Нессельроде ѣдетъ не черезъ Москву! Жаль, что не увижу его. Пожелай ему счастливый путь, а я было ему хотѣлъ сдѣлать подарокъ. Есть у насъ переводчикъ Мамигоновъ, славный малый, знающій хорошо Русскій, Арабскій, Турецкій, Персидскій языки. Графъ могъ бы его съ большою пользою употребитъ въ теперешнихъ

дѣлахъ; видно, нѣтъ ему счастливой звѣзды. Пфеллеру не скажу ни слова, а желаю, чтобы уладилось дѣло сына его; я давно старика не видѣлъ. Вообрази, что дѣлаемая здѣсь Сельцерская вода лучше настоящей и стòитъ 80 коп. кувшинъ; такъ крѣпка, что одинъ остающійся стаканъ отъ початой бутылки вышибаетъ пробку.

*

Москва, 30 Апрѣля 1828.

Дашкова очень радъ видѣть въ проѣздъ его черезъ Москву, а Блудовъ *) не знаю какъ поведетъ свой ad interim, ежели Шишковъ выйдетъ на инвалидное содержаніе; ученъ, способенъ, только престранный и нервы имѣетъ дамскіе, а у министра надобно, чтобы были coglioni da settanta, какъ говаривалъ какой-то папа Римскій.

Явился Чумага узнать, когда выѣзжаетъ Дашковъ; я сказалъ, что 30-го. Онъ имѣетъ извѣстія свѣжія изъ Царьграда, чрезъ ушедшее оттуда судно. Великое тамъ смятеніе оттого, что узнали, что въ Одессѣ нанято болѣе 100 судовъ, съ 1-го Апрѣля на три мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы перевозить, чтò будетъ надобно, во всѣ порты Чернаго моря и даже въ Царьградъ. Боятся высадки въ Стамбулъ прямо, чтò очень кажется невѣроятно по сказанному въ манифестѣ, что Россія не ищетъ пріобрѣтенія земель Турецкихъ.

Я было намылилъ себѣ бороду брить, является почталіонъ съ письмомъ твоимъ № 39, отданнымъ ему на руки; это не бывало. Съ большимъ нетерпѣніемъ распечатываю, прочтя слово «нужное» твоею рукою на пакетѣ. Я подумалъ что-нибудь радостное для тебя или для насъ; читаю, что Рушковскому генералъ-лейтенантство. Однакоже смылъ мыло, одѣлся на скоро, взялъ извозчика и пустился на почту. Минутъ десять не могъ добиться сахара: говорятъ не выходилъ еще изъ спальной, а такъ какъ онъ запирается вкругъ, то съ трудомъ я достучался; нахожу его только что въ рубашкѣ. — Suis-je le premier à vous annoncer?!—Quoi? quoi?—Embrassez-moi donc et sachez que vous êtes conseiller privé — *Et sénateur?* прибавилъ онъ съ замѣшательствомъ.— Pas du tout, mais directeur des postes, comme par le passé. Тогда кинулся онъ мнѣ на шею, пробѣжалъ твое письмо и началъ оное цѣловать. Я потребовалъ истолкованія его вопроса, и вотъ чтò онъ мнѣ сказалъ: J'ai reçu encore Vendredi une lettre de mad. Longhinoff, par laquelle elle m'annonçait mon avancement, me félicitant de la part de son mari, qui aussi était avancé. К. Я. ne me disait pas le mot, et j'avais cependant une lettre de lui; le lendemain point de lettre de votre excellent frère; jugez donc de mon état. Connaissant l'avidité de К. Я.

*) Д. Н. Блудовъ былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

à annoncer les nouvelles agréables, je croyais donc qu'il se taisait, par ce qu'avec mon rang j'étais renvoyé. A la герольдія on fait sénateur за старостію. A présent vous me rendez la tranquillité. И ну меня цѣловать опять, меня и письмо твое. Онъ былъ внѣ себя и, бравъ меня за руку, безпрестанно таскалъ изъ спальной въ Турецкую комнату и даже въ залу и обратно, не находя мѣста, гдѣ усѣсться, и повторяя: Потому что, вотъ видите, Лонгинова пишетъ вотъ ефто-то и поздравляетъ, К. Я. молчитъ объ ефтомъ. Въ Субботу совсѣмъ не пишетъ, а сегодня писемъ, или письма̀, лучше сказать, отъ него нѣтъ, то пожалуйте, письма нѣтъ, а Мар. Ал. Л. вотъ ефто поздравляетъ, то какъ же мнѣ не полагать, что вмѣстѣ съ чиномъ-то я и къ герольдіи? Эта фраза вѣрно 20 разъ была повторена, и выходитъ, что ежели Лонгинова тебя и предупредила, то все-таки истинная радость была отъ тебя. Ты Богомъ поставленъ для утѣшенія Рушковскаго; по крайней мѣрѣ онъ благодаренъ, т. е. наружно, ибо кто же войдетъ въ душу человѣческую? Весь городъ увѣренъ, что это *ты* выпросилъ, повторяя, что князь едва его знаетъ въ лицо, а ежели и знаетъ, то вѣрно разчухалъ въ минуту, чего онъ сто́итъ; и тутъ всѣ ошибаются, ибо для мѣста Рушковскаго не нужны ловкость, умъ связи, способности, а просто прилежаніе и молчаливость—это разъ; а второе, жаль то, что не имѣетъ онъ друзей (но и это не нужно, а можетъ и вредно его мѣсту). Никто не радуется, а всякой бранитъ, плюетъ, спрашивая, за что̀ такое счастіе этому человѣку? Второй вопросъ у всѣхъ: а братецъ вашъ что̀ получилъ? и отвѣтъ: «онъ и такъ осыпанъ милостями Государя», никого не удовлетворяетъ. Я въ душѣ моей раздѣляю общее мнѣніе. Однакоже, ежели забыли, что недавно Р. получилъ Владимира, то можно забыть и деньги, кои не дали, а простили. Куй желѣзо, пока горячо. Я бы на твоемъ мѣстѣ не переставалъ повторять, что, конечно, покуда ты, какъ колодникъ, работаешь, то мѣсто имѣешь хорошее, лишить тебя онаго было бы и несправедливость и утрата для службы самой. Но силы твои истощатся же когда-нибудь, тогда останешься съ долгами. Бездну назову тебѣ людей, кои менѣе тебя трудятся, а получали и получаютъ много очень. Голицынъ, когда хотѣлъ, то, преодолѣвая всякія трудности, просилъ же за Руничева и ему подобныхъ, а тутъ истощилъ онъ кредитъ свой. А тебя назвать достаточно Государю: ты, кромѣ чести князю и пользы службѣ, ничего не доставлялъ. Право, братъ, разговаривая съ княземъ, не упускай случаевъ: пусть знаетъ онъ положеніе твое; дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. Въ службѣ надобно соблюдать равновѣсіе, а ты отсталъ далеко отъ Рушковскаго.

Вѣсть твоя принесла пользу одну. Я Р. говорю: Послушайте, такое извѣстіе стоило бы подарка. Я онаго не приму отъ васъ, но есть у моей жены одна старая дворянка Каменская, пять лѣтъ лежитъ въ постелѣ, которая милостыни не проситъ, но ею одною живетъ; дайте ей 100 рублей, и вы сдѣлаете дѣло, Богу угодное. Тайный совѣтникъ тотчасъ вынесъ деньги, а для жены и Катеньки былъ день отрады. Вчера онѣ отнесли бѣдной эти деньги. Вообрази, какая это фортуна для женщины, платящей по 3 рубля въ мѣсяцъ за квартиру; да и тутъ помѣщаетъ она еще у себя другую несчастную, которая еще бѣднѣе ея! Sans ma pauvre, говоритъ Наташа, j'aurais été furieuse du rang de R. Je vous dirai en confidence qu'à la poste personne n'est content et qu'au contraire ils sont affligés que vous n'ayez rien reçu. Экъ, я тебѣ нагородилъ на досугѣ, но сіи подробности о товарищѣ твоемъ должны тебя интересовать. Теперь остается ему только жить лѣтъ сто и накопить милліонъ; вотъ и пожалѣешь, что такой человѣкъ не женатъ.

Здѣсь большая вышла каша по Французскому театру. Юсуповъ торжествуетъ, что кн. П. М. написалъ кн. Дм. Влад., что не хочетъ входить ни во что, что пусть князь дѣлаетъ какъ хочетъ, самъ выписываетъ труппу, которая должна быть на ногѣ бывшей Итальянской, т. е. частной, а не императорской; что Государь для удовольствія здѣшней публики давать будетъ по 30 т. въ годъ; стало, лишаются театра, декораціи, костюмовъ и пр. Юсуповъ предлагалъ Карцову (которая, можетъ быть, и сама была актриса), которая за 15 т. ѣхала съ симъ задаткомъ въ Парижъ и бралась набрать славную труппу въ короткое время. Кн. Дм. Вл. не согласился тогда, а теперь она не хочетъ. Cette affaire occupe beaucoup notre publique, car il y a une quantité du monde d'abonnés, qui ont avancé plus de 40 m. r. d'argent d'avance. Давайте-ка намъ Итальянцевъ, когда вамъ немного надоѣдятъ.

*

Москва, 2 Мая 1828.

Дай Богъ путешествію Государеву совершиться хорошо, и чтобы это хорошее начало предзнаменовало славные успѣхи. Всѣ Бога молятъ о томъ. Устраивай отъѣзды царскіе, а тамъ и наши дѣла трактовать станемъ. Вотъ тебѣ и преемникъ Шишкову. Теперь у насъ четыре министра не нашей вѣры: морской, финансовъ, просвѣщенія и иностранный*). Чтобы попы совсѣмъ съ ума не свели Блудова! Здѣсь ни у кого не выбьешь изъ головы, что Государь ѣдетъ на Москву, заѣдетъ къ Троицѣ и пр., а Нессельрода такъ кто-то встрѣтилъ на улицѣ ѣдущаго въ дорожной коляскѣ. Вотъ какъ у насъ видятъ и

*) Траверсе, Канкринъ, кн. Ливенъ и гр. Нессельроде.

какъ у насъ врутъ! Гулянье давеча было очень хорошо. Шедшій до обѣда дождь прибилъ пыль, и воздухъ въ лѣсу былъ прекрасный. Множество было народу и экипажей, пускали пребольшой шаръ, дѣти натѣшились, навеселились, и я, глядя на нихъ, также. Коляска бригадира Исленева, въ 6 лошадей, обратила на себя всеобщее вниманіе. Это большая невидальщина: всѣ забыли, какъ ѣздятъ въ 6 лошадей, а ямское шестиконіе давно перевелось у насъ. Среди гулянья слышали мы крики дамскіе, суматоху, лошади били; но какой-то молодой офицеръ прыгъ изъ дрожекъ, кинулся и остановилъ подручную, можно сказать съ опасностію жизни собственной. Гляжу, а это нашего Лазарева сестра*), вся испуганная глядитъ изъ кареты и кричитъ: батюшки, помогите! Я не могъ, потому что все дѣло было уже сдѣлано. Охота же ѣздить на гулянье на молодыхъ бѣшеныхъ лошадяхъ! Долго ли до бѣды? Юсуповъ также обращалъ на себя вниманіе: онъ ѣхалъ въ старинной каретѣ, принадлежавшей князю Безбородкѣ. Старо, а хорошо.

Только выхожу садиться въ дрожки, отъ гр. Мамонова записка, коею проситъ меня къ себѣ. Я заѣзжалъ и пробылъ съ часъ у него. Странно, какія бываютъ у него отступленія отъ сумасшествія. Онъ, право, меня тронулъ, говоря о своемъ положеніи, одиночествѣ, что брошенъ всѣми и пр.—Да я первый бываю у васъ.—Вы бываете рѣдко, я не могу требовать, чтобы вы ѣздили всякій день: какое вамъ удовольствіе быть со мною? Зачѣмъ я одинъ всегда? Зачѣмъ подъ властію докторовъ?—Вы жалуетесь, что всегда одни; да развѣ не доброю волею заключили вы себя въ Дубровицахъ шесть лѣтъ сряду? Стало, вы людей бѣгаете, а не они васъ. Касательно докторовъ, я ему откровенно сказалъ, что болѣзненное его состояніе заставило Государя назначить и опеку и его отдать на руки докторамъ.—Да я не боленъ, я ѣмъ, сплю хорошо, никому не дѣлаю вреда; чѣмъ же мнѣ выйти изъ положенія, въ коемъ нахожусь?—Повинуйтесь слѣпо всему, что̀ отъ васъ требуютъ, сдѣлайте это усиліе надъ собою, не давайте повода къ жалобамъ; убѣдясь въ томъ, что вы пришли опять въ первобытное ваше положеніе, весь этотъ надзоръ, опека, все исчезнетъ. Долго разсуждалъ онъ, удерживалъ меня обѣдать, и я жалѣю, что не могъ его потѣшить. Онъ меня сегодня тронулъ: нѣсколько разъ были у него слезы на глазахъ, проводилъ меня до передней и жалъ руку два раза, прося его не оставлять. Теперь я и власти уже не имѣю, но Фонъ-Визину передамъ этотъ разговоръ.

*

---

*) Мать графа Ивана Давидовича Делянова?

Москва, 3 Мая 1828.

Чумага прислалъ мнѣ сказать, что Дашковъ пріѣхалъ[1]). Тотчасъ къ нему поѣхалъ, но не тутъ-то было; Титовъ, у коего онъ живетъ, сказалъ что Д. В. выѣхалъ къ Ив. Ив. Дмитріеву, и что, вѣроятно, и ко мнѣ заѣдетъ; поскорѣе домой, но онъ не былъ. Ежели не увижусь до обѣда, то послѣ обѣда опять къ нему пущусь. Такъ все и валитъ изъ Петербурга.

*

Москва, 4 Мая 1828.

Дашкова я вчера видѣлъ, былъ у него часа два. Очень, кажется, здоровъ. Совѣстно было звать къ себѣ на вечеръ, хотя бы рады были ему и въ сюртукѣ, не смотря на гостей, кои у насъ были: онъ вечеромъ же и пустился въ дальній путь. Grâce à votre frère, dit-il, nous n'osons pas nous arrêter plus d'une demie-journée à Moscou. Это и дѣло, а то какъ бы такому множеству народа ѣхать безъ остановки въ лошадяхъ? У Дашкова бездна перебывала народу, такъ что ему надоѣло, и я не могъ порядочно съ нимъ поболтать. Чумага, comme de raison, былъ тутъ на безсмѣнныхъ ординарцахъ и сообщалъ письмо отъ 23 изъ Кишинева, по коему Турки сдѣлали нашествіе на Бухарестъ, сожгли его и опять тягу дали. Это было, видно, послѣднее ихъ нѣжное прощаніе съ княжествомъ симъ. Можетъ быть, это и не правда еще. Изъ Царьграда есть извѣстія отъ 13-го; тамъ все спокойно, но великое царствуетъ уныніе, и ничего такъ не боятся, какъ высадки прямо въ столицу, а потому и наблюдается строгое крейсированіе около Босфора.

*

Москва, 5 Мая 1828.

Былъ я сейчасъ у Волкова, съ коимъ говорилъ о положеніи несчастнаго Алексѣева[2]). Государю вѣрно было бы больно узнать, что ген.-лейтенантъ, служившій 50 лѣтъ, получившій девять ранъ, находится на смертномъ одрѣ въ такой нищетѣ, что не на что лѣкарствъ покупать. Довести это до свѣдѣнія Государя, столь милостиваго, какъ нашъ, —это, мнѣ кажется, сдѣлать ему пріятное. Немного стоило мнѣ труда убѣдить Волкова, и онъ на меня возложилъ сочинить письмо, что̀ тотчасъ по отправленіи почты и исполню. Дай Богъ успѣха! Ежели милость не найдетъ Алексѣева въ живыхъ, то обратится на вдову и дѣтей. Вчера князь Дм. Вл. сказывалъ (не мнѣ однакоже, а Ланскому,

---

[1]) Дмитрій Васильевичъ Дашковъ (сестра котораго была за Титовымъ) состоялъ тогда при графѣ Нессельроде, который отправился, какъ и Государь, къ арміи на Югъ.

[2]) Это зять Ф. Ф. Вигеля.

мнѣ пересказывавшему), что проѣхалъ фельдъегерь отъ Паскевича къ Государю съ извѣстіемъ, что Турки начали противъ насъ въ той сторонѣ военныя дѣйствія, но гдѣ? Сказываютъ, около Анапы, а другіе на Эриванской границѣ. Удивительно, что даже фельдъегерю надо понапрасну ѣхать въ Петербургъ, когда знаютъ, что Государя тамъ нѣтъ; по крайней мѣрѣ можно бы отправить съ такимъ извѣстіемъ эстафету къ Государю. Турки сдѣлали набѣгъ и перерѣзали нашъ аванпостъ, состоявшій изъ 200 человѣкъ. Не горскіе ли то были народы, Турками подстрекаемые? А ежели Турки, то и на сушѣ также ихъ накажутъ, какъ были на морѣ въ Наваринѣ наказаны за дерзость свою.

*

Москва, 11 Мая 1828.

Есть нѣкто молодой человѣкъ, служащій у насъ въ коллегіи, Николай Михайловичъ Смирновъ*). Онъ недавно вышелъ изъ опеки, богатъ, былъ во Флоренціи съ сыномъ пріятеля моего графа Девіера. Этотъ Девіеръ, увидя одинъ разъ Катеньку въ моемъ кабинетѣ, началъ хвалить ея красоту, прибавляя: вотъ бы ей женихъ Смирновъ, молодъ, порядоченъ, добръ и богатъ. Я засмѣялся и отвѣчалъ, что она слишкомъ молода.—Да кто же васъ торопитъ? Вы же его и не знаете еще; дайте ему пріѣхать сюда, узнайте его покороче, и ежели будетъ вамъ угоденъ, то можно со временемъ и дѣло сдѣлать. Я благодарилъ за добрую волю, и такъ и осталось. Этотъ Смирновъ ѣдетъ сюда, но не хочетъ оставить Петербурга, не бывъ введенъ въ твой домъ и не познакомясь съ тобою. Здѣсь всѣ меня атакуютъ и просятъ о письмѣ для него. Вчера долженъ былъ я онымъ снабдить родственницу его, княжну Волконскую, что̀ за Наумовымъ Алексѣемъ Александровичемъ, о чемъ тебя и предупреждаю, любезный другъ. Ты мнѣ скажешь, каковъ онъ; хотя и полагаю я предположенія графа Девіера воздушными замками, но зачѣмъ не завести знакомства съ порядочнымъ молодымъ человѣкомъ? Все это будетъ между нами, а то попадись кумушкамъ подъ язычекъ, такъ Богъ знаетъ, какія сплетутъ басенки.—Вчера былъ я у Рушковскаго, говоря, что ты пишешь о его чинѣ, и что ты совсѣмъ не того мнѣнія, что ему достался оной за ничто, какъ многіе утверждаютъ. Я сказалъ ему, что ты раздѣляешь мое желаніе—быть ему еще полвѣка почтдиректоромъ и накопить милліонъ. Очень благодарю, отвѣчалъ онъ; но на что̀ мнѣ? Я привыкъ къ бѣдности.—Ежели такъ, то почему вамъ не употреблять то, что̀ почитаете лишнимъ,

*) Что̀, черезъ три года, женился на Александрѣ Осиповнѣ Россетъ.

на дѣланіе добра? Братъ шутитъ въ своемъ письмѣ и говоритъ: пусть Ив. Алекс. сдѣлаетъ насъ своими наслѣдниками. Онъ засмѣялся и прибавилъ: Очень хорошо! Такъ братецъ вамъ это пишетъ? — Да, жаль, что нѣтъ письма со мною, а то бы вамъ прочиталъ; что̀ мнѣ съ вами секретничать, да кто же можетъ быть ближе къ вамъ брата?—О! К. Я. мой благодѣтель, я всѣмъ ему обязанъ. Скажите мнѣ пожалуйста, какимъ образомъ сдѣлалось мое пожалованіе въ тайные совѣтники, не знаете ли вы? Не пишетъ ли вамъ К. Я?—Не знаю, но думаю, что вѣрно князь просилъ Государя. Напиши мнѣ, ежели знаешь, а не то самъ увѣдомь Ив. Алекс.; онъ раза два этого добивался. Такъ какъ шелъ дождь, а я былъ въ дрожкахъ, то я пробылъ у него съ часъ, калякая о всякой всячинѣ. Большой чудакъ, а только добрый человѣкъ.

Всѣ удивляются твердости князя Юрія Влад.: онъ закрылъ самъ глаза дочери и распоряженія дѣлаетъ для ея похоронъ. Въ эти лѣта чувствительность уже иступляется. Говорятъ, что покойница умерла въ большихъ мученіяхъ и что кромѣ всѣхъ горячекъ, былъ у нея еще ракъ на спинѣ. Вчера также умерла сестра П. Х. Обольянинова, Симонова, кажется; вдова. Нашъ бѣдный Калайдовичъ впалъ въ ражъ, такъ что четверо его едва могутъ удержать. Жаль! А очень способный человѣкъ и одинъ изъ лучшихъ нашихъ чиновниковъ.

*

Москва, 12 Мая 1828.

Экая гора свалилась, Демидовъ. Je suppose que c'est comme si le grand-duc de Toscane était mort. И богатство не спасло отъ общей участи. Чтобы дураку-сыну купить теперь Фастовъ домъ, въ коемъ такъ долго онъ жилъ и, наконецъ, сжегъ. Что-то, сдѣлалъ ли Ник. Никит. завѣщаніе какое-нибудь?—Мнѣ хотѣлось было обѣдать въ клобѣ, гдѣ будетъ ужасная баталія: четверо будутъ говорить рѣчи, а кашу наварилъ опять Ив. Ив. Дмитріевъ. Ты помнишь, что прошлаго года клобъ не уважилъ мнѣнія его, кое было забалотировано; онъ не только отказался отъ званія старшины, но и члена; ему послали билетъ при просьбѣ принять его, но онъ не захотѣлъ. Теперь, скучая по вечерамъ, не зная куда дѣваться, онъ видно кое-кому щепнулъ постараться его опять ввести въ клобъ. По этому случаю готовится большое преніе между двумя сильными партіями. Двое старшинъ сказались больными; Четвертинскій, Садыковъ и Кошелевъ за Дмитріева, прочіе противъ. Чѣмъ-то вся эта комедія кончится? Только я боюсь, чтобы все это не пріуготовило паденіе клоба*).

*

*) Племянникъ И. И. Дмитріева былъ исключенъ изъ Англійскаго клуба за то, что не только преслѣдовалъ князя Шаликова насмѣшками, но и нанесъ ему оскорбленіе дѣй-

Москва, 16 Мая 1828.

Не стало моей Николевой! Она скончалась въ 10 часовъ утра. Вчера говорила она мнѣ о многихъ устройствахъ своихъ, просила вѣрнѣе доставить пакетъ къ брату ея Алексѣю Николаевичу Бахметеву (вѣроятно, съ завѣщаніемъ), не болѣе обыкновеннаго жаловалась на страданіе свое, сегодня рано захотѣла исполнить долгъ христіанскій, послѣ хотѣла . . . . . Надобно думать, что усилія заставили воду подняться, чѣмъ и была она задушена. Надобно было осмотрѣть всѣ бумаги и ларчики, гдѣ нашлось тысячъ до 8 денегъ; кажется, это все ея достояніе. Я долженъ былъ съ Хрущовымъ заняться всѣмъ этимъ. Племянницу ея, дочь Алек. Ник., что̀ отъ Шоазельши, тотчасъ перевезли къ Хрущовымъ; она не знаетъ еще о кончинѣ тетки. Николева только-что переѣхала въ прекрасный домикъ Муравьевой, Лизанкиной пріятельницы. Хрущовы мнѣ предлагаютъ оный, но жену вѣрно не уговоришь: ей все будетъ казаться вездѣ тѣнь покойницы. Жаль мнѣ очень, добрую потерялъ я пріятельницу; женщина была умная, твердая и имѣла много мужскихъ добродѣтелей. Какъ я ни ожидалъ этого несчастія давно, оно меня поразило, ибо только что не въ моихъ глазахъ испустила духъ. Sa vie est un roman. C'est assez singulier qu'elle a passé pour une femme très galante, qu'elle a été mariée et la maîtresse reconnue du feu Ник. Вас. Обрѣзковъ, et cependant elle est morte vierge. Cette phrase que je vous transcris m'a été plus d'une fois répétée par elle-même. Когда-нибудь тебѣ разскажу тайну, ввѣренную мнѣ ею: это точно романъ. Мнѣ смѣшно было слушать слова одной ея родственницы, которая, плакавши тутъ, говорила: enfin c'était une grande pécheresse, mais elle a cruellement expié ses péchés! Я думалъ самъ себѣ: вотъ какъ трудно судить о другихъ по наружности.—Новаго ничего не слыхать у насъ. Завтра пять первыхъ докторовъ должны экзаменовать Турчанинову и при себѣ заставить магнетизировать, на что̀ и она очень согласна. Теперь будутъ говорить, что она Николеву уморила.

*

Москва, 17 Мая 1828.

Я очень радъ прибытію великой княгини Маріи Павловны: она будетъ служить утѣшеніемъ матери. А тебѣ все хлопоты. Да какъ не служить царямъ нашимъ усердно? Кромѣ того, что это долгъ нашъ, они такъ признательны за исполненіе онаго. Урусова пишетъ къ ма-

ствіемъ. Обоихъ исключили изъ числа членовъ клуба. Дядя самъ не захотѣлъ поэтому оставаться членомъ клуба и возвратилъ туда билетъ; но вскорѣ старшины поѣхали къ нему на Спиридоновку и упросили перемѣнить гнѣвъ на милость.

тери: Notre voyage a l'air d'une partie de plaisir. L'Impératrice se porte très bien, et elle est d'une humeur charmante. Архивскія птички всѣ разлетаются.

*

Москва, 19 Мая 1828.

Монета Сашкина большую играть роль перестала; ибо, боясь чтобы ея не украли или потеряли, я объявилъ, что послалъ ее пріятелю въ чужіе краи, чѣмъ положилъ преграду всеобщему любопытству. Ежели будетъ у тебя лишняя, пришли: Лодеръ только что руки не цѣловалъ у меня, просилъ достать монетку для славнаго Гёте, его пріятеля и охотника въ родѣ Вейса.—Проклятая саранча нахлынула на Рузу и окрестности. Тестю пишутъ изъ Горбова, что новей она не трогаетъ, а сѣла на лѣса и зелень. Онъ писалъ, чтобы прислали ему нхъ нѣсколько живыхъ. По воздуху носятся облака; предполагаютъ что это все гадина сія, которая подвигается къ Москвѣ. Воронцовъ, кажется, училъ какъ-то, чѣмъ отъ нея избавляться.

*

Москва, 22 Мая 1828.

Меня долго задержалъ еще дома Д. Н. Каменскій, который скоро ѣдетъ къ вамъ. Г.г. сенаторы его, кажется, не узнали. Онъ малый честный и сдѣлалъ навыкъ, кажется, къ службѣ. Я его ободрялъ; теперь такой министръ, что вѣрно не выдастъ добраго человѣка, и онъ вѣрно найдетъ подпору въ Закревскомъ. Скоро получимъ, кажется, интересныя извѣстія изъ арміи. Михаилъ Павловичъ вѣрно будетъ въ Георгіѣ по милости Браилова.

*

Москва, 23 Мая 1828.

Мои Архивскіе такъ и налетаютъ, какъ саранча, проситься въ отпуски. На 28 дней бы ничего; а вотъ бѣда, какъ на мѣсяцы просятся, надобно коллегіи спрашиваться. Завтра призываемъ мы въ Архивъ молодца Соболевскаго объявить, чтобы подавалъ въ отставку: рапортуется больнымъ, а бываетъ на всѣхъ гуляньяхъ и только что не живетъ на улицѣ.

*

Москва, 28 Мая 1828.

Право, сердце содрогается, видя, что Государь, для дряннаго этого Браилова, которому не миновать участи своей, такъ себя подвергаетъ. Объ этомъ только и говорятъ, и я спорилъ со многими высшими. Они говорятъ: какъ молодому Государю, не бывшему никогда въ огнѣ, не показать себя молодцомъ передъ войскомъ въ первомъ дѣлѣ?—Да помилуйте, развѣ не показалъ онъ себя молодцомъ 14 Декабря? Что̀ за достоинство быть храбрымъ? Въ нашей 800-тысячной арміи вѣрно 500

трусовъ не отыщешь; но сколько найдешь ты между храбрѣйшими изъ генераловъ и офицеровъ, кои показали бы твердость, хладнокровіе, присутствіе духа Государя въ этотъ роковой день? Право, страшно подумать. Я вспомнилъ смерть Моро. Ядро глупо пущенное въ кучу генераловъ, оно не разбираетъ, кто необходимъ и кто безполезенъ Россіи. Дай Богъ, чтобы таковыя происшествія не случались болѣе. Жена ахнула, какъ я читалъ. Охъ вы, труспхи, сказалъ я было ей, да какъ прочелъ еще разъ, то съ нею согласился. Я получилъ отъ Воронцова Одесскій журналъ для первыхъ 26 подписчиковъ; по оному узнали мы о прибытіи въ Одессу Государя и Императрицы, изъ первыхъ рукъ; это приголубитъ подписчиковъ, коихъ у меня теперь уже болѣе 40. Сегодня посылаю Воронцову деньги, прося новыхъ присылокъ журнала.—Ты не вѣрилъ тестевой саранчѣ, да оно и вышло по твоему: это стрекозы, коихъ дѣйствительно много этотъ годъ, но у страха, видно, глаза велики. Какъ бы они телятъ не приняли за тигровъ или гіенъ?

*

Москва, 29 Мая 1828.

Вчера сказывалъ мнѣ Влад. Голицынъ (который, помнишь, выпѣлъ у тебя одинъ разъ открытый лпсть съ какимъ-то романсомъ, не Черная ли Шаль?), что ему привалило имѣніе: тетка Шепелева отдаетъ ему все, что̀ имѣетъ и часть приходящую ей послѣ брата Энгельгардта, который умеръ. Кстати это, его дѣла были плохи; авось-либо хватится за умъ и перестанетъ играть.

Сію минуту приносятъ почту и твой № 64; прибавленія печатныя взяты изъ Одесскаго Вѣстника, по коему мы уже третьяго дня знали, что Государь прибылъ въ Одессу. Эта поспѣшность пріохотитъ подписчиковъ; да вообще журналъ хорошъ, и я Воронцову писалъ: Je répète à tout le monde, qu'il ne faut pas confondre le journal d'Odessa avec le vin d'Odessa, qui est détestable, tandis que l'autre est fort bon. То-то, я чаю, Воронцовы хлопочутъ оба! Дай Богъ только, чтобы были здоровы.

*

Москва, 1 Іюня 1828.

Есть нѣкто капитанъ Кардацы, Грекъ, оказавшій нѣкогда услуги Россіи, но имѣлъ разныя несчастія, и трудъ его оставленъ безъ награды. Онъ теперь очень бѣденъ, былъ у меня, разсказывалъ всѣ свои приключенія, кажется большой вострякъ, но добрый человѣкъ и уже въ лѣтахъ. Писаревъ совѣтовалъ ему составить брошюрку. Вотъ она. Теперь бы ему быть въ Греціи, но нечѣмъ собраться, а хочетъ онъ ѣхать въ Варшаву. Цесаревичъ его знаетъ лично, а Курута протежи-

руетъ. Я буду стараться что-нибудь ему собрать. Не дастъ ли кто-нибудь въ Петербургѣ? Всякое даяніе благо. Я ему далъ 25 р.; больше гдѣ взять? Онъ очень былъ доволенъ.

*

Москва, 6 Іюня 1828.

Какъ я тебѣ благодаренъ за прекрасную медаль! Работа и мысль очень хороша. Ты замѣтилъ ли, что фигура, представляющая Вѣру—Императрица А. Ѳ., а въ Воинѣ изображенъ Императоръ; обоихъ можно узнать; только видно, что не въ Россіи выбито: въ надписи вкругъ изображенія Государя написано Императорь, вмѣсто ъ тутъ ь. Стану чваниться, показывать и хвастать. Кабы тесть былъ, вѣрно бы отнялъ у меня на нѣсколько дней [1]).

*

Москва, отъ 7 Іюня 1828.

Мнѣ надобно ѣхать и въ Архивъ, и въ соборъ, гдѣ молебствіе по случаю перехода авангарда нашего черезъ Дунай. Извѣстіе это получено княземъ Дм. Вл. отъ графа Толстого по эстафетѣ. Надобно помолиться за нашихъ.

Письмо запечатываю въ Архивѣ. Въ соборѣ было очень много народу, и всѣ усердно молились. Послѣ молебствія я заходилъ къ Филарету въ алтарь, показывалъ ему медаль; онъ очень благодарилъ, любовался и сказалъ: Вотъ и чужестранцы Русскихъ на Русскомъ же языкѣ восхваляютъ; а кто знаетъ, не будетъ ли когда-нибудь Русскій языкъ въ такомъ же употребленіи, какъ бывалъ Гишпанскій, Латинскій, а нынѣ Французскій?

*

Москва, 9 Іюня 1828.

Давно обѣщалъ я Лодеру, да и самому хотѣлось, посмотрѣть заведеніе искусственныхъ водъ [2]). Всталъ сегодня въ 6 часовъ и отправился, позавтракавъ, туда. Тамъ нашелъ я Лодера, который въ меня впился и все мнѣ прекрасно показалъ, но продержалъ все почти утро. Надобно сознаться, что все устроено прекрасно, по моему лучше, нежели въ Карлсбадѣ; есть комнаты въ домѣ, галлерея съ защитою отъ солнца и дождя, родъ терассы и кромѣ того обширный садъ. Я нашелъ множество дамъ и кавалеровъ, болѣе 130 человѣкъ. Я увѣренъ, что заведеніе это процвѣтетъ, какъ дилижансы. Тутъ видѣлъ я всю семью безъ изъятія Киндяковыхъ, Высоцкихъ, графиню Кутайсову, Васильеву, Бехтѣевыхъ, Хрущова, Абазу, Ржевскаго, Вейтбрехта, Вареньку Трубецкую, которая ужасно худа и перемѣнилась, Нечаева, Жихарева; этотъ собирается пить тоже.

*

[1]) Какая именно эта медаль, не знаемъ.

[2]) Это заведеніе находилось на Остоженкѣ, рядомъ съ нынѣшнимъ Катковскимъ Лицеемъ.

Москва, 11 Іюня 1828.

Прежде возвѣщу тебѣ появленіе della signora Dame-Blanche [1]). Глядимъ давеча, къ намъ летитъ на дворъ стеклянная карета съ двумя красными гайдуками. Кому другому быть? Мамонова! Нашла дѣтей переросшими, похорошѣвшими и тотчасъ влюбилась въ Пашку. Отдайте мнѣ его! Стара шутка; заведи, мамзель, своихъ малютокъ. Тащила къ себѣ обѣдать, но кончилось тѣмъ, что посадила меня въ карету и завезла въ Англійскій клобъ, гдѣ всѣ меня спрашивали: qu'est-ce que cette dame voilée? А Юсуповъ-балагуръ прибавилъ: j'espère qu'elle était et voilée, et violée. Сама не знаетъ, чтó будетъ дѣлать; хочетъ и не хочетъ вóды пить; брата и хочетъ, и боится видѣть, проситъ съ нею ѣхать туда, да и не хочетъ, чтобы онъ зналъ, что она здѣсь. Все такая же безтолковая; просила завтра обѣдать у нея pour parler raison, а выйдетъ вздоръ. Не спросилъ я, съ нею ли ея сахаръ Захаръ. Живетъ въ братниномъ, а не въ своемъ домѣ.

И я Кардацы далъ этотъ же совѣтъ, чтò ты: ѣхать въ армію. Есть, говоритъ онъ, долзонки, котори ни пускаютъ, а мина совѣсна, ни хоцу быть дурной цаловѣкъ. Я кое-какъ набралъ 50 р., коимъ онъ очень однакоже былъ радъ.

Пану Михалу [2]) сказать чтò о «Панѣ Твердовскомъ» пана Верстовскаго? Я разъ только видѣлъ. Музыка взята и отъ Вебера, и Керубини, аранжирована изрядно, только нѣтъ ни morceaux d'ensemble, ни финаловъ, все аріи или romances, да хоры. Я это и Верстовскому выговаривалъ самому, а сочинитель поэмы, Загоскинъ, говоритъ, что у него были помянуты и дуэты, и терцэты. Cette pièce assez insipide par elle-même est connue, car il y a beaucoup pour les yeux, des tableaux qui s'ouvrent, des morts qui en sortent, un monstre de mauvais génie, qui apparait continuellement à pan Twerdofsky, des innondations, des incendies etc.

*

Москва, 12 Іюня 1828.

Я сію минуту изъ собора, любезнѣйшій другъ. Куда какъ всѣ усердно молились, а Филаретъ со слезами благословлялъ крестомъ, когда провозглашали многолѣтіе Государю. Князя Дмит. Влад. не было однакоже на молебствіи. Видно, нездоровъ. Тутъ былъ князь Яковъ Ив. Лобановъ, коему пересказывалъ я подробности, тобою сообщенныя; онѣ не извѣстны здѣсь. Звалъ къ себѣ на битву биліардную и обѣдать сегодня. Пущусь; я люблю этого старика: всегда веселъ и шутитъ. Съ какимъ удовольствіемъ перечитывалъ я подробности нашихъ

[1]) Названіе одной оперы.

[2]) Т. е. графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому.

успѣховъ. Ай да шахъ! Другіе государи позавидуютъ уваженію, которое умѣлъ Государь нашъ вселить въ непросвѣщеннаго шаха.—Говорятъ много о какомъ-то чудовищѣ-медвѣдѣ, имѣющемъ 4 аршина вышины, когда становится на дыбки. Ив. В. Чертковъ*) зоветъ съ собою на травлю завтра; но я, признаться, не охотникъ до этихъ зрѣлищъ.

*

Москва, 13 Іюня 1828.

Славно идутъ дѣла наши съ Турками! У меня, братъ, одно только опасеніе, что султана свои удавятъ; тогда-то можетъ завариться каша, и союзники какъ бы не перессорились при раздѣлѣ пирога. Надобно полагать, что Махмудъ одумается и согласится на наши умѣренныя и справедливыя требованія.

Въ цѣломъ городѣ не могу найти карты Турецкой. Сдѣлай одолженіе, пришли мнѣ театръ войны нашей. Единственная, которую имѣю, это тобою подаренная, но это токмо почтовая, а въ городѣ такая дрянь, что даже и Анапа не означена. Какъ глупы наши книгопродавцы, что не запасутся картами хорошими! Какая это карта дѣлается по подпискѣ? Я бы желалъ подписаться для Архива, а ежели хороша, то и для себя также. Побѣгу къ Киселевой поздравить ее съ генералъ-лейтенантствомъ Павла Дмитріевича: то-то обрадуется!

*

Москва, 14 Іюня 1828.

Киселева семья въ восхищеніи отъ чина Павла Дм.; безъ этой войны, долго бы ему дожидаться производства по старшинству. Отличіе, сдѣланное Витгенштейну, также велико; но и дѣла войскъ нашихъ славны. Сообщай-ка почаще такіе успѣхи, мой милый и любезный другъ. Я увѣренъ, что Грейгъ и Меншиковъ не ударятъ лицомъ въ грязь, и полагаю даже, что Анапа будетъ взята прежде Браилова.

Нѣтъ, мой милый другъ, подушка не отъ насъ. Фазанъ птица не нашихъ лѣсовъ. Теперь могу открыть тайну. Часто съ покойною Николевою говорили мы, бывало, о тебѣ; она, по наслышкѣ одной любя тебя душевно, начала еще послѣ Новаго года шить для тебя эту подушку, но не смогла кончить ее къ 21 Мая и отдала fond додѣлывать швеямъ. Она, бѣдная, дня за четыре до кончины своей, мнѣ говорила: ну, мой любезный, ежели подушка не поспѣетъ къ 21-му числу, то не моя вина, а Парашѣ (дѣвушкѣ ея) я велѣла торопить швею. Въ тоже утро, что умерла, приказывала заплатить бахромщику за кисти и за набиваніе подушки, все ее спрашивала, но готовую уже видѣть не успѣла. Записку, которая была приколота на подушкѣ, также она

*) Это бездѣтный племянникъ бездѣтнаго Евграфа Александровича Черткова, пособника Екатерины Великой при ея восшествіи на престолъ, впослѣдствіи свидѣтеля бракосочетанія ея съ Потемкинымъ (или осенью 1774, или въ первой половинѣ 1775 года).

дала мнѣ, прося, чтобы ты все это получилъ, не зная отъ кого прислано. Ея нѣтъ теперь на свѣтѣ, то могу тебѣ сказать, и подушка эта, вѣрно, будетъ тебѣ мила. Николева умерла дней за пять до твоихъ имянинъ, сдѣлалась кутерьма въ домѣ и забыли о подушкѣ. Вотъ тебѣ вся исторія.—Фастъ уѣхалъ на три дня въ Петелино, гдѣ копаетъ прудъ; жалуется, что боленъ и нога одна распухла, надѣлъ башмаки прошлаго столѣтія и преуморительные панталоны лѣтніе. Этотъ не будетъ никогда щеголемъ. Нелегкая догадала его купить органъ съ музыкою; когда къ нему ни придешь, дѣти немилосердно по очереди играютъ, такъ что голову разстукиваютъ. Я ему сталъ выговаривать, такъ онъ отвѣчалъ: молчи лучше; отецъ твой, право, умнѣйшій былъ въ мірѣ человѣкъ, а ужъ вѣрно умнѣе меня съ тобою, да и у того были помнишь органы?—Былъ, да не цѣлый же день въ нихъ брянчали, какъ у тебя теперь.—Пусть, душечка, дѣти забавляются: это сдѣлаетъ ухо ихъ музыкальнымъ. — Держи карманъ! Выбралъ все такую дрянь, а еще по заказу: рѣченька, да Камаринскій, веселая голова и пр.—Николева у насъ славилась въ Москвѣ пальчиками своими и работала необыкновенно скоро. Она мнѣ вышила также прекрасную подушку; представляетъ Турку, удерживающаго взбѣсившуюся верховую лошадь, на бѣломъ бархатѣ. Часто я и съ горестію вспоминаю о бѣдной Николевой. Какая была умница! Всякій Божій день бывалъ я у нея и сиживалъ часа по два, а иной и цѣлый вечеръ.

*

Москва, 15 Іюня 1828.

Обѣдалъ я у князя Якова Ивановича *); играли въ биліардъ. Я пріобрѣлъ 100 р., потащилъ онъ меня на пруды гулять; было немного. Откуда явился вдругъ Савельичъ, въ какомъ-то женскомъ капотѣ, на головѣ родъ скуфейки бархатной, украшенной левкоями и розанами, началъ пѣть, любезничать и собралъ около себя человѣкъ 100. Только старамъ становится; поплясалъ немного и такъ запыхался, что насилу отдохнулъ. Вечеромъ заѣхалъ на минуту въ Аглинскій клобъ, гдѣ нашелъ Вяземскаго, съ коимъ болѣе часу проболталъ.

Когда увидишь Закревскаго, за меня поцѣлуй. Здѣсь распустили глупый слухъ, будто онъ прислалъ сюда чиновника запечатать заведеніе водъ искусственныхъ, яко вредное для пьющихъ оныя. Съ этого я полагаю начать бы; а позволивъ разъ, какъ же запечатать? Это все выдумки противной партіи, т. е. тѣхъ докторовъ, кои завидуютъ успѣхамъ заведенія и барышамъ Лодера et c-ie.

*

*) Лобанова-Ростовскаго.

Москва, 18 Іюня 1828.

Навеселился я, любезный другъ, у Хрущовыхъ. Время было безподобное, и туда ѣхавши такъ было весело, что не видали, какъ проѣхали 22 версты. Сидѣло насъ четверо въ 4-мѣстной каретѣ: Жихаревъ, Лобановъ, кн. Ив. Ал., Афросимовъ и я. Почти подъѣзжая къ Усову, Жихаревъ примѣтилъ, что кучеръ (извощикъ наемный) качается. Что̀ такое? Вышло, что онъ мертво пьянъ.—Помилуйте! Я? Какъ-съ, како̀й я пьянъ? Меня закачало отъ дороги... Только на ухабѣ вдругъ сбросило его подъ колесо съ козелъ. Лошади къ счастію остановились, да и форейторъ, племянникъ его, всю дорогу бѣдняжка все ѣхалъ оглядываясь и, увидя, что почтенный его дяденька упалъ съ козелъ, тотчасъ остановилъ свою пару, отъ чего и тѣ четыре также остановились. Могъ бы убиться до смерти. Таки силою влѣзъ опять на козлы и благополучно насъ довезъ. Какъ эти люди живы! Вообрази себѣ, что пьяный, просидѣвъ два часа на козлахъ въ зной такой, въ поту, какъ былъ, кинулся въ Москву-рѣку, пьяный купался, плавалъ, вышелъ изъ воды и голый легъ на траву подъ деревомъ спать, какъ ни въ чемъ не бывало. Стали ему выговаривать, такъ онъ отвѣчаетъ: да вѣдь наше дѣло мужицкое, у меня не барская кровь; слава Богу только, что кто-нибудь не сшалилъ, да платья у меня не укралъ. Заставили насъ тамъ ѣсть, пить, гулять, играть въ мушку. Надобно было и поужинать, и мы въ Москву возвратились въ три часа пополуночи.

Число пьющихъ воды видимо прибавляется. Три недѣли тому назадъ было 120, а намедни Лодеръ говорилъ, что 170 слишкомъ. Вотъ болѣе 15 т., ежели и по 90 р. полагать; а теплыя воды по 100 р., а холодныя по 80 р. въ мѣсяцъ, не считая ваннъ, кои по 10 р. каждая. Многіе чувствуютъ великое облегченіе. Хрущовъ сказывалъ мнѣ, что, по приказанію Ал. Петр. Ермолова, онъ купилъ для него подмосковную въ 22 верстахъ отъ Москвы, по Можайкѣ, и заплатилъ 40 т.; очень хвалитъ, она была Евгенія Ивановича Маркова. Ермоловъ хочетъ основаться здѣсь. Это славное пріобрѣтеніе для нашего общества.

Охъ, звалъ больной Вас. Львовичъ къ себѣ обѣдать сегодня съ Вяземскимъ; не знаю, рѣшусь ли ѣхать. Далеко въ Слободу*), да и усталъ я отъ поѣздки загородной; хотѣлось бы отдохнуть. Увижу, какъ отдѣлаюсь въ Архивѣ. Я вчера сдѣлалъ глупость. Хрущовъ дарилъ мнѣ

---

*) Василій Львовичъ Пушкинъ жилъ въ собственномъ домѣ, на Старой Басманной, неподалеку отъ Нѣмецкой Слободы.

славную лошадь для завода, у нихъ тутъ тоже заводъ въ подмосковной, я поцеремонился; но дѣло можно еще поправить.

*

Москва, 19 Іюня 1828.

Пфеллеръ явился; приступаетъ все, чтобы я воды пилъ. Ежели дѣлать, то ужъ порядочно, теперь не могу никакъ. Старикъ хочетъ тебѣ жаловаться. Въ будущемъ мѣсяцѣ можно будетъ подумать объ этомъ. Большая на нихъ мода теперь, князь Дм. Вл. и княгиня его тоже начали пить. Не помню, сообщалъ ли я тебѣ beau-mot Посникова. Сидитъ онъ въ Сенатѣ, видитъ Дурасова возвращающагося съ водъ.—Ба! говоритъ Посниковъ, должно быть поздно.—А что? — Да вотъ и скотина возвращается уже изъ водопойла.—Съ будущей недѣли будетъ тамъ и музыка, какъ въ Карлсбадѣ.

Пфеллеръ мнѣ сказывалъ, что племянникъ его, адъютантъ гр. Чернышова, былъ отправленъ на какой-то заводъ; онъ послалъ оттуда эстафету къ своему генералу, эта эстафета была около Торжка ограблена. Скажи это Чернышову, ежели его увидишь, чтобы онъ Пфеллера не считалъ неисправнымъ или умершимъ. Можетъ быть, пишетъ тебѣ и Рушковскій объ этомъ.

*

Москва, 21 Іюня 1828.

Поздравляю тебя съ побѣдами; но желательно, чтобы славный миръ избавилъ бы насъ на будущія времена отъ нужды брать штурмами проклятыя эти Турецкія крѣпости, которыя много уже стоили Русской крови. Также прислалъ мнѣ Воронцовъ письмо рейсъ-эффенди къ Французскому послу въ Корфѣ, съ коимъ задираютъ Турки негоціаціи. Это хорошо, лишь бы не мѣшало продолженію военныхъ дѣйствій.

Вигель пріѣхалъ изъ Одессы, долго у меня сидѣлъ и много разсказывалъ. Воронцовъ царски угощаетъ Императрицу, которая изволитъ жить въ его домѣ*). Сервизы, серебро, фарфоръ, хрусталь, столовое бѣлье, все хозяйское, и все новое съ иголочки, все обдуманно для покоя и удовольствія Государыни. Императоръ чрезвычайно ласкаетъ Воронцова. Съ маленькимъ сынкомъ его былъ споръ у Государя. Ты не любишь папеньку!—Люблю.—Нѣтъ, не любишь; я знаю.—Нѣтъ ты врешь, я тебя прибью, я люблю папу. Только Государь сталъ продолжать шутку, а мальчишка такъ разсердился, что схватилъ песку горсть (споръ былъ въ саду) и бросилъ Государю въ лицо, а Государь ну смѣяться, повторяя: я виноватъ, защищалъ неправое дѣло; а Воронцовъ испугался, не попало ли песку въ глаза императорскіе.

*) Этотъ домъ на углу Одесскаго приморскаго бульвара былъ тогда только-что отстроенъ. Императрица жила въ немъ съ 9-ти лѣтнею великою княжною Маріею Николаевной, которую учила Русскому языку племянница Жуковскаго, супруга Одесскаго карантиннаго начальника, Анна Петровна Зонтагъ, ур. Юшкова.

Кажется, что Митюша Н. [1]) не останется на своемъ мѣстѣ и что Вигель будетъ губернаторомъ; онъ малый умный и свѣдущій.

*

Москва, 22 Іюня 1828.

Браиловъ взятъ, не безъ жертвъ; но какъ же быть? Очень тебя благодарю, что не полѣнился ты выписать слова великаго князя. Мы читали это съ восхищеніемъ. Такія подробности тѣмъ пріятнѣе и любопытнѣе, что онѣ не помѣщаются въ официіальныхъ реляціяхъ. Въ короткое время Государь могъ изучить всю военную науку, одну только ему неизвѣстную на практикѣ. Онъ былъ на сраженіяхъ сухопутныхъ и морскомъ, видѣлъ осаду, сдачу важной крѣпости, переходъ черезъ большую рѣку цѣлой арміи. Порядочный курсъ, можно всему научиться.—Насилу уѣхалъ Чумага. Я ему читалъ извѣстія изъ арміи, письмо рейсъ-эффендія къ Вильемино, присланное мнѣ Воронцовымъ, съ коимъ онъ задираетъ негоціацію, приглашаетъ обратно въ Царьградъ; но это манера этихъ плутовъ: все дѣлаютъ увѣренія и пакости. Ежели подлинно хотятъ мира, то на что̀ имъ Французовъ и Англичанъ? Доро̀га къ миру имъ указана въ нашемъ манифестѣ. Пусть пошлютъ уполномоченныхъ въ главную нашу квартиру. Чумага посылаетъ тебѣ почтеніе свое, а насъ всѣхъ зоветъ къ себѣ завтра въ Останкино обѣдать. Добре! Вспомню твое, наше тамъ житье.

*

Москва, 23 Іюня 1828.

Третьяго дня случилось здѣсь трагическое происшествіе: двѣ сестры, обѣ замужемъ, мужья въ отлучкѣ, одна здѣсь, другая въ подмосковной. Здѣшняя занемогаетъ, посылаетъ за тою; та пріѣзжаетъ, находитъ сестру уже умершею, кидается на тѣло, лобызаетъ его и на немъ тутъ-же духъ испускаетъ. Обѣихъ кладутъ на одинъ столъ, въ одно время хоронятъ и въ туже могилу кладутъ. Одна изъ нихъ Гурьева какая-то, а другая не знаю за кѣмъ. Но столь трогательная, нѣжная черта любви сто̀итъ того, чтобы подробнѣе развѣдать. Разспрошу правда-ли? Можетъ быть, и прикрашена исторія.

*

Москва, 25 Іюня. 1828.

Поздравляю тебя съ радостнымъ для Россіи днемъ сегодняшнимъ[2]), мой милый и любезный другъ. Ужъ вѣрно усердно всѣ помолятся въ

---

[1]) Нарышкинъ. Его мать Авдотья Ивановна, дочь графа Ивана Ларіоновича Воронцова. Нарышкина заступилъ въ должности Симферопольскаго губернатора А. И. Казначеевъ.

[2]) День рожденія Николая Павловича; ему пошелъ тогда 33-й годъ.

соборѣ за Государя, пожелаютъ ему всѣхъ благъ и благополучнаго окончанія войны. Надобно быть въ церкви, въ Архивѣ на минуточку, а тамъ обѣдать у князя Дм. Вл. Вчера Ивановъ день, праздникъ на Трехъ Горахъ и на прудахъ; но послѣдніе вздумалось Юсупову теперь чистить, спустили воду, отчего сдѣлалась ужасная вонь, а потому и пустились всѣ на Закревскаго дачу, гдѣ была бездна народу. Графъ Ѳедоръ Андреевичъ [1]) показывалъ мнѣ домъ; славно отдѣланъ т. е. расписанъ, ибо мебелей еще нѣтъ, кромѣ книгъ въ кабинетѣ А. А., откуда прекраснѣйшій видъ. Такой домъ хорошо-бы имѣть и среди столицы. Расположенъ онъ хорошо и обширенъ, всѣ любовались чистотою. Я замѣтилъ вещь странную: нѣтъ ни солдатъ, ни караульщиковъ, а никто не смѣетъ ходить не по дорожкамъ или топтать траву, какъ бываетъ во всѣхъ садахъ, для публики открытыхъ. Я видѣлъ въ этомъ какое-то особенное уваженіе къ хозяину. Одно не одобрялъ я: плотиковъ много, и они нужны, ибо много островковъ, но они такъ легки, что тонутъ, а это очень непріятно для дамъ: мочатъ себѣ ноги, у иной и башмаковъ не видать, какъ только чуть лишняя тягость.

Я и не зналъ, что Ал. Орловъ тамъ. Ежели тонуть ему, то развѣ въ Невѣ или на Мойкѣ, полагалъ я; а вмѣсто того ему сдается Мачинъ. Бибиковъ славный сдѣлалъ прыжокъ, будетъ помнить Браиловъ; авось-либо и Анненкову достанется курьерство такого же рода. Ай да мусье Serge! Я право душевно порадовался запискѣ князя Сергія Ивановича[2]), только тыканье съ тобою на Французскомъ діалектѣ показалось мнѣ смѣшно. То-то, я чаю, вся семья радуется и разсказываетъ о чудесахъ ихняго Сергѣя Чудотворца! Правду сказать, Богъ Чижика нашего наградилъ славными ребятами.—Ты слышалъ ли, что князь Егор. Алек. Грузинской скрылся, какъ Уваровъ[3]); иные говорятъ, что онъ утопился, удавился, а другіе, что бѣжалъ въ главную квартиру, чтобы броситься въ ноги къ Государю. Его судятъ за какія-то проказы и преступленія. Давно тучи висятъ надъ нимъ.

*

Москва, 26 Іюня 1828.

Вчера возилъ я дѣтей въ Петровское, мой милый и любезный другъ. Множество было народу. Вспомнилъ я Пратеръ и Линкишьбадъ. Никто такъ не веселится за городомъ, какъ Нѣмцы. Иные тутъ отличались въ качели, другіе въ кольцо, въ биліардъ, иные чай пили

[1]) Толстой, тесть Закревскаго.

[2]) Князь Сергій Ивановичъ Голицынъ, мужъ двоюродной сестры Булгаковыхъ, ур. Приклонской.

[3]) Женатый на сестрѣ декабриста Лунина. См. о немъ выше въ письмахъ 1827 г.

подъ тѣнью, а другіе козыряли въ карты. Всякой по своему наслаждался, и на лицѣ точно написано было удовольствіе, тогда какъ наши Русскіе только что гуляли машинально по саду. Три шара были спущены, одинъ пустой и куда-то далеко скрылся; другой побольше, съ куклою, сидѣвшею на стулѣ, на большомъ возвышеніи; она оторвалась и въ парашютѣ упала на землю, а шаръ, продолжая свое путешествіе, упалъ въ Останкинской прудъ. Въ третьемъ большомъ шару поднялся Pan Swisczewsky, долго кланялся зрителямъ, кои ему аплодировали; сидѣлъ онъ въ какой-то некрасивой кадочкѣ, летѣлъ невысоко и не далеко, и спустился съ четверть версты отъ мѣста, гдѣ поднимался. Ванюшка былъ съ нами; увѣряетъ, что онъ сдѣлаетъ шаръ лучше этого, когда будетъ въ деревнѣ. Станется отъ такого штукаря.

*

Москва, 27 Іюня 1827.

Ради засухи и жаровъ, были молебствія съ колѣнопреклоненіемъ; намолила же себѣ Москва дождя! Возвращаясь изъ Архива, заѣхалъ только на минуту къ Обрѣзковымъ, торопился домой. Москва была окружена черными облаками; сидя въ Архивѣ, видѣлъ я уже вдали тучу, подвигающуюся тихо изъ-за Поклонной горы. Хотимъ вставать изъ-за стола, вдругъ вѣтромъ открыло окна въ залѣ; только-что успѣли закрыть, пошелъ дождь, ибо не каплями падалъ, а точно лило, какъ изъ ушатовъ, такъ что въ 20 минутъ противъ нашего дому не видать было мостовой, а текла рѣчка выше гораздо тротуарныхъ столбовъ. Ворота не вздумали, да и не успѣли закрыть; дворъ ниже улицы, вдругъ хлынула туда вода и вошла въ погреба, подвалы и кухню; изъ послѣдней кучеръ князя П. А. Хованскаго и два пильщика, пришедшіе изъ деревни за деньгами, не могли уже выйти, и ихъ вытащили въ окно. Вѣтеръ дулъ съ ужасною силою, молнія сверкала, и громъ часто падалъ; долго шелъ и градъ, только не крупный. Дѣти плакали, Наташа увела всѣхъ въ свою спальню, зажгла свѣчи передъ образами и давай Богу молиться, между тѣмъ какъ люди наши, идучи по колѣна въ водѣ, старались спасать что̀ можно. Лошадь, которая въ коровьемъ хлѣву, подмытомъ водою, тонула, они вытащили и спасли. Ворота съ ужасными усиліями успѣли они затворить и рогожами запрудили всѣ щели, такъ что вода на дворѣ немного уже прибавлялась. Заборъ противъ насъ повалился. У Митькова и Карцова снесло крышку, наша уцѣлѣла, а только ставни оторвало. Бѣда та, что вода, не имѣя стоку, все одинаково у насъ стояла. Что̀ дѣлать въ такомъ положеніи? Я велѣлъ прорубить заборъ, не смотря на крики Карцова управителя, и спустилъ воду къ нему, совѣтуя ему также поступить съ его

сосѣдомъ. Тутъ Божіе наказаніе, надобно же что-нибудь дѣлать и себя спасать. У Салтыкова противъ насъ весь дворъ преобразился въ большое озеро, а по мостовой мимо насъ, или лучше сказать по рѣкѣ этой, несло бревна, дрова, бочки, сальныя свѣчи (видно, разбило заводъ гдѣ-нибудь или лавочку), собакъ и пр. Ужасъ! Точно было маленькое изображеніе вашего ужаснаго наводненія. Этой картины долго не забуду. Дождь этотъ продолжался часа полтора, отъ 4 часовъ до половины шестого. Когда прояснилось, я взялъ извощика и поѣхалъ по городу. Не видать было почти дому безъ поврежденія. Изъ пяти домовъ, вѣрно, четыре съ открытыми крышами, съ поваленными трубами, заборами, воротами и пр. Древніе орлы Кремлевскихъ башень или снесены, или погнуты. Громъ, ударя въ Ивана Великаго, отбилъ уголъ вверху и убилъ звонаря, который собирался благовѣстить къ вечернѣ. Большая часть крестовъ на церквахъ снесены, погнуты или повреждены, какъ-то въ Успенскомъ Соборѣ, Косьмы и Даміана, Спаса въ Пескахъ, а у Симеона Столпника снесло среднюю большую главу, и при мнѣ подняли крестъ на улицѣ. У тестя моего снесло ворота, и ихъ нашли у Пречистенскихъ воротъ. Въ Оружейной Палатѣ купола средняго какъ-бы не бывало, въ Большомъ театрѣ, въ экзерциргаузѣ сорваны желѣзныя крышки, а въ Арсеналѣ почти вся крышка унесена вѣтромъ. Александровскій садъ представлялъ озеро, изъ коего торчали деревья. Верхъ одной изъ башень Кремлевскихъ (угольная къ Каменному мосту) сорванъ. Вотъ что̀ я самъ видѣлъ, а мало ли что̀ еще было бѣдъ въ такомъ обширномъ городѣ, какъ Москва. Оберъ-полиціймейстеръ ѣздилъ по городу, чтобы узнавать что̀ въ каждомъ мѣстѣ происходитъ. Намъ убытку по крайней мѣрѣ было ста на три; гдѣ тонко, тутъ и рвется! Слава Богу, что мы всѣ живы и здоровы. Всѣхъ храбрѣе былъ Пашка*): ни грому, ни дождя не боялся. Бѣдные мои люди всѣ перемокли. Я имъ далъ 25 р., послалъ ихъ въ баню и велѣлъ чаю напиться. Ихъ усердіе спасло насъ отъ бо́льшихъ бѣдъ.

Оставимъ-ка эту матерію, а поговоримъ о твоихъ славныхъ вѣстяхъ. Ай да Орловъ! Ай да Ридигеръ! Ай да Мадатовъ! Вотъ тебѣ и Кюстенджи, гдѣ хотѣли упорно защищаться. Я думаю, что, прежде Шумлы, мы нигдѣ не найдемъ сопротивленія. Я у князя попотчивалъ хорошими вѣстями. Графъ Ѳ. А. удивляется, что не присланы къ нему извѣстія сіи, увѣряя, что *зять* обо всемъ его увѣдомляетъ исправно всякой день. Сомнѣваюсь! До того ли Закревскому! Да у кого на свѣтѣ есть такой кореспондентъ, какъ у меня?

---

*) Младшій сынъ А. Я. Булгакова.

Забылъ я еще сказать, что какъ шли мы отъ тестя домой пѣшкомъ, въ первомъ часу, такой былъ туманъ, что за 10 шаговъ ничего не видать было. Я приписываю это испареніямъ, кои выходили изъ лежавшаго на землѣ отъ воды ила; въ иномъ мѣстѣ былъ онъ аршинъ вышины.

Только-что я всталъ, явился комиссаръ съ рапортомъ, съ коимъ и поѣхалъ я въ Архивъ. Надобно думать, что двѣ бури слились вмѣстѣ, ибо часть нашей крышки очутилась на дворѣ Межевого казеннаго дома, а ихъ крышка у насъ въ Архивѣ. Не могъ это произвести одинъ и тотъ же вѣтеръ. Говорятъ о многихъ убіенныхъ: у Богоявленія убило солдата полицейскаго на улицѣ, а на Самотекѣ женщину; странно, что грудной ея ребенокъ найденъ живымъ и спящимъ возлѣ матери. Какъ его не потопило? Видно, положено ему умереть отъ старости. Много громъ надѣлалъ бѣдъ. Одно меня удивляетъ: отчего столько погнуло крестовъ, кои не могутъ представлять сопротивленія дѣйствію вѣтра. Крестъ церкви Троицы на Хохловкѣ, что противъ Архива, вмѣсто † вотъ какъ стоитъ ⊹, на множествѣ другихъ церквей тоже видно. Молнія зажгла было флигель въ домѣ заики князя Д. П. Волконскаго, но пожаръ утушили тотчасъ. Киреевскій, нашъ Архивскій, сказывалъ теперь, что мезонину ихъ дома снесло*) и сбросило на чужой дворъ, разбитую вдребезги. Сегодня, не смотря на солнце, воздухъ очень свѣжъ, и я надѣлъ опять свою фланель.

*

Москва, 28 Іюня 1828.

Сію минуту съ молебствія, бывшаго въ соборѣ для взятія Мачина, Кюстенджи и Гирсова, мой милый и любезный другъ. Всѣхъ удивляетъ, что не празднуютъ взятіе Браилова, полагая, что неполученіе еще ключей сей крѣпости не естъ резонъ откладывать молебствіе. Мало ли вральмановъ! Сегодня я смѣялся въ соборѣ и заставилъ князя Д. Вл. смѣяться. Въ читанной давеча комендантомъ реляціи упомянуто о вступленіи въ Кюстенджи Веллингтонова полку. Стоявшій за мною какой-то кавалеръ, въ порядочномъ сюртукѣ, говорилъ своему сосѣду съ важностію: «Вотъ что̀ всего лучше! Взятіе крѣпости ничего; а важно то, что и Англичане съ нами дерутся и сикурсъ прислали, а можетъ быть и самъ Веллингтонъ тутъ же съ Государемъ». Поди-ка урезонь подобныхъ умницъ! Князь не зналъ ничего о взятіи Анапы. Мнѣ пишетъ Щербининъ, что Грейгъ занялъ эту крѣпость 12-го и что гарнизонъ военно-плѣнный отправленъ уже въ Керчь, и молодой

[1]) Что̀ у Красныхъ воротъ въ тупикѣ, нынѣ г.г. Серебряковыхъ. Это былъ пріютъ Московской мысленной и художественной дѣятельности.

Толстой везетъ ключи къ Государю. Это славная вѣсточка. Теперь Грейгъ и Меншиковъ могутъ направиться къ Варнѣ.—Ну, братъ, только и рѣчи у насъ, что о бурѣ, бывшей во Вторникъ. Полагаютъ, что убытокъ причиненный цѣлому городу долженъ простираться до милліона рублей: нѣтъ дому, въ коемъ не было бы хоть на 100 р. поврежденія. Вотъ тебѣ изображеніе церкви Николы въ Гнѣздникахъ, что̀ въ Леонтьевскомъ переулкѣ, я Ванюшкѣ велѣлъ это съ натуры срисовать. Вся эта глава виситъ на какомъ-то желѣзномъ прутѣ; хорошо, что не на улицу, а то упавши убить бы могло проходящихъ или проѣзжающихъ. Убито въ цѣломъ городѣ только три человѣка, благодареніе Богу!—Князь Урусовъ сказывалъ мнѣ въ соборѣ, что пишетъ ему княжна Софья, что, по препорученію дяди Дм. Павл.[1]), она докладывала Государынѣ о желаніи Юліи Александровны проѣхать въ Одессу на время, на что̀ Императрица отвѣчала: écrivez lui qu'elle sera la bien venue.

Марья Павловна, и прежде кончины тестя своего, вѣрно, царствовала уже надъ всѣми Веймарцами, по крайней мѣрѣ надъ сердцами ихъ. Это совершенный Ангелъ. Я никогда не забуду, что́ она мнѣ сказала о тебѣ, когда я имѣлъ счастіе быть ей представленнымъ въ Петербургѣ.—Хочется мнѣ отвезти своихъ послѣ завтра, а то они безъ меня никогда не сберутся. Надобно и имъ бѣднымъ поглотать чистый воздухъ, а я по возвращеніи Малиновскаго отправлюсь отдохнуть въ Семердино. Говорятъ, что графъ Аракчеевъ гоститъ у Малиновскаго въ деревнѣ[2]).

*

Москва, 29 Іюня 1828.

Филиппъ Вигель точно нѣсколько страненъ: оставилъ Керчь, но Воронцова оставить никакъ не хочетъ. Князь Дм. Влад. прислалъ звать на маленькій балъ въ Воскресенье въ домѣ Головкина[3]), гдѣ онъ живетъ для сосѣдства водъ, но врядъ буду ли: хочется своихъ отвезти въ Семердино. Здѣсь и душно, и скучно, и убыточно.

*

Москва, 2 Іюля 1828.

Алексѣй Ѳедоровичъ пріѣхалъ, говорятъ, вчера вечеромъ; но я будто не знаю, да и развѣдывать не стану. У него гостилъ пріятель

---

[1]) Татищева, посла въ Вѣнѣ. Юлія Александровна (ур. Конопка)—его супруга.

[2]) Въ сельцѣ Сѣдякинѣ, Клинскаго уѣзда, принадлежащемъ нынѣ внуку А. Ѳ. Малиновскаго, князю В. Р. Долгорукому.

[3]) Это на Остоженкѣ, гдѣ нынѣ высится Катковскій Лицей. Въ тамошнемъ саду имѣется не искусственная, а минеральная вода, найденная покойнымъ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ, проводившимъ лѣтнее время въ этомъ домѣ, и доселѣ не разработанная.

Закревскаго Аракчеевъ, они вмѣстѣ ѣздили въ Царицыно и Коломенское.—Ѣздилъ я на soirée privée во фракахъ къ князю Дм. Влад., гдѣ довольно было скучно. Онъ живетъ, для сосѣдства водъ, въ домѣ Головкина на Остоженкѣ, и въ 12 часовъ все было уже кончено; играли только въ два стола. Садъ былъ иллюминованъ, и въ немъ играла музыка. Видѣлъ я тутъ графа Ѳ. А. Толстаго, который обыгралъ всѣхъ въ муху. Ничто не доказываетъ такъ безденежье теперешняго, какъ домъ этотъ. Онъ продается за 80 т., а вѣрно на 200 т. не сдѣлать все то, чтó теперь есть. Это дворецъ, а не домъ; однихъ ковровъ, живописи на плафонахъ, зеркалъ, мебелей тутъ на 80 т., а домъ даромъ*).

Слышалъ ли ты, что горцы сдѣлали набѣгъ на всѣхъ ѣхавшихъ отъ теплыхъ водъ на кислыя. Тутъ попалась и М. И. Корсакова, которая была ограблена до рубашки, а какого-то полковника убили. У Корсаковой ни минуты безъ авантюровъ.

Я сюда думаю возвратиться 6-го или 7-го, надобно пѣть панихиду на батюшкиной могилѣ, а 8-го опять возвратиться въ Семердино праздновать Казанскую, имянины нашей деревни. Всякой годъ стеченіе народа болѣе и болѣе умножается. Менѣе 1000 посѣтителей никогда не бываетъ.

*

Семердино, 4 Іюля 1828.

Ну слава Богу, мы всѣ здѣсь! Вчера вечеромъ прибыли мы сюда благополучно, мой милый и любезный другъ. Отъ заставы до мѣста провожалъ насъ все дождь. Это маленькое безпокойство было вознаграждено радостію крестьянъ, которые молили о дождѣ и увѣрены, что мы привезли имъ изобиліе. Хлѣбы и травы прекрасны. Наташа наготовила мнѣ множество самыхъ пріятныхъ сюрпризъ. Кабинетъ мой отдѣланъ съ большимъ вкусомъ на Китайскій манеръ, все очень хорошо придумано для моего покоя. Я очень былъ бы доволенъ имѣть такую комнату въ Москвѣ. Для бѣлья, письма, трубокъ, бумагъ, однимъ словомъ для всего все придумано. Передо мною портреты: твой, дѣтей твоихъ, Семердинскаго помѣщика и жены его. Это все мастерила она сама съ Ванюшкою. Кромѣ этого нашелъ я домъ, на каменномъ фундаментѣ поставленный, новую прекрасную баню, конюшни и сараи каретные, новый людской флигель, все это крыто тесомъ, въ рощѣ новый мостикъ. Все это очень меня и обрадовало и удивило, и все это мастерилось, покуда я былъ у тебя въ гостяхъ.

*

---

*) Домъ наслѣдниковъ графа Ѳеодора Головкина былъ купленъ великою княгинею Еленою Павловною, а по кончинѣ ея М. Н. Катковымъ. Во владѣніи сего послѣдняго половина дома сгорѣла.

Москва, 7 Іюля 1828.

Извѣстія изъ арміи очень хороши. Неужели Султанъ не попросить мира? Никогда Турки не находились въ столь критическомъ положеніи, ибо Россія давитъ ее всѣми своими силами, нигдѣ не развлеченными, какъ бывало то при Екатеринѣ. Этого мало: Англія и Франція связаны съ нами трактатомъ, противъ такого союза Австрія не пикнетъ, а Шведамъ что́ дѣлать однимъ? Ихъ одинъ Закревскій и остальная часть гвардіи урезонить смогутъ. Стало быть, все Россіи благопріятствуютъ. Такой гибельной минуты не было никогда для Турокъ.

*

Семердино, 9 Іюля 1828 г.

Я опять здѣсь, мой милый и любезный другъ. Плохо было ѣхать, дождь не переставалъ лить, такъ что я долженъ былъ ночевать въ Талицахъ, и сюда попалъ только рано поутру къ самому празднику деревенскому, Казанской. Тесть сказывалъ мнѣ, что многіе собирались было ко мнѣ, но за дурною погодою отложили. Однакоже двое таки были: Кобылинскій, молодой человѣкъ, служащій въ Воспитательномъ Домѣ, и Алексѣй Ив. Нарышкинъ, сынъ Ивана Александровича, что́ женатъ на Хрущовой. Ужъ это подлинно sacrifice, пріѣхать въ такую погоду, и мы не знали, какъ благодарить и получше угостить. Вчера то разгуляется, то опять пойдетъ дождь, но праздникъ все-таки шелъ своимъ порядкомъ, много было народу: бабы орали, мужики пѣли, а ребятишки дрались за пряники. Я гостей надувалъ, привезъ славные фрукты изъ Москвы, а ихъ увѣрялъ, что это изъ своихъ оранжерей. Не сто́итъ труда ихъ имѣть: фрукты ужасно дешевы. Я купилъ 25 сливъ, 25 персиковъ, 25 абрикосовъ, 500 шпанскихъ вишенъ и дыню (да все это отборные) и за все заплатилъ только 20 р. Вечеромъ стало тихо, и мы сожгли фейерверкъ, а шутихи своимъ порядкомъ летали въ кучкахъ народныхъ; они такъ пріучились, что не боятся ихъ уже. Гости у насъ переночевали, а теперь отправляются домой. Вотъ и коляска запряжена, данъ имъ проводникъ до Троицы. Мы собирались всѣ туда пѣшкомъ послѣ завтра. Помолимся и за тебя, и всѣхъ твоихъ.

*

С. Семердино, 18 Іюля 1828.

Ай да праздникъ задали Воронцовы Императрицѣ! Какая новая и прекрасная мысль представить высадку Танкредовой флотиліи; это уже не театральное представленіе, а сама натура; на это надобно было море, prima-донны, а болѣе всего догадка Воронцовыхъ. Счастли-

вая мысль и хорошая погода увѣнчала праздникъ. Мнѣ также это описываетъ Щербининъ, по приказанію графа, который слишкомъ занятъ, чтобы писать ко всѣмъ. Благодарю очень за письмо князя Петра М. и возвращаю при семъ, а въ Москвѣ распустили слухъ, что князь посланъ въ Бухарестъ сражаться съ чумою. Жаль, что не былъ я въ Москвѣ, а то сообщилъ бы тебѣ свѣжее извѣстіе, полученное Кушниковымъ отъ зятя его Сипягина о покореніи крѣпости Карса; видно, пробираемся къ Ерзеруму, т. е. душимъ Махмуда съ обоихъ концовъ. Пора бы ему взяться за умъ и заключить миръ поскорѣе, а признаюсь, все желаю, чтобы *прекрасная* Софія*) въ *святой* Софіи помолилась на колѣняхъ и поблагодарила Бога за успѣхи наши. Я это все твердилъ маменькѣ ея, княгинѣ Урусовой. Бѣда, чтобы Султанъ не узналъ объ нашей красавицѣ; а то велитъ ее увезти, или при замиреніи отдастъ за нее одну полцарства своего. Не правда, что горцы увезли Корсакову-дочь; ce serait le cas de dire: уморить не уморю, а попотѣетъ!

*

Семердино, 26 Іюля 1828 г.

Къ намъ пріѣзжалъ сосѣдъ нашъ фабрикантъ Рогожинъ, купившій у Лазаревыхъ село Фряново. Этотъ изъ братьевъ, Павелъ, очень пріятенъ. Сидѣлъ вечеръ, игралъ съ нами по копѣйкѣ въ мушку, ужиналъ, звалъ къ себѣ на вчерашній день, тебя превозноситъ до небесъ. Ты какъ-то брата его обласкалъ и далъ ему покровительство у Филарета чрезъ твоего князя. Дождь помѣшалъ Наташѣ ѣхать и дѣтямъ, но я поѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ съ Россини, нашелъ тамъ бездну сосѣдей, такъ что сѣло насъ обѣдать на четырехъ столахъ человѣкъ съ 40. Тутъ былъ Назимовъ, который ѣздилъ по всей губерніи осматривать фабрики, Исленьевы, Телепневы, Кротковы, Евреиновы, Вяземскіе etc etc, и все это съ семьями, такъ что послѣ обѣда составился балъ паръ въ десять. Рогожинъ показывалъ прекрасные образчики лентъ Французскихъ, присланныхъ ему императрицею Маріею Ѳедоровною, и онъ тотчасъ ихъ перенялъ. Il a l'amour de la chose. Французу одному, для заведенія только порядка существующаго на Французскихъ фабрикахъ, заплатилъ онъ 18 т. Наташа отдала ему въ ученье ткачей.

*

С. Семердино, 28 Іюля 1828 г.

Охъ, пообѣдалъ бы я съ тобою у Кутузова, послушалъ бы ихъ разсказы о Екатерининскомъ царствованіи! Это страсть моя, я же люблю, что́ замѣчательно и записывать, а твой князь куда какой мастеръ

---

*) Т. е. княжна Софья Александровна Урусова, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, позднѣе княгиня Радзивилъ.

разсказывать*). Пожалуй при случаѣ обоимъ Екатерининскимъ камерпажамъ и обожателямъ, какъ я, скажи мое почтеніе. Воронцовъ, который напечаталъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ письмо мое къ нему о бывшей въ Москвѣ, 26 Іюня, бурѣ и проказахъ ея, пишетъ ко мнѣ рѣдко; да и глупо было бы отъ меня требовать частаго писанія, при теперешнихъ его заботахъ, но за то спасибо Щербинину: очень аккуратно пишетъ и сообщаетъ всѣ вѣсти тамошнія. Мнѣ Воронцовъ разсказывалъ о своихъ непріятностяхъ съ Потье́, Манычаровскимъ генераломъ, строившимъ въ Одессѣ карантинъ, но теперь вижу по Сенатскимъ газетамъ, что Потье́ и его товарищи сильно наказаны, по приказанію Государя. Есть же люди, кои и съ Воронцовымъ ужиться не могутъ! Должны быть уроды. Воронцовъ долженъ сожалѣть, что губернаторствуетъ, а не Турокъ колотитъ: это лучше, нежели трактовать съ ними о дѣлахъ.

Ахъ, братъ, сразило меня извѣстіе о смерти Реада. Куда жаль добраго, храбраго и благороднаго этого малаго! Какое братское имѣлъ онъ обо мнѣ попеченіе, во время болѣзни моей въ Франценсбургѣ, не зная меня почти въ глаза! Душевно соболѣзную объ немъ, очень лестна память объ немъ; но лучше быть бы ему живу. Правда и то, что одна молодость его поддерживала: у него сидѣли двѣ пули въ тѣлѣ. До старости ему бы не дожить, онъ бы можетъ быть страдалъ, повторяя: «зачѣмъ не убитъ я былъ на войнѣ»! Все, можетъ быть, къ лучшему. Богъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ. Я помню, что на послѣднемъ обѣдѣ у князя П. Мих. Реадъ мнѣ разсказывалъ, что какой-то скряга подарилъ ему славную лошадь, и онъ прибавилъ: «или онъ скоро умретъ, или я умру скоро». Было сказано, можетъ быть, безъ намѣренія, а сбылось. Я читаю теперь исторію Карамзина. Храбрый Святославъ воевалъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ войска наши теперь. Силистрія тогда Доростоломъ называлась, и наши также колотили Печенѣговъ, Болгаръ и Грековъ, какъ мы теперь Турокъ. Нашелъ я также предсказаніе, которое чуть ли не сбывается, выпишу тебѣ это на особенной бумагѣ. Слогъ Карамзина очень пріятенъ, видно перо и чувство человѣка добромыслящаго.

*

---

*) Нѣкоторые разсказы князя А. Н. Голицына были записаны Ю. Н. Бартеневымъ. Они помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1886 г. Князь былъ нѣкогда камерпажемъ и досталъ себѣ на память о великой государынѣ нѣкоторыя вещи ея домашняго обихода и наряда, хранящіяся нынѣ въ селѣ Баловневѣ (Рязанской губ., Данковскаго уѣзда) у его внучатной племянницы Екатерины Николаевны Муромцовой. — Кто другой камерпажъ и обожатель Екатерины, догадаться не можемъ. Не князь ли П. М. Волконскій, совоспитанникъ Александра Павловича?

С. Семердино, 31 Іюня 1828.

Наташа и дѣти давно меня упрашиваютъ идти вмѣстѣ пѣшкомъ къ Троицѣ. Вчера мы, вставши въ пять часовъ, позавтракавъ, вооружась посохами, пустились съ большею частію дворни въ путь. День былъ сѣрый, тихій. Мы полагали, что и хорошо, что солнца нѣтъ, не такъ будетъ жарко идти, а каретѣ велѣли себя догонять съ Пашкою, когда онъ проснется. Три версты шли хорошо, только въ лѣсу къ деревнѣ Алексѣевской настигъ насъ дождь; мы долго укрывались подъ большимъ дубомъ, но дождь шелъ все сильнѣе, начали мы промокать. До деревни была верста. Собрали военный совѣтъ; я объявилъ, что послѣдній скажу мое мнѣніе, чтобы всякой свое свободнѣе излагалъ. Ужъ пошли, такъ идти впередъ, сказали дѣти. Наташа была мнѣнія идти въ Алексѣевскую укрыться отъ дождя, а тамъ подумать, что́ дѣлать. Россини*) объявилъ, что онъ идетъ прямо къ Троицѣ, не смотря ни на что; онъ былъ въ красныхъ легкихъ сапожкахъ, которые отъ грязи и воды всѣ вымокли и почернѣли. Старушка одна монахинька и Полядѣвушка просили идти съ Россини. Тутъ я объявилъ, что всѣ бредятъ, что не было обѣщанія, ни клятвы такой-то день идти непремѣнно къ Троицѣ, что всѣ занемочь могутъ, а что надобно воротиться и идти навстрѣчу каретѣ, а богомолье отложить до хорошей погоды. Россини отправили мы въ походъ, а сами вернулись; дождь все увеличивался. Наконецъ, слышимъ колокольчикъ, является карета. Всѣхъ нельзя было посадить въ нее. Катя захотѣла непремѣнно идти со мною пѣшкомъ домой, увѣряя, что движенье лучше, и что, промокнувъ до рубашки, болѣе будетъ зябнуть въ каретѣ. Ну, хороши были мы воротясь домой! Хотя Катя вся перемѣнилась и вымылась виномъ простымъ, но простудилась: заболѣла щека, шея, жаръ, и она два дня лежала въ постелѣ. Теперь, слава Богу, лучше и завтра выйдетъ изъ комнаты. Хорошо, что я не послушался дуръ этихъ: всѣ бы слегли не на шутку, и теперь иначе не пойдемъ опять, какъ въ самую прекрасную погоду. Россини воротился вчера съ лихорадкою, которую я вылѣчилъ стаканомъ, т. е. бокаломъ пуншу и банею. Я сталъ смѣяться его сапожкамъ сафьяновымъ а онъ мнѣ въ отвѣтъ: Ничево-съ! Вѣдь со мною были еще башмаки. Мы ну пуще хохотать, и онъ очень серіозно: Да вѣдь башмаки-то на толстой, двойной подошвѣ. Это какъ бы пистолеты для взятія Браилова, да пистолеты не дюженные, а Кухентрейтерскіе. Каковъ чудакъ! Sans la maladie de Катинька, ce pélérinage nous aurait beaucoup amusé.

Я видѣлъ изъ приказовъ, что Андреевской просто отставленъ; поэтому догадывался, что ему худо, а Монтрезору хорошо. Точно гово-

*) Учитель музыки и настройщикъ фортепьянъ, жившій у Булгакова.

рять, что очень нечисто дѣло это. Вотъ какъ всегда правда таки торжествуетъ. Et Andréefsky se donnait à Moscou les airs de quelqu'un, qui ne voulait pas être sénateur, aimant mieux quitter le service.—Дѣла Турецкія идутъ хорошо; видно, предвидятся успѣхи и славныя дѣла, что Дибичъ и Бенкендорфъ Ал. вступили въ ряды сражающихся. Шумлу, кажется, обошли. Я вижу что наши заняли Цареградскую дорогу. Лишь бы зависть не вооружилась противъ насъ, боюсь Англичанъ и Метерниха. Первые, кажется, до́ма озабочены довольно, а Австрійцевъ можно урезонить. Меня удивляетъ безпечность Султана. Куда дѣвалась его дѣятельность? Съ прискорбіемъ вижу, что былъ заговоръ противъ Каподистріи; да чего ожидать отъ этихъ разбойниковъ? Они должны очень досадовать, что Каподистрія истребляетъ ихъ грабежи на морѣ.

*

С. Семердино, 15 Августа 1828.

Благодарю за армейскія вѣсти. Вотъ Государь и въ Одессѣ, и на нѣкоторое время. Мнѣ все чудится, не сладятъ ли тамъ конгрессъ, и Воронцова посадятъ первымъ уполномоченнымъ, чего я однакоже не желаю, это было бы въ пользу Султана, а не нашу. Да нашъ Государь молодецъ: конгресъ бы не мѣшалъ намъ идти впередъ. Я видѣлъ съ удовольствіемъ, что въ J. des Débats есть статьи противъ насъ, кои другой Государь, какъ нашъ, вѣрно бы не пустилъ въ публику; но Николай I имѣетъ что-то великаго, дѣйствуетъ и храбро, и великодушно, презирая толки, догадки. Славно идутъ дѣла Каподистріи, а куда были плохи. Богъ моихъ Грековъ выручаетъ. Какъ хорошо письмо Каподистріи патріарху, въ отвѣтъ на его предложеніе покориться Султану! Веллингтонъ и Метернихъ играютъ какую-то двуличневую роль. Смерть Канинга положила начало паденію Англіи; вліяніе ея видимо упадаетъ. Аглинской новый посолъ—мой пріятель; мы были вмѣстѣ въ Неаполѣ секретарями посольствъ. Тогда онъ назывался S. William à Court. Il était très caustique, mais n'annonçait pas de grands moyens. Я боюсь за старика Варлама: въ Букарестѣ зараза не прекратилась. Отчего мы не посылаемъ агента въ Грецію, какъ Французы? Кажется, хорошъ бы былъ на это мѣсто Булгари или Катакази.

Вчера прогуливаюсь я верхомъ, возлѣ деревни Кресты, у пашни; вижу ребенка, 4 или 5 лѣтъ, бѣгущаго ко мнѣ, крича: «ай батюшки», да во все горло. Я къ нему подъѣхалъ и вижу, что съ одной стороны бѣжитъ за нимъ мать, а съ другой престрашный *волкъ*. Я ребенка тотчасъ поднялъ къ себѣ на лошадь, онъ дрожалъ и всего меня,

sauf le respect, отъ страха . . . . Волкъ бѣжалъ тихо, не думая его трогать. Такого большого я не видывалъ; я его проводилъ до опушки лѣса, куда онъ и скрылся. Много этихъ злодѣевъ гуляетъ что-то. Сегодня мать принесла мнѣ на поклонъ изъ благодарности полотенце. Я его взялъ и буду хранить, какъ почетное знамя.

*

Москва, 22 Августа 1828.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ радостнымъ днемъ, который празднуетъ сегодня Россія. Я вспоминаю коронацію. Тогда были мы вмѣстѣ, и я къ самому этому дню выздоровѣлъ послѣ своей горячки. Всякой годъ Россія все усерднѣе молится за своего Государя, потому что всякой годъ дѣлается онъ ей драгоцѣннѣе и болѣе заслуживаетъ любви ея.

Я восхищался ласкою доброй Императрицы. Славно она спутила на счетъ Султана, коему жутко приходится. Я все боюсь, чтобы его не убили; тогда послѣдуетъ безначаліе, коего послѣдствія будутъ гибельны для всѣхъ, и сами союзники могутъ перессориться. Богъ все устроитъ къ лучшему и къ славѣ нашего Государя. Молебствіямъ нѣтъ конца, безпрестанно наряды отъ полиціи являться въ соборъ для благодарственныхъ молебновъ. Голицыны звали сегодня обѣдать, но я велѣлъ сказать, что я въ деревнѣ. Благодарю за сообщеніе извѣстія отъ графини Воронцовой. Ай да Алексѣй Самуиловичъ! *) Aussitôt dit, aussitôt fait. Теперь Варна должна одними сухопутными своими средствами дѣйствовать. Je conçois que cette guerre doit exalter l'âme de nos soldats et de nos marins: безпрестанные успѣхи вездѣ. А какая скромность! Сдѣлай все это Французы, ужъ какъ бы себя хвалить стали!

Вчера я отъ скучныхъ какихъ-то гостей, обѣдавшихъ у Фаста, уѣхалъ къ Мамоновой; нашелъ ее въ рубашкѣ. Не моя вина: двери всѣ были отперты, и ни одного человѣка. Вотъ, небось, эдакъ Завадовскую не удастся застать! Могу тебѣ засвидѣтельствовать, что она еще хуже меня. Накинула на себя салопъ, и я посидѣлъ у нея. Тащила съ собою въ театръ, но я не поѣхалъ: времени мало, а дѣла у меня много, но долженъ былъ обѣщать сегодня обѣдать у нея. Собиралась къ намъ къ 26-му, но не очень здорова. Да коли ждать ей здоровья, то придется никуда не ѣздить цѣлый вѣкъ. 15-го Сентября собирается къ Троицѣ и въ Ростовъ, тогда и къ намъ заѣдетъ на двое сутокъ. Смотритъ все домà, т. е. дворцы для брата, и все не можетъ найти ни одного достойнаго его вмѣщать. Все также рисуетъ себя и пѣтушится

*) Грейгъ.

съ двумя своими красивыми лакеями*); жалуется, что всѣ въ домѣ ея спились.

Здѣсь умеръ, а иные говорятъ отравилъ себя начальникъ жандармовъ Дезописъ, истратя 38 т. казенныхъ денегъ. Волкову хлопоты, тѣмъ болѣе, что Бенкендорфъ хотѣлъ Дезописа отставить давно, а Волковъ, по добротѣ своей, отстаивалъ. У того гроша не осталось. Какъ бы на Сашку нашего не пала эта бѣда.

*

Семердино, 27 Августа 1828.

Натальинъ день мы славно вчера отпраздновали. Была вся семья Брокеровыхъ, Демидовъ, священникъ Фряновскій и Фастъ pour couronner l'oeuvre. Сегодня ѣдемъ мы съ нимъ къ Брокеру на цѣлый день, а оттуда отправится онъ въ Москву. Народу бездна нашло изъ окрестностей, всѣхъ подчивали виномъ, обѣдъ былъ славный; а тамъ пошли разныя забавы, которыя кончились маскарадомъ и маленькою пьескою, въ которой особенно отличился Ванюшка, игравшій роль m-r Saitout, прыгуна на канатѣ, сдѣлавшагося учителемъ у одного глупенькаго помѣщика. Comme de raison, на концѣ куплеты. Я тоже игралъ роль управляющаго. Вотъ мои куплеты и хоръ:

Всѣ заботы днесь оставимъ,
И давайте-ка плясать.
Имянинницу поздравимъ:
Она общая намъ мать.
Имянинница драгая,
Выслушай и мой куплетъ.
Съ тобой счастье раздѣляя,
Проживемъ-ка двѣсти лѣтъ!

Я піеску переплету и доставлю тебѣ остальные куплеты; въ нихъ все иллюзіи. И Пашка игралъ также, а Ольга и прекрасно. Наташа очень была довольна. Вообрази, что все это составили мы въ сутки. Всѣ мы играли въ маскахъ. Однимъ словомъ, очень было весело. Сегодня 19 лѣтъ, что̀ я женатъ; надобно бы праздновать и этотъ день и поохмѣлиться, но не можно отказать Брокеру, у котораго вчера была

---

*) Въ 1818 году, вслѣдствіе Февральской рѣчи Государя на Варшавскомъ сеймѣ, повсюду въ Россіи носились слухи объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Сперанскій изъ Пензы (гдѣ онъ губернаторствовалъ) писалъ: „отваживаю Ханеневку“, т. е. рискую потерять свое Пензенское помѣстье. А-ъ Н. Муравьевъ устроивалъ въ Москвѣ „Союзъ Благоденствія“, послужившій началомъ Декабрьской смутѣ 1825 года. Весною этого года графиня М. А. Мамонова прогуливалась по Тверскому бульвару въ сопровожденіи своихъ ливрейныхъ лакеевъ, и до нея донесся ихъ разговоръ о предстоящей яко бы волѣ. Возвратившись домой, она дала знать о томъ въ полицію, гдѣ по высшему распоряженію, лакеи были высѣчены розгами!

имянинница также, но онъ сюда ее привезъ, за то сегодня ее будемъ праздновать.

*

Семердино, 29 Августа 1828.

Князя твоего начинаю я очень любить, потому что вижу, что онъ тебя любитъ истинно, да и грѣшно бы ему не любить: служишь ему надежнымъ помощникомъ, а что́ имѣлъ онъ отъ фаворитовъ своихъ, Рунича, Магницкаго, Попова, кромѣ досадъ и непріятностей? И заочные пріятели Одесскіе тебя не забываютъ. Князь П. М., Воронцовъ, Нессельроде пишутъ тебѣ часто. Возвращеніе Императрицы въ Петербургъ доказываетъ, кажется, что война не будетъ продолжительна, или не будетъ кампаніи зимней. Вся развязка въ Шумлѣ. Я не знаю этого Ридигера, но должно быть молодецъ; впрочемъ и Грейгъ, и Меншиковъ, Рудзевичъ всѣ отличаются.

Теперь опишу тебѣ праздникъ нашъ 26 числа. Съ утра уже начали сходиться крестьяне со всѣхъ окрестностей. Время было лѣтнее, и бездна нашла народу. Наташа поѣхала съ Фастомъ къ обѣднѣ, чему очень были мы рады, ибо могли дѣлать себѣ покойно репетиціи. Тамъ пріѣхало 9 штукъ Брокеровъ, Демидовъ, священникъ Фряновскій, человѣкъ умный, весельчакъ, хотя и 60-ти лѣтъ, Попандопуло съ женою. Прочіе Московскіе пріятели измѣнили. Сѣли мы обѣдать. Ванюшка безподобно устроилъ столъ на верху; въ серединѣ стояли деревья, на коихъ искусно придѣланы были всякіе фрукты; всякій во время десерта имѣлъ для себя, что́ хотѣлъ. Опростали три бутылки Шампанскаго. Внизъ сошли кофей пить и курить на балконѣ. Стали давать вино мужикамъ, пиво бабамъ, и я началъ свою обыкновенную забаву кидать пряники и мячики разныхъ разборовъ; кто поймаетъ и принесетъ, тому давались, ежели баба или дѣвочка, сережки, запонка, ленточка etc., а мужикамъ и мальчикамъ пятаки, гроши и пряники. Тамъ пили чай. Я усадилъ гостей въ вистъ, и пошли мы дѣлать генеральную репетицію, а въ 8 часовъ было и представленіе, которое очень удалось. Всѣ много смѣялись. Наташа догадывалась что есть что-нибудь, но не знала что́, и никакъ не воображала, что я играю также. Я являлся только въ концѣ піески, а потому и сѣлъ я возлѣ нея также зрителемъ и ушелъ только въ ту минуту, какъ мнѣ появляться на сцену. Костюмъ же мой не требовалъ много времени. Куплеты ее очень тронули. Это первый мой опытъ; съ роду ни одного стиха я не написалъ, да и не люблю стиховъ вообще. Послѣ начался маскарадъ. Я навезъ разные костюмы и маски изъ Москвы, въ кои наряжали мы всю дворню. Пѣсни на дворѣ продолжались до полуночи.

Бабы качались и визжали до ужина нашего. Послѣ былъ бостонъ, а тамъ ужинъ, да болтали такъ, что разъѣхались въ три часа утра. Попандопуло, Фастъ и Демидовъ ночевали у насъ, а прочіе поѣхали домой, но ночь была свѣтлая. Славно день провели; да, забылъ я сказать, что былъ фейерверкъ. Шумишками прожогъ я платокъ у бабы, за что́ подарилъ ей новый. Только вышло, что бабы начали нарочно опаливать свои платки, требуя новыхъ. Меня эдакъ три поддѣли, и я притворился, будто вѣрю.

*

Семердино, 2 Сентября 1828.

Наташу и безъ приказанія твоего поцѣловалъ я лишній разъ за тебя, 26-го числа, и это день памятный по Бородинскому и Батинскому сраженіямъ. Охъ, ужъ эти сраженія! Куда больно, что ранили бѣднаго Меншикова! Воронцовъ, я чаю, радехонекъ еще послушать свиста пуль и ядеръ. Хотя ноги не оторвало, но видно рана серьезная. Лишь бы скорѣе вылѣчился и могъ бы ходить безъ костылей, а то не останется безъ работы и Меншиковъ. Жаль, жаль очень! Мы такъ избаловались удачами и дешевою покупкою всѣхъ побѣдъ, что смерть Реада и рана Меншикова насъ болѣе какъ-то поражаютъ. Дай Богъ Воронцову скорѣе, успѣшнѣе и безъ вреда кончить начатое Меншиковымъ. Варна и Силистрія—два важные пункта, а Шумла, ежели и эту возьмемъ, рѣшитъ участь войны. То-то и я не имѣлъ отъ Щербинина писемъ: вѣрно Воронцовъ взялъ его съ собою. Я мало зналъ младшаго Бенкендорфа*), но онъ, мнѣ кажется, былъ всегда слабаго здоровья. Вотъ этотъ вѣрно бы промѣнялся съ Реадомъ, но Богъ все устраиваетъ по своему: иной среди мира умираетъ отъ пули (какъ молодой Новосильцовъ), а другой въ сраженіи отъ болѣзни.

*

С. Семердино, 21 Сентября 1821.

Къ намъ пріѣхали въ гости Фряновскіе наши сосѣди, братья Рогожины, коихъ мы удержали ужинать. Старшій изъ нихъ, Николай, былъ недавно въ Петербургѣ и по даннымъ тобою Парижскимъ образцамъ сдѣлалъ здѣсь на фабрикѣ прекрасныя ленты, коими подарилъ дѣтей. Катенькѣ, слава Богу, лучше, такъ что вчера цѣлый день была на ногахъ и сегодня сходила внизъ и играла въ мушку съ Рогожиными и Фряновскимъ священникомъ, человѣкомъ очень веселымъ и обходительнымъ. Поутру навѣстила ее Брокерова дочь съ двумя тетками, дочерями бывшаго почтдиректора Тамбовскаго Треборга, предобрыя, немолодыя дѣвушки. Я просилъ у Фаста какихъ-нибудь ко-

*) Константина Христофоровича, убитаго подъ Сапуновымъ.

медій, чтобы Катеньку развеселять; онъ прислалъ намъ Бригадира, который показался намъ очень глупъ. Въ 40 лѣтъ многое измѣняется.

Брокеръ сказывалъ, что въ Москвѣ умеръ скоропостижно оберъ-прокуроръ Абаза, сѣвъ послѣ обѣда за бумаги; человѣкъ за чѣмъ-то вошелъ въ кабинетъ и видитъ, что передъ бариномъ всѣ бумаги въ крови, а онъ мертвый усидѣлъ однакоже на стулѣ. Надобно было переписывать множество бумагъ подписанныхъ уже сенаторами и кои залиты были кровью. Вотъ человѣкъ! Здравъ и веселъ, да вдругъ и отдастъ Богу душу. Я его мало зналъ, видалъ въ клубѣ и раза два игралъ въ вистъ съ нимъ.—Говорятъ, что клобъ отдѣлали съ ужасною роскошью. Вся мебель новая и щегольская, комнаты расписаны, и сдѣланы многія перемѣны. Старшины убухали, говорятъ, тысячъ 30. Былъ обѣдъ, на коемъ пили здоровье Шульгина, эксъ-оберъ-полицмейстера, который всѣмъ этимъ завѣдывалъ.

*

Семердино, 24 Сентября 1828.

Ты имѣешь весьма пріятнаго и исправнаго корреспондента въ князѣ Петрѣ Михайл. Скоро и онъ явится въ Петербургъ. Дай Богъ, чтобы путешествіе Императрицыно совершилось благополучно. Вотъ и Меншиковъ пустился въ путь; стало, рана не столь еще опасная или мучительная. Только въ Варнѣ, кажется, не шутятъ; вотъ и Перовскому*) досталось. Послѣ Варны, Бургасу не устоять, но все-таки не худо Воронцову сорвать еще вѣночекъ лавровый.

Піеска наша точно удалась и очень была пріятна Наташѣ. Ты знаешь, что ни я, ни ты не имѣемъ понятія о стихахъ, и я право самъ себѣ дивлюсь, какъ эти написалъ. Хотя они дрянные, но когда хочешь угодить человѣку, котораго любишь, то откуда берется и знаніе! Прочитавши дѣточкамъ, пошли піеску къ Костѣ: пусть и онъ посмѣется. Теперь куплеты поютъ не только дѣвчонки комнатныя, но даже мужицкія дѣти, слыша все отъ другихъ, сами напѣваютъ.

*

Москва, 28 Сентября 1828.

Я пріѣхалъ въ Москву вчера вечеромъ. Въ Тарасовкѣ вижу двѣ кареты, спрашиваю чьи? Княгини Меншиковой, возвращающейся изъ Троицы съ богомолья. Я къ ней пошелъ и очень кстати, ибо могъ ее успокоить насчетъ мужа, о коемъ не знала ничего съ отъѣзда его изъ Варны. Дѣти ея слушали меня съ большимъ вниманіемъ и плакали. Она была въ мучительномъ недоумѣніи и долго. Мужъ кое-какъ написалъ ей пять строкъ послѣ раны своей, отправилъ письмо къ Во-

---

*) Василію Алексѣевичу.

ронцову для доставленія въ Москву. Между тѣмъ Воронцовъ назначенъ въ Варну, и письмо княгини изъ Одессы опять возвратилось въ Варну и оттуда уже отправлено въ Москву, путешествовавъ мѣсяцъ. Княгиня, не видѣвъ ничего руки мужниной, полагала его или убитымъ, или очень опасно раненымъ. Она думаетъ, что ему костылей не обойтиться; но я увѣрилъ ее, что онъ будетъ ходить, какъ князь Яшвиль, только безъ костылей. Она меня напоила чаемъ. Я очень ее знаю по дому покойнаго гр. Растопчина[1]). Тутъ наѣхалъ я нечаянно ѣхавшаго ко мнѣ съ письмами Андрея и, прочтя армейскіе бюллетени, кои мнѣ присылаешь, отдалъ ихъ всѣ княгинѣ безъ возврата. Она сказывала мнѣ, что не нахвалится Воронцовымъ и *тобою*, почему тобою? Это ты долженъ знать.

Какъ у васъ все скоро дѣлается! Графиня Нессельроде уже на новой квартирѣ, гдѣ однакоже вѣроятно должно быть сыро. Я не понялъ, въ этомъ ли же домѣ помѣстился кіая-бей Закревскій, отъ коего получилъ я сегодня письмо. Жалуется на здоровье и на хлопоты, прибавляя, что въ два дня насилу могъ написать ко мнѣ двѣ строчки. Здѣсь всѣ увѣрены, что Императрица беременна. Дай Богъ еще сынка и чтобы всѣ были въ отца. Ты знаешь ли, что когда пришло въ Одессу извѣстіе о ранѣ Меньшикова, которую почитали съ начала неизлѣчимою, Государь заплакалъ. Два дня послѣ того былъ славный спектакль въ Одессѣ. Государыня пришла къ нему уговаривать его ѣхать туда, но Императоръ отвѣчалъ: «Puis-je aller m'amuser, quand un Menchikoff est blessé comme cela, et quand je vois le sang de mes sujets couler pour nous et pour la patrie!» Императрица была столь тронута сими божественными словами, что тотчасъ раздѣлась и сама не поѣхала въ театръ. Жаль, что такія изреченія не всѣмъ Русскимъ извѣстны; но Государь дѣйствуетъ и говоритъ по побужденію души, а не на показъ. Продли Богъ вѣкъ его для блаженства насъ всѣхъ! Сомнѣваюсь, чтобы ты сладилъ съ Безбородкою, который большой скряга, говорятъ; а хорошо-бы тебѣ[2]) владѣть тремя углами улицы.—Я очень радъ, что княжна Алина[3]) съ отцомъ. Какая польза странствовать съ матерью? А между тѣмъ лѣта проходятъ; отецъ скорѣе найдетъ ей добраго мужа.

*

Москва, 29 Сентября 1828.

О святомъ Андреѣ и новомъ имени Ширванскаго полка сказали тестю, который тотчасъ поѣхалъ поздравлять Паскевичеву жену. Здѣсь

[1]) Княгиня Анна Александровна Меншикова, ур. Протасова, двоюродная сестра графини Е. П. Растопчиной.

[2]) Т. е. Почтовому Департаменту.

[3]) Княжна Александра Петровна, вышедшая потомъ за Павла Дмитріевича Дурново. Мать ея любила странствовать.

никто еще не зналъ о сей милости, а объ лентѣ увѣряютъ, что есть въ Инвалидѣ, но я не видалъ. Славно шагаетъ Эриванскій графъ, но славно и награжденъ. Здѣсь есть нѣкоторые дураки, повторяющіе, что нѣкоторые злонамѣренные разглашаютъ, что Варну мы оставили, что отъ Шумлы отбиты, что Султанъ идетъ самъ съ миліономъ войска и тому подобныя бредни. Разсудительные люди, судя по происшествіямъ, смѣются этому, но не худо бы полиціи болѣе имѣть бдительности и шалуновъ унимать. Нессельроде будетъ великолѣпно жить; не такъ я сказалъ: онъ будетъ въ великолѣпной казенной квартирѣ, но великолѣпно жить не станетъ. Воля твоя, ни ухватокъ, ни фигуры, ни привычекъ нѣтъ у него вице-канцлерскихъ, какъ говаривалъ Deboly, bien entre nous soit-dit. Тутъ бы жить покойному князю Александру Борисовичу[1]). Коллегію заставятъ франтить, а мы не можемъ добиться нѣсколько рублевъ на шкапы для бумагъ Екатерининскихъ!

*

Москва, 1 Октября 1828.

Всѣ здѣсь удивляются, что я могу такъ долго оставаться въ деревнѣ: да вы должны умирать отъ скуки. А я право тамъ счастливѣе, нежели здѣсь. Но не всякой понимаетъ семейственное счастіе; да правду сказать, не у всѣхъ такая жена и дѣти, какъ у меня. Не увидишь, какъ день пройдетъ: гуляешь, читаешь, пишешь, а тутъ письма отъ тебя, pour la bonne bouche, газеты, вѣсти хорошія. Много я наблюдалъ дѣтей своихъ, и трудно рѣшить, которой дать предпочтеніе, Катѣ или Ольгѣ; но старшая, мнѣ кажется, еще добрѣе: отдаетъ все, что́ имѣетъ и судитъ очень здраво.

Вотъ и князя Николая Васильевича правнучка замужъ идетъ[2]). Я желаю, чтобы княгиня Софья Григорьевна попала въ бабушки скорѣе, и какъ вспомнишь Воронцово, то и ее вспомнишь свѣжую, прекрасную какъ розанъ, въ 14 лѣтъ.—Точно, что нѣтъ счастія совершеннаго на землѣ. Кажется, чего не достаетъ нашему милому Воронцову? Сколько у него есть завистниковъ? Но ежели справедлива исторія, которую на ухо здѣсь разсказываютъ о поступкѣ глупомъ молодого Раевскаго[3]) съ графинею, то не должно ли это отравить спокойствіе этого безцѣннаго человѣка? Даже по тому, какъ мнѣ Волковъ разсказывалъ, я ему доказалъ, что графиня совершенно невинна; но все очень непріятенъ эдакій ескландръ. Вотъ такъ-то одинъ бѣшеный негодяй можетъ нарушить спокойствіе такого примѣрнаго семейства. Меня очень это опечалило.

*

[1]) Куракину.—[2]) Т. е. дочь князя Н. М. Волконскаго (см. выше).

[3]) А. Н. Раевскій (Пушкинскій Демонъ), съ хлыстомъ въ рукахъ, остановилъ на улицѣ карету графини Е. К. Воронцовой, которая съ приморской дачи ѣхала къ Императрицѣ, и наговорилъ ей дерзостей. Его выслали въ Полтаву.

Москва, 3 Октября 1828.

Третьяго дня какое было ужасное происшествіе. Есть нѣкто Сафоновъ Иванъ Серг. (Пушкинскій, имянуемый здѣсь *садовникомъ*, по охотѣ его къ цвѣтамъ). Приходитъ къ нему жена прощаться. Что? — Ѣду съ визитами.—Погоди, матушка: вотъ пришелъ дантистъ; дай мнѣ только при тебѣ зубъ вырвать, первый разъ отъ роду это дѣлаю. Садится Сафоновъ. Дантистъ принимается за дѣло. Сафоновъ вдругъ отъ боли закричалъ и всталъ со стула, а жена его хлопъ въ обморокъ. Ничего, говоритъ дантистъ, это пройдетъ; но, видя, что уксусъ не дѣйствуетъ, онъ тотчасъ въ карманъ за ланцетомъ, одну руку отворяетъ, другую; кровь не идетъ. Бѣдная Сафонова уже умерла! Она называлась Марья Дмитріевна и была красавица въ свое время. C'était une apoplexie foudroyante que la peur avait apparemment hâtée, mais qui se préparait déjà depuis la veille. Elle se plaignait de vertige; il aurait fallu la saigner avant. Экое созданіе человѣкъ! Она одѣлась ѣхать съ визитами, а вмѣсто того поѣхала на тотъ свѣтъ.

*

Москва, 6 Октября 1828.

Явился проѣзжій Никол. Александровичъ Лунинъ, ѣдущій въ Петербургъ. Ему дается комиссія отправиться въ Англію для покупки лошадей для государевыхъ заводовъ; это продолжится, можетъ быть, года два. Меншиковъ, съ коимъ онъ очень друженъ, вѣроятно устроилъ это; ибо Лунинъ большой охотникъ, знатокъ и заводчикъ лошадиный, знаетъ по-аглински. Его выписалъ Васильчиковъ Лар. Васил. Ежели этого увидишь, скажи ему пожалуй, что Лунинъ здѣсь, что опоздалъ за скверною дорогою; прежде Середы нѣтъ свободнаго дилижанса, то прежде и выѣхать не можетъ отсюда, не смотря на желаніе свое. Мнѣ не нужно рекомендовать тебѣ Лунина, ты его знаешь. Онъ на все хорошъ: и въ биліардъ, и въ вистъ, и покушать, и поболтать.

*

Москва, 8 Октября 1828.

Дѣло Веймарна подлинно славное, это по румянцовски, т. е. Кагулъ въ миніатюрѣ; жаль, что Яковенко не по вейнемарнски поступилъ, распорядясь такъ, что ты по сихъ поръ не имѣешь еще реляціи, а любопытно бы это прочесть! Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій изъ подъ Варны. Только Рушковскій увѣрялъ меня вчера, что тутъ не визирь, а Омеръ-Вріоне дѣйствуетъ. Куда же тотъ дѣвался? Въ городѣ толкуютъ многіе дѣло это, яко бы не въ нашу пользу бывшее, потому что на другой день Турки́ были руки сложа, а мы ихъ

не атаковали; а можетъ быть мы ждали подкрѣпленій. Какъ за глаза судить о такихъ дѣлахъ?

Ты помнишь Чернышовыхъ кузину, высокую молодую вдову Безобразову [1]). Вчера была она обвѣнчана съ Тимирязевымъ, полковникомъ, служащимъ въ арміи Цесаревича. Онъ нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Варшавы, чтó доказываетъ, что дѣло было прежде уже устроено между ними.

*

Москва, 9 Октября 1828.

Я ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ почту, мой милый и любезнѣйшій другъ. Весь городъ наполненъ взятіемъ Варны; прибавляютъ, что Семеновскій полкъ, съ командиромъ своимъ, почти весь легъ, и первый вошелъ въ крѣпость, и что Воронцовъ раненъ. Какъ же это знать? Сюда вѣрно не послали же курьера прямо изъ Варны. Увѣряютъ, что князю Д. В. пишетъ это графъ П. А. Толстой уже вчера. Зачѣмъ же онъ это не обнародуетъ?

*

Москва, 11 Октября 1828.

Неудивительно, что графъ М. С. не писалъ тебѣ объ исторіи Раевскаго: это непріятная матерія. Да полно, знаетъ ли онъ самъ это? Есть же такіе мерзавцы; а я вѣрю, что кумушки-завистницы внутренно радовались этой непріятности, дѣлая между тѣмъ сморщенную рожу, какъ у нихъ водится.

*

Москва, 15 Октября 1828.

Славное дѣло! Ай да Воронцовъ! Всѣ восхищаются лестнымъ рескриптомъ Государя. Многіе жалѣютъ, что не дана ему Андреевская; я нахожу, что шпага лестнѣе. Голубая лента не уйдетъ, онъ можетъ ее получить и за гражданскую службу, а взять крѣпость какъ Варна есть счастіе особенное, славный подвигъ. Мало ли Андреевскихъ лентъ? Но я представляю себѣ, что какой-нибудь Сибирякъ или иностранецъ видитъ генерала со шпагою, на коей *за взятіе Варны*; это Воронцовъ, скажетъ онъ! А не всякая голубая лента—вывѣска славнаго дѣла. Всѣ тѣ, кои спорили со мною, должны были согласиться, что я правъ. Я полагаю что и Воронцовъ одного со мною мнѣнія.

Ты не можешь повѣрить, какое движеніе въ городѣ, какая радость! Завтра (я пишу тебѣ съ вечера) молебствіе, всѣ хотятъ иллюминовать домà, а Фастъ заказалъ транспарантъ съ словами: Ура! Варна сдалась! Я очень радъ третьей звѣздѣ Алексѣя Самуиловича [2]) и пожа-

[1]) Софью Өедоровну, ур. Вадковскую. О супругѣ ея см. статью ихъ сына Өедора Ивановича, „Страницы прошлаго" въ „Русскомъ Архивѣ" 1884, 1, 155 и 298.

[2]) Грейга.

лѣлъ, что она ускользнула у Меншикова. Всѣ Бога молятъ, чтобы Государь поѣхалъ черезъ Москву. Ну, братъ, ежели и возьмутъ зимнія квартиры, то все кампанія заключилась блистательнымъ подвигомъ. Не поколотитъ ли Бистромъ разбойника Вріона? Я увѣренъ, что Силистрія сдастся скоро. Письмо твое меня оживило, а то я очень былъ пасмуренъ. Завтра послѣ присутствія поскачу въ подмосковную. Дай Богъ, тамъ все найти хорошо. Мы были съ Фастомъ на большомъ имянинномъ обѣдѣ у Хрущовыхъ. Тутъ были комендантъ и оберъ-полицмейстеръ, которые ничего не знали. За столомъ пили и здравіе Лобанова, отецъ его обѣдалъ тутъ же. Къ вечеру балъ у кн. Дм. Вл., но я не поѣхалъ.

Здѣсь въ Архивѣ собралъ я всѣхъ въ кружокъ и прочиталъ имъ донесеніе о взятіи Варны и рескриптъ къ Воронцову. Въ городѣ ужасная радость и тревога. Меня очень насмѣшилъ одинъ изъ нашихъ инвалидовъ. «Поздравляю васъ, ребята, со взятіемъ славной крѣпости!» Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: Благодаримъ, ваше превосходительство, графъ Воронцовъ Петра Великаго перещеголялъ!—«Почему же?»—Да какъ же в. п., вѣдь Петръ Великій былъ подъ Нарвою разбитъ, а графъ Воронцовъ Нарву взялъ. Товарищи его послѣ осмѣяли, а онъ сказалъ: Ахъ я старый пёсъ, неправильно донесъ его превосходительству.

*

Москва, 23 Октября 1828.

Мамонова мнѣ говорила, что дождется моего возвращенія, имѣя нужду говорить со мною; только вышло, что она не дождалась меня и уѣхала къ вамъ въ Субботу. Cela lui ressemble. Фонъ-Визинъ отказался, она просила князя Д. В. Голицына уговорить Кушникова, запетеманданта *) Волкова, но они оба отказались отъ опекунства, а склонили Циціанова, князя М. Д., который болѣе года не хочетъ оставаться. Я ей не заикался о себѣ, ибо не намѣренъ напрашиваться; а ежели захочетъ, чтобы я тебя замѣнилъ, когда выйдешь, то не иначе, чтобы завѣдывать несчастнымъ братомъ ея, но ни въ имѣніе, ни въ деньги никакія не вмѣшиваться. Пусть она и куролѣситъ, и отвѣчаетъ.

Ты знаешь кн. Влад. Голицына, который большой фарсёръ. Онъ пріѣхалъ намедни къ Кокошкину съ длиннымъ лицомъ.—Что̀ вы, князь? —Да то, что̀ всѣ?—А что̀?—Вы не знаете развѣ вѣсть печальную?—Нѣтъ, отвѣчаетъ Кокошкинъ. Помилуйте, Французы въ Можайскѣ уже. 1812 г. такъ у всѣхъ еще памятенъ, что Кокошкинъ сперва обробѣлъ, приба-

---

*) Такъ звали у Булгаковыхъ бывшаго Московскаго коменданта, а въ это время жандармскаго генерала, А. А. Волкова.

вивъ потомъ: Вы шутить хотите, князь.—Нѣтъ, ей Богу; Французы въ Можайскѣ, мнѣ самъ князь Дм. Вл. сказывалъ это, а вамъ эти Французы туже будутъ, нежели Растопчину Французы 1812 года. Тогда Кокошкинъ понялъ, что дѣло шло о Французской труппѣ [1]). Она уже здѣсь, и говорятъ 10 Ноября дебютируетъ. Все взято въ годы, кромѣ 4 ложъ и 8 кресель.

*

Москва, 25 Октября 1828.

Вчера вечеромъ заѣхалъ за мною тесть, уговорилъ меня ѣхать на вечеръ къ княгинѣ Катер. Алекс. Волконской. Видѣлъ я тутъ дурака этого Масальскаго. Со стула вспрыгнулъ, узнавши, что Потоцкому пожалована Александровская, а онъ оберъ-шенкъ и въ Анненской. Вскрикнулъ: Comment, et à Potosky aussi le S-t Alexandre, да потомъ одумавшись прибавилъ: Mais qui ne l'a pas? Qui ne l'a pas?—Mais vous et moi, mon prince.—Mais voyez Ouchakoff; il n'était pas né, quand j'avais le cordon de S-t Anne.—Mais, mon prince, ces messieurs perdent là-bas bras et jambes, et vous jouez ici au whist tranquillement.—Mais ce n'est pas l'affaire d'un grand échanson de se battre.—Très bien, mon prince, mais son affaire serait d'être à la cour, et vous êtes éternellement en congé à Moscou. Всѣ стали смѣяться, а Масальскій потомъ сказалъ тестю: Votre beau-fils a raison enfin. Il faut enfin que je fasse une course à Pétersbourg, les absens ont toujours tort, тамъ же теперь князь Сергій Михайловичъ; enfin il m'aidera. Экой дурачина! Мудрено ли, что Растопчина дѣлаетъ глупости, имѣя такого совѣтника?

Тутъ былъ нашъ родня Левъ Николаевичъ Энгельгардъ. Онъ просилъ меня побывать у него, имѣя нужду со мною поговорить. Что же выходитъ? Je veux, dit-il, écrire les mémoires de ma vie; je veux vous montrer mes matériaux qui sont riches et curieux, je veux faire cela dans le genre de Mémoires de Ségur [2]). Хорошо! Мнѣ это напомнило короткое приношеніе, сдѣланное въ Неаполѣ братомъ Гопсе Д. П. Татищеву, коему онъ писалъ: Prendo la libertà di dedicare a v. e. un drama che io comproto nello stile del divino Metartasio etc. bagatelle!

Поѣду копаться въ свой Архивъ, боюсь заразиться болѣзнію Каменскаго. Польскія бумаги очень меня интересуютъ. Все тутъ почти батюшкина рука; видно, что онъ все дѣлалъ при Репинѣ, Сальдернѣ, князѣ Волконскомъ, а тамъ и самъ былъ тѣмъ же, что̀ они.

*

[1]) Директоръ театра Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ противился выпискѣ изъ чужихъ краевъ этой труппы, боясь отъ нея подрыва Русскимъ представленіямъ.

[2]) Записки Л. Н. Энгельгарда изданы зятемъ его Н. В. Путятою и потомъ „Русскимъ Архивомъ“, въ особой книгѣ.

Москва, 26 Октября 1827.

Вчера слышалъ я весьма печальную вѣсть. Пишетъ Ренкевичу сынъ изъ Тифлиса, что Сипягинъ [1]), у коего онъ адъютантомъ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни. Это потеря для службы и для края, гдѣ много успѣлъ онъ сдѣлать добра. Вообрази, что жена его, пріѣхавшая сюда къ отцу родить, послѣ весьма трудныхъ родовъ, оглохла совершенно. Въ ея жизни такъ отчаеваются, что и не скажутъ ей о кончинѣ мужа, коего не долго она переживетъ. Какіе удары для бѣднаго С. С. Кушникова! Къ счастію пріѣхалъ другой его зять Бибиковъ. Все легче будетъ старику, коего здоровье тоже плохо.

*

Москва, 27 Октября 1828.

Вчера явилась къ Волкову съ Кавказа М. И. Корсакова и поселилась у него со всею своею свитою. Станетъ его, какъ саранча, объѣдать. Она мало перемѣнилась, а дочь нахожу подурнѣла. Говорила она, что, истоща всѣ свои каналы и писавши безполезно Реману, женѣ твоей и другимъ, рѣшилась наконецъ къ тебѣ прямо адресоваться и что ты, повсемірно восхваляемый твоей готовностію всѣмъ угождать, ей тотчасъ отвѣчалъ и прислалъ какія-то капли, отъ которыхъ она сама воскресла и множество другихъ больныхъ поставлены были на ноги. Стало тебя, мой милый другъ, и на Кавказѣ прославляли! Спасибо хоть, что признательна. Волковъ, который какъ ты знаешь, любитъ всѣхъ хвалить и все хвалитъ, разсказывалъ, какъ Магометанскій какой-то князёкъ съ Каспійскаго моря покупалъ Корсакову дочь, а потомъ хотѣлъ увезти, потомъ сватался съ тѣмъ, что она можетъ сохранить свою вѣру; но съ Турками негоціаціи рѣдко удаются. Гриша Корсаковъ [2]), также пріѣхавшій съ матерью, представляетъ совершеннаго Fra Diavolo, коего голова была въ мое время въ Неаполѣ оцѣнена въ 800 червонныхъ; усы отпущены на Божію волю, а royale такая, что бороды не видать. Я понимаю, что на Кавказѣ онъ слылъ Адонисомъ и даже Бельведерскимъ красавчикомъ, но здѣсь Москва, и Волковъ совѣтуетъ ему обрить все это.

О Сипягинѣ тѣмъ болѣ всѣ жалѣютъ, что онъ заразился, осматривая госпитали, въ коихъ много было гнилыхъ, прилипчивыхъ горячекъ. Онъ было хорошо за дѣло свое принялся, и трудно будетъ его

---

[1]) Николай Мартьяновичъ, герой Отечественной войны, ген.-адъютантъ, ум. 10-го Окт. 1828 г. военнымъ губернаторомъ въ Тифлисѣ. Отъ втораго своего брака съ Елис. Серг. Кушниковой (ум. 1-го Ноября 1828) имѣлъ онъ сына, который былъ отцомъ министра внутреннихъ дѣлъ Дмитрія Сергѣевича Сипягина.

[2]) Григ. Александр. Римскій-Корсаковъ, женатый на Грибоѣдовой, которой сестра была за И. Ѳ. Паскевичемъ.

замѣнить.—Какъ это Юлій Помпеевичъ вспомнилъ обо мнѣ? Спасибо, а вѣдь онъ командиръ нашей братіи ключеносцевъ. Я думаю, что внучки причиною преждевременной старости и болѣзней графини Литты. У Браницкой тоже была заноза по милости сына. И здѣсь говорили о Мамоновой, но это не правда. Повѣрь, что ея старичишка-плутяга не допуститъ до женитьбы, покуда не оберетъ ея, а то мужъ тотчасъ его по шеямъ. Бобринской мнѣ сказывалъ, что онъ бы мать ихъ совсѣмъ разорилъ, ежели бы не прогнали еще во́ время. З. В. этотъ увѣрялъ меня, что 1000 душъ взбунтовались у графини, не платятъ ничего, и что, дабы имѣть чѣмъ жить, онъ продаетъ лѣсъ какой-то, et c'était le fond de la richesse du bien. Зайду къ Брокеру сказать ему, что дѣло съ Растопчиной кончено въ его пользу въ Сенатѣ вчера. Тесть мнѣ это сказалъ подъ секретомъ. Говорятъ, что губернаторъ подалъ въ отставку; не будутъ плакать по немъ. Вздорный, пьяный человѣкъ. Надобно Закревскому пріискать сюда хорошаго человѣка, чтобы Москва похвалила его выборъ. Князь Дм. Вл. тоже сказалъ пріятелю одному, что собирается въ Петербургъ и что оттуда воротится партикулярною особою.

*

Москва, 29 Октября 1828.

Меня какъ будто громомъ ударило. Развернувъ письмо твое отъ 24 числа, я прежде всего увидѣлъ записку руки князя П. М., ее первую прочиталъ и сказалъ себѣ: ну слава Богу, во́ время пустили кровь Императрицѣ. Фастъ вошелъ. На-ка прочти, посмотри, въ какой была опасности Императрица, а между тѣмъ принялся я за письмо твое, да какъ ахну такъ, что Фастъ испугался. Что̀ такое? Не стало Императрицы! Бѣдный Фастъ такъ и залился слезами, хотя почти и не зналъ покойную Государыню. Шли къ столу, Наст. Ив.*) имянинница, мы положили молчать и не портить праздника, потому что Наст. Ив. пользовалась нѣкогда особенными милостями покойной Императрицы. Только, какъ мы ни притворялись, а старуха раза три все добивалась: Qu'avez-vous tous les deux? Vous avez du chagrin. Мы отговаривались, что угорѣли въ кабинетѣ, куда и ушли послѣ обѣда раздѣлить скорбь нашу. Какая потеря! Я не говорю уже о благодѣтельныхъ заведеніяхъ, но какой ударъ для царской фамиліи! Государыня, по лѣтамъ своимъ, по добродѣтелямъ, по званію матери Императора, была какъ бы главный судья, къ коему всѣ прибѣгали. Боже упаси царскую фамилію отъ всякихъ раздоровъ; но случись такое несчастіе, кто будетъ это все примирять? Государь самъ еще молодъ, младшій братъ на престолѣ. У ме-

*) Теща Ф. И. Макеровскаго, ур. Мосолова.

ня мысли свои, можетъ быть странныя, слишкомъ феодальныя; но я оплакиваю даже и золотую карету, и 8 лошадей, и гусаровъ покойницы. Это нужно было для народу. Не люблю я эту bourgeoisie-impériale, введенную Александромъ Павловичемъ. Государь не такой имѣетъ домъ какъ мы; такъ надобно, чтобы и все прочее соотвѣтствовало огромному дворцу, который онъ обитаетъ. Теперь исчезнетъ послѣдній этикетъ при дворѣ, а имъ держится почтеніе народное къ престолу. Запанибратство, простота въ жизни и обхожденіи, погубили королеву Французскую, а съ нею и Францію. Философы говори себѣ, что̀ хотятъ, да и я согласенъ, что мы всѣ черви, всѣ равны передъ Богомъ; но народъ не долженъ въ Государѣ видѣть ничего общаго со всѣми. Охъ жаль, братъ, М. Ѳ! Только воля твоя, ее, какъ и покойнаго Государя, уходили палачи—невѣжды-доктора. Срамъ, что не пожертвуютъ 200 т. жалованья въ годъ, чтобы имѣть Гуфланда, Франка, знаменитыхъ такихъ врачей. Развѣ здоровье царей нашихъ не сто̀итъ того? Какъ, послѣ такого *лучше*, дать опять болѣзни усилиться? Скоты не умѣли предупредить удара; онъ недѣлю готовился, они не умѣли попасть на болѣзнь. Вся наша царская фамилія полнокровна. Какъ бы ни было, общей матери не стало, а какая была здоровая, и при трезвой, дѣятельной ея жизни, надобно было надѣяться на весьма глубокую старость. Сердце Государево какъ будто предчувствовало: не даромъ такъ спѣшилъ въ Петербургъ. При горести его, все отрада, что принялъ благословеніе столь нѣжной матери. Этого счастія братья его не имѣли. Манифестъ очень насъ тронулъ. Я поѣхалъ къ Черткову; онъ, стоя передъ портретомъ Павла I, что̀ у него въ гостиной, плакалъ, говоря: и онъ, и она были мои благодѣтели. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ подробностей отъ тебя и извѣстія о состояніи нашего ангела Николая. Былъ я послѣ у Волкова, и тотъ ничего не зналъ; былъ тоже какъ громомъ пораженъ. Государыня по Плещеевымъ его любила всегда. У Волкова случилось двѣ монастырки, имъ сдѣлался обморокъ и припадки нервическія отъ горестнаго сего извѣстія. Всѣ въ уныніи; я представляю себѣ, что̀ должно быть въ Воспитательномъ Домѣ. Но представь себѣ глупость или вѣтренность нашей полиціи. Извѣстіе пришло поутру, по почтѣ, всѣ имѣли письма отъ своихъ, многіе и манифестъ печатный получили, а между тѣмъ и Кіарини, и всѣ театры были открыты. C'est indécent. Ежели князь Д. В. отказалъ свои воскресныя вечеринки, такъ стало же зналъ о несчастіи; какъ же не закрыть театры? Да ежели бы извѣстіе пришло бы и не поутру, а въ самое представленіе, то слѣдовало оное прервать. Говорятъ, что Закревскій не сообщилъ офиціально. Да развѣ для такихъ случаевъ надобно ожидать приказаній? Хорошъ и Шульгинъ нашъ новый; старый былъ му-

жакъ, но не сдѣлалъ бы такой глупости. Я тотчасъ вспомнилъ о бѣдномъ Новосильцовѣ. Но мало ли такихъ бѣдныхъ теперь! Покуда я былъ у Волкова, отовсюду присылались къ нему записки съ горестною вѣстію, но манифеста никто еще не имѣлъ. Ѣду въ Архивъ, заѣду къ Рушковскому; онъ, вѣрно, горюетъ, какъ мы. Мнѣ кажется, я вижу передъ собою покойницу, слышу ея милостивыя слова: Je vous remercie beaucoup pour toutes les peines, que vous vous êtes données pour moi. Кто это говоритъ? Императрица своему подданному, дежурному камергеришкѣ.

Цѣла попа грамота, какъ говорилъ покойный Каменскій*): намъ изъ Коллегіи поручено узнать, какъ достался ей домъ, на Васильевскомъ острову состоящій, и есть ли актъ, не означая даже эпохи сего пріобрѣтенія. Ну порылись мы! Только видно изъ бумагъ, что въ царствованіе Елисаветы Петровны сдѣланы починки въ этомъ домѣ; стало, прежде купленъ. Рыться. Наконецъ нашли подлинную купчую 1735 года и сегодня же репортуемъ Коллегіи, что исполнено ея приказаніе въ нѣсколько дней.—У насъ вотъ три дня такой туманъ, что за двѣ сажени на улицѣ ничего нельзя разглядѣть; на солнце можно смотрѣть, какъ на мѣсяцъ, оно какъ бы въ затменіи, и народъ говоритъ, что причиною этому смерть Императрицы.

*

Москва, 30 Октября 1828.

Сегодня панихида въ соборѣ по покойной Императрицѣ; надобно ѣхать въ соборъ, но прежде отправлю письмо мое къ тебѣ, любезнѣйшій, ибо изъ Кремля проѣду въ свой Архивъ. Вчера получилъ я твой № 193. И у васъ, и у насъ только одна рѣчь, одно всеобщее горе. Пушкинъ, конечно, лучше все и пристойнѣе устроитъ, нежели Куракинъ съ своими *охлопками*. Возложили на него эти пряжки, и до сихъ поръ толку нѣтъ. Не знаешь ли ты чего-нибудь? Когда выйдутъ онѣ и сколько числомъ? А меня все мучаетъ М. И. Корсакова, присылаетъ за приказомъ Воронцовскимъ передъ Варною. Волковъ читалъ его у меня, да видно ей сказалъ, а эта проситъ списать; но я не желаю, чтобы это пошло по рукамъ и, наконецъ, напечаталось гдѣ-нибудь. Можетъ быть, этого и Воронцовъ не хочетъ. Теперь я просто отвѣчаю, что у меня взяли да и затеряли эту бумагу.—Какъ не помнить доктора Гренвиля! Помню и смѣшное объ немъ письмо къ тебѣ Воронцова; помню, какъ его надували медовымъ краснымъ медомъ, сдѣланнымъ будто изъ бычачьей крови. Я чаю, и это помѣщено въ путешествіи его. Мало ли что̀ онъ навретъ, а книга будетъ расходиться. Спасибо, что хоть тебя похвалилъ. Вчера я былъ у Волкова. Il était aussi estomaqué que moi et

*) Николай Николаевичъ, начальникъ Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

que tout le monde, de se qu'il y a eu théâtre le jour de la réception de la malheureuse nouvelle, да и вчера разносили афишки: назначена была Капнистова пieса «Ябеда», но догадались, видно, и не было представленія. У Волкова видѣлъ я доктора Гааза, онъ разсказывалъ очень удивительное дѣло. Бѣдная Сипягина, лежащая въ забытьи третій день и никого не узнающая, вчера вдругъ сказала своей дѣвушкѣ: Ты знаешь, что мужъ мой умеръ?—Откуда вы взяли это, сударыня? Какъ бы намъ не знать объ этомъ. Больная опять впала въ безчувствіе. Только вчера вечеромъ, пришедъ въ себя, она очень внятно повторила: Боже мой, какъ жаль бѣдную Императрицу! Батюшка будетъ въ сокрушеніи отъ ея кончины. Товарищи Гааза приписываютъ это сомнамбулизму, онъ самъ не знаетъ, какъ растолковать; но мнѣ кажется, просто, что дѣвушки и всѣ, больную окружающіе, видя ее въ забытьи и бреду, говорили не женируясь о томъ и другомъ, и больная, имѣя на эту минуту память, вслушалась, вѣрно, въ разговоръ. Je l'aurais aussi expliqué, comme vous venez de le faire, замѣтилъ Haas, mais songez donc que la malade est tellement sourde depuis ses couches qu'elle n'entenderait pas un coup de canon, si on le tirait. Это, подлинно, очень странно и истолковано быть не можетъ.—Забылъ я тебѣ сказать вчера, что приходилъ къ намъ въ Архивъ одинъ Армянинъ, просившій перевести ему какой-то Армянскій документъ. Разговаривая съ нимъ, слышалъ я отъ него, что онъ и многіе его товарищи получили извѣстіе о послѣдовавшемъ въ Арзерумѣ бунтѣ, что Янычары послали въ Топханъ-Кале къ нашимъ сказать, чтобы они шли занять Арзерумъ, что все готово для принятія ихъ, что генералъ нашъ, подозрѣвая измѣну, не уважилъ этого, но что тогда Янычары прислали аманатовъ, объявя, что преданныя Султану войска всѣ вышли, что остальныя не хотятъ принадлежать Портѣ, а Русскимъ, и что ежели сіи не придутъ, то Янычары сожгутъ весь городъ; что послѣ сего 1200 нашего войска вошли въ Арзерумъ. Кажется, это невѣроятно; увидимъ, что̀ скажетъ Тифлисская почта.

*

Le 30 Octobre 1828. Moscou.

Ma lettre pour vous était déjà expédiée, mon cher ami, je recois la poste aux Archives, et j'ai été frappé de la fatale nouvelle au sujet du pauvre Ouroussoff. Mon premier mouvement fut d'aller chez le prince, il était au Sénat, je n'ai trouvé que la princesse. Je n'avais pas le coeur de lui annoncer la nouvelle qu'elle ignorait encore. Son fils Paul était d'avis de laisser passer quelques jours, mais ensuite la p-sse m'ayant dit: вы что-то не въ своей тарелкѣ, скажите мнѣ правду, нѣтъ ли какого-нибудь несчастія? j'ai pris sur moi de lui annoncer la triste nouvelle. Elle a beaucoup pleuré et a eu des tiraillements des nerfs. Le

prince arriva bientôt après; cet excellent père a ausssi pleuré amèrement, ensuite il m'embrassa en disant: Ты меня избавилъ несчастія объявить горе это женѣ моей; буди воля Божія, Государь и не это потерялъ! La p-sse, s'étant un peu tranquillisée, demanda si sa fille Sophie savait le malheur? Je dis qu'oui, et alors je la conjurai de prendre sur elle et d'écrire quelques mots au moins à sa fille pour la tranquilliser, ce qu'elle fit, le père mit l'adresse. Voici la lettre, envoyez la vite à la p-sse Sophie, ce sera un baume pour son coeur. Qu'elle se ménage, ses parents sont résignés. Le c-te Jean[1]) a commis une grande imprudeuce, il écrit à sa mère qu'Alexandre est sans espérance, et sait cependant que c'est sa femme qui lit toutes ses lettres à la vieille c-sse; la c-sse Marie tomba évanouie en lisant cette nouvelle si inattendue. Князь Ал. Мих. поѣхалъ къ дочери теперь, ей объявлять несчастіе. Я не хотя все это исполнилъ [2]).

*

Москва, 31 Октября 1828.

Какая, говорятъ, картина въ Воспитательномъ Домѣ, такъ это ужасъ. Вой повсемѣстный! Шульгинъ, видно, думалъ поправить свою глупость въ разсужденіи театровъ: пріѣхалъ въ Понедѣльникъ въ Аглицкій клобъ и просилъ старшинъ на два дня закрыть его. Натурально, согласились; но почему же на два дня, а не на 7 или 15, и ежели всѣ трактиры открыты, то почему закрыться Аглицкому клобу, который не что иное, какъ благородный, собственный для 600 членовъ трактиръ? О Шульгиныхъ хорошо сказалъ кто-то: Алекс. Сер. Шульгинъ былъ *дуракъ*, а Дм. Иванов. *дура*. Первый все-таки былъ лучше, многіе его любили, особенно дворянство, а этого никто.

*

Moscou, le 2 Nov. 1828.

Бѣдная Сипягина умерла, наконецъ, промучась довольно долго. Бюлетень о покойной Государынѣ утверждаетъ меня во мнѣніи, что Рюль съ другими скотами не знали своего дѣла. Какъ не предупредить ударъ, который готовился болѣе 10 дней? Я все-таки одно твержу: старый, разслабленный Австрійскій императоръ, истощенный подагрою и развратною жизнью Георгъ Аглинской живутъ, покойникъ Лудовикъ XVIII послѣднія 7 лѣтъ жилъ однимъ искусствомъ и усердіемъ докторовъ, а наши морятъ нашихъ царей, какъ мухъ. И покойный Государь и матушка его жертвы ихъ незнанія. Говорятъ, стара была, да иной въ 70 лѣтъ здоровѣе и лучше сбереженъ, нежели другой въ 25! Жаль очень добрую Императрицу.

---

[1]) Графъ Ив. Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, супругъ гр. М. А. Урусовой. Сестра ея гр. Софья была тогда фрейлиной Александры Ѳеодоровны.

[2]) Рѣчь идетъ о кончинѣ князя Александра Александровича Урусова (1805 † 1828). —Это дядя нынѣшняго посла въ Парижѣ.

Волковъ получилъ извѣстіе изъ Тулы, что тамошній оружейный заводъ сгорѣлъ; это большое несчастіе, особенно въ теперешнее военное время. Прошлаго году тамъ прорвало плотину, остановка была временная, и то очень чувствительна, а эта очень будетъ ощутительна. Подробностей еще нѣтъ, но никто изъ людей не погибъ.

*

Москва, 3 Ноября 1828.

И такъ управленіе покойной Государыни переходитъ къ самому Государю; да и точно, неловко было подчинить князя С. М. Голицына, Кушникова, Вилламова и пр. частному лицу, тогда какъ имѣли они начальницею Императрицу. Институты, вѣроятно и Смольный монастырь, поступятъ къ царствующей Императрицѣ. Лобанова комиссія очень пріятная. Яко самовидцу, будетъ ему что разсказывать въ Берлинѣ. Старикъ, кажется, доволенъ, что сынъ его избранъ былъ для Берлина. Разговаривая съ нимъ о намѣреніи князя Д. В. оставить Москву*), онъ мнѣ намекалъ, что князь Дм. Ив., братъ его, сюда будетъ назначенъ. И мы здѣсь очень жалѣли о Сипягинѣ. Хорошему всякій отдастъ справедливость; жену его вчера хоронили. Бѣдному Кушникову ударъ за ударомъ, въ Государынѣ онъ также лишился милостивой и сильной покровительницы.—Ай да Гейсмаръ! А я тебѣ разскажу странный анекдотъ надосугѣ, слышанный мною отъ самого князя Волконскаго у княгини же Волконской. Шелъ онъ гулять; хвать, нѣтъ табакерки, забылъ дома, идти за нею далеко, видитъ табачную лавочку у Арбатскихъ воротъ, подходитъ къ ней. Есть ли у тебя, спрашиваетъ князь у старика, торгующаго табакомъ, вотъ такого-то сорту табакъ?—Нѣтъ, батюшка, здѣсь, весь вышелъ; извольте минуту посидѣть, тотчасъ вамъ принесу, и пошелъ. Князь отъ скуки беретъ въ руки книгу, тутъ лежавшую, видитъ Kurzabgefasste Philosophie von Kant. Это его удивило, но еще болѣе удивился, найдя тутъ и Гамбургскія газеты. Старикъ возвращается съ табакомъ. Князь спрашиваетъ, продажная ли это книга?—Нѣтъ, сударь, я ее читаю; меня ссудилъ пріятель.—А газеты? —Газеты мои, это единственная моя прихоть, утѣшеніе въ мірѣ; другое отниму у себя, а газеты буду получать, онѣ отрада моя, и я намедни имѣлъ сладкую минуту.—Какъ это?—Я читалъ о побѣдѣ генерала Гейсмара.—Такъ что же?—Да вѣдь онъ мой зять: онъ женатъ на моей дочери! Князь очень удивился, но старикъ продолжалъ: Онъ бьетъ Турокъ, а я торгую себѣ табакомъ; зачѣмъ мнѣ ихъ стыдить собою, пусть Божья будетъ съ ними милость, а я на старости лѣтъ не пе-

---

*) Князь Д. В. Голицынъ многократно намѣревался покинуть Московское генералъ-губернаторство.

ремѣню свои привычки и образъ жизни, буду себѣ читать Канта, газеты и продавать табакъ. Вотъ настоящій-то философъ! Гуляя зайду когда-нибудь, будто за табакомъ, и поболтаю съ этимъ чудакомъ умнымъ.

Хрущовы прислали звать ѣхать съ собою смотрѣть входъ Персидскихъ пушекъ, своднаго отряда. Не стоило же труда ѣздить, и смотрѣть нечего было. Солдаты какъ солдаты, а пушки какъ пушки. Народу было бездна, вся Москва, de sorte que nous n'étions pas les seuls mystifiés. Завтра будетъ въ Экзерциргаузѣ обѣдъ и угощеніе для войскъ. Хрущовы даютъ всякому солдату по двѣ чарки вина. Не грѣшно откупщикамъ сдѣлать это пожертвованіе. Волковъ тутъ парадировалъ верхомъ.

*

Москва, 5 Ноября 1828.

Вчера было трактованіе, сдѣланное городомъ сводному полку. Въ Экзерциргаузѣ накрыты были столы, солдатушки явились, сѣли, пили и ѣли. Передъ всякимъ было вино простое, бѣлое, красное; сіи два мало обращали вниманіе ихъ, а занимались они Ерофеичемъ, Русскимъ виномъ и пивомъ. Когда предложено было княземъ Дм. Вл. здоровье Императора, то солдаты закричали такъ громко ура! что казалось, что зданіе это обширное обрушится. Въ тотъ же день всѣ офицеры полка и всѣ генералы, въ Москвѣ пребывающіе, были угощены обѣдомъ въ залѣ Благороднаго Собранія. Поутру возили Персидскіе трофеи по городу. Волковъ (между нами) получилъ предписаніе развѣдать подробно о состояніи Воспитательнаго Дома и, собравъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся до управленій, ввѣренныхъ покойной Императрицѣ, пріѣхать въ Петербургъ. Онъ сказалъ мнѣ, что отрадно было бы для него остановиться у тебя. Я ручался, что ты будешь радъ, но онъ все-таки хочетъ твое согласіе на это и проситъ тебя, нимало не церемонясь, сказать да или нѣтъ. Онъ будетъ у васъ недолго; сестрины комнаты пусты, къ нимъ особенная лѣстница, экипажъ и все прочее будетъ у Волкова свое, а за обѣдомъ эдакій гость всегда le bien venu; къ Бенкендорфу ѣздить ему близко.

*

Москва, 8 Ноября 1828.

Графа поздравляю съ пріѣздомъ, а между тѣмъ и прошу его, чтобы велѣлъ Коллегіи выдать 1500 р., кои просимъ мы на шкафы для помѣщенія бумагъ Екатерининскихъ; онѣ лежатъ покуда въ сыромъ подвалѣ, ежели не размѣстить ихъ въ шкафы, то пропадутъ; отвѣчая за цѣлость ихъ, надобно дать намъ и средства уберечь ихъ. Мы назначили одну изъ трактатныхъ комнатъ, тамъ можемъ мы поставить 23 большіе шкафа, и все будетъ ладно. Многимъ не нравится повѣстка бывать всякой день въ Архивѣ, и идутъ въ отставку; но какъ

это не мученіе, то и желаемъ имъ счастливый путь. Когда увидишь графа, попроси его скорѣе разрѣшить намъ и велѣть выдать намъ 1500 р. Можетъ быть, и менѣе будетъ стоить.

*

Москва, 9 Ноября 1828.

Сію минуту выходитъ отъ меня знакомый твой Останкинскій учитель Ивановъ, который продержалъ меня часа полтора, разсказывая свою бѣду, только что не плачетъ. Бѣдный человѣкъ, а долженъ нести убытку тысячъ на восемь. Постараюсь сократить исторію, елико возможно. Ты помнишь, что онъ долженъ былъ издавать здѣсь ежедневный журналъ или газету. Князь Дм. Вл. это одобрилъ, пошла большая переписка съ Университетомъ и Министерствомъ просвѣщенія, все было слажено, подписки набраны, накоплены матеріалы на цѣлый годъ; думалъ дѣлать объявленіе, какъ вдругъ получаетъ князь письмо отъ гр. П. А. Толстаго, который ему внушаетъ остановить изданіе, потому что Ивановъ токмо prête-nom, а истинный издатель князь Вяземскій (П. А.), присовокупляя разныя оскорбительныя для него качества. Кн. Д. Вл. взялся за это горячо и адресовался къ Бенкендорфу, говоря, что Ивановъ даже не знакомъ съ Вяземскимъ, что всѣ обряды, коимъ законы подвергаютъ журналистовъ, были соблюдены, что по неосновательному подозрѣнію нельзя разорять человѣка. Защищая Вяземскаго, въ коего поведеніи, въ девятилѣтнее управленіе свое Москвою, князь ничего не замѣтилъ дурного, онъ прибавляетъ, что ежели бы В. и былъ такимъ, какимъ его подозрѣваютъ, то перо его не можетъ подавать никакого опасенія, ибо оно подвержено пересмотру цензуры; что никто не можетъ ему помѣшать давать свои статьи печатать въ другихъ журналахъ, ежели Иванова и не состоится и пр. На это письмо получилъ князь отвѣтъ отъ Бенкендорфа, который я читалъ. Тутъ ни слова о Вяземскомъ, а сказано, что лицо Иванова недовольно извѣстно, чтобы служить ручательствомъ, что число издаваемыхъ въ Россіи политическихъ газетъ (а эта не политическая) весьма уже велико (а въ Москвѣ и есть только одни Московскія Вѣдомости), а потому Государь не соизволяетъ на изданіе «Ежедневнаго Вѣстника», прежде названнаго было «Утреннею Газетою».

Вяземскій написалъ преславное письмо, оправдывая честь свою; князь Д. В. послалъ оное въ оригиналѣ къ Государю. Хотѣлъ писать опять Бенкендорфу, но мой совѣтъ Иванову былъ не настаивать въ этомъ: переписка ничего не произведетъ, Бенкендорфъ захочетъ, конечно, поставить на своемъ, а такъ какъ князь Д. В. ѣдетъ въ Петербургъ, то лучше объясниться словесно о дѣлѣ семъ, а между тѣмъ

совѣтовалъ я Иванову адресоваться къ Волкову, который его знаетъ самъ за хорошаго человѣка. Какая нужда журналисту быть извѣстну? Ивановъ членъ 6-ти обществъ ученыхъ, это довольно; а ежели журналъ будетъ дуренъ, тѣмъ хуже издателю: не будетъ имѣть подписчиковъ и лопнетъ. Мнѣ кажется, что тутъ есть какая-нибудь dessous de carte. Не интрига ли Булгарина, непріятеля Вяземскаго и всѣхъ журналистовъ? Время все это покажетъ, но Ивановъ очень меня просилъ все это тебѣ сообщить, чтобы при случаѣ ты зналъ ходъ всего дѣла и могъ его защитить. Онъ бѣдный точно не виноватъ и лишается несправедливо послѣдняго хлѣба. И для князя Д. В. все это непріятно ибо журналъ составлялся подъ его руководствомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при благонамѣренномъ редакторѣ и хорошемъ надзорѣ, журналъ этотъ былъ бы полезенъ правительству самому, давая хорошее направленіе мнѣнію всеобщему.

*

Москва, 10 Ноября 1828.

Ай да Гейсмаръ, достоинъ золотыхъ аксельбантовъ. Тесть его опять порадуется, прочтя это въ газетахъ Нѣмецкихъ. Всѣ журналы наполнены Варною, но видна зависть всѣхъ; да и подлинно: дерутся и другіе хорошо, но кто противу Русскихъ беретъ крѣпости? Самъ Наполеонъ, славно воевавшій, ничего не штурмовалъ, а бралъ стратегіею, этотъ же Наполеонъ долженъ былъ съ носомъ отойти отъ S-t Jean d'Акра. Турки въ укрѣпленіяхъ ужасны! А мы сколько можемъ насчитать славныхъ штурмовъ: Измаилъ, Очаковъ, Браиловъ, двѣ Анапы, Варна, Прага, Ахалцыхъ etc. etc. Чубукъ Юсуфъ-паши подлинно pièce historique. Я все жалѣю, что не удержали капитана-пашу военно-плѣннымъ. Это великодушіе Государя не такъ-то будетъ растолковано завистниками нашими, а между сими и Французы сами, хотя насъ и любятъ и заодно съ нами. Мнѣ такъ смѣшно читать ихъ разсказы надутые о дѣйствіяхъ своихъ въ Мореѣ, которыя почти игрушки дѣтскія въ сравненіи нашихъ исполинскихъ успѣховъ за Дунаемъ.

Вчера зашелъ я до обѣда къ князю Якову Ивановичу. Князь Алексѣй его здоровъ, il a reçu lui-même une lettre de lui. Стало, Мамонова въ дѣвахъ и въ графиняхъ, а не въ княгиняхъ.

*

Москва, 12 Ноября 1828.

Вчера былъ у меня очень долго Фонъ-Визинъ, толковалъ о графѣ Мамоновѣ. Оставляя эту опеку, онъ былъ у Цинціанова, описалъ ему все какъ есть, что̀ графиня, братъ ея и Захаръ, полагая дол-

гомъ честнаго человѣка его предостеречь; потомъ говорилъ онъ съ княземъ Дм. Вл., коего просилъ изъ состраданія къ несчастному вступиться за него. Циціановъ не зная по-французски, а тотъ не зная по-русски, онъ не можетъ даже говорить съ Зандрартомъ, коему ввѣренъ надзоръ надъ графомъ. Этотъ Зандрартъ человѣкъ золотой, честный, умѣющій обходиться съ больными, именно, какъ должно. Графиня будетъ стараться его удалить; она хочетъ прислать какого-то доктора изъ Петербурга, а Маркуса также трудно замѣнить: мы видимъ успѣхи его въ лѣченіи графа. Однимъ словомъ, планъ Захара разорить имѣніе, а графа оставить вѣчно въ этомъ положеніи. Il a dit au prince que le seul homme, capable de bien conduire la chose, c'était moi, que j'avais su gagner l'affection du comte, qui demandait après moi et s'était habitué à moi, que je m'étais conduit à son égard avec fermeté et délicatesse en même tems. Le prince a répondu à Von-Wisin, qu'il ne doutait pas de cela, mais qu'il ne savait comment arranger la chose. L'autre lui a observé, que s'était très facile, le comte se trouvant dans une ville confiée à ses soins; l'humanité exigeait, qu'il le prenne sous sa protection, car aller à une folle comme sa soeur était d'autant plus suspect, qu'elle n'avait rien fait pour ses biens jusqu'à présent, qu'il est connu qu'elle avait été même en procès avec lui avant qu'il fut fou, qu'en parlant de tout cela à l'Empereur, il ferait un acte de chrétien, de charité etc. Et le prince lui a dit: Il faut avant que je m'abouche avec m-r Boulgakow ne vaudrai-t-il se charger de cette corvée; s'il est ici, envoyez le, je vous prie, pour parler de tout cela. Князь ѣдетъ въ Петербургъ послѣ завтра. Я къ нему завтра заѣду и увижу, чтò онъ мнѣ скажетъ; а между тѣмъ все это тебѣ пишу, чтобы ты зналъ въ случаѣ, чтò зайдетъ рѣчь. Я все-таки одно твержу: дѣлай она съ имѣніями, чтò хочетъ, въ это никогда не соглашусь мѣшаться, а имѣть наблюденіе за бѣднымъ графомъ, смотрѣть, чтобы не было ничего упущено къ его успокоенію и выздоровленію, я готовъ охотно. Знаю я также, что все это будетъ также объявлено Бенкендорфу и доведено до свѣдѣнія его. Государь требовалъ уже одинъ разъ свѣдѣнія о Мамоновѣ, и я, по просьбѣ Волкова, сдѣлалъ записку, которую Бенкендорфъ отдалъ Государю, но въ запискѣ этой я не касался Мамоновой. Не мое дѣло ее ревизовать.

*

Семердино, 14 Ноября 1828.

Славно мы ѣхали до Тарасовки, т. е. менѣе двухъ часовъ, но подъѣзжая къ себѣ, отъ бывшихъ ужасныхъ вьюгъ такъ занесло дороги снѣгомъ, что способу не было ѣхать, лошади пристали. Нечего дѣлать, не ночевать же на дорогѣ! Вышли мы изъ возка; я, какъ учти-

вый кавалеръ, далъ руку Наташѣ, и мы протанцовали Польскій отъ села Іевлева до Семердина. Очень устали; пили чай, и я не хочу лечь, не написавъ тебѣ и Катинькѣ хоть нѣсколько строкъ съ ямщикомъ, отправляющимся обратно. Всѣхъ мы нашли здѣсь здоровыхъ. Пашка въ такомъ восхищеніи, что глазъ съ меня не спускаетъ; долго не говорилъ, но за то теперь не умолкаетъ. Возокъ явился только часъ послѣ, ибо надобно было посылать за нимъ лошадей отсюда. Тарасовку нашли мы сгорѣвшею. Бѣдный смотритель, старый раненый въ ногу офицеръ, спасъ все казенное: повозки, лошадей, книги, но за то своего всего лишился, а у бѣднаго четверо дѣтей. Больно мнѣ было, что не могъ ему дать болѣе 10 р., но онъ и эти принялъ съ благодарностію; напишу Рушковскому, не найдетъ ли онъ средства ему помочь. Бѣдный ямщикъ, насъ привезшій сюда, также всего имущества лишился; онъ ожидалъ побоевъ отъ меня, вмѣсто того далъ я ему прогоны двойные, лошадямъ сѣна и овса, а его накормили, напоили и спать положать. Вездѣ-то несчастные! A propos des malheureux. Тесть сказывалъ, что Кушниковъ получилъ премилостивый, утѣшительный рескриптъ, и что плачетъ какъ ребенокъ, повторяя: Государь лишился матери, самъ въ горѣ и въ такую минуту вспомнилъ меня и хотѣлъ меня утѣшить безцѣнными строками своими. И подлинно, надобно имѣть сердце, каковымъ Богъ Государя наградилъ, чтобы такъ поступать. Кушниковъ подтвердилъ тестю о точности показаній дочери его Сипягиной, и его такъ они поразили, что онъ требовалъ истолкованія у Филарета. Этотъ ему сказалъ: Нѣтъ сомнѣнія, что въ ту минуту когда душа разлучается съ тѣломъ, человѣкъ одаренъ бываетъ способностями необыкновенными, и много есть примѣровъ, что умирающіе предсказывали будущее или говорили о происшествіяхъ въ ту минуту случавшихся и кои никому не могутъ быть извѣстны. A propos de Philarète, тебѣ Фастъ писалъ о дѣвушкѣ, крестницѣ его, которую берутъ съ тѣмъ, что мужу ея будущему дадутъ дьаконское мѣсто въ Москвѣ. Я увѣренъ, что одно слово твоего князя сдѣлаетъ это, а съ этимъ и счастіе дѣвушки, которая очень мила и добронравна.

*

Москва, 19 Ноября 1828.

Намедни былъ трагическій случай. Умерла старуха Фаминцына. Священникъ Николы на Грязи, который долженъ былъ ее отпѣвать, былъ ею облагодѣтельствованъ. Онъ такъ былъ пораженъ горестію видѣть ее въ гробу, что въ церкви тутъ же палъ и умеръ. Говорила Обрѣзкова, что ужасно было видѣть жену его и девять человѣкъ дѣтей, кои рыдали и кричали отъ горести, да и всѣ были поражены вмѣсто одного покойника видѣть двухъ.

*

Москва, 20 Ноября 1828.

Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ Жуковскаго стихи въ «Пчелѣ». Онъ лѣнивъ и рѣдко пишетъ, потому что не можетъ писать безъ вдохновенія, а это бываетъ, когда душа его сильно поражена и тронута чѣмъ нибудь. *Съ тобой часть жизни погребаемъ*, прекрасное выраженіе! Жаль мнѣ, что и этой Императрицѣ не могъ я воздать, какъ покойной Елисаветѣ Алексѣевнѣ, послѣдній долгъ. Ежели для одной съѣздилъ въ Бѣлевъ, то вѣрно поѣхалъ бы для другой въ Петербургъ. Но мало ли, что̀ хочешь, что̀ должно—да нельзя!

*

Москва, 22 Ноября 1828.

И такъ Мамонова все еще Мамонова и именемъ, и проказами. Князь Дм. Вл. разсказывалъ мнѣ всю процедуру съ нею. Je ne me pardonne pas, dit-il, de ne pas avoir pensé à vous dans le temps; au reste, c'est été à elle à vous demander, d'autant plus qu'elle vous avoit déjà choisi une fois pour la remplacer, et vous vous étiez très bien arrangé avec son frère. La tutelle était transférée, je ne vois trop pourquoi, à Pétersbourg; je ne peux trop me vanter de tout cela, à moins de voir quelque abus, que je ne saurai souffrir comme chef de la ville où se trouve le malheureux etc. Много меня разспрашивалъ о графѣ, о коемъ очень жалѣетъ по человѣчеству. Я все одно твержу, что Маркусъ уже много сдѣлалъ тѣмъ, что лютаго, оборваннаго человѣка переобразилъ и сдѣлалъ изъ него тихаго, послушнаго, который моется, одѣвается чисто, брѣется всякій день самъ; а Прусакъ этотъ Зандрартъ, который надзирателемъ надъ графомъ, таковъ, что надобно радоваться, что онъ не проситъ 20 т. въ годъ: ихъ нельзя бы отказать, ибо такого не найдешь другого въ цѣлой Европѣ. Онъ добръ, человѣколюбивъ, старателенъ, не отходитъ изъ дому ни на шагъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень твердъ, неустрашимъ съ больнымъ. По должности своей, переча часто графу, не можетъ онъ быть ему пріятенъ, но, конечно, дѣлаетъ все на свѣтѣ, что̀ только можно, къ удовольствію и успокоенію его. Циціановъ добрый человѣкъ, но я не знаю, рѣшится ли онъ бывать у графа и имѣть съ нимъ частыя сношенія, какъ я и Фонъ-Визинъ. Я имѣю множество записокъ графа, кои доказываютъ нѣкоторую довѣренность ко мнѣ. Онъ часто писалъ мнѣ: любезный другъ Алекс. Яковл. Все это дѣлалось не вдругъ, и много пройдетъ времени, прежде нежели Циціановъ поставитъ себя на эту ногу; а главная бѣда, что Ц. не можетъ сообщаться съ Зандрартомъ: тотъ не знаетъ Французскаго, а этотъ Русскаго языка. Зандрартъ, съ перваго дня всту-

пленія своего, завелъ журналъ подробнѣйшій, по коему можно видѣть все, что̀ графъ дѣлалъ и говорилъ или писалъ (ибо онъ безпрестанно пишетъ) всякій день. Однимъ словомъ, надобны умъ, терпѣніе, твердость, сноровка Зандрата (которыя онъ пріобрѣлъ, смотрѣвъ три года за другимъ сумасшедшимъ, гр. Разумовскимъ) [1]), чтобы взять на себя эту обузу. Не разъ онъ мнѣ говорилъ со слезами: Je jure à v. e. que sans la nécessité d'amasser quelque chose pour ma pauvre femme et mes enfants, je ne ferais pas cette besogne pour 50 milles par an; ma responsabilité est immense; les deux ou trois fois par an que je vais à l'église, je suis comme sur des charbons: il me semble qu'il arrive quelque chose dans la maison. А это каково, что онъ рискуетъ быть убитымъ, ибо какъ ручаться за сумасшедшаго? Вдругъ можетъ взбѣситься, а Мамонова во время о́но, насилу пять человѣкъ могли связать [2]). Я тебѣ на досугѣ все это разсказалъ, чтобы ты при случаѣ зналъ истинное положеніе вещей. Боже меня сохрани подозрѣвать графиню; но всѣмъ извѣстно, что она видитъ, слышитъ и дѣйствуетъ по волѣ Захара, который и пьяница, и бездѣльникъ. Когда я и былъ опекуномъ, я не мѣшался до имѣнія, но особа Мамонова меня интересовала, и онъ вѣрно ни въ чемъ не терпѣлъ нужды. Впрочемъ, я готовъ биться объ закладъ, что братъ переживетъ и сестру и, можетъ быть, другихъ моложе ея; у него сложеніе прекрѣпкое, и съ хорошимъ присмотромъ онъ долженъ дожить до старости глубокой.

*

Москва, 23 Ноября 1828.

Такъ и валятъ гости съ поздравленіями. Весь Архивъ перебывалъ, много твоихъ бывшихъ почтовыхъ, и бездна знакомыхъ. Задарили меня всякою всячиною; но ничто не тронуло меня столь, какъ galanterie архивныхъ солдатъ. Заказали куличъ, имѣющій видъ орла Иностранной Коллегіи съ гербомъ моимъ. Я всѣхъ солдатъ перецѣловалъ.—Сію минуту выходитъ Сашка Волковъ. Вечеромъ будемъ у него, а обѣдъ даетъ Фастъ, мы всѣ къ нему ѣдемъ, онъ назвалъ человѣкъ съ 40, что̀ мнѣ непріятно; но онъ такъ радуется самъ, что и я долженъ скрыть свое неудовольствіе. Это станетъ ему ста два рублей, а лишнихъ и у него нѣтъ. Всѣ мои, даже и родные: сестра Любинька, тесть пр., все тамъ обѣдаетъ. То-то былъ бы праздникъ, ежелибы ты находился съ нами!

*

---

[1]) Графомъ Кирилою Алексѣевичемъ.

[2]) Князь П. А. Вяземскій, говоря со мною о М. Ѳ. Орловѣ, удивлялся его храбрости: по прежней дружбѣ, Орловъ не только навѣщалъ графа Мамонова въ Васильевскомъ, но даже ночевалъ съ нимъ въ одной комнатѣ. П. Б.

Москва, 26 Ноября 1828.

Вчера были у меня сперва Зандрартъ, а потомъ докторъ Маркусъ. Оба о томъ же просятъ, о чемъ просилъ Фонъ-Визинъ, чтобы я вступилъ въ опеку Мамонову. Ихъ резоны очень хороши, и я увѣренъ, что никто лучше не повелъ бы все это въ пользу несчастнаго, но не могу же я самъ на это напрашиваться: это было бы смѣшно. Они толкуютъ равнодушіе графини въ этомъ случаѣ, какъ доказательство, что она брата нимало не любитъ. Все такъ, но и мнѣ дѣлать нечего. Я тебѣ писалъ очень подробно на счетъ всего этого и переговорю еще съ Волковымъ, до отъѣзда его въ Петербургъ, а тамъ можете вы сдѣлать совѣщаніе. Свадьбы не было; только я знаю, что Гагарина посылала графиня къ Захару, что этотъ отказалъ ему въ деньгахъ, и что она тогда дала ему какія-то вещи и камни на продажу. Что они трипотируютъ, не знаю. Какова же Вяземская-старуха? [1]) Ежели бы Толстая была жива, она могла бы возобновить извѣстный Французскій анекдотъ о какой-то дюшессѣ, которая могла говорить: ma fille, allez dire à votre fille, que le fils de sa fille pleure, quoique ce soit un gaillard (прибавимъ мы) de 13 verchoks.

Какъ я сказалъ вчера князю Я. И. Лабанову, что П. А. Шепелевъ умеръ, то онъ, отвѣчалъ: Что̀ это мы старики живемъ, да еще и въ биліардъ всѣхъ обыгрываемъ, а молодежь умираетъ. По словамъ князя, Шепелевъ 59 лѣтъ какъ въ генеральскомъ чинѣ.—Ты спрашиваешь, гдѣ Вяземской? Все еще здѣсь. Онъ было поѣхалъ [2]), да со второй станціи воротился за дурною дорогою и погодою, а теперь, я чаю, уже дождется здѣсь развязки дѣла, о коемъ я тебѣ писалъ. Я его вижу очень рѣдко, не ѣзжу никуда, ниже въ клобъ, гдѣ мы бывало встрѣчались, а у насъ онъ не бываетъ. Жена его не очень любитъ, а онъ ее называетъ Madame Ultra. Онъ добрый и честный малый и благонамѣренный, а то не миновалъ бы быть замѣшаннымъ въ исторіи ссылочныхъ; я даже удивляюсь, что не попалъ (не по дѣламъ своимъ, а по вранью). Люблю его, но между тѣмъ я очень остороженъ и переписку съ нимъ давно прекратилъ, теперь еще болѣе, видя, что ты одного со мною мнѣнія на этотъ счетъ. Слышалъ я, что въ Московскомъ Вѣстникѣ отбоярили Муравьева, но не читалъ я еще, ибо этого журнала не получаю, а читаю только въ клобѣ, гдѣ не былъ съ полгода.

---

[1]) Это была кн. Елена Никитична, вдова генералъ-прокурора Екатерининскаго времени. Дочь ея—графиня Толстая.

[2]) Въ Саратовскую деревню Кологривова, вотчима его супруги.

Фасть задалъ славную пирушку мнѣ. Я поѣхалъ отъ него въ 11 часовъ, онъ принимался за банкъ, сдѣлалъ Постникову и Лобанову, князю Ивану Алекс., банкъ въ 200 рубл., но, какъ всегда бываетъ, пошла потѣха до разсвѣта. На другой день онъ мнѣ разсказывалъ, что написалъ на нихъ тысячи три; но ты знаешь его нравъ: стала его мучить мысль, какъ въ имянины друга своего зазвалъ гостей веселиться, а вмѣсто того ихъ обыгралъ! До тѣхъ поръ дометалъ, что далъ имъ отыграться, удовольствуясь 180 р. чистогану выиграннаго у нихъ. Не повѣришь, говорилъ онъ мнѣ, какъ я сладко заснулъ, вспомня, что гости мои уѣхали безъ проигрыша и нареканія на меня. Какой добрый малый! Ну такой ли душѣ играть въ банкъ? Всегда будетъ въ дуракахъ.

*

Москва, 27 Ноября 1828.

Я вчера передъ Архивомъ заѣзжалъ къ Вяземскому, отдалъ ему письмо, онъ обѣщался прислать отвѣтъ; когда пришлетъ, доставлю его къ тебѣ. Скажи все это Жуковскому, мой милый и любезный другъ. Вяземскій очень долго со мною разговаривалъ о положеніи своемъ. Онъ чрезвычайно тронутъ и огорченъ тѣмъ, что̀ съ нимъ происходитъ. Говоритъ, что онъ давно очень остороженъ въ своихъ разговорахъ, избѣгая всякія политическія сужденія; что прежде, можетъ быть, предавался пылкому своему воображенію, но что то, что̀ могло быть извинительно въ молодости, теперь было бы преступленіе, ибо имѣетъ дѣтей, коихъ ни любовь, ни уваженіе терять не хочетъ, а еще болѣе вовлечь ихъ въ несчастіе съ собою. Онъ откровенно говоритъ, что ежелибы ему именно безъ обиняковъ объявили, какая его вина, онъ бы въ ней раскаялся, сознался бы или оправдался, что онъ довольно пожилъ, и это бы его поправило совершенно навсегда; но дѣйствуютъ все глухо. Онъ былъ послѣдній разъ въ Петербургѣ, кажется, пять мѣсяцевъ; передъ отъѣздомъ оттуда (ибо работали дать ему мѣсто при Киселевѣ) получилъ онъ письмо отъ Бенкендорфа очень лестное, въ коемъ именно сказано, что опредѣлить его нельзя теперь, потому что многимъ отказано, но что Государь, цѣня его дарованія и способности, употребитъ его при первомъ случаѣ. Вяземскій уѣхалъ очень доволенъ сюда. Вышла исторія этого журнала, о коемъ писалъ я тебѣ подробно, и въ коей, чтобы наказать В., разоряютъ бѣднаго Иванова. По долгой перепискѣ, наконецъ, пишетъ гр. Толстой къ князю Голицыну и упрекаетъ Вяземскаго въ безнравственномъ его житіи въ Петербургѣ. Зачѣмъ же не написать ему это? А Бенкендорфу, которому болѣе другихъ должны были быть извѣстны поступки Вяземскаго, зачѣмъ же было церемониться и писать ему похвалы именемъ

Государя? Вяземской писалъ къ князю Д. В. и просилъ суда, наказанія въ случаѣ вины, но и торжественнаго оправданія, ежели не виноватъ. Гол. сказалъ: Cela va m'entraîner dans une polémique qui n'aura pas de fin, ni surtout du résultat heureux pour vous; mais je vous promets, qu'arrivé à Pétersbourg, j'en parlerai à l'Empereur lui-même et tirerai au clair tout cela, car il doit y avoir un dessous de carte. Но вмѣсто того князь Голицынъ занемогъ и не поѣхалъ въ Петербургъ. В. объяснилъ все Волкову. Жуковскій совѣтуетъ ему писать прямо къ Государю, и В. готовъ бы, но коротко нельзя объяснить всего, а можетъ ли онъ льститься, чтобы длинное письмо обратило на себя вниманіе Государя, столь занятаго другими важнѣйшими дѣлами? Всего бы лучше, я думаю, ѣхать ему въ Петербургъ, и исповѣдь свою сдѣлать Бенкендорфу, и все подробно объяснить. Б. самъ отецъ, да и добрый, справедливый человѣкъ. В., впрочемъ, не требуетъ ни малѣйшаго снисхожденія, но просто объясненія откровеннаго. Я думаю, нѣтъ ли тутъ авторской зависти, и не интриги ли это Булгарина, коего перо хорошо, но душа, говорятъ, скверная. Мнѣ больно было смотрѣть на Вяземскаго, онъ убитъ, да и тяжело безвинно нести пятно *).

*

Москва, 28 Ноября 1828.

Я не знаю, слышалъ ли ты, что Лукьянъ Яковл. Яковлевъ оставляетъ свѣтъ. Разрѣшеніе изъ Синода уже получено, и онъ постригается въ Симоновъ монастырь. On prétend que celui-là a beaucoup de péchés à expier; но все-таки похвально хоть кончить жизнь хорошо, ежели нельзя было сдѣлать лучше. Всю семью пристроилъ, старъ, слѣпъ. Самый лучшій избралъ конецъ.

*

Москва, 29 Ноября 1828.

Монументъ Потемкина хорошъ. Мнѣ Воронцовъ прислалъ давно рисунокъ, и костюмъ славный полу-Римскій и полу-Славянскій, только лицомъ я не доволенъ: моложавъ да и не похожъ, кажется, судя по портретамъ князя. Вотъ этакъ-то достойному и поздно, но воздвигаютъ памятники! Да и эпоха хорошо выбрана, когда деремся съ невѣрными и бьемъ ихъ.

*

*) Правительство долго подозрѣвало князя Вяземскаго въ прикосновеніи къ дѣлу 14 Декабря. Въ 1837 году, въ бумагахъ Пушкина искали противъ него уликъ, и только въ 1838 году, когда появилась на Французскомъ языкѣ его статья о пожарѣ Зимняго дворца, императоръ Николай Павловичъ убѣдился въ его политической благонадежности. П. Б.

Москва, 3 Декабря 1828.

Сію минуту выходитъ отъ меня Н. Н. Новосильцовъ: разсказывалъ мнѣ о странной бумагѣ нашего сахара М. . . . , который посылаетъ въ часть, гдѣ домъ его, письменный приказъ высѣчь его человѣка розгами хорошенько за пьянство и непослушаніе, а тамъ сдѣлать ему должное наставленіе быть у господина въ слѣпомъ повиновеніи и пр. Оберъ-пол. пріѣхалъ къ князю Д. В. съ странною бумагою этою, замѣтя, что ежели всякій сенаторъ станетъ давать письменные приказы полиціи, то чтò же выйдетъ изъ власти военнаго г.-губернатора? Приструнили поповича нашего; не могъ онъ отвергнуть бумаги, гдѣ было подписано: сенаторъ М. . . . , но вывернулся тѣмъ, что это будто жена его подписала, по незнанію формъ и его не спросясь. Однакоже ваша жена знаетъ, что она не сенаторъ, а сенаторша. Видно, не зналъ, какъ выпутаться, такъ и взвалилъ на жену бѣду. И гордъ, и подлъ, и блудливъ, и труслив̆ъ.

*

Москва, 7 Декабря 1828.

Жена была вчера у Щербининой[1]), которая сказывала Наташѣ, что Воронцовъ убитъ извѣстною тебѣ исторіею графини, что онъ все хранитъ въ себѣ для отца и для старухи Браницкой, но что счастіе его семейственное потеряно. Меня это чрезмѣрно огорчаетъ. Кто болѣе Воронцова достоинъ быть счастливымъ? Я не хочу еще вѣрить этому; мало ли что врутъ бабы? Щ. говоритъ, что это пишетъ Нарышкина жена [2]) сюда. Полагаю, что и такъ-то не похвально Н. писать такія вещи. Кто на семъ мірѣ какъ - нибудь да не терпитъ? Но эта заноза для души чувствительной, какова Воронцова, ужасна!

*

Москва, 14 Декабря 1827.

Я тебѣ, кажется, писалъ, что бѣднаго Кушникова, во время его несчастія, обокрали; тяпнули серебра тысячъ на 30. На сихъ дняхъ все отыскалось, гдѣ же? Въ селѣ Черкизовѣ, пять верстъ отъ Москвы, по Стромынкѣ: свой домашній портной указалъ, а воры вытаскали сундуки, да и спровадили въ Черкизово. 22 человѣка, участвовавшіе въ этой кражѣ, схвачены. Это, вѣроятно, много откроетъ. Кушникову доставили много серебра, ему даже не принадлежащаго, а украденнаго, видно, въ другомъ мѣстѣ.

---

[1]) Настасьи Михайловны. Это дочь княгини Дашковой.

[2]) Наталья Өедоровна, ур. графиня Растопчина.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА[1].

Въ началѣ лѣта 1839 г. теща моя стала готовиться къ отъѣзду въ Россію, послѣ двухлѣтняго пребыванія съ нами во Флоренціи, и я не безъ нѣкотораго удивленія замѣтилъ, что моя жена, вся предавшись уходу за нашею Анночкою, переносила предстоявшую на неопредѣленное время разлуку съ матерью много спокойнѣе, чѣмъ я могъ ожидать. Видно, что таковъ уже естественный законъ природы, что родительскому чувству суждено брать верхъ надъ дѣтскимъ, и что, по удачному изреченію двоюродной моей сестры и умницы, Надежды Александровны Гавришенко, «l'affection des siens va toujours en descendant, et non pas en montant» (Любовь къ своимъ идетъ всегда нисходящимъ, а не восходящимъ порядкомъ).

Елисавета Ивановна Нарышкина[2]) сговорилась ѣхать съ Маврою Егоровною Быховецъ, путевыя издержки пополамъ. Горничная моей тещи и ея крестница, Маша Докукина, была феноменомъ въ скромной своей сферѣ: кромѣ безграничной преданности къ своей госпожѣ (качество, нерѣдко встрѣчавшееся въ дворовыхъ людяхъ прежняго поколѣнія обоего пола) она отличалась инстинктивной возвышенностію чувствъ, раздражительною, такъ сказать, впечатлительностію и способностію всѣмъ огорчаться и всѣмъ забавляться до слезъ, душевнымъ благородствомъ, отзывавшимся въ ея обращеніи, и правильностію своихъ сужденій, относившихся ко всему, столь новому для нея, за границей [3]).

При описаніи предыдущаго, зимняго *бомонднаго* сезона, ускользнулъ изъ моей памяти пріѣздъ во Флоренцію лучезарнаго фортепіаниста, Венгерца Листа, затмившаго всѣхъ своихъ музыкальныхъ предшественниковъ, и также славившагося современника его Тальберга. Въ Тосканской столицѣ Листъ не произвелъ однакожъ энтузіазма подобнаго встрѣченному имъ въ прочихъ Европейскихъ столицахъ; то-

---

[1]) См. выше, стр. 81.

[2]) Тёща графа М. Д. Бутурлина.

[3]) Она умерла чахоткою въ 1841 году.

му причина, что музыкальное искусство и вниманіе Итальянцевъ обращено исключительно почти на пѣніе, а на инструментальную часть, какъ бы та ни была хорошо исполнена, они смотрятъ какъ на аксессуары второстепенной важности. Листъ далъ одинъ или два концерта, да и тѣ въ маленькомъ партикулярномъ театрѣ Англичанина Стандиша, отъ которыхъ не могъ онъ выручить много денегъ, а позднѣе онъ переселился на лѣто на одну виллу, въ окрестностяхъ Лукки, въ сосѣдствѣ съ маркизою Бочелла, и я слышалъ отъ ея гостей, что всемірной славы фортепіанистъ надоѣдалъ имъ смертельно экзерциціями на своемъ инструментѣ, монотонные и шумливые звуки коихъ долетали до виллы этой дамы. Не отрицая необыкновеннаго таланта у Листа, я того однакоже мнѣнія, что въ произведенномъ имъ фурорѣ, въ обѣихъ нашихъ столицахъ, въ 1843 и 1844 годахъ, была доля напускного восторга, и что не одинъ профанъ музыкальнаго дѣла приходилъ въ энтузіазмъ ради того только, чтобы не отставать отъ прочихъ и не давать повода говорить, что великій артистъ встрѣченъ былъ у насъ, на Сѣверѣ, съ менѣе обильными аплодисментами, нежели въ прочихъ цивилизованныхъ странахъ Европы. Мы, Русскіе люди, склонны обезьянничать и рабски преклоняться передо всѣмъ, славящимся въ Парижѣ, и какъ-то признаемъ за нимъ право давать санкцію знатности (le baptême de la célébrité), противъ чего я всегда возставалъ. Не будь этого, не произвели бы фурора въ Петербургѣ пріѣзжавшіе туда въ 1843 году спѣвшіеся Рубини и Тамбурини. Передано было мнѣ, что какая-то знаменитость, Женни Линдъ или другая, на спросъ, скоро ли она намѣревается посѣтить Россію, отвѣчала, будто бы, что успѣетъ предпринять эту поѣздку, когда состарѣется. И расчетъ ея былъ вѣренъ.

Побывали также въ началѣ лѣта во Флоренціи Александръ Дмитріевичъ и Елисавета Григорьева Чертковы съ ихъ дѣтьми, на обратномъ пути въ Россію. Предыдущей осенью они мелькнули только во Флоренціи, торопясь къ Югу, но на этотъ разъ оставались тамъ съ недѣлю. Итальянскіе археологическіе памятники и прочія рѣдкости были по части любимыхъ Александромъ Дмитріевичемъ занятій, но все это было ему хорошо извѣстно изъ перваго путешествія по Италіи въ 1823—1825 годахъ, въ то самое время, когда я, еще будучи вѣтренымъ юношею, всѣми силами ухищрялся въ Одессѣ навлечь на себя нерасположеніе многозначущаго моего дяди, графа М. С. Воронцова. Тѣмъ не менѣе, Александръ Дмитріевичъ захотѣлъ вторично обозрѣть со мною мѣстныя примѣчательности и домогался отыскать стараго своего знакомаго, каноника Севастьяна Чіампи, члена-корреспон-

дента Московскаго Общества Исторіи и Древностей [1]). Послѣ долгихъ розысковъ мы узнали наконецъ, что Чіампи поселился въ маленькой своей виллѣ, въ двухъ или около того верстахъ отъ Флоренціи по шоссе, ведущемъ въ г. Сіенну, куда мы оба и отправились. Бывшій профессоръ Виленскаго университета представлялъ уже собою жалостную моральную развалину: онъ впалъ въ дѣтскую манію открывателя и продавца мнимо-древнихъ, оригинальныхъ картинъ, показавшихся мнѣ вещами весьма посредственными. Мы застали у старика нѣсколько Англійскихъ туристовъ, коимъ онъ показывалъ эти художественныя драгоцѣнности; но онъ узналъ однакоже Александра Дмитріевича, и когда Британскіе его гости удалились, пустился съ нами въ разговоръ отчасти литературно-историческій, вооружаясь рѣзко противъ папской супремаціи, о коей онъ теперь, предъ Русскими слушателями, могъ говорить не стѣсняясь (за что́, вѣроятно, клерикалы не долюбливали его), и на прощаніе поднесъ обоимъ намъ по экземпляру двухъ, вышедшихъ въ печать, первыхъ томовъ своего весьма дѣльнаго біографическаго словаря о всѣхъ Итальянцахъ, бывшихъ въ политическихъ, религіозныхъ, научныхъ и проч. сношеніяхъ съ Польшею и Россіею, съ давнихъ до настоящихъ временъ [2]). Во время этого посѣщенія, мы оба перемигивались другъ съ другомъ (настолько старикъ казался намъ страннымъ и отчасти смѣшнымъ), но все-таки вынесли оттуда тяжелое впечатлѣніе. Возвращаясь оттуда въ городъ по хребту холмовъ, составляющему горное (южное) прибережье рѣки Арно и покрытому масличными деревьями, Александръ Дмитріевичъ возобновилъ разговоръ о разныхъ археологическихъ открытіяхъ и сообщилъ мнѣ между прочимъ, что найдено было недавно ученымъ нашимъ Строевымъ, во Французскомъ городѣ Реймсѣ, древнее рукописное Евангеліе, писанное частью Кирилловскими и частью Глаголическими буквами, и надъ которымъ Французскіе короли присягали будто бы въ старину, при ихъ коронованіи. Александръ Дмитріевичъ предполагалъ, что Евангеліе это было занесено туда княжною Анною, дочерью великаго князя Ярослава I-го, вышедшею замужъ за Французскаго короля Генриха. Извѣстіе это крайне меня заинтересовало, такъ

---

[1]) Нѣкоторыя подробности о семъ ученомъ лицѣ изложены были въ 1-й части моихъ Записокъ, при разсказѣ о заупокойной службѣ по императорѣ Александрѣ I-омъ во Флорентинской посольской церкви, въ концѣ 1825-го года.

[2]) Трудъ этотъ, кажется, остался, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Г. Чіампи издалъ также Латинскія письма короля Іоанна Собѣскаго, Итальянскій свой переводъ Павзанія и интересную весьма брошюру, „Критическое изслѣдованіе о Дмитріи Самозванцѣ, по неизданнымъ дотолѣ Латинскимъ и Итальянскимъ документамъ“. Брошюру эту я перевелъ на Русскій языкъ, и она помѣщена была въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ „Архива“, издававшагося въ 1860-мъ году профессоромъ Калачевымъ.

какъ я съ дѣтства любилъ видѣнныя мною Римскія и Этрурскія древности; но до какой степени я былъ тогда невѣжею въ Русской археологіи, можно судить изъ того, что о существованіи «Слова о полку Игоревѣ», этого древнѣйшаго памятника Русской словесности, я узналъ впервыя только изъ этого же разговора съ Александромъ Дмитріевичемъ!

Я повезъ также Черткова къ другому антикварію, нѣкоему кавалеру Франческо Ингирами, знакомому мнѣ съ дѣтства, какъ бывшему моему и сестеръ моихъ учителю ландшафтнаго рисованія *). О немъ уже достаточно было говорено въ періодѣ между 1819 и 1823 годами, подъ именемъ Этрурскаго кавалера, по поводу его изысканій и изданія въ печать Этрурскихъ древностей. Добрый старикъ-антикварій, съ которымъ я не видался съ моего дѣтства, весьма обрадовался встрѣчѣ со мною и не могъ наглядѣться на своего прежняго ученика «Микеллино», какъ онъ продолжалъ называть меня. Жилъ онъ отшельникомъ и старымъ холостякомъ въ созданномъ имъ для себя мірѣ типографіи и садоводства, въ деревенской глуши, въ стѣнахъ упраздненнаго давно монастыря «la badia Fiesolana». Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ молчаливыхъ, незамѣченныхъ толпою тружениковъ науки, коими потомство болѣе интересуется, нежели современники. Александръ Дмитріевичъ любилъ также бесѣдовать съ домашнимъ нашимъ ученымъ, г. Милліарини, давнимъ его знакомымъ. Интересовали его слышанныя отъ г. Милліарини удачныя весьма раскопки Римскихъ и Этрурскихъ древностей въ горномъ городкѣ Фіезоле, по поводу чего онъ спросилъ у меня, почему бы мнѣ не принять участія въ нихъ. Но кромѣ того, что денегъ на столь чувствительное для кармана предпріятіе у меня не было, не было и охоты этимъ заняться. Уѣзжая изъ Флоренціи, Чертковъ препоручилъ мнѣ заказать копію съ одной старинной картины, интересной больше по ея сюжету, чѣмъ по художественному достоинству: она представляла пріемъ Тосканскимъ великимъ герцогомъ Фердинандомъ II-мъ Медичи пословъ царя Алексѣя Михайловича. Картина эта висѣла, забытая и покрытая вѣковою пылью, въ длинномъ, верстовомъ почти коридорѣ, составляющемъ переходъ черезъ крыши домовъ и чрезъ рѣку Арно, отъ дворца Питти до дворца Палаццо-Веккіо (первоначальной резиденціи Медичійскихъ государей). Рисунокъ этотъ я вручилъ Александру Дмитріевичу по пріѣздѣ моемъ въ Москву, въ 1840 году, и онъ сохраняется въ нынѣшней публичной Чертков-

*) Таковою была первоначальная его профессія, какъ ученика извѣстнаго въ концѣ прошлаго вѣка пейзажиста Филиппа Гакерта.

ской библіотекѣ на Мясницкой, основанной (или, точнѣе сказать, открытой) достойнымъ его сыномъ Григорьемъ Александровичемъ *).

Вся семья Чертковыхъ, въ томъ числѣ и ихъ прислуга, совершили проѣздъ изъ Москвы въ Италію въ одной каретѣ, въ размѣрахъ дилижанса, нарочно для того заказанной у славившагося тогда Московскаго каретника Мякишева, и громадный этотъ экипажъ столь удовлетворительно, безъ малѣйшаго повреждeнія, выдержалъ дорогу туда и обратно, что Александръ Дмитріевичъ считалъ долгомъ своимъ опубликовать въ газетѣ свою благодарность сказанному фабриканту. Не договорилъ я, что мы (т. е. Чертковъ и я) посѣтили также Флорентинскую библіотеку рукописей, называемую «Лауренціяною», гдѣ, между прочихъ рѣдкостей, мы разсматривали пергаменную хартію (т. е. грамоту) акта мнимаго Флорентинскаго вселенскаго восьмаго собора о соединеніи обѣихъ церквей (въ 1439 году), за подписью и печатью измѣнника, Московскаго и всея Руси митрополита Исидора, подъ которою усматривалась, если не ошибаюсь, также подпись Суздальскаго епископа Авраамія.

Въ числѣ необычайнаго наплыва въ Италію нашихъ соотечественниковъ, осенью 1838 и весною 1839 г. (вызваннаго, пожалуй, присутствіемъ тамъ Великаго Князя Наслѣдника), находились графъ Михайло Юрьевичъ Віельгорскій съ семействомъ и князь Александръ Сергѣевичъ Долгоруковъ съ женою Ольгою Александровною, рожденной Булгаковой; во Флоренціи они почти - что не останавливались и ранней осенью поселились на всю зиму въ Римѣ. Никто изъ нихъ у насъ въ домѣ не былъ, кромѣ Ольги Александровны, посѣтившей однажды мою жену, на обратномъ своемъ пути весною въ Россію. Графъ и графиня Лаваль были также въ числѣ перелетныхъ птицъ этого зимняго сезона, и полуслѣпой графъ, посѣтившій мою мать на обратномъ своемъ пути изъ Рима, не могъ надивиться росту и выдержкѣ камеліевыхъ деревьевъ меньшаго изъ двухъ садовъ нашего палаццо, хотя растенія эти должны были представляться ему, какъ и все прочее, въ полумракѣ. И дѣйствительно, не даромъ оба наши сада славились камелевыми деревьями, макушки коихъ доходили почти до оконъ втораго этажа дома, также грунтовыми азаліями и рододендронами. И все это благодаря старанію г. Слоана. До 1824 года, когда отецъ нашъ ку-

*) Хорошо не помню, упомянулъ ли я въ разсказѣ о первомъ моемъ знакомствѣ, въ 1827 году, съ Александромъ Дмитріевичемъ, что въ промежуточное время до вторичнаго своего поступленія въ военную службу онъ принялся, подъ руководствомъ одного изъ учителей Орловской гимназіи, изучать снова Латинскій языкъ, хотя было ему тогда отъ роду подъ сорокъ по крайней мѣрѣ лѣтъ.—Г. А. Чертковъ поручилъ автору этихъ записокъ перевести на Русскій языкъ Флорентинскія бумаги, относящіяся къ Россіи, которыя собраны были его отцомъ, Александромъ Дмитріевичемъ. Этотъ переводъ изданъ особою книгою при Чертковской библіотекѣ.

нилъ этотъ палаццо, культура камелій была мало извѣстна во Флоренціи; онъ изъ первыхъ ввелъ ее тамъ, и уже въ послѣдніе года его жизни садоводство у него процвѣтало, подъ управленіемъ выписаннаго имъ изъ Савойскаго города Шамбери талантливаго весьма садовника Банкаса [1]). Да и мать моя, какъ сама охотница до этого занятія, пеклась вмѣстѣ съ г. Слоаномъ, чтобы не ронять славы этихъ садиковъ [2]). Г. Слоанъ выписывалъ, на свой счетъ, новые сорта растеній изъ Парижа и иныхъ извѣстныхъ по садоводству мѣстъ и вскорѣ произвелъ изъ посѣвовъ новыя совершенно разновидности камелій, поступившія впослѣдствіи въ Европейскіе каталоги и прейсъ-куранты подъ названіями «princesse Hélène Vidoni», «Elisa Sloane» и другими тому подобными. Примѣру моего отца начали подражать князья Понятовскіе, но удачнѣе ихъ занималась этимъ графиня Ненчини (мать умершей нынѣ г-жи Хитровой), такъ что въ періодъ отъ 1835 до 1840 года эти три заведенія были тамъ въ чести. Не отставалъ однакоже отъ нихъ и придворный садовникъ, г. Піччіоли, въ великогерцогскихъ виллахъ Петраіи и Кастелло. Кстати объ этой виллѣ Кастелло (также бывшей когда-то, какъ и Петраія, Медичійскою), добавлю для садоводовъ, что кто не видалъ тамошнихъ сплошныхъ колекцій ранункуловъ, махровыхъ и всѣхъ возможныхъ почти колеровъ (кромѣ голубого и синяго) съ росписью по лепесткамъ, цвѣтущихъ отъ конца Января до половины Марта, тотъ не можетъ имѣть никакого понятія о ранункулахъ. Совѣщанія и пренія по предметамъ садоводства происходили обыкновенно между моею матерью и г. Слоаномъ за утреннимъ чаемъ, куда мы собирались [3]). И теперь представляется мнѣ воочію бывшій мой наставникъ, подносящій ей съ торжественнымъ видомъ экземпляръ перваго цвѣтенія выписной какой-нибудь рѣдкости, съ вычурнымъ ботаническимъ названіемъ, какъ при этомъ ликъ матери моей озарялся благородною улыбкой предъ плодомъ трудовъ г. Слоана, и какъ оба тотчасъ же принимались отыскивать гравированное изображеніе этого растенія

---

[1]) Вскорѣ по смерти моего отца, этотъ Банкасъ открылъ свое торговое садоводное заведеніе, первое въ своемъ родѣ во Флоренціи.

[2]) Въ мою послѣднюю поѣздку во Флоренцію, въ 1862 на 1863 годахъ, я къ сожалѣнію замѣтилъ, что мой племянникъ графъ Дмитрій Петровичъ, нынѣшній владѣлецъ палаццо, запустилъ эти роскошныя камеліи.

[3]) Мать моя до конца жизни не пила другого, кромѣ нашего Кяхтинскаго чая, съ примѣсью зеленаго, для бóльшаго аромата. Русскаго чая, кромѣ какъ у Великанова (цѣны у коего были неимовѣрно дорогія), нельзя было достать тогда въ Италіи, и этимъ чаемъ снабжали нашу мать ея знакомые изъ Россіи, когда бывали во Флоренціи, или высылали ей съ дипломатическими курьерами и съ надежными оказіями, вмѣстѣ съ гречневою крупою, продуктомъ, котораго также нѣтъ въ Италіи. Чаи, получаемые тамъ изъ Англіи, почти-что вдвое дешевле нашихъ, даже цвѣточные сорта, но съ неминуемою потерею аромата отъ мореплаванія, въ отличіе отъ чего Русскіе чаи зовутся „Караванными".

въ Англійскомъ, многотомномъ изданіи (чуть ли не свыше ста томовъ) «Ботаническаго магазина» Куртиса *). Извѣщенный о семъ новомъ открытіи, добрѣйшій братъ мой, живо сочувствовавшій всякому постороннему горю и всякой радости, прибѣгалъ изъ своего дома полюбоваться, въ свою очередь, диковинкою. И этотъ патріархально-семейный строй сохранился почти въ неизмѣненномъ видѣ до дня, въ который мать наша закрыла глаза навѣки. Одинъ я лишь урывками входилъ въ этотъ кружокъ, по причинѣ продолжительныхъ моихъ отлучекъ, и отчасти также потому, что Русскія житейскія мои привычки отчуждали меня отъ заграничныхъ обычаевъ и воззрѣній. Не всѣ однакоже эти мои привычки были непорицательными, въ томъ числѣ закваска гусарской разгульной жизни, проглядывавшая при случаѣ даже и въ ту пору, искавшая себѣ простора и размаха въ этой методической, какъ часы, и монотонной сферѣ. Но могло также быть отчасти, что различіе религіозныхъ нашихъ убѣжденій расторгало, относительно меня, это патріархальное единство, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ вечерней молитвы (называемой у Латинянъ «le rosaire du soir»), на каковую собиралась въ маленькой домовой каплицѣ моей матери вся семья, въ томъ числѣ братъ мой, жена его и дѣти, когда они живали въ палаццѣ. Вѣдь при всей моей вѣротерпимости (не доходившей однакоже до индиферентизма), неловко же было бы мнѣ сдѣлаться сопричастникомъ этому, трогательному впрочемъ, и похвальному весьма обычаю. Конечно, религіозныя всякія пререканія тщательно избѣгались обѣими сторонами, но эта-то именно сдержанность разговора вредила подъ-часъ искренности семейныхъ отношеній и, пожалуй, охлаждала ихъ. Полное сліяніе въ единство и въ единодушіе обусловливается поговоркою «что на умѣ, то на языкѣ»; и этого-то самаго не могло быть всегда между нами.

Въ обзорѣ Флорентинскаго общества я мало говорилъ о графинѣ Элеонорѣ Ненчини, потому что она не выѣзжала въ свѣтъ, но не по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, а потому что имѣла свой домашній кружокъ близкихъ знакомыхъ, преимущественно изъ мужчинъ. Впрочемъ, у насъ въ домѣ она бывала довольно часто. Слывшая когда-то красавицею, графиня Ненчини была еще въ концѣ 30-хъ годовъ удивительно моложава и привлекательна, хотя уже «на дурномъ покатѣ» (on the wrong side, какъ говорятъ Англичане), пятидесяти лѣтъ. Привлекательность эта исчезла, къ сожалѣнію, какъ только она прерывала молчаніе, но не потому, чтобы ей не доставало ума, или чтобы

*) „Curtis Botanical Magazine", изданіе, начавшееся въ 1-мъ или 2-мъ десятилѣтіяхъ сего вѣка и продолжавшееся еще въ 30-хъ годахъ.

рѣчь ея была нестройною, а по причинѣ крикливой и вмѣстѣ съ тѣмъ, сиповатой интонаціи голоса, потрясавшей нервы слушателей *). Не будь этого, ее можно было бы причислить къ любезнѣйшимъ женщинамъ и по обращенію, и по сердечной добротѣ, что̀ по-французски называется «bienveillante pour chacun». Она была близка съ семействомъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, долго нанимавшаго верхній этажъ ея палацца, въ улицѣ Санъ-Галло, фасадъ коего приписывался, какъ архитектурная рѣдкость, Рафаэлю. Дворецъ этотъ прежде принадлежалъ знаменитому Флорентинскому роду маркизовъ Пандольфини, коихъ графиня Немчини была послѣднею отраслью. Добавлю, что она осталась извѣстною въ лѣтописяхъ садоводства отъ произрастенія въ ея заведеніи новой разновидности камеліи, названной въ каталогахъ ея именемъ.

Разсказъ приближается нынѣ къ той эпохѣ моей жизни, которую назвать можно «le commencement de la fin» (начало конца); но паденіе было медленное, и окончательное крушеніе послѣдовало лишь весною 1849 года.

Повѣренный мой Леонъ Капенштейнъ извѣстилъ меня весною 1839-го года, что онъ приступаетъ къ гигантскому коммерческому предпріятію, имѣющему-де сразу поправить всѣ запутанныя мои дѣла, и именно къ постройкѣ временнаго городка, со всѣми возможными удобствами, по случаю предполагаемыхъ военныхъ маневровъ на Бородинскомъ полѣ, въ воспоминаніе славной битвы 1812 года, куда, кромѣ присутствія Государя и всей царской фамиліи, имѣли быть приглашены высокопоставленныя многія особы изъ ветерановъ знаменитой той эпохи и акредитованный при нашемъ дворѣ дипломатическій корпусъ. Для бо́льшаго удобства въ дѣйствіяхъ по сему предпріятію, Леонъ просилъ меня перемѣнить старую данную мною ему довѣренность (да и срокъ таковой приближался, помнится мнѣ, къ концу) на новую, съ добавленіемъ, что я предоставляю ему право, въ случаѣ нужды, записать меня въ купцы по 1-й гильдіи и кредитоваться на правахъ оной. (Прошу обратить особенное вниманіе на это обстоятельство, сдѣлавшееся единственною причиною моего разоренія). Я не-

*) Говорено, кажется, было мною, что когда я былъ еще мальчикомъ 12—14 лѣтъ, то она нерѣдко бывала у насъ въ виллѣ Пальміери, съ обѣими дочерьми, немного старшими меня. Старшая изъ нихъ Александрина умерла, не достигши, кажется, 20-ти лѣтъ; а меньшая Паолина, вышедшая за маркиза Джузеппе Пуччи (путешествовавшаго по Россіи въ 1818 и 1819 годахъ), разъѣхалась съ нимъ и впослѣдствіи вышла за г-на Хитрово, сына тогдашняго государственнаго контролера, и поселилась въ Петербургѣ, гдѣ я ее видалъ въ 1845 году.

медленно исполнилъ новое это Леоново требованіе и тутъ не заслуживаю вполнѣ упрека въ легкомысліи и излишней къ нему довѣрчивости, потому что (къ стыду однакоже моему), не вѣдалъ я, что этою цидулкою я уполномочивалъ его занимать, подъ мою гарантію, до милліона рублей (хотя ассигнаціями), и я оставался вполнѣ спокоенъ, что свыше ограниченія по прежней моею довѣренности цифрою займа въ 40 или 60 т. рублей ассигн. (но никакъ не болѣе) онъ не могъ совершать новыхъ займовъ. Касательно же предположенія о записи меня по 1-й гильдіи, я думалъ, что оно относилось ко вновь заведенной имъ у меня въ селѣ Порзняхъ фабрики Фландскаго холста и равентуха. для выгоднаго его сбыта по коммиссаріатскимъ поставкамъ. Не ослѣпляясь и не давая полной вѣры соображеніямъ Леона обогатить меня въ одинъ мигъ, я не рисковалъ (казалось мнѣ) ничѣмъ, совершая эту вторую довѣренность, гдѣ подтверждалось, на всякій случай, ограниченіе по заемнымъ письмамъ въ прежнемъ ихъ размѣрѣ. Впослѣдствіи только я узналъ, что предосторожность эта ни къ чему не вела: она была въ нѣкоторомъ родѣ противорѣчіемъ со смысломъ обширнаго кредита на правахъ 1-й гильдіи; но противорѣчіе и самое значеніе фактически уничтожались по силѣ и смыслу дополнительнаго уполномочія. Въ этой лишь маскировкѣ, имѣвшей цѣлью продлить мое заблужденіе, виню я Леона; но повторяю, какъ я говорилъ и прежде, что злого замысла у него не было никакого: онъ находился подъ обычною ему галлюцинацією манившаго его почти-что подъ рукою милліона, и что когда-нибудь да попадетъ же онъ на золотую для моихъ и его интересовъ руду. Между превратныхъ его понятій о комерческомъ кредитѣ было, что онъ воображалъ, будто отъ того только, что его часто будутъ видѣть на Московской Ильинской биржѣ, въ числѣ прочаго комерсантнаго люда, его кредитъ возвысится. Однажды (въ началѣ 40-хъ годовъ) онъ сказалъ мнѣ: «я теперь съ биржи не схожу». Кстати добавлю (это я впослѣдствіи узналъ за вѣрное), что инициатива этой подложной уловки принадлежала не ему, а одному изъ окружавшихъ его совѣтчиковъ-законниковъ Еврейскаго происхожденія.

И такъ, роковая довѣренность, засвидѣтельствованная у Ливорнскаго нашего консула г. Энгельбаха, была отправлена по принадлежности въ началѣ того лѣта. При совершеніи оной было мнѣ предостереженіе со стороны почтеннаго этого нашего агента, который отнесся предварительно къ г. Слоану о томъ, что не подвергнется ли онъ какой-либо отвѣтственности за скрѣпу подобнаго рода документа; но какъ бывшій мой наставникъ ничего не зналъ о ходѣ и подробностяхъ моихъ дѣлъ въ Россіи, да еще менѣе были ему извѣстны наши

законы, то мы оба посмѣивались надъ опасеніями этого старика и приписывали ихъ отчасти невѣдѣнію своихъ консульскихъ обязанностей. Припоминая все прошедшее, подозрѣваю, это этотъ опытный старичокъ смекнулъ, въ чемъ было дѣло и, какъ давній знакомый моего отца, память коего онъ чтилъ, колебался утвердить документъ, могущій быть пагубнымъ для меня.

А между тѣмъ жена и я, ничего не подозрѣвая и ничего не предчувствуя, расположились на лѣтній купальный сезонъ въ одной виллѣ, близъ Ливорно, откуда ѣзжали на нѣсколько дней въ Лукку къ другу моей жены, маркизѣ Бочелло. Въ ея салонѣ собиралось фашіонабельное общество Луккскихъ минмо-гигіеническихъ водъ и знакомые ея изъ Флоренціи, и не рѣдко навѣщалъ ее Луккскій тогдашній герцогъ Лудовикъ. Онъ любилъ стряхивать съ себя монархическіе свои атрибуты, полюбезничать въ кружкѣ хорошенькихъ барынь, а отъ находившихся тамъ мужчинъ требовалъ, чтобы они обходились съ нимъ, какъ съ частнымъ и равнымъ лицомъ. Во время прогулокъ по окрестностямъ виллы маркизы Бочелла, онъ бралъ подъ руку ее и мою жену, а какъ мы, мужчины, слѣдовали въ почтительномъ отъ него разстояніи сзади, онъ однажды прервалъ свой разговоръ и, отнесясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски, конечно): «любезный графъ, я вамъ скажу то самое, что говорилъ мой дѣдъ (вѣроятно, кто-то изъ Испанскихъ королей) одному своему спутнику въ прогулкѣ, что изъ за почтительности, оказываемой ему этимъ господиномъ, у него дѣлалась судорога въ шеѣ («un torte-collis») отъ безпрерывнаго поворачиванія ея къ собесѣднику, и потому прошу васъ идти рядомъ со мною», и за симъ схватилъ меня подъ руку одною изъ свободныхъ своихъ рукъ, такъ какъ въ то время онъ шелъ съ одною изъ обозначенныхъ выше дамъ. Герцогъ Лудовикъ былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ и немного старше меня. Маркизъ Чезаре Бочелла, мужъ маркизы Вирджиніи, былъ довольно умный и начитанный человѣкъ (ученостію же не отличалась вообще тогда Итальянская аристократія), но воспламенялся (всегда, впрочемъ, платонически) то къ одной, то къ другой женщинѣ, идеализируя ее какимъ-то сверхъестественнымъ въ психологическомъ отношеніи созданіемъ изо всѣхъ Евиныхъ дщерей. Таковою представлялась ему нѣкогда княгиня Марія Аркадьевна Голицына (рожденная княжна Суворова), завлекшая его въ туманный мистицизмъ, который у него дошелъ до полупротестантизма, а у княгини, если вѣрить молвѣ, до перехода въ это вѣроисповѣданіе. Послѣ или прежде этого, онъ увлекался славянизмомъ (по примѣру, можетъ быть, своего патрона, герцога Луккскаго, при коемъ онъ состоялъ камергеромъ). а позднѣе принялся съ эн-

тузіазмомъ курить ѳиміамъ предъ трагическимъ талантомъ пѣвицы г-жи Унгаръ. Позднѣе я потерялъ совершенно его изъ виду, но если онъ дожилъ до недавнихъ временъ спиритизма и медіумовъ, то не сомнѣваюсь, что онъ могъ сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поклонниковъ доктрины пресловутаго спирита Аллана-Кардека*). Послѣ моего отъѣзда изъ Италіи маркизъ Бочелла былъ (кажется) министромъ чего-то, предъ сліяніемъ Луккскаго герцогства съ Тосканою.

До переѣзда нашего на Ливорнскую лѣтнюю виллу, мы изъ Флоренціи ѣздили погостить на нѣсколько дней къ маркизѣ Бочелла, въ Лукку, и тамъ примкнули къ собравшемуся многолюдному обществу, съ коимъ предприняли ночную увеселительную поѣздку, въ огромномъ Англійскомъ экипажѣ, называемомъ «stagecoach», въ Пизу посмотрѣть на тамошнюю великолѣпную иллюминацію, повторяющуюся каждые три года и уже мною описанную въ событіяхъ лѣта 1826-го года. Разстояніе между Лукки и Пизы немного менѣе 20 верстъ. Той же ночью мы отправились: я въ Ливорно нанять виллу въ окрестностяхъ города, а жена моя вмѣстѣ съ веселою компаніею маркизы Бочеллы къ ней на виллу. Здѣсь кстати упомянуть, что я ревновалъ немного свою женочку за казавшееся мнѣ слишкомъ свободнымъ ея обращеніе съ молодежью, ее окружавшею, и такая ревность выказывалась иногда неровностями и выходками, несвойственными моему вообще характеру; иногда же я дулся на нее по нѣскольку времени. Впрочемъ, я держусь того мнѣнія, что не ревновать любимую нами женщину все равно, что быть равнодушнымъ къ ней. Иные находятъ, что противоположностію ревности служитъ полное довѣріе ко взаимности ея чувствъ и къ ея понятіямъ о чести; но я считаю, что справедливѣе будетъ назвать противоположность ревности индиферентизмомъ. Смѣтливый другъ моей жены, маркиза Вирджинія, слѣдившая за этими фазисами супружескихъ нашихъ отношеній, предсказала мнѣ, что тогда только водворится полное между нами согласіе, когда я перестану быть влюбленнымъ въ свою жену. Признавая всю справедливость этого практическаго замѣчанія, я тѣмъ не менѣе считаю его довольно прискорбнымъ явленіемъ. Поэтому, чтобы добиться до *спокойственныхъ*, такъ сказать, домашнихъ отношеній, приходится отречься отъ всякой пылкости чувствъ къ предназначенной намъ судьбою подругѣ жизни.

На Ливорнской нашей виллѣ мы провели лѣто много веселѣе противъ предыдущаго сезона, между тѣмъ какъ къ чамъ могло примѣ-

*) Повѣрятъ ли будущія поколѣнія, что безуміе этого ученія доходило въ 60-хъ годахъ до того, что на сеансахъ показывали *чертежи плана Моцартовой виллы на лунѣ!*

няться сказанное нѣкогда Французскимъ писателемъ Сальванди о балѣ у Беррійской герцогини, незадолго до паденія Карла X *); понятно, что волканомъ, угрожавшимъ намъ, была подготовлявшаяся тогда катастрофа Леоновой Бородинской операціи и разразившаяся осенью того 1839 года.

Мать моя отпустила съ нами въ Ливорно своего повара Базиліо, ненужнаго ей по причинѣ ея поѣздки въ Ломбардію къ сестрѣ моей княгинѣ Видони, а оттуда она съ нею поѣхала на короткое время въ Вѣну, гдѣ свѣтское положеніе сестры требовало, чтобы она представилась Австрійскому двору, чрезъ что̀ была сдѣлана кавалерственною дамою ордена «la Croce Stellata» (звѣздо-образнаго креста). Правдоподобно отчасти, что сестра моя получила это отличіе благодаря родству нашему (хотя отдаленному) съ Сергѣемъ Павловичемъ Татищевымъ, все еще нашимъ посломъ при Вѣнскомъ дворѣ и пользовавшимся большимъ тамъ кредитомъ. По возвращеніи матери моей безъ сестры во Флоренцію, она поѣхала, почти-что въ концѣ лѣта, съ неразлучною своею подругою Екатериною Ивановною Леруа, на воды въ Санъ-Кашіано, мѣстечко живописно гнѣздящееся въ горахъ, не подалеку и въ ровномъ почти разстояніи отъ Пизы и Ливорно. Мы позднѣе навѣстили ее тамъ.

Весною того же года, жена моя, отнявши отъ груди нашу Аннетину, коей минуло тогда два года, могла располагать болѣе свободнымъ къ отлучкамъ временемъ. Дѣвочка наша была не по возрасту развита, свободно и безошибочно болтала по-русски и по-итальянски и отличалась уже понятливостію и находчивостію въ отвѣтахъ, была живого нрава и правильно напѣвала слышанные отъ насъ оперные отрывки. Помню, какъ однажды она всѣхъ насъ потѣшила, аплодируя рученками проявившемуся вдругъ солнечному лучу, вслѣдъ за ливнемъ, и приговаривая: «bravo sole, bravo sole!» Иногда впрочемъ она смѣшивала въ своемъ лепетаніи смыслъ какого-нибудь слова, звучавшаго почти одинаково на Русскомъ и Итальянскомъ языкахъ. Такъ однажды, читая вечернюю молитву «Богородице, Дѣво, радуйся», дошедъ до

---

*) На этомъ балу король Карлъ X, подошедъ къ г. Сальванди (тогда лишь знаменитому въ литературномъ мірѣ), сказалъ: „Une belle fête, n'est-ce pas?" (Прекрасный праздникъ, не правда-ли?) — „Oui, sire" отвѣчалъ Сальванди, „une véritable fête napolitaine; nous dansons sur un volcan".— (Да, государь; это настоящее *Неаполитанское* празднество; мы пляшемъ надъ волканомъ). Надо пояснить, что выраженіе „*Неаполитанское празднество*" относилось къ виновницѣ онаго, Беррійской герцогинѣ, по себѣ Неаполитанской принцессѣ. Нѣсколько недѣль спустя, вспыхнула Іюльская революція 1830-го года и послѣдовало изгнаніе Бурбоновъ.

словъ «яко *Спаса* родила», она вдругъ повернулась къ матери съ вопросомъ по-итальянски «Si va à *spasso?*» (мы пойдемъ гулять что-ли?), но и въ этой дѣтской ея ошибкѣ былъ процессъ нѣкотораго мышленія, а не попугайная одна привычка безочетливаго болтанія молитвы. Понимаю вполнѣ, что всѣ эти подробности не могутъ говорить сердцу посторонняго читателя (если таковой найдется у меня); но даю волю перу, чтобы облегчить потрясающее неизбѣжно меня волненіе при столь дорогихъ воспоминаніяхъ; въ эти минуты я снова переживаю счастливое былое время....

Жена и я задумали разъ дать танцовальную вечеринку Луккскимъ и Ливорнскимъ нашимъ наиболѣе близкимъ знакомымъ, во главѣ каковыхъ была, конечно, маркиза Вирджинія Бочелла; мы этимъ хотѣли какъ бы вознаградить себя за двухлѣтнюю слишкомъ несамостоятельность обстановки нашей подъ кровомъ моей матери. Вотъ насколько мы оба были ребячески малодушны! Вечеринка наша вышла довольно удачною, не смотря на то, что я по нѣскольку разъ удалялся въ отдѣльную комнату усилить въ себѣ веселое настроеніе помощію Шампанскихъ газовъ; но насколько съумѣлъ я скрыть отъ своихъ гостей возбужденное это состояніе, припомнить теперь мнѣ трудно. Мы не посмѣли пригласить на этотъ вечеръ Луккскаго герцога Лудовика, но узнали подъ рукою, что онъ намѣревался непрошеннымъ почтить насъ своимъ присутствіемъ; оно однакоже не состоялось, и пріѣхавшій къ намъ изъ Лукки камергеръ его двора, Англичанинъ Кокрель, передалъ намъ порученіе принца заявить намъ его сожалѣніе, что, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, онъ лишается удовольствія быть нашимъ гостемъ. Понятно, что для насъ достаточно уже было подобнаго рода вниманія со стороны владѣтельнаго лица.

Мы, каждый почти вечеръ, ѣзжали въ Ливорнскую оперу, гдѣ была абонированная наша на весь тотъ сезонъ ложа. Не слѣдуетъ умолчать мнѣ о привѣтливомъ пріютѣ, данномъ мнѣ на Луккскихъ водахъ Полякомъ графомъ или псевдо-графомъ Артуромъ Потоцкимъ, такъ какъ жена моя остановилась на временной квартирѣ маркизы Вирджиніи. Польскій графъ снабдилъ меня изъ элегантнаго своего гардероба тѣмъ, чего не доставало для моего вечерняго бальнаго костюма. Онъ былъ почти-что молодымъ еще человѣкомъ, щеголемъ и красавцемъ и слылъ какъ «un mangeur des coeurs» (пожирателемъ женскихъ сердецъ). Жилъ онъ съ женатымъ своимъ братомъ, политическимъ, какъ онъ самъ, эмигрантомъ, вслѣдствіе Польскаго въ 1831 году возстанія; они поселились уже нѣсколько лѣтъ во Флоренціи. Предполагаю однакоже, что случайный бальный мой благодѣтель страдалъ, по-

жалуй, тоскою по *отчизнѣ*, заглушавшей въ немъ традиціонную руссофобію, отъ чего онъ не гнушался сближаться до нѣкоторой степени съ обоими нами; но знакомство наше съ этимъ семействомъ было лишь шапочнаго разбора и ограничивалось разговорами при встрѣчѣ въ обществѣ. Эти Потоцкіе не имѣли впрочемъ ничего общаго съ богатыми своими однофамильцами и носился (кажется) слухъ, что они самопроизвольно усвоили себѣ въ Италіи графскій титулъ.

Въ Луккѣ я встрѣчался иногда съ несовсѣмъ первой уже молодости Англичанкою, миссъ Де-Курси [1]), смотрѣвшей на меня и на наше все семейство какъ на будущую ея родню, по причинѣ помолвки ея съ дальнимъ нашимъ родственникомъ барономъ Павломъ Васильевичемъ д'Огеромъ (братомъ Александры Васильевны Сенявиной и баронессы Мейндорфъ), не взирая на то, что она была старѣе своего жениха и небогата. Свадьба ихъ состоялась въ концѣ, должно быть, этого года, къ неудовольствію старухи баронессы д'Огеръ, проживавшей уже года два во Флоренціи и упражнявшейся тамъ полировкою мраморныхъ плитъ. Не знаю почему, но она вообще не сочувственно отзывалась о своемъ единственномъ сынѣ, хотя ничего дурного о немъ не было слышно [2]).

Когда случалось, что мы гостили по нѣскольку дней у маркизы Вирджиніи въ ея, столь же изящной какъ она сама, виллѣ Санъ-Квирино, мы брали съ собою нашу Аннетину, и Аленушка наша указывала Итальянцамъ различіе между съѣдобными грибами и поганками, о чемъ мѣстные жители имѣютъ смутныя весьма понятія; найденные ею грибы въ тамошнемъ лѣсочкѣ, что̀ былъ при садѣ, она изготовля-

---

[1]) Фамилія Де-Курси была изъ древняго Ирландскаго рода, вѣроятно изъ пэровъ соединенныхъ Британскихъ королевствъ, и Католическою. Говорятъ, что и ей (какъ и фамиліи дуковъ Строцци въ Италіи) присвоена привилегія стоять съ покрытою головою въ королевскомъ присутствіи.

[2]) Онъ окончательно поселился съ женою во Флоренціи, гдѣ и купилъ, или заново отстроилъ, домъ на великолѣпной новой набрежной (lung Arno nuovo), ведущей отъ моста Карраіа въ Кашины. Въ бытность мою во Флоренціи въ 1863 г., я однажды видѣлъ у г. Слоана молодого человѣка, оказавшагося сыномъ барона Павла д'Огера. Въ немъ не было никакихъ уже слѣдовъ Русской національности, и онъ находился, какъ слышно было, въ весьма неблистательныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Прошу читателя припомнить, что старуха баронесса д'Огеръ, та самая, о которой говорилось въ 1-ой части этихъ Записокъ, какъ объ участвовавшей еще дѣвицею въ хорѣ на празднествѣ, данномъ императрицѣ Екатеринѣ княземъ Потемкинымъ въ его домѣ (нынѣ Таврическомъ дворцѣ) и та самая, что̀, по привычкѣ повторять послѣдніе слога своихъ фразъ, сказала будто бы однажды императору Александру Павловичу въ разговорѣ о ея мужѣ, „Le baron—ron (rond) gagne beaucoup à etre connu—nu". Сама баронесса была урожденная Полянская, а мужъ ея Голландецъ, бывшій одно время представителемъ Голландіи при нашемъ дворѣ.

ла по-русски на сковородѣ, и это незатѣйливое блюдо, неизвѣстное туземцамъ, приходилось имъ весьма по вкусу.

У маркизы Вирджиніи я снова повстрѣчался съ тяжелослогимъ и физически тяжеловѣснымъ литераторомъ и профессоромъ Пизанскаго университета, г-мъ Розини, однимъ изъ прежнихъ посѣтителей моего отца, къ памяти котораго этотъ педантъ-профессоръ и паѳосный поэтъ питалъ чувство глубокаго почтенія. Онъ занятъ былъ тогда, между прочимъ, либреттомъ классическаго предмета оперы «Саффо», музыку для коей потомъ написалъ маэстро Пачини, бывшій когда-то Россиніевскимъ соперникомъ [1]).—Въ театрѣ, въ Луккѣ, я разъ имѣлъ случай разсмотрѣть довольно вблизи физіономію Европейскаго тогдашняго дѣятеля, князя Метерниха. Онъ былъ бодрымъ еще старикомъ, и рядомъ съ нимъ сидѣла въ ложѣ молодая, вторая его жена, княгиня Стефанія, какъ называли ее короткіе ея знакомые, въ числѣ коихъ была сестра моя княгиня Елена Дмитріевна Видони. Случай этотъ болѣе не повторялся для меня. Не знаю почему, но моя и жены моей фигуры удостоились быть замѣченными этимъ всемогущимъ гонителемъ всякаго либеральнаго прогресса; можетъ быть, впрочемъ, что, пораженный миловидностію моей жены, онъ спросилъ о ея фамиліи и, встрѣтившись незадолго послѣ во Флоренціи съ моею матерью, любезно сообщилъ ей, что имѣлъ удовольствіе зрѣть ея дѣтей въ Луккѣ.

Продолжая въ досужное время усердно заниматься картинною моею спекуляціею, я выписалъ въ Ливорно Флорентинскаго моего реставратора г. Піаченти и хранителя моего депо сихъ произведеній, старика и оригинала въ своемъ родѣ, нѣкоего Вальмори, надъ коимъ я потѣшался, какъ надъ шутомъ. Оба они нужны мнѣ были для окончательной отдѣлки новыхъ моихъ художественныхъ пріобрѣтеній въ Ливорнѣ и Луккѣ и для отправки ихъ моремъ въ Одессу, а оттуда въ Москву. Послѣдній этотъ транспортъ окончательно гдѣ-то застрялъ и не прибылъ къ мѣсту назначенія, по неуплатѣ за отправку и провозъ банкирамъ г.г. братьямъ Папудовымъ.

Жена и я были однажды на богомольѣ, въ монастырѣ Мадонны ди-Монте-Неро (Черной Горы), въ 7 или 8 верстахъ отъ Ливорны, гдѣ имѣется явленная икона Пресвятой Богородицы, Греческой совершенно иконописи, съ такою же монограммою изъ заглавныхъ буквъ, **ПРѲ. МР.** Парѳена (т. е. дѣва) Марія. Тамъ бываетъ боль-

---

[1]) Профессоръ Розини оставилъ однакоже по себѣ замѣчательный трудъ по исторіи живописи въ Италіи, со времени ея введенія Греческими художниками: роскошное изданіе in-фоліо, со множествомъ гравюръ, скопированныхъ съ древнихъ фресковъ и картинъ.

ное стеченіе богомольцевъ, и искренне вѣрующіе, по обѣщанному Божественными словами «просите и дастся вамъ», получаютъ нерѣдко чудотворное исцѣленіе своихъ недуговъ, а мореплаватели и рыбаки избавляются отъ крушенія при настигающихъ ихъ морскихъ буряхъ. Эти многочисленные случаи изображены въ небольшого размѣра картинахъ, масляными красками, съ надписями лицъ удостоившихся таковыхъ милостей чрезъ заступничество Царицы Небесной и съ обозначеніемъ мѣста и времени сихъ случаевъ. Картинки эти называются «ex voto» (по обѣщанію) и хранятся въ *сакристіи* (ризницѣ) храма: но у Латинянъ не то̀, что у насъ: почитаніе тамъ чудотворной иконы ограничивается усердіемъ лишь мѣстныхъ жителей. Напримѣръ, не помню, чтобы въ Флорентинскихъ и иногороднихъ церквахъ встрѣчались снимки съ этой Монтенерской иконы, точно такъ какъ ни въ Ливорнѣ, ни въ другихъ мѣстахъ не видалъ я снимковъ Флорентинской чудотворной иконы Благовѣщенія (l'Annunziata), что̀ въ церкви того же имени. О первоначальномъ явленіи Монтенерской иконы преданіе гласитъ, что въ отдаленной древности какой-то пастухъ-горбачъ, пасшій стадо у подножья горы, гдѣ нынѣ стоитъ обитель, услыхалъ гласъ, выходившій отъ явившейся вблизи его на камнѣ иконы Пресв. Дѣвы, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, повелѣвавшій ему отнести ее (т. е. икону) на вершину горы, по исполненіи чего горбъ его уничтожился. Икону эту можно разузнать отъ всѣхъ на нее схожихъ тѣмъ, что на одной изъ рукъ Богородицы сидитъ птичка.

Отмѣчу мимоходомъ, что осенью того же 1839 года былъ первый и небывалый до того времени съѣздъ въ Пизѣ всѣхъ ученыхъ всего Итальянскаго полуострова. Съѣзды эти повторялись впослѣдствіи періодически всякіе три года, но въ разныхъ каждый разъ городахъ Италіи.

Вскорѣ по возвращеніи въ Ливорно я получилъ анонимное изъ Москвы письмо (впослѣдствіи я узналъ, что оно было отъ преданнаго мнѣ Радзиковскаго), увѣдомлявшее меня, что я нахожусь на краю совершеннаго разоренія, что сумасбродное Бородинское предпріятіе рухнуло, что Леонъ Капенштейнъ влѣзъ въ неоплатные (чуть-ли ни до миліона, говорилось въ письмѣ) долги, что самого его преслѣдуютъ взбѣшенные кредиторы, чтобы засадить въ яму; словомъ, Московскій доброжелатель*) мой умолялъ меня вспомнить, что у меня дочь и чтобы я поспѣшилъ пріѣздомъ въ Москву. Извѣстіе это поразило меня, какъ громовой ударъ. Я рѣшился собраться немедленно въ путь. Не скрылъ я отъ жены содержанія полученнаго письма, но она къ счастію не вполнѣ постигала угрожавшую намъ опасность. Скоро сказка гово-

*) Радзиковскій былъ кондитеромъ въ Москвѣ.

вится, но не скоро дѣло дѣлается, и какъ ни желалъ я ускорить своимъ отъѣздомъ, необходимо было мнѣ для того нѣкоторое время, чтобы, во первыхъ, занять денегъ на дорогу, во вторыхъ учинить сдѣлку съ Флорентинскими и Ливорнскими моими кредиторами (преимущественно по забору изъ модныхъ магазиновъ и моимъ операціямъ по покупкамъ, реставраціи и отправкѣ въ Россію картинъ и средневѣковой модели), чтобы они не безпокоили жену въ мое отсутствіе, а также условиться съ банкирами, г.г. Папудовыми, въ регулярномъ доставленіи моей женѣ ежемѣсячной опредѣленной мною суммы денегъ. Чтобы свободнѣе дѣйствовать по всѣмъ этимъ моимъ соображеніямъ, я уговорилъ жену уѣхать на нѣсколько дней съ Аннетиною къ ея другу, маркизѣ Вирджиніи въ Лукку, а самъ остался на время въ Ливорнской виллѣ, не имѣя другого совѣтника и нравственной, столь нужной мнѣ въ этотъ критическій моментъ, опоры, кромѣ почтеннаго старца, нашего Греческаго священника, отца Іоакима Валламонте, иначе падре Джіованино. Извѣстивъ письменно дражайшаго брата моего графа Петра Дмитріевича (расположившагося на зиму съ своимъ семействомъ въ Римѣ) о необходимомъ моемъ отъѣздѣ въ Россію, я не замедлилъ получить отъ него отвѣтъ и, безъ всякой моей о томъ просьбы, онъ выслалъ мнѣ переводъ въ 1000 франковъ на путевыя мои издержки. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ! *) Узнавъ, что Н. А. Дивовъ, соскучившись въ Италіи, отправился въ Россію одинъ, оставивъ во Флоренціи на зиму Зенаиду Сергѣевну съ Маріею Павловною Сумароковою, я отнесся и къ нему о случившемся со мною, адресуя мое письмо въ Вѣну; оно застало его тамъ, и онъ поспѣшилъ отвѣчать, что вполнѣ аппробуетъ спѣшный мой отъѣздъ. Г.г. Папудовы (банкиры), не взирая на то, что я имъ уже былъ немало долженъ, обязательно согласились высылать женѣ моей во Флоренцію, на время моего отсутствія, нѣчто около 150 или 200 скудовъ въ мѣсяцъ (отъ 225 до 300 р. сер.). Какъ скоро жена возвратилась ко мнѣ въ Ливорну, я сдалъ виллу ея хозяйкѣ, и мы съ Анеттиною и всѣмъ нашимъ домомъ вернулись въ Флоренцію, гдѣ предстояло мнѣ нанесть новое бѣдной матери моей огорченіе и поводъ къ тревогѣ этими, вновь полученными изъ Россіи свѣдѣніями. Все это происходило въ первой половинѣ Октября нашего стиля, и хотя занятій во Флоренціи было немало, я все покончилъ въ три (кажется) дня.

Прерываю минутно столь серіозный предметъ ради комической отмѣтки. Неразлучный тогда спутникъ супруговъ Дивовыхъ и ихъ ба-

*) Не досказалъ я, гдѣ слѣдовало, что подобною же суммою въ 1000 франковъ, братъ мой снабдилъ, въ видѣ подарка, тещу мою Елисавету Ивановну, при ея отъѣздѣ изъ Флоренціи весною того 1839 года.

ловень, карликъ Филиппъ Арсеньевичъ, долженъ былъ оставаться на зиму при Зенаидѣ Сергѣевнѣ, какъ вдругъ, наканунѣ или въ самый день отъѣзда изъ Флоренціи Николая Адріяновича, взбѣленился и объявилъ, что и ему предстоитъ экстренная надобность возвратиться немедленно въ Москву, каковую его просьбу уважили. На повѣрку оказалось, что, при своемъ отъѣздѣ за годъ передъ тѣмъ изъ Зенинской подмосковной фермы, онъ не успѣлъ-де переложить, какъ слѣдовало, въ своемъ комодѣ послѣднее принятое имъ со стирки бѣлье!

Во Флоренцію только-что вернулась тетка моя графиня Марія Артемьевна Воронцова изъ Петербурга, куда она ѣздила на короткое время хлопотать о передачѣ ей фрейлинской пенсіи ея сестры, графини Екатерины Артемьевны Воронцовой, сверхъ получаемой своей пенсіи [1]). О томъ заявила желаніе сама графиня Екатерина Артемьевна передъ своею смертію и какъ ни былъ необычайнымъ подобный переходъ, но дѣло удалось по милости вліятельныхъ лицъ, въ числѣ каковыхъ были, вѣроятно, князь С. М. Голицынъ (сестра его княжна Елена Михайловна была весьма дружна съ покойницей) и, можетъ быть, при содѣйствіи гр. М. С. Воронцова[2]). Въ эту поѣздку въ Россію (она же была и послѣднею) графиня Марія Артемьевна являлась ко двору и сумѣла (какъ слышно было) пріобрѣсти особенно милостивое къ себѣ вниманіе покойной императрицы Александры Θедоровны, забавностью разговора. Это и не удивительно. Придворная почва была не новою для нея; слушателей же она всегда могла, когда хотѣла, заинтересовать анекдотами былого и даже настоящаго времени, приправленными остротами и эпиграмами, а касательно религіозныхъ преній, то если ея не вызывали на эту арену, она рѣдко брала иниціативу въ подобномъ разговорѣ. При той обширной памяти, какою она владѣла, у нея было что̀ поразсказать объ эпохѣ, столь обильной происшествіями, какою были два первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка, въ теченіе коихъ она неотлучно находилась при дворѣ, и я всегда сожалѣю, что она не оставила по себѣ никакихъ записокъ [3]). При теткѣ была тогда ея во-

[1]) Князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ продолжалъ выдавать теткѣ моей графинѣ Маріи Артемьевнѣ пенсіонъ, который получала она отъ его отца.

[2]) Я уже говорилъ, что тетка моя гр. Екатерина Артемьевна, скончавшаяся въ Москвѣ въ началѣ 1836 года, въ домѣ князя Сергѣя Михайловича Голицына, на Пречистенкѣ, осталась до смерти вѣрна Православію. Напоминаю также, что она первоначально была фрейлиною при великой княгинѣ Аннѣ Θеодоровнѣ, сохраняла до конца дружескія отношенія съ этою изгнанною изъ Россіи принцессою и навѣщала ее иногда въ Швейцаріи.

[3]) Когда въ послѣдніе мои съ нею свиданія во Флоренціи, весною 1863 года, я заявилъ ей мое о томъ сожалѣніе, то она сказывала мнѣ, что вела одно время свои

спитанница, молодая Марія Баронъ, Ирландка по отцу, дочь прежней теткиной воспитанницы, Анны Антоновны Станкеръ; эта Марія вышла впослѣдствіи за маркиза Констабили (изъ Перуджіи).

Во время краткаго моего пребыванія во Флоренціи, я покончилъ съ большинствомъ моихъ кредиторовъ выдачею векселей на полугодовые, приблизительно, сроки: главными же изъ нихъ были мадамъ Безансонъ (знаменитость въ мірѣ модъ, нѣчто въ родѣ современной Московской Минангуа), Женевскій ювелиръ г. Ботъ (торговымъ домомъ которымъ завѣдывалъ, какъ бы принципалъ, нѣкій г. Саразенъ) и г. Приноть, хозяинъ богатѣйшаго магазина всякаго рода галантерейныхъ новостей, хрустальныхъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ и серебряныхъ издѣлій. Не думаю, впрочемъ, чтобы всѣ мои Флорентинскіе долги превышали цифру 3 или много 4 т. рублей, и если бы Леонъ уплатилъ ихъ (что не было ему тогда еще невозможнымъ, не взирая на Бородинскій разгромъ), то избавилъ бы меня и особенно бѣдную мою жену отъ многихъ непріятностей.

Я уложилъ уже свой чемоданъ, заплатилъ за мѣсто до Болоньи въ почтовой каретѣ правительственнаго курьера *), и всего оставалось до отъѣзда какихъ нибудь три часа, какъ вдругъ предсталъ предъ мною въ нашемъ палаццѣ нежданный полицейскій агентъ съ объявленіемъ личнаго мнѣ ареста за неуплату моего долга портному г. Раваіоли, съ коимъ дѣйствительно я не взошелъ въ сдѣлку или отъ забывчивости, или же отъ того, что не считалъ этого долга значительнымъ, хотя (должно быть) я утвердилъ поданный имъ мнѣ счетъ своею подписью. Легко вообразить себѣ, каково было мое за-

---

замѣтки, но сожгла ихъ изъ опасенія компрометировать кое-кого изъ своихъ знакомыхъ. Юмору было въ ней бездна, и до самой ея кончины. Помню между прочимъ, какъ она сѣтовала, что Флорентинскіе нищіе, наполняющіе тамошнія церкви, принимали-де ее за тѣнь или за привидѣніе, а не за живое существо („elles me prennent pour l'âme d'une morte“), потому что толкали и переходили почти-что черезъ нее, когда она стояла на колѣняхъ. Невѣстку мою, графиню Аврору Осиповну, тетка не совсѣмъ долюбливала, хотя обѣ онѣ были строгія католички и, недовѣрчиво отзываясь о серьозности недуговъ невѣстки моей, говаривала, что не она подчиняется авторитету своего медика и своего духовника, а оба эти лица дѣлаютъ лишь то, что угодно ей. Особенно дорожила она аристократическимъ Воронцовскимъ своимъ происхожденіемъ, каковую фамилію писала „Woronzow“, не допуская окончанія на два „f“ (Woronzoff); правописаніе, впрочемъ, правильное.

*) Тосканская письменная и денежная корреспонденція развозилась тогда курьерами, ѣздившими въ собственныхъ своихъ каретахъ, сопровождаемыхъ однимъ вооруженнымъ коннымъ драгуномъ. Въ этихъ каретахъ было три мѣста для пассажировъ; доходъ отъ нихъ предоставленъ былъ въ пользу курьера, хозяина кареты.

трудненіе: денегъ у меня доставало только на проѣздъ до Москвы, да и то съ наблюденіемъ строжайшей экономіи; занять было не у кого въ столь короткое время, но непріятнѣе всего было самое появленіе полицейскаго экзекутора *«in aula paterna»* [1]), наносившее небывалый позоръ фамильному нашему значенію. Добрѣйшій Евгеній Осиповичъ Понятовскій [2]) выручилъ меня изъ бѣды, обязательно подписавшись порукою въ уплатѣ мною долга этому портному, и удовлетворенный такимъ образомъ грозный исполнитель Ѳемиды не замедлилъ удалиться.

Всѣ семейные мои проводили меня до площади «Дель гранъ-дука» [3]), гдѣ по сію пору находятся почтовыя экспедеціи и отбуда отправлялась карета моего курьера.

Октябрскій теплый еще вечеръ 15 числа стараго стиля сливался съ сумерками, когда рыдающая мать моя обнимала въ послѣдній разъ своей и моей жизни любимаго ея сына, причинившаго съ самаго ранняго своего возраста столь много ей тревогъ, горести и слезъ; сына, не умѣвшаго тогда оцѣнять силу ея любви и не подозрѣвавшаго, что онъ принималъ тогда послѣднее ея личное благословеніе. Праведница эта справедливо говаривала, что дѣти не могутъ постичь, насколько они дороги ихъ родителямъ; а я добавлю, что дѣти тогда только поймутъ вполнѣ это чувство, когда въ свою очередь сдѣлаются отцами и матерями.

Почти въ минуты прощанія, знакомый намъ зубной врачъ г. Кампани, подошедъ ко мнѣ, спросилъ, когда предполагаю возвратиться. «Не ближе вѣроятно, отвѣчалъ я, какъ ко дню Санъ-Джіованни [4])». При этихъ словахъ, бѣдная моя Катенька, висѣвшая у меня на рукѣ, поблѣднѣла и изумленная спросила по-итальянски же «Come, non priu?» (Неужели не прежде?) «Постараюсь пораньше», былъ мой отвѣтъ, и я накрѣпко прижалъ ее къ сердцу. А какой Ивановъ день! Разлука наша продлилась два съ половиною года, до самой весны 1842 года. Но кто изъ насъ могъ тогда предвидѣть это? Не слѣдуетъ однакоже пропустить молчаніемъ, что при этой разлукѣ со столь близкими серд-

[1]) Въ отцовскомъ домѣ.

[2]) Онъ уже тогда поселился во Флоренціи и болѣе въ Россію не возвращался.

[3]) Площадь эта переименована нынѣ въ средневѣковое названіе „Піацца делла синьорія", потому что въ древней Флорентинской республикѣ „синьорами" звались выборные члены (коихъ было, кажется, всего восемь) административнаго городскаго совѣта, а главою исполнительной власти былъ „подеста" или „гонфалоніере".

[4]) Праздникъ Рождества Св. Іоанна Предтечи (24 Іюня) составляетъ годовую эпоху Флорентинской жизни, такъ какъ Предтеча чтится издревле покровителемъ этого города.

цу моему существами, происходила во мнѣ странная аномалія (отъ моего, конечно, легкомыслія), что я въ тоже самое время радовался возвращенію въ Россію, хотя и безъ жены и не смотря на то, что возвращеніе это вызвано было столь бѣдственно угрожавшими мнѣ обстоятельствами.

Оканчивая обзоръ всѣхъ современныхъ мнѣ событій въ Италіи, разскажу объ одномъ дипломатическомъ казусѣ, относящемся къ тому же 1839 году и надѣлавшемъ тогда много шуму. По существовавшему издревле обычаю при Сардинскомъ дворѣ, одна только королева и принцессы крови имѣли право носить «барбы» т. е. блонды (или кружева) на куртагахъ и придворныхъ балахъ и церемоніяхъ. Это всѣмъ, вхожимъ ко двору, довольно было извѣстно; слѣдовательно не могла о томъ не знать жена нашего акредитованнаго тамъ министра г-жа Обрѣзкова; но тѣмъ не менѣе, на одномъ придворномъ балѣ или церемоніальномъ пріемѣ она явилась въ принятомъ при нашемъ дворѣ, вышитомъ Русскомъ сарафанѣ съ кружевами. Не знаю, почему она предпочла именно этотъ костюмъ какому-нибудь другому; но появленіе блондъ, въ какомъ бы то ни было видѣ, на особѣ некоролевской фамиліи шло въ разрѣзъ съ принятымъ этикетомъ. На первый разъ удовольствовались (кажется) однимъ лишь ей замѣчаніемъ, но такъ какъ она твердила, что кружева составляютъ непремѣнную принадлежность Русскаго придворно-офиціальнаго костюма, и что она-де иначе, какъ въ таковомъ, не считаетъ себя въ правѣ являться ко двору въ офиціальныхъ случаяхъ, то поступила о томъ жалоба въ наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и, говорятъ, вслѣдствіе этого г. Обрѣзковъ былъ отозванъ.

Этой же осенью всполошилась Европейская дипломатія по нечаянному событію на Азіатскомъ Югозападѣ. Персидскій шахъ предпринялъ осаду крѣпости Герата, считавшагося, кажется, на Англійской территоріи. Обстоятельства этого дѣла вызвали офиціальное вмѣшательство нашего резидента въ Тегеранѣ, графа Симонича. Французы повторяли каламбуръ: «le chat (le shah) de Perse avait entrepris le siège des rats (d'Hérat) *).

---

*) Персидскій котъ предпринималъ осаду крысъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1859-й годъ *).

2-го Января вечеромъ я играла у великой княгини Ольги Николаевны. При этомъ были кронпринцъ, г-жа ф.-Таубенгеймъ, г-жа Евелина Массенбахъ и фрейлина ф.-Калденъ. Кронпринцъ добрый, но очень слабый человѣкъ. Съ отцомъ своимъ, королемъ, онъ былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего въ королевской семейной жизни было много столкновеній. Великая княгиня Ольга Николаевна очень добра и терпѣлива; безъ этихъ двухъ качествъ врядъ ли бы она выдержала жизнь въ Штутгартѣ. Ей пришлось пережить много тяжелаго, пока она не направила кронпринца на тотъ путь, по которому ему слѣдовало идти.

Всѣ наши праздники прошли очень оживленно: Русскіе устраивали ёлки между собою и тѣмъ утѣшались въ разлукѣ съ отечествомъ, которая никогда не бываетъ такъ чувствительна, какъ въ большіе праздничные дни. Я много играла, приготовляясь къ концерту, въ которомъ должна была играть «Capriccio» Мендельсона съ оркестромъ и «Poème d' amour» Гензельта.

10-го Января была репетиція съ оркестромъ подъ управленіемъ Кюккена; шло гладко и хорошо. Концертъ былъ назначенъ на слѣдующій день. Выхожу играть,—Кюккена нѣтъ, а дирижируетъ совсѣмъ незнакомый мнѣ человѣкъ. Какая причина побудила Кюккена такъ поступить, я не узнала; но извѣстно, что не слѣдуетъ играть съ оркестромъ, управляемымъ незнакомымъ дирижеромъ. Тѣмъ не менѣе отказаться играть я не могла, публика вся собралась, и, какъ я предвидѣла, каприччіо не прошелъ гладко; во всякомъ случаѣ не по моей винѣ, такъ какъ я его знала наизусть и давно играла. Листъ никогда бы не сдѣлалъ подобной вещи: разъ онъ взялся дирижировать, онъ бы довелъ дѣло до конца. Кюккенъ же дирижировалъ раньше и отошелъ отъ пюпитра, когда мнѣ пришлось играть. Со стороны враговъ «музыки будущности» можно было всего ожидать.

---

*) См. выше, стр. 49.

13-го Января. Утромъ я поздравила великую княгиню Ольгу Николаевну, которая принимала поздравленія жившихъ въ Штутгартѣ Русскихъ, по случаю Новаго Года.

Вечеромъ у нашего посланника Титова былъ bal masqué.

14-го Января. Я уѣхала изъ Штутгарта; Иванъ Ивановичъ Базаровъ сопровождалъ меня до Франкфурта.

Нѣсколько дней спустя, я была у Листа и давала ему отчетъ о своемъ пребываніи въ Штутгартѣ.

19-го Января вечеромъ у гросъ-герцогини Софіи былъ концертъ. И артисты, и программа были неинтересны; хотя въ числѣ приглашенныхъ были Бронсаръ и Лассенъ, но они не играли. Я играла, такъ какъ, будучи піанисткой великой герцогини Софіи, я всегда являлась, когда приказывали; но отсутствіе Листа и то обстоятельство, что никто другой изъ его учениковъ не принималъ участія въ концертѣ, были послѣдствіемъ несчастнаго эпизода съ оперой Корнеліуса. Положеніе гросъ-герцогской семьи было тоже болѣе, чѣмъ непріятно. Листъ сердился на публику, но чѣмъ же былъ виноватъ дворъ?

22-го Января. Утромъ нѣкоторые члены нашего пѣвческаго кружка и я пѣли въ протестантской церкви мотету Клейна «Herr Gott, du bist unsere Zuversicht».

Потомъ я поспѣшила въ нашу церковь, затѣмъ на музыкальное утро къ Листу. Вечеромъ шелъ Тангейзеръ. Листъ не дирижировалъ. Мы всѣ, его ученики и послѣдователи, какъ-то: Лассенъ, Бронсаръ, Алина Гундъ, Э. Генастъ, Эльвира Берггаузъ, Гильда Тегерштрёмъ и я, нашли лучшимъ провести эти часы вмѣстѣ, чѣмъ присутствовать на представленіи оперы Вагнера безъ Листа у дирижёрскаго пюпитра, и всѣ вечеромъ собрались у насъ. Листъ отсутствовалъ намѣренно, не желая болѣе тратить свои силы для публики, или вѣрнѣе для противной ему партіи, такъ грубо оттолкнувшей отъ себя такой молодой талантъ, какъ Корнеліусъ. Листъ имѣлъ право требовать, чтобы съ бо́льшимъ терпѣніемъ и снисхожденіемъ выслушали оперу, которую онъ счелъ нужнымъ назначить къ представленію. Не слѣдуетъ забывать, что Листъ далъ ходъ операмъ Вагнера въ то время, когда ни одинъ театръ Германіи не зналъ и часто не хотѣлъ слышать ихъ. Только изъ Веймара онѣ распространились и укоренились на всѣхъ сценахъ. Нельзя сказать, что въ Веймарскомъ театрѣ городскую и иногороднюю публику могла привлекать блестящая обстановка; нѣтъ, обстановка была болѣе, чѣмъ скромная, но что̀ привлекало въ этотъ храмъ искусства, это была геніальность Листа, который узнавалъ, поддерживалъ и давалъ ходъ не только генію Вагнера, но и болѣе скромному таланту, когда онъ, по мнѣнію Листа, заслуживалъ вниманія.

Публика видѣла, съ какими затрудненіями приходилось бороться Листу, чтобы достигнуть постановки новой оперы; она знала, какъ много дорогого времени онъ жертвовалъ на разучиваніе всего новаго въ музыкѣ, которое, безъ исключенія партій, было исполняемо имъ во время его дѣятельности въ Веймарѣ; она видѣла, какихъ онъ достигъ блестящихъ результатовъ и какое это должно было имѣть воспитательное вліяніе на слушателей. Эпизодъ съ Корнеліусомъ былъ горькимъ разочарованіемъ для Листа: онъ на дѣлѣ увидѣлъ, что всѣ его труды и усилія поднять публику въ музыкальномъ отношеніи оказались тщетными. Партіи, образовавшіяся вслѣдствіе новаго музыкальнаго переворота, начатаго Шуманомъ, Берліозомъ, Листомъ и Вагнеромъ, вызвали ожесточенную письменную борьбу, которая очень утомительно дѣйствовала на Листа и благодаря которой прекращались многія личныя сношенія. Придворный театръ есть прибѣжище для таланта, поэтому значеніе его намного выше значенія всякаго другого частнаго предпріятія. Когда стало извѣстно, что Листъ удаляется ото всякаго дальнѣйшаго участія въ общественномъ музыкальномъ мірѣ Веймара, началась письменная война. Шиканіе и свистки объяснялись тѣмъ, что публика была возмущена громкими и по ея мнѣнію неумѣстными оваціями, сдѣланными Корнеліусу одной маленькой партіей (подразумѣвались послѣдователи Листа). Прибавляли еще, что эти знаки неудовольствія не касались лично Корнеліуса.

26-го Января. Я была у Листа и нашла его возбужденнымъ и возмущеннымъ: видно было, что намѣреніе его заняться исключительно только собственными работами и своими учениками было рѣшеннымъ вопросомъ. 27-го Января. Давали вновь выученную оперу Моцарта «Похищеніе изъ сераля», которая не шла въ Веймарѣ съ 10-го Мая 1842-го года. Въ этой оперѣ много прекраснаго, но она отстала.

6-го Февраля. На музыкальномъ утрѣ Листа тяжелое чувство соединяло присутствовавшихъ: всѣ сознавали, что кончается золотая эпоха Веймара. Листъ смотрѣлъ на все какъ-то равнодушно, въ немъ не было уже того оживленія, того увлеченія, которыя характеризовали Веймарскій музыкальный міръ. Въ этотъ вечеръ шло вялое представленіе Лоэнгрина, подъ управленіемъ Штера.

Листъ отказался отъ Веймарскаго театра; онъ былъ огорченъ, и казалось не такъ скоро возьметъ въ руки капельмейстерскій жезлъ, но внѣшнее обстоятельство побудило его къ этому. Одинъ изъ любимыхъ его учениковъ, Гансъ фонъ-Бронсаръ, уже нѣсколько разъ игравшій въ придворныхъ концертахъ въ Мейнингенѣ, устроилъ тамъ концертъ въ пользу вдовъ членовъ капеллы; это и побудило Листа дирижировать этимъ концертомъ. Жители Мейнингена никогда не ви-

дали Листа въ качествѣ шефа оркестра, и понятно, что всѣ устремились въ концертъ Бронсара, такъ что для иногороднихъ потребовался экстренный поѣздъ. Но многимъ пришлось пріѣхать и уѣхать, не побывавъ въ концертѣ: не достало билетовъ для желающихъ. Въ программѣ концерта были и сочиненія Листа. Жители такого маленькаго города, какъ Мейнингенъ, знали только, что о сочиненіяхъ Листа говорятъ, какъ о музыкѣ непонятной и запутанной; но это не помѣшало имъ принять Листа, какъ великаго артиста, съ цвѣтами и вѣнками. Первое, что̀ играли, была симфоническая поэма Листа «Les Préludes»; слушатели, обыкновенно сдержанные, приняли ее восторженно: разомъ въ ихъ мнѣніи уничтожены были всѣ предубѣжденія противъ сочиненій Листа. Бронсаръ игралъ фантазію ф.-Шуберта, устроенную для фортепіано и оркестра Листомъ, Berceuse Шопена и Венгерскую рапсодію Листа; онъ игралъ чисто и хорошо. Концертъ Бетховена для скрипки классически хорошо исполнилъ Мейнингенскій капельмейстеръ Ботъ. Вторую часть концерта составляла безцѣнная фантазія Ганса ф.-Бронсара. Она состоитъ изъ пяти соединенныхъ частей: Зимняя пустырь, Предвѣстники весны, Сонъ любви, Жизненныя бури и Полетъ къ вѣчной веснѣ. Симфонія эта поэтическая вещь; особенно выдѣляются Сонъ любви и послѣдняя часть; если Бронсаръ будетъ продолжать писать въ этомъ духѣ, то въ будущемъ можно ожидать много хорошаго. Листъ дирижировалъ все: своимъ жезломъ онъ оживлялъ оркестръ и передавалъ ему свое вдохновеніе. Я вполнѣ въ правѣ сдѣлать такое замѣчаніе, такъ какъ часто слыхала одну и туже оперу или композицію подъ управленіемъ Листа и другихъ дирижеровъ. Послѣдніе ведутъ оркестръ, Листъ же на немъ играетъ.

21-го Февраля. Вечеромъ давали любимую комическую оперу нашей великой княгини «Сельскій цирюльникъ» (въ 2-хъ дѣйствіяхъ, музыка Шенка). Хотя эту оперу давно знали въ Веймарѣ, но ее вновь разучивали и ставили на сцену по иниціативѣ Дингельштедта, у котораго возникла мысль показать публикѣ всѣхъ возможныхъ цирюльниковъ, послѣ оперы Корнеліуса.

25-го Февраля. У Листа на музыкальномъ утрѣ между прочими были баталистъ ф.-Коцебу изъ Мюнхена съ женою и Бертольдъ Ауербахъ, извѣстный писатель. Его внѣшность чисто Еврейская и говоръ тоже; лучше знать его сочиненія, чѣмъ его самого лично.

2-го Марта. Я была у великой герцогини Софіи. Она много говорила о Листѣ и о необходимости замѣнить его, и заговорила о Бюловѣ. Я позволила себѣ возразить ей, что характеръ Бюлова таковъ, что можно предвидѣть постоянныя столкновенія, особенно съ медвѣжьимъ характеромъ Дингельштедта. Затѣмъ, въ политическомъ отно-

шеніи, Бюловъ противникъ маленькихъ Нѣмецкихъ государствъ, что видно изъ анонимной брошюры, вышедшей изъ подъ его пера и напечатанной въ Парижѣ. Въ ней онъ совѣтовалъ Наполеону III послѣдовать примѣру его дяди, присоединивъ къ себѣ маленькія государства Германіи. Человѣку съ такими политическими убѣжденіями невозможно было бы поступить на службу въ такомъ маленькомъ государствѣ, какъ Веймарское, что я и позволила себѣ сказать великой герцогинѣ Софіи, которая не знала, что онъ авторъ этой брошюры. Со стороны Бюлова подобная брошюра была непозволительна: какъ Нѣмецъ, онъ долженъ былъ бы сознавать, что только благодаря раздробленію Германіи, цивилизація и умственная жизнь такъ процвѣли въ ней, такъ какъ каждый владѣтельный князь старался поднять образованіе въ своемъ государствѣ выше, чѣмъ оно было у его сосѣда, и это общее ихъ соревнованіе приносило пользу ихъ подданнымъ.

4-го Марта. Насъ постигло большое горе: у нашего дорогаго отца сдѣлался первый ударъ всей лѣвой стороны тѣла, и, вѣроятно, это произошло благодаря небрежности нашего врача. Лѣтъ двадцать сряду, отецъ всегда пускалъ себѣ кровь весной и осенью. Въ эту весну врачъ, постоянно пользовавшій его, не согласился на это и потребовалъ, чтобы онъ оставилъ кровопусканіе. Вечеромъ отецъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ съ матерью и двумя дамами, а мы, дѣти, были въ залѣ съ супругами Поль; вдругъ вбѣгаетъ къ намъ одна изъ дамъ и говоритъ: «отцу вашему дурно, скорѣе за докторомъ». Пришли врачи, пустили кровь, на голову клали ледъ, который отецъ постоянно сбрасывалъ. Я ничего не понимала, что съ отцомъ, никогда до того не видавъ апоплексическаго удара. На слѣдующее утро, когда пришелъ гофмаршалъ нашей великой княгини, чтобъ узнать о здоровьи отца, онъ просилъ меня выйти къ нему, чтобы услышать отъ меня подробности о состояніи больного, и черезъ него я узнала, что у отца ударъ. Вся тяжесть нашего положенія, въ случаѣ смерти отца (о чемъ я и прежде часто думала) теперь во всемъ своемъ ужасѣ представилась передъ моими глазами. Мысль о матери, остающейся безо всякаго состоянія съ десятью дѣтьми, изъ коихъ четверо еще не окончили своего образованія, приводила меня въ отчаяніе. Въ чужомъ краю, безъ родственниковъ и соотечественниковъ, что будетъ? Мы старшіе могли кое-какъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, но младшіе оставались на рукахъ матери. Время наступало очень тяжелое.

6-го Марта. Наша великая княгиня пріѣхала къ намъ сама узнать о здоровіи своего духовника. Видѣть больного она не могла. Съ недѣлю онъ былъ безъ памяти, потомъ сталъ замѣтно поправляться. Къ счастію, погода была хорошая, и къ концу Марта мѣсяца отецъ

настолько поправился, что могъ выѣхать покататься. Предвидя, что отецъ не такъ скоро будетъ въ силахъ служить, наша великая княгиня приказала выписать изъ Висбадена священника Матѳѣевскаго, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ исполнялъ службу.

3-го Апрѣля. Наша великая княгиня пріѣхала къ отцу. Его очень мучила мысль, что онъ не можетъ исполнять требъ; но она его такъ милостиво успокоила, что онъ опять поднялся духомъ. Когда великая княгиня собиралась уѣхать, моя мать хотѣла проводить ее изъ кабинета; но великая княгиня, выйдя изъ дверей кабинета, очень быстро обернулась, заперла дверь на ключъ и положила ключъ себѣ въ карманъ, такъ что мать осталась запертою въ кабинетѣ. Мы сидѣли въ другой комнатѣ съ ея фрейлиной, Н. ф.-Мандельсло, и проводили великую княгиню до экипажа, гдѣ она возвратила намъ ключъ отъ кабинета моего отца.

11-го Апрѣля. Наша великая княгиня и мы всѣ пріобщались у протоіерея Матѳѣевскаго; отецъ пріобщался дома у себя. Это былъ первый разъ въ жизни, что̀ я принимала св. таинство не изъ руки моего отца; если бы не было божественнаго утѣшенія, кто могъ бы смягчить мою грусть? Я чувствовала, что жизнь нашего добраго отца, не смотря на временное улучшеніе, склоняется къ концу. Нельзя сказать, что̀ мы всѣ перестрадали въ послѣдніе годы его жизни.

12-го Апрѣля. Листъ дирижировалъ концертъ, въ которомъ принимали участіе нашъ пѣвческій кружокъ, члены придворнаго театра и оркестра. Первымъ было исполнено «Разрушеніе Іерусалима Титомъ», кантата поэта Эдуарда Шюллера, написанная подъ вліяніемъ стѣнныхъ рисунковъ Каульбаха въ новомъ музеѣ въ Берлинѣ, музыка Эмиля Наумана. Вторая композиція принадлежала Нильсу Гаде (Gade), «Комала», драматическая поэма Оссіана. Музыка Гаде мнѣ очень понравилась: онъ остался вѣренъ своему Скандинавскому характеру, вотъ почему его музыка типична. Эта самостоятельность композитора удивительна въ наше время, когда въ музыкѣ у молодыхъ писателей или преобладаетъ космополитическій характеръ, или ощущается Еврейскій типъ. Третья исполненная вещь была баллада А. Уланда «Проклятіе пѣвца», обработанная Рихардомъ Полемъ, музыка Р. Шумана.

Въ этотъ день я познакомилась съ молодымъ деревенскимъ органистомъ Готшалькомъ, который перомъ, дѣломъ и словомъ одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей музыки будущности. Онъ получилъ воспитаніе въ семинаріи, но по окончаніи курса съ такимъ рвеніемъ самъ по себѣ изучалъ музыку и такъ отлично знаетъ, чего хочетъ, что занимаетъ очень хорошее мѣсто среди музыкальныхъ критиковъ.

29-го Апрѣля прiѣхалъ Кавказскiй офицеръ Александръ Лазаревъ, потерявшiй во время сраженiя одну руку; надо полагать, что онъ также былъ контуженъ въ голову, потому что только при такомъ предположенiи можно объяснить его претензiи стать на одной высотѣ съ Бетховеномъ. Онъ привезъ съ собою свои партитуры, и Листъ имѣлъ терпѣнiе играть ихъ съ нимъ. Онъ часто навѣщалъ моего отца, но я всегда избѣгала находиться въ его присутствiи: такiя личности тяжело на меня дѣйствовали.

30-го Апрѣля. Вечеромъ я слышала «Преціозу» К. М. ф.-Вебера. Нельзя не сожалѣть, что такая прелестная музыка попала къ такому убiйственному либретто.

9-го мая. Одинъ актеръ-пѣвецъ, обремененный большимъ семействомъ, давалъ концертъ, въ которомъ играли двѣ ученицы Листа, А. Гундъ и Г. Тегерстрёмъ. Первая изъ нихъ такъ боялась, что было грустно на нее смотрѣть. У нея была очень тонкая музыкальная натура: такiя натуры не могутъ разсчитывать на успѣхъ у публики. Вспоминаю чтó Листъ разсказалъ мнѣ про Шопена. Шопенъ становился поэтомъ, когда игралъ на роялѣ. Прiѣхавъ въ Парижъ, онъ далъ концертъ; но публика совсѣмъ не поняла его, такъ что, видя свою неудачу, онъ рѣшилъ никогда больше не принимать участiя въ большихъ концертахъ и предался почти исключительно композицiи.

14-го Мая. Я поѣхала въ Iену навѣстить своихъ родителей, которые, для здоровья отца, должны были провести нѣкоторое время въ гористой мѣстности. Они жили тамъ у профессора Снелля (Snell); у него я увидѣла двухъ сыновей Р. Шумана, которые тамъ воспитывались. Отца я нашла укрѣпившимся, но скучавшимъ безъ дѣла.

На слѣдующiй день (15-го Мая) я уже вернулась обратно въ Веймаръ: хотѣлось-бы подольше остаться съ моими родителями, но меня требовали назадъ уроки, давать которые меня очень утомляло, такъ какъ ихъ было черезчуръ много.

Я уже сдѣлала первую попытку написать оперу и сюжетомъ для нея выбрала сказку о Лорелеѣ, текстъ которой обработалъ для меня Паске въ Дармштадтѣ. Теперь я выбрала себѣ личность для оперы «Асторга» и поручила поэту Адольфу Штерну въ Дрезденѣ написать мнѣ текстъ. Онъ выполнилъ это очень добросовѣстно; но всегда трудно, чтобы двѣ головы думали одинаково. Вотъ почему, получивъ манускриптъ, я попросила Штерна сдѣлать въ немъ нѣсколько измѣненiй, на что потребовалось опять время, а хотѣлось скорѣе работать.

16-го Мая. Были у меня Лассенъ и Таузигъ. Я съ ними просматривала тетрадь моихъ романсовъ (opus 3), которые вышли изъ печати. Они были посвящены Францу Листу, и на слѣдующій-же день я передала ихъ ему.

17-го Мая. Придя на Альтенбургъ, я застала въ музыкальномъ салонѣ Яеля (Yaell) и Таузига, которые играли симфоническую поэму Листа «Prometheus». Они играли такъ громко, что Таузигъ самъ нашелъ, что слишкомъ шумно, и они умѣрили немного свое увлеченіе и вскорѣ ушли. Листъ въ это время писалъ письма, и мнѣ пришлось немного подождать его; но вскорѣ онъ вошелъ, извиняясь, что заставилъ меня ждать. Получивъ отъ меня мой opus 3, онъ очень любезно сказалъ: «Мнѣ нравятся эти романсы, и я очень радъ назвать ихъ своей собственностью». Между разными разговорами, онъ мнѣ сказалъ про балладу, сочиненную Францемъ Дрезеке на слова Штрахвица»: «Во всей балладѣ музыкальное чувство очень благородное, особенно просто и красиво мѣсто при появленіи Брунгильды. Но для пѣнія это очень неблагодарная вещь, потому что фортепіанныя интермедіи, прорѣзающія пѣніе, слишкомъ длинны». На вопросъ Листа, поѣду-ли я въ Лейпцигъ на концерты и съѣздъ членовъ музыкальнаго общества (Tonkünstler-Versammlung), я ему отвѣчала, что, какъ членъ общества, я думала ѣхать, но, не получивъ печатнаго приглашенія, которое разослано другимъ, я не увѣрена теперь, слѣдуетъ-ли мнѣ ѣхать. На это Листъ не на шутку разсердился и сказалъ: «Это опять промахъ (maladresse) нашего друга Поля (Р. Поль былъ секретаремъ это общества), который, я васъ увѣряю, приводитъ меня въ отчаяніе. Я терпѣть не могу людей, которымъ мнѣ приходится говорить: сдѣлайте то-то и вотъ такимъ-то образомъ. Лицамъ, съ которыми я друженъ, или къ которымъ привязанъ по привычкѣ ихъ видѣть, я люблю сказать: сдѣлайте, и конецъ; Полю-же нужно все растолковывать. Но я люблю Поля: онъ талантливый человѣкъ и теперь три года, что я стараюсь ему помогать работать, и надѣюсь, что онъ чего-нибудь достигнетъ».

Это музыкальное общество, членами котораго состояли не одни только музыканты, но и лица всѣхъ сословій, интересовавшіяся музыкой, образовалось по инициативѣ Листа. Каждые два года общество это собиралось въ извѣстномъ музыкальномъ городѣ и присутствовало на цѣломъ рядѣ концертовъ, лекцій и т. д. Въ этомъ году сборнымъ пунктомъ выбранъ былъ Лейпцигъ, самый оппозиціонный пунктъ Листо-Веймарскому музыкальному направленію *).

*) Листа считаютъ Венгерцемъ, по мѣсту его рожденія (1811) въ деревнѣ Рейдингѣ. Не былъ ли онъ Венгерскимъ Словакомъ? П. Б.

Листъ показалъ мнѣ фотографію, снятую съ портрета княжны Маріи Витгенштейнъ, сдѣланнаго недавно Каульбахомъ; Листу очень понравилась его передача. Затѣмъ Листъ мнѣ сказалъ, что онъ окончилъ сочиненіе «Нагорной проповѣди», и что онъ хочетъ мнѣ ее сыграть. «Два года я ношу эту мысль въ себѣ и никакъ не могъ ее выполнить. Наконецъ недавно, по отъѣздѣ княгини, я себѣ сказалъ, что теперь я этимъ займусь, сѣлъ и написалъ, какъ вы ее теперь видите». Онъ сыгралъ и пропѣлъ мнѣ свое новое сочиненіе, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе; онъ былъ совсѣмъ блѣденъ, когда окончилъ, и сказалъ: «Въ этой вещи лежитъ вся моя душа. (Darin liegt meine ganzes Innere). Въ 10-мъ стихѣ самый высокій полетъ, потому что Царствіе Небесное ихъ. Я долго думалъ прибавить 11-й стихъ, ради одного слова, которое такъ хорошо звучитъ, но я оставилъ эту мысль: пусть оно окончится съ Царствіемъ Небеснымъ. Я выразилъ блажества только однимъ голосомъ: нѣсколько голосовъ не могутъ этого передать, такъ какъ черезъ одного только человѣка—Іисуса Христа, мы получили спасеніе. Мое призваніе писать для церкви, это лежитъ во мнѣ. Въ моей Св. Елисаветѣ вы тоже найдете подобное настроеніе, но также и свѣтскія чувства, которыя вамъ понравятся». Листу доставило большое удовольствіе, что мнѣ понравились его «Блаженства». На стѣнѣ висѣла гравюра, изображавшая Св. Франциска, подъ нею напечатанныя слова С. А. Рачинскаго, къ которымъ я написала музыку. Указывая на это, Листъ сказалъ мнѣ: «Вотъ вашъ Святой Францискъ всегда передо мною».—«Мнѣ-бы хотѣлось его переработать», сказала я ему.—«Да», замѣтилъ онъ, «сдѣлайте его проще. Это самое трудное—писать просто, не сокращая при этомъ своей мысли. Я много писалъ, пока мало-по-малу не достигъ этого. Я знаю, что надъ моими сочиненіями смѣются; но и я могу надъ ними смѣяться.»—Далѣе я замѣтила, что, по моему, теперешній протестанскій церковный стиль отклонился отъ начертаннаго правильнаго пути, начатаго главнымъ образомъ Бахомъ. Листъ отвѣчалъ, что церковная музыка Мендельсона ему нравится, хотя, по правдѣ сказать, она слишкомъ мѣщанская, т. к. она не поднимается выше обыкновенныхъ понятій. «Мнѣ, какъ католику, очень трудно писать въ протестанской землѣ; а то бы я больше писалъ для церкви, потому что католикъ скорѣе чувствуетъ, въ чемъ недостатокъ. Но если бы я вздумалъ здѣсь высказать свое мнѣніе, мнѣ бы сказали: что̀ онъ намъ толкуетъ о церковномъ пѣніи, онъ, который только пьетъ Шампанское! Извѣстно, что, будучи молодымъ человѣкомъ, Листъ очень любилъ Шампанское; но послѣ, въ сороковыхъ годахъ, онъ бросилъ эту привычку и, когда требовалось пить за чье-нибудь здоровье, онъ только дотро-

гивался до рюмки. Разговаривая про свою ученицу Ингеборкъ-Штаркъ, которая въ то время была невѣстой г. ф. Бронсара, онъ сказалъ: «Въ ней есть матеріалъ, чтобы стать маленькой блестящей звѣздой; сперва я этого отъ нея не ожидалъ. Хотя въ мысляхъ мы чужды другъ другу, и вѣроятно это всегда такъ останется, но я ей очень преданъ и надѣюсь ей доказать, какъ я уважаю ея дарованіе, хотя это можетъ быть случится только гораздо позже».

20-го Мая, въ день столѣтія со дня кончины Генделя, Листъ дирижировалъ его ораторію «Іуда Маккавей», а наше пѣвческое общество исполняло хоры.

Листъ съѣздилъ въ Лейпцигъ для предварительныхъ приготовленій къ концертамъ во время пріѣзда членовъ Tonkünstler-Versammlung. Не смотря на свое мрачное настроеніе духа, онъ не отказался отъ подобной музыкальной дѣятельности, которая по его убѣждепію была необходима для болѣе широкаго распространенія музыкальныхъ произведеній. Какъ членъ этого общества, я тоже поѣхала 30-го Мая въ Лейпцигъ съ нѣсколькими нашими знакомыми дамами.

На слѣдующій день (31-го Мая) я дѣлала визиты Лейпцигскимъ музыкальнымъ представителямъ, профессору И. Мошелесу, доктору Гертелю, Лидіи Фреге, концертмейстеру Давиду и побывала въ пансіонѣ, гдѣ жила, когда брала уроки у К. Шуманъ. Всѣ приняли меня очень мило и любезно, но вездѣ высказывалось недовѣріе къ предпріятію Листа. Старые рутинные корифеи съ понятной гордостію принимали Листа, какъ представителя новой музыкальной эры; но къ этому чувству у нихъ примѣшивалось также и опасеніе, что Листу удастся отодвинуть на задній планъ то, что̀ въ то время стояло на первомъ планѣ.

1-го Іюня праздникъ начался концертомъ, первою частью котораго управлялъ капельместеръ А. Ф. Риціусъ, а второю Ф. Листъ.

Программа была слѣдующая: I-я часть. 1) Увертюра «Морской покой и счатливое плаванье» Мендельсона; 2) прологъ—декламировала ф.-Риттеръ, рожд. Вагнеръ; 3) Duo Ф. Шуберта,—Ф. Бюловъ и Ф. Давидъ; 4) арія изъ «Бенвенуто-Челлини» Берліоза,—пѣла Роза ф.-Мильде; 5) увертюра Р. Шумана къ Манфреду. II-я часть. 1) Инструментальное введеніе къ «Тристану и Изольдѣ» Р. Вагнера (рукопись); 2) двѣ баллады Геббеля, муз. Р. Шумана, декламировала ф.-Риттеръ; 3) дуетъ изъ Fliegende Holländer Р. Вагнера, исполнила чета ф.-Мильде; 4) двѣ композиціи Шопена и Листа, исполнилъ Гансъ ф.-Бюловъ; 5) Романсы Р. Франца, исп. Роза ф.-Мильде; 6) Симфоническая поэма Листа «Tasso. Lamento e trionfo».

Появленіе такой программы въ Лейпцигѣ, гдѣ не отступили еще отъ своихъ музыкальныхъ преданій и стойко противились новымъ му-

зыкальнымъ вѣяніямъ Вагнера, Берліоза и Листа, казалось вызовомъ къ открытой войнѣ и вторженіемъ въ законныя границы города Лейпцига. Одинъ только Листъ могъ задумать такъ выступить, одинъ онъ могъ взять на себя всю отвѣтственность. Концертъ былъ исполненъ блистательно, и стали подниматься голоса не только противъ пресловутой Zukunftmusik, но и за геніальнаго ея направника.

2-го Іюня. Зашли ко мнѣ Александръ Николаевичъ Сѣровъ и С. А. Рачинскій; послѣдній часто пріѣзжалъ въ Веймаръ изъ Іены. Оба они цѣнили все хорошее и высокое въ искусствѣ и заѣхали въ Лейпцигъ, чтобы быть свидѣтелями первой болѣе сильной попытки добиться для музыки будущности гражданскихъ правъ въ Лейпцигѣ. Этотъ день начался (въ 10 $^1/_2$ часовъ) музыкальнымъ утромъ, гдѣ между прочимъ піанистъ Яель (Yaell) исполнилъ «Hommage à Händel» Игнаса Мошелеса; вещь эта была вставлена въ честь присутствовавшаго композитора.

Въ 4 часа дня хоры и солисты исполнили въ церкви Св. Ѳомы обѣдню (Гранскую) Листа. Нельзя было требовать, чтобы съ перваго раза публика могла вполнѣ оцѣнить это выдающееся сочиненіе Листа; къ тому же надо прибавить, что большая часть публики въ то время еще была предубѣждена музыкальными критиками противъ Листа. Но онъ, вполнѣ посвященный въ исторію музыки, зналъ, что каждый шагъ впередъ въ развитіи искусства приходится завоевывать и потому не падалъ духомъ. Его главной цѣлью было достигнуть сліянія разныхъ музыкальныхъ партій и центровъ, разбросанныхъ по Германіи, для одного общаго дѣйствія въ пользу развитія музыки. До того всѣ эти отдѣльные двигатели работали въ очень ограниченномъ пространствѣ, или вовсе не признавая одинъ другого, или же признавая дѣйствительно достойнымъ только то, что временемъ признано было классическимъ.

Изо всѣхъ музыкальныхъ очаговъ одинъ только Веймаръ подвигался впередъ и признавалъ достойными композиторовъ ранѣе, чѣмъ они, надломленные борьбой, отходили на вѣчный покой. Такому маленькому государству, какъ Тюрингенское, не разъ суждено было быть колыбелью историческихъ реформъ и точкою исхода религіознаго, словеснаго и художественнаго развитія. Стóитъ только вспомнить происходившій въ средніе вѣка созывъ и соперничество миннезингеровъ на Вартбургѣ; тамъ же оказанное убѣжище Мартину Лютеру, для перевода имъ Библіи и распространенія протестантизма; царствованіе Карла Августа, окружившаго себя въ Веймарѣ литературными свѣтилами Германіи, которыя возродили Нѣмецкую литературу; наконецъ, музыкальную борьбу новѣйшихъ временъ въ Веймарѣ подъ руководствомъ

Листа, для ознакомленія и упроченія музыкальной драмы Вагнера и исходящаго изъ нея новаго направленія музыкальныхъ сочиненій. Для достиженія этой цѣли образовался и присоединился къ Листу кругъ музыкальныхъ критиковъ, которые стояли за музыкальную драму и словомъ и перомъ прокладывали ей путь. Они въ большомъ числѣ собрались въ ретроградный Лейпцигъ на «Tonkünstler-Versammlung», гдѣ 3-го Іюня было два собранія, одно утромъ, другое вечеромъ; на собраніяхъ этихъ читали лекціи, которыя окончились двумя лекціями А. Н. Сѣрова.

Предложенныхъ лекцій было слишкомъ много для назначеннаго времени, и изъ нихъ я слышала только чтеніе Ф. Бренделя («Путь къ единенію») и Вайцмана («Исторія гармоніи и ея главнѣйшіе моменты»), которыя читались 3-го Іюня, а вечеромъ того же дня слушала мессу І. С. Баха, для соло, хоровъ (пятиголосный), оркестра и органа. Благодаря трудности исполненія, очень рѣдко удается слышать большое сочиненіе Баха, и я была очень рада возможности присутствовать, во второй разъ, при ея исполненіи, подъ управленіемъ директора музыки К. Риделя. Мессу эту ежегодно исполняютъ въ Лейпцигѣ въ Великую Пятницу; но, сколько мнѣ извѣстно, это единственный городъ, который постоянно такъ чтитъ память великаго музыкальнаго генія. Ни до, ни послѣ Баха не было другого протестантскаго церковнаго писателя, подобнаго ему: онъ стоитъ среди всѣхъ, какъ гигантъ, и едва ли нашъ, раздробляющій человѣческія способности, вѣкъ дастъ кому-либо необходимую сосредоточенность силъ, ту стойкость вѣры и тѣ, хотя и весьма тяжелыя, особенности жизненныхъ обстоятельствъ, которыя способствовали Баху подняться на высшую ступень церковнаго писателя. Мессу онъ сочинилъ съ Латинскими словами, для бóльшаго пониманія ихъ перевели, и ее поютъ по-нѣмецки; но для этого требуются музыкальная почва и знаніе отъ исполнителей. Двѣ части этой мессы «Kyrie» и Gloria» Бахъ сочинилъ въ 1733-мъ году, для Дрезденскаго двора, чтобы получить чинъ придвораго сочинителя курфюрста Саксонскаго. При исполненіи сочиненій Баха со стороны слушателей требуется большое вниманіе: если не стараться слѣдить и припоминать главныхъ мотивовъ въ началѣ всякой части, то, при удивительной ихъ разработкѣ, въ головѣ слушателя образуется такое хаотическое море звуковъ, что, вмѣсто возвышеннаго чувства, онъ сохранитъ о выслушанномъ очень неудовлетворенное чувство.

4-го Іюня. Классическое чувство, возбужденное вчерашнимъ исполненіемъ чудной композиціи Баха, смѣнилось сегодня музыкальнымъ утромъ, на которомъ исполняли сочиненія разныхъ композиторовъ, большей частью новѣйшихъ временъ. Между прочимъ играли: Гансъ

ф.-Бюловъ, игра котораго, по своей отчетливости, всего болѣе подходитъ къ сочиненіямъ классическаго характера; Давидъ, въ то время имѣвшій одного лишь соперника въ классической игрѣ на скрипкѣ І. Іоахима; братья Мюллеръ, составлявшіе извѣстный Мейнингенскій квартетъ братьевъ Мюллеръ. Безукоризненный ансамбль ихъ игры могъ быть достигнутъ только союзомъ четырехъ братьевъ, неразлучно жившихъ вмѣстѣ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучавшихъ и передававшихъ всевозможныя квартетныя произведенія. Они вполнѣ заслужили пріобрѣтенную ими славу:

Послѣ музыкальнаго утра было еще нѣсколько чтеній, но я берегла свои силы для того, чтобы выслушать оперу Р. Шумана «Геноѳева», которая составляла достойное окончаніе Лейпцигскаго праздника. Эта единственная опера Шумана содержитъ въ себѣ такія музыкальныя красоты, что всякій, кто любитъ музыку, всегда съ особымъ удовольствіемъ будетъ ее слушать, несмотря на очень слабое либретто, переполненное недостатками сценическаго интереса.

Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ Лейпцига, было чувство, что, хотя дозволили и потерпѣли вторженіе Zukunftmusik на Лейпцигскую классическую музыкальную почву, но до сліянія этихъ партій еще далеко. Всякая принудительная мѣра только обостряетъ обоюдныя отношенія; насиловать ихъ нельзя, это просто вопросъ времени. Стоитъ только вспомнить борьбу Пиччинистовъ и Глюкистовъ и время Монтеверде, когда не только сражались перомъ, но доносы, ядъ и кинжалъ вмѣшивались въ музыкальную войну.

5-го Іюня. На возвратномъ пути въ Веймаръ большая часть общества остановилась въ Мерзебургѣ, чтобы послушать тамъ игру органиста Энгеля на вновь исправленномъ органѣ, который дѣйствительно изящный инструментъ. Энгель игралъ хорошо и не дозволялъ себѣ воспроизводить на этомъ величественномъ инструментѣ никакихъ музыкальныхъ пошлостей, а строго придерживался его церковнаго назначенія. Но какъ хорошо ни игралъ Энгель, въ моихъ ушахъ звенѣла и вспоминалась игра профессора Тёпфера въ Веймарѣ. Въ мое время онъ былъ самый выдающійся органистъ. Онъ учился фортепіанной игрѣ у Гуммеля и подражалъ своему учителю, свободно фантазируя. При всякой возможности я не упускала случая быть въ протестантской церкви во время богослуженія, чтобы слышать его чудныя, возвышающія душу, импровизаціи на органѣ. Теперь этого не услышишь; по крайней мѣрѣ я не встрѣчала подобнаго дарованія.

11-го Іюня. Вечеромъ собрались у меня И. и Э. Штаркъ, Э. Генастъ, А. Гундъ, г-жа Поль съ мужемъ, Э. Лассенъ, г. ф.-Бронсаръ, Таузигъ и Эльвира Бергаузъ. Въ этотъ вечеръ, кромѣ пріятныхъ раз-

говоровъ, занимались много музыкой, и вообще всѣ были въ самомъ веселомъ настроеніи духа, за исключеніемъ меня; хотя а старалась казаться веселой, но въ душѣ была очень озабочена опасеніями о здоровьи моего отца.

12-го Іюня. На музыкальномъ утрѣ на Альтенбургѣ. Послѣ обѣда мы собрались у г-жи Поль, гдѣ были Листъ, его дочь Козима ф.-Бюловъ, Э. Генастъ и Э. Бергаузъ. Двѣ послѣднія пѣли романсы Листа и разные мои печатные и рукописные. Любезный и разговорчивый Листъ, со своими интересными разсказами, всегда становился центромъ оживленія и разговора.

21-го Іюня. Я изучала съ Листомъ его симфоническую поэму «Die Ideale», которую онъ сыгралъ со мною въ четыре руки. Основой этого сочиненія служитъ поэма Шиллера «Die Ideale» и выписки изъ нея напечатаны, какъ мотто, въ началѣ разныхъ музыкальныхъ частей сочиненія Листа. Благодаря тому, что мысль, руководившая композиторомъ, когда онъ писалъ тему, выставлена, все сочиненіе ясно развивается передъ глазами играющаго и легко становится для него понятнымъ; если нѣкоторые не хотятъ понимать и говорятъ о хаотическомъ сочиненіи, то такъ могутъ говорить только изъ тенденціи люди, не желающіе трудиться надъ изученіемъ такой наглядной конструкціи и ясной композиціи, какъ «Die Ideale» Листа.

19-го Іюня. Наконецъ наши родители и сестры вернулись изъ Ильменау. Отецъ былъ еще очень слабъ, хотя общее состояніе его здоровья улучшилось. Такъ грустно было видѣть, какъ человѣкъ полный силъ и ума, благодаря физическимъ страданіямъ, сидитъ обреченный на бездѣйствіе, которое для отца моего было хуже всего. Онъ тосковалъ по работѣ, но врачи строго воспретили ему всякое занятіе. Онъ вернулся, желая отслужить для нашей великой княгини обѣдню и молебенъ въ день рожденія великаго герцога Карла Александра, 24-го Іюня. Вечеромъ мы узнали, что наша великая княгиня, жившая всегда въ Бельведерѣ, не такъ здорова, что всегда давало поводъ безпокоиться. Впрочемъ, она писала отцу, что нѣтъ ничего особеннаго.

Великій герцогъ Карлъ-Александръ съ семьей проводилъ лѣто въ загородномъ дворцѣ «Ettersburg». Такъ какъ я давала уроки музыки его дочери, принцессѣ Маріи, то для этого за мной разъ въ недѣлю присылали придворный экипажъ.

Вторая дочь гросгерцога, принцесса Анна-Софія, рѣдко одаренный ребенокъ и съ очень добрымъ сердцемъ, была тоже моей ученицей и доставляла мнѣ много удовольствія своимъ прилежаніемъ и дарованіемъ. 26-го Мая этого (1859) года она скончалась отъ воспаленія мозга. Родители ея, совершенно успокоенные врачемъ, уѣхали

на недѣлю въ Дрезденъ и едва успѣли вернуться къ ея смерти. Гросъ-герцогъ много плакалъ въ послѣдній день ея жизни и былъ безутѣшенъ, что̀ совсѣмъ не въ его характерѣ. Гросгерцогиня выказала много силы воли и во все время тридцатичасовой ея агоніи сдерживала свое горе; но когда она закрыла глаза своей дочери, все горе ея прорвалось съ неудержимой силой. Наша великая княгиня, очень любившая свою внучку, очень по ней грустила, но несла эту скорбь съ христіанской покорностью.

23-го (11) Іюня, въ половинѣ пятаго, я выѣхала изъ Эттерсбурга, гдѣ давала урокъ принцессѣ Маріи. По шоссе меня перегнала гросъ-герцогская чета, ѣхавшая по направленію къ городу; это меня очень удивило, такъ какъ часъ ихъ обѣда былъ пять часовъ, и это было наканунѣ дня рожденія великаго герцога. Но едва доѣхала я до дому, какъ къ отцу моему изъ Бельведера пріѣхалъ гусаръ съ грустною вѣстью, что наша великая княгиня Марія Павловна неожиданно скончалась отъ удара, въ 5 ч. 15 м. пополудни. Вѣсть эта удручающимъ образомъ поразила всѣхъ насъ своей неожиданностью. Кромѣ личной скорби, мы еще боялись за отца, который только-что немного поправился. Мы съ нимъ сейчасъ же поѣхали въ Бельведеръ гдѣ скончалась великая княгиня. Войдя въ опочивальню новопреставленной, мы нашли ее лежащую на постели, съ выраженіемъ удивительнаго спокойствія. Вокругъ нея были и Русскія и Нѣмецкія камерфрау и камерюнгферы, которыя кончали ея туалетъ. Стали искать образъ, чтобы положить ей въ руки, но его нигдѣ не оказалось: она не дозволяла вѣшать ихъ у себя, не желая давать поводъ неумѣстнымъ толкованіямъ въ протестантской землѣ.

Когда собралась маленькая Русская колонія, вышла гросгерцогская чета, и началась первая панихида, во время которой горячія слезы лились въ память истинной матери своего второго отечества.

25-го Іюня пріѣхали: дочь покойной великой княгини, принцесса Августа съ супругомъ своимъ принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ (впослѣдствіи императоромъ); ихъ дочь гросгерцогиня Луиза Баденская, и ночью великая княгиня Марія Николаевна, Марія Максимильяновна и принцесса Викторія Прусская. Ночью бренные останки перевезли въ домовую церковь, находившуюся въ нашемъ домѣ; по волѣ усопшей, гробъ былъ закрытъ, и народъ допускался отъ 4-хъ до 8-ми часовъ вечера. Для отпѣванія прибыли протоіерей Янышевъ изъ Висбадена и И. И. Базаровъ изъ Штутгарта.

27-го Іюня. Въ 6 часовъ утра началась заупокойная обѣдня, а въ 8 ч. утра, при громадномъ стеченіи народа, послѣдовалъ выносъ тѣла изъ нашей церкви, и гробъ перевезли на протестантское кладби-

ще, гдѣ онъ былъ временно установленъ въ гросгерцогской усыпальницѣ. Въ $6^1/_2$ часовъ вечера того же дня гросгерцогиня Софія вызвала меня къ себѣ въ Бельведеръ и своимъ теплымъ участіемъ старалась успокоить насъ. Дѣйствительно, положеніе наше было болѣе, чѣмъ тяжелое. Отецъ былъ такъ слабъ, что переѣхать съ нимъ въ Россію было немыслимо, а что̀ будетъ съ нашимъ большимъ семействомъ, если онъ закроетъ глаза?

28-го Іюня. Видѣлась съ Листомъ, который послѣднее время, благодаря бракоразводному дѣлу княгини Виттгенштейнъ, всё болѣе и болѣе противъ всѣхъ ожесточался.

4-го Іюля. Послѣ обѣда И. Штаркъ, А. Гундъ и я были у Листа. Онъ намъ сыгралъ свое переложеніе «Stabat Mater» и «La Charité» Россини, потомъ просмотрѣлъ одно «Andante», написанное И. Штаркомъ, а затѣмъ балладу, написанную мною на слова А. Бубе. Листъ всегда радовался, когда, бывало, кто-нибудь изъ его учениковъ напишетъ что-нибудь новое. Увидя мою балладу, онъ сыгралъ ее съ большимъ интересомъ и, когда кончилъ, обернулся ко мнѣ и говоритъ: «dove?» *) Затѣмъ, взявъ красный карандашъ, который всегда у него былъ наготовѣ, онъ сдѣлалъ нѣсколько гармоническихъ измѣненій. Я напечатала эту балладу послѣ того.

15-го Іюля. Утромъ я поѣхала въ Вильгельмсталь, занималась тамъ съ герцогиней Маріей и затѣмъ была у великой герцогини Софіи, а 17-го вернулась въ Веймаръ. Въ этотъ день въ протестанской церкви была служба въ память нашей великой княгини. Потомъ была я у Листа. Назерони изъ Неаполя игралъ у него свои: Тарантелу, фантазію и финалъ оперы; музыка его очень легкая и совсѣмъ не подходившая къ Веймарскому духу. Послѣ этого Листъ сѣлъ за рояль и съ Ф. Бренделемъ сыгралъ въ 4 руки Тарантеллу Бренделя и свой маршъ, и затѣмъ одинъ—свое переложеніе пѣсенъ Шопена. На слѣдующій день вечеромъ пѣла у меня г-жа Лаврова, которая въ 1857-мъ году участвовала въ моемъ концертѣ въ Петербургскомъ Университетѣ. У нея было звучное сопрано и школа Итальянская. Листъ игралъ великолѣпно и, какъ всегда, всѣхъ очаровалъ.

19-го Іюля. Ко мнѣ зашелъ Листъ, и затѣмъ мы вмѣстѣ пошли къ А. Гундъ, гдѣ Э. Бергаузъ спѣла нѣкоторые изъ его романсовъ.

20-го Іюля. Урокъ у Листа. Онъ игралъ свою Тарантеллу изъ «Фенеллы» Обера; И. Штаркъ сыграла свое Andante. Листъ далъ мнѣ на домъ свои симфоническія поэмы въ 4 руки, чтобы я сдѣлала ихъ корректуру.

---

*) До тѣхъ поръ я писала только или духовныя вещи, или маленькіе лирическіе романсы.

22-го Іюля. Я поѣхала въ Ильменау, гдѣ мои родители, для здоровья отца, проводили остальную часть лѣта: надѣялись, что горный воздухъ и сосновый лѣсъ укрѣпятъ его слабый организмъ. Врачъ предписалъ большія прогулки, и мы, сколько было возможно, скитались по чуднымъ лѣсамъ и конечно не преминули посѣтить охотничій домикъ великаго герцога Карла Августа, который вмѣстѣ съ Гёте уединялся въ этомъ домикѣ, гдѣ на оконномъ стеклѣ Гёте вырѣзалъ свои чудные стихи «Ueber allen Wipfeln ist Ruh».

26-го Іюля я вернулась въ Веймаръ и, пробывъ тамъ два дня, 28-го поѣхала въ Вильгельмсталь, гдѣ гросъ-герцогиня желала, чтобы я провела у нея нѣкоторое время. Но этому не было суждено исполниться: пришло грустное извѣстіе о печальномъ состояніи здоровья моего брата Ивана, ожидали его пріѣзда въ Веймаръ, а также и возвращенія туда моихъ родителей; все это требовало моего возвращенія въ Веймаръ. Великая герцогиня Софія при этомъ выказала столько горячаго участія, что я все больше и больше къ ней привязывалась.

29-го Іюля. Ихъ высочества взяли меня съ собою на Вартбургъ, гдѣ мы завтракали въ Sängerhalle. Какъ это все художественно и чудно исправлено и возстановлено по имѣющимся рисункамъ!

30-го Іюля вечеромъ я вернулась въ Веймаръ, чтобы встрѣтить моихъ родителей, которые вскорѣ пріѣхали изъ Ильменау.

31-го Іюля. Посѣтилъ меня Листъ; вечеромъ зашли ко мнѣ И. Штаркъ съ сестрою и Э. Лассенъ. Всѣ раздѣляли наше горе о бѣдномъ братѣ, котораго всѣ очень любили. *)

Отецъ настолько окрѣпъ, что въ сороковой день (1-го Августа) отслужилъ панихиду по нашей усопшей великой княгинѣ, а 3-го Августа царскій молебенъ. Вообще всѣ дни, въ которые совершались службы при жизни нашей великой княгини, соблюдались и теперь.

5-го Августа была опять панихида, на которой присутствовалъ гросъ-герцогъ, и его высочество былъ такъ милостивъ, что дозволилъ моему батюшкѣ вернуться въ Ильменау, такъ какъ погода стояла теплая и хорошая.

11-го Августа. Все обычное музыкальное общество собралось у Листа, чтобы слушать, какъ онъ будетъ играть сочиненія присутствовавшаго при этомъ А. Лазарева, который страшно ему надоѣдалъ.

15-го Августа были именины молодой княжны Виттгенштейнъ; я пришла ее поздравить и осталась у нихъ на déjeuner dînatoire. Кромѣ Лассена не было никого изъ постороннихъ. Княжна была помолвлена за князя Константина Гогенлоэ, младшаго брата герцога Ра-

---

*) У него одновременно начались чахотка и умственное разстройство. *Е. Т.*

тибора и кардинала Гогенлоэ. Всѣ, знавшіе княжну, очень жалѣли, что она покидаетъ Веймаръ: она какъ бы вносила поэзію на Альтенбургъ. Въ этотъ вечеръ у княгини Витгенштейнъ приглашены были всѣ выдающіеся художники, какъ Преллеръ, Дженелли и др. и весь музыкальный кружокъ Листа. Между прочими вещами пропѣли «Блаженства» и «Св. Франциска» Листа.

19-го Августа пріѣхалъ несчастный братъ мой. Онъ былъ спокоенъ, но врачъ требовалъ, чтобы отъ него было удалено все, что̀ могло бы служить орудіемъ для самоубійства, такъ что столъ у насъ накрывался безъ ножей, и все похожее на оружіе было спрятано. Онъ казался совсѣмъ спокойнымъ, но въ мысляхъ его было полное затменіе, хотя онъ узнавалъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ друзей, напримѣръ Листа, который пришелъ его навѣстить.

Нашъ Веймарскій врачъ настаивалъ на необходимости помѣстить его въ заведеніе для душевно-больныхъ. На мою долю выпала тяжелая обязанность сопровождать его къ доктору Герцу, близъ Штетерица въ Саксоніи. Пріѣхавъ туда, я въ первый разъ въ жизни провела вечеръ въ многочисленномъ обществѣ душевно-больныхъ, которые, собравшись въ гостиной, играли, пѣли и т. д. Господи! Какое это на меня произвело грустное, удручающее впечатлѣніе, по сей день не могу его забыть. Простившись съ братомъ, я уѣхала безъ малѣйшей надежды на его выздоровленіе, такъ какъ кромѣ умственнаго разстройства у него развивалась и чахотка. Дѣйствительно, онъ прожилъ еще всего полгода и не приходилъ въ себя съ возвращенія своего изъ Рима.

Въ концѣ Сентября нашъ бѣдный больной вернулся къ намъ изъ Лейпцига. Врачъ прислалъ его, такъ какъ приступы отчаянія прошли; но умъ его затуманился еще больше, и онъ было такъ слабъ, что больше не вставалъ съ постели. Что̀ особенно тяжело подѣйствовало на моихъ родителей, это что, за исключеніемъ сестры Магдалины, которая ухаживала за нимъ съ помощью сидѣлки, онъ никого изъ насъ не хотѣлъ видѣть. Онъ не допускалъ къ себѣ ни родителей, ни сестеръ, ни братьевъ и, когда мы его посѣщали, бывалъ въ такомъ волненіи, что докторъ запретилъ намъ входить къ нему и, зная, что подобныхъ больныхъ всего болѣе раздражаетъ видъ ихъ близкихъ, мы не смѣли болѣе пытаться его видѣть и увидѣли его только въ послѣдніе часы его жизни. Когда я вернулась, исполнивъ возложенное на меня трудное положеніе, Листъ посѣтилъ насъ, желая узнать, какъ я это перенесла. Вообще во всѣхъ слояхъ общества намъ было выказано большое сочувствіе.

3-го Сентября. У насъ опять былъ Листъ съ молодой княжной Виттгенштенъ и съ ея вѣрной воспитательницей, miss Андерсонъ.

4-го Сентября. Лазаревъ принесъ Листу на разсмотрѣніе свою партитуру «Цвѣты», написаную, по его словамъ, въ новомъ направленіи Славянской музыки. Это была такая чепуха, что о ней лучше молчать. Въ этотъ день на музыкальномъ утрѣ Листа присутствовалъ поэтъ Ф. Геббель, умный, живой собесѣдникъ.

8-го Октября. Моего отца навѣстилъ извѣстный книгоиздатель г. Брокгаузъ. Въ болѣзненномъ своемъ состояніи и безпокойствѣ о будущности дѣтей, отецъ только и думалъ о продажѣ своей большой библіотеки, въ которой особенно обширные и рѣдкіе были отдѣлы историческій и богословскій. Библіотеку эту онъ собиралъ въ теченіе почти полъ-вѣка. Сначала онъ предложилъ ее С.-Петербургской духовной Академіи и Библіотекѣ; но ему отвѣчали отказомъ. Тогда онъ сошелся съ Брокгаузомъ, который за безцѣнокъ, около тысячи рублей, пріобрѣлъ ее для Нью-Іорка. Грустно было смотрѣть на упаковку и отправку этихъ книгъ, изъ которыхъ многія составляли наше любимое чтеніе во дни юности и дороги были намъ по воспоминаніямъ; къ этому числу принадлежали всѣ описанія путешествій и сочиненія историческія и литературныя.

9-го Октября. Музыкальное утро у Листа. Между прочимъ онъ сыгралъ свою музыку къ Festspiel Фр. Гольма, «Сто лѣтъ назадъ», ко дню столѣтняго юбилея со дня рожденія Шиллера. Листъ сочинялъ музыку къ поэмѣ, влагая подходящія народныя пѣсни. Ген.-интенд. Дингельштедтъ сдѣлалъ проектъ празднества, состоявшій изъ представленія лучшими актерами Германіи всѣхъ драматическихъ сочиненій Шиллера, въ хронологическомъ порядкѣ, какъ онѣ были написаны. Но въ Ноябрѣ всѣ театры обыкновенно уже начинаютъ свой зимній сезонъ, и всѣ артисты должны быть на своихъ мѣстахъ, поэтому отпускъ лучшихъ актеровъ въ Веймаръ могъ встрѣтить затрудненія, и ради этого рѣшили перенести праздникъ на Іюнь мѣсяцъ, во время лѣтнихъ каникулъ. Къ тому же день рожденія великаго герцога Карла Александра, покровителя предполагаемаго праздника, 24-го Іюня. Рѣшено было играть по слѣдующей программѣ: 11-го «Разбойники»; затѣмъ освѣщеніе памятника Гёте и Шиллера передъ театромъ и факельное шествіе отъ театра къ дому Шиллера, а затѣмъ ко дворцу; 13-го Іюня «Фіески»; 15-го «Кабала и Любовь»; 17-го «Донъ Карлосъ»; 19-го «Колоколъ», какъ лирическій эпизодъ съ живыми картинами и музыкой и съ эпилогомъ къ нему Гёте, и «Лагерь Валленштейна»; 21-го «Пикколомини» и 22-го «Смерть Валленштейна»; 24-го «Марія Стюартъ»; 26-го «Орлеанская дѣва»; 28-го Мессинская невѣста»; 30-го «Вильгельмъ Телль», съ написаннымъ по этому случаю прологомъ, музыку къ которому сочинилъ Францъ Листъ; а затѣмъ должны были исполнить

9-ю симфонію Бетховена. Въ дальнѣйшемъ офиціальномъ объявленіи читали слѣдующія характеристичныя слова, имѣвшія отношеніе къ распрѣ между Листомъ и Дингельштедтомъ: «Ясно, что гросъ-герцогскій Веймарскій генералъ-интендантъ придворнаго театра и придворной капеллы не желаетъ и не можетъ изъ этого предпріятія дѣлать финансовую спекуляцію, но излишекъ дохода назначаетъ пополамъ въ пользу учрежденій Шиллера и Общества постоянства, Perseveranz *)». Далѣе Дингельштедтъ предполагалъ, что пріѣзжіе актеры не потребуютъ вознагражденія, соотвѣтствующаго ихъ славѣ, но всѣ согласятся принять за вечеръ по 50 талеровъ за роль; а такъ какъ предполагалось, что каждый выступитъ по три раза, то назначенный гонораръ покроетъ издержки путешествія и пребыванія въ Веймарѣ. Но въ случаѣ, если почетное вознагражденіе интенданства окажется недостаточнымъ для актеровъ, «великій герцогъ предоставляетъ себѣ право, по своему благоусмотрѣнію, выразить высочайшую признательность дополненіемъ недостаточнаго вознагражденія». Но эти, предполагавшіяся въ Веймарѣ, большія празднества отложены были ради общаго траура, по случаю кончины великой княгини Маріи Павловны. По всей Германіи 10-го Ноября праздновали столѣтній день рожденія Шиллера; въ Веймарѣ же ограничились шествіемъ къ гросъ-герцогскому мавзолею, гдѣ покоятся бренные останки Шиллера. Въ театрѣ дали его драму «Die Braut von Messina» и освѣщали его домъ.

14-го Октября. Кружокъ почитателей молодой княжны Маріи Витгенштейнъ, передъ отъѣздомъ ея изъ Веймара, поднесъ ей (черезъ меня), на память, большой альбомъ со стихами, рисунками и музыкальными сочиненіями. Это было наканунѣ ея свадьбы съ княземъ Константиномъ Гогенлоэ, и она совсѣмъ переѣзжала на жительство въ Вѣну. Объ отъѣздѣ ея искренно сожалѣли всѣ ее знавшіе; на собраніяхъ княгини Виттгенштейнъ она была поэтична, какъ цвѣтокъ, и вокругъ нея группировались всѣ любители изящнаго и цивилизаціи.

15-го Октября свадьба ея состоялась въ католической церкви. Она страстно любила свою мать и Листа, и ей стоило горькихъ слезъ разлука съ этимъ очагомъ ея юности. Впослѣдствіи князь Константинъ Гогенлое сдѣлался гофмаршаломъ Австрійскаго двора и, такъ какъ они жили въ Вѣнѣ, то каждый разъ, что мнѣ случалось тамъ бывать проѣздомъ, я неминуемо посѣщала княгиню.

15-го Октября. Я уѣхала въ Ейзенахъ, гдѣ провела недѣлю у Анны фонъ Ейхель, и вернулась въ Веймаръ 22-го Октября, въ день рожденія Листа. Отъѣздъ княжны Виттгенштейнъ былъ еще слишкомъ

*) Литературное общество.

близокъ, и Листъ предпочелъ провести вечеръ у насъ, въ тѣсномъ кругу друзей; кромѣ него были Лассенъ, Козима фонъ-Бюловъ (дочь Листа) и miss Андерсенъ.

9-го Ноября. Электричество, которое четверть вѣка спустя произвело такой сильный переворотъ въ промышленности и вообще въ жизни, являлось какой-то новинкой. Передъ театромъ устроили электическое солнце и показывали его за деньги.

14-го Ноября. Я поѣхала въ Цвикау, родной городъ Р. Шумана, чтобы участвовать въ концертѣ тамошняго музыкальнаго кружка. На станціи желѣзной дороги я была встрѣчена членомъ комитета докторомъ Менціусомъ, Листомъ, Ф. Риттеръ (рожд. Вагнеръ) и ея мужемъ.

По окончаніи Прометея съ восторгомъ привѣтствовали Листа. Концертъ былъ удачный, и благодарная публика Цвикау чествовала Листа серенадой.

Городъ Цвикау извѣстенъ каменноугольными копями и своими желѣзными издѣліями и фабриками. Для насъ устроили интересное зрѣлище, показавъ намъ, какъ сплавляютъ рельсы. Въ громадномъ помѣщеніи весь полъ былъ устланъ формами рельсъ, для принятія расплавленнаго металла изъ печи, находящейся на одномъ концѣ помѣщенія. Когда мы вошли въ залу, въ ней было холодно; но какъ только что открыли двери печи и изъ нея во всѣ формы разлилась широкая полоса огненной массы, стало тропически жарко. Видъ этой разливающейся огненной массы имѣлъ что-то величественное. Вскорѣ мы оставили это помѣщеніе, такъ какъ невозможно было дышать. Радушный хозяинъ фабрики показалъ намъ свои пальмовыя оранжереи, устроенныя надъ литейнымъ заводомъ, для отопленія которыхъ пользуются излишнимъ жаромъ фабрики; этотъ жаръ способствуетъ выращиванію такихъ экземпляровъ, какіе рѣдко можно встрѣтить.

17-го Ноября. Мы разстались со своими радушными хозяевами: Риттеръ съ женою возвратился въ Дрезденъ, а Листъ и я въ Веймаръ.

26-го Ноября. Таузигъ вернулся изъ Украйны и вечеромъ пришелъ къ намъ съ Листомъ. Послѣдній его очень любилъ и относился къ нему, какъ отецъ къ сыну, отлично понимая и предчувствуя, какъ геніально можетъ развиться его талантъ. На слѣдующій день на музыкальномъ утрѣ у Листа игралъ и Таузигъ; не могу сказать, какъ величественно онъ сыгралъ фантазію (F-moll) Шопена: это было гигантское цѣлое.

1-го Декабря. Листъ и Таузигъ были у меня. Я должна была ѣхать въ Эрфуртъ, чтобы играть въ концертѣ, который давали, чтобы почтить память умершаго музыкальнаго ветерана, скрипача Л. Шпора

Тяжело было на душѣ, тѣмъ болѣе, что наканунѣ у несчастнаго больного брата моего Ивана было сильное кровохарканье; а между тѣмъ необходимо было думать о томъ, какъ бы какъ можно больше развить свои музыкальныя способности, а узнать свои силы можно только представивъ ихъ на судъ публики. Чтобы мнѣ не было слишкомъ одиноко, моя сестра Магдалина и братъ Андрей пріѣхали къ концерту, который сошелъ очень благополучно.

Гросъ-герцогиня Софія прислала ко мнѣ свою фрейлину, чтобы сообщить мнѣ о смерти Т. фонъ-Шеве, мужа моей подруги Тони; извѣстіе это поразило меня какъ громомъ.

13-го Декабря. Изъ Парижа пришла депеша о смерти богато-одареннаго сына Листа, Даніэля, скончавшагося отъ чахотки. Въ тотъ же вечеръ у моей сестры Нади сдѣлался сильный припадокъ крупа; въ теченіе почти цѣлой недѣли возобновлялось задыханіе, и она была между жизнью и смертью, а когда поправилась, на всю жизнь осталась съ хриплымъ голосомъ.

26-го Декабря. Я поѣхала въ Ейзенахъ, гдѣ на слѣдующій день былъ концертъ, въ которомъ пѣли мою Св. Елизавету, писанную для хора и соло. Кромѣ того пѣла Э. Генастъ, игралъ скрипачъ Грюнъ со мною и я одна.

27-го Декабря. Я посѣтила Вартбургъ; и зданіе, и окрестности такъ поэтично настраиваютъ.

28-го Декабря. Была у г-жи Швендлеръ, рожд. Галаховой, жившей всегда въ Ейзенахѣ, а вечеромъ вернулась въ Веймаръ.

31-го Декабря. Утромъ Листъ приходилъ поздравить моего отца со днемъ рожденія. Вечеромъ мы зажгли ёлку, которую до того дня все откладывали по случаю болѣзни Нади. Теперь, благодаря Бога, она была уже на ногахъ, и рѣшили въ этотъ вечеръ порадовать ее ёлкой. Сюрпризомъ явился къ намъ Листъ и своей любезностью немало содѣйствовалъ пріятному проведенію вечера.

ГЕТЕ О РУССКИХЪ ИКОНАХЪ.

Веймарское изданіе сочиненій Гёте, предпринятое съ 1887 года, подъ покровительствомъ недавно умершей гросгерцогини Саксенъ - Веймарской, Софіи, задалось цѣлью собрать все вышедшее изъ подъ пера Гёте, что только уцѣлѣло. Въ это изданіе входятъ сочиненія Гёте въ стихахъ и прозѣ, со всѣми разночтеніями, имѣющимися въ прежнихъ изданіяхъ и въ сохранившихся рукописяхъ, собранныхъ Веймарскимъ Гётевскимъ Архивомъ, труды Гёте по естествознанію, всѣ его дневники и всѣ письма. По безукоризненной точности текста и по полнотѣ разночтеній (при чемъ указываются даже вычеркнутыя запятыя), изданіе это можетъ служить примѣромъ трудолюбія, внимательности и любовнаго отношенія къ великому писателю. Оно было разсчитано на 122 тома, но въ настоящее время еще далеко не закончено и, вѣроятно, превысить 150 томовъ. Каждый изъ вновь появляющихся томовъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ страницъ, впервыя появляющихся въ печати, при чемъ предъ читателями выступаетъ во всемъ объемѣ неутомимая дѣятельность мысли Гёте, обращенной на самые разнообразные, порой самые неожиданные, предметы. Между прочимъ въ одной изъ послѣднихъ книгъ (49, 2, Paralipomena, стр. 238—239) напечатаны найденныя въ бумагахъ Гёте замѣчанія его о Русскихъ иконахъ (Russische Heiligenbilder). Подлинная рукопись представляетъ собой листъ in-quarto, исписанный рукою Іона (Iohn), съ собственноручными поправками Гёте, безъ означенія года и числа. Іонъ былъ секретаремъ Гёте въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ.

*

Въ городѣ Суздалѣ, нѣкогда главномъ городѣ губерніи, а теперь принадлежащемъ къ губерніи Владимирской, изготовляются, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ деревняхъ окрестнаго уѣзда, тѣ изображенія, которыя могутъ быть названы не столько предметомъ Русскаго богослуженія, сколько внѣшнимъ побужденіемъ къ нему. Эти священныя изображенія пишутся на деревянныхъ дощечкахъ, выливаются полувыпукло изъ металла, гравируются рѣзцомъ, покрываются лакомъ, вѣроятно и вырѣзываются изъ дерева. Изготовляются ли тамъ же и цѣлыя статуи святыхъ? Сомнительно, такъ какъ Петръ Великій запретилъ статуи къ церквахъ.

Желательно получить объ этихъ предметахъ болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ относительно ихъ изготовленія и числа людей, занятыхъ имъ, такъ

и о томъ, насколько торговля этими произведеніями можетъ быть значительною отраслью промышленности.

Нельзя ли узнать, какъ давно подобное заведеніе находится въ данной мѣстности? Существуютъ ли еще Греческія иконы, которыя при работѣ служатъ образцами? Отличаются ли между Суздальцами выдающіеся художники? Все ли производится тамъ въ старинномъ священномъ стилѣ, или изготовляются тамъ и иные предметы искусства, на современный ладъ?

Было бы особенно пріятно получить образчики всякаго рода этихъ иконъ, хотя бы въ самыхъ малыхъ размѣрахъ, если возможно отъ руки лучшихъ современныхъ художниковъ; ибо для любителя искусствъ весьма поучительно узнать, какъ, вплоть до нашихъ дней, цѣлая отрасль искусства, съ древнѣйшихъ временъ перешедшая къ намъ изъ Византіи, сохраняется неизмѣнною, благодаря постоянной преемственности, тогда какъ въ другихъ странахъ искусство развивалось и уклонилось отъ своихъ первоначальныхъ, религіозныхъ, строгихъ формъ.

Хотя въ данной мѣстности четки не изготовляются (ихъ работаютъ въ монастыряхъ), однако желательно было бы получить также нѣсколько образцовъ и четокъ, особенно, если возможно, изъ тѣхъ, которыя приносятся монахами съ горы Аѳонской *).

Сообщилъ **Г. Бахманъ.**

---

*) Любознательность великаго Германца въ данномъ случаѣ могла быть вызвана бесѣдами съ великою княгинею Маріей Павловной, его почитательницею и покровительницею, которая и сына своего воспитала въ уваженіи къ нашей церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что Гёте бывалъ въ нашемъ православномъ Веймарскомъ храмѣ и бесѣдовалъ съ ея священникомъ (предшественникомъ Степана Карповича Сабинина). Къ кому именно обращался Гёте за свѣдѣніями о Русскомъ иконописаніи, намъ неизвѣстно. П. Б.

ЗАПИСОЧКА К. Н. БАТЮШКОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Поэтъ и судія! — а что̀ еще лучше, любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ! — я опять начну докучать. Поправленъ ли мой *тазъ медяный?* Есть ли нѣтъ, то это письмо напомнитъ вамъ, что мой милый критикъ обѣщалъ заглянуть въ книгу ему ввѣренную. Заглянуть! Этого мало: заглянуть и поправить. Вашъ трудъ не будетъ потерянъ, повѣрьте; 1-е потому, что вы сдѣлаете доброе дѣло; 2-е ваше вниманіе къ моимъ мараньямъ поощритъ меня къ продолженію перевода. Вы знаете на опытѣ, что поэтовъ поощрять должно, особенно лѣнивыхъ. А гдѣ же они не лѣнивы? Я говорю о тѣхъ, которые съ дарованіемъ, даже и себя не исключая. Итакъ, назначьте день свиданія у меня, ибо я желалъ бы, чтобы Пенаты мои увидѣли любезнаго Василія Андреевича. Я же имѣю кое-что прочитать, чего вывозить нельзя, ибо сани мои тѣсны. (*Подписи нѣтъ.*)

*

Изъ содержанія письма видно, что оно относится къ началу знакомства Батюшкова съ Жуковскимъ: они еще *на вы*. Батюшковъ рано оцѣнилъ поэтическое дарованіе Жуковскаго, но лично познакомился съ нимъ лишь въ 1809 году. Въ письмѣ къ Гнѣдичу, въ Декабрѣ этого года, Батюшковъ говоритъ: „О Жуковскомъ ничего не знаю. Я съ нимъ жилъ три недѣли у Карамзина и на другой или третій день уѣхалъ въ деревню“. Приведенная же записка относится, вѣроятно, къ началу 1810 года, когда Батюшковъ и Жуковскій оба были въ Москвѣ. 16 Января этого года Батюшковъ писалъ Гнѣдичу: „Скажу тебѣ, что я отдалъ Жуковскому твое посланіе ко мнѣ съ моимъ отвѣтомъ, кой-гдѣ оба поправивъ“. *Переводъ*, о которомъ идетъ рѣчь въ запискѣ, можетъ быть, переводъ Тибулловой элегіи, напечатанный въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. № 50. В. Б.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО.

I.

На поляхъ книги: „Письма митрополита Московскаго Филарета къ А. Н. (Муравьеву) 1832—1867.“ (Кіевъ 1869 г. 8-ка) сдѣлано княземъ Вяземскимъ нѣсколько замѣтокъ.

Стр. 351. *Филаретъ*: „Получилъ я письмо ваше и подтверждаю сказанное мною, что въ выговорѣ иногда больше мира, нежели въ молчаніи. Письмо ваше вижу я, какъ дорогу между мною и вами; что̀ дѣлать, есть ли она и не цвѣтами усыпана? Молчаніе же ваше казалось мнѣ пропастью между мною и вами“.

Князь Вяземскій: Все это прекрасно и трогательно сказано.

На стр. 358-й Филаретъ пишетъ о кончинѣ Екатерины Сергѣевны Герардовой (Апрѣль 1851). Князь Вяземскій написалъ: „Была пріятельница папа и въ домѣ отца моего, и послѣ въ домѣ Карамзиныхъ.“

Стр. 418, гдѣ Филаретъ: „Кто хочетъ обличать, тотъ долженъ знать дѣло, чтобы, обличая одинъ безпорядокъ по незнанію, не ввести другихъ не знающихъ въ другой“, князь Вяземскій замѣтилъ: „Какъ любитъ Муравьевъ ходить въ церковную полицію и пускаться не въ свое дѣло. Не смѣшно ли, что его *возмутило* то, что̀ не возмущало митрополита Никанора? *) Муравьевъ такъ и просится въ церковные оберъ-полиціймейстеры“.

Къ стр. 440—445. „Какъ безпощадно Муравьевъ искушалъ смиреніе и долготерпѣніе Филарета! А онъ только изрѣдка оборонялся отъ него тонкими насмѣшками“. — „Вездѣ и со всѣми ссорится и со своими дрязгами идетъ къ митрополиту.“—„Поминутно возмущаться, кажется, не слѣдовало бы смиренному христіанину“.

Стр. 503, по поводу словъ Филарета о возможности позволенія Іезуиту (бывшему князю) И. С. Гагарину пріѣхать изъ Парижа назадъ въ Россію: „Что̀ за важность придается одному лицу? Что̀ могъ бы сдѣлать Гагаринъ и пріѣхавъ въ Россію? Неужели пріѣздъ его могъ угрожать Православію и твердости церкви нашей?“

Стр. 506. А. Н. Муравьевъ собирался напечатать письмо свое въ оборону Православія отъ навѣтовъ Католичества. Филаретъ писалъ ему: „Письмо ваше похвально, и я хвалю его, какъ письмо сильно ударяющее въ ли-

---

*) Торопливое служеніе Пасхальной утрени въ Невской Лаврѣ.

цо противника". Князь Вяземскій замѣчаетъ: „Неприлично архипастырю намекать съ похвалою о данной пощечинѣ".

Стр. 513. Филаретъ: „Вы пишете, что по случаю моего письма вы начали снисходительнѣе смотрѣть на охлажденіе нѣкоторыхъ къ церкви. Въ семъ видно слѣдующее разсужденіе: одинъ епископъ Православной церкви оказался равнодушнымъ къ неблагопріятному состоянію ея управленія; слѣдовательно надобно снисходительно смотрѣть на враговъ церкви. Хорошо же сіе умозаключеніе? Думаю, что худость одного епископа не должна уменьшать вашей ревности къ православной церкви". Князь Вяземскій: „Это просто дерзко и грубо, а возраженіе Филарета прекрасно".

Тамъ же, Филаретъ: „Вы говорите о себѣ: я не побоялся, и тѣмъ намекаете на ваше мнѣніе о томъ, что я побоялся". Князь Вяземскій: „Опять дерзко и грубо и обличаетъ запальчивое самолюбіе".

По поводу письма Филарета отъ 14 Апрѣля 1847 г. князь Вяземскій замѣчаетъ: „Вездѣ Филаретъ является лицомъ обвиненнымъ и оправдывающимся, а Муравьевъ обвинителемъ и верховнымъ судьей".

Стр. 557. Филаретъ: „Печальны нѣкоторыя ваши вѣсти Кіевскія. Кажется, надлежало бы, чтобы ваше слово имѣло дѣйствіе и приносило бы пользу". Князь Вяземскій: „Видно, съ самого пріѣзда уже началъ ссориться".

II.

Въ Остафьевской библіотекѣ нашлась книга подъ заглавіемъ „Нынѣшнее состояніе Россіи и заграничные Русскіе дѣятели. Berlin 1869". На ней рукою князя П. А. Вяземскаго надписано: „К. Маріи Вяземской" и далѣе слѣдующія слова: „Брошюра благонамѣренная, но не очень важная, немного запоздавшая, потому что преимущественно обращена противъ Герцена и Долгорукова, нынѣ умершихъ, но есть о нихъ нѣкоторыя довольно любопытныя подробности, а также и о князѣ Юріи Голицынѣ. Есть тутъ мои замѣтки".

Книга эта по всей вѣроятности подарена была княгинѣ М. А. Вяземской.

Интересъ книги заключается въ отмѣткахъ князя Петра Андреевича. Такъ на стр. 13 говорится: „Вѣроятно, вамъ памятно, какъ онъ, Долгорукій, будучи еще молодъ и неопытенъ, позволилъ себѣ написать анонимное письмо къ нашему народному поэту А. С. Пушкину".

Здѣсь князь Вяземскій отмѣчаетъ:

„Это еще не доказано, хотя Долгоруковъ и былъ въ состояніи сдѣлать эту гнусность".

Говоря о 14 Декабрѣ и о заговорѣ, авторъ говоритъ (стр. 23): „Фактъ несомнѣнный, что въ то время до 50000 человѣкъ болѣе или менѣе знали о тайномъ заговорѣ".—Отмѣтка: „Полно, такъ ли?"

На стр. 42. „Въ Россіи умныхъ людей всегда было довольно." Князь Вяземскій дѣлаетъ отмѣтку: „И здѣсь можно спросить: полно, такъ ли"?

На стр. 44 напеч. выписка изъ нѣкоторыхъ постановленій за послѣднее шестилѣтіе (1856—1861) № 9, „*о возможномъ* сокращеніи расходовъ по

всѣмъ частямъ государственнаго управленія". Князь прибавляетъ: „А выходитъ на дѣлѣ: о невозможномъ".

Стр. 51. „Неоспоримо, что, еслибы сей сильный переворотъ (освобожденіе крестьянъ) совершился *постепенно*, было бы лучше".

Отмѣтка князя Вяземскаго: „*Хорошее* у насъ и дурное не дѣлается *постепенно*. Все дѣлается разомъ, а не то гдѣ-нибудь засядетъ и пропадетъ".

Стр. 57. „Князь Вяземскій еще при диспутѣ Костомарова и Погодина о томъ—*откуда* Россія идетъ, сказалъ: Не пора ли подумать — *куда* Россія идетъ".

Князь дѣлаетъ такую замѣтку: „Не то я сказалъ, а вотъ что: я думалъ донынѣ, что мы только не знаемъ, куда идемъ; а выходитъ, что не знаемъ, и откуда пришли".

Стр. 69. Обращаясь къ Герцену, авторъ пишетъ: „Вашъ конекъ графъ Панинъ; вы желаете доказать, что онъ никуда не годится и потому называете его трехполѣннымъ".

Отмѣтка князя Вяземскаго: „Не Герценъ, а князь Меншиковъ; гораздо ранѣе такъ прозвалъ его Вронченко".

Стр. 82. О П. Мартыновѣ говорится, что онъ занимается письмами къ Русскому царю, съ наставленіемъ ему уроковъ, какъ слѣдуетъ управлять царствомъ.

Князь отвѣчаетъ: „Это напоминаетъ слова В. Гюго, сказанныя мнѣ: „Si j'étais à la place de l'Empereur Nicolas, voici ce que je ferai" *) etc.

Стр. 83. О дозволеніи опредѣлять *людей безъ чина въ должности бухгалтеровъ*, контролеровъ и пр.

Отмѣтка князя Вязеискаго: „Не думаю, чтобы бухгалтеры и другіе *галтеры* надежно повели Россію впередъ. Частныя преобразованія могутъ быть кстати и сами по себѣ хороши, но смѣшно придавать имъ особенную важность".

Въ Остафьевской библіотекѣ хранится немало книгъ съ замѣтками князя Петра Андреевича, иногда весьма пространными. Такъ поля перваго изданія „Войны и Мира" испещрены подобными замѣтками.

Г. С. Ш.

(Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ).

*) Будь я на мѣстѣ императора Николая, вотъ что я бы сдѣлалъ и пр.

ПИСЬМО М. П. ПОГОДИНА КЪ КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАССКОМУ.

(По поводу его статьи о розгахъ).

Удары сыпятся на васъ со всѣхъ сторонъ. Я слышалъ о многихъ, которые еще готовятся. Безпрестанно встрѣчаются новые охотники отличиться при такомъ дешевомъ случаѣ, и я рѣшаюсь подать вамъ совѣтъ, любезнѣйшій князь Владимиръ Александровичъ, принимая издавна живое участіе во всѣхъ вашихъ трудахъ и дѣйствіяхъ на пользу общую. Напишите для газетъ коротенькую статейку такого содержанія.

На меня-де нападаютъ... Мнѣ очень жаль, что я подалъ поводъ нѣкоторыми словами въ своей статьѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ (составляющихъ предметъ разсужденій не у однихъ насъ) къ такимъ прискорбнымъ для меня недоразумѣніямъ. Но нѣтъ худа безъ добра: раздавшіеся отовсюду голоса свидѣтельствуютъ, что тѣлесныя наказанія отжили у насъ свой вѣкъ и должны принять другой характеръ, болѣе соотвѣтственный съ человѣческимъ достоинствомъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ я отступаюсь отъ своихъ словъ, сказанныхъ въ другихъ предположеніяхъ, благодарю искренно моихъ противниковъ за ихъ громкій, благородный протестъ, прошу прощенія у...

Я первый восклицаю... или что-нибудь въ этомъ родѣ. Мнѣ кажется, что здѣсь нѣтъ ничего унизительнаго для васъ, а напротивъ такое объясненіе, вполнѣ согласное съ вашимъ образомъ мыслей, укротитъ шумъ и возвратитъ къ вамъ всѣхъ вашихъ почитателей, къ которымъ принадлежитъ и вашъ покорный слуга М. Погодинъ.

Статья ваша о восточномъ вопросѣ прекрасная. Я прочелъ ее въ сласть. Усердный поклонъ княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ *), а отъ сестрицы ея я не получилъ отвѣта на мою просьбу о священникѣ, авторѣ Записки о сельскомъ духовенствѣ.

---

*) Супругѣ князя, урожд. Васильчиковой. Сестра ея — Анна Алексѣевна была за графомъ Павломъ Трофимовичемъ Барановымъ, тогдашнимъ Тверскимъ губернаторомъ. Авторъ Записки о сельскомъ духовенствѣ, Бѣлюстинъ, жилъ въ городѣ Калязинѣ, Тверской губерніи. П. Б.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО О Н. М. БАРАНОВѢ.

Ce n'est que lorsqu'il expira
Que le peuple, qui l'enterra,
Pleura!
Béranger.

Еще угасъ крупный, истинно-Русскій дѣятель Николай Михайловичъ Барановъ, удачно названный *неудачникомъ*, потому что ему не удалось сдѣлать многаго, на что у него достаточно было ума, силы и способностей. Ему, умственно-богато одаренному человѣку, никогда не давали, что называется, ходу, а всегда ставили въ узкія рамки чиновничьей службы, изъ которыхъ онъ рвался впередъ, въ ширь. Но за то, когда ему случалось вырваться изъ нихъ, онъ бывалъ незамѣнимъ, давалъ о себѣ знать и дѣлался, помимо собственнаго желанія, популяренъ, въ силу своихъ нечиновничьихъ пріемовъ и необыкновенной доступности *всѣмъ*, имѣвшимъ дѣло къ нему, какъ администратору. Несомнѣнно, не по немъ была вся его дѣятельность послѣднихъ лѣтъ; но тѣмъ не менѣе, онъ всюду какъ-то умѣлъ оживить, окрылять всякое дѣло и оставлялъ за собою, гдѣ ни появлялся, крупный слѣдъ. Истинно-Русскіе люди будутъ добромъ поминать его и морскимъ офицеромъ, и командиромъ Весты, и въ отставкѣ, въ опалѣ, и Ковенскимъ губернаторомъ, и Петербургскимъ градоначальникомъ, и вновь губернаторомъ въ Архангельскѣ, и въ Нижнемъ начальникомъ губерніи, и генералъ-губернаторомъ ярмарки: вездѣ о немъ память. Если у Баранова было много враговъ, то у него было много и друзей, и поклонниковъ, готовыхъ на всякую для него жертву. Надо быть для этого незауряднымъ человѣкомъ: лишь людей не выдающихся и недалекихъ *всѣ* хвалятъ, ибо они ни хорошаго, ни дурного не дѣлаютъ. Спросите любого человѣка въ Нижнемъ, всякій разскажетъ что-либо выдающееся о Барановѣ, а народъ Русскій знаетъ цѣну своимъ любимцамъ и награждаетъ ихъ по своему сочувствіемъ, любовью.

Я лично никогда не служилъ при Н. М. Барановѣ, не состоялъ при немъ, но встрѣчался съ нимъ довольно часто, когда онъ еще былъ молодымъ морскимъ офицеромъ. Онъ тогда уже производилъ впечатлѣніе недюжиннаго человѣка. Впервыя я его встрѣтилъ въ Петербургѣ у извѣстнаго Николая Ивановича Путилова, тоже своего рода Русскаго неудачника, положившаго жизнь на созданіе Петербургскаго порта, Путиловскихъ заводовъ, желѣзной дороги и проч. и на борьбу съ громадной партіей, дѣйствовавшей противъ него. Изъ молодыхъ да ранній, Барановъ горячо поддерживалъ Путилова.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Какъ у Путилова, такъ и у Баранова былъ широкій взглядъ и розмахъ на все Русское, и все, касающее Россіи и славы дорогой родины, было близко имъ, и многое бы сдѣлали эти люди для своего отечества, еслибы *всюду* и *вездѣ* имъ не загораживали дорогу. Впервыя заговорили громко о Барановѣ въ 70-хъ годахъ, когда онъ, внѣ обще - принятыхъ правилъ дисциплины и подчиненности, заявилъ о необходимости быстраго перевооруженія нашей арміи скорострѣльными ружьями (въ виду страшныхъ успѣховъ Прусской арміи). Онъ тогда же представилъ Государю-Наслѣднику Александру Александровичу образецъ ружья своей Барановской системы, заряжающагося съ казенной части (у насъ еще было много пистонныхъ ружей). Путиловъ предоставилъ Баранову въ распоряженіе всѣ свои желѣзодѣлательные заводы для передѣлки заново ружья, по указанной имъ системѣ. Дѣло было громкое и громадное по своему значенію, но это была и первая осѣчка Путилова и Баранова. Слишкомъ много лицъ было заинтересовано въ неудачѣ этого предпріятія, и противодѣйствія нерусскихъ арендаторовъ казенныхъ заводовъ, наживавшихъ милліоны на передѣлкѣ ружей, не дали осуществиться широко задуманному Русскому дѣлу. Барановскія ружья съ Путиловскихъ заводовъ не поспѣли ни ко времени, ни къ мѣсту! Конечно, неудача не заставила Баранова сложить, такъ сказать, оружіе; напротивъ, онъ сталъ еще энергичнѣе, но за то какихъ усилій ему стоило въ жизни добиться на службѣ хотя бы того, что̀ такъ легко давалось другимъ. У него всегда на первомъ планѣ было *самое дѣло*, а не личная своя польза, и отъ того у этого человѣка никогда не было ни покоя, ни денегъ, ни прочнаго служебнаго положенія. „Никогда мнѣ не простятъ въ Петербургѣ никакой успѣхъ мой, говаривалъ мнѣ не разъ Николай Михайловичъ, потому что я не графъ Барановъ и не князь, а изъ самыхъ простыхъ“.

Я рѣдко встрѣчалъ такого отзывчиваго къ людямъ вообще и особенно ко всему Русскому, какъ Н. М. Служа дѣлу, онъ никогда не имѣлъ въ виду угодить начальству; онъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ зналъ, что его распоряженія не понравятся въ Петербургѣ и тѣмъ не менѣе никогда не останавливался передъ принятымъ рѣшеніемъ. Лучшимъ доказательствомъ служитъ его процессъ въ Морскомъ Министерствѣ, когда онъ напередъ зналъ, что все высшее начальство, начиная съ генералъ-адмирала, будетъ противъ него. Онъ губилъ свою личную, дорогую, морскую службу, во имя общаго принципа права и справедливости, и сжегъ свои служебные въ морскомъ вѣдомствѣ корабли. Онъ лишился возможности служить тому, къ чему у него было призваніе. Такъ какъ же не сказать, что судьба ему была мачихой?

Я сердечно любилъ этого человѣка, уважалъ въ немъ священный огонь, и, быть можетъ, поэтому онъ бывалъ со мной откровеннѣе, чѣмъ съ другими, и мнѣ думается, что я зналъ его лучше другихъ, почему и цѣнилъ въ немъ все его *доброе*, котораго въ немъ было такъ много и чего другіе въ

немъ не признавали. Помочь ближнему для него было удовольствіемъ, какъ бы потребностью...

Когда мнѣ фортуна улыбалась, я, увлеченный крупными дѣлами, какъ-то рѣдко встрѣчался съ Н. М., да и онъ былъ гдѣ-то вдалекѣ; но когда фортуна отвернулась отъ меня, когда на меня нежданно и негаданно обрушились всякія несчастія и, когда близкіе люди прежде другихъ ушли отъ меня, тутъ я имѣлъ случай узнать Н. М. Баранова, и тутъ онъ меня неоднократно выручалъ изъ весьма тяжелыхъ обстоятельствъ, всегда живо, искренно, сердечно и, конечно, безкорыстно. Да, я многимъ былъ обязанъ покойному, повторяю, безкорыстному Баранову.

Во время его генералъ-губернаторства на Нижегородской ярмаркѣ, я часто бывалъ у него, а въ холеру даже останавливался у него въ тамошнемъ дворцѣ, такъ какъ думалъ, что, быть можетъ, пригожусь ему въ тяжелую пору: пробывъ двѣнадцать лѣтъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ санитарнаго комитета въ холерное время у себя въ уѣздѣ, я пережилъ холеру 70-хъ годовъ и работалъ на ней по мѣрѣ силъ своихъ, почему и считалъ за собой нѣкоторую опытность.

Я пріѣхалъ въ Нижній-Новгородъ 15 Іюля 1892 г. и предложилъ Баранову свои услуги. Онъ меня шутя спросилъ, какъ я не боюсь у него быть, когда его массою анонимныхъ писемъ и угрозъ предупредили, что именно сегодня, 15 Іюля, въ день открытія ярмарки, взорвутъ дворецъ, разнесутъ ярмарку и т. д. На службу онъ меня не взялъ, но просилъ съѣздить въ холерный баракъ, помѣщавшійся на одномъ изъ острововъ Волги, верстахъ въ шести ниже Нижняго, куда свозили въ лодкахъ всѣхъ, заболѣвавшихъ въ городѣ и на ярмаркѣ. Эти лодочки, доставлявшія заболѣвшихъ подъ желтымъ флагомъ на островъ смерти, признаюсь, наводили немалое уныніе на всѣхъ: такъ часто мелькали онѣ то тамъ, то сямъ по Окѣ и Волгѣ между большихъ судовъ. Изъ дворца можно было видѣть каждую, направлявшуюся на островъ, лодочку. И въ этотъ день, 15 Іюля, заболѣло холерой въ Нижнемъ до 500 чел. Положеніе становилось грознымъ въ виду открытія въ этотъ день ярмарки и послѣ только-что бывшихъ холерныхъ погромовъ въ Саратовѣ, Покровской Слободѣ, Астрахани и другихъ мѣстахъ.

„Вы свѣжій человѣкъ", сказалъ мнѣ Барановъ, „съѣздите въ холерный баракъ и, вернувшись, сообщите мнѣ свои впечатлѣнія, да кстати и у главнаго доктора и у княгини Шаховской („Утоли моя печали") спросите, не нужно ли имъ чего сейчасъ; все будетъ исполнено немедленно". Это было около часа дня и, пославъ меня въ холерный баракъ, гдѣ онъ обыкновенно бывалъ ежедневно самъ, Н. М. отправился пѣшкомъ по городу и на ярмарку (коляска ѣхала невдалекѣ). Появлялся Н. М. всюду одинъ безъ конвоя, чтобы показать, во что онъ ставитъ всѣ полученныя угрозы. Въ городѣ на площади и на ярмаркѣ, по случаю открытія ея, были поставлены оркестры

военной музыки, чтобы главнымъ образомъ поднять духъ въ народѣ, мрачно настроенномъ, да и развеселить немного пріунывшую публику.

Появленіе Баранова, одного безъ конвоя, всюду было привѣтствовано громкимъ „ура“, такъ что съ этой точки зрѣнія цѣль была достигнута. Слухи о погромахъ, подобныхъ Саратовскому и Астраханскому, уходили все дальше, даже у людей, наклонныхъ все толковать въ дурную сторону. А несомнѣнно, что готовилось худшее противъ того, что̀ произошло въ тѣхъ мѣстахъ, но предупрежденіе безпорядковъ зародило тогда же всюду зависть, и даже люди, обязанные Баранову, и тѣ начали бранить его и увѣрять, что и безъ него все обошлось бы благополучно, а что угроза повѣсить зачинщика, это варварство или только громкое слово. Забывали, что въ другихъ мѣстахъ человѣколюбивая яко бы нераспорядительность имѣла послѣдствіемъ убійство десятковъ людей невинныхъ, вмѣшательство военной силы и т. п. Но съ людской завистью ничего не подѣлаешь.

Послѣ холеры Баранову ничего не дали; ему поставили въ упрекъ, что мѣропріятія обошлись слишкомъ дорого. А не сдѣлай того, что̀ сдѣлалъ Барановъ, врядъ ли удалось бы ограничить распространеніе болѣзни.

„Неужели вамъ и креста не дали?“ спросилъ Баранова съ участіемъ при мнѣ одинъ нашъ знакомый. „Какъ же, жду ежедневно“, отвѣчалъ Н. М. „и увѣренъ, что скоро получу крестъ, именно тотъ большой крестъ, который ставятъ на могилѣ всякому православному христіанину. Этого креста я скоро дождусь, обратился онъ ко мнѣ, ибо здоровье мое совершенно расшаталось“. И къ сожалѣнію это было вѣрно. Иногда было просто-страшно за Н. М.: такъ онъ бывалъ блѣденъ и худъ, и удивляешься бывало, откуда бралась у него сила въ нужное время! Такъ, напримѣръ, во время выставки 1896 г. дѣятельность его была прямо изумительная. Послѣ холеры Барановъ поѣхалъ немного отдохнуть на Югъ Франціи, и злые языки не преминули упрекнуть его и тутъ, намекая на личныя сбереженія.... Онъ самъ съ грустью говорилъ объ этомъ со мною, ибо я лучше другихъ зналъ, что у него не было гроша за душою. Несмотря на это, когда ему городъ поднесъ чудесный альбомъ, украшенный алмазами, то онъ его не принялъ. Я тоже былъ въ это время въ Нижнемъ и помню хорошо эти дни, такъ какъ Н. А. Бугровъ со мною совѣтовался, какъ бы уговорить Баранова принять подарокъ.

Но я отклонился отъ разсказа о посѣщеніи холернаго барака. Барановъ отправился въ городъ, а мнѣ подали небольшой казенный пароходъ, кажется служебной рѣчной полиціи, и въ сопровожденіи чиновника канцеляріи губернатора я отправился на островъ смерти, какъ его звали тогда. Жара была страшная, свыше 30°/₀. Шли мы быстро, и чѣмъ ближе подходили къ цѣли нашей поѣздки, тѣмъ чаще обгоняли лодочки подъ желтымъ флагомъ, со всѣхъ концовъ Нижняго подвозившія туда больныхъ. При сходѣ на берегъ уже слышался стонъ, въ баракѣ, а въ отдаленіи заунывное „Со свя-

тыми упокой“, такъ какъ на островѣ же, въ отдѣльно устроенной часовенкѣ, отпѣвали умершихъ, а немного подальше и хоронили ихъ. Самый баракъ былъ созданъ изъ огромной баржи и вмѣщалъ въ себѣ множество коекъ, помнится болѣе двухъ сотъ въ первомъ же отдѣленіи, размѣщавшихся вдоль продольныхъ стѣнъ барака. Картина представлялась ужасная. Всѣ койки были заняты; на нихъ лежали, стонали и бились посинѣлые десятки больныхъ. Ничего подобнаго не приходилась мнѣ во всю жизнь мою видѣть. Нѣкоторые были при послѣднемъ издыханіи, сведенные страшными судорогами; у другихъ холера переходила въ какое-то помѣшательство, въ безумный бредъ. Около коекъ хлопотали многочисленные санитары, сестры милосердія, доктора; входили и выходили рабочіе, выносившіе мертвыхъ и вносившіе на чистыхъ койкахъ вновь прибывшихъ больныхъ. Тутъ фельдшера растирали судорожно-сведенные члены совсѣмъ посинѣвшаго человѣка; тамъ надѣвали рубашку на рвавшаго все около себя сумасшедшаго; а у выхода носилки, на коихъ несли мертвыхъ, сталкивались съ больными.... Мнѣ подумалось, что такая картина смерти походить должна на перевязочный пунктъ, во время большого сраженія, когда здоровые, раненые и мертвые все смѣшивается... И посреди этой картины жизни и смерти, посреди барака выдѣлялась высокая, стройная, спокойная фигура княгини Шаховской, начальницы отряда сестеръ милосердія. Убѣленная сѣдинами, съ бѣлымъ воротникомъ на черномъ платьѣ въ родѣ подрясника, княгиня безъ суеты, строго, спокойно, отдавала приказанія, и видно было, что все шло въ порядкѣ. Я не безъ удивленія и глубокаго чувства уваженія остановился, глядя на нее, и мнѣ кажется всякій, кто бы дрогнулъ при видѣ этой картины смерти и безпомощности людской, и тотъ бы забылъ про свой испугъ и пересталъ бы бояться, глядя на это удивительное хладнокровіе и простое, безыскусственное отношеніе княгини-героя ко всей этой обстановкѣ и окружающимъ ее ужасамъ смерти. Хладнокровіе ея видимо передавалось и всѣмъ служившимъ. „А что рыженькій мой пріятель еще живъ?“ спрашиваетъ княгиня фельдшера. „Кончается, ваше сіятельство“, отвѣчаетъ тотъ. „Надо ему дать образокъ поцѣловать, напутствовать его“, говоритъ княгиня и быстрыми шагами идетъ къ койкѣ, гдѣ лежитъ рыженькій, наклоняется къ нему, креститъ его и даетъ ему цѣловать образокъ и крестъ, которые на длинной золотой цѣпочкѣ висятъ у нея на шеѣ. Больной глядитъ еще и видимо благодаритъ глазами за послѣднее утѣшеніе. „А что та женщина, кажется, кончилась?“ показываетъ княгиня на койку, на которой лежитъ, совсѣмъ синяя, какъ утопленникъ, женщина. „Только-что отошла“, говоритъ стоящая около, измученная работой сестра милосердія. „Такъ несите же скорѣе койку“, командуетъ вполголоса княгиня замѣшавшимся санитарамъ; „видите несутъ еще двоихъ; нужно ихъ здѣсь поставить“, указываетъ она несущимъ, пока какіе-то люди усиленно моютъ водою съ карболовкою полъ, гдѣ стояла койка съ умершей женщиной и куда ставятъ вновь прибывшую. Я улучилъ минуту и подошелъ къ княгинѣ вмѣстѣ со старшимъ докторомъ. Напомнивъ о себѣ, я передалъ ей порученіе генерала Баранова. „Да что нужно“, сказала княги-

ня, „сами видите, до чего мы измучены; здѣсь болѣе двухъ-сотъ человѣкъ лежитъ“. Обвела она рукою баракъ. „Нужно прибавить сестеръ и санитаровъ, а то они заболѣютъ“. И тутъ же княгиня написала записку въ Москву, въ общину „Утоли моя печали“ о высылкѣ еще сестеръ. „Да вотъ еще“, замѣтилъ старшій докторъ, „больные, которыхъ сюда везутъ въ лодкахъ, не смотря на жары, отъ близости воды, дрогнутъ; необходимо ихъ завертывать при отправленіи въ теплыя одѣяла, а то они еще больше страдаютъ“.

Обойдя весь баракъ и помѣщеніе съ докторомъ, я вернулся во дворецъ. Поѣздка взяла болѣе трехъ часовъ времени. Я засталъ Баранова, только-что вернушагося съ обхода города и ярмарки. Онъ нервно расхаживалъ по залѣ, въ ожиданіи обѣда, который накрывали. Ежеминутно входили чиновники, доктора, полицейскіе, члены Городской Управы съ разными данесеніями и получали приказанія. Выслушавъ меня, Н. М. нашелъ, что это очень важно, чтобы больныхъ съ мѣста отправки завертывали въ теплыя одѣяла. „Голубчикъ, Николай Ивановичъ, поѣзжайте сейчасъ въ магазинъ Бурмистрова, купите на первый разъ хоть 200 байковыхъ одѣялъ и развезите тотчасъ по всѣмъ мѣстамъ пріемки больныхъ, чтобы ни одного заболѣвшаго не смѣли класть въ лодку, не завернувъ въ теплое одѣяло“. И генералъ полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда не то 300, не то 400 р. на покупку одѣялъ. Я привелъ эту сцену, какъ примѣръ быстраго распоряженія и исполненія. Во всякомъ другомъ учрежденіи пошелъ бы запросъ и требованіе за №, откуда, чтò, какъ, изъ какихъ суммъ взять на расходъ деньги, и прошла бы пожалуй недѣля, а то и больше, пока одѣяла достигли бы до больныхъ. А тутъ мы кончали обѣдать, когда вернулся Николай Ивановичъ и доложилъ, что приказаніе исполнено и одѣяла развезены, такъ что чрезъ какой нибудь часъ уже больныхъ завертывали въ нихъ. А что эти 300 или 400 рублей Барановъ забылъ записать, и они остались у него на шеѣ, въ этомъ я тоже увѣренъ, какъ я не вѣрю, что во время холеры были у него денежныя злоупотребленія. Конечно, при этой быстротѣ и исполнительности, отчетность не могла не хромать съ формальной стороны, о которой Барановъ заботился наименѣе, и, въ силу этого, контроль впослѣдствіи немало испортилъ ему крови.

Не мнѣ, конечно, писать біографію Николая Михайловича Баранова, ибо я не знаю многихъ подробностей его подвиговъ на Дунаѣ, на Черномъ морѣ, на Вестѣ, да про нихъ знаетъ вся Россія, и это достояніе исторіи. Также дѣятельности его по Добровольному флоту, по градоначальству въ Петербургѣ я не могу касаться, такъ какъ не служилъ при немъ. Я хотѣлъ лишь очертить тѣ симпатичныя стороны его, кои я могъ замѣтить въ отношеніи къ себѣ и другимъ, какъ характеристику его, въ противовѣсъ тѣхъ нападокъ, кои я постоянно слышалъ противъ него и кои считалъ и считаю несправедливыми.

Я любилъ бывать у Н. М. въ день годовщины *Весты*. На пирогъ къ нему собирались всѣ близкіе къ нему люди, и за оживленной трапезой любо было слушать его умныя рѣчи. Онъ оживалъ въ воспоминаніяхъ прошлаго

своей морской жизни, которая въ сущности была его главнымъ призваніемъ. Въ этотъ день приходилъ къ нему на пирогъ и старый матросъ съ Весты, весьма типичный; онъ раздѣлялъ всѣ, пережитыя тогда Барановымъ, опасности и приходилъ поздравить бывшаго командира съ годовщиной славнаго боя. Барановъ извинялся, что сажаетъ матроса за столъ съ высокопоставленными лицами, а старикъ, нисколько не смущаясь, садился и выпивалъ чарку за здоровье хозяина*). Простота, доступность для всѣхъ и каждаго были отличительными чертами Н. М., и въ нашъ вѣкъ ходульности и напыщенности Барановскіе пріемы особенно выдѣлялись и заставляли говорить о немъ на всѣ лады. Полагаю, ему еще отдадутъ справедливость и въ недалекомъ будущемъ. Въ Архангельскѣ, послѣ Баранова губернаторъ на первомъ же какомъ-то докладѣ не согласился подписать бумагу, изготовленную къ подписи. „При генералѣ Барановѣ всегда такъ дѣлалось", замѣтилъ чиновникъ. — „Ну да, для насъ всѣхъ 15 томовъ Свода Законовъ", сказалъ губернаторъ, „а у Н. М. былъ свой 16-й; что̀ онъ можетъ, того я не могу". И это вѣрно.

Лишенный живой дѣятельности, отъ которой, впрочемъ, онъ самъ отказался въ Нижнемъ, Барановъ не могъ пріучить себя къ кабинетной работѣ сенатора. Куда ему хотѣлось, его не пускали, и онъ угасалъ день ото дня. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и лишь блескъ его умныхъ глазъ напоминалъ прежняго Баранова. Онъ видимо подвигался къ полученію креста, о которомъ мнѣ говорилъ, т. е могильнаго.

Князь Д. Д. Оболенскій.

„Оболенское". Тульской губерніи.
Августъ. 1901 г.

ОПЕЧАТКИ:

На оберткѣ 9-го выпуска, вмѣсто *патріарха Филарета* надо *патріарха Гермогена.*

На стр. 128-й въ томъ же выпускѣ вмѣсто „Четверинскихъ" надо „Четвертинскихъ".

---

*) Барановъ былъ уроженецъ Ревеля, гдѣ служилъ дѣдъ его по матери, морякъ, Французскій эмигрантъ, Жильберъ-де-Жибори. Въ самомъ внѣшнемъ обликѣ Баранова видно было его Французское происхожденіе.—Человѣкъ, близко его знавшій, писалъ намъ про него: „Въ немъ была большая сила не только на многоглаголаніе, но и на дѣло; но кипѣвшій въ немъ огонь не находилъ мѣста, чтобы разгорѣться, и только вспыхивалъ посреди канцелярскихъ путъ и людской пошлости". П. Б.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ДНЕВНИКУ А. В. ХРАПОВИЦКАГО.

Абдулъ-Гамидъ (1774—1789), султ. Турецкій, **36, 67, 133, 162** (†). **163, 164.**

Аборфорсъ, мѣст. въ Финляндіи, на берегу Финск. зал., **56.**

Августа, рожден. принц. Великобританская, герц. Брауншвейгская. (Краткое Родосл. показаніе нынѣ здравствующихъ и владѣющихъ, высокихъ государей, при Мѣсяцословѣ на 1788, с. 104). Пис. къ ней Екатерины о кончинѣ ея дочери. **98.**

Августа, Каролина-Фредерика-Луиза, рожден. принц. Брауншвейгская, пр. Виртембергская, супруга Выборгскаго генер.-губернатора, род. въ 1764 г. (Кратк. Родосл. показаніе высокихъ государей при Мѣсяцословѣ). на 1788 г., **12, 51, 70, 91** (†), **92, 98, 114.**

Августа, игум. См. **Апраксина,** гр. Анна Павловна.

Acajou et Zirfil (Zirphile). Сказка извѣстнаго Французскаго писателя XVIII вѣка Шарля Дюкло (Charles Duclos), содержаніе которой послужило сюжетомъ одной изъ лучшихъ оперъ другого тогдашняго писателя Фавара (Favart), подъ тѣмъ же заглавіемъ **181.**

Александра Павловна (род. въ Царскомъ Селѣ 29 Іюля 1783 г.; сочеталась бракомъ съ эрцгерцог. Іосифомъ, палатиномъ Венгерскимъ, 19 Окт. 1799 г.; скончалась въ Офенѣ (Будѣ) 16 Марта 1801 г.), **23, 34.**

Александровское, дача ген.-прокур. кн. Вяземскаго, находилась на берегу Невы, на мѣстѣ учрежденной впослѣдствіи Александровской мануфактуры, въ бывшемъ Софійскомъ уѣздѣ, на 11-й верстѣ отъ Петербурга, по Шлюссельбургской дорогѣ. Здѣсь было цѣлое село изъ каменныхъ домовъ, расположенное по обѣ стороны дороги съ красивою церковью, съ трехъ-этажнымъ господскимъ домомъ, имѣвшимъ громовой отводъ. При величественномъ Англійскомъ садѣ была еще особая мыза, состоявшая изъ нѣсколькихъ домовъ (*Гротъ.* Сочин. Державина III, 342) **250.**

Александро - Невская лавра, **81, 202, 218, 245, 249, 256.** Соборная церковь во имя *Животворящей Троицы,* первое основаніе этому храму положено было въ 1716 году Петромъ Великимъ. Въ 1753 году соборъ совсѣмъ былъ отдѣланъ вчернѣ; но вскорѣ оказались разныя поврежденія въ стѣнахъ. Екатерина вознамѣрилась воздвигнуть соборъ этотъ вновь. Архитекторъ Старовъ составилъ новый планъ и фасадъ церкви, и 30 Авг. 1778 г., архіепископъ Гавріилъ положилъ въ основаніе его мощи св. Андрея Первозваннаго. Строеніе собора началось съ Мая мѣсяца 1779, въ 1790 г. окончилось и 30 Авг. того же года освященъ храмъ, въ присутствіи Императрицы и всего царствующаго дома. Кавалерами ордена Александра Невскаго перенесены мощи сего святого (*Пушкаревъ,* Описан. С.-Петербурга, I, 134—141). Екатерина желала быть здѣсь погребенною, если умретъ въ Петербургѣ. **231.**

Александръ Павловичъ (род. въ Петербургѣ, 12 Декабря 1777 г.; вступилъ на престолъ 11-го Марта 1801 года; коронованъ въ Успенскомъ соборѣ митр. Платономъ 15 Сент. того же года; скончался въ Таганрогѣ 19 Ноября 1825 го-

главный директоръ, императорской Академіи художествъ президентъ, императорскаго Воспитательнаго Дома главный попечитель (Мѣсяцосл. на 1786 стр. 45). О годѣ его рожденія существуютъ разныя показанія. По словамъ однихъ въ 1702, по другимъ въ 1703, а по нѣкоторымъ, какъ кажется, болѣе достовѣрнымъ, 3 Февр. 1704 г. въ Стокгольмѣ. Онъ былъ сынъ послѣдняго Русскаго боярина кн. Ив. Юр. Трубецкого. Скончался въ Петербургѣ 31 Авг. 1795 года. А. П. Пятковскій собралъ о немъ въ архивахъ Воспитательнаго Дома много важныхъ и любопытныхъ матеріаловъ. (См. Русск. Старина. Ноябрь, 1873 г. стр. 708—709). Отзывы о немъ Екатер **13, 15.**

Бибиковъ, Александръ Александровичъ, кам.-юнк. (Мѣсяцосл. на 1790 г. с. 5), род. 1765 † 1822 г. Оставилъ Дворъ, чтобы подъ знаменами Михельсона заслужить Георгія 4-й степ.; впослѣдствіи занималъ мѣсто посланника въ Лисабонѣ, въ Дрезденѣ и въ Неаполѣ; въ 1806 году былъ избранъ начальникомъ милиціи Ораніенбаумскаго уѣзда; но особенно отличился въ отечественную войну, предводительствуя С.-Петербургскимъ ополченіемъ. Благоговѣя предъ памятью своего отца, онъ написалъ „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова", которыя вышли вторымъ изданіемъ въ Москвѣ, 1865 г.) **178.**

Бибиковъ, Александръ Ильичъ, род. въ Москвѣ 30 Мая 1729 г., скончался на берегу Камы, въ маломъ и бѣдномъ Татарскомъ селеніи Бугульмѣ 9 Апр. 1774 года. „Державинъ, говоритъ Пушкинъ, воспѣлъ кончину его. Екатерина оплакала его. Петербургъ и Москва поражены были ужасомъ. Вскорѣ и вся Россія почувствовала невозвратную потерю") **255.**

Бибиковъ, Василій Ильичъ, дѣйств. камергеръ **10.**

Билингсъ, Іосифъ, одинъ изъ спутниковъ Кука, во время третьяго кругосвѣтнаго путешествія его. Въ 1785 г. Екатерина повелѣла снарядить географико-астрономическую экспедицію, для обозрѣнія Сѣверовосточныхъ береговъ Сибири и острововъ. Русскій посланникъ въ Лондонѣ гр. С. Р. Воронцовъ, пригласилъ его въ начальники этой экспедиціи. Умеръ въ 1806 г. Донесеніе его отъ 4 Ноябр. 1788 г. о Шелеховѣ, которое слушала Екатерина, напечатано въ Памятникахъ Новой Русской исторіи, изданныхъ подъ редакціею Л. Н. Майкова. Спб. 1873, III, с. 373—376) **153.**

Бингъ, Джонъ, Англ. адмиралъ, разстрѣленъ 14 Марта 1757 г., на Портсмутскомъ рейдѣ за потерю острова Минорки въ сраженіи съ Французами (Энцикл. Лекс. 1836 г. V, 558) **144.**

Біорко, остр., въ Финск. заливѣ, **195.**

Біянкинъ, унт.-оф. Измайловскаго полка, **31.**

Блакстонъ, Англ. юристъ. Екатерина руководствовалась его сочиненіемъ, во Французскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ: Commentaires sur les lois d'Angleterre trad. par Gomicourt, Bruxelles, 1774. По свидѣтельству П. И. Бартенева, существуетъ подробный, еще неизданный, разборъ этого сочиненія, писанный Екатериною II-ю). **12, 18, 25.**

Блокъ, Иванъ Леонтьевичъ, лейбъ-хирургъ (Мѣсяцосл. на 1790, стр. 9) **220.**

Боболинскій, Леонтій, іеромонахъ Троицкаго (Ильинскаго) Черниговскаго монастыря; о существованіи, въ Черниговской семинарской библіотекѣ, сочиненной имъ въ 1699 г. лѣтописи (861—1679) довелъ до свѣдѣнія Екатерины епископъ Черниговскій Іерофей, который 11 Іюня 1792 г. уже донесъ Синоду, что упомянутый лѣтописецъ имъ препровожденъ къ Императрицѣ. (*Полѣновъ*, Д. В. „О лѣтописяхъ, изданныхъ отъ Св. Синода". Записки Имп. Академіи Наукъ IV, и отдѣльно, стр. 25—26; отрывокъ этой лѣтописи напечатанъ въ приложеніи къ „Лѣтописи Гадячскаго полковника Григорія Грабянки", изд. временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1853 г.) **225.**

Боборыкинъ, Петръ Ивановичъ, ген.-м., дядя гр. А. М. Дмитріева-Мамонова, **32, 51, 171.**

Бобринскій, графъ Алексѣй Григорьевичъ, род. 1762 † 1813. При Екатеринѣ онъ дослужился до бригадира. Объ его жизни въ Парижѣ и Лондонѣ см. въ запискахъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго (Осм. Вѣкъ, кн. I, стр. 398, 401, 402). Послѣдніе годы жизни Екатерины онъ провелъ въ Ревелѣ, откуда, вѣроятно, и пришло то письмо, о которомъ упоминается въ Дневникѣ. Павелъ

бу, что въ разговорахъ безъ нужды употребляютъ много иностранныхъ словъ, и эту жалобу Леклеркъ отнесъ къ недостатку языка. На это Болтинъ объясняетъ, въ чемъ состояла слышанная Леклеркомъ жалоба: „Въ царствованіи Елисаветы введено было въ языкъ Русскій множество словъ Французскихъ, не по нуждѣ, а по *буйственному* пристрастію ко всему, что̀ называется Французскимъ; но лѣтъ съ двадцать странный сей вкусъ началъ выходить изъ употребленія.. Не взирая, однакоже, на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталось такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ Французскихъ и научась отъ нихъ отъ юности все Русское презирать, не хотятъ узнать природнаго своего языка и, не умѣя на немъ объясняться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ Французскихъ. Знающіе же природный свой языкъ, кромѣ необходимости, иностранныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше. Можетъ быть, г. Леклерку случилося таковыхъ Французо-Русскихъ петиметровъ слышать разговаривающихъ между собою, а по ихъ разговорамъ заключилъ, что и всѣ такимъ же страннымъ языкомъ говорятъ, какъ они". Удивляясь ошибкамъ Годара и Леклерка, Болтинъ между прочимъ замѣчаетъ: „О Россіи судить примѣняяся къ другимъ государствамъ Европейскимъ, есть то же, что̀ сшить на рослаго человѣка платье по мѣркѣ, снятой съ карлы".

Не забудемъ, что это сочиненіе Болтинъ написалъ по настоянію Потемкина, какъ свидѣтельствуетъ о томъ А. Н. Самойловъ (Русск. Арх. 1867, стр. 1570) и напечатано на счетъ Императрицы Екатерины. Впослѣдствіи эта книга впервыя возбудила въ Каченовскомъ желаніе заняться критическимъ изслѣдованіемъ отечественной исторіи (*Снигиревъ.* Воспоминанія. Русск. Арх. 1866, стр. 75). Болтинъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ на Леклерка" задѣлъ князя Щербатова (I, 268), и между ними началась знаменитая полемика. Щербатовъ выступилъ противъ него съ „Письмомъ къ одному пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ господина генералъ-маіора Болтина". М. 1789. Болтинъ съ своей стороны, того же 1789 г., издалъ въ Петербургѣ „Отвѣтъ генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской исторіи". Критическія же примѣчанія Болтина на исторію Щербатова изданы уже по его смерти другомъ его, гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ (Спб. 1793—1794, въ 2-хъ томахъ, 4°). Князь же Щербатовъ, хотя въ письмѣ своемъ 1789 г., на стр. 144, отказался отвѣчать на какія-либо новыя возраженія Болтина, но былъ заживо задѣтъ „отвѣтомъ" Болтина и написалъ, подъ именемъ въ отечество свое недавно возвратившагося Россіянина, цѣлую книгу: „Примѣчанія на отвѣтъ ген.-маіора Болтина на письмо кн. Щербатова", но книга эта издана въ Москвѣ, въ 1792 г., послѣ смерти ея автора. Кромѣ кн. Щербатова, Болтинъ еще прежде входилъ въ состязаніе съ Фонъ-Визинымъ о планѣ Россійскаго словаря. Князь П. А. Вяземскій въ своемъ „Фонъ-Визинѣ" (Спб. 1848) пишетъ: „Жаль, что неизвѣстны намъ подлинныя примѣчанія Болтина на планъ словаря Россійской Академіи. Сіи критическіе взгляды на языкъ народа весьма драгоцѣнны" (стр. 266). Въ настоящее время эти „примѣчанія" найдены и напечатаны Я. К. Гротомъ въ пятомъ томѣ сочиненій Державина. Спб. 1869, стр. 396—404. По порученію Екатерины, Болтинъ написалъ „примѣчанія" на сочиненное самою ею историческое представленіе изъ жизни Рюрика (Спб. 1792). Кромѣ того, Екатерина поручила ему сочинить историческое, географическое и статистическое описаніе Россійской Имперіи; но онъ не успѣлъ докончить сего труда. Вмѣстѣ съ гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ онъ трудился надъ изданіемъ „Русской Правды" (Спб. 1792). Иванъ Никитичъ скончался въ С.-Петербургѣ, 6 Октября 1792 года. Бумаги и книги его купила Екатерина и подарила ихъ графу А. И. Мусину-Пушкину. Всѣхъ бумагъ Болтина осталось до ста связокъ, и въ нихъ между прочимъ оказались: 1) Переводъ Французской энциклопедіи до буквы К; 2) Историческое и географическое описаніе намѣстничествъ; 3) Толковаго словаря буква А; 4) Выписки для уразумѣнія древнихъ лѣтописей. „Чтобы понять значеніе историческихъ трудовъ Болтина, пишетъ С. М. Соловьевъ, необходимо обратить вниманіе на ту перемѣну во мнѣній о наукѣ и просвѣщеніи, которая обоз-

началась со времени вступленія на престолъ императрицы Екатерины II. Начиная съ эпохи преобразованія до этого времени, на науку смотрѣли съ матеріальной точки зрѣнія. Старались умножать число ученыхъ точно также, какъ старались объ умноженіи числа ремесленниковъ, о нравственномъ же вліяніи науки на человѣка не заботились. Но прошло полвѣка, и слѣдствія такого порядка вещей оказались явственно: съ распространеніемъ наукъ и внѣшняго образованія народная нравственность не улучшилась; замѣтно даже было явленіе противное,—и вотъ, съ самаго вступленія на престолъ Екатерины II, обнаруживается стремленіе поправить зло, дать наукѣ нравственное значеніе въ воспитаніи просвѣщенныхъ гражданъ, а не ограничивать ея дѣйствія только приготовленіемъ ученыхъ ремесленниковъ. Такой образъ мыслей не могъ не отразиться и во взглядѣ на Русскую исторію. Люди первой половины XVIII вѣка считали себя дѣтьми свѣта, возсіявшаго для Россіи съ Петра Великаго, что прежде—то было мракъ; но во второй половинѣ XVIII вѣка лучшіе люди, будучи неудовлетворены внѣшнимъ формальнымъ образованіемъ, стали обращать свои взоры на ветхозавѣтную Россію. Это недовольство направленіемъ, господствовавшимъ въ первую половину XVIII вѣка, и примиреніе съ враждебною ему стариною до-петровскою объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю Русскую исторію".—В. И. Ламанскій характеризуетъ намъ Болтина слѣдующимъ образомъ: „Много ѣздившій по Россіи, основательно изучившій Русскую исторію, старую и новую, Болтинъ обладалъ истинно блестящими дарованіями. Онъ не только стоитъ выше Щербатова или Радищева (столь несправедливо превознесеннаго), но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Фонъ-Визина и Новикова. Онъ превосходилъ ихъ всѣхъ строгостью и самостоятельностью мысли, живымъ знакомствомъ съ Россіею и болѣе Русскимъ взглядомъ на вещи. Вообще послѣ Ломоносова, Болтинъ съ Лепехинымъ, Поповскимъ и Десницкимъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ головъ Россіи XVIII вѣка". (*Евгеній.* Словарь Русск. свѣтск. писател. I, 49—54. *Гречъ.* Учебная книга Россійск. Словесности. Спб. 1822. IV, 493—495. *Соловьевъ.* Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка. Архивъ истор. юрид. свѣдѣн., относящ. до Россіи. Изд. Н. Калачовымъ. М. 1855, стр. 63—73. *Ламанскій.* М. В. Ломоносовъ Отеч. Зап. 1863 г.). **254.**

Бомбель, маркизъ Марка, Французскій посланникъ въ Венеціи, когда вспыхнула Фр. революція; его жена, баронесса де-Медонъ, была другомъ Елисаветы, сестры Людовика XVI. Онъ былъ совершенно преданъ Бурбонамъ, **217, 220, 223.**

Борго, гор. Нюландской губ., **171.**

Борезундъ, въ Финскомъ заливѣ, **180.**

Боркъ, графъ, полк. Польск. **135.**

Боркъ, 165.

Бородаевка, нынѣ село Екатериносл. губ., Верхнеднѣпр. у. (*Семеновъ,* П. П. Геогр. Слов. I. 308). **20.**

Бороздинъ, Михаилъ Саввичъ. ген.-поруч.; по свидѣтельству К. М. Бороздина, онъ съ честью служилъ Елисаветѣ Петровнѣ, Петру III и Екатеринѣ II, участвовалъ во многихъ походахъ и сконч. въ Петербургѣ 21 Января 1796 г. (Энцикл. лексик. VI, 415). Въ Энцикл. лексик. Плюшара, статья о дворянскомъ домѣ *Бороздиныхъ,* подписанная буквами А. В. В., принадлежитъ К. М. Бороздину, который, не желая подъ этою статьею объявлять своего имени, выпросилъ позволеніе у А. В. Висковатова выставить начальныя буквы его имени (Письмо Д. В. Полѣнова къ М. П. Погодину о К. М. Бороздинѣ. Труды перваго археолог. съѣзда въ Москвѣ. 1869, I, 73) **67.**

Боуръ, см. Бауръ.

Бразинскій, Христіанъ Ермолаевичъ, камердинеръ Императрицы, **4—5.**

Браницкая, рожденная Энгельгардъ, гр. Александра Васильевна, штатсъ-дама (Мѣсяцосл. на 1789 г., стр. 7); род. 1754, † 1838. Была замужемъ за коронными великимъ гетманомъ Польскимъ, гр. Ксаверіемъ Петровичемъ. (*Лонгиновъ,* въ примѣчаніи къ Запискамъ Энгельгардта (1867), стр. 49), **218, 248, 255.**

Браницкій, гр. Ксаверій Петровичъ, Польскій коронный гетманъ, **139.**

Бретёль (Breteuil), баронъ (1733, † 1807), Французскій министръ, **174.**

теневымъ (см. Всеобщая Библіотека Россіи, собр. А. Д. Чертковымъ. М. 1863, с. 302—309) **41, 113.**

*

Вадковская (рожд. гр. Чернышова), Екатерина Ивановна (*Долгорукій,* Россійск. Родосл. Кн. II, 103), **178.**

Вадковскій, Θеодоръ Θедоровичъ, капит. Семеновскаго полка и дѣйств. камерг. (Мѣсяцосл. на 1786, с. 4), род. 1754, † 1806. Получивъ отличное образованіе, съ раннихъ лѣтъ былъ близокъ къ вел. кн. Павлу и сопровождалъ его въ путешествіи по Европѣ. (Записки гр. Комаровскаго, Русск. Арх. 1867, с. 232—233), **26, 178.**

Ваксель, Василій Савельевичъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ орд. Св. Владимира 4-й степ., служилъ въ Московской межевой канцеляріи (Мѣсяцосл. на 1790, с. 24), **203.**

Валдай, гор., **24.**

Валкесъ (Валкъ), заштатн. гор. въ Венденскомъ у., Лифляндск. губ.; осн. въ 1343 (*Гагаринъ, кн. С. П.* Всеобщій Географ. Словарь. М. 1843 г., 8°, I, 275), **62.**

Вальцъ, Иванъ Ивановичъ, надворн. совѣтн., секрет. Государ. Коллегіи Иностр. Дѣлъ. (Мѣсяцосл. на 1790 г., с. 38). Въ изданіи Геннади (стр. 246) поставленъ **Вистъ,** который тоже служилъ секретаремъ въ Коллегіи Иностр. Дѣлъ. Не лишнимъ считаю привести здѣсь два документа, относящіеся до этого лица и до обстоятельствъ, Храповицкимъ разсказываемыхъ. Эти копіи указовъ Имп. Екатерины Шешковскому и Храповицкому сообщены мнѣ Д. В. Полѣновымъ. Оба указа писаны въ Царскомъ Селѣ, 28 Іюля и 3 Августа 1791 года.

I.

„Дошло къ свѣдѣнію нашему, что бывшій при дворѣ нашемъ Французскій полномочный министръ, графъ Сегюръ, имѣлъ въ канцеляріи нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ подкупленнаго имъ человѣка, для доставленія ему разныхъ извѣстій. По употребленнымъ къ открытію сего стараніямъ, мы получили приложенную при семъ для свѣдѣнія вашего выписку изъ иностраннаго Французскаго департамента, по части или экспедиціи казенной, изъ которой усмотрите, что виновнымъ въ томъ оказался надворный совѣтникъ Иванъ Вальцъ, записанный въ той экспедиціи въ полученіи опредѣленной ему за преступленіе его цѣны подъ именемъ *Скрыбсъ.* Повелѣваемъ вамъ, взявъ помянутаго Вальца, безъ огласки, подъ арестъ въ крѣпость, допросить его во всѣхъ обстоятельствахъ открывающагося его дѣянія, равно какъ и въ томъ, не имѣлъ ли онъ и съ другими иностранными министрами, повѣренными въ дѣлахъ и ихъ канцелярскими служителями какихъ-либо по дѣламъ сношеній, съ кѣмъ именно, когда что̀ точно сообщалъ и открывалъ, и по какимъ причинамъ или побужденіямъ; но понеже не довольно, чтобъ собственныя его дѣянія открыты были, а надлежитъ, для пресѣченія зла для службы нашей, чтобъ и другіе, подобные ему, ежели они есть, паче чаянія, найдены были, для того вы не оставьте вѣрнымъ и яснымъ образомъ его спросить, кого онъ знаетъ въ тѣсномъ сношеніи съ министрами иностранными, повѣренными въ дѣлахъ и канцелярскими ихъ служителями, какія извѣстны ему касательно того подробности, доказательства или признаки, и гдѣ подобныя сношенія, свиданія или переговоры производятся. Допросъ его намъ представьте, произведя дѣло сіе съ крайнею и непроницаемою тайною, да и отнюдь не забирая и не требуя ни оговорныхъ, ниже какихъ-либо отъ кого бы то ни было справокъ, безъ точнаго намъ доклада и нашего повелѣнія“.

II.

„По разсмотрѣніи допроса надворнаго совѣтника Ивана Вальца и дополнительныхъ его показаній, находимъ, что онъ самъ признался не токмо въ томъ, что никому изъ присутствующихъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ не донесъ о попыткѣ секретаря Австрійскаго посольства Рата подкупить его,

но и принялъ отъ него пятьсотъ рублей, что бралъ онъ взятки съ другихъ и что по существу писемъ, у него найденныхъ, надлежало бы объ немъ учинить повальный обыскъ, да и приступить къ дальнѣйшему изслѣдованію въ показываемомъ отъ него извѣстномъ преступленіи, въ которомъ нельзя изъять его отъ подозрѣнія. Вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ, прочтеніемъ сего указа нашего, объявить ему, что хотя по винамъ его подлежалъ быть суду и законной строгости, мы, однакожъ, по свойственному намъ милосердію, указали, отрѣша его отъ дѣлъ иностраннаго департамента, послать на пребываніе въ Пензу, гдѣ онъ отъ правящаго должность губернатора имѣетъ употребленъ быть по его разсмотрѣнію, получая содержаніе свое. За симъ, обязавъ его подпискою, что онъ никому никогда и ни подъ какимъ видомъ не откроетъ дѣлъ и обстоятельствъ, о которыхъ былъ вопрошаемъ, отправить подъ присмотромъ въ Пензу, съ указомъ нашимъ на имя генералъ-поручика Ребиндера, при семъ влагаемымъ. Семейство же его, Вальца, можетъ туда же ѣхать". **216, 217.**

Ванжуръ, бар., фортепіанистъ Ермитажной труппы, **80, 88, 96, 103, 121, 173.**

Варяги, по объясненію Екатерины, **204, 205.**

Васильевъ, Алексѣй Ивановичъ, впослѣдствіи графъ и Александровскій министръ финансовъ. Род. 1742, † 1807. По окончаніи курса наукъ въ юнкерской школѣ при Сенатѣ, выдержалъ экзаменъ въ законахъ и дѣлопроизводствѣ, и былъ пожалованъ въ протоколисты въ Сенатъ. Отсюда поступилъ онъ къ ген.-пр. Глѣбову и остался при его пріемникѣ, кн. Вяземскомъ, который сдѣлалъ его правителемъ канцеляріи и женилъ на племянницѣ своей, кн. Варв. Серг. Урусовой. Въ 1770 г. пожалованъ въ оберъ-секретари Сената. Въ теченіе этого времени занимался по Коммисіи Уложенія и составилъ по финансовому управленію сводъ изъ законовъ отъ начала до 1775 г. Потомъ на него возложено было составленіе государственной окладной книги. Вскорѣ занялся онъ учрежденіемъ четырехъ государств. экспедицій по казенному управленію; въ продолженіе этой работы имъ приготовлено: „Наставленіе казеннымъ палатамъ"; по уничтоженіи Штатсъ-конторы, сдѣланъ управляющимъ учрежденной тогда экспедиціи для ревизіи государств. счетовъ, къ которой потомъ присоединены были еще экспедиціи: горная, винная и соляная. Когда болѣзни кн. Вяземскаго начали усиливаться, онъ докладывалъ Императрицѣ по дѣламъ государств. казначея. Въ 1791 году сдѣланъ главнымъ директоромъ Медицинской Коллегіи и вскорѣ потомъ сенаторомъ. **185, 193, 202, 220, 223, 230, 231, 235, 236, 240, 251, 252.**

Вахтмейстеръ, графъ, плѣнный Шведскій адмиралъ, былъ отправленъ въ Москву, гдѣ присутствіе его возбуждало самое нескромное любопытство на гуляньяхъ; за нимъ бѣгали толпами, особенно женщины. (*Лонгиновъ*, въ прим. къ Записк. Энгельгардта (1867), с. 83) **60, 63, 64, 68, 70, 89, 90;** отз. о немъ Екатерины **94;** его братъ **82, 90.**

Вейдемейеръ, Иванъ Андреевичъ, канцеляріи совѣтн., чиновн. Коллегіи Иностр. Дѣлъ (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 36), **52, 98, 112, 118.**

Вейнгольцъ, Леонора, жена Португ. адмирала, **128.**

Вейсенгофъ, Бѣлорусск. депут. изъ Полоцка, **134.**

Вейтбрехтъ, Иванъ, академикъ, Екатерина пользовалась его изданіемъ: „Лексиконъ Французско-Россійскій, съ послѣдняго изданія Лексикона Французской академіи, переведенный собраніемъ ученыхъ людей", 2 ч. (Спб. 1786 г., въ 4°). **17.**

Вейтбрехтъ, содержатель типографіи и придворный книгопродавецъ, **24, 125, 134.**

Велижъ, нынѣ гор. Витебской губ., **13.**

Великій, Семенъ Ивановичъ; когда минуло ему лѣтъ восемь, его помѣстили въ Петровскую школу, съ приказаніемъ дать ему наилучшее воспитаніе. По окончаніи курса наукъ въ школѣ, объявилъ, что желаетъ служить во флотѣ, поступилъ для окончанія наукъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, былъ выпущенъ мичманомъ, получилъ чинъ лейтенанта и сбирался идти съ капитаномъ Муравьевымъ въ кругосвѣтную экспедицію; но вдругъ (въ 1793 г.)

*

скомъ Университетѣ. Съ 1515 года онъ является дѣятелемъ на поприщѣ дипломата и тутъ показываетъ большую ловкость, смѣлость и умѣнье вест себя съ достоинствомъ. Двукратное посольство въ Москву въ 1517 и въ 1526 годахъ (Указатель къ осьми томамъ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, изданныхъ Археогр. комиссіею стр. 234) есть одно изъ главнѣйшихъ событій въ его жизни. Остальная жизнь его протекла непрерывно въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ и дипломатическихъ посольствахъ, изъ коихъ предпринятое, въ 1541 году, въ Константинополь считается важнѣйшимъ и затруднительнѣйшимъ. (*Аделунгъ*. Критико-литературн. обозрѣніе путешественниковъ по Россіи I, 106—109). Плодомъ его поѣздокъ въ Москву было Commentarii rerum Moscoviticarum. Это классическое сочиненіе есть одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ для изученія Русской исторіи. Кромѣ личныхъ воспоминаній и наблюденій, онъ вставилъ въ свое сочиненіе многіе Русскіе памятники: Судебникъ в. кн. Ивана Васильевича. Вопросы Кирика, Правила Іоанна митрополита. (*Бестужевъ-Рюминъ*. Русск. Исторія I. 180, 181). Бывъ родомъ изъ Крайны, онъ зналъ по-славянски, почему и могъ читать Русскія лѣтописи, и въ своихъ Commentarii онъ дѣлаетъ изъ нихъ довольно вѣрныя выписки (*Шлецеръ*. Несторъ, I. pkr., рлв.). Первое изданіе Rerum Moscoviticarum Commentarii было сдѣлано въ Вѣнѣ, 1549; 2-е—въ Базелѣ 1551. Всѣ послѣдующія изданія перечислены Аделунгомъ; изъ нихъ для насъ замѣчателенъ Нѣмецкій переводъ этого сочиненія, сдѣланный въ Базелѣ въ 1567 году, который Имп. Екатерина приказала перепечатать въ С.-Петербургѣ совершенно въ томъ же видѣ, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, на пожелтѣвшей бумагѣ, старинныхъ шрифтомъ (Всеобщая Библіотека Россіи А. Д. Черткова. М. 1863, № 1411). Существовалъ и Русскій переводъ Герберштейна, что видно изъ слѣдующихъ словъ Храповицкаго въ письмѣ его къ В. С. Попову, отъ 29 Ноября 1794 года: „Доставлено къ гр. Пл. Ал. Зубову, записка бар. фонъ-Герберштейна на Россійскомъ языкѣ. Манускриптъ въ сафьяномъ переплетѣ in folio“. (*Мурзакевичъ*. Кабинетъ Зимняго Дворца Имп. Екатерины II. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Авг. 1872, стр. 334) **77.**

Герцбергъ, гр. Прусск. мин. иностр. дѣлъ (род. 1725 † 1795) **30, 80, 99, 100, 105, 108, 116, 118. 119, 121, 123, 124, 128, 138, 150, 156, 200, 216.**

Герцогъ и герцогиня Курляндскіе и *сынъ* ихъ. См **Петръ, Анна-Доротея** и **Петръ.**

Геско, Шведск. полк., **135.**

Гессенъ-Кассельскій, принцъ. См. **Карлъ.**

Гессенъ-Филипсталь, пр. Фридрихъ, полк. Русск. службы. Отзывъ о немъ Екатерины, **210.**

Гинцель, Карлъ Крестьяновичъ, правитель Выборгскаго намѣстничества (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 343) **62, 68, 70, 75, 112, 114, 117, 152, 153, 156, 160.**

Гишпанскій король. См. **Карлъ III** и **Карлъ IV.**

Глебицкій-Іозифовичъ, Бѣлорусск. депутатъ изъ Могилева, **134.**

Глѣбовъ, Александръ Ивановичъ (1718 † 1790), бывшій ген.-прокуроръ, происходилъ изъ духовнаго званія и по женѣ Чоглоковой былъ въ родствѣ съ Имп. Екатериною I. За „дурныя принципіи“ Екатерина II уволила его отъ должности ген-прокурора и онъ переѣхалъ жить въ Москву (*Гротъ*. Соч. Державина. VI, стр. 60). **34, 35, 73, 240.**

Гогартъ, Вильямъ, Англ. рисовальщикъ, каррикатуристъ и граверъ (род. 1697, † 1764), **123.**

Гогландъ, остр. на Финскомъ зал., **60.**

Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь Смоленскій, Михаилъ Ларіоновичъ. род. 1745, † 1813 г. Въ 1774 и 1788 онъ былъ раненъ двумя пулями: одна, ударивъ въ лѣвый високъ, вылетѣла у праваго глаза; другая, попавъ въ щеку, вышла въ затылокъ. Его двукратное спасеніе обращало на него вниманіе всей Россіи (*Богдановичъ*. II, 10). **82. 244.**

Голицына (рожд. кн. Гагарина), кн. Дарья Алексѣевна, супруга фельдмаршала кн. Александра Михаил., статсъ-дама. **16.**

Голицынъ, кн. Александръ Михайловичъ, фельдмаршалъ (род. 17 Ноября 1718 г., скончался въ Петербургѣ 4 Октября 1783 г.) **116, 158.**

директора, Императорской Россійской Академіи президента и кавалера, княгини Екатерины Романовны Дашковой, принадлежавшихъ его высокопревосходительства, Ея Императорскаго Величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру, Александру Александровичу Нарышкину, Голландскихъ борова и свиньи, о семъ судомъ на мѣстѣ и освидѣтельствовано и 16 числа по прочему опредѣлено, какъ изъ онаго дѣла явствуетъ: ея сіятельству, княгиня Е. Р. Дашкова, зашедшихъ на дачу ея принадлежавшихъ его высокопревосходительству, А. А. Нарышкину, двухъ свиней, усмотрѣнныхъ яко-бъ на потравѣ, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню, убить, которыя и убиты были топорами, то, на основаніи о управл. губерн, учрежд. 243-й ст., въ удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ уложен. 10-й гл. 208-209 и 210, и за тѣ убитыя свиньи взыскать съ ея сіятельства, кн. Е. Р. Дашковой, противъ учиненной оцѣнки 80 рублей, и по взысканіи отдать его высокопревосходительства А. А. Нарышкина повѣренному служителю, съ распискою..„ а что принадлежитъ до показаній садовниковъ, яко-бъ означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравлены посаженныя въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоющіе 6-ти рублей, но сія потрава не только въ то время чрезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г. земскій исправникъ Панаевъ, и по свидѣтельству его въ саду и ранжереяхъ никакой потравы не оказалось... По отзыву-жъ ея сіятельства, учиненному г. исправнику, въ бою свиней незнаніемъ закона, и что впредъ зашедшихъ коровъ и свиней такожъ убить прикажетъ и отошлетъ въ гошпиталь, то въ предупрежденіе и отвращеніе таковаго предпріятаго законамъ противнаго намѣренія, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнаніемъ закона не отзывалась, въ чемъ ея сіятельство обязать подпискою". Послѣ этого происшествія, Нарышкинъ, показывая на красное лицо княгини, говаривалъ при дворѣ: „Она еще въ крови послѣ убійства моихъ свиней". [*Masson*, Mémoires secrets sur la Russie. P. 1859 г., стр. 211, 184, 240, 242]. Отз. о ней Екатер. **161**; пис. ея о внучкѣ Эйлера **174**; представлена въ комедіи **177**; отз. Екатерины о воспитаніи ея дѣтей **234**.

Дашковъ, кн. Павелъ Михаиловичъ, с. кн. Екатер. Романовны. *Вигель* въ своихъ Воспоминаніяхъ говоритъ, что онъ былъ воспитанъ на славу. Мать возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ государствамъ и въ Эдинбургѣ достала ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и медицины. Возвратясь въ отечество, онъ сталъ быстро возвышаться по службѣ и, будучи 25 лѣтъ, командовалъ Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца Семена Никифоровича Алферова, Анна Семеновна, и онъ на ней женился (I. 59). Неожиданное извѣстіе объ этомъ бракѣ такъ поразило мать, что она занемогла нервическою горячкою. Державинъ хотѣлъ поставить ей въ образецъ благоразумія гр. Румянцову и въ своей одѣ на смерть послѣдней говоритъ:

...... тебѣ крушиться
Не должно Дошкова, всегда...
Престань и равнодушнымъ окомъ
Воззри на оный кипарисъ,
. . . .
Который въ дремлющихъ своихъ вѣтвяхъ
Сокрылъ недавно въ гробѣ новомъ
Румянцовой почтенный прахъ.
. . . .
Пожди, и сынъ твой съ страшна бою
. . . .
Съ побѣдой, съ славою, съ женою,
.... пріѣдетъ въ домъ;
И если знатности и злата
Невѣстка въ даръ не принесетъ,
Благими нравами богата,
Прекрасныхъ внучатъ приведетъ.

Однако, по настоянію матери, князь Павелъ Михаиловичъ разошелся съ женою. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1807 году, губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства. По смерти сына, знаменитая княгиня примирилась съ своею невѣсткою. (Сообщено П. И. Бартеневымъ) **14, 161, 234.**

Девонширская политическая партія въ Англіи получила свое названіе отъ герцогини Девонширъ (1757, † 1806), супруги Виліяма Кавендиша, герцога Девонширскаго. Съ красотою и умомъ соединяла и поэтическій талантъ. Во время своей молодости имѣла въ числѣ своихъ обожателей знаменитѣйшихъ лицъ Англіи. Герцогиня принимала дѣятельное участіе въ бореніи партій и своимъ вліяніемъ поддерживала Фокса. **211.**

Дезинъ (фонъ), Вадимъ Петровичъ, вице-адмиралъ (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 66), впослѣдствіи адмиралъ, членъ Государств. Совѣта, сенаторъ, скончался 1826 г. (*Вейдемейеръ*, Дворъ и замѣчат. люди въ Россіи II, 58), участв. въ Шведск. войнѣ, **54—155.**

Дезинъ (фонъ), Мартынъ Петровичъ, контръ-адмир. (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 66), **65.**

Дейдамія, трагедія, „покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ и Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ краснорѣчіи профессоромъ Васильемъ Кириловичемъ Тредіаковскимъ сочиненная въ 1750 году". Печатана первымъ тисненіемъ въ Москвѣ 1775 года. Въ 8-ку. По завѣщанію сочинителя, посвящена А. П. Сумарокову. Предъ трагедіей помѣщена краткая біографія автора, **102.**

Де-Линь, принцъ, Австр. фельдмаршалъ (род. 1735, † 1814), сопровождалъ имп. Іосифа II въ Россію и потомъ былъ при Потемкинѣ во время Очаковской осады. Послѣ него оставшіяся Записки и Письма о Россіи, по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, „блестящія остроуміемъ, ярко характеризуютъ и людей, и общество". (Русск. Исторія, 202) **17—18;** отзывъ о немъ Екат. **21;** ночуетъ въ Софіи за недостатк. лошадей **31;** отзывъ о немъ Потемк. **47;** пис. его къ гр. Кобенцелю **106, 119;** Екатерина видитъ въ его письмахъ злобу къ Россіи **124;** переписка съ Екатер. **184, 201, 214, 242, 243.**

Делицынъ (le chevalier de Litzine), сынъ вице-канцлера, кн. Александра Михайловича Голицына. У него было двѣ сестры: Дарья Александровна за Димитріемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и Екатерина Александровна за кн. Долгорукимъ. Самъ Делицынъ былъ женатъ на кн. Грузинской, вышедшей потомъ за кн. Бориса Голицына; сынъ Делицына умеръ въ юности. Дочь была за Долгорукимъ. (Сообщено А. А. Васильчиковымъ). **154.**

Дельпи, акт., **157.**

Денина (Denina, Giacommo, Maria, Carlo), родился въ 1731 году въ Піемонтѣ, ум. въ Парижѣ въ 1813 году. Воспитаніе получилъ въ Туринскомъ Университетѣ; вступивъ въ духовное званіе, былъ сдѣланъ аббатомъ; состоя профессоромъ литературы сперва въ Пиньеролѣ, а потомъ въ Туринѣ, подвергся преслѣдованіямъ со стороны чернаго духовенства за свои сочиненія, противъ него направленныя, и вообще за свой свободный образъ мыслей. По рекомендаціи маркиза Лукезини и министра Герцберга, былъ вызванъ Фридрихомъ Великимъ, въ 1782 году, въ Берлинъ и сдѣланъ членомъ тамошней Академіи Наукъ. Въ бытность свою въ Берлинѣ онъ, между прочимъ, написалъ Essai sur la vie et le règne de Fréderic II, roi de Prusse, pour servir de préliminaire à l'édition de ses œuvres posthumes. A Berlin, chez George Jacques Decker et Fils. 1788. 8°. Впослѣдствіи, въ 1804 г., былъ вызванъ въ Парижъ Наполеономъ, который сдѣлалъ его своимъ библіотекаремъ (*Ersch* und *Gruber*, XXIV, 133—134; *Duckert*, Dictionnaire de conversation, VII, 374—375). На нѣкоторыя мѣста написанной Дениной біографіи Фридриха II, Императрица Екатерина сдѣлала нижеслѣдующія замѣчанія.

Екатерина о книгѣ аббата Денины.

Page 20. Fréderic-Guillaume.... par complaisance pour l'empereur Charles VI, qui lui recommandoit sa nièce Élisabeth Christine, fille de Ferdinand Albert, duc de Bevern, de la maison de Bronswic, se décida pour celle-ci. S'il est vrai que le prince royal eût

d'autres inclinations, il les sacrifia à la volonté de son père et au mérite très-reconnu de la princesse de Bronswic.

Extérieurement, mais il jura de ne la pas toucher, et il tint parole.

Page 25. Le livre qu'il lisoit le plus étoit le Dictionnaire de Bayle. Il en parloit si souvent à table et dans la conversation, que la princesse royale, son épouse, voulut aussi le lire, et elle chargea un pasteur de la colonie Françoise de lui marquer les endroits qu'une honnête femme pouvoit lire sans danger.

Hé bien, je l'ai lu et je n'y ai jamais trouvé autre chose, si non un esprit très philosophique, et il m'a parut qu'il n'y avoit rien qu'une honnête femme ne put lire sans danger. Je n'en admire pas moins la délicatesse de la princesse royale, et j'avoue que pareille idée ne m'est pas entrée dans la tête; je n'ai jamais pensé au mal.

Pages 28—29. C'étoient Leipsic, Berlin et Hamburg, qui devoient par leur commerce mutuel former la nation et créer la littérature nationale.

Nous verrons un peu ce que redeviendra cette littérature nationale Allemande, si le fanatisme des visions continuera à aller en croissant, comme il fait jusqu'ici, et quand tous ces princes d'Allemagne ne trouveront que cela de bon. Point de salut pour les lettres sans la philosophie et les esprits philosophiques; or ceux-ci ne sauroient faire cas des charlatans, des visionnaires, des entousiastes et d'autres pareilles folies.

Page 30. Doit-on s'étonner après cela, si Fréderic s'est accoutumé à parler, à écrire en François, et à ne s'entretenir volontiers qu'avec ceux qui parloient cette langue?

Il prit du goût pour le Français, parce que son père n'aimoit pas cette langue.

On a beau dire, la pédanterie est le fort des Allemands, l'agrément—celui des François, les études exactes et profondes celui des Anglois.

Page 38. A réfutation des maximes détestables que Machiavel avoit insinuées dans son livre intitulé: *Le Prince. L'Anti-Machiavel* fut le premier ouvrage qui mit Fréderic au nombre des auteurs.

Ce livre prouve, que dire et faire sont deux.

Page 52. Winterfeld, beau-frère de Munnich, sujet du roi de Prusse, qui l'envoya à Pétersbourg. Sa mission eut l'effet que Fréderic pouvoit souhaiter. Winterfeld, outre qu'il traversa à propos les démarches que faisoit la cour de Vienne pour s'assurer l'alliance de la Russie, attira au service du roi son maître quelques habiles officiers, entr'autres Finck et Manstein, et disposa peut-être de loin le maréchal de Keith à prendre le même parti.

Munnich fut beau-père, et non pas beau-frère, de Winterfeld.

Point du tout, le maréchal Keith n'y auroit jamais pensé, si le chanc. c-te Bestouchef ne l'eut persécuté afin de faire place à Apraxin, son ami, à cela se joignirent les intrigues Angloises; le frère du maréchal Keith, ayant eu part aux troubles d'Écosse de 1745, voulut prendre service en Russie; les Anglois firent tant auprès de Best... qu'on le refusa, et Keith prit son congé.

Pages 64 et 65. Le m. de Botta étoit envoyé de la cour de Vienne à Pétersbourg lors de la révolution qui renversa le jeune Iwan, avec la régente Anne, duchesse de Bronswic, et qui mit Élisabeth sur le trône. Ni Anne ni son mari Ulric de Bronswic, ne perdirent la vie dans cette catastrophe; mais ils perdirent la liberté au moment qu'ils laissèrent échapper les rênes du gouvernement. La cour de Vienne s'intéressoit pour Anne, apparement parce que l'on savoit déjà qu'Élisabeth alloit être gouvernée par des ministres et des émissaires de la France, ennemie allors très-décidée de la reine de Hongrie. L'envoyé de Vienne eut ordre dans ses instructions secrètes de faire toutes les tentatives possibles pour détrôner Élisabeth et rendre la régence à Anne et au prince de Bronswic, son mari: six ou sept personnes, hommes et femmes, de la plus grande considération, lièrent l'intrigue avec Botta.

Tout ceci est un tissu de mensonges. Botta ne conspira pas, mais il fréquentoit les maisons de mesdames Lapouchin et Yagousinsky; là on parloit un peut librement d'Élisabeth, ces paroles lui furent raportées: dans tout ce procès, excepté ces propos libres, on ne trouve pas une trace de conspiration; mais il est vrai qu'on cherchoit à en trouver pour perdre le gr.-chan. c-te Bestouchef, beau-frère de la comtesse Yagousinsky, qui en seconde noce avait épousé le frère du gr.-chancelier. Mad. Lapouchin avoit beaucoup d'humeur contre l'impératrice Élisabeth de ce qu'elle lui avoit ôté une terre que la princesse Anne lui avoit donnée.

Pages 104, 105. Le gros de la nation resta luthérien dans le Brandebourg comme en Saxe, et n'aima pas d'avantage ni les catholiques, ni les réformés.

Les luthériens, là où ils sont les maîtres, ne laissent pas d'être très intolérans.

Page 126. On m'a dit que le roi, pendant la seconde guerre de Silésie, avoit promis à Bestouchef un présent de cent mille écus, s'il empêchoit sa souveraine de se déclarer en fauver de l'Autriche et de la Saxe, et que quand la paix fut faite, le roi, devenu économe en beaucoup de choses, ne se mit plus en peine de s'acquitter de sa rromesse; mais je crois que cette promesse de cent mille écus, faite à Bestouchef, se papporte à une autre époque.

Ceci est fort douteux; si le bruit en couroit, il suffisoit seul pour faire du gr.-chanc. Bestouchef un ennemi irréconsiliable. Ce qu'il y a de sûr, c'est que tous ceux qui passoient pour être les amis du roi de Prusse étoient les énnemis déclarés de Bestouchef, qui les fit écarter pour la plupart. Ceux-ci le lui rendirent, car s'étant trouvés en force, ils le culbutèrent et à leur tête le vice-chanc. Woronzow, ancien partisant de la clique Françoise-Prussienne; mais comme la France en 1758 en étoit au coûteau avec la Prusse, le vice-ch. resta François et se joignit à mess. Schouwaloff pour faire tomber Bestouchef. La cour de Vienne devint ingrate envers Bestouchef, à qui cependant elle devoit l'alliance de la Russie; Bestouchef vouloit que conformément au traité l'impératrice assista Marie-Thérese, mais celle-ci demandoit qu'Élisabeth assista son allié de toutes ses forces, ce parti l'emporta.

Page 153. Après la déroute de Kollin, les pertes que l'on avoit souffertes, les maladies, la désertion, avoient diminué l'armée Prussienne de plus de la moitié: elle étoit réduite à quatre vingt mille hommes, dont une partie devoit encore garnir des forteresses qu'il importoit de conserver. Les armées ennemies, nonobstant les pertes qu'elles avoient aussi faites, augmentoient continuellement et ne comptoient pas moins de quatre cent mille hommes. A mesure que le roi sembloit approcher de sa ruine, les princes de l'empire, qui avoient balancé jusqu'alors, s'empressoient de témoigner leur zèle à la maison d'Autriche et à l'empereur, et se joignoient aux ennemis.

Les princes de l'empire ressemblent aux courtisans, qui adorent aujourd'hui l'idole du jour, et demain tournent le dos à celui que la fortune ou la faveur a abandonné.

Page 157. Son génie et son courage, bien loin de succomber, avoient puisé une nouvelle vie dans ses revers.

C'est dans ses revers précisement qu'on voyoit son génie, car dans la prosperité il se négligeoit.

— ib. près de Rosbach...... à livrer bataille.

Les grandes choses ne se font jamais qu'avec des forces moyennes.

Pages 164—165. La Suède, après qu'elle eut versé hors de son sein cet énorme surplus de population qui envahit l'Empire Romain, ne parut presque plus sur le théâtre de l'Europe pendant plusieurs siècles: tantôt asservie aux Danois, tantot gémissant sous le joug de ses prêtres, et toujours affligée par des guerres intestines, elle ne se fit remarquer ni par des exploits glorieux au dehors, ni par de bons établissements au dedans; la seule particularité qui auroit pu mériter de l'attention étoit que non seulement les bourgeois, mais les paysans, dont l'état est nul partout ailleurs, avoient, comme ils l'ont encore, droit de suffrage dans les diètes nationales.

Ce ne fut jamais la Suède qui versa de son sein, comme dit l'auteur, cet énorme surplus de population qui envahit l'Empire Romain, mais ce furent les peuples venus de l'Orient et du Midi de la Russie. Les Suèdois eux-mêmes conviennent qu'Odin étoit natif du Don, Odin étoit Slave, son nom même le prouve; la Suède ne pouvoit ni contenir, ni nourrir tant de peuples. La liberté combattoit la tiranie.

Page 173. On a dit qu'il avoit à la fin gagné le grand-chancelier Bestouchef, et que ce ministre avoit donné des ordres au général Apraxin pour qu'il se retirât de la Prusse. Il est vrai que dans ce temps-là le comte Bestouchef parut moins contraire au roi; mais il n'est guère probable que l'argent du roi de Prusse pût avoir plus d'influence que celui de la France et de l'Autriche auprès du comte Bestouchef, qui étoit au plus offrant.

C'est un mensonge, Bestouchef vouloit qu'Apraxin avançât.

C'est encore un mensonge, Bestouchef étoit d'une fermeté opiniâtre, et jamais on ne le gagna par argent.

Pages 173—174. Les ministres d'Autriche et de France, qui connoissoient l'inclination du grand-duc, n'espérant point de le faire changer, tâchoient au moins d'empêcher qu'il n'eût de l'influence tant qu'Élisabeth régnoit et cherchoint tous les moyens de le mettre mal avec l'impératrice régnante.

Il auroit été bien dificile que le neveu d'Élisabeth eût eu de l'influence près d'elle, leurs esprits et leurs caractères étoient tels, que cinq minutes de conversation devoient les brouiller indubitablement; ceci est un fait prouvé.

Pages 174—175. Ce que ce ministre faisoit très probablement, étoit de blâmer auprès de l'impératrice l'amitié que le grand-duc avoit pour Fréderic, et de désapprouver la guerre que l'impératrice faisoit à la Prusse, lors qu'il parloit avec le prince. Aussi l'accusation principale dont on chargea le chancelier, fut d'avoir tenté de donner de mauvaises impressions à l'impératrice contre le grand-duc et la grande-duchesse, et à ceux-ci contre l'impératrice. Bestouchef fut remplacé par Woronzow, homme respectable par une réputation solide de probité, qu'il soutint toujours; mais ni sa sagesse, ni son crédit ne détachèrent point l'impératrice de l'Autriche et de la France.

Bestouchef, ennemi du roi de Prusse, soutenoit son avis haut à la main, et jamais il ne flatta le grand-duc. NB. Онъ его не возвратилъ и изъ ссылки.

Hipocrite, s'il en fut jamais, et c'étoit bien celui-là qui étoit au plus offrant; il n'y a point de cour qui ne l'aye soudoyé.

Page 186. On verra dans les œuvres de Fréderic avec quelle franchise il avoua ses fautes, et surtout celle qu'il fit à la journée de Francfort, en attaquant les ennemis qui ne pouvoient lui échapper; il les poussa à outrance, et par là les força de regagner sur la fin de la bataille ce qu'ils avoient perdu au commencement.

Le gl. Braun, gouv.-génér. de Riga, disoit souvent, que s'il avoit été roi lui, après la bataille de Francfort il n'auroit plus confié de commandement d'armée à Fréderic, si celui-ci avoit été son général.

Page 223. Mais dans les premiers transports de la joie qu'éprouva Pierre III de se voir maître, et de pouvoir manifester à l'univers d'une manière si éclatante son amitié pour le roi de Prusse, il avoit fixé la première époque d'une révolution qui alloit le renverser du trône et mettre fin à ses jours.

Pierre III n'avoit point de plus grand ennemi que lui-même, toutes ses actions étoient frapées au coin de la folie. Outre cela, ce qui fait pitié communément aux hommes lui donnoit de la colère. Il se plaisoit à battre les hommes et les animaux, et étoit non seulement insensible à leurs pleurs et leurs cris, mais ceux-ci lui inspiroient de la colère, et quand il en avoit, il cherchoit querelle à tout ce qui l'entouroit. Ses favoris étoient très malheureux, ils n'osoient pas parler les uns avec les autres sans exciter sa méfiance, et dès que celle-ci étoit mise en activité, il les rossoit en présence de tout le monde. Le gr.-écuyer Nariskin, le lieut.-gl. Melgounof, le cons. privé Wolkof l'ont été en présence du corps diplomatique à Oranienbaum et d'une centaine d'hommes et

de fémmes qui étoient présent à une fête que l'emp. leur donnoit... Le ministre d'Angleterre d'alors, Keith, à cette occasion s'approcha de la comtesse Bruce et lui dit: Savez-vous bien que votre empereur est fou à lier et, qu'à moins de l'être, on ne peut pas faire ce qu'il fait. L'impératrice Catherine II en montant sur le trône sauva l'empire, elle-même et son fils des mains d'un fou presque furieux, et qui le serait devenu indubitablement, s'il avoit versé ou vu verser une seule goutte de sang; c'est ce dont dans ce tems-là personne ne doutoit de tous ceux qui l'ont connu, pas même ses plus affidés.

Page 223. Il obligea l'impératrice son épouse à décorer de l'ordre de S-te Catherine la comtesse de Woronzow, qu'il déclaroit par-là sa favorite en titre. L'impératrice ne put qu'en être blessée au vif.

Jamais il ne pensa à obliger l'impératrice à revêtir la comtesse Woronzow de l'ordre de S-te Catherine, il prit cette peine lui-même. Il vouloit l'épouser, et le même soir qu'il la révetit de l'ordre de S-te Cath. il avoit ordonné au pr. Baretensky, son adjudant (depuis min. en Françe), d'aller arrêter l'impératrice dans son appartement, Baretensky, effrayé de cet ordre et ne se hâtant pas de l'exécuter, rencontra le pr. George de Holstein, oncle de l'imp. dans l'antichambre, il lui dit l'ordre qu'il avoit, celui-ci courut à l'empereur et lui dit de révoquer cet ordre, il se jettà à ses genoux et eut beaucoup de peine à faire révoquer cet ordre.

Pages 223—224. Effectivement elle fit déclarer d'abord que ses troupes n'abandonneroient point la Prusse; et elle fit même arrêter le baron de Goltz, envoyé du roi à Pétersbourg, que le czar avoit fort distingué.

Le baron de Goltz ne fut point arrêté, il se trouvoit près de Pierre III à Oranienbaum, il demanda et obtint une escorte pour revenir à Pétersbourg.

Page. 224. Il se trouva dans les papiers de l'empereur défunt plusieurs lettres que le roi de Prusse lui avoit écrites au sujet de ses mécontentemens domestiques, et sur le dessein qu'il avoit de faire renfermer Catherine dans un monastère, comme Pierre I y avoit renfermé Eudoxie, sa première femme. Frédéric lui conseilla de ne point faire de ces coups d'éclat, de tâcher de s'arranger de la meilleure façon qu'il pourroit, et d'avoir pour son épouse tous les égards, qui pouvoient se concilier avec sa propre tranquillité.

Il y en avoit une, dans laquelle le roi conseilloit à Pierre III (qui vouloit faire la guerre au Danemark pour lui reprendre le Sleswig) de prendre avec lui les mécontens et ceux dont il se défieroit, et de les laisser à Königsberg.

Ibid. Catherine II, convaincue des bonnes dispositions de Frédéric, ne voulut pourtant pas agir contre l'Autriche.

Les bonnes dispositions de Frédéric II pour l'imépratrice n'étoient pas fort avérés, comme on le voit par la remarque précédante.

Page. 233. Frédéric composa pendant la guerre plusieurs pièces en vers, qui tiennent de l'élégie, et qui étoient effectivement des complaintes que les malheurs particuliers et les désastres publics lui dictoient.

Le pr. Henri prétendoit, que le roi son frère en tenoit toujours de prêtes, et qu'il les tiroit de son porte-feuille dans des occasions scabreuses, afin qu'on s'étonna de ce qu'il avoit l'esprit assez libre encore pour composer des ouvrages d'amusement.

Pages. 254—255. Ch. XXV. *Le roi craint de voir manquer sa succession...*

La mort d'un neveu jeta Frédéric II dans quelques inquiétudes. De quatre fils, qui survécurent au roi Frédéric-Guillaume I et qui s'étoient tous mariés, toute l'espérance d'une postérité masculine étoit réduite à une seule tête. Le roi n'avoit point d'enfans, et il avoit renoncé à l'espérance d'en avoir. Le prince Henri, marié depuis plus de vingt ans, n'en avoit pas non plus. Le prince Ferdinand, après dix ans de mariage, laissoit encore douter s'il auroit des héritiers augustes. Prince de Prusse, mort l'an 1758, avoit laissé deux fils. Frédéric-Guillaume l'aîné, aujourd'hui régnant, n'avoit encore qu'une fille.

Encore n étoit elle pas à lui, la mère elle-même l'appeloit la petite Moller, celui-ci étoit trompette dans le régiment du prince de Prusse d'alors, Fréd.-Guil., roi de Prusse d'àprésent. La première femme ne pouvoit le souffrir; elle et Frédéric II regardoit ce prince comme un sot lourd et ennuyeux. Le prince de Ligne l'appelloit la Massue d'Hercule. Étant venu à Pétersbourg en 1780, le prince de Prusse, d'alors, s'en alla à une séance publique de l'Académie des Sciences et là il s'évanouit en présence de tout le monde; les mauvais plaisants crièrent que s. a. r. s'étoit trouvé sans connoissance au milieu de l'Académie des Sciences.

Page 266. Le premier mariage du prince de Prusse n'avoit point été heureux. Malgré l'affection que le roi avoit pour la princesse Elisabeth de Bronswic, à laquelle un triple lien l'attachoit, malgré la tendresse que le prince royal conserva toujours pour cette épouse très-aimable, on se vit forcé de rompre ce nœud sacré. Frédéric-Guillaume épousa en seconde noce Frédérique-Louise, fille du landgrave de Hesse-Darmstadt.

Aussi avoit-elle la réputation d'être fort aimable, ce qu'on n'a jamais reproché à mr. son époux. Celle-ci, qui n'étoit ni jolie, ni aimable, ni spirituelle, fut choisie par le roi tout exprès pour punir son neveu de n'avoir pas su vivre avec la première. Il disoit qu'à un sot il faut une sotte.

Page 288—289. Aussi fut-ce l'impératrice Catherine II qui régla l'élection et qui fit tomber le choix sur Stanislas-Auguste, comte de Poniatowsky, d'une des plus illustres familles de Pologne, et particulièrement renommée depuis le règne d'Auguste I. Le comte Poniatowsky, après avoir voyagé en différens pays de l'Europe, où il s'étoit fait connoître très-avantageusement, avoit été ambassadeur de la république à la cour de Pétersbourg. Son esprit, ses talens, sa figure ne purent que lui attirer l'affection et l'estime de Catherine. L'appui de la Russie, joint à un parti considérable que sa naissance et son mérite lui avoient fait dans le pays, l'emporta sur les autres concurens.

Il n avoit été qu'envoyé d'Auguste II. Il fut choisi par la Russie, pour candidat à la couronne de Pologne, parce que de tous les prétendans c'étoit celui qui avoit le moins de droit à y prétendre, et par conséquent il en devoit être plus obligé que tout autre à la Russie.

Page 310. Une personne dont l'autorité ne pourroit être plus grande dans ce qui regarde l'histoire de Frédéric II a dit, que la première idée de la neutralité armée fut conçue par ce roi. Il est vrai que l'an 1744 Frédéric avoit imaginé une confédération de cette nature.

Cela n'est pas vrai, la neutralité armée est sortie du cerveau de Catherine II, et de nulle autre. Le c-te Besborodka peut attester cela, parce que cette idée partit comme par inspiration de la bouche de cette impératrice un matin. Le c-te Panin n'en vouloit pas entendre parler, parce que ce n'étoit pas lui qui l'avoit imaginé, et on eut beaucoup de peine à la lui faire comprendre; ce fut Bacounin qui en fut chargé, et enfin il y mis la main.

Page 321. Il (Frédéric II) avoit avec lui le général Wunsch et le prince héréditaire, aujourd'hui duc régnant de Bronswic..., le prince de Prusse les suivit bientôt à la tête d'une division formée par les garnisons de Berlin et de Potsdam.

Le prince de Prusse débuta à l'armée par tomber de cheval, sur quoi le roi Frédéric II se tourna du côté du pr. Repnin, et lui dit: Voilà son altesse royal, le prince de Prusse, qui débute à l'armée en tombant de son cheval.

Pages 323—324. Cependant Frédéric mettoit à l'épreuve ses généraux et surtout le prince de Prusse son neveu, qu'il exposa quelquefois à des dangers, auxquels en d'autres pays on n'auroit exposé qu'un officier de houssards. Le prince royal affronta les dangers avec tant de bravoure, et s'en tira avec tant d'habileté, que le roi lui témoigna son contentement d'une manière qui charma tous ceux qui étoient présens.

Il vouloit donner du relief à son neveu qu'il méprisoit, et à ceci les insinuations du c-te Panin contribuèrent; celui-ci avoit prit le prince de Prusse sous sa protection,

et lui avoit fait prêter de l'argent par le canal de la landgrave et parce qu'il étoit beau-frère du grand duc.

Page 334. Chapitre IX. *Affaire bruyante d'un meunier.*

Il est étrange sans doute de voir avec quelle subtilité on cherche à nuire à la gloire et au nom de Frédéric II, et cela s'imprime et se publie à Berlin, ce grand homme cependant n'est pas remplacé.

Pages 340 - 341. Les magistrats de Wienne, que l'empereur a chargés d'une pareille tâche, semblent suivre, dans la plupart des articles, le code dont le grand chancelier de Frédéric II avoit donné trois parties, lorsque ce roi finit de vivre.

Hélas! on feroit bien de l'admirer et de tâcher à l'imiter! Ceci est difficile, parce qu'il n'est pas permis à un chaqu'un d'aller à Corinthe.

Page 406. (De la gaieté).

Sa gaieté venoit de sa supériorité. Y existait-il jamais un grand homme, qui ne fut pas non seulement gai, mais même qui n'eût un fond de gaieté. C'est une question?

Page 409. Ceux qui se sont plaints, que le roi vouloit toujours avoir raison, convenoient-ils plus facilement qu'ils pouvoient bien eux-mêmes avoir tort?

Il y étoit accoutumé par métier: les rois n'aiment pas à avoir tort.

Page 423. On a de la peine à consevoir, comment ce roi studieux et auteur pouvoit trouver le temps et la patience de lire et de se faire lire tant de lettres, de dicter et signer tant de réponses. Mais il le trouvoit ce temps et pour les affaires et pour l'étude.

Le lire et l'écrire devient amusement, quand on y est accoutumé.

Page 457. Les qualités militaires de Frédéric II sont sans contredit supérieures à tout ce qu'on a connu dans ce siècle, et même dans les précédens.

Frédéric II perdoit la tête dans l'action et l'avoit si troublée qu'il ne savoit ce qu'il faisait, de ceci son propre frère le prince Henry convenoit.

Page 464. Frédéric connoissoit mieux qu'homme au monde la difficulté de faire mouvoir et de faire agir de grandes armées. Il savoit très-bien qu'Alexandre, que Gustave-Adolphe, que Charles XII avoient faits de grands exploits avec de petites armées.

Le maréchal Lassi, père de celui qui est au service de l'emp., disoit: donnez moi 25 à 30 mille hommes, je n'ai de tête que pour cela, je n'en ai pas assez pour cent mille hommes.

(Извлечено изъ бумагъ А. В. Храповицкаго, принесенныхъ Н. В. Сушковымъ въ даръ Московскому Публичному Музею; по каталогу Музея № 1350.) **150, 151, 152, 159.**

Денисовъ, Өедоръ Петровичъ, казакъ Пятиизбянской станицы, впослѣдслѣдствіи отличившійся себя подъ начальствомъ Суворова въ Польшѣ и въ Италіи. Павелъ произвелъ его въ генералы отъ кавалеріи и, въ 1799 г., возвелъ въ графское достоинство. Первый графъ между Донцами, онъ скончался въ 1811 году. (*Долгорукій.* Россійск. Родосл. книга. II, 218 — 219) **160, 161, 171, 172, 193.**

Денисонъ, Францискъ, флота капитанъ бригадирскаго ранга (Мѣсяцосл. на 1790, стр. 71), **175.**

Державина, рожденная Бастидонова, Екатерина Яковлевна, первая жена Державина (род. 1760, † 1794), **118, 228.**

Державинъ, Гавріилъ Романовичъ, родился въ Казани, 3 Іюля 1743 г.; скончался на берегу Волхова, въ своемъ селѣ Званкѣ, 6 Іюля 1816 г. и погребенъ въ обители древняго Новгорода у Спаса на Хутынѣ. Нынѣ въ воспѣтой имъ Званкѣ процвѣтаетъ, названное въ честь его, Державинское женское училище, въ которомъ много сиротъ духовнаго званія нашли себѣ пріютъ и дѣльное воспитаніе. По духовному завѣщанію жены поэта Д. А. Державиной († 1842), село Званка передано въ духовное вѣдомство, съ тѣмъ, чтобы при тамошней церкви былъ учрежденъ женскій монастырь съ училищемъ. Воля завѣщательницы оставалась долгое время неисполненною. Племянница Державиной, Вѣра Николаевна Воейкова, рожд. Львова (род. 1792 † 27 Мая 1873),

зями, но истинными заслугами [1]), на дѣлѣ доказавшими его „усердное желаніе быть полезну своему отечеству" [2]).

Вступивъ въ военную службу 16 лѣтъ отъ роду, онъ началъ свое боевое поприще полученіемъ раны въ голову подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ и, вынесенный изъ сраженія замертво, обязанъ былъ жизнію единственно своему брату, настоявшему на томъ, чтобы ему трепанировали черепъ. Служебныя его отличія въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ Пруссіи доставили ему дружеское расположеніе его тогдашняго начальника графа Зах. Григ. Чернышова и Румянцова (въ послѣдствіи графа Задунайскаго), подъ начальствомъ котораго онъ служилъ потомъ въ 1-ую Турецкую войну. Присланный курьеромъ ко двору, онъ былъ ласково принятъ императрицею Елисаветою; по кончинѣ ея, при передачѣ ея преемникомъ войскъ нашихъ въ распоряженіе Фридриха Великаго, былъ отправленъ къ нему съ строевымъ рапортомъ нашей арміи и удостоенъ милостиваго вниманія величайшаго полководца своего времени. Воцареніе Екатерины застало князя двадцатидвухлѣтнимъ полковникомъ; отличенный ею, онъ былъ изъ числа немногихъ лицъ, избранныхъ Великою для сопровожденія ея въ двухъ знаменитыхъ ея путешествіяхъ; въ 1767 году принималъ участіе въ *водоплаваніи* ея на галерѣ *Тверь* и, представивъ на Арскомъ полѣ свой образцовый Петербургскій полкъ, удостоился приглашенія сопровождать Императрицу до Симбирска; а въ 1784 году, представивъ „все, что происходило въ Полтавской баталіи", заслужилъ лестный отзывъ, что „лучше (его) легкоконныхъ полковъ ничего видѣть нельзя".

Съ самаго начала царствованія Екатерины обративъ на себя вниманіе гр. Орлова, который не хотѣлъ принять Преображенскаго полка, если князь Юрій не будетъ въ немъ маіоромъ, по настоянію его въ 1770 году отправился на Черную Гору Со свитою изъ 26 человѣкъ, подъ именемъ Русскихъ купцовъ, онъ прибылъ туда и, окруженный измѣной, зная, что голова его оцѣнена въ 5 тыс. червонцевъ, онъ обличилъ самозванство тамошняго Лже-Петра 3-го (Степана Малаго) и привелъ Черногорцевъ къ присягѣ Императрицѣ [3]). Затѣмъ изъ Ниццы, вмѣстѣ съ графомъ Алексѣемъ Орловымъ, отправился въ Морею, по настоянію Грейга принялъ начальство надъ кораблемъ „Ростиславомъ", видѣлъ, какъ ошеломленный взрывомъ „Евстафія", на которомъ находился гр. Ѳеодоръ Орловъ, гр. Алексѣй выронилъ изъ рукъ табакерку, и какъ потомъ этотъ же графъ Ѳеодоръ былъ отысканъ „со шпагой въ одной рукѣ, а въ другой ложка съ яичницею"; а адмиралъ Спиридовъ „съ превеликимъ образомъ на груди, а въ рукѣ *превеликая* рюмка водки" и, наконецъ, какъ въ туже ночь храбрый капитанъ Клокачевъ „съ нѣсколькихъ ударовъ брандскугелями предалъ огню весь Турецкій флотъ".—„Почти не можно себѣ вообразить сего ужаснаго зрѣлища, кое мы видѣли въ Чесменскомъ портѣ. Вода, смѣшанная съ кровью и золою, получила прескверный видъ. Трупы людей, обгорѣлые, плавали по волнамъ, и такъ ими портъ наполнился, что съ трудомъ можно было въ шлюпкѣ разъѣзжать".

Вѣстникомъ этой побѣды прибылъ князь въ Петербургъ, гдѣ прямо явился во дворецъ. Императрица, игравшая въ карты съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ, „такъ обрадовалась, увидя князя Долгорукова, что не могла вытерпѣть не подойти къ нему".—Князь Ю. В., вопреки просьбѣ своихъ, долженъ былъ возвратиться въ Архипелагъ и лишь по окончаніи тамошней кампаніи достигнулъ желаемаго—стать подъ знамена Румянцова, который, при самомъ его прибытіи, приказалъ сказать ему, чтобы на случай аттаки онъ

[1]) *Анненскую* ленту получилъ онъ за поѣздку въ Черногорію въ 1770 году; *Георгія* 3-й ст. и *Александра Невскаго* за участіе въ Чесменской битвѣ (1770 Сент. 28 и Нояб. 24); *Андрея Первозваннаго* за взятіе Аккермана и Бендеръ (1789 Нояб. 24); *Владиміра* 1-й ст. за 2-ую Турецкую войну (1793 Сент. 2). Кромѣ того, отъ Павла 1-го былъ онъ пожалованъ командоромъ державнаго *ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго* (1798 Дек. 10).

[2]) См. его *Записки* въ *Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгоруковыхъ*.

[3]) По семейному преданію, князь Юрій Влад., во время пребыванія въ Цетиньѣ, посѣдѣлъ въ одну ночь.

распоряжался корпусомъ Потемкина. Сей послѣднiй принялъ его въ свою службу и въ слѣдующую Турецкую войну опять имѣлъ его непосредственно при себѣ; въ войнѣ этой кн. Юрiй Влад. взялъ Кишеневъ, Аккерманъ и Бендеры.

Въ послѣдующiе года кн. Юрiй Владимировичъ былъ назначаемъ командующимъ войсками въ Бѣлоруссiи (1790), по смерти Кречетникова — въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши (1793), въ Москвѣ (1796); по воцаренiи Павла 1-го, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ (1796); но за каждымъ изъ этихъ назначенiй почти немедленно слѣдовала отставка; князь Юрiй Владимировичъ не уживался съ временщиками: послѣ Чесмы онъ поссорился съ Орловымъ; въ Бѣлоруссiи отказалъ Зубову въ поставкѣ провiанта на армiю, въ Москвѣ не скрывалъ своего презрѣнiя къ Никол. Петр. Архарову. Восшествiе Александра I-го на престолъ застало его въ Москвѣ въ числѣ опальныхъ вельможъ... Но еще разъ пришлось отозваться ему на призывъ отечества: въ 1806 году онъ былъ избранъ начальникомъ земскаго войска одной области, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскiй—другой; послѣ тридцатилѣтней ссоры, два старца впервыя обнялись и забыли всѣ личности для службы Россiи.

„На семьдесятъ седьмомъ году", писалъ князь Юрiй Владимировичъ въ заключенiе повѣствованiя своей жизни, своей дочери, княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ *), „началъ я чувствовать, что уже силы мои ослабѣваютъ, и я пишу для твоего свѣдѣнiя, что я во всю мою жизнь единственнымъ предметомъ имѣлъ: быть полезнымъ, честно вѣкъ провести, ни въ чемъ совѣстiю не мучиться, благодарить Всевышняго, яко всѣми дѣянiями Управляющаго и просить спокойнаго конца и жизни вѣчной".

И, истинно, не долженъ былъ мучиться совѣстiю маститый старецъ, сознавая, что былъ полезенъ, что честно вѣкъ провелъ, какъ онъ и кончался, переживъ дѣтей и внуковъ и окруженный тѣми правнуками, которые, копошась въ его мѣховыхъ сапогахъ, любуясь никогда не снимавшейся съ его ополченнаго кафтана Андреевской звѣздой, спрашивали зачѣмъ онъ по *Венгерской модѣ* носитъ затылочный гребень въ своихъ серебристыхъ волосахъ, зачесанныхъ назадъ, съ трепанированной подъ Гроссъ-Эгерсдорфомъ головы? (Сообщено Ю. В. Толстымъ). **23, 159, 251**.

Донской ставропигiальный мон. въ Москвѣ, именуется въ честь Донской иконы Богоматери. основанъ въ память чудеснаго избавленiя Москвы отъ нашествiя, въ 1591 году, Крымскаго хана Казы-Гирея. Екатерина посѣтила этотъ монастырь въ 1774 г. (*Забѣлинъ.* Историч. Опис. Моск. Ставропигiальнаго Донского монастыря. М. 1865). Екатерина желала быть здѣсь погребенною, ежели умретъ въ Москвѣ, **232**.

Доротея Софiя, рожденная Маркграфиня Бранденбургъ-Шветская, принц. Виртембергъ-Штутгардтская, мать в. к. Марiи Ѳеодоровны. (Краткое родословное показанiе высокихъ государей, въ Мѣсяцосл. на 1788, стр. 115) **70**.

Дороѳей (Возмуйловъ), архим. Нѣжинскаго Греч. мон., а потомъ еп. Ѳеодосiй. Скончался 10 Сент. 1790 (*Толстой Ю. В.* Списки архiереевъ, стр. 19). **14**.

Досса (d'Ossa), кардиналъ, род. 1536 † 1604; извѣстенъ своими Lettres, adressées à Villaroi (Paris, 1624). **134**.

Древняя Россiйская идрографiя, содержащая описанiе Московскаго государства рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладезей, и какiе по нихъ городы и урочища, и на какомъ оныя разстоянiи. Изданная Николаемъ Новиковымъ, въ С.-Петербургѣ 1773 г., въ 8°. Въ исчисленiи „именъ особъ, подписавшихся на сiю книгу", показано: „для двора Ея Императорскаго Величества на Алекс. бум. 10 кн.". Эта книга заключаетъ въ себѣ описанiе чертежа Московскаго государства, сдѣланнаго въ 1680 году (*Спасскiй.* Книга глаголемая „Большой Чертежъ". М. 1846 г., стр. IX). **219**.

Дрезденская картинная галлерея. **108**.

*) Супругѣ злополучнаго военнаго министра кн. Алексѣя Ив. Горчакова, умершей въ 1828 году.

Фонъ-Визинъ изложилъ о немъ въ „Исповѣди". „Мы не подтвердимъ за нимъ, что онъ прославился своимъ витійствомъ на Русскомъ языкѣ; но будемъ помнить съ признательностью, что онъ покровительствовалъ молодымъ писателямъ въ то время, когда покровительство было еще нужно". (Фонъ-Визинъ, стр. 40). Послѣдніе дни своей жизни онъ посвятилъ отечественной исторіи и написалъ „Опытъ повѣтствованія о Россіи", начатое на 65-мъ году отъ его рожденія, „лѣта отъ Р. Х. 1790". Книга эта издана послѣ его смерти, въ Москвѣ, 1803 г. Въ предисловіи, подъ рубрикою „Состояніе творца", авторъ излагаетъ причину появленія его сочиненія: „Не тщеславіе, но непривычка къ праздности и времени избытокъ суть виною сего сочиненія", въ которомъ, по замѣчанію С. М. Соловьева, риторическая школа достигла своихъ крайностей. Строгій приговоръ надъ этимъ сочиненіемъ произнесъ митрополитъ Платонъ, въ своей Краткой церковнойРоссійской исторіи (*Соловьевъ*, Писатели Русской Исторіи XVIII вѣка. Арх. историко-юридич. свѣдѣній. М. 1855). **40, 42. 108, 109, 250.**

Елена Павловна (род. въ Петербургѣ 13 Дек. 1784; сочеталась бракомъ съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, Фридрихомъ Людовикомъ, въ Гатчинѣ. 12 Окт. 1799 г.; скончалась 12 Сент. 1803 г.), в. княжна, крещен. **2;** отз. о ней Екатер. **34;** уп. **190.**

Елисавета Алексѣевна (рожденная принцесса Баденъ-Дурлахская, Луиза) род. въ Карлсруэ 13 Января 1779 года; а съ 11-го Марта 1801 г. императрица; скончалась въ гор. Бѣлевѣ Тульской губ., 4 Мая 1826 года). в. кн.. **241, 242, 245, 250.**

Елисавета Петровна (род. въ Москвѣ 18 Декабр. 1709 г.; вступила на престолъ въ ночь на 25 Ноября 1741; короновалась въ Москвѣ 25 Апр. 1742 г.; скончалась въ Петербургѣ 25 Декабря 1761 г.), импер., воспомин. о временахъ ея царствованія **8, 10, 32, 39, 48, 76, 103. 113, 138, 202, 206, 223.**

Елисавета, королева Англійская, **148.**

Елисавета, эрцгерц., **190.**

Елманова, просьба ея, **231.**

Елымовъ, кн., сержантъ, **177.**

Еналѣевъ, Андрей Павловичъ, Иркутскій стряпчій казенныхъ дѣлъ (Мѣсяцосл. на 1786, стр. 326), **38.**

Ериксонъ, Василій, Датскій живописецъ, въ 1762 году изобразилъ Екатерину въ преображенскомъ мундирѣ, на бѣломъ конѣ, въ натуральную величину. Картина эта принадлежитъ Музею Императорскаго Ермитажа; была на портретной выставкѣ 1870 г. (См. Каталогъ, составленный П. Н. Петровымъ. Издан. 2-е, II).

Ермитажъ, былъ учрежденъ Екатериною, и собранія его были большія, среднія и малыя. Къ первымъ приглашались всѣ именитыя особы обоего пола и дипломатическій корпусъ. На театрѣ давали представленіе, потомъ открывался балъ, и все заключалось ужиномъ. Среднія собранія отличались отъ первыхъ только меньшимъ числомъ гостей. На эти собранія приглашались особы пользовавшіяся особеннымъ благоволеніемъ Екатерины. Малыя собранія составлялись изъ самыхъ приближенныхъ къ Императрицѣ особъ. Ермитажныя правила, написанныя Екатериною, выставлены были въ галлереѣ, ведущей изъ внутреннихъ покоевъ дворца. Онѣ и донынѣ хранятся тамъ въ рамкѣ подъ занавѣскою и любопытны, какъ по содержанію, такъ и по ороографіи. (*Свиньинъ, П. П.* Литературн. Забавы Екатерины въ Ермитажѣ: Сынъ Отечества, 1836, № 2). **21, 26, 27, 29 - 31. 35, 39. 42, 58. 60, 75. 83, 96, 98, 100. 101, 103, 111, 142, 144, 159, 160, 177, 179. 180, 184, 189. 204, 205, 208. 210, 212, 218, 228. 239. 242, 245.**

Ермоловъ, Александръ Петровичъ, флиг.-адъют. (Мѣсяцосл. на 1786 г. стр. 6); род. въ 1754, † 1836. Вліяніе его при дворѣ начинаетъ быть замѣтно съ начала 1785 г., когда Потемкинъ представилъ его Императрицѣ: но онъ не умѣлъ сохранить расположенія Потемкина (*Лонгиновъ*, въ примѣч. къ Запискамъ Энгельгардта. *Гротъ*. Сочин. Державина V, 503.) **7.**

Еропкинъ, Петръ Дмитріевичъ, ген.-анш., сенат. Московскій главнокомандующій (Мѣсяцосл. на 1786 г.); родился въ 1736 г.; скончался 7 Февр. 1805 г. и погребенъ въ селѣ своемъ Успенскомъ, Калужской губ. (*Гротъ.* Сочинен. Держав. III, 505.) Екатерина посылаетъ ему журналъ своего путешествія **13**; поруч. ему освидѣтельствовать Ивана Писарева **17**; о помѣшател. ген. Фамницына **18**; пис. къ Ероп. Екат. **20**; рапортъ его о пожарѣ въ Москвѣ **25**; Екатер. поруч. его покровительству протоіер. Алексѣева **50**; похваляетъ Московское усердіе **63**; поручаетъ завести знакомство съ Вахтмейстеромъ, для вывѣдованія **67, 70**; донесеніе о мон. Захаріи **144**; о Симон. мон. **168**.

Страдъ (Estrades), графъ, воинъ и дипломатъ, род. 1607, † 1686 (его „Lettres et Mémoires., impr. à la Haye, 1743, 9 vol.), **134**.

Ефимьевъ, Дмитрій Владиміровичъ, род. въ 1768, † 1804; воспитывался въ Сухопутномъ кадетск. корпусѣ и служилъ въ артиллеріи. Написалъ три комедіи: 1) „Преступникъ отъ игры, или братомъ проданная сестра", (Спб. 1788 г), 2) „Слѣдствіе братомъ проданной сестры" и 3) „Вояжоръ или воспитаніе безъ успѣха"; послѣднія двѣ не были напечатаны, но играны на придворномъ театрѣ. Князь Вяземскій находитъ въ 1-й пьесѣ „остроуміе и счастливые стихи" (*Евгеній.* Словарь свѣтскихъ писателей, 228; *Карабановъ* Основан. Русск. театра, 77; *Кн. Вяземскій.* Фонъ-Визинъ, 201). **180**.

*

Жанненъ (Jeannin) род. 1540, † 1622, (его Négociations, Paris, 1656). **134**.

Жегулинъ, Семенъ, бригадиръ, правитель Таврической области (Мѣсяцосл. на 1789 стр. 356.), **92**.

Женетъ, перел. съ нимъ Сегюра, **199**.

Жерве, поруч. **76**.

Жилблазъ, знаменитое произведеніе Лесажа, переведенное Василіемъ Тепловымъ, подъ названіемъ: „Похожденія Жильбласа-де-Сантиланы" (1768). **238**.

Жонесъ. (Paul Jones), Павелъ Джонсъ (Іонесъ, Жонъ), род. 1747 г. на Галловейскомъ берегу Шотландіи [1]) близъ гор. Кирккудбрейта (Kirkcudbright), въ помѣстьѣ графа Селькирка, у котораго отецъ его служилъ садовникомъ. Джносъ съ раннихъ лѣтъ ознакомился съ моремъ и пріобрѣлъ нѣкоторое искусство въ мореплаваніи; въ 1773 году онъ переселился въ Америку, по словамъ современниковъ, чтобы избѣгнуть заслуженной имъ висѣлицы. Съ открытіемъ войны за независимость Америки онъ снарядилъ каперъ, съ которымъ успѣлъ захватить нѣсколько Англійскихъ судовъ въ Вестъ-Индскомъ архипелагѣ; въ Маѣ 1777 посланный Конгрессомъ (Американскимъ временнымъ правительствомъ) во Францію, получилъ отъ Франклина начальство надъ выстроеннымъ тамъ фрегатомъ; благодаря неизвѣстности Американскаго флага въ Ирландскомъ морѣ, въ 1778 году, безпрепятственно проплылъ въ Сольвейскую губу, на прибрежьѣ коей произвелъ цѣлый рядъ опустошеній, которыя началъ разграбленіемъ того самаго помѣстья графа Селькирка, гдѣ провелъ свое дѣтство; потомъ, высадившись на Кумберландскій берегъ, захватилъ укрѣпленную гавань Вейтгавенъ (Whitehaven), сжегъ тамъ два корабля, заклепалъ пушки и, предавъ огню и мечу всѣ окрестности, привезъ въ Брестъ 200 чел. плѣнныхъ. Лѣтомъ слѣдующаго 1779 года, принятый уже на службу Французскаго адмиралтейства, онъ съ двумя кораблями [2]) направился въ Нѣмецкое море на перерѣзъ купеческой эскадрѣ, шедшей изъ Англіи въ Балтійскіе порты; отчаянный двухчасовой бой съ конвоировавшими эту эскадру двумя военными кораблями [3]) далъ возможность эскадрѣ возвратиться

---

[1]) Галловей (Halloway)—югозападная крайняя оконечность Шотландіи на губѣ, образуемой устьемъ рѣки Сольвей (Solway).

[2]) Bonhomme Richard и Belle Alliance.

[3]) Serapis и Countess of Scarborough.

подъ прикрытіе Англійскихъ береговъ; но оба военные корабля были взяты Джонсомъ въ плѣнъ (23 Сент.); за этотъ подвигъ онъ получилъ отъ Людовика XVI-го орденъ „Заслуги“ [1]); по окончаніи войны, ему данъ былъ Конгрессомъ орденъ Цинцината.

Въ Апрѣлѣ 1788 г. Джонсъ прибылъ въ С.-Петербургъ: принятіе его въ Русскую службу контръ-адмираломъ едва не навлекло за собою отставки всѣхъ служившихъ въ Русскомъ флотѣ Англичанъ; графъ Сегюръ (тогдашній Французскій посланникъ) пишетъ, что они были остановлены только благодаря уму, вліянію и власти адмирала Грейга [2]); 7-го Іюня тогоже года, по представленію Потемкина, ему дана Анненская лента, но въ скоромъ времени недовольный имъ Потемкинъ нашелъ нужнымъ удалить его изъ арміи [3]); Джонсъ, также недовольный, оставилъ Россію и поселился въ Парижѣ.

Современники описываютъ Поля Джонса коренастымъ, плотнымъ смуглолицымъ человѣкомъ средняго роста. На портретѣ, изданномъ въ Парижѣ при его жизни, онъ изображенъ въ шляпѣ съ кокардой назадъ, гордо подбоченясь лѣвой рукой, съ правою опирающеюся на морской палашъ; камзолъ, раскрытый въ верху груди, широко подпоясанъ шалью, изъ за которой торчатъ приклады *пяти* пистолетовъ; глаза—наглые; носъ—луковицей, слегка вздернутый, тонкія и сжатыя губы—насмѣшливо злобны; портрету этому мѣсто не возлѣ портретовъ Вашингтона и Франклина, а между портретами Робеспьера и Марата...

Упрекъ его Потемкинымъ въ трусости едва ли заслуженъ: въ сраженіяхъ имъ овладѣвало бѣшенство: въ битвѣ съ Англичанами видѣли, какъ снявъ камзолъ, съ засученными рукавами, онъ бѣгалъ по палубѣ съ занесеннымъ топоромъ въ рукѣ, угрожая смертью тѣмъ изъ своихъ матросовъ, которые уклонялись отъ боя.

Онъ умеръ въ Парижѣ 18 Іюля 1792 г.; послѣ его смерти изданы несправедливо приписанныя ему Записки—Mémoires de Paul Jones. 1798. (Сообщено Ю. В. Толстымъ) **45, 47, 53, 104, 151, 182.**

Жюльенъ, актеръ, **97.**

*

Заборовскій, Иванъ Александровичъ, ген.-поруч. (1735 — 1817). Назначенъ править должность ген.-губернат. Владимирск. и Костромск. намѣстнич. (*Бартеневъ*, Русск. Арх. 1866, стр. 1373—1376) **27;** назначенъ въ Архипелажск. экспедицію **37, 38, 47, 63;** возвращается безъ успѣха **166.**

Заводовскій, Петръ Васильевичъ, состоявшій при собственныхъ дѣлахъ Императр. и у принятія челобитенъ (Мѣсяцосл. па 1786, стр. 10). Род. 1738, умеръ 10 Янв. 1812; получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи (*Макарій*, Архіеп. Литовскій и Виленскій. Исторія Кіевской Духовной Академіи. Автографъ этого сочиненія преосвященнаго Макарія, тогда студента іеромонаха Кіевск. Академіи, хранится въ библіотекѣ Св. Синода, въ С.-Петербургѣ). Екатерина, замѣтивъ въ донесеніяхъ Румянцова болѣе складу, чѣмъ въ реляціяхъ Апраксина во время Семилѣтней войны, спросила его, нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которыхъ она могла бы опредѣлить при себѣ. Фельдмаршалъ представилъ ей Безбородку и Завадовскаго (Зап. Грибовскаго, М., стр. 10). Въ 1775 году, при празднованіи Турецкаго мира, ему пожаловано 400 душъ въ Бѣлоруссіи, повелѣно быть при Императрицѣ у принятія челобитенъ. Женатъ онъ былъ на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной (Объ этомъ см. письмо гетмана Разумовскаго къ И. В. Гудовичу, Русск. Арх. 1873. стр. 0467)., **7, 9, 20, 28, 41, 94, 146, 163, 244.**

За вздоръ пошлины не платятъ, пословица. Она была начата по-русски графомъ Мамоновымъ, но онъ полѣнился ее кончить. Мысль пьесы понрави-

---

[1]) *Ordre du Mérite*, установленный Людовикомъ XV-мъ для протестантовъ.
[2]) Это объясняетъ намекъ у Храповицкаго 9 Мая 1788.
[3]) Храповицкій 1788, Окт. 26.

Зимній дворецъ. Постройка его началась въ 1754 году, обновленъ былъ при Петрѣ III, который переѣхалъ въ него къ самому дню Свѣтлаго Воскресенія, 7 Апрѣля 1762 года. (*Лонгиновъ*. Замѣтки о Петербургскихъ дворцахъ Русск. Арх. 1873 г. I, стр. XLIV) **53, 61, 239, 249, 250, 252, 256.**

Зиновьевъ, Степанъ Степановичъ, Русскій полномочный министръ въ Испаніи съ 1773 до самой своей смерти, случившейся въ Мадритѣ, въ 1794 году. (Въ Архивѣ кн. П. А. Вяземскаго нашлись записки Зиновьева, на Французскомъ языкѣ и заключающіяся въ довольно толстой тетради, въ пергаментномъ переплетѣ, въ 4°. Записки эти, по порученію князя Петра Андреевича, переданы мною въ Императорское Русское Историческое Общество.) **146.**

Знаменское село, въ 8-ми верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ въ Серпуховъ (Списокъ населен. мѣстъ Московской губ., стр. 20), принадлежало кн. Дм. Юрьев. Трубецкому. Въ кабинетѣ М. П. Погодина, который неоднократно въ своей молодости жилъ здѣсь у Трубецкихъ, находится рисунокъ этого села, сдѣланный Александромъ Всеволодовичемъ Всеволожскимъ, который былъ женатъ на кн. Софьѣ Ивановнѣ Трубецкой. Нынѣ это село принадлежитъ И. П. Шаблыкину. **24** *).

Зоричъ, Семенъ Гавриловичъ, флигель-адъютантъ Екатерины, пользовавшійся нѣкоторое время особливою ея благосклонностью. Сербъ по происхожденію, отличившійся въ первую Турецкую войну, онъ сталъ извѣстенъ только со времени своего придворнаго случая, продолжавшагося всего 11 мѣсяцевъ, съ 8 Іюня 1777 года. Не смотря на крайне скудное образованіе, онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, благодаря своему остроумію, неистощимой веселости и добродушію. По удаленіи отъ двора, Зоричъ поселился въ пожалованномъ ему мѣстечкѣ Шкловѣ, гдѣ велъ открытую, роскошную жизнь. Его великолѣпный замокъ былъ всегда открытъ для званныхъ и незванныхъ, чѣмъ, разумѣется, пользовались разныя темныя личности, стекавшіяся къ нему со всѣхъ концовъ Европы. Такъ, у него водворились два брата графа Зановичи, прославившіеся въ Европѣ самыми курьезными похожденіями. Въ концѣ концовъ они запутали легкомысленнаго хлѣбосола въ темное дѣло о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, омрачившее честную репутацію Зорича и приведшее Зановичей къ заключенію въ крѣпости. Зоричъ учредилъ въ Шкловѣ, на свой счетъ, училище для бѣдныхъ дворянъ Бѣлорусскаго края, первый выпускъ изъ котораго былъ въ 1785 г. Зоричъ кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ запутался въ долгахъ, коихъ оказалось свыше 2-хъ милліоновъ, такъ что за три года до его смерти, случившейся въ 1799 г., Шкловское училище было взято, по приказанію императора Павла I, на казенное содержаніе, съ переименованіемъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ. Заведеніе это было переведено сначала въ Смоленскъ, потомъ въ Гродну, въ Кострому и, наконецъ, въ Москву, гдѣ существуетъ и по настоящее время, подъ названіемъ 1-й военной гимназіи. Въ экзаменной залѣ гимназіи красуется мало извѣстный портретъ Зорича во весь ростъ. (*Барсуковъ, А. П.* Шкловскіе авантюристы. Памятн. новой Русской исторіи, II, стр. 1—32) **254.**

Зотовъ, Захаръ, камердинеръ Имп. Екатерины, **40, 50, 122, 145—147, 168, 170, 175, 210, 211, 226, 228, 233, 248, 249, 252.**

Зубова, рожд. кн. Вяземская, Прасковья Александровна, † 1835 (*Кн. Долгорукій*. Россійск. Родосл. Кн. I, стр. 156) **185, 189.**

Зубовъ, Александръ Николаевичъ, стат. сов., оберъ-прокуроръ 1-го департамента Сената (Мѣсяц. на 1790, с. 19), отецъ князя Платона. (См. о немъ въ Запискахъ Державина, изд. академіею наукъ въ VI томѣ сочиненій Державина 612, 614—617) **180, 189.**

Зубовъ, Валеріанъ Александровичъ, род. 1771, † 1804; началъ службу въ конной гвардіи. Послѣ внезапнаго возвышенія Платона Императрица стала и его отличать, и въ письмахъ къ Потемкину называла милымъ ребенкомъ. Вскорѣ Екатерина отправила его къ Потемкину, и онъ сталъ входить еще болѣе въ милость и получилъ въ короткое время нѣсколько наградъ. Въ 1794 г. онъ отправился въ Польшу для усмиренія мятежа. Тамъ у него ядромъ

*) Нынѣ принадлежитъ Андрею Михаиловичу Каткову. П. Б.

Каменскій, гр. Михаилъ Өедотовичъ, родился 8 Мая 1738 г. (*Кн. Долгорукій*. Россійск. Родосл. кн. II, 190—191); отецъ его служилъ мундшенкомъ при Петрѣ Великомъ (*Бантышъ-Каменскій*. Словарь, 1836 г. III, 2). С. Н. Шубинскій сообщилъ мнѣ списокъ съ челобитной Каменскаго (подлинникъ которой хранится въ Артиллерійскомъ Архивѣ), поданной въ Январѣ 1762 года императору Петру III, которая даетъ мнѣ возможность предоставить самому Михаилу Өедотовичу разсказать намъ о мѣстѣ своего образованія и о первоначальной службѣ своей: „Въ прошломъ 752 году былъ я записанъ въ кадетскій корпусъ и, прошедъ разные чины, выпущенъ въ 756 году въ поручики въ вѣдомство канцеляріи строеній, а оттуда, по требованію генерала фельдцейхмейстера, переведенъ въ артиллерію унтеръ-цалмейстеромъ, которую должность исправлялъ безпорочно исправно. Въ прошломъ 757 году, по прошенію моему, отпущенъ былъ къ Французской арміи волонтеромъ, гдѣ и находился по 759 годъ. Въ бытность же мою произведенъ по старшинству съ прочими на ряду, въ 758, артиллеріи въ капитаны. А по отзывѣ моемъ находился въ Московской артиллерійской командѣ, оттуда и посланъ, въ прошломъ 761 году, къ заграничной арміи, гдѣ и былъ всю кампанію, а о поведеніи моемъ тамъ прилагаю при семъ аттестатъ". Затѣмъ Каменскій, ссылаясь на „частую головную болѣзнь и глухоту" и выразивъ опасеніе сдѣлаться окончательно „неспособнымъ къ службѣ его императорскаго величества, если останется при орудіяхъ", просилъ перевода въ полевые полки. О результатѣ этой челобитной въ записной книжкѣ С. Н. Шубинскаго отмѣчено: 13 Февраля 1762 г. переведенъ въ полевые полки съ переименованіемъ въ преміеръ-маіоры, а 12 Марта того же года, по представленію гр. П. А. Румянцова, назначенъ во ввѣренный ему корпусъ генералъ - квартирмейстеръ - лейтенантомъ. Вскорѣ Каменскій былъ замѣченъ, и Императрица Екатерина II дозволяла ему посѣщать в. кн. Павла, и, 10 Октября 1764 г., великій князь спрашивалъ П. И. Панина: „для чего полковникъ Каменскій къ нему не ходитъ, что онъ радъ бы былъ, если бы иногда за столомъ своимъ его видѣлъ. Его превосходительство обѣщалъ привесть его". (Записки Порошина, стр. 56). Въ 1765 г. Каменскій былъ посланъ въ лагерь подъ Бреславлемъ, въ которомъ Фридрихъ II собиралъ и обучалъ ежегодно свои войска. Въ Октябрѣ того же года Михаилъ Өедотовичъ вернулся изъ своей поѣздки, и 9 Октября Н. И. Панинъ представилъ его в. кн. Павлу, который „изволилъ его принять весьма милостиво, и разспрашивалъ о ѣздѣ его, сѣли за столъ. Н. И. Панинъ разспрашивалъ его по большей части о Прусскомъ лагерѣ". (Тамъ же, стр. 434—435). Недѣлю спустя послѣ этого, Каменскій поднесъ великому князю „описаніе Прусскаго лагеря, имъ сочиненное" (стр. 464). Это „описаніе" найдено Л. Н. Майковымъ въ одномъ сборникѣ конца XVIII в., принадлежащемъ академику А. Ө. Бичкову и напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., стр. 1555—1565. „Описаніе" это Михаилъ Өедотовичъ препроводилъ при письмѣ къ великому князю, которое между прочимъ замѣчательно тѣмъ, что вызвало въ современной непечатанной литературѣ возраженіе противъ того безусловнаго поклоненія Прусской военной системѣ, которое обнаружилъ при этомъ случаѣ Михаилъ Өедотовичъ. Въ 1765 году еще свѣжи были воспоминанія о Прусскихъ военныхъ порядкахъ, которые такъ заботливо вводилъ Петръ III и которые были поспѣшно отмѣнены Екатериной, и вотъ анонимный возражатель Каменскому поспѣшилъ отразить сдѣланный послѣднимъ намекъ на то „счастливое время", когда „Россійское войско удостоено было видѣть лицо своего государя (Петра III) послѣ сорока лѣтъ терпѣнія". По предположенію Л. Н. Майкова, анонимъ, возражавшій Каменскому былъ самъ воспитатель в. кн. Павла С. А. Порошинъ (Русск. Арх. 1873, стр. 1554). Въ томъ же письмѣ Каменскій между прочимъ пишетъ: „...Любите и вы, государь великій князь, свое войско, и позвольте представить, что имъ цари и дальнѣйшимъ народамъ повелѣваютъ, а при миролюбивомъ правленіи отечество отъ насилія враговъ освобождаютъ. Какую бы помощь, напримѣръ, получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и другихъ наукъ и художествъ, если бъ не было въ ней Милтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться,

что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію подлыхъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ... Славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколистомъ ни одной коллегіи, ниже Сената". Не смотря на такой крайній взглядъ свой на „подлыя пѣсни", Михаилъ Ѳедотовичъ былъ далеко не чуждъ словесности. Онъ покровительствовалъ Богдановичу и издалъ въ Москвѣ, въ 1778 году первую книгу его „Душеньки" (Бантышъ-Каменскій. Словарь, 1836 г. III, 7) и самъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, занимался стихотворствомъ. „По слѣпотѣ моей", писалъ онъ къ сыну въ Москву, „готовясь быть Гомиромъ, нельзя не просить мнѣ тебя купить мнѣ въ Университетской книжной лавкѣ, на Тверской, въ домѣ доктора Фрезе, у комиссіонера Переплетчикова, книгу Русскую Просодію, въ переплетѣ бумажномъ, за 40 к.. Я надѣюсь съ новой этой книгою скакать по слѣдамъ Ломоносова" (Русск. Арх. 1868, с. 1524). Своею своеобразнѣйшею личностью и кровавыми на спасеніе отечества подвигами онъ вдохновлялъ лириковъ нашихъ къ пѣснопѣнію въ честь его. Кромѣ того, по свидѣтельству А. П. Ермолова. Каменскій былъ исполненъ обширныхъ познаній, особенно по математикѣ, Ермоловъ помнилъ, какъ однажды поѣхавши къ нему въ Сабурово (12 верстъ отъ Орла, они были сосѣди) съ отцомъ своимъ, онъ засталъ Михаила Ѳедотовича за пюпитромъ: онъ читалъ новое математическое сочиненіе (кажется Десори) и повѣрялъ алгебраическія его выкладки. При этомъ Каменскій отличался необыкновенною скромностью. Никогда не скажетъ: *я знаю*; но его *кажется* было Евангельскою истиною. (*Бартеневъ*. Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ. Русск. Архивъ 1863, стр. 857). Турецкая война (1769—1777) обнаружила въ немъ таланты славнаго полководца. Въ этой войнѣ онъ участвовалъ въ разбитіи кн. А. М. Голицынымъ верховнаго визиря и Крымскаго хана и въ занятіи Хотина, за что награжденъ орденомъ Св. Анны. Вслѣдъ затѣмъ служилъ онъ подъ знаменами гр. П. И. Панина, участвовалъ во взятіи Бендеръ (1770) и содѣйствовалъ сдачѣ Аккермана; за эти военные подвиги получилъ Св. Георгія 3-го класса. Въ 1774 году пресѣкъ всякое сообщеніе великаго визиря съ Андріанополемъ, заперъ его въ собственномъ лагерѣ и тѣмъ способствовалъ гр. Румянцову къ заключенію славнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. За это онъ удостоился получить (1775) Св. Георгія 2-го класса и Св. Александра Невскаго. Въ 1783 г. вступаетъ въ мирное управленіе Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами. Благодаря бывшаго предсѣдателя Тамбовской губернской земской Управы П. Б. Бланка, сохранено отъ уничтоженія нѣсколько весьма любопытныхъ дѣлъ Тамбовскаго Архива, бывшаго Приказа общественнаго призрѣнія, за первые годы его существованія (1780—1785) и между прочимъ документы, знакомящіе съ дѣятельностью Михаила Ѳедотовича, какъ Тамбовскаго генералъ-губернатора. Такъ, по его приказанію, „воры", укравшіе менѣе 20 р., принимались въ Тамбовскій рабочій домъ, но съ тѣмъ, чтобы изъ задѣльной платы имъ выдавалось на пропитаніе лишь 2 к. въ день, остальное же обращалось для уплаты хозяевамъ за украденныя вещи. Особенно строго относился Михаилъ Ѳедотовичъ къ неслужащимъ дворянамъ, „въ гнусной праздности обращающимся". Онъ настойчиво требовалъ отъ предводителей дворянства доставлять такихъ дворянъ въ губернскій городъ, „для наученія грамотѣ и частью ариѳметикѣ" или же для опредѣленія въ какую-нибудь службу, объясняя, что „довольно и того пятна для каждой благородной фамиліи, если въ ней и одинъ такой извергъ найдется, который никогда, нигдѣ, здоровъ будучи, не служивалъ". Посѣтивъ въ 1784 году г. Шацкъ, Каменскій узналъ, что проживающій въ томъ городѣ „изъ дворянъ отставной каптинармусъ" Чарыковъ „имѣетъ гнусное пропитаніе портнымъ мастерствомъ", не соотвѣтствующимъ дворянству, почему приказалъ отослать его къ Тамбовскому коменданту для опредѣленія въ штатную команду унтеръ-офицеромъ, на вакансію рядового; „а чтобы и въ прочихъ мѣстахъ праздношатающихся и гнуснымъ образомъ пропитаніе достающихъ изъ дворянъ не было", предписалъ высылать таковыхъ въ намѣстническое правленіе за карауломъ (Сборникъ земск. извѣстій по

Тамбовской губерніи, вып. II, стр. 256 и слѣд.). Михаилъ Ѳедотовичъ оставилъ управленіе Рязанскимъ и Тамбовскимъ намѣстничествами въ началѣ 1786 года. Изъ письма Коновницына къ Державину, отъ 13 Ноября 1786 г., мы узнаемъ, что Каменскій „вчера откланялся Императрицѣ, ѣдетъ въ армію". (Соч. Державина. V, 625). Въ началѣ 1787 г. мы его встрѣчаемъ въ Кіевѣ, гдѣ съ нимъ познакомился гр. Сегюръ который въ своихъ Запискахъ называетъ его человѣкомъ „живымъ, суровымъ, буйнымъ и вспыльчивымъ" (стр. 157—159). „Чтобы было, писалъ неустрашимый герой Кавказа Циціановъ (отъ 3 Янв. 1788)" еслибы съ моею чувствительностью имѣлъ я шефомъ Каменскаго или Суворова, у которыхъ полковники ихъ вмѣсто капраловъ" (Русск. Арх. 1872, стр. 2168). „Какъ скоро, пишетъ Энгельгардтъ въ своихъ Запискахъ, не касалось Московскаго полка, въ которомъ Каменскій былъ шефъ, и гдѣ офицерамъ, по чрезвычайной его строгости, почти служить было не возможно, какъ корпусный командиръ былъ онъ любимъ, а не по службѣ былъ очень любезенъ" (стр. 98—99). Передъ началомъ Турецкой войны, въ концѣ 1787 года, Михаилъ Ѳедотовичъ посѣтилъ Петербургъ. Екатерина послала ему въ подарокъ 5,000 р. золотомъ; чудакъ-генералъ счелъ этотъ подарокъ маловажнымъ, „и въ Лѣтнемъ саду ежедневно дѣлалъ завтракъ, ловя встрѣчнаго и поперечнаго, пока не истратилъ всѣ жалованныя деньги, и уѣхалъ" (стр. 67). Возобновившаяся война съ Турціею заставила его снова обнажить мечъ, и за истребленіе огнемъ и мечемъ двухъ селеній Гангуръи Сакулецъ (1789), награжденъ онъ орденомъ Владимира 1-й степени. Онъ участвовалъ также и въ осадѣ Бендеръ. Среди успѣховъ нашего оружія скончался Потемкинъ (1791). Извѣстна роль Михаила Ѳедотовича въ Яссахъ, по смерти князя Таврическаго (Записки Энгельгардта, 126—129; *Гротъ.* Сочиненія Державина, II, 658. *Александровъ.* Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка. Русск. Арх. 1873, стр. LX—XLV). Какъ только онъ узналъ, что Потемкинъ умеръ, то потребовалъ отъ Попова отчета въ дѣлахъ и экстраординарныхъ суммахъ. Половъ отказался. Каменскій вышелъ изъ себя. Бросился въ дежурство, билъ всякаго, кто съ нимъ только встрѣчался: солдатъ, Молдаванъ, Жидовъ, какъ будто сумасшедшій. Отдалъ приказъ по арміи, что вступаетъ въ командованіе оною. Вслѣдъ затѣмъ пріѣзжаетъ Каховскій и объявляетъ, что, по ордеру покойнаго Потемкина, ему слѣдуетъ вступить въ командованіе арміею. Тутъ началась у нихъ съ Каменскимъ брань. Оба дѣлали приказанія и распоряженія, противныя одно другому. Каменскій созываетъ совѣтъ генераловъ, на которомъ И. М. Толстой заявилъ, что ежелибы они знали, что созваны для избранія себѣ командира, то конечно бы изъ нихъ никто не пріѣхалъ; ибо при самодержавномъ правительствѣ должно повиноваться властямъ, поставленнымъ отъ Императрицы, а не выбирать себѣ начальника.... „И такъ, сказалъ Каменскій, вы отрекаетесь мнѣ повиноваться,—быть по сему". Ежелибы Каменскій, замѣчаетъ Энгельгардтъ, обошелся хорошо съ Поповымъ, то навѣрно бы остался командиромъ арміи (Записки, 127—129). Поступки Каменскаго возбудили сильнѣйшее негодованіе императрицы Екатерины и она писала къ гр. Н. И. Салтыкову: „Сумасшедшій Каменскій.... столько шалитъ, какъ можетъ, и показываетъ, что ни гроша нѣтъ соображенія. Поповъ старался его три дня уговаривать, чтобы онъ удержался принять команду; его поступки во всей арміи умножаютъ рыданье и печаль, однимъ словомъ его дурачества всѣхъ огорчаютъ до крайности. Сказываютъ, что бѣда одна не бываетъ. Каменскій сіе доказываетъ" (Русск. Архивъ 1864, стр. 982). Каменскій былъ удаленъ, и онъ послѣднія пять лѣтъ царствованія Екатерины провелъ въ отставкѣ (*Бартеневъ.* Русск. Арх. 1868, стр. 1491). Михаилъ Ѳедотовичъ былъ женатъ на кн. Аннѣ Павловнѣ Щербатовой (род. 1749, † 1826); но подобно Румянцову и Суворову не пользовался счастіемъ семейной жизни, хотя жена его была рѣдкой красоты и доброты. Онъ понималъ любовь по своему; онъ допускалъ, что можно любить кого и какъ угодно и что бракъ нисколько не препятствуетъ мужу имѣть постороннія связи. Домъ его въ Москвѣ на Зубовомъ бульварѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Земледѣльческое училище, принадлежалъ къ тѣмъ стариннымъ боярскимъ домамъ, которыхъ болѣе не встрѣчается и въ Москвѣ; онъ даже въ то время пора-

жалъ чудовищною роскошью. Около Михаила Өедотовича образовалось нѣчто въ родѣ своего двора: управляющіе, секретари, приживалки, хвалители, потѣшатели, няни, мамки, Калмычки, Турчанки наполняли домъ его, гдѣ властвовалъ онъ сурово и деспотически. Азіатская роскошь смѣшивалась здѣсь съ утонченностями Европейской жизни, представленіе Французскихъ пьесъ съ обрядовыми пѣснями сѣнныхъ дѣвушекъ. Русская старина била здѣсь ключемъ изъ подъ Западной коры (*Ковалевскій.* Графъ Блудовъ и его время. Спб. 1866, стр. 25—27). Императоръ Павелъ поспѣшилъ вознаградить стараго генерала, обожателя Фридриховскихъ строевъ. Онъ произвелъ его въ фельдмаршалы, пожаловалъ въ графы и назначилъ командовать полками въ Финляндіи. Въ Запискахъ В. С. Хвостова мы, между прочимъ, находимъ: „видѣлъ я, какъ Каменскій за каждое ему слово императора Павла цѣловалъ полу сюртука его“ (Русск. Арх. 1871, стр. 591). Въ Итальянскомъ походѣ 1799 г. онъ не участвовалъ; кажется, онъ скоро впалъ въ немилость (*Бартеневъ.* Русск. Арх. 1868, стр. 1491) На балѣ у Московскаго главнокомандующаго гр. И. П. Салтыкова, бывшемъ 6 Ноября 1800 г., удалось Вигелю видѣть его вмѣстѣ съ Остерманомъ, Еропкинымъ, кн. Юр. Вл. Долгорукимъ, канцлеромъ Голицынымъ. „Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галлерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ (Воспоминанія, I, 186). Въ самомъ началѣ царствованія Александра I, Михаилу Өедотовичу случилось быть въ Петербургѣ, и Императоръ назначилъ его на мѣсто М. Л. Кутузова быть главнокомандующимъ въ столицѣ; а гр. Е. Ө. Комаровскій былъ назначенъ ему въ помощники. Скоро Государь примѣтилъ, что гр. Каменскій былъ слишкомъ торопливъ, чрезмѣрно вспыльчивъ и переиначивалъ иногда даже высочайшія приказанія. Въ Красномъ селѣ въ это время происходили маневры. Всѣ войска были поручены начальству фельдмаршала. Государю угодно было видѣть искусство „сего состарившагося въ военномъ ремеслѣ генерала“; но онъ не вполнѣ оправдалъ ожиданія Государя. При этомъ нельзя не вспомнить словъ гр. П. Х. Граббе, которыя въ этомъ случаѣ вполнѣ примѣнимы и къ Каменскому: „Не могу привыкнуть и принудить на маневрахъ умственныя свои способности къ тому напряженію, которое настоящая война возбуждаетъ естественно. Я войною испорченъ для маневровъ“ (Русск. Арх. 1873, стр. 793—794). Вскорѣ Каменскій такъ надоѣлъ Александру, что Государь однажды спросилъ у гр. Комаровскаго: „Не хочетъ ли гр. Каменскій проситься прочь? Если бъ сіе случилось, я поставилъ бы свѣчу Казанской Божіей Матери“. Впрочемъ и самъ Михаилъ Өедотовичъ тяготился этою должностью и говорилъ гр. Комаровскому: „Я пріѣхалъ сюда огурчикомъ, а теперь сталъ похожъ на вялую рѣпу“ (Записки гр. Е. Ө. Комаровскаго, стр. 567, 568, 570—573, 575). Въ селѣ Сабуровѣ доживалъ онъ преклонный вѣкъ свой, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, математикою, а иногда и опытами въ Россійскомъ стихотворствѣ, когда въ исходѣ 1806 года вызвали его въ Петербургъ для войны съ Наполеономъ, предпринятой въ оборону Пруссіи. Въ 1806 году общій голосъ въ пользу его былъ почти столько же единодушенъ, какъ въ 12 году въ пользу Кутузова. (*Гротъ.* Сочиненія Державина, II, 603). „Всѣ надѣятся, писалъ Евгеній (отъ 13 Декабря 1803 г.), отъ Каменскаго успѣховъ, но счастье въ руцѣ Божіей“ (Русск. Арх., стр. 853). Императоръ Александръ, основываясь на общественномъ мнѣніи, назначилъ его главнокомандующимъ. Державинъ привѣтствовалъ его одою:

Оставшій мечъ Екатерины,
Булатъ, обдержанный въ бояхъ....

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что не всѣ тогда раздѣляли это общее мнѣніе; такъ Карамзинъ, въ письмѣ своемъ къ брату, отъ 20 Ноября 1810 г., отозвался: „Мы въ крайнемъ безпокойствѣ, и я худо провелъ нѣсколько ночей, воображая, что быть можетъ Каменскій поѣхалъ командовать нашею арміею. Признаюсь, что не считаю его равнымъ въ военномъ искусствѣ съ Бонапар-

те" (*Погодинъ*. Н. М. Карамзинъ. М. 1866, II, 41). И вотъ „колонны бабушекъ и дядюшекъ, батюшекъ и тетушекъ, какъ будто войско, принадлежащее Наполеону, лѣзли на приступъ 9-го нумера Сѣверной гостинницы", гдѣ остановился фельдмаршалъ, въ Петербургѣ; а наконецъ, 6 Ноября, въ 4 часу ночи, взялъ приступомъ и самый 9-й нумеръ неустрашимый партизанъ и пѣвецъ нашъ Давыдовъ, утѣшая и ободряя себя во время приступа тѣмъ, что „всякій чудакъ любитъ чудное, а набѣгъ среди ночи молодого поручика на престарѣлаго фельдмаршала, живого, яраго и строптиваго, не былъ слишкомъ близокъ къ обыкновеннымъ правиламъ общежитія и даже благоразумія. „Слышу, продолжаетъ Давыдовъ, отворяется дверь, и маленькій старичокъ, свѣжій и бодрый, является предо мною въ халатѣ, съ головою повязанною бѣлою тряпицею и съ назаженнымъ въ рукѣ огаркомъ; это былъ фельдмаршалъ". Сначала Михаилъ Өедотовичъ принялъ его довольно сурово и „вспыхнулъ", когда Давыдовъ объявилъ ему желаніе служить на войнѣ, и ходя скорыми шагами по горницѣ, говорилъ ему почти въ изступленіи: „Да что это за мученіе! Всякій молокососъ лѣзетъ проситься въ армію, когда я еще и самъ не назначенъ къ мѣсту. Замучили меня просьбами! Да кто вы таковы? Давыдовъ! Какой Давыдовъ?" Я сказалъ имя отца моего. „Неужто? Помню, помню, любилъ и очень любилъ его, да и съ дѣдушкой твоимъ мы были пріятели". Въ заключеніе Михаилъ Өедотовичъ сказалъ Давыдову: „Право, я думалъ, что ты хочешь застрѣлить меня. Правду сказать, я смерти никогда не боюсь, а въ моихъ лѣтахъ еще менѣе боюсь ея, но ты весьма былъ похожъ на подозрительную особу; признайся!..." Давыдовъ извинялся.—„Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ", возразилъ фельдмаршалъ съ пылкостью, „это мнѣ пріятно, это я люблю, это значитъ ревность неограниченная, горячая, тутъ душа, тутъ сердце.... Я это знаю, я чувствую!" (Сочин. Д. В. Давыдова. М. 1860, II, 34—37). Передъ отъѣздомъ въ армію пожелала его видѣть лежащая въ родахъ Императрица: подходя къ постели, онъ согнулъ передъ нею колѣно и поцѣловалъ руки. Обыкновенно скромная и воздержная въ рѣчахъ, она тутъ съ жаромъ и чувствомъ говорила ему о защитѣ и спасеніи Россіи, и ему казалось, какъ онъ сказывалъ, что онъ слышитъ небесный голосъ (*Вигель*. II, 226—227). Къ сожалѣнію, опасенія Карамзина оправдались, и 3 Янв. 1807 графъ Местръ писалъ изъ Петербурга въ Италію: „Фельдмаршалъ Каменскій не оправдалъ ожиданій. Онъ сбился съ толку, или его сбили съ толку; ибо на извѣстнаго рода фокусы всѣ мы дѣти въ сравненіи съ Русскими... Онъ написалъ Императору странное и даже неприличное письмо. У него грыжа, которая отъ верховой ѣзды становится еще мучительнѣе. Въ письмѣ своемъ онъ пускается въ топографическое описаніе своего недуга, и съ пера его, въ письмѣ, писанномъ къ Императору, сорвались странныя междометія". (Русскій Архивъ, 1871 года, стр. 90, 91). 8 Января 1807 года Московскій главнокомандующій Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ получилъ уже отъ министра иностранныхъ дѣлъ, бар. Будберга, письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Государь Императоръ высочайше указать мнѣ соизволилъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства непріятныя обстоятельства, встрѣтившіяся въ короткое время командованія арміями генер.-фельдмаршаломъ гр. Каменскимъ, для сообщенія оныхъ Московской публикѣ въ настоящемъ ихъ видѣ. По прибытіи своемъ къ арміи, 8 Дек. прошедшаго года, гр. Каменскій, зная, что непріятель готовится атаковать всѣми силами нашу армію, тотчасъ приступилъ къ перемѣнѣ позиціи ген. Бенигсеномъ учрежденной, и тѣмъ самымъ подвергнулъ войска наши къ частнымъ аттакамъ непріятеля.... Наканунѣ сраженія фельдмаршалъ сдалъ команду старшему по себѣ и уѣхалъ изъ арміи". Въ заключеніи письма бар. Будбергъ пишетъ: „Такимъ образомъ ожиданія Его Величества и всей публики уничтожены въ нѣсколько дней начальствованіемъ гр. Каменскаго чрезъ непостижимые его поступки" (Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 1093—1096). Самъ же фельдмаршалъ въ это время писалъ къ своему сыну: „...Я поручаю тебя Богу—да сохранитъ тебя и честь твою; мою за чужіе грѣхи замарали, но чистое сердце утѣшается" (Русск. Арх. 1868, стр. 1494). „Батюшка твой вмѣсто командира обратился тебѣ въ дворецкіе..., Я никого не озлобилъ въ командованіе мое и такъ

тебѣ злодѣевъ не нажилъ, а недоброхоты можетъ что и есть. Веди себя учтиво, но не забывай, что и самъ генералъ-маіоръ и чей сынъ. Я бывалъ подъ огнемъ, и кой-кто меня знаетъ. Уѣхалъ не тогда, какъ драться доводилось; вишь не мы шли нападать, а кто знаетъ, когда на насъ нападутъ. А батюшка твой безъ слуги, безъ бѣлой рубашки и чулокъ, съ ободраннымъ.... и съ килой, принужденъ былъ въ 70 лѣтъ девять дней прожить подъ открытымъ небомъ. Вотъ то-то мнѣ доказало, что я не гожусь болѣе къ походу, то-то заставило поручить команду старшему по себѣ.... Еще повторяю, живи сколько можно не чвановато" (изъ Гродны, отъ 29 Дек. 1806). Напечатанныя въ Русск. Архивѣ 1868 г. его письма къ сыну знакомятъ насъ съ послѣдними тремя годами его жизни и живо рисуютъ намъ стараго фельдмаршала. Извѣстно, что онъ погибъ насильственною смертью въ своемъ селѣ Сабуровѣ, 12 Августа 1809 г., и похороненъ въ тамошней сельской церкви. Надъ нимъ и надъ прахомъ сына его Николая, по свидѣтельству Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, поставлены простые бѣлые камни, безъ надгробныхъ надписей (Словарь, 1836, III, 7—8). На страшную смерть его Жуковскій написалъ:

. . . .
О сколь разительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Со смертію сына его Николая (4 Мая 1811) „замолкло, по выраженію П. И. Бартенева, имя Каменскихъ, наполнявшее собою около полувѣка наши военныя лѣтописи, и нынѣ оно отзывается лишь гуломъ старинной Русской славы. (Русск. Арх. 1868, стр. 1494) **137, 143, 196, 221, 222.**

Кампенгаузенъ, бар. Петръ Балтазаръ, правящій должность поручика правителя Рижскаго намѣстничества (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 337) **103.**

Кантакузина, княгиня, по представленію гр. Безбородко, жалуютъ ей деревни, **225.**

Карадыгинъ, Николай Матвѣевичъ, состоялъ при Кабинетѣ (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 10). **146.**

Карасу-Базаръ, нынѣ заштатн. гор. Таврич. губерніи, Симферопольскаго у., **22, 23.**

Каргала, нынѣ посадъ Оренбургской губ. и у. (*Семеновъ*, *П. П.* Геогр. Словарь, II, 509) **152.**

Карловицкій трактатъ, заключенный въ гор. Карловицѣ (въ южной Австріи), въ 1699 г., между Турціей съ одной стороны и Австріей, Польшею, Венеціею и Россіею съ другой; при этомъ Польша получила обратно Подолію и Украйну по правую сторону Днѣпра. **105.**

Карлъ Александръ, пр. Виртембергъ-Штутгардскій, братъ Маріи Ѳеодоровны, **218.**

Карлъ V, имп. **32.**

Карлъ III, кор. Испанскій (1759, † 1788). **97, 102, 132—134, 136, 146.**

Карлъ IV, кор. Испанскій (1788—1808) **223.**

Карлъ, герц. Брауншвейгъ-Люнебургскій (Кратк. Родосл. показаніе высокихъ государей на 1788, стр. 104), род. 1735, † 1806; извѣстенъ своими военными подвигами, начавшимися съ Семилѣтней войны и кончившимися войнами съ Наполеономъ. **243.**

Карлъ, герц. Зюдерманландскій (братъ Шведскаго короля Густава III, бывшій потомъ самъ королемъ Шведскимъ подъ именемъ Карла XIII, родился 1748, † 1818) **54, 60, 71, 77, 79, 82, 84, 86, 97, 128, 135, 165, 199, 234.**

Карлъ, пр. Гессенскій, ген.-фельдцейхм. и штатгальт. Шлезвига (Краткое родословное показаніе высокихъ государей на 1788, стр. 119) **87, 103—105, 110, 115, 116, 124, 155, 173, 174.**

Кармартенъ, лордъ, **86, 117.**

Карнѣевъ, Захаръ Яковлевичъ, вице-губерн. Орловскій, пріятель И. В. Лопухина; въ 1784 г. открылъ въ Орлѣ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, масонскую ложу, которая работала въ духѣ Московскихъ мартинистовъ (*Лонгиновъ*. Новиковъ, стр. 215, 216) **3, 4.**

Одобреніе было единогласное, и авторъ вызванъ" (записки Сегюра въ Русск. перев. 1865 г., стр. 260—261) **27, 103.**

Коробейниковъ, поручикъ, а Державинъ (Записки, стр. 656), называетъ его Московскимъ купцомъ. Дѣло его съ Роговиковымъ **232.**

Корсаковъ. См. **Римскій Корсаковъ.**

Корфъ, рожденная Штегельманъ, баронесса Анна Христина, овдовѣвъ проживала постоянно въ Парижѣ въ продолженіе 20 лѣтъ. Мать и дочь находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ гр. Ферзеномъ, состоявшемъ во Французской службѣ. Она всѣмъ состояніемъ своимъ пожертвовала несчастному Французскому королю (*Кн. М. А. Оболенскій,* Русск. Арх. 1866 г., стр. 800—816). **214.**

Костромское дворянство, пожертвованіе его **87, 100, 110.**

Костюрины, родственники гр. Шуваловыхъ, **31.**

Коувалы, 171, 172, 179.

Коуголы, 196.

Кохъ, Ѳедоръ Ивановичъ ст. сов., чиновникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (Мѣсяцосл. на 1789, стр. 36), **90, 95, 98, 104, 107, 111, 112, 117, 119, 130.**

Красная горка, возвышенность на южн. берегу Финскаго зал., за Ораніенбаумомъ (*Семеновъ, П. П.* Географич. Словарь II, 761—762) **56, 62, 197.**

Красная мыза (нынѣ деревня, Красново, Красная), Новоладожскаго уѣзда (Списокъ населен. мѣстъ С.-Петербургской губер. стр. 112), **59.**

Красный кабинетъ, въ Царскосельскомъ дворцѣ, **33.**

Крестцы, нынѣ уѣз. гор. Новгородской губ., учрежд. Екатериною въ 1776 г., а до той поры былъ простымъ ямомъ (*Семеновъ, П. П.* Геогр. Словарь, II, 787), **24.**

Кречетниковъ, Михаилъ Никитичъ, генер.-поручикъ, инспекторъ войскъ, правящій должность генералъ-губернатора Калужскаго и Тульскаго (Мѣсяцословъ на 1789 г., стр. 18). Родился въ двадцатыхъ годахъ и получилъ воспитаніе въ Сухопутномъ корпусѣ. Впервые обратилъ на себя вниманіе отличіемъ въ Кагульскомъ бою и вслѣдъ за тѣмъ блестящимъ дѣломъ при Краіовѣ, послѣ котораго оставилъ военную службу. Былъ губернаторомъ въ Псковѣ и Твери. Въ 1776 г. назначенъ Калужскимъ намѣстникомъ съ повелѣніемъ открыть Калужскую губернію, потомъ ему поручено открыть Тульское намѣстничество, что было исполнено съ необычайною торжественностью, въ началѣ 1778 года. Изрядной величины каменный домъ былъ превращенъ въ одинъ просторный залъ, для общаго собранія дворянства. Въ этой залѣ, называвшейся „красною палатою", былъ сооруженъ императорскій тронъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Въ день открытія намѣстничества, Кречетниковъ стоялъ на ступеняхъ трона и говорилъ краткія привѣтственныя рѣчи многочисленному собранію дворянъ (Зап. Болотова, Т. III, стр. 721). Кречетниковъ, вообще, имѣлъ слабость къ пышности и церемоніальнымъ выходамъ, а также и къ прекрасному полу. Разсказываютъ, что даже въ обыкновенные Воскресные дни въ залѣ Тульскаго намѣстничества можно было видѣть слѣдующее зрѣлище: толпа чиновниковъ долго ожидала появленія градодержателя; наконецъ, два официанта отворяли двери въ гостиную, откуда мѣрными шагами выступали другіе два официанта, за ними въ предшествіи секретаря, несшаго портфель, медленно и важно шествовалъ самъ намѣстникъ (Словарь Бант.—Каменскаго, Т. III, стр. 113). Съ 1791 г. до самой смерти (въ 1793 г.) онъ командовалъ войсками, расположенными въ Малороссіи и въ этомъ званіи принималъ участіе въ Польской войнѣ. О Кречетниковѣ сохранилась добрая память въ народѣ. Ему принадлежало село Михайловское, Подольскаго уѣзда, Московской губ. Нынѣшній владѣлецъ этого села графъ С. Д. Шереметевъ благосклонно сообщилъ мнѣ записанные имъ со словъ крестьянина сосѣдней деревни Исаковой восьмидесятилѣтняго старика Ивана Васильева Смураго любопытные разсказы о пышномъ Екатерининскомъ намѣстникѣ Кречетниковѣ или, какъ называютъ его въ народѣ, Крашниковѣ. Отецъ и дядя разсказчика служили при усадьбѣ Кречетникова. Это былъ добрый баринъ, былъ въ большой силѣ и дѣлалъ, что хотѣлъ, потому что состоялъ намѣстникомъ въ Тулѣ и Калугѣ. Все въ окрестности повиновалось ему. Жилъ онъ

велъ, вступивъ на престолъ, удивилъ современниковъ обиліемъ наградъ, излившихся на преданнаго друга (*Бартеневъ*. Русск. Арх. 1868, стр. 23—24), **97, 98, 159, 233**.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борисовичъ (на мѣстѣ статскаго совѣтника въ третьей экспедиціи для свидѣтельствованія счетовъ. Мѣсяцословъ на 1793, стр. 24); род. 1759, † 1829 (*Кн. Долгорукій*. Россійск. Родосл. Кн., I, 317.) **250**.

Курбскій, кн. Андрей Михайловичъ; род. около 1528, † 1583; авторъ знаменитой „Исторіи кн. великаго Московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима". Въ Архивѣ Московской Оружейной Палаты (№ 1351, л. 39) сохраняется слѣдующее предложеніе Потемкина, отъ 22 Октября 1778 года, въ Мастерскую и Оружейную контору: „По полученіи сего прислать ко мнѣ находящуюся въ сохраненіи въ Мастерской Палатѣ книгу исторіи князя Курбскаго о взятіи Казани, которая по описи названа: Плачъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ". (Сообщено А. Е. Викторовымъ) **223**.

Кутузовъ, Ѳедоръ Михайловичъ, предводитель Костромского дворянства (Мѣсяцосл. на 1789 г., стр. 158), **110**.

Кушелева, Любовь Ильинишна (впослѣдствіи графиня), рожден. Безбородко, **16**, **17**.

Кюменгородская провинція, **70, 73, 172**.

Кюстинъ, (Custine), гр. Адамъ-Филиппъ (1740, † 1793), Французск. генералъ; внукъ его извѣстенъ своимъ путешествіемъ по Россіи (La Russie en 1839. Bruxelles, 1843. 8º. 4 v.) **242**.

Кам..., его дѣло съ А. И. Глѣбовымъ, **34**.

•

Ладожское озеро и каналъ, **56, 57, 98**.

Ладыженскій, Николай Алексѣевичъ, ген. м. Отъ 13 Апрѣля 1788 г. Екатерина писала къ Еропкину: „Вы получите бумаги, до дѣлъ Китайскихъ касающіяся, по содержанію коихъ препоручаемъ вамъ взять объясненіе отъ Ладыженскаго, бывшаго въ Троицкой крѣпости оберъ-комендантомъ и представить къ намъ. Мы надѣемся получить отъ него вѣрное и безпристрастное показаніе". (Русск. Арх. 1872, стр. 300) **43**.

Лазаревъ, отз. о немъ Екатерины **163**.

Лазорени, село въ Молдавіи въ которомъ проживалъ гр. П. А. Румянцовъ Задунайскій, **191**.

L'Amant Bourru, пьеса, игранная въ эрмитажн. театрѣ, **187**.

Ламбъ, Иванъ Варѳоломѣевичъ, ген. поруч., правитель Костромскаго намѣстничества (Мясяцосл. на 1789, стр. 156) **87, 100**.

Ланской, Александръ Дмитріевичъ (ген.-адъют.), род. въ 1757 г.; кончина его такъ поразила Екатерину, что она занемогла, и докторъ Рожерсонъ находилъ, что для ея исцѣленія слѣдуетъ стараться объ истребленіи печали и всякаго душевнаго безпокойства, кои и понынѣ въ самой высшей степени продолжаются. „Къ сему", пишетъ Безбородко къ Потемкину (отъ 28 Іюля 1784), „одно намъ извѣстное есть средство—скорѣйшій пріѣздъ вашей свѣтлости... Погребеніе", продолжаетъ Безбородко, „вчера поутру въ городѣ Софіи совершено. Сколько мы ни старались отправить его, взявъ всѣ распоряженія на себя и ни о чемъ не докладывая, но безпрерывно о томъ выспрашивали, а сіе только умножало болѣе печаль" (Русск. Старина, 1873, Ноябрь, 736) его смерть **2**; воспом. о немъ **6**; его домъ въ Софіи **159**.

La rage aux proverbes, proverbe. У Пельскаго: „Сумашествіе на пословицахъ"; у неизвѣстнаго переводчика—„Глупое пристрастіе къ пословицамъ". (*Лонгиновъ М. Н.* Драматич. сочин. Екатерины, стр. 23) **99, 102, 103, 187**.

Лассій, графъ Петръ, ген.-фельдмарш. (род. 1678, † 1752), **111, 129, 132, 192**.

Лаудонъ, баронъ, Австр. ген., **182—184**.

Лафайетъ, **174—176, 180**.

Леберехтъ, Карлъ Александровичъ, оберъ-медальёръ, **10**.

Левашовъ, Василій Ивановичъ, ген. м., флиг.-адъют. (Мѣсяцосл. на 1786 г., стр. 6). Род. 1740, † 1803; приходился дядею Александру Петровичу Ермо-

Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883—1895. Графъ Павелъ Шереметевъ. С.Пб. 1901. 8-ка, 146 стр. Съ эпиграфомъ: „Пушкинъ неизмѣнно въ теченіе своей жизни утверждалъ, что все, чтò возбуждаетъ смѣхъ—позволительно и здорово. Кн. Павелъ Вяземскій".

Этотъ отзывъ Пушкина о значеніи смѣха появляется здѣсь первый разъ въ печати. Покойный А. С. Хомяковъ, вспоминая о Пушкинѣ, говорилъ намъ, что смѣхъ его иной разъ бывалъ плѣнительнѣе самыхъ его стиховъ, что Пушкинъ хохоталъ, какъ дитя, что звонкій смѣхъ его отзывался душевною искренностью. Не въ бесѣдахъ ли съ Пушкинымъ задался Гоголь мыслію о значеніи смѣха, которая потомъ легла въ основу его творчества? Гоголь въ этомъ отношеніи пошелъ дальше своего наставника. Въ его устахъ смѣхъ получалъ высокое нравственное значеніе, чтò и выражено въ священномъ изреченіи на могильномъ его памятникѣ: „Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся". Русскій человѣкъ испоконъ вѣковъ одаренъ способностью незлобнаго смѣха, и тутъ свѣтлая сторона шутовства и скоморошества, которыя нѣкогда процвѣтали на Руси. Никакой пиръ, ни одно веселое собраніе не обходилось безъ шута или скомороха, мѣткое слово котораго имѣло иной разъ значеніе хора въ классической трагедіи. Трудно, но желательно написать исторію шутовства и обличительнаго смѣха въ Россіи.

Кто займется этою исторіею, для того будетъ дорогà изданная нынѣ графомъ Павломъ Сергѣевичемъ Шереметевымъ книга о И. Ѳ. Горбуновѣ, человѣкѣ вполнѣ историческомъ, который въ художественныхъ разсказахъ своихъ, словесныхъ и письменныхъ, оставилъ намъ живую лѣтопись разныхъ сторонъ Русскаго быта. Отецъ Горбунова былъ крѣпостнымъ человѣкомъ покойнаго Д. Н. Свербеева, а самъ онъ сдѣлался милъ и дòрогъ многому множеству своихъ современниковъ, появляясь во всѣхъ слояхъ общества, въ трущобахъ простонародья, въ палатахъ боярскихъ и дворцахъ царскихъ, всюду съ неотуманеннымъ крѣпкимъ умомъ и незлобіемъ прекраснаго сердца. Будемъ ждать появленія въ свѣтъ сборника его писемъ, изданіе котораго предпринято его друзьями и ближайшими цѣнителями.

П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901 года.

(Годъ 39-й)

«Русскій Архивъ» въ 1901 году выходитъ **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1901 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889**, по 5 р. закаж дый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкоюпо 7 р.; годы **1897—1900** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногороднаго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 4 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

Открыта подписка на 1902-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

11.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. С. Хомякова.

Томы I—VI, VIII.

Москва. 1900—1901.

Давно уже чувствовалась потребность въ новомъ изданіи сочиненій Хомякова. Въ книжной торговлѣ можно было найти лишь 2-й томъ (богословскій); остальные нѣсколько лѣтъ какъ исчезли изъ торговаго обращенія. Сочиненія Хомякова издавались нѣсколько разъ, но возможно-полнаго изданія ихъ до сихъ поръ не было.

Для „Русскаго Архива“, всегда заявлявшаго о своей тѣсной связи съ убѣжденіями, которыхъ держалась „Русская Бесѣда“ 1856 — 1860-хъ годовъ, нѣтъ надобности повторять, какъ высоко онъ цѣнитъ мысленное наслѣдіе, завѣщанное Россіи А. С. Хомяковымъ и такъ называемыми Славянофилами. Считаемъ однако нелишнимъ, привести отзывы о Славянофилахъ, принадлежащіе двумъ писателямъ совершенно иного направленія.

К. Д. Кавелинъ (его Сочиненія, т. III, стр. 1161 — 62) говоритъ: „Смѣшно, жалко и оскорбительно бываетъ, когда упрекаютъ Славянофиловъ въ желаніи попятить Россію назадъ, въ безсмысленномъ охраненіи окаменѣлыхъ формъ прошедшаго, въ невѣжественномъ консерватизмѣ“. „Основатели ученія Славянофиловъ были люди замѣчательнаго ума и таланта, обширнаго знанія и начитанности и европейски - образованные“. „Они могли выработать свои воззрѣнія до той степени опредѣленности и единства, которыхъ мы напрасно стали бы искать до и послѣ этой знаменательной эпохи нашего развитія. Опредѣленность, связность, цѣльность ученія, его систематичность и стройность были безъ сомнѣнія одной изъ причинъ его распространенія и успѣховъ (?) въ публикѣ“.

„Рано умеръ Аксаковъ“, писалъ Герценъ въ 1861 году, „еще раньше Хомяковъ. Больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ противниковъ, которые ближе намъ многихъ своихъ... Киреевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ сдѣлали свое дѣло. Долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что̀ хотѣли сдѣлать.... Съ нихъ *начинается переломъ Русской мысли.* И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи“.

Нынѣ вышли въ свѣтъ семь томовъ полнаго собранія сочиненій А. С. Хомякова. Въ I и III томахъ помѣщены его статьи и рѣчи; во II сочиненія богословскія; въ IV стихотворныя произведенія, въ V и VI Записки о всемірной Исторіи и въ VIII-мъ его письма съ примѣчаніями издателей. Не изданъ еще томъ VII-й (окончаніе Записокъ о всемірной исторіи). Надѣемся, что онъ скоро появится.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ началѣ XVIII вѣка, при Симбирскомъ Троицкомъ соборѣ находился попъ Андрей Васильевъ. Этотъ iерей въ свое время видалъ виды: онъ въ 1707 г. былъ прикомандированъ въ качествѣ полкового священника къ войскамъ и не одинъ разъ «дѣлалъ походы». Очевидно, походная жизнь, знакомая съ «Ивашкой» и полная «бранной тревоги», не могла на немъ не отразиться, а обуявшее всѣ слои Петровскаго общества сутяжничество, нераздѣльное съ страшнымъ «словомъ и дѣломъ» не миновало и сего почтеннаго пастыря града Симбирска. Своими доносами онъ часто не только тревожилъ церковный приказъ, но и воеводскую канцелярiю, подвергая немалой скорби, раззоренiю и даже смерти жертвъ своихъ. Въ нашемъ собранiи находятся три дѣла, произведенiя руки Симбирскаго iерея.

18 Марта 1723 года въ Симбирскъ по своимъ дѣламъ прiѣхалъ Тетюшкой слободы приходскiй дьяконъ Адрiанъ Артемьевъ. Тетюши отъ Симбирска находятся въ 25 верстахъ, и отцу-дьякону бывать въ Симбирскъ приходилось нерѣдко. Останавливался онъ на заѣзжемъ дворѣ. Въ злополучный день 18 Марта встрѣтился онъ съ Троицкимъ попомъ Васильевымъ въ городскихъ рядахъ, и оба, исправивъ свои дѣла, отправились въ кабакъ. Тамъ о. Андрей, будучи достаточно угощенъ о. дьякономъ, не захотѣлъ остаться въ долгу и зазвалъ его къ себѣ въ домъ. Друзья попойку продолжали, и охмѣлевшiй дьяконъ сталъ горько жаловаться на своего сослуживца попа Бориса, что онъ-де его притѣсняетъ, дѣлаетъ за пьянство большiя истязанiя, а самъ въ рѣчахъ-де невоздерженъ и читаетъ-де въ церкви поученiя неподобныя и Императора зломерзко Антихристомъ зоветъ. А когда о. Андрей спросилъ дьакона Адрiана, что же онъ молчитъ и на попа не доноситъ, то дьаконъ отвѣчалъ: «Чего тутъ доносить! Попа Бориса больно мужики любятъ; узнаютъ, что донесъ, такъ убьютъ до смерти». «Ну, такъ я донесу за тебя», сказалъ о. Андрей: «меня воевода знаетъ и дѣло разслѣдуетъ персонально.»—«А какъ бы мнѣ-то чего не было? запросилъ дiаконъ.—«Не бойся: попа уберемъ, а ты еще самъ на его мѣстѣ будешь». Затѣмъ прiятели разстались, и дьаконъ уже поздно вечеромъ уѣхалъ къ себѣ въ Тетюши.

На другой день, съ восходомъ солца, о. Андрей явился въ воеводскую канцелярію и потребовалъ, чтобы его представили воеводѣ, которому онъ долженъ объявить важное «слово и дѣло государево».

Показанія о. Андрея заключались въ томъ, что Тетюшскія слободы попъ Борисъ Матвѣевъ читаетъ въ церкви народу поученія съ хульнымъ на Императорское Величество словами, называя его Антихристомъ, мучителемъ, христіанскимъ гонителемъ, часовеннымъ раззорителемъ, что онъ, царь, ѣстъ въ посты мясо, а архіереи его не обличаютъ*). Выслушавъ и записавъ такое важное показаніе Симбирскій воевода Өедоръ Хрущовъ попа Бориса Матвѣева и дьакона Адріана Артемьева изъ Тетюшъ вытребовалъ и отправилъ скованными въ Преображенскій Приказъ, при чемъ подъ арестомъ же препроводилъ и самого доносителя о. Андрея.

Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, бояринъ злой и немилостивый, мучившій отъ великой ярости колодниковъ, скончался еще въ 1717 году, и начальникомъ Преображенскаго Приказа въ то время уже былъ его сынъ, «ради всеконечнаго сиротства милостивымъ повелѣніемъ и призрѣніемъ» назначенный на это мѣсто Петромъ 1-мъ. Князь Иванъ, очевидно, былъ мягкосерднѣе своего палача-родителя и если пыталъ по заведенному порядку, то по крайней мѣрѣ не держалъ безъ нужды арестуемыхъ, заставляя долгіе года изгнивать въ мрачныхъ подвалахъ Преображенскаго Приказа безъ особой причины.

Послѣ неизбѣжной пытки, съ которой Тетюшскій попъ Борисъ Матвѣевъ принесъ повинную, онъ вмѣстѣ съ дьакономъ Адріаномъ, своевременно не донесшимъ на попа, получили должное наказаніе. Доноситель же о. Андрей черезъ двѣ недѣли былъ отпущенъ изъ Преображенскаго Приказа съ такимъ билетомъ: «Въ нынѣшнемъ 723 году, Апрѣля въ 15 день, въ Преображенскій Приказъ изъ Симбирска въ важномъ Его Императорскаго Величества дѣлѣ присланъ былъ соборный попъ Андрей Васильевъ и въ Преображенскомъ Приказѣ по тому дѣлу, о чемъ надлежало, разспрашиванъ и по разспросу учинился онъ, попъ, свободенъ и отпущенъ въ Симбирскъ, въ домъ свой попрежнему, съ симъ письмомъ, и отъ Москвы до Симбирска онаго попа пропускать безъ задержанія. Подписалъ маіоръ Матөей Алексѣевъ. Справилъ подъячей Алексѣй Томиловъ».

*) Любопытно, что въ числѣ взятыхъ у попа Бориса Матвѣева бумагъ, какъ оскорбительныхъ для персоны Его Императорскаго Величества, были двѣ проповѣди Св. Димитрія: а) поученіе въ недѣлю 9-ю по Св. Духѣ и б) слово въ недѣлю 10-ю по Св. Духѣ. Проповѣди эти изъ Преображенской Канцелярія были представлены потомъ въ Святѣйшій Синодъ, но что было найдено оскорбительнымъ въ этихъ проповѣдяхъ и какое сдѣлано по немъ заключеніе Синода, неизвѣстно.

Пріѣхавъ въ Симбирскъ, попъ Андрей встрѣтилъ въ лицѣ своихъ сослуживцевъ великое озлобленіе, и его къ отправленію соборныхъ службъ не допустили, требуя, чтобы онъ представилъ указъ изъ архіерейскаго дома, такъ какъ билетъ Преображенскаго Приказа принять во вниманіе въ семъ случаѣ быть не можетъ.

Хотя о. Андрей и подалъ прошеніе, но скорой резолюціи не послѣдовало. Симбирскъ въ это время состоялъ въ вѣдѣніи Казанской епархіи. Владыкой былъ престарѣлый Тихонъ, митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, къ которому и обратился о. Андрей съ доношеніемъ, прося владыку отпустить его въ Симбирскъ къ Троицкому собору.

Доношеніе было принято, но резолюціи никакой не дано. О. Андрей бѣдствовалъ и, конечно, ради пропитанія добывалъ себѣ средства чѣмъ попало. Однимъ изъ такихъ источниковъ было писаніе доносовъ, которые онъ и направлялъ въ столь знакомыя ему канцеляріи. Въ Симбирскѣ проживалъ посадскій человѣкъ Алексѣй Антиповъ Бѣляевъ. Онъ былъ женатъ на Аннѣ Васильевнѣ Чурашевой. Сначала Бѣляевы жили мирно, но какъ-то въ семью втерся водившій дружбу съ братомъ Бѣляевой, Васильемъ Чурашевымъ, сынъ подъячаго Казанскаго архіерейскаго дома Матвѣй Ушаковъ. Онъ вступилъ съ Анной Бѣляевой въ любовную связь. Мужъ объ этомъ узналъ; начались ссоры, перешедшія въ постоянныя драки. Анна Бѣляева стала отъ мужа бѣгать и жаловаться брату, который заступался за сестру. Всѣ эти невзгоды, обрушившіяся на Алексѣя Бѣляева, заставили его обратиться къ Симбирскимъ приказнымъ. Были поданы двѣ просьбы: одна на Матвѣя Ушакова къ митрополиту Казанскому Тихону, что онъ, Матвѣй, имѣетъ съ женой Бѣляева любовную связь, а другая—въ Симбирскій Магистратъ на брата жены, Чурашева, за неуплату Бѣляеву взятыхъ имъ 10 рублей. Дѣло очевидно для жены Бѣляева и Матвѣя Ушакова приняло неблагопріятный исходъ. Сынъ архіерейскаго подъячаго Матвѣй Ушаковъ обратился за совѣтомъ къ о. Андрею, обивавшему тогда пороги и духовныхъ и свѣтскихъ канцелярій. О. Андрей не только согласился помочь, но и самъ взялся быть доносчикомъ. Доносъ на несчастнаго посадскаго Бѣляева былъ обставленъ по всѣмъ правиламъ тогдашняго крючкотворства и обоснованъ на подкладкѣ, подходящей къ тогдашнимъ событіямъ. Придумали обвинить Бѣляева въ раціонализмѣ. Дѣло Тверитинова, подвергшагося за подобнаго рода лжемудрствованія жесточайшей казни, было еще свѣжо въ памяти; а достопочтенный отецъ Андрей, притомъ же такъ недавно и такъ благополучно вернувшійся изъ Преображенскаго Приказа, конечно, зналъ эту исторію со всѣми подробностями. Ничто же сумняся, онъ донесъ воеводѣ, что посадскій Бѣляевъ называлъ Сына Божія разбойникомъ, а Пресвятую

Богородицу простою дѣвкою, жившею съ Іосифомъ, и ругался святымъ образамъ, считая ихъ простыми досками, запрещая семьѣ своей покланяться имъ, такъ какъ, говорилъ онъ, покланяться велѣно единому Богу на небѣ, и мало того, взявъ образъ, клалъ оный себѣ на постель. Въ подтвержденіе своего доноса о. Андрей указывалъ на свидѣтелей: жену Бѣляева Анну и брата ея Василія Чурашева.

Вслѣдствіе этого доноса Симбирскій воевода Хрущовъ подвергалъ Бѣляева допросу, а такъ какъ онъ не сознался, то его скованнаго и отправили въ Казань въ Губернскую Канцелярію.

Дѣло Бѣляева по доносу о. Андрея въ нашихъ рукописяхъ этимъ и оканчивается; но продолженіе его имѣемъ въ «Описаніи Синодскихъ дѣлъ» (т. IV, столбцы 276—279). Оно настолько любопытно, что мы позволяемъ себѣ привести его въ извлеченіи.

Отосланный въ Казанскую Губернскую Канцелярію Бѣляевъ, послѣ того, какъ его пытали пытки огнемъ, повинился, сказавъ, что «все то онъ чинилъ въ пьянствѣ». Казанскій губернаторъ Алексѣй Салтыковъ донесъ объ этомъ Сенату, а Сенатъ сообщилъ Синоду, для учиненія указа. Но Синодъ, принявъ во вниманіе, что Бѣляевъ «въ богохульныхъ словахъ и въ иконоборствѣ обличенъ съ розыска, а не духовнымъ покаяніемъ исповѣдался», 25 Сентября постановилъ: «Учинить ему рѣшеніе, по Его Императорскаго Величества указамъ и по Уложенію, въ Губернской Канцеляріи, а въ С.-Петербургъ не высылать и въ Казанскій архіерейскій домъ не принимать, для того, что онъ не самовольно покаялся, но съ розыска обличенъ, и потому не духовному, а свѣтскому суду подлежитъ; и ежели онъ осужденъ будетъ на смерть и предъ совершеніемъ казни, познавъ свой грѣхъ, съ чистымъ покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца и съ осужденіемъ своихъ грѣховъ, будетъ просить для исповѣди отца духовнаго, то исповѣдать его и Св. Таинъ пріобщить, по обыкновенію». Этимъ однако дѣло не кончилось.

3 Мая 1725 г. въ собраніе Святѣйшаго Сѵнода прибылъ прокуроръ Юстицъ-Коллегіи Александръ Ржевскій, и, объяснивъ, что названная Коллегія осудила Бѣляева, по Уложенію, на сожженіе, и по его Ржевскаго мнѣнію слѣдуетъ ему облегчить наказаніе, такъ какъ, послѣ пытки, онъ принесъ повинную, просилъ учинить резолюцію, «можетъ ли быть принята та повинная Бѣляева въ покаяніе?» Синодъ отвѣчалъ: «Можетъ, буде повиновеніе учинено отъ него добровольно».

Въ слѣдующемъ году явилось новое обстоятельство. На исповѣди, послѣ прочтенія приговора о сожженіи, Бѣляевъ сказалъ духовнику, что онъ повинился въ богохульствѣ и иконоборствѣ, не стерпя пытки, но такихъ грѣховъ за собою не знаетъ. По этому поводу вице-президентъ Юстицъ-Коллегіи Вольфъ, совѣтникъ Михаилъ Креницынъ, асессоръ

Ефимъ Пыжовъ и прокуроръ Ржевскій, явившись 6 Іюня 1726 г. въ собраніе Святѣйшаго Синода, просили резолюціи, какъ поступить съ Бѣляевымъ, въ виду заявленія его, сдѣланнаго на исповѣди? Для разрѣшенія этого вопроса, Синодъ обратилъ вниманіе членовъ Юстицъ-Коллегіи, во-первыхъ, на то, что Бѣляевъ на допросѣ въ Казанской Губернской Канцеляріи не былъ спрошенъ объ отношеніяхъ его къ доносчикамъ, которые могли говорить на него по злобѣ и, во-вторыхъ, на то, что въ дѣлѣ нѣтъ показаній духовныхъ отцовъ Бѣляева о его поведеніи въ Симбирскѣ; «и того ради, по соглашенію съ членами Коллегіи», постановилъ: «Бѣляева для надлежащаго увѣщанія, да не погибнетъ душа его, препроводить подъ карауломъ къ совѣтнику, архимандриту Троице-Сергіева монастыря Гавріилу, которому, купно съ духовникомъ Бѣляева, спрашивать и испытывать, чтобъ онъ, по самой чистой своей совѣсти, сущую показалъ правду». 10 того же Іюня, вслѣдствіе заявленія архимандрита Гавріила, что Бѣляевъ вины своей въ богохуленіи не признаетъ, а въ оправданіе сказываетъ нѣкоторое подозрѣніе на управителей Казанскаго архіерейскаго дома, на свою жену и шурина, обвиняемый былъ призванъ въ присутствіе Синода, гдѣ далъ слѣдующее показаніе: «Вѣруетъ онъ и исповѣдуетъ такъ, какъ учитъ св. соборная и апостольская церковь; на исповѣди и у св. причастія бывалъ ежегодно, о чемъ извѣстно отцамъ его духовнымъ: г. Симбирска, Вознесенской церкви Іакову Васильеву и Преображенской церкви—Семену Никифорову; Христа Спасителя нашего разбойникомъ не называлъ, а нѣкогда въ обществѣ говорилъ, что Спаситель нашъ распятъ на крестѣ, яко разбойникъ, и о Пресвятой Богородицѣ разсуждалъ, что до воплощенія Іисуса Христа, когда съ Іосифомъ Обручникомъ жила неплотскимъ соитіемъ, но съ нимъ купно, тогда была еще просто дѣва, а не Богородица, а по воплощеніи Христа стала нарицаться и нынѣ исповѣдуется Богородицею; о святыхъ иконахъ онъ бесѣдовалъ съ своею женою, желая вразумить ее, что икона не Богъ, какъ она почитала, но токмо образъ Божій, и что для изображенія крестнаго знаменія надлежитъ слагать первые три перста, какъ дѣлаютъ всѣ православные христіане, а не такъ, какъ дѣлаетъ она, слѣдуя раскольникамъ. Эти увѣщанія его, а паче блудная жизнь ея съ сыномъ подьячаго Казанскаго архіерейскаго дома Михаила Ушакова Матвѣемъ, отъ которой онъ также старался отклонить ее (для чего подавалъ даже архіерею челобитную) не правились ей, и она, согласившись съ братомъ, не хотѣвшимъ платить ему долга (о чемъ и дѣло въ судѣ имѣется) донесла архіерейскому Приказу, что будто бы онъ, Бѣляевъ, богохульникъ и иконоборецъ».

Въ виду такого показанія, Святѣйшій Синодъ вызвалъ изъ Симбирска священниковъ Васильева и Никифорова на счетъ имущества управителей Казанскаго архіерейскаго дома, которые своевременно не допросили ихъ, а также вытребовалъ изъ архіерейскаго дома, Надворнаго Суда и Магистрата всѣ дѣла, касавшіяся отношеній Бѣляева къ его женѣ и Чурашеву. На допросѣ, въ присутствіи Святѣйшаго Синода, названные священники показали, что Бѣляевъ у исповѣди и св. причастія бывалъ ежегодно, какъ православный христіанинъ, богохульства и иконоборства за нимъ не замѣчали и ни отъ кого о томъ не слыхали. Присланныя же производства обнаружили, что жена Бѣляева часто отъ него бѣгала и находилась въ любовной связи съ Ушаковымъ, о чемъ Бѣляевъ заявилъ архіерею, а на Чурашева, за неуплату 10 рублей, жаловался Магистрату. Мало этого, въ дѣлѣ о богохульствѣ Бѣляева Святѣйшій Синодъ усмотрѣлъ противорѣчія между показаніями доносчиковъ: такъ, Чурашевъ показывалъ о богохульствѣ и иконоборствѣ Бѣляева на основаніи словъ жены его, а послѣдняя отозвалась, что ничего подобнаго она ему не говорила.

На основаніи этихъ данныхъ, Св. Синодъ, 19 Іюля 1727 г. постановилъ: «Бѣляева отъ суда и отвѣтственности освободить; Чурашеву, какъ лживому доносителю и важныхъ дѣлъ коварственному затѣйщику, по Уложенію, рѣшеніе учинить въ Юстицъ-Коллегіи, а о прелюбодѣяніи сына Ушакова съ женою Бѣляева—митрополиту Казанскому Сильвестру». О главномъ же доносителѣ, о. Андреѣ, въ синодскомъ опредѣленіи не упоминается; какое наказаніе понесъ Чурашевъ, также неизвѣстно. 24 Января 1728 года Юстицъ-Коллегія донесла лишь о томъ, что Чурашевъ, для опредѣленія ему наказанія, отосланъ въ Казанскую Губернскую Канцелярію.

Казанскій митрополитъ Тихонъ скончался въ Мартѣ 1724 г., и резолюціи на доношеніе о. Андрея объ опредѣленіи его къ Троицкому собору такъ и не послѣдовало. Прислали въ 1725 году новаго владыку Селивестра. И къ нему обращался о. Андрей, но также безуспѣшно. Впрочемъ, проживая въ Симбирскѣ безъ всякаго дѣла, о. Андрей не бросилъ своего любимаго занятія.

Слоняясь по базару, о. Андрей услыхалъ, что посадскій Григорій Чубаровъ убилъ до смерти свою дворовую женку Устинью. Онъ стрѣлой полетѣлъ въ знакомую ему воеводскую канцелярію и объявилъ воеводѣ Хрущову «слово и дѣло государево». Безпрестанное сутяжничество о. Андрея очевидно надоѣло и воеводѣ. На этотъ разъ женка Устинья явилась вполнѣ здравствующей, а тѣ небольшіе синяки, которые на ней оказались, Чубарову даже не поставили и въ вину. Въ виду такихъ напрасныхъ извѣтовъ, а главнымъ образомъ за то, что

о. Андрей не доказалъ слова и дѣла государева, воевода отослалъ его изъ своей канцеляріи для наказанія въ Архіерейскій Приказъ. Здѣсь съ него сняли скуфью и послали опять въ Симбирскъ къ воеводѣ, уже для тѣлеснаго наказанія. И вотъ о. Андрей, въ силу указа, разосланнаго по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 18 Апрѣля 1722 года, за неумѣстное пользованіе словомъ и дѣломъ, по 14 статьѣ 2 главы Соборнаго Уложенія 1649 года, былъ битъ кнутомъ нещадно. Въ какой мѣрѣ было примѣнено къ нему это нещадное наказаніе, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ рвенія въ дѣлѣ доносительства у о. Андрея поубавилось.

Долго еще и послѣ этого о. Андрей ожидалъ своего опредѣленія къ прежнему Троицкому собору. Въ 1726 году онъ подалъ доношеніе такого содержанія.

«Великому господину преосвященнѣйшему Силивестру, архіерею Казанскому и Свіяжскому, доношеніе града Симбирска Троицкаго собора бывшаго попа Андрея Васильева, а о чемъ мое доношеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1. Въ прошломъ, государь, 1707 году братомъ твоимъ преосвященнѣйшимъ Тихономъ митрополитомъ посланъ былъ я въ полкъ съ княземъ Петромъ Ивановичемъ Хованскимъ въ Донской походъ, а въ 1714 году съ княземъ Александромъ Бековичемъ Черкасскимъ за Каспитское*) море, и отъ тамошняго воздуха претерпѣлъ я многія болѣзни и по должности своей и по присягѣ императорскому величеству служилъ вѣрно.

2. Понеже въ прошломъ 1723 году Марта въ 18 день пришелъ ко мнѣ Симбирскаго уѣзда Тетюшскія слободы дьаконъ Адріанъ Артемьевъ и сказывалъ мнѣ, той-де ихъ Тетюшскія слободы попъ Борисъ Матвѣевъ читаетъ въ церкви въ народъ поученія и прикладываетъ-де на Императорское Величество хульныя слова, называя-де Императорское Величество Антихристомъ, мучителемъ, христіанскимъ гонителемъ, часовеннымъ разорителемъ, какой-де онъ царь, что и въ постъ мясо ѣстъ, а нынѣшнія-де власти его не обличаютъ; и велѣлъ мнѣ тѣ слова донести въ Симбирскъ воеводѣ, а самъ донести не смѣлъ отъ той слободы крестьянъ, что-де они, крестьяне, убьютъ его, дьакона, до смерти, и я, убоясь Императорскаго Величества указовъ, тѣ его дьаконовы слова донесъ въ Симбирскъ воеводѣ, и оный попъ Борисъ въ Москвѣ въ Преображенскомъ Приказѣ въ томъ во всемъ принесъ вину.

3. Да въ прошломъ же 1723 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, донесъ я въ Казань на богохульщика и на иконоборца Симбирскаго посадскаго человѣка Алексѣя Антипина сына Бѣляева, что онъ называлъ Сына Божія разбойникомъ, а Пресвятую Богородицу называлъ простою дѣвкою и, ругаяся святымъ образамъ, взявъ образъ и положивъ себѣ на постелю, творитъ на ней съ женою своею блудъ и въ томъ во всемъ онъ, Бѣляевъ, въ Казани съ розыску винился.

*) Такъ.

4. Да въ прошломъ 1724 году, Іюля въ 19 день, увѣдомился яотъ Симбирскаго жителя Евфима Ситнина, что Симбирскій посадскій человѣкъ Григорій Чубаровъ убилъ до смерти дворовую свою женку Устинью, и я ту убитую женку до смерти пришелъ объявить Симбирскому воеводѣ Хрущову и велѣлъ ему доложить, что есть за мною дѣло государево, и то я говорилъ невѣдѣніемъ: чаялся, что смертное убійство дѣло государево.

5. И по томъ моемъ извѣтѣ, та убитая женка у него, Чубарова, вынята и при фискалѣ досматривана: избита вся.

6. И воевода Хрущовъ за то, что я сказалъ дѣло государево, а не доказалъ, отослалъ меня въ Симбирскъ въ твой Архіерейскій Приказъ къ наказанію.

7. И дому твоего архіерейскаго казначей іеромонахъ Алексѣй Райскій велѣлъ съ меня снять скуфью и отослать въ Симбирскъ къ наказанію въ воеводскую канцелярію; и въ канцеляріи я наказанъ, а къ изверженію священства правильной вины на мнѣ нѣтъ.

8. Въ прошломъ, государь, 1719 году Симбирскаго уѣзда Жадовскія пустыни игуменъ Иларіонъ наказанъ былъ въ Казани такимъ же наказаніемъ и по наказаніи священнодѣйствуетъ въ той же Жадовской пустынѣ.

9. И по указу Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, каковой состоялся въ прошломъ 1725 году Апрѣля въ 20 день, которые за вины ихъ были въ каторжной работѣ, а другіе по дѣламъ осуждены были смертной казни и ссылкѣ на каторги вѣчно и на урочные годы, по всемилостивѣйшимъ указамъ, ради поминовенія Его Императорскаго Величества и ради здравія Ея Величества Великія Государыни Императрицы, велѣно съ каторгъ и изъ подъ арестовъ освободить и опредѣлять ихъ въ прежніе чины, а хотя-де въ прежнихъ указахъ объ опредѣленіи въ прежніе чины не упомянуто, однакожъ по тѣмъ милосерднымъ указамъ вины ихъ отпущены и для того въ прежніе чины ихъ опредѣлять; а я, богомолецъ твой, скитаюсь безъ священства другой годъ, помираю голодомъ и разорился безъ остатка.

И симъ доношеніемъ прошу твоего архипастырскаго благословенія, ради поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти Императорскаго Величества и ради здравія Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны и ради твоего душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, до повелитъ твое архіерейство быти мнѣ въ томъ же соборѣ и священнодѣйствовать попрежнему, чтобы мнѣ, скитаясь безъ мѣста съ женишкою и съ ребятишки, не помереть голодомъ. Къ сему доношенію бывшій попъ Андрей Васильевъ руку приложилъ».

Какая резолюція послѣдовала на это доношеніе, въ дѣлахъ не сохранилось. Впослѣдствіи и самъ Казанскій владыка Сильвестръ оказался въ положеніи не лучшемъ, чѣмъ судьба злополучнаго о. Андрея: онъ палъ въ неравной борьбѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и главнымъ образомъ изъ-за того, что присланнаго къ нему въ Свіяжскій монастырь бывшаго Коломенскаго архіерея Игнатія Смолу онъ принялъ радушно и хотѣлъ по возможности облегчить его горькую участь. На

Сильвестра сдѣлали доносъ, что будто-бы Игнатій говорилъ ему про Государыню: «И ей ли..... архіерея судить», а Сильвестръ на это не только ничего не сказалъ, но и не донесъ. Началось дѣло. По окончаніи слѣдствія доложено было обо всемъ Государынѣ, и по ея резолюціи повелѣно Казанскаго митрополита Сильвестра держать въ Невскомъ монастырѣ неисходно, въ служеніи ему не быть, мантіи архіерейской и панагіи не носить. Но такъ какъ Сильвестръ былъ тоже сынъ своего времени, то и онъ не удержался, повидимому, отъ напраснаго кричанія «слова и дѣла государева» и за одно изъ такихъ заявленій на сержанта Сукина въ 1732 г., въ Кабинетѣ состоялся приговоръ, что, «вѣдая о винѣ своей, за которую держанъ былъ за карауломъ, не имѣя отъ того себѣ воздержанія, учинилъ еще означенную важную продерзость, кричалъ всенародно выше показанныя слова и въ отвѣтахъ своихъ затѣвая, объявлялъ перемѣнныя рѣчи, и за то снять съ него архіерейскій санъ и лишить іеромонашества и велѣть ему быть простымъ монахомъ, дабы отъ него впредь продерзостей не происходило; а по исполненіи онаго послать его въ Выборгъ и велѣть его содержать въ замкѣ, называемомъ «Германъ», а для караула опредѣлить капрала и четырехъ солдатъ, а Сукина освободить» [1]).

Сильвестръ такъ и умеръ арестантомъ въ Выборгской крѣпости 31 Мая 1735 года.

*

Астраханскіе доносители, очевидно не были такъ опытны, какъ Симбирскій о. Андрей.

Въ 1722 году (22 Апрѣля) состоялось синодское опредѣленіе о всѣхъ тѣхъ, которые «объявятъ духовнику на исповѣди злодѣйственное намѣреніе не съ раскаяніемъ или отложеніемъ умысла, но съ непремѣннымъ того дѣйства желаніемъ, а наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, то долженъ духовникъ не токмо за его прямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять, но и донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ. При чемъ каждый священникъ давалъ объ этомъ особую присягу [2]).

Недовольство реформами и жестокостями Петра 1-го сильно чувствовалось въ народѣ, а таинственная смерть царевича Алексѣя, какъ предлогъ, породила и самозванцевъ. Если самозванцы появлялись въ 1723 году въ Псковѣ и Вологдѣ [3]), то конечно въ Астрахани, гдѣ всегда бывалъ сбродъ всякой вольницы, появленіе такихъ гулящихъ людей представлялось вполнѣ естественнымъ.

---

[1]) Протоколы тайной розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи 19 Октября 1732 г. Чистовича. „Ѳеофанъ Прокоповичъ“, стр. 347.

[2]) Полн. Собр. Закон., т. VI. ст. 4012.

[3]) Исторія Россіи, Соловьева, т. XVII, гл. II.

Въ 1724 году въ Астрахани къ Покровскому попу Матѳею Харитонову, въ 3 день Ноября, явился на исповѣдь гренадерскаго батальона извощикъ Евтифій Артемьевъ, который, между прочимъ, на этой исповѣди сказалъ, что онъ не Евтифій, а царевичъ Алексѣй Петровичъ, что бѣжалъ изъ Петербурга и, опасаясь преслѣдованій отца-царя и его приспѣшниковъ, долженъ жить подъ чужимъ именемъ. Въ виду вышеприведеннаго Синодскаго указа, который былъ недавно предъявленъ всѣмъ священникамъ и притомъ же со взятіемъ особой присяги, попъ Матѳей объявилъ о семъ прапорщику Макару Сивицкому, а этотъ уже по должности сдѣлалъ форменное заявленіе его превосходительству генералу Кириллу Петровичу Матюшкину. Артемьева взяли, и онъ съ пытки сказалъ, что царевичемъ онъ сталъ называться по наущенію доносителя попа Матѳея. Дѣло усложнилось.

Допросы шли очень медленно, а потомъ и самъ генералъ Кириллъ Петровичъ Матюшкинъ (вслѣдствіе полученнаго имъ изъ Сената указа, въ Апрѣлѣ 1725 г., чтобы, для бо̀льшаго распространенія Русскаго владычества во Гилянп, сдѣлалъ бы тамъ хотя маленькую крѣпостцу на рѣкѣ Курѣ) долженъ былъ уѣхать изъ Астрахани. Дѣло о самозванцѣ онъ при своемъ отъѣздѣ передалъ бригадиру Шереметеву, который и приступилъ къ слѣдствію. Артемьевъ былъ пытанъ Шереметевымъ нѣсколько разъ и съ пытки, на очной ставкѣ съ попомъ Матѳеемъ, покаялся, что онъ оклеветалъ попа понапрасну, а назывался онъ, Евтифій, царевичемъ Алексѣемъ ничьимъ наученіемъ, но отъ своего пьянства. Артемьева потомъ еще разъ пытали, и онъ попа Матѳея и въ другой разъ очистилъ. Затѣмъ Артемьева отправили въ Преображенскій Приказъ, а попа Матѳея все еще продолжали держать въ тюрьмѣ и, не смотря на неоднократныя обѣщанія, даваемыя Шереметевымъ лично, онъ не былъ освобожденъ. Вскорѣ Шереметевъ, уѣзжая изъ Астрахани, оставилъ это дѣло полковнику Кобылину, который, не смотря на просьбу попа Матѳея, также отказался свободить его, продолжая держать его подъ строгимъ карауломъ.

Въ такомъ безвыходномъ положеніи, попъ Матѳей черезъ своихъ родственниковъ обратился къ Астраханскому епископу Лаврентію (Горкѣ), и тотъ уже отъ себя 21 Іюля 1725 г. вошелъ особымъ доношеніемъ въ Синодъ, чтобы попа Матѳея, яко оправданнаго, освободить, или какое-нибудь рѣшеніе сдѣлать, «понеже и впредь кто будетъ объявлять на исповѣди священникамъ какія царственныя дѣла, то священникъ, опасаясь такой же бѣды и долговременнаго за арестомъ содержанія, о намѣренной злобѣ доносить бояться будетъ» *).

*) Этого доношенія преосвященнаго Лаврентія въ дѣлахъ Синода не сохранилось. Опис. док. и дѣл. Синода, т. V, ст. 405.

По полученіи этого донесенія, Св. Синодъ опредѣлилъ справиться въ Преображенской и Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріяхъ и ходатайствовать объ освобожденіи попа Матѳея изъ подъ ареста. 6 Сентября былъ посланъ въ Преображенскую Канцелярію объ этомъ указъ, а 18 Октября присланъ оттуда и самъ попъ Матѳей Харитоновъ, обвиненный «въ важномъ Ея Императорскаго Величества дѣлѣ», для обнаженія священства, что̀ и исполнено судіею Тіунской Конторы протопопомъ Іоанномъ Семеновымъ [1]).

Если священникъ Матѳей Харитоновъ пострадалъ такъ жестоко по ложному оговору, то еще болѣе безъ всякой уже вины былъ подвергнутъ наказанію священникъ Астраханской Златоустовской церкви Михаилъ Самуиловъ. Извѣстіе о смерти Петра 1-го въ Астрахани пришло въ началѣ Великаго поста. На святой недѣлѣ, 29 Марта 1725 г., о. Михаилъ пришелъ съ крестомъ къ своему прихожанину, рыбаку Борису Колесникову, гдѣ былъ адъютантъ Рязанскаго драгунскаго полка Александръ Яковлевъ Будаевъ; послѣ славословія священникъ поздравилъ адъютанта съ праздникомъ, сказавъ при этомъ: «Государь умре нашъ, а ты, адъютантъ, здравствуй!» Кажется, въ этихъ словахъ никакого оскорбленія не было, но адъютантъ донесъ о семъ преосвященному Лаврентію, какъ о произнесеніи о. Михаиломъ непристойныхъ словъ про вѣчно достойнаго памяти Государя Императора Несчастнаго священника немедля взяли скованнаго подъ караулъ въ Астраханскій Духовный Приказъ, а преосвященный Лаврентій донесъ, какъ о важномъ государственномъ дѣлѣ, Святѣйшему Синоду.

Заслушавъ это донесеніе, Св. Синодъ отправилъ копію въ Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, а 17 Февраля 1726 г. получено было въ Синодъ новое доношеніе преосвященнаго Лаврентія о томъ, что 2 Декабря 1725 г. оный попъ Михаилъ Самуиловъ, по присланной изъ Астраханской губернской канцеляріи промеморіи, священнаго сана лишенъ, растриженъ и отосланъ къ розыску въ мірскую власть [2]).

*

Царствованіе Петра I-го является однимъ изъ блестящихъ эпохъ нашей исторіи. Но съ одной стороны, армія доносчиковъ, клеветниковъ, добровольныхъ шпіоновъ, умершихъ въ наивномъ невѣдѣніи нравственной цѣны своихъ поступковъ; съ другой, масса оклеветанныхъ, безвинно пострадавшихъ, заточенныхъ, лишенныхъ сана, казненныхъ, повѣшенныхъ, сожженныхъ, заживо погребенныхъ въ тюрьмахъ и подвалахъ, представляетъ собою обратную сторону медали. Это необходимыя «искупительныя жертвы преобразованія», котораго просила, требовала и получила историческая судьба Россіи.

А. Титовъ.

Ростовъ Великій, Іюля 18. 1901.

---

[1]) Тамъ же.—[2]) Тамъ же, т. V, ст. 286.

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1829-й годъ [1]).

Москва, 4 Генваря 1829.

Вечеромъ сидѣли мы покойно дома, вдругъ двѣ кареты на дворъ, съ кѣмъ? Съ шестью маскированными персонами, которыя болтали, танцовали, пѣли, съ тѣмъ и уѣхали, что мы никакъ ихъ не узнали; были разныя догадки, но я все думаю, что они намъ вовсе не знакомы, а потому и ловко имъ было проказничать. Ольга утверждала, что Окуловы, Катя, что Щербинины, а Наташа думаетъ, что Сашки Волкова семья, куда всѣ мои собираются на дняхъ въ маскахъ. Это ужасно дѣтей веселитъ; а они не очень часто веселятся, признаться. Гагарина день вчера, а я послѣ къ нему поѣхалъ. Немного было, вдругъ поднялась маленькая тревога: Что такое? Пожаръ что-ли?—Нѣтъ! Бартенева собирается въ другой комнатѣ родить—вотъ тебѣ на! Минуту прежде съ нами сидѣла, какъ ни въ чемъ не бывало. Однакоже вышла одна пустая тревога: боли унялись. Я всегда удивлялся, какъ Бартенева, ou, pour parler plus correctement, Фишетка [2]), ни одного ребенка не родила въ театрѣ, въ церкви, въ гостяхъ, на улицѣ. Она вѣчно брюхата и вѣчно рыскаетъ. Le prince Nicolas [3]) n'avait pas l'air enchanté de cette équipée.

*

Москва, 5 Генваря 1829.

Удивительный человѣкъ этотъ Алекс. М. Тургеневъ. Гдѣ онъ не служилъ, и нигдѣ не держался. Этотъ такъ часто мѣнялъ службу, что врядъ получитъ и пряжку. Многіе его хвалятъ; но всѣ говорятъ, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ. A propos de cela. Скажи Закревскому (писать ему не хочу для этого одного), что очень всѣхъ занимаетъ выборъ будущаго губернатора сюда въ Москву. Пора дать хорошаго человѣка съ вѣсомъ по рожденію, способностямъ или общему мнѣнію.

---

[1]) См. выше, стр. 129.

[2]) Ѳеодосія Ивановна Бартенева ур. Бутурлина (1790—1835), мать славной своимъ чуднымъ голосомъ Прасковьи Арсеньевны († 1872).—[3]) Т. е. князь Гагаринъ.

Говорятъ, что Голицынъ везетъ съ собою Тургенева здѣшняго для этой цѣли. Это будетъ смѣшно: онъ недавно былъ здѣсь шелопаемъ ассесорскаго чину, и это мѣсто не для него ни въ какомъ отношеніи. Называютъ много подобныхъ кандидатовъ; но въ публикѣ говорятъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ вѣрно сдѣлаетъ хорошій выборъ для Москвы. Также охотится сюда и имѣетъ партизановъ, потому что богатъ, Храповицкій, Нижегородскій губернаторъ. Многіе называютъ Небольсина, нашего в.-губернатора. Способности его, можетъ быть, и не отличны; но онъ человѣкъ честный, добрый, благородный, и никто теперешнюю его службу не опорочиваетъ. Ты можешь это все передать Арсенію Андреевичу для его извѣщенія во всякомъ случаѣ. Тесть, зная мою дружбу съ Закревскимъ, все меня мучаетъ добиваться; но онъ знаетъ, что я это мѣсто отказалъ еще при Тормасовѣ, а теперь еще менѣе оное желаю.

Я читалъ у Софьи Алекс. [1]) съ восхищеніемъ письмо Сашки къ ней съ твоею припискою о пріемѣ, сдѣланномъ ему царемъ. Cela fait une grande sensation en ville; ce freluquet de Choulguine ouvrira des grands yeux. On prétend qu'après le départ de Wolkoff il a dit: ну вотъ и начальникъ жандармовъ уѣхалъ, но Москва не погибла для этого, все въ ней благополучно! Voilà une bien sotte ironie! Combien la conduite de Wolkoff à leur égard est plus loyale, est plus franche, est plus noble!

*

Москва, 16 Генваря 1829.

Благодарю тебя за старанія твои, вѣрю и благорасположенію графа[2]). За что, кажется, ему меня не любить? Ежели и не за меня, то за то, что я братъ тебѣ, а тебя довольно имѣлъ онъ случаевъ испытать. Изъ двухъ предложеній графа (не смотря на Полетикино мнѣніе, которое однакоже цѣню, зная и умъ его, и любовь къ намъ) одно вовсе несовмѣстно. Нѣтъ, братъ, въ эти края пусть посылаютъ плутовъ. Я не говорю уже о климатѣ, который уничтожилъ бы послѣднее здоровье моей жены, не говорю о недостаткѣ въ образованіи дѣтей, о подъемѣ и пр., чѣмъ же это вознаграждается? Консульствомъ! Званіемъ, которое Пфелеръ претендуетъ. Я до пріѣзда Татищева и въ болѣзнь Карпова былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и получалъ одобрительныя письма отъ *канцлера графа Воронцова;* когда Полетика отошелъ къ Лассію, то я одинъ все дѣлалъ у Татищева, который не дуракъ.

---

[1]) Урожденная Римская-Корсакова, супруга А. А. Волкова („Сашки"), начальника тайной полиціи въ Москвѣ. Ниже названный Шульгинъ—Московскій оберполицмейстеръ.

[2]) Нессельроде.

Это все было въ 1804 году т. е. 25 лѣтъ назадъ. Ужели я ничему не научился съ тѣхъ поръ? Впрочемъ это все равно, ибо по обстоятельствамъ я бы отказалъ мѣсто и гр. Стакельберга не въ Яссахъ, а въ земномъ раю, въ томъ же Неаполѣ. Графъ говоритъ о 30 т. оклада, да что пользы? Ихъ должно проживать или погребсти себя въ Яссахъ на 20 лѣтъ, чтобы накопить что-нибудь честно. Точно также проживалъ бы я 7 т., большой императорскій окладъ въ Неаполѣ, да еще бы и мало было этого. Мнѣ лучше этого предлагали, ты самъ знаешь. Venez, cher ami, говорилъ Воронцовъ, venez avec moi, chargez vous de la Bessarabie; je me fais fort de vous faire avoir 20, même 30 mille roubles de gages; venez seul, faites ce sacrifice, essayez une année et si vous trouvez bien, vous ferez venir votre famille, faites cet essai... Такъ лучше было бы мнѣ принять тогда, и я почти раскаиваюсь, что не рѣшился. Служа съ ревностью, преданностью, чего бы не получилъ я съ такимъ рѣдкимъ начальникомъ, каковъ Воронцовъ!

Теперь приступимъ къ другой статьѣ. Графъ предлагаетъ мнѣ сенаторство. Кого бы это не польстило? Изъ 20 человѣкъ 18 тотчасъ бы приняли съ благодарностью, восхищеніемъ. Сколько есть такихъ, которые изъ кожи лѣзутъ, чтобы достигнуть такой чести? J'ai vu la figure de ma femme, celle de Fast s'épanouir à l'idée de l'habit rouge. Je mentirai si je n'avouai pas que ma première idée a été la même; mais la raison, l'expérience, la nécessité de mûre refléxion faite pendant toute une nuit, m'ont fait changer d'avis. Je ne suis plus dans l'âge des illusions, je n'ai jamais été ambitieux, et mon amour pour ma famille m'empêchera toujours de préférer la fumée au rôtie. Mes deux amis, Polética et Wolkoff, se sont donc trompés tous deux en comptant sur mon acceptation. Mon véritable ami, mon ami de coeur, vous, mon cher, vous m'avez même jugé. Causons de cela. Être ce que je suis avec 3000 roubles ou sénateur avec ces mêmes 3000 roubles: y a-t-il là à balancer? Je suis indépendant, presque chef, j'arrange en été mes absences, mon séjour à la campagne, comme cela me plaît; je me livre à des occupations conformes à mon gout, je n'ai presque pas la responsabilité, point de tracasseries, que m'importe que j'appartienne à la 4-me ou 3-me classe, que j'aie ou non un cordon? Et puis n'aurais-je pas tout cela un jour aux Archives, puisque un Ахлопковъ en est décoré? Мало-ли сенаторовъ безъ ленты, кои безъ оной и умрутъ. Теперь, положимъ, я сенаторъ: много надѣлаетъ это шуму, меня задушатъ поздравленіями, многіе порадуются, а еще больше позавидуютъ. Только и рѣчи будетъ въ Москвѣ, что обо мнѣ. Каковъ шагъ! Зять молодой сталъ на ряду съ старикомъ-тестемъ, скажетъ одинъ. Другой: Ну это хорошо!

Булгаковъ малый добрый, честный, способный захочетъ заниматься, не испортитъ и въ Сенатѣ. Третій: хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ! Думалъ ли Булгаковъ быть сенаторомъ когда-нибудь?—Да почему же нѣтъ?—Да не его дѣло; ну пошли его куда-нибудь министромъ, вотъ такъ, а сенаторомъ быть совсѣмъ другое дѣло etc. Начнется тѣмъ, что весь окладъ перваго года (ибо мнѣ все-таки приходится нынѣ рубль всякій считать) пойдетъ на простой и богатый мундиры, на покупку нужныхъ законодательныхъ сочиненій; всякое утро долженъ я работать, какъ на цѣпи, а остатокъ дня читать записки въ четверть аршина толщины, принимать просителей, ссориться, спорить съ товарищами; а тутъ вдругъ тебя пошлютъ ревизовать, т. е. дѣлать несчастныхъ и заслуживать нареканія, а между тѣмъ проживать въ поѣздкѣ деньги. Есть ли должность несчастнѣе сенаторской? Въ пословицу вошло ихъ хулить. Нагладѣлся я на нихъ и у васъ, и здѣсь. Добраго называютъ простякомъ, дуракомъ, твердаго упрямымъ, справедливаго—строгимъ и такъ далѣе, и en somme сенаторство почетный гробъ, не что иное. Тогда прощай для меня отрадное мое житье въ Семердинѣ, которое и здоровье мое и карманъ поправляетъ. Я очень благодаренъ графу Нессельроду, но все-таки не понимаю, чтобы легче было для него выпросить мнѣ чинъ, сенаторство, сохраненіе архивскаго оклада и экспектативу Малиновскаго мѣста, нежели выпросить просто 3000 р. столовыхъ. Это не имѣетъ никакой связи со штатами, это милость особенная, какъ крестъ, перстень и пр.; вѣдь дали же Чижику*) столовыя за нѣсколько лѣтъ службы. Графъ говоритъ, что теперь военное время, и велѣно беречь деньги; но почему же его устройство сберегаетъ больше, нежели мое? Ежели дадутъ мнѣ архивскій окладъ и сенаторскій, это составитъ 6000 р. и чуть не 7000 ли; ибо не знаю 4 ли или 3000 р. имѣютъ сенаторы жалованья; давъ мнѣ 3000 р. столовыхъ, казна тоже самое выдастъ, да еще и тысячью рублями менѣе, это разъ; кромѣ того, что надобно же въ Архивъ водовозную лошадь вмѣсто меня. Ежели выбуду, некому будетъ подписывать и репортовъ въ Коллегію и исходящихъ бумагъ: секретари скрѣпляютъ только, а Малиновскій, яко сенаторъ, ничего не хотѣлъ никогда подписывать. Вотъ и лишній еще расходъ для Коллегіи, т. е. назначеніе другого на мое мѣсто. Вотъ сколько неудобствъ и расходовъ. Помилуйте! Да за 32 года службы даются при отставкѣ пенсіоны; такъ какъ отказать столовыя, т. е. харчи тому, кто не въ отставку идетъ, а желаетъ еще служить и быть полезнымъ? Я увѣренъ, что ежели бы приличіе позволяло и уваженіе къ графу не воспрещало,

---

*) Князю Сергѣю Ивановичу Голицыну.

то письмо отъ меня на высочайшее имя прямо имѣло бы полный успѣхъ. Графъ никого въ Коллегіи не обидитъ и не обойдетъ много. Примѣръ, что лѣта не препятствіе для полученія пенсіона и безъ отставки: ты получилъ пенсію за Вѣнскій конгрессъ; конечно, это казусъ чрезвычайный, но и 32 года службы не столь обыкновенная вещь. Мы, я чаю, были съ самимъ графомъ Н. вмѣстѣ, въ одно время секретарями посольства, онъ въ Парижѣ, а я въ Неаполѣ. Пенсіи подвержены спорамъ, измѣненіямъ, какъ и съ тобою было; а потому лучше столовыя.

Ежели графъ не можетъ этого сдѣлать, то я ничего не хочу, и буду ждать, чтобы Малиновскаго сдѣлали членомъ Совѣта. Графъ его не любитъ—вѣрю. А кто ему выпросилъ Владимирскую звѣзду? Онъ! Меня графъ очень любитъ, и этому вѣрю, а не хочетъ быть справедливъ ко мнѣ. Нѣтъ, братъ, кого любитъ, для тѣхъ дѣлаетъ: Родофиникинъ, Сверчковъ, Гурьевъ шагали и шагаютъ. Я посмотрю еще годъ, не выйдутъ ли штаты? Какъ приметъ это Малиновскій, который ясно мнѣ сказалъ: я вамъ мѣсто очищу, я вижу, что меня тѣснятъ etc., и тогда лучше убраться совсѣмъ. Оставаясь въ Архивѣ, всѣ думаютъ, что я тутъ какъ бы на караулѣ, ожидая какое-нибудь вицеройство; а какъ буду свободенъ, то я увѣренъ, что множество получу предложеній. Первый Бенкендорфъ взялъ съ меня слово, что извѣщу его, ежели буду свободенъ: soyez sûr que vous aurez une place très honorable, distinguée et avec de gros appointements. Признаюсь, что сердце мое все лежитъ къ Коллегіи: батюшка всю жизнь, да и я, какъ себя помню, все тутъ служу. Честолюбіе не мой порокъ: быть начальникомъ Архива съ хорошимъ окладомъ, вотъ все, чего желаю. Какъ не выкурить этого . . . . ежели бы графъ серьезно захотѣлъ? На все опредѣленіе, на все Богъ; буди Его воля! Я тебѣ сказалъ все, что имѣлъ на душѣ. Усталъ даже, писавши: перо валится изъ рукъ. Ты можешь изъ моихъ словъ не дѣлать никакого употребленія, ибо безъ твоего совѣта я ни на что не рѣшусь. Время терпить, ты можешь обдумывать и написать мнѣ, что думаешь о моихъ возраженіяхъ. О тайнѣ нечего и говорить. Только мнѣ жаль, что ты сказалъ Волкову; онъ молчать не большой мастеръ, напишетъ женѣ своей, та станетъ шутить или разсказывать; такъ я не виноватъ буду въ случаѣ разглашенія. Фастъ во многомъ со мною согласенъ и хотѣлъ тебѣ самъ писать, рекомендовалъ осторожность, увѣряя, что Р. читаетъ всѣ письма, особенно твои и мои. А мнѣ какое дѣло? Мои письма къ тебѣ и ко всѣмъ пожалуй хоть печатай въ газетахъ. Я не запрусь отъ нихъ. Интригъ не люблю и ими никогда ничего не добывалъ.

*

Москва, 22 Генваря 1829.

Явился Цицiановъ, который и теперь не отвыкъ лгать и врать, сказывая, что былъ у Родофиникина по какому-то дѣлу въ Коллегiи и что положилъ обѣ руки въ штаны, говоря съ нимъ. Зачѣмъ же это, князь?—А вотъ зачѣмъ: у меня это привычка съ молоду; ежели говорю съ кѣмъ и тотъ начнетъ мнѣ говорить то, что̀ не надобно, то я въ туже минуту руки въ штаны.—Да зачѣмъ?—Затѣмъ, чтобы не разсердиться и не дать плюхи. Rodofinikine ne se doute pas à quel danger il a échappé.—Городъ наполненъ *тремя милліонами*, кои Боринька Юсуповъ проигралъ Аглицкому послу; прибавляютъ, что за это Гейтсбюри уже отозванъ королемъ, мать заплатила за сына векселями, а князь Николай Борисовичъ сына лишилъ наслѣдства. Вотъ тебѣ и новость, а по моему басенька: выйдетъ, что Юсуповъ проигралъ кому-нибудь 3 тысячи въ кребсъ или passe-dix; но какъ Москвѣ не украсить по своему всякую новость!

*

Москва, 28 Генваря 1829.

Вчера много сговорилось прiятелей меня навѣстить, такъ что играли въ два стола: бостонъ для князя Якова Ивановича[1]), да мушка. Это въ нашемъ домѣ происшествiе рѣдкое. Были Лобановы, дядя и племянникъ, двое Хрущовыхъ, Фастъ, Нарышкинъ съ женою, Раевскiй (нѣкогда извѣстный подъ именемъ Зефира, а теперь старый сморчекъ сдѣлался), тесть, Кобылинскiй, Попандопулы, онъ и она, да Обрѣзкова. Вечеръ провели очень прiятно; за ужиномъ пили всѣ spontanément здоровье Волкова. Вѣдь и это весело, что никто ему не завидуетъ, а всѣ только благословляютъ Государя, прибавляя: вѣдь у Волкова куча дѣтей! Покуда не забуду, прошу сказать Волкову, чтобы онъ не забылъ лежащую безъ движенiя больную моей жены. Ежели за ген.-лейтенанство далъ ей 25 р., то негрѣшно столько же подарить ей за аренду: дѣло истинно-христiанское. Я не взялъ оброка съ Соф. Алекс., полагая, что ея касса должна быть скуднѣе мужниной. Только и разговора было вчера, что о Сашкѣ. Я знаю, что милость эта была обѣщана еще покойнымъ Государемъ при князѣ Дм. Вл. Голицынѣ; ежели этотъ тутъ поспособствовалъ съ своей стороны, то честь и слава ему.

*

Москва, 2 Февраля 1829.

Привезли тѣло Ник. Никит. Демидова, которое везутъ съ большою помпою. Покойный хотѣлъ, чтобы его положили съ женою[2]) въ Парижѣ, а

---

[1]) Лобанова.

[2]) Елисаветою Александровной, урожд. баронессой Строгановой (ум. 1818), прабабкою нынѣшняго князя Элима Павловича Демидова-Санъ-Донато.

ежели нельзя, то завѣщалъ положить себя въ Сибири. Видно, и мертвый хотѣлъ лежать между золотыми рудами. Нарышкины, кои ему родня по Строгановымъ, были у панихиды здѣсь и тѣло повезли уже далѣе. Везутъ же это тѣло въ ужасной четверомѣстной каретѣ, сдѣланной для этого нарочно во Флоренціи, ибо гробъ свинцовый, и вѣсу въ немъ сто пудъ. На всякой станціи служатъ панихиду, а гдѣ есть церковь, такъ даютъ вкладу за упокой. Любопытство Москвитянъ такъ велико, что иные ѣздили за заставу догонять Ник. Никитича, чтобы видѣть страшную и огромную эту карету. Сына Павла ожидаютъ также сюда на дняхъ.—И такъ Дибичъ будетъ командовать? Давно уже это говорили здѣсь. Dieu veuille qu'avec sa taille [1]) il ait aussi le savoir de feu le petit coporal. Киселевъ избавится весьма хлопотливой должности, и ему вѣрно пріятнѣе будетъ служить въ полѣ.—Нарышкинъ разсказывалъ, что тѣло Демидова встрѣтили архимандритъ и болѣе 40 поповъ; 60 дней будетъ оно ѣхать до мѣста.

*

Москва, 6 Февраля 1829.

Спасибо доброму Энгельгарду, часто меня навѣщаетъ. Завтра хотѣлъ пріѣхать читать мнѣ свои Mémoires и узнать мнѣніе мое. Онъ долго служилъ при князѣ Потемкинѣ и многое видѣлъ, а я люблю смертельно разсказы Екатерининскихъ старичковъ.

*

Москва, 8 Февраля 1829.

Новаго только, что старуха Глѣбова Ел. Петр., штатсъ-дама[2]), умираетъ. Женщина богомольная, церковь въ домѣ, а не могутъ ее склонить пріобщиться; ѣздили уговаривать и викарный, и князь Серг. Мих. Голицынъ: не хочетъ, да и только. Объѣлась и теперь все въ засыпленіи, духовной не дѣлаетъ; а умретъ безъ оной, то внучки ея любимыя останутся при ста душахъ. Охъ, эти старики упрямые!

*

Москва, 16 Февраля 1829.

Я усталъ, и отъ чего? Дѣти заставили меня часа полтора играть на клавикордахъ Русскую, а сами плясали и репетировали. Славно идетъ! Охъ жаль, что ты это не увидишь, мой милый и любезный другъ. Наташа писала особенно къ Юсупову, послала ему билетъ и звала

---

[1]) И. И. Дибичъ былъ малаго роста.

[2]) Объ этой удивительной женщинѣ см. статью баронессы Лепель въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895 (I, 91). Она изображена всего лучше въ превосходной книжкѣ ея правнучки, княгини Евгеніи Θеодоровны Глѣбовой-Стрѣшневой-Шаховской: „Mon Aïeule“. Это всего рода образецъ художественной біографіи.

его на маскарадъ. Старикъ—juge compétent de ces choses-là! Только какъ здѣсь безстыдны! Вотъ тебѣ доказательство; записка отъ человѣка, который не ѣздитъ къ намъ, а проситъ кучу билетовъ.

Въ Калугѣ, послѣ 20 лѣтняго паралича, скончался Юр. Ал. Нелединскій. Умеръ, говорятъ, какъ сущій монахъ, исполняя долгъ христіанина, въ памяти и радуясь, что «иду соединиться съ благодѣтельницею моею Маріей Ѳедоровною!» Сіи были его послѣднія слова. Дочь его, умиравшая отъ молочницы, внѣ опасности; c'est celle, qui est mariée à Obolensky, le gouverneur de Kalouga.

*

Москва, 18 Февраля 1829.

Вообрази, что бѣдная А. Юр. Оболенская таки умерла вскорѣ послѣ отца. Это скрываютъ отъ кн. Я. И. Лобанова, который очень былъ друженъ съ покойнымъ Юр. Алекс., и сынъ его князь Алексѣй, отъѣзжающій завтра, проситъ, чтобы отцу это объявить послѣ его отъѣзда.—Юсуповъ сказывалъ тестю, что въ отчаяніи, что для траура по Литтѣ*) не можетъ быть къ намъ. Еще разсказывалъ онъ, что намедни кн. Щербатова, урожденная Апраксина, чуть было не родила, бывши въ гостяхъ у Ланскаго, гдѣ всегда множество по Понедѣльникамъ и Четвергамъ.

*

Москва, 19 Февраля 1829.

Съ какимъ душевнымъ удовольствіемъ обнялъ я милаго Волкова! Какъ пріятно мнѣ было съ нимъ говорить о тебѣ, Костѣ и твоихъ, милый и любезный другъ. Ночевавъ одинъ разъ, пріѣхалъ онъ въ трое сутокъ: очень скоро! Я нашелъ его похудѣвшимъ и даже состарившимся; но это, вѣрно, слѣдствіе болѣзни.

Всякій имѣетъ критическія, горькія эпохи. Это видѣлъ я надъ этимъ же Волковымъ, но онъ все перенесъ терпѣливо, службу даже оставилъ, укрылся въ деревнѣ (а я не дошелъ до этого); тамъ вдругъ все перемѣнилось, и такъ повезло, что только держись. Узнали ему цѣну. Знаю я холодный, трусливый нравъ Нессельроде; это не Каподистрія: тотъ скорѣе кончитъ освобожденіе Греціи, нежели нашъ графъ выпроситъ должное награжденіе.

*

Москва, 21 Февраля 1829.

Nous sommes comme une armée ou plutôt un général en chef la veille d'une bataille. Бѣдная моя жена такъ захлопоталась, что право

---

*) Графиня Е. В. Литта—родная сестра супруги князя Н. Б. Юсупова.

боюсь, чтобы не слегла; я ее вчера положилъ спать насильно въ 10 часовъ, а самъ, хотя и нездоровый, поѣхалъ на всемірный балъ, который Іогель даетъ всякій годъ для своихъ учениць. Онъ столько трудился около нашего кадриля и такія сдѣлалъ, можно сказать, чудеса, что не могъ я ему отказать повезти хотя Катеньку. Онъ же разбарабанилъ вездѣ, что будетъ у него Булгакова, для перваго своего выѣзда, прибавляя, что и красавица, и мастерица танцовать и пр. Тамъ была бездна, 500 человѣкъ, и хотя домъ Кологривова на бульварѣ великъ, съ двумя залами, было тѣсно и жарко. Спасибо доброй кн. Меншиковой: она тотчасъ взяла Катю къ себѣ и ухаживала за нею точно какъ мать, чѣмъ очень облегчила мои заботы. Признаться, порадовался я: Катенька, очень просто одѣтая, обращала глаза всѣхъ на себя, такъ что, право, было непристойно. Ты знаешь нашу публику. Многія дамы водили мимо Кати своихъ знакомыхъ, крича и толкая ихъ въ бокъ: вотъ, вотъ она въ бѣломъ платьѣ, а иныя просто останавливались, смотрѣли въ глаза. Я позволилъ Катенькѣ протанновать только мазурку (c'est la danse où elle excelle surtout), а то было кинулись ее ангажировать на цѣлый вечеръ. Мы тотчасъ потихоньку уѣхали, а то Іогель бы не пустилъ. Билеты были по 5 рубл., сборъ былъ для него изрядный. Меншикова сынъ просилъ его звать на нашъ маскарадъ. Enchanté, pourvu que maman le permette. Oh! maman m'a déjà permis; elle ne sort pas, mais je viendrai avec mon oncle le prince Nicolas que vous avez engagé. Мы очень рады этому милому гостю: преумница и преживой*). Княгиня Катѣ сказала, что желаетъ ѣздить къ намъ, что мужья, будучи дружны, надобно и женамъ познакомиться.

Очень радуюсь императорскому посѣщенію въ Горномъ Корпусѣ. Для Карнѣева должно быть очень лестно, что Государь пріѣхалъ неожиданно и заставъ все врасплохъ, былъ всѣмъ такъ доволенъ. Я, думаю объ одномъ, мой милый другъ: какъ бы не пожаловалъ Государь вотъ такъ въ Почтамтъ. Наблюдайте! Конечно, нельзя требовать отъ васъ той чистоты и исправности, какъ въ другихъ мѣстахъ, ибо безпрестанно входитъ и выходитъ всякій *пѣшій* народъ, оставляющій слѣды нечистоты, но надобно наблюдать хотя за прочими частьми. Все это лишнія слова при твоей заботливости и попеченіи, но у меня это на сердцѣ, надобно сдать тебѣ.

Эмансипація католиковъ важное дѣло. Какія-то будутъ послѣдствія? Католики, généralement parlant, oppresseurs et fanatiques, тотчасъ запустятъ лапу, но Англичане все обдумываютъ и возмутъ твердыя мѣры не давать воли: ассоціаціи, вѣрно, уничтожатъ. Безъ эман-

*) Что изъ него стало потомъ!

ципаціи кровь полилась бы неминуемо.—Изъ двухъ золъ, деньгамъ гнить у скряги или расточаться мотомъ, лучше все-таки послѣднее; а потому и радуюсь богатству Багратіонши [1]).

*

Москва, 22 Февраля 1829.

Въ городѣ очень ропщутъ на то, что полиція вывела намедни изъ Фр. театра Русскаго купца за то только, что онъ съ бородою. Неужели надобно ее выбрить и ежели Фр. купецъ можетъ быть въ Русскомъ театрѣ въ своемъ костюмѣ, отчего Русскому купцу нельзя также въ своемъ костюмѣ быть въ Фр. театрѣ, да еще и у себя въ Россіи? Купцы самому Государю своему представляются въ бородѣ. Графиня Потемкина прекрасно сказала полицмейстеру: la fois prochaine je mettrai à coté de moi dans ma loge un marchand à barbe, et je verrai comment la police le chassera. Неполитично поступала полиція и необдуманно. Шульгинъ, говорятъ, не доволенъ 3-мъ Владимиромъ.

*

Москва, 1 Марта 1829.

Об.-пр. Лобановъ вчера былъ у насъ и сказывалъ, что Каменскаго (Тобольскаго губернатора) таскаютъ въ Сенатъ на допросы. Лобановъ говоритъ, что ежели и виноватъ Каменскій [2]), то самовластіе его основывалось точно на усердіи къ службѣ и на рвеніи къ пользамъ казны, а потому терпитъ онъ несоразмѣрно по винѣ своей.

*

Москва, 6 Марта 1829.

Приходилъ ко мнѣ С. Н. Глинка, принесъ книгу своего сочиненія: Картина историческая и политическая Малой Греціи съ 12 портретами. Она помѣщена при прекрасномъ письмѣ графу Каподистріи, коего и портретъ находится въ заглавномъ листѣ. Это тотъ, что писалъ, помнишь, Соколовъ и съ коего имѣлъ и я копію. Я поскорѣе дочитаю и къ тебѣ доставлю, для пересылки къ графу съ вѣрною оказіею. И атенція эта, и само сочиненіе будутъ ему пріятны, и вѣрно переведена будетъ книга по-гречески. И я графу напишу.

Глинка сказывалъ, что онъ цензуровалъ послѣдній № Шаликова журнала, въ коемъ есть препышное описаніе маскарада нашего, и который онъ чрезвычайно расхвалилъ, особливо Русскую пляску. Когда получу, доставлю тебѣ.

*

---

[1]) Княгиня Багратіонъ унаслѣдовала богатства своей матери, графини Литты.

[2]) Дмитрія Николаевича.

Москва, 7 Марта 1829.

Былъ у меня опять Глинка, который болѣе часу болталъ и разсѣялъ меня. Принесъ сочиненныя имъ для Катеньки слова: романсъ воина, отъѣзжающаго за Дунай и тамъ умирающаго. Попрошу Глинку сдѣлать музыку, и выучимъ Катеньку пѣть, а тамъ Наташа хочетъ сочинить romance en action. Ce sera charmant. Toutes les deux soeurs auront des rôles.

Меня увѣряли, что Пансіонъ Лицейскій уничтожается. Каково же будетъ тому отцу, который, привезши дѣтей изъ Сибири и отдавши туда, разсчитывалъ, что онъ шесть лѣтъ можетъ объ нихъ забыть, былъ покоенъ на ихъ счетъ; а тутъ вдругъ поѣзжай, возьми ихъ, да найди, куда дѣвать? И захочетъ ли Государь безъ всякой причины уничтожить созданіе покойнаго Государя?

*

Москва, 8 Марта 1829.

Участь Пансіона Лицейскаго рѣшена: это заведеніе съ 1-го Іюля уничтожается. Въ первый разъ Ѳ. А. Толстой не совралъ, и надобно, чтобы было въ столь для меня важномъ случаѣ! Что̀ будетъ съ Костею, не знаю. Предаю судьбу его Богу и тебѣ. Говорятъ, заведеніе не имѣло счастія понравиться Государю; но когда большіе рекруты, даже преступники, исправляются, неужели нельзя было тоже сдѣлать съ дѣтьми? Все, что̀ могло быть дурного, не отъ дѣтей же, а отъ тѣхъ кому они были ввѣрены. Это-то и цѣль всякаго учебнаго заведенія, исправлять юношество. Прощай надежда этой молодежи, надежда, спокойствіе ихъ родителей! Не одна мать здѣсь зарыдаетъ. Можно было хоть довершить воспитаніе и образовать каріеру тѣхъ, кои тутъ, и постепенно уничтожить заведеніе. Но что мнѣ тутъ умствовать? Видно, все это было нужно. Такой Государь, какъ нашъ, знаетъ что̀ дѣлаетъ.

Сію минуту былъ у меня Л. А. Яковлевъ, заѣхалъ изъ общаго собранія своего, велѣлъ тебѣ кланяться, видя, что къ тебѣ пишу; не долго посидѣлъ и уѣхалъ. И не хотѣлось, а разсмѣялся я, видя страхъ моего тестя. Ему сказали, что хотѣли подорвать порохомъ Сенатъ. Я увѣрялъ, что вздоръ.—C'est sûr, je vous dis.—Mais, au nom du Ciel, vous pouvez être utiles à l'état, m-rs les sénateurs; mais quel avantage résulterait-il pour ces scélerats de rôtir une 20-ne de vieillards? Вышло, что перепутали въ городѣ Москву съ Петербургомъ; тамъ была какая-то шалость съ намѣреніемъ въ смятеніи этомъ украсть шубы сенаторскія; такъ до шубъ добирались сенаторскихъ, а не до сенаторовъ. Mais il est sûr, que mon cher beau-père avait très peur et se regardait déjà comme une victime de l'état.

Дома довершить воспитаніе Костино не имѣю я средствъ, ибо самъ Богъ одинъ знаетъ, какъ живу: бьюсь, какъ рыба объ ледъ. Послѣднее отдалъ бы для его счастія, но гдѣ здѣсь заведенія путныя для молодежи? Нѣтъ ихъ. Вспомнилъ я милостивыя предложенія великаго князя Михаила Павловича. Но тогда надобно Костю посвятить военной службѣ. Право, не знаю самъ, что дѣлать. Ежели быть ему въ гражданской службѣ (и чуть не лучше ли всего это), то конечно лучше всего въ Иностранную Коллегію, чѣмъ ему открывается путь въ Архивъ; но долго ли отецъ его останется тутъ, и это Богъ знаетъ. Божусь тебѣ, что есть минуты, въ кои совершенная отставка мнѣ кажется благополучіемъ. Другому честолюбивому, завистливому было бы это гробомъ, а для меня совершеннымъ спокойствіемъ. Мнѣ не опредѣлены судьбою никакіе успѣхи. Богъ меня наградилъ другими дарами, такъ стану же ими наслаждаться. Общество было моя отрада; я чувствую, что оно меня не веселитъ, нравъ мой перемѣнился. Жена говоритъ: C'est l'effet de votre maladie. Быть можетъ, но съ лѣтами и жизнію и мы перемѣняемся. Странно, что Фастъ, который часто мнѣ докучалъ своими оханіями, теперь для меня пріятнѣйшее общество. Это истинный нашъ другъ, все таже чистая, добрая душа. Не знаю, чего бы онъ для насъ не сдѣлалъ.—Скажи Полетикѣ, что я очень радъ, что могъ такъ скоро выполнить комиссію его. Въ особенной посылкѣ препровождаю къ тебѣ для него недостающіе №№ Телеграфа. Спасибо Глинкѣ, и онъ мнѣ помогъ. Онъ очень старался, узнавъ, что это для его товарища школьнаго. «Не думалъ я тогда (говоритъ Глинка), что изъ этого тупого, упрямаго кадета выдетъ со временемъ человѣкъ государственный».

*

Москва, 11 Марта 1829.

Пріѣхалъ добрый старикъ князь Урусовъ, поговорили мы о дѣлахъ нашего Благороднаго собранія. Мы такъ оскудѣли, что не можемъ болѣе 500 р. откладывать на всякій концертъ; однакоже надобно будетъ Меласшу имѣть. Мы сдѣлали всеподданнѣйшій докладъ Государю, прося помощи и описывая нужды собранія. Ежели Государь пожалуетъ хоть тысячъ по 10 въ годъ за свой и Императрицынъ билеты, то заведеніе это славное хоть не рушится, а право бы жаль! Покойный Императоръ пожаловалъ 150 т., но это послѣ пожара 12-го года. Мысль прибѣгнуть къ Государю дана была Волконскимъ; много балотировали, но послѣ всѣ согласились. Положимъ, что собраніе упадетъ, т. е. закроется навсегда; тогда скажутъ: да зачѣмъ же вы, въ этой крайности, не прибѣгнули къ монаршимъ щедротамъ?—Урусовъ разсказывалъ милый сюрпризъ, сдѣланный Государемъ его дочери Софьѣ.

Можетъ ты и не знаешь? Она одѣвалась ѣхать фигурировать съ сестрою въ tableaux у Сенявина молодого. Императрица велѣла ей сказать: Когда будешь одѣта, приди ко мнѣ показаться, что̀ княжна и исполнила. Государыня стала надѣвать на нее свои жемчуги; приносятъ записку отъ Императора. Императрица прочла, засмѣялась, не говоря ничего. Княжна говоритъ, что начало въ 8 часовъ, а половина девятаго, проситъ позволенія ѣхать. Attendez un instant. Вдругъ отворяются двери, входитъ Государь, а съ Е. В. молодой Михийло Урусовъ, адъютантъ Киселева, только что пріѣхавшій курьеромъ изъ арміи съ извѣстіемъ о взятіи Тырнова. Вообрази себѣ радость, удивленіе княжны; она остолбенѣла, а Государь сказалъ смѣючись: Avouez, princesse, que ce tableau vaut celui pour lequel vous vous prépariez!! Старикъ-отецъ разсказывалъ намъ это со слезами на глазахъ; да кого не тронятъ подобныя черты, да и отъ кого? Отъ Государя своего! Это доказываетъ душу его: кто любитъ радовать другихъ, у того сердце доброе, ангельское. Тутъ наѣхали еще Энгельгардъ, Хрущовы, тесть, Брокеръ, Вейтбрехтъ, Л. А. Яковлевъ. Совершенная lanterne magique. Въ Воскресенье всѣ свободны, такъ и пустились больного навѣщать. Мы сѣли обѣдать въ половинѣ четвертаго. Послѣ долгой разлуки съ трубкою, я сегодня покурилъ, писавши къ тебѣ, сѣлъ на свои Ростопчиновскія креслы, да часъ просидѣлъ, самъ не знаю какъ.

Спроси у себя въ газетной № 11 Шаликова Дамскаго Журнала; тамъ найдешь ты описаніе нашего маскарада, только я не нахожу его удовлетворительнымъ: онъ не входилъ въ подробности кадриля и бѣгло все описалъ; видно, не имѣлъ всѣхъ свѣдѣній, а спросить у насъ посовѣстился; ибо полагалъ статьею своею сдѣлать намъ пріятный сюрпризъ. Волкову онъ забылъ включить, а вмѣсто нея написалъ Ланскую, которая и не была совсѣмъ въ кадрилѣ. Говорятъ, что будетъ и въ Телеграфѣ описаніе. Увидимъ!

Ты знаешь Вигеля Фил. Фил., бывшаго Бессарабскаго вице-губернатора, Керченскаго градоначальника; онъ и губернаторскую должность правилъ долго въ Бессарабіи. Устроивъ здѣсь свои дѣла, онъ желаетъ опять служить. Онъ малый умный, образованный. Онъ говоритъ, что ежели назначатъ его не въ отдаленную губернію, а гдѣ-нибудь около Москвы, то пойдетъ въ губернаторы. Мнѣ кажется, что это бы хорошее пріобрѣтеніе для службы. Намекни Закревскому, что̀ онъ тебѣ скажетъ. Я было хотѣлъ писать прямо ему, но ты говоришь, что онъ бѣдный сидитъ въ Шпанской мухѣ по нашему, то теперь не время ему письмами докучать. Я увѣренъ, что и Воронцовъ не откажется также быть ходатаемъ у Закревскаго за своего бывшаго подчиненнаго.

Москва, 12 Марта 1829.

У меня просидѣлъ очень долго Энгельгардъ Левъ Ник. и читалъ мнѣ свои Записки, въ коихъ есть любопытные анекдоты о Екатеринѣ, Потемкинѣ и многихъ другихъ важныхъ лицахъ ея царствованія. Такъ заслушался, что не догадался, что два часа; да и старикъ, видя, что слушаю охотно, не усталъ отъ чтенія.

*

Москва, 14 Марта 1829.

Былъ у меня Зандрартъ. Мамоновъ говѣлъ и допущенъ былъ до причастія; но я признаюсь тебѣ, что не одобряю, что въ столь важномъ святомъ обрядѣ оказали ему неумѣстное снисхожденіе. Онъ всегда настаивалъ на царскую церемонію и ежели духовникъ согласился на это, то очень дурно сдѣлалъ, что не поступилъ какъ въ прочіе прошедшіе годы. Князь Циціановъ бываетъ у графа, этотъ ладитъ съ нимъ покуда. Князь увѣренъ, что больной выздоровѣетъ, въ чемъ очень ошибается. Однакоже Мамоновъ не называетъ и не признаетъ его княземъ, обходится съ нимъ хорошо, но все-таки какъ съ управляющимъ. Ц. скоро мнѣніе свое перемѣнитъ. Жаль, что не можетъ онъ объясняться ни съ обоими докторами, ни съ Зандрартомъ; впрочемъ, кажется, онъ не намѣренъ графинѣ потворить. Она писала ему, что Зандрартъ не останется, что она пріискала другого на его мѣсто. Циціановъ ей отвѣчалъ, что ничего не перемѣнитъ, покуда видитъ, что все идетъ какъ должно и порядочно. Я все одно твержу, что Зандрарта другого не найдутъ нигдѣ, и что не только 5000 р., но 20000 р. можно бы давать въ годъ, чтобы сохранить такого бдительнаго, честнаго, человѣколюбиваго надсмотрщика.

*

Москва, 15 Марта 1829.

Глинка былъ опять, разсказывалъ подробно о побѣдѣ своей надъ своими университетскими гонителями и врагами, особенно надъ Каченовскимъ, который хотѣлъ погубить Глинку, предавъ его уголовному суду за выпущеніе изъ цензуры въ Телеграфѣ пасквиля на Каченовскаго, уличая его въ подкупленіи и пр. Блудовъ и Ливенъ потребовали всѣ бумаги къ себѣ и совершенно оправдали Глинку и обвинили Каченовскаго съ братіею. Что̀ мнѣ дѣлать, спрашиваетъ Глинка, какъ поступить съ Каченовскимъ? Дайте совѣтъ. А вотъ мой совѣтъ: Поѣзжайте къ Каченовскому, скажите ему: вы хотѣли меня погубить и не могли, я могу васъ погубить и не хочу.—Славно! Именно такъ и сдѣлаю. Большой чудакъ!

*

Москва, 21 Марта 1829.

Нѣтъ иного разговора въ Москвѣ, какъ о Тагеранскомъ происшествіи, которое возвѣщаетъ уже и Journal de S-t Pétersb. Что-то Нессельроде? То-то я думаю перепугался. На что имѣть министровъ у такихъ скотовъ какъ Персіяне или Турки, не знающіе правъ народныхъ, ни привилегій? Консула бы достаточно или и вице — а еще лучше про-консула. Такія происшествія должно ожидать всегда отъ такихъ народовъ. Государь нашъ премудръ, знаетъ что дѣлать. А право Русская честь требовала бы, чтобы Аббасъ ихъ явился въ Царское Село, какъ нѣкогда дожъ Генуэзскій явился въ Версалію съ повинною головою. Иные видятъ тутъ измѣну въ самомъ Шахѣ. Глупо это думать, но все ему надобно поплатиться, и пусть Европа узнаетъ, что жизнь Русскаго министра значитъ что-нибудь. Не повѣришь, какой составили изъ этого романъ, съ какими нелѣпыми подробностями. Волковъ пріѣзжалъ у меня спрашивать, что̀ знаю, и очень удивился, что ты не пишешь объ этомъ. Я ему сказалъ: Ты знаешь брата, il aime à donner des notions positives, et on ne les a pas encore apparemment; mais voilà ce que dit le Journal de S-t Pétersb. У многихъ не выбьешь изъ головы, что должна быть война съ Шахомъ. Всякой судитъ по своему и разсказываетъ по своему, но всѣ очень поражены происшествіемъ симъ трагическимъ.

Вчера провели мы очень пріятно вечеръ дома. Давно къ намъ просится поэтъ Пушкинъ въ домъ; я болѣзнію отговаривался, теперь онъ напалъ на Вигеля, чтобы непремѣнно его къ намъ ввести. Я видалъ его всегда очень maussade у Вяземскаго, гдѣ онъ какъ дома, а вчера былъ очень любезенъ, ужиналъ и пробылъ до 2-хъ часовъ. Восхищался дѣтьми и пѣніемъ Кати, которая пѣла ему два его стихотворенія, положенныя на музыку Геништою и Титовымъ. Онъ ѣдетъ въ армію Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтеромъ, можетъ и воспѣть это все. Ахъ! Не ѣздите, сказала ему Катя: тамъ убили Грибоѣдова.—Будьте покойны, сударыня: неужели въ одномъ году убьютъ двухъ Александр. Сергѣевичевъ? Будетъ и одного! Но Лелька ему сдѣлала комплиментъ хоть куда. Байронъ поѣхалъ въ Грецію и тамъ умеръ; не ѣздите въ Персію, довольно вамъ и одного сходства съ Байрономъ. Какова курноска! Пушкина поразило это разсужденіе. Ему очень понравилось, что дѣти, да и мы вообще всѣ, говорили болѣе по-русски, т. е. какъ всегда. Были тутъ еще Вигель и нашъ Архивный князь Платонъ Мещерскій. Наташа все твердила ему, чтобы избралъ большой историческій, отечественный сюжетъ и написалъ бы что-ни-

будь достойное его пера; но Пушкинъ увѣрялъ, что никогда не напишетъ эпической поэмы. Peut-être que cela viendra avec le temps. Вигель сегодня ѣдетъ въ Петербургъ, я далъ ему письмо къ Закревскому.

*

Москва, 22 Марта 1829.

Пріѣхалъ, добрый, умный старикъ князь Ханджери, живетъ въ Нѣмецкой слободѣ; совѣстно не принять. Совѣтовался объ сынѣ, у насъ служащемъ[1]). Насмѣшилъ меня: говоря о Турецкой войнѣ, спрашивалъ, не ѣдетъ ли туда опять Государь. Il paraît que non, mon prince!—Il faudrait que S. M. y retourne avec l'épée dans une main et dans l'autre l'olivier, сказалъ я, прервавши рѣчь. Le bâton, v.c., le bâton, le bâton, повторилъ старикъ разъ десять. Je connais cette nation, il faut le bâton avec elle, le bâton. Les autres arguments européens, elle ne les comprend pas. M. votre père connaissait les Turcs; le bâton, il faut le bâton, v. e. Мы совсѣмъ распростились, и послѣднее его слово, войдя въ переднюю, до коей я его проводилъ, было: le bâton avec les Turcs!! А я думаю, что это не худо и съ Персіянами.

*

Москва, 25 Марта 1829.

Не успѣлъ заѣхать къ Брокеру, который вдругъ занемогъ. Говоритъ Метакса, что онъ очень слабъ. Это Растопчинское дѣло много ему огорченія доставляетъ. Спасибо Волкову: онъ черезъ Бенкендорфа заставилъ объяснить дѣло министру юстиціи, который оное препоручилъ особенно о.-прокурору кн. Лобанову, а этотъ взялъ сторону Брокера противъ рѣшенія 7-го департамента. Теперь противная сторона ищетъ мировой, на которую и Брокеръ очень согласенъ.

*

Москва, 27 Марта 1829.

Государь ѣдетъ короноваться въ Варшаву. Какъ же покойный Императоръ не короновался? Кто же будетъ короновать, Католическій или Греческій митрополитъ? Не вѣрю что-то, однакоже отсюда требуются всѣ императорскія регаліи изъ Оружейной Палаты [2]).

*

---

[1]) Этотъ Ханджери поступилъ на службу въ Архивъ, когда сталъ ходить туда А. Н. Муравьевъ, что дало поводъ Соболевскому съострить: Отверзлися архивны двери и для ханжи, и для Ханджери.

[2]) Коронація дѣйствительно происходила въ Варшавѣ; на принадлежностяхъ коронованія (вновь изготовленныхъ и нынѣ хранящихся въ Оружейной Палатѣ) буквы *М* вмѣсто *Н* (по польски Микулаиъ, вмѣсто Николай).

Москва, 30 Марта 1829.

Я очень съ тобою согласенъ насчетъ Пушкина: кто не ужился съ Воронцовымъ, тотъ конечно нехорошій человѣкъ*). Къ намъ его привезъ Вигель. Пушкинъ ѣдетъ на Кавказъ.

*

Москва, 1 Апрѣля 1829.

Савельичъ живехонекъ и здоровехонекъ! Что съ нимъ дѣлается? Ежели морятъ его у васъ, то видно долго ему жить, а знаешь ли кто умеръ? И очень трагически. Останкинской учитель П. П. Ивановъ, служившій казначеемъ въ канцеляріи кн. Дм. Вл. Между Москвой и Всесвятскимъ нашли тѣло его простреленное двумя пулями въ самое сердце. Рука его отъ слишкомъ большого заряда была раздроблена, равно какъ и курокъ. Попалъ въ мерзкое общество, споили его, заставили играть и проиграть казенныя деньги, иные говорятъ 40 т., другіе тысячъ 10. Не находя средства выпутаться, онъ застрѣлился, оставляя въ отчаяніи и нищетѣ жену и шестеро дѣтей.

*

Москва, 3 Апрѣля 1829.

Жаль Байкова. Я не былъ знакомъ съ нимъ, но зналъ его только по сходству его съ Потоцкимъ и по разсказамъ покойнаго умницы Мартынова; они оба были въ Китайскомъ посольствѣ Головкина. Говорили, что онъ большой интригантъ. У Острой Брамы не одинъ Русскій смерть нашелъ во время Виленскаго бунта. Помню моего тезку А. Я. Княжнина; бывало, все видались мы у Закревскаго. Этотъ давно уже ближе былъ къ тому свѣту, нежели къ здѣшнему.—Видно, вашъ Нессельроде расшибся: рауты даетъ нынче. Видно, совѣстно ему кажется такіе чертоги держать подъ ключомъ.—Теперь бѣда отъѣзжающимъ; не знаютъ, на чемъ, какъ ѣхать?

Былъ у меня и долго сидѣлъ Маркусъ. Онъ и Эвеніусъ отказались отъ лѣченія Мамонова. Il m'a prié de vous informer nommément de leur demarche et de vous dire qu'ils se sont vu forcés de demander leur congé pour éviter toute responsabilité quant au comte, qu'ils pouvaient répondre de sa santé tant qu'on suivait toutes leurs prescriptions, mais que le p-ce Zizianoff ayant changé bien de choses établiées par eux, non seulement sans leur consulter, mais même sans leur prévenir, ils ne pouvaient pas rester sur ce pied. Циціановъ утверждаетъ, что онъ не сумасшедшій, а Маркусъ ему доказываетъ противное, и напрасно. Я бы на его мѣстѣ просилъ бы 100 т. награжденія,

*) Самъ Пушкинъ писалъ А. И. Казначееву изъ своей ссылки, что въ Россіи, если можно служить, то конечно подъ начальствомъ графа М. С. Воронцова. Демонъ-Раевскій испортилъ отношенія между двумя лучшими Русскими людьми. По дѣду своему съ материнской стороны А. Н. Раевскій былъ Грекъ, что отражалось и на лицѣ его.

ибо стало быть, его стараніями пришелъ опять въ умъ человѣкъ, коего за три года надобно было связывать, и который любимца своего Negri хотѣлъ убить обломкомъ стула. Что графъ вообще очень тихъ, что имѣетъ обыкновенно спокойные промежутки, въ кои разговариваетъ основательно, это достовѣрно; но онъ помѣшанъ, какъ Богъ святъ. Въ это положеніе поставилъ его Маркусъ своею твердостію, хладнокровіемъ и лѣкарствами, а Зандрартъ попечительнымъ своимъ надзоромъ. Освободи графа отъ сихъ узъ, дай ему немного волю, и увидятъ, чѣмъ кончится. Зандрартъ тоже отходитъ. Дай Богъ, чтобы я ошибся, но я ничего хорошаго не предвижу. Циціановъ его тѣшитъ, теперь покупаетъ домъ гр. Головкина. Давно ли купили ему домъ Дурасова? Мамоновъ чертитъ, какія дѣлать прибавленія; съ одной стороны je veux une chapelle, съ другой une autre, pour y placer ma bibliothèque etc. На что ему одному, сумасшедшему, дворецъ въ 250 или 300 т.? Зандрартъ долженъ быть ужо ко мнѣ; увидимъ, что этотъ скажетъ. Какъ бы ни было, ежели въ графинѣ есть родственническія кишки, то она много обязана медикамъ и Зандрарту за старанія ихъ около брата и за положеніе въ которое онъ ими поставленъ. Впрочемъ, какъ они себѣ хотятъ; жаль мнѣ только, что ты тутъ долженъ быть вмѣшанъ.

*

Москва, 4 Апрѣля 1829.

Волковъ не очень здоровъ, я вчера обѣдалъ у него. На досугѣ много мы съ нимъ говорили, и я совѣтывался съ нимъ, какъ съ истиннымъ моимъ нашимъ другомъ, любезнѣйшій братъ. Во всемъ мы согласны оба, т. е., что я только теряю лучшіе годы жизни моей, служа подъ начальникомъ каковъ графъ. Люди, право, меня не стоющіе дѣлаютъ въ 10 лѣтъ цѣлую карьеру, а я *одиннадцатый* годъ въ своемъ чинѣ, *12* лѣтъ какъ имѣю 3-го Владимира; послѣднее награжденіе мое было Шульцево мѣсто съ прибавкою милостыни *200* р. къ его окладамъ. Вотъ милости графскія! Много ли найдетъ онъ въ Коллегіи чиновниковъ, кои, начавъ въ оной службу, продолжали оную 31 годъ безпрерывно, все по Коллегіи и съ 1000 р. оклада? Кажется не былъ я въ тягость казнѣ. По пристрастію къ мундиру нашему, я отказывалъ всѣ лестныя предложенія Тормасова, Воронцова, Бенкендорфа, князя Д. В. Голицына; этотъ, въ восемь лѣтъ, болѣе полудюжины вывелъ людей въ мой чинъ изъ асессоровъ и надв. совѣтниковъ. Что же я выигралъ? Ничего! Я всегда молчу и всегда доволенъ; въ 1812 году, попавшись въ руки Французамъ (отъ того что долгъ службы предпочелъ своей безопасности) избавился я чудомъ отъ смерти, но хвасталъ ли я этимъ, требовалъ ли что-нибудь? Нѣтъ, ничего и не получилъ. Мудрено ли, что забыли меня, а кричать и жаловаться не въ моемъ

правѣ. Дожидаться штатовъ, кои третій годъ выходятъ, было бы тоже глупо; по проекту, Полѣновымъ мнѣ ввѣренному, изъ уваженія ко мнѣ, мѣсто присутствующаго только что не уничтожается. Малиновскато, изъ управляющаго тоже директоромъ, а ему какое дѣло, когда, по новому штату, директору полагаютъ 4000 жалованья, тогда какъ управляющій имѣлъ только 2000 р.? Wolkoff me dit qu'il me garantit sur sa tête une place 6000 au moins, si je quitte le College. Je ne veux rien précipiter, mon cher ami, je vous préviens, que je ne veux plus servir sous les ordres de c-te. Je suis continuellement apostrophé par tout le monde, on me reproche ma nullité, et je commence à en rougir. Dernièrement Lobanoff aussi me disait: que faites vous au nom de Dieu dans vos Archives, vous pouvez prétendre à quelque chose de plus brillant. Я не ищу, право, почестей; не желаю ихъ, но кто же въ моемъ чинѣ съ XXX лѣтнею пряжкою служитъ въ Россіи на 3000 р.? Скажи мнѣ, у мѣста ли будетъ мнѣ написать къ графу прямо, откровенно, что ежели находитъ онъ малѣйшее затрудненіе исходатайствовать мнѣ столовыя деньги, то чтобы позволилъ мнѣ выйти въ отставку для пріисканія другого мѣста. Кто знаетъ, меня ожидаетъ, можетъ быть, счастіе не тамъ, гдѣ я искалъ его 30 лѣтъ напрасно, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А ежели графъ, при отпускѣ, хочетъ сдѣлать мнѣ милость, то пусть отдастъ мое мѣсто Лашкареву; онъ добрый малый и желаетъ поселиться въ Москвѣ; тогда Архивскимъ не такъ будетъ больно со мною разлучиться, ибо я увѣренъ, что имъ будетъ очень прискорбно остаться съ Малиновскимъ, коего никто не любитъ, и такъ всѣ бѣгутъ вонъ.

Я совершенно безъ гроша; что̀ буду дѣлать, право не знаю: бездна расходовъ къ празднику, рублевъ 400 однимъ учителямъ, квартиры старая и новая, мелкіе долги по дому.

Князь Дм. Вл. пріѣхалъ ночью. Ивановъ упекъ его 18 т., да 14 т. казенныхъ. Для князя это и непріятно, и убыточно. Ѣздилъ всякой день къ Юрьеву и къ Алябьеву, а потому запечатали ихъ бумаги. Не знаю, основательно ли тутъ поступлено, да что̀ узнаешь изъ бумагъ? Ивановъ бывалъ и у меня нѣсколько разъ по дѣлу своего журнала; даетъ ли это право меня стѣснять такъ? Не такъ открываются вещи такія, но наша полиція молодецъ на эти случаи.

*

Москва, 5 Апрѣля 1829.

Вчера былъ прекрасный концертъ d'amateurs у Ивана Алекс. Нарышкина; пѣли обѣ Свѣчины, кн. Вл. Голицынъ, m-r Гау игралъ, на арфѣ маленькій Витте, а на фортепьяно Agathe Хрущова; продолжа-

лось только долго, почти до перваго часу. Весь beau-monde былъ тутъ. Нѣсколько разъ ходилъ я въ кабинетъ хозяйки любоваться на портретъ ея сестры, покойной Демидовой, прекрасно написанный. Представленъ садъ, она утомилась ходьбою, бросила шляпу на траву, скинула съ себя шаль и сѣла небрежно подъ дерево, протянувъ одну ногу. Очень похожъ, хотя и флатированъ; другой ея же портретъ, Angélique Kauffmann работы, не такъ мнѣ понравился. Все это заставило меня вспомнить прежнія времена, Вѣну и Неаполь. Не знаю, счастливѣе ли были тѣ времена, но были беззаботны. Въ старину въ этомъ же домѣ веселились мы, бывало, у покойнаго Архарова, но домъ этотъ нельзя теперь узнать, расположенъ иначе и прекрасно убранъ[1]).

*

Москва, 6 Апрѣля 1829.

Боятся, что Ивановъ упекъ и деньги, кои присылались сюда для монумента на Куликовскомъ полѣ; тогда было бы тысячъ 70 всѣхъ. Я боялся за Шафонскаго[2]), но выходитъ, что князь Д. В. прямо мимо Ш. давалъ ордеры Иванову, коего зналъ, говорятъ, по кулисамъ. Ивановъ тоже содержалъ какую-то актрису.

*

Москва, 8 Апрѣля 1829.

Вчера у Бобринской князь Дм. Вл. и всѣ спрашивали о гр. Кочубеѣ, и я очень радъ, что могъ дать добрыя вѣсти о его здоровьѣ; тоже самое желаю и бѣдной Малиновской. Что̀ бы ни было, больно! Одна̀ дочь у нихъ только, и все свое счастіе и утѣшеніе въ ней полагали[3]).—Я зналъ поверхностно о государевомъ путешествіи, благодарю тебя за подробности. Желаю душевно, чтобы въ Варшавѣ какой-нибудь милліонный Польскій графъ влюбился въ нашу Урусову [4]) и женился на ней, но еще одно условіе, чтобы сдѣлалъ ее счастливою.

Ты говоришь о Филимоновѣ, какъ о издателѣ «Пчелы»; тутъ Выжигинъ-Булгаринъ. Я догадываюсь поэтому, что ты ошибся и что вѣрно Ф. издатель «Бабочки», которая вѣрно отлетитъ съ нимъ въ Архангельскъ.

Я былъ въ Субботу въ актѣ Университетскаго Пансіона. Вотъ тебѣ двѣ брошюрки. Очень было хорошо. Я обходилъ послѣ съ Курбатовымъ все заведеніе, видѣлъ постели, больницу, видѣлъ ихъ обѣдъ, отвѣдывалъ; все очень хорошо, сколько могъ я замѣтить. Курбатовъ вызвался уже особенное имѣть о Костѣ попеченіе. Рѣчи говорили хо-

---

[1]) Это нынѣ домъ Коншина на Пречистенкѣ.

[2]) Шафонскій управлялъ канцеляріею генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына.

[3]) Екатерина Алексѣевна Малиновская (позднѣе княгиня Долгорукая) ѣздила тогда, по болѣзни, въ Петербургъ.

[4]) Она и вышла за князя Радзивила.

рошо, chaque discours était de la composition de son orateur. Князь Дм. Вл., Ив. Ив. Дмитріевъ и множество было посѣтителей.

*

Москва, 10 Апрѣля 1829.

По несчастію, исторія Иванова не была Апрѣльскою рыбою. Игравшіе съ нимъ открыты и взяты страннымъ случаемъ. Они замѣчали, что Ивановъ пасмуренъ и, видя его отчаяніе отъ безпрестанныхъ проигрышей, и зная, что князь Д. В. ожидается всякую минуту въ Москву, боялись, чтобы Ивановъ не рѣшился открыть ему душу и во всемъ покаяться. Дабы это предупредить и сдѣлаться какъ-нибудь съ Ивановымъ, одинъ изъ игроковъ, *Квашнинъ*, ѣздилъ къ Иванову раза четыре; но жена, зная его за негоднаго человѣка, все высылала сына говорить: папеньки нѣтъ дома, не знаю куда уѣхалъ, не знаю когда воротится. Ивановъ также избѣгалъ Квашнина, думая, что онъ являлся требовать денегъ. Только на другой день свершается самоубійство. Квашнинъ, узнавши объ этомъ, въ первую минуту жара или мучимый совѣстью, скачетъ ко вдовѣ несчастной, находитъ ее въ слезахъ, возлѣ нея сынъ ея. Увидя его, Квашнинъ говоритъ: вотъ кто погубилъ вашего мужа, говоря все, что нѣтъ его дома; я былъ у васъ четыре раза, мы хотѣли спасти вашего мужа. Слова сіи были какъ лучемъ для вдовы, она ихъ перенесла полиціи; взялись за Квашнина; онъ объявилъ, что Ивановъ обыгранъ былъ какимъ-то Заворыгинымъ (это плацъ-адъютантъ, коего Веревкинъ заставилъ за игру выйти въ отставку) и еще другими. Можетъ быть, и отыщутся деньги, но ужъ Иванова не воскресятъ. Онъ оставилъ письмо къ дѣтямъ своимъ, въ коемъ ихъ умоляетъ избѣгать дурное общество и особенно игру, имѣть всегда передъ глазами несчастный примѣръ отца ихъ и пр.

*

Москва, 12 Апрѣля 1829.

Заѣзжалъ я вчера къ Волкову и нашелъ его невеселымъ. Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ: дѣло его аренды стало въ пень по милости Чернышова, тогда какъ Волковъ благодарилъ Государя, сказавъ: maintenant, Sire, la marmite de menage ira plus rondement, et j'ai 11 personnes à nourir. Государь изволилъ засмѣяться, а Волковъ только что не плачетъ. Молодой Долгоруковъ, сынъ вашего не-министра юстиціи, женится на внучкѣ графа Вл. Гр. Орлова, дочери Петра Львовича Давыдова. Ее очень хвалятъ во всѣхъ отношеніяхъ, она нѣсколько горбата, но имѣетъ 2000 негорбатыхъ душъ, кромѣ приданаго, брилліантовъ и всего того, что дадутъ дѣдушка и родные, а мы съ батюшкою любимъ эти коклюшки.

*

Москва, 15 Апрѣля 1829.

Мы съ Фастомъ вчера пускались на нѣкоторые необходимые визиты. Начали съ военнаго г. губернатора. Рушковскій былъ у меня въ 10 часовъ въ большомъ парадѣ; сказалъ, что отъ князя, который спитъ и велѣлъ просить всѣхъ въ двѣнадцать часовъ. Мы такъ и сдѣлали, нашли его очень веселаго. Много онъ со мною говорилъ, даже и о политикѣ, но не о сенаторѣ однакоже. Eh bien les ambassadeurs vont à Constantinople, cela amenera-t-il la paix?—Au contraire, mon prince, il est clair que les Turcs ne cherchent qu'à gagner de tems. Vous verrez qu'une fois les ambassadeurs à Constantinople, le reiss-effendi n'aura pas d'autre réponse si non: j'avais expédié un courrier au Sultan, j'attendrai les ordres de s. m. etc. Новосильцовъ объяснилъ мнѣ причину князева удовольствія: онъ получилъ рескриптъ, по коему велѣно ему прямо относиться къ Государю мимо министровъ, какъ онъ того желалъ. Понимаю, что такое изъятіе изъ общаго правила льститъ князеву самолюбію, но я замѣтилъ Новосильцову, что это одно и тоже: министры должны согласиться на полезное, а неумѣстное Государь также откажетъ. Государю нельзя самому всѣ дѣла разрѣшать и обработывать, слѣдовательно получа отсылать станетъ по принадлежности. Теперь, что̀ не будетъ Государя, надобно же относиться къ министрамъ или къ комитету ихъ. Положимъ, что министры князю не доброжелательствовали (почему впрочемъ?), теперь они натурально болѣе озлобятся; что же выиграетъ князь и что выиграетъ служба? Много было толковъ у насъ объ этомъ, но гдѣ же все это писать!

*

Москва, 17 Апрѣля 1829.

Hier vient chez nous mad. Alexeyeff. Elle nous prend du côté avec ma femme et nous fait lire une lettre qu' elle a recue de son frère Viegel, qui est chez vous. Il a agi, entre nous soit dit, un peu en étourdi. Il a monté à Dachkoff, avec le quel ilparaît qu'il est lié, la tête et veut arranger son mariage avec Sophie Sacovnine*). Il charga sa soeur de demander notre appui pour cela. Quel besoin alors d' écrire à sa soeur et de la mettre dans la confidence? Il valait mieux nous écrire à nous directement. Дашковъ n'est connu ni de la jeune personne, ni de l'oncle. Viegel dit: si la chose peut s'arranger, Dachkoff viendrait pour deux semaines à Moscou; mais il me semble qu'on commence par faire

*) Софья Прокофьевна, родная племянница супруги А. Я. Булгакова, въ дѣтствѣ лишившись родителей, жила подъ опекою своего дяди Сергія Өедоровича Саковнина, который позднѣе и выдалъ ее за вдовца, графа В. А. Бобринскаго; а Д. В. Дашковъ (министръ юстиціи) женился на Елис. Вас. Пашковой.

la connaissance et ensuite on parle d'union. Comme moi je vois les choses et connaissant les caractères de deux individus, Sophie ne se mariera que par amour et ne fera jamais un mariage de raison. L'oncle est un extravagant, entêté, bizarre, car sans cela certes il n'aurait pas dû hésiter à donner sa nièce à un brave homme, comme Dachkoff. Malgré cela, sans compromettre Dachkoff, je sonderai le terrain, parlerai à l'oncle. Voyons avant s'il a une idée et quelle idée il a de Dachkoff; car il ne prise très haut que lui-même dans ce monde. Долгоруковъ кажется и хорошъ былъ женихъ, да и довольно нравился Софьѣ Пр., да не состоялось, а все отъ дяди. Жаль мнѣ будетъ, ежели Алексѣева выболтаетъ это. Ежели паче чаянія Д. сталъ бы тебѣ говорить, то будешь что отвѣчать. En voilà assez pour le moment.—Иванъ Петровичъ Носовъ, нашъ годовой часовщикъ, человѣкъ тихій, добрый, скромный и преискусный, ѣдетъ въ Петербургъ; я далъ ему письмо къ тебѣ. Онъ совершенная красная дѣвушка, а ѣдетъ онъ вотъ по какому случаю. Вызываютъ всѣхъ работавшихъ въ какомъ нибудь родѣ для большой экспозиціи въ Петербургѣ à l'instar, видно, de celle de Paris; эта, видно, новость заводится Закревскимъ. Носовъ изобрѣлъ славнѣйшій хронометръ, который желаетъ также экспозировать; всѣ часовщики признаютъ это славностью, дѣлающею честь Рускому имени, но безъ протекціи мудрено обойтись. Онъ проситъ, чтобы его только не оттерли, чтобы обратили вниманіе на трудъ его; пусть судятъ его строго, онъ этого не боится. Трудить не хочу я Закревскаго особымъ письмомъ.

*

Москва, 20 Апрѣля 1829.

Только что собрался я было ѣхать къ Фасту, является Похвисневъ. Поздравляю васъ съ милостію монаршею. Что такое? Пустяки, Какъ же братъ не пишетъ ничего? Вотъ вамъ письмо отъ братца. Я ушелъ къ женѣ въ спальню, и тутъ мы покойно поплакали, читая письмо твое отъ 16-го. Охъ, воскресилъ ты насъ, безцѣннѣйшій братъ! Ибо кому-же, ежели не твоимъ неусыпнымъ попеченіямъ, обязаны мы милостію, которую получаемъ? 10 т., кажется, небольшая сумма, но для насъ это въ теперешнее время великая подмога. Когда получу прибавку, графомъ обѣщанную, то буду истинно доволенъ, и графъ увидитъ, стану ли когда-нибудь о себѣ просить. Мы въ такой радости, что описать тебѣ не могу. Нашу нужду терпѣли и люди наши, намъ преданные. Весь домъ въ волненіи, а Наташа не перестаетъ плакать и отъ радости, и отъ слабости. Богъ тебѣ воздастъ за радостный этотъ для насъ день! Я не соображу ни одной мысли.

Москва, 21 Апрѣля 1829

Ты отдашь справедливость моей разсудительности: пожалованіе краснаго кафтана надѣлало бы много шуму по Москвѣ, пожалованіе

10 т. единовременно всѣмъ покажется весьма маловажною наградою для чиновника 4-го класса. Это такъ, но кто взглянетъ въ мою шкуру, кто знаетъ нужду мою, и кому захочу я ее открыть? Всякую малѣйшую пользу для моей семьи предпочту наружному вздорному блеску. Я сенаторъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, ежели Государю угодно было найти, что я достоинъ сего званія. Это вниманіе Государя дороже мнѣ всего. Я думаю, какъ Волковъ, что Государь точно также бы и 25 т. изволилъ бы пожаловать мнѣ, какъ и 10 т.; но тутъ тршеба*) другого начальника, какъ графъ Н., говори ты тамъ что хочешь! Благодарнѣе души нѣтъ моей, я цѣню то что̀ вымучилъ ты у вице-канцлера, благодарю его, но грѣшенъ: не лежитъ сердце къ нему. Такъ ли дѣлаютъ добро? 10 т. будутъ для меня передышкою великою. Никогда Государь не давалъ еще такъ кстати нуждающему, какъ этотъ разъ. Повѣрь мнѣ, что всякая сотня рублей станетъ ребромъ. У меня столько мелкихъ долговъ, что стыжусь ихъ. Бѣдная моя жена (теперь можно тебѣ сказать) продала маленькіе свои жемчуги и фермуаръ, подаренный ей покойною императрицею Елисаветою Алексѣевною, чтобы купить четырехмѣстную карету, безъ коей нельзя было никакъ обходиться; было ѣхать куда съ дѣтьми, такъ дѣлалось все въ два каравана: четверыхъ не посадишь въ двухмѣстную карету. 10 т. не заваляются у насъ, но это откроетъ намъ кредитъ для переду.

*

Москва, 29 Апрѣля 1829.

Не удалось мнѣ попасть на вчерашній славный спектакль, а только афишку досталъ. Изъ оной видѣлъ я, что Семенову именуютъ княгинею Гагариною и что Ненависть къ людямъ, комедію Коцебу, перевелъ Малиновскій, не знающій ни слова понѣмецки. Это ташеншпилерская штучка!

Бѣдная Соф. Ал. Волкова вдругъ занемогла. Очень она мучилась, и Сашка всю ночь былъ на ногахъ. Вчера ввели меня къ ней; узнать ее нельзя, хотя и лучше. Она хотѣла меня видѣть и просила написать ей письмо къ Дибичу, только что въ силахъ будетъ подписать: проситъ, чтобы отпустилъ Акинфьева къ женѣ, которая лежитъ въ Яссахъ отчаянно больна. Везу къ ней сейчасъ письмо, а она тебя проситъ доставить оное какъ можно скоро къ Дибичу, который, бывало, живалъ почти на хлѣбахъ у Волкова и называетъ С. А. своею капитаншею и по днесь. Ежели, Боже сохрани, умретъ Нат. Александровна, то останется дочь семи лѣтъ совершенно на Божью волю безъ отца и матери.

*) По польски „надо". Булгаковы знали Польскій языкъ, проведя съ отцомъ свое отрочество въ Варшавѣ и Вильнѣ.

Понимаю, что тебѣ много хлопотъ теперь. Пусть благодать Божія сопровождаетъ всюду Государя и всю свиту! *) Вотъ и Энгель пригодился, да не всѣ ли Репнинскіе были и теперь еще полезны Государю? Сколько хорошихъ слугъ доставилъ князь Николай Васильевичъ государству!

Желаю, чтобы сладилось дѣло Дашкова, но сомнѣваюсь, зная Софью; ея претензіи очень велики, et elle ne fera pas un mariage de raison, mais je tâterai habilement le terrain et vous en écrirai.

У меня была подписка на праздникъ, который готовится для Гумбольта; нечего дѣлать подписалъ и я. Человѣкъ 40 уже есть и до 3000 р. собрано. То-то будутъ temerezze tedesche, выдумки Лодера.

*

Москва, 30 Апрѣля 1829.

Я тебѣ говорилъ въ свое время о бумагѣ, которую Волковъ просилъ меня написать; да не было ему все досугу прочитать ее вмѣстѣ со мною. Сегодня велѣлъ сказать, что имѣетъ утро свободное, чтобы я пріѣхалъ, что будемъ одни. Ему очень понравилось, исправлю нѣкоторыя замѣчанія его и перепишу набѣло, а тамъ и тебѣ сдѣлаю копію. Волковъ посылаетъ это Бенкендорфу, который Государю покажетъ. Faut-il vous nommer? спрашиваетъ Волковъ. —Et pourquoi pas? Je ne désavouerais rien de ce que j'avance, mes opinions et mes sentiments ne sont pas de nature à devoir être cachés. Я уже съ Лобановымъ много толковалъ о необходимости опровергать то, что̀ иностранные журналы врутъ насчетъ Россіи. Faites sur cela un petit mémoire, donnez le moi; я началъ было писать, но мысль родилась за мыслію, записка вышла поогромнѣе, Лобановъ скоро уѣхалъ, и я не успѣлъ ее обработать. Странно, что Волковъ послѣ мнѣ началъ говорить о томъ же точно и просилъ отдать ему мою записку, прибавляя: ежели и не состоится мысль, которую ты предлагаешь, то все-таки Государь увидитъ, что ты человѣкъ благонамѣренный и что умѣешь хорошо обдумать и написать бумагу. Чтобы не подумалъ Нессельроде, что я хотѣлъ мимо него что-нибудь представить Государю, то Волковъ напишетъ, что имѣлъ со мною ра́зговоръ о вздорныхъ слухахъ, разглашаемыхъ по Москвѣ и, найдя многія мои мысли основательными, онъ меня убѣдилъ составить письменную замѣтку, которую получа, долгомъ считаетъ сообщить Бенкендорфу etc.—Конечно, братъ, 10 т. не суть важны, но меня это очень оживило: легче будетъ дышать намъ теперь. Мы наняли шаговъ въ сто отъ прежняго дому домъ Кирѣевскаго на Арбатѣ за 2000 р. въ годъ, домъ застрахованъ; это также выгода для насъ.

---

*) Николай Павловичъ ѣхалъ тогда короноваться въ Варшаву, съ Государынею и Наслѣдникомъ.

Москва, 3 Мая 1829.

Вчера была драка на Французскомъ театрѣ. Всѣ съѣхались; разумѣется, многіе отпустили кареты домой, пьеса долго не начиналась; выходитъ актеръ и объявляетъ, que par indisposition subite de m-me Valmont il n'y a pas de spectacle; а вмѣсто того узнали, что Mounier, вѣроятно, пьяный, расквасилъ рожу и подбилъ глаза бѣдной Вальмонъ и поколотилъ еще m-me Virginie. Полицмейстеръ Миллеръ и Ив. Ал. Нарышкинъ ходили на сцену мирить, mais il n'y avait rien à faire: comment une femme paraîtra avec un oeil poché devant le public et encore une jolie femme comme m-me Valmont! Хороши господа Французы. Благодарю тебя за вѣсти ваши. Вотъ и Вигель съ мѣстомъ *). Я очень радъ.

*

Москва, 8 Мая 1829.

Долго болталъ я съ Волковымъ. Меня теперь взяло раздумье. Онъ говоритъ, что велѣно одни самонужнѣйшія бамаги посылать въ Варшаву и далѣе, а что прочія должны ожидать возвращенія Бенкендорфа въ Петербургъ, это разъ; потомъ разсудилъ я, что во всякомъ случаѣ mémoire мой не минуетъ Нессельроде, который можетъ подумать, что я хотѣлъ что-нибудь поднести Государю мимо его, чего не было у меня въ мысляхъ. Я сказалъ Волкову, что коли такъ, такъ уже я лучше перепишу и тебѣ пошлю прочесть и требовать твоего мнѣнія. Онъ очень одобрилъ это, и я самъ теперь уже радъ этой остановкѣ; ибо самый благонамѣренный поступокъ можетъ быть инако истолкованъ начальникомъ мнительнымъ, каковъ графъ нашъ. Я занялся этимъ вмѣсто забавы. Нимало не дорожу трудомъ своимъ; ежели найдешь его достойнымъ вниманія, то можешь и графу послать, а не то оставь у себя сувениромъ.

*

Москва, 9 Мая 1829.

Вчера видѣлъ я пріѣхавшаго Лунина, который сказывалъ, что главная его отрада въ Петербургѣ была твой домъ. Онъ предлагалъ весьма полезную вещь; но, кажется, она не состоялась, и одинъ только кн. Петръ Мих. тотчасъ за нее взялся, уничтожа придворные конные заводы. Какая же тутъ могла быть выгода казнѣ, ежели всякая лошадь для экипажей обходилась въ 4000 р? Это ужасно! Что же армія должна стоить казнѣ? Когда нибудь да согласятся же съ Лунинымъ, какъ Васильчиковъ и Левашовъ согласились.

---

*) Т. е. директора Департамента иностранныхъ исповѣданій?

Благодарю за свѣдѣнія о Гумбольдѣ. Вотъ и Лодера благодарность. И я, братъ, довольно спорилъ объ обѣдѣ этомъ. Почему же будетъ пріятно Гумбольду, который, можетъ быть, и не объѣдало и не пьяница, сидѣть три часа за скучнымъ обѣдомъ съ 60 незнакомыми? Человѣкъ шесть будутъ около него, прочіе его увидятъ только издали, а большая часть займется болѣе обжорствомъ, нежели самимъ Гумбольдомъ. Не лучше ли бы на обратномъ его пути, ежели труды его увѣнчаются успѣхомъ, поднести ему медаль или маленькій кабинетъ Россійскихъ минераловъ?

*

Москва, 10 Мая 1829.

Тесть сказалъ мнѣ, что дѣло Брокера хорошо повернуло въ общемъ собраніи, что всѣ къ нему пристали. Хочу тотчасъ ѣхать къ Адаму Ѳомичу, его утѣшить и успокоить. Какъ! Человѣкъ трудится, устраиваетъ все къ пользѣ малолѣтняго, копитъ ему капиталы; а тутъ вдругъ, вмѣсто спасибо, велятъ Брокеру отвѣчать собственнымъ имѣніемъ за то, что эта полоумная Растопчина говоритъ безъ всякаго доказательства, что Брокеръ хлѣбъ продалъ и присвоилъ себѣ деньги, тогда какъ Брокеръ представляетъ собственноручную расписку покойнаго графа въ полученіи съ него денегъ за проданный хлѣбъ? Право, безчеловѣчно. Князь Дм. Вл. также повѣрилъ этому и тѣснилъ Брокера. Тесть имѣлъ съ нимъ вчера большую схватку, спросивъ у него на вечерѣ у Небольсина: Что̀ вы думаете о Булгаковѣ, А. Я?—Что онъ добрый, умный, честный малый.—Такъ спросите же его о дѣлахъ сихъ: они ему извѣстны.—Да мнѣ сказывалъ вѣрный человѣкъ также. —Нѣтъ, вамъ сказывалъ мерзавецъ, лгунъ, князь Масальскій. Оберъ-полицмейстеръ сталъ тестя остерегать, что Масальскій тутъ играетъ въ другой комнатѣ; но князь В. А. прибавилъ: Позовите его сюда, я ему скажу въ глаза при васъ, что онъ лжецъ и клеветникъ. Дай Богъ вамъ, князь, самимъ управлять вашимъ имѣніемъ такъ, какъ Брокеръ управляетъ имѣніемъ малолѣтняго; а вы не разсмотрѣвъ хорошенько, да гоните честнаго человѣка. Князь замялся и, видя, что, продолжая разговоръ, доведетъ его до непріятностей, перемѣнилъ рѣчь. Я былъ въ другой комнатѣ и слышалъ только шумъ. Жихаревъ пришелъ и пересказалъ мнѣ, что̀ было. Князь Д. В., подлинно, поступилъ здѣсь очень легко; я радъ, что правда взяла верхъ и спѣшу ѣхать успокоить Брокера. Тесть мой любитъ кричать, но тутъ онъ поступилъ, какъ истинный сенаторъ; только два, Озеровъ и Яковлевъ, не согласились, всѣ прочіе единогласно были за мнѣніе тестя, т. е. за Брокера.

*

Москва, 13 Мая 1829.

Какая у насъ погода, Боже упаси! Сѣверный вѣтеръ, дождь, холодъ, сырость. Мы весь домъ сегодня топимъ, и только что въ пору. Я получилъ письмо твое № 114 и тотчасъ сообщилъ Чумагѣ о гильдейскихъ повинностяхъ, а Лодеру о выѣздѣ Гумбольда. Вѣрно оба явятся благодарить, а послѣдній ужасно засуетится; только теперь не успѣть ему дать праздникъ, ежели Гумбольдъ останется здѣсь дня два, но вѣроятно дурная погода долѣе его удержитъ въ Москвѣ. Какая темнота! Теперь полдень, и хоть свѣчей просить, дурно вижу, что̀ пишу. Я все труню надъ женою, что будетъ землетрясеніе. Рано ты, братъ, свой балконъ открылъ. Батюшка говаривалъ, что прежде 10-го Іюня не надобно выставлять оконъ. Я держусь сего правила. Отчего у насъ весною всегда много больныхъ?. Покажутся два ясныхъ дня—ну выставлять рамы, ну одѣваться по-лѣтнему, ну ѣсть мороженое, ну жить по-лѣтнему, и пойдутъ простуды, а я вчера встрѣтилъ Фильда, такъ этотъ ѣхалъ въ шубѣ медвѣжьей и Персидской шапкѣ. Мнѣ это и смѣшно даже не показалось.

*

Москва, 14 Мая 1829.

Гумбольдъ пріѣхалъ сюда въ Воскресенье, и Фастъ, по предписанію Егора Васильевича*), былъ у него въ тотъ же день и нашелъ въ немъ весьма пріятнаго, говорливаго скорѣе Француза, нежели Нѣмца. Онъ вчера обѣдалъ у Фишера. Сегодня хотѣлъ его звать къ себѣ обѣдать, оно бы и къ стати, ибо Гумбольдъ въ часъ смотритъ Кремль, Оружейную, соборы и пр., то тутъ бы и близко къ Фасту обѣдать. Завтра большой обѣдъ въ собраніи для него же по подпискѣ, а говорятъ, что послѣ завтра онъ отправляется уже въ путь. Ежели буду сегодня съ нимъ обѣдать, то завтра не пущусь на большой этотъ обѣдъ, который будетъ скученъ и для Гумбольда, и для гостей.—Вчера давалъ я читать Волкову описаніе нашего маскарада, помѣщенное въ журналѣ Свиньина. Ему очень понравилось; ежели моихъ очень расхвалили, то за то и всѣхъ прочихъ не забыли, и Вѣрочку его тоже. Фастъ читалъ своимъ дѣтямъ, кои также тутъ не забыты. Эта статья показалась вчера въ клубѣ и много дѣлаетъ шуму. Всѣ тѣ кои не были на маскарадѣ о томъ сожалѣютъ. Ив. Ив. Дмитріевъ спросилъ меня, нельзя ли повторить праздникъ на будущій годъ? Ольгу все называемъ: ну ты курноска, à la Roxolane, а она все добивается, что̀ это за Роксоляна.

*

*) Карнеева, который былъ директоромъ Горнаго Департамента.

Москва, 15 Мая 1829.

Вчера Гумбольдъ не могъ обѣдать у Фаста. Въ вечеру возили его въ большой театръ смотрѣть балетъ новый. Я сегодня поѣду на обѣдъ этотъ, а то иначе и не увижу Гумбольда, который ѣдетъ завтра. Наташа хотѣла было позвать его на вечеръ къ намъ, но видно придется отложить это до возвратнаго его пути изъ Сибири.

Много говорять о Выжигинѣ. Всѣ читають, хвалятъ, бранятъ, критикуютъ, а авторъ между тѣмъ собираетъ денежки и печатаетъ второе изданіе. Называютъ это Русскимъ Жильблазомъ, но каламбуристъ одинъ на это сказалъ: Le Sage sera toujours le sage, mais Boulgarine ne sera jamais sage.

*

Москва, 16 Мая 1829.

Вчерашній обѣдъ для Гумбольда очень удался, было человѣкъ около 60. Я нарочно поѣхалъ пораньше, чтобы видѣть всю процедуру и, явясь въ собраніе, нашелъ Лодера, ходящаго очень въ задумчивисти по маленькой залѣ. Bonjour, m-r Loder! видя, что меня не узнаетъ.—Ахъ, mon cher et très estimable m-r de B., отвѣчаетъ онъ мнѣ, laissez moi, je vous supplie, seul; je répète le discours que je dois adresser à m-r Houmbold; il n'est pas encore tout-à-fait arrangé dans ma tête. Я оставилъ оратора и пошелъ кое съ кѣмъ болтать. Послѣ трехъ часовъ пріѣхалъ гость. У насъ все любятъ пересолить: начали толковать, что надобно послать депутацію къ Гумбольду, чтобы препроводить его въ собраніе. Mais il y a là déjà un député, dis-je à Loder.—Et qui donc?—Mais le cocher de m-r Houmbold, qui saura bien le conduire ici. On se mit à rire et à objecter que c'est tout ce qu'on pourrait faire pour le roi de Prusse, s'il fesait l'honneur d' accepter un dînér, et la chose tomba.

A l'arrivée de m r H. Loder alla au devant de lui et le harangua en francais et très-bien et à notre grand étonnement laconiquement. Le baron répondit très-bien aussi, en ajoutant à la fin: il est doublement heureux pour moi que l'organe de sentiment aussi flatteur pour moi se trouve être un de mes anciens amis et mon premier précepteur etc. Послѣ сего всѣ, слѣдуя моему примѣру, просили быть ему представлены. Онъ тотчасъ спросилъ о тебѣ. Потомъ водили его по всѣмъ заламъ, показывали монументъ Екатерины II. Послѣ сѣлъ онъ возлѣ Юсупова, и сдѣлался кружокъ; онъ разсказывалъ объ Америкѣ, о Франціи, Бразиліи и пр. За столомъ сидѣлъ я почти противъ Гумбольда, а потому и могъ насладиться пріятнымъ его и разнообраз-

нымъ разговоромъ. Онъ сидѣлъ между Юсуповымъ и княземъ Гагаринымъ, ибо Обольяниновъ и Дмитріевъ не пріѣхали по нездоровью. Обѣдъ былъ хорошъ, но могъ бы за эту цѣну быть лучше. Въ свое время всѣ встали и, по провозглашенію Лодера, пили здоровье Императора и всего дома царскаго, потомъ Прусскаго короля. Тутъ подошелъ Маркусъ и говорилъ прекрасную рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ (онъ обѣщалъ мнѣ копію, и я тебѣ доставлю, а между тѣмъ вотъ Латинская, которая была всѣмъ раздаваема во время обѣда), на которую Гумбольдъ тотчасъ отвѣчалъ также по-нѣмецки. Потомъ всталъ Лодеръ и предложилъ: Messieurs, à la sante de s. e. m-r de H. Всѣ закричали: виватъ и ура! Лодеръ просилъ, чтобы умолкли и прибавилъ: puisse t-il nous offrir sur l'Oural ce que son génie a su découvrir sur le Cimborazo. Какъ выпили, то немного погодя, Гумбольдъ налилъ себѣ Шампанскаго, всталъ и привѣтствовалъ всѣхъ прекрасною благодарною рѣчью, въ коей говорилъ о Государѣ, о Россіи, о путешествіи своемъ, объ усердіи, которое употребитъ въ разысканіяхъ своихъ, дѣлалъ похвалу Москвѣ и насъ всѣхъ благодарилъ, оканча à peu près: Et comment pourrai-je jamais oublier un jour où j'ai été comblé de tant de soins délicats et recherchés, un jour où je fus traité par des étrangers comme j'aurais pu l'être par de compatriotes, par d'anciens et tendres amis! etc. Жаль, что не всѣ эти рѣчи писаны или печатаны, бывъ импровизованными. Послѣ обѣда и кофія профессоръ Мудровъ произнесъ ему маленькую Русскую рѣчь или привѣтствіе, Маркусъ перевелъ ее à peu près наскоро, и Гумбольдъ также отвѣчалъ и ему. Тутъ я, поговоря съ нимъ еще съ четверть часа и получа обѣщаніе, что на возвратномъ пути посѣтитъ мое семейство, уѣхалъ и полагаю, что болѣе и не было ничего.

Рушковскій подошелъ и спрашивалъ у Г.: A quel heure faut-il vous envoyer les chevaux demain?—Comment, m-r, сказалъ я нашему пріятелю, au lieu de tâcher de retenir ici m-r H., vous voulez hâter son départ? Но Г. отвѣчалъ за Р.: c'est très obligeant ce que vous dites, mais une fois qu 'on est déterminé à partir, rien n'est plus pénible que de rencontrer des entraves, et m-r votre frère en a agi avec moi comme m-r son collégue le fait ici; l'été est si court en Russie, il faut en profiter; je dois être au mois de Septembre ici, en Octobre à Berlin et au mois de Février à Paris.

Мнѣ очень полюбился Гумбольдъ. Я ожидалъ видѣть въ немъ Нѣмца-педанта, вмѣсто того нашелъ любезнаго Француза. Онъ сегодня въ 9 часовъ отправился въ путь.

*

Москва, 21 Мая 1829.

Съ радостнымъ, съ счастливымъ для всего семейства нашего днемъ поздравляю тебя, мой милый и любезный братъ. Точно какъ будто ты въ Москвѣ: безпрестанно пріѣзжаютъ лица тебя поздравлять, а кто не былъ самъ, присылаетъ поздравить или пишетъ записки. Когда чужіе такъ принимаютъ 21 Мая, то поймешь ты, что̀ происходитъ у насъ въ семьѣ. Всѣ мы тебя цѣлуемъ и желаемъ тебѣ всѣхъ благъ. Волковъ празднуетъ тебя и насъ зазвалъ обѣдать.

Очень будемъ мы рады Северину Потоцкому. Этотъ гораздо милѣе нашего Северина*) безъ Потоцкаго, сенатора, у коего была недавно исторія въ Аглинскомъ клобѣ съ кн. П. М. Долгоруковымъ, dit Enfant Prodigue, который pana senatorza разругалъ только что не скверными словами; а этотъ поѣхалъ жаловаться князю Дм. Вл., который совѣтовалъ лучше замять исторію. Чѣмъ Северину жаловаться какъ школьнику, ему бы лучше опереться на законы клоба и требовать исключенія Долгорукова, точно также какъ былъ прогнанъ кн. Касаткинъ за грубости къ старшинѣ Щербачеву.

Пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться Зандрартъ, бывшая стража гр. Мамонова. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ, свое отечество; можетъ быть, и захочешь кое-что у него пораспросить. Онъ добрый, честный человѣкъ. Не понимаю я Мамонову. Pourquoi cache-t-elle son mariage, s'il a eu lieu réellement? N'est-elle pas maîtresse de sa volonté, a-t-elle honte d'avouer ce mariage, mais est-ce donc une mésalliance? Elle n'est pas la petite fille d'Henri IV, et Gagarine vaut bien.

*

Москва, 22 Мая 1829.

Ты ничего не говоришь объ оной бумагѣ, что̀ я тебѣ отправилъ: видно, некогда было прочесть, да у тебя не одно дѣло въ головѣ; это хорошо читать отъ бездѣлья, коимъ ты не можешь похвастаться. Лобанову очень понравилось, онъ очень меня дружески распрашивалъ обо всемъ, меня касающемся и съ участіемъ, котораго не могъ я ожидать отъ него. Между прочимъ предлагалъ мнѣ показать это Нессельроду, коему имѣлъ онъ случай оказать одолженіе очень недавно. Я его благодарилъ и отвѣчалъ, что знаю нравъ нашего графа, что ему покажется это дѣломъ государственнымъ, что найдетъ множество затрудненій и пр., что и ты былъ мнѣнія не посылать записку мою. Alors, сказалъ Лобановъ, je vous demande, comme une marque de votre amitié, de me donner ce papier. l'Empereur le lira, il y verra et votre zèle et vos capacités, et je vous réponds que cette lecture ne sera pas

*) Это отецъ извѣстнаго посланника нашего въ Мюнхенѣ, Д. П. Северина.

sans utilité pour vous. Je conçois votre position vis-à-vis de Nesselrode, soyez persuadé que je ne vous compromis pas, car je dirai que vous m'avez donné à lire cela, que j'ai oublié de vous le rendre et l'ai emporté avec moi; d'ailleurs s'il le faudra, vous ne serez même pas nommé; fiez à mon amitié et à ma prudence. Я не могъ ему отказать, ибо онъ меня успокоилъ и всѣ мои недоумѣнія опровергъ. Жаль, что ты ничего мнѣ не пишешь, мнѣ бы послужило это правиломъ; но Лобановъ пробудетъ еще дня три, можетъ быть ты и напишешь. Во всякомъ случаѣ очень я радъ, что Волкову не отдалъ, и Лобановъ тоже говоритъ: W. est un excellent garçon, mais étourdi, et celui-là avec toute la bonne volonté vous aurait peut-être fait un pàte! Лобановъ находитъ мысль мою полезною, но думаетъ, что она не состоится, что должно вѣроятнѣе ожидать мира, что работу эту вѣрно бы мнѣ же препоручили, а для этого надобно бы быть теперь въ главной квартирѣ, а послѣ въ Петербургѣ, а меня обстоятельства держатъ въ Москвѣ. Онъ кончилъ словами: l'Empereur fait le plus grand cas de votre frère; or, d'aprés l'union connue qu'il y a entre vous deux, S. M. vous place, comme de raison, dans la même cathégorie; mais mon désir est que l'Empereur ait une idée de votre façon de penser et de votre capacité. Il sera question de Moscou, comme de vaison; je parlerai de vous, et la chose arrivera tout naturellement.

Умерла сегодня или вчера графиня Орлова-Денисова, урожденная Васильева*), слѣдствіемъ родовъ; всѣ жалѣютъ объ ней, много осталось дѣтей, и мужъ въ великомъ огорченіи.

*

Москва, 23 Мая 1829.

Писемской сказалъ я что̀ ты пишешь о братѣ ея Блудовѣ, на коего она похожа en laid; jugez donc ce qu'elle doit être! Son fils est un jeune homme très comme il faut.

*

Москва, 24 Мая 1829.

Воронцовъ возложилъ на меня комиссію доставить ему свѣдѣнія о здѣшнихъ водахъ, мой милый и любезный другъ. Я все бомбардировалъ Лодера. Сперва ему Гумбольдъ голову вскружилъ, а тамъ разныя дѣла. Сегодня, не смотря на ужасную погоду, я рѣшился ѣхать туда на мѣсто, тамъ залучилъ Лодера въ комнату особую, химика Германа и тамъ отъ обоихъ отобралъ свѣдѣнія, кои могли прійти мнѣ въ голову; ибо Воронцовъ не объясняетъ, что̀ именно хочетъ знать, дабы по оному руководствоваться для своихъ Одесскихъ водъ.

---

*) Графиня Марья Васильевна (р. 1784), бабка нынѣшняго губернскаго предводителя Московскаго дворянства, князя П. Н. Трубецкаго.

Мы совершенно ничего не знаемъ изъ Варшавы, а вотъ лаконическая афишка, коею Шульгинъ извѣщаетъ о послѣдовавшей коронаціи. Вчера горѣли у насъ плошки въ Москвѣ.

«Сего 1828 года, въ 12 день Маія, въ столичномъ городѣ Царства Польскаго Варшавѣ послѣдовало высочайшее коронованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича Царемъ Польскимъ, о каковомъ торжественномъ и всерадостномъ событіи Московскіе жители чрезъ сіе и извѣщаются. Маія 23 дня 1829 года. Московскій оберъ-полиціймейстеръ Шульгинъ 2-й».

*

Москва, 25 Мая 1829.

Всѣ здѣсь напуганы безпрестанными смертями; такъ случается, что все знакомые, а потому и болѣе поражаетъ насъ. У типографщика Семена умерла молодая жена въ нѣсколько дней. Странно, что онъ въ шесть лѣтъ былъ женатъ на двухъ женахъ, обѣихъ лишился и сохранилъ отъ нихъ 6 дѣтей; у Рамиха, доктора и школьнаго нашего товарища умерла дочь 19 лѣтъ, а вчера умерла несчастная графиня Свѣчина[1]); стало, въ теченіе 16 дней умерли двѣ дочери и мать.

Ну, мой милый другъ, вчера обѣдалъ я у В. Львовича[2]), славно насъ накормилъ, и очень мы пріятно время провели, велѣлъ тебѣ очень кланяться. Тутъ былъ пріѣзжій В. С. Апраксинъ, коего жена намѣрена воды пить. Старымъ сталъ В. Л.; ходитъ опираясь все на чью нибудь руку, говоритъ еще не слышнѣе, зубовъ мало, а все веселъ, любезенъ, а добръ, разумѣется, попрежнему. Племянникъ его, поэтъ, уѣхалъ въ Тифлисъ.

Заѣзжалъ я къ Рушковскому. Онъ подъ секретомъ сообщилъ мнѣ Варшавскую газету, въ коей описаніе коронаціи; газету онъ эту не выпустилъ, желая, чтобы публика узнала все это прежде отъ нашихъ офиціальныхъ объявленій изъ Петербурга. Въ городѣ всѣ удивляются, что ничего не слышно; а другіе дураки, увидя, что Государь былъ въ Св. Янскомъ Костелѣ, а не въ нашей церкви, станутъ толковать всякіе пустяки.

*

Москва, 27 Мая 1829.

Уфъ, милый другъ, былъ я у Кащея[3]). Пріѣзжаю, дома нѣтъ. Досадно! Такая даль, у самаго дому прорвало его землю, мостъ снесло, чуть меня не вывалили. Другой разъ пріѣзжать тяжело, да и пріѣзжать не на радость. Я рѣшился его дожидаться, а между тѣмъ пошелъ смот-

[1]) Это гр. Марья Павловна, ур. Лофазо, вдова графа Павла Сергѣевича Свѣчина-Галліани.

[2]) Пушкина. Онъ скончался въ слѣдующемъ году.

[3]) Такъ звалъ Булгаковъ богача Самарина.

рѣть развалины его и опустошенія. Ѣдетъ Кащей на жалкихъ дрожкахъ, клячею чахоточныхъ запряженныхъ, въ шинелишкѣ, и черная ермолочка на головѣ, ну точно Гарпагонъ. По слѣдамъ его вошелъ я въ комнату. Батюшки, какъ вы похудѣли А. Я!—Да похудѣешь, какъ въ болѣзни, да имѣешь еще дѣла съ людьми, кои хотятъ вашего разоренія; но прежде всего вотъ вамъ письмо отъ брата, котораго вы и обидѣли, и разогорчили вашимъ письмомъ. Всталъ, испугался, началъ ходить по комнатѣ. Какъ это? Какъ это?—Да вы грозите представить кн. Голицыну заемное наше письмо.—Помилуйте, это не то; меня принуждаютъ домъ отдѣлывать, денегъ у меня нѣтъ... Да вамъ князь скажетъ, вѣдайтесь судомъ, а домъ отдѣлывайте таки. Ужели вы думаете такую громаду отдѣлать съ тѣмъ, что̀ мы вамъ должны?—Помилуйте, вы меня не понимаете, А. Я. Я совѣтывался съ вашимъ братцемъ, какъ съ пріятелемъ и нимало не грозилъ; вы сами знаете, что это долгъ старый, что я ничего не получалъ такъ давно, что терплю нужду, разореніе.—Долгъ этотъ, конечно, старый; что̀ братъ былъ вамъ долженъ, онъ вамъ заплатитъ. Какое же терпите вы разореніе? Развѣ мы просимъ васъ, чтобы вы претензію уничтожили? Развѣ мы не платимъ или не приписываемъ 10 процентовъ; одолжаютъ, когда даютъ деньги безъ или съ малыми процентами, какъ дѣлаютъ это, напримѣръ Миллерша, Поповъ и другіе кредиторы наши.—Да помилуйте, намедни былъ у меня И. А. Яковлевъ; онъ мнѣ говоритъ, что ваше заемное письмо, по 10 лѣтней давности, выходитъ бѣлая бумага. И. А. не я и не братъ мой; говори онъ, что̀ хочетъ; плутъ и по векселю не отдастъ, а заведетъ тяжбу, а честный человѣкъ и безъ виду заплатитъ, что̀ долженъ. Теперь не въ томъ дѣло. Братъ мнѣ далъ комиссію у васъ быть, сдѣлать разсчетъ, дать вамъ новое заемное письмо и что нибудь устроить для будущаго платежа. Тутъ взялъ онъ аспидную доску, часъ маралъ; исписавъ одну доску всю, принялся за другую, считая рекамбіи; ну, однимъ словомъ, Жидовскій счетъ. Извольже же это сокращенно написать на бумагу. Онъ написалъ. Ну позвольте же вамъ замѣтить, П. И., что всякая претензія, даже послѣ 10 лѣтняго срока, можетъ только удвоить, а вы въ 8 лѣтъ изъ двухъ капиталовъ 12000 и 4500 р. т. е. изъ 16500 р. сдѣлали слишкомъ 37 т. р.!! Быть такъ, дайте вашу записку; я пошлю ее брату. Я вижу, что дѣлать нечего: онъ не повѣритъ, чтобы такой расчетъ могъ быть сдѣланъ пріятелемъ, коему онъ всегда старался угождать; увидя же вашу руку, я увѣренъ, что онъ согласится со мною, т. е. продать часть имѣнія, чтобы васъ только скорѣе совершенно удовлетворить. —Помилуйте (опять вскоча со стула), вы хотите меня перессорить съ вашимъ братцомъ. Нимало, пожалуйте мнѣ вашу записку, расчетъ.

Ужъ подумалъ ли онъ, что я донести хочу на него, какъ на ростовщика, не знаю; только онъ не далъ мнѣ свое маранье и просилъ, чтобы я сдѣлалъ свой расчетъ, по коему выходило около 30 т.; ну пошли тутъ споры, коимъ конца не было, все жаловался, что мы хоть бы немного денегъ, да ему давали. Ну можетъ ли вамъ 1000 или 2000 рубл. дѣлать разницу при вашемъ состояніи?—Ахъ, батюшка, да повѣришь ли ты Богу, что иной 100 р. нѣтъ у меня.—Ну этого мы не полагали, а то бы вамъ удѣляли, какъ другимъ, хоть понемногу. Правда, что братъ мнѣ одинъ разъ писалъ вамъ дать 2300 р., но я предпочелъ отдать ихъ старушкѣ Батацовой, которая процентами нашими живетъ.—Вотъ, мой голубчикъ К. Я. знаетъ мои нужды, а когда это было?—Прошлаго года!—А я въ прошломъ-то году бился, какъ рыба объ ледъ, мнѣ бы кладъ были 2300 р.! Нечего дѣлать, перемѣнилъ я тонъ, началъ жалѣть объ его разстройствѣ и нуждахъ, и тутъ онъ сдѣлался какъ барашекъ. Я обѣщался, что ты вышлешь ему проценты, лишь бы только сдѣлалъ расчетъ. Да нельзя ли хоть нѣсколько тысячъ капитала? Это невозможно: у насъ имѣніе въ одномъ мѣстѣ и не родилось ничего, у васъ деревни въ 9 губерніяхъ. Ахъ, батюшка, да что пользы? Нигдѣ не родилось ничего, а ремонтъ Гиполитушкинъ меня разорилъ въ конецъ, etc. Я тебѣ далъ только эссенцію конференціи, продолжавшейся три часа съ половиною и окончившейся гораздо успѣшнѣе, нежели я ожидалъ. Часто я увлекался его скряжничествомъ и горячо говорилъ и тронутъ, право, былъ; но послѣ я его уже ласкалъ и только что не плакалъ о его *крайнихъ нуждахъ*. Это его очень утѣшило, ибо скупому говорить о его богатствѣ, это раздражать его. Положено, что мы еще съѣдемся; онъ хотѣлъ ко мнѣ быть и еще потолковать. Я надѣюсь, что все будетъ улажено по моему желанію. Enfin la glace est rompue avec ce cochon.

*

Москва, 28 Мая 1829.

Знаешь, кто у меня теперь былъ? Прянишниковъ. Онъ очень мнѣ полюбился, человѣкъ пріятный и образованный. Просидѣлъ у меня часа два, я просилъ его обѣдать; такъ какъ сегодня и завтра отозванъ, то согласилъ. Я его остаться еще день лишній въ Москвѣ и обѣдать у насъ послѣ завтра. Лишнее говорить, какъ онъ тебя любитъ и цѣнитъ, любезнѣйшій братъ. Проситъ тебя извинить его, что не пишетъ къ тебѣ, будучи на отъѣздѣ; онъ же самъ тебѣ лично сообщитъ всѣ свѣдѣнія, здѣсь собранныя. Желательно, чтобы болѣе было такихъ чиновниковъ во всѣхъ департаментахъ.

Вчера вечеромъ былъ я званъ къ гр. Бобринской. Тутъ были кн. В. Дулгоруковъ, Толстой, который безпрестанно разъѣзжаетъ по за-

водамъ конскимъ; они говорили объ оперѣ вашей и прибавили: voilà les enragés amateurs, les immanquables, ils sont toujours aussi ensemble, Nesselrode, Zavadofsky, votre frère, Manitchar, Spéransky. Я не зналъ послѣдняго такимъ усерднымъ меломаномъ. Вотъ записка Фастова. Онъ умно отвѣчалъ Филарету, у коего вчера долго сидѣлъ, и Филаретъ правъ. И подлинно, какъ говоритъ онъ: открывается ваканція, 10 просителей; для одного сдѣлаешь, а девять ропщутъ и жалуются; но это тоже вездѣ.

*

Москва, 29 Мая 1829.

Брошюрку твою на двухъ языкахъ, Фр. и Польскомъ, о коронаціи отдалъ я въ Архивъ; пусть сохраняется тамъ; можетъ быть черезъ 500 лѣтъ одинъ этотъ и сохранится только экземпляръ для справокъ. Вотъ какое предрекаю я долголѣтіе Архиву своему!

*

Москва, 1 Іюня 1829.

У насъ все проказы, да бѣды въ Москвѣ. Иду я мимо старушки Улыбышевой, матери Хрущовой, нахожу ее подъ окошкомъ. Она пьетъ воды и очень встревожена; ночью забрались къ ней три вора, домъ низокъ, ставень нѣтъ, одно окно дурно запиралось, вентилаторъ изломанъ, воръ просунулъ туда руку, отворилъ задвижку, вошелъ, взялъ вазу серебряную и другія вещи, да хотѣлъ пяльцы вытащить; дѣвка, тутъ спавшая, проснулась, кинулась отнимать пяльцы и кричать; воры бѣжали, уронили пяльцы, шумъ этотъ разбудилъ старушку, которая очень перепугалась. Не такъ дешево отдѣлался молодой Татищевъ, женатый на Полевой (также сосѣдъ нашъ): у этого, покуда онъ обѣдалъ, вытащилъ камердинеръ 800 р. денегъ, брилліанты, жемчуги барыни, табакерки барина, да и далъ тягу. Вѣрно не отыщутъ, хотя Татищевъ и хватился тотчасъ.

Чтобы всѣ наши вѣсти тебѣ передать, то вотъ и третье трагическое происшествіе. Вчера Ел. Триг. Пушкина, вдова Алексѣя Михайловича, покойнаго пострѣла, обѣдала у Рябининой; вдругъ ударъ сваливаетъ ее со стула, посылаютъ за Іенихеномъ, который разными средствами приводитъ ее въ память; она идетъ домой, но ночью послѣдовали еще три удара одинъ за другимъ, и она теперь безъ языка, безъ ногъ и рукъ; женщина еще не старая и много дочерей; конечно, очень была она нужна. Сынъ ея, который былъ женатъ на Рынкевичевой дочери, тоже по несчастію недавно овдовѣлъ. Вотъ такія-то бываютъ бѣды на семъ свѣтѣ!

*

Москва, 3 Іюня 1829.

Какую радость произведетъ въ Берлинѣ государево присутствіе и какая будетъ отрада для Императрицы увидѣть свою родину и отца! Посмотри, коли она не освободится тотчасъ отъ лихорадки. Такое свиданіе радостное лучше всякаго лекарства.—Киселева мать безпокоилась о сынѣ; я радъ, что могъ ей сказать, что онъ здоровъ, у тебя былъ и отправляется на пароходѣ.

Сказывалъ Волковъ, что умеръ, кажется, въ Суздалѣ, Шаховской замѣшанный въ заговорѣ и лишившійся ума. Въ болѣзни все призывалъ жену, повторяя: получа ея прощеніе за всѣ огорченія, умру спокойно; умеръ какъ христіанинъ, пришелъ въ умъ и въ великое раскаяніе. Только что испустилъ духъ, и жена пріѣхала. Возвратилась сюда въ большомъ отчаяніи, что не застала его въ живыхъ. Мнѣ кажется, что для всѣхъ этихъ господъ смерть величайшее благо.

Вчера вечеромъ былъ я у Бобринской. Послѣ ужина, для шутки, молодой Бобринскій - вдовецъ сдѣлалъ банкъ Дмитріевой въ 100 р. Подошелъ кн. В. В. Долгоруковъ: можно поставить 25 р.?—Можно!—Отвѣчаете ли?—Отвѣчаю, и пошла потѣха; только Долгоруковъ отъ 25 р. загнулъ на 2800 р., три раза убилъ, а въ четвертый взялъ 1400 р.

*

Москва, 5 Іюня 1829.

Тебя, вѣрно, увѣдомилъ Воронцовъ о славномъ подвигѣ лейтенанта Казарскаго, который съ 18 пушечнымъ своимъ бригомъ дрался противъ 100 пушечнаго капитана-пашинскаго и другого 74 пушечнаго Турецкаго корабля въ одно время и не только не сдался, но обоихъ разбилъ и прогналъ. Я тотчасъ послалъ въ оригиналѣ письмо къ Меншикову, и онъ, благодаря меня за извѣщеніе, прибавляетъ: Kazarsky pourrait en vérité donner des leçons utiles au g-l en chef Rott sur la manière dont il faut se battre avec les Turcs. Славное дѣло, коему и сами Англичане вѣрно позавидуютъ. Русскимъ однимъ предоставлено дѣлать такія чудеса.

Ну братъ, у насъ въ домѣ революція, бѣганье, прыганье, радованье. Костя съ нами! Я не ждалъ его такъ скоро. Ночью будитъ меня Машенька. Что такое?—Пріѣхалъ К. А.—Гдѣ онъ?—Въ залѣ! Чуть было не побѣжалъ я къ нему въ рубашкѣ. Онъ выросъ, но мало; подурнѣлъ. Я думалъ, что задушитъ меня, цѣловавши. Загорѣлъ. Хотѣлъ я скрыть отъ Наташи его пріѣздъ, чтобы дать ей выспаться, было три часа утра; но она встала и тоже выбѣжала къ нему. Долго

мы не знали, что говорить; какъ много надобно распрашивать, такъ не знаешь съ чего начать. Все начиналось и оканчивалось словами: ну Костя, и цѣлованьями—да и баста. Ѣхали они и скоро, и хорошо. Преспасибо тебѣ и Серапину. Костю и Волчатъ[1]) дилижансы доставили до самыхъ ихъ жилищъ. Я не знаю, что надобно будетъ заплатить еще; писалъ къ Рубину, прося его прислать къ намъ кондуктора, коему жена хочетъ подарить за старанія его около Кости.

Я брился, входитъ со мною здороваться Лёлька, которой не велѣлъ я сказать о пріѣздѣ брата; только, увидя его неожиданно, она такъ изумилась, что стала въ пень; это было въ родѣ твоего сюрприза, помнишь въ Вѣнѣ, какъ я съ Гришею Гагаринымъ вдругъ тебя подхватилъ на улицѣ, а ты и не зналъ, что я пріѣхалъ. Надобно было дать ей воды, и она уже послѣ начала его обнимать и плакать. Катя просто обрадовалась, ибо знала о его пріѣздѣ; а Пашка, вообрази себѣ, ревнуетъ Костю и давеча расплакался, что меньше имъ занимаются, нежели пріѣзжимъ.

*

Москва, 8 Іюня 1829.

Кажется, и рано отправился я сегодня къ доброму Закревскому[2]), но нерано возвратился домой. На дачу явился въ $8\frac{1}{2}$ часовъ; сказали, что почиваетъ. Я пошелъ бродить по прекрасному саду: absolument Venise en jardins, все осмотрѣлъ и радъ, что послѣ декокта своего много походилъ. Бѣжитъ человѣкъ: пожалуйте къ генералу. Очень мы обрадовались другъ другу и нашли взаимно кое-какія перемѣны въ себѣ. Заставилъ меня еще попить чаю съ собою, и мы успѣли хорошенько наболтаться, а то послѣ явились губернаторъ и бездна народу. Закревскій все мнѣ самъ показалъ, даже таскалъ на кухню и въ винный погребъ; послѣ пошли въ садъ опять, онъ на Лидиномъ острову въ честь дочки посадилъ при мнѣ каштанъ, выкопалъ самъ яму и пр. Кажется, З. не хочетъ пить воды (впрочемъ, это не рѣшено еще), а только ванны принимать. Пробудетъ онъ здѣсь до 10 Іюля, а тамъ поѣдетъ ко времени ярмарки въ Макарьевъ, гдѣ наводненіями много надѣлано бѣдъ; послѣ опять будетъ сюда. Просилъ меня въ Среду обѣдать со всѣми своими en famille, никого не будетъ, кромѣ насъ; онъ выберетъ день, чтобы также у насъ поѣсть risi veneziani Метаксова стряпанья. Ну ужъ домъ, видъ, чистота, расположеніе, вкусъ, прелесть!! Послѣ подъѣхалъ и Сашка, который меня продержалъ еще лишній часъ. Явясь домой, нашелъ я человѣка С. А. Волковой; пожалуйте, дескать, ко мнѣ: сію минуту будетъ ко мнѣ Кур-

---

[1]) Т. е. сыновей А. А. Волкова.

[2]) Тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ.

батовъ*). Я тотчасъ Костю въ дрожки, да маршъ къ Волкову. Много я тутъ болталъ со старымъ товарищемъ, отъ коего много ожидаю добра, ибо правду говорить, Костя весьма малому научился въ хваленомъ Лицейскомъ пансіонѣ: сестры гораздо больше его знаютъ. Положено, что въ Понедѣльникъ повезу Костю къ Курбатову для маленькаго экзамена. К. рѣшитъ, въ какой онъ попадетъ классъ à peu près, и потому купимъ нужныя книги. К. даетъ мнѣ человѣка изъ Университета, съ коимъ Костя будетъ готовиться къ вторичному серьезному экзамену.

*

Москва, 12 Іюня 1829.

Бѣднаго Закревскаго очень душатъ визитами, и какъ онъ ни отдѣлывается словами—дѣла нѣтъ! Долженъ принимать тѣхъ, кои силою вламываются. Вчера Юсуповъ пріѣхалъ, вошелъ въ переднюю.—Дома нѣтъ генерала.—Ну я его буду дожидаться, пошелъ въ гостиную, да сѣлъ въ кресла. Что̀ тутъ дѣлать? Принужденъ былъ оставить прогулку свою въ саду и воротиться въ домъ, гдѣ, кромѣ Юсупова, ожидалъ хозяина и тесть мой со многими другими. Вообрази, что этотъ дуракъ, князь Щербатовъ, тоже вломился и часъ пробылъ. Закревскій не зналъ, какъ его сбыть, тѣмъ болѣе, что, не зная кто онъ таковъ, не зналъ, о чемъ и заговорить съ нимъ. Экой народъ! Я на мѣстѣ З. просто заперъ бы ворота. Какую же пользу принесетъ ему отпускъ этотъ, ежели онъ въ Москвѣ найдетъ тотъ же Петербургскій адъ, безпокойства, досады, хлопоты? Чѣмъ поправить здоровье, онъ болѣе разстроитъ оное. Съ 7 часовъ его уже тревожатъ. Ѣздить же самому положилъ онъ только къ самымъ близкимъ знакомымъ.

*

Москва, 13 Іюня 1829.

Малиновскій вѣрно у васъ будетъ, ибо намѣревается гостить у Аракчеева въ Грузинѣ. Мнѣ Богъ съ нимъ, дѣлай онъ себѣ, что̀ хочетъ, оставайся въ Архивѣ или нѣтъ. Я ничего желать не хочу; что̀ будетъ, то пусть и будетъ, а только желаю получить обѣщанное прибавленіе оклада при новыхъ штатахъ. Командовать не имѣю претензіи, къ почестямъ не жаденъ. Какъ ему не быть у тебя? Вѣрно явится со своею пріятною улыбкою.—Завидую вашему путешествію въ Кронштадтъ съ Чертковымъ, люблю поѣздки по водѣ, да и какая компанія еще! Вы Ив. Васильевича обворожили; онъ у васъ, какъ Ганибалъ въ Капуѣ. Вчера сидѣлъ я рядомъ съ Волковымъ въ театрѣ, все говорили о тебѣ, Ив. В. и Петербургѣ. Давали новую пьесу l'Ambassadeur; довольно неприлично видѣть, что посла гр. Аранду дурачитъ лакей, и

*) Директоръ Университетскаго благороднаго пансіона.

все тѣмъ и кончится que s. e. ne fait pas donner une volée de coups de bâton au laquai pour ne pas ébruiter l'affaire.

*

Москва, 15 Іюня 1829.

Возлѣ насъ домъ нѣкоего Сергѣева, который умеръ, вотъ почти 4 дня, и его все не хоронятъ и въ церковь не выносятъ; не понимаю, чего смотритъ полиція: у насъ такая вонь, что нельзя выйти на дворъ. Пошлю за комиссаромъ жаловаться.—Сегодня былъ Закревскій у водъ, только не пилъ, а такъ изъ любопытства хотѣлъ видѣть мѣсто и заведеніе. Я собираюсь къ нему съ Костею обѣдать. Хрущовъ сказывалъ, что у водъ только и рѣчи было, что о побѣдѣ нашей. Тесть мой списалъ письмо твое и, выпивъ только *одинъ* стаканъ, уѣхалъ благовѣстить по городу. Экая слабость!

Побѣда должна быть несомнѣнно. Княгиня Трубецкая сказывала, что съ оною отправленъ сынъ ея Дибичемъ къ Государю. Стало быть, Дибичъ дрался. Кого же оставилъ онъ передъ Силистріей? Говорятъ, что наши на плечахъ вошли въ Шумлу, пустою найденную*).

*

Москва, 15 Іюня 1829.

Стало быть писанное изъ Житомира было справедливо, а Закревскій въ томъ сомнѣвался. Вечеромъ поѣхалъ я къ нему, онъ былъ одинъ въ саду, я ему прочелъ, что ты пишешь. Скоро послѣ явился Меншиковъ также съ письмомъ Житомирскимъ, также узнать, правда ли это. Оба порадовались пораженію визиря, но оба говорили: дай Богъ мира! Il faudrait, dit Menchikoff, saisir aux cheveux l'occasion. C'est bon, lui répondis-je, mais malheureusement nous n'avons pas des moyens directes; il faut parler par des intermédiateurs, et ces intermédiateurs sont qui? les Anglais, les Autrichiens, qui vaillent les Turcs eux-mêmes. Оба они, не любя очень Дибича, отдаютъ ему однакоже справедливость. Мнѣ кажется, что, пользуясь отдаленіемъ визиря и изумленіемъ Турокъ, можно бы Шумлу, которая, сказываютъ, оставлена пуста, занять; но Меншиковъ думаетъ, что визирь туда таки ушелъ, особливо освободясь отъ всѣхъ тяжестей, съ одною отборною кавалеріей. Теперь извѣстія будутъ очень важны. Между тѣмъ просилъ я и М., и З. меня не называть.

---

*) Это была славная побѣда подъ Кулевчею, обезпечившая дальнѣйшіе успѣхи Русскаго оружія. Побѣдитель, Дибичъ, заступившій графа Витгенштейна въ главномъ начальствѣ надъ арміею, нарочно послалъ Витгенштейнова зятя, князя Петра Ивановича Трубецкаго, вѣстникомъ побѣды къ Государю, тогда находившемуся въ Варшавѣ, гдѣ произошло вѣнчаніе его короною Царства Польскаго.

Въ спискѣ, прибитомъ на Трехъ Горахъ *), 17 человѣкъ, коихъ всегда впускать безъ докладу и въ коемъ первый стоитъ Булгаковъ, также и Ив. В. Чертковъ, хотя его не было еще и въ Москвѣ. Теперь вѣрно будетъ часто пользоваться отличіемъ симъ.

Москва, 17 Іюня 1829.

Вчера вечеромъ былъ я у Закревскаго. Онъ, мнѣ кажется, поправляется въ здравіи; былъ онъ у водъ нашихъ, пить ихъ не будетъ, а только отвѣдывалъ нѣкоторыя. Многое онъ одобрилъ, но многое въ заведеніи заставитъ перемѣнить или улучшить, напр. галлерею надобно увеличить, болѣе приставить людей за наблюденіемъ одинаковой теплоты въ водахъ, истребить дурной запахъ въ нужныхъ мѣстахъ и пр. Закревскій началъ какое-то лѣченіе, состоящее въ томъ: ложиться на теплые березовые листья, обкладывать себя оными и сидѣть такъ нѣсколько времени; по утрамъ пьетъ онъ просто воду der drey Berge, сирѣчь Трехгорную воду, и это много ему приноситъ пользы; а по моему болѣе всего ему полезенъ покой, коимъ наслаждается, и движеніе: онъ почти цѣлый день въ саду. Вчера мы ловили рыбу и тебя вспоминали. Это по Константиновой части, сказалъ Закревскій обыкновеннымъ своимъ тономъ. На дняхъ ожидаетъ онъ сюда А. П. Ермолова.

Москва, 18 Іюня 1829.

Письмо отъ Норова отдалъ я лично брату его, но со всѣмъ тѣмъ, по предписанію твоему, взялъ съ него и расписку, которую прилагаю при семъ. Братъ былъ грустенъ и сказывалъ мнѣ, что Абрамъ прислалъ къ нему свое завѣщаніе; что, отправляясь въ море, боится умереть и своихъ уже не видать, а потому и изъявляетъ послѣднюю свою волю. Что это за ипохондрія? Впрочемъ, почему же и не сдѣлать завѣщаніе? Свѣчины были и помоложе, да вдругъ обѣ сестры въ одну недѣлю умерли. Наши больные не переводятся здѣсь, и корь, бывшая на маленькихъ, теперь пошла по большимъ: ею больны графъ Панинъ и двое братьевъ князья Салтыковы. Тесть труситъ, чтобы къ нему не пришла.—Не повѣришь, какая радость, какое торжество въ Кремлѣ, какъ всѣ усердно молились, какъ славно пушки палили! Пора было покончить Турокъ. Лѣто проходило, а только слышно было, что осаждаютъ Силистрію, а и взятіе Силистріи мало подвигало дѣло.

Москва, 19 Іюня 1829.

Весь вчерашній день провелъ я у Закревскаго. Обѣдало человѣкъ съ 30, какъ-то: Чертковъ, Волковъ, комендантъ, Озеровъ, Небольсинъ,

---

*) Т. е. на дачѣ графини Закревской, нынѣ принадлежащей Обществу Садоводства.

Болховской, Апушкинъ и всѣ habitués. Пили здоровье Лидиньки, поиграли кто во что гораздъ. Къ 7 часамъ стали съѣзжаться новыя лица, Софья Алекс. пріѣхала съ своими мамзелями. Наташа долго не являлась, то Закревскій отправилъ къ ней верхомъ курьера; не ѣхалъ еще тесть, кн. Ник. Ник. длинный, Обрѣзковъ нашъ и гр. Апраксинъ, Шишковъ Ал. Сем., Киселевъ, Муромцовъ, Ренкевичъ etc. Пили чай на Лидиномъ острову, потомъ пошли въ домъ, и начался балъ; двѣ мои, да двѣ Волковы только и были, а танцы не переставали. Ѣздили на иллюминованныхъ лодкахъ, объѣхали всѣ иллюминаціи, ужинали. Время было такъ хорошо, что мы изъ дому пошли пѣшкомъ до заставы. Славно повеселились, хозяинъ былъ очень милъ и веселъ, за всѣми ухаживалъ. Костя отличался за фруктами и еще больше за танцами. Сегодня только и разговора у дѣтей, что о вчерашнемъ веселіи. Закревскій читалъ Черткову письмо твое къ нему, которое отправилъ также на прочтеніе къ Меншикову, дабы отплатить ему за сообщеніе наградъ «Меркурію». Ежели ты не знаешь ихъ, то изволь-ка слушать. Адлербергъ извѣщаетъ Грейга, что Государь, отдавая должную похвалу подвигу геройскому брига Меркурія, жалуетъ Георгіевскій флагъ; всѣмъ офицерамъ чины; удвоенное ихъ жалованье обращается имъ всѣмъ въ пенсіонъ; всѣмъ Владимира 4-й съ бантомъ, а Прокофьеву, первому подавшему голосъ взорваться на воздухъ, 4-го Георгія; въ гербы всѣхъ офицеровъ внести пистолетъ, въ память, что они оружіемъ хотѣли купить славную себѣ смерть. Сладко слышать о такихъ наградахъ. Каково же награжденъ Казарскій! 1-е, чинъ капитана 2-го ранга; 2-е, въ флигель-адъютанты къ Его И. В—ву; 3-е, Георгіевскій крестъ 4-го класса; 4-е, двойной окладъ, обращенный въ пенсіонъ; 5-е, пистолетъ въ гербу. Забылъ я сказать, что пенсіонъ распространенъ на весь экипажъ, и матросамъ всѣмъ также Георгіевскіе кресты 5-го класса. Стало быть, вотъ какъ увѣковѣчена слава Казарскаго и собратій его. Не такъ-то поступилъ фрегатъ «Рафаилъ», сдавшійся Туркамъ безъ сопротивленій. Государь приказалъ, чтобы фрегатъ сей, когда возвратится въ Россію, былъ *преданъ огню*, а съ симъ и память его посрамленію, а экипажъ судить военнымъ судомъ.

*

Москва, 21 Іюня 1829.

Премилый старикъ этотъ Потоцкій! Я у него часа съ два просидѣлъ и не видалъ, какъ время прошло. Онъ велѣлъ тебѣ кланяться премного. Этотъ такой же обожатель твоей особы, какъ и Новосильцовъ, коего видѣлъ я вчера во Французскомъ спектаклѣ; онъ только что возвратился отъ васъ. Въ театрѣ подошелъ ко мнѣ молодой чело-

вѣкъ незнакомый и сталъ себя рекомендовать, говоря, что ѣздилъ къ тебѣ. Это Кривцовъ, что̀ при миссіи въ Римѣ [1]).

Закревскаго не видалъ я вчера, теперь поѣду къ нему. Къ нему пріѣхалъ въ гости А. П. Ермоловъ, однакоже живетъ не на Трехъ Горахъ, а въ городѣ у Воейкова. Я его еще не видалъ. Афросимовъ пишетъ мнѣ очень лаконически: «братъ твой не человѣкъ, а малина; прогулка по водѣ была не прогулка, а малина и пр.» Льву Алексѣевичу [2]) скажи мое почтеніе. Я имѣю письмо отъ Щербинина отъ 10-го; говоритъ, что Силистрія чуть держится и вѣрно уже въ рукахъ теперь Красовскаго.—Вчерашняя пьеса La mort de Calas, очень была трогательна и хорошо играна, всѣ плакали; только старикъ князь А. Б. Куракинъ, сидѣвшій въ ложѣ другого старичка Юсупова, спали, всякій на своей половинѣ. Сегодня тѣшу дѣтокъ своихъ: везу ихъ смотрѣть Обріеву Собаку.

*

Москва, 24 Іюня 1829.

Вотъ тебѣ на! Вчера получаю я письмо отъ Родофиникина, коимъ извѣщаетъ онъ меня, что я по высочайшей волѣ назначенъ для содѣйствія князю Дм. Влад. въ приличномъ пріемѣ и угощеніи ѣдущаго черезъ Москву въ Петербургъ Персидскаго посла Хозрева-Мирзы, при коемъ мнѣ и находиться въ бытность его здѣсь и пр. О семъ писано къ Малиновскому для объявленія мнѣ; но Родофиникинъ (спасибо ему), узнавъ, что нѣтъ Малиновскаго налицо, извѣщая меня о семъ, посылаетъ мнѣ копію съ того, что̀ писано М—му; стало быть и нѣтъ мнѣ нужды распечатывать пакета, который я въ цѣлости и отправлю къ г-ну сенатору. Я тотчасъ поѣхалъ къ князю Д. В. Онъ еще спалъ, (въ 10 часовъ!), я дождался, за то и впустили меня прежде оберъ-полицмейстера, и продержалъ онъ меня часъ, отдалъ мнѣ на домъ на прочтеніе всю экспедицію, полученную имъ отъ графа Нессельроде, и мы условились, что̀ дѣлать. Надобно думать о квартирѣ, столѣ, экипажѣ, церемоніалѣ въѣзда, чѣмъ и какъ его занять. Мы отправимъ кого-нибудь къ генералу Ренненкампфу, сопровождающему принца, и будемъ просить разныхъ поясненій. Князь просилъ меня сдѣлать проектъ, который мы вмѣстѣ прочтемъ. Онъ очень просилъ меня заняться этимъ дѣломъ. Я сдѣлаю все, что̀ въ моихъ силахъ, да надобно поторопиться: я чаю, принцъ уже около Воронежа. Не жду отъ Шаха Солнца и Льва *тысячъ во сто*, лишь бы начальству своему угодить. Вотъ тебѣ теперь и во̀ды, и подмосковная!

---

[1]) Позднѣе, попечитель Русскихъ художниковъ въ Италіи, женившійся на княжнѣ Елисаветѣ Николаевнѣ Репниной.

[2]) Перовскому?

Мы сегодня праздновали Аграфену Өедор. у Закревскаго. Онъ непремѣнно требовалъ, чтобы я привезъ Катеньку, не смѣлъ ослушаться; танцовали паръ въ восемь, и очень было весело.

Ермоловъ ѣдетъ завтра. Ты знаешь, что Закревскій сдѣлалъ на дачѣ прекрасные монументы князю Волконскому, покойному графу Каменскому и Ермолову. Когда онъ привелъ этого къ мѣсту монумента, то А. П., поцѣловавъ его, сказалъ: А. А., вы это себѣ поставили монументъ, а не мнѣ! — Какъ это? Почему? — Потому, отвѣчалъ Ермоловъ, что министръ, который дѣлаетъ монументъ человѣку, въ немилость впадшему, сооружаетъ тѣмъ монументъ себѣ самому, а не ему.

Дай-то Богъ, чтобы Силистрія сдалась. Ермоловъ очень хвалитъ маршъ и дѣйствія Дибича*). Я не военный, да мнѣ и не судить лучше этихъ господъ; но мнѣ кажется, что ежели бы Дибичъ, отдѣливъ мало войска Роту, даже бы пожертвовалъ имъ визирю, а самъ бы вдругъ со всѣми силами кинулся на Шумлу, почти пустою оставленную, и ею бы завладѣлъ, то послѣдствія были бы важнѣе, рѣшительнѣе. Кажется, занятіе Шумлы должно было предпочесть разбитію визиря; впрочемъ, намъ мудрено судить. Дибича не учить, чтò ему дѣлать!

Вотъ при семъ отвѣты мои на официальныя и партикулярныя письма Родофиникина. Посылаю для твоего свѣдѣнія подъ открытою печатью; прочитавъ, запечатай и доставь къ нему, а когда увидишь его, попроси, чтобы не оставилъ меня своими наставленіями. Отъ князя Д. В. нечего мнѣ ждать; онъ мнѣ сказалъ: Je m 'en repose entièrement sur vous. Vous avez la facilité de communiquer avec Nesselrode et le Collège des affaires étrangères. Прошу и тебя, чтò узнаешь нужнаго для меня по сему предмету мнѣ сообщать. Есть предписаніе секретное задержать подолѣе здѣсь этого принца; это очень легко можно сдѣлать, главное только il fausto ingresso, а тамъ une fois établi dans son hôtel, мы пожалуй годъ его продержимъ. Поѣду къ Меншикову; онъ въ тѣхъ мѣстахъ бывалъ, можетъ дать добрый совѣтъ, какъ лучше и приличнѣе дѣло сдѣлать. Графъ Нессельроде пишетъ о Петровскомъ дворцѣ; во-первыхъ, это за городомъ, да и сырая тюрьма, а не домъ. Графа Льва Кириловича Разумовскаго очень будетъ хорошъ.

*

Москва, 25 Іюня 1829.

Этотъ принцъ Персидскій мнѣ какъ снѣгъ на голову; ежели долго здѣсь пробудетъ, то нельзя мнѣ будетъ и въ деревню съѣздить, а хочется. Малиновскій и здѣсь странно поступилъ: мнѣ сдалъ письменно и официально Архивъ, а между тѣмъ велѣлъ всѣ пакеты, въ Архивъ

---

*) Прежде этого, когда наши военныя дѣйствія позамялись, А. П. Ермоловъ острилъ: „На двухъ Ванькахъ далеко не уѣдешь“ (въ Закавказьи начальствовалъ Иванъ-Паскевичъ, а въ Европейской Турціи Иванъ-Дибичъ).

поступающіе, отправлять къ нему въ Подмосковную, откуда не знаю когда къ вамъ отправится. Вчера видѣлъ я у Закревскаго Волконскаго маленькаго, пріѣхавшаго изъ Суханова и коего, по милости его усовъ, не узналъ; зоветъ 29-го къ теткѣ князя Петра Михайловича на праздникъ. Можетъ быть, и попаду туда.

*

Москва, 26 Іюня 1829.

Князь Д. В. одобрилъ всѣ бумаги и отправляетъ навстрѣчу къ принцу Хозреву Новосильцова, отъ коего надѣемся получить свѣдѣнія разныя. Не знаемъ мы совершенно, гдѣ путешествующій принцъ находится. Вчера множество обѣдало у князя, Закревскій былъ, графъ Строгоновъ.—Нѣтъ, Малиновскій къ вамъ еще не пустился, а въ подмосковной. Сенаторы на него бѣсятся: они прикованы, а онъ себѣ гуляетъ между Сенатомъ и Архивомъ и получаетъ звѣзды. Довольно странно, что онъ не просился у графа Нессельроде въ отпускъ; онъ, видно, почитаетъ это слишкомъ низкимъ для своего сенаторства; но товарищи его разсуждаютъ, что ежели онъ отпущенъ Сенатомъ, то пусть въ немъ и не присутствуетъ, а въ Архивѣ быть долженъ: служащіе въ Опекунскомъ Совѣтѣ сенаторы, когда Сенатомъ токмо отпущены, ѣздятъ въ Воспитательный Домъ или отпрашиваются; и тутъ также. Но Богъ съ нимъ совсѣмъ! Вчера на обѣдѣ Арсеньевъ разсказывалъ мнѣ славный отвѣтъ, сдѣланный кн. Е. П. Урусовой . . . . . . женѣ. Эта была въ Грузинѣ и пріѣхала этимъ хвастаться, говоря княгинѣ: вотъ иные подличали Аракчееву, когда онъ былъ въ силѣ, а теперь его заплевали, а мы теперь-то и стали навѣщать графа! — Да, отвѣчала княгиня, правда; всякаго есть разбора люди, иные и прежде подличали Аракчееву и теперь продолжаютъ ему подличать, а другіе ни прежде не подличали, ни теперь ему не подличаютъ.

*

Москва, 27 Іюня 1829.

Сегодня надобно мнѣ будетъ рыскать почти все утро по милости принца Персидскаго, быть въ домѣ Разумовскаго, гдѣ rendez-vous Сафонову для устроенія саду и многихъ работниковъ, потомъ быть у Четвертинскаго для экипажей, потомъ у коменданта да у Юсупова, потомъ ворочусь къ князю для окончанія отправленія Новосильцова по Тульскому тракту навстрѣчу принцу. Хорошо, что этого посылаютъ; онъ намъ, по крайней мѣрѣ, поразскажетъ, ибо до сихъ поръ мы совершенно ничего не знаемъ, даже, гдѣ теперь находится Персидская свита. Какъ было не взяться Нессельроду за это ранѣе? Обѣщаемаго имъ церемоніала мы вѣрно не дождемся, а потому и просилъ меня

князь составитъ церемоніалъ, основываясь на прежнихъ пріемахъ съ перемѣнами, подобающими Шахову внуку. По приказанію князеву пишу Родофиникину о деньгахъ; ничего не ассигновано, откуда получить ихъ. Вчера князь въ запискѣ своей, говоря кое о чемъ, что нужно для отправленія Новосильцова, прибавляетъ: le mieux serait que vous veniez passer la soirée chez moi, j'aurai des dames, et puis nous conférerions. Такъ и сдѣлалось. Я нашелъ тамъ много людей: всѣ Строгоновы, Нарышкины, Мятлевы, твоя Апраксина, что за толстымъ Голицынымъ (съ нею, съ Ричшею, Обрѣзковою, гр. Шереметевой досталось мнѣ въ вистъ играть), Фастъ, Апраксина, Ланская, Юсуповъ, Васильчиковъ, Хованскій (который взялъ съ меня слово ѣхать съ нимъ 29 въ Суханово), милый Потоцкій и много другихъ. Пѣли тутъ Цыганки, коихъ я ненавижу; но этотъ хоръ вещь особенная, нѣтъ визгу, крику, а онѣ поддѣлали все какъ-то на родъ Итальянскаго пѣнья хоромъ съ выходками соло. Есть тутъ одна малютка, у коей голосъ удивительный, небольшой, но нѣжный, пріятный, точно пѣночка поетъ, а не человѣкъ. Какъ всѣ разъѣхались, князь взялъ меня и Новосильцова въ кабинетъ, и тутъ потолковали мы еще съ полчаса о Персіи. Большая часть гостей были водопійцы, а потому все было кончено прежде 11-ти часовъ.

*

Москва, 28 Іюня 1829.

Съ завтрашняго дня станемъ уже устраивать домъ Разумовскаго*), 150 нагонимъ работниковъ. Я полагаю, что не нужно царское великолѣпіе. Все домъ этотъ покажется принцу дворцомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что видалъ на дорогѣ и даже у себя. Касательно денегъ буду писать завтра Родифиникину; я думаю, что не худо бы ему написать мнѣ и сказать, что вотъ столько-то назначается на издержки всѣ, а то князь Д. В. очень транжиритъ. Видѣлъ я у него Меншикова, который тебѣ кланяется. Счастье наше, что принцъ ѣдетъ тихо, въ иной день 40 верстъ, а никогда болѣе 60 и 70. По моему счету прежде 10-го Іюля сюда не будетъ. По этой суетѣ не вижу два дня Закревскаго; хотѣлъ обѣдать сегодня, но не успѣю. Завтра не могу ѣхать въ Суханово: поутру у насъ rendez-vous съ княземъ Д. В. въ домѣ Разумовскаго.

*

Москва, 29 Іюня 1829.

Вчера возился я какъ угорѣлая кошка цѣлый день, за то вечеромъ пріятно отдохнулъ у Закревскаго. Явясь къ нему въ 7 часовъ, нашелъ его одного и очень не въ духѣ. Что такое?—Пойдемъ, братъ

*) Это нынѣ домъ Англійскаго клуба, на Тверской, со *львами* на воротахъ; онъ построенъ до 1812 года графомъ *Львомъ* Кириловичемъ Разумовскимъ.

Александръ, ходить по саду, разогнать досаду. Гуляя вдвоемъ, разсказывалъ о Медико-хирургической Академіи, гдѣ былъ поутру и нашелъ величайшіе безпорядки. Подзывалъ меня Закревскій съ собою въ Суханово (ибо Хованскій раздумалъ туда ѣхать, званъ будучи здѣсь на какой-то обѣдъ), но увы, не могу: сегодня въ 12 часовъ долженъ я быть въ домѣ Разумовскаго, куда явится и князь Д. В., и губернаторъ, и Полпвановъ, и Сафоновъ, и Гедеоновъ для общаго обозрѣнія, что сдѣлать нужно въ домѣ; тотчасъ нагонимъ 200 работниковъ. Закревскій сегодня ночуетъ въ Сухановѣ, 30 онъ будетъ у Писарева по близости въ деревнѣ, 1-го Іюля въ свой подмосковной подъ Подольскомъ, 2-го вечеромъ здѣсь, а 3-го у меня обѣдаетъ запросто въ нашей семьѣ.

Меня очень позабавило письмо Малиновскаго, который меня *благодаритъ* за то, что я, не теряя времени, по *письму его* (его? а я прежде зналъ уже о томъ прямо отъ Родофиникина), тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ княземъ по данному мнѣ высочайшему препорученію. Напрасно трудился, господинъ сенаторъ; благоволеніе его мнѣ не нужно.

*

Москва, 1 Іюля 1829.

Въ соборѣ было молебствіе по случаю занятія Гейсмаромъ Рахова; день красный, стало быть и пріуготовленная на Тверскомъ бульварѣ иллюминація и гулянье удадутся. Вчера былъ я въ Сухановѣ, туда меня возилъ и оттуда привезъ князь Ник. Ник. Хованскій. Я вспомнилъ наше туда путешествіе неудачное, узналъ даже мѣсто, съ коего вернулись мы обратно въ Москву. Суханово прелестно! Всѣ сады на пригоркѣ, внизу много воды. Князь П. М. поставилъ два прекрасные монументы, одинъ покойному императору, другой императрицѣ Ел. Алекс.; домъ обширенъ, хорошо расположенъ, убранъ со вкусомъ. Наканунѣ множество было гостей изъ Москвы; большая часть разъѣхалась, однакоже мы нашли тамъ еще Закревскаго, Болговскаго, княгиню Черкасскую и много другихъ, такъ что за столомъ было насъ человѣкъ 25. Княгиня очень велѣла тебѣ кланяться и звать въ Суханово. Я вспомнилъ, что ты и ближе былъ, туда ѣхалъ, но не доѣхалъ. Есть тамъ три комнаты, расписанныя Барбіеромъ очень хорошо, одна Египетская, другая Турецкая, а третья Рыцарская, въ коей на потолкѣ нарисованы всѣ ордена, ленты и знаки, звѣзды, коихъ князь П. М. кавалеръ. Мнѣ Суханово очень полюбилось: мѣсто такое, что можно тутъ убухать, не увидишь какъ, полмилліона. Я люблю, что на покатѣ передъ домомъ зеленый лугъ. Я мучилъ княгиню, чтобы велѣла срубить деревьевъ съ дюжину, кои маскируютъ видъ: тогда бы видна бы-

ла съ дому вода внизу, но она не смѣла рѣшиться: жаль деревьевъ! Да помилуйте, это не кедры, не тополи, даже не дубы.

Домъ Разумовскаго кипитъ; штукатуры, столяры, драпировщики, живописцы, садовники, плотники, все это работаетъ тамъ. Я часа по два въ день тамъ бываю; время коротко, надобно спѣшить. Есть здѣсь у мѣнялы славный, большой портретъ Шаха; мнѣ хочется взять оный на прокатъ и сдѣлать galanterie принцу, повѣсить у него въ спальной дѣдушкинъ портретъ.

*

Москва, 2 Іюля 1829.

Насилу попалъ я въ Архивъ. Вотъ пять дней, что вожусь все въ домѣ Персидскомъ, гдѣ однакоже все идетъ скоро и хорошо. Меня, какъ мячикомъ, кидаетъ то къ Голицыну, то къ Долгорукову, то къ Четвертинскому, то къ Юсупову. Бѣда! Не повѣришь, что хлопотъ. Князевы чиновники, Кремлевскіе и Коммисіи строенія не подаются ни на что; имъ все кажется, что они будутъ работать, а насъ наградятъ. Народъ жадный, завистливый. На бѣду князь Д. В. ѣздилъ въ деревню, а Юсуповъ въ Архангельское. Экипажей нѣтъ придворныхъ. Долгоруковъ говоритъ, что и въ Варшаву должно было посылать на время коронаціи изъ Петербурга все это.

*

Москва, 5 Іюля 1829.

Ты видишь, каково мнѣ жить и сколько хлопотъ; надобно еще, чтобы я же писалъ князю всѣ бумаги. Онъ одобрилъ сочиненный мною церемоніалъ, однакоже посылаетъ прежде къ Нессельроду на утвержденіе pour ne faire ni trop, ni trop peu. Умно дѣлаетъ. А между тѣмъ мы еще напишемъ Родофиникину, чтобы ѣхали тише и ежели ужъ очень приспичитъ, то заставимъ его жить въ Коломенскомъ дворцѣ до полученія отвѣта отъ в.-канцлера и устроенія здѣсь всего, какъ надобно. Мы получили очень обстоятельныя и полезныя для насъ свѣдѣнія о принцѣ.

*

Москва, 6 Іюля 1829.

Вотъ тебѣ на! Кто бы думалъ, что Ольга Строгонова такая плутовка? Князя Д. В. это удивило, и онъ тотчасъ сказалъ: Je parie que c'est Fersen*) qui est le coupable. La chose aurait pu s'arranger, sans en venir à ces moyens, qui étaient inconnus dans notre famille; passe pour nous autres, mais cela affectera ma mère, enfin la chose est faite.

*

---

*) Графъ Ферзенъ (въ наши дни получившій извѣстность по дѣлу о кончинѣ егермейстера В. Я. Скарятина) женился на графинѣ Ольгѣ Павловнѣ Строгановой, родной племянницѣ князя Д. В. Голицына.

Москва, 8 Іюля 1829.

Новосильцовъ возвратился вчера, и черезъ него много мы узнали, что̀ знать было нужно; а писать было бы неловко, да и невозможно. Принцъ очень ему понравился, обласкалъ; онъ миловиденъ, живъ чрезвычайно, имѣетъ большую образованность и остроту, хотя и не говоритъ никакимъ языкомъ, кромѣ Персидскаго. Спросилъ тотчасъ, гдѣ Государь, скоро ли будетъ въ Петербургѣ, очень нетерпѣливъ быть въ Москвѣ, а мы этому-то и не рады; а нечего дѣлать, придется взять на себя учрежденіе пріема его здѣсь. Самъ удивляюсь, какъ все это такъ скоро мы устроили, а осталось еще много дѣлать. И у насъ завелся Персидскій комитетъ, собираться будемъ всякій день у князя Д. В.; тутъ Юсуповъ, комендантъ, оберъ-полицмейстеръ, губернаторъ, Новосильцовъ и я. Толкуемъ, устраиваемъ, какъ бы его позабавить въ теченіе цѣлаго мѣсяца.

У насъ давеча была пальба, молебствіе въ соборѣ за взятіе Силистріи. Знай нашихъ у нашего Красовскаго! Бездна была народу, et cela avait l'air fêté tout-à-fait. Много здѣсь говорятъ о вашемъ происшествіи, а нельзя не прикрасить; увѣряютъ, что графиня Строгонова, жалѣя о любовникахъ и зная упрямство матери, отказавшей Ферзену, подалась будто на увезеніе дочери своей. Экая ахинея! Что̀ ей было дѣлать, какъ не простить? Дѣло конченное, почему же Строгоновой не быть за Ферзеномъ? Тутъ нѣтъ неравенства большого, а больно, что благовоспитанная дѣвочка столь мало показала довѣренности и почтенія къ такой матери, какова графиня С. В. Здѣсь много бродируютъ исторію: увезъ-де ее и не Ферзенъ, а его пріятель Бреверпъ, а Ф. ждалъ ихъ гдѣ-то за Царскимъ Селомъ, гдѣ все было готово, попъ подкупленъ за 5000 р., ему показали будто позволеніе отъ начальства, а ей отъ родныхъ письменное, на свадебномъ ужинѣ было 20 офицеровъ и она одна дама etc. А все дѣло не похвальное. Моя Ольга умно разсудила. Кн. Нат. Ник. Голицына разсказывала при ней, что ея тетка Ольга Строгонова часто говорила: Ou Fersen, ou le cloître. Mais alors, dit notre Olga, pourquoi n'a-t-elle pas choisi le cloître plus tôt?

Я сегодня былъ на кладбищѣ въ Покровскомъ монастырѣ, пѣли панихиду по батюшкѣ. Строитель отецъ Іона старъ и хилъ становится, уже не служитъ. Монументъ цѣлъ и въ порядкѣ все*). Поплакалъ и какъ будто утѣшился, вспомня, что всѣми силами старался отца утѣшить и на женитьбу свою, не по строгоновски, имѣлъ его и бла-

*) Онъ и до сихъ поръ цѣлъ, но требуетъ подновленія.

гословеніе и согласіе. Обѣдали мы въ Останкинѣ у Чумаги въ томъ самомъ домѣ, что̀ ты занималъ.

Былъ я у кн. Катер. Алексѣевны Долгоруковой. Смерть мужа приняла она какъ должно съ прискорбіемъ, но безъ всякихъ женскихъ фиглярствъ; признавалась, что не можетъ не жалѣть о немъ, но что, не живши вмѣстѣ 17 лѣтъ, натурально отвыкла отъ него и что болѣе ее поразила смерть сестры (Орловой-Денисовой), нежели мужнина; благодаритъ тебя за участіе и проситъ не оставить сына ея etc. Я прочелъ ей все, что̀ ты пишешь о покойномъ князѣ. Elle m'a dit qu'ici on le ferait passer pour un richard, qui aurait laissé un million et demi de capital acquis en spéculant sur les rentes. Дѣло несбыточное.

Ну, братъ, задали же мнѣ комиссію! Сегодня Казанская, праздникъ въ Семердинѣ, а насъ нѣтъ тамъ, и Богъ знаетъ, буду ли въ деревнѣ этотъ годъ; хоть бы отправить своихъ туда, а то разореніе жить въ городѣ.

*

Москва, 12 Іюля 1829.

Я своихъ видѣлъ только во время обѣда, а то цѣлый день не было меня дома. Теперь, отдѣлавшись на Тверской, ѣхалъ домой отдыхать, вдругъ записка отъ оберъ-полицмейстера, что пріѣхалъ въ Москву принцъ Мухаммедъ-Мустафа; а такъ какъ я имѣю къ приставу его пакетъ отъ Родофиникина, то нечего дѣлать, поѣхалъ къ нему исполнить комиссію К. К.*) Какъ ты дѣлаешь, не понимаю, ибо моя теперешняя жизнь есть твоя всегдашняя; бывало, любилъ я спать до 10 часовъ, а теперь меня что-то такъ и пихаетъ вонъ изъ постели въ 6 часовъ. Охъ, радъ буду, когда все кончится; жена увѣряетъ, что я похудѣлъ, какъ бы послѣ болѣзни; да, безпокойство стоитъ болѣзни! Я исправно о всемъ увѣдомляю Родофиникина для передачи вице-канцлеру. Когда тебѣ буду писать завтра, право не знаю. У князя Д. В. репетиція поутру нашего кортежа.—Ну я очень радъ, что князь былъ доволенъ репетиціей нашего кортежа, да и подлинно все порядочно и хорошо. Теперь можетъ себѣ пріѣзжать принцъ. Можешь увѣрить К. К., что, право, мы не сыпемъ деньгами, а бережемъ, напротивъ, ихъ; но что̀ нынѣ 10 т. рублей? Домъ одинъ, т. е. наемъ стоитъ 2000 рубл. въ мѣсяцъ, всѣ экипажи около 7000 р., вотъ уже 9000 р. Такъ какъ 10-ю т. увернуться? Это можно только въ шутку сказать. Дай Богъ отдѣлаться 30 т.; увидятъ въ Петербургѣ, что̀ имъ станетъ это посольство, а у васъ еще готовъ Таврическій дворецъ, а здѣсь все надобно было убирать. Счеты покажутъ, что цѣны были всему умѣренныя. Я тебѣ признаюсь, что очень для меня эта комиссія непріят-

*) Родофиникина (директора Азіатскаго департамента) звали Константиномъ Константиновичемъ.

на; нашлись бы безъ меня охотники и сдѣлали бы хуже, а награжденіе все-таки бы схватили. Вотъ Сафоновъ толстый недоволенъ, что изъ ничего въ 8 лѣтъ выведенъ въ д. с. совѣтники княземъ Д. В., а за что? За то, что устроилъ бульвары. Посмотри, какъ теперь не станетъ требовать ленты, и дадутъ: вѣдь онъ жертвуетъ всѣми своими цвѣтами и фруктами для принца и славно все это размѣстилъ въ родѣ оранжереи, которая возлѣ комнаты, для принцева кабинета назначенной.

Князь просилъ 50 т., но я внушаю ассигновать 30 т. и сказать, чтобы сумму сію не превышали. Праздниковъ царскихъ не будетъ, да и на что? Такого молодого Азіатца всѣмъ можно занять и позабавить. * * * нельзя безъ подлости. Ну зачѣмъ ему, старику, таскаnье въ Коломенское на встрѣчу? Вѣдь онъ пятое, я чаю, лицо въ Имперіи.

*

Москва, 13 Іюля 1829.

Спасибо, право, этому милому Родофиникину, который прискакалъ къ намъ самъ курьеромъ изъ Подольска; меня ночью разбудили, и я ночью поѣхалъ въ трактиръ Шора, гдѣ длинную имѣлъ съ нимъ конференцію, а потомъ были мы вмѣстѣ очень долго у кн Д. В. Онъ всѣ наши мѣры здѣсь одобрилъ, видѣлъ домъ (распредѣлилъ, кому гдѣ жить), купилъ конфектъ у Гуа и зеркальце у Котельникова для принца, да для себя сигаръ, табаку, трубку дорожную и пустился въ путь обратный. Мы очень съ нимъ сдружились; онъ, кажется, прекрасный малый.

*

14 Іюля 1829.

Ты вѣрно не угадаешь, откуда тебѣ пишу теперь? Такъ лучше же тебѣ сказать: изъ Коломенскаго, гдѣ я въ первый разъ въ жизнь мою Что за прелестное мѣстоположеніе! Дѣды наши умѣли лучше насъ выбирать, гдѣ быть увеселительнымъ домамъ. Въ виду, подъ горою, Москва-рѣка, которая нигдѣ такъ широка, какъ здѣсь, престрашная равнина зеленая; вдали деревни, церкви, вправо садъ съ большими кедрами, а налѣво огромная Москва. Прекрасно! Я пріѣхалъ сюда въ 5 часовъ утра и завалился спать. Въ 7 часовъ будитъ меня Яшка. Я, испугавшись, встаю; думаю, что принцъ пріѣхалъ — принцъ, да не принцъ, а принцъ Юсуповъ; побранилъ Яшку за лишнее усердіе, а съ другой стороны хорошо, что разбудилъ, ибо вскорѣ послѣ того прибылъ фельдъегерь отъ Ренненкампфа, который меня извѣстилъ, что все устроено съ принцемъ по условію нашему. Я написалъ объ этомъ тотчасъ князю Д. В. и пошелъ къ Юсупову, съ коимъ болтать долженъ, а лучше было бы къ тебѣ пописать: ужъ нельзя будетъ и по-

думать брать перо въ руки. Около 12 часовъ явился и принцъ, коего принялъ я у выхода изъ коляски и сказалъ ему краткое, при семъ прилагаемое, привѣтствіе. Онъ очень терпѣливо выслушалъ и рѣчь, и переводъ Шаумбурга. Я вручилъ принцу переводъ оной на Персидскомъ языкѣ, онъ взялъ и благодарилъ меня; поговоривъ минуть съ пять, вошелъ на лѣстницу, идучи по ней спрашивалъ о Государѣ и гр. Нессельроде и изъявилъ большую благодарность за всѣ отличія, ему оказываемыя въ Россіи; съ Юсуповымъ былъ очень милъ, выговаривалъ ему, что онъ безпокоился пріѣхать въ Коломенское. Потомъ подали обѣдъ, къ коему пригласилъ князя, Рененкампфа и меня. Я сидѣлъ у него по правую, и мы ѣли взапуски пилавъ; только, братъ, не руками: онъ очень опрятно ѣстъ, да и все дѣлаетъ по европейски; вообще видно по словамъ его, что ему очень хочется быть образованнымъ. Стали подавать мороженое; я отказалъ, онъ мнѣ далъ свое, я сталъ ѣсть; поблагодаря потомъ, велѣлъ ему доложить, что прошу позволенія ѣхать напередъ, чтобы приготовить все у заставы; онъ отвѣчалъ: я жалѣю, что это лишитъ меня вашего общества, но извольте ѣхать. Это хоть бы Французу сказать.

Ты прочтешь всѣ подробности въ донесеніяхъ моихъ къ графу и К. К.; посылаю ихъ къ тебѣ открытыя, отошли запечатавъ. Ну, слава Богу, все славно устроено, мы довольны принцемъ, а онъ нами, а все-таки буду истинно радъ, когда онъ уѣдетъ. Хотѣлъ было продолжать, но мочи нѣтъ, былъ у него до 9 часовъ вечера, послѣ сѣлъ писать къ графу и къ К. К. Князь Д. В. своего письма не прислалъ; ежели завтра рано не получу, то отправлю обратно эстафету безъ его пакета, чтобы графъ на меня не разсердился; надобно бы сдѣлать статейку для журнала Петербургскаго Французскаго, но некогда.

*

Москва, 17 Іюля 1829.

Письменную часть князь Д. В. всю на меня взвалилъ. Отъ многихъ избавилъ я его хлопотъ; какъ поспѣвалъ вездѣ, самъ не знаю; Богъ помогъ. Я поднесъ принчику шахматы, коими онъ очень былъ доволенъ. Онъ очень милъ, и я тебѣ ручаюсь, ежели будетъ когда-нибудь царствовать, то будетъ Персидскимъ Петромъ Великимъ. У него удивительное стремленіе къ просвѣщенію и охота все знать. Вообрази, вчера не поѣхалъ въ театръ, а остался дома учиться по-французски. Скажите князю Голицыну, который мнѣ все совѣтуетъ учиться по-французски, что вы меня нашли съ учителемъ и граматикою Французскою въ рукахъ—вотъ его слова, какъ взошелъ я къ нему, чтобы сказать, что пора одѣваться. Куда мы поѣдемъ завтра?—Въ Университетъ,

в. в-во. Не повѣришь, какъ онъ этому обрадовался. Я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ черезъ Шаумбурга, который опишу въ другой разъ графу Нессельроду. У него на душѣ эти манускрипты, взятые въ Эрдебилѣ, и принцъ мнѣ сказалъ: ежели вашъ Государь изволитъ мнѣ испросить милость у него, то я буду его величество неотступно просить возвратить намъ эту библіотеку. Прочти мое донесеніе графу; ежели онъ меня двумя словами одобритъ, то буду продолжать писать; я дѣлаю это отъ усердія, не имѣя приказанія; могъ избавить себя труда этого: пишутъ Голицынъ и Ренненкампфъ, такъ мнѣ можно бы и не трудиться.

*

Москва, 17 Іюля 1829.

Скажу своему Хозревушкѣ о прибытіи государевомъ, онъ все спрашиваетъ. Итакъ довольно письма̀, а еще изъ собранія принесли 20 билетовъ на балъ Субботній для подписанія. Заставлю-ка Костю подписывать подъ свою руку. Кажется, можно простить обманъ въ этомъ случаѣ. Я, слава Богу, здоровъ, хотя почти не сплю. Я принцу сказалъ: Имшенъ-хунъ-хобедитъ (какъ вы почивали)? Онъ такъ удивился моей учености; но какъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ, что благодаритъ меня, я и сталъ втупикъ. Я положилъ всякій день выучивать одну фразу Персидскую.

*

Москва, 18 Іюля 1829.

Утромъ принцъ при мнѣ учился по-французски, читалъ очень изрядно и просилъ меня его поправлять, когда не такъ произносилъ. Вздыхаетъ по граматикѣ хорошей. Здѣсь не могъ я найти; сдѣлай милость, вели въ Петербургѣ поискать граматику Французскую съ Персидскимъ переводомъ; ежели не найдешь, то напиши тотчасъ въ Парижъ, чтобы скорѣе прислали, а также Vocabulaire Французскій съ Персидскимъ переводомъ. Ежели не застанетъ это все принца здѣсь, то хотя ты ему поднесешь въ Петербургѣ и сдѣлаешь ему этимъ безцѣнный подарокъ.

*

Москва, 19 Іюля 1829.

Письмо твое отъ 15 Іюля № 172 принесли мнѣ къ принцу въ то время, какъ поправлялъ я его Французское чтеніе. Я возвѣстилъ ему прибытіе императрицыно въ Петербургъ, чему очень онъ радовался, какъ знаку и его скораго отъѣзда въ Петербургъ. Онъ очень меня благодарилъ за труды мои. Я сказалъ, что это мой долгъ, но принцъ отвѣчалъ: Нимало! Я увѣренъ, что Государь не приказывалъ вамъ быть моимъ Французскимъ учителемъ. Онъ отпустилъ меня и пожалъ мнѣ руку, сказавъ очень хорошо: à revoir ce soir! Давеча принималъ

онъ князя А. Г. Щербатова, депутацію насъ трехъ старшихъ, звавшихъ его завтра на балъ въ собраніе. Ужо ѣдемъ на пруды и смотримъ пожарную команду. Князь Д. В. посылалъ меня къ Лазареву, но ни души нѣтъ, а хотятъ показать принцу Армянское училище завтра, но нельзя: принцъ не очень здоровъ и завтра приметъ слабительное, то до вечера уже не выѣдетъ. Я не понимаю, какъ придворные всю жизнь могутъ такъ хлопотать, какъ я теперь. Не взялъ бы миліона. Принцъ вчера въ театрѣ видѣлъ дѣтей въ ложѣ и сказалъ князю Д. В. (откровенно это, но и справедливо): je vois deux jolies demoiselles, les filles de notre général, просилъ видѣть ихъ поближе. Я ему ихъ представилъ при выходѣ изъ ложи, онъ Катю обласкалъ. Актеру, коего былъ бенефисъ, далъ онъ 50 р. Я было сказалъ, что 20 слишкомъ достаточно, но, узнавъ, что у него большая семья, принцъ далъ ему 50; тотъ былъ безъ ума отъ радости.

*

Москва, 20 Іюля 1829.

Досталось намъ всѣмъ вчера. Принцъ смотрѣлъ верхомъ вчера пожарную команду на Дѣвичьемъ полѣ, всѣ мы были также верхами; пошелъ дождь небольшой, но потомъ очень усилился, однакоже принцъ не обращалъ на это нимало вниманія, остался на конѣ до конца. Я по близости прискакалъ къ тестю и тутъ перемѣнился, ибо и рубашка была мокра; мундиръ, шляпу съ плюмажемъ хоть брось. Дамъ была бездна; я чаю, тысячъ на 10 перепортило одпихъ шляпокъ. Сегодня рано ѣздилъ я узнать о здоровьѣ е. в. Мирза Масудъ сказывалъ мнѣ, что принцъ смѣялся приключенію вчерашнему, долго болталъ не раздѣваясь, пилъ чай; что (видно, отъ движенія) горло, которое болѣло, прошло и что онъ, вѣроятно, не приметъ, какъ думали, лѣкарства сегодня. Когда я былъ, онъ еще почивалъ. Теперь опять съѣзжу, чтобы видѣть его лично.

Давеча сидѣлъ я долго у главнокомандующаго Персидскими регулярными войсками Эмира Низама; онъ очень принцемъ и всѣми уважаемъ. Добрый старикъ и держится Русскаго союза; Мирза Масудъ также хорошій человѣкъ; мы пили кофій и курили. Мирза Салè, который большой плутъ, просилъ очень меня кланяться Родофиникину отъ него. Докторъ Мирза Баба преданъ совершенно Англичанамъ и все отмалчивается; прочіе всѣ большая дрянь. Капитанъ Семино можетъ быть изъятъ, яко человѣкъ образованный и также Россіи преданный.

*

Москва, 21 Іюля 1829.

Вчера я опять давалъ принцу урокъ Французскій; ему очень это нравится, ибо я ему не повторю, какъ его учитель, который все говоритъ: bien! bien! Я прочелъ ему на одобреніе распредѣленіе недѣли будущей (въ коей не забыли, какъ увидишь, и Архивъ); онъ на все согласился, просилъ, чтобы я перевелъ ему это тутъ же при немъ по-французски; онъ читалъ довольно хорошо мою руку и продержалъ меня у себя до четырехъ часовъ. Къ вечеру былъ онъ въ собраніи и открылъ балъ самъ Польскимъ съ княгинею Татьяною Васильевной. Наши дамы всѣ бросились на хоры, однакоже и внизу было 1500 человѣкъ; кабы пріѣхали всѣ внизъ, еще было бы душнѣе, а то были наказаны, ибо въ верху такой былъ жаръ, что двухъ дамъ вывели оттуда безъ чувства. Принцъ любовался залѣ, но давалъ преимущество экзерциргаузу. Не могли мы (хотя и 12 старшинъ) отбивать толпу, которая все лѣзла на принца. Вчера принцъ вдругъ потребовалъ карету (довольно было рано, я еще не былъ у него) и поѣхалъ самъ собою къ матери несчастнаго Грибоѣдова[1]), у коей посидѣлъ съ полчаса и оставилъ ее очень утѣшенной визитомъ и всѣмъ, что̀ ей говорилъ. Cette démarche est très sage et lui fait honneur. Въ Понедѣльникъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ съ визитами къ Юсупову, Потоцкому, графу Строганову, князю Серг. Мих. Голицыну и къ Ртищеву[2]).

Князь Д. В. прекрасный человѣкъ, я не могу имъ нахвалиться; но, сказано между нами, надобно ему все намекать, и вся эта негоціація встрѣчи и церемоніала лежала на мнѣ, хотя въ донесеніи моемъ къ графу Нессельроду, которое я тебѣ сообщилъ, и отношу я все князю самому.

*

Москва, 22 Іюля 1829.

Получилъ Ренненкампфъ повелѣніе отправить тотчасъ въ Петербургъ Персидское посольство. И такъ валится съ меня обуза эта. Всѣ находятъ, что я ужасно похудѣлъ, авось либо теперь поправлюсь. Принцу не очень хочется ѣхать; но князь Д. В. ему растолковалъ, что надобно торопиться, что онъ этимъ докажетъ свое нетерпѣніе видѣть скорѣе Государя и желаніе исполнить скорѣе волю Е. И. В. Онъ все поджидалъ было извѣстій, денегъ, вещей отъ отца и дѣда своего, и кажется ему больно, что не можетъ здѣсь отдарить всѣхъ, какъ бы желалъ. Вчера у Юсупова былъ праздникъ въ родѣ того, что̀ давалъ онъ Прусскому королю; въ театрѣ перемѣнились только декораціи, обѣдъ былъ скучный, длинный и нехорошій. Звалъ онъ однихъ матадоровъ первыхъ классовъ, всѣхъ было гостей съ 40 человѣкъ, дамы ни одной.

---

[1]) Анастасьѣ Сергѣевнѣ (ум. 1834), ур. Грибоѣдовой же.

[2]) Николаю Ѳедоровичу (ум. 1834), бывшему главнокомандующему на Кавказѣ.

Москва, 22 Іюля 1829.

Ура! ура! ура! Поздравляю тебя со взятіемъ Эрзерума. Я пріѣзжаю къ своему принчику, въ эту самую минуту нахожу у Ренненкампфа гвардіи капитана Фелькерзама, прибывшаго сюда курьеромъ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ къ Государю съ извѣстіемъ о занятіи гр. Паскевичемъ 26-го Іюня Эрзерума по капитуляціи. Славная вѣсть! Фелькерзамъ былъ недолго у Ренненкампфа и спѣшитъ далѣе. Желаю быть первымъ возвѣщающимъ тебѣ эту великую новость. Отъ Воронцова также имѣю пріятныя извѣстія: Султанъ хочетъ мира, перемѣнилъ тонъ; но вѣрно, Воронцовъ пишетъ и тебѣ это.

*

Москва, 23 Іюля 1829.

Ай да Паскевичъ! Знаешь-ли, что̀ сказалъ мой принчикъ, какъ услышалъ объ этомъ? Паскевичъ такъ часто возвѣщаетъ побѣды, что ему надобно имѣть цѣлую роту курьеровъ около себя, чтобы ихъ отправлять къ Государю! Это очень и остро, и справедливо. Принцъ нашъ ѣдетъ. Такъ какъ Небольсинъ сдѣлалъ большія приготовленія для завтрашняго бала, то князь Дм. Вл. удерживаетъ принца до Пятницы, а то было положено было ѣхать завтра. Вотъ и конецъ моихъ хлопотъ! Вчера были мы на травлѣ, но не удалась: медвѣди слѣпые, хромые, измученные, олени, волки, кабанъ, быкъ, все, что̀ было возвѣщено, не хотѣли какъ-то драться между собою, а только бѣгали около амфитеатра, избѣгая другъ друга. Тутъ сѣли мы на коней и поѣхали къ Перовой рощѣ. На возвышеніи была палатка, гдѣ лакомились, а послѣ пили чай, гоняли зайцевъ. У меня, право, душа была не на мѣстѣ. Принцъ, увлекаемый охотою, скакалъ по лугу, наполненному кустарникомъ и пригорками, во весь духъ, опустя совершенно повода и стрѣляя съ лошади въ бѣгущаго зайца. Долго-ли тутъ до бѣды! Вѣрно было тутъ (хотя и за городомъ) тысячъ 20 зрителей. Всѣ любовались на него, но всѣ также боялись. Спасибо Четвертинскому*), что лошадь славную далъ и горячую, и вмѣстѣ съ тѣмъ смирную. Принцъ и въ зайцевъ, и въ птицъ послѣ стрѣлялъ пулями. День былъ безподобный, и картина эта полу-Европейская, полу-Азіатская хоть куда!

*

Москва, 24 Іюля 1829.

Извѣстія изъ обѣихъ армій хороши: въ одной мы на Балканѣ верхомъ, а въ другой заняли Эрзерумъ. Управляйся Махмудъ! Со всѣ-

*) Князь Борисъ Антоновичъ Святополкъ-Четвертинскій завѣдывалъ Московскимъ дворцовымъ конюшеннымъ дворомъ.

ми сими хлопотами и умнѣе тебя потеряли бы голову. Мой Хозревъ Аббасовичъ (какъ ты его первый назвалъ) сегодня на прощальномъ балѣ у Небольсина, а рано поутру отправляется къ вамъ. Праздникъ этотъ будетъ стоить губернатору 7000 р. Я думаю, что поѣду принца провожать до первой станціи. Вчера ѣхалъ онъ мимо нашего дома, перекланивался съ дѣтьми, а вечеромъ мнѣ сказалъ: «Я не зналъ, что вы тутъ живете, а то бы заѣхалъ къ вашей семьѣ и попросилъ-бы чашку чаю; я думалъ, что вы въ гостяхъ были у кого нибудь, и спросить было не у кого». Честь предложена, а убытку мы избавлены. Во Французскомъ театрѣ спросилъ онъ меня: où sont vos enfants? Но я сказалъ, что дома, старшая дочь будучи (будто) нездорова. Московскія дамы отличаются: захотѣлось ему покурить въ антрактахъ, отвели его въ маленькую особую комнату; вообрази, что туда силою ворвались дамы, да еще и мамзели, между прочими и дочери князя Александра . . . . . Ужасныя халды!

Я сію минуту изъ Черной Грязи, гдѣ опередилъ принца; но увы! его в-во такъ крѣпко започивалъ, что крики ямщиковъ его не разбудили. Я подходилъ два раза къ коляскѣ, трогалъ его за колѣно, но онъ спалъ какъ убитый, и понятно, ибо почти съ бала Небольсина пустился въ путь. Вечеромъ онъ ласково со мною прощался и, подаря мнѣ шаль бѣлую прекрасную, тысячи въ 3 или 4, сказавъ мнѣ, что я женатъ, что жена и дѣти могутъ носить ее въ память благодарности его за всѣ мои старанія около него. Принцъ подарилъ также двѣ шали князю Дм. Вл. и князю Юсупову одну. Въ домѣ всѣхъ прислужниковъ задарилъ, кому одинъ, кому два, кому по три червонца, также и солдатамъ.

*

Москва, 25 Іюля 1829.

На балѣ было принцу, кажется, весело; онъ танцовалъ съ Ал. Ал. Небольсиною и графинею Строгоновою (гр. Ал-ра женою). Какъ мнѣ надоѣлъ Щ. своими вопросами. Правда-ли, что *пинцъ* подарилъ тебѣ шаль? — Не правда! — Какъ-же мнѣ сказали? — Тебя надули, я шали не получалъ. Вотъ онъ и пошелъ всѣхъ разувѣрять, а тамъ вышло, что онъ вретъ, всѣ смѣяться надъ нимъ, а онъ опять съ допросами: да полно шутить, скажи правду. — Ну дали точно шаль, золотомъ шитую въ 30 т. піастровъ. — Много-ли это піастръ? — Всякій піастръ имѣетъ полтора червонца. — О братъ, да это что-то много выходитъ; ты опять не шутишь-ли? Чуть было не пошелъ спрашивать у принца самого; чего добраго, свяжись, поди съ дуракомъ. Два живописца вчера писали съ принца портретъ, одинъ знакомый тебѣ глухонѣмой На-

тровъ, и потрафили, хотя е. в. и несмирно сидѣлъ. Ему велѣли смотрѣть все на одну точку, то онъ меня поставилъ противъ себя, да надоѣло ему, такъ взялъ бумажку и карандашъ и началъ дѣлать мой портретъ. Я сказалъ, что ежели будетъ схожъ, то выпрошу, чтобы тебѣ или женѣ подарить; но принцъ показалъ свою работу только князю Д. В., сидѣвшему возлѣ него, и послѣ изорвалъ. Князь мнѣ сказалъ, что не мастеръ же принцъ рисовать. Я нахожу, что принцъ живая княгиня Софья Григорьевна Волконская, только съ черными Азіатскими глазами и густыми бровями. Ежели будутъ литографировать, какъ князю Д. В. хочется, то пришлю тебѣ.

*

Москва, 26 Іюля 1829.

Хозревъ Аббасовичъ уѣхалъ и оставилъ въ городѣ ужасную пустоту, а мнѣ пребольшой просторъ. Я его выпроводилъ въ Черную Грязь, и тамъ кончились мои похожденія съ Персіей. Не дали мнѣ писать: князь Д. В. прислалъ за мною говорить кое о чемъ. Я нашелъ его въ толпѣ просителей, эта процессія продолжалась часа полтора, прежде нежели могъ я къ нему перебраться въ кабинетъ. Ну, слава Богу, графъ доволенъ, а у князя Д. В. видѣлъ я все лица недовольныя. Сафоновъ требуетъ награжденія за свои труды, говоря, что Гедеонову Юсуповъ за менѣе, нежели это, выпросилъ большую Анну; жалуется, что принцъ ничего ему не подарилъ, тогда какъ онъ устроилъ оранжерею и пр. О народъ!—Спасибо за Арабскую граматику, т. е. лексиконъ, но это, кажется не то, а достань, пожалуй, изъ Парижа Grammaire française et persanne et Dictionnaire persan et français tous deux à l'usage des Persans qui voudrassent apprendre le français.

*

Москва, 29 Іюля 1829.

И не вѣрится: неужели могу спать, сколько хочу! Сегодня проспалъ я до 11 часовъ, всталъ бодръ и, чтобы еще быть бодрѣе, принимаюсь къ тебѣ писать. Моя кореспонденція не такъ идетъ, какъ бы должно, но все придетъ въ прежній порядокъ. Письмо графа Нессельроде очень меня утѣшило и успокоило; стало, труды мои не потеряны. Но такъ какъ многія твои письма еще безъ отвѣта до сихъ поръ, то надобно это очистить прежде всего.

Вотъ каково военное ремесло! Ну быть ли бы безъ того Паскевичевой статсъ-дамою? Конечно она многихъ обошла; напримѣръ и княгиню Соф. Григор. Записка графа Нессельроде къ тебѣ была мнѣ очень по душѣ, послѣ грянуло тотчасъ и письмо его. Ужо отправляю къ женѣ; пусть и она порадуется съ дѣтьми, что хоть не побранили.

Я имѣлъ случай дать загвоздку Гедеонову, который, не знаю въ насмѣшку-ли или отъ зависти и досады, сказалъ мнѣ: вотъ вамъ отъ принца будетъ орденъ большой Солнца, а изъ Петербурга Анна, на что я ему сказалъ: когда послужу столько, сколько вы, а теперь еще рано! А Гедеоновъ въ 9 лѣтъ вышелъ изъ маіоровъ въ дѣйств. ст. сов., получилъ ключъ и ленту, кромѣ перстней и пр. Какъ-то у васъ примутъ принчика, а я все думаю, что онъ будетъ вспоминать Москву: здѣсь онъ царствовалъ, все относилось къ нему, а въ Петербургѣ будетъ онъ пятое или десятое лице. А propos, осталась здѣсь въ домѣ шпага г. Маньяго, учителя Французскаго принцова; я тебѣ ее доставлю, а ты ему доставь. Я не Кутузову[1]), а самому Закревскому писалъ о паденіи его жены и именно, какъ ты говоришь, скрывая точную правду; сегодня же обрадую его извѣстіемъ, что она уже прокатывается. Ты видно не потерялъ свою страсть къ ловлямъ рыбнымъ. Смотри, не вытащи когда-нибудь кита! У меня слюньки текутъ отъ твоихъ разсказовъ о гуляньѣ, то-то бы потѣшился съ вами! Ты говоришь: продолжай писать, что̀ будетъ интереснаго (т. е. Нессельроду); только *не все*, прибавляешь ты; я не понимаю, что̀ это должно значить. Послѣ 17 я не писалъ графу, нечего было, а послалъ я ему журналъ принцевыхъ занятій и поѣздокъ. Въ деревнѣ составлю полное описаніе и тебѣ. Въ расписаніи моемъ и здѣсь было назначено смотрѣть шаръ, на коемъ должна была летѣть нѣкая г-жа Ильинская, но было отложено, и принцъ уѣхалъ, а конечно потѣшило бы это его. Здѣсь давно говорятъ объ отставкѣ Долгорукова А. А.[2]) Я читалъ устройство новое; мудрено, чтобы были охотники на его мѣсто. Министръ юстиціи око Государево, а ежели на око надобно очки, потому что оно худо видитъ, такъ лучше новое око взять; впрочемъ я сужу не какъ близорукій, а аки слѣпой. Дай Богъ, чтобы было правда, что твоему князю и Кутузову[3]) по 100 т.; оба хорошо употребятъ деньги, а у этого еще и семья большая. Принца моего князь Д. В. хотѣлъ удержать еще одну недѣлю, но Рененкампфъ настоялъ выѣхать скорѣе.—Не помню, писалъ ли я тебѣ, что Бобринскій вдовецъ сватался за Соковнину Софью. Это сдѣлалось вдругъ и наканунѣ выѣзда ихъ въ деревню, а потому Серг. Ѳед. вдругъ не рѣшился, а сказалъ, что желаетъ, чтобы молодые люди долѣе ознакомились; такъ и уѣхали. Бобринскій и мать его бываютъ у тестя, ласкаютъ всю семью. Иные говорятъ, что онъ видѣлъ Софью одинъ разъ и пораженъ былъ сходствомъ ея съ покойною его женою; другіе, что прельстился на богат-

---

[1]) Одному изъ чиновниковъ при Закревскомъ.

[2]) Князя Алексѣя Алексѣевича, министра юстиціи.

[3]) Петербургскому генералъ-губернатору?

ство ея; это, кажется, вздоръ: онъ самъ имѣетъ 13 т. душъ, то 70—80 т. дохода не могутъ его соблазнить. Онъ страненъ, т. е., между нами, просто глупъ; вдругъ надумалъ, какъ бы вдругъ и не раздумалъ, ежели Соковнинъ станетъ мѣшкать. Вчера была обвѣнчана дочь графа П. А. Толстаго съ Бахметевымъ, коему давалъ я письма въ чужіе края, а ты его знаешь, я чаю: малый обстоятельный и очень порядочный. Свадьба была въ Подмосковной у графа. Вчера уѣхалъ графъ Строгановъ, съ коимъ я очень сблизился здѣсь, а равно и съ графинею, да кн. П. Н. Хованскій пустился восвояси черезъ Калугу и Смоленскъ.

*

Москва, 30 Іюля 1829.

Юсуповъ дуется, что не ему, а князю Д. В. препоручено было угощеніе принца; сомнѣваюсь, чтобы онъ лучше все устроилъ нашего, а главное, что не имѣетъ повода представить къ чему-нибудь Гедеонова и другихъ своихъ угодниковъ.

*

Петелино, 2 Августа 1829.

Я думалъ сегодня быть въ Москвѣ и оттуда къ тебѣ писать, но какъ отказать доброму Фасту? Завтра его рожденіе, надобно провести день этотъ съ нимъ. То ли дѣло деревенское житье! Пью, ѣмъ, сплю славно, забылъ, что есть на свѣтѣ Тавризъ и Тегеранъ, а помню только Петербургъ и Семердино. И здѣсь я не совсѣмъ былъ празденъ: перебѣливалъ журналъ Хозрева Аббасовича на досугѣ. Гдѣ-то онъ теперь обрѣтается? Фасту и Наст. Ив. разсказываю Персидскія похожденія, а они слушаютъ это, какъ тысячу и одну ночь. Фастъ здѣсь какъ будто повеселѣе. На избушкѣ, выстроенной имъ въ рощѣ возлѣ саду, написалъ слѣдующее: здѣсь съ доброю женою и милыми малолѣтками можно наслаждаться жизнью и *не вздыхая*; а мы знаемъ, что это рѣдко съ нимъ бываетъ не вздыхать. Полно тебѣ писать, кричитъ Фастъ, пора обѣдать; экая страсть подъяческая, да развѣ ты не довольно написался въ Москвѣ?—Экой ты, Фастъ! Какъ же мнѣ не написать къ брату, когда есть оказія?

*

Москва, 6 Августа 1829.

Занимаетъ всѣхъ отставка министра Долгорукова, ибо отпускъ этотъ почитаю я прикрытою отставкою. Дашковъ большое беретъ на себя бремя и шагъ страшный! Князь А. А. имѣлъ товарища, а теперь выходитъ, что Дашковъ заключаетъ въ себѣ оба лица, министра и товарища.—Славны дѣла Забалканскія, одна фраза меня только поразила: сказано гдѣ-то о возможности имѣть хорошія зимнія квартиры. Развѣ Дибичъ не думаетъ кончить войну теперь? Но не наше дѣло разбирать это: кто умѣлъ шагнуть черезъ Дунай, а тамъ черезъ Бал-

каны, тотъ будетъ умѣть, смотря по надобности, остановиться въ Адріанополѣ или идти на Царьградъ. Говорили же: зачѣмъ Наполеонъ пошелъ на Москву и не остановился въ Смоленскѣ? Наше дѣло вотъ ѣхать въ соборъ да молиться за армію; дай Богъ ей все совершить благополучно! Экое событіе, ежели будемъ въ Царьградѣ! Я желаю это для славы царствованія Николая I-го. Въ любопытномъ живемъ мы времени. Возьми все, что было со времени революціи. Я было забылъ важное обстоятельство касательно библіотеки, взятой у Персіянъ; вчера написалъ я къ графу. Принцу очень хочется имѣть ее обратно, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ съ жаромъ, быть можетъ, что и не посмѣетъ сказать Государю, но все-таки хорошо предупредить Е. И. В., приготовить, какой ему угодно, отвѣтъ. Мнѣ казалось, что принцъ былъ даже сердитъ на Сухтелена за взятіе этого сокровища безъ особеннаго приказа. За граматику тебя очень благодарю заблаговременно и вѣрно ею очень угожу принцу. Ученье его страсть. Онъ имѣетъ какую-то важность, по которой никогда не изъявляетъ удивленія своего, но Петербургъ, дворъ и все это его вѣрно внутренно поразятъ. Понимаю, что ты предпочелъ Ламсдорфа Лавалеву балу, и я также бы поступилъ.

*

Москва, 8 Августа 1829.

Ежели я не пророкъ, то по крайней мѣрѣ угадчикъ. Въ одномъ изъ моихъ предыдущихъ писемъ я, говоря о дѣйствіяхъ Дибича, называю его Забалканскимъ, а теперь ты извѣщаешь меня, что Государь пожаловалъ ему сіе лестное громкое названіе; оно еще лестнѣе Задунайскаго. Кто Дунай не переходилъ? А перейти Балканы не партизански, но чтобы держаться съ цѣлою арміею, это подвигъ славный. Всѣ любуются здѣсь медали, выбитой для Забалканскаго въ Берлинѣ, особенно по ужасному сходству Государева изображенія. Куда любопытны будутъ теперь извѣстія! Только Одесское письмо меня огорчило: Щербининъ пишетъ мнѣ, что въ самомъ городѣ умерло двое отъ чумы, и что Воронцовъ взялъ самыя строгія мѣры; иначе и нельзя.

Здѣсь случилось трагическое происшествіе. Какой-то Іевлевъ, офицеръ, кажется, игралъ съ купцами и игроками и ихъ обыгралъ. Какъ стали расходиться (а дѣло было на постояломъ дворѣ), то двое оставшихся купцовъ, дабы отнять деньги, убили Іевлева, положили его на постель, заперли комнату внутри и выскочили въ открытое окошко, хотя и довольно было высоко. Чтобы дать подумать, что Іевлевъ сгорѣлъ во снѣ, они положили ему книгу въ руки, свѣчку уронили, такъ она зажгла постель; оставя все въ пламени, ушли. Поутру слышенъ смрадъ, сосѣди жалуются, хотятъ отворить комнату, заперта снутри.

Нечего дѣлать, какъ дверь ломать; видятъ пожаръ, несчастный тлѣлъ въ огнѣ, но раны доказывали, что онъ былъ убитъ. Злодѣйство столь глупо было обдумано, что Яковлевъ сыщикъ тотчасъ по горячимъ слѣдамъ пустился рыскать и нашелъ убійцу въ Марьиной рощѣ, пьющаго чай; вся эта компанія была взята подъ караулъ.

Ѣхавши мимо дому Бекетова на Тверской *), который ломаютъ и строятъ вновь, вижу много зрителей — что̀ такое? Копавши фундаментъ, множество выкапываютъ гробовъ съ тѣлами, а также и одни скелеты, черепа и пр. безъ гробовъ, вѣроятно уже сгнившихъ отъ времени; но удивительно то, что одно тѣло нашлось, какъ будто вчера только похороненное, волосы, борода, цѣлы даже части одежды. Это тотчасъ прибрали, а то съ нашимъ народомъ бѣда; одинъ бы сказалъ: это, знать, святой! Такъ и не уняли бы толпу. Надобно думать, что тутъ было нѣкогда кладбище.—Я былъ теперь у князя Д. В.; онъ показывалъ мнѣ письмо, которое получилъ отъ принца Хозрева изъ Новограда, самое милое, называетъ князя своимъ другомъ. Какъ-то у васъ все это обойдется?—Паскевичъ взялъ еще двѣ крѣпости по дорогѣ къ Трапезунду; говорятъ, это уже въ прибавленіи къ Тифлисскимъ Вѣдомостямъ. Il y a une émulation entre lui et le comte Transbalkanique.

*

Москва, 10 Августа 1829.

Родофиникинъ пишетъ мнѣ о встрѣчѣ, сдѣланной принцу. Ну вы чуть не перещеголяли и насъ. Также извѣщаетъ меня К. К., что е. в-во пробудетъ мѣсяцъ у васъ и что домъ Разумовской здѣсь надобно оставить in statu quo. Что-то въ цѣлости ли дошли портреты Персидскіе, кои я тебѣ послалъ? Здѣсь ихъ ужасно раскупаютъ. Я совѣтовалъ глухо-нѣмому послать къ вамъ экземпляровъ сто, вѣрно всѣ разберутъ; но онъ чурается, а это надобно дѣлать по горячимъ слѣдамъ.

*

Москва, 12 Августа 1829.

Надобно ѣхать на Колымажный дворъ. Ямщики меня было поддѣли на 1300 р., ссылаясь на Четвертинскаго, который въ деревнѣ, но я это вывелъ наружу. Никто вѣрить не хочетъ, что мы извернулись 30 тысячами: 8 каретъ, 7 дрожекъ, домъ нанять, убрать, отдѣлать садъ, оранжерею комнатную, освѣщеніе; однихъ лампъ, кромѣ свѣчей восковыхъ, горѣло по 127 въ день etc. Всѣ полагали, что станетъ тысячъ полтораста. Я было думалъ поквитаться всѣмъ послѣ отъѣзда принца, а и теперь покоя нѣтъ, и я здѣсь прикованъ; но я, право, не жалуюсь и не хвастаю; всѣ мнѣ отдаютъ справедливость здѣсь, и я доволенъ.

*

*) На углу Георгіевскаго переулка; позднѣе это былъ домъ Сушкина.

Москва, 13 Августа 1829.

Закревскій пріѣхалъ. Онъ ѣдетъ къ Троицѣ 15-го и будетъ у насъ сутки гостить въ Семердинѣ. Очень рады будемъ этому гостю. Вчера много собралось вечеромъ у Закревскаго (а я тамъ и обѣдалъ): Потоцкій, губернаторъ, Путята, комендантъ etc. Сказывалъ Закревскій, что А-й Орловъ отправился въ Одессу, а оттуда поѣдетъ въ Бургасъ съ ультиматумомъ Государя. Кажется, какъ Султану не одуматься!

*

Москва, 15 Августа 1829.

Вчера я просидѣлъ вечеромъ одинъ съ Закревскимъ, погуляли очень таки много по прекрасному его саду, пили чай и болтали. Онъ ѣдетъ въ свое Царево, оттуда ко мнѣ въ Семердино, гдѣ пробудетъ 21 и 22 числа, а тамъ сюда обратно. Я очень радъ этому гостю, но у меня не найдетъ онъ Трехгорнаго великолѣпія и затѣй. Разсказывалъ онъ мнѣ, какъ приняли его крестьяне его Пензенскіе и Нижегородскіе, хотѣли отпрячь лошадей и везти на себѣ двѣ версты, вотъ бы одолжили! Поднесли ему серебряное блюдо съ надписью, сдѣланное здѣсь на заказъ; онъ и за это ихъ пожурилъ, но отказать не могъ. При управленіи графа Ѳ. А. или жены его покойной имѣнье до того доходило, что въ опеку взять хотѣли, а теперь и мужики счастливы, и казна, и помѣщики недоимокъ не знаютъ.—Перемѣна министерства во Франціи очень мнѣ не нравится. Что̀ могло дать поводъ къ тому? Министры составили бюджетъ, все шло, кажется, хорошо; а Полиньякъ вѣрно наклонитъ дѣла на Англійскую сторону и не будетъ націи пріятенъ, а потому увидишь, что недолго подержится.

*

Москва, 17 Августа 1829.

Такая красавица, какъ Завадовская, и дикому можетъ внушать комплементы, не токмо такому умницѣ, каковъ мой принчикъ; только мнѣ обидно, что ты съ нимъ еще не познакомился короче. Онъ меня спрашивалъ, похожъ ли ты на меня? Я сказалъ, что нѣтъ. Онъ, видно, хотѣлъ тотчасъ тебя узнать въ толпѣ. Рѣчь его Государю очень хороша. Принцъ всегда и здѣсь зѣвалъ въ театрахъ, скучалъ по кальянѣ; это время самое курить, а въ театрѣ нельзя.

Читалъ мнѣ Закревскій приказъ о Ферзенѣ, который я сегодня получилъ отъ тебя. Онъ въ Свеаборгскій гарнизонъ; куда будетъ весело графинѣ Ольгѣ, послѣ Строгановскаго дворца, жить въ конуркѣ! Я думаю, скоро покажется у обоихъ разочарованіе и слѣдствіе онаго раскаяніе! *)

*

*) Графиня Ольга Павловна Строганова (ум. 1837) была первою супругою графа Павла Карловича Ферзена (это внукъ того, который взялъ въ плѣнъ Косцюшку).

Москвв, 19 Августа 1829.

Итакъ Завадовская поразила принца! Не мудрено. Я не помню, сообщилъ ли я тебѣ то, что онъ сказалъ гр. Потемкиной, нашей здѣшней красавицѣ, на балѣ у Небольсина. Какъ князь Д. В. представилъ ее принцу, то она ему сказала такимъ чистымъ Персидскимъ языкомъ: je me réjouis de voir v. alt. ici en bonne santé et de bonne humeur, что онъ остолбенѣлъ (а она нарочно вытвердила эту фразу для этого случая). Князь Д. В. сказалъ: Eh bien, mon prince, vous voilà bien étonné. Е. в-о, посмотря на графиню, отвѣчалъ тотчасъ: ce que je vois m'étonne beaucoup plus que ce que je viens d'entendre. Это хоть бы не Персидскому принцу, а Французскому.

*

Москва, 23 Августа 1829.

Вчера возвратился я сюда. Славно мы провели время. Ежели бы я звалъ Закревскаго къ себѣ, конечно бы онъ не отказалъ по дружбѣ своей быть къ намъ; но намъ было то еще пріятнѣе, что онъ, безъ всякаго зова, самъ къ намъ пріѣхалъ. Я 25 явился къ Троицѣ рано, отслушалъ обѣдню, скоро послѣ того пріѣхалъ и Закревскій; надобно было идти съ нимъ опять въ соборъ и отслушать молебенъ, потомъ сѣлъ я съ нимъ въ его коляску, а Кутузовъ въ мою, и мы отправились въ Семердино. Какъ узналъ исправникъ, не понимаю; но дѣло въ томъ, что дорогу сдѣлали гладкую, какъ полъ. Наташа съ дѣтьми встрѣтила насъ у воротъ, мы вышли изъ коляски и тотчасъ сѣли обѣдать, ибо былъ часъ пятый. Послѣ обѣда повелъ я Закревскаго въ рощу, показывалъ братнинъ мостъ и всѣ наши мнимыя достопамятности, но онъ хвалилъ очень и мѣстоположеніе, и гулянье наше. Пришедъ домой, доложили его высокопревосходительству, что мужики и бабы желаютъ поднести ему хлѣбъ-соль. Ну, пожалуй, зовите ихъ! Онъ сѣлъ на балконѣ. Являются жена, всѣ дѣти въ крестьянскомъ платьѣ. З. насилу ихъ узналъ, они пѣли ему куплеты на голосъ: ахъ по мосту, мосту, сочиненіе Кости, и очень изрядно. Пришлю тебѣ, теперь не имѣю копіи подъ рукою. Пашка вошелъ, поклонился З-му въ поясъ и подалъ ему стихи сіи. Очень было ему это пріятно; пили послѣ чай, дѣти поплясали, поужинали, легли спать. На другой день послѣ завтрака отправились мы опять черезъ Троицу въ Москву. Двѣ версты отъ Пушкина, въ деревнѣ Небольсиной, обѣдали мы у нея, а въ 8 часовъ вечера были здѣсь. Славно провели мы время и не разъ о тебѣ вспоминали.

*

Москва, 31 Августа 1829.

Мое предчувствіе меня не обмануло. Поздравляю тебя съ табакеркою, съ безцѣннымъ для Русскихъ именемъ; взглянулъ бы на нее, а тамъ обнялъ бы тебя. Стало, труды твои одобрены, а ихъ было немало. Нѣтъ сомнѣній, что комитетъ, въ коемъ князь почти главное дѣйствующее лицо, одобритъ всѣ ваши предположенія. Мы всѣ очень порадовались царской милости, тебѣ оказанной; жена и дѣти, даже и люди всѣ тебя поздравляютъ, а Пашка, видя, что такъ горячо о тебѣ говорятъ, сказалъ мнѣ также: Папа! папа! *Кланятись* дядинькѣ отъ меня.

Изъ арміи извѣстія хороши, но давно что-то нѣтъ ничего; всѣ ожидаютъ занятія Адріанополя. Дай Богъ мира, конечно; но я въ душѣ моей желаю, чтобы мы заняли Царьградъ, хоть на самое короткое время. Пусть скажетъ исторія: Александръ занялъ Парижъ, а Николай Царьградъ. Это будетъ важнѣйшее событіе. Иные говорятъ: а Англичане? Да какъ корабли могутъ помѣшать сухопутному войску занять эту столицу? Они могутъ сжечь флотъ нашъ, да и то Богъ знаетъ. Русскіе воспалены такимъ геройствомъ, что военные эти торговцы во всякомъ матросѣ нашемъ найдутъ Казарскаго. Да и къ чему повелъ бы такой Алжирскій поступокъ противъ насъ? Время такъ коротко и все такъ быстро идетъ, что Англичанамъ некогда рѣшиться на что-нибудь, инструкціи ожидать изъ Лондона долго, а нѣтъ у нихъ другого Нельсона, который взялъ бы на себя страшную отвѣтственность. Я думаю, что ничто и никто намъ не помѣшаетъ быть въ Царьградѣ, ежели подлинно Махмудъ горячится, т. е. дурачится и не подается ни на какія условія. Такъ 22-го [1]) не было почти ничего, но для насъ было все, что̀ мы бы желать могли; развѣ только зачѣмъ твоя табакерка не такой цѣны, какъ имѣлъ Ростопчинъ покойный отъ Австрійскаго императора, оцѣненная въ 75 т. р.?! [2])

Какъ я былъ пораженъ! Пріѣзжаю къ Потоцкому [3]), нахожу вмѣсто него доктора Іенихена и камердинера графскаго въ слезахъ. Что такое? Два̀ дня какъ графъ не говоритъ. Пошелъ я за ширмы, лежитъ точно мѐртвецъ, глаза кое-когда открываетъ, но меня не узналъ. Третьяго дня еще былъ онъ у Луниной, но не долго, не веселъ воротился домой, легъ, и камердинеръ говоритъ, что послѣ того не слыхалъ онъ уже его голоса; не вздыхаетъ, не жалуется, иной разъ кашляетъ, от-

---

[1]) 22 Августа—день коронованіи Николая Павловича.

[2]) Во время Суворовскаго Итальянскаго похода.

[3]) Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій (род. 1762), членъ Государственнаго Совѣта, попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

ворачивается, когда предлагаютъ ему лѣкарство. Надобно бы взять какія нибудь мѣры. За Шульгинымъ я послалъ. Въ ожиданіи его беру перо и здѣсь же, чтобы не терять напрасно время, пишу къ тебѣ за столомъ бѣднаго больного. Надобно бы подумать и о священникѣ и о вещахъ и деньгахъ, ежели есть. Іенихенъ говоритъ, что кризиса никакого ждать нельзя: il s'éteindra comme une chandelle, mais s'il devait même vivre quelque temps, son existence ne sera qu'un marasme. Жаль его очень. Я боюсь, что будущее мое письмо тебѣ возвѣститъ, что его не стало уже. Я опять къ нему вошелъ, и онъ кивнулъ мнѣ головою, какъ бы говоря bonjour, но ничего не сказалъ мнѣ, а видно, что узналъ меня. Онъ такъ слабъ, что не можетъ согнать мухъ, кои садятся ему на лицо, глаза тусклы, ротъ полуоткрытъ всегда. Мнѣ кажется, что надобно бы предупредить его сына. На столѣ нахожу зачатый имъ проектъ мемуара для графа Нессельроде о Турецкихъ дѣлахъ и особенно о Валахіи и Молдавіи. Онъ мнѣ объ этомъ говорилъ раза два и что хочетъ написать mémoire для графа; это послѣднія строки его пера. Я взялъ это и посылаю тебѣ, ибо увѣренъ, что продолженія не будетъ. Шульгинъ пріѣхалъ; я разобралъ при немъ бумаги и книжки, въ коихъ нашелъ билеты ломбардные и Коммерческаго Банка, суммою на 50 или 60 тысячъ, кромѣ наличныхъ денегъ, коихъ немного было, и мѣшокъ съ новыми цѣлковыми рублями; все это и письма, и бумаги я заперъ и запечаталъ. Полиціи (entre nous) это не очень было пріятно: она бы тутъ могла поживиться. Больно видѣть этакого богача, старика, знатнаго человѣка, умирающаго въ трактирѣ на чужихъ рукахъ! Его камердинеръ плачетъ; кажется, преданъ ему, 15 лѣтъ ему служитъ, не мудрено. Нашелъ я портреты графскіе гравированные, я себѣ одинъ присвоилъ и надѣюсь, что сынъ не посѣтуетъ на меня за это; за то сохранилъ я ему въ цѣлости всю часть наслѣдства, которая была здѣсь. За духовникомъ послалъ я, но его не дождался, боясь опоздать на почту; опять туда ѣду сію минуту. Въ случаѣ несчастья полагаю, что надобно бальзамировать тѣло, поставить, отпѣвъ, въ церковный погребъ, а тамъ сынъ рѣшитъ, гдѣ его похоронить, какъ знаетъ; можетъ быть, графъ желалъ быть положеннымъ въ Севериновкѣ или другомъ мѣстѣ. Все это меня очень перевернуло, но я радъ, что во́ время сюда пріѣхалъ, чтобы устроить все.

*

Москва, 2 Сентября 1829.

Бѣдный Потоцкій еще дышитъ, это все, что́ можно о немъ сказать; но между тѣмъ мы не упускаемъ ничего: всякій день три консиліума и дѣлается все, что́ можно; но тщетно. Глаза у него всегда

заперты со вчерашняго вечера. Вчера, видя, что онъ открылъ глаза и всматривался въ насъ, я велѣлъ его камердинеру сказать: Pan Leon przyechał и вдругъ вошелъ. Онъ на меня посмотрѣлъ, но безъ всякой радости или удивленія и впалъ опять въ прежнее положеніе. Le prêtre catholique, qui est un Polonais, lui a donné hier l'extrême onction. C'est bien malheureux que cette paralysie au cerveau soit venu tout d'un coup; il aurait pu, malgré son agonie, avoir la tête à lui et parler, et voilà bientôt trois jours qu'il existe sans aucune faculté mentale et ne vit que parce qu'il respire. Je ne puis le voir sans une extrême douleur et je viens trois ou quatre fois par jour chez lui. C'est de chez lui-même que je vous écris dans ce moment, pour ne pas perdre mon temps. Les médécins vont arriver tout à l'heure

Вчера уѣхалъ Закревскій въ 12 часовъ, а не въ одиннадцать, какъ было положено; онъ поджидалъ все мое письмо отъ тебя, чтобы узнать, нѣтъ ли чего новаго, особенно изъ арміи, какъ будто предчувствовалъ хорошія вѣсти. Такъ какъ Рушковскій всегда мѣшкаетъ, то я написалъ ему записку, что жду у Закревскаго твоего письма и прошу скорѣе прислать, но плутъ почтдиректоръ сдѣлалъ то, что́ я самъ бы сдѣлалъ, т. е. самъ явился на Три Горы съ лицомъ торжествующимъ. Что́ такое? Вы не знаете?—Нѣтъ!—Да что такое, Ив. Ал.?—А!!! Я вамъ не скажу, вотъ эфто-то, гдѣ Арсеній Андреевичъ?—Сейчасъ придетъ, да что́ такое?—Нѣтъ, дайте ему придти.—Я побѣжалъ за А. А., онъ былъ вверху, притащилъ его, и тогда Рушковскій возвѣстилъ намъ взятіе Адріанополя и подалъ прибавленіе къ Инвалиду, которое Закревскій прочелъ намъ вслухъ. Давайте Шампанское! закричалъ хозяинъ. Et où sont mes lettres?—Ha, je les ai envoyés chez vous.—Надобно было за ними посылать. Ай да наши! Одинъ беретъ второстольный городъ Эрзерумъ въ Азіи, а другой такой же въ Европѣ. Славная вѣсть. Что будетъ дѣлать визирь въ Шумлѣ, да и папъ султанъ въ Стамбулѣ? У Закревскаго былъ Чертковъ, просилъ отдать ему печатную реляцію. Ну какъ отдать? Отдалъ, а тесть будетъ бранить, что не ему.

Благодарю за доставленіе Рушковскому письма̀ и литографіи, желая, чтобы угодна была Наслѣднику и чтобы Зандрарту дали что-нибудь; а Рушковскому *двугривенный* на водку будетъ по обѣщанію.

Здѣсь есть письмо отъ Дибичева адъютанта князя Трубецкаго отъ 10 Августа; пишетъ, что наши въ лагерѣ около Адріанополя, что Дибичъ объявилъ, что Султану дается 8 дней сроку, чтобы *подписать* миръ, что послѣ сего пойдутъ войска на Царьградъ, а между тѣмъ

посланы приказанія сосредоточивать всѣ войска около Адріанополя. Есть еще извѣстія отъ Грековъ изъ Царьграда прямо, что Султанъ увезенъ на Англійскомъ кораблѣ; полагають, что онъ станетъ на якорѣ передъ сералемъ, боясь бунта и буйства черни.

*

Москва, 3 Сентября 1829.

Не стало бѣднаго Потоцкаго. Онъ скончался сегодня въ 6 часовъ съ половиною утра. Меня не разбудили, хотя камердинеръ его и присылалъ за мною. Машенька боялась Наташу испугать и хорошо сдѣлала: не все ли равно, я бы нашелъ того же мертвеца, только что дышащаго. Я пріѣхалъ въ 7 часовъ, онъ былъ еще тепелъ. Менѣе нежели въ полчаса нашло человѣкъ съ 20: оберъ-полицмейстеръ, полицмейстеръ Ровинскій, квартальные, медики, добросовѣстные, стряпчіе и пр. Больно было мнѣ видѣть эту картину, но нельзя было избѣжать формъ сихъ. Просилъ меня Шульгинъ взять на себя похороны, но я этого дѣла не мастеръ, кромѣ того комиссія сама по себѣ прискорбная; а упросилъ я Бранденбурга, тоже пріятеля покойнаго, взять на себя этотъ трудъ. Я настоялъ, чтобы тѣло было набальзамировано, только отпѣто и положено въ погребъ, а сынъ пусть рѣшитъ, куда везти тѣло и гдѣ предать землѣ; можетъ быть, захочетъ онъ и видѣть и поцѣловать останки отцовскіе, то найдетъ тѣло сбереженное, а здѣсь есть этого дѣла мастеръ по словамъ Лодера. Похороны, натурально, будутъ, какіе должно. Все описано и запечатано и сохранится до прибытія или приказанія графа Льва Север. Старикъ часто мнѣ говорилъ, что дорожитъ своимъ брегетомъ; то, боясь, чтобы не испортился, я взялъ его къ себѣ, сдѣлавъ въ журналѣ отмѣтку. Я перешлю тебѣ для доставленія молодому графу. Бѣлье и платье, которое также хотѣли запечатать, я совѣтовалъ отдать камердинеру на сбереженіе; карета и коляска также поставлены въ особенный сарай. Удивительно, что у столь богатаго человѣка нашлось наличными ассигнаціями и цѣлковыми новыми едва тысяча рублей; но правда и то, что онъ здѣсь со всѣми расплатился и сегодня именно собирался ѣхать въ Петербургъ... Богу угодно было, чтобы онъ отправился гораздо далѣе. Конечно, при его умѣренныхъ расходахъ, 1000 р. достаточно бы было для поѣздки въ Петербургъ. Brandenbourg avancera l'argent qui sera nécessaire pour l'enterrement, embaumement etc. Il faudra prévenir de tout cela le comte Léon. J'ai trouvé sur la table du défunt deux lettres commencées, l'une pour le comte Nesselrode probablement et l'autre pour Woronzow. Voici la première, j'enverrai l'autre à Odessa. On voit que jusqu'au dernier moment le comte s'est occupé de ses affaires

et de celles de l'état. Je ne sais pas s'il était religieux et quelles étaient ses opinions, mais je vous dirai en secrèt que quand le prètre est venu chez lui et lui a présenté la croix à baiser, il l'a repoussé de la main, en disant:.. do wchystkych diablow!

Je suis très fâché que Sologoub (qui était venu voir le malade) ait été témoin de cette scène: il pourrait ne pas être aussi discret que moi, et ce serait une tâche éternelle pour la mémoire du défunt. Plus tard, quand il était plus mal, je reviens à la charge avec le prêtre, le moribond exprimait le même refus par des mouvement de tête sans parler. Les mots blasphématoires qu'il a dit au prêtre furent malheureusement les derniers qu'il prononça. Je lui ai moi-même appliqué le crucifix à la bouche en le priant de le baiser, il refusait de le faire; mais alors il me semble qu'il n'en avait plus la force et la tète était tout-à-fait embarrassée. Une chose surprenante, c'est que quand on lui présentait la médécine à la bouche, il la fermait en secouant de la tête et la détournait ayant les yeux toujours fermés; quand on lui versait du bouillon dans la bouche, il laissait faire: il pouvait donc distinguer les deux choses! A onze heures du soir je l'ai vu encore lever une main et la porter à sa tête; le mouvement pouvait être convulsif, mais il prouvait que le siège du mal était dans le cerveau: un malade veut toujours toucher la partie ducorps affectée. Les médécins ont déclaré qu'avec une vie règlée il aurait vécu plus de 100 ans. Нельзя не соболѣзновать душевно о концѣ сего человѣка. Одно видѣть людей въ обществѣ, а другое, когда они умираютъ. Боже сохрани всякаго такого конца! Для публики все соблюдено, священникъ былъ, масломъ пособоровали, а впрочемъ о совѣсти своей пусть самъ Богу отчетъ отдастъ; онъ теперь тамъ. Я говорилъ съ камердинеромъ; онъ сказывалъ, что покойникъ соблюдалъ обязанности христіанина; ежели дѣлалъ это и безъ внутренняго убѣжденія, то зачѣмъ перемѣнить поведеніе при концѣ и въ столь важную минуту? Я право уже думаю, что умъ его помрачился; la chose est très possible avec un cerveau paralysé. Жаль, что онъ не пожилъ еще недѣлю. Воронцовъ даетъ мнѣ къ нему разныя пріятныя коммиссіи, да и взятіе Адріанополя его бы порадовало; онъ все добивался: Serons nous à Adrianopole, Dibitch y ira-t-il?

Костю отдалъ я вчера въ Пансіонъ, удержалъ слезы свои, чтобы его не растрогать, а жаль было смотрѣть на него: изъ отцовскаго дому вдругъ окруженъ все чужими, да и незнакомыми вовсе. Первые дни будетъ тяжело, послѣ привыкнетъ; пусть утѣшается мыслію, что все-таки въ одномъ городѣ съ нами.

*

Москва, 4 Сентября 1829.

Хотя я и отказался отъ устройства похоронъ Потоцкаго, но меня все-таки тормошатъ и спрашиваютъ о всякой бездѣлицѣ. Надобно было заѣхать въ домъ Разумовской, время идетъ къ топкѣ; какъ велѣлъ попробовать истопить, вышло, что печи худы, дымятъ, надобно тотчасъ приступить къ починкѣ, это можетъ взять много времени. Вчера проѣхалъ на 16 тройкахъ обозъ изъ Персіи, везущій подарки нашему двору. Приставъ сказывалъ, что Шахъ въ восхищеніи отъ пріема, сдѣланнаго внуку его въ Москвѣ; говорятъ также, что шлетъ 80 орденскихъ знаковъ для Русскихъ.

*

Москва, 6 Сентября 1829.

Потоцкаго отпѣваніе будетъ во Вторникъ только. Всѣ эти дни будутъ возиться съ тѣломъ его, которое вчера было разрѣзано. Ты поймешь, что я долго не могъ присутствовать при этой операціи, а Фастъ тотчасъ выбѣжалъ вонъ и не могъ справиться цѣлый день. У покойнаго нашли воду въ головѣ, а въ пузырѣ два небольшіе камня, сердце сохранено въ особенную урну хрустальную. Я настоялъ, чтобы приглашенія на печальную церемонію были (за отсутствіемъ близкихъ родственниковъ) отъ князя Дмитрія Владимировича и чтобы всѣ особы первыхъ пяти классовъ, знакомые или нѣтъ, были приглашены. Симъ окажется уваженіе къ памяти покойника, и кто не поѣдетъ для умершаго, тотъ поѣдетъ для приглашающаго. Воронцовъ пишетъ мнѣ и даетъ разныя коммиссіи къ Потоцкому и кои были бы ему пріятны. Жаль, что старикъ не пожилъ еще. Армейскія извѣстія также были бы ему очень пріятны. На все власть Божія!

Вчера былъ я въ нашемъ Персидскомъ дворцѣ; все тамъ исправно, принялись теперь за печи. Приставъ, провожавшій подарки Шаха къ нашему Государю, былъ въ домѣ и дивился его великолѣпію и вкусу. Соврали: не 16, а пять подводъ везутся въ Петербургъ; подарки очень богаты; оныхъ, сказываютъ, на милліонъ 300 тысячъ и 80 орденовъ, кои Хозревъ долженъ раздать съ согласія нашего Государя. Хоть бы принчикъ далъ мнѣ звѣзду милліона въ два, не худо бы было, впрочемъ можно и на половинѣ помириться; однакоже, шутки въ сторону, обидно будетъ, ежели дастъ маленькій крестъ, который на его докторѣ и на многихъ поручикахъ.

Греки здѣсь ужасно раззадорились. Въ кофейныхъ домахъ пируютъ, цѣлуются съ проходящими, увѣряя, что Царьградъ занятъ нашими и что Дибичъ послалъ отрядъ взять Іерусалимъ, буде султанъ

не подпишетъ тотчасъ миръ и не обратитъ Св. Софію въ православный храмъ. Вотъ у насъ какъ! Знай нашихъ Грековъ!

Письмо отъ Жуковскаго; спасибо ему, что комиссію мою исполнилъ; требуетъ отъ меня, что́ прислать Линдроту, перстень или часы; всего лучше узнать отъ самого литографа это, къ коему теперь я ѣду. То-то мо́й Нѣмецъ обрадуется! Можетъ быть, и принчикъ подаритъ ему что-нибудь, но Рененкампфъ не такъ любезенъ, какъ Пѣвѐцъ во станѣ... не отвѣчалъ мнѣ на два письма мои. Я очень смѣялся письму Жуковскаго; онъ говоритъ: «Я не могъ смотрѣть на твою вызолоченную фигуру безъ нѣжности и симпатическаго колыханія.»

Въ Инвалидѣ нашелъ я свѣжія извѣстія изъ арміи. Вообрази, что Греки даже третьяго дня знали о взятіи Бургаса, и вышло правда. Какъ бы не подтвердилось и взятіе Царьграда; но быть не можетъ, и отправленіемъ отъ Султана чиновниковъ къ гр. Дибичу для мира остановится стремленіе арміи къ общей нашей съ тобою родинѣ. Султану только и остается спасать, что́ Царьградъ. Охъ жаль, жаль, ежели не будутъ наши въ Стамбулѣ. Меня это даже огорчаетъ! Что́ бы Султану еще недѣлю поупрямиться?

*

Москва, 7 Сентября 1829.

Каковъ же мой Хозревъ, славные даетъ обѣды, а все это мое воспитаніе. Я пишу это и Жуковскому шутя и говорю, чтобы берегся, чтобы слава обо мнѣ не провела меня на мѣста Жуковскаго и Мердера.

*

Москва, 9 Сентября 1829.

Костя у насъ погостилъ Субботу и Воскресенье, а сегодня отвезъ я его самъ въ пансіонъ; плохо еще привыкаетъ, здѣсь потяжеле Царскаго Села: тамъ было семь часовъ ученья и пять отдыха, а здѣсь 10 часовъ ученья и два отдыха. Вообще здѣсь больше строгости, нежели тамъ, и надзоръ лучше. У насъ сломали полы, и вообрази, что подъ гостиною нашли мертвую собаку; понять нельзя, какъ она туда зайти могла, ни ходу, ни оконъ, отдушинъ нѣтъ. Удивительно, какъ не было запаху, но это вѣрно бы показалось со временемъ. Куда бы скучно было зимою ломать полы. Твой флигелекъ хоть куда. Право, пріѣзжайте сюда праздновать миръ. Я имѣю отъ Щербинина извѣстія очень свѣжія о Царьградѣ. Махмудъ не такъ-то глупъ полагаться на великодушіе нашего Государя, онъ отомщаетъ надъ своими подданными за побѣды Русскихъ, начались опять казни въ Царьградѣ. Какъ бы не дошло до христіанъ?

Всеволожскій Никита, что женатъ на Хованской, пресмѣшной и пріятной для общества, славно играетъ комедію. Онъ подарилъ Наташѣ свой портретъ, сдѣланный глухо-нѣмымъ и очень похожій.

*

Москва, 10 Сентября 1829.

Съ Потоцкаго церемоніи возвращаюсь сію минуту. Почти три часа. Спасибо почтальону, что дождался меня съ письмомъ твоимъ отъ 6-го. Ему вручаю сіи строки, авось либо Рушковскій почты не отправилъ еще. Хорошо, что послушалъ меня князь Дм. Вл. и звалъ самъ; на его зовъ явилось много сенаторовъ, генераловъ, комендантъ, оберъ-полицмейстеръ и пр. были тутъ. Князь Дм. Вл. не только пріѣхалъ, но и провожалъ тѣло, посадилъ меня съ собою въ карету свою, и мы все болтали, comme de raison, о Турецкой войнѣ. Катафалкъ былъ нарядный, подушки съ орденами несли сенатскіе чиновники, за колесницею съ гробомъ ѣхала карета покойнаго цугомъ и обитая чернымъ сукномъ, на улицахъ и у оконъ было множество народа. Я возвратился оттуда съ Фастомъ. Après la messe de l'office de mort le corps a été déposé dans un autre cercueil de plomb et placé dans le caveau, où il restera jusqu'à la décision de c-te Leon. Tout a été-trés-bien pour une église aussi pauvre. Il faudra que le comte Leon fasse quelque chose pour cette petite paroisse. Ce sera un souvenir éternel qu'il laissera en vénération de la mémoire de son père.

*

Москва, 11 Сентября 1829.

Движеніе къ Родосту иной цѣли имѣть не могло, какъ занятіе Дарданелей; это было бы великое дѣло, ключъ Турціи: тогда Махмудъ былъ бы точно какъ камергеръ безъ ключа. У меня такая мысль: ежели бы положено было напр. 200 т. милліоновъ взять съ Султана, я бы 50 м. ему уступилъ съ тѣмъ, что ты построй себѣ мечеть, пожалуй, великолѣпнѣе Софійскаго собора, а этотъ обратить въ православный соборъ попрежнему; пусть сіи два собора остаются памятникомъ этой войны, пусть напоминаютъ, что надобно жить въ ладу и сохранять вѣчный миръ. Султанъ прогуливается съ Магометовымъ знаменемъ, но Турки, кажется, равнодушны къ прогулкамъ его. Война эта не будетъ никогда національною, какъ у насъ или въ Гишпаніи. Богъ всегда за правое дѣло.—О флигель-адъютантѣ Урусовѣ слышалъ я вчера отъ отца самого на похоронахъ Потоцкаго. Онъ, кажется, очень радъ этому.

Да, конечно! Меншиково выздоровленіе есть вещь весьма удивительная: быть раненu ядромъ и не умереть! Рушковскій что-то нездоровъ. Хотѣлъ ванную взять сегодня. Мнѣ кажется, что свадьба Боб-

ринскаго съ Соковниной что-то холодаетъ; какъ полуженихъ, онъ странно себя ведетъ, еще намедни замѣшался въ какую-то исторію въ театрѣ; говорятъ (ибо меня не было въ театрѣ), что онъ и Потемкинъ пріѣхали въ театръ пьяные, сидѣли въ шляпахъ, кидали яблоки въ разныя стороны, даже на сцену. Странную ведетъ онъ вообще жизнь, всякій день обѣдаетъ въ трактирѣ у Яра, а вечеромъ въ клобѣ или театрѣ; нигдѣ болѣе его не видать.

*

Семердино, 15 Сентября 1829.

Жаль, что Султанъ дурачится и казнитъ немилосердно, во первыхъ по человѣчеству, а потомъ, ежели будетъ такъ продолжать, такъ чтобы не озлобилъ народъ до того, что и его самого удавятъ. Страшно подумать, какая бы вышла тогда каша между Европейскими державами, не могли бы ни въ чемъ согласиться; и для того, какъ Русскій, желаю, чтобы мы заняли скорѣе Царьградъ и особенно Дарданеллы, тогда нашъ голосъ будетъ первый. Но Дибичъ столько покозалъ рѣшимости, осторожности и ума, что и тутъ устроитъ все къ лучшему.

*

Семердино, 20 Сентября 1829.

Ѣхалъ я обѣдать къ Брокеру вчера на бѣговыхъ дрожкахъ; на дорогѣ встрѣчаю дворника Сергѣя, ѣдущаго съ письмомъ изъ Москвы. Стой! Давай письмо. Одолѣло нетерпѣніе: распечатываю пакеты, первый, comme de raison, Рушковскаго. Il était écrit là haut, говоритъ онъ, que c'est moi qui devait vous annoncer la paix, Odessa l'a déjà célébré etc. Умѣря свое нетерпѣніе радостными сими строками и продолжая свое путешествіе, спросилъ у Сергѣя, что̀ новаго въ Москвѣ? Да что̀ батюшка, миръ съ Туркою! — Врешь? — Право-съ, всѣ такъ говорятъ, въ Москвѣ такая радость! На почтовомъ дворѣ такъ сказывали, что нашимъ достанется 1000 кораблей золота, да 1000 кораблей серебра. Excusez du peu. Ну, братъ, славное извѣстіе! Миру какому быть, ежели не такому славному, какъ и сама кампанія. Миръ на барабанѣ и гдѣ — въ Адріанополѣ! Замѣть число *2-е Сентября*, день памятный для Москвичей, особенно для меня, бывшаго въ полону: 2 Сентября вступили Французы въ Москву, и странно то, что и теперь, послѣ 17 лѣтъ, 2 Сентября выпадаетъ опять на Понедѣльникъ, какъ въ 12-мъ году; тогда нашу брали столицу древнюю, а теперь мы въ древней столицѣ Турецкой славный заключаемъ миръ. Ура! Зачѣмъ не видятъ это Екатерина II, Потемкинъ, батюшка? А можетъ быть и глядятъ и радуются. Кондиціи можно предугадывать. Вотъ мой миръ: Греки независимы, Босфоръ свободный для всѣхъ флотовъ (Европа, падай къ ногамъ Ни-

колая!), Анапа, Поти, Ахалцыхъ наши, въ Европѣ граница — теченіе Дуная съ островами, 200 милліоновъ вознагражденія за убытки войны, Варна наша до исполненія трактата; послѣ этого можемъ гарантировать цѣлость Турецкихъ владѣній. Все хорошо! Но зачѣмъ мы не въ Царьградѣ? Я бы, знаешь ли, что̀ на мѣстѣ Дибича? Пошелъ бы туда съ 30 тысячами, будто чтобы защитить христіанъ отъ лютости черни, а чернь отъ лютости Султана. Ну смерть этого хочу; но Дибичъ доказалъ, что умница; ежели надобно, пойдетъ и въ Стамбулъ.

Закревскій справедливо замѣтилъ нѣкоторую бѣдность въ Москвѣ. Основавъ славу свою и могущество твердо въ Европѣ и Азіи, теперь, остается Государю помочь своимъ дворянамъ, кои съ 12-го года все въ бо̀льшую приходятъ скудность и разореніе; остается устроить благоденствіе внутреннее.

Жутко будетъ теперь Султану и тяжело царствовать, не станетъ храбриться и противъ своихъ; вотъ тебѣ и герой такъ прославленный, вотъ тебѣ Петръ Великій! Смѣли его сравнивать съ нашимъ безсмертнымъ Петромъ. Тотъ самъ царствовалъ, самъ дрался, самъ корабли строилъ, самъ законы писалъ, а этотъ не видалъ въ глаза Русскаго, не слышалъ Русскаго выстрѣла, а только прогуливался со знаменемъ Магометовымъ.

*

Москва, 23 Сентября 1829.

Я въ Москвѣ. Со мною все приключенія. Въ деревнѣ Мельгунова, гдѣ фабрика на водѣ, на землѣ Закревскаго, нѣтъ моста новаго, старый унесло; поѣхали мы въ объѣздъ и увязли въ болотѣ, гдѣ бились часа два и чуть не утонули въ болотѣ. C'eût été nouveau.—Такъ и жарятъ! Въ Кремлѣ пушечная пальба и молебствіе; такъ говоритъ Рушковскій, ибо я не слышу выстрѣловъ съ глуха. Pour en revenir à mon aventure, послалъ Яшку верхомъ въ деревню; онъ привелъ 5 геркулесовъ, кои вытащили и коляску и увязшихъ несчастныхъ лошадей. Повозку тащили на себѣ шаговъ съ 500, я въ первую минуту соскочилъ изъ коляски, да и увязъ по колѣно въ болото. Слава Богу, что, вымочивъ ноги, не простудился; пріѣхавъ поздно въ городъ, напился чаю у Фаста, и все хорошо обошлось. Здѣсь говорятъ, что умеръ шахъ Персидскій; я что-то не вѣрю, увидимъ, что̀ скажетъ Тифлисская почта. Это бы подвинуло Хозрева къ престолу.

*

Москва, 24 Сентября 1829.

У насъ вчера была пушечная пальба для мира. По сему случаю странность случилась, о коей самъ князь Д. В. мнѣ сказывалъ. Въ

рескриптѣ къ нему Государя сказано: нашему генер.-адъютанту князю Голицыну, а онъ не есть онымъ. Не знають, какъ это толковать; не сюрпризъ ли отъ Государя? Сомнѣваюсь очень, а просто это ошибка писца. Государь прочелъ смыслъ рескрипта, а на заглавіе не обратилъ вниманія своего, а тутъ-то и наврали. Оберъ-полицмейстеръ взялъ копію съ оригинала для всеобщаго свѣдѣнія, на оной повторилъ ошибку (чего бы я не сдѣлалъ) и подписалъ: «съ подлиннымъ вѣрно». Могъ бы генералъ-адъютантство и выпустить. А князю написать бы приватно къ Чернышову и объяснить дѣло, не доводя онаго до огласки; писарю будетъ напрягай, а Голицынъ останется при томъ, что̀ былъ. Скажи это Закревскому. Вчера былъ у тестя предводитель Бахметевъ съ той же копіею; пріѣзжалъ совѣтоваться, какой сдѣлать подарокъ Строгонову, кубокъ-ли, деньги? Онъ что за пьяница? Да не идутъ и деньги. Чего лучше табакерка съ надписью, которая всего будетъ драгоцѣннѣе для Строгонова?[1]) Да что написать?—Какъ что? Отъ обрадованной Москвы вѣстнику мира, графу С. Г. Строгонову -го Сентября 1829 г. Такъ и положено сдѣлать; табакерка будетъ въ 5000 р., четыре урода по угламъ, а въ серединѣ означенная надпись изъ мелкихъ бриліантовъ. И тутъ было этотъ буракъ Бахметевъ вмѣсто мира написалъ было міръ—одолжилъ бы!—Повѣрьте мнѣ, что Хозринька мой нездоровъ отъ Невской воды; да и что мудренаго изъ знойной Персіи переселиться вдругъ на Сѣверъ и въ непостоянный вашъ климатъ. И онъ, я чаю, выпучилъ глаза на миръ нашъ. Здѣсь поговариваютъ о многихъ отставкахъ. Греки, кои какъ въ сумасшествіи ходятъ по бульвару и саду Кремлевскому, всѣхъ цѣлуютъ и потчуютъ; пріуныли, узнавъ, что имъ даютъ въ короли будто Нѣмца принца Кассельскаго, не ихъ вѣры; имъ это больно, да и ему не весело будетъ. Лучше бы родъ господаря, какъ въ Молдавіи. Греки также желаютъ, чтобы господари въ княжествахъ были наслѣдственные; но что̀ толковать прежде времени? Узнаемъ, увидимъ; Государь все премудро устроитъ.

*

Москва, 25 Сентября 1829.

Я такъ и загадывалъ, что будутъ два фельдмаршала; но изъ голубыхъ[2]) угадалъ только графа нашего и другого нашего графа, милаго Воронцова; но прочіе, казалось, могли бы подождать. Орлова труды въ этомъ мирѣ, даже въ войнѣ этой, были не весьма значущи. Озеровъ, который вчера только обѣдалъ у Волкова, пересказывалъ мирныя статьи, кои разсказывалъ князь Дм. Вл., слышавшій это отъ Строгонова. A propos de Strogonoff, умницы таки не сдѣлали по мы-

[1]) Черезъ шесть послѣ того лѣтъ, попечителя Московскаго учебнаго округа.

[2]) Т. е. изъ получившихъ голубую (Андреевскую ленту).

слямъ моимъ, а послушали Лухманова, который имъ продалъ какой-то кубокъ, а чтобы придать ему цѣны, прицѣпили къ нему брилліантикъ. Это довольно глупо. То, что̀ бы сдѣлать дворянину, дѣлаютъ купцы, кои подносятъ Строгонову табакерку. Вчера много толковали объ этомъ у тестя и находили, что я правъ.

Былъ у меня сейчасъ Семенъ Аникѣевичъ Селивановскій*), мой и Волкова пріятель, человѣкъ умный и играющій роль между купцами; онъ ѣдетъ въ Петербургъ, я тебѣ его рекомендую и вѣроятно дамъ ему письмо къ тебѣ. Когда будетъ къ тебѣ, обласкай. Онъ очень хорошо судитъ о дѣлахъ и вообще человѣкъ свѣдущій; сынъ его служитъ у Фаста очень хорошо.

*

Москва, 26 Сентября 1829.

Хорошо, что я случился въ городѣ. Я получилъ вчера письмо отъ Родофиникина, который даетъ мнѣ комиссію развѣдать о пріѣхавшемъ сюда генералѣ шамхалѣ Тарковскомъ, имѣть списокъ его свиты и стараться его здѣсь задержать. Проситъ о скоромъ отвѣтѣ, и я очень радъ, что все это могъ уже исполнить въ одно утро, о чемъ пишу Конст. Конст-чу. Вотъ и письмо мое къ нему, доставь тотчасъ. Это тотъ самый, который, помнишь, когда М. И. Корсакова была на Кавказѣ, сватался за дочь ея Александрину, предлагая тотчасъ 300 т. задатку. Онъ человѣкъ уже старый, говорятъ. Чтобы лучше все исполнить и дать отвѣтъ объ немъ в.-канцлеру, я самъ къ нему теперь ѣхать хочу подъ видомъ визита.—Очень тебя благодарю за манифестъ, это памятникъ премудрости, твердости и великодушія Государя нашего. Какъ сладко читать Русскому: Дарданеллы открыты навсегда для торговли *всѣхъ народовъ безъ изъятія.* Ну сдѣлали ли бы это эгоисты Англичане? А мы дрались одни, а хотимъ пользы всѣмъ. Какъ вездѣ сбережено самолюбіе покореннаго Султана и уничтоженнаго царства его! Султанъ простеръ длани (сказано въ манифестѣ) для принятія мира; можно было сказать: Султанъ кинулся къ ногамъ просить пощады. Карантинная линія на Дунаѣ вещь премудрая; жаль, что ея не подвинули еще ближе къ источнику чумному, тогда бы и княжества были предостережены отъ заразы. Не забыли мы нашихъ единовѣрцевъ всѣхъ. Все прекрасно; не вышло бы только раздору за Грецію. Зачѣмъ давать имъ короля и главу самодержавную и не нашего вѣроисповѣданія; почему бы Каподистріи не быть какимъ-нибудь президентомъ? А что̀ будетъ съ Дарданеллами? Тутъ могутъ, когда захотятъ, вѣроломничать. Какъ Воронцово царство теперь станетъ про-

*) Извѣстный типографщикъ. Онъ пользовался расположеніемъ и Н. М. Карамзина.

цвѣтать. Ай да миръ! Въ Англійскомъ клобѣ хотятъ дать пиръ, обѣдъ на 300 человѣкъ, чтобы праздновать славу Государя и войска нашего. Я получилъ третье письмо отъ графа и графини Воронцовыхъ, благодарятъ за попеченіе мое о Потоцкомъ; да развѣ не всякій это бы сдѣлалъ для милаго этого старика? М. С. боится, что Léon не поддержитъ все, что̀ отецъ его заводилъ въ томъ краю. Стыдно бы было; кажется, и польза, т. е. интересъ наслѣдника требуетъ сего. Съ первою оказіею пришлю тебѣ часы покойнаго для доставленія сыну его. Подожду, не явится ли онъ самъ.—Ну радъ я, что все хорошо кончилъ, сходно съ желаніемъ Родофиникина. Этотъ толстый ханъ знавалъ батюшку; ему, говорятъ, подъ 90, а на видъ болѣе 60 дать нельзя. Здѣсь сватали за него какую-то красоту Армянку, но разошлось: она обидѣлась тѣмъ, что онъ послалъ прежде конфидента понюхать, не воняетъ ли изо рта у нея. Ты бы предписалъ въ Новгородѣ, чтобы тебя увѣдомили, когда онъ тамъ проѣдетъ, и далъ бы знать К. К-чу.

*

Москва, 27 Сентября 1829.

Хочется опять къ своимъ; время очень хорошо, а не знаю, завтра выѣду ли. Меня такъ и щиплютъ здѣсь, опять возня съ этимъ домомъ Разумовской, въ коемъ четыре года не жилъ никто, а дѣло идетъ къ зимѣ. То исправь, другое почини, всѣ требуютъ вещей своихъ, видя, что принцъ въ Петербургѣ заживается; за вещи, взятыя на прокатъ, платимъ теперь даромъ. Никто не входитъ ни во что, а князь Дм. Вл. отсылаетъ всѣхъ къ Булгакову. Жаль, что сегодня не успѣю писать къ Воронцову и поздравить его съ голубою лентою; жаль, что въ рескриптѣ не упомянута чума: это весьма важная заслуга, оказанная отечеству имъ. Понимаю, что картина на Марсовомъ полѣ была единственная и трогательная. Итакъ Канкринъ получилъ столь желанное имъ графство. Уменьшеніе набора великая милость; мы, мелкіе помѣщики, болѣе всѣхъ это чувствуемъ. Счастливъ Дибичъ со славою, съ богатствомъ, и никто не можетъ упрекнуть, что не заслужилъ.

*

Москва, 28 Сентября 1829.

Фастъ ко мнѣ: да пора, братъ, завтракать. Пошли завтракать, да болтая о милостяхъ, нашли мы, что должно ему поздравить Канкрина; нашли мы, что теперь бы минута просить у Канкрина чинъ для Фаста, всѣ его обошли, 12 лѣтъ въ этомъ чинѣ высокородномъ. Превосходительство его бы свело съ ума отъ радости, не менѣе графства Канкрина; что̀ этому стоитъ на радости его произвести? Я написалъ два письма, вотъ они: прочти оба и которое одобришь, то отдай или

доставь, запечатавши какою-нибудь печатью. Во всякомъ, т. е. въ обоихъ случаяхъ, постарайся за нашего друга неизмѣнно. Надобно пользоваться случаемъ. Канкринъ долженъ быть веселъ, за письмо не разсердится. Фастъ былъ съ нимъ на такой ногѣ и часто смѣло ему говорилъ, что̀ тому нравилось. Я увѣренъ, что ты настроишь всѣ струны къ успѣху.

Въ Москвѣ большую радость произвело убавленіе рекрута. Всѣ крестятся. Я себѣ думаю: ну что, ежели бы Государь сдѣлалъ бы для дворянства что-нибудь, сбавить процента два въ Воспитательномъ Домѣ и тому подобное: всѣ надѣятся. Бывъ, можно сказать, благодѣтелемъ Турокъ, откажетъ ли Государь сдѣлать добро своему дворянству?

*

Москва, 8 Октября 1829.

Жаль бѣднаго Мадатова! Вотъ уже подлинно far naufraggio funesto in mezzo del porto. Ну, что послѣ этого счастье, почести? Все минуло въ одну минуту. Экая дрянь, червякъ человѣкъ! А хлопочемъ ужасно. Чтобы Тургеневъ не влюбился опять во вдову*). Меншиковъ много получилъ почестей, и подѣломъ; но я очень радъ арендѣ его. Случилось мнѣ говорить съ княземъ Ник. Гагаринымъ о его дѣлахъ и слышать, что Меншикову очищается на прожитье 45 т. въ годъ; жена богата, но очень разстроилась: при 5000 душахъ имѣетъ милліонъ 300 т. долгу, а мужу не отдаетъ управленіе; онъ все бы это поправилъ. Дашковъ идетъ быстрыми шагами. И этому аренда, и это хорошо. Я все тѣхъ мыслей, что министръ долженъ быть обезпеченъ на собственный свой счетъ. Голова его должна быть вся отдана государству, а чтобы та дѣйствовала свободно, надобно ему забыть о своихъ дѣлахъ и не терпѣть нужды. Награждать на 50 лѣтъ впередъ я бы не сталъ, какъ сдѣлало то съ Канкринымъ. Такая перспектива можетъ сдѣлать министра нерадивымъ. Дай министру 100 т. жалованья, покуда онъ министръ; это будетъ справедливо, ибо онъ несетъ бремя великое, но, лишась мѣста, пусть лишится и окладовъ; а ежели долго мѣсто занималъ и съ отличіемъ, тогда уже можно не только его, но и дѣтей его наградить. Посмотри-ка въ какую заѣхалъ я мораль, самъ не зная какъ. Не забудь отъ меня поздравить и Меншикова, и Дашкова. Изъ двухъ одно: я полагаю, что Родофиникину лучше бы деньги, нежели снятіе желтой каймы и ленты, которую уже имѣетъ, а кажется все равно, что̀ на правой сторонѣ звѣзда, что̀ на лѣвой. Пусть Хозревъ и ему дастъ богатую табакерку, а орденъ таки самъ собою.

*) Т. е. во вдову Мадатова, урожденную Саблукову.

Зачѣмъ такимъ случаемъ не попользоваться. Все-таки это пріятныя напоминанія. Voyons s'il sera magnifique ici; mais j'ai vu à beaucoup de ses traits qu'il était généreux. Въ расписаніямъ военныхъ видѣлъ я, что Киселева корпусъ отданъ Ридигеру, а объ немъ ни слова. Мѣсто президента надъ княжествами не очень-то пріятно; Яссы и Бухарестъ не Парижъ и не Вѣна, но въ первые годы нуженъ тамъ человѣкъ съ головою. Я вспомнилъ, что графъ Нессельроде при замиреніи предлагалъ мнѣ мѣсто консульское въ княжествахъ, теперь будетъ это совершенное проконсульство. Ни этого, ни краснаго кафтана мнѣ не хотѣлось, это правда; но когда же выйдутъ наши несчастные штаты? Правда и то, что не до нихъ было начальству.

*

Москва, 10 Октября 1829.

Меня тронуло, что въ Шумлѣ, на похоронахъ Мадатова, былъ визирь. Ужъ правду сказать, великую славу пріобрѣли себѣ Русскіе въ эту войну и неустрашимостью своею, и дисциплиною, и человѣколюбіемъ. Лестно будетъ двумъ арміямъ нашимъ носить знаки, Государемъ установленные. Скажи мнѣ, ежели знаешь, что̀ будетъ съ Каподистріею, останется ли онъ президентомъ и главою Греціи? Я это желаю знать собственно для меня только. Воля ваша, а не идетъ Грекамъ имѣть короля. Это можетъ быть со временемъ, но этому народу надобно лѣтъ 20 образоваться подъ управленіемъ мудраго, добродѣтельнаго Каподистріи.

Коммисію Родофиникина я исполнилъ, какъ онъ желалъ и шамхала Тарковскаго продержалъ не только нѣсколько дней, но цѣлыхъ десять; онъ выѣхалъ изъ Москвы только 7-го числа, и повезутъ его тихо.

*

Семердино, 12 Октября 1829.

Въ Journal des Débats 29 Spt. есть прекрасная статья о Турціи, сообщенная извѣстнымъ Eynard; я подозрѣваю, что это произведеніе пера Каподистріи. Все, что̀ тутъ сказано, совершенная истина.—Основавъ славу Россіи въ чужихъ земляхъ, дай Богъ, чтобы Государь поправилъ состояніе дворянства, которое совершенно оницало и съ самаго 12 года не можетъ оправиться. Въ Москвѣ говорятъ, что князь Серг. Мих. Голицынъ для этого призванъ въ Петербургъ; но этотъ гусь слишкомъ богатъ самъ, и не знаю, довольно ли уменъ, чтобы придумать что-нибудь хорошенькаго. Лучшій совѣтникъ у Государя его прекрасная душа. Бутеневу будетъ славно въ Царьградѣ. Passò quel tempo, что Махмутъ бурлилъ; настали времена Я. И. Булгакова, коего слова были закономъ для невѣрныхъ.

Вообрази себѣ, что эта сумасбродная Гага, сестра Гриши Гагарина, вдова 50 лѣтъ слишкомъ, съ 40 или 50 т. дохода, вышла замужъ за мальчишку 25 лѣтъ, какого-то учителя Русскаго, именемъ Доброклонскій. Охота лишаться своей свободы; тотъ взялъ хотя шкатулку, или надежду ее кинуть, обобравши прежде старушку-женушку

*

Москва, 21 Октября 1829.

Въ Субботу увидѣлъ я вдругъ ami français, кого-же? Ланжерона! Все тотъ же, не перемѣнился, только лицо стало покраснѣе. Дистракціи тѣже; встрѣтивъ меня въ партерѣ, первое слово было: et que fait Constantin? Послѣ, увидѣвъ меня у тестя на вечерѣ, подошелъ здороваться, какъ будто видитъ въ первый разъ: bonjour! bonjour! Et après qu'il m'eût serré la main, il ajouta en riant: je vous félicite de tout mon coeur, vous avez touché un pestiféré, vous avez la peste, allez la donner à votre famille; cela n'empêche pas d'aller au paradis. Князь Дм. Вл. разсказывалъ мнѣ, что онъ и съ нимъ сдѣлалъ туже фарсу. Сегодня собирался къ вамъ отправиться. Онъ съ женою, но я ея не видалъ.

*

Москва, 25 Октября 1829.

Принцъ Хозревъ-Мирза прибылъ сюда благополучно вчера въ шесть часовъ вечера. Я обѣдалъ у графини Бобринской. Только что принялись было за устрицы (сегодня первыя привезли) входитъ человѣкъ: пожалуйте въ домъ, принцъ пріѣхалъ! Это было невозможно, однакоже надобно было вскочить со стола и уѣхать. Скачу въ недоумѣніи. Вышло, что это пріѣхалъ Ренненкампфъ, къ коему я побѣжалъ. Онъ одѣвался ѣхать къ Голицыну и къ коменданту, поразсказалъ, что понужнѣе, хвалилъ ужасно Цуцкина, коего увозятъ они до Тифлиса. Узнавши отъ него, что принцъ спалъ въ Подсолнечной и намѣревался обѣдать въ Черной Грязи, я поѣхалъ (благо близко) опять къ Бобринской и кончилъ весело обѣдъ. Тутъ были Вяземскій, Ломоносовъ, графиня съ двумя сыновьями и невѣсткою. Послѣ обѣда пьемъ кофій, опять за мною! Не опять ли вздоръ? Это была эстафета, которую я ожидалъ изъ Черной Грязи, и подлинно съ полчаса послѣ явился и принцъ; я только что успѣлъ одѣться въ мундиръ. Я встрѣтилъ его у лѣстницы. На лицѣ его было видно непритворное удовольствіе меня видѣть, онъ пожалъ мнѣ руку и, держа ее, вошелъ на лѣстницу. Вверху ожидали его губернаторъ, оберъ-полицмейстеръ, дивизіонный начальникъ съ рапортами. Вошли въ гостиную. Принцъ принималъ ординарцевъ и вѣстовыхъ, потомъ всѣмъ откланялся и вошелъ въ кабинетъ, сдѣлавъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Говорилъ во все время,

что̀ пилъ чай, какъ доволенъ, что опять въ Москвѣ, какъ ему этотъ домъ нравится, что видѣлъ тебя, о женѣ и дѣтяхъ спрашивалъ, благодарилъ за литографію въѣзда его торжественнаго, спрашивалъ, получилъ ли я его отвѣтъ, который я не получалъ (надобно будетъ узнать, куда онъ дѣвался). Свита его стала расходиться, а онъ началъ распечатывать письма, полученныя изъ Персіи; я хотѣлъ тоже выйти, онъ сказалъ: restez! Скоро явился князь Дм. Вл., коему вышелъ онъ навстрѣчу въ другую комнату, повелъ его, держа за руку, въ кабинетъ, посадилъ его на диванѣ по правую сторону, меня по лѣвую. Шаумбургъ стоялъ передъ нимъ, болѣе не было никого, и начался разговоръ, продолжавшійся часа полтора. Хозревъ разсказывалъ о Петербургѣ, говорилъ о Государѣ съ восхищеніемъ, о всей царской фамиліи, о всѣхъ придворныхъ, о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ всякимъ надъ нимъ, съ большою все откровенностью, о дамахъ: Aline c'est très-aimable, Zawadowsky c'est très-jolie. Удивился я, что Урусова c'est bonne, pas jolie, Potocky c'est gros, c'est poli, c'est amusant (т. е. gai), Galitzin (твой) c'est malice, c'est bon, Kotchoubey c'est mieux и пр., разбиралъ дипломатическій корпусъ, хвалилъ Фикельмона и Мортимера, а Англійскаго не любитъ; кончилъ все опять похвалами о Государѣ и прибавилъ, положа руку на сердце: не отъ того, что говорю вамъ, но по совѣсти Государь вашъ всѣхъ превосходитъ своими рѣдкими качествами и добротою. Говорилъ онъ также о красотѣ Петербурга, о томъ, что̀ видѣлъ тамъ, что очень его плѣнила маленькая великая княжна, которая все сама говорила и не дала ему ничего сказать и наконецъ, очень мило снявъ перчаточку свою, подала ему цѣловать ручку. Изъявлялъ радость свою, что случился въ Петербургѣ во время полученія извѣстія радостнаго о мирѣ. На вопросъ князя Дм. Вл., долго ли пробудетъ въ Москвѣ, отвѣчалъ: ежели бы отъ меня зависѣло, я бы остался долго — навсегда, и засмѣялся. Князь сказалъ, что надобно ему отдохнуть и здоровье свое поправить; на это онъ очень мило отвѣчалъ: чтобы оставаться здѣсь, я всегда буду здоровъ, а когда ѣхать, я всегда буду боленъ. Какъ князь поѣхалъ, онъ опять его проводилъ до гостиной, воротился въ кабинетъ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: bonne nuit. Симъ кончился этотъ день. Я не могу нахвалиться ласкою принца. Меня просилъ тесть, и я сказалъ е. в-у, что тесть мой желаетъ быть ему представленъ; онъ отвѣчалъ, что желаетъ короче узнать всю мою семью. Я нашелъ его нѣсколько блѣднымъ и похудѣвшимъ.

*

Москва, 26 Октября 1829.

Обѣдъ былъ вчера препродолжительный у князя Дм. Вл. и довольно скучный. Чтобы пользоваться хорошенько обществомъ Гумбольда, надобно бы только человѣкъ 10—12, а тутъ было 60. Князь звалъ весь университетъ, всѣхъ профессоровъ; но они его не видали, а наче онъ ихъ въ этой толпѣ. Я сидѣлъ возлѣ Мирзы Массуда, и все говорили о Петербургѣ. Былъ тутъ также Англичанинъ какой-то, очень странный, обросшій бородою и бакенбардами, рекомендованный князю Д. В-чу Смирновымъ изъ Лондона. Только Англичанамъ позволено быть такими свиньями: всѣ мы были наряжены въ парадѣ, хотя и не въ мундирѣ, а этотъ чудакъ явился въ сюртукѣ, застегнутый до бороды, какъ будто холодно въ комнатѣ. Онъ исходилъ пѣшкомъ всѣ святыя мѣста, жилища древнихъ патріарховъ и, кажется, теперь отправляется пѣшкомъ по Россіи; ихъ двое, и они служатъ другъ другу камердинерами. Въ Лондонѣ выйти на улицу въ *мундирѣ*, закидаютъ грязью, а сами они вотъ что себѣ позволяютъ. Не люблю я вообще этихъ Джонъ-Булевъ.—Сегодня обѣдъ для Гумбольда у Юсупова, а въ вечеру Лодеровское подписное угощеніе для него же; но я не попаду вѣроятно, ибо принцъ собирался во Французскій театръ. Завтра представленіе тѣхъ, кои его еще не видали; тутъ будетъ и Фастъ нашъ, а въ вечеру у князя Дм. Вл. Хозревъ будетъ слушать Фильда. Бобринскую согласилъ я дать вечеръ въ Пятницу, а къ тестю въ ту Субботу; онъ въ восхищеніи и пишетъ Наташѣ, чтобы она явилась непремѣнно съ дѣтьми, да и мнѣ хочется, чтобы онѣ были. Родофиникинъ далъ мнѣ еще комиссію: дѣло идетъ о пересылкѣ вещей Персидскаго посольства черезъ Астрахань за Каспійское море. Здѣсь конечно лучше это устроить можно, нежели въ Петербургѣ. Постараюсь исполнить, какъ можно лучше, волю министрову и буду писать Родофиникину въ Понедѣльникъ.

*

Москва, 28 Октября 1829.

Не знаю, какъ мнѣ сегодня раздѣлиться. Надобно ѣхать съ принцемъ слушать славные часы у Лухманова, а надобно также быть въ Архивѣ, гдѣ будетъ Гумбольдъ, и почти въ одно время. Въ Архивѣ только покажусь и уѣду. Жаль, что разстоянія такъ велики между сими мѣстами и что погода прескверная. Вчера былъ вечеръ очень пріятный у князя Дм. Вл. Принцъ мой былъ во всемъ своемъ блескѣ: Государева пожалованья перо на шапкѣ, только такъ высоко, что, ѣдучи въ каретѣ, онъ долженъ былъ сидѣть все нагнувшись, орденъ Андреевскій, браслеты Шаха, кинжалъ Аббаса-Мирзы, все это брилліантовое. Фильдъ игралъ, потомъ пѣла Бартенева дочь, у которой пре-

красный голосъ, очень принцу понравившійся, играла Озерова молодая на фортепіано, и эта мастерица. Вообрази, что Лазаревъ до того самъ мучилъ свиту Персидскую, что заставили его жену, а твою красавицу, также пѣть. Только она своимъ романсомъ Soldat et le Capitaine не отличилась; ея дѣло, видно, и не пѣть, и не говорить. Принцъ ужиналъ тутъ, потомъ въ боковой комнатѣ курилъ и уѣхалъ очень доволенъ во второмъ часу домой.

Гумбольдъ вчера расхваливалъ мнѣ тебя и спрашивалъ о твоемъ здоровьѣ; я сказалъ, что ты уже началъ выѣзжать прогуливаться. Онъ сегодня къ вамъ отправляется. Жаль и Желтухина, и Булгари; всякій въ своемъ родѣ были полезны. Гумбольдъ говорилъ мнѣ о болѣзни Польѐ*), о коемъ также очень хорошо отзывается. Ломоносова вчера у Голицына Гумбольдъ замучилъ вопросами о Парижѣ.

Помолвка нашей Соковниной будетъ 5 Ноября. Сергѣй Ѳед. сообщаетъ Наташѣ письменно, что дѣло это кончено. И для этого надобно бы женѣ быть сюда; но боюсь, что залѣнится и испугается дурной погоды. Ежели бы свадьба, вѣрно бы не пріѣхала, ибо тутъ будутъ расходы накладные нашему тощему карману, но помолвка пустая церемонія.

*

Москва, 30 Октября 1829.

Такъ все учредилось у насъ съ начала, что какъ спросятъ что-нибудь у принца, онъ отвѣчаетъ: Булгаковъ! Надобно тутъ быть. А какъ у Голицына спросятъ о чемъ-то, и этотъ туже поетъ пѣсню надобно спросить у А. Я. Вчера Юсуповъ спросилъ у принца, ѣдетъ ли онъ въ театръ? Онъ на меня взглянулъ, кивая головою и добиваясь: да или нѣтъ! Вчера было множество народу въ театрѣ, балетъ очень понравился принцу, были тутъ черти, воздушныя плаванья, сраженіе на коняхъ и пр. Дирекція все распускаетъ слухъ, что принцъ будетъ въ театрѣ, и онъ всегда полонъ отъ этого. Узнавши вчера отъ меня, что князя Дм. Вл. рожденіе, Хозревъ попросилъ карету и поѣхалъ со мною къ нему поздравить его; застали князя врасплохъ въ кабинетѣ, тотъ только успѣлъ выбѣжать, чтобы надѣть мундиръ. Оттуда заѣхали смотрѣть восковой кабинетъ; большая дрянь, но ему такъ показалось, что онъ два раза обошелъ комнаты. Сегодня смотритъ онъ школу архитекторскую, при Кремлевской Экспедиціи устроенную.

*

*) Это второй супругъ княгини Варвары Петровны Бутера, урожд. княжны Шаховской, въ первомъ бракѣ графини Шуваловой.

Москва, 2 Ноября 1829.

Вчера вечеръ графини Бобринской очень удался. Принцъ былъ веселъ, игралъ въ petits jeux, тузилъ дамъ жгутомъ и меня поколотилъ очень порядочно, а потомъ обнялъ. Ѣхавши туда, разсматривалъ онъ бирюзы, купили двѣ; показывалъ которыя лучше, а ту, что я похвалилъ болѣе, снялъ съ пальца и мнѣ подарилъ. Онъ такъ заспался послѣ вечера Дмитріевой, что не могъ ѣхать въ Архивъ, а хочетъ быть тамъ до отъѣзда непремѣнно. Обѣдъ князя Сергія Мих. Голицына былъ самый великолѣпный. Сегодня принцъ даетъ у себя и на свои деньги, хотѣлъ имѣть только 6 дамъ. Ренненкампфъ пріѣзжалъ вчера звать и мою жену; которая (нечего дѣлать) должна ѣхать, а теперь напросилось уже 14, и безпрестанныя есть интриги для новыхъ зововъ. Я въ обѣдъ этотъ сначала не мѣшался, пусть себѣ дѣлаютъ какъ хотятъ; но многое очень не такъ дѣлается. Рахманова, отставного сенатора, который и не представлялся принцу, звали обѣдать съ женою его, а служащихъ сенаторовъ, старѣе его, не звали. Ив. Ив. Нарышкинъ, также отставной, званъ, не знаю почему. Гедеоновъ втеръ свою жену, а комендантшу не звали, а мужъ второе лицо въ Москвѣ. Принцъ хотѣлъ звать знакомыхъ ему коротко и которые его принимали у себя, а вышло 60 человѣкъ. Сегодня вѣрно проспитъ, такъ же какъ проспалъ вчера Архивъ, а собирался на пивоварню Деніельсона и къ Рогожинымъ на фабрику. Не тутъ-то было. Къ тремъ часамъ станутъ къ нему съѣзжаться гости.

Вчера очень мы смѣялись съ Вяземскимъ Хомутовой Аннѣ Григорьевнѣ *) которая влюбилась въ Хозрева. Онъ сочинилъ на нее, будто она сказала принцу: Chacun ici bas a sa chacune. Vous êtes le Soleil, et moi la Lune! А Волковъ сочинилъ на нее же:

И сердцемъ и душою
Я предана Хозрою!

Я ему сказалъ, онъ захотѣлъ ее видѣть; но она запряталась такъ, что не могли отыскать.

*

Москва, 4 Ноября 1829.

Вставъ очень поздно, е. в-во токмо въ два часа былъ одѣтъ; чтобы его поторопить, надобно было прибѣгнуть къ Эмиру Низаму, котораго онъ слушаетъ и препочитываетъ. Растолковали ему, что въ Архивѣ уже ожидали его одинъ разъ напрасно цѣлое утро, неловко повторить эту неучтивость. Поѣхали. Я поскакалъ напередъ. Князь Д. В. былъ уже у насъ, а Малиновскій на иголкахъ. Какъ вы долго собирались?—Благодарите меня, а то принцъ вовсе бы не пріѣхалъ.

---

*) См. ея біографію и воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 и 1891 годовъ.

Черезъ 10 минутъ явилась и Персія. Я совѣтовалъ показывать все слегка, зная, что онъ наляжетъ на Персидскія грамоты, и подлинно пересматривалъ онъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, что ему надобно бы дня три на это. Приходило дѣло къ свѣчамъ. Я сказалъ Малиновскому, почему бы не свезти бумаги къ принцу на домъ?—Какъ можно!—Да вѣдь Карамзину давали же бумаги на домъ, года на два.—Да это исторіографъ. Все это былъ умыселъ: Малиновскій, на балѣ у Голицына вчера, подъѣхалъ тихонько къ принцу и вызвался ему привезти на домъ бумаги недосмотрѣнныя; онъ думалъ это утаить отъ меня. Когда я принца проводилъ домой съ бала, откуда онъ уѣхалъ рано за головною болью, то онъ просилъ меня привезти и тѣ бумаги, кои принцъ уже читалъ. Я сказалъ Малиновскому, и онъ удивился, что я зналъ объ этомъ. Кто вамъ сказалъ? — Какъ кто? Самъ принцъ; да кто же васъ введетъ къ е. в., ежели не я? Хозревъ и свита вписали свои имена въ книгу нашу Архивскую. Онъ хотѣлъ ѣхать домой, но безотвязный Лазаревъ кого не мучилъ, чтобы привезти къ нимъ принца въ училище? Ренeнкампфъ сказалъ, что неловко, что дамы съ полудня ожидаютъ тамъ принца. Онъ рѣшился ѣхать въ училище, гдѣ его замучили рѣчьми Турецкою, Армянскою, Французскою. Сего мало: надобно тебѣ знать, что намедни во Фр. театрѣ принцъ много говорилъ о красотѣ Лазаревыхъ племянницы m-lle Annette Abamelek *) и все на нее смотрѣлъ, и подлинно у нея прекрасные Азіатскіе глаза и брови. Вотъ ее и подучили подойти и звать принца; къ ней соединилась и толстая красавица, Ивана Л. жена. Принцъ не могъ отказать ѣхать къ Лазаревымъ въ домъ чай пить, но этотъ чай вышелъ безконечный обѣдъ, продолжавшійся часа два. Кормили, поили—мочи нѣтъ. Принцъ сидѣлъ между ними двумя, но, кажется, былъ болѣе задумчивъ, нежели доволенъ. Я узналъ послѣ, что Эмиръ Низамъ, коего онъ и препочитываетъ и боится, какъ я тебѣ говорилъ, имѣлъ съ нимъ поговорку горячую, зачѣмъ былъ у Лазаревыхъ: они Армянъ, и особенно Лазаревыхъ, не любятъ. Отъ этого принцъ и къ князю Дм. Вл. пріѣхалъ не веселъ, былъ недолго и уѣхалъ. Vous verrez dans mon rapport au c-te Nesselrode l'emploi du temps du prince K. M., mais j'ai tû le détail que je vous rapporte; si vous le voyez nécessaire, dites le au comte. Je crains toujours de faire quelque tripotage ou désagrément à qui que ce soit.—La soirée de mon beau-père a été très bien. Le prince a trouvé Катенька très-jolie, il a répété plusieurs fois: Heyly! Heyly! Charmante! Ему много наговорили о ея пѣньѣ, но не было клавикордъ; хотѣлъ, чтобы принесли, но что же ей пѣть при ста человѣкахъ? Я замялъ это, но принцъ сказалъ ей

*) Анна Давыдовна, позднѣе супруга Ираклія Абрамовича Баратынскаго.

черезъ М. Масуда, что застанетъ ее дома за клавикордами и принудитъ пѣть и плясать порусски съ Ольгою, что любитъ очень эту пляску и наслышался, какія онѣ мастерицы. Мы промолчали. Должно бы звать принца, но... но, не хлопоты, а болѣе издержки. Захочетъ подлинно, пусть пріѣдетъ невзначай: рады будемъ, и никого звать не надобно: не будутъ претензіи. Вчера Катенька была подлинно прелестна на балѣ Голицына, отличалась всѣмъ передъ всѣми, даже простою своею одеждою, тогда какъ всѣ были съ ужасными претензіями. Весело было, признаться, слышать всеобщую, ужъ точно непритворную, похвалу à sa beauté, sa grâce, sa modestie.—Ужъ 12 часовъ: долженъ въ часъ быть у принца, явится рябой мой Малиновскій. Вчера бѣдная его дочь была всеобщимъ посмѣшищемъ: вообрази, что ее нарядили въ штофное красное платье съ широкою бахромою двухъ цвѣтовъ, ну точно кровать молодыхъ новобрачныхъ.

*

Москва, 5 Ноября 1829.

Какъ бы не грянулъ къ намъ ужо принцъ; а ужъ воля его, ничего не сдѣлаемъ лишняго. Катя попоетъ, пожалуй, и попляшутъ обѣ; чашку чаю, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Ужо сговоръ Соковниной. Говорятъ, что Софья даетъ своему дядѣ довѣренность на управленіе своимъ имѣніемъ; это покажется мужу не только странно, но даже обидно. Начало уже нехорошее и показывающее недовѣрчивость къ Бобринскому.

*

Москва, 7 Ноября 1829.

Принцъ долженъ былъ вчера уѣхать, все было готово, и лошади заказаны къ принцеву послѣобѣда; хотя князь Д. В. и уговаривалъ его остаться къ театру, на коемъ долженъ былъ быть балетъ славный, Обріева Собака и другія двѣ пьески, но Ренненкампфъ брюжжалъ: надобно было ѣхать. Поутру былъ я у принца; явился Юсуповъ прощаться, заговорилъ объ общемъ сожалѣніи, что ѣдетъ гость нашъ. Онъ спросилъ о моихъ; я отвѣчалъ, что Катя только что не плачетъ: дѣлала работу, шитье въ подарокъ е. в-ву, все готово, а переплетчикъ говоритъ, что его работа прежде вечера не поспѣетъ, а принцъ ѣдетъ... Онъ началъ съ своими говорить, наконецъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ рѣшается остаться, что въ 6 часовъ будетъ ко мнѣ чай пить, послѣ поѣдетъ въ театръ, а тамъ ночью, какъ сдѣлали то въ Петербургѣ, пустится въ дорогу и чтобы я пошелъ къ Ренненкампфу устроить это. Баронъ началъ опять сердиться; я ему доказалъ, что разницы нѣтъ никакой, ѣхать въ 3 часа, чтобы ночевать въ Подольскѣ, или въ 11 часовъ, чтобы также тамъ ночевать; что дорога

преславная, санная. Р. одобрилъ, что́ я и донесъ принцу; тутъ же позвалъ я къ себѣ всю свиту. Князю Д. В. и Юсупову объявилъ, что по тѣснотѣ дома не могу звать никого, кромѣ Персидской свиты и моихъ ближайшихъ родныхъ. Все устроилось къ чаю въ 6 часовъ; вдругъ въ 5 часовъ получаю отъ Мирзы-Масуда записку: Si v. e. veut que la soirée chez vous soit encore plus agréable pour le prince, veuillez engager quelques dames que s. alt. connait, comme m-me Bobrinsky, Dmitrieff avec sa fille et qui il vous plaira etc. Вообрази наше удивленіе! Чашка чаю одно, но вечеръ совсѣмъ другое; когда его готовить, гдѣ взять ужинъ? Я поскакалъ объяснить дѣло и не навралъ ли Масудъ. Спрашиваю принца, который спрашиваетъ, когда хочу я его имѣть.—Какъ вамъ угодно. Alors il me fait dire qu'en allant chez moi avant, il ne pourrait rester que peu ou tarder au théâtre, qu'il irait donc avant au théâtre pour ensuite passer la soirée chez moi. Je remerciai et eus l'air d'être enchanté de ce changement, dont je fis part à ma femme par un courrier, et moi-même je fus vite chez la p-sse Galitzine, la Bobrinsky, m-me Dmitrieff, la Socovnine, chez Fast et m-me Noskoff les conjurer de venir et leur expliquant comment tout cela s'est fait. Тестю только что не въ ноги: выкупите насъ несчастныхъ, займитесь ужиномъ. Забралъ его самолюбіе, и онъ тотчасъ собралъ совѣтъ поваровъ. Наташа тотчасъ принялась за работу также, а я поѣхалъ съ принцемъ въ театръ, откуда два раза леталъ домой, гдѣ все къ 10 часамъ было уже безподобно устроено, и поставленъ въ угловой комнатѣ (которую заперли) театрикъ. Принцу подали чаю въ entre-actes, но онъ сказалъ: нѣтъ я у Булгакова напьюсь хорошаго, а покурилъ; въ нетерпѣніи къ намъ ѣхать, не захотѣлъ видѣть балета и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ: partons! Я какъ молнія кинулся въ сани, поскакалъ домой, нашелъ С. А. Волкову съ двумя дочерьми, Дмитріеву со своими и молодою Еропкиною, Фаста съ птенцами, ну мои двѣ; Хрущовъ и Бобринская не пріѣхали, да мудрено было дамамъ вдругъ и собраться на такой вечеръ. Кн. Тат. Вас. просила меня ее извинить: она мучилась своими мигренями. Принцъ очень удивился, найдя меня уже дома. Наташа извинилась, что домъ тѣсенъ, не хорошъ; принцъ отвѣчалъ: я дому не замѣчу, а займусь только хозяевами. Въ первой комнатѣ нашелъ принцъ свой портретъ въ золотой рамѣ, украшенной гирляндою цвѣтовъ и короною изъ розановъ, сѣлъ пить чай, а дѣти покуда пошли одѣваться въ свое славное маскарадное платье Русское, которое, къ счастью, сбережено. Наташа спросила принца, не хочетъ ли онъ видѣть портретъ фамильный дѣтей нашихъ, писанный во весь ростъ?—Très bien. Повели его въ ту комнату; по сигналу открылась дверь, и въ темной комнатѣ въ большой

рамкѣ увидѣли Катю и Ольгу въ attitude, а въ срединѣ Костю въ крестьянскомъ костюмѣ съ балалайкою. Они минуть съ пять были точно окаменѣлые. Принцъ былъ въ восхищеніи и потребовалъ повторенія, а тамъ опять повторили для Юсупова. Принцъ сѣлъ въ гостиной на свое мѣсто. Приходитъ Костя и говоритъ принцу выученную по-персидски фразу, угодно ли е. в-ву позволить сестрамъ поплясать при немъ по-русски, что̀ очень его поразило и обрадовало. Принцъ сказалъ Костѣ черезъ Масуда, что ежели бы могъ это предвидѣть или знать заранѣе, онъ бы приготовилъ отвѣтъ по-русски. Спросилъ, какъ très-bien—очень хорошо—и сказалъ кланяясь: очень хорошо. Повели всѣхъ въ залу, посадили. Наташа сѣла за клавикорды, Костя взялъ гитару, Всеволожскій скрипку и заиграли «во саду ли въ огородѣ»; отворяется дверь, и являются дѣти въ томъ же Русскомъ костюмѣ. Славно проплясали, и принцъ былъ въ восхищеніи, сказалъ мнѣ: твои дѣти хороши были неподвижными, но одушевленныя еще лучше. Le prince Dmitry fut aussi enchanté et dit qu'on ne voyait pas de danseurs comme cela au théâtre. Le prince après cela se mit à jouer aux échecs avec le prince Dmitry, et la jeunesse se mit à danser au son du clavecin, и мы постарѣе поплясали, Ренненкампфъ, Обрѣзковъ и я. Какъ кончились шахматы, Катенька стала пѣть Русскіе и Французскіе романсы, Итальянскаго Pescatori и Trio, Пустынникъ Мауера, слова Жуковскаго. Хотя и не въ голосѣ была отъ страха и усталости, но очень всѣмъ понравились и голосъ ея и вкусъ. Принцъ смѣялся, что я вальсировалъ съ женою, а тамъ съ обѣими дочерьми. Послѣ сѣлъ опять въ шахматы, но, слыша, что играютъ въ залѣ въ веревочку, пришелъ и игралъ съ нами; надобно было видѣть удовольствіе всѣхъ, особенно дѣтей Фасговыхъ. Накрыли на столики маленькіе. За принцевымъ сидѣли, кромѣ него, кн. Дм. Вл., жена, Волкова, Дмитріева и М. Масудъ для перевода. Ты видишь, что всякая этикета была уничтожена. Къ счастію, многіе уѣхали, и осталось именно сколько можно было накормить, а именно, кромѣ упомянутыхъ, Дмитріевы съ Еропкиною, двѣ Волковы, Ренненкампфъ, комендантъ, оберъ-полицмейстеръ, Новосильцовъ, Всеволожскіе и свита Персидская. До ужина и послѣ принцъ курилъ кальянъ. При отъѣздѣ Катя поднесла ему большую porte-feuille, оправленную въ сафьянъ; на ней съ одной стороны вышитъ прекрасный Левъ, а съ другой надпись золотыми буквами:

A son altesse le prince Khozrew-Mirza offert par m-lle Catherine Boulgakoff. Moscou. 1829.

Ольга дала ему теплые башмаки на дорогу своей работы, сдѣланные на Персидскій вкусъ. Онъ все это принялъ очень благосклон-

но, благодарилъ очень всѣхъ насъ, меня бралъ за плечо, увѣряя, что никогда такъ не веселился, какъ въ этотъ вечеръ. Поѣхалъ почти въ три часа съ видимымъ удовольствіемъ. Я поскакалъ напередъ, и онъ не могъ понять, какъ, войдя въ свою гостиную, нашелъ меня уже тутъ, идущаго къ нему навстрѣчу; тутъ обнялъ меня, опять благодарилъ и сказалъ черезъ Масуда: я вижу въ тебѣ непринужденное усердіе и привязанность ко мнѣ; когда возвращусь въ Персію, докажу, что я тебя помню и заочно. Я догадываюсь, что это должно касаться до ордена Персидскаго. Булатъ, который онъ мнѣ подарилъ, цѣнитъ Рененкампфъ въ 80 червонныхъ; это и подаренный мнѣ съ пальца бирюзовый перстень не могутъ быть достаточнымъ, кажется, подаркомъ отъ него; но я право доволенъ, ибо былъ примѣрно имъ обласканъ все это время и не жалѣю трудовъ своихъ. Положено было, что принцъ выѣдетъ выспавшись и позавтракавши; это вѣрно протянется до двухъ часовъ. Ну, братъ, не понимаю, какъ можно было все это устроить въ три часа времени; но дѣло въ томъ, что все было безподобно, и принцъ не имѣлъ ни минуты скуки. Тестю спасибо, ужинъ и вино его, а это пахнетъ сотнями; могъ онъ сдѣлать это для дочери, которая прискакала сюда для его вечера именно, а то была бы себѣ въ деревнѣ. Я долженъ былъ занять у Фаста 300 р.; нечего дѣлать, избѣжать нельзя было, я не напрашивался на этотъ расходъ; будутъ вѣрно и претензіи на меня, но Богъ съ ними; домъ мой малъ, средства мои еще меньше, да и время такъ коротко, что надобно быть волшебницею или Наташею, чтобы такъ хорошо все устроить. Прекрасно все удалось. Вотъ и конецъ моимъ хлопотамъ, чему я радъ нельзя болѣе. Право измучился, но имѣю удовольствіе видѣть, что принцъ и вся свита предовольны мною и своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Ежели не заслужу воззрѣнія гр. Нессельрода, то останется мнѣ сожалѣть, что ему одному не умѣлъ угодить. Я увѣренъ, что безъ всякой моей просьбы кн. Дм. Вл. засвидѣтельствуетъ передъ Государемъ о трудахъ моихъ и сбереженіи казеннаго интереса. Государь слишкомъ справедливъ и милосерденъ, чтобы отказать какой-нибудь знакъ своей милости: не все же мнѣ быть въ поваренкахъ съ асессорскимъ окладомъ, съ 33 лѣтнею пряжкою, 10 годами въ одномъ чинѣ и 3 Владимиромъ. Все ищу, кто бы отъ меня отсталъ и никого не нахожу ни въ Коллегіи, ни въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Боголюбова.

*

Москва, 9 Ноября 1829.

Я проводилъ своего Хозрева до Подольска. Я не могъ дождаться минуты его отъѣзда, а теперь мнѣ уже и жаль его. Я къ нему привыкъ, и онъ привязалъ меня къ себѣ своею лаской; особенно въ эти

послѣдніе два дня онъ не отпускалъ меня отъ себя и очень дружески со мною обходился. Я ничего не сказалъ, а потому и удивился онъ, войдя въ Подольскѣ въ домъ Лазовскаго, меня перваго увидѣть въ гостиной. Весь вечеръ не отпускалъ отъ себя, очень много со мною говорилъ, заставлялъ съ хозяйкою играть на клавикордахъ, на другой день, т. е. вчера, подзывалъ меня ѣхать до Серпухова; но я отвѣчалъ, что стараюсь отъ него отвыкать и что прощанье въ Серпуховѣ было бы для меня еще тягостнѣе. Онъ согласился, что я правъ. Долго тебѣ все разсказывать, но при послѣднемъ прощаніи онъ взялъ обѣ мои руки въ свои и, держа ихъ такимъ образомъ, говорилъ минутъ съ десять, сколько меня любитъ, сколько ему пріятно видѣть, что у меня жена добрая и прекрасныя дѣти, что я счастливъ въ семьѣ моей, что онъ не въ силахъ ничѣмъ доказать мнѣ и князю Голицыну свою благодарность за наше попеченіе объ немъ, что это будетъ долгомъ его отца и шаха намъ воздать по заслугамъ, что это будетъ его первая обязанность по пріѣздѣ въ Персію представить дѣду и отцу, что пребываніе его въ Москвѣ никогда не изгладится изъ сердца его, что онъ Русскихъ ставитъ выше всѣхъ народовъ, что оружію нашему нельзя противиться никому, но что великодушіе и доброта нашего Государя еще болѣе ихъ всѣхъ побѣдили; просилъ меня писать къ нему и считать его между моими друзьями и пр. Наконецъ сѣлъ въ карету и когда затворилъ дверь, то слышу стукъ и голосъ его, чтобы отворили; когда отворили дверцы, то онъ закричалъ: Булгаковъ! Я подошелъ, и онъ опять протянулъ руку изъ кареты и жалъ мою, повторяя: adieu! adieu! Право, тронулъ меня. Эмиръ Низамъ и вся свита прощались со мной, какъ бы съ роднымъ. Е. в-во послалъ черезъ меня шаль Катенькѣ, конечно не важную; булатъ, имъ мнѣ подаренный, и бирюза, которую надѣлъ онъ съ своего пальца на мой, все это можетъ стоить червонныхъ сто или 120; но я предоволенъ милостями принца и отличіями, мнѣ оказанными, во всѣхъ случаяхъ. Е. в-во объявилъ мнѣ, что отъ шаха будутъ даны ордена князю Д. В., Юсупову и мнѣ и прибавилъ: ежели князь Д. В. хочетъ еще наградить когонибудь, то чтобы ему написалъ, что онъ исполнитъ. Ренненкампфъ, который подъ конецъ былъ со мною удивительно ласковъ, тоже мнѣ сказалъ, что мнѣ назначенъ орденъ, но что это не прежде доставится, какъ черезъ годъ. Нѣкоторые бѣдные люди приходили просить милостыни, а послѣдній день приносили рисуночки, стихи въ честь е. в-ва. Я ему взялъ смѣлость напомнить объ нихъ, онъ далъ имъ 30 рублей, чтобы имъ раздать по моему усмотрѣнію, да два платка и шаль неважную, также для подаренія отъ него бѣднымъ дѣвушкамъ. Мнѣ из-

вѣстно, что казна его очень тоща, а то вѣрно бы щедрѣе наградилъ всѣхъ; ему пришлось 6000 р. занять у министерства нашего.

Возвращаясь изъ Подольска, узналъ я въ деревнѣ одной, что мостъ въ Серпуховѣ сломало льдомъ; ежели бы зналъ я это въ Подольскѣ, я бы поѣхалъ непремѣнно далѣе; теперь меня безпокоитъ, какъ Персіяне переѣдутъ Оку: паромы наши всегда дурны. Князь Д. В. отправилъ адъютанта своего до Серпухова провожать; но я все-таки былъ бы покойнѣе, поѣхавъ туда самъ. Есть и другая причина, заставляющая меня жалѣть теперь, что я не поѣхалъ далѣе: во-первыхъ и принцъ сего желалъ, а потомъ Рушковскій удружилъ мнѣ: представь себѣ, что онъ двѣ почты съ твоими письмами и газетами отправилъ ко мнѣ въ Серпуховъ. Такого рода galanterie надобно дѣлать, какъ ты, умѣючи; а ему вышло это не впопадъ, и вмѣсто удовольствія мнѣ досада. Ужъ ежели послалъ (и вѣроятно съ нарочнымъ), то надобно было рекомендовать почтальону меня ловить на дорогѣ, и это очень было легко: ибо мы полсутокъ провели въ Подольскѣ, весь городъ загроможденъ былъ повозками дорожными; не мудрено догадаться, что тутъ Персидская свита, слѣдовательно и я, а курьеръ меня ищетъ въ Серпуховѣ, куда я и ѣхать не думалъ, отправляясь отсюда. И смѣшно, и досадно!

*

Москва, 11 Ноября 1829.

Бѣглецы-письма твои воротились изъ Серпухова. Рушковскій велѣлъ мнѣ сказать, что накажетъ почталіона; но я ему писалъ, что ежели хочетъ загладить свою невольную вину передо мною, то чтобы *далъ слово* этого не дѣлать, а то два раза меня огорчитъ. Все къ лучшему! Почтальонъ, промчавшись до Серпухова, успокоить могъ меня насчетъ переправы черезъ Оку. Я узналъ, что принцъ рѣку сію перешелъ благополучно пѣшкомъ 8 числа и что всѣ экипажи и свита также по ту сторону рѣки, чему я очень радъ и сожалѣлъ послѣ, что не проводилъ принца до Серпухова по приглашенію его. Ледъ былъ ненадеженъ, но клали сутки цѣлые солому, поливая оную водою и потомъ опять слой соломы, чѣмъ составили твердую массу.—Признаюсь, что нездоровье Государя насъ тревожитъ; самое уже появленіе бюллетеней доказываетъ, что было начало болѣзни не бездѣльной. Богъ услышитъ молитвы не Россіи одной, но всей Европы. Послѣднее твое письмо насъ успокоило, ожидаю съ нетерпѣніемъ почту. Въ Москвѣ узнали это только вчера, а большую надѣлало тревогу.

*

Москва, 12 Ноября 1829.

Я кинулся на почту, чтобы узнать что-нибудь о Государѣ и, благодареніе Богу, бюллетень, а еще болѣе слова̀ Лонгинова насъ успокоили. Я узналъ отъ пріѣзжаго изъ Петербурга точную причину болѣзни Императора; ежели бы не былъ Государь столь нѣжный отецъ, то и болѣзнь бы не усилилась.

Вообрази, что свадьба Соковниной разошлась. Ломоносовъ это слышалъ сейчасъ отъ самого жениха: вышло какое-то неудовольствіе между графомъ и чудакомъ этимъ Соковнинымъ. Это очень непріятно для обоихъ, особенно для Софьи, которая цѣловалась съ женихомъ; кумушки станутъ Богъ знаетъ что разсказывать. Бобринскій ѣдетъ въ Парижъ, où il a donné rendez-vous à Lomonossoff.

*

Москва, 13 Ноября 1829.

Вчера много говорилъ я съ графинею Бобринскою*). Чуть точно не разошлось отъ упрямства Соковнина: сталъ на томъ, чтобы свадьба была въ Маѣ мѣсяцѣ, а Бобринскій не хотѣлъ ждать, однакоже графиня дѣло устроила и уговорила чудака этого сдѣлать свадьбу въ Январѣ. Все это не такъ что-то идетъ, и гармонію нельзя предвидѣть между этими господами; женившись, Бобринскій, отомститъ за все это Соковнину. Въ Москвѣ много будетъ вѣрно комеражей по этому случаю.—Молодая графиня Бобринская, урожденная Самойлова, проситъ меня доставить Юсупову письмо сіе и посылку; это какія-то комиссіи, данныя ей Императрицею. Доставь и извѣсти меня о полученіи, чтобы я могъ ее успокоить.

*

Москва, 14 Ноября 1829.

Nous n'avons rien de nouveau que le *rémariage* de Bobrinsky avec notre Socovnine, et puis le neveu de prince Serge se marie avec une vieille demoiselle Nariskine, fille de Мих. Петровичъ, qui était marié à une soeur de la comtesse Pouchkine Кат. Алексѣевны. Она цѣлый день только Богу молилась и поговаривала о монастырѣ, да вмѣсто того замужъ идетъ за карапузика, племянника Чижикова. Кривцова свадьба разошлась; родные не захотѣли отпустить тотчасъ молодую въ Римъ.

*

Москва, 18 Ноября 1829.

Графиня Катер. Алексѣевна Пушкина скончалась вчера вечеромъ. Царство ей небесное! Пожила довольно для женщины, была любима, уважаема въ семьѣ; не смотря на ударъ, бывшій за нѣсколько дней,

*) Т. е. съ матерью жениха, графинею Анною Владиміровною, ур. Унгернъ-Штернбергъ, вдовою перваго графа Бобринскаго.

могла говорить, была покойна, и сказывають, что послѣднія ея слова были, когда лили ей лѣкарство въ роть: меня кормятъ, какъ галчонка молодого! Стало, духъ ея былъ спокоенъ, ежели шутила. Это одна изъ старинныхъ нашихъ знакомыхъ; она пережила всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Я не понимаю, какъ эта скотина Кокошкинъ обвѣщаетъ на завтра спектакль. Кто пойдетъ въ театръ веселиться 19 Ноября? Я скажу Голицыну, чтобы это остановили; онъ меня поблагодаритъ за предостереженіе. Чего смотритъ полиція!

*

Москва, 19 Ноября 1829.

Я слышалъ вчера обстоятельство, которое очень меня тронуло: старуха Пушкина, какъ я тебѣ писалъ, умерла; за нѣсколько часовъ до кончины ея приходитъ священникъ въ спальню ея. Что̀ такое? Молебенъ, графиня, для вашего выздоровленія. Старуха сказала умирающимъ голосомъ слѣдующія трогательныя слова: Нѣтъ, мои друзья, помолимся прежде о выздоровленіи Государя нашего, а тамъ уже обо мнѣ; я довольно пожила, теперь уже всѣмъ въ тягость, а онъ нуженъ всѣмъ, молитесь за него, и мнѣ будетъ легче! Такъ и сдѣлали. Какъ тепло ни одѣлся, а прозябъ въ соборѣ. Народу простого было много: а насъ, вообрази, только комендантъ Веревкинъ, генералъ дивизіонный Набоковъ и я. Удивляюсь, что князь Д. В. не былъ; долженъ быть боленъ, ибо знаю, какъ онъ душевно преданъ покойному Императору. Я сегодня только узналъ, что П. П. Кутузовъ сенаторъ умеръ въ Твери, предсказавъ свою кончину за два мѣсяца прежде, и точно умеръ такъ. Былъ здоровъ, велѣлъ себѣ соборовать, отпѣвать, легъ въ постель и умеръ. Пріѣхалъ изъ деревни въ Тверь, сталъ въ трактирѣ, потомъ сказалъ, что неприлично умирать въ трактирѣ, нанялъ домикъ, гдѣ точно и умеръ черезъ два дня по предчувствію своему ровно черезъ два мѣсяца.

*

Москва, 20 Ноября 1829.

То, что̀ ты пишешь мнѣ, перемѣняетъ мои намѣренія, и я князя Д. В. буду просить засвидѣтельствовать передъ Государемъ о трудахъ моихъ около Персіянъ, ибо отъ графа нашего ждать нечего: моя персона слишкомъ мало его интересуетъ. Онъ не сдѣлалъ даже чести отвѣчать ни на одно мое письмо. Бывало, старикъ канцлеръ графъ Воронцовъ, когда я еще щенкомъ, во время болѣзни Карпова, посылалъ ему донесенія изъ Неаполя, конечно пустячныя, старикъ Воронцовъ дѣлалъ учтивость и самъ подписывалъ письма, коими въ двухъ словахъ гово-

рилъ: ваши донесенія получены, а иной прибавлялъ: и я ими доволенъ. Кто не жаденъ къ наградамъ, для того и это поощреніе *).

Вообрази, что Пушкина старуха умерла, не сдѣлавъ распоряженій, о коихъ говорила, въ пользу дочери Оболенской, которая бѣднѣе всѣхъ ихъ и имѣетъ много дѣтей: она ей всегда помогала, давая отъ 15 до 20 т. въ годъ. Кто велитъ Ванѣ это продолжать?

*

Москва, 22 Ноября 1829.

Вотъ и черный билетъ принесли. Графъ Девіеръ объявляетъ о кончинѣ старушки тещи своей Ел. Петр. Херасковой, бывшей пріятельницѣ батюшкиной; только ежели такой холодъ завтра, то въ даль такую за Сухареву башню не поѣду. Былъ у меня сейчасъ Каменскій Дм. Ник.; порядочный молольщикъ, началъ мною, продолжалъ съ женою и, отстряпавъ эту, кончилъ Лелькою. Сказывалъ, что писалъ тебѣ два раза; я отвѣчалъ, что ты былъ боленъ, а потомъ, когда нечего тебѣ говорить, то ты пустыхъ писемъ не пишешь, а молчишь. Былъ у меня и Вяземскій, скоро собирается къ вамъ. Кажется, хочетъ приняться за службу: умно сдѣлаетъ, а друзей и покровителей значущихъ у него довольно, способности также, такъ чего же лучше!

*

Москва, 25 Ноября 1829.

Вяземскій случился у меня, какъ принесли письмо твое, и онъ отнялъ у меня рѣчь Уварова. Хороша, краснорѣчива: видно, что сочиненіе поэта. Вели себѣ дать Дамскаго Журнала Шаликова № 48 (это послѣдній): тамъ найдешь ты подъ статьею: Принцъ Хозревъ-Мирза, описаніе нашего вечера; писано нѣсколько вадуто (это манера Шаликова), но все очень справедливо и, можетъ быть, слишкомъ уже подробно. Какъ не сказалъ онъ, что Юсуповъ игралъ съ нами въ веревочку по убѣжденію принца! Много теперь говорятъ о статьѣ сей. Ты знаешь Москву! Многія кумушки пріѣзжаютъ, повторяя: покажи, матушка, шаль, что принцъ прислалъ черезъ капитана. Шаль очень дрянная, а потому для чести принца и не показываемъ.

Потоцкаго управляющій и камердинеръ Барбасевичъ ѣдетъ завтра въ Одессу, везетъ тѣло покойнаго и все его имущество. Я выпросилъ ему атестатъ отъ князя Д. В. и письмо къ Воронцову и самъ пишу къ графу Льву. Вся эта исторія продолжалась бы еще годъ, но князь Дм. В. разрѣшилъ въ судахъ всѣ затрудненія, взявъ отвѣтствен-

*) У Воронцовыхъ, графовъ и князей, строго соблюдалось правило отвѣчать на всякое полученное ими письмо, хоть бы въ двухъ словахъ. Того же правила держался и „полудержавный властелинъ“ князь А. Д. Меншиковъ; но тотъ, по безграмотству, диктовалъ свои отвѣты и подъ ними царапалъ каракулями свое имя.

ность на себя одного, а то надобно бы еще дѣлать публикаціи цѣлый годъ и вызывать въ Россіи и чужихъ краяхъ наслѣдниковъ.

Экая бестія этотъ Романовъ! Какъ быть неблагодарну противъ такого человѣка какъ Воронцовъ, и эта самая неблагодарность, вѣрно, болѣе графа тронула, нежели потеря 30 т. Умно ты дѣлаешь, что никого не рекомендуешь; это дѣло деликатное. Я все бранюсь съ Волковымъ, коего страсть всякаго рекомендовать, какъ отличнаго человѣка, также дѣлать свадьбы; а доказано, что изъ 10 едва 3 удаются. Кланяйся Дашкову отъ меня, когда увидишь; я не въ претензіи, что онъ не отвѣчалъ на мое письмо. Знаю, что онъ былъ боленъ; тогда, пусть только смягчитъ участь несчастнаго сенатскаго оберъ-секретаря, который въ запальчивости ударилъ чиновника сенатскаго. Весело слушать, какъ Дашкова всѣ прославляютъ въ здѣшнемъ Сенатѣ. Я думалъ, что онъ множество будетъ имѣть завистниковъ и непріятелей, а вмѣсто того всѣ его хвалятъ и любятъ, особенно оберъ-прокуроры.

*

Москва, 26 Ноября 1829.

Я возвратился съ печальной церемоніи. Усталъ мочи нѣтъ и прозябъ. Тѣло изъ дому до Богоявленія несли мы на себѣ: Ваня, оба зятя покойницы, двое Волконскихъ, Кобылинъ, Анд. Афросимовъ, генералъ Набоковъ и я. Шли же мы въ однихъ мундирахъ съ открытою головою; правда, что тепло, но все-таки есть какая-то сырость въ воздухѣ. Какъ бы ни было, я исполнилъ священный долгъ противу доброй старухи; она насъ любила, какъ близкихъ своихъ. Давно не видалъ я такихъ похоронъ. Во-первыхъ, весь городъ, начиная отъ князя Дм. Вл. до послѣдняго изъ знакомыхъ, всѣ тутъ были, и на лицѣ всякаго изображалась грусть непритворная; да и ежели правду говорить, такъ въ чемъ можно упрекнуть покойницу?[1]) Въ одной скупости, но и эта не мѣшала ей принимать весь городъ, жить домомъ и дѣлать добро. Проповѣдь всѣхъ насъ тронула, а какъ стали прощаться, то не однѣ дамы расплакались, а Софью Алексѣевну[2]) насилу оттащили отъ тѣла; она вдругъ упала навзничь безъ чувствъ, и ее въ этомъ положеніи привезли домой. Не будь тутъ Четвертинскій и я, она бы могла убиться до смерти: насилу шесть человѣкъ могли ее поднять. Катер. Ал. не пустили на похороны ради ея нервъ разстроенныхъ. Софья хочетъ непремѣнно ѣхать провожать тѣло въ Ярославль; это уже напрасно, но не могутъ ее отговорить. Я въ послѣднюю болѣзнь графини

[1]) Графиню Е. А. Мусину-Пушкину, ур. княжну Волконскую, родную племянницу бывшаго при Екатеринѣ Московскаго генералъ-губернатора князя Михаила Никитича Волконскаго.

[2]) Дочь покойницы, княгиню Шаховскую. Другая дочь, Екатерина—кн-я Оболенская.

К. А. былъ передъ нею виноватъ, не посѣтилъ ея, но теперь какъ будто загладилъ вину свою. Это одна изъ первѣйшихъ нашихъ знакомыхъ молодости, скончалась 77 лѣтъ.

*

Москва, 29 Ноября 1829.

Я получилъ письмо изъ Воронежа отъ Ренненкампфа, оно меня встревожило: у Хозрева возобновилась тамъ Петербургская болѣзнь, и доктора для спасенія его должны были прибѣгнуть къ сильнѣйшимъ средствамъ, полтора фунта крови выпустили и поставили 40 піявокъ къ животу. 21 числа миновалась опасность, и 26 полагалъ Ренненкампфъ вывезти принца въ дальній путь. Онъ по его словамъ ужасно похудалъ и въ большой слабости, все говоритъ о Москвѣ, вспоминалъ нѣсколько разъ о нашемъ вечерѣ и велѣлъ всѣмъ намъ много кланяться. Ренненкампфъ не знаетъ, какъ переберется онъ черезъ горы Кавказскія верхомъ.

*

Москва, 1 Декабря 1829.

Здѣсь разсказываютъ, будто, князь Серг. Мих. разводится съ Princesse Nocturne и женится на фрейлинѣ Rosette, въ которую, будто, влюбленъ; скажу, какъ Боголюбова Нѣмецъ: il est bossible, ma ché né croa pas[1]).—Здѣсь только и разговоровъ, что о tableaux, что̀ будутъ у княгини Тат. Вас., всѣ на оныя напрашиваются, а я очень бы дорого далъ, чтобы Катенька была исключена, а княгиня напротивъ того просила вчера Наташу сдѣлать особенное tableau для Кати, и Ольгу проситъ непремѣнно. Проекты ихъ, по моему, всѣ нехороши: все тоже да тоже, S-te Cécile, la Maîtresse de Titien, et la Sybille. Мы хотимъ что-нибудь свое выкинуть; ужо будетъ къ намъ князь Мих. Голицынъ, что̀ женатъ на Вяземской, и Всеволожскій; мы потолкуемъ выдумать что-нибудь національнаго, взятаго изъ Жуковскаго или Пушкина сочиненій, а намъ хорошо то, что сарафаны у дѣтей есть съ нашего маскарада прошлогодняшняго. Не все еще рѣшено, но кажется, что твоя красавица Лазарева будетъ en Maîtresse de Titien, Хвощинская S-te Cécile, въ картинѣ извѣстной, генеральша Ушакова [2]) будетъ Дидоною, Бобринскій Энеемъ и пр. Странно, что съ того времени, что княгиня Т. В. обѣихъ дочерей выдала замужъ, она еще болѣе даетъ веселій до̀ма. Она добрая, милая женщина, и мы рады все для нея дѣлать.

*

[1]) Une avanture manquée, какъ говорила про это „черноокая Россети", полтора года позднѣе вышедшая за Н. М. Смирнова.

[2]) Марья Антоновна, мужъ ея былъ директоромъ Кадетскаго корпуса.

Москва, 17 Декабря 1829.

Ну переселился я теперь изъ Персіи въ Турцію. Только что отправилъ я вчера почту, получилъ я отъ графа Нессельроде письмо съ большими комплиментами насчетъ моихъ трудовъ около Хозрева и надежду его, что я и теперь тоже покажу благоразуміе и пр. C'est toujours mieux que rien. Вотъ мой отвѣтъ, прочти, запечатай и доставь. Ты увидишь, что я долгомъ счелъ намекнуть графу о страхахъ здѣшнихъ, чтобы Галиль-паша не привезъ намъ чумы сюда. Многіе и основательные люди не безъ страха; вчера и Волковъ мнѣ тоже говорилъ. Всѣ напуганы происходящимъ въ сосѣдствѣ. Разные ходятъ слухи вздорные, будто въ Кіевѣ точно чума, что Толь, наруша карантины, пріѣхалъ къ вамъ, не выдержавъ оную нигдѣ, что двое его людей умерли у васъ чумою, а его самого заперли въ крѣпость (и было бы за что); все это вздоръ, но дѣйствуетъ на умы. Разсказываютъ (не безъ доброжелателей вездѣ), что и тогда чума привезена была въ Москву въ Турецкой шали. Не было бы худо отобрать у нихъ все, да хорошенько обкурить. Мы все ищемъ домъ для этихъ свиней; трудно въ одномъ всѣхъ помѣстить, а розно неудобно. Дай Богъ только имъ здѣсь не заживаться; впрочемъ я того дѣлать не буду, что̀ дѣлалъ для Хозрева, да то и не приказано.

Жаль бѣднаго Ласунскаго, былъ хлѣбосолъ, но, можетъ, еще и выздоровѣетъ. Его жена [1]) отъ двухъ живыхъ мужей не будетъ имѣть ни одного. Этотъ не молодъ, но графиня Завадовская должна бы имѣть здоровье, подобное личику ея. Я очень радъ, что она опять брюхата, хотя это и прибавляетъ годы нашему пріятелю старому. Давно не слышу ничего о немъ.—Ну, братъ, не шутка это паденіе карниза въ залѣ Георгіевской. Какъ же Бога не благодарить, что такъ все обошлось и досталось только чернильницѣ покойной Екатерины II-й? Ужасно подумать, кабы паденіе это случилось 1 Генваря [2]); только тутъ, воля твоя, оплошность придворныхъ архитекторовъ или смотрителей, вѣрно была какая-нибудь большая трещина. Развѣ всякую недѣлю не обходятъ, не осматриваютъ весь дворецъ?

*

Москва, Декабря 1829.

Сколько ни объѣздилъ я домовъ, не могъ найти я удобнѣйшаго, какъ домъ кн. Салтыкова на Мясницкой [3]); кажется, можемъ помѣстить

[1]) Это славная впослѣдствіи игуменья Спасобородинскаго монастыря Марія (въ мірѣ Маргарита Михайловна Нарышкина, въ первомъ бракѣ Ласунская, во второмъ Тучкова).

[2]) Т. е. въ день всесословнаго маскарада, какіе тогда еще обыкновенно давались въ Зимнемъ дворцѣ на новый годъ.

[3]) Это нынѣ домъ Спиридонова, недалеко отъ Почтамта.

тамъ всю Турецкую шайку; ужо поѣду еще подробнѣе осмотрѣть и князя туда повезу. Трудно найти домъ на двѣ недѣли: всякій хочетъ отдать въ годы, а не то слупить милліоны, ежели бы можно. У васъ, вотъ, наняли домъ за 30 т. для Турки, а мы за дворецъ здѣсь заплатили только 8000 за все время, и все было по этому масштабу; а всѣ удивлялись великолѣпію нашему, ѣздили домъ смотрѣть какъ диковинку. Но Богъ съ ними! Нессельродъ не только добро дѣлать, но и бездѣльную пріятность не умѣетъ сдѣлать подчиненнымъ своимъ. Изъ нашего Архива разбѣгаются всѣ. Веневитинова, малаго отличнаго [1]), завербовалъ Закревскій къ себѣ, вотъ и другая такая же жемчужина кн. Мещерскій тоже выходитъ; останутся безподобный Малиновскій съ фискаломъ своимъ Азанчевскимъ.

*

Москва, 24 Декабря 1829.

У меня одна просьба идетъ за другою: одолжи меня и выкопай въ Петербургѣ жизнеописаніе графа Никиты Ивановича Панина, составленное Денисомъ Ив. Ф-Визинымъ, батюшкинымъ пріятелемъ. Оно было напечатано въ Сенатской типографіи, но книга сія очень рѣдка; кажется, Ден. Иван. не была пущена въ публику и продажу, а имъ только раздаваема пріятелямъ. Нѣтъ ли у кого это хоть въ рукописи? Не найдешь ли какого-нибудь старожила, помнящаго Ф.-Визина? Его современники и пріятели были батюшка, Шараповъ Вас. Алекс., Бакунинъ; давно всѣхъ ихъ не стало. Всякое свѣдѣніе о Денисѣ Ивановичѣ было бы очень мнѣ полезно.

*

Москва, 26 Декабря 1829.

Вчера былъ у меня Рушковскій; похудѣлъ. Въ Москвѣ глупые слухи возобновляются: ты вторымъ управляющимъ почтъ, Рушковскій на твое мѣсто, а я на его. Мнѣ очень не трудно доказывать всѣмъ нелѣпость сихъ слуховъ [2]).—Здѣсь заговорили, что князь Д. В. ѣдетъ къ вамъ, чтобы не возвращаться. Всѣ жалѣютъ объ немъ, даже и тѣ, кои, бывало, ругали его. Всегда такъ бываетъ. Называютъ сюда Паскевича, а другіе—Балашова, вчера сюда пріѣхавшаго; этого Боже избави Москву.

*

Москва, 30 Décembre 1829.

Не знаю, почему надписалъ по-французски число, начиная письмо къ тебѣ, но puisque c'est ainsi, je continuerai de même. Le grand

---

[1]) Алексѣя Владимировича. Это отецъ скончавшагося 14 Сентября 1901 года Михаила Алексѣевича.

[2]) Послѣдній слухъ скоро оправдался, и А. Я. Булгаковъ заступилъ Рушковскаго въ Московскомъ почтдиректорствѣ.

jour de bataille est passé! Nous chantons victoire, il n'y a pas de mort, ni de tué, mais une foule de subjugués. Tout le monde est dans l'admiration des tableaux. On les a fait répéter plusieurs fois, c'étaient des cris d'enthousiasme. S'il faut croire à ce qu'on dit, nos tableaux ont été les plus beaux. Je trouve que celui de Didon était aussi magnifique. La Lazarew était superbe, mais ces immenses cheveux flotants lui donnaient plustôt l'air d'une belle Madeleine. Mais qui était délicieuse c'est la petite Aliabieff[1]) qui est une beauté, et la petite Gontcharoff[2]) en soeur de Didon était ravissante. Le tableau de Titien avec son fils était aussi admirable, mais tout était charmant. Notre surprise a très-bien reussie: quand la princesse amena son monde dans la grande salle et que tout le monde fut assis et la toile levée au signal, elle s'attendait, d'après le programme, au tableau du petit Lanskoy, et pas du tout — on ouvre le grand cadre de milieu, qui répresentait une chambre, on voit Wsewolojsky et moi posant, faisant tableau; elle ne concevait rien à cela. Enfin après une demie minute je commence à bailler. W. étonné me dit: Et bien! Est-ce là la manière de poser? Vous baillez, bel exemple que nous donnons aux autres, ils diront: puisque les directeurs baillent, qui peut nous empêcher de dormir? J'eus soin pour *poser moi de mon naturel*, et voyez cependant comme je *pose naturellement* (il reprend son attitude), et alors commence une petite pièce de circonstance pleine d'allusion aux tableaux et que je vous enverrai demain. Elle a été très vivement applaudie. Il y avait près de 400 personnes; j'ai été intimidé avant le commencement, mais W., qui est un acteur encarné, m'a mis tout de suite à mon aise. Après cela commencèrent les tableaux d'après le programme.

Comme ç'a été fait très à la hâte, dans une dizaine d'heures, on n'a pas eu le temps d'y ajouter encore les deux tableaux, qui fesaient le pendant de notre fête russe et que nous arrangeâmes comme nous avons pu quelques heures avant la représentation. D'un coté il y avait un сбитеньщикъ (Ланской С. С.) et de l'autre une Охтенка laitière (m-lle Efimovitch). Не повѣришь восхищенiе всѣхъ; какъ открыли нашу картину, княгиня Т. В. закричала: charmant! charmant, mon ami; voyez Rojestweno [3]), comme c'est bien fait! Мы три раза должны были повторить. Катеньку осыпали похвалами. Княгиня ее цѣловала

[1]) Александра Васильевна, вышедшая потомъ за Киреева. Это была красота ослѣпительная, но холодная.

[2]) Семнадцатилѣтняя Наталья Николаевна. Пушкинъ вѣроятно былъ на этихъ живыхъ картинахъ: „И блескъ Алябьевой, и прелесть Гончаровой".

[3]) Рожествено, подмосковная князя Д. В. Голицына, Дмитровскаго уѣзда.

нѣсколько разъ, а насъ съ женою при всякой встрѣчѣ благодарили и княгиня и князь Д. В. Тутъ можно было видѣть, какъ они оба любимы, ибо всѣ съ восхищеніемъ исполнили желаніе его, не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ. Наташа вытащила весь свой гардеробъ, платья шитыя, что мы ей подарили въ коронацію, все пошло въ дѣло. Сарафаны обѣихъ сестеръ цѣнили въ 1000 р., а я далъ только 120 р. на атласъ, да 15 за крашеніе стараго крепу, одинъ vert de gris, а другой вишневаго цвѣту. Фастовы дѣти славно были на деревѣ. Меня никто не узналъ, изъ меня сдѣлали инвалида въ 70 лѣтъ. Множество охотниковъ пускаются на описанія. Тутъ былъ князь Шаликовъ, Араповъ пишетъ для С. Пчелы. Я просилъ Вяземскаго взяться за это; сказалъ: увижу! Мнѣ времени нѣтъ, а надобно бы за это тотчасъ приняться. Ну ужъ подлинно праздникъ! Только надобно было и такой домъ, чтобы устроить это такъ хорошо; всѣ мы и дамы имѣли особенныя комнаты, чтобы одѣваться, зало для приготовленія, зало для табло, зало для концерта и пѣнія бывшаго въ entre-actes, гостиная для карточныхъ столовъ, послѣ танцовали и ужинали. Право, стоило бы того хорошенько это слитографировать съ рисунками всякаго табло. Князь и княгиня вчера поговаривали повторить все это еще разъ дня черезъ три, и право, стоило бы того. Я дамамъ шепнулъ на ухо платьевъ своихъ не распивать и не портить, всѣ очень обрадовались этому и готовы опять позировать. Я очень радъ, что все кончилось покуда. Вотъ тебѣ наскоро и въ двухъ словахъ нашъ праздникъ. Передай Афросимову и Москвичамъ нашимъ. Я видѣлъ вчера Ломоносова сестру, которая также была въ восхищеніи отъ табло.

Спасибо за новую монету, это диковинка здѣсь, и тесть отнялъ у меня на день, вѣрно, показывать всѣмъ. Пусть тѣшится старикъ, а вчера онъ плакалъ, какъ женщина, глядя на своихъ внучекъ. Ужъ подлинно можетъ ими гордиться во всѣхъ отношеніяхъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

И такъ, въ каретѣ Тосканскаго почтоваго курьера я достигъ до Болоньи, но не засталъ уже нѣсколькими часами дилижанса прямого направленія въ Вѣну, чрезъ Сѣверовосточную Ломбардію, Стирію и Каринтію (отправлявшагося чуть-ли не разъ только въ недѣлю), и потому предпочелъ, вмѣсто того чтобы просидѣть нѣсколько дней понапрасну въ Болоньи, взять мѣсто въ другомъ дилижансѣ, имѣвшемъ отбыть на третій день въ Вѣну, хотя съ крюкомъ на Тирольскіе города Инспрукъ и Зальцбургъ, а оттуда на Линцъ. Утомительно-медленная ѣзда тяжелаго, какъ его соотечественники, Нѣмецкаго дилижанса, двигавшагося по одной Нѣмецкой мили (8 верстъ) въ часъ, клонила меня къ размышленіямъ всякаго рода. Помню, что пока свѣтила еще та самая луна, нарожденіе коей началось, когда я находился въ семейномъ своемъ кругу, мнѣ казалось, что я несовсѣмъ былъ еще оторванъ отъ него и какъ будто-бы онъ былъ не далече отъ меня. Не разъ говорено уже, что я мечтатель и впечатлителенъ черезчуръ. На пятые лишь сутки, помнится мнѣ, мы добрались до Вѣны, гдѣ я пробылъ три дня и обѣдалъ разъ у Д. П. Татищева. Онъ любезно весьма обошелся со мною и показывалъ мнѣ свою картинную галлерею, собранную преимущественно въ бытность его министромъ при Мадридскомъ дворѣ и имъ завѣщанную Императорскому Эрмитажу. Изъ Вѣны я впервыя въ жизни прокатился по желѣзной дорогѣ до города Брюна, всего три или четыре часа ѣзды; а изъ Брюна до Львова я доѣхалъ опять въ медленно подвигавшемся дилижансѣ; но тамъ прекращалась для меня дальнѣйшая ѣзда въ сносномъ экипажѣ. Въ Радзиловѣ я пересѣлъ на родимую перекладную и, проскакавъ на ней не менѣе двухъ дней и двухъ ночей безъ остановки, добрался до Кіева, съ разбитыми буквально костями, и пролежалъ тамъ безъ всякой болѣзни, первое время послѣ моего пріѣзда. За исключеніемъ двухъ дней, проведенныхъ въ Болоньи въ ожиданіи дилижанса, трехъ дней

---

*) См. выше, стр. 180 (по ошибкѣ на сорочкѣ 10-го выпуска означено 280).

въ Вѣнѣ и одного дня во Львовѣ, я совершилъ проѣздъ изъ Флоренціи до Кіева на четырнадцатый день: скорость, показавшаяся Кіевскимъ моимъ знакомымъ баснословною. Вмѣсто графа А. Д. Гурьева, генералъ-губернаторомъ былъ уже Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, коего я счелъ обязанностію посѣтить, хотя не былъ никогда знакомъ съ нимъ. Вмѣсто умершаго преосв. Евгенія, митрополитомъ былъ Филаретъ, а вмѣсто викарнаго, хорошаго моего знакомаго Владимира (уже бывшаго тогда Костромскимъ епископомъ), знаменитый проповѣдникъ Иннокентій. Поспѣшилъ я повидаться со всѣми прежними Кіевскими нашими друзьями. Таковыми именно могу я ихъ назвать. Первою изъ нихъ была Екатерина Дмитріевна Голубцова [1]; но какая-то грусть завладѣла мною при воспоминаніи о столь весело проведенномъ тамъ времени съ моею женою, и когда я отправился отслужить молебенъ въ Михаилоархангельскій соборъ, гдѣ мы вмѣстѣ бывали по воскреснымъ днямъ на архіерейской службѣ преосв. Владимира, я не могъ удержаться отъ слезъ. Добродушный іеромонахъ, служившій заказанный мною молебенъ, котораго я сразу узналъ, какъ бывшаго протодіакона викарнаго архіерея, замѣтивъ мое смущеніе, спросилъ съ участіемъ, не случилось ли со мною какого-нибудь несчастія. Повторяю, что, вопреки моей вѣтренности, чувства мои къ женѣ были тогда любовничьими.

Мои знакомые нашли мнѣ попутчика. Это былъ весьма пріятный господинъ, фамиліи коего не помню, пріѣхавшій въ Кіевъ для опредѣленія своего сына въ тамошній университетъ. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ своей кибиткѣ, а прогоны мы платили пополамъ. Это было въ началѣ Ноября; осень была безснѣжная, и телѣжная на колесахъ ѣзда до того меня растрясла, что я разстался въ Орлѣ съ своимъ попутчикомъ: онъ продолжалъ свой путь въ Москву, а я пожелалъ отдохнуть два-три дня въ Орлѣ, гдѣ шуринъ мой, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ, хотя ему было отъ роду только 24 года. Изъ Орла я опять пустился на перекладной, черезъ Болховъ, Козельскъ и Калугу и такъ добрался до села Знаменскаго. Въ Козельскѣ я остановился на нѣсколько часовъ, повидаться съ старымъ моимъ знакомымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Ивановымъ, тогда учителемъ (или чуть-ли уже не смотрителемъ) Козельскаго уѣзднаго училища [2]. Онъ, въ бытность свою учителемъ Русскаго языка

[1]) Нынѣ она начальницею тамошняго Института благородныхъ дѣвицъ.

[2]) Достойный этотъ старецъ, бывшій впослѣдствіи смотрителемъ Перемышльскаго уѣзднаго училища, отдыхаетъ нынѣ на лаврахъ двухъ выслуженныхъ имъ пенсіоновъ. Во время службы своей въ Козельскѣ онъ сумѣлъ пріобрѣсти дружеское къ себѣ расположеніе семейства тамошняго помѣщика Сергѣя Николаевича Кашкина.

въ Тарускомъ уѣздномъ училищѣ, въ началѣ 30-хъ годовъ, хаживалъ въ Знаменское для уроковъ обоимъ дѣтямъ Е. П. Нарышкиной, въ домѣ коей онъ сдѣлался близкимъ лицомъ, благодаря веселому и уживчивому своему нраву: ѣзжалъ съ нами верхомъ, помогалъ О. А. Тридону устраивать фейерверки и былъ всѣми нами любимъ. Какъ человѣкъ, слѣдившій за всѣмъ современнымъ въ литературѣ и отчасти въ наукѣ, насколько допускали это тѣсная рамка его дѣятельности и его средства, онъ, обрадованный моимъ нежданнымъ посѣщеніемъ, не умолкалъ въ распросахъ о всемъ видѣнномъ мною за границею, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ одинъ изъ его педагогическихъ товарищей, типъ семинарскаго свѣжевыпущенника, и какъ холодилка на нашъ оживленный разговоръ, съ эмфазисомъ произнесъ: «А позвольте васъ спросить» (т. е. меня), «какая причина заставила васъ путешествовать?» Мы оба фыркнули при этихъ словахъ...

Какъ ни рада была теща моему возвращенію, но я нашелъ ее въ такомъ же тревожномъ состояніи, въ какомъ былъ и я отъ слуховъ о неудачномъ Бородинскомъ предпріятіи. Я сейчасъ извѣстилъ Леона о моемъ прибытіи въ Знаменское, и онъ не замедлилъ прислать ко мнѣ довѣреннаго своего. Это былъ Полякъ докторъ Турчинскій *); а между тѣмъ преданный мнѣ Радзиковскій (уже хозяинъ кондитерскаго заведенія подъ Новинскимъ) случайно узнавшій о моемъ возвращеніи, также прискакалъ ко мнѣ туда, но безъ вѣдома Леона, которому онъ никогда не сочувствовалъ. И тотъ и другой звали меня скорѣе въ Москву; но Станиславъ Флоріановичъ Турчинскій успокоивалъ меня на счетъ моихъ дѣлъ тѣмъ, что Леонъ можетъ еще, пожалуй, вывернуться изъ этой путаницы, тогда какъ, напротивъ, Радзиковскій представлялъ дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ. Я былъ крайне затрудненъ, кому изъ двухъ повѣрить; но загадка должна была вскорѣ разрѣшиться въ Москвѣ, куда я не замедлилъ отправиться съ Турчинскимъ, соблюдая инкогнито, по случаю предъявленныхъ уже на меня исковъ.

Здѣсь приходится сдѣлать новое отступленіе отъ нити разсказа и прежде чѣмъ коснуться печальнаго исхода Бородинскаго предпріятія, изложить мимоходомъ о случившемся около того времени въ Знаменскомъ.

Обветшалой Знаменской церкви, числившейся тогда приходскою с. Игнатовскаго и деревни Слащевки, угрожало паденіемъ: а исправить ее невозможно было иначе, какъ, разобравъ ее всю до основа-

*) Онъ былъ врачемъ у меня въ с. Порзнѣ съ 1835 по 1839 годъ

нія, заново перестроить; но на это не хватало у г-жи Нарышкиной денежныхъ средствъ, да и кромѣ того, по существовавшимъ тогда правиламъ о сельскихъ церквахъ, допускались лишь нѣкоторыя поправки въ обветшалыхъ деревянныхъ церквахъ, но отнюдь не перестройки ихъ заново. Весь преданный Нарышкинскому семейству, О. А. Тридонъ, управлявшій Знаменскимъ въ отсутствіе въ Италію владѣлицы онаго, обратился тогда къ Калужскому архіерею Николаю съ просьбою о выдачѣ ему указа на поправку церкви. Преосвященный хорошо зналъ и любилъ Осипа Августиновича за его всегдашнюю откровенность, прямоту сужденій и человѣколюбивое направленіе, и достойнаго этого іерарха потѣшала, можетъ быть, безцеремонность обращенія нашего Француза со всѣми вообще, а въ томъ числѣ и съ нимъ самимъ. Живой во всѣхъ своихъ пріемахъ, Осипъ Августиновичъ безразборчиво относился къ своему сановному собесѣднику на Французскомъ языкѣ, нимало не заботясь, зналъ ли владыко это нарѣчіе, что̀ впрочемъ взошло у него въ привычку, и онъ тоже самое дѣлалъ съ другими знакомыми ему лицами. Но на сей разъ оказалось, что преосв. Николай, хотя не практически, но научно зналъ этотъ языкъ, а отвѣчалъ по-русски. Въ своей же Французской фразеологіи, г. Тридонъ хотя величалъ (кажется) Русскаго іерарха по принятому титулу «votre éminence»*) и «monseigneur», но переходя въ пылу разговора на Русское нарѣчіе, въ которомъ онъ никогда не отличался, вмѣсто употребленія многосложнаго титула «ваше преосвященство», Французъ нашъ сбивался на болѣе сокращенное «вы батушка», чѣмъ однакоже почтенный и умный іерархъ нисколько не обижался. Тутъ случился въ дѣлѣ о перестройкѣ церкви будто-бы слѣдующій куріозъ, слышанный мною не помню отъ кого, и потому я передаю его, не ручаясь за его достовѣрность. Когда, наконецъ, ревностный нашъ храмоздатель добился до желаемаго и въ одно изъ посѣщеній своихъ Калужскаго архипастыря былъ встрѣченъ привѣтствіемъ: «Ну, любезнѣйшій мой Осипъ Августовичъ, я исполнилъ ваше желаніе и далъ предложеніе консисторіи о разрѣшеніи поправокъ въ вашей церкви; теперь потрудитесь сходить сами въ консисторію за полученіемъ указа по этому дѣлу, вспыльчивый нашъ Французъ не выдержалъ. «Какъ, *батушка*» возразилъ онъ: «чтобы я пошелъ къ этимъ разбойникамъ? Да ни за что на свѣтѣ, а потрудитесь сами выслать къ намъ вашъ указъ». Услышавъ это, добрый архіерей разразился хохотомъ и, подозвавъ

*) Это не совсѣмъ даже правильно: „Votre éminence" говорится однимъ кардиналамъ и (можетъ быть) архіепископамъ, а къ простымъ епископамъ, какимъ былъ преосв. Николай, во Франціи относятся съ титуломъ „votre grandeur".

(будто-бы) къ себѣ одного изъ находившихся тутъ случайно городскихъ протопоповъ, который былъ членомъ консисторіи, сказалъ ему: «Подойди-ка сюда поближе, да послушай, какъ васъ честятъ»[1]). Но прежде, чѣмъ продолжать разсказъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Осипа Августиновича, нужно упомянуть, что денежными пожертвованіями отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и отъ меня чрезъ Леона, въ 1000 р. асс., и шурина моего Алексѣя Ивановича, онъ собралъ достаточную на эту постройку сумму.

Тридонъ, прискакавъ съ консисторскимъ указомъ въ карманѣ въ Знаменское, гдѣ плотничья артель была у него уже наготовѣ, долго не думая, началъ съ того, что разобралъ весь храмъ до каменнаго фундамента. Таруское городское духовенство, несочувственно смотрѣвшее на исправленіе приходской церкви (отъ желанія вѣроятно, чтобы она либо была причислена къ ихъ собору, либо вовсе уничтожена[2]), внимательно слѣдило за дѣйствіями отважнаго строителя и готовилось было (какъ о томъ шли толки) подать протестъ, что Игнатовская церковь не то чтобы исправлялась, а перестраивалась заново до основанія; но къ счастію ея и нашему какой-то мѣстный законовѣдецъ шепнулъ Тридону, что если онъ успѣетъ вывесть немедля срубъ въ 5 или 6 вѣнцовъ, то ему тогда нечего будетъ опасаться послѣдствій. Сказано, сдѣлано; и какъ Русскому мастеровому почти что нѣтъ ничего невозможнаго при помощи винца, то артель, усиленная вслѣдствіе сего казуса нѣсколькими экстренными плотниками, рор ботавъ весь день и всю лѣтнюю ночь, вывела строеніе къ слѣдующему дню въ размѣрѣ требуемомъ по закону для перестройки и тѣмъ облегчила дальнѣйшее существованіе этой церкви, хотя вслѣдствіе состоявшагося новаго положенія о приходахъ вообще требуется, чтобы таковые состояли не менѣе какъ изъ 300 душъ Знаменская приходская церковь, при которой не хватало 100 душъ до этой цифры, причислена была окончательно къ Тарускому Петропавловскому собору, съ тѣмъ однакоже, чтобы изъ трехъ имѣющихся приономъ причтовъ одинъ ходилъ поочередно служить, по большимъ праздникамъ, въ эту церковь.

Высказавъ въ разныхъ мѣстахъ настоящихъ записокъ всѣ достоинства незабвеннаго нашего друга, я долженъ, ради характеристи-

[1]) Преосв. Николай былъ передъ тѣмъ Московскимъ викарнымъ архіереемъ, потомъ Тамбовскимъ и до конца жизни правилъ Калужскою паствою. Въ одинъ изъ его служебныхъ разъѣздовъ по епархіи, въ 1851 году, карета его гдѣ-то опрокинулась, и онъ вскорѣ умеръ отъ ушиба, полученнаго при паденіи.

[2]) С. Игнатовское (Знаменское) безъ малаго въ двухъ верстахъ отъ Тарусы.

ки его личности, заявить о скорбномъ обстоятельствѣ слабыхъ его религіозныхъ убѣжденій. Хотя не былъ онъ атеистомъ, ни матеріалистомъ, но, ограничиваясь деизмомъ, раздѣлялъ взглядъ нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ, что «chacun a de la religion à sa manière. Тѣмъ не менѣе я не знавалъ человѣка, который бы лучше Тридона исполнялъ на практикѣ евангельскую заповѣдь о любви ближняго и о подачѣ помощи нуждающему и страждущему, хотя онъ не придавалъ никакого религіознаго значенія таковымъ истинно-добрымъ дѣламъ, совершеннымъ имъ въ теченіе многихъ лѣтъ: дѣлать добро было у него душевною потребностію. И сколькихъ больныхъ изъ бѣднаго сословія въ самомъ городѣ Тарусѣ и въ округѣ онъ лѣчилъ безвозмездно (я говорилъ уже прежде, что онъ былъ весьма свѣдущъ въ медицинѣ), снабжая ихъ медикаментами не токмо безденежно, но и съ придачею иногда собственныхъ денегъ. За то умилительно было въ высшей степени видѣть, какихъ проводовъ удостоились бренные его останки *) отъ всего этого бѣднаго люда!

Когда по отпѣваніи въ Тарускомъ соборѣ (что для Римско-католическаго иновѣрца достойный протоіерей Михаилъ Февралевъ счелъ возможнымъ сдѣлать) понесли его тѣло на погостъ, то, не смотря на то, что разстояніе было не болѣе полуверсты, шествіе продолжалось около часу отъ частыхъ остановокъ для просимыхъ жителями литій. А что до нерелигіознаго его направленія, то оно объясняется тѣмъ, что, родившись въ самомъ разгарѣ богохульной Французской революціи, онъ провелъ раннія свои года въ этой пагубной атмосферѣ; да и на умъ тогдашней молодежи ничего не входило, кромѣ увлеченія военными успѣхами Наполеоновскаго оружія. Уповая на Божественное изреченіе, что не всякій взывающій: Господи, Господи! спасется, а творящій Его волю, друзья этого истиннаго филантропа могутъ надѣяться, что безмѣрное милосердіе Всевышняго не оставитъ безъ возмездія столь ревностнаго исполнителя Его закона о любви къ ближнему.

Затѣмъ возвращаюсь къ моимъ приключеніямъ, ибо таковыми можно назвать Бородинскій мой разгромъ.

Такъ какъ изъ словъ Турчинскаго и Радзиковскаго очевидно было, что въ Москвѣ угрожали мнѣ личнымъ арестомъ, то я, пріѣхавъ туда ночью, остановился на нѣсколько часовъ у Ивана Антоновича Кавецкаго, жившаго тогда на Ордынкѣ, противъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, наискосокъ дома Долговыхъ. Туда не замедлилъ явиться Леонъ и хотя онъ затянулъ туже успокоительную пѣсню, какъ Турчин-

*) Онъ умеръ въ Декабрѣ 1858 года 64 лѣтъ отъ роду.

скій, и что даже мое присутствіе въ Россіи не было вовсе столь необходимымъ, какъ я воображалъ; однакоже, видя, что онъ и И. А. Кавецкій находили опаснымъ мое пребываніе въ Москвѣ, я сейчасъ же переѣхалъ къ Н. А. Дивову, жившему тогда въ домѣ, на Покровкѣ, доставшемся его женѣ отъ графа Сергѣя Петровича Румянцова [1]), откуда, по общему совѣту, я въ тотъ же день въ сумеркахъ переѣхалъ на Дивовскую подмосковную Зенинскую ферму. По родственному ко мнѣ участію, Николай Адріановичъ отправился на слѣдующій день къ князю Дмитрію Владимировичу Голицыну извѣстить его о моемъ пріѣздѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о его заступничествѣ въ запутанныхъ Леона дѣлахъ, и князь хотя обѣщался дѣлать все отъ него зависящее, нашелъ однакоже, что для обезпеченія моей личности отъ ареста, мнѣ необходимо глазъ не казать въ Москвѣ. Въ Зенинѣ явился ко мнѣ мой комиссіонеръ по пересылкѣ картинъ, Итальянецъ Паоли. Онъ бранилъ Леона изо всѣхъ силъ и также досадовалъ на свое бездѣйствіе, ибо картины мои раздавались Леономъ въ долгъ или въ уплату кое-какихъ его долговъ, а чистой денежной выручки никакой не было. Также навѣщали меня тамъ Леонъ и И. А. Кавецкій; оба обнадеживая меня, что дѣла мои не настолько еще въ безвыходномъ положеніи, какъ о томъ шла молва въ публикѣ, и я мало по малу успокоивался и началъ уже подумывать о случаяхъ, гдѣ бы я могъ высказать успѣхи свои въ пѣніи отъ трехлѣтняго пребыванія въ Италіи [2]). Въ Зенинѣ я провелъ вдвоемъ съ Н. А. Дивовымъ болѣе мѣсяца, и послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ нимъ, Леономъ и Кавецкимъ, рѣшено было ѣхать мнѣ въ Петербургъ съ симъ послѣднимъ, чтобы похлопотать въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ о какомъ-нибудь облегченіи по подряду продовольствія Московскаго военнаго госпиталя, также взятому Леономъ на мое имя и шедшему столь неудачно, что Московская Комиссаріатская коммисія продолжала операцію на счетъ нашихъ залоговъ.

И такъ, отпраздновавши въ Зенинѣ именины Дивова (въ зимній Николинъ день), я вскорѣ пустился вдвоемъ съ Кавецкимъ въ Петербургъ. Стужа стояла сильнѣйшая, и потому мы ѣхали не спѣша, останавливаясь каждый день на ночлегъ.

---

[1]) Къ сожалѣнію вскорѣ послѣ сего Зинаида Сергѣевна Дивова продала безъ всякой особенной нужды этотъ вельможный домъ купцу Усачеву.

[2]) Естественно, что я поддавался мнѣнію и взглядамъ И. А. Кавецкаго, какъ человѣка считавшагося авторитетомъ въ нашемъ семействѣ. Онъ не былъ способенъ къ подкупу, и потому непонятно, какъ сумѣлъ Леонъ околдовать его.

Здѣсь считаю умѣстнымъ поговорить о Бородинскомъ нашемъ разгромѣ. Соображаясь съ послѣдствіями, поневолѣ подозрѣваю я, что эта операція Леону была нужна, дабы въ случаѣ неудачи свалить на нее всѣ прежніе долги и запутанныя свои дѣла, а съ другой стороны дѣйствовало и Русское авось, что пожалуй будетъ и выручка, и по видимому онъ билъ на то, что панъ или пропалъ *).

Вотъ какъ все дѣло началось. Графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель (тогда главно-управлявшій департаментомъ путей сообщеній и публичныхъ зданій) вызывалъ «охотниковъ» на постройку помѣщеній для высокихъ особъ, имѣвшихъ присутствовать на Бородинскихъ маневрахъ, въ числѣ отъ 300 до 400 лицъ. Предъявленныя по сему дѣлу денежныя кондиціи разными подрядчиками были отвергнуты въ Петербургѣ, на томъ-де основаній, что казна ничего не даетъ на постройку, а что будетъ платить за нанимаемые сю нумера по установленной цѣнѣ: обстоятельство, которое не надо терять изъ виду. На этомъ основаніи Леонъ, при всей своей опрометчивости, имѣлъ право, если судить по совѣсти, на уплату за всѣ построенные имъ нумера, ибо число таковыхъ было однимъ изъ условій утвержденія за нимъ всего подряда. По случаю этой постройки былъ учрежденъ особенный временный Можайскій комитетъ, подвѣдомственный графу П. А. Клейнмихелю, и потому Леонъ отнесся туда съ предложеніемъ, что берется выстроить около 150 (помнится мнѣ) таковыхъ требуемыхъ отдѣленій, каждое изъ четырехъ комнатъ съ кухнею, и чуть ли ни съ конюшнею и каретнымъ сараемъ. Плату онъ назначилъ по 1000 рублей асс. за отдѣленіе, по переднему фасу, и по 800 р. асс. въ заднемъ фасѣ, съ представленіемъ плана постройки. Планъ и назначенная плата за эти отдѣленіи получили высочайшее утвержденіе. Впослѣдствіи же, самъ графъ П. А. Клейнмихель, у коего я былъ на аудіенціи, сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что хотя правительство обязывалось платить за нанимаемые онымъ нумера, но не обязывалось занять ихъ всѣ. Это было несомнѣнно упущеніе со стороны Леона, но случайное или преднамѣренное, не знаю. Можетъ быть, онъ опасался отказа, если бы формулировалъ свои кондиціи на непремѣнномъ условіи занятія или платежа за всѣ безъ исключенія отдѣленія; а можетъ быть также, что повѣривъ слуху, что весь императорскій дворъ и дипломатическій корпусъ прибудутъ къ маневрамъ, онъ не сомнѣвался, что всѣ его нумера будутъ

*) Это мое подозрѣніе подкрѣпляется нынѣ воспоминаніемъ. Онъ говаривалъ мнѣ, что какъ я не могъ справиться съ полутора миліономъ рублей долгу послѣ Бородинской операціи, такъ не могъ бы и уплатить триста тысячъ долгу до этой операціи, и пожалуй онъ былъ правъ.

заняты. Допуская, что въ редакціи условій при комерческихъ предпріятіяхъ нельзя быть довольно осторожнымъ и пунктуальнымъ, нахожу однакоже, что отговорка, высказанная мнѣ впослѣдствіи графомъ П. А. Клейнмихелемъ, отзывается приказною крючковатостью. Результатомъ громаднаго этого предпріятія было слѣдующее. Ни одна женская особа царской фамиліи не пріѣхала, не было также и дипломатическаго корпуса. Государь помѣстился въ палаткѣ, на противуположномъ концѣ лагеря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Московскаго городка, и примѣру его послѣдовали великій князь наслѣдникъ, герцогъ Лейхтенбергскій, государева свита и большая часть званыхъ къ военному этому торжеству особъ [1]). Графъ М. С. Воронцовъ, да еще двое или трое изъ генералитета, наняли въ городкѣ по одному отдѣленію на собственный ихъ счетъ, да казною взято было, кажется еще 4 или 5 отдѣленій, а всего около десяти, за которыя выручено было около 10 т. р. ас.; а за тѣмъ всѣ остальныя отдѣленія, числомъ около 140, остались не занятыми. Изъ сего видно, что повѣренный мой имѣлъ по совѣсти право на сумму отъ 130 до 140 т. р. асс. приблизительно, но на ничто болѣе, тогда какъ весь оборотъ предпринятой имъ операціи простирался болѣе чѣмъ на миліонъ рублей. Во-первыхъ, Леонъ заплатилъ какую-то баснословную сумму (чуть ли не 8 или до 10 р.) землевладѣльцу (Можайскому исправнику) за тѣ немногія десятины, на которыхъ построенъ былъ городокъ; да, имѣя въ виду, пріѣздъ на маневры толпы изъ окрестныхъ мѣстъ и изъ Москвы, онъ выстроилъ разные рестораны, театръ и вокзалъ для баловъ. Въ этихъ ресторанахъ торговали Еврейскіе и полу-еврейскіе его приказчики и приказчицы (изъ послѣднихъ нѣкая мамзель Юлія [2]) была красавица и кокетствомъ своимъ привлекала потребителей въ ввѣренное ей заведеніе). Сверхъ того онъ выписалъ, не знаю уже сколько, Бѣлевскихъ маркитантовъ, снабдивъ ихъ прикащичьими довѣренностями, коихъ распредѣлилъ по палаткамъ, по всему лагерю, растянутому на пространствѣ отъ 8 до 10 верстъ. Вся провизія и вина были отъ Леона. Вина взяты были подъ векселя на страшную цифру у Московскихъ оптовыхъ виноторговцовъ Катуа̀ръ, Трипѐ и у другихъ менѣе знаменитыхъ лицъ, а для хода операціи, наличными деньгами онъ влѣзъ въ кредитъ на сумму, какъ помнится мнѣ, много болѣе 100 т. р. у банкировъ Ценкера и Колли, не говоря уже о болѣе мелкихъ суммахъ, отъ 3 до 20 т. р., кои удавалось ему выманивать, гдѣ только онъ пронюхивалъ (а на это было

---

[1]) Самъ я впослѣдствіи и не полюбопытствовалъ навѣстить мѣсто пораженія всего моего состоянія.

[2]) Бывшая передъ тѣмъ акробаткою.

особое у него чутье, да и агенты его мыкались по всей Москвѣ съ этою цѣлью) запахъ наличныхъ рублей. По обыкновенный неурядицѣ, плотничная работа городка не приведена еще была къ концу, когда стали съѣзжаться на маневры, черезъ что пришлось ему платить въ тридорога экстреннымъ плотникамъ, чтобы не опоздать открытіемъ всѣхъ заведеній. Въ двухъ ресторанахъ торговали приказчиками единственные вѣрные мнѣ люди, Радзиковскій и Итальянецъ Паоли и, кажется, что они одни честно доставляли въ главную Леонова контору вырученныя деньги, хотя какъ ихъ, такъ и остальныхъ своихъ приказчиковъ у Леона не было никогда въ обычаѣ усчитывать, и потому послѣдніе дѣйствовали какъ хотѣли. Меня увѣряли, что одинъ изъ этихъ Іерусалимскихъ агентовъ выпилъ будто бы на свою долю чуть ли на нѣсколько сотенъ бутылокъ Шампанскаго и что Бѣлевскіе маркитанты повели дѣло гораздо проще: они подъ конецъ маневровъ, когда Леонъ бѣгалъ какъ угорѣлый отъ наступавшихъ на него кредиторовъ, разбрелись во всѣ стороны не токмо безъ дачи отчетовъ, но увезя якобы съ собою оставшіеся у нихъ на рукахъ запасы винъ, чаю, сахару и пр. и ускользнули отъ законнаго преслѣдованія, потому что Леону было тогда не до нихъ, да и преслѣдовать было не легко; ибо ручаться нельзя, что отъ многихъ изъ таковыхъ онъ не потребовалъ и паспортовъ. Вотъ вкратцѣ вся суть этой безалаберной операціи.

Все разсказанное можетъ показаться читателю Арабскою сказкою тысячи и одной ночи, ибо таковымъ оно нынѣ представляется и самому мнѣ. Театръ и балы въ вокзалѣ не оставались, правда, пустыми, но что могла значить эта выручка при всеобщихъ убыткахъ? Надо сказать, что антецедентомъ этому предпріятію послужили маневры подъ Вознесенскомъ съ 1837 году. Графъ де Витъ, тогдашній начальникъ южныхъ военныхъ поселеній, выстроилъ также городокъ; но не въ примѣръ Леону, ему посчастливилось продать свою постройку казнѣ, не знаю впрочемъ для какой потребности. Бородинскія же постройки никому не были нужны, а такъ какъ на слѣдующій 1840 годъ, мѣстный исправникъ - землевладѣлецъ настаивалъ снести ихъ, потому что земля нужна была ему для посѣвовъ, то Леону пришлось заплатить ему еще неустойку, сверхъ условленныхъ за наемъ земли денегъ, и не знаю, выручили ли мы 3 или, «maximum», 4 т. за весь этотъ подгнившій хламъ. Когда, послѣ своего пораженія, Леонъ явился въ Москву, то его обступили второстепенные кредиторы и чтобы зажать имъ хоть на время ротъ и не попасть самому въ яму, онъ умиротворялъ злѣйшихъ изъ таковыхъ остатками винъ и колоніальныхъ товаровъ, у него уцѣлѣвшихъ, за заборъ коихъ впрочемъ векселя не были еще уплачены

Вотъ въ какомъ положеніи я засталъ дѣла, когда пріѣхалъ въ Москву; но кромѣ того былъ огромный начетъ въ Коммисаріатской Коммисіи за неисправность по поставкѣ продовольствія въ Московскій Военный Госпиталь, падающій на залоги, представленные въ обезпеченіе этого подряда. Впрочемъ справедливость требуетъ добавить, что помимо безпорядочнаго способа веденія этого дѣла, были и непредвидѣнныя обстоятельства, увеличивавшія убытокъ. Я уже объяснилъ, что Леонъ имѣлъ привычку, лишь бы только взять подрядъ, спускать до невозможности цѣны товаровъ изъ припасовъ, имѣя въ виду не столько барышъ, сколько съ цѣлью посредствомъ представленныхъ залоговъ захватить скорѣе задаточныя деньги, подъ предлогомъ первоначальныхъ будто бы покупокъ для подряда. Въ сущности же предметы эти брались въ большинствѣ случаевъ въ долгъ, а взятыя задаточныя деньги расходились, чтобы заткнуть, какъ говорится, дыры и угомонить крикливѣйшихъ кредиторовъ. Такимъ образомъ перебивался онъ со дня на день, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ *). Весною 1839 г., когда жизненные припасы были дешевы, онъ взялся ставить напр. муку въ госпиталь по 60 к. ас. за пудъ, имѣя впрочемъ въ виду существовавшій тогда въ Москвѣ *лажъ* на ассигнаціонные билеты: вещь не бывшая въ ходу на Петербургской биржѣ и конечно не допускавшаяся въ контрактахъ съ казною. Въ началѣ 1839 г. лажъ этотъ доходилъ въ Москвѣ до 16 процентовъ, такъ что 5 рублевый кредитный билетъ ходилъ и мѣнялся по 5 р. 80 к. асс., и по этому разсчету выходило, что отпускаемыя казною 60 к. за пудъ муки соотвѣтствовали въ торговлѣ 70 копейкамъ безъ незначительной дроби: если цѣна на муку стояла на рынкѣ въ 60 к., то оставалось въ барышѣ 10 к. лажа. (За вѣрность цѣнъ муки не ручаюсь, но помню, что барышъ извлекался изъ лажа). Въ теченіе того лѣта состоялось положеніе о переводѣ по всей имперіи счетоводства изъ ассигнацій на серебро, и вмѣстѣ съ тѣмъ естественно прекратилось дальнѣйшее существованіе вреднаго лажа. Столь благотворная государственная мѣра не была почти ощутительною въ Петербургѣ, но въ Москвѣ она принесла немало убытка въ торговомъ мірѣ, гдѣ разсчеты оставались на лажѣ, терпимомъ (слѣдуетъ замѣтить) дотолѣ самимъ правительствомъ. По одному уже уничтоженію лажа мука сдѣлалась дороже отпускаемой изъ казны цѣны. Вдобавокъ, Леонъ попалъ подъ бѣдственный неурожай 1839 г., и осень предвѣщала таковой же голодъ на слѣдующій 1840 г. Озими

*) Курьезнѣе всѣхъ изъ его подрядовъ былъ одинъ, небольшой, съ театральною дирекціею, для развозки артистовъ и артистокъ. Ни обветшалыхъ каретъ, ни лошадей онъ не ремонтировалъ, и однажды случилось, что одна драматическая знаменитость (чуть ли не г-жа Рѣпина-Верстовская), сидя въ каретѣ, провалилась на мостовую.

во многихъ мѣстахъ вовсе не взошли отъ продолжительной засухи, отъ чего пудъ муки достигъ небывалой почти дотолѣ цифры 1 р. 50 к. или даже выше, т. е. въ два раза съ половиною свыше условленной по подряду цѣны. Помнится мнѣ, что когда я, впослѣдствіи, хлопоталъ о сложеніи съ меня начета по упомянутому подряду, на основаніи вышеизложенныхъ причинъ, то казна отозвалась, что она-де никогда не признавала существованія лажа. Но, вопервыхъ, можно ли спрашиваю, уничтожать то̀, о существованіи чего намъ неизвѣстно, а вовторыхъ, въ комиссаріатскомъ департаментѣ знали хорошо «de facto», что Московскіе подрядчики спускали цѣны на торгахъ въ виду лажа, а казна пользовалась этими соображеніями.

Всѣ высказанныя неудачи увеличивались еще тѣмъ, что Леонъ не могъ свободно разъѣзжать и дѣйствовать, отъ часто представляемыхъ на него кормовыхъ денегъ и требованій его личности въ Управу Благочинія, чтобы оттуда спустить его (какъ говорилось тогда) въ яму. Подкупъ почти всей субалтерной полиціи, въ размѣрахъ нынѣ невозможныхъ (смѣю думать), спасалъ его отъ ареста; а какъ этотъ подкупъ не могъ совершаться кредитомъ или векселями, то приходилось дѣлать новые займы на этотъ предметъ, и это стоило ему немало. Само собою разумѣется, что мирволили ему одни подчиненные оберъ-полицмейстера Льва Михайловича Цинскаго, который ненавидѣлъ Леона и всячески искалъ случая взять его подъ арестъ. Поймать его было нелегко, ибо онъ не разъ скрывался гдѣ-нибудь за одною изъ Московскихъ заставъ. Правду сказать, жизнь его была собачьею.

Таковыми были Леона и мои дѣла зимою съ 1839 по 1840 годъ, которую я всю провелъ въ Петербургѣ.

Н. А. Кавецкій и я помѣстились въ нумерѣ, въ домѣ Энгельгардта, у Казанскаго моста. Недѣли черезъ двѣ, онъ возвратился въ Москву, а я нанялъ квартирку изъ двухъ комнатъ за 100 р. асс. въ мѣсяцъ, въ мезонинѣ деревяннаго дома Калугина, на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, весь низъ коего занятъ былъ славившимся тогда ресторанomъ Сенъ-Жоржа *). Впервыя пустился я въ высшее Петербургское общество и, благодаря двумъ-тремъ лицамъ изъ этого круга, былъ принятъ какъ бы давнѣйшій членъ онаго. Я замѣтилъ, что въ этомъ замкнутомъ для многихъ кружкѣ двери настежъ растворяются для но-

*) Домикъ этотъ, въ самомъ углубленіи двора каменнаго большого дома Калугина, стоялъ въ неизмѣненномъ еще видѣ въ 1860 году, и въ немъ же помѣщался ресторанъ Донона.

сящихъ аристократическую фамилію, хотя бы они были лицами неизвѣстными тому обществу. Неизгладившіяся еще воспоминанія о моихъ родителяхъ между ихъ современниками облегчили конечно немало мнѣ доступъ въ это общество, къ чему способствовало, можетъ быть, отчасти то обстоятельство, что одинъ я изо всего моего семейства уцѣлѣлъ въ Православіи; въ этомъ же высшемъ обществѣ религіозныя убѣжденія шли рука объ руку съ чувствомъ своей національности, каковое направленіе развилось съ перваго десятилѣтія царствованія Николая Павловича.

Князь Д. В. и кн. Т. В. Голицыны провели всю эту зиму въ Петербургѣ, въ домѣ Татищева, выходившемъ одной стороною на Караванную площадь, а другою на Фонтанку. Здоровье княгини мало пользы вынесло изъ проведенной ею зимы въ Италіи; у нея не было, кажется, никакой особенной болѣзни, а просто общій упадокъ силъ, и только благодаря искусству домашняго ея врача г. Кронберга, она продышала еще съ небольшимъ годъ. Между прочими средствами, употребляемыми этимъ врачемъ для поддержки гаснувшихъ жизненныхъ силъ, были живые компрессы, то есть разрѣзывали на двое живую курицу и пока она была еще въ трепещущемъ состояніи и не остывала, прикладывали эти куски съ ихъ кровью къ тѣлу паціентки.

По предложенію князя Голицына вступить на службу при его особѣ, дабы тѣмъ обезпечить мою личность отъ ареста, я тотчасъ же подалъ ему о томъ прошеніе, принявъ отъ меня каковое, онъ съ обычною добродушною своею улыбкою, спросилъ по-французски: «Не вступительный ли это вашъ шагъ къ мѣсту канцлера Имперіи?» Не желая тогда переименовываться въ гражданскій чинъ, я принятъ былъ на службу съ чиномъ штабъ-ротмистра.

Пустившись въ свѣтъ, я сталъ частымъ довольно посѣтителемъ у графини Софіи Владимировны Строгоновой (бывшей когда-то въ тѣсной дружбѣ съ моимъ отцемъ) и у ея сестры Екатерины Владиміровны Апраксиной, вдовы Степана Степановича, тогдашней гофмейстерины у в. кн. Елены Павловны. Не рѣдко встрѣчался я въ обществѣ съ Ив. Петр. Мятлевымъ и бывалъ изрѣдка у него; онъ меня отрекомендовалъ своей матери, какъ человѣка родственно принявшаго его во Флоренціи. Онъ въ то время былъ въ полномъ разгарѣ моды, l'homme du jour*), по милости поэмы своей «Сенсаціи мадамъ Курдюковой»,

*) Человѣкъ того дня. Въ посланіи его къ А. О. Смирновой по случаю говѣнія начало: „Пардоне муа ме пеше, въ чемъ предъ вами согрѣше". Мода на это сочиненіе дошла до того, что одна изъ славившихся тогда драматическихъ артистокъ, сестеръ Самойловыхъ, читывала изъ него отрывки въ театрѣ.

производившей настоящій фуроръ въ Петербургскихъ салонахъ, для чтенія которой (читалъ же онъ поэму свою наизусть) были вечера съ приглашеніями. Этимъ онъ немного заслонялъ моду на графа В. А. Сологуба, читавшаго на таковыхъ же вечерахъ свою рукопись «Тарантаса». И графъ Сологубъ тоже отличался остротами своими и забавностію разговора. Опредѣлившись на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ однимъ изъ директоровъ департамента былъ Ф. Ф. Вигель, баловынный обществомъ графъ Сологубъ обходился съ нимъ не такъ, какъ обходятся обыкновенно съ своимъ начальникомъ, а какъ съ человѣкомъ, съ коимъ мы ежедневно бываемъ въ обществѣ; напримѣръ, во время служебныхъ занятій въ департаментѣ, онъ ему говорилъ: «bonjour, Vighel, bonjour». Желчный и несимпатичный Вигель попросилъ третье лицо передать графу Сологубу, что хотя-де онъ вполнѣ признаетъ общественно-салонное равенство между нимъ и молодымъ чиновникомъ, но что онъ проситъ графа воздержаться впредь отъ подобной фамиліарности, во время службы, ради примѣра другимъ. На слѣдующій день, когда Ф. Ф. Вигель взошелъ въ канцелярію департамента, графъ Сологубъ, поднявшись съ мѣста вмѣстѣ съ прочими чиновниками, вытянулся какъ бы во фронтъ съ руками по швамъ и заревѣлъ: «Здравія желаю, ваше превосходительство-о,-,о-о.» Послѣ этой продѣлки пришлось ему (какъ разсказывали мнѣ) перемѣнить мѣсто своего служенія.

Не договорено мною, что я написалъ и посвятилъ И. П. Мятлеву Итальянскую оду, въ честь его «Курдюковой». Получивъ ее, онъ посовѣтовалъ было мнѣ приняться за Русскую литературу; но таковое занятіе было мнѣ тогда не подъ силу, по причинѣ слабаго моего знанія отечественнаго языка *).

Изъ первыхъ лицъ, посѣщенныхъ мною въ Петербургѣ, была княгиня Марія Васильевна Кочубей. Добрѣйшая эта женщина приняла меня какъ бы родного сына, и въ такомъ качествѣ я обѣдалъ у нея въ день праздника Рождества Христова. Меня особенно поразила у княгини Кочубей роскошь гіацинтовъ въ полномъ цвѣту въ ея кабинетѣ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ: вещь небывалая и въ Италіи въ этомъ сезонѣ.

Весьма дружелюбно принялъ меня также бывшій товарищъ дѣтства моего во Флоренціи, Владимиръ Пётровичъ Давыдовъ (тогда еще

*) Къ стыду моему я долженъ признаться, что я недавно только сталъ заниматься Русскою граматикою. Упомянутая Итальянская ода, вмѣстѣ съ другими, позднѣйшими моими стихотвореніями по-англійски, по-французски и по-итальянски, составляютъ тетрадь, которую я оставилъ у сестры моей, княгини Видони, въ 1862—1863 г.

не графъ съ прибавленіемъ «Орловъ»), хотя я не встрѣчался съ нимъ нигдѣ съ того времени. У него я часто обѣдывалъ, и онъ не спѣсивился взбираться ко мнѣ, по крутой и темной лѣстницѣ, въ мой скромный мезонинъ. Онъ давно былъ уже женатъ на княжнѣ Барятинской и въ то время только что отстроилъ великолѣпный свой домъ на Сергіевской улицѣ. Какъ аматёръ и знатокъ изящныхъ художествъ, онъ повезъ меня въ Академію и ввелъ въ мастерскую неподражаемаго нашего К. П. Брюлова. Самъ великій артистъ былъ тогда въ отсутствіи, и потому мы не могли разсмотрѣть всего. Помню только начатый имъ тогда холстъ, сюжетъ коего былъ заимствованъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана». Тутъ же имѣли мы удобный случай видѣть вблизи и на досугѣ полюбоваться безъ посторонней помѣхи громадною, недоконченною еще картиною Взятіе на небо Пресвятой Богородицы, что̀ нынѣ запрестольною въ Казанскомъ соборѣ [1]. Главныя въ ней фигуры въ полтора раза болѣе натуральнаго роста, но это скрадывается отдаленностію. Можно только, по моему, упрекнуть художника въ томъ, что фигура Пресвятой Дѣвы немного массивна; а что̀ до пестроты колорита, то Брюловъ, изучилъ химію палитры и писалъ намѣренно яркими колерами, зная, что они отъ времени потемнѣютъ. Въ сонмѣ ангеловъ находятся, какъ разсказывали мнѣ, портреты трехъ тогдашнихъ великихъ княженъ, Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ. Двумъ послѣднимъ не надо было льстить, чтобы изобразить лики ихъ ангельскими: до того онѣ были хороши собою. Не знаю, какъ мыслятъ о томъ другіе, но я не нахожу ничего предосудительнаго (и конечно ничего похожаго на кощунство) въ этой художественной вольности: вѣдь съ натурщицъ по промыслу пишутся же женскія лица, какъ и мужскія въ исторической живописи. А что Брюловъ былъ руководимъ тутъ однимъ эстетическимъ чувствомъ, а не льстивымъ угодничествомъ, за то могутъ поручиться всѣ современники, лично его знавшіе [2].

---

[1]) Картина эта занимаетъ простѣнокъ между двумя окнами, мѣшающими своимъ отраженіемъ разсматривать ее какъ слѣдуетъ.

[2]) Въ доказательство, на сколько онъ не былъ угодникомъ и низкопоклонникомъ царскихъ особъ, разскажу, что немного позднѣе онъ обѣщался написать портреты обѣихъ великихъ княженъ (Ольги и Александры Николаевнъ) въ досужее ему лѣтнее время. Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, и за нимъ переселился туда К. П. Брюловъ, на приготовленную ему во дворцѣ квартиру. Назначаетъ заранѣе онъ день для одной изъ великихъ княженъ; она одѣвается въ костюмъ, избранный для этого самимъ художникомъ, и посылаетъ сказать ему, что она готова;—и что же? въ большинствѣ случаевъ Карлъ Павловичъ отвѣчалъ, что извиняется и что ему некогда принять великую княжну въ этотъ день. Такъ прошло все лѣто, и онъ еле-еле набросалъ очерки портретовъ. Естественно, что Государь разгнѣвался; но гнѣвъ его выразился тѣмъ только, что онъ перестал навѣщать мастерскую Карла Павловича.

Но особенно родственный пріемъ встрѣтилъ я отъ недавно умершаго Абрама Сергѣевича Норова. Онъ и жена его Варвара Егоровна только что стали тогда оправляться отъ потери единственнаго ихъ ребенка. Норовы жили тогда на Моховой улицѣ, и я однажды обѣдалъ у нихъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ Московскимъ митрополитомъ Инокентіемъ, который былъ тогда еще протоіереемъ и только что приблъ въ Петербургъ, съ малолѣтнею своею дочерью съ Алеутскихъ острововъ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ подвизался въ евангельской проповѣди среди этихъ дотолѣ идолопоклонниковъ-островитянъ, и для нихъ онъ, по примѣру Славянскихъ просвѣтителей Св. Кирилы и Меѳодія, составилъ азбуку и граматику Алеутскаго нарѣчія и успѣлъ перевести иныя книги Священнаго Писанія. Онъ казался мнѣ на видъ 45 или 46 лѣтъ и сильнаго тѣлосложенія [1]) А. С. Норовъ служилъ тогда правителемъ канцеляріи статсъ-секретаря у пріема прошеній, коимъ былъ Николай Михаиловичъ Лонгиновъ [2]). Такъ какъ я въ то время собирался было подать всеподданнѣйшее прошеніе по горячимъ слѣдамъ о вознагражденіи за понесенные мною убытки по постройкѣ Бородинскаго городка, то Абрамъ Сергѣевичъ, обязательно и сочувственно, началъ было направлять меня по этому дѣлу и исправлялъ даже редакцію моего черноваго прошенія. Дальнѣйшій ходъ этого дѣла, къ сожалѣнію, пріостановился, по совѣту прибывшаго ко мнѣ въ Петербургъ Леона приберечь этотъ путь столь сильнаго покровительства до поры до времени, когда, по мнѣнію его, придется хлопотать о сложеніи съ меня начета по подряду продовольствія Московскаго Военнаго Госпиталя. Судя по результатамъ, я ошибся, поддавшись его совѣту, тѣмъ болѣе, что за двумя зайцами никогда не слѣдуетъ гоняться. При сильной поддержкѣ, коею я пользовался отъ князя Д. В. Голицына, при общей Петербургской молвѣ, что я разорился отъ Бородинскаго предпріятія, послѣдовала бы, можетъ быть, дѣйствительно высочайшая милость о денежномъ какомъ нибудь вознагражденіи; но съ другой стороны, деньгами этими я бы не воспользовался: ибо подана была на меня столь громадная цифра взысканій, что деньги эти поступили бы въ массу моихъ кредиторовъ, или, пожалуй, Леонъ придумалъ бы одинъ изъ обычныхъ ему фокусовъ, по которому, при слѣпой моей къ нему

---

[1]) Вскорѣ послѣ этой моей встрѣчи съ нынѣ высокопреосвященнымъ Инокентіемъ онъ получилъ въ Петербургѣ извѣстіе о кончинѣ его жены на дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе чего онъ согласился постричься въ монашество.

[2]) О разсѣянности глубокоученаго Норова разсказывали множество анекдотовъ, между прочимъ, будто однажды, углубившись въ чтеніе какой-то книги въ то время какъ онъ пилъ кофе, онъ принялся мокать въ чашку и кусать свой палецъ вмѣсто кренделя и даже раздосадованный обратился съ упрекомъ къ женѣ, что крендель такъ жестокъ, и онъ раскусить его не можетъ.

довѣрчивости, деньги попали бы ему въ руки и разошлись бы безъ всякой существенной пользы. Словомъ, я былъ тогда между молотомъ и наковальнею и въ положеніи невыносимомъ для трезваго ума; но по легкомысленности моей меня все занимали плюзіи на *авось*.

Ласково весьма обошелся со мною графъ Иванъ Илларіоновичъ Воронцовъ при первомъ моемъ визитѣ; даже помнится мнѣ, что онъ обнялъ меня, и кажется, что я впалъ въ ошибку, не воспользовавшись этимъ его расположеніемъ, чтобы стать на болѣе интимной ногѣ у него въ домѣ, а салонъ жены его, графини Александры Кириловны, былъ законодательнымъ), въ чемъ я бы вѣроятно успѣлъ; но житейскаго расчета и ловкости у меня всегда недоставало, и этимъ я много проигрывалъ. Экцентричная его супруга графиня Александра Кириловна Воронцова была повелительница модъ и создательница сонма Русскихъ львицъ *). Остроумныя, оригинальныя и безцеремонныя ея выходки разносились немедленно по всѣмъ концамъ города и доходили до второстепенныхъ салоновъ, иныя посѣтительницы коихъ тщетно вздыхали о привилегіи быть принятыми въ замкнутый для нихъ рай-салонъ графини Воронцовой. Но подъ ея легкомысленностію скрывалось самое сострадательное сердце къ нуждающимся, коимъ она помогала щедрою рукою; этимъ и другими прекрасными, нравственными сторонами она вполнѣ выкупала женскія свои слабости. Разсказывали напр., что однажды, когда она одѣвалась на балъ, впущенная въ ея уборную какая-то просительница до того растрогала графиню, что, не имѣя, можетъ быть, тутъ подъ рукою такой суммы, которую она хотѣла бы дать, она поспѣшно оторвала отъ своего ожерелья цѣнный бриллiантъ и этимъ наградила бѣдную женщину. Однажды на учрежденномъ съ благотворительною цѣлью базарѣ, гдѣ она, въ числѣ прочихъ ея подругъ высшаго круга, торговала, подошелъ къ ея палаткѣ кондитерскихъ издѣлій извѣстный одинъ богачъ и, выпивъ у ней чашку шоколаду, подалъ было 50 р. кредитный билетъ, съ тѣмъ чтобъ получить сдачи; но графиня, взявъ билетъ, объявила, что не принято у нихъ давать сдачу. Хотя больно не понутру показалось этому скуповатому господину такъ дорого заплатить за честь полученія изъ прекрасныхъ графининыхъ ручекъ чашку шоколаду, но дѣлать было нечего. А съ какимъ достоинствомъ она держала себя относительно двора, доказываетъ слѣдующій анекдотъ. Великая кня-

*) И кто бы предвидѣть могъ, что эта блестящая и балованная женщина страдальчески кончитъ жизнь въ одномъ изъ Парижскихъ госпиталей! Она была дочь Кирилы Львовича Нарышкина и сестра л.-гусарскаго моего сослуживца Льва Кириловича Нарышкина.

гиня Марія Николаевна, задумавшая однажды устроить у себя домашній спектакль, не предупредивъ (вѣроятно) графиню, что она разсчитываетъ на ея содѣйствіе, послала къ ней выписанную уже роль безъ приложенія записки. Упущеніе это дозволила себѣ великая княгиня на томъ вѣроятно основаніи, что не разъ уже графиня Александра Кириловна игрывала въ Лейхтенбергскомъ дворцѣ; но оскорбленная этою безцеремонностію графиня отослала обратно съ посланнымъ свертокъ роли. Въ позднѣйшую эпоху извѣстенъ ея ловкій отвѣтъ нынѣшнему императору Наполеону, когда онъ былъ еще только президентомъ республики. Вслѣдствіе (должно быть) дошедшаго до него слуха о ея остротахъ на его счетъ, онъ на балѣ у себя во дворцѣ спросилъ у графини, долго-ли она намѣревается проживать въ Парижѣ, на что она не запинаясь отвѣчала: а вы сами [1]), принцъ-президентъ, долго-ли намѣреваетесь оставаться на жительствѣ здѣсь? Графиню нельзя было причислить къ числу красавицъ, но въ ней было что-то особенно пикантное, производившее болѣе впечатлѣнія, чѣмъ статуарная, правильная красота. Росту она была средняго, немного даже менѣе средняго, брюнетка, съ выразительными темными глазами, овально-продолговатой формы (en amende) немного Монгольскаго типа, какъ и весь складъ лица. Талія была безукоризненна и движенія граціозны.

У графа Воронцова въ домѣ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ старикъ Грекъ Палли [2]) бывшій у него какъ-бы на хлѣбахъ, или составлявшій какъ-бы часть мебели дома, потому что онъ при гостяхъ сиживалъ себѣ гдѣ нибудь въ углу, не раскрывая рта во весь вечеръ. Онъ былъ старый холостякъ и человѣкъ съ деньгами, какъ носился слухъ. Поселился онъ въ Петербургѣ со временъ императора Павла и снабжалъ (кажется) деньгами графа во времена его молодости [3]).

---

[1]) Кстати помѣщу ловкій отвѣтъ тому же принцу другой, блестѣвшей въ то время соотечественницы нашей, нѣкоей г-жи Калерджи. По поводу разныхъ также остротъ этой дамы, разнесенныхъ по Парижу, Наполеонъ спросилъ у нея, извѣстна ли ей разница между зеркаломъ и ею; отвѣтъ былъ конечно, что не знаетъ, и тогда будущій императоръ добавилъ: „Le miroir „réfléchit“, et vous ne „réfléchissez“ pas“. Вызванная этимъ сарказмомъ г-жа Калерджи не полѣзла за словами въ карманъ, предложила ему тотъ же самый вопросъ, и когда принцъ отвѣчалъ въ свою очередь отрицательно, то она добавила „Le miroir est poli, et vous ne l'êtes pas“.

[2]) Родной братъ Ливорнскаго нашего знакомаго Панаіотти Палли. У третьяго ихъ брата былъ сынъ, поселившійся въ Москвѣ и ведшій одно время большую игру въ тамошнемъ Англійскомъ клубѣ.

[3]) Отмѣчу, что до 50 лѣтъ отроду его продолжали звать въ обществѣ „Vaniche Woronzoff“. Встрѣчались тогда иныя странныя весьма прозвища, даваемыя фамильнымъ именамъ: такъ напр. одну отрасль князей Голицыныхъ звали Голицыны-Кулики, другую Голицыны-Рябчики; былъ также какой-то князь этой фамиліи съ прозвищемъ „Макарелли“: но происхожденіе всѣхъ этихъ названій мнѣ неизвѣстно.

Однажды на графинин вопросъ у этого старика, почему онъ не показывался въ теченіе цѣлаго дня, онъ объяснилъ «avec une mine de circonstance (т. е. съ многозначущимъ видомъ), что не былъ, потому что это былъ канунъ 12 Марта и день горестнаго для него воспоминанія кончины императора Павла, котораго онъ-де лично знавалъ. «Вотъ какъ, замѣтила разсмѣявшаяся графиня, а позвольте узнать, въ чемъ состояло это ваше съ нимъ знакомство?» — «Я шелъ однажды», продолжалъ г. Палли, «по набережной, какъ вдругъ очутился носъ съ носомъ съ императоромъ, который....» — «Который, перебила его живая графиня, вѣроятно вамъ сказалъ «ôtes-toi, chien, de mon chemin» (посторонися, песъ). «Voilà comme vous êtes toujours» (вотъ какъ вы всегда), продолжалъ онъ, «но вовсе не такъ: я посторонился, а онъ, окинувъ меня взглядомъ, сказалъ: Vous êtes étranger? (вы иностранецъ?)—«Oui, Sire», отвѣчалъ я, «je suis Grec». (Точно такъ, Государь, я Грекъ). Эта сцена теряетъ много въ разсказѣ, но комизмъ былъ полный въ разговорѣ. Старуха графиня Ирина Ивановна, мать графа Ивана Иларіоновича, извѣстная своею скупостію и крѣпко оглохшая, жила отдѣльно въ нижнемъ этажѣ въ домѣ своего сына (на Дворцовой набережной, рядомъ почти съ Зимнимъ дворцомъ), принимала однихъ близкихъ ей знакомыхъ, и то по утрамъ только, и не являлась на обѣды и балы сына. Графъ Иванъ Иларіоновичъ не имѣлъ, повидимому, данныхъ, чтобы стать государственнымъ человѣкомъ, хотя вовсе не былъ для того неспособенъ, и лишь очень поздно (въ 1846, кажется, году) попалъ въ члены Государственнаго Совѣта. Начало дипломатической его карьеры было блистательно: не было ему (помнится) тридцати лѣтъ отъ роду, когда онъ былъ нашимъ министромъ при Сардинскомъ дворѣ, и вскорѣ послѣ таковымъ же при Баварскомъ; но тѣмъ и окончилась дипломатическая его служба, которая перешла въ царедворческую, тогда какъ, по огромному своему состоянію и вельможнымъ пріемамъ, онъ могъ быть, мнѣ кажется, достойнѣйшимъ посломъ при державахъ перваго разряда, тѣмъ болѣе, что мирное тогдашнее состояніе Европы дѣлало дипломатическія отношенія вовсе несложными. Онъ отличался сердечною добротою, натуральностію манеръ и утонченною учтивостію съ своими гостями.

Львицами дня, подражательницами графини, были Валуева (дочь князя П. А. Вяземскаго), Соловая (рожденная княжна Гагарина), княгиня Бѣлосельская (рожденная Бибикова, мать коей вышла вторымъ бракомъ за графа Бенкендорфа) и отчасти молоденькая еще г-жа Гуеррера, дочь бывшаго нашего министра во Флоренціи г. Сверчкова *).

*) Г. Гуеррера былъ секретаремъ Испанскаго или Португальскаго посольства Жена

Пустилась было въ арену львицъ и блестящая наша Сафо, графиня Авдотья Петровна Растопчина, не взирая на невыгодное на Невскомъ берегу условіе быть Москвитянкою; по уму, свѣтской любезности и поэтическимъ дарованіямъ она пріобрѣла себѣ не токмо первенствующее мѣсто въ высшемъ обществѣ (хотя не жила открытымъ домомъ), но удостоилась даже доступа ко двору, не имѣя на то права, по незначительности мужнина чина. Къ сожалѣнію, она пересолила львиную свою роль и съ тою же быстротою, какъ поднялась, такъ и пала. Пожалуй, что не безъ основанія сказалъ Грибоѣдовъ, что: «на всѣхъ Московскихъ есть особый отпечатокъ».

Я воспользовался случайнымъ знакомствомъ моимъ во Флоренціи съ Дмитріемъ Петровичемъ Бутурлинымъ (женатымъ на бывшей красавицѣ Комбурлей), чтобы навѣщать его въ Петербургѣ, и хотя семейство наше не состояло ни въ какомъ родствѣ съ отраслію Бутурлиныхъ, къ коей онъ принадлежалъ, тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на насъ и на третій еще родъ Бутурлиныхъ *) какъ на своихъ кровныхъ. Хотя о фамиліи нашей говорится кое-гдѣ въ допетровской Руси, и какой-то Бутурлинъ былъ воеводою и близкимъ человѣкомъ Грозному Іоанну, но ни въ какихъ отмѣнныхъ подвигахъ я не подозрѣвалъ этихъ общихъ нашихъ предковъ, пока не увидалъ у Дмитрія Петровича нѣсколько картинъ съ геройскими ихъ изображеніями. По случаю своего нахожденія Русскимъ военнымъ агентомъ при Французской арміи, предводительствуемой герцогомъ Ангулемскимъ во время Испанской войны 1823 года, Дмитрій Петровичъ получилъ въ обществѣ прозвище Трокадера, отъ имени битвы, увѣнчавшей эту кампанію, послѣ чего онъ былъ дежурнымъ генераломъ или даже начальникомъ штаба 1-й арміи (генерала Сакена, еще не фельдьмаршала и не графа) и жилъ въ Могилевѣ. Исторія войны 1812 года, написанная имъ по французски, произвела много шуму и была авторитетною въ свое время. Онъ былъ аматёръ художествъ; въ числѣ картинъ, вывезенныхъ имъ изъ Италіи, были ландшафты Миланскаго Милліара и два вида Венеціи Флорентинскаго моего знакомаго Бурчи. Прежнее мое съ нимъ знакомство состояло лишь въ томъ, что я встрѣтился съ нимъ одинъ разъ на балѣ у принца Корсини въ 1838 г., и къ моему тогда удивленію онъ высказалъ нѣкоторые либеральные свои политическіе взгляды, но которыхъ одна-

---

его немного позднѣе уѣхала отъ него и, вышедши замужъ за нѣкоего г. Зиновьева (при жизни ли г. Гуерреры или по смерти его, не знаю), долго жила въ Ярославлѣ.

*) Къ этому третьему роду принадлежалъ Рязанскій помѣщикъ и милліонеръ, Бутуринъ, женатый на княжнѣ Щербатовой, имѣвшій свой домъ въ Москвѣ на Арбатской улицѣ.

коже онъ не заявлялъ, когда я ближе сошелся съ нимъ въ Петербургѣ.

Не упускалъ я бывать также и у княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, коей достался домъ графа Сергѣя Петр. Румянцова, на Невскомъ проспектѣ, насупротивъ Александрійскаго театра. Двѣ изъ ея дочерей, княжны Ольга и Варвара Павловны, недавно только передъ тѣмъ вышли замужъ, первая за Павла Петровича Чичерина, офицера въ конномъ гвардейскомъ полку, вторая за Василія Сергѣевича Шереметева, адъютанта (вмѣстѣ съ Августомъ Осиповичемъ Понятовскимъ) у великаго князя Михаила Павловича [1]). Молодая чета Чичериныхъ и всѣ четверо молодыхъ князей Сергѣй, Николай, Михаилъ и Павелъ Павловичи, бывшихъ уже на службѣ, жили съ ихъ родителями, хотя князь Сергѣй Павловичъ нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на красавицѣ графинѣ Любови Петровнѣ Апраксиной, и все это составляло патріархальную семью. Самъ князь Павелъ Алексѣевичъ былъ добрѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ, но болѣзненный и подверженный падучей немочи, а потому, вѣроятно рѣдко показывался въ обществѣ. Княгиня Варвара Сергѣевна была тогда предсѣдательницею Петербургскаго патріотически-благотворительнаго общества, и не взирая на служебныя и хозяйственныя свои заботы и обязанность вывозить въ свѣтъ только что начинавшую выѣзжать, меньшую свою дочь, княжну Марію Павловну, она отправлялась каждодневно въ 5 часовъ утра къ заутрени и къ ранней обѣднѣ [2])

Съ А. О. Понятовскимъ я весьма рѣдко видѣлся, хотя никакой черной кошки, какъ говорятъ, между нами не пробѣгало. Почему это случилось, трудно дать себѣ отчетъ; были, можетъ быть, какія нибудь *хвосты* стараго времени, то есть воспоминаніе о томъ, что онъ высказывалъ мнѣ свое неодобреніе кутежнаго моего поведенія. Случается впрочемъ въ жизни, что когда послѣ продолжительной разлуки съ близкимъ нѣкогда лицемъ, мы опять встрѣчаемся, прежнія наши отношенія болѣе не возобновляются, хотя безъ всякой на то причины. Впрочемъ я долженъ откровенно признаться, что въ пору моей молодости, я сочувствовалъ Польскому вопросу и потому не долюбливалъ я вообще Поляковъ, служившихъ въ рядахъ враговъ несчастнаго ихъ отечества.

Разъ на вечерѣ у Мятлевыхъ я повстрѣчался съ бывшимъ моимъ Павлоградскимъ товарищемъ Лауницемъ, тогда поручикомъ или штабъ-

[1]) Старшая изъ княженъ Голицыныхъ Зинаида Павловна была уже въ 1834 г. замужемъ за княземъ Николаемъ Александровичемъ Щербатовымъ.

[2]) Носится слухъ (но на сколько онъ справедливъ, не знаю), что она находится будто бы въ тайномъ иноческомъ постриженіи, хотя живетъ въ мірѣ.

ротмистромъ въ л.-г. Гродненскомъ гусарскомъ полку. Въ бытность его въ нашемъ полку, онъ ничего не получалъ изъ дому и юнкеромъ ходилъ въ казенномъ, толстомъ мундирѣ и въ суконномъ галстухѣ. Сомнѣваюсь, чтобы въ 1840 году домашнія его обстоятельства могли поправиться, а между тѣмъ видно было, что онъ могъ прилично содержать себя въ гвардейскомъ кавалерійскомъ полку (да еще въ недешевомъ по мундиру гусарскомъ), безъ всякихъ другихъ рессурсовъ, кромѣ скуднаго еще тогда, даже въ гвардіи, оклада. Какъ ухитряются Нѣмцы въ такихъ финансовыхъ фокусахъ, просто непостижимо!

Сошелся я опять, и радостно сошелся, съ Брестъ-литовскими моими друзьями, барономъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ (тогда адъютантомъ при военномъ министрѣ князѣ Чернышовѣ) и съ Юліемъ Өедоровичемъ Минквицемъ, адъютантомъ при министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ. Оба они приняли меня съ распростертыми объятіями. Не проходило дня, чтобы мы не видались, и часто собираясь обѣдать въ ресторанахъ, нескудною рукою пѣнили бокалы, «вспоминая» старину. П. А. Вревскій познакомилъ меня съ роднымъ своимъ братомъ барономъ Ипполитомъ, храбрѣйшимъ офицеромъ Главнаго Штаба *), только что оправившимся отъ нѣсколькихъ ужасныхъ ранъ, имъ полученныхъ на Кавказѣ, въ блистательной, но неудачной по результатамъ экспедиціи, затѣянной неустрашимымъ генераломъ Граббе. Братья Вревскіе не лицомъ, а способностями, утонченностію образованія и прекрасными свѣтскими манерами, были схожи межъ собою, и не прочь отъ умѣреннаго кутежа. Тутъ же я опять повстрѣчался съ дѣтскимъ моимъ знакомымъ, графомъ Эрнестомъ Густавовичемъ Стакельбергомъ, бывшимъ тогда также адъютантомъ у князя А. И. Чернышова. Графъ Эрнестъ былъ того же свѣтскаго закала, какъ его сослуживецъ, но превосходилъ Вревскаго завлекательностію рѣчи и остроумными отвѣтами, и какъ всѣ Кавказцы, не отговаривался отъ предложеннаго бокала Шампанскаго. Были у него свои оригинальныя изрѣченія и названія вещей: такъ напр. онъ называлъ соленый огурецъ «la punition du vice» (наказаніе порока), по пріятности этой вещицы на слѣдующее послѣ излишней попойки утро, а Русскій уѣздный городъ онъ весьма вѣрно описывалъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: «Застава» (тогда таковыя еще существовали по всюду)—заборъ,—домъ,—заборъ, заборъ,—домъ—соборъ—домъ, заборъ, заборъ, домъ, заборъ, заборъ—застава». Онъ въ то время, въ товариществѣ съ молодымъ

*) Молодой баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій произведенъ вскорѣ послѣ въ полковники и, продолжая службу свою на Кавказѣ, былъ убитъ въ чинѣ генералъ-маіора, въ началѣ 50-хъ годовъ.

княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ[1]), печаталъ роскошное изданіе Кавказскихъ костюмовъ, первыми выпусками коего можно было любоваться въ магазинѣ эстамповъ Фельтена, у Полицейскаго моста. Рисунки съ натуры были князя Гагарина, а текстъ графа Э. Г. Стакельберга. О дальнѣйшемъ ходѣ этого изданія я ничего не знаю; но жаль весьма, если этотъ замѣчательный трудъ не доведенъ былъ до окончанія[2]). Эта веселая молодая компанія чаще всего собиралась (за исключеніемъ князя Гагарина) у Сенъ-Жоржа, куда мнѣ стоило только спуститься съ лѣстницы. Почти что неразлученъ со Вревскими былъ ихъ зять (уже вдовецъ), полковникъ Трескинъ, начальникъ штаба (или что-то въ этомъ родѣ) въ Ставрополѣ, бывшій тогда въ отпуску, въ Петербургѣ. Онъ былъ обремененъ чудовидною толщиною, каковую я рѣдко видалъ и которая, при сангвинической комплекціи, угрожала его жизни апоплексическимъ ударомъ, что̀ и сбылось немного лѣтъ спустя. И онъ былъ наипріятнѣйшій, дѣльнѣйшій господинъ и неутомимый анекдотистъ. Пріѣзжалъ ненадолго въ Петербургъ и другой зять Вревскихъ[3]), Шёнигъ (нынѣ также умершій), семейство коего постоянно жило въ Ригѣ или въ Дерптѣ. Онъ былъ совершенно однихъ съ Вревскими и Трескинымъ свойствъ и свѣтскаго оттѣнка.

Отъ Юлія Ѳедоровича Минквица, служившаго недавно передъ тѣмъ на Кавказѣ, я узналъ о смерти тамъ воспитанника тещи моей, Александра Дерошѐ, поступившаго туда на службу юнкеромъ или вольноопредѣляющимся, около того времени, какъ я съ женою поѣхалъ въ Италію, т. е. въ 1836 году.

---

[1]) Нынѣ вице-президентъ Академіи Художествъ. Онъ сынъ бывшаго въ Мюнхенѣ, въ 1836 году, нашего посланника. Мать его была урожденная Соймонова, родная сестра извѣстной С. П. Свѣчиной, и какъ и она Католичка.

[2]) Пересматривая нынѣ (въ 1870 году) эти Записки, я долженъ сдѣлать скорбную отмѣтку о преждевременной недавней кончинѣ графа Эрнеста Густавовича С. въ Парижѣ, гдѣ онъ уже былъ нашимъ посломъ; потеря тѣмъ болѣе чувствительная, что чуть-ли не находился онъ на дорогѣ замѣнить, со временемъ, нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, канцлера князя А. М. Горчакова. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ постигло его въ Ниццѣ ужасное несчастіе лишиться жены отъ паденія вмѣстѣ съ нимъ изъ кабріолета; лошадь которою онъ правилъ, понесла. По расчету моему графъ Эрнестъ Густавовичъ умеръ 61 года отъ роду.

[3]) Шёнигъ былъ пріемышемъ нѣкоей Анны Николаевны Зиновьевой, которая, будучи бездѣтною, завѣщала ему свое состояніе. Онъ служилъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ и съ Николаемъ Ѳедоровичемъ Бахметевымъ, между 1812 и 1820 годами, въ Главномъ Штабѣ, называемомъ тогда Чертежною, а съ послѣднимъ онъ (т. е. баронъ Шёнигъ) считался своимъ, потому что сказанная А. Н. Зиновьева была родною теткою матери Н. Ѳ. Бахметьева, рожденной Нарышкиной; она — сестра Тарусской помѣщицы и старожилки, оставшейся незамужнею, Авдотьи Ивановны Нарышкиной. Къ послѣдней въ с. Лопатино пріѣзжалъ иногда Шёнигъ.

Хотя въ холостой компаніи я и осушалъ иногда лишній, можетъ быть, бокалъ Шампанскаго, но это было изрѣдка и не въ привычку, какъ прежде, и въ сущности я преобразовался въ болѣе порядочнаго человѣка, нежели былъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Москвѣ: не окружалъ себѣ сомнительными личностями и не скучалъ, что мнѣ приходилось посѣщать высшее общество. Нерѣдко также бывалъ я у дальней нашей тетки (по ея мужу) Полянской, жившей еще тогда въ семейномъ собственномъ домѣ на Англійской набережной [1]). У г-жи Полянской было два сына: Александръ и Михаилъ, и три дочери, Елисавета, Софья и Екатерина. Изъ дочерей только двѣ послѣднія были тогда замужемъ: Софія Александровна за Устиновымъ [2]), а Екатерина Александровна за нѣкіимъ Леонтьевымъ, адъютантомъ при ген. Дубельтѣ и пасынкомъ г-жи Леонтьевой, бывшей уже тогда начальницею Смольнаго монастыря. Старшая изъ трехъ сестеръ, Елисавета Александровна, вышла позднѣе за Нижегородскаго помѣщика Зыбина; у нея были рѣзковатыя черты, смуглое лице и толстыя губы, и въ ней находили поразительное сходство съ портретами императрицы Анны Іоанновны. О сыновьяхъ Полянскихъ я весьма мало знаю; помню лишь, что Михаилъ Александровичъ былъ молодымъ весьма офицеромъ въ л. г. уланскомъ полку въ то время, когда я былъ прикомандированъ (въ 1830 г.) къ лейбъ-гусарскому полку [3]). Изъ сестеръ Полянскихъ хорошенькою (но не красавицею) можно было назвать одну Софью Александровну Устинову; хотя нельзя было указать ни на какую черту ея лица, заслужившую это названіе, но въ общей сложности она была пикантною брюнеткою и съ личикомъ, какія по французски называются «minois chiffonné de fantaisie» что̀ по-русски непереводимо. Но каково же было услыхать позднюю ея исповѣдь, что когда братъ мой привезъ меня въ полной моей Павлоградской формѣ къ ея матери, на свѣтлый праздникъ въ 1830 году, то я произвелъ на нее, весьма молодую дѣвушку, глубокое впечатлѣніе, каковое она-де не скрывала отъ своихъ семейныхъ? Подобный успѣхъ польстилъ меня всего два раза въ жизни и тогда, когда я менѣе всего о немъ думалъ; а между тѣмъ, кто знаетъ? если бы, во время бурно-разгульной Царскосельской моей жизни, кто нибудь шепнулъ мнѣ, что хорошенькая великосвѣтская дѣвушка вздыхаетъ не на шутку по мнѣ, эта новизна

---

[1]) Г-жа Полянская была по себѣ Рибопьеръ; мужа ея я не засталъ въ живыхъ.

[2]) Устиновы были коренные Москвичи, и имъ принадлежалъ огромный домъ на Воздвиженкѣ, гдѣ нынѣ помѣщается Казенная Палата.

[3]) Одинъ изъ двухъ братьевъ Полянскихъ, женатый на иностранкѣ, переселился окончательно въ Вѣну.

вмѣстѣ съ романическою тенденціею моего воображенія, можетъ быть, подстрекнула бы мое самолюбіе (а у меня его было и есть по сю пору вдоволь), и такъ какъ образъ графини Вѣры Григорьевны Чернышовой постепенно изглаживался въ моемъ воспоминаніи, то я поддался бы, пожалуй, этой новой игрѣ случая, и жизнь моя приняла бы совершенно иной, болѣе удачный, складъ.

Въ салонѣ Софіи Александровны Устиновой я однажды видѣлъ обѣихъ дочерей нашего исторіографа Карамзина. Старшая изъ нихъ Софія Николаевна была дородною и не первой молодости весталкою, слывшею подъ прозвищемъ «le bas bleu» (синій чулокъ) за педантическую (вѣроятно) ея склонность, а также «Ядра Россійской исторіи» за ея дородность. Вторая изъ нихъ, княгиня Мещерская, была очень собою миловидна. Близкаго знакомства съ этими дамами я не заводилъ. Какъ достойная дочь Русскаго бытописателя, Софія Николаевна была ярою Руссофилкою, и городскіе слухи упрекали ее въ разглашеніи о дуэли поэта Лермонтова (тогда офицера въ л.-гусарскомъ полку) съ кѣмъ-то изъ Французскаго посольства. Эти господа дрались на сабляхъ и въ четырехъ стѣнахъ, и поединокъ кончился, помнится мнѣ, безъ оцарапинки; но тѣмъ не менѣе, когда слухъ о немъ дошелъ до Михайла Павловича, неумолимый его милитаризмъ осудилъ Лермонтова къ переводу на Кавказъ.

Однажды я обѣдалъ у Полянскихъ вмѣстѣ съ княгинею Ольгою Александровною Орловою (урожденною Жеребцовой), которую я не видалъ со времени моего отрочества, во Флоренціи, когда она считалась невѣстою герцога де-Монтебелло. Она вела въ Петербургѣ самую уединенную жизнь, и я никогда болѣе съ нею не встрѣчался до послѣдней моей поѣздки во Флоренцію въ 1862 году, гдѣ она оказала мнѣ самый дружественный пріемъ и участіе къ нервному моему тогдашнему разстройству, вызванному (какъ я уже упомянулъ) возвращеніемъ моимъ въ мѣстность, покинутую мною за 23 года передъ тѣмъ до житейскаго моего крушенія *).

Г. Леонтьевъ (зять г-жи Полянской) крайне обязательно представилъ и рекомендовалъ меня своему начальнику, генералу Дуббельту по дѣлу о вознагражденіи меня за Бородинскую, убыточную постройку. По этому же дѣлу я ходилъ на аудіенцію къ графу Бенкендорфу, который отклонился отъ него и совѣтывалъ мнѣ прямо отнес-

*) Княгиня Орлова поселилась съ начала 60-хъ годахъ окончательно во Флоренціи, гдѣ и купила великолѣпный палаццо, съ пространнымъ садомъ бывшій Скіоцци (Schiozzi), въ улицѣ Ла Скала, который она отдѣлала съ современнымъ комфортомъ и роскошью, даже съ мебелью Петербургскаго фабриканта Гамбса.

тись къ графу П. А. Клейнмихелю, до коего дѣло это ближе касалось, что я и сдѣлалъ; но изо всѣхъ этихъ мытарствъ и шарканій по пріемнымъ заламъ ничего ровно не вышло.

Отмѣчу кстати, что если въ Петербургѣ проводятъ просителя на бобахъ, то по крайней мѣрѣ съ неимовѣрно учтивыми формами, и даже провожаютъ его иногда до самой передней.

Меня отыскалъ дальній нашъ родственникъ, Дмитрій Антоновичъ Станкеръ, съ коимъ я не видался съ Бухареста (осенью 1828 года), когда онъ пріютилъ меня на своей квартирѣ. Теперь онъ былъ въ статской службѣ экзекуторомъ канцеляріи министра госуд. имуществъ графа Киселева, расположеніемъ коего онъ продолжалъ пользоваться, и имѣлъ казенную квартиру въ домѣ министерства. (Я уже упоминалъ, что онъ былъ нѣкогда адъютантомъ при графѣ Киселевѣ, въ бытность послѣдняго главнымъ начальникомъ Придунайскихъ княжествъ). Станкеръ былъ женатъ на дочери Француза, нѣкоего Курнана, содержателя пансіона, гдѣ всѣ трое братья Станкеры первоначально обучались на иждивеніи матери моей; г-жа Станкеръ была достойная молодая женщина, вся преданная семейнымъ своимъ обязанностямъ [1]).

Почтенный Петръ Ивановичъ Жилле бодрствовалъ еще въ описываемое мною время, не взирая на преклонные свои года, продолжалъ педагогическую свою дѣятельность и по два раза въ недѣлю ѣзжалъ для преподаванія лекцій Французской литературы въ Царскосельскій лицей. Житейское его положеніе было обезпечено не токмо пенсіономъ полнаго оклада по разряду 5 класса по Министерству Народнаго Просвѣщенія (для полученія коего онъ отказался отъ слѣдуемаго ему чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника), но онъ получалъ еще пенсіонъ изъ дома Кочубеевыхъ, за окончаніе воспитанія молодыхъ князей Льва, Василья и Михаила Викторовичей. Старый наставникъ брата моего, графа Петра Дмитріевича, былъ всегда тронутъ и обрадованъ, когда я заходилъ къ нему на Среднемъ проспектѣ за Владимірскою церковью [2]).

Нерѣдко проводилъ я вечера у графини Вѣры Григор. Паленъ, играя на биліардѣ съ ею мужемъ, графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ.

---

[1]) Она и теперь въ живыхъ, въ нуждающемся положеніи, и добрѣйшая двоюродная сестра моя Надежда Александровна Гавриленко помогаетъ вдовѣ Станкера ежегоднымъ небольшимъ пенсіономъ.

[2]) Жена его, Вѣра Андреевна (рожденная Гольцъ), по сю пору (въ 1870 г.) жива, но совершенно ослѣпла. Она живетъ въ Ярославской губерніи у своей племянницы Анны Антоновны Биговской.

При всемъ, томъ, что онъ былъ тогда членомъ Государственнаго Совѣта, онъ сохранялъ какъ прежде, такъ и до конца, всю независимость и самостоятельность мнѣній, гнушаясь рабскаго поклонничества двору и называя лицъ склонныхъ къ тому цареугодниками *). Былъ я также раза два у князя Иларіона Васильевича Васильчикова, не задолго передъ тѣмъ назначеннаго предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, на мѣсто умершаго графа Новосильцова, а также и у брата его Дмитрія Васильевича, принимавшаго участіе съ моихъ запутанныхъ дѣлахъ. Жена его была дружна съ моею матерью, во время общей ихъ молодости, и современницы г-жи Васильчиковой продолжали звать ее просто Аглаіею.

Нельзя было мнѣ пренебрегать и салономъ Екатерины Владиміровны Апраксиной. Вечернюю каждодневную партію Екатерины Владиміровны (въ вистъ или бостонъ) составлялъ князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ, авторъ Родословной Книги Русскихъ дворянскихъ фамилій, слывшій между молодежью подъ прозвищемъ «bancal» отъ физическаго недостатка (одна нога у него была короче другой). Молодежь подсмѣивалась надъ нимъ, особенно помнится мнѣ, по причинѣ его скаредности; да и вообще меня поразила непочтительная отчасти фамиліарность, съ каковою обходились съ нимъ иные молодые люди и на которую онъ какъ бы не обращалъ вниманія. Однажды при разъѣздѣ изъ Михайловскаго театра, когда шелъ сильный дождь, двое великосвѣтскихъ молодыхъ людей, знавшихъ, что, не взирая на мокрую погоду, князь П. В. Долгоруковъ поскупился взять экипажъ, научили швейцара, провозглашавшаго, какъ водится, фамиліи хозяевъ подъѣзжавшихъ каретъ, закричать «князя Долгорукова калоши», которыя онъ оставлялъ обыкновенно у швейцара. Я долженъ однакоже сказать, что при первой моей съ нимъ встрѣчѣ, когда онъ узналъ, что я тотъ самый графъ Михайло Бутурлинъ, коего онъ заочно помѣстилъ въ свою книгу древнихъ фмилій, онъ, помнится кинулся мнѣ на шею.

Я отдалъ также по визиту стариннымъ друзьямъ моего отца, князю Александру Николаевичу Голицыну и Алексѣю Николаевичу Оленину. Пресловутый нѣкогда Александровской эпохи дѣятель, мистикъ и подъ конецъ обскурантъ, не занималъ болѣе тогда никакой должности и вскорѣ переѣхалъ на постоянное жительство въ Крымское

---

*) Много позднѣе, при нынѣшнемъ уже должно быть Государѣ Александрѣ Николаевичѣ, онъ отказался напрямикъ отъ мѣста министра финансовъ, каковое Государь просилъ его принять, потому-де что часть эта была совершенно незнакомою ему. Немного, кажется, можно насчитывать примѣровъ подобной служебной добросовѣстности.

свое помѣстье, гдѣ и умеръ въ 1844 году. Ветеранъ-президентъ Академіи Художествъ, достойный нѣкогда патронъ Крылова и Гнѣдича, А. Н. Оленинъ сохранялъ еще тогда всю свѣтлость ума и, слѣдя за всемірною наукою, удивилъ меня своими распросами о какомъ-то Итальянскомъ антикваріи (кажется, г. Сестини), о которомъ хотя я и слыхалъ во Флоренціи, но не подозрѣвалъ, что онъ могъ быть извѣстенъ въ Россіи; а между тѣмъ А. Н. Оленинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ. Нечего и говорить, что старикъ былъ повидимому тронутъ моимъ вниманіемъ и дорожилъ памятью о моемъ отцѣ.

Слѣдовало давно мнѣ сказать, что, съ первыхъ дней моего пріѣзда въ Петербургъ, я отыскалъ Варвару Александровну Шатилову (жившую тогда въ домѣ Жерве на углу Итальянской улицы и Михайловской площади) и сразу сдѣлался своимъ человѣкомъ у нея въ домѣ: обѣдывалъ безъ всякаго приглашенія и часто проводилъ вечера. О ней придется говорить дальше, а покуда отмѣчу, что я однажды у ней встрѣтился съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, съ которымъ не видался со времени моего посѣщенія его въ Адріанополѣ, осенью 1829 года, гдѣ онъ находился при дипломатической канцеляріи фельдмаршала графа Дибича. Будучи какъ-то предупрежденъ противъ него, я оскорбительно-холодно отозвался на дружескій его пріемъ; но, вскорѣ убѣдившись въ неосновительности моихъ о немъ мнѣній, бывалъ у него и всячески старался загладить мою вину [1]). Состоя въ то время за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Сѵнодѣ, онъ разсказывалъ мнѣ, что, ощущая сильное призваніе служить болѣе дѣйствительнымъ образомъ нашей церкви, онъ желалъ вступить въ монашество и что его начальникъ, графъ Протасовъ объявилъ ему, что этого онъ никогда не допуститъ, пока будетъ Сѵнодскимъ оберъ-прокуроромъ. Обстоятельство это даетъ поводъ подозрѣвать, что въ правительственномъ духовномъ вѣдомствѣ не желали имѣть въ высшей іерархіи (а еще менѣе епископствѣ), людей изъ извѣстныхъ фамилій, съ утонченнымъ свѣтскимъ образованіемъ, а главное, съ независимымъ образомъ мыслей и съ связями въ высшемъ обществѣ. Понятно, что съ сановниками церкви изъ чернorизцевъ-плебеевъ, ибо почти что таковою представляется намъ къ сожалѣнію нынѣшняя духовная каста [2]), лег-

---

[1]) Не могу дать себѣ по сю пору отчета, почему А. Н. Муравьевъ, никому не сдѣлавшій вреда, имѣетъ столь много недрузей.

[2]) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи изложить взглядъ графа С. С. Уварова на наше духовное сословіе. „Cette caste là“, говаривалъ онъ, „c'est comme une feuille de papier, jetée par terre: vous marchez dessus sans pouvoir l'écraser“. (Эта каста все равно какъ брошенный на полъ листъ бумаги; какъ бы вы ни топтали его, а раздавить нельзя). Хотѣлось бы мнѣ спросить пресловутаго нѣкогда министра народнаго просвѣщенія, зачѣмъ

че было управляться шпорамъ и ботфортамъ флигель-адъютанта полковника графа Протасова, чѣмъ съ людьми знатнаго происхожденія. *Казенщина*, этотъ офиціальный характеръ, приданный нашей церкви, ей вредитъ и даетъ иностранцамъ поводъ говорить (и не безъ основанія), что у насъ императоръ глава церкви. Да и какже онъ не глава, когда Сѵнодскіе и консисторскіе указы имѣютъ въ заголовкѣ: по указу Его Императорскаго Величества?

Виноватъ я предъ А. Н. Муравьевымъ въ томъ, что піэтизмъ его я считалъ (какъ иные также считали) неискреннимъ и притворнымъ. Въ доказательство его лицемѣрія и честолюбія выставлялп на видъ его камергерскій ключъ. Но онъ увѣрялъ меня, что не токмо никогда не добивался до него, но неожиданная совершенно эта придворная почесть стоила ему слезъ, а отказаться отъ монаршаго отличія понятно, что онъ не могъ. Пожалуй, что это была штука, подготовленная графомъ Протасовымъ, чтобы окончательно преградить ему путь къ поступленію въ черное духовенство. Говорю черное, потому что А. Н. Муравьевъ никогда, кажется, не намѣревался измѣнить холостой жизни*). Въ былое время мы видали на Московской митрополичьей каѳедрѣ и въ Малороссіи первосвятителей изъ дворянскихъ родовъ, каковыми были св. Алексѣй изъ фамиліи Плещеевыхъ, Филиппъ Колычевъ, Іоасафъ Скрыпицынъ, а во время Петра І-го, Кіевскій митрополитъ, князь Четвертинскій. Допускалось же это Польскою республикою (коей подчинена была тогда Малороссія по правому берегу Днѣпра), не считавшею церковныхъ сановниковъ (иновѣрческой для нея церкви) аристократическаго происхожденія болѣе опасными, чѣмъ изъ плебеевъ. Мнѣ сдается, что если бы у насъ были въ высшемъ духовенствѣ люди такихъ же свѣтскихъ условій, въ каковыхъ состоитъ А. Н. Муравьевъ, то не токмо моральное значеніе епископства отъ этого бы выиграло, но толчокъ былъ бы данъ міря-

---

нужно было ему раздавить эту касту и кѣмъ бы онъ ее замѣнилъ при особенной неразвитости тогдашняго Русскаго общества? Лицо, передавшее мнѣ этотъ отзывъ, въ правдивости коего не имѣю повода сомнѣваться, казалось восхищеннымъ этою остротою. Вотъ офранцуженное настроеніе общества, въ коемъ бонмотистъ величался политическимъ мыслителемъ.

*) Графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой отмѣтилъ карандашемъ противъ этого мѣста слѣдующее: „А развѣ нельзя было поступать въ духовенство и холостому человѣку?“ На это я ему возражу, что хотя церковными законами это не запрещалось, но на практикѣ холостые священники не допускались у насъ до первой половины нынѣшняго вѣка. Первымъ примѣромъ этого было посвященіе митрополитомъ Филаретомъ въ священники профессора Московской Духовной Академіи, А. В. Горскаго, нынѣ протоіерея и ректора этой академіи. Этимъ покойный митрополитъ возбудилъ неодобрительные отзывы въ средѣ нѣкоторыхъ лицъ духовенства. Одного изъ нихъ, нынѣ въ санѣ архимандрита, я знаю; а легко быть можетъ, что онъ не исключеніе.

намъ изъ дворянъ поступать на служеніе церкви по призванію, а не изъ безвыходнаго кастоваго положенія, коему обречены дѣти священниковъ и церковнослужителей. Нашлись бы міряне съ религіознымъ призваніемъ, а такъ такъ не всѣ же они могли бы достигать епископскаго сана, то нашлись бы со временемъ и въ бѣломъ духовенствѣ священники, коимъ народъ отвыкъ бы присвоивать названіе попа, въ презрительномъ смыслѣ, и обзывать кутейниками. Кромѣ того, люди имѣвшіе свое независимое (хотя бы и незначительное) состояніе были бы уже этимъ обезпечены отъ позорной необходимости существовать одними подаяніями своихъ прихожанъ и духовныхъ чадъ. Естественное же соприкосновеніе высшихъ церковныхъ сановниковъ съ обществомъ, къ средѣ коего они бы принадлежали, имѣло бы то благотворное послѣдствіе, что они стояли бы на сторожѣ противъ всякаго вкрадыванія въ то общество лжеученія, болѣе чѣмъ въ этомъ смыслѣ могутъ дѣйствовать нынѣшніе достопочтенные наши іерархи, чуждые жизни высшаго круга: мнѣнія человѣка, съ коимъ мы выросли и продолжаемъ видаться каждодневно, сильнѣе на насъ дѣйствуютъ, нежели взгляды того, съ кѣмъ мы изрѣдка только встрѣчаемся и кто не принадлежитъ къ нашей сферѣ, хотя бы мы питали полное къ личности его уваженіе. Противъ этого возразятъ, можетъ быть, что монахъ долженъ быть монахомъ, т. е. человѣкомъ отчужденнымъ отъ всякихъ свѣтскихъ связей; но вѣдь монахомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова (т. е. отшельникомъ) нельзя назвать нашихъ епископовъ, ибо церковное ихъ сановничество переходитъ въ государственное, иначе въ казенщину. Одинъ весьма ученый молодой архимандритъ, инспекторъ въ 50-хъ годахъ Калужской духовной семинаріи, сказалъ однажды при мнѣ, что онъ смотритъ на свой архимандричій санъ, какъ на степень къ повышенію, и это совершенно вѣрно.

Возвращаюсь къ А. Н. Муравьеву. И такъ я убѣдился, что онъ вполнѣ вѣрующій человѣкъ, а не лицемѣрный ханжа. Мое холодное съ нимъ обхожденіе, при нашей встрѣчѣ въ Петербургѣ, тѣмъ болѣе его опечалило, что онъ съ перваго дня нашего знакомства въ Москвѣ, въ домѣ княгини Зенаиды Александровны Волконской, въ началѣ 1827 года, всегда питалъ дружественное ко мнѣ расположеніе и все опасался моего перехода въ Латинство, по примѣру моихъ семейныхъ. Въ Петербургѣ былъ особый кругъ молодежи около него, и въ томъ кругу Лермонтовъ.

Немного позднѣе, Андрей Николаевичъ былъ въ Италіи и посѣщалъ мою мать во Флоренціи, на пути въ Римъ. Она приняла его дружелюбно, какъ брата Николая Николаевича, коего она искренно

любила и уважала; но, вообразивъ себѣ, что Римъ можетъ поколебать религіозныя убѣжденія Андрея Николаевича, она нетерпѣливо ожидала что̀ онъ ей сообщитъ о вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣніяхъ. «А вотъ что я вамъ сообщу, графиня, сказалъ онъ ей, возвратившись съ береговъ Тибра: послѣ всего, видѣннаго мною въ Римѣ, я только понялъ возможность ересей Лютера и Кальвина, чего я никакъ не могъ объяснить себѣ прежде».

Помню одно весьма вѣрное его замѣчаніе, что, гуляя по Невскому проспекту и встрѣчая одну за другою иновѣрческую церковь, Армянскую, Римско-Католическую, Лютеранскую и Реформатскую, вы поражаетесь этою полною терпимостью всякихъ вѣроисповѣданій, тогда какъ въ сущности у насъ преобладаетъ не терпимость чужихъ вѣръ, а скорѣе индиферентизмъ къ нашей.

Андрей Николаевичъ былъ очень друженъ съ архимандритомъ Сергіевской обители (впослѣдствіи епископомъ) Игнатіемъ Брянчаниновымъ, поступившимъ незадолго передъ тѣмъ въ монашество изъ инженерныхъ офицеровъ, а по себѣ онъ былъ Вологодскимъ дворяниномъ. Съ о. Игнатіемъ случилось этою зимою непріятное приключеніе [1]. Татьяна Борисовна Потемкина, желая доказать иностранцамъ, что и въ нашемъ духовенствѣ есть люди цивилизованные и ученые, не менѣе иностраннаго духовенства, позвала однажды къ себѣ обѣдать кого-то изъ акредитованныхъ при нашемъ дворѣ дипломатовъ (кажется Французскаго, виконта де-Баранта), сопровождавшаго его Французскаго аббата, а также и архимандрита Игнатія. Во время стола завязалась между обоими духовными лицами религіозная контроверсія (о. Игнатій свободно говорилъ по-французски), и защитникъ Православія, не приготовленный (вѣроятно) встрѣтить столь сильнаго оппонента въ богословіи, провалился окончательно. Государь, узнавъ о приключеніи, сильно прогнѣвался и повелѣлъ (якобы) побѣжденному архимандриту не выѣзжать изъ стѣнъ своего монастыря, впредь до высочайшаго разрѣшенія, и затѣмъ якобы запретилъ впредь всѣмъ монашествующимъ болтаться по аристократическимъ обѣдамъ и сборищамъ [2].

---

[1]) Кстати о Сергіевской пустынѣ. Говорятъ, что тамъ на одномъ надгробномъ памятникѣ читалась слѣдующая эпитафія. „Здѣсь покоятся бренные останки умершаго надворнаго совѣтника N, коему не доставало только три мѣсяца для полученія чина коллежскаго асессора. Господи! Пріими его душу въ мирѣ". Архим. Игнатій велѣлъ однакоже (какъ я слышалъ) уничтожить эту эпитафію.

[2]) Въ недавно прочтенной мною статьѣ, въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе", подъ заглавіемъ „Воспоминанія о недавно умершей (въ прошломъ 1869 году) Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной", авторъ передаетъ этотъ самый разсказъ, какъ слышанный отъ нея

Славился въ то время въ Петербургѣ проповѣдникомъ и человѣкомъ замѣчательнаго якобы ума протоіерей Исакіевскаго собора Малòвъ. Съ нимъ я встрѣтился всего одинъ разъ, и то позднѣе, на похоронахъ баронессы д'Огеръ, въ концѣ 1845 года, и потому судить мнѣ о немъ трудно; но во всякомъ случаѣ не сочувствую одной его выходкѣ, переданной мнѣ хорошо извѣстною мнѣ особою, что однажды, во время ея и дочери ея говѣнія, передъ самымъ ихъ причащеніемъ, священнодѣйствующій протоіерей Малòвъ, стоя у отверзстыхъ уже царскихъ дверей, съ св. чашею въ рукахъ, отнесся къ говѣющимъ съ слѣдующими (приблизительно) словами: «Братія и сестры возлюбленные! Обратитесь къ вашей совѣсти, и если она скажетъ вамъ, что вы недостойны приступить къ сему священному и страшному таинству, то умоляю васъ, не приступайте къ нему». Къ чему было колебать совѣсть кающихся, грѣхи коихъ онъ же имъ отпустилъ и счелъ достойными пріобщаться святыхъ таинъ? Не смѣю думать, чтобы онъ увлекся желаніемъ произвести эффектъ на слушателей, но нахожу, что едва-ли эта выходка согласна съ канонами.

Къ этому времени относится начало неблаговоленія Государя (Николая Павловича) къ митрополиту Филарету. Что̀ именно подало къ тому поводъ, съ точностію не знаю; разные слухи носились о томъ въ обществѣ, напримѣръ, что будто-бы на заявленное Государемъ желаніе сократить, если возможно, нѣкоторыя церковныя службы, митрополитъ якобы отозвался, что можно было бы допустить только одно сокращеніе, исключа частыя повторенія всѣхъ лицъ императорскаго дома. Во всякомъ случаѣ, царское неудовольствіе должно быть отнесено къ чести незабвеннаго іерарха, ибо онъ отстаивалъ неприкосновенность всего строя нашей церкви, какъ въ догматическомъ, такъ и въ дисциплинарномъ и обрядовомъ отношеніяхъ. (Теперь я вспомнилъ, что чуть-ли не предложено было Государемъ о формальномъ разрѣшеніи браковъ между двоюродными). Митр. Филаретъ объявилъ, что рука его скорѣе отсохнетъ, чѣмъ подпишетъ какое-либо отступ-

---

самой. Онъ рознится съ моею версіею въ томъ, что обѣдъ былъ не у Т. Б. Потемкиной, а у Французскаго посланника виконта де-Баранта, и что это именно обстоятельство вызвало сильное неудовольствіе Государя, потому что дипломатическія наши съ Франціею сношенія были натянутыми; а тамъ же сказано, что архим. Игнатій не претерпѣлъ-де никакого пораженія въ преніяхъ съ Французскимъ аббатомъ. Источникъ этотъ вѣрнѣе, быть можетъ, моего, основаннаго на однихъ городскихъ слухахъ; тѣмъ не менѣе дозволю себѣ замѣтить, что хотя Государь въ душѣ никогда не помирился съ Лудовикомъ Филиппомъ (потому что считалъ этого короля узурпаторомъ), но въ началѣ 1840-го года ни о какой натянутости нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Франціею публикѣ, сколько помнится мнѣ, не было извѣстно.

леніе отъ существующихъ нонынѣ церковныхъ правилъ, и затѣмъ всеподданнѣйше просилъ о разрѣшеніи ему возвратиться къ своей паствѣ въ Москву. Разрѣшеніе это не замедлило послѣдовать, и онъ съ того времени уже не пріѣзжалъ болѣе въ Петербургъ присутствовать въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ. Поддержки же отъ впадшаго почти въ дѣтство подъ бременемъ годовъ Петербургскаго митрополита Серафима Московскій іерархъ не могъ имѣть. Разсказывали даже, что будто-бы престарѣлый Серафимъ подтрунивалъ надъ своимъ собратомъ и называлъ его изгнанникомъ; но какъ я уже объяснилъ, онъ выживалъ почти изъ ума.

Въ Питерѣ весь интересъ общества поглощается, какъ извѣстно, сіяющимъ магнитомъ двора; на него обращены взоры не токмо тѣхъ избранныхъ счастливцевъ, что имѣютъ входъ въ Зимній дворецъ, но даже несчастныхъ алчущихъ этой обѣтованной земли, имъ недоступной по ихъ сферѣ. Явленіе это поражаетъ сначала вновь пріѣзжаго провинціала или Москвича; но онъ вскорѣ убѣждается, что оно присуще всей Невской атмосферѣ, составляя какъ-бы ея міазмъ, и затѣмъ мирится и привыкаетъ къ этому явленію. Пріѣзжему могло также казаться страннымъ выраженіе женскихъ восторговъ отъ персоны Императора; то и дѣло слышалось: «Какъ Государь былъ хорошъ вчера въ кирасирской формѣ», или «какъ присталъ къ нему казацкій мундиръ, въ которомъ онъ сегодня прогуливался по Невскому». Влюблялись, правда, наши бомондныя барыни предыдущаго поколѣнія въ императора Александра Павловича, но платонически, какъ въ существо неземное, а наподобіе ангельскаго, тогда какъ восторгъ къ императору Николаю отзывался чѣмъ-то плотскимъ: вотъ въ чемъ была разница. Впрочемъ дѣйствительно императоръ Николай былъ тогда въ погеѣ красоты; но немного позднѣе животъ у него сталъ быстро прибавляться, въ ущербъ величественной его фигурѣ. Хотя я принадлежу, какъ не разъ уже заявлялъ, къ сторонникамъ этого царя, но ради исторической истины передамъ нѣкоторые, ходившіе по городу о немъ анекдоты, выказывающіе слабыя его стороны. Прогуливаясь въ 1839 году по Невскому проспекту, онъ наткнулся на одного молодого господина въ длинныхъ по плечамъ волосахъ и съ козлиною бородою (что тогда почти офиціально было запрещено), въ короткомъ по поясъ плащикѣ (à la Lucifer, какъ это называлось), или что-то въ этомъ родѣ, и чуть ли не въ остроконечной шляпѣ (en tête de sucre), словомъ картинка послѣдняго Французскаго журнала. Государь остановилъ его и спросилъ, какъ его зовутъ. «Вѣрноподданный Яковлевъ», отвѣчалъ франтикъ, трясясь съ ногъ до

головы. «Садитесь со мною» сказалъ Императоръ, и за тѣмъ повезъ несчастнаго въ своей коляскѣ во дворецъ, повелъ его къ Императрицѣ и сказалъ: «Имѣю честь рекомендовать тебѣ вѣрноподданнаго Яковлева», и затѣмъ, заставивъ его повертываться на всѣ стороны, чтобы явнѣе выказать его костюмъ, отпустилъ съ миромъ. Вотъ еще другой анекдотъ. Однажды, на дворцовомъ балѣ, одинъ изъ дежурныхъ камергеровъ молодой Полякъ, Полчинскій, подошелъ къ Австрійскому посланнику сказать ему, согласно придворному этикету, что великая княгиня Марія Николаевна желаетъ танцовать съ нимъ, но отступилъ при этомъ отъ принятой формулы и сказалъ попросту: La grande-duchesse Marie désire danser avec vous, m-r l'ambassadeur [1]). На его бѣду стоявшій вблизи Государь это слышалъ и, схвативъ за руку плохо дрессированнаго камеръ-юнкера, повелъ его къ тому же дипломату и громогласно произнесъ: «Son Altesse Impériale madame la grande-duchesse Marie Nicolaevna veut vous faire l'honneur de danser avec vous, m-r l'ambassadeur [2]), и за тѣмъ, отпустивъ руку оробѣвшаго царедворца, отвернулся и довольно громко добавилъ «дуракъ!» Повѣритъ ли читатель, что нѣкій извѣстный того времени литераторъ и популярный членъ Англійскаго клуба и всего почти общества (фамиліи коего не желаю высказать) восхищался этою выходкою Императора, коего называлъ по этому поводу молодцемъ и выхвалялъ его находчивость? [3]).

Такъ какъ «нѣтъ лести въ языцѣ моемъ» то и закончу эту невзрачную сторону характеристики покойнаго Императора, память коего я тѣмъ не менѣе глубоко чту, однимъ еще анекдотомъ. На домогательство славнаго нашего трагика Каратыгина объ увольненіи его изъ театральной службы Государь приказалъ, будто бы, передать ему, что въ такомъ случаѣ родъ служенія его измѣнится и что ему готово мѣсто фланговаго человѣка въ 1-й ротѣ Преображенскаго полка. Извѣстно, что Каратыгинъ былъ гигантскаго почти роста [4]).

---

[1]) Великая княгиня Марія желаетъ танцовать съ вами, г. посолъ.

[2]) Ея императорское высочество, государыня великая княгиня Марія Николаевна желаетъ сдѣлать вамъ, г. посолъ, честь протанцовать съ вами.

[3]) Читатель повѣритъ, особенно если узнаетъ, что этотъ камергеръ Полчинскій былъ дѣйствительно дуракъ. (Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого). Выскажу кстати мое мнѣніе о почившей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Общій о ней отзывъ былъ, что она занята одними нарядами; однакоже она сумѣла привязать къ себѣ всѣхъ близкихъ къ ея особѣ людей, тогда какъ, при второстепенномъ Михайловскомъ дворѣ, приближенные къ Михаилу Павловичу столь же любили его, сколько не жаловали великую княгиню Елену Павловну, не взирая на бо̀льшую ея общественную дѣятельность.

[4]) Этотъ анекдотъ требуетъ подтвержденія. Я былъ дружески знакомъ съ Каратыгинымъ и нечего подобнаго не слыхивалъ". Примѣчаніе графа Д. Н. Толстого.

Упомянувъ о театральныхъ маскарадахъ, отмѣчу, что Государь былъ великій до нихъ охотникъ: можно было видѣть его ходившимъ тамъ по цѣлымъ часамъ подъ руку то съ однимъ, то съ другимъ женскимъ домино̀, закулиснаго, а пожалуй и еще менѣе почетнаго міра. Государевы панегиристы говорили, что онъ этимъ-де способомъ узнаётъ многое, чего иначе не могъ бы никогда узнать. Сомнѣваюсь весьма, чтобы изъ этого могла бы произойти какая-либо государственная польза, а скорѣе думаю, что это было для Императора просто развлеченіемъ.

Въ императорскомъ семействѣ князь Петръ Михайловичъ Волконскій, тогдашній министръ двора, былъ тоже самое, что̀ старый дядька въ барской семьѣ былого времени; точь вточь также ворчалъ, когда дѣлалось то, чего онъ не одобривалъ, или расходовалось по домохозяйству двора болѣе чѣмъ предполагалось по смѣтѣ; также выговаривалъ великимъ княжнамъ, когда онѣ по мнѣнію его нехорошо себя держали или брали позы, несвойственныя дѣвицамъ столь высокаго положенія. Домогаясь изо всѣхъ силъ ввести строгую экономію въ дворцовое хозяйство, онъ одинаково былъ скупъ къ самому себѣ, къ своей семьѣ, и всячески старался избѣгать выдачи денежныхъ награжденій подчиненнымъ ему, служащимъ по Министерству Двора, за что̀ и прозванъ былъ «le Prince Non *); но никто не можетъ запятнать его память упрекомъ въ корыстолюбивыхъ наклонностяхъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ чистъ, какъ хрусталь. Когда тетка его, княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская (прозванная въ обществѣ «la Tante Militaire»), передала ему еще при своей жизни одно большое свое имѣніе, то Государь, узнавъ, что это имѣніе обременено весьма большимъ долгомъ Сохранной Казнѣ, воспользовался этимъ обстоятельствомъ и прислалъ ему въ видѣ подарка на праздникъ Пасхи (кажется, 1844 года) значительную сумму (въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей) нужную для выкупа. Государь сдѣлалъ это потому болѣе, что затруднялся въ выборѣ награды, такъ какъ всѣ возможные ордена и портреты, осыпанные бриліантами, у него уже были. Князь не на шутку обидѣлся денежнымъ подаркомъ, называя его безчестіемъ старому слугѣ, какъ онъ, и хотѣлъ было сгоряча пожертвовать всѣми этими

---

*) Князь нѣтъ. Отмѣчу мимоходомъ слышаное мною изъ достовѣрнаго источника, что послѣ 1814 года союзные государи возымѣли желаніе подарить князю Петру Михайловичу знаменитый за̀мокъ на Рейнѣ Іоганисбергъ, какъ лицу болѣе прочихъ близкому къ особѣ императора Александра; но самъ Государь не изъявилъ на то своего согласія, не желая даже для своего подданнаго територіальнаго вознагражденія отъ Европейской коалиціи (такъ по крайней мѣрѣ представляется мнѣ этотъ его отказъ). За̀мокъ этотъ былъ подаренъ князю Метерниху, сынъ коего понынѣ имъ владѣетъ.

деньгами въ пользу инвалидовъ. Когда же семейные его уговорили его отступить отъ сего намѣренія, то онъ заперъ деньги въ бюро, гдѣ онѣ долго лежали безъ всякаго употребленія, и наконецъ рѣшился отдать ихъ, если не ошибаюсь, своей дочери А. П. Дурново̀.

Вышепомянутая княгиня Волконская, рожденная Мельгунова, не удостоена была (къ крайнему ея, какъ слышно было, прискорбію) никакихъ придворныхъ почестей, не взирая на высокое значеніе ея племянника, по той причинѣ, что покойный ея мужъ, занимавшій какое-то высокое мѣсто (кажется, не по интендантству ли) находился нѣкогда подъ судомъ. Позднѣе я познакомился въ Петербургѣ съ нѣкоимъ г. Мельгуновымъ, родственникомъ княгини Екатерины Алексѣевны; это былъ господинъ лѣтъ 50, болѣзненный, кривой на одинъ глазъ, весьма неопрятный и вообще отталкивающей наружности. Онъ разсказывалъ мнѣ, что какъ онъ только прочтетъ въ газетахъ, что такая-та княгиня или графиня назначена штатсъ-дамою, или получила Екатерининскій крестъ, то сейчасъ же отправляется съ этими извѣстіями къ княгинѣ Е. А. Волконской и наслаждается ея досадою и завистью къ этимъ особамъ, вкушающимъ запретный для нея плодъ: въ этомъ состояло единственное возможное ему мщеніе за то, что княгиня лишила его частицы наслѣдства, передачею своего имѣнія въ родъ князей Волконскихъ, вмѣсто Мельгуновыхъ.

Княгиня Софія Григорьевна Волконская (жена кн. Петра Михайловича) была достойнѣйшая женщина, но оригиналка въ своихъ житейскихъ привычкахъ и феноменальной скупости. Уже съ половины 30-ыхъ годовъ, она рѣдко, и то на короткое только время, показывалась въ Петербургѣ, и одна, безъ горничной, странствовала по всей Европѣ *). Всегдашнимъ костюмомъ ея было черное шелковое платье, и по мѣрѣ того какъ рукава изнашивались, она замѣняла ихъ новыми, отличавшимися отъ остальной части платья, принявшей буроватый отъ времени оттѣнокъ. Останавливалась она въ невзрачныхъ, самыхъ дешевыхъ гостиницахъ, а какъ въ Италіи было обычнымъ включать въ поденную за нумеръ плату пару восковыхъ (а впослѣдствіи стеариновыхъ) свѣчей, стоявшихъ готовыми на столѣ въ каждомъ нумерѣ, то княгиня (если вѣрить слухамъ) вставляла въ шандалы пару огарковъ, находившихся у нея въ запасѣ, а цѣлыя свѣчи клала въ особенный для того чемоданъ, такъ что, подъ конецъ ея путешествія, чемоданъ

*) Я слыхалъ, что она и смолоду была эксцентрична: такъ, напримѣръ, прискакавъ въ 1812 году въ Нижній-Новгородъ, въ самую заутреню подъ свѣтлый праздникъ, одна, съ фельдъегеремъ въ телѣгѣ, она не нашла гдѣ помѣститься, потому что всѣ постоялые дворы были заняты, а адресовъ ея знакомыхъ тамъ она не имѣла, и должна была провести всю ночь на площади.

былъ биткомъ набитъ свѣчьми. Отправившись изъ Парижа въ Лондонъ, въ началѣ 1837 года, по случаю коронаціи королевы Викторіи, она захватила съ собою свои бриліанты, на случай если бы пришлось ей представляться къ Англійскому двору. Проѣздомъ изъ Дувра въ Лондонъ, она полѣзла за чѣмъ-то въ ручной свой мѣшокъ, куда ско́мкала кое-какъ свои бриліанты, и пассажиры дилижанса (или вагона), сидѣвшіе съ нею, увидавъ столь несообразныя съ ея убогою наружностію драгоцѣнности, приняли ее за сомнительную личность; а какъ того же мнѣнія былъ и кондукторъ, то когда поѣздъ прибылъ въ Лондонъ, ее задержали, и о семъ происшествіи дали знать полиціи. Нечего было дѣлать, и княгиня вынуждена была послать записку объ этомъ нашему посланнику, который, изумленный полученнымъ извѣстіемъ, прискакалъ выручить жену министра Россійскаго двора. Что Русскій чай пересылали ей за границу съ нашими дипломатическими куріерами, это понятно; потому что въ то время такъ называемаго караваннаго чая невозможно было тамъ достать; но кромѣ чая, она писала къ мужу (или къ сыновьямъ), чтобы ей высылали также сургучу, дабы избѣгнуть траты на покупку онаго. Однажды, въ бытность ея въ Миланѣ, она пошла навѣстить поселившуюся тамъ графиню Юлію Павловну Самойлову, но не заставъ ея дома (такъ какъ графиня была въ то время на своей виллѣ въ горахъ близъ городка Варезе) захотѣла осмотрѣть весь недавно отдѣланный графинею палаццо. Войдя въ дѣвичью, гдѣ застала графининыхъ горничныхъ за обѣдомъ, она захотѣла попробовать что̀ онѣ ѣли, потому-де что любитъ стряпанье настоящей Италіянской кухни, а у нея въ отелѣ готовятъ не по ея вкусу. Обѣдъ горничныхъ такъ ей понравился, что она просила дозволенія придти къ нимъ на слѣдующій день, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней ея пребыванія въ Миланѣ, она отправлялась обѣдать туда на фу-фу. Она была легка, какъ говорится, на подъемъ до глубокой старости, и въ 50-ыхъ годахъ, когда ей было около 70 лѣтъ, она не устрашилась предпринять поѣздку въ дальную Сибирь, для свиданія съ своимъ братомъ, декабристомъ. Эту поѣздку совершила она почти понапрасну; потому что вскорѣ по ея возвращеніи оттуда, князь Сергѣй Григорьевичъ, вмѣстѣ съ остальными декабристами, былъ прощенъ, и всѣ они возвращены въ Россію. Соблюдая въ теченіе многихъ лѣтъ строгую во всемъ экономію, при значительномъ состояніи, она успѣла накопить порядочные весьма капиталы, которые завѣщала не сыновьямъ своимъ, а внучатамъ, на томъ-де основаніи, что сыновья могутъ промотаться и ничего не оставить своимъ дѣтямъ: предусмотрительность весьма благоразумная.

Хотя неоднократно уже говорилъ я о великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, но приходится кое-что еще о немъ добавить. До чего доходила у него фронтоманія, можно судить по слѣдующему случаю, коего я былъ свидѣтелемъ. Разъ, когда я обѣдалъ у Ю. Ѳ. Мпнквица, гдѣ также былъ молодой гвардеецъ графъ Канкринъ, принесли послѣднему дневной приказъ по полку, при прочтеніи коего онъ соскочилъ съ мѣста и передалъ намъ сущность приказа, заключавшуюся въ томъ, что дѣлалось замѣчаніе полковому камандиру отъ имени его высочества за то, что на вчерашнемъ спектаклѣ въ большомъ театрѣ рядовые ввѣреннаго ему полка, во время маршировки на сценѣ (ихъ звали, кажется, по театральному термину *статистами*, и они представляли Римскихъ или Греческихъ воиновъ) *шли не въ ногу*. Le vrai peut quelque fois paraître invraisemblable [1]). Я слышалъ, что Елена Павловна говаривала, что она не можетъ не надивиться неутомимости и терпѣнію порфиророднаго ея супруга, столь упорно домогающагося невозможнаго философскаго камня, ибо таковымъ-де должны быть пѣшая выправка и игра носка. По случаю сооруженія арки, соединяющей Сенатъ съ Сунодомъ онъ сказалъ, «что г.г. сенаторы *подарками* (подъарками) живутъ; а по случаю брака нынѣшняго императора онъ сказалъ про великую княгиню (нынѣ императрицу), что она *даромъ штатская* (Дармштатская), а выходитъ за военнаго. Однажды, на указаніе кѣмъ-то изъ его приближенныхъ на щегольскую упряжь герцога Лейхтенбергскаго [2]), онъ сострилъ: Oui, un bel attélage, un *beau harnois* (Beauharnais). Въ другой разъ, показывая одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ какому-то Французскому знаменитому туристу (виконту д'Арленкуру или Мармьè), великій князь сказалъ: «Vous voyez là mes cadets, et je puis vous dire que ce ne sont pas les *cadets de mes soucis* [3]).

---

[1]) Вѣрное можетъ иной разъ казаться невѣроятнымъ.

[2]) Отецъ герцога—принцъ Евгеній Богарнè.

[3]) Извиняюсь передъ читателемъ въ невозможности перевести съ толкомъ эти два послѣдніе каламбура по русски. Я уже говорилъ, что великій князь называлъ стараго принца Виртембергскаго „mon oncle le grand pontife, потому что онъ былъ начальникомъ инженернаго вѣдомства („ponts et chaussées"), а по латыни „pontifex" значитъ первосвященникъ и строитель мостовъ. Но это не мѣшало ему называть другого своего дядю, у котораго на лбу была шишка, дяденькой Лупандинымъ (отъ слова loupe, шишка).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МАРѲЫ СТЕПАНОВНЫ САБИНИНОЙ.

1860-й годъ *).

29-го Января. Скончался мой несчастный братъ Иванъ. На слѣдующій день пріѣхалъ къ намъ изъ Висбадена протоіерей Янышевъ, чтобы предать его тѣло землѣ. Намъ было выказано общее сочувствіе, такъ какъ его вообще очень любили. Листъ написалъ мнѣ слѣдующія строки: «Que votre amitié, chère mademoiselle Martha, m'accorde de vous dire à ces heures de douleur que la part que j'y prends est aussi sincère et vive que l'affection que vous conserve avec respect et dévouement F. Liszt. Dimanche, 29 Janvier 1860.»

Отъ княгини Витгенштейнъ я получила слѣдующее: «Recevez, chère Marthe, pour vous et veuilliez témoigner à vos parents l'expression de notre véritable sympathie dans le malheur qui vient de vous frapper. Pour avoir été prévu, ce coup n'en est pas moins douloureux, et le coeur d'une mère n'en est pas moins cruellement brisé. Que Dieu, dont la main seule peut cicatriser de telles blessures, vous soit en aide à vous tous, qui souffrez tant et avez été atteints déjà de tant de douleurs! Bientôt je viendrai moi-même vous redire tous mes sentiments et ceux de Liszt dont je suis l'interprète aujourd'hui. Que de tristes moments pous vous! Notre coeur les ressent vivement. C. W.

P. S. Un souvenir tout particulier à Marion! Ma fille ne manquera pas de prendre bien part à votre chagrin.»

На слѣдующій день меня посѣтилъ Листъ и, вслѣдствіе нашего разговора, онъ мнѣ написалъ слѣдующія строки: «A ce qui vient d'être dit, il me reste à ajouter un point capital, à savoir, si d'après les usages et idées recues en Russie la pension en question ne demeure pas exclusivement dépendante de la rubrique de peinture? Dans ce cas il est évident que vous né sauriez élever aucune prétention. Ne manquez pas de poser cette question à votre cousin, qui par sa lettre d'information vous mettra sur la voie du parti le plus convenable à prendre. Quand

---

*) См. выше, стр. 229.

il s'agit de certaines choses de bien, le bon sens et la raison ne servent que de peu, et il faut plier bagage devant la considération d'une haute et puissante infinité. Mille sincères et vives amitiés. Liszt.»

Время, послѣдовавшее за этимъ печальнымъ событіемъ, я употребила на сочиненіе и между прочимъ взялась за свою оперу «Лорелей». Въ настоящее время я бы ни за что не рѣшилась употребить подобный текстъ, но тогда я хотѣла упражняться въ оркестровкѣ и въ этомъ пользоваться совѣтами Листа, котораго очень часто видала все это время. Вообще всѣ наши друзья старались разсѣять насъ въ нашемъ горѣ, а Листъ особенно любилъ покойнаго брата, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ писалъ всѣ бумаги, касавшіяся развода княгини Витгенштейнъ.

1-го Марта. Вечеромъ Листъ зашелъ ко мнѣ послѣ обѣда у великаго герцога; онъ предупредилъ меня о своемъ посѣщеніи, желая пересмотрѣть со мною либретто къ оперѣ «Лорелей», которое, по моему заказу, написалъ для меня Паске изъ Дармштадта. Листъ въ этотъ день былъ такъ разговорчивъ, и у него было столько новостей, что вмѣсто того, чтобы работать, мы проболтали весь вечеръ. Въ то время въ Берлинѣ только что появилась новая книга, надѣлавшая много шума; это была переписка Александра Гумбольдта съ Варнгагеномъ фонъ-Энзе, изданная племянницей послѣдняго, Людмилой Ассингъ. О личности ея и характерѣ я уже говорила раньше, во время пребыванія ея въ Веймарѣ, и сдѣланная ею теперь нескромность меня не удивила. Между прочимъ напечатано было нѣсколько писемъ, касающихся великаго герцога Карла-Александра и извѣстнаго дѣла Генсена. Великій герцогъ сказалъ, что очень удивляется, что подобная вещь могла случиться съ человѣкомъ, съ которымъ онъ былъ въ такихъ отношеніяхъ, какъ съ Гумбольдтомъ. Листъ судилъ объ этомъ иначе; онъ предполагалъ, что Людмила Ассингъ демократическимъ образомъ мститъ великому герцогу. Во всякомъ случаѣ было слишкомъ рано выдавать интимныя сужденія этихъ двухъ выдающихся людей такъ скоро послѣ ихъ смерти. Вѣроятно многіе имѣли совсѣмъ другое понятіе о Гумбольдтѣ. Избалованный во всѣхъ отношеніяхъ, находя большое удовлетвореніе въ своихъ научныхъ трудахъ, онъ пользовался всевозможными почестями и отличіями, а другомъ и покровителемъ его былъ меценатъ Германіи, король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV; и не смотря на все это, въ его письмахъ слышится такая горечь, которая для каждаго непонятна.

Листъ разсказывалъ, что нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда онъ былъ въ Берлинѣ, Гумбольдтъ спросилъ его: «Вы навсегда поселились въ Веймарѣ?»—Почему нѣтъ? сказалъ ему Листъ. На это Гумбольдтъ

возразилъ: «Я боюсь, что это для васъ будетъ мало удовлетворительно». Изъ этого видно, что, не смотря на то, что Гумбольдтъ былъ въ перепискѣ съ великимъ герцогомъ Карломъ-Александромъ, онъ его не очень цѣнилъ. Разъ въ обществѣ кто-то безъ особаго уваженія отозвался о покойномъ великомъ герцогѣ Карлѣ-Фридрихѣ, супругѣ великой княгини Маріи Павловны, на что Гумбольдтъ сказалъ: «Il faut connaître le fils pour apprécier le père».

Извѣстно, что у Листа были почти всѣ существующіе въ Европѣ ордена, но онъ ихъ никогда не носилъ. Какъ всегда, когда онъ бывалъ во фракѣ, у Листа въ этотъ вечеръ въ петлицѣ была маленькая красная лента Веймарскаго ордена Бѣлаго Сокола, и онъ, указывая на нее, сказалъ мнѣ: «Какъ я остался вѣренъ своей первой любви, такъ и первому ордену, который я получилъ именно отъ великаго герцога».

Одновременно съ перепиской Гумбольдта вышла еще другая книга, надѣлавшая немало шума по всему міру, написанная, какъ говорять, по внушенію Наполеона III-го. Это была книга Э. Абу «La question romaine», направленная противъ папы и Рима, и быть можетъ самая ѣдкая сатира, которая была написана со временъ Вольтера.

У Листа въ Веймарѣ была комната, посвященная исключительно подаркамъ, которые были ему поднесены; тамъ было много цѣнныхъ и художественныхъ вещей, которыя разложены были въ витринахъ и представляли большую цѣнность. Въ одинъ прекрасный день камердинеръ Листа преспокойно уложилъ всѣ эти драгоцѣнности, увезъ ихъ и исчезъ безслѣдно. Въ этой комнатѣ висѣлъ портретъ его друга князя Феликса Лихновскаго, который былъ такъ варварски умерщвленъ толпою во время революціи во Франкфуртѣ 1848-го года.

Когда Листъ поселился въ Веймарѣ, онъ обязался управлять исключительно только придворными концертами; вскорѣ послѣ этого оберъгофмаршалъ и одновременно директоръ театровъ фонъ-Шпигель, по болѣзни, вышелъ въ отставку; на его мѣсто былъ назначенъ Ф. Цигезаръ, человѣкъ образованный, большой музыкантъ и весьма дружный съ Листомъ. Его назначеніе директоромъ театровъ застало его врасплохъ; онъ чувствовалъ, что обычная колея театральнаго дѣла совѣмъ недостойна для придворнаго учрежденія, въ которомъ когда-то директоромъ былъ Гёте. Но онъ не зналъ, какъ помочь бѣдѣ. Тогда онъ обратился къ Листу съ вопросомъ: Не сдѣлаешь ли ты мнѣ одолженіе дирижировать одну оперу въ день рожденія великой княгини? (16-го Февраля 1848 года). Листъ согласился и предложилъ «Марту», которая тогда впервыя давалась въ Вѣнѣ. Понятно, что Листъ разучилъ оперу; исполнили ее отлично, и она имѣла полнѣйшій успѣхъ.

По просьбѣ нашей великой княгини Листъ согласился и впредъ заниматься Веймарской оперой, и великая княгиня назначила ему изъ собственной своей шкатулки тысячу талеровъ, а за управленіе концертами онъ получалъ триста талеровъ. Это было все, чѣмъ Листъ располагалъ для своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ онъ отказался отъ игры въ концертахъ. Какъ дирижеръ Веймарской оперы, онъ установилъ свою весьма простую и достойную подражанія программу дѣятельности. Онъ спасъ отъ забвенія оперы забытыя, но достойныя сохраненія, какъ напримѣръ, Фиделіо Бетховена, Эвріанту Вебера, Эстреллу Шуберта, Ифигенію Глюка и многія другія; а для поощренія рождающихся талантовъ и для доставленія имъ возможности слышать свои сочиненія, онъ старался ставить ихъ на Веймарской сценѣ; напримѣръ Цирюльникъ Корнеліуса, Нибелунги Дорна, Комала Соболевскаго. О драмахъ Вагнера нечего и говорить, что, благодаря Листу, онѣ не были преданы забвенію. Тангейзеръ, кромѣ того, былъ принятъ по предложенію Листа, благодаря своему патріотическому содержанію, такъ какъ гора, въ которой по преданію царствовала Венера и гдѣ Тангейзеръ ее посѣщалъ, находится въ Веймарскомъ великомъ герцогствѣ. Листъ не зналъ Тангейзера, но когда получилъ его партитуру, она его такъ заинтересовала, что онъ употребилъ все свое стараніе, чтобы довести его до представленія. Нужно сказать, что опозиція была сильная, такъ какъ всѣ говорили о Вагнерѣ, какъ о политическомъ преступникѣ. Когда поставили Лоэнгрина, успѣхъ его былъ сомнительный. Опасаясь за дальнѣйшую участь этой оперы, Листъ попросилъ нашу великую княгиню наполнить театръ: она взяла сто билетовъ и велѣла ихъ раздать. Листъ понялъ также, что въ маленькомъ городкѣ съ 15-ю тысячами жителей и соотвѣтственными средствами публи-

слѣдовало привлекать новыми сочиненіями и одновременно поддерживать то музыкальное направленіе, которое онъ считалъ необходимымъ для поднятія музыки вообще. Листъ строго придерживался этой точки зрѣнія, пока Цигезаръ и Больё были директорами театровъ и дѣйствовали съ нимъ сообща. Но все измѣнилось, когда директоромъ Веймарскаго театра назначили Франца Дингельштедта, написавшаго между прочимъ одно стихотвореніе, которое надѣлало въ 1849-мъ году много шума по своему свободомыслію. Не смотря на то, что онъ былъ поэтъ, Дингельштедтъ былъ очень грубый и, по моему, не вполнѣ понимающій музыку человѣкъ, хотя онъ и былъ женатъ на извѣстной пѣвицѣ Лейтнеръ изъ Вѣны. Онъ нисколько не соглашался съ мыслью сдѣлать изъ придворнаго театра пріютъ для такъ называемой музыки будущности; онъ былъ человѣкъ практичный и думалъ только о томъ, какъ наполнить театральную кассу. Но когда Листъ замѣтилъ, что для

достиженія экономіи въ 14 тысячъ талеровъ ежегодно, брались рѣшенія вполнѣ неартистическія, онъ не могъ продолжать быть сообщникомъ подобнаго торговаго предпріятія и рѣшился удалиться изъ Веймара. Подобное могъ сдѣлать только такой человѣкъ, какъ Дингельштедтъ, который изъ Гессенскаго деревенскаго учителя сталъ генералъинтендантомъ придворнаго театра. На его широкія плечи можно было свалить всѣ несправедливости, которыя дѣлались и на которыя не согласились бы ни Цигезаръ, ни Больё, ни Листъ.

Листъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что въ это время его отношенія къ Вагнеру какъ-то обострились; это случилось вслѣдствіе того, что Листъ отказалъ Вагнеру въ значительной денежной поддержкѣ, о которой тотъ его просилъ. У Вагнера была очень непривлекательная черта его характера: это неблагодарность. Онъ смотрѣлъ на общество, какъ на людей, обязанныхъ исполнять всѣ его требованія. Едва ли найдется другой примѣръ, чтобы кто нибудь столько сдѣлалъ для другого, сколько Листъ для Вагнера. Какъ примѣръ неблагодарности Вагнера, стоитъ только вспомнить о г-жѣ Калерджи, которая ежегодно давала ему 10 тысячъ франковъ, и все ему было недостаточно; вспомнить о сестрѣ Вагнера, г-жѣ Брокгаузъ и ея мужѣ, извѣстномъ Лейпцигскомъ издателѣ, и о поступкѣ Вагнера съ ними. Они его взяли къ себѣ въ домъ еще молодымъ мальчикомъ-сиротой, и Брокгаузъ даже думалъ усыновить его, такъ какъ у него были только четыре дочери. Послѣ того, что въ теченіе многихъ лѣтъ Вагнеръ пользовался у нихъ беззаботной жизнью и богатой обстановкой, онъ вдругъ разсердился на своихъ родственниковъ, не предупредивъ ихъ, уѣхалъ изъ дома и прервалъ съ ними всякія сношенія.

Возвратимся къ Листу, отказъ котораго не понравился Вагнеру. Онъ употребилъ мелочную месть и написалъ Бюлову письмо, въ которомъ неделикатно коснулся отношеній Листа къ княгинѣ Виттгенштейнъ. Прочитавъ это письмо, Листъ нашелъ поведеніе Вагнера непростительнымъ и съ тѣхъ поръ больше не писалъ ему. «Но все нужно переносить», прибавилъ Листъ, «намъ остается музыка: это что-то безконечно-прекрасное, это—ни слово, ни дѣло, что-то невыразимое, которое можетъ сравниться только съ любовью, и можетъ быть еще выше ея».

Вагнеръ былъ очень друженъ съ Бюловомъ. Послѣдній происходилъ изъ Прусскихъ дворянъ и могъ довольно самостоятельно распоряжаться своими средствами. Въ то время онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ давалъ концерты и весь сборъ отправлялъ Вагнеру. Пребываніе Бюлова въ Парижѣ и вліяніе на него двора Наполеона были причиной того, что онъ написалъ брошюру, подъ заглавіемъ «Napoleon der

Dritte», въ которой предлагалось Наполеону возстановить границу Франціи по Рейнъ и медіатизировать маленькія Германскія государства. Когда узнали кто авторъ этой брошюры, понятно, всѣ маленькіе Нѣмецкіе дворы его устранили отъ себя.

Г-жа Калерджи, о которой мы говорили, была племянница нашего министра Нессельроде и воспитывалась у него, наравнѣ съ его дочерьми. У нея были большія музыкальныя способности; первымъ ея учителемъ музыки былъ Шарль Мейеръ, затѣмъ Шопенъ; а съ Листомъ она часто и много играла. Онъ ее называлъ: «Meine Hofpianistin». Она была очень красивая женщина, высокаго роста, съ чудными золотисто-рыжеватыми волосами. Ея манеру играть можно только сравнить съ изваяніемъ изъ мрамора; подобной игры я никогда больше не слыхала и вѣрно не услышу. Хотя, когда она играла, ни одинъ мускулъ ея лица не измѣнялся, ея игру нельзя было назвать холодной: она была такъ изящна и полна поэзіи, что увлекала слушателей въ иной міръ. Она вышла замужъ за очень богатаго Грека Калерджи, жила съ нимъ въ разводѣ и большей частью за границей. Мужъ ея давалъ ей 30 тысячъ рублей ежегодно, но она всегда бывала въ долгахъ. Послѣ смерти перваго мужа она вышла замужъ за Муханова, отличнаго музыканта, а нѣсколько лѣтъ спустя заболѣла нервной болѣзнью и провела нѣсколько лѣтъ въ домѣ душевно-больныхъ въ Ильменау.

Листъ разсказывалъ, что во время седьмого своего пребыванія въ Лондонѣ, которое длилось всего двѣ недѣли, когда онъ былъ очень несчастенъ и держался совсѣмъ въ сторонѣ отъ общества, къ нему явился князь Павелъ Эстергази, состоявшій тогда при посольствѣ въ Лондонѣ (впослѣдствіи Австрійскій посолъ въ Петербургѣ) и упрекнулъ его въ томъ, что Листа совсѣмъ не видно. «Вы могли бы навѣстить моего дядю». Его дядя, князь Эмиль Эстергази, былъ въ то время посломъ въ Лондонѣ. Извѣстно, что отецъ Листа былъ управляющимъ у князя Эмиля Эстергази, и Листъ отлично помнилъ, какъ онъ ребенкомъ обѣдалъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ за столомъ служителей князя. Листъ отвѣчалъ, что онъ находится въ Лондонѣ на слишкомъ короткое время, чтобы дѣлать визиты. «И знаете», прибавилъ онъ, «вашъ дядя никогда не сдѣлалъ мнѣ визита, даже карточки не бросилъ». А Листъ дорожилъ этимъ знакомъ учтивости. На другой день князь Эстергази явился къ Листу и конечно увлекъ его къ себѣ. А вотъ какъ поступилъ съ Листомъ Нессельроде. Въ то время Листъ жилъ въ Миланѣ въ большой тревогѣ (это было вскорѣ послѣ рожденія его дочери Козимы); средства у него были небольшія, и онъ нанималъ маленькую, бѣдно-обставленную комнату въ четвертомъ этажѣ у нѣкоего абба-

те, отдававшаго рояли на прокатъ. Однажды явился къ Листу Хрептовичъ, который былъ женатъ на дочери графа Нессельроде, и говоритъ ему, что Нессельроде желаетъ съ нимъ познакомиться и проситъ его назначить день и часъ, когда онъ найдетъ его дома. Извѣстно, что Нессельроде любилъ музыку и понималъ ее. Листъ стѣснялся принять графа въ своей бѣдной обстановкѣ, извиняясь за нее. Но на слѣдующій день Нессельроде все-таки явился къ Листу, который вознаградилъ его тѣмъ, что нѣсколько часовъ подъ рядъ игралъ ему то, что̀ тотъ желалъ.

Совсѣмъ инымъ образомъ поступилъ Листъ съ княгиней Меттернихъ, женой канцлера. Листъ держался того взгляда, что артистъ въ тоже время и человѣкъ, который, какъ и всѣ другіе, имѣетъ право на тѣже знаки уваженія и внѣ своей дѣятельности. При своемъ умѣ, образованіи и любезности, онъ тѣмъ болѣе могъ этого требовать. Живучи въ Вѣнѣ, онъ часто игралъ у князя Меттерниха, но разъ княгиня пригласила его обѣдать. Листъ принялъ приглашеніе. По окончаніи обѣда, едва успѣли перейти въ гостиную, какъ княгиня проситъ Листа играть. Его задѣло это за живое; онъ всталъ, взялъ шляпу, поклонился княгинѣ, поблагодарилъ за обѣдъ и за сдѣланную ему честь и уѣхалъ. Княгиня Меттернихъ никогда ему этого не простила.

22-го Апрѣля. Исполняли новую оперу Э. Лассена «Frauenlob». Лассенъ, сынъ Брюссельскаго банкира, человѣкъ съ независимыми средствами, прошелъ курсъ Брюссельской консерваторіи и, получивъ первый призъ, былъ посланъ на нѣсколько лѣтъ въ Римъ. Возвратясь оттуда, онъ проѣздомъ остановился въ Веймарѣ, чтобы представиться Листу, хотя его учитель Фетисъ былъ явнымъ противникомъ Веймарской школы. Лассенъ, очень любезный и образованный человѣкъ, очень понравился Листу, и это было взаимно, такъ что, помимо своей воли, Лассенъ остался въ Веймарѣ и въ скорости былъ назначенъ третьимъ музикъ-директоромъ придворной капеллы. Лассенъ самъ играетъ на фортепіано, но больше все занимается авторской дѣятельностью; онъ пишетъ немного, но то что̀ онъ пишетъ обработано очень тщательно и должно быть причислено къ хорошей музыкѣ.

ГВАРДЕЙСКІЕ СОЛДАТЫ ПОСОБНИКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Во второй книгѣ *Русскаго Архива* 1880 года, на стр. 150-й, сказано, что восшествіе на престолъ Екатерины II въ подробностяхъ разъясняется все болѣе и болѣе. Въ дѣлахъ князя Потемкина нашлось письмо того самого гренадера Преображенскаго полка *Андрея Стволова*, о которомъ Храповицкій, подъ 30-мъ Декабря 1788 г. занесъ въ свой Дневникъ разсказъ самой Императрицы.

Изъ письма Стволова, съ тремя его товарищами, къ князю Потемкину видно, что Стволовъ точно былъ въ чинѣ первыхъ пособниковъ Екатерины. Если у него въ три ручья полились слезы, когда въ саду Императрица, какъ условный знакъ, подала ему руку для цѣлованія, то это несомнѣнно доказываетъ, насколько онъ, и, вѣроятно, другіе солдаты преданы были ей. Въ благодарность за оказанную приверженность Императрица главныхъ пособниковъ-солдатъ переводила въ кавалергарды, что давало имъ особыя выгоды по службѣ, жаловала дворянскимъ достоинствомъ, а при отставкѣ награждала офицерскими чинами, пенсіями и даже крестьянами; ибо и Стволовъ съ своими товарищами, конечно не безъ основанія, проситъ дать имъ „*по нѣскольку людей семьи*“. Къ сожалѣнію, на письмѣ не означено, когда оно писано.

Григорій Александровъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милосердый государь и отецъ, графъ Григорій Александровичъ!

Вашего высокографскаго сіятельства отеческія милости ко всѣмъ просящимъ изобильно изливаются, и всякій не оставлялся, чтобъ не былъ кто принятъ въ милостивое и отеческое ваше защищеніе и покровительство. Почему и мы, пріемля на себя смѣлость, дерзаемъ ваше высокографское сіятельство утруждать. По усердной нашей ея императорскому величеству службѣ, взысканы мы были его сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ и, по имянному ея императорскаго величества указу, пожалованы въ корпусъ въ кавалергарды, гдѣ нынѣ оную продолжаемъ съ усердіемъ; а нынѣ, за слабостію нашего здоровья, просить вознамѣреваемся объ отставкѣ насъ отъ службы и потому, прибѣгая къ покровительству вашего сіятельства, всенижайше просимъ: воззрите, сіятельнѣйшій графъ, на наше неимущее состояніе и пріимите тотъ на себя отеческій долгъ старанія, чтобъ исходатайствовали ваше сіятельство у всеавгустѣйшей монархини матерняго ея къ намъ милосердаго, при отставкѣ, награжденія по нѣскольку людей семьи; и ежели сего не можно, то хотя денежнымъ награжденіемъ и противъ прочихъ нашей братіи преміеръ-маіорами и съ пенсіономъ оставлены бъ были и въ продолженіи нашей въ отставкѣ жизни не могли бъ претерпѣвать бѣдности, за что вѣкъ нашъ, за отеческое вашего сіятельства милостивое неоставленіе, не умолкнемъ возсылать усердныхъ Богу молитвъ и навсегда съ глубочайшимъ почитаніемъ остаемся. Вашего высокографскаго сіятельства, милосердаго государя и отца, всенижайшіе и покорнѣйшіе слуги Осипъ Мироновъ, Андрей Стволовъ, Аѳанасій Меньшой, Алексѣй Кузнецовъ.

(Выписано изъ дѣлъ князя Потемкина, оп. 194, св. 33, листъ 271).

ИЗЪ СТАРАГО СТИХОТВОРНАГО СБОРНИКА.

Письмо учителя ариѳметики.

1 ственная Анна Ивановна! Я очень виноват пре-
2 ми; но если бъ вы знали, что происходитъ вну-
3 моего сердца! О, Анна, милая Анна, нын-
4 вновала меня къ Марьѣ Петровнѣ. Я говорилъ и о
5 скажу, что это напрасно. Ты знаешь, что вы-
6 расти моей къ тебѣ ничего не можетъ быть: о
7 нечего и говорить. Къ нашей свадьбѣ все гото-
8 я твоя согласна. Зачѣмъ же мѣшкать? Надѣюсь, чго
9/10 того числа, судьба моя рѣшится.

100 кратъ цѣлую тебя. Твой Дми 3.

На Ѳ. В. Булгарина.

Онъ у насъ восьмое чудо,
У него завидный нравъ:
Неподкупенъ, какъ Іуда,
Храбръ и честенъ, какъ Фальстафъ.
Съ безкорыстностью Жидовской,
Какъ Хавронья милъ и чистъ;
Даровитъ какъ Тредьяковскій,
Столько жъ важенъ и рѣчистъ.
Не страшитесь съ нимъ союза,
Не разладитесь никакъ:
Онъ съ Французомъ—за Француза,
Съ Полякомъ—онъ самъ Полякъ;
Онъ съ Татариномъ—Татаринъ,
Онъ съ Евреемъ—самъ Еврей;
Онъ съ лакеемъ—важный баринъ,
Съ важнымъ бариномъ—лакей.
Кто-же онъ? То самъ Булгаринъ
Венедиктовичъ Ѳаддей!

Акцизному чиновнику.

Вольнолюбивое стремленье,
Питая чтеніемъ газетъ,
Ты изъ акцизнаго правленья
Шлешь Черногоріи привѣтъ.

Одной рукой несешь крестьянамъ
Вина зеленаго политофъ,
Другую протянуть Славянамъ
На помощь братскую готовъ.

И если за святое дѣло
Еще не проливалъ ты кровь,
То выражаешь въ рѣчи смѣлой
Къ Славянамъ пылкую любовь.

Въ патріотической отвагѣ
Имъ планъ кампаніи чертишь
И не однажды на бумагѣ
Бралъ приступомъ Виддинъ и Нишъ.

О, если пылкихъ ожиданій
Хоть часть судьба осуществитъ,
Какъ много блага послѣ брани
Твой духъ отважный совершитъ.

Когда за угнетенныхъ братій
Возстанетъ Православный царь,
Когда пойдутъ за ратью рати
Побѣдоносныя, какъ встарь,

По Дринѣ, по брегамъ Моравы,
По синему Дунаю внизъ,
Мы принесемъ съ оружьемъ славы
Цивилизующій акцизъ.

Тогда откроется твой геній,
Тогда ты духомъ воспаришь,
О, сколько разныхъ заведеній
Ты для славянства разрѣшишь!

Въ поля родной Герцеговины,
Вновь освященныя борьбой,
Виноторговцы-Жидовины
Толпами хлынутъ за тобой.

Въ Сѣнницѣ, въ Вербицѣ, въ Изворѣ,
Въ Цетиньѣ, новый Гостомыслъ,
Устава о питейномъ сборѣ
Ты разъяснишь глубокій смыслъ.

Близъ Дарданельскаго пролива,
Цвѣтокъ акцизнаго ума,
Возникнетъ пышно, горделиво
Тобой любимая корчма.

И отъ Босфора до Эпира,
Отъ Гелеспонта до Цикладъ
Не будетъ болѣе трактира,
Не продающаго въ закладъ.

Тамъ конкуренцію закона
Ты водворишь во всей красѣ,
Да пьютъ Славяне безъ препоны,
Пока не обнищаютъ всѣ.

О, другъ, мужайся! Время близко,
Заблещутъ Русскіе штыки,
И скоро въ Сербіи Огрызко
Откроетъ всюду кабаки [1]).

Предъ открытіемъ Дворянскаго Банка.

Скажи намъ, Бланкъ [2]),
Спѣшить ли въ банкъ
Закладывать имѣніе?
Ура ль кричать,
Иль гвалтъ поднять
При семъ нововведеньи?
А Бланкъ въ отвѣтъ:
Спѣшить иль нѣтъ,
Вѣдь все равно заложите.
Какой тутъ прокъ?
Проценты въ срокъ
Платить не сможете!

---

[1]) Знаменитый Іоасафатъ Огрызко, служившій въ Министерствѣ Финансовъ и въ самомъ зданіи онаго печатавшій прокламаціи „Польскаго Ржонда", однажды сказалъ И. С. Аксакову про нашихъ крестьянъ: „Вы ихъ освободите, а мы (съ Гротомъ) ихъ споимъ". Слышано отъ И. С. Аксакова. К. К. Гротъ былъ тогда ближайшимъ начальникомъ Огрызки и конечно былъ имъ обольщенъ. П. Б.

[2]) Григорій Борисовичъ, дѣятель дворянскихъ собраній.

Логиновъ, Иванъ Васильевичъ, содержалъ Петербургскіе и Московскіе питейные сборы съ 1775 по 1778 г. Съ помощью своего покровителя, Потемкина, онъ снялъ откупъ безъ представленія залоговъ и безъ переторжки и, не имѣя денегъ, склонилъ въ Москвѣ коммисаріатск. казначея Руднева ссудить его 400,000 р. казенныхъ денегъ. Возникшее отсюда дѣло тянулось около 20 лѣтъ, и, наконецъ, Державинъ способствовалъ къ правильному рѣшенію его, вопреки ген.-прок. Самойлову, и Логиновъ принужденъ былъ уплатить въ казну болѣе 2-хъ милліоновъ р. (*Гротъ.* Сочин. Державина. I, 545) **107, 109.**

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ (род. 1711, † 1765), **18, 102.**

Лопухина, (рожденная Жеребцова, въ 1-мъ бр. Хитрово), Анна Алексѣевна (*Долгорукій.* Росс. Родосл. кн., II, 59) теща, гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго, **24.**

Лопухина, рожденная Панина, Анна Васильевна, супр. Степана Степановича, т. е. невѣстка Абрама Степановича † 1784 и тетка гр. Никиты и Петра Ивановичей Паниныхъ. (*Долоруковъ.* Росс. Родосл. кн. II, 59) **38.**

Лопухинъ, Абрамъ Степановичъ, ген.-поруч., **38.**

Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, род. 1756, † 1816 г.; былъ внукъ царицы Евдокіи и правнучатный братъ имп. Петра II. Служилъ въ Преображенскомъ полку и, выйдя въ отставку полковникомъ, поселился въ Москвѣ въ домѣ своего отца. Въ первой молодости зараженъ былъ моднымъ вольнодумствомъ и собирался даже распустить въ рукописи свой переводъ одной безбожной Французской книги, но раскаялся и написалъ на нее опроверженіе, напечатанное въ 1780 г. подъ заглавіемъ „Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми писателями“. Вслѣдъ за тѣмъ прочелъ сочиненіе: С. Мартена „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „Объ истинномъ Христіанствѣ“, которое окончательно навело его на новый путь, сблизившій его съ кругомъ Новикова, такъ что онъ сдѣлался однимъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей въ Московскомъ масонствѣ и въ дружескомъ обществѣ. Въ должности же члена и предсѣдателя Московской Уголовной Палаты, такъ же какъ впослѣдствіи и по званію сенатора, отличался постоянно непреклонностью своихъ мнѣній, въ пользу смягченія участи преступниковъ; сострадательность была отличительною чертою его характера. (*Лонгиновъ М. Н.* Новиковъ и Московскіе Мартинисты, стр. 164—165) **237, 238.**

Лопухинъ, Петръ Васильевичъ, ген.-м., губернат. Московскій (Мѣсяцосл. на 1789 стр. 107), род. 1753, † 1827. Съ 1779 до 1783 былъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ. Впослѣдствіи князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта. (*Бантышъ-Каменскій.* Словарь II, 323—325) **41, 234.**

Лудвигъ, банкротъ, его проектъ о компаніи для чистки судоходн. рѣкъ, **167.**

Лужковъ, Александръ Ивановичъ, библіотекарь Имп. Екатерины, **17, 179, 189.**

Луиза, принц. Баденъ-Дурлахская. См. **Елисавета Алексѣевна.**

Лукезини, маркизъ Джероламо, Прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій въ 1789 г. отозваннаго Бухгольца; по свидѣтельству Н. И. Костомарова, „этотъ Итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II, его домашнимъ библіотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность, которая въ такой степени могла бы обворожить Поляковъ и овладѣть ихъ умами... Это былъ дипломатъ по идеалу Макkіавели; особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ Польскимъ обществомъ.“ (Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб. 1870, стр. 233) **131, 135, 145, 151, 187.**

Лукинъ, Владиміръ Игнатьевичъ, род. 1737, † 1794. Чрезъ И. П. Елагина онъ попалъ на службу въ придворное вѣдомство, въ коемъ оставался до конца жизни, и чрезъ Елагина же вступилъ на литературное поприще. Подробности о немъ см. въ статьѣ А. Н. Пыпина при „Сочиненіяхъ и переводахъ В. И. Лукина“, изданныхъ подъ редакціею П. А. Ефремова (Спб. 1868, въ 8°) **113.**

Львовъ, Сергѣй Лаврентьевичъ, ген.-м., извѣстный острякъ того времени. По представленію Потемкина, былъ щедро награждаемъ Екатериною. Въ

ческимъ вымысломъ позорная погибель гордаго Мамая, царя Татарскаго" (Полн. Собранiе Сочиненiй М. В. Ломоносова. Спб. 1803. 4° II, 49—118). **102**.

Сальдерномъ (*Вяземскій кн. П. А. Ф.-Визинъ*, стр. 83). Въ 1772 возвратился въ С.-Петербургъ; въ 1774 г. назначенъ совѣтникомъ посольства въ Гагу и въ томъ же году, по окончаніи Турецкой войны, въ томъ же званіи, отправленъ съ кн. Н. В. Репнинымъ къ султану Абдулъ-Гамиду для подтвержденія и обезпеченія мирныхъ условій. Въ 1781 г. назначенъ министромъ къ Генеральнымъ Штатамъ Соединенныхъ Нидерландовъ, въ помощь кн. Дм. Ал. Голицыну. Въ 1783 году былъ аккредитованъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, при Шведскомъ дворѣ; но до отправленія въ Швецію ему приказано было ѣхать въ Парижъ въ помощь къ кн. Ив. Серг. Барятинскому для подписанія мира, которымъ Европейскія государства признали независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ Парижа онъ отправился въ Италію, оттуда въ Вѣну и въ 1785 г. изъ Петербурга отправился въ Швецію, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Плодомъ его дѣятельности въ Швеціи было то, что, когда впослѣдствіи Шведскій король объявилъ Россіи войну, стоявшія въ Финляндіи войска его послали къ Екатеринѣ адресъ съ объявленіемъ, что они не желаютъ сражаться противъ Русскихъ. Въ 1786 г. опредѣленъ третьимъ членомъ Коллегіи иностр. дѣлъ. Съ этихъ поръ начинается его государственное значеніе, непрерывно возраставшее до самаго 1796 года, сначала съ помощію друга его гр. Безбородки, потомъ подъ покровительствомъ кн. П. А. Зубова. Значеніе его въ Европейской дипломатіи, какъ самостоятельнаго и неуклоннаго представителя Русскихъ интересовъ, было причиною постояннаго недоброжелательства къ нему иностранцевъ. Въ началѣ же царствованія Александра онъ составлялъ предметъ общихъ толковъ и возбудилъ къ себѣ ненависть Наполеона. (*Бартеневъ.* Біографія гр. А. И. Моркова. Русск. бес. 1856 г., стр. 1—64) **134, 216, 230, 234, 235, 243, 244, 254, 255**.

Морковъ, Ираклій Ивановичъ, бригадиръ и Преображенскаго полка сек.-маіоръ (род. 1753, † 1829); привозитъ изъ Ясcъ мирный трактатъ и получаетъ генеральскій чинъ и подарокъ **226**; воюетъ съ Поляками **234**.

Морской корпусъ, 153.

Москва, пожаръ **25**; замѣчанія о ней Екатерины **204**; ул. **98**.

Мочениго (Моцениги), графъ, послан. Венеціанскій; претензія его, по словамъ Державина, состояла въ томъ, „что Сутерландъ имѣлъ съ нимъ торговыя сношенія и, получивъ отъ него товары изъ Италіи, употреблялъ ихъ не такъ, какъ должно, и причинилъ ему чрезъ то убытку до 120,000 р.“ (Записки Державина, 624.) **229**.

Мраморный домъ, нынѣ Константиновскій дворецъ; въ 1770 году Екатер. повелѣла его соорудить для кн. Г. Г. Орлова „въ знакъ благодарности“. Въ 1797 г. Павелъ подарилъ его цесар. Константину Павловичу; здѣсь жилъ лишенный престола король Станиславъ Понятовскій. Съ 1847 этотъ дворецъ служитъ резиденціею в. кн. Константина Николаевича. (*Лонгиновъ, М. Н.*, Русск. Арх. 1873 г., тетр. 1, стр. LIV—LV) **30**.

Мстиславъ Владимировичъ сынъ в. князя Владимира Святого Святославича, князь Черниговскій, **14**.

Муловскій, флота капитанъ, **67, 176**.

Мункъ, Шведскій министръ, **209**.

Муравьевъ, Николай Ероѳеичъ, ген.-инжен., сенаторъ, главный директоръ строеній государственныхъ дорогъ, губернаторъ въ Ригѣ; написалъ Начальныя Основанія Математики, Ч. I. Спб. 1752. Онъ писалъ также стихи и пѣсни; скончался въ 1770 г., въ чужихъ краяхъ, во время своего путешествія (*Евгеній*, II, 92) **42**.

Мурье. См. **Дюмурье**.

Мусинъ-Пушкинъ, Алексѣй Васильевичъ, вице-адмир., ген. кригсъ-комисаръ, (Мѣсяцословъ на 1789, стр. 62) **155**.

Мусинъ-Пушкинъ, графъ Алексѣй Ивановичъ, оберъ-прокуроръ Св. Сvнода и директоръ Гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ (Мѣсяцесловъ на 1792 г., стр. 26). Род. 16 Марта 1744 г.; получивъ начальное образованіе въ домѣ своего отца, капитана гвардіи Ивана Яковлевича, владѣвшаго четырьмя тысячами крестьянъ, онъ поступилъ въ 1757 году въ Артиллерійское училище и, по выходѣ изъ онаго, служилъ до 1772 г. въ артиллеріи, въ качествѣ адъютанта кн. Григорія Григорьевича Орлова. Артиллерійская служба не мѣшала ему зани-

маться литературою и быть въ сношеніи съ ея корифеями, какъ это видно изъ записки его отъ 1769 г. къ Сумарокову, при которой онъ препроводилъ къ нему письмо отъ Вольтера (Отеч. Зап., 1858, II, 584). Въ 1772 году Алексѣй Ивановичъ предпринялъ путешествіе въ Германію, Францію, Голландію и въ Италію, ведя „повседневныя записки о всемъ, гдѣ былъ и что любопытнаго замѣтилъ“; но особенное его вниманіе было обращено на художества. Онъ продолжалъ вести записки и по возвращеніи въ отечество въ 1775 г., состоя съ того времени въ должности церемоніймейстера высочайшаго двора, Алексѣй Ивановичъ записывалъ всѣ доходившія до него извѣстія историческія, политическія, а также и анекдоты. Въ 1789 году былъ назначенъ начальникомъ Гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ и въ томъ же году избранъ въ члены Россійской Академіи, которой сообщилъ къ 1790 году опредѣленіе словъ: думный дьякъ и думный дворянинъ. Слѣдующій случай обнаружилъ въ немъ страсть къ собиранію и изученію Русскихъ древностей. Въ 1791 году къ знаменитому Соликову, тогда еще книгопродавцу, было привезено множество книгъ и бумагъ, принадлежавшихъ Крекшину. Алексѣй Ивановичъ, узнавъ объ этомъ, „не медля, того же часа“, поѣхалъ въ лавку Соликова, и купилъ у него все собраніе „безъ остатку“, не выходя изъ лавки, „доколѣ всего при себѣ, положа въ телѣги, не отправилъ въ домъ свой“. За всѣ книги и бумаги Алексѣй Ивановичъ заплатилъ Соликову 300 р. Очевидно, что покупка эта была весьма выгодна, ибо Д. Н. Бантышъ-Каменскій, упоминая объ этомъ, величаетъ Соликова „безграмотнымъ книгопродавцемъ“. Вслѣдъ за этой покупкой графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, примѣтя въ Алексѣѣ Ивановичѣ „склонность къ отечественной исторіи“, подарилъ ему нѣсколько лѣтописей и древнихъ монетъ. Такимъ образомъ, составлялось, мало-по-малу, знаменитое собраніе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ древностей, которое стало значительно увеличиваться и обогащаться съ 1791 г., когда Алексѣй Ивановичъ занялъ должность оберъ-прокурора Св. Сvнода, поставившую его въ „короткое обращеніе и знакомство съ духовными особами“. Такъ, изъ Кіева къ нему были присланы: Ярославле сребро, найденное между привѣсками одной иконы и полтина со словами *Кн. Волод.* Къ немуже поступилъ въ 1792 году, находящійся нынѣ въ Эрмитажѣ, Тмутороканскій камень, съ надписью 1068 г., гласящею, что князь Глѣбъ мѣрилъ по льду разстояніе отъ Тмуторокани до Керчи. Императрица Екатерина, узнавъ о сокровищахъ древности, хранившихся у Алексѣя Ивановича, полюбопытствовала, между прочимъ, взглянуть на пріобрѣтенныя имъ лѣтописи и бумаги, принадлежавшія Крекшину, которыя „съ крайнимъ любопытствомъ“ разсмотрѣвъ, благоволила нѣкоторыя оставить у себя, а вмѣсто того пожаловала владѣльцу нѣсколько харатейныхъ книгъ, древнихъ лѣтописей и бумагъ, „кои самой ей читать было трудно“, поручивъ ему дѣлать выписки. Собраніе Мусина-Пушкина было хорошо извѣстно его современникамъ и достойнымъ образомъ оцѣнено ими. Болтинъ въ Примѣчаніяхъ на Исторію князя Щербатова (I, стр. 251, 252) говоритъ, что при составленіи этого труда онъ пользовался лѣтописью кн. Кривоборскаго и многими другими рукописями отъ „пріятеля его церемоніймейстера Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, который, будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и иждивеніемъ, а больше по счастію, по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ, собралъ много книгъ, весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну“. Обратимся теперь къ ученымъ трудамъ Алексѣя Ивановича, которые прославили имя его въ наукѣ Русскихъ древностей. Въ 1792 году, онъ вмѣстѣ съ Болтинымъ и Елагинымъ издалъ Правду Русскую; въ 1793 г. Духовную великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ. Къ изданію присовокуплены примѣчанія, которыхъ большая часть направлена противъ „вредной галломаніи“ и навлекли Алексѣю Ивановичу много недоброжелателей. Впослѣдствіи, а именно въ 1813 году, онъ писалъ къ Калайдовичу, что „единственную имѣлъ я цѣль показать отцовъ нашихъ почтенныя обычаи и нравы, кои моднымъ Французскимъ воспитаніемъ исказилися, въ чемъ ссылаюсь на примѣчанія, въ духовной Владиміра помѣщенныя, и особливо подъ числами: 9, 11, 20, 31, 41, 42, 43 и 49. Сіи примѣчанія причинили

мнѣ много непріятностей, и не одни Французы (къ сожалѣнію) меня у двора бранили, но какъ я имѣлъ тогда сильную опору, а потому и презиралъ злословіе". На тѣже примѣчанія указываетъ Алексѣй Ивановичъ и въ письмѣ своемъ къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому (того же 1813 г.), которому совѣтуетъ прочитать ихъ. „Я первый написалъ сіе смѣло и тогда, какъ другіе не смѣли того и думать, а у двора многіе, какъ то: Б. , Ш. и гр. С., публично говорили, что я иду противъ Петра и Екатерины; вотъ какъ велико было ослѣпленіе". Послѣ такого коментарія, считаю нелишнимъ привести указываемыя Алексѣемъ Ивановичамъ примѣчанія его; тѣмъ болѣе, что книга, въ которой они помѣщены составляетъ давно библіографическую рѣдкость. Примѣч. 9 на текстъ: *„При старыхъ молчати"*...: „Долговременные опыты и многихъ лѣтъ ученіе, по пословицѣ, вѣкъ живи, вѣкъ учися, доставляютъ старикамъ преимущественное познаніе о вещахъ, благоразуміе въ разсужденіяхъ, и осторожность въ опредѣленіяхъ, и въ предпріятіяхъ; и для того юнымъ совѣтуетъ при старыхъ молчати, разсужденій, совѣтовъ, наставленій ихъ слушать, обогащая чрезъ то свою память и умъ вещами полезными и нужными" (стр. 7). Примѣч. 11—*„и меньшими любовь имѣти"*. „Ученіе преохвальное, чтобы начальникамъ, старѣйшимъ въ чинѣ быть послушну, покорну и къ меньшимъ быть учтиву; тѣмъ устроется взаимный союзъ общества; на немъ основывается твердость и благосостояніе государства". Примѣч. 20—*„ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола; и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ"*... „Мнѣніе сіе между многими и понынѣ не истребилось; такому тайному ночному моленію приписываютъ они великую силу. Сіе мнѣніе основывается на Священномъ Писаніи (Матѳ. гл. 6, ст. 6)", (стр. 15). Примѣч. 31—*„Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: не зрите на тивуна и пр."* „Нѣкоторые дворяне, живущіе въ деревняхъ своихъ, и купечество, въ малыхъ городахъ живущее, по древнему обыкновенію воспитанное, держатся еще сего правила, что, не полагаясь на управителей, сами за всѣмъ въ дому своемъ смотрятъ; но въ столицахъ и въ большихъ городахъ живущіе, и по новому образцу воспитанные, а паче тѣ, коимъ великія богатства отъ родителей въ наслѣдіе достались, почитая такое упражненіе для себя низкимъ, ввѣряютъ свой домъ и деревни въ полное распоряженіе управителямъ и дворецкимъ, проводя время въ праздности, въ лѣности, въ нѣгѣ и роскоши; отъ чего нерѣдко случается, что чрезъ нѣсколько лѣтъ, не остается уже чѣмъ управлять и распоряжать, ни имъ самимъ ни управителямъ ихъ (стр. 20). Примѣч. 41.—*„Чтите гость, аще не можете даромъ, брашномъ и питіемъ"* „Извѣстно, что Руссы гостепріимство въ числѣ первѣйшихъ добродѣтелей полагали, и повсюду тѣмъ славилися. Донынѣ, между поселянъ, живущихъ въ отдаленіи отъ столицъ и отъ большихъ дорогъ, обычай сей наблюдается въ совершенной степени, чтобъ проѣзжаго или проходящаго пригласить къ себѣ въ домъ, накормить и упокоить по возможности, изъявляя между тѣмъ всевозможную привѣтливость, и свое удовольствіе. Хозяинъ и хозяйка обыкновенно встрѣчаютъ и провожаютъ съ веселымъ лицомъ, съ поклонами; все, что они ни имѣютъ, яко то: хлѣбъ, молоко, яицы, огородныя растенія, приносятъ безъ прошенія; и за все то не только не требуютъ денегъ, говоря, что за хлѣбъ, за соль съ проѣзжаго брать деньги великій есть грѣхъ, и что отъ того спорыньи въ домѣ ихъ не будетъ". Примѣч. 42.—*„И человѣка не минѣте не привѣчавше, добрю слово ему дадите"*. „Какъ вѣрили они, что проклятіе причиняетъ вредъ, такъ равно вѣрили и тому, что благословеніе или доброе слово приноситъ ему пользу; и для того всякому человѣку, знакомому и незнакомому, встрѣтясь, проходя мимо, изъявляли свое желаніе добра, успѣху въ дѣлѣ, удачи въ промыслѣ, работѣ.. Отъ того остались между простолюдинъ многія рѣчи, употребляемыя ими при разныхъ случаяхъ, во изъявленіе своего доброхотства" (стр 24, 25). Примѣч. 43.—*„Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти"*. „До тѣхъ поръ, пока мужья содержали женъ своихъ подъ властію, не давали имъ свободы слѣдовать во всемъ своей волѣ, своенравію, исполнять безпрепятственно свои прихоти, до тѣхъ поръ миръ, благочиніе, порядокъ въ домѣхъ водворялись, хозяйство процвѣтало, дѣти воспитывались въ страхѣ Божіи и благонравіи, взаимная супруговъ польза сохранялась. Французское воспитаніе сію спасительную

связь, сей священный союзъ между мужа и жены, утвержденный по любви мужа къ женѣ и на повиновеніи жены мужу, расторгнуло, разрушило, уничтожило, и домъ воспитанныхъ по новому образцу обратился, какъ простолюдины говорятъ, *въ верхъ дномъ*. Сколько появилось отъ того разводовъ, коихъ прежде было не слыхать, сколько несчастныхъ дѣтей, сколько поводовъ къ соблазну, къ вящшему нравовъ развращенію, ко взаимному грѣху и погибели души и тѣла" (стр. 25). Примѣч. 44.—*„Се же въ конецъ всему, страхъ Божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорома"*. „Но изъ нынѣшнихъ отцовъ многіе не почитаютъ и того за стыдъ, что дѣти ихъ, лѣтъ 10 или 12 уже будучи, не умѣютъ по русски наизустъ прочесть „Отче Нашъ", не говоря уже о „Вѣрую"; и что они по возрастѣ не будутъ имѣть понятія о отечественномъ благочестіи. Сего не довольно; будучи утверждены во мнѣніи отъ учителей, что все Французское хорошо и все Русское дурно, при всякомъ случаѣ не оставляютъ изъявлять своего къ первому уваженія, а къ послѣднему презрѣнія, не выключая изъ того и вѣры, хотя ея и не знаютъ; смѣются всему тому, что предки наши за священное почитали, и что не по внушеніямъ невѣжества и суевѣрія, но по наставленію здраваго разсудка, должно чтить и уважать, то они считаютъ за басни, за игрушки, недостойныя вниманія людей просвѣщенныхъ, каковыми они сами себя признаютъ и величаютъ. Вотъ плоды Французскаго воспитанія!". Примѣч. 49.—*„Да не застанетъ васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяше, блаженный, и вси добріи мужи совершеніи, заутренюю отдавше Богови хвалу"*. . „Извѣщая дѣтей своихъ объ обыкновеніи отца своего и всѣхъ добродѣтельныхъ мужей, тожъ и имъ дѣлать, совѣтуетъ, чтобъ прежде восхожденія солнца всатвать и заутреннимъ славословіемъ Божіимъ предварять дѣла дневныя. Обычай сей, чтобъ суточное время дѣлить на двое, между трудовъ и отдохновенія, то есть, чтобъ ложиться спать непосредственно по захожденіи солнца, а вставать вмѣстѣ съ восхожденіемъ его, долго въ Россіи и между благородныхъ людей держался; мѣщанство малыхъ городовъ и поселяне и донынѣ его держатся, но по новой методѣ воспитанные превращаютъ день въ ночь, а ночь въ день, то есть ложатся спать предъ восхожденіемъ солнца, а встаютъ въ полдни, а иные и въ часъ пополудни. Не видывали они никогда красоты восходящаго солнца, не слыхали они во всю жизнь утренняго Божія славословія, сердце ихъ ни въ созерцаніи перваго, ни въ слушаніи другого никогда удовольствія не имѣло. Но еслибы и случилось имъ быть въ церкви, во время утренняго пѣнія, не могутъ чувствовать они того благоговѣйнаго услажденія, того восхитительнаго сердцу утѣшенія, какое чувствуютъ воспитанные во благочестіи, при отправленіи торжествъ духовныхъ. Праотцы наши твердо держались сего правила, чтобъ никакого дѣла не начинать, тѣмъ паче важнаго, не помолясь Богу; отправляясь въ дорогу, начиная строить домъ, осѣменять землю или другое какое дѣло, всегда призывали священника и молебное пѣніе предварительно совершали; въ случаѣ же опасныхъ предпріятій исповѣдывались и причащались тѣла и крови Христовой, себя напутствовали. Готовясь къ сраженію съ непріятелемъ, идучи на приступъ къ городу, всѣ воины исповѣдывались и пріобщались и безстрашно шли на видимую смерть, увѣрены будучи, что очищенные покаяніемъ отъ грѣховъ, напутствованные святымъ причащеніемъ, сражаяся за вѣру и отечество, умрутъ яко мученики, увѣнчаются своею кровію, и души ихъ прямо въ жилище блаженныхъ ангелами свѣта будутъ препровождены. Великаго вниманія достоинъ сей обычай, и весьма сожалѣтельно, ежели онъ началъ приходить въ уничтоженіе" (стр. 29 и 30).— Въ 1794 году Алексѣй Ивановичъ издалъ историческое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древняго Россійскаго Тмутараканскаго княженія. Изслѣдованіе это, посвященное Екатеринѣ и изданное по ея повелѣнію, тоже не обошлось безъ непріятностей, о чемъ свидѣтельствовалъ впослѣдствіи (1813) самъ Алексѣй Ивановичъ: „До того неблагонамѣренные доходили, что покойную, въ Бозѣ опочивающую мудрую Екатерину осмѣлились увѣрять, что я ее обманываю, что найденный Тмутараканскій камень мною выдуманъ: о чемъ не токмо были споры, но и повелѣнія даны Таврическому губернатору Жегулину и проф. Палласу изслѣдовать на мѣстѣ... Вотъ сколько отъ невѣжества и зависти (внѣ-

сто пособія въ изысканіяхъ) имѣлъ я непріятныхъ препятствій! Теперь въ сей истинѣ уже не сомнѣваются неблагонамѣренные; ибо Государь Императоръ именнымъ своимъ указомъ повелѣлъ именовать островъ Тамань Тмутараканіею". Въ 1796 году подалъ онъ Екатеринѣ „карту для раздѣла Польши съ описаніемъ границъ древней Россіи". Этимъ трудомъ заключилась его ученая дѣятельность въ царствованіе Екатерины, которой онъ былъ сотрудникомъ въ ея занятіяхъ Русскою исторіею. Въ царствованіе Павла, а именно въ 1797 году онъ оставилъ должность оберъ-прокурора Св. Сѵнода, гдѣ снискалъ себѣ уваженіе и любовь. Такъ, еще въ 1794 году, митрополитъ Гавріилъ писалъ Императрицѣ: „Сѵнодъ особливымъ В. И. В. благоволеніемъ почитаетъ опредѣленіе оберъ-прокурора А. И. Мусина-Пушкина. Время довольно открыло его благорасположеніе къ наблюденію истины". На этомъ докладѣ Императрица собственноручно написала: „Съ удовольствіемъ вижу вашего преосвященства просьбу. Я инако и не разумѣла". Въ 1797 году императоръ Павелъ пожаловалъ Алексѣю Ивановичу тысячу душъ крестьянъ; но онъ является къ императору съ просьбою раздѣлить между подчиненными его (по Гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ) пожалованныхъ ему крестьянъ. Государь изъявилъ согласіе и вслѣдъ затѣмъ возвелъ его въ графское достоинство Россійской Имперіи. Въ 1799 г. онъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Разгуляѣ, куда перевезъ свою знаменитую библіотеку и совершенно предался ученымъ занятіямъ. „У графа Алексѣя Ивановича въ домѣ", писалъ гр. М. Ѳ. Каменскій въ Москву къ сыну, „разговоры должно быть учебныя, и въ нихъ почерпнуть можно, да и должно." Вскорѣ ученая дѣятельность его въ Москвѣ проявилась изданіемъ въ 1800 году имъ открытой „Историческої пѣсни о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго Игоря Святославича". Вступленіе на престолъ Александра I гр. Алексѣй Ивановичъ привѣтствовалъ поднесеніемъ ему Лаврентьевскаго списка лѣтописи, который по высочайшему повелѣнію переданъ въ Императорскую Публичную библіотеку *). Въ 1810 году графъ Алексѣй Ивановичъ издалъ Историческое замѣчаніе о мѣстоположеніи въ древности бывшаго на рѣкѣ Мологѣ Холопья города, по извѣстію Герберштейнову. Наканунѣ 1812 г. послѣ неотступныхъ просьбъ и убѣжденій друга его Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго, графъ Алексѣй Ивановичъ рѣшилъ написать слѣдующее письмо къ Государю: „Всемилостивѣйшій государь! Изученіе отечественной исторіи съ самыхъ юныхъ лѣтъ было одно изъ главнѣйшихъ моихъ упражненій. Чѣмъ болѣе встрѣчалъ я трудности въ изслѣдованіи историческихъ древностей, тѣмъ болѣе углублялось мое желаніе найти сокрытые оныхъ источники, и, въ теченіи многихъ лѣтъ, успѣлъ я, наконецъ, немалыми трудами и великимъ иждивеніемъ, собрать довольное число весьма рѣдкихъ лѣтописей и разныхъ рукописныхъ историческихъ сочиненій и выписокъ. Горя усерднымъ желаніемъ быть полезнымъ любезнѣйшему отечеству и по пресѣченіи дней моихъ, заблаговременно осмѣливаюсь у Вашего Императорскаго Величества испросить Вашего соизволенія, повелѣть присоединить сіе мое рѣдкое собраніе лѣтописцевъ, рукописей и повседневную мою записку, съ приготовленнымъ къ тому и подписаннымъ рукою моею реестромъ, къ библіотекѣ государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Московскаго Архива, съ правомъ пользоваться изъ онаго Архива всякими выписками сыну моему Александру, служащему при оной Коллегіи ассессоромъ, котораго я къ сему готовлю и, по прилежности его, обѣщалъ ему сіе награжденіе; а онъ бы сіе право свое передать могъ, по времени, тому, кого найдетъ способнымъ, также съ правомъ

*) Издателями этого краеугольнаго памятника нашей исторіографіи имѣли счастье быть: 1) Харитонъ Андреевичъ *Чеботаревъ* и Никифоръ Евтропіевичъ *Черепановъ* (съ 1804 —1811), но изданіе ихъ остановилось на 10 листѣ и погибло въ Московскомъ пожарѣ 1812 г. Немногіе сохранившіеся экземпляры считаются библіографическою рѣдкостью. 2) Романъ Ѳедоровичъ *Тимковскій*; но смерть, приключившаяся ему 15 Янв. 1820 г., помѣшала окончить это изданіе, котораго 13 листовъ были выпущены въ 1824 году. 3) Яковъ Ивановичъ *Бередниковъ* (1846) и 4) Аѳанасій Ѳедоровичъ *Бычковъ* (1872).

Арх. 1867 стр. 507). **72, 73, 77, 102—106, 115, 123, 128, 132, 135, 138, 140, 144, 151, 173.**

Несторъ, Лѣтописецъ, **213.**

Нижегородова, вдова, **157.**

Никодимъ, архіеп., **67.**

Никольскій соборъ, въ С.-Петербургѣ; основаніе ему положено 15 Іюля 1753, и черезъ девять лѣтъ окончательно сооруженъ съ двумя придѣлами, которые освящены: главный во имя Николая чудотворца, 5 Дек. 1760, и другой во имя Димитрія чудотворца Ростовскаго, 20 Іюля 1762, въ присутствіи Екатерины (Пушкаревъ. Описаніе С.-Петербурга I, 180—182) **157, 177, 198.**

Новая Киропедія. Существуетъ два изданія этого сочиненія, первое: „Новое Киронаставленіе или путешествія Кировы, съ приложенными разговорами о богословіи и баснотворствѣ древнихъ, соч. г. Рамзеемъ; перевелъ съ Французскаго Аврамъ Волковъ“ (2 части; съ картиною; М. 1765 въ 8⁰) и второе, исправленное, съ Англійскаго подлинника, подъ заглавіемъ: „Новая Киропедія“, 2 части, съ картиною; М., 1785 въ 8⁰. (*Сопиковъ.* III, 5144, 5145) **255.**

Новиковъ, Николай Ивановичъ, род. въ 1744 году. въ родовомъ селѣ отца своего Тихвинскомъ (Авдотьино), Бронницкаго уѣзда Московской губерніи и умеръ тамъ же въ 1818 г. Первоначальное образованіе его было самое скудное. Этого онъ не скрывалъ и впослѣдствіи писалъ Карамзину: „не забывайте, что съ вами говоритъ идіотъ, не знающій никакихъ языковъ, не читавшій никакихъ школьныхъ философовъ, и они никогда не лѣзли въ мою голову; это странность, однако истинно было такъ“. Въ старости онъ говаривалъ своимъ посѣтителямъ: „первымъ учителемъ моимъ былъ Богъ“. Въ 1758 г. имя его значится въ спискѣ учениковъ Московскаго Университета, достойныхъ награды; а въ 1760 году онъ былъ выключенъ изъ Университета „за лѣность и нехожденіе въ классы“. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ той же участи подвергся и Потемкинъ. За тѣмъ онъ былъ записанъ въ Измайловскій полкъ и 28 Іюня 1762 стоялъ на часахъ у подъемнаго моста, перекинутаго чрезъ ровъ, окружавшій казармы Измайловскаго полка. Тутъ-то въ первый разъ увидѣлъ онъ Екатерину. Въ 1767 г. былъ отправленъ въ Москву для занятій письмоводствомъ въ Комиссіи Депутатовъ гдѣ составлялъ записки о среднемъ родѣ людей, и это сдѣлало его лично извѣстнымъ Екатеринѣ. Въ 1767 г., произведенный въ прапорщики, вышелъ въ отставку. Дальнѣйшая дѣятельность его посвящена Русскому просвѣщенію. Она распадается на два главныхъ періода. Первый, который можно назвать Петербургскимъ, представляетъ его сначала бойкимъ журналистомъ, а потомъ смиреннымъ собирателемъ матеріаловъ для исторіи Россіи и ея литературы (Древняя Россійская Вивліоѳика. Спб. 1772—1774). Періодъ этотъ заканчивается 1779 г., съ котораго начинается новый – Московскій. Въ 1778 году кураторомъ Московскаго Университета былъ назначенъ Херасковъ, который отъ имени Университета заключилъ съ нимъ контрактъ, по которому Университетская типографія поступила къ нему въ арендное содержаніе на 10 лѣтъ, съ 1-го Мая 1779 по 1 Мая 1789 г. Вмѣстѣ въ типографіею въ вѣдѣніе его поступили: Университетская книжная лавка и изданіе Московскихъ Вѣдомостей. (Подробнѣйшія свѣдѣнія, какъ о немъ, такъ и о Мартинистахъ, заключаются въ изслѣдованіи *М. Н. Лонгинова*: „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“ М. 1867. 8⁰). Новиковъ учредилъ типографскую компанію, соединилъ около себя любознательную молодежь Университета, призвалъ ее къ дѣятельности и далъ ей для того ученыя и денежныя средства. До чего простиралось довѣріе къ Новикову, могутъ служить доказательствомъ слѣдующія строки Карамзина въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 10 Авг. 1797 г.: „Лѣтъ за 10-ть передъ симъ, или больше, Н. И. Новиковъ, закладывая въ Воспитательномъ Домѣ свой домъ и деревню, просилъ меня быть въ числѣ *личныхъ* порукъ. Теперь выходитъ всей суммы около 150,000, и велѣно описать наше имѣніе; хотѣли даже описать и мои книги, и мои фраки. Такимъ образомъ, я лишусь можетъ быть и послѣдняго“ (Письма Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866, стр. 79). „Между тѣмъ“, пишетъ И. И. Дмитріевъ, „какъ Дружеское Типографическое Общество въ полной безопасности процвѣтало, внезапно возстала противъ него по-

не оставивъ потомства, скончался въ 1791 году гвардіи капитаномъ. (Сообщено А. П. Барсуковымъ) **224**.

Орловъ,, гр. Ѳедоръ Григорьевичъ (род. 1741, † 1796). Съ Августа 1763 г. находился „безпрерывно въ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ"; по открытіи Турецкой войны и съ назначеніемъ его брата Алексѣя командовать флотомъ, дѣйствовавшимъ въ Архипелагѣ, отправился туда и поступилъ въ эскадру Спиридова. За взятіе Короны, за храбрость оказанную при Чесмѣ и за разбитіе Турецкихъ судовъ при Гидрѣ, былъ пожалованъ Георгіемъ 2 степени и произведенъ прямо въ ген.-поручика. Въ день торжества Кучукъ-Кайнарджійскаго мира былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ ген.-аншефа (Сборн. Русск. Историч. Общества I, 37). У. Ѳ. Г. Орлова отъ княгини Барятинской (ур. Гольстейнъ-Бекъ) былъ сынъ Сиверсбрикъ. Отз. Екатерины о Ѳ. Г. Орловѣ **6**; предлагаетъ ему принять команду надъ флотомъ въ Архипелагѣ **31**.

Орловъ-Чесменскій, гр. Алексѣй Григорьевичъ, род. 1737, † 1807. По свидѣтельству Державина, „онъ любилъ простую Русскую жизнь, пѣсни, пляски и всѣ другія забавы простонародныя и былъ благотворителенъ". Это свидѣтельство подтверждаетъ и біографъ его Ушаковъ, говоря, что гр. А. Г. Орловъ „истинно любилъ все коренное Русское, что дыша, такъ сказать, Русскимъ, онъ любилъ до страсти всѣ отечественные обряды, нравы и веселости. Бойцы, борцы, силачи, пѣсельники, плясуны, скакуны и ѣздоки на лошадяхъ, словомъ, все, что только означало мужество, силу, твердость, достоинство и искусство Русскаго, стекалось въ домъ его". Тутъ же упоминается объ его благотворительности: „онъ полагалъ первѣйшимъ своимъ удовольствіемъ, даже предупреждать просьбы ищущихъ его покровительства". (*Гротъ*. Сочин. Державина, I, 769. Рескрипты и письма къ нему Екатерины за 1768—1795, а также и бумаги, касающіяся Архипелажской экспедиціи и самозванки Таракановой, напечатаны въ I томѣ Русскаго Историческаго Общества за 1867). Годъ смерти его обыкновенно показываютъ 1808; но онъ скончался въ 1807 что видно изъ письма Московскаго митрополита Платона, отъ 26 Дек. 1807: „Гр. Орловъ умеръ; меня присылали звать, но я могъ ли согласиться по слабости моей?" (Письма, М. 1870 г, стр. 127). Отзывъ о немъ Екатерины **6**; благодаритъ Екатерину за награжд. сына **24**; теща его, см. *Лопухина*, Анна Алексѣевна; Екатер. предлаг. ему команду надъ флотомъ въ Архипелагѣ **31**; отказывается **32**; чрезъ него А. И. Глѣбовъ подаетъ прошеніе 34; письмо къ Храповицк. о раздѣлѣ Лопухиныхъ **89**; отз. о немъ Екатер. **47**; пріѣзжаетъ въ Петербургъ **63**; пис. къ нему Екатер. **199, 224**; уп. **128, 129**.

Осетинцы, народъ. **20**.

Осиновая роща, въ 2-хъ верстахъ отъ Парголова. Екатерина построила здѣсь укрѣпленіе, остатки котораго и донынѣ сохранились (*Семеновъ*. Географическій Словарь, III, 716) **56, 202**.

Остенъ-Сакенъ, баронъ, Саксонск. посл. и полномочн. министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ (Мѣсяцословъ на 1789 г., стр. 42) **182**.

Остерманъ, гр. Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ (Мѣсяцословъ на 1786 г., с. 38) род. 1725, † 1811. Дипломатическое свое поприще началъ съ Парижа, куда отправленъ былъ въ 1757 г. дворяниномъ посольства; въ 1760 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмъ, гдѣ онъ пробылъ до 1774 года и опредѣленъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а въ слѣдующемъ году вице-канцлеромъ. Императоръ Павелъ пожаловалъ его государственнымъ канцлеромъ. Въ Москвѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни и, по свидѣтельству Д. Н. Бантыша-Каменскаго, „своею одеждою, равно старинным экипажемъ, гайдуками своими, долго напоминалъ намъ вельможъ XVIII вѣка" (Словарь IV, 91). Даетъ ужинъ **6**; дѣла: Турецкія **68**; Шведскія **69—91, 99, 100, 110, 200, 222, 223**; Французскія **224**; Екатер. поруч. ему переговорить съ Датскимъ министромъ объ унятіи газеты d'Altona **73**; апробовано письмо его къ гр. Разумовскому **77**: дипломатич. его переписка, **95, 98**; Екатерина совѣщается съ нимъ о посылкѣ письма своего къ Нессельроду **102, 103**; гнѣвается на Храповицкаго за его записку по дѣлу Лидерса, **109. 154**; конференція съ Келлеромъ **115, 123**; проектъ деклараціи въ Варшаву **142**; отз. о немъ Екатер. **140**; пис. къ Шуазелю **156**; подаетъ проектъ

отозванъ въ Петербургъ, гдѣ ожидала его должность гофмейстера при воспитаніи в. кн. Павла; въ 1763 г. поручено ему управленіе Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ; скончался въ 1783 г., въ присутствіи в. кн. Павла (*Бантышъ-Каменскій*. Словарь IV, 96—108). По свидѣтельству кн. П. А. Вяземскаго, „Россія въ министерство его не одною физическою силою оружія, но и умственною силою политики, достигла цѣли, указанной ей Петромъ; а царственный воспитанникъ его, путешествуя по Европѣ, явился достойнымъ ея просвѣщенія и образованности. Ревностный исполнитель повелѣній Государыни, сей министръ не былъ однакоже предъ нею безмолвнымъ орудіемъ. Онъ былъ мыслящій самостоятельный министръ, умѣлъ въ дѣлахъ имѣть свое мнѣніе и безбоязненно открывать его Государынѣ, умѣвшій выслушивать истину и противорѣчіе". (Фонъ-Визинъ, стр. 65) Предложен. его о наборѣ въ Лифляндіи и Эстляндіи **7**; дѣлалъ препятствія во время Турецкой войны **5**; отз. о немъ Екатер. **47, 76**; перел. его съ Остерманомъ по Шведскимъ дѣламъ **98**; возраженіе на Дворянскую грамоту. **159**; воспитатель Павла **254**.

Панинъ, гр. Петръ Ивановичъ, родился въ родномъ селѣ Везовнѣ, Мещовскаго уѣз., Калужской губерніи, въ 1721 году, и скончался въ Москвѣ въ 1789 году. „Герой Бендеръ, довершитель подвига начатаго пріятелемъ его Бибиковымъ, въ сокрушеніи Пугачевскаго мятежа, былъ человѣкомъ ума твердаго, строгой чести и характера непреклоннаго... Императрица отзывалась о немъ съ уваженіемъ, хотя и не имѣла къ нему особеннаго благоволенія. „Вы знаете, что я не была большая охотница до Петра Панина, говорила она однажды гр. Строганову, но должна отдать справедливость уму и характеру его. Вотъ одинъ случай, въ который я успѣла узнать его. Я привезла въ Сенатъ проектъ указа. По прочтеніи онаго, всѣ сенаторы единогласно одобрили его; одинъ Панинъ, потупя глаза, хранилъ молчаніе. Я спросила о мнѣніи его. Съ твердостью и глубокимъ изслѣдованіемъ, началъ онъ представлять мнѣ всѣ неудобства и невыгоды его. Я убѣдилась его мнѣніемъ и должна была согласится съ нимъ"... Вызванный изъ бездѣйствія на государственный подвигъ, избавивъ Екатерину и Россію отъ бѣдствія, графъ Панинъ, снова сошелъ съ поприща и возвратился въ свое уединеніе. Но любовь къ Россіи, но живое соучастіе въ дѣлахъ ея и дѣлахъ Европы, не хладѣли въ сердцѣ его и во дни мирнаго отдохновенія. Фонъ-Визинъ былъ съ нимъ въ перепискѣ безпрерывной... Отвѣты графа Панина весьма замѣчательны. Они могутъ служить рецензіями на современныя явленія. Графъ Панинъ показывается въ нихъ Катономъ-цензоромъ. Слогъ его замѣчательно тяжелъ, но изъ этого кремня высѣкаются мысли свѣтлыя и чувства всегда благородныя" (*Вяземскій, кн. П. А.* Фонъ-Визинъ, Спб. 1848, стр. 90—92) **42, 161.**

Панфиловъ, Іоаннъ Іоанновичъ, протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго Собора, духовникъ Имп. Екатерины; скончался въ 1795 г., (Мѣсяцословъ на 1786 г. стр. 9) **11, 157, 190.**

Пареньекъ. См. **Дмитріевъ-Мамоновъ** гр. Александръ Матвѣевичъ.

Парфеньевъ, Александръ Ивановичъ, членъ канцеляріи Нерчинскаго горнаго начальства, дѣлаетъ доносъ на Якобія **37.**

Пассекъ, Петръ Богдановичъ, ген. - аншефъ, Могилевскаго и Полоцкаго намѣстнич. ген.-губерн. (Мѣсяцословъ на 1786 г., стр. 187 и 193). Екатерина остается недовольна его рапортами **13**; вспоминаетъ о посѣщеніи его дома **241.**

Пассекъ, рожден. княжна Шаховская, Нат. Алексѣевна, въ 1-мъ бракѣ за ген.-м. Никол. Иван. Стрѣшневымъ; во 2-мъ за Ѳед. Богдан. Пассекомъ (*Кн. Доморукій*. Росс. Родосл. Кн. I, 174). По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ, Пассекова писала къ Екатер. письма, въ коихъ просила о дозволеніи объявить Е. В. важное дѣло. Для допроса ея отправленъ былъ въ Москву, въ Окт. 1787 г., Шешковскій, которому она и открыла; будто, по словамъ многихъ пріѣзжавшихъ къ ней лицъ, Московское смятеніе 1771 г. произошло по наущеніямъ гр. П. И. Панина, замышлявшаго черезъ то возвести на престолъ в. кн. Павла (*Бартеневъ*. Осмнадцатый вѣкъ, I, стр. 106—107) **10, 30, 32, 134.**

Лондона“ рисуетъ, намекая, повидимому, на В. И. Майкова, портретъ писателя, который угощаетъ обѣдами пріятелей, хулитъ чужія сочиненія, а свои стихи всѣмъ читаетъ и разноситъ по большимъ боярамъ, за что слыветъ Гораціемъ въ Морской и Пиндаромъ въ Миліонной; ему покровительствуетъ какой-то меценатъ, живущій на Мойкѣ (т. е. гр. З. Гр. Чернышевъ, домъ котораго находился у Синяго моста), а *словарникъ* его расхваливаетъ“. (*Майковъ. Л. Н.* О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова, стр. 27, 28. *Гротъ.* Сочиненія и Письма Хемницера, стр. 367). Болѣзненыя припадки принудили его выйти въ отставку и поселиться въ Орловской деревнѣ, гдѣ въ сельскомъ убѣжищѣ своемъ онъ продолжалъ заниматься литературою, а также и земледѣліемъ. Ежегодно ѣздилъ онъ въ Москву и посѣщалъ Заиконоспасскую библіотеку. Извѣстія о кончинѣ, сначала Потемкина, котораго былъ до конца жизни другомъ, а потомъ и самой Екатерины, поразили его жестокою печалью (*Гречъ.* 460, 461). Оплакивая великую Императрицу, онъ и вступленіе на престолъ Павла I привѣтствовалъ торжественною одою (*Евгеній*, II, 118); скончался, по показанію Греча, 4 Декабря 1799 г.; а—Евгенія 1800 г. Сочиненія его напечатаны вполнѣ въ 1811 году (3 т. въ 8⁰); сверхъ того перевелъ онъ стихами Энеиду (Спб. 1781—1786 г. 2 ч.), которой первая пѣснь, съ любопытными критическими примѣчаніями и предисловіемъ посвящена в. кн. Павлу Петровичу. Писатели Александровскаго времени высоко цѣнили его произведенія. Его живописныя оды, его богатыя мыслями посланія очень уважалъ И. И. Дмитріевъ, къ которому кн. П. А. Вяземскій (1836) писалъ: „Мнѣ хочется издать лирика Петрова, не полнаго, а въ выборѣ, и приложить къ стихамъ его замѣчанія и біографическое извѣстіе. У насъ его совсѣмъ не знаютъ. Я его теперь перечитывалъ и объѣдался его сочными выраженіями и особенно жирными риѳмами. Много въ стихотвореніяхъ его темнаго; надобно и къ нимъ ключъ, какъ къ Державинскимъ“ (Русск. Арх. 1868, стр. 650). Мерзляковъ отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ: „Оды Петрова прекрасны. Онѣ отличаются какою-то полнотою мыслей сильныхъ и краткихъ. Петровъ стихотворецъ-философъ. Можетъ быть, онъ стоялъ бы наравнѣ съ Ломоносовымъ, если-бъ слогъ его не былъ грубѣе и жестче. Впрочемъ, онъ исполненъ картинъ превосходныхъ, написанныхъ пламенною кистью. Ломоносовъ хвалитъ очень открыто и просто, Петровъ имѣлъ особенное искусство хвалить“ **142, 179.**

Петропавловскій соборъ, въ С.-Петербургѣ, **57.**

Петръ Великій родился въ Кремлѣ Московскомъ, 30 Мая 1672 г.; коронованъ съ братомъ Іоанномъ 25 Іюня 1682 г.; по смерти брата сдѣлался единодержавнымъ государемъ 29 Янв. 1696 г.; принялъ титулъ императора 22 Октября 1721 г.; скончался въ С.-Петербургѣ 28 Янв. 1725 г. Открытіе монумента ему **2;** замѣчаніе Екатерины объ основаніи Петербурга **56;** Густавъ III имѣлъ намѣреніе опрокинуть его статую **62;** отзывы Екатерины о Петрѣ В. **113, 133;** портретъ его **206;** законъ его о бракахъ дворянъ съ иностранными **229;** статуи, поставленныя имъ въ Лѣтнемъ саду, **241;** ул. **21, 58, 76, 152, 159, 165, 176.**

Петръ II, сынъ царевича Алексѣя Петровича, родился въ С.-Петербургѣ, 12 Окт. 1715 г.; вступилъ на престолъ 7 Мая 1727 г.; коронованъ въ Москвѣ 25 Февраля 1728 г.; тамъ же и умеръ 19 Янв. 1730 г. и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, имп. **76.**

Петръ, сынъ герцога Эрнеста Бирона, вступившій на Курляндскій престолъ, по отреченіи отца своего, въ 1769 году и въ свою очередь тоже отрекшійся отъ престола въ 1795 г., послѣ чего удалился въ свои помѣстья въ Селезіи и умеръ 23 Янв., 1800 г., на 76 году (Осмнадцатый вѣкъ, I, 479—480) **45, 55.**

Петръ, сынъ предыдущаго, наслѣдный принцъ Курляндскій (Краткое родословное показаніе высокихъ государей. Мѣсяцословъ на 1788 г. стр. 126) **45.**

Пеутлингъ, Александръ Александровичъ, ген.-поруч., правитель Уфимскаго намѣстничества (Мѣсяцословъ на 1792 г. стр. 294). Мертваго въ своихъ Запискахъ представляетъ его въ весьма невыгодномъ свѣтѣ (Русск. Арх. 1867 г., тетради 8 и 9) **222, 252.**

XVI и XVII столѣтіяхъ былъ монастырь богатый. (*Строевъ*. Выходы Царей, въ Указателѣ, стр. 86). Указомъ Св. Сунода 17 Мая 1788 г. предписано монастырь этотъ упразднить и содержаніе его обратить въ тотъ монастырь, который назначенъ будетъ для пребыванія епископа Дмитровскаго; а зданіе отдать въ вѣдомство главнаго кригсъ-коммисаріата для устройства тамъ госпиталя. По ходатайству Спб. митр. Гавріила, къ 1795 году, возстановленъ попрежнему въ первоклассный ставропигіальный монастырь (*Розановъ*. Исторія Московскаго Епархіальнаго Управленія, III, 161, 162, 207). **168**.

Сунодъ (Святѣйшій Правительствующій **159.**

Сунодальная типографія, въ Москвѣ. Царь Іоаннъ Васильевичъ, на Стоглавомъ соборѣ, въ 1551 году, поставилъ на видъ духовенству, какимъ искаженіямъ подвергаются священныя книги въ рукахъ писцовъ и требовалъ, чтобы изысканы были мѣры къ пресѣченію зла; но принятыя противъ этого мѣры нисколько не останавливали книжной порчи, и переписанныя богослужебныя книги оправдывали собою слова Максима Грека: „вси растлѣны отъ преписующихъ, ненаученныхъ сущихъ и неискусныхъ". Эти „растлѣнныя" рукописи привели царя къ рѣшительной мысли завести книгопечатаніе, и въ этомъ нельзя не видѣть вліянія просвѣщеннаго Святогорскаго инока. Извѣстно, что въ 1553 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, Іоаннъ прожилъ три дня въ Лаврѣ Сергіевой, гдѣ видѣлся и бесѣдовалъ съ Максимомъ. Когда объ этомъ царскомъ намѣреніи услышалъ митр. Макарій, то прямо сказалъ царю, что эта мысль внушена ему самимъ Богомъ, что „это даръ свыше сходящій". Наконецъ, въ 1553 г., рѣшено было основать первую книгопечатню въ Москвѣ для изданія священныхъ книгъ. Въ тоже время для помѣщенія типографіи царь приказалъ строить особый дворъ, принявшій вслѣдъ затѣмъ названіе Печатнаго двора и вскорѣ сдѣлавшійся разсадникомъ книгопечатанія на всемъ пространствѣ Русскаго царства. Такъ получило свое начало учрежденіе, которое самъ царь Іоаннъ считалъ лучшимъ и славнѣйшимъ дѣломъ своего царствованія (*Румянцовъ, В. Е.* Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія въ Россіи, изданіе Московской Сунодальной типографіи. 1872 г.) **25.**

Сить, р., впадающая въ Мологу, **215.**

Скавронская (рожд. Энгельгардтъ), гр. Екатерина Васильевна, род. 1761. † 1829, супруга послѣдняго изъ Скавронскихъ гр. Павла Мартыновича, штатсъ-дама (Русская Старина 1872, V, 462) **24.**

Скороподская, 14.

Славяне, въ 3 дѣйствіяхъ; соч Ипполита Богдановича. Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1788 г. въ 8° (Роспись Смирдина, стр. 565). **25.**

Слизовъ, Петръ Борисовичъ, фл. капитанъ бригад. ранга (Мѣсяцосл. на 1790, стр. 71) **194, 199.**

Смирновъ, лейтенантъ, **209.**

Соймоновъ, Петръ Александровичъ, ген.-м., состоялъ при Кабинетѣ и завѣдывалъ Колыванскими горными заводами (Мѣсяцосл, на 1786, стр. 10) **10, 29, 38, 47, 100, 102, 146, 148, 150, 155, 173, 190, 205, 207, 208, 210, 211.**

Совѣстный судъ, учрежденъ Екатериною въ 1775 г. съ цѣлію „подавать руку помощи страждущимъ" и правилами сего суда положены: „1) человѣколюбіе вообще; 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, и 3) отвращеніе отъ угнетенія человѣчества; и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ". (Полн. Собр. Зак. № 1439, стр. 395) **1, 25, 32, 38, 39.**

Совѣтъ, при Высочайшемъ дворѣ былъ учрежденъ въ 1768 году, по случаю объявленія войны Россіи съ Турціею для соображенія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію этой войны. Сначала Совѣтъ имѣлъ видъ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала сама Императрица; а потомъ, а именно съ 22 Января 1769 г., начались собранія Совѣта, какъ постояннаго государственнаго учрежденія. (Полн. Собр. Зак., т. XVIII, № 13,232 и 13,233). Въ 1863 году, государю императору благоугодно было повелѣть составить систематическое описаніе архива Государственнаго Совѣта и Государственной канцеляріи. По всеподданнѣйшимъ докладамъ бывшихъ предсѣдателя Госу-

Толстая, графиня Анна Ивановна, рожд. княжна Барятинская, дочь принцессы Екатерины Петровны Голштейнбекской, супруга Александровскаго оберъ-гофмаршала графа Николая Александровича Толстаго. Умерла въ 1824 г. Она славилась, между прочимъ, необыкновенною красотою. Въ семейномъ архивѣ ея родной племянницы, графини Ольги Ивановны Орловой-Давыдовой (рожд. княжны Барятинской), хранится драгоцѣнная коллекція Французскихъ писемъ къ ней отъ императрицъ Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны. **237**.

Толстая, рожденная кн. Вяземская, гр. Екатерина Александровна, супруга графа Дмитрія Александровича Толстаго (Кн. Долгорукій. Россійск. Родосл. Книга I. 156) **131**.

Толстой, графъ Николай Александровичъ, род. въ 1761 г., годъ спустя послѣ возвращенія графскаго титула его отцу Александру Петр., родному внуку перваго графа Толстаго [1]). — По родственнымъ связямъ, онъ, съ самаго вступленія въ службу, долженъ былъ найти сильную поддержку при дворѣ: по матери своей, графинѣ Авдотьѣ Львовнѣ, онъ былъ родной племянникъ Михаила Львовича *Измайлова*, доставившаго Екатеринѣ II-й отреченіе Петра III-го; по родной своей теткѣ (сестрѣ своего отца) Настасьѣ Петровнѣ Салтыковой онъ былъ двоюроднымъ братомъ [2]) Николая Ивановича *Салтыкова* (съ 1790 г. графъ, съ 1814 г. свѣтл. князь), бывшаго попечителемъ великаго князя Павла Петровича и потомъ воспитателемъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича [3]) По браку своего старшаго брата, графа Дмитрія Александровича, онъ былъ въ свойствѣ съ знаменитымъ генералъ-прокуроромъ *кн. Вяземскимъ* и съ временщиками *Зубовыми* [4]); наконецъ, по своей женѣ, графинѣ Аннѣ Ивановнѣ, рожд. княжнѣ Барятинской, онъ былъ зятемъ вѣрнаго флигель-адъютанта Петра III-го, бывшаго впослѣдствіи кавалеромъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, *князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго* [5]) и племянникомъ одного изъ главныхъ пособниковъ въ событіи 28 Іюня 1762 года, *князя Ѳедора Сергѣевича Барятинскаго*. При такой обстановкѣ легко объясняются близость графа Николая Александровича ко двору при Екатеринѣ II-й, благоволеніе къ нему императора Павла [6]) и безотлучность его при императорѣ Александрѣ, котораго онъ сопровождалъ во всѣхъ поѣздкахъ, какъ по Россіи, такъ и въ походахъ и путешествіяхъ за границею до 1814 года [7]). Е. П. Ковалевскій, въ своемъ сочиненіи „Блудовъ и его время", воздавая справедливую дань уваженія кротости Александра I-го, пишетъ, кажется, о графѣ Николаѣ Александровичѣ: „По какому праву ворчалъ и бранился въ теченіе цѣлаго дня гр. Т.?—Потому развѣ, что его обязанности дозволяли ему находиться цѣлый день во дворцѣ, и Государь снисходительно

---

[1]) Гр. Петра Андр., сосланнаго въ Соловецкій монастырь и, по манифесту 26 Мая 1727 г., лишеннаго чиновъ, орденовъ и деревень.

[2]) А не *племянникомъ*, какъ сказано у Храповицкаго, 22-го Іюля 1792 г.

[3]) 1773 ген.-аншефъ и вице-президентъ Военной Коллегіи; 1796 ген.-фельдмаршалъ и президентъ ея; 1812 предсѣдатель Госуд. Совѣта и Комитета Министр.; † 1816 г. Мая 16.

[4]) Изъ дочерей князя Александра Алексѣевича одна, княжна Екатерина, была за графомъ Дмитр. Александр. Толстымъ; другая, княжна Прасковья, за графомъ Дмитр. Александр. Зубовымъ—братомъ фаворита. (О бракѣ первой см. *Храповицкаго*, 3-го Янв. 1788 г.).

[5]) Le beau Russe—какъ его называли въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ съ 1773 до 1785 г. † 1811 Дек. 22. Дѣдъ нынѣшняго генералъ-фельдмаршала. Супруга его — принцесса Екатерина Петровна Голштейнъ-Бекская, и по замужествѣ сохранила свой титулъ, именуясь иногда въ обществѣ *принцессою* Барятинскою (см. у *Храповицкаго* 22 Іюл. 1792).

[6]) Павелъ пожаловалъ его въ 1799 году кавалеромъ орденовъ Анны 1-й ст. (Март. 11) и Александра Невскаго (Мая 29).

[7]) Съ начала царствованія Александра I-го до самой своей кончины въ 1816 г. графъ занималъ должность оберъ-гофмаршала.

терпѣлъ эти выходки.—Дѣйствительно, графъ дозволялъ себѣ иногда выходки весьма рѣзкія. Въ Тильзитѣ, когда Государь хотѣлъ угощать Наполеоновыхъ гвардейцевъ и узнавъ, что въ главной квартирѣ всего 12-ть приборовъ, велѣлъ устроить обѣдъ, хотя бы пришлось употребить по 25 червонцевъ на человѣка, графъ возразилъ: „развѣ прикажете положить эти червонцы передъ каждымъ?" Также и въ Эрфуртѣ, когда, получивъ изъ рукъ Наполеона ленту Почетнаго Легіона, графъ Толстой увидѣлъ, что Александръ Павловичъ хочетъ возложить на него Андреевскую ленту, онъ отступилъ, сказавъ: „можетъ ли нашъ Андрей Первозванный быть рядомъ съ орденомъ *Бонапарта!*"— Но въ этихъ отзывахъ слышится не бранчивость и не ворчанье, въ нихъ не выражается личность человѣка, пользующагося возможностію быть цѣлый день во дворцѣ: напротивъ, въ нихъ слышится отголосокъ общей въ то время всему Русскому народу скорби о признаніи преобладанія Наполеона и вовсе не придворное, а высоко-патріотическое уваженіе къ первому Россійскому ордену, въ сравненіи съ орденомъ, столько лѣтъ признававшимся за вывѣску нарушителей, искони считавшагося законнымъ, порядка. И между тѣмъ, не смотря на открыто-заявляемую ненависть свою къ тогдашнему Французскому правительству, графъ Николай Александровичъ вѣрноподданнически покорно исполнилъ волю своего Монарха, когда на него возложена была тяжелая для него обязанность быть посредникомъ частыхъ свиданій Государя съ генераломъ Савари (герцогъ Ровиго), присланнымъ отъ Наполеона и встрѣтившимъ въ Петербургскомъ обществѣ самый враждебный пріемъ; онъ же въ угоду Александру убѣдилъ своего брата, памятнаго своею отвагою и правдолюбіемъ, графа Петра Александровича, принять постъ нашего посланника въ Парижѣ. Все это свидѣтельствуетъ, и свидѣтельство это не откажутся подтвердить знавшіе графа Николая Александровича, что полвѣка придворной жизни не истребили въ немъ пылкости его любви къ своему отечеству и неуклонной преданности волѣ своего монарха, и что Александръ I-й, умѣя цѣнить въ немъ эти качества, по возвышенности своихъ чувствъ, снисходительно прощалъ ему слишкомъ иногда необдуманную откровенность его рѣчей. (Сообщено Ю. В. Толстымъ). **23, 237.**

Тонусъ, маіоръ Русской службы, умерщвленъ въ Каирѣ **186.**

Тосканскій герцогъ. См. **Леопольдъ** (съ 1790 г. императоръ Римскій): **277, 108, 160, 161.**

Тревенинъ, флота капитанъ, **69, 93, 99, 102, 180, 183, 198.**

Трегубовъ, ищетъ княжескаго титула, доказывая свое происхожденіе отъ князей Кабардинскихъ, **191.**

Троицко-Сергіева первоклассная пустынь, состоящая въ С.-Петербургской епархіи, на берегу Финскаго залива, близъ мызы Стрѣльны. Основана обитель въ 1734 году архимандритомъ Варлаамомъ (Высоцкимъ), настоятелемъ (Московской) Троицкой Сергіевой Лавры и духовникомъ государыни императрицы Анны Іоанновны, которая въ 1732 году подарила ему *Приморскую свою дачу*, бывшую сестры ея царевны и герцогини Мекленбургъ-Шверинской *Екатерины Іоанновны*. Здѣсь онъ поставилъ первую деревянную церковь во имя Преподобнаго Сергія, получивъ ее въ 1734 году отъ императрицы, какъ оставшуюся послѣ матери ея, блаженныя памяти государыни царицы *Параскевы Ѳеодоровны*, при загородномъ ея домѣ, существовавшемъ въ С.-Петербургѣ, на лѣвой сторонѣ набережной рѣчки Фонтанки, между Лештуковымъ переулкомъ и казармами „Мѣстныхъ войскъ С.-Петербургскаго округа, *бывшими Московскими*". Соорудивъ при новопостроенной церкви нѣсколько другихъ зданій для помѣщенія монашествующихъ и обезпечивъ значительнымъ количествомъ земли, купленной отъ сосѣдственныхъ владѣльцевъ, архимандритъ Варлаамъ скончался 25 Іюля 1737 года, въ С.-Петербургѣ, и погребенъ въ ново-основанной имъ обители. Преемники его, настоятели Троицкія Сергіевы Лавры, украсили ее каменными зданіями; но въ 1764 году, при изданіи штатовъ, она отчислена изъ вѣдомства Лавры и приписана къ С.-Петербургской епархіи съ присвоеніемъ 2-го класса, а въ 1836 году возведена въ первый классъ. Государыня Императрица Екатерина II, въ день своего восшествія на пре-

столъ. 28-го Іюня 1762 года, отправляясь изъ С.-Петербурга къ Петергофу во главѣ гвардейскихъ полковъ, изволила останавливаться въ Сергіевой пустынѣ. Сюда прибылъ къ Ея Величеству, посланный Петромъ III, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ съ письмомъ, въ которомъ Государь предлагалъ ей раздѣлить его власть, что показало Государынѣ возможность обойтись безъ борьбы. Объ этомъ приснопамятномъ посѣщеніи Императрицы хранится въ обители выгравированная тогда же картина, изображающая видъ Сергіевой пустыни съ надписями, соотвѣтствующими вожделѣнному дню восшествія на престолъ Государыни, и съ указаніемъ на прочитанный въ тотъ день за литургіею *Рядовой Апостолъ*, положенный по уставу въ *Пятокъ* 5-й седмицы по 50-цѣ, случившійся по *Пасхаліи*, въ 1762 году, весьма знаменательно—въ 28-й день Іюня. Содержаніе его слѣдующее: „Братіе, вручаю вамъ Фиву, сестру нашу, сущу служительницу церкве, яже въ Кегхреехъ. Да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ и спосиѣшествуйте ей, о ней же аще отъ васъ потребуетъ вещи: ибо сія Заступница многимъ бысть". (Римл., гл. 16, ст. 1 и 2; зач. 120—е). Въ 1763 году Ея Величество 10 Августа изволила присутствовать вмѣстѣ съ наслѣдникомъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, при освященіи новопостроеннаго Лаврскимъ иждивеніемъ Троицкаго соборнаго каменнаго храма, существующаго въ достодолжномъ благолѣпіи по настоящее время. (Сообщилъ Павелъ Петровичъ Яковлевъ). Екатерина желала быть здѣсь погребенною, если умретъ въ Петербургѣ. **231. 232.**

Трощинскій, Дмитрій Прокофьевичъ, правитель канцеляріи графа Безбородки (Мѣсяцосл. на 1790. стр. 11). Род. въ Глуховѣ 1749, † 1829 въ своемъ селѣ Кибинцахъ, Полтавской губерн., Миргородскаго уѣзда. Сдѣлался лично извѣстнымъ Екатеринѣ въ 1787 г., во время ея путешествія въ Крымъ. Но ближе познакомилась она съ нимъ въ то время, когда Безбородко, отлучаясь въ Молдавію для заключенія мирнаго договора съ Турками, въ 1791 г., испросилъ дозволеніе у Императрицы, чтобы онъ въ его отсутствіе докладывалъ ей дѣла (*Поповъ. А. Н.* Сборн. Русск. Историч. Общ. III, 1—22, гдѣ помѣщена Записка его „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственнаго управленія по формѣ единоличной, введенной закрытіемъ коллегій и отмѣною коллежскаго обряда и подтвержденной общимъ учрежденіемъ министерствъ 1810—1811 годовъ", стр. 23—162) **209, 211, 221, 223, 230, 253.**

Трубецкой, кн. Дмитрій Юрьевичъ, ум. въ 1792 г. (*Долгорукій.* Росс. Родосл. Кн. I, 322). Его подмосковное село Знаменское **24.**

Трубецкой, кн. Никита Юрьевичъ, род. 1695, † 1767, одинъ изъ птенцовъ Петра, другъ Кантемира. Елисаветинскій г.-прокуроръ. Журналъ его, имѣющій родословный интересъ, напечатанъ въ Русской Старинѣ 1870. **113.**

Трубецкой, кн. Николай Никитичъ. Въ Журналѣ отца его, подъ 6 Ноябремъ 1744 г., отмѣчено: „родился сынъ Николай 9¾ часа пополудни, въ Москвѣ, имя дано Декабря 6 числа" (Русск. Старина 1870. I. 13); скончался въ 1821 г. Вмѣстѣ съ единоутробнымъ своимъ братомъ М. М. Херасковымъ сошелся съ Новиковымъ въ 1778 году, въ С.-Петербургѣ, куда они пріѣзжали на время. Еще прежде того Новиковъ помѣстилъ его имя въ своемъ Словарѣ 1772 года, гдѣ онъ значится полковникомъ, Государственной Бергъ-коллегіи и Вольнаго Экономическаго Общества членомъ. Помѣщалъ свои стихи и прозу въ Московскихъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ. Изъ Энциклопедіи онъ перевелъ: Священную Исторію, комедію Расточитель и Перуанскія письма (*Новиковъ.* Опытъ Историч. Словаря. Спб. 1772. стр. 229; *Лонгиновъ.* Новиковъ и Московск. Мартинисты. М. 1867) **236—238, 240.**

Труссонъ, Христіанъ Христіановичъ. Екатерина писала о немъ къ Циммерману (отъ 29 Января 1789) слѣдующее: „Труссонъ подъ конецъ осады Очакова отправился въ армію. Вотъ что я о немъ узнала. Онъ писалъ ко мнѣ два письма, жалуясь, что онъ забытъ; но мнѣ показалось, что орденъ Св. Владиміра и разныя полученныя имъ награжденія доказывали тому противное... До самаго отъѣзда его въ армію былъ онъ употребленъ здѣсь въ Петербургѣ къ такому дѣлу, которое препоручилъ ему покойный генералъ-поручикъ Боуръ и которое по сю пору еще не окончено (т. е. очистка, углубленіе и одежда береговъ Фонтанки). Голландцы, возбуждавшіе его соревно-

ваніе, имѣли свои дѣла въ разныхъ краяхъ сего обширнаго государства и, по мѣрѣ своихъ трудовъ и по чинамъ, получали они разныя награжденія, къ которымъ капитанъ Труссонъ не имѣлъ, кажется, равнаго права. Вашъ пріятель г. Делюкъ, который вмѣстѣ съ вами беретъ участіе въ семъ офицерѣ, извѣстенъ мнѣ по своимъ письмамъ о Швейцаріи. поднесеннымъ королевѣ Англійской. Не знаю. дѣйствительно ли онъ чтецъ у ея величества?"... (Переписка Екатерины II съ доктор. Циммерманомъ. Спб. 1803. стр. 149—151). Отъ родного внука его И. И. Трузсона я получилъ слѣдующія о немъ свѣдѣнія. Родился въ гор. Кобленцѣ въ 1742 году, въ 1770 годахъ былъ вызванъ въ Россію въ качествѣ инженера. Писалъ на Французскомъ языкѣ разные проекты, между прочимъ и о соединеніи Бѣлаго моря съ Чернымъ. Въ чинѣ инженеръ-капитана построилъ брешь-батарею (при штурмѣ Очакова) и за храбрость награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степ. Преданіе гласитъ, что Имп. Екатерина, подписывая грамоту на этотъ орденъ, замѣтила. что такого храбраго офицера нельзя называть *Трус—онъ*, а потому и вставила букву „з". Съ тѣхъ поръ фамилія эта пишется не Трусонъ, а Трузсонъ. Въ званіи начальника инженеровъ, участвовалъ въ 1796 году при взятіи Дербента. за что пожалованъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени. Въ этомъ же званіи участвовалъ и въ Отечественной войнѣ; послѣ Бородинскаго сраженія былъ уволенъ по болѣзни въ отпускъ, въ С.-Петербургъ, гдѣ того же года скончался. Женатъ былъ на дѣвицѣ *фонъБрамъ*, скончавшейся въ С.-Петербургѣ въ 1823 г. Портретъ его находится въ Зимнемъ Дворцѣ, въ галлереѣ (Помлеевской) портретовъ генераловъ, участвовавшихъ въ Отечественной войнѣ. **138**.

Тургеневъ, Иванъ Петровичъ. бригадиръ, † 1808 г.; Сынъ его Александръ Ивановичъ говаривалъ: „Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Москву". Онъ былъ вліятельный членъ Московскихъ масоновъ, почему и подпалъ преслѣдованію, вмѣстѣ съ Новиковымъ. (*Погодинъ.* Н. М. Карамзинъ. М. 1866 г. *Лонгиновъ.* Новиковъ и Московскіе Мартинисты. М. 1867) **237, 241.**

Туре. депутатъ Національнаго Собранія. **219**.

Турчаниновъ, Петръ Ивановичъ, ген.-м., состоялъ при собственныхъ дѣлахъ Имп. Екатерины (Мѣсяцосл. на 1789. стр. 11) **39. 48. 145. 153. 154, 165, 177, 180. 183, 193. 198, 199. 209, 211, 226, 243, 250, 252.**

Тутолминъ. Тимоѳей Ивановичъ. ген.-поруч., правящій должность Архангельскаго и Олонецкаго ген.-губернатора (Мѣсяцословъ на 1789. стр. 302-324); род. 1740, † 1809; учился въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и, служа въ Семилѣтней и первой Турецкой войнахъ, пользовался расположеніемъ Румянцова. Въ 1775 году назначенъ вице-губернаторомъ, а потомъ правителемъ новооткрытаго Тверскаго намѣстничества. Тогдашній начальникъ его гр. Сиверсъ отзывался о немъ Государынѣ съ большими похвалами. Позднѣе переведенъ былъ губернаторомъ въ Екатеринославъ, а оттуда въ 1784 г., ген.-губернаторомъ Олонецкимъ и Архангельскимъ. Въ этой послѣдней должности онъ оставался до 1789 г.; потомъ правилъ попеременно присоединенными отъ Польши губерніями. Павелъ полтора года содержалъ его подъ стражею. Съ 1803 по 1809 былъ Московскимъ главнокомандующимъ. Какъ ученикъ гр. Сиверса, былъ охотникъ до реформъ и проектовъ (*Гротъ.* Сочин. Державина, V, 561—562). По словамъ. служившаго при немъ, Брокера, онъ былъ самый пышный г.-губернаторъ. При учрежденіи губерній былъ назначенъ Императрицей для открытія ихъ. При выѣздахъ былъ сопровождаемъ большою свитою. Въ табельные дни обѣдалъ у подножія трона, а вечеромъ давалъ балъ съ придворною церемоніею (Русск. Арх. 1868, стр. 1419). Лично не расположенный къ нему Державинъ имѣлъ его въ виду, когда писалъ: „На пышныхъ карточныхъ престолахъ сидятъ мишурные цари". Въ объясненіи на послѣдній стихъ Державинъ пишетъ: „тутъ разумѣются намѣстники, которые всѣ почти. хотя зависѣли отъ мановенія Императрицы, но чрезвычайно дурачились. представляя ее лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ, при открытіи губерній, народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей" (Соч. Державина. I. 249; *Бартеневъ.* Русск. Арх. 1868, стр. 1419) **62. 66, 69, 78**.

ніемъ представляетъ нѣкоторыя разности, и, кромѣ того, въ немъ очень много мѣстъ зачеркнутыхъ и при перепискѣ набѣло выброшенныхъ, а потому и не вошедшихъ въ печатное изданіе. 6) Собственноручная записка (на Французскомъ языкѣ) о назначеніи Палласу за его кабинетъ натуральной исторіи и нумизматики, сверхъ просимыхъ имъ самимъ 15,000 рубл., еще 5,000, и при этомъ подробная собственноручная же записка (на 5 листахъ) Палласа о составѣ принадлежащаго ему кабинета. 7) Собственноручное письмо (на Французскомъ языкѣ) къ графу Спренглортену, по поводу Шведской войны, 26-го Августа 1788 года, и при этомъ собственноручная записка, съ мнѣніемъ о содержаніи этого письма, вице-канцлера графа И. А. Остермана. 8) Приписка на указѣ къ графу Мусину-Пушкину, 4-го Сентября 1788 года, слѣдующаго содержанія: „Финнамъ же прикажите внушить, что тонъ герцога Зюдерманландскаго столь же для насъ обиденъ, дерзокъ и лживъ, какъ самый королевскій, и мы имъ пророчествуемъ, что они отъ его поступковъ и поведенія не болѣе себѣ имѣютъ ожидать добра, какъ отъ самого его величества; ибо видно, что оба братья держутся одинакихъ и несносныхъ правилъ, и для того, буде къ намъ хотятъ быть чистосердечны, то бы его самого выжили изъ Финляндіи". 9) Письма на Французскомъ языкѣ, къ принцу де-Линю, 5-го Ноября 1783 года, къ графу А. М. (Дмитріеву-Мамонову?), 9-го Сентября 1791 года, и къ графу Воронцову, безъ означенія числа и года. Изъ писемъ къ самой Императрицѣ, въ портфелѣ находятся: письма великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Θеодоровны, оба 13-го Іюля 1789 года, великаго князя Александра Павловича, 18-го Декабря 1789 года, и письма принца де-Линя, П. Д. Еропкина и графа А. М. Дмитріева-Мамонова.

Третій разрядъ собственноручныхъ бумагъ Императрицы въ портфелѣ Храповицкаго составляютъ ея черновыя сочиненія литературныя, которыя, какъ мы знаемъ изъ его Дневника, онъ также обыкновенно переписывалъ набѣло, а при этомъ вмѣстѣ и давалъ имъ окончательную редакцію, какъ-то: исправлялъ правописаніе, сочинялъ аріи и хоры для оперъ и т. п. Въ этомъ отдѣлѣ портфеля прежде всего обращаютъ на себя вниманіе двѣ драматическія піесы Императрицы: извѣстная пародія на Шведскаго короля, комическая опера: *Горе-Богатырь Косометовичъ* (съ приложеніемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ и того же содержанія сказки) и опера *Θедулъ съ дѣтьми* (1790 года). О первой изъ этихъ піесъ Храповицкій говоритъ, что при перепискѣ ея набѣло (4—8-го Декабря 1788 года), онъ сочинилъ для нея хоры и аріи и сдѣлалъ еще какія-то „прибавки". А такъ какъ въ портфелѣ, при оригиналѣ разсматриваемой піесы, хранится вмѣстѣ и копія съ него (съ печатнымъ изданіемъ сходная почти буквально) въ редакціи Храповицкаго, то это даетъ возможность рѣшить вопросъ, что именно въ *Горѣ-Богатырѣ* принадлежитъ автору, и что редактору. Сличеніе въ этомъ отношеніи копіи Храповицкаго съ автографомъ Императрицы приводитъ къ заключенію, что дѣйствительно всѣ аріи и хоры, вообще все написанное въ этой піесѣ стихами принадлежитъ Храповицкому. Разница лишь въ томъ, что въ автографѣ Императрицы, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть хоры и аріи, или просто замѣчено только: „хоръ, арія, тріо" и т. д., или, гораздо чаще, изложено самое содержаніе хоровъ, которое Храповицкій часто перелагаетъ въ стихи почти буквально, напримѣръ въ началѣ 4-го явленія, 1-го акта, въ автографѣ Императрицы читаемъ: „Локмета поетъ: куда хочешь поѣзжай, лишь голову о полъ не разбивай, слезами ковры мои не мочи". Въ редакціи Храповицкаго:

„Куда захочешь поѣзжай,
Лишь о полъ лба не разбивай,
И токомъ слезъ изъ глазъ своихъ
Ты не мочи ковровъ моихъ".

Въ 3-мъ явленіи 2-го акта, по оригиналу, Громкобай говоритъ своимъ спутникамъ: „Что вамъ деньги? Слыхано ли гдѣ, чтобы богатыри въ походъ пошли, требуя денегъ? Дѣло богатырей идти на смѣлыя дѣла, рыцарскія, и куда придутъ, вездѣ все готовое найдутъ". Въ редакціи Храповицкаго:

„Не надо денегъ брать въ походъ,
Съ чужой земли сберешь доходъ.
Куда вѣдь рыцарь ни приходитъ,
Вездѣ готовое находитъ.
Потребна смѣлость лишь одна".

Актъ 5-й, явленіе 2-е, послѣдній хоръ. Въ оригиналѣ: „И сбылась посло вица, полетѣла синица море зажигать; море не зажгла, а шуму надѣлала". У Храповицкаго:

„Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла,
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно".

Наконецъ, есть хоры и стихи, вставленные Храповицкимъ тамъ, гдѣ авторомъ оперы никакихъ указаній не сдѣлано, и прибавленные редакторомъ по собственному своему соображенію. Эти-то прибавки Храповицкій очевидно и разумѣетъ въ своемъ Дневникѣ.

Взамѣнъ этого, все написанное въ піесѣ прозою почти вполнѣ и до словно принадлежитъ Императрицѣ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ: а) писанныя Храповицкимъ рѣчи Локметы и Степаниды въ 7-мъ явленіи 4-го акта (по печатному изданію семь строкъ); двѣ-три фразы въ другихъ мѣстахъ оперы и неважныя исправленія въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ (напримѣръ, вмѣсто дворъ — домъ, вмѣсто сказкоразкащиковъ — сказальщиковъ, 1-й актъ, явленіе 1-е), и, наконецъ, прибавки, сдѣланныя редакторомъ по указаніямъ самого автора. Сюда принадлежитъ: рѣчь Торопа („Я и такъ скакавъ по полю") во 2-мъ явленіи 4-го акта, прибавленная на основаніи сдѣланной Императрицей замѣтки: „о дождевикахъ", и въ томъ же явленіи окончаніе послѣдней рѣчи Кривомозга. Въ автографѣ Императрицы это мѣсто читается такимъ образомъ: „Пойдемъ по разнымъ дорогамъ, по лѣсу, улюлюкать, какъ по медвѣдя", при чемъ на полѣ сдѣлана замѣтка: „спросить у оберегермейстера, въ охотѣ Русской какъ гонлютъ и травятъ медвѣдя, и такъ напишите". На основаніи этой замѣтки приведенному выраженію Храповицкій далъ слѣдующую редакцію: „...и начнемъ улюлюкать, какъ будто медвѣдь натечетъ на псарей, а потомъ затрубимъ въ рогъ". Отмѣтимъ еще одно исправленіе, сдѣланное въ копіи рукою графа А. Дмитріева-Мамонова, которому піеса, очевидно, отдана была на окончательный просмотръ. Въ началѣ того же явленія, по оригиналу, Торопъ говоритъ: „послушаетъ ли насъ, сама мать уговорить не можетъ". Дмитріевымъ-Мамоновымъ это мѣсто дополнено такимъ образомъ: „Пытокъ ты къ намъ пожаловалъ, послушаетъ ли онъ насъ, сама мать..." и т. д.

Для исторіи литературной дѣятельности Императрицы имѣетъ еще большую важность другая ея собственноручная, находящаяся въ портфелѣ, піеса: *Ѳедулъ съ дѣтьми*, изъ которой четыре страницы въ видѣ facsimile изданы въ *Драматическомъ альбомѣ П. Арапова* (М. 1850). Какъ извѣстно изъ печатнаго изданія, вся эта піеса написана стихами, и изъ сравненія этого изданія съ автографомъ оказывается, что первое съ послѣднимъ сходно почти буквально, обстоятельство очень важное въ виду распространеннаго въ нашей литературѣ мнѣнія (см., напримѣръ, статью Геннади въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1858 года, стр. 507), будто Императрица очень слабо владѣла Русскимъ стихомъ, и будто все написанное въ ея драматическихъ піесахъ стихами принадлежитъ Храповицкому. Разсматриваемый автографъ доказываетъ противное документально. Впрочемъ, объ этой піесѣ и самъ Храповицкій въ своемъ Дневникѣ говоритъ, что онъ ее только переписывалъ, а не редактировалъ. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что начало разсматриваемой оперы (хоръ), написанное 7-стопными хореями, Императрица начала было писать хореями 4-стопными, которые потомъ были зачеркнуты и замѣнены тѣми стихами, которые извѣстны по печатному изданію. Вотъ эти зачеркнутые стихи:

„Собралися красны дѣвки
Вечериночку сидѣть:
Межъ собой имѣть издѣвки,
Молодцовъ тамъ поглядѣть.
Какъ сошлись онѣ всѣ вмѣстѣ,
Тутъ совѣтъ стали держать,
Чтобъ имъ пѣсенъ пѣть довольно
И немало бы плясать.“

Кромѣ двухъ разсмотрѣнныхъ піесъ, въ портфелѣ Храповицкаго находятся еще слѣдующія собственноручныя сочиненія Императрицы: 1) извѣстное стихотвореніе ея: *Ci git sir Tom Anderson*, полученное Храповицкимъ 29. Іюля 1784, и стихотвореніе: *Ci git dame Zemire, fille de Lady*, помѣчен. 22-мъ Іюля 1786 г.; 2) Французская піеса подъ названіе: *Proverbe*, отданная для переписки 11-го Сентября 1788 г.; 3) стихотвореніе на короля Шведскаго, подъ названіемъ: *Prophète sur les affaires du temps*, Juillet 1788, помѣченное Храповицкимъ 16-мъ Августа 1788 г.; 4) стихотвореніе безъ заглавія, начинающееся стихомъ: „Élève d'Apollon, de Themis et de Mars“; 5) извѣстные Русскіе стихи: „О, пали, пали съ звукомъ, съ трескомъ“, 26-го Января 1789 г., къ бюсту Чичагова, 21-го Апрѣля 1791 г. и др.

Изъ находящихся въ портфелѣ автографовъ Императрицы историческаго и законодательнаго содержанія назовемъ: 1) *Разсказъ о первыхъ годахъ ея собственнаго царствованія*, напечатанный въ *Русск. Арх.* 1866 г., № 1—2; 2) *Questions et réponses*; по Русской исторіи, статистикѣ, законодательству и пр., на 15-ти л.; 3) вышеупомянутыя выписки изъ Блакстона, подъ заглавіемъ: *Habeas corpus:* 4) разныя выписки и замѣтки: о родословной Ланскихъ, о Славянахъ и пр.

II. Портфель А. В. Храповицкаго съ собственными его бумагами. Здѣсь бумаги и документы двухъ разрядовъ: а) собственноручныя Храповицкаго, б) писанныя другими лицами. Къ числу первыхъ принадлежатъ: 1) Тетрадь съ собственноручными стихотвореніями Храповицкаго, стихотворными посланіями его къ И. И. Дмитріеву, Озерову и др., письмами къ брату М. В. Храповицкому и пр. Вся эта тетрадь, за исключеніемъ немногихъ стихотвореній, вошла въ составъ вышеупомянутой статьи Н. В. Сушкова объ А. В. Храповицкомъ, помѣщенной въ *Раутѣ* 1854 г. 2) Ненапечатанныя историческія записки Храповицкаго, которыя были представлены имъ Императрицѣ, именно: *О событіяхъ въ Испаніи послѣ смерти Керимъ-хана* (на 4-хъ л.), *О родѣ Ланскихъ* (на 3-хъ л.) и др. 3) Вышеупомянутая копія съ оперы и сказки Императрицы: *Горе-Богатырь* и копія съ ея замѣчаній на отзывы о событіяхъ Русской исторіи (между прочимъ о Петрѣ III) Денины въ его сочиненіи: *Essai sur la vie et le règne de Fréderic II roi de Prusse*, Berlin, 1788.—замѣчаній, очевидно, тѣхъ самыхъ, о которыхъ Храповицкій упоминаетъ подъ 16-мъ Апрѣля 1789 года въ своемъ *Дневникѣ* и которыя Императрица приказала „ему прочесть, никому не показывая“. Эти любопытныя замѣчанія написаны на 8 лист. (in 4-o) параллельно съ самыми отзывами. 4) Къ этой же части портфеля принадлежатъ двѣ тетради выписокъ самого Храповицкаго изъ Тацита (по Франц. перев.) и изъ разныхъ Франц. и отчасти Русскихъ авторовъ.

Во второй части разсматриваемаго портфеля находятся: 1) Разные историческіе документы въ современныхъ имъ копіяхъ, напечатанные Н. В. Сушковымъ въ его *Раутѣ* 1852 и 1854 годовъ, подъ названіемъ: *Выдержки изъ связки старинныхъ бумагъ*, то-есть письмо и прошеніе Императрицѣ Екатеринѣ II графа Миниха, донесеніе принца Нассау-де-Зигена, краткое начертаніе происшествій Шведской и Турецкой войны 1787—1792 гг. и т. д. Изъ подлинниковъ съ собственноручными подписями здѣсь обращаютъ на себя вниманіе: рапортъ гр. Миниха, Іюня 7-го 1764 г., донесеніе гр. П. А. Румянцова, Октября 28, 1773 г. 2) Современная копія съ письма Императрицы къ гр. А. А. Безбородко, 12-го Октября 1784 г., отпускъ письма ея къ А. П. Сумарокову, 15-го Февраля 1770 г. (оба напечатаны); копіи съ писемъ ея къ Датскому королю, 17-го Ноября, и къ Датскому принцу, 19-го Ноября 1788 г.;

Скавронскимъ, Корфомъ, Ушаковымъ и Неплюевымъ, в. кн. Павла Петровича, остававшагося въ столицѣ. Петръ Борисовичъ былъ въ числѣ сенаторовъ, которые просили Екатерину отложить предпринимаемое ею шествіе въ Невскій монастырь къ тѣлу бывшаго императора, на что она послѣ долгаго колебанія согласилась. 19 Янв. 1767 г. гр. Петръ Борисовичъ избранъ въ повѣренные для выбора головы и депутатовъ въ Коммиссію уложенія отъ города Петербурга (Литейной и Выборгской части); въ засѣданіяхъ онъ изъявлялъ готовность освободить своихъ крестьянъ; въ 1776 году онъ былъ избранъ въ начальники Уланскаго Московскаго корпуса дворовыхъ и господскихъ людей, а въ 1780 г. избранъ въ Московскіе губернскіе предводители дворянства. Въ 1746 году гр. Петръ Борисовичъ женился на самой богатой въ то время невѣстѣ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, такъ что состояніе его, и безъ того значительное (болѣе 60 тысячъ душъ), удвоилось. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. Н. И. Панинымъ, который былъ женихомъ любимой его дочери гр. Анны Петровны; но смерть невѣсты разстроила этотъ бракъ. Гр. Борисъ Петровичъ скончался 30 Ноября 1788 года. (Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ) **24, 63, 120, 131.**

Шериданъ, 30, 98.

Шешковскій, Степанъ Ивановичъ, дѣйств. ст. сов., об.-секрет. при Тайной Экспедиціи Сената (Мѣсяцосл. на 1786 г., стр. 17). Онъ погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ сосѣдствѣ съ Фонъ-Визинымъ. Надгробіе его гласитъ слѣдующее. „Подъ симъ камнемъ погребенъ тайный совѣтникъ и Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени кавалеръ, Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Житія его было 74 г. 4 мѣсяца и 23 дня. Служилъ отечеству 56 лѣтъ. Скончался 1794 года, Мая 12 дня.“ (*Ефремовъ, А. П.* Сочин. и перев. Лукина и Ельчанинова. Спб. 1868, стр. 507) **30, 32, 37, 38, 40, 111, 162, 198, 199, 215, 216, 233, 238, 239.**

Шешуковъ, флота капитанъ, **171.**

Школа злословія (въ перев. Нѣмецкомъ Lästerschule, Французскомъ L'école de la calomnie). Комедія Шеридана, которая по показанію Арапова была переведена в. кн. Александромъ и Костантиномъ Павловичами, когда они оба учились Англійскому языку, подъ руководствомъ И. М. Муравьева-Апостола, и напечатана въ 1794 г.; но у Сопикова (V, 5690) переводчикомъ этой комедіи показанъ М. Муравьевъ и годъ изданія означенъ 1795 г. (Лѣтопис. Русск. театра, 119) **30, 31, 98.**

Шкурина, Марья Григорьевна, оставл. дворецъ **178**; вмѣстѣ съ Мамоновыми поѣхала въ Москву **179**: отношенія ея къ Мамонову. **197.**

Шлафъ, секретарь Шведскаго посольства въ Петербургѣ (Архивъ Госуд. Совѣта I, ч. I, стр. 579. 592, 601) нота его **58, 59, 66, 71, 89, 98, 119**; возраженіе ему Екатерины **89, 92, 93, 95, 98, 104, 106, 107, 109, 111, 112, 117—120, 122, 130, 145.**

Шмитъ, Англичанинъ, **199.**

Шпильманъ, 224.

Шредеръ, бар. Леопольдъ, капит. Прусск. службы и поруч. Русской, Мекленбургскій помѣщикъ и масонъ; онъ продалъ свое имѣніе и по настоянію Вельнера поѣхалъ въ Россію съ цѣлію изучать наши церковные обряды; въ Москвѣ онъ не сошелся съ Новиковымъ, который противодѣйствовалъ корыстнымъ его видамъ при расчетахъ, и за это онъ отомстилъ Новикову тѣмъ, что когда въ 1787 г. переселился за границу, то сталъ писать къ нему письма, въ которыхъ говорилъ о разныхъ политическихъ дѣлахъ совершенно чуждыхъ Новикову, но которыя казались по этимъ письмамъ чѣмъ-то особенно его интересующими. Новиковъ не получалъ этихъ писемъ; но въ 1792 году они явились обвинительными документами (*Лонгиновъ.* Новиковъ и Московскіе Мартинисты, стр 155—277). **241.**

Шуазель. герцогъ Степанъ Францискъ (1719 † 1785), Фр. мин. иностр. дѣлъ, **138.**

Шуазель-Гуфье, гр. Гавріилъ-Августъ-Флоранъ, род. 1752, † 1817; былъ посломъ Людовика XVI въ Царьградѣ, во время революціи находился въ Русской службѣ тайнымъ совѣтникомъ и директоромъ Императорской Публич-

Екатерина Великая о себѣ лично.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КЪ А. В. ХРАПОВИЦКОМУ [1]).

1.

1783 г. 7 Генваря. Реестръ контрактовъ всѣхъ музыкантовъ, пѣвицъ, пѣвчихъ, комедіянтовъ и танцовщиковъ, съ прописаніемъ сроковъ и жалованья, и съ того времени, кому прибавлено сколько и для чего. Равномѣрно, какъ велика годовая сумма, опредѣленная на содержаніе театра.

2.

1784 г. 24 Апрѣля. Александръ Васильевичъ, прикажи выписать изъ Бархатной книги, буде въ ней есть, о родѣ Ланскихъ [2]) и привези ко мнѣ.

3.

1784 г. 26 Мая. 1. О площади, гдѣ дрова класть, послать приказаніе въ Измайловскій полкъ. 2. Губернатору запретить, чтобъ, безъ аттестата отъ оберъ-полицмейстера, не представлялъ въ Сенатъ полицейскихъ офицеровъ къ возвышенію, и въ Сенатъ приказать, чтобъ безъ аттестата не производили.

4.

1784 г. 9 Іюня. Доставьте для меня писаніе Курбскаго, буде по-русски есть [3]).

5.

1784 г. 2 Іюля. 1. Спросить въ дворянскомъ банкѣ, много ли денегъ лежитъ безъ употребленія. 2. Всѣ по банкамъ, отъ ихъ учрежденія, выданныя узаконенія.

---

[1]) Письма эти перепечатываются изъ „Русскаго Архива" 1866 и 1872 годовъ.

[2]) Тогдашній любимецъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, умеръ 25 Іюня этого 1784 года г., на 27 году возраста. Не думала ли Императрица дать Ланскому, тогда уже больному, какой-либо титулъ?

[3]) Какъ извѣстно, Екатерина знала въ подлинникахъ памятники древней Русской словесности и даже изучала Слово о полку Игоревѣ. Относительно Курбскаго, въ Дневникѣ у Храповицкаго 2 Ноября 1791 г. записано: „Исторію Курбскаго приказали мнѣ для прочтенія отослать къ Евграфу Александровичу Черткову".

6.

1784 г. Іюля 13. Герберштейна изъ Миллеровы библіотеки взять.— Chronique его, хотя по-латыни. Мы переведемъ здѣсь по-русски, буде на иномъ языкѣ имѣть не можно,—о чемъ навѣдаться [1]).

7.

1784 г. 21 Декабря. Канкрейну [2]) показать лѣсной заготовленный уставъ.

8.

1785 г. 26 Апрѣля. Бронзовыя медали на соединеніе Крыма и на монументъ Петра Перваго, да золотая медаль о соединеніи Крыма, да золотая четыре-угольная, при мирѣ данная солдатамъ.

9.

1785 г. 12 Декабря. Вопросы: 1. Имѣла ли вотчина и обѣ юстицъ-коллегіи утвержденіе или проэктированные наказы, какъ главный магистратъ имѣлъ? 2. При учрежденіи главнаго магистрата издано было Петромъ Первымъ о семъ обширное изданіе, которое на Москвѣ [3]), между моими бумагами, въ 1774 и 1775 г., находилось. Оное прошу отыскать. Помнится, заглавіе его: Регламентъ главнаго магистрата. 3. Обрядъ, какой наблюдается при отказѣ кѣмъ недвижимаго имѣнія,—сей требовать откуда надлежитъ. Также требуетъ объясненія, чего судебное мѣсто разумѣетъ точно подъ словомъ: *справлено* и подъ словомъ: *отказано*, и есть ли на каждое изъ тѣхъ словъ утвержденной или обычной обрядъ, и требуется точное и подробное описаніе утвержденнаго или обычнаго обряда того.

10.

1785 г. 23 Декабря. О движимомъ имѣніи есть ли выпись?

11.

1786 г. 22 Февраля. Раскрывайте при самомъ Арндтѣ, чтобъ не разронять множество замѣтокъ, кои всѣ по листамъ положены для исправленія [4]).

---

[1]) Русскій переводъ въ то время не состоялся; но позднѣе (1796) Императрица приказала вновь напечатать съ Базельскаго изданія (1567) Нѣмецкій подлинникъ знаменитаго, ею оцѣненнаго, сочиненія (см. печатный каталогъ Чертковской библіотеки, № 1411). Вѣроятно, Императрицѣ не было извѣстно первое самимъ авторомъ приготовленное изданіе Вѣнское 1557 года (оно также имѣется въ Чертковской библіотекѣ № 1410).

[2]) Т. е. Канкрину, отцу знаменитаго нашихъ временъ министра, графа Егора Францовича.

[3]) Живя въ Москвѣ и въ Царицинѣ (тогда еще Черной Грязи), Екатерина много занималась законодательствомъ и выдала Учрежденіе о губерніяхъ.

[4]) Арндтъ переводилъ комедіи Екатерины на Нѣм. языкъ; упомянутыя замѣтки относятся къ комедіи „Обольщенный“ (см. Дневникъ Храповицкаго подъ 22 и 23 Февр. 1786).

12.

1786, le 4 Mars. S'il y a un dictionnaire de rime Russe imprimé, faites le acheter pour moi et envoyez le moi. comme les autres livres [1]).

13.

1786 г. Апрѣля 21. Первое дѣйствіе служитъ къ показанію умоначертанія дѣйствующихъ лицъ; второе къ продолженію умоначертанія и къ начатію sujet, о чемъ дѣло идетъ; третье—къ продолженію sujet-а и къ началію, что называютъ амброгліо; четвертое—къ амброгліо; пятое—catastrophe, или окончаніе [2]).

14.

1786 г. 19 Іюля. Заготовьте къ моему подписанію указъ, что Преображенскаго полку капитана-поручика, Александра Мамонова жалую въ полковники, и включить его въ число флигель-адъютантовъ при мнѣ [3]).

15.

1786. le 24 Juillet. Faites dire à Lebrecht qu'il cherche une améthyste de Sibérie d'une belle couleur violete et qu'il y grave mon profil aussi bien qu'il peut et aussi ressemblant qu'il pourra inbuglio, après quoi qu'il cherche aussi une autre pierre pour faire un camée [4]).

16.

1786 г. 18 Октября. Просить Вейдбрехта снова сдѣлать изданіе Записки касательно Россійской исторіи и для того прислалъ (бы) пробныя литеры, и листы оные послать къ господину Пастухову съ тѣмъ, чтобы потрудился надсматривать, или кому повѣрить, лишь бы съ точностію напечатано было. Современниковъ къ нему возвратить [5]).

17.

Купилъ графъ Воронцовъ въ Лондонѣ каменья лорда Алгерноона Перси; но здѣсь изъ каталога Тессье примѣчается, что лордъ Алгерноонъ Перси многіе лучшіе каменья не продалъ. О семъ извѣстенъ ли гр. Воронцовъ, или договоръ былъ оные исключить?

---

[1]) Т. е. 4 Марта 1786. Если есть на Русскомъ языкѣ напечатанный Словарь рифмъ, велите его купить и пришлите ко мнѣ, какъ и остальныя книги. 13 Марта А. В. Храповицкій записалъ: „Поднесъ первыя тетради лексикона рифмъ".

[2]) Относится къ оперѣ Февей.

[3]) 27-лѣтній преемникъ Ермолова, А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, по Дневнику Храповицкаго, явился въ первый разъ на поклонъ 15 Іюля 1786.

[4]) Т. е. 24 Іюля 1786. Скажите Лебрехту, чтобъ сыскалъ Сибирскій аметистъ хорошаго фіолетоваго цвѣта и вырѣзалъ на немъ мой профиль какъ можетъ лучше и какъ можетъ похожѣе, инбугліо; послѣ чего пусть сыщетъ также другой камень сдѣлать камею.

[5]) Подъ современниками Екатерина, можетъ быть, разумѣетъ помѣщенныя въ ея Запискахъ касательно Россійской Исторіи указанія на то, что одновременно съ событіями Русскими происходило въ чужихъ краяхъ.

18.

1786 г. 6 Декабря. Возьмите съ собой, что у меня на столѣ лежитъ, переводы съ старинныхъ авторовъ; также Ломоносова, Русскія пѣсни, и лексиконъ двухсотъ-язычный.

19.

1786 г. 26 Декабря. Apportez moi une carte de la Livonie et Estionie [1].

20.

1787 г. 5 Генваря. Заготовить надобно приказаніе въ Сенатъ, чтобъ дѣло генерала Ферзена, кавалера св. Георгія, скорѣй и немедленно рѣшили.

21.

1787 г. 18 Февраля. 1. Золотой лампадъ съ кистью бриліантовой и съ жемчужиной. О семъ написать къ Соймонову. Величина лампада напримѣръ, какъ предъ царскими дверьми въ зимнемъ дворцѣ, въ большой церкви, а кисть да будетъ вершка полтора длины, а внизу шириной вершокъ. Сіе св. великому князю Владиміру

22.

Батюшкѣ-духовнику дать деньги, чтобъ на святыхъ Печерскихъ сдѣлалъ парчевыя пелены съ позументомъ, съ бахромами и кистями, какъ водится [2]).

23.

1787 г. 20 Февраля. Пришли ко мнѣ фальшивую ассигнацію, присланную изъ Петербурга.

24.

1787 г. 20 Февраля. Седьмь тысячъ рублей да сто червонныхъ: въ числѣ седьми двѣ золотомъ внести въ комнату, а въ числѣ ассигнацій одну тысячу особо.

25.

1787 г. 2 Марта. Напиши пожалуй къ Соймонову, чтобъ досталъ изъ Эрмитажа два моихъ портрета во весь ростъ. Для Екатеринославской губерніи, Тавриды князь Потемкинъ оные проситъ. Буде готовыхъ нѣтъ, чтобъ заказалъ и прислалъ ихъ сюда.

26.

1787 г. 14 Марта. Я зачала было списывать, но скучно стало. Пожалуй, спиши.

27.

1787 г. 16 Апрѣля. Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда

---

[1]) Т. е. Принесите мнѣ карту Ливоніи и Эстоніи.

[2]) Писано въ Кіевѣ, гдѣ, по Дневнику Храповицкаго, 15 Февр. 1787: „Были въ обѣихъ пещерахъ и прикладывались ко всѣмъ мощамъ". Батюшкою-духовникомъ былъ тогда Іоаннъ Памфиловъ, бумаги коего въ Р. Архивѣ 1870 г.

сядутъ, дабы видѣли во всей Европѣ, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился [1]).

28.

Le 17 Avril 1787. M-r de Ségur m'a demandé hier, si l'auteur du Schaman n'avait point fait d'ouvrage sur l'éducation. Je lui ai répondu: non. Mais ce matin je me suis ressouvenue qu'il y a de lui (outre la Grande Instruction du général Saltikof) deux ou trois livres pour les enfans-mêmes qu'ils lisent avec une singulière avidité et qu'ils se fond relire continuellement, particulièrement quand ils sont malades. Ces livres ont épargnés beaucoup de pleurs aux enfans et aux bonnes bien des altercations inutiles. Je pense que ces livres sont imprimés en Allemand. L'un est un A B C. accompagné de Maximes, l'autre des contes d'enfans, le troisième est une espèce de Géographie des frontières de la Russie en forme de narration à la portée des enfans. Tout ceci a été fait pour Alexandre, quand il n'avait que quatre à cinq ans, et le succès en a été étonnant. Montrez ce billet au comte de S [2]).

29.

Ce 17 Avril 1787. Il faut dire la vérité, ce pauvre manifeste est cruellement massacré dans cette traduction. Au lieu de l'éloquence peut-être noble, mâle (je n'ose pas dire remplie d'agrément), coulante, mais riche en expression et plus gentile encore en chose qu'en parole, le traducteur a été d'une paresse inouïe dans le choix de ses termes, dans de certains endroits, et dans d'autres il a ajouté des phrases, par lesquelles, loin de rendre l'original plus intelligible, il s'est éloigné du sens et surtout de l'énergie. J'en ai marqué plusieurs par une croix en marge, mais on pourrait marquer chaque ligne, car la pièce n'est pas reconnaissable; il aime beaucoup le mot de principes, il lui sert partout. J'ai perdu patience à la septième page, et je n'ai pas continué l'examen. Pour avoir une bonne traduction, je conseille d'attendre l'Allemande, d'Arndt, qui saisit mieux que tout autre et est accoutumé au stile de l'Auteur [3]).

---

[1]) 22 Апрѣля Екатерина выѣхала изъ Кіева на галерахъ. Въ столичныя вѣдомости посылался дневникъ путешествія; а въ Кіевѣ печатались послѣ вечернихъ бесѣдъ особыя газеты (Дн. Храп. подъ 10 Апрѣля 1787). Газеты эти нынѣ составляютъ великую рѣдкость.

[2]) Т. е. 17 Апр. 1787. Госп. Сегюръ спрашивалъ меня, не писалъ сочинитель Шамана чего-либо о воспитаніи. Я ему отвѣчала, что нѣтъ; но сегодня утромъ вспомнила, что, кромѣ большого наставленія генералу Салтыкову, написаны имъ двѣ или три книжечки для самихъ дѣтей, которыя они читаютъ съ особенною жадностью и постоянно заставляютъ себѣ перечитывать, особливо во время болѣзни. Эти книжечки уняли у дѣтей много слезъ, и благодаря имъ няньки часто избавлялись отъ безполезной воркотни. Я думаю, что эти книжечки напечатаны по-нѣмецки. Одна изъ нихъ Азбука съ наставленіями; другая дѣтскія сказки, третья—родъ Географіи Русскихъ предѣловъ, въ видѣ разсказа въ дѣтскомъ понятіи. Все это было написано для Александра, когда ему было отъ 4 до 5 лѣтъ, и успѣхъ былъ удивительный. Покажите эти строки графу Сегюру.

[3]) Т. е. 17 Апр. 1787. Надо сказать правду: этотъ несчастный манифестъ страшно искаженъ въ этомъ переводѣ. Вмѣсто краснорѣчія, можетъ быть, благороднаго, мужествен-

30.

1787 г. Іюня 20. Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изъ за стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи [1]). Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать; понеже о томъ, что мнѣ угодно или не угодно, никто знать не можетъ; а я въ опекунствѣ ни чьемъ быть не желаю.

31.

1787 г. Іюля 9. Въ Валдаѣ. Сей домъ, сказываютъ, казенный. Давно сказано писанно (sic) и словесно, чтобъ въ казенныхъ домахъ панели и у окошекъ и дверей коробки деревянныя не клали, и почтено сіе за излишній убытокъ: понеже за панелями клопы лишь водятся и иныя гадины, а коробки морозъ деретъ; здѣсь же подѣланы коробки и панели. Сіе не оставьте безъ примѣчанія для переду. А сей домъ строенъ еще, чаю, при Сиверсѣ.

32.

1787 г. 13 Іюля. Царское Село. Александръ Васильевичъ, изъ Эрмитажа получила я *записку*, что портретъ мой, то есть esquisse Петергофскаго, въ 1784 г. княземъ Вяземскимъ взятъ чрезъ живописца на фарфоровой заводъ. Я васъ прошу съѣздить на тотъ заводъ и мой портретъ ко мнѣ привезти; ибо подобныя вещи три года продержать слишкомъ нахально. И потеряться можетъ. Сей же оригиналъ Эриксона.

33.

1787 г. 7 Августа. Чтобъ Стрекаловъ послалъ приказаніе къ Бакстеру, чтобъ имѣлъ въ готовности для Фицгерберта [2]) до трехъ тысячъ рублей на покупку лошадей, и чтобъ лошади, кои Фицгербертъ купитъ, Бакстеръ бы принялъ и отправлялъ сюда къ Судерланду; а какъ прибудутъ, чтобъ сей увѣдомлялъ Александра Матвѣевича Мамонова.—Капитану Ендаурову чтобъ комната дана была въ Брюсовомъ дворѣ.

34.

1787 г. 11 Августа. Пожалуй, сыщите кого, кто-бы перевелъ на Нѣмецкій языкъ сію комедію Аглинскую. (Приписка Храповицкаго: Die Lästerschule).

наго (не смѣю сказать исполненнаго пріятности), плавнаго, но выразительнаго и болѣе еще любезнаго по дѣлу, чѣмъ въ словахъ,—переводчикъ былъ въ однихъ мѣстахъ несказанно лѣнивъ относительно выбора словъ, а въ другихъ понабавилъ фразъ, коими не только не сдѣлалъ подлинника понятнѣе, напротивъ уклонился отъ смысла и отъ энергіи. Я отмѣтила многія мѣста на поляхъ крестомъ; но можно бы отмѣчать каждую строку, потому что сочиненіе вышло неузнаваемо. Онъ очень любитъ слово: *начала* и безпрестанно его употребляетъ. Я вышла изъ терпѣнія на седьмой страницѣ и перестала читать дальше. Чтобы имѣть хорошій переводъ, совѣтую подождать Нѣмецкаго, который будетъ сдѣланъ Арндтомъ; онъ лучше всѣхъ понимаетъ и привыкъ къ слогу автора.—Строки эти относятся къ переводу знаменитаго манифеста о дуэляхъ, изданнаго въ Кіевѣ, 21 Апр. 1787.

[1]) Это было на обратномъ пути, въ Тулѣ, гдѣ намѣстничалъ М. Н. Кречетниковъ.

[2]) Тогдашняго Англійскаго посланника при нашемъ дворѣ.

Записки Сергія Григорьевича Волконскаго (Декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. С.Пб. 1901. Большая 8-ка, VII, 546 и 2 нен. стр. съ тремя превосходными гравюрами работы г. В. Унгера, изъ коихъ на двухъ портреты составителя Записокъ, а на третьемъ его супруги, княгини Марьи Николаевны (правнучки Ломоносова, передъ ея отъѣздомъ въ Сибирь). Портретъ С. Г. Волконскаго, съ Георгіевскимъ крестомъ, очень напоминаетъ намъ его племянницу, княжну Варвару Николаевну Репнину въ ея старости (см. о ней „Русскій Архивъ“ 1897, II, 478). Отъ нея намъ случилось слышать, что этотъ младшій братъ ея отца (1788—1865) увлеченъ былъ къ участію въ ниспроверженіи тогдашняго правительства Пестелемъ. Въ Кіевѣ, въ самый день свадьбы Волконскаго, когда онъ ѣхалъ вѣнчаться, Пестель воспользовался его уторопленностью и убѣдилъ подписать какую-то бумагу, которая потомъ послужила уликою противъ него и повлекла на каторгу.

Повѣствованіе С. Г. Волконскаго, къ сожалѣнію неконченное и прерывающееся на первомъ допросѣ самого Николая Павловича, очень занимательно, такъ какъ онъ, по своему происхожденію, богатству и прекрасной наружности, былъ въ сношеніяхъ съ достопамятными людьми Русской Исторіи и съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Воспитанникъ аббата Николя, блестящій кавалергардъ и царскій флигель-адъютантъ, проводилъ жизнь на розахъ. Какъ много могъ онъ сдѣлать въ службѣ государственной, при его образованности и дружескихъ связяхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ! Много въ его Запискахъ любопытныхъ указаній. Такъ напр. онъ говоритъ, что пріятель его графъ А. Х. Бенкендорфъ, еще до 1812 года составилъ проектъ будущаго III Отдѣленія государевой канцеляріи; онъ разсказываетъ о ссылкѣ Сперанскаго и о разборѣ его бумагъ княземъ Г. И. Гагаринымъ, о маркизѣ Паулуччи въ Дрисскомъ лагерѣ, о письмѣ Государя къ Винцегероде по оставленіи Москвы. Въ особенности любопытны его бесѣды съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Историкъ найдетъ въ его Запискахъ нѣсколько свѣдѣній, доселѣ остававшихся неоглашенными. Намъ непонятны враждебные отзывы его о графѣ М. С. Воронцовѣ и о Н. И. Тургеневѣ.

Съ стр. 447 до конца книги помѣщены біографическія дополненія къ Запискамъ, составленныя сыномъ автора, княземъ Михаиломъ Сергѣевичемъ. Для историка они, можетъ быть, важнѣе самихъ Записокъ.

По прочтеніи прекрасной этой книги вспоминается отзывъ Ѳ. И. Тютчева о Декабристахъ: ихъ „развратило самовластье, и мечъ его ихъ поразилъ“. Въ Николаѣ же Павловичѣ по отношенію къ нимъ чередовалась прямолинейность матери съ великодушіемъ державной бабки. Такова ли была участь людей имъ подобныхъ во Франціи и въ Германіи? Одновременные узники Западной Европы могли позавидовать нашимъ ссыльнымъ.

П. Б.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(Годъ 39-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году будетъ по прежнему выходить **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**

Открыта подписка на 1902-й годъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1901

12.

Въ приложеніи.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1901.

Московскій Сборникъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева, Изданіе пятое, дополненное М. 1901 г. 8-ка. 366 стр.

Отрадно, что такія книги въ наши дни появляются *пятымъ* изданіемъ, а можетъ быть еще болѣе отрадно, что это изданіе *дополненное.* Узнаёшь, что есть читатели, которымъ дорого дѣйствительно обдуманное слово. Почерпаешь новую бодрость изъ примѣра дѣятеля, который по праву могъ бы отдыхать послѣ совершеннаго имъ, среди всеобщаго признанія его заслугъ предъ Россіей, и который тѣмъ не менѣе не покладаетъ рукъ, а продолжаетъ додѣлывать, довершать свой трудъ. Въ томъ вѣрная порука, что онъ трудится не для себя, а для всѣхъ насъ, что онъ мыслитъ не объ успѣхѣ (даже въ самомъ благородномъ смыслѣ), а побуждаемъ высшей потребностью выразить свои чувствованія и воззрѣнія.—Самая книга слишкомъ извѣстна, чтобы надо было передавать ея содержаніе здѣсь. Первое ея достоинство, которое не могутъ отвергнуть даже спорящіе съ ней, составляетъ особая ясность и прозрачность мысли. Сужденія автора озарены какимъ-то спокойнымъ свѣтомъ, дѣлающимъ все отчетливымъ и выпуклымъ, черезъ что предметъ виденъ сразу со всѣхъ сторонъ и вдругъ становится знакомымъ и понятнымъ. Это то самое „краткое, ясное и прямое слово", о которомъ говоритъ авторъ въ одномъ изъ новыхъ отрывковъ. Другое столь же неотъемлемое достоинство книги—въ самостоятельности сужденій. Нужна особаго рода смѣлость, чтобы указывать на насильственный и безсовѣстный деспотизмъ современной печати, когда о поддержаніи и охраненіи этого деспотизма хлопочутъ ожесточенные поборники *свободы.* Нужна убѣжденность, чтобы обличить „игру въ собраніе голосовъ подъ знаменемъ демократіи", весь тотъ образъ правленія, при которомъ „правителями становятся ловкіе подбиратели голосовъ, механики, искусно орудующіе закулисными пружинами",—тѣмъ болѣе когда слушателемъ является вся Европа. Изъ статей, впервыя напечатанныхъ въ пятомъ изданіи, замѣчательна глава о идолахъ новаго міра, о идолахъ ума и доктрины. „Происходитъ, пишетъ авторъ, нѣчто въ родѣ вѣрованія въ слова, при чемъ вѣра вырождается въ суевѣріе; люди, забывая *первообразъ,* поклоняются *образу.* Служеніе идеѣ мало-по-малу становится промысломъ, и подобно тому, что случилось въ Ефесѣ, масса рабочихъ, изготовляющихъ на продажу мѣдныя изображенія храма Діаны, не терпя проповѣдника истинной, не-идольской вѣры, гонятъ его вонъ съ неистовыми криками: Велика Артемида Эфесская!" Въ приведенномъ отрывкѣ авторъ показываетъ съ особой точки зрѣнія почти всю современную умственную жизнь и дѣятельность газетчиковъ, ихъ поклоненіе *слову,* въ которое выродилась идея, ихъ ярая боязнь истинной, не-идольской вѣры. Другая новая статья пятаго изданія называется „Христіанство безъ Христа". Одно это заглавіе мѣтко выявляетъ всю сущность современныхъ нравственныхъ ученій. Особую убѣдительность разсужденіямъ автора придаетъ его слогъ, своеобразный по непридуманности и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренности своего построенія, и сильный, мѣткій потому что не чуждается оборотовъ и словъ стараго языка и Славянскихъ рѣченій. В. Б.

Вѣковѣчные завѣты Святой Руси выразились въ книгѣ Москвича которая принадлежитъ къ явленіямъ *историческимъ.* П. Б.

Н. К. Кульманъ. Рукописи В. А. Жуковскаго, хранящіяся въ библіотекѣ графовъ А. А. и А. А. Бобринскихъ. С.-Пб. 1901. 8-ка, 71 стр.

Небольшая тетрадка Жуковскаго, цѣнная для біографа и для издателя полнаго собранія его сочиненій. Она относится къ тѣмъ годамъ его жизни, когда онъ состоялъ лекторомъ при императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и преподавалъ Русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Θеодоровнѣ, которая впослѣдствіи ему самому жаловалась шутя на его якобы нерадѣніе въ этомъ занятіи (см. „Русскій Архивъ" 1897, вып. 3-й). Жуковскій оцѣнилъ вы-

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

Этою зимою дворъ выписалъ въ Петербургъ Московскую нашу авторитетную Марію Аполлоновну Волкову[2]), и ей дана была квартира въ Зимнемъ дворцѣ. Надо отдать ей честь: она достойно себя показала, какъ представительница и заступница нашей бѣлокаменной противъ ироническихъ инсинуацій и нападокъ на Москву, свойственныхъ Петербуржцамъ. Такъ, напр., однажды Государь, прохаживаясь съ нею подъ руку по вновь отдѣланной залѣ Дворянскаго Собранія, спросилъ у нея, которая изъ двухъ залъ лучше, «наша Петербургская или Московская?» «Я не знала по сю пору, Государь», отвѣчала она, «что Москва не ваша, а что одинъ Петербургъ вашъ».

Подобной же чести, какъ Марія Аполлоновна, удостоилась Торжковская содержательница гостиницы, Пожарская, изобрѣтательница извѣстныхъ котлетъ, обезсмертившихъ ея имя въ лѣтописяхъ поваренного искуства. И ее также выписали въ Петербургъ и пріютили во дворцѣ, чтобы она ввела эту гастрономическую новизну въ царскія кухни. Придворными же метръ-д'отелями были тогда Французскіе ватели, г.г. Имберъ (Imbert) и Жиббонъ, замѣнившіе Александровскаго времени Миллера.

Въ это время въ Москвѣ и въ прилегающихъ къ ней губерніяхъ свирѣпствовалъ голодъ; но о немъ говорилось въ Петербургѣ, какъ объ отвлеченномъ предметѣ, словно дѣло шло о какомъ-нибудь Китайскомъ городѣ: настолько сѣверная резиденція была почти-что не Россіею. Да и бѣдствіе это не могло заживо затрогивать Петербургъ, гдѣ всѣ каналы были запружены барками съ хлѣбомъ. А между тѣмъ, въ этомъ 1840 году былъ повсемѣстный почти недородъ хлѣба, такой же какъ въ 1833 и 1834 годахъ. Осенніе посѣвы 1839 г. не

---

[1]) См. выше, стр. 384.

[2]) См. ея письма о 1812 годѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, стр. 2372. Она приглашена была, вѣроятно, черезъ посредство близкаго къ царскому дому семейства графа М. Ю. Вьельгорскаго, сестра котораго Дарья Юрьевна была супругою ея брата, Сергѣя Аполлоновича Волкова.

взошли отъ продолжительной засухи и, какъ разсказывали, въ иныхъ мѣстностяхъ, напр. въ Тульской губерніи, люди буквально умирали съ голоду[1]).

Какъ ни старался и ни хлопоталъ достойный князь Д. В. Голицынъ о томъ, чтобъ облегчить участь Московскихъ жителей отправкою своихъ чиновниковъ въ Коломну, въ надеждѣ захватить тамъ на пристаняхъ хлѣбъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, прежде чѣмъ хлѣбъ этотъ попадетъ въ руки скупщиковъ - монополистовъ, но ничего не могъ сдѣлать. Казалось, что была стачка между купцами, но добраться до нея было невозможно; просилъ, увѣщевалъ онъ купцовъ согласиться на сбавку цѣнъ (четверть ржи доходила, кажется, до 8 р. сер., цѣна тогда неслыханная): они ему показывали, по какой дорогой цѣнѣ приходился имъ хлѣбъ въ недавней покупкѣ [2]) и, сколько помнится мнѣ, уличить ихъ было невозможно въ томъ, что они продавали хлѣбъ, по страшно возвышеннымъ цѣнамъ, изъ прежнихъ своихъ запасовъ, купленный, когда цѣны были крайне низки въ урожайные года.

Около того же времени или немного позже вышла въ Парижѣ книга о путешествіи по Россіи маркиза де-Кюстина въ 1839 году, возбудившая тогда всеобщее негодованіе, какъ собраніе пасквилей и клеветъ. Написана она была по слѣдующему поводу. Маркизъ де-Кюстинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ предыдущемъ (1839 году), и какъ сынъ или родственникъ извѣстнаго роялиста, пострадавшаго въ первую Французскую революцію,и самъ пользовавшійся нѣкоторой литературной извѣстностію, былъ принятъ весьма ласково, даже почетно Государемъ, который, извѣстясь о желаніи Французскаго туриста видѣть Москву и побывать на Нижегородской ярмаркѣ, повелѣлъ почтовому вѣдомству оказывать этому иностранцу всякое возможное вниманіе и, если не ошибаюсь, назначилъ даже, чтобы при маркизѣ находился курьеръ. Пока онъ путешествовалъ по Россіи, изъ за границы дали знать въ высшія правительственныя сферы, что маркизъ де - Костюнъ пользуется на родинѣ весьма плохою репутаціею за свои нечистые вкусы... Вслѣдствіе этого извѣщенія, Государь повелѣлъ немедленно отмѣнить дорожныя почести, коими маркизъ началъ было пользоваться, и по его возвращеніи въ Петербургъ, Государь болѣе его не принялъ. «Inde ira», и книга явилась какъ мщеніе.

[1]) Мы помнимъ это время, когда въ деревняхъ и на господскій столъ иногда подавался горькій хлѣбъ съ лебедою; помнимъ и тогдашнюю поговорку: „То не бѣда, коль во ржи лебеда; а вотъ бѣда, какъ ни ржи, ни лебеды". П. Б.

[2]) Въ Данковѣ въ этомъ году продавалась рожь по 40 р. асс. за четверть.

Проводилъ я иногда вечера у графовъ Михаила и Матвѣя Юрьевичей Вьельгорскихъ, жившихъ на Михайловской площади въ 3-мъ этажѣ дома, примыкающаго къ Михайловскому театру. Вечера эти были почти что всегда музыкальными. Меня однажды просили пропѣть что нибудь, и я выбралъ арію изъ Соннамбулы, «Il raviso o luoghi ameni». Такой выборъ уже по себѣ былъ неудаченъ; арію эту я особенно никогда не любилъ, да и она опошлѣла, потому что за нее хватались всѣ новички пѣнія, а къ тому присоединилась еще обычная моя робость пѣть при новой для меня публикѣ: голосъ дрожалъ, срывался, и меня постигло полнѣйшее фіаско. Было еще и то противъ меня обстоятельство, что всеобщій Петербургскій камертонъ былъ цѣлымъ почти тономъ выше Итальянскаго, къ которому я исключительно было привыкъ; значитъ, мои грудныя полутеноровыя ноты, «fa», «fa-dies» и иногда «sol», сдѣлались для меня невозможными. Разница въ обоихъ камертонахъ происходила отъ того, что у насъ первенствуетъ оркестръ, а въ Италіи жертвуютъ оркестровкою ради пѣнія. Вечера у графа Вьельгорскаго всегда оканчивались пулькою на биліардѣ, игрою, которую онъ очень любилъ и въ ней отличался. Меня было пригласили участвовать въ пулькѣ, и не смотря на то, что я плохой игрокъ въ биліардъ, я пустился съ этими господами, въ числѣ коихъ былъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ, племянникъ графа *), отличный также игрокъ; но вскорѣ мое незнаніе обнаружилось, и самъ хозяинъ дома вѣжливо меня исключилъ изъ партіи.

Графъ Матвѣй Юрьевичъ Вьельгорскій былъ віолончелистомъ перваго достоинства. Ученикъ извѣстнаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія Ромберга, онъ скоро сталъ наряду съ своимъ учителемъ. Нерѣдко составлялись у него квартеты, въ коихъ первою скрипкою былъ знаменитый музыкантъ и композиторъ А. Ѳ. Львовъ, тогда полковникъ и директоръ придворной пѣвческой капеллы. Имена остальныхъ двухъ соучастниковъ этихъ квартетовъ я забылъ, но они были нѣчто въ родѣ совершенства, и всѣ желали ихъ послушать. Братъ же его, графъ Михаило Юрьевичъ, не былъ спеціалистомъ ни на какомъ инструментѣ, хотя могъ аккомпанировать себѣ, напѣвая въ полголоса свои романсы, тогда и впослѣдствіи въ модѣ, но былъ свѣдущъ по части композиціи и генералъ-баса, наукѣ, изученной имъ въ его молодости

*) Сестра графовъ Віельгорскихъ Дарья, тогда умершая, была за Сергѣемъ Аполлоновичемъ Волковымъ, братомъ Николая и Михаила Аполлоновичей. Дочь его жила у своихъ дядей, Вьельгорскихъ, и говорятъ, что пѣвала отлично; но никто кромѣ ея семейныхъ ея не слыхалъ: до того она робѣла пѣть при чужихъ. Она вышла замужъ за нѣкоего Склингера.

у знаменитаго композитора Керубини [1]), и пользовался безапелляціонным авторитетомъ въ музыкальныхъ сужденіяхъ. Не оспаривая глубокихъ его по этой части познаній, замѣчу, что наподобіе того, какъ въ діагностикѣ даровитый и незабвенный Ѳ. И. Иноземцевъ увлекся одно время до того, что всѣ почти недуги относилъ къ спинному хребту, такъ и графъ Михаило Юрьевичъ почти что помѣшался на превосходствѣ Моцарта надъ всѣми прочими композиторами, вслѣдствіе чего не проходило ни одного почти публичнаго концерта изъ аматёровъ, чтобы онъ не помѣстилъ въ программу чего нибудь изъ оперы Донъ-Жуана. Никогда я не могъ понять, за какія особенныя качества или заслуги графъ Михайло Юрьевичъ, почти неизвѣстный при императорѣ Александрѣ I-мъ, внезапно сдѣлался, въ послѣдующее царствованіе, любимцемъ и необходимымъ какъ бы лицомъ при дворѣ [2]). Спору нѣтъ, что онъ былъ добрѣйшій и весьма пріятный въ обществѣ человѣкъ; но вѣдь мало ли добрыхъ и пріятныхъ людей на свѣтѣ? Салонъ его представлялъ исключительную въ Петербургѣ пестроту; тамъ я встрѣчалъ фортепіаниста Леопольда Мейера и дилеттанта пѣнія г. Таля, владѣльца бань на Мойкѣ, близъ Краснаго моста [3]).

О графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской и объ ея салонѣ, представлявшемъ сливки сливокъ высшаго общества, мало имѣю что сказать, потому что я не домогался (не знаю впрочемъ почему) чести быть ей представленнымъ. Относительно же выбора своего общества она не могла не быть слишкомъ осмотрительною, ибо всѣ три молодыя великія княжны дебютировали, такъ сказать, въ графининомъ салонѣ. Двѣ меньшія великія княжны, Ольга и Александра Николаевны, были такой поразительной красоты, что, право, не было, на мой взглядъ, соперницъ имъ во всемъ тогдашнемъ аристократическомъ обществѣ. У великой княжны Ольги Николаевны величавый станъ не мѣшалъ ея граціозности. Графиня Разумовская была то, что̀ попросту называется мотовка, обремененная долгами, но весьма изворотливая барыня и находчивая въ средствахъ поддерживать блескъ сво-

---

[1]) Лучшими оперными произведеніями Керубини были „Двудневныя Приключенія“ (les Deux Journées) и „Весталка“, оперы теперь заброшенныя. Изъ болѣе извѣстныхъ въ свое время романсовъ графа Михайла Юрьевича Вьельгорскаго были „Черная Шаль“, „Намъ сіяетъ Аврора“, слова князя П. А. Вяземскаго, „Старый мужъ, грозный мужъ“, слова Пушкина, и „Любила я твои глаза“.

[2]) Государь и Государыня очень любили музыку. П. Б.

[3]) Разнесся было въ то время слухъ, что графъ М. Ю. Вьельгорскій писалъ цѣлую оперу, подъ названіемъ „Цыгане“, но не желалъ, чтобы она была поставлена на сценѣ при его жизни. Насколько вѣренъ этотъ слухъ, не знаю; но вотъ уже около десяти (если не болѣе) лѣтъ, что̀ графъ скончался, а ничего не слышно объ этомъ его трудѣ.

его салона. Впрочемъ, операція эта облегчалась ей самимъ дворомъ. Разсказывали, что когда на усиленныя просьбы молодыхъ великихъ княженъ дать имъ балъ, она отнѣкивалась по причинѣ неимѣнія на то денегъ, царскія дочери обращались къ августѣйшимъ своимъ родителямъ для ссуды «бѣдной, милой графинѣ Разумовской», и вспомоществованіе не замедлялось будто бы являться. Она продала уже въ то время значительное свое имѣніе великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ на условіяхъ пожизненнаго полученія весьма крупной суммы, въ видѣ ренты, многимъ превышавшей (если не ошибаюсь) процентъ, который она могла бы получить отъ капитала, представлявшаго стоимость того имѣнія. Великая княгиня согласилась на столь тяжелую для нея сдѣлку въ виду-де того, что, по теоріи вѣроятностей, не весьма долго приходилось ей выплачивать условленную годовую ренту женщинѣ, коей было въ 1840 году около 70 лѣтъ отъ роду. Расчетъ однакоже оказался невѣрнымъ, и къ ущербу великой княгини графиня Марія Григорьевна прожила болѣе двадцати лѣтъ послѣ этой сдѣлки, продолжая почти что до смерти (за 90 лѣтъ отъ роду) наряжаться, какъ молодая женщина, въ шляпки и платья свѣтлыхъ и яркихъ колеровъ съ перьями и цвѣтами, и выѣзжать на вечера съ открытою шеею. Все общество до того подъ конецъ привыкло къ ея туалетамъ, что иные люди даже находили, что туалеты эти къ ней идутъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ прошла молва, что она будто бы, въ угодность царской фамиліи, протанцовала разъ во дворцѣ «качучу» *), тогда какъ ей было около 70 лѣтъ отъ роду; но, дорожа паче всего истиною во всѣхъ даже мелочахъ моей лѣтописи, считаю долгомъ возстановить этотъ случай въ настоящемъ его видѣ; свидѣтельницею его была покойная Варвара Ивановна Ланская (рожденная княжна Одоевская), женщина, какъ я уже говорилъ, недюжинная и коей можно вполнѣ вѣрить. Она разсказывала мнѣ, что однажды, на одномъ танцовальномъ вечерѣ во дворцѣ, когда оркестръ заигралъ пресловутую эту качучу и прежде чѣмъ танцовщицы пустились по паркету, графиня Марія Григорьевна встала съ своего мѣста и, въ видѣ шутки, проплясала *одна* и только нѣсколько *па* этого танца, и за тѣмъ сѣла на прежнее свое мѣсто. Но за тѣмъ—вотъ чему я вполнѣ вѣрю—когда, въ бытность ея въ Москвѣ, ее приглашали посѣтить строящійся храмъ Спаса, она отозвалась, что предпочитаетъ отложить это посѣщеніе до совершеннаго окончанія того храма. Гляда на ходъ работъ этой постройки, пожалуй, что пришлось бы графинѣ Маріи Григорьевнѣ поспорить годами съ Маѳусаиломъ, чтобы исполнить свое намѣреніе.

---

*) Испанскій театральный танецъ, вошедшій тогда въ ходъ.

Богачъ Лазаревъ, женатый (какъ говорено уже было въ описаніи Флорентинскаго общества) на принцессѣ Биронъ и поселившійся въ Петербургѣ, хотѣлъ было жить открытымъ домомъ; но высшее общество долго смотрѣло на него, какъ на финансоваго «parvenu», и салоны его, освѣщенные «à jour», оставались пустыми. Наконецъ, Михайло Павловичъ удостоилъ, не знаю по какому поводу, креза-Армянина своимъ посѣщеніемъ въ одинъ изъ его вечеровъ. Когда же слухъ дошелъ до великаго князя, что онъ этимъ возбудилъ ропотъ и негодованіе аристократическаго міра, онъ громогласно заявилъ, что онъ всегда будетъ ѣздить повсюду, *гдѣ удостоятъ его чести быть приглашеннымъ*: такъ по крайней мѣрѣ переданы были мнѣ его слова. Вслѣдствіе ли этого, или, можетъ быть, отъ дѣйствія времени, но спѣсивая дотолѣ каста начала мало-по-малу свыкаться съ мыслію, что можно безъ особеннаго урона личнаго своего достоинства переступать порогъ Лазаревскаго салона, и блаженный милліонеръ добился наконецъ гражданскаго права въ высшей средѣ.

Въ Петербургѣ только я сблизился съ семействомъ Ланскихъ. Они давно переселились изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ Сергѣй Степановичъ былъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ Гатчинскаго воспитательнаго училища. Въ 1840 году они жили на Адмиралтейской части Мойки, въ домѣ, взошедшемъ въ составъ нынѣшняго огромнаго зданія Министерства Государственныхъ Имуществъ. Старшая изъ дочерей Сергѣя Степановича, Анастасія Сергѣевна, давно уже была замужемъ за Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, тогда жандармскимъ генераломъ Московскаго округа [1]); вторая дочь, Варвара Сергѣевна, давно уже выѣзжала въ свѣтъ, а меньшая, Марія Сергѣевна только что начала появляться. Она была премиленькая блондинка, стройнаго роста, и ее сейчасъ пожаловали во фрейлины. Старшій сынъ, Степанъ Сергѣевичъ, начавшій свою службу въ 1832 или 1833 году въ армейскомъ гусарскомъ полку, былъ въ 1840 году офицеромъ въ конной гвардіи; второй (недавно умершій) Александръ Сергѣевичъ былъ юнкеромъ въ томъ же полку, а меньшому Михаилу Сергѣевичу, тогда гимназисту или лицеисту, было около 11 лѣтъ. Варвара Ивановна любила почти до обожанія дальнюю свою родственницу, пожилую маркизу де-Виллеро̀, ту самую, о которой такъ часто говаривалъ мой и Льва Сергѣевича Пушкина пріятель, Владиміръ Ивановичъ Аничковъ въ Варшавѣ [2]). Старуха-маркиза была весьма остроумная особа и вла-

---

[1]) С. В. Перфильевъ былъ передъ тѣмъ Рязанскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Адъютантомъ при немъ былъ Сергѣй Александровичъ Волковской, незаконный сынъ Александра Александровича Волкова.

[2]) Маркиза де-Виллеро̀ была рожденная графиня Апраксина, и мужъ ея, Французскій

дѣла въ высшей степени наукою салонной болтовни и умѣніемъ придавать особенный интересъ всякому предмету, какого она касалась: наука когда-то свойственная офранцуженнымъ нашимъ дамамъ высшаго круга, въ началѣ столѣтія, но почти что забытая нынѣ. Положимъ, что было много пустяшнаго въ этомъ старомъ направленіи, но не вижу, признаюсь, чтобы бесѣда нынѣшнихъ старухъ была забавнѣе или много назидательнѣе, хотя и ведутъ онѣ разговоръ на родномъ языкѣ.

Варвара Сергѣевна Ланская (нынѣ графиня) была всегда болѣзненнаго здоровья и не вышла замужъ. Умнѣйшая и живѣйшая особа, она усвоила себѣ привычку ворчать, и это часто потѣшало всѣхъ насъ. Впослѣдствіи, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ людей, она принималась муштровать свою мать не на шутку, и добрѣйшая Варвара Ивановна скажетъ, бывало, съ улыбкою покорности и смиренія: «простите, Варвара Сергѣевна, впередъ не буду». Надо впрочемъ войти въ положеніе Варвары Сергѣевны, какъ единственнаго лица съ характеромъ изо всѣхъ ея семейныхъ, и не будь она хлопотуньею и ворчуньею, распущенность въ домашнемъ быту Ланскихъ дошла бы до того, что они рисковали оставаться безъ обѣда и безъ возможности выѣзжать, отъ нетрезвости или самовольной отлучки кучеровъ или лакеевъ; самой же хозяйкѣ дóма было свыше ея силъ сдѣлать выговоръ или замѣчаніе кому нибудь изъ прислуги. Варвара Ивановна владѣла смолоду замѣчательнымъ талантомъ рисованія и даже, кажется, живописи, но совсѣмъ оставила, къ сожалѣнію, это занятіе. Зная меня за полу-артиста, она однажды пригласила меня на вечеръ, куда должны были прибыть даровитые наши ландшафтисты, братья Чернецовы, съ ихъ портфелями видовъ Волги. Подобный вечеръ былъ бы во всякое другое время приманкою для меня, но на этотъ разъ я разсѣянно разсматривалъ прекрасные эти виды; потому что въ этотъ самый день я спохватился, что изъ запертаго (сколько помню) чемодана, стоявшаго подъ моею кроватью, похищено было у меня 600 р. или можетъ быть болѣе, и я оставался безъ гроша. Кто могъ ихъ украсть, осталось подъ мракомъ неизвѣстности.

Павелъ Александровичъ Вревскій (тогда адъютантъ, какъ я уже говорилъ, при князѣ А. И. Чернышовѣ и хорошо принятый у Ланскихъ) влюбился въ Марію Сергѣевну, и она сдѣлалась неравнодушною къ нему: обстоятельство не согласовавшееся съ желаніями Варвары Ива-

---

эмигрантъ въ нашей военной службѣ, безъ вѣсти пропавшій въ одной изъ кампаній до 1812 года. Она воспитывала сестру В. И. Аничкова, вышедшую за какого-то Пашкова и вскорѣ оставшуюся молодою вдовою и безъ дѣтей.

новны, потому только что Павелъ Александровичъ былъ незаконнорожденнаго происхожденія. Что же дѣлать? При всемъ своемъ умѣ и мягкосердечіи, Варвара Ивановна никогда не могла отдѣлаться отъ этого кастоваго предубѣжденія, существовавшаго въ современномъ ея молодости обществѣ, котораго придерживалась отчасти и моя мать, женщина столь разумная во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Не нравилось это сватовство и Варварѣ Сергѣевнѣ; зоркимъ своимъ окомъ угадывая, что я могъ быть довѣреннымъ лицомъ со стороны закадычнаго моего друга (что̀ и было дѣйствительно), она стала подозрѣвать мои хожденія къ нимъ въ домъ (какъ сама мнѣ призналась впослѣдствіи), и бѣдной Маріи Сергѣевнѣ не было никакой поддержки въ тайнахъ ея сердца. Только четыре года спустя, эта милая чета достигла желаемаго; но лучъ счастія, озарившій ее мгновенно, скрылся за тѣмъ навсегда..... Впрочемъ не слѣдуетъ забѣгать впередъ.

Подъ конецъ зимы пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ Н. А. Дивовъ и задалъ мнѣ обѣдъ въ моемъ вкусѣ (т. е. съ акомпаниментомъ полдюжины Шампанскаго) у Сенъ-Жоржа, пригласивъ также Льва Андреевича Лебрюна, этого господина амфибической національности, не то Француза, не то Итальянца, выросшаго въ Мюнхенѣ, бывшаго Суворовскимъ ординарцемъ и котораго читатель, надѣюсь, не забылъ *). При всемъ томъ, что почтенный мой *кузенъ* былъ зрѣлыхъ лѣтъ и серьознаго направленія человѣкъ, его иногда потѣшало видѣть меня въ экзальтированномъ состояніи отъ игристыхъ паровъ единственно-любимаго мною напитка; а въ настоящемъ случаѣ ему захотѣлось также, ради куріоза, подпоить стариннаго друга его родителей. Началось состязаніе, приправленное утонченностями (весьма не дешевыми) этого перваго тогда въ городѣ гастрономическаго заведенія, состязаніе, въ которомъ степенный мой родственникъ не отставалъ отъ меня (онъ былъ крѣпокъ какъ быкъ на напитки, когда, выходя въ рѣдкихъ весьма случаяхъ изъ свойственной ему воздержности, хотѣлъ отличиться); но не подъ силу было тщедушному Суворовскому ординарцу на седьмомъ десяткѣ лѣтъ тягаться съ нами: еще до десерта глаза его посоловѣли, и онъ рухнулся на полъ. Камердинеръ мой отнесъ его ко мнѣ на верхъ, гдѣ его раздѣлъ и положилъ на мою кровать; старика напоили мятою и позднѣе ночью отвезли домой.

Нечаянная встрѣча на Невскомъ проспектѣ съ прежнимъ пріятелемъ моимъ, Англичаниномъ Филипомъ Филиповичемъ Путо̀, весьма меня

*) Напоминаю, что Л. А. Лебрюнъ былъ интимнымъ человѣкомъ въ домѣ дяди моего Адріана Ивановича Дивова, въ началѣ столѣтія. Въ 1840 г. онъ былъ помощникомъ директора Эрмитажа, г. Лабинскаго

обрадовала. Я сошелся съ нимъ первоначально въ 1830 г., вслѣдствіе многихъ доказательствъ добраго его ко мнѣ расположенія; но весьма немудрено, что позднѣе дружба усилилась съ моей стороны, отъ сочувствія, что и ему, какъ и мнѣ, не везло въ жизни. Онъ былъ тогда (въ 1840 году) женатъ вторымъ бракомъ на Англичанкѣ, весьма образованной и пріятной особѣ, говорившей по-французски почти безъ Англійскаго акцента и замѣчательно игравшей на фортепіано, и не будь у нея рыже-огненныхъ волосъ, она была бы не дурна собою. Всѣ вообще ея привычки и вкусы высказывали женщину, принадлежавшую сферѣ много выше той, въ какую забросила ее судьба, и мнѣ казалось, что она подчасъ не умѣла скрывать этого чувства. Ф. Ф. Путо̀ и его жена жили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ домѣ Реформатской церкви, на Мойкѣ, близъ Полицейскаго моста. Между 1833 и 1840 годами, въ товариществѣ съ графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ (женатымъ уже на Итальянкѣ графинѣ Филиппи), г. Путо̀ завелъ было кружевную (или тюлевую) фабрику, съ мастерами вывезенными имъ самимъ изъ Англіи, въ графскомъ имѣніи Подольскаго уѣзда, но товарищи не поладили межъ собою; графъ Сергѣй Ѳедоровичъ затѣялъ исковой процессъ, и въ 1840 году фабрика была уже закрытою. Въ Петербургѣ Филиппъ Филиповичъ хлопоталъ по какому-то новому дѣлу, въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, гдѣ, по его словамъ, онъ пользовался близкимъ знакомствомъ съ вліятельнымъ лицомъ г. Дружининымъ, но и тутъ не было ему удачи. Былъ у него также какой-то проектъ по желѣзнодорожной части, или по рѣчному судоходству (хорошо не помню), и какъ въ то время начали уже поговаривать о желѣзномъ пути между Москвою и Петербургомъ, то я его повезъ и представилъ князю И. В. Васильчикову, предсѣдателю Государственнаго Совѣта. Князь выслушалъ его предложеніе, но и это дѣло кануло въ воду.

Со мною случилась маленькая непріятность, о которой не стоило бы упоминать, если бы она не была доказательствомъ совершеннаго моего незнанія иныхъ общественныхъ обычаевъ. Н. А. Дивовъ записалъ меня разъ посѣтителемъ въ Англійскій клубъ, гдѣ я дотолѣ никогда не бывалъ. Такъ какъ знакомыхъ у меня тамъ никого не было, то я сталъ прохаживаться до обѣда изъ одной залы въ другую и замѣтивъ, что въ одномъ изъ нихъ былъ особенно громкій резонансъ, я, привыкшій къ Флорентинской безцеремонности, дабы попробовать оный, сталъ посерединѣ зала, принялъ сценическую позу и затянулъ было изо всей мочи Итальянскую оперную каватину *); но тутъ же

*) Каватиною зовутъ небольшую арію, обыкновенно входную.

быстро подоспѣлъ одинъ изъ клубныхъ лакеевъ, съ предупрежденіемъ (весьма меня сконфузившимъ конечно), что подобныхъ выходокъ въ клубѣ не допускается. Кстати о клубѣ, отмѣчу, что тамъ былъ тогда маркёромъ знаменитый по всей Россіи нѣкій Тюря, посѣдѣвшій въ безсоперничествѣ на бильярдѣ. Съ нимъ игрывали на слѣдующихъ условіяхъ. Игравшій противъ него игралъ какъ обыкновенно, то-есть по всѣмъ шарамъ и клалъ шары во всѣ лузы и притомъ имѣлъ преимущество начинать партію; послѣ перваго его промаха начиналъ Тюря, но ему дозволялось бить по одному только изо всѣхъ шаровъ (по желтому или по одному изъ двухъ красныхъ), или онъ могъ безразлично бить по всѣмъ шарамъ, но класть въ одну только назначенную изо всѣхъ шести лузъ, да сверхъ того онъ давалъ противнику двадцать или тридцать очковъ впередъ. Всѣ эти предосторожности ни къ чему не вели, и въ большинствѣ случаевъ Тюря станетъ, бывало, надъ какимъ нибудь шаромъ и сразу кончаетъ партію, не переставая класть его изъ одной лузы въ другую.

Въ Англійскомъ клубѣ я познакомился съ Никол. Ив. Гречемъ. Тамъ, за обѣдомъ, онъ былъ такъ сказать, гуслями, соловьемъ: заслушиваемся, бывало, его. Въ одномъ только отношеніи разговоръ его дѣлался приторнымъ, а именно въ неразборчивости и утрировкѣ его восхищенія всѣмъ тѣмъ, чтò говорилъ и дѣлалъ Государь. Впрочемъ, не одинъ онъ былъ такого настроенія, и развѣ только къ царскому чиханію не примѣнялось опошлѣвшее восклицаніе «какой-де государь у насъ молодецъ!» Н. И. Гречъ разсказывалъ, что онъ долго недоумѣвалъ, изъ какого люда набирались квартальные надзиратели и ихъ помощники, но что съ тѣхъ поръ какъ сталъ посѣщать Александринскій театръ, убѣдился, что ихъ вербуютъ изъ публики этого театра [1].

Одинъ мой знакомый бывшій на какомъ-то литературномъ вечерѣ за деньги (въ пользу чего или кого, не помню), разсказывалъ мнѣ, что участвовавшіе въ немъ г. Гречъ и Булгаринъ кадили другъ другу подъ носъ и чуть ли не въ изліяніи дружелюбныхъ чувствъ, скрѣпленныхъ долговременною литературною ихъ дѣятельностію, воочію всѣхъ жали будто бы руку другъ другу. Нельзя не сознаться, что отъ литературныхъ дѣятелей того закала вѣяло либо казенщиною, либо пошлостію [2].

---

[1]) Мнѣ разсказывалъ одинъ современникъ, что Н. И. Гречъ, садясь однажды обѣдать въ Англійскомъ клубѣ, приказалъ офиціанту принесть ему бутылку Лафита.... „Какъ бишь зовутъ эту фирму?.. Ну этого же имени, какъ составитель прескверпаго словаря, но вино хорошее; да—вспомнилъ:—Ольдекопа!“ (Слышано отъ гр. Д. Н. Толстого).

[2]) Немного позднѣе Н. И. Гречъ издалъ (кажется) опроверженіе на Французскомъ языкѣ пасквильной книги маркиза де-Кюстина о Россіи, по поводу чего или по иному

Настала музыкальная великопостная пора. Концертами въ пользу патріотическаго благотворительнаго общества распоряжалась предсѣдательница онаго, княгиня В. С. Голицына, конечно кромѣ музыкальной части, которою завѣдывалъ графъ Вьельгорскій. Примадоною была знаменитая по таланту и милѣйшая въ обществѣ графиня Росси (Зонтагъ). Право ея на это было неотъемлемо; затѣмъ прочіе пѣвцы и пѣвицы (за исключеніемъ немолодой уже, но сохранившей еще голосъ фрейлины Бартеневой) завладѣли первыми партиціями не столько по артистическому своему достоинству, какъ по положенію въ табелѣ о рангахъ относительно ко двору и по общественному ихъ значенію. Таковыми изъ женщинъ были молодая и хорошенькая собою баронесса Крюднеръ и молодая (не особенно, помнится мнѣ, взрачная), еще незамужняя, графиня Бенкендорфъ, обѣ посредственныя весьма пѣвицы. Первыя басовыя партиціи исполнялись княземъ Г. П. Волконскимъ (сыномъ министра двора) и графомъ В. А. Сологубомъ. Тембръ князя Григорія Петровича былъ довольно сильный, но не скажу, чтобы былъ очень пріятный; звучнымъ (voix vibrante) нельзя было по моему назвать его голосъ, но онъ наслышался хорошихъ артистовъ за границею и, какъ говорятъ, хорошо и забавно исполнялъ буффовыя аріи. Графъ Сологубъ никогда не отличался ни голосомъ, ни методомъ пѣнія. Первыми тенорами были князь Михаилъ Викторовичъ Кочубей и Николай Ивановичъ Пашковъ, когда-то Московскій нашъ Рубини. Первый изъ нихъ владѣлъ пріятнымъ, но слабымъ салоннымъ голоскомъ, терявшимся въ большомъ залѣ дворянскаго собранія, а что̀ до Н. И. Пашкова, то голосъ его, грѣшившій и прежде неясностію, представлялъ тогда однѣ руины, и случалось ему подъ часъ даже сфальшивить. Наконецъ однакоже распорядители отрыли, какъ бы изъ нѣдръ земли, скромнаго неаристократическаго молодого чиновника, служившаго въ какой-то Петербургской канцеляріи, нѣкоего Андреева, съ превосходнымъ дѣйствительно - груднымъ и звучнымъ теноровымъ голосомъ; но какъ новичекъ, онъ пѣлъ безъ чувства и метода. Рой дѣвицъ изъ высшаго и второклассного общества записывался въ хоры;

может быть случаю, разсказывали, что озлобленный маркизъ, или кто-нибудь изъ недоброжелателей Н. И. Греча, въ бытность его въ Парижѣ, отпечаталъ будто бы его визитныя карточки, съ приписью „espion de Sa M. Impériale“ (шпіонъ Е. И. Величества) и развезъ ихъ по всѣмъ его тамошнимъ знакомымъ, въ видѣ (кажется) прощальныхъ передъ его отъѣздомъ визитовъ. Заслуживалъ ли онъ приписанное ему свойство соглядатая, судить не могу; но во всякомъ случаѣ нельзя ставить его въ нравственномъ отношеніи на одну доску съ Ф. Ф. Вигелемъ, какъ это дѣлаетъ талантливый впрочемъ авторъ одной журнальной статьи (кажется, въ Вѣстникѣ Европы за нынѣшній 1870 годъ), гдѣ, говоря о какихъ-то историческихъ показаніяхъ, онъ называетъ ихъ „выходящими изъ мутнаго источника г.г. Вигеля и Греча“.

съ голосами или вовсе безъ голосовъ, это было все равно, и онѣ могли безнаказанно и безслѣдно рисоваться на подмосткахъ, и для вида раскрывать розовые свои ротики, потому что за стѣною ихъ юбокъ и турнюровъ прятались настоящіе и превосходнѣйшіе сопрановые голоса, въ лицѣ мальчиковъ изъ придворныхъ пѣвчихъ. Но въ записи охотницъ въ хоры недостатка не было: ибо стоять на концертной платформѣ, на виду передъ дворомъ, его синклитомъ и отборной публикой, было лестно не для одной сіятельной или превосходительной нимфы.

Получилъ и я пригласительный билетъ участвовать въ хорахъ и поспѣшилъ на репетицію, гдѣ шелъ отрывокъ изъ Россиніевскаго Вильгельма Теля; но вскорѣ прислана была ко мнѣ партиція въ интродукціи этой же оперы, которую я началъ изучать дома, съ помощію аккомпаніатора, молодого Итальянца, по фамиліи Лоръ. Изучивъ эту тетрадку, я явился съ нею на вторую репетицію. Партія эта была второго баса и довольно пустая; она начиналась высокими нотами декламативнаго речитатива, неловкаго для меня уже потому, что, являясь передъ многочисленной незнакомой публикой, приходилось мнѣ пѣть въ первый разъ въ жизни съ Французскими словами. Кромѣ того оркестровый камертонъ былъ еще выше городскихъ фортепіанныхъ камертоновъ, тогда какъ послѣдніе были уже и безъ того болѣе высокаго настроенія, нежели въ Италіи, и потому высокія ноты я не иначе могъ брать, какъ напрягая голосъ до усиленнаго крика. Когда кончилась интродукція, графъ Вьельгорскій и княгиня Голицына, подошедши къ эстрадѣ, сказали мнѣ, что въ концѣ зала едва слышенъ мой голосъ; а такъ какъ, по вторичномъ окончаніи интродукціи, результатъ оказался такимъ же, то графъ Вьельгорскій рѣшилъ, что надо будетъ придать мнѣ въ помощь другого баса, пѣть со мною однѣ и тѣже ноты: вещь по моему почти что безсмысленная и даже невозможная, такъ какъ речитативъ не то что хоръ, вслѣдствіе чего, по выходѣ съ репетиціи я отправился къ маэстро Рубини, тогда репетитору и учителю пѣнія при пѣвческой капеллѣ *), разсказалъ ему о случившемся со мною куріозѣ и о моемъ неумѣніи пѣть солитовыя партіи, вмѣстѣ съ вспомогательнымъ голосомъ (по-итальянски «a unisono»), и просилъ заявить директору-графу, что я отказываюсь отъ дальнѣйшаго участія

*) Этого г. Рубини не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ пѣвцомъ той же фамиліи. Я его знавалъ еще въ 1830 году, когда онъ давалъ уроки пѣнія въ Петербургѣ и женился на одной изъ своихъ аристократическихъ учеяицъ, дочери адмирала Лисянскаго. Не слѣдуетъ также его смѣшивать съ Русскимъ учителемъ пѣнія, присвоившимъ себѣ фамилію Рупини, а настоящею его была, вѣроятно, Рупинъ.

въ этихъ концертахъ. Онъ разсмѣялся надъ этимъ изобрѣтеніемъ графа Вьельгорскаго, говоря, что все это пустяки; но я стоялъ на своемъ и болѣе не являлся на репетиціи, чѣмъ и кончились тогда неудачные мои дебюты на поприщѣ дилетантизма въ Петербугѣ. Говорю *тогда*, потому что шесть лѣтъ спустя, на концертѣ въ Петербургѣ же, Александра Егоровича Варламова, публика удостоила меня вызовомъ, для повторенія пѣсни его сочиненія «Осѣдлаю коня» (слова Кольцова), и на слѣдующій день обо мнѣ упоминалось весьма лестно въ «Сѣверной Пчелѣ».

Касательно же упомянутаго моего аккомпаніатора, Итальянца Лора, графъ М. Ю. Вьельгорскій обѣщалъ ему свое ходатайство для полученія мѣста учителя пѣнія въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, такъ какъ мѣсто это дѣлалось вакантнымъ по случаю выхода съ полнымъ пенсіономъ маестра Ерколани [1]).

Директоромъ I-го художественнаго отдѣленія Эрмитажа былъ тогда старикъ Лабинскій, а II-го отдѣленія (заключавшаго въ себѣ библіотеку, кабинетъ медалей, камеи и Керченскія древности) Французъ Жиль [2]). По разсказамъ, Лабинскій прибылъ изъ Варшавы въ Петербургъ, въ царствованіе императора Павла, съ ремесломъ стѣнного *трафаретнаго* [3]) маляра. Не знаю, насколько это вѣрно; но онъ самъ сказывалъ мнѣ, что былъ опредѣленъ въ Эрмитажъ при моемъ отцѣ, а отъ постороннихъ я слыхалъ, что Лабинскій былъ имъ покровительствуемъ. Артистической подготовки въ немъ было, кажется, немного; но въ силу Французской поговорки «à force de forger on devient forgéron», онъ, съ годами, пріобрѣлъ практическое, наглядное понятіе о достоинствѣ картинъ и могъ различить, какой школѣ живописи и, приблизительно, какой даже кисти онѣ принадлежали. Квартиру съ отопленіемъ онъ имѣлъ во дворцѣ (въ антресолѣ подъ Эрмитажемъ) и былъ съ незапамятныхъ временъ въ чинѣ статскаго совѣтника, уклоняясь отъ превосходительнаго 4-го класса, несовмѣстнаго съ занимаемымъ имъ мѣстомъ, коимъ онъ дорожилъ. Помощникъ его Лебрюнъ недалеко ушелъ отъ своего принципала, хотя однакоже рисовалъ не-

---

[1]) Г. Лоръ нынѣ почти что обрусѣлъ. Онъ женился на дочери одной изъ директрисъ Московскихъ институтовъ, и при случайной моей съ нимъ встрѣчѣ на улицѣ въ нынѣшнемъ (1870 году) сообщилъ мнѣ, что одинъ изъ его сыновей уже поступилъ къ намъ на службу.

[2]) Въ началѣ столѣтія эти два отдѣленія не существовали, и отецъ мой былъ тогда директоромъ всего состава Эрмитажа.

[3]) Итальянскимъ этимъ словомъ обозначаются узоры, вырѣзанные въ толстомъ картонѣ, чрезъ кои проводится плашмя толстая кисть, напитанная краскою. Полагать надо, что искусство это было у насъ новизною въ концѣ прошлаго вѣка.

дурно, особенно перомъ. Однимъ изъ второстепенныхъ надзирателей по Эрмитажу былъ какой-то Итальянецъ, по фамиліи Капелліо, покровительствуемый княземъ П. М. Волконскимъ и его женою; этотъ Капелліо чуть ли не былъ передъ тѣмъ курьеромъ. Въ число Эрмитажныхъ реставраторовъ попалъ Кіевскій прежній мой знакомый, Ломбардецъ г. Вергà, басовой ревъ коего потрясалъ нервы моей матери. Настоящею его спеціальностію была миніатюрная, портретная живопись, въ которой однакоже онъ не особенно, помнится мнѣ, отличался, и я не думаю, чтобы онъ болѣе отличался и какъ реставраторъ картинъ, и какими судьбами онъ могъ въ четыре года перешагнуть изъ праздношатающагося въ Кіевѣ въ коронную службу при Эрмитажѣ, не постигаю. Старикъ Бріоскій, продолжавшій числиться реставраторомъ, жилъ во Флоренціи и болѣе не возвращался въ Петербургъ. Но былъ тогда при Эрмитажѣ искусный весьма по этой части Русскій артистъ, нѣкій Митрохинъ, спеціальность коего состояла въ перенесеніи на холстъ старинныхъ картинъ, первоначально написанныхъ на доскѣ, работа копотная и требующая чрезвычайной осторожности, ловкости и терпѣнія. Процессъ былъ слѣдующій. На обратной сторонѣ картины надо было сострогать мало-по-малу рубанкомъ весь деревянный слой до мастики [1]) и за тѣмъ немедленно приложить холстъ, напитанный клеемъ, на оставшійся тонкій слой мастики [2]).

Въ 1838 или 1839 году состоялась неудачная весьма покупка нѣсколькихъ картинъ для Эрмитажа у Француза Ноеля, промышлявшаго ими и пользовавшагося протекціею герцога Лейхтенбергскаго, при воспитаніи коего Французъ этотъ чѣмъ-то находился. Всѣхъ картинъ было четыре или пять, въ томъ числѣ три (кажется) мнимыхъ Рафаелэвыхъ, за которыя онъ запросилъ чуть ли не 300 т. р. сер.; князь П. М. Волконскій долго противился самому пріобрѣтенію и ничего не предлагалъ; но герцогъ Лейхтенбергскій, тогда женихъ великой княжны Маріи Николаевны, вступился (какъ мнѣ разсказывали) за своего кліента, и князь П. М. Волконскій, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго картиннаго барышника, предложилъ ему окончательно всего 100 т. р. съ разсрочкою уплаты на три года. Французъ поломался немного, жалуясь на убытки, но однакоже согласился. Не прошло и шести лѣтъ послѣ сей покупки, какъ мнимые Рафаэли изчезли изъ

[1]) Мастикою зовется загрунтовка (обыкновенно свѣтло-коричневая или бѣлая) на холстѣ, приготовленномъ для масляной живописи.

[2]) Предупреждаю вопросъ, который иные могутъ мнѣ сдѣлать, о пользѣ этой операціи, объясненіемъ, что картины, написанныя на деревѣ, подвержены растрескиванію отъ комнатной теплоты, обычной у насъ въ зимнее время.

галлереи (которую они срамили) и перешли на чердакъ или на украшеніе загородныхъ дворцовъ [1]). Той же участи, увы!, подверглось чрезъ тоже количество лѣтъ, громадныхъ размѣровъ произведеніе Гораса Вернета (написанное въ 1840 году) и, кажется, потомъ гравированное, подъ названіемъ «Каруселя», изображавшее портреты Николая Павловича и всей царской семьи, верхомъ, въ натуральный ростъ, въ фантастическихъ рыцарскихъ средневѣковыхъ костюмахъ [2]).

Незадолго передъ тѣмъ, прислана изъ Италіи круглая картина Святого Семейства, названная «la Vierge de l'Albe [3]) (моментъ разсвѣта), пріобрѣтенная тамъ чрезъ Павла Ивановича Кривцова, секретаря при Римской нашей миссіи и начальника Русскихъ художниковъ въ Римѣ. По мнѣнію моему, можно допустить, что картина эта дѣйствительно Рафаэлевская, но принадлежитъ къ первой, какъ зовется въ художествѣ, его манерѣ (коихъ всѣхъ признается три), то-есть къ періоду, когда недозрѣвшій его геній не доходилъ еще до позднѣйшей творческой его самостоятельности и рабски подчинялся стилю Греческой иконописи его учителя Пiетра Перуджина. Но если даже картина эта не Рафаэля, а упомянутаго художника (по сбивчивости кистей учителя и ученика), то тѣмъ не менѣе мѣсто ей прилично весьма въ Эрмитажѣ.

Тогда только что началась ломка и перестройка Эрмитажнаго корпуса и отдѣльной части Зимняго дворца [4]), выходившихъ на Милліонную и на Мойку, по плану и подъ надзоромъ Баварца, барона Кленца, прославившагося уже разными постройками въ Мюнхенѣ. Получая весьма значительный, какъ слышно было, окладъ за эту работу, Баварскій баронъ не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а прекомфортабельно пріѣзжалъ туда разъ въ годъ, при открытіи навигаціи, обозрѣть что̀ сдѣлано было въ его отсутствіе, а ходомъ работъ завѣдывали наши архитекторы гг. Стасовъ и Ефимовъ.

---

[1]) Впрочемъ, изъ купленныхъ у Ноеля картинъ была одна весьма годная и кажущаяся подлинникомъ Гуерчина (или Доминикина); сюжетъ ея былъ молодой Давидъ, до избранія его въ цари.

[2]) Во время своего пребыванія въ нашей столицѣ, великій (дѣйствительно) Французскій художникъ былъ предметомъ особеннаго къ нему вниманія Государя, пожаловавшаго ему Станислава 1-ой степени (со звѣздою) и дрожки съ парою рысаковъ и съ полною упряжью при Русскомъ кучерѣ, каковыми онъ удивлялъ потомъ своихъ соотечественниковъ Парижанъ.

[3]) Богородица Зари.

[4]) Та часть дворца, крыльцо коей было насупротивъ малаго манежа и гдѣ въ дѣтствѣ моемъ жили тетки мои, фрейлины графини Марія и Екатерина Артемьевны Воронцовы.

Переходя затѣмъ къ зданію Академіи Художествъ, отмѣчу немногимъ, можетъ быть, извѣстное, а именно, что внутренній круглый ея дворъ, кажущійся столь обширнымъ, совершенно одинаковаго размѣра съ куполомъ церкви Св. Петра въ Римѣ. У Невской пристани, передъ самой Академіей, были не за долго передъ тѣмъ поставлены «сіи два огромные сфинкса», что̀ и понынѣ находятся тамъ же, привезенные изъ Египта Н. Н. Муравьевымъ, въ 1832 году. Разсказывали, будто бы Михаилъ Павловичъ, не всегда утонченно вѣжливый со своими подчиненными, отнесся однажды къ двумъ картоннымъ своимъ фронтовикамъ-генераламъ огромнаго роста и толщины со словами: «сіи огромные сфинксы», каковыми начинается надпись на піедесталахъ этихъ чудовищъ.

Въ Академіи я въ первый разъ видѣлъ «Разрушеніе Помпеи», Брюлова. Лишнимъ считаю распространяться о достоинствѣ произведенія, признаннаго геніальнымъ во всемъ мірѣ; скажу только, что этой картинѣ суждено быть предметомъ восхищенія и національной гордости будущихъ поколѣній, каковой чести наврядъ ли удостоится картина «Первая проповѣдь Спасителя», труженическое болѣе, чѣмъ вдохновенное произведеніе Иванова, не смотря на эфемерный успѣхъ этой картины, вопреки непонятнаго и невозможнаго даже ея колорита[1]). Послѣ «Разрушенія Помпеи», изъ наиболѣе замѣчательныхъ произведеній Брюлова я считаю распятіе Спасителя, освѣщеннаго молніею, что̀ въ Петропавловской лютеранской церкви.

Объ Айвазовскомъ, тогда начинавшемъ получать заслуженную имъ впослѣдствіи знаменитость морскими видами, столь же эфектно, сколько быстро написанными[2]), Брюловъ говорилъ: «Чему тутъ удивляться? У Айвазовскаго всегда готовы одинъ часъ съ солнечнымъ закатомъ, другой съ восхожденіемъ, третій съ луннымъ освѣщеніемъ, и такъ далѣе; ему только стоитъ обмакнуть кисть въ нужный ему чанъ и мазнуть ею по холсту». Съ Петромъ Васильевичемъ Басинымъ, тогда профессоромъ Академіи, я возобновилъ мое знакомство много позднѣе; говорю возобновилъ, потому, что во время семейнаго нашего нахожденія въ Римѣ, въ 1822 году, когда мнѣ было 15 лѣтъ, онъ часто бывалъ у насъ[3]). По безукоризненности рисунка, чуждаго всякаго же-

[1]) Съ этимъ и нѣкоторыми другими отзывами графа М. Д. Бутурлина о художественныхъ произведеніяхъ согласиться мы не можемъ. П. Б.

[2]) Помнится, мнѣ разсказывали, что Айвазовскій неболѣе какъ въ двѣ недѣли оканчивалъ картину пяти аршинъ длины и трехъ вышины. Въ покупателяхъ на нихъ не было недостатка.

[3]) П. В. Басинъ, нынѣ вдовецъ, былъ женатъ на Кикиной, двоюродной или троюродной сестрѣ княгини Маріи Петровны Волконской.

манства и изысканныхъ позъ, художникъ этотъ заслуживаетъ, какъ мнѣ кажется, названіе Русскаго Андрея-дель-Сарто; хотя колоритъ его не изъ блестящихъ, но однакоже и не изъ самыхъ тусклыхъ. Огромная его картина «Введенія во храмъ», почти ничего не теряетъ черезъ то, что находится рядомъ со «Взятіемъ на небо Пресв. Богородицы», въ алтарѣ Казанскаго собора; но лучшими его произведеніями я считаю доблестныя дѣйствія изъ жизни Св. Александра Невскаго, его кончину и перенесеніе его мощей, при Петрѣ І-мъ, писанныя на стѣнѣ и полукругахъ въ одномъ изъ придѣловъ Исакіевскаго собора. Тамъ же можно любоваться и мученическою кончиною Св. Дмитрія Солунскаго и великом. Варварою. Послѣдняя изъ этихъ фигуръ весьма граціозна и благородна. Небольшой я сторонникъ, признаюсь, профессора Бруни, съ его пепельно-туманнымъ колоритомъ, и не былъ я никогда тронутъ извѣстнымъ и столь часто встрѣчающимся въ копіяхъ его «Моленіемъ о чашѣ въ Геѳсиманскомъ саду»; скажу даже, что художникъ придалъ какое-то сентиментальное выраженіе взору Спасителя, которое вовсе мнѣ не нравится. Въ большой же своей картинѣ «Покрова Богородицы» (она же и третья въ алтарѣ Казанскаго собора и насупротивъ «Введенія» П. В. Басина), онъ вдался въ такой особенно-темный колоритъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ она обратится въ черно-угольный холстъ, каковымъ представляются нынѣ намъ работы Итальянскихъ художниковъ начала XVII-го вѣка. Не оспаривая за тѣмъ достоинства «Бронзоваго змія», его же (Бруни) кисти, скажу, что эта картина дышитъ анатомическою, но несовсѣмъ пріятною для глазъ, вѣрностію.

Въ Академіи выставлена была въ то время картина ея Нестора, профессора Шебуева, современника когда-то славившагося Егорова*), представлявшая убіеніе Новгородскаго купца Иголкина Шведами: сюжетъ, перешедшій тогда съ большимъ успѣхомъ на театральную сцену. Если картина эта ничѣмъ особенно не отличалась, то нельзя однакоже сказать того о двухъ произведеніяхъ молодости этого, устарѣлаго уже тогда, живописца, находящихся въ Казанскомъ же соборѣ (на пилястрахъ, поддерживающихъ куполъ) и представляющихъ видѣніе (или что-то въ этомъ родѣ) Св. Василія Великаго во время

*) Егоровъ былъ, по мнѣнію моему, не что иное какъ рабскій подражатель Итальянской школы. Въ извѣстной въ свое время его картинѣ Спасителя, привязаннаго къ столбу, лядвіи Божественнаго Страдальца непропорціонально толсты и мясисты, а въ ликѣ Его ничего божественнаго нѣтъ. Предшественникъ Егорова, даровитый Боровиковскій, оставилъ по себѣ, кромѣ прекрасныхъ мѣстныхъ образовъ главнаго иконостаса въ Казанскомъ соборѣ, множество портретовъ въ барскихъ домахъ обѣихъ столицъ, дышащихъ по сю пору жизнію и сохранившихъ всю свѣжесть колорита.

совершенія имъ литургіи, и исцѣленіе (имъ же кажется) бѣснующагося юноши; обѣ эти картины останутся образцовыми свидѣтельствами таланта художника.

Изъ академическихъ ландшафтистовъ болѣе прочихъ славились отецъ и сынъ Воробьевы. Старикъ Воробьевъ былъ ученикомъ и слѣпымъ подражателемъ Нѣмца Гакерта, получившаго извѣстность въ Италіи [1]). Судя по видѣнному мною у А. Н. Муравьева пейзажу «Общій видъ Іерусалима», писанному младшимъ Воробьевымъ, художникъ этотъ приближался къ нынѣшнему стилю болѣе, нежели его отецъ. Братья Чернецовы [2]), только что начали тогда артистическое свое поприще путешествіемъ по Волгѣ и возвратились съ богатымъ запасомъ эскизовъ карандашемъ и акварелью, а нѣкоторые изъ нихъ исполнили масленными красками.

Усердно тогда трудился спеціальный, милитарный живописецъ, Французъ Ладюрнеръ; зову его милитарнымъ, а не батальнымъ и не военнымъ, ибо сраженій никакихъ почти не приходилось ему писать (по крайней мѣрѣ я никогда таковыхъ не видывалъ), а вся артистическая его дѣятельность была поглощена изображеніями разводовъ и смотровъ. Ужъ конечно ему лафа̀ была съ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ (да и съ царствовавшимъ его братомъ), и въ заказахъ не было недостатка. Мастерская г. Ладюрнера была переполнена повтореніями гвардейскихъ солдатиковъ, во всѣхъ позахъ, въ полной и неполной амуниціи, и (кажется) моделями новыхъ предполагаемыхъ формъ. Человѣкъ онъ былъ не безъ таланта, но какой талантъ устоять и не притупится отъ монотонности такого неартистическаго занятія, а скорѣе механическаго ремесла?

---

[1]) Гакертовой же школы были старикъ Матвѣевъ, поселившійся и умершій въ Римѣ, также и первый мой учитель рисованія ландшафтовъ Тосканецъ Ингирами.

[2]) Ихъ было трое: два родныхъ брата, а третій двоюродный; уроженцы они изъ заштатнаго города Луха, Костром. губ. Юрьевецпольскаго уѣзда: Немного позднѣе времени настоящаго моего разсказа, они ѣздили съ артистическою же цѣлію на Востокъ, и кажется въ Египетъ, и одинъ изъ нихъ умеръ въ Іерусалимѣ. Придерживаясь прежнему своему методу рисовать карандашомъ съ натуры, а оканчивать колерами въ Петербургской мастерской, они дошли до того, что живопись ихъ можно назвать условною, а не типичною, и у нихъ одинаково (въ отношеніе теплоты странъ) выходили виды окрестностей Іордана и Петербургскаго Парголова. Отъ этаго (вѣроятно) ложнаго направленія они остались посредственными лишь художниками. Маленькіе акварельные ихъ рисунки, писанные съ натуры, были однакоже весьма хорошими произведеніями. По возвращеніи ихъ съ Востока, они поселились на два-три мѣсяца на родинѣ, въ г. Лухѣ, чтобы привести въ порядокъ свои эскизы, а такъ какъ городокъ этотъ отстоялъ всего въ 10 верстахъ отъ моего имѣнія с. Порзни (гдѣ я временно тогда находился), то я ихъ тамъ посѣщалъ.

Изъ портретистовъ не-академиковъ славились тогда г.г. Штейбенъ, Нефъ [1]), Французъ Куръ (покровительствуемый Французскимъ посланникомъ виконтомъ де-Барантомъ) и горбатая Англичанка, г-жа Робертсонъ; она же отбивала по два или три года всю почти практику у своихъ собратій. У Петербургской тогдашней знати вошло въ моду списывать свои портреты заморскою этою артисткою, которая брала за нихъ неслыханныя цѣны, по 4 или даже по 5 тысячъ р. с., если портретъ былъ въ натуральный ростъ; по 2 тысячи (помнится мнѣ) за поясной и по 700 (или около того) р. за головной, съ одними плечами. Главнымъ и непростительнымъ недостаткомъ у нея былъ неправильный до невозможности рисунокъ (то есть контуры), обличающій въ ней отсутствіе первоначальныхъ анатомическихъ свѣдѣній [2]); она отличалась только эфектомъ блестящей (дѣйствительно) своей палитры, но впрочемъ умѣла придавать живописныя позы своимъ моделямъ, которыя она любила писать, вмѣсто обыкновенной ихъ одежды, въ фантастическихъ, средневѣковыхъ костюмахъ. Накладывала же она на холстъ толстые слои красокъ буграми, не сливавшимися межъ собою, отъ чего работа ея, разсматриваемая вблизи, казалась уличною вывѣскою; но издали эфектъ былъ достигнутъ. К. П. Брюловъ, готовый всегда отдавать должную справедливость всякому таланту, стоя разъ предъ портретомъ В. П. Давыдова (нынѣ графа), въ рыцарскомъ черномъ костюмѣ, держащаго коня подъ устцы (работа этой артистки) сказалъ: «Должно быть, самъ Шекспиръ вдохновляетъ Англичанъ колоритомъ». (Я уже прежде дозволилъ себѣ замѣчаніе, что этотъ геніальный художникъ, былъ не прочь отъ извѣстной дозы пестроты въ колоритѣ, но зналъ, что дѣйствіе времени отрезвитъ эту кажущуюся пестроту). Модная Британская артистка написала, поочередно, всю царскую семью во весь ростъ и получила за то около ста тысячъ р. с. Изъ императрицы Александры Ѳедоровны, которая тогда конечно считала себѣ всѣ 40 лѣтъ сполна, льстивая кисть Британки сдѣлала двадцатилѣтнюю красавицу; но ей трудно было польстить великимъ княжнамъ (какъ я уже говорилъ): тутъ сама натура могла спорить съ

---

[1]) Кромѣ портретной части, г. Нефъ былъ великій художникъ по священнымъ предметамъ живописи. Мѣстныя иконы главнаго иконостаса Исакіевскаго собора имъ первоначально исполнены, и съ нихъ копированы въ настоящее время мозаикою.

[2]) Англійскій акварельный ландшафтистъ и Сибирскій путешественникъ, г. Аткинсонъ, при коемъ я много преуспѣлъ въ этомъ жанрѣ, въ бытность его въ Петербургѣ зимою съ 1846 на 1847 годъ, правильно весьма выражался по поводу этой его соотечественницы, что дурно писать (to paint) простительно, потому что не всѣмъ одинаково представляются колера, но что для артиста непростительно дурно рисовать, такъ какъ эта часть науки—вещь положительная и основана на точныхъ данныхъ, какъ ариѳметика. По его же словамъ артистка эта не пользовалась никакою извѣстностію въ Англіи.

идеаломъ искусства. Но по коловратности всего житейскаго, не прошло и шести лѣтъ, какъ всѣ эти знаменитыя произведенія перешли изъ дворцовыхъ залъ въ полутемные корридоры, и о г-жѣ Робертсонъ едва-ли кто нынѣ помнитъ.—О достоинствѣ портретиста, Француза Кура ничего не могу сказать, потому что не имѣлъ случая судить на дѣлѣ о его талантѣ; впрочемъ я, кажется, видѣлъ одинъ изъ его портретовъ, но должно быть, что онъ не особенно меня занялъ, такъ какъ я о немъ забылъ. Привилегированный модою, художественый ареопагъ (г-жа Робертсонъ и г.г. Куръ, Нефъ и Штейбенъ) затмилъ совершенно моего пріятеля, Флорентинца Берти, съ коимъ я познакомился въ домѣ В. А. Шатиловой и коему во всю эту зиму пришлось (кажется) написать портретъ одной Лидіи Николаевны Шатиловой. Человѣкъ онъ былъ уже пожилой и долго скитавшійся въ Англіи и въ Парижѣ, но нигдѣ ему не везло, хотя онъ былъ талантливымъ довольно живописцемъ [1]).

Исакіевскій соборъ былъ уже весь выведенъ снаружи, кромѣ купола [2]). Въ архитектурномъ отношеніи онъ мнѣ не нравится, какъ несоотвѣтствующій стилю храма Грекороссійскаго исповѣданія и какъ подражаніе Парижской церкви св. Женевьевы и Лондонской св. Павла (сравненіе мое основано, впрочемъ, на видѣнныхъ мною рисункахъ этихъ двухъ церквей, самъ же я не бывалъ ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ). Для зданія, стоющаго болѣе 30 милліоновъ р. (безъ внутренней, кажется, отдѣлки), надлежало, по мнѣнію моему, открыть Европейскій конкурсъ, а не поручать столь монументальную постройку одному г. Монферану, не выказавшему дотолѣ ни въ чемъ своей геніальности. Въ началѣ 40-хъ годовъ поручено было вызванному изъ Парижа ваятелю, г. Лемеру, исполненіе одного изъ четырехъ фронтоновъ, и онъ не замедлилъ окончаніемъ трехугольнаго фронта съ сѣверной стороны, изображающаго Воскресеніе Христово; работа, какъ всякому, даже незнатоку, очевидно, отличающаяся своею посредственностію. Въ ней особенно поражаетъ глаза вытянутая и непропорціонально длинная фигура Спасителя, какъ бы пробивающая треугольный конекъ карниза. Тогда только спохватились, что Французъ не мастеръ своего дѣла; но тѣмъ не менѣе пришлось заплатить ему (сколько помню) 100 т. р. с. Остальные три фронтона, почти что случайно, достались на долю Мо-

---

[1]) Мнѣ разсказывали, что у Австрійскаго посла, графа Фикельмона, была картина „Пилигрима“, написанная сказаннымъ художникомъ въ его молодости, и что, взглянувъ на нее тогда (т. е. въ 1840 году), онъ прослезился и сказалъ, „Я теперь уже не могу такъ писать“. Продолжительное бѣдствіе отбило у него половину прежнихъ способностей.

[2]) Не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что Исакіевскій куполъ желѣзный, а не каменный: постройкою изъ послѣдняго матеріала опасались повидимому придать лишнюю тяжесть зданію, сооруженному на болотистой мѣстности.

сковскому нашему даровитому Ивану Петровичу Витали *). Въ одинъ изъ пріѣздовъ двора въ Москву, г. Монферанъ, ему сопутствовавшій, прогуливаясь по городу, былъ пораженъ граціозною отдѣлкою фонтановъ, устроенныхъ при князѣ Д. В. Голицынѣ, между 1834 и 1836 годами, на Лубянской и Театральной площадяхъ и, узнавъ имя ихъ строителя, отправился прямо въ мастерскую Витали, гдѣ, убѣдившись въ его превосходствѣ надъ Французомъ Лемеромъ, вызвалъ доморощеннаго нашего ваятеля въ Петербургъ и поручилъ ему исполненіе остальныхъ трехъ фронтоновъ Исакіевскаго собора, устроивъ для него помѣщеніе съ мастерской въ самой оградѣ строящагося тогда храма. На сколько И. П. Витали оправдалъ, и съ излишкомъ, оказанную ему довѣренность, мы видимъ изъ его трехъ фронтоновъ, могущихъ, на сколько кажется мнѣ, состязаться съ лучшими произведеніями древняго и новѣйшаго ваянія въ Европѣ. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ южный фронтонъ (обращенный къ Лейхтенбергскому дворцу), изображающій поклоненіе волхвовъ, хотя ему не во многомъ уступаетъ и западный (что насупротивъ Почтамской улицы), представляющій св. Исаака Далматскаго, благословляющаго Византійскаго императора (Θеодосія) и его супругу. Въ чертахъ этой царской четы узнать можно, какъ я слышалъ, императора Николая Павловича и императрицу Александру Θедоровну; впрочемъ послѣднее это обстоятельство подтверждать не могу, потому что всѣхъ подробностей того барельефа хорошо не помню.

О Казанскомъ соборѣ я прошелъ бы молчаніемъ, если бы, какъ лѣтописецъ художествъ, не считалъ нужнымъ напомнить для новаго поколѣнія, что постройка этой, такъ сказать, пародіи Римскаго храма св. Петра, относится къ началу царствованія Александра 1-го и исполнена была архитекторомъ Воронихинымъ, бывшимъ прежде крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строгонова. Разсказываютъ, что когда императоръ попросилъ однажды славившагося тогда въ Петербургѣ архитектора Гуаренги (строителя Государственнаго Банка, что на Садовой улицѣ, продолженія Эрмитажа и новой Царскосельской галлереи со спускомъ въ садъ) обозрѣть ходъ роботъ того собора, Итальянскій зодчій будто бы отвѣчалъ: «Il n'y a rien à faire là, Sire, excepté abattre le tout de fond en comble». (Тутъ нечего дѣлать, Государь, кромѣ того, что слѣдуетъ все сломать до основанія). Одно изъ архитектурныхъ уродствъ (по моему) состоитъ въ томъ, что колоннада, составляющая въѣздный полукругъ, примкнута къ боку церкви, а не передъ главнымъ входомъ,

*) У И. П. Витали иностраннаго было только его фамилія: онъ родился и неотлучно до зрѣлаго возраста жилъ въ Москвѣ и былъ православнаго исповѣданія.

потому что алтарь долженъ быть обращенъ къ Востоку, а парадный входъ обращенъ къ Сѣверу.

Храмъ Смольнаго монастыря (онъ же и соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній), выстроенный въ чернѣ архитекторомъ Елисаветинскаго времени Растрелли, оставался недоконченнымъ до царствованія Николая Павловича и лишь въ концѣ 30-хъ годовъ достроенъ стараніемъ графа Канкрина, тогда бывшаго министра финансовъ. Почему графъ Канкринъ, а не кто иной, принялъ на себя эту заботу, не знаю; но онъ заслуживаетъ признательности современниковъ сколько за благую мысль, столь же и за строгое неуклоненіе отъ стиля первоначальной постройки. Хрустальная рѣшетка предъ всѣми тремя иконостасами вещь оригинальная и весьма эфектная; но замѣчательнѣе пуще всего то̀, что постройку, какъ этого храма, такъ и чугунныхъ тріумфальныхъ воротъ, что̀ за Царскосельской заставой (въ память Польской войны 1831 года) графъ Канкринъ сумѣлъ сдѣлать изъ экономическаго остатка (какъ мнѣ разсказывали) годовыхъ бюджетовъ ввѣреннаго ему министерства. То были блаженныя времена, когда, не взирая на издержки трехъ послѣдовавшихъ одна за другою кампаній (Турецкая, Персидская и Польская), въ государственномъ бюджетѣ оказывался избытокъ, коимъ можно было украшать столицу. Но государственные люди, подобные графу Канкрину, родятся вѣками [1]).

Затѣмъ перехожу къ театральному отдѣлу. Итальянской оперы тогда въ Петербургѣ не было, а были только Русская и Нѣмецкая. На Русской сценѣ энтузіазмъ, возбужденный оперою «Жизнь за Царя», еще не остывалъ, и я не замедлилъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послушать ее. Исполнителями были тѣ самые артисты, для коихъ Глинка написалъ свою оперу: примадонна Степанова, съ рѣзко крикливымъ тембромъ, хотя съ изрядно выработаннымъ голосомъ; теноръ Леоновъ [2]) съ пріятнымъ, но не весьма сильнымъ органомъ, и пѣвавшій съ экспрессіею и съ хорошимъ вообще методомъ; басъ Петровъ и жена его контральто; оба они вполнѣ заслуживали названіе талантливыхъ артистовъ съ превосходными голосами [3]), владѣли правильною

---

[1]) Я слыхалъ, что во время Турецкой, двухлѣтней войны, нашъ курсъ не упадалъ ни на одну копейку.

[2]) Говорятъ, что онъ былъ незаконный сынъ знаменитаго фортепіаниста Фильда, и настоящая его фамилія была Шарпантье, каковую онъ промѣнялъ на Леонова, когда поступилъ на сцену.

[3]) Петровы, мужъ и жена, и Степанова были учениками старика г. Кавоса, бывшаго долго учителемъ пѣнія при театральной школѣ и хорошо знавшаго свое дѣло. Онъ умеръ въ началѣ 1840 года.

дикціею [1]). Русскіе наши меломаны закидали бы, пожалуй, меня камнями, услыхавъ мое мнѣніе о пресловутой этой оперѣ, что за исключеніемъ тріо: «Не тужи напрасно» и пѣсни Вани: «Ой мать убили», почти все остальное дремитъ монотонностію, скукою и длится черезъ чуръ долго. Я и товарищъ мой П. А. Кавецкій до того утомились этимъ пяти часовомъ спектаклемъ, что задремали. Ужъ какъ себѣ хотятъ г.г. ратующіе за Русскую музыку, а изъ однихъ національныхъ мотивовъ невозможно составить цѣлую оперу. Въ подтвержденіе такого мнѣнія скажу, что не дремалъ же я, спустя три года, во весь спектакль второй Глинкиной оперы «Русланъ и Людмила», которую композиторъ наполнилъ не одними Русскими напѣвами, но сумѣлъ варьировать ее оригинальными мелодіями, и въ интродукціи коей имѣется одинъ настоящій «pezzo concertato» [2]): «Не сердись, добрый гость», и тамъ же есть оживленнаго стиля арія для контральта: «Чудный сонъ моей любви» (превосходно исполненная г-жею Петровою), о каковыхъ и помину нѣтъ въ оперѣ «Жизнь за Царя».

Теноръ Леоновъ былъ пѣвецъ чисто-Русскихъ оперъ, въ томъ числѣ «Аскольдовой могилы» (Верстовскаго), но для Италіянскихъ, переведенныхъ на Русскіе либретто нѣкіимъ г. Элькаиомъ, ангажированы были теноръ, Флорентинецъ Конти (одновременно торговавшій выписными изъ Италіи старинными картинами) и престарѣлый и почти что безголосный басъ Този́. Этотъ Конти обладалъ порядочнымъ голосомъ и имѣлъ сценическій навыкъ, и если не всегда вызывалъ аплодисменты, то за то ролей своихъ не портилъ. Я случайно однажды попалъ на репетицію оперы «Теобальдо и Изолина», соч. давно забытаго въ Италіи композитора Морлакки, и какъ меня туда ввелъ пѣвецъ Сетти, знакомый съ Конти, то меня приняли (кажется) за Итальянскаго артиста. Переводчикъ Италіянскихъ либреттовъ на Русскія вирши, полу-поэтъ Элькаиъ былъ изъ загадочныхъ личностей и происхожденія, и его можно было назвать Петербургскимъ Медзофанти, по его полиглотическимъ способностямъ: онъ говорилъ на всѣхъ Европейскихъ идіомахъ и, хотя о степени его познаній я судить не могу, но насчетъ Итальянскаго скажу, что онъ свободно и правильно владѣлъ этимъ языкомъ, и даже былъ не съ дурнымъ акцентомъ. Въ обществѣ онъ пользовался, насколько помнится мнѣ, сомнительною репутаціею правительственнаго шпіона, но заслуживалъ ли онъ тако-

---

[1]) Дикціею я называю не вокализацію, а понятное произношеніе словъ при пѣніи.

[2]) По-французски „morceau d'ensemble“, то есть квинтетъ, секстетъ и такъ далѣе, когда нѣсколько солистовыхъ голосовъ поютъ вмѣстѣ и поддерживаются хоромъ.

вую, рѣшительно не знаю *). На упомянутой выше репетиціи пѣвцовъ акомпанировалъ на фортепіано молодой Кавосъ, наслѣдовавшій послѣ отца мѣсто учителя пѣнія въ театральной школѣ и братъ небезталантливаго архитектора той фамиліи, построившаго Александринскій театръ.

Говорили, что составъ труппы Нѣмецкой оперы былъ весьма удовлетворительнымъ; но я, какъ свѣже-пріѣзжій изъ Италіи, не сочувствовалъ Нѣмецкимъ либреттамъ Итальянскихъ оперъ и вообще Нѣмецкимъ пѣвцамъ, и потому не полюбопытствовалъ послушать этихъ артистовъ; впослѣдствіи я сожалѣлъ объ этомъ, ибо всякая исключительность въ искусствѣ есть вещь несправедливая, тѣмъ болѣе, что, по отзывамъ знатоковъ, теноръ Брейтингъ и баритонъ Ферзингъ были далеко недюжинными артистами. О тамошней примадоннѣ ничего не помню.

Восхищала тогда сѣверную нашу столицу Европейская знаменитость, Тальони, считавшая неподражаемой. Я видѣлъ ее въ двухъ балетахъ, въ «Тѣни» и въ «Сильфидѣ»; но она не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Правда, что я не знатокъ и не особенный любитель хореграфическаго искусства, и когда бываю въ балетахъ, то меня болѣе всего занимаютъ декораціи, и мнѣ всегда хочется, чтобы всѣ эти *па-де-дё, па-де-труа* скорѣе кончились, и декораціи смѣнялись новыми. Чтобы дойти до граціозности, танцовщицѣ этой приходилось постоянно бороться съ своимъ неуклюжимъ, высокимъ и костлявымъ отъ худобы станомъ, съ своими непропорціонально длинными руками и огромными ногами, кажущимися еще большими отъ сухости берцевъ. Были, конечно, и минуты, когда искусство преодолѣвало всѣ эти препятствія, но въ общей сложности знаменитая танцовщица далеко не производила ощущеннаго мною въ недавнемъ времени удовольствія, когда я видѣлъ нашу Московскую Лебедеву въ балетѣ «Дочь Фараона», и хотя я не склоненъ восторгаться этими божествами, но артистка эта показалась мнѣ идеаломъ хореографическаго искусства.

Въ упомянутомъ балетѣ «Сильфида» есть моментъ съ претензіею на волшебный эффектъ, именно тотъ, когда Сильфида порхаетъ по поверхности озера и перепрыгиваетъ съ одного цвѣтка на другой. Порханіе по водѣ было сносно, хотя не особенно эффектно; за то

*) Въ карикатурномъ листкѣ „Ералашъ“, издававшемся между 1845 и 1848 годами талантливымъ г. Неваховичемъ, Элькавъ былъ изображенъ торгующимъ или покупающимъ копченые языки, съ надписью: „Господинъ знатокъ въ языкахъ, и особенно въ **Еврейскомъ**“.

въ прыганіи феи съ одного стебля розы на другой, не токмо что не было никакой иллюзіи, но дѣло выходило комическимъ отъ аляповатаго изображенія царицы цвѣтовъ, величиною съ добрый кочанъ капусты и соотвѣтственной тому намалевки.

Къ Русскому театру я былъ равнодушенъ, хотя то была самая блестящая его пора, и имена обоихъ Каратыгиныхъ, двухъ Григорьевыхъ, Сосницкаго, Мартынова, Максимова, Самойлова, сына знаменитаго пѣвца [1]), и обѣихъ его сестеръ останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Русской сцены. Въ Александринскомъ театрѣ бывалъ я всего раза два; одинъ разъ по поводу часто дававшейся драмы «Параша Сибирячка», въ коей играли съ большимъ успѣхомъ Сосницкій и вдова Дюръ. Имя Сосницкаго не нуждается въ похвалѣ; но роль была, сколько помнится мнѣ, не по немъ по своей безцвѣтности. Дюръ, хотя считалась изъ первыхъ артистокъ, мнѣ вовсе не понравилась. Упомянутая пьеса вся патетична и скорѣе принадлежитъ къ репертуару слезливыхъ драмъ старой школы. Сюжетъ ея, при всей своей національности, заимствованъ изъ Французскаго романа г-жи Котенъ (m-me Cotin) «Les exilés de Sibérie» [2]). Меня довольно удивило увлеченіе публики этою піесою [3]). Была также тогда въ ходу маленькая піеска, въ родѣ водевиля, какого-то военнаго сюжета (чуть-ли не Отечественной войны 12 года), замѣчательная лишь по имени ея автора, безрукаго генерала Скобелева.

Къ стыду моему я былъ болѣе ревностнымъ посѣтителемъ Михайловскаго театра, тогда сборнаго мѣста для всего бо-монда, гдѣ Французская труппа ничего не оставляла пожелать. Г-жа Алланъ была первоклассною актрисою; вредила ей только безобразная и не по лѣтамъ ея тучность. Въ амплуа молодыхъ дѣвушекъ (ingénues et amoureuses) очень хороша была Луиза Мейеръ. Бывшая же Московскою

---

[1]) Самойловъ отецъ утонулъ въ 30-хъ годахъ, возвращаясь изъ Петергофа въ Петербургъ, на пароходѣ во время бури.

[2]) Это не первый примѣръ (къ сожалѣнію), что неизвѣстное у насъ, свое доморощенное произведеніе, получаетъ извѣстность за границей и переходитъ оттуда съ правомъ гражданства на нашу почву. Подобный случай былъ, въ 50-хъ годахъ, въ области садоводства. Получено было, кажется, изъ Франціи, въ числѣ новостей, видное весьма растеніе, подъ именемъ „Dielytra Spectabilis“, за которое охотники наши горячо принялись; но какъ о культурѣ его ничего не было извѣстно, то иные содержали его въ оранжереѣ, а другіе въ тепломъ парникѣ; на повѣрку же оказалось, что растеніе это воздушное и многолѣтнее, не требующее никакой покрышки зимою, и, какъ меня впослѣдствіи увѣряли, изъ Сибирскихъ дикорастущихъ. Кѣмъ и когда оно вывезено было во Францію, мнѣ неизвѣстно.

[3]) Я недавно только узналъ, что драма эта Полевого, писателя мною уважаемаго. Это меня удивило, потому что піеса показалась мнѣ весьма посредственною.

фавориткою въ тѣхъ же роляхъ, мамзель Анна, окончательно затмѣнена была артистическими своими подругами и прозябала въ второстепенныхъ роляхъ. Молодой драматическій актеръ Брессанъ, дебютировавшій въ Петербургѣ, началъ у насъ формироваться и въ теченіи шести-семи лѣтъ усовершенствовался до того, что прямо поступилъ съ Михайловской сцены на одну изъ первоклассныхъ Парижскихъ, и имя его не замедлило прогремѣть въ тамошнихъ театральныхъ фельетонахъ. Петербургскіе старожилы еще помнятъ, чаю, какъ Брессанъ былъ хорошъ въ «Le chevalier de S-t George» и «Savandy, ou le fou par amour». Въ солидныхъ роляхъ отличался Алланъ; въ смѣси серіозныхъ и полукомическихъ Дюфуръ (превосходившій прочихъ могущественнымъ, но внятнымъ своимъ органомъ); изъ чисто-комиковъ хорошъ былъ Руже, также и Вернетъ, издавна фаворитъ публики, но впадавшій въ утрированное гаерство.

Къ числу происшествій, хотя маловажныхъ, обычной Петербургской жизни принадлежало и то, что, въ одинъ прекрасный день, жители лишились наслажденія завернуть въ кондитерскую, чтобы прохладиться мороженымъ. Градская дума обложила кондитерскія заведенія добавочнымъ платежемъ для полученія права, чтобы ихъ издѣлья были бы съѣдаемы и выпиваемы потребителями на мѣстѣ; въ число это входили мороженое, шоколадъ, оршадъ, лимонадъ, ликеры и проч. или, чтобы кондитеры торговали только на выносъ. Вамъ не отказывали подать порцію кремъ-брюлѐ, но предупреждали васъ, чтобы вы вышли на тротуаръ Невскаго проспекта, чтобы съѣсть это мороженое, или уносили бы съ собою. Только на этихъ условіяхъ вамъ отпускали все прочее, какъ шоколадъ, пирожки и проч. И вотъ почему, вѣроятно, первостатейные кондитеры, какъ Доминикъ и Излеръ, поспѣшили переименовать кондитерскіе свои магазины въ кафе-ресторанъ съ буфетомъ и начали платить повинности наравнѣ съ трактирными заведеніями.

Въ Маѣ я возвратился въ Москву, проживъ на берегахъ Невы цѣлыхъ пять мѣсяцевъ безъ всякой рѣшительно пользы по запутаннымъ моимъ дѣламъ. Самъ нуждаясь иногда въ рублѣ, не могъ я много пересылать бѣдной моей женѣ во Флоренцію (но все-таки помогалъ ей по возможности) и жилъ въ ожиданіи будущихъ благъ отъ изворотливости Леона, къ коему я продолжалъ питать довѣріе, хотя въ меньшей противъ прежняго мѣрѣ. Положеніе мое было скорбное, потому что не видалъ я никакого изъ него выхода. Еслибы я и уничтожилъ тогда мою довѣренность этому человѣку, то дѣла мои не выиграли бы ничего, а я между тѣмъ остался бы лицомъ къ лицу не-

редъ долгами болѣе милліона, съ коими не справиться мнѣ во вѣки вѣковъ, и имѣніе мое не устояло бы болѣе года, между тѣмъ какъ Леонъ все-таки кое-какъ да ладилъ со своими (они же въ сущности были и моими) кредиторами. Бо́льшаго же вреда, чѣмъ тотъ, что̀ уже былъ, Леонъ не могъ причинить мнѣ, и фактическая моя несостоятельность въ полтора милліона не увеличилась бы (т. е. не была бы опаснѣе), если бы Леонъ надѣлалъ еще полтора милліона новаго долга: значитъ, я ничѣмъ не рисковалъ чрезъ продленіе моей ему довѣренности на прежнихъ основаніяхъ, а между тѣмъ я все-таки питалъ надежду (хотя слабую), что авось молъ онъ вывернется какъ-нибудь. Конечно, былъ еще исходъ; но у меня не хватило на то духа. Вѣдь лишился же я, по силѣ обстоятельствъ, своего имѣнія восемь лѣтъ спустя; такъ не лучше ли было бы въ томъ 1840 году, перекрестясь, добровольно покориться судьбѣ, предоставивъ безъ всякихъ судебныхъ затяжекъ все мое имѣніе кредиторамъ, и затѣмъ, предавшись волѣ Божіей, обречь себя всецѣло на серіозный трудъ и тѣмъ открыть себѣ новое служебное поприще, могущее доставить приличное содержаніе мнѣ и моему семейству? А это, при тогдашнихъ свѣтскихъ моихъ связяхъ, было весьма возможно. Но вмѣсто того я предпочелъ усыплять себя иллюзіями Леоновскихъ воздушныхъ замковъ и торчать безокладнымъ чиновникомъ въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора. Приняться за дѣло восемь лѣтъ ранѣе, въ той порѣ жизни, въ которой я тогда былъ, много значило; ибо много еще дѣятельности предстояло тридцатитрехъ-лѣтнему человѣку, физически и морально здоровому. Но для этого нужна была сила характера и воли, а ея то мнѣ и не доставало. Вотъ что слѣдовало мнѣ дѣлать, а не убаюкиваться и распѣвать Донидцетіевы аріи на Московскихъ и Петербургскихъ концертахъ и убивать дорогое время до тѣхъ поръ, какъ стукнуло мнѣ 45 лѣтъ, и я по необходимости бросился въ настоящую службу (въ Рязани въ 1852 г.), чтобы чѣмъ нибудь себя обезпечить. Хватился я поздно, и время для успѣховъ по службѣ ушло. Близокъ локоть, да не укусишь!

Изъ Петербурга въ Москву я проѣхался въ одной изъ вновь устроенныхъ почтовыхъ каретъ, весьма покойныхъ. За внутреннее мѣсто (коихъ было всего два) платилось 13 или 14 р. с.; а за наружное, рядомъ съ кондукторомъ, но съ верхомъ, платилось, кажется, 11 рублей. Проѣздъ совершался въ 60 часовъ ровно: быстрота большая по тогдашнему времени, когда дилижансы шли не менѣе какъ трое сутокъ съ половиною. Вмѣстѣ съ каретою, и подъ наблюденіемъ того же кондуктора, былъ фургонъ съ кореспонденціею и, сколько помнится мнѣ,

также съ наружнымъ мѣстомъ для одного пассажира, также за 10 или 11 р. Костюмъ кондуктора былъ весьма нарядень: вся грудь въ мундирномъ сюртукѣ была въ галунахъ, какъ у заграничныхъ егерей-лакеевъ (chasseurs), и рожокъ на шнуркѣ черезъ плечо, на которомъ онъ игралъ подъѣзжая къ станціи, тотъ самый, немудрый Нѣмецкій вальсъ, что̀ игрывали почтари по всей Германіи, какъ сигналъ, чтобы лошадей скорѣе выводили передъ станціоннымъ домомъ.

Въ Москвѣ меня встрѣтилъ Леонъ съ настояніемъ, что необходимо, для вящшаго-де эфекта и поддержки кредита, занять мнѣ квартиру, кидающуюся всѣмъ въ глаза и, вслѣдствіе того, онъ отдалъ въ мое распоряженіе весь третій этажъ дома, что̀ на углу Воздвиженки и Кисловскаго переулка, насупротивъ церкви св. Бориса и Глѣба *). Квартира эта была, нечего говорить, слишкомъ даже просторна, но безъ всякой почти мебели, и потому не могла содѣйствовать эфекту житейской моей обстановки. Домъ принадлежалъ полужуиру, нѣкоему г. Каратееву, проматывавшему остатки женинаго состоянія и поступившему тогда въ число подобныхъ ему личностей, т. е. въ штатъ Леоновскихъ искателей не трудового насущнаго хлѣба, а нечаянныхъ, случайныхъ благъ; но блага эти не сыпались на г. Каратеева, и онъ той же осенью пустился на поприще провинціальнаго актерства, въ Кіевъ, куда завербовалъ жену и свояченицу, два миловидныя и кроткія молодыя существа. Одна изъ нихъ была, повидимому, не безъ драматическаго таланта (но которая именно изъ двухъ, не помню) и произвела, какъ впослѣдствіи слышно было, нѣчто въ родѣ фурора на Кіевской сценѣ. Эта г-жа Каратеева была воспитанницею или незаконною дочерью М. Н. Загоскина, тогда бывшаго директора Московскихъ театровъ, въ конторѣ коихъ служилъ ея безпечный мужъ. Въ числѣ кредиторовъ Леоновыхъ была одна близкая родственница этой молодой женщины, на сумму весьма значительную для небогатой особы, какою она была, и такъ какъ все это семейство пользовалось особеннымъ покровительствомъ Загоскина, то онъ настоялъ въ Московской Управѣ Благочинія, чтобы Леонъ былъ арестованъ, и не хотѣлъ выдти изъ присутствія, пока должника не спустили въ долговую яму, что̀ у Иверскихъ воротъ. Но арестъ этотъ продлился, помнится мнѣ, менѣе одной недѣли, такъ какъ Леонъ учинилъ какую-то временную сдѣлку съ своею кредиторшею. Въ числѣ многосторонних его изворотовъ было и то, что онъ умѣлъ внушать нѣкоторымъ изъ болѣе крикливыхъ своихъ кредиторовъ, что задержаніе его личности приноситъ существенный вредъ ихъ собственнымъ интересамъ, прекращая его дѣятельность.

*) Нынѣ домъ извѣстнаго медика Осиповскаго.

Леонъ, однажды, при мнѣ сторговалъ было этотъ домъ у г. Каратеева, не помню за какую цѣну; но какъ денегъ наличныхъ у него конечно не было, то условлено было (не письменно, а на словахъ, какъ онъ часто дѣлывалъ) платить по срокамъ, а какъ и для задаточнаго взноса за первый срокъ также не оказалось ни копейки, то Леонъ, тутъ же, при насъ всѣхъ, вручилъ продавцу пятирублевую, не на серебро, а на ассигнаціи, кредитную бумажку, въ видѣ задатка на первоначальный взносъ, и къ забавѣ всѣхъ присутствовавшихъ при курьозномъ этомъ торгѣ почти что увѣренъ былъ, что онъ въ дѣйствительности купилъ этотъ домъ *).

Я говорилъ, что г. Каратеевъ былъ нѣчто въ родѣ чиновника по особымъ порученіямъ при Леонѣ; но были и другіе изъ ввѣрившихъ и потерявшихъ небольшіе свои капиталы въ Бородинской операціи, въ томъ числѣ мелкопомѣстный Тамбовскій дворянинъ Вышеславцевъ. Онъ самъ, или братъ его, ярый театралъ, послужилъ типомъ въ ролѣ Пустославцева, въ піесѣ «Левъ Гуричъ Синичкинъ», тогда въ большомъ ходу, въ коей блисталъ Живокини.

Въ Москвѣ не было у меня никого почти изъ знакомыхъ; всѣ были въ деревнѣ или на дачахъ. Варвара Ивановна Ланская, проѣзжая чрезъ Москву въ свое прекрасное имѣніе, с. Варьино, на р. Клязьмѣ, взяла съ меня слово посѣщать ее тамъ; но какъ ни пріятно было мнѣ находиться въ кругу этого семейства, столь ко мнѣ всегда дружественнаго, однако болѣе двухъ разъ я не могъ быть въ Варьинѣ, такъ какъ оно отстояло слишкомъ въ 30 верстахъ отъ Москвы. Въ эти и позднѣйшія мои посѣщенія Варьина назначалась для меня комната, во второмъ этажѣ, бывшая (какъ предполагаю) когда-то кабинетомъ Сергѣя Степановича, потому что стѣны тамъ были обвѣшаны гравюрами и разными эмблемами, относящимися къ Обществу Вольныхъ Каменьщиковъ, иначе масонству, во время моднаго разгара коего, въ первомъ двадцатилѣтіи настоящаго вѣка, Сергѣй Степановичъ былъ мастеромъ одной изъ Петербургскихъ ложъ. Въ этихъ мистическихъ изображеніяхъ усматривался крестъ, обставленный вещественными принадлежностями этого тайнаго общества и какіе-то аллегорическіе символы, межъ коими традиціонный молотъ и фартукъ играли конечно,

*) Этотъ домъ былъ взаправду купленъ той же осенью молодымъ гусарскимъ офицеромъ К . . . . ымъ, тѣмъ самымъ (какъ я слышалъ), который, состоя нынѣ въ чинѣ полковника, пріобрѣлъ всеобщую извѣстность рѣшеніемъ Московскаго Окружнаго Суда въ недавнее время (осенью 1868 г.), лишающее его всѣхъ правъ состоянія за мошенничество, при сбытѣ завѣдомо негодной лошади. Рѣшеніе это возбудило удивленіе и ропотъ въ нашей публикѣ, вообразившей себѣ, что ничего предосудительнаго нѣтъ въ барышничествѣ и надуваніи испорченною лошадью.

видную роль, и все это сопровождалось цитатами изъ Священнаго Писанія, меланхолическими размышленіями и нравоучительными изреченіями. Не утерплю, чтобы не сказать здѣсь, что бывшее увлеченіе тогдашняго высшаго общества масонствомъ для меня остается загадкою. Хотя моральное человѣческое преуспѣяніе и филантропія не сходили съ устъ братьевъ, но въ сущности это было, мнѣ кажется, одно лишь пустозвучіе. Не знаю, можетъ быть, филантропія этихъ господъ отчасти высказывалась на дѣлѣ денежными сборами, во время ихъ засѣданій, въ пользу нуждающихся; но такъ какъ они не основали ни одного заведенія для страждущаго человѣчества, ничего по этому не осталось отъ ихъ дѣятельности, да и практической, положительной цѣли въ обществѣ не видно, а члены его довольствовались одними гуманными утопіями, то я сильно подозрѣваю, что тутъ былъ одинъ идеальный, отвлеченный филантропизмъ, нѣчто въ родѣ отвлеченнаго либерализма Екатерины II-й [1], не помѣшавшаго ей прикрѣпить къ землѣ вольныхъ дотолѣ Малороссіянъ и сослать Радищева, какъ уголовнаго преступника, за его смѣлое сужденіе о тогдашнемъ политическомъ строѣ [2]).

Мнѣ особенно отрадны воспоминанія о Варьинѣ. Граціознѣйшая Марія Сергѣевна была неустрашимою наѣздницею, и почти каждый день я сопровождалъ ее верхомъ. Однажды, она сильно меня напугала, когда, возвратясь съ прогулки, она сошла съ коня, и я увидѣлъ, что одного изъ рожковъ дамскаго сѣдла вовсе не было, и потому она все время сидѣла на балансѣ, тогда какъ во время этихъ кавалькадъ мы проѣзжали иногда до 20 верстъ. А на мое замѣчаніе объ опасности, которой она подвергала себя, она отвѣчала съ улыбкою, что скрыла отъ меня это обстоятельство, изъ опасенія, чтобы я не заставилъ ее вернуться преждевременно домой. Я уже упоминалъ о взаимной привязанности между ею и другомъ моимъ Павломъ Александровичемъ Вревскимъ, и что онъ просилъ меня, въ письмахъ, побывать въ Варьинѣ и сообщать ему все возможное объ этой милой дѣвушкѣ. Въ этихъ нашихъ кавалькадахъ, длившихся по три и болѣе часовъ, хотя, въ разговорѣ о событіяхъ истекшаго Петербургскаго зимняго сезона, приходилось иногда поневолѣ упоминать о Павлѣ Александровичѣ, я не считалъ однакоже себя въ правѣ высказывать какой либо намекъ, что я давно посвященъ въ сердечную тайну моего друга и

[1]) Слыхалъ я (но въ печати нигдѣ не встрѣчалъ), что будто у Екатерины было поговоркою: „Tout pour le peuple et rien par le peuple“ (Все для народа, но ничего чрезъ народъ). Желательно бы знать, что она сдѣлала собственно для народа, то есть для низшихъ классовъ? Удивительно, какой успѣхъ имѣло фразёрство въ прошломъ вѣкѣ.

[2]) Сужденіе вполнѣ невѣрное. П. Б.

что присутствіе мое въ Варьинѣ имѣетъ двоякую цѣль. Но женщину, и особенно влюбленную женщину, не нашему брату - простячку провести, и мнѣ ясно подчасъ становилось, что прекрасные большіе голубые глаза моей амазонки, устремленные на меня, вызывали меня на откровенность и упрекали какъ бы меня за упорное мое молчаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ я въ нихъ же читалъ признательность за горячее, хотя не выказывающееся на яву, участіе мною принимаемое въ этомъ романѣ, обставленномъ тогда препятствіями. Но не мнѣ было брать инціативу въ посредничествѣ, потому что, во первыхъ, я считалъ дѣло это нечестнымъ и какъ бы измѣною за ласки и довѣрчивость Варвары Ивановны, дозволявшей своей дочери оставаться вдвоемъ со мною ежедневно и на столь продолжительное время; да и кромѣ того я опасался вспугнуть дѣвичью стыдливость самой Маріи Сергѣевны, махнувъ ей сразу, что тайна ея давно мнѣ извѣстна. И такъ я лавировалъ до поры, когда Варвара Ивановна, почти что нехотя, благословила свою дочь на этотъ бракъ, четыре года спустя.

Въ натурѣ незабвенной Варвары Ивановны преобладали три сильныя, разносвойственныя страсти: чадолюбіе, живопись и садоводство. О первой изъ нихъ свидѣтельствовало то̀, что она сама, безъ пособія гувернантокъ, совершила воспитаніе трехъ своихъ дочерей, какъ я уже о томъ, кажется, говорилъ. Объ артистическомъ ея настроеніи остаются по сю пору живые памятники на стѣнахъ большой зала, въ Варьинѣ, увѣшанной огромнаго размѣра копіями масляными красками, акварелью, тушью и, кажется, пастелію (сухими красками) Рафаэлевскихъ мадоннъ и другихъ извѣстныхъ древняго художества картинъ. По части садоводства помню между прочимъ въ Варьинѣ нѣчто въ родѣ маленькаго поля, усыпаннаго великолѣпными розами. Тамъ же, въ саду, была вещь, которую я нигдѣ ни прежде ни послѣ не видалъ: это былъ воздушный театръ, составленный весь изъ растительныхъ элементовъ. Возвышенность сцены была изъ наноснаго дерна, утрамбованная съ покатомъ, какъ слѣдуетъ, внизъ и покрытая ковровымъ газономъ, а боковыя кулисы и задній фонъ изъ стриженныхъ акацій, и вся сцена суживалась, постепенно уходя къ фону, образуемому изъ гладко-стриженныхъ шпалеръ и составлявшему какъ бы зеленую стѣну изъ тѣхъ же растеній. Театръ этотъ былъ устроенъ во время малолѣтства дѣтей Ланскихъ. Въ Варьинѣ бывалъ при мнѣ молодой профессоръ Московскаго Университета г. Армфельдъ (сынъ славившейся тогда въ Москвѣ акушерки), весьма пріятный человѣкъ и рано, къ сожалѣнію, умершій. Онъ былъ назначенъ около того времени инспекторомъ Московскаго Воспитательнаго Дома.

Въ Москвѣ я скучалъ и нуждался въ деньгахъ на самые мелкіе расходы, до такой степени, что заставлялъ, поневолѣ, славившагося мастера сапожныхъ издѣлій Бѣлова приходить по нѣскольку разъ напрасно за уплатой заказанной у него пары сапогъ, такъ что онъ, наконецъ, язвительно сталъ насмѣхаться надъ положеніемъ безденежнаго сіятельства, какъ онъ назвалъ меня. Бился я просто какъ рыба объ ледъ, а когда я приставалъ къ Леону за деньгами, у него былъ все одинъ отвѣтъ: «потерпите-молъ, скоро будутъ»; но никакой кладъ, подъ личиною аферы, не давался ему въ руки, и мнѣ приходилось забирать у него по два или по три цѣлковыхъ [1]).

Въ одно Воскресенье я отправился, отъ нечего дѣлать, во вновь выстроенный сенаторомъ Башиловымъ воксалъ въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ по Воскресеніямъ были танцовальные вечера, неохотно впрочемъ посѣщавшіеся публикою. Тамъ подошла ко мнѣ Екатерина Николаевна Давыдова (рожденная Ермолова), жена Евдокима Васильевича [2]) и любезно стала меня увѣрять, что я изъ давнишнихъ ея знакомыхъ, хотя я припомнить никакъ не могъ, гдѣ и когда я могъ повстрѣчаться съ нею. Привѣтливому ея почину я обязанъ знакомствомъ съ этою милою женщиною и съ ея мужемъ, достойно поддерживавшимъ братскую славу остроумія. Вотъ одинъ о немъ анекдотъ. Однажды, разстроенный немного тѣмъ, что жена его куда-то ускакала, не увѣдомивъ его, тогда какъ самому ему нужно было также ѣхать, онъ сказалъ находившемуся тутъ князю Константину Александровичу Черкаскому: «Скажу вамъ, любезнѣйшій мой, что я пришелъ къ убѣжденію, что человѣку невозможно обзавестись одновременно каретою и женою; если желаешь имѣть при себѣ дома жену, такъ не покупай кареты; а если уже не можешь обойтись безъ кареты, такъ не женись. И такъ выбирай одно изъ двухъ». Три или четыре года спустя Евдокимъ Васильевичъ Давыдовъ умеръ отъ рака на языкѣ.

Меня очень порадовала нечаянная встрѣча въ Москвѣ съ Михайломъ Михайловичемъ Магницкимъ, съ коимъ я не видался съ Вар-

---

[1]) Обстоятельство это можетъ казаться инымъ довольно страннымъ, потому что стоило мнѣ только послать требованіе въ Порзневское мое вотчинное правленіе, и мнѣ бы выслали изъ оброчнаго сбора, хоть бы за треть года; но я хотѣлъ честно съ моей стороны исполнить мое условіе съ Леономъ: получать деньги прямо отъ него, а весь оброчный сборъ предоставить въ его распоряженіе, и опасался нарушеніемъ нашего условія запутать еще болѣе его дѣла.

[2]) Братъ знаменитаго партизана и поэта Дениса Васильевича Давыдова, не успѣвшаго за смертію въ предыдущемъ 1839 году исполнить возложеннаго на него высочайшимъ повелѣніемъ порученія перевезти по случаю Бородинскихъ маневровъ останки князя Багратіона (при коемъ Денисъ Васильевичъ былъ адъютантомъ) изъ Владимирской губерніи на Бородинское поле, гдѣ герой этотъ палъ преждевременно въ 1812 году.

шавы въ 1832 году. Онъ былъ тогда проѣздомъ чрезъ Москву, въ чинѣ подполковника или армейскаго полковника, и давно женатый на какой-то Салтыковой, служилъ въ Одессѣ (кажется) при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ. Это была послѣдняя моя съ нимъ встрѣча, и я о немъ болѣе ничего не слыхалъ никогда, и умеръ ли онъ или живъ— не знаю. При всѣхъ умственныхъ его способностяхъ, нельзя сказать, чтобы служба особенно ему везла: онъ былъ уже юнкеромъ въ л.-г. гусарскомъ полку, во время Декабрьскихъ 1825 года происшествій, а въ 1840 году онъ еще былъ штабъ-офицеромъ и не занималъ никакого особенно виднаго мѣста *).

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я уговорилъ бѣднаго живописца Берти попытать свое счастіе въ Москвѣ и пріѣхать прямо ко мнѣ на квартиру, что̀ онъ и сдѣлалъ, и въ признательность за это написалъ, безъ денегъ, поясной мой портретъ въ театральномъ костюмѣ Торквато Тассо, каковую роль въ оперѣ Донидзетти того имени мнѣ долго хотѣлось исполнить на сценѣ, но никогда не удалось. Портретъ этотъ нынѣ въ Знаменскомъ. Въ Москвѣ я представилъ моего Флорентинскаго артиста князю Дмитр. Владим. Голицыну и его женѣ, въ надеждѣ доставить ему заказы чрезъ ихъ протекцію. Княгиня Татьяна Васильевна купила у него небольшую, мольбертнаго размѣра, жанровую картину Неаполитанскаго простонароднаго праздника; но бѣдный мой Берти былъ портретистъ и въ этомъ жанрѣ не отличался. Въ продолженіе двухгодоваго почти его пребыванія въ Москвѣ, ему удалось написать три только всего (кажется) портрета: князя Сергѣя Михайловича Голицына, Донского монастыря архимандрита (какъ звать его, не знаю) и актрисы Французской, Московской труппы, мамзели Елизы; но оба первые заказы сопряжены были съ немалыми неудовольствіями. Правдивая кисть живописца не знала лести, а князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ негодовалъ за ширину скулъ и нижней челюсти въ своемъ портретѣ и все заставлялъ художника сокращать эту часть лица, въ ущербъ сходства; отецъ же архимандритъ, дорожившій окладистою своею бородою, которую онъ то и дѣло что чесалъ и гладилъ, требовалъ, въ противность всякихъ правилъ живописи, чтобы каждый волосокъ выходилъ на холстѣ отдѣльными нитями, и приводилъ чрезъ то̀ художника въ отчаяніе, заставляя его исправлять, по нѣскольку разъ, одно и тоже. Послѣ двухлѣтняго почти

*) Рядомъ съ быстрымъ для иныхъ баловней судьбы производствомъ изъ корнетскаго въ генеральскій чинъ, въ 10 или 12 лѣтъ, были и такіе, какъ сослуживецъ мой Александръ Григорьевичъ Ломоносовъ, коего я видалъ въ 1848 году еще полковникомъ въ лейбъ-гусарскомъ полку, тогда какъ онъ былъ уже офицеромъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ же полку во время царскаго смотра подъ Пензою, въ 1824 г., и всегда слылъ служакою.

что бѣдствованія въ Москвѣ, Берти отправился въ Парижъ, откуда писалъ мнѣ одинъ разъ, а затѣмъ слѣдъ его для меня окончательно простылъ.

Въ это же время я познакомился и коротко сошелся въ Москвѣ съ нѣкіимъ Михайломъ Яковлевичемъ Вейсбергомъ, ординаторомъ при Московскомъ Военномъ Госпиталѣ, игравшимъ, какъ, мы увидимъ, вліятельную довольно роль въ моихъ дѣлахъ въ послѣдующіе два года. Онъ былъ выкрестомъ изъ Евреевъ, при чемъ воспріемницею была недавно умершая Татьяна Борисовна Потемкина, и кончилъ курсъ въ Московской Медико-хирургической Академіи, хорошо владѣлъ перомъ и вообще былъ человѣкъ съ большими способностями. Медикомъ онъ былъ болѣе для формы, чѣмъ на дѣлѣ, предался адвокатурѣ и немного позднѣе пустился по подрядамъ весьма, какъ слышно было, удачно *). До того времени онъ былъ главнымъ совѣтчикомъ по всѣмъ судебнымъ и подряднымъ дѣламъ Леона, и ему я обязанъ за крючкотворную вставку пункта въ послѣдней моей довѣренности Леону, высланной ему изъ Флоренціи весною 1839 г., гдѣ, при повтореніи (для вида) ограниченія цифры по заемнымъ письмамъ въ 60 тыс. рубл. асс. предоставлялось ему (т. е. Леону) право записывать меня въ купцы по 1-й гильдіи и на томъ основаніи кредитоваться, каковая двусмысленность, мною тогда непонятая, меня погубила. Я не дозволилъ бы себѣ включить этотъ невыгодный для М. Я. Вейсберга отзывъ на страницы моихъ Записокъ, если бы онъ самъ не заявилъ мнѣ о томъ въ раскаивающихся выраженіяхъ, и не доказалъ бы мнѣ на дѣлѣ свою готовность загладить, по возможности, свою противъ меня виновность. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ моего знакомства съ нимъ, онъ сталъ видимо удаляться отъ Леона, а мнѣ сообщилъ, что имѣетъ вѣрный почти планъ для поправленія вреда, имъ причиненнаго въ моихъ дѣлахъ, но съ тѣмъ, чтобы я отнюдь не намекалъ Леону объ этомъ проектѣ. Можно вообразить себѣ, какъ я былъ обрадованъ этимъ лучомъ надежды.

*) Отмѣчу заранѣе, что, немного позднѣе, онъ взялся за запутанныя и казавшіяся безнадежными дѣла нѣкоей вдовы Нѣмчиновой, имѣвшей искъ болѣе (помнится мнѣ) чѣмъ на милліонъ. Дѣло было спорное и доходившее до самыхъ высшихъ инстанцій, но М. Я. Вейсбергъ окончательно выигралъ его и, какъ по условію съ его довѣрительницею, онъ долженъ былъ получить за издержки и всѣ его хлопоты пятьдесятъ (кажется) копѣекъ съ рубля, то на его долю пришлось нѣчто въ родѣ полумилліона рублей, съ коими онъ взялъ на себя часть строившагося тогда Нижегородскаго шоссе, гдѣ также получилъ значительный барышъ. Я извѣстился, что позднѣе (должно быть въ 50-хъ годахъ) онъ купилъ большое имѣніе въ Тульской губерніи (въ Веневскомъ, кажется, уѣздѣ) женился тамъ на дворянкѣ замѣчательной красоты и, какъ крупный мѣстный землевладѣлецъ, да въ добавокъ съ чиномъ превосходительства, сдѣлался весьма значущимся тамъ лицомъ.

Такъ какъ въ полицейскихъ и судебныхъ инстанціяхъ несовсѣмъ еще выяснилась чья личность, Леонова или моя, отвѣтствовала за долги, то преслѣдовали его одного. Тщетно скрывался онъ, какъ заяцъ, по квартирамъ знакомыхъ, на загородныхъ дачахъ и даже въ Зенинѣ (гдѣ отсутствовалъ тогда Николай Ивановичъ, но жилъ годовой для имѣнія медикъ г. Торчинскій, тотъ самый, что̀ былъ прежде у меня въ Порзняхъ), но ничего не помогло; его накрыли гдѣ-то въ Москвѣ и опустили въ яму у Иверской. Хотя онъ и тутъ кое-какъ поладилъ съ кредиторомъ, но какъ эти казусы стали все чаще и чаще повторяться, то надлежало и ему все болѣе и болѣе скрываться, и мало того что я оставался безъ копѣйки, но иные изъ кредиторовъ начинали довольно назойливо обращаться уже прямо ко мнѣ. Все это выставлялъ мнѣ на видъ М. Я. Вейсбергъ, и я убѣдился, что отъ Леона, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока, ожидать было нечего. Такъ какъ въ то время М. Я. Вейсбергу нужно было ѣхать по дѣламъ въ Петербургъ, а мнѣ сильно хотѣлось побывать у себя въ с. Порзняхъ, гдѣ я не бывалъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, то мы условились свидѣться въ Петербургѣ, куда я долженъ былъ отправиться нарочно для сего прямо изъ Порзней, минуя Москву и заранѣе назначивъ для этого число текущаго тогда Августа мѣсяца; мѣстомъ же свиданія опредѣлена была кофейная Доминика, что̀ на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Лютеранской церковью. Здѣсь въ Москвѣ трудно было, говорилъ М. Я. Вейсбергъ, избѣгнуть надзора со стороны Леона и его агентовъ, и потому онъ не могъ-де передать мнѣ, въ чемъ состоитъ задуманный имъ планъ, чтобы спасти меня отъ угрожавшей погибели, обѣщаясь подробно сообщить мнѣ о всемъ при нашемъ свиданіи въ Петербургѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ занялъ въ Парижѣ мѣста графа Поццо-ди-Борго, переведеннаго въ Лондонъ. О достоинствѣ, съ какимъ онъ занималъ мѣсто Русскаго представителя при дворѣ Людовика-Филиппа, можно составить себѣ понятіе изъ слѣдующаго случая. Освѣдомившись однажды, что на одномъ изъ Парижскихъ театровъ репетировалась піеса, въ коей были оскорбительныя для Россіи выходки, графъ Паленъ обратился съ просьбою къ тамошнему министерству двора о запрещеніи на сценѣ этой піесы, но получилъ въ отвѣтъ, что, по существующимъ законамъ о театральной цензурѣ, невозможно-де министерству запретить заранѣе подобной піесы, а что впрочемъ, если окажется въ ней что либо оскорбительное для державъ

находящихся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Франціею, то дирекція театровъ (или авторъ піесы) подвергнутся денежному штрафу. На этотъ отзывъ графъ Паленъ объявилъ рѣшительно, что если требованія его не уважутся, то онъ на слѣдующей же день выѣдетъ изъ Парижа, и Лудовикъ-Филиппъ, раболѣпствовавшій постоянно передъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, запретилъ піесу, а убытки отъ таковаго запрета уплатилъ дирекціи и автору изъ собственнаго кармана. Въ другой разъ, имѣя исполнить одно изъ приказаній императора по мнѣнію графа неумѣстное, онъ просилъ Государя объ отмѣнѣ таковаго, какъ могущаго имѣть непріятныя для обѣихъ сторонъ дипломатическія послѣдствія. На это Государь отвѣчалъ что, ему (графу) нѣтъ до того дѣла, и что *онъ* такъ высоко-де себя поставилъ въ Парижѣ, что указанное ему дѣйствіе не повредитъ нисколько ему въ общемъ уваженіи, коимъ онъ тамъ пользуется. «Можетъ быть, что такъ, Государь», возразилъ графъ, «но въ такомъ случаѣ будутъ уважать одну лишь личность графа Палена, но мнѣ этого мало; я желаю, чтобы продолжали чтить представителя Россійскаго императора, кто бы онъ ни былъ».

По догадкамъ и воспоминаніямъ моимъ, поводъ къ этому былъ слѣдующій. Однажды, по случаю новаго 1843 (или 1844) года, когда весь дипломатическій корпусъ представлялся по принятому обычаю съ поздравленіемъ въ Тюлерійскомъ дворцѣ, старшиною онаго (le doyen d'âge) пришлось быть графу П. П. Палену, и въ качествѣ таковаго вести рѣчь отъ имени всего дипломатическаго корпуса; но зная, на сколько Государь не долюбливалъ Лудовика-Филиппа, графъ Паленъ отнеся заблаговременно о семъ обстоятельствѣ въ Петербургъ и спросилъ инструкціи, какъ ему дѣйствовать. Отвѣтъ былъ—не участвовать въ оффиціальномъ представленіи; а если невозможно ему избѣгнуть быть старшиною и произносить рѣчь, въ такомъ случаѣ сказаться больнымъ. Графъ исполнилъ государево повелѣніе, но въ отместку ему Французскій кабинетъ предписалъ своему представителю въ Петербургъ, г-ну Перріе, сказаться также больнымъ въ какой-то торжественный день. Раздраженный Французскій дипломатъ превысилъ однакоже данныя ему инструкціи и, не довольствуясь неявкою утромъ во дворецъ подъ предлогомъ нездоровья, показался вечеромъ въ своей ложѣ въ Михайловскомъ Французскомъ театрѣ. Послѣдствіемъ этой демонстраціи было отозваніе нашего посланника изъ Парижа, а Французскаго представителя изъ Петербурга, и отобраніе въ вѣдомство двора того дома на Большой Милліонной, который составлявлялъ принадлежность (на практикѣ, если не на законномъ основаніи) Французской миссіи.

II.

Такъ какъ мнѣ не представится вѣроятно, болѣе случая поговорить о падрѣ Джіовакино, то передамъ разсказъ здѣсь о странномъ случаѣ, слышанный мною отъ него. Когда онъ напутствовалъ умиравшаго моего отца, то кто-то изъ присутствовавшихъ, ревностныхъ Римско-католиковъ (но не мать наша, въ этомъ я удостовѣряю) обратился къ сказанному священнику съ просьбою, чтобы *онъ уговорилъ духовнаго своего сына перейти въ папистскую церковь!* Не слѣдуетъ однакоже смотрѣть на подобное, сдѣланное православному іерею, предложеніе, какъ кощунство надъ церковью, къ коей онъ принадлежалъ, или какъ на доказательство презрѣнія къ сану ея служителя. Вовсе нѣтъ. Попытка эта истекала изъ чисто-христіанской заботливости о душѣ умирающаго человѣка и основывалась (вѣроятно) на софистическомъ выводѣ, что такъ какъ Восточная церковь не отрицаетъ-де возможности спасенія въ лонѣ Западной церкви и слѣдовательно допускаетъ болѣе возможностей ко спасенію, чѣмъ Западная, то это не должно быть противно ея ученію, и умирающій ничѣмъ не рискуетъ, если она (т. е. Восточная церковь), въ лицѣ своего іерея, согласится на переходъ одного изъ ея сыновъ въ церковь иновѣрческую, въ коей условія спасенія опредѣлены болѣе строго. Вотъ до чего доходятъ Латиняне съ ихъ казуистическами умозаключеніями!

Достойный этотъ священникъ дожилъ до глубокой старости; когда семейство наше переселилось въ 1817 году во Флоренцію, онъ былъ уже съ просѣдью, а умеръ онъ въ 50-хъ годахъ. На закатѣ дней своихъ, онъ снова былъ возстановленъ въ приходскіе священники Ливорнской Греческой церкви, и въ бытность его таковымъ предалъ землѣ на Греческомъ тамошнемъ кладбищѣ умершую чахоткою въ Пизѣ, весною 1847 года, двоюродную мою сестру княгиню Аделаиду Александровну Голицыну, дочь тетки моей, Прасковьи Артемьевны Тимофѣевой (она покоится внутри кладбищенской церкви).

Отецъ Іоакимъ говаривалъ мнѣ, что отецъ мой, въ разговорѣ съ нимъ о семейныхъ нашихъ прозелиткахъ, обвинялъ во всемъ тетку мою, графиню Марію Артемьевну Воронцову, какъ зачинщицу по его мнѣнію прискорбнаго семейнаго нашего раскола. «E quella donna che mi ha sciupato tutta la famiglia» *). При всемъ однакоже сыновнемъ мо-

---

*) Женщина эта испортила все мое семейство. Упомяну кстати, что добрый отецъ Іоакимъ не иначе говорилъ о моемъ отцѣ какъ „quella santa anima“ (Эта святая душа).

емъ уваженіи къ мнѣніямъ моего отца, я не раздѣляю вполнѣ его воззрѣнія въ этомъ отношеніи. Онъ былъ слишкомъ близокъ, какъ мнѣ сдается, къ эпохѣ Іезуитскаго вліянія на Русское тогдашнее общество, да и самъ былъ изъ болѣе видныхъ по свѣтскому своему положенію людей, пострадавшихъ отъ этого вліянія, и потому не могъ быть безпристрастнымъ судьею въ дѣлѣ, каковымъ можетъ быть лишь позднѣйшее поколѣніе, на подобіе того, какъ человѣку, стоящему на макушкѣ горы (прошу извинить это банальное сравненіе) яснѣе видны эволюціи находящейся у подножья толпы, нежели одному изъ дѣйствующихъ въ толпѣ лицъ. Личнаго особеннаго вліянія надъ нашею матерью тетка моя графиня Марія Артемьевна, на сколько помнится мнѣ, не имѣла; съ принцессою же де-Тарантъ *), сильно способствовавшею къ совращенію тетки моей, мать наша не находилась въ близкихъ отношеніяхъ, потому что эмигрантка эта умерла до 1812 года, а семейство наше начало ѣздить на зиму въ Петербургъ лишь съ 1813 года. Не отрицаю, что тетка моя могла познакомить сестру свою съ патеромъ Розавеномъ и съ авторитетнымъ въ Петербургскихъ салонахъ ультрамонтаномъ графомъ Іосифомъ де-Местромъ, и такимъ образомъ косвенно могла участвовать въ усиленіи наклонности матери моей къ католицизму; но наклонность эта началась, по моему, еще въ Москвѣ, до 1812 года, и была отчасти плодомъ офранцуженнаго воспитанія и безпрерывнаго сообщества съ эмигрантами, экс-вельможами и аббатами. Переселившись въ Италію, тетка моя (я хорошо это помню) тщательно уклонялась сопутствовать матери и сестрамъ моимъ къ церковнымъ тамошнимъ службамъ, во избѣжаніе (вѣроятно) нареканія со стороны нашего отца въ ея содѣйствіи къ переходу ихъ въ Латинство.

Когда хочется мнѣ раззадорить немного свою желчь (въ этомъ винюсь), по предмету Іезуитской Петербургской пропаганды Александровскаго времени, то стоитъ мнѣ только раскрыть любую почти страницу писемъ графа де-Местра, въ коихъ, между прочимъ, говоря объ изгнаніи изъ Петербурга Іезуитскихъ патеровъ, въ концѣ 1818 года, онъ считаетъ эту мѣру ошибочною, потому-де что *Іезуиты оберегали Россійскую церковь,* какъ сторожа, противъ посягательствъ со стороны протестантства, соціализма и ученія иллюминатовъ: ибо духовенство той (т. е. Русской) церкви не имѣетъ никакого значенія, ни силы, безъ научныхъ свѣдѣній.

Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ куріозный выводъ автора, что Римско-католическое исповѣданіе неправильно-де считается только терпи-

*) Она была одною изъ придворныхъ дамъ несчастной королевы Маріи-Антуанетты, и въ этомъ качествѣ принята и обласкана при нашемъ дворѣ.

мымъ въ Россійской имперіи, ибо оно есть вѣроисповѣданіе одной части населенія имперіи, и тутъ онъ не подразумѣваетъ (на сколько помнится мнѣ) вновь тогда учрежденное Царство Польское. Но куріознѣе еще то̀, что онъ сумѣлъ внушить таковой свой взглядъ князю Александру Николаевичу Голицыну, тогдашнему министру вѣроисповѣданій, и что этотъ согласился съ мнѣніемъ Піемонтскаго графа, и даже удивлялся, какъ самому ему таковая мысль не приходила никогда на умъ. Забавна также и его аргументація, что неправильно-де зовутъ нашу церковь Греко-Россійскою; ибо говоритъ онъ, «если Константинопольскій патріархъ вздумалъ бы прислать сюда (т. е. въ Петербургъ) какое либо свое приказаніе (или распоряженіе), то его сочли бы умалишеннымъ, да и онъ былъ бы дѣйствительно таковымъ». А иногда тотъ же авторъ доходитъ до комизма, какъ напр. въ понятіяхъ своихъ о нашихъ раскольникахъ, которыхъ онъ называетъ «ces polissons de roscolniks», эти шалуны-раскольники *). Выше же всего сказаннаго я нахожу его парадоксальное сравненіе папы и патріарха. По его мнѣнію вопросъ о томъ, кто правъ и кто виноватъ въ раздѣленіи церквей равняется вопросу о томъ, Пугачева-ли слѣдуетъ признавать бунтовщикомъ противъ императрицы Екатерины, или она была бунтовщицею противъ Пугачева. Замѣтимъ притомъ, что вѣжливый авторъ, подъ лицемъ Пугачева, подразумѣваетъ Восточную нашу церковь.

---

*) Добавить слѣдуетъ впрочемъ, что слово „polisson“ употребляется иногда въ презрительномъ смыслѣ.

ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО О ДУХОБОРЦАХЪ.

Сообщаемое ниже письмо взято изъ рукописнаго сборника Императорской Публичной Библіотеки (т. XVII. 63, л. 501—555). Сборникъ нѣкогда принадлежалъ П. И. Саввантову и описанъ И. А. Бычковымъ, въ числѣ другихъ рукописей Саввантова.

Подписи Сперанскаго нѣтъ. Письмо есть копія, но оно находится въ ряду копій съ писемъ Сперанскаго за 1817—1821 г. Содержаніе же письма можетъ, мнѣ кажется, только подтвердить принадлежность его Сперанскому.

Изъ письма видно, что авторъ—лицо служебное, свѣтское, былъ раньше въ Петербургѣ, управлялъ департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. „Въ семъ намѣреніи", читаемъ въ письмѣ, „во время службы моей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, поручено было г-ну Кайсарову *) составить изъ дѣлъ полную исторію о духоборцахъ. Работа сія доведена имъ была до нарочитаго совершенства и теперь должна находиться въ архивѣ бывшаго департамента полиціи. Пройти сію исторію, а можетъ быть и дополнить ее новыми свѣдѣніями необходимо нужно, чтобы принять на сей предметъ правила твердыя и безопасныя. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, когда дѣла сіи въ большомъ количествѣ стекались въ департаментъ, мною управляемый". Сперанскій былъ назначенъ директоромъ Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 23 Января 1803 года. (См. Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861, т. I. стр. 97).

„Обстоятельства", продолжаетъ авторъ письма, „уносившія меня изъ одного рода дѣлъ въ другія, не дозволили мнѣ привести сію мысль въ нѣкоторую зрѣлость". „Дѣятельность Сперанскаго въ періодъ времени съ 1808-го до 1812-го года, говоритъ его біографъ (I, стр. 108) была до того разностороннею и всеобъемлющею, что необходимо требуетъ особаго, подробнаго разсмотрѣнія. Поэтому сперва прослѣдимъ *организаціонныя* работы Сперанскаго, потомъ *законодательныя*, за сими *финансовыя*, и наконецъ еще разныя его *особыя занятія*. Мѣстами, намъ должно будетъ то возвращаться нѣсколько назадъ, потому что часть этихъ работъ началась

*) Конечно Андрею Сергѣевичу (товарищу Жуковскаго и Тургеневыхъ по Университетскому Благородному Пансіону), который служилъ профессоромъ Русскаго языка въ Дерптѣ. Онъ написалъ и напечаталъ по-латини свое разсужденіе объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ. П. Б.

еще до Эрфурта, то заглядывать отчасти впередъ, по неразрывной связи послѣдующаго съ предыдущимъ".

Далѣе, въ печатаемомъ письмѣ читаемъ: „Никакія гоненія въ настоящее царствованіе не могутъ имѣть мѣста; сія часть дѣла рѣшена въ самомъ ея основаніи, въ сердцѣ и разумѣ Государя"..... Едва ли эти слова не говорятъ о лицѣ, знавшемъ близко Государя.

Наконецъ, видно изъ письма, что авторъ его былъ въ 1817 г. не въ Петербургѣ, а на значительной должности гдѣ-то въ провинціи.

„Сенаторъ Лопухинъ", пишетъ авторъ министру внутреннихъ дѣлъ, „представлялъ ихъ (т. е. духоборцевъ) самыми кроткими агнцами. Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ доносилъ тоже. *Нынѣ здѣсь я слышу*, что"..... „*Здѣсь* имѣемъ многихъ порицателей", продолжаетъ авторъ. „Въ Саратовѣ мнѣніе о нихъ (т. е. духоборцахъ) тоже перемѣнилось".....

Сперанскій въ 1817 году былъ губернаторомъ въ Пензѣ.

Все вышеизложенное даетъ, кажется, основаніе полагать, что авторомъ предлагаемаго письма былъ именно Сперанскій.

Письмо не было напечатано, сколько мнѣ извѣстно. См. Баронъ М. Корфъ: Жизнь графа Сперанскаго. Спб. 1861; А. Ѳ. Бычковъ: Въ память гр. М. М. Сперанскаго. 1772 — 1872. Спб. 1872; Н. Дубровинъ: Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I (съ 1807—1829 годъ). Спб. 1883; И. А. Бычковъ: Каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова. Спб. 1900, вып. I. стр. 215.

Г. Кунцевичъ.

*

Министру внутреннихъ дѣлъ. 8 Марта 1817 г. *)

Прежде служебной переписки о духоборцахъ, ваше превосходительство почтили меня довѣреннымъ сообщеніемъ послѣднихъ о нихъ указовъ. Не признательно бъ было съ моей стороны ограничить себя въ семъ дѣлѣ одними служебными донесеніями; присовокупляю съ откровенностію слѣдующее.

Ересь, расколъ или толкъ духоборцевъ (ибо не опредѣлено еще, какое имъ свойственно имя) никакъ нельзя смѣшивать съ обыкновенными расколами. Здѣсь дѣло идетъ не о бородѣ, не о старыхъ книгахъ или сложеніи перстовъ, но о самыхъ существенныхъ догматахъ вѣры. Важность послѣдствій также весьма различна. Послѣдствія обыкновенныхъ расколовъ почти ничтожны; но ученіе духоборцевъ столь смежно

*) Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда О. П. Козодавлевъ. Съ вѣдома ли Государя сообщалъ онъ указы о духоборцахъ только что тогда обѣленному въ политическомъ отношеніи Сперанскому, но уже Пензенскому губернатору, не видно. П. Б.

съ духомъ вольности и гражданскаго равенства, что малѣйшая кривизна или уклоненіе влѣво отъ той линіи, гдѣ нынѣ они еще состоятъ, можетъ произвести самое сильное въ народѣ потрясеніе. Такъ взирала на сію ересь императрица Екатерина, несуевѣрная конечно и неробкая; такъ взирали на нее и при покойномъ Государѣ. И вслѣдствіе сего преслѣдовали духоборцевъ ссылками, переселеніями, заточеніями и проч.

Все утихло съ восшествіемъ на престолъ Государя. Не только престало гоненіе, но и самая точка зрѣнія, съ коей прежде смотрѣли на сей расколъ, перемѣнилась. Покойный И. В. Лопухинъ нашелъ въ духоборцахъ самыхъ кроткихъ поклонниковъ *духомъ* и *истиною*. По донесенію его состоялся извѣстный 1801 года рескриптъ, основавшій впослѣдствіи все поведеніе правительства въ отношеніи къ сему расколу.

Никакія гоненія въ настоящемъ царствованіи не могутъ имѣть мѣста; сія часть дѣла рѣшена въ самомъ ея основаніи, въ сердцѣ и разумѣ Государя. Но вопросъ о существѣ сего раскола, о склоненіи его и послѣдствіяхъ и слѣд. о истинныхъ мѣрахъ, кои должно принять къ укрощенію его, остался еще нерѣшеннымъ. Одно мнѣніе сенатора Лопухина очевидно къ сему не достаточно. Онъ смотрѣлъ на все въ свое стекло, и нельзя сказать, чтобъ стекло сіе было всегда вѣрно. Къ основательному рѣшенію надлежало, сообразивъ всѣ свѣдѣнія о сей ереси, взойти къ ея началу, открыть ея источники, обозрѣть ея послѣдствія изъ самыхъ происшествій. Въ семъ намѣреніи, во время службы моей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, поручено было г-ну Кайсарову составить изъ дѣлъ полную исторію о духоборцахъ. Работа сія доведена имъ была до нарочитаго совершенства и теперь должна находиться въ архивѣ бывшаго департамента полиціи*). Пройти сію исторію, а можетъ быть и дополнить ее новыми свѣдѣніями, необходимо нужно, чтобы принять на сей предметъ правила твердыя и безопасныя. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, когда дѣла сіи въ большомъ количествѣ стекались въ департаментъ, мною управляемый.

Обстоятельства, уносившія меня изъ одного рода дѣлъ въ другія, не дозволили мнѣ привести сію мысль въ нѣкоторую зрѣлость. Но сіе необходимо: ибо тѣ правила, на коихъ доселѣ дѣла сіи учреждались и нынѣ еще учреждаются, откровенно скажу, кажутся мнѣ недоста-

*) Сохранился ли этотъ трудъ А. С. Кайсарова или погибъ вмѣстѣ съ драгоцѣнными другими рукописями въ пожарѣ 1863 года? П. Б.

точны. Это суть правила равнодушія съ нѣкоторою оттѣнкою покровительства. Они могутъ быть приложены съ пользою къ простымъ, грубымъ расколамъ; но не къ духоборству, къ болѣзни, а не переносить только въ молчаніи[1]). Уединеніе или переселеніе людей сего рода на Молочныя Воды есть сущее поощреніе. Какая разность въ землѣ, въ податяхъ, въ повинностяхъ! Храни Богъ, если наши крестьяне, а особливо помѣщичьи, узнаютъ сію разность; а узнать ее недолго.

Въ духоборствѣ такъ, какъ и во всѣхъ другихъ сектахъ, есть своя ѳеорія и своя практика.

Ѳеорія или система ученія, въ началѣ своемъ, вѣроятно была не что другое, какъ внутреннее христіанство, т. е. церковь движимая и управляемая живою вѣрою. Разныя дѣланы были предположенія о томъ, какимъ образомъ сіе ученіе проникло въ Россію и разсѣялось между простымъ народомъ. Есть о семъ мнѣніе довольно вѣроятное покойнаго Новгородскаго митрополита Гавріила (см. исторію о духоборцахъ). Но нѣкоторыя соображенія привели меня въ другой мысли. Въ XVI или XVII вѣкѣ появились въ Болгаріи между Славянскими племенами такъ называемые *Богомилы* (Histoire Ecclésiastique de Mosheim); ученіе ихъ весьма сходно съ ученіемъ духоборцевъ. Оттуда оно легко могло перейти въ наши южныя губерніи и мало по малу разсѣяться даже до Саратова. Невинно, а можетъ быть и почтенно въ своемъ началѣ, оно впослѣдствіи по мѣрѣ расширенія своего искажалось устными преданіями и раздроблялось на разные толки такъ, что едва почти можно узнать первыя основныя его черты. Статьи сего ученія въ разныхъ губерніяхъ весьма разнообразны; самыя именованія духоборцевъ измѣнились; въ одномъ мѣстѣ они называются Молоканами, въ другомъ Субботниками и проч. Индѣ есть у нихъ обряды нѣкоторые и пѣсни, въ другихъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ. Вообще, нѣтъ ни связи, ни ясности въ понятіяхъ. Для любопытства прилагаю при семъ статьи ученія здѣшнихъ духоборцевъ, сообщенныя мнѣ здѣшнимъ преосвященнымъ[2]). В. п-во не безъ огорченія конечно примѣтить изъ нихъ изволите и потомъ въ особенности вспомните, что всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, нѣсть отъ Бога.

Практика духоборцевъ также разнообразна. Изъ дѣлъ, въ прошедшія два царствованія производившихся, видно, что они были строптивы, и сіе простиралось до того, что отрицались отъ податей, отъ

---

[1]) Такъ въ рукописи.

[2]) Этого приложенія у насъ не имѣется.

рекрутства, отъ всякаго повиновенія власти. Сенаторъ Лопухинъ представилъ ихъ самыми кроткими агнцами. Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ доносилъ тоже. Нынѣ здѣсь я слышу, что, бывъ сами терпимы, не терпятъ они другихъ, называютъ иконы лопатами, посмѣваются надъ священниками, порицаютъ прихожанъ идолопоклонниками и пр. и проч. Въ Саратовѣ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ ведутъ они себя еще хуже; вообще же уличаютъ ихъ въ двухъ общихъ порокахъ: 1) въ пристанодержательствѣ, 2) въ побѣгѣ рекрутъ, изъ ихъ селеній отданныхъ.

Здѣсь имѣемъ многихъ порицателей. Въ Саратовѣ мнѣніе о нихъ также перемѣнилось. Ихъ уличаютъ особливо 1) въ дерзкомъ посмѣяніи церковныхъ обрядовъ, 2) въ пристанодержательствѣ, 3) въ побѣгѣ рекрутъ, изъ ихъ селеній отданныхъ. Я не знаю еще, чему вѣрить. Если половина того, что̀ о нихъ разносятъ худого, справедлива, то они могутъ быть даже и опасны. Но какъ винить людей по слухамъ? Для сего-то и рѣшился я видѣть и вникнуть во все лично. У духовныхъ могутъ быть свои пристрастія, а о земской полиціи и говорить нечего. Въ одномъ могу васъ удостовѣрить, что не допущу я въ семъ дѣлѣ никакой опрометчивости и не дозволю себѣ осуждать мысли, когда найду дѣла добрыми.

Примите свидѣтельство душевной моей благодарности за письмо отъ . . . . истинно христіанское. Оно много меня утѣшило среди окружающихъ меня по службѣ затрудненій. Съ совершеннымъ.....

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. Я. БУЛГАКОВА КЪ ЕГО БРАТУ.

1830-й годъ [1]).

Москва, 1 Генваря 1830.

Поздравляю тебя, мой любезный другъ, съ наступающимъ годомъ. Чтò говорить о желаніяхъ моихъ? Кто себѣ добра не желаетъ, а тебѣ желаю я тоже чтò себѣ. Я объѣздилъ теперь матадоровъ, былъ у князя Д. В., Юсупова, Обольянинова, Муханова, Кутайсова, губернатора, И. Н. Корсакова и Костиныхъ командировъ [2]). У князя Чумага (который большой nouvelliste и съ кѣмъ избѣгаю сихъ разговоровъ) разсказывалъ какъ вещь оффиціальную, что Кобургскій сдѣланъ королемъ Греческимъ и пр. Можно ли Грекамъ, которые такія сдѣлали чудеса изъ одной любви къ вѣрѣ своей, Грекамъ дать Лютеранина царемъ? Будто Государь положился на выборъ Франціи, а эта назначила Кобургскаго [3]) по желанію Англіи.

Очень я радъ, что Государь пожаловалъ Полѣнову[4]) 10 т.; за такія милости всякій благословлять долженъ Императора. Полѣновъ бѣденъ и давно служитъ.

Здѣсь слухи носятся о новой ревизіи, послѣ коей будто крестьяне будутъ объявлены вольными. Чтò не выдумаютъ и чему не повѣрятъ![5])

*

---

[1]) См. выше, стр. 384.

[2]) Т. е. у чиновъ Университета: старшій сынъ Булгакова Константинъ учился тогда въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ.

[3]) Т. е. Леопольда Кобургскаго, позднѣе короля Бельгійскаго, брата нашей великой княгини Анны Ѳедоровны. Находясь долго въ Русской службѣ, онъ обнаруживалъ не только любовь къ Россіи, но и склонность къ Греко-россійскому исповѣданію. Для Греціи онъ былъ, можетъ быть, лучше Католика Оттона, котораго вмѣсто него назначили королемъ въ Грецію и котораго Греки вынуждены были лишить престола.—Трандафилъ Чумага, богатый Греческій торговецъ въ Москвѣ.

[4]) Василій Алексѣевичъ Полѣновъ завѣдывалъ Государственнымъ Архивомъ.

[5]) Слухъ былъ довольно основательный: великимъ постомъ этого года Государь уже привозилъ въ Москву и сообщалъ (конечно немногимъ) предварительное начертаніе раскрѣпощенія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ. Помѣшка послѣдовала изъ Варшавы.

Москва, 3 Генваря 1830.

Ну ужъ праздникъ далъ князь Дм. Вл. вчера, мой милый и любезнѣйшій другъ. Такимъ маскарадомъ можно бы было блеснуть и во время коронаціи и Вѣнскаго конгресса. Званыхъ было 700 человѣкъ. Одни больные и хилые не были. Даже Волковъ потащился. Не смотря на это, не было тѣсноты, и веселеніе не прерывалось. Что за костюмы! Какой вкусъ! Какое богатство! Какая веселость непринужденная! Изобиліе конфектъ, мороженаго, фруктовъ, ужинъ. Началось маленькою пьескою, устроенною Всеволожскимъ; онъ представлялъ Фигаро, domestique du faiseur de châteaux en Espagne, de m-r Boisser, et puis lui même comme Figaro, le tout a fini par de jolis couplets. Tous ont joué à merveille. M-me Pokhvissneff, née Kologriwoff, a très bien rendu une scène de l'École des Viellards. Quand le duc d'Elmar (Zoubkoff) lui fait la déclaration d'amour, je vous assure que tous les deux ne laissaient rien à désirer; elle a joué l'embarras et l'indignation à merveille. La scène du château en Espagne, m-r Allart et son valet Victor Wsewolojsky était bien, mais un petit-peu trop longue seulement; ensuite la scène du billet de Rosine (m-elle Akouloff et Figaro) était charmante, elle a d'abord chanté una voce poco fà et puis le duo avec Figaro: dunque io sono, tu non m'ingami. Cela est allé à merveille. Elle a eu peur, sa voix a tremblé, mais ensuite elle s'est remise; puis il y a eu une scène du Ci-devant jeune homme. Albini fesait Boisser et Wsew. la Branche, c'était charmant et drôle. Boisser, chantant un couplet composé pour sa maîtresse, disait: O! toi, et haussant la voix, o toi! la Br. lui dit: allez, allez plus haut. Mon cher, répond l'autre, vous ne savez ce que vous dites: je ne puis aller plus haut que le toit! Множество было такихъ каламбуровъ. Послѣдніе куплеты, при коихъ открывается, что всѣ слуги были Фигаро одинъ, подъ музыку la Muette di Portici, очень были хороши. Фигаро вызывали и аплодировали ему очень. Масокъ смѣшныхъ, красивыхъ, кадрилей была бездна, много танцовали, et grand événement, que quelquesuns ont critiqué, mais que la multitude, et moi dans le nombre, a approuvé, c'est que le cotillon a été dansé *debout sans chaises*. Je désire beaucoup que ce bel exemple, donné par la p-se Galitzine, soit imité: les chaises sont une honte pour la jeunesse. C'est le monde à rebour, les dansants assis et les spectateurs debout. Le p-ce et la p-se étant d'une humeur charmante, enfin le bal a été un des plus beaux que j'ai vu. Je ne me suis pas masqué, j'ai une fois seulement mis la livrée de Victor, Alexandre Wsewolojsky celle de la Branche, et nous avions entre nous Figaro, и такъ ходили втроемъ. Катенька была безподобна, ее сравнивали съ Жоржею; діадема къ ней славно идетъ, и платье à l'antique также. Ольга была

въ простомъ розовомъ domino также очень мила; много объ нихъ жужжали тутъ. Мы въ 4-мъ часу воротились домой, всѣ натѣшились, а особенно Костя.—Hier le mariage de m-elle Wénéwitinoff, une charmante personne, avec le c-te Komarofsky a été déclaré.

*

Москва, 6 Генваря 1830.

Чтò я предсказывалъ князю Д. В., сбылось: по пріему, сдѣланному Орлову султаномъ, гр. Несельроде и Закревскій пишутъ князю, чтобы и Галиль-пашѣ оказаны были особыя почести. Я радъ, что домъ у насъ порядочно убранъ. Хотѣлъ я его украсить батюшкиною коллекціею Турокъ, но она по несчастію въ Подмосковной; поздно хватился, а посылать уже некогда. Портреты чиновниковъ Турецкихъ ихъ бы повеселили, но многое у нихъ теперь измѣнилось, особенно въ костюмахъ. Здѣсь пробудутъ они только четыре дня; велѣно ускорять ихъ путешествіе, ибо приближается постъ, во время коего нельзя будетъ давать послу пировъ въ Петербургѣ. Я очень радъ, что скоро отъ нихъ избавлюсь. Въ одно вреня съ княземъ Д. Вл. ѣдетъ въ Петербургъ и любимецъ его Борисъ Карловичъ Данзасъ, коего отца мы всегда видали у гр. Строгоновой. Этотъ женатъ на поб. дочери князя Сергія Мих. Голицына, очень пріятный и добрый малый. Онъ очень тобою хвалится за какое-то сдѣланное ему тобою одолженіе; я ему самъ предложилъ знакомство дома твоего и письмо рекомендательное. П. И. Новосильцовъ его привезетъ къ тебѣ.

*

Москва, 7 Генваря 1830.

Я полагалъ что кн. Алексѣй Борисовичъ въ Петербургѣ, а потому не извѣстилъ тебя о кончинѣ его, а выходитъ, что онъ умеръ скоропостижно въ Орлѣ ударомъ. Гр. Зотовъ, будучи у Всеволожскаго, получилъ эстафету съ этимъ извѣстіемъ. Странно, что покойникъ писалъ за день до кончины къ митрополиту, прося у него позволенія возобновить въ Чудовѣ монастырѣ какіе-то надгробные памятники древніе предковъ его, князей Куракиныхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мѣсто тутъ же и для себя. Вотъ и ваканція для канцлера орденовъ Россійскихъ. Вѣрно будетъ графъ Кочубей.

*

Москва, 16 Генваря 1830.

Мухановъ занемогъ въ Орлѣ, ему приставляли піявки, а съ Турками продолжаетъ путь кн. Херхеулидзевъ, адъютантъ графа Воронцова. Они ночуютъ сегодня въ Подольскѣ, а завтра имѣютъ въѣздъ или, лучше говоря, прибудутъ въ Москву; ибо не будетъ никакой церемоніи,

а просто, чтобы сдѣлать имъ учтивость, пошлю къ заставѣ городовыя ихъ кареты, въ коихъ и привезутъ главнѣйшихъ въ домъ для нихъ пріуготовленный, а прочіе пусть слѣдуютъ въ дорожныхъ ихъ экипажахъ. Многое перемѣнили мы противъ письма Муханова, который полагалъ, что князь здѣсь, а его нѣтъ; такъ какъ Небольсинъ править его должность, то и неприлично было бы ему дожидаться Турокъ въ домѣ, а пріѣдетъ онъ послѣ погодя. Хлопотъ прибавилось: о столѣ не было мнѣ ничего сказано, а теперь пишетъ Мухановъ, чтобъ были хорошіе повара, готовили бы на Европейскій вкусъ, чтобы былъ *пилафъ* всегда (pas si bête), мороженое, варенье и столъ на 30 персонъ. Все это узналъ я вчера, т. е. почти наканунѣ ихъ пріѣзда; поди, успѣвай все дѣлать! Прежде имѣли мы только списокъ какую нужную приготовить провизію, ежедневно надобно 200 бутылокъ меду хорошаго, а это дѣлается только на заказъ, и надобно двѣ недѣли времени. Хорошо, что въ клубѣ у меня пріятели, и я могъ оттуда забрать весь медъ. Множество эдакихъ глупыхъ заботъ, отнимающихъ у меня время; а оно нужно мнѣ для собственныхъ моихъ дѣлъ и пріуготовленія къ отъѣзду.—Щербатовъ (вездѣ мы эту гадину встрѣчаемъ) посланный навстрѣчу къ Туркамъ отъ князя Д. Вл., вздумалъ привезти ихъ сюда ночью сегодня, не понимаю зачѣмъ? Развѣ, чтобы болѣе было тревоги и безпокойства и имъ, и намъ. Вчера былъ я у Небольсина, и для отвращенія сего отправили мы эстафету къ Херхеулидзеву, чтобы остались они ночевать въ Подольскѣ, а въѣхали бы днемъ завтра въ Москву: увидятъ городъ, и все лучше расположится къ покойному для нихъ ночлегу. Радуюсь я, вспомня, что въ Петербургѣ избавленъ буду всякихъ хлопотъ и займусь единственно С.-Петербургскимъ почтамтомъ.

Въ Москвѣ ужасная тревога:
Умы дамскіе вскружились,
По marchandes de mode пустились,
Какъ узнали, что на балъ
Будетъ Турскій генералъ!

Вотъ что затѣялъ бы покойный Семичевъ съ балалайкою. Въ городѣ любопытство, удивленіе; уже и чумы перестали бояться. Народъ стоитъ передъ домомъ и смотритъ на него, хотя онъ и пустъ. Что же будетъ, какъ пріѣдутъ?

Я безпрестанно все встаю: то одинъ, то другой. Ты помнишь высокаго Якова, служившаго казначеемъ у старика Варлама. Онъ въ бѣдности, и я, желая ему сдѣлать добро, взялъ его къ Туркамъ для стола; хотѣлъ ему поручить кое-какія покупки, а онъ вчера напился пьянъ въ домѣ тутъ же и расквасилъ себѣ всю рожу. Хорошо,

что сдѣлалъ это заблаговременно. Хорошъ былъ у меня коммиссіонеръ! У насъ опять 23 градуса мороза; это не Стамбульскій холодокъ.

*

Москва, 17 Генваря 1830.

Турки пріѣхали сегодня въ полдень; я насилу оттуда вырвался, чтобы отправить наскоро почту. Все, слава Богу, идетъ очень хорошо; и Турки, и Мухановъ *) довольны. Неджебъ-эфенди тотчасъ спросилъ меня, сынъ ли я министра и братъ Булгаковыхъ, которыхъ онъ зналъ; старикъ превеселый, а Галиль-паша красавецъ и совсѣмъ не Турецкое лицо.

Какъ я радъ, что остался здѣсь; большая бъ была каша безъ князя и меня. Всѣ хотятъ приказывать, а никто не хочетъ потрудиться. Слава Богу, что все хорошо. Галиль ужасно меня обласкалъ; всѣ мнѣ о батюшкѣ говорятъ.

*

Москва, 18 Генваря 1830.

Поутру надобно будетъ представлять многихъ Галиль-пашѣ, а тамъ будетъ онъ у развода въ Экзерциргаузѣ, потомъ въ Оружейной, Грановитой, хочетъ лѣзть на Ивана Великаго (но я не ходокъ туда въ эту стужу), послѣ ѣдетъ въ саняхъ осмотрѣть лучшія улицы Московскія. Вечеромъ въ 8 часовъ назвался ко мнѣ чай пить, а потомъ поѣдетъ въ Собраніе: вотъ и весь день.

Сегодня былъ онъ въ восхищеніи отъ балетовъ Ришара и Гюленъ-Соръ, удивлялся огромности зданія, часто апплодировалъ; бездна было народу. Только сдѣлалось ему дурно отъ жара, который не любитъ, предпочитаетъ ему трескучій морозъ; выходилъ въ сѣни и мылся холодной водою. Онъ, кажется, полнокровенъ. Мы, кажется, очень поладили; онъ меня ласкаетъ и отличаетъ, говоритъ откровенно о дѣлахъ, напр., что у Султана все одна любимая мысль: видѣть нашего Государя. За столомъ онъ точно Европеецъ, ѣстъ опрятно и говорливъ; я велѣлъ сдѣлать пилафъ и какъ подавать стали, то онъ сказалъ, что будто требовалъ пилафъ, чтобы меня, Цареградскаго уроженца, лучше угостить, далъ грушу, прося отвезти ее Пашкѣ моему и прибавилъ: скажите ему, что Турки вамъ головы не отрубили, а напротивъ того васъ полюбили. Я ему разсказалъ, что Пашка было расплакался, узнавъ, что я къ Туркамъ ѣду въ мундирѣ; а это все глупые разговоры няни его, святоши, которая видитъ въ Туркахъ злодѣевъ христіанъ, ребенка и напугала. Галиль-пашѣ захотѣлось Пашку видѣть, равно какъ и семью мою, и онъ назвался поэтому къ намъ

*) Тогдашній Московскій оберъ-полицмейстеръ.

на чай. Очень я радъ канцлерству князя Голицына. Какой я дуракъ: не догадался, что ему быть онымъ, а я было прочилъ графа Кочубея.

*

Москва, 20 Генваря 1830.

Балъ Небольсина былъ прекраснѣйшій. Галиль-паша открылъ оный Польскимъ со старухою Авд. Селиверстовной; послѣ танцовалъ еще съ шт.-дамой Глѣбовою, съ княгинею Горчаковой, племянницей хозяйки, съ Наташею, Катенькою, потомъ, посмотря на танцы, пошелъ играть въ шахматы и уѣхалъ до ужина: боялся дурноты отъ жара. Очень былъ веселъ и любезенъ со всѣми. Увидавъ, что полковникъ его взялъ Катеньку, онъ подошелъ, отхлопнулъ у него и самъ сталъ танцовать съ нею. Послѣ взялъ онъ семилѣтнюю дочь Небольсина, танцовалъ съ нею Польскій и цѣловалъ ее нѣсколько разъ *).

*

Новгородъ, Пятница въ полдень. 1830 Іюня 4.

Можешь себѣ представить, какъ мы грустны, не смотря на безпрестанную разсѣянность дороги. Подъѣзжая только къ заставѣ, унялись слезы, а тутъ на бѣду явился добрый Норовъ и опять насъ растрогалъ. До Царскаго, гдѣ не останавливались, Катенька все плакала, притворяясь, что спитъ. Въ Сп. Полести выходитъ вдругъ фигура ѣхать, двѣ кареты и коляска, одѣтъ въ халатѣ на мѣху, колпакъ и зеленые очки. Что за фигура? Узнаёмъ Кушелева-Безбородку, ѣдущаго съ женою въ Москву, а на слѣдующей станціи встрѣтились мы съ славнымъ Казарскимъ; смотритель пришелъ доложить: не угодно ли вашему превосходительству посмотрѣть на адмирала, что̀ Турку сжегъ? Пошелъ было, но тотъ уже уѣхалъ.

*

Москва, 2 Іюля 1830.

Меня безпрестанно перебиваютъ. Вотъ и Архивъ явился съ поздравленіями о лентѣ. Всѣ просятъ посмотрѣть Станислава, о коемъ понятія здѣсь не имѣютъ.

On m'a conté une anecdote du poète Pouchkine. Quelqu'un, après une longue absence le revoyant, lui demande: comment, mon cher, on me dit que vous allez vous marier? Certainement, répondit l'autre, et ne croyez pas que ce sera la dernière sottise que je ferai dans ma vie. Каковъ молодецъ! Пріятно должно это быть для невѣсты. Охота идти за него!

---

*) Нѣсколько мѣсяцевъ этого 1830 года А. Я. Булгаковъ съ своею семьею провелъ въ Петербургѣ у своего брата, и дальнѣйшія письма его писаны на обратномъ пути оттуда и по возвращеніи въ Москву.

Въ Нескучномъ какіе-то театры воздушные, весь городъ тамъ бываетъ. Вчера дирекція собрала, сказываютъ, 3000 р.; увѣряютъ, что мысль эту далъ князь Петръ Михаиловичъ [1]), ибо лѣтомъ никто не бываетъ въ театрахъ въ городѣ.

*

Москва, 5 Іюля 1830.

Вчера была у насъ Зонтагша, мой милый другъ. Наташи не было дома, но дѣти просили ее принять, и обѣ отъ нея въ восхищеніи, а она отъ нихъ. Много говорили о музыкѣ, и такъ прошелъ часъ очень пріятнымъ образомъ. Показывалъ я ей портретъ. Послѣ ѣздилъ я къ князю Дм. Вл., къ Кокошкину и опять былъ у нея. Она даетъ концертъ въ Четвергъ 10-го. Кокошкинъ противъ обыкновенія своего былъ очень милъ и отдалъ театръ безусловно; потомъ толковали что̀ пѣть? Начнетъ аріею сочиненною для нея нарочно Меркадантіемъ, я просилъ рондо послѣднее изъ Ченерентолы. Avec d'autant plus de plaisir que j'aime beaucoup ce morceau, il est à ma voix, et j'ai de charmantes variations, потомъ арію una voce poсco fà Цирюльника Севильскаго и наконецъ Родовы варіаціи, что̀ пѣвала Каталани. Она сказала кн. Дм. Вл.: Je déplairai à m-r Boulgakow, mais on aime partout ce morceau. Это правда, что я ей сказалъ, что не люблю для голоса скрипичныя варіаціи. Это заставляетъ меня думать, что у нея болѣе искусства, нежели души. Увидимъ. Кромѣ ея не будетъ ничего, и хочетъ она пѣть безъ хоровъ, кои, говоритъ она, только мѣшаютъ и портятъ, когда неотмѣнно хороши. Теперь статья—цѣны за мѣста. Хочетъ ложу по 100 р. Поручусь, что театръ будетъ набитъ одинъ разъ; но она намѣревается дать четыре концерта. Я первый болѣе одного раза ѣхать не могу, а пусти она по обыкновенной цѣнѣ, то всякій разъ будетъ полонъ театръ. Я ей сказалъ, что на третьемъ концертѣ Каталани не было никого.

Какъ обрадовался я 5000 р., пожалованнымъ Александру! [2]) Пріятно должно ему быть видѣть, что трудами его существуютъ мать и вся семья. Награда точно царская, но и рисунокъ отличный. Запечатавъ, поѣду къ Малиновскому и къ Любенькѣ заѣду, обрадовать ее.

*

Москва, 7 Іюля 1830.

Былъ я у Малиновскаго. Худо сталъ слышать; глухимъ можетъ быть, но Каменскимъ Н. Н. никогда.

Вчера былъ я въ Нескучномъ. Множество народу, погода прекрасная, мѣстоположеніе прелестное, театръ этотъ воздушный очень

---

[1]) Т. е. кн. Волконскій, министръ двора.

[2]) Молодому живописцу Мартынову, двоюродному брату Булгаковыхъ, коего сестра, Любовь Андреевна, была за Московскимъ врачемъ Попандопуло.

хорошъ: сцена обширна, сдѣлана изъ натуральной зелени и деревьевъ, одинъ рядъ ложъ, партеръ, а надъ ложами раекъ; биткомъ было набито. Давали Бобыля; наконецъ удалось мнѣ видѣть любимую піесу покойной императрицы Екатерины, хорошо писана и въ Русскомъ духѣ, а послѣ былъ балетъ и пѣніе Русское. Двѣ вещи показались мнѣ довольно странными: Филисша пѣла варіаціи что любо, а послѣ гуляла въ саду въ черномъ съ плерёзами (видно, по материной кончинѣ); почему же бы не ѣхать домой? А потомъ Кокошкинъ въ модной бѣлой шляпѣ гулялъ, ведя подъ руку свою любовницу, актрису Потанчикову.

Жалуются всѣ, что Зонтагша дорого назначила цѣны. Я и самъ того мнѣнія. Всякая ложа имѣетъ пять купоновъ, а шестая особа должна уже платить особо. Ну гдѣ это усмотрѣть! Видно, окружающіе ее наблюдаютъ строго спекуляціи свои. Лодеръ, говорятъ, внѣ себя, не слыхавши ея еще. Спросилъ у какого-то Нѣмца: Wann haben wir Sontag? Тотъ отвѣчалъ: Donnerstag!—Also wird Donnerstag Sonntag werden. Каковъ Нѣмецкій каламбуръ?

*

Москва, 11 Іюля 1830.

Какъ я ходилъ на сцену, нашелъ у Зонтагши князя Дм. Вл., Башилова, Кокошкина, кн. Серг. Мих. Она что-то грустна. Мнѣ сказала, что нездорова; другіе говорятъ, что письма имѣла непріятныя; третьи, что ей было больно, что не повелъ ее на сцену кто нибудь изъ насъ, а Шольцъ капельмейстръ. Напрасно не сказала, я бы далъ ей руку. Дѣло было бы Кокошкина. Вѣдь графъ В. В. Пушкинъ велъ же Каталани? Ну ужъ хлопали! Такого шуму я не слыхалъ никогда, а всѣ поѣхали было сердитые, что дорого назначила цѣны. Наташа въ восхищеніи, ходила послѣ концерта на сцену хвалить пѣвицу; я нахожу у нея сходство съ Фодоршею, тотъ же манеръ, и голоса схожи. Пѣніе ея превосходное, но не совсѣмъ gala italiana, хотя произноситъ хорошо. Голосъ ея не очень силенъ, но чрезмѣрно нѣженъ, пріятенъ и гибокъ до безконечности, метода вовсе новая, пассажи необыкновенны и чисто выдѣланы; скажу тебѣ только: для души мало, хотя и видно, что у самой много души и чувства. Надобно еще послушать, въ комнатѣ должна быть еще лучше. Ноты ея всѣ вѣрны, за нее никогда не боишься. Она точно замужемъ. Теперь дѣлаетъ жертву для мужа или лучше родныхъ его. Онъ былъ замѣшанъ въ революціи Піемонтской, страшныя съ него взысканія, и она оплачиваетъ ихъ своимъ талантомъ. Изъ Петербурга поѣдетъ еще въ послѣдній разъ въ Берлинъ, а тамъ объявлена будетъ графинею Rossi и поселится въ Брюсселѣ, гдѣ мужъ ея министромъ. Путешествующая съ нею какая-то баронша (видно, око мужа ея) называетъ ее, говоря объ ней: mad. la

comtesse. Иные говорятъ, что сборъ былъ въ 16000 рублей; мнѣ въ театрѣ сказывали, что 13400 р., но не все еще заплачено; стало, будетъ болѣе. Кн. Дм. Вл. сказывалъ мнѣ, что для второго концерта будутъ ждать прибытія Великаго Князя, и хорошо! Многіе поѣдутъ, чтобы увидать и Е. И. В. *)

*

Москва, 19 Іюля 1830.

Я былъ у Германскаго соловья и вручилъ ему письмо и ящикъ съ башмачками, т. е. черевичками Варшавскими. Она очень тебя благодаритъ за всѣ твои труды и предложенія. Я сказалъ: Faites le vous-même à Pétersbourg.—Oh, sûrement; mais j'espère que vous me donnerez une lettre pour m-r votre frère?—Avec le plus grand plaisir. У нея былъ безотвязный Лодеръ, который все ее уговаривалъ отложить концертъ до прибытія Великаго Князя, но она дастъ его рѣшительно въ Понедѣльникъ и тамъ ѣдетъ отсюда. Какой-то живописецъ ее нарисовалъ здѣсь, выгравировалъ такою карикатурою, что ужасно смотрѣть. Мой портретъ у меня просятъ, но я не даю. Жаль мнѣ очень, что князева болѣзнь мѣшаетъ мнѣ дать вечеръ, въ коемъ бы попѣла она съ Катенькой. Не знаю, попаду ли на второй концертъ, во всякомъ случаѣ заберусь инкогнито хоть въ раёкъ, чтобы послушать соловья еще одинъ разъ.

*

Москва, 21 Іюля 1830.

Кланяется тебѣ Ланжеронъ. У него нашелъ я по дорожному Льва Николаевича Энгельгарда; узнавъ, что Ланжеронъ здѣсь, онъ изъ деревни прискакалъ обнять его. Вотъ каковы старые друзья! Eh bien, mon cher, сказалъ онъ ему, vous faites pour moi ce que j'aurais fait pour vous aussi. Quand partez vous? — Mais demain, je n'ai voulu que vous embrasser.—Eh bien pas du tout, votre bonne action sera recompensée; vous, qui aimez la musique, savez-vous qui Moscou possède? —Qui?—La Sontag! — Comment, la fameuse Sontag est eci?—Oui, et ce soir elle donne son second concert; allons y ensemble et puisque nous ne pouvons plus faire, allons voir et écouter: elle en vaut la peine. Завтра Ланжеронъ ѣдетъ навстрѣчу къ Мих. Павл., а кн. Дм. Влад., губернаторъ и генералъ дивизіонный уже поѣхали. Вообрази, что только кресла остались, ложи всѣ взяты. Говорятъ, что этотъ сборъ будетъ лучше перваго, а на томъ собрала она 19000 р. вѣрно 15 или 16 т. очистилось. Зонтагшѣ понравился напѣвъ Цыганокъ, и она имъ дала gratis 10 билетовъ на свой концертъ.

*

*) Великій князь Михаилъ Павловичъ въ это лѣто пріѣзжалъ въ Москву лѣчиться искусственными минеральными водами, заведеніе которыхъ было на Остоженкѣ, гдѣ нынѣ классическая женская гимназія С. Н. Фишеръ.

Москва, 24 Іюля 1830.

Вотъ что слышалъ я о Великомъ Князѣ. Вчера былъ онъ уже на водахъ, но только чтобы посмотрѣть, а начинаетъ пить сегодня. Видя военныхъ, одѣтыхъ въ полный мундиръ и шляпѣ, спросилъ: зачѣмъ? Да мы слышали, что в. в. изволите воды пить.—Какое дѣло до меня? Служба службою, а здоровье здоровіемъ; жертвуйте имъ на войнѣ, а здѣсь лѣчитесь, ѣздите въ сюртукахъ и фуражкахъ, я васъ прошу о томъ и требую даже это. Отвѣдывалъ воду Карлсбадскую и сказалъ Лодеру, что находитъ эту горячѣе той; кажется, всего бы легче дать одинаковую степень теплоты. Прибавляютъ, что Лодеръ успѣлъ ему уже надоѣсть. Онъ велѣлъ ему, ежели хочетъ, всякое утро бывать у него и сказать, что̀ имѣетъ, но чтобы тутъ у водъ оставлялъ е. в. въ покоѣ, а то онъ какъ тѣнь за нимъ бѣгаетъ все. Я полагаю, что Вел. Князь будетъ завтра въ концертѣ. Дастъ ли-то она еще концертъ въ свою пользу? Завтра хочется мнѣ съѣздить къ ней съ Катенькой; дамы мои ей не отплатили еще ея визитовъ, а она, говорятъ очень дорожитъ сими атенціями.

*

Москва, 26 Іюля 1830.

Вчера поѣхалъ я съ Fast*) къ Зонтагшѣ. Я нашелъ у нея большое общество: Ив. Алекс. Нарышкинъ, гр. Потемкинъ, П. П. Новосильцовъ, Кутузовъ (сынъ Павла Васил.), и еще нѣкоторые изъ ея обожателей таланта. Voilà ce qu'on dit, madame, à Pétersbourg de vos conserts d'ici. Ha! voyons... Novossiltzow se mit à lire à haute voix l'article qui fut très goûté de tout le monde; а она, какъ Нѣмочка, все твердила: O! non, en vérité, je ne mérite pas tout cela... Comme cette gazette *est bonne*, vraiment trop bonne... Qui aurait pu avoir écrit cet article?—Un artiste.—Oh non, dit N., croyez moi, c'est quelqu'un de la société, un de nous... Ah, coquin, c'est vous-même, сказалъ ему Потемкинъ, plutôt mon voisin (указывая на меня).—Oh, messieurs, ce n'est pas l'embarras, ce n'est pas une chose que j'aurais désavouée; au contraire, j'y aurais écrit mon nom très volontiers, mais on dit, que c'est de m-r Spiridoff. Всѣ просили повторить чтеніе l'article, qui a fait, il me semble, plus du plaisir à m-elle Henriette, que tous les éloges sur sa voix; c'est que c'est une femme! Послѣ позвала она меня съ собою въ садъ свой и очень просила сказать ей имя автора. Écoutez, madame (ибо она это предпочитаетъ слову m-elle), mettez vous à ma place; j'ai donné à l'auteur ma parole de ne pas le nommer. — Eh! bien, voici la mienne de me taire aussi; vous verrez si je saurais la tenir... je vous prie. Вотъ что называется *une douce violence* и какъ

*) Т. е. съ Фавстомъ Петровичемъ Макеровскимъ.

узнала, что авторъ я, то протянула мнѣ руку и очень меня благодарила, просила оставить ей эту газету въ знакъ памяти, что̀, по милости моего догадливаго брата, я могъ сдѣлать безъ собственнаго ущерба, ибо прислали мнѣ два экземпляра. Послѣ напомнила мнѣ о письмѣ къ тебѣ, спрашивая: est-ce qu'il est aussi bon que son frère?—Oh, madame, cent fois meilleur!—Oh! vraiment, est-ce que c'est vraiment vrai? Вотъ письмо, которое запечатала при мнѣ и просила меня доставить черезъ тебя черезъ Брюссель. Ты самъ далъ ей это право. Послѣ пошли мы опять въ садъ. Лодеръ, который даетъ себѣ тоны какого нибудь опекуна ея, все мучалъ, чтобы она пѣла сегодня: Боже, спаси Царя! Ну что̀, имитація Агличанъ! Они воображаютъ, что она этимъ докажетъ преданность къ Государю. Она желала это сберечь для Петербурга и пѣть въ присутствіи Государя. Ей очень полюбилась пѣснь Русская Алябьева: «Соловей». Votre charmante fille me l'a chanté l'autre jour, et elle m'a beaucoup plu, on pourra arranger les couplets en variation, cet air est beaucoup aimé ici, je voudrais le chanter. Всѣ очень одобрили ея мысль и, не смотря на крики и гнѣвъ Лодера, рѣшено, что она будетъ пѣть ужо «Соловья». Она тутъ же сочинила одну варіацію прекрасную, и я осмѣлился ее акомпанировать; она никакъ не вѣритъ, что я не знаю ни одной ноты. Всѣ стали разъѣзжаться, я остался у нея почти до четырехъ часовъ, она еще разъ повторяла слова и музыку «Соловья», очень вникнула въ эту музыку и вѣрно всѣхъ восхититъ.

Покуда былъ я тутъ, явился Чертковъ, его в-ва адъютантъ. Великій Князь прислалъ его къ Зонтагшѣ, благодарить за удовольствіе, которое она ему доставила въ концертѣ наканунѣ и спросить о здоровьѣ ея. Она хотѣла ѣхать завтра, но князь Дм. Вл. даетъ для нея вечеръ въ Понедѣльникъ и проситъ ее остаться. Кажется, не ловко ей отказать. Она мнѣ сказывала, что второй ея концертъ принесъ 15600 р. Это право невѣроятно въ это время года. Хочется мнѣ доставить тебѣ еще статью для Furet *); ежели не возметъ лѣнь, то примусь теперь же писать: время есть. Не знаю, попаду ли на репетицію, а хотѣлось бы, да хотѣлось бы дѣтей потѣшить, повезти ихъ хоть въ третій этажъ; такъ и быть, 50 р. пожертвую. Ольга предлагаетъ половину изъ денегъ, кои княгиня подарила ей въ имянины. Видно, что очень хочется послушать прощальное пѣніе. Повезу, ежели князь не очень плохъ.

Я получилъ записку отъ Анненкова; онъ извѣщаетъ меня, что Вел. Князь приметъ меня *съ удовольствіемъ* сегодня въ часъ пополудни.

*) Выходившая тогда въ Петербургѣ газета.

Это тѣмъ болѣе для меня лестно, что я сей милости не испрашивалъ, а когда былъ у насъ Анненковъ, я ему сказалъ: Je ne vais pas présenter mes hommages à Monseigneur, car je sais qu'il est venu ici pour sa santé et pas pour recevoir des visites importunes. Видно, онъ сказалъ это е. в-ву. А сенаторы просили всѣ быть допущенными; отвѣтъ былъ, что дадутъ знать. Вчера представлялись члены Опекунскаго Совѣта, нѣкоторые генералы, и Рушковскій туда сунулся. Узнавши это, и Ив. Алекс. Нарышкинъ, который вездѣ нуженъ; но сказали, что нельзя. То-то и былъ онъ такъ хорошъ у Зонтагши: мундиръ, лента черезъ плечо, а панталоны бѣлые матроскіе, широкіе сверхъ сапогъ.

Я сію минуту отъ В. К., который меня чрезмѣрно обласкалъ, принялъ въ кабинетѣ своемъ и много разспрашивалъ; началъ со здоровья тестя, не забылъ и Ольгу Александровну. На досугѣ тебѣ все опишу. Говорилъ о Полстикѣ: Vous savez, B., que Polética est amoureux de ma femme. Dieu sait ce qu'en sera?—Mais un duel, Monseigneur. —Pas du tout: je ne me batte pas avec mes amis et puis je compte sur la vertu de ma femme, etc. Очень веселъ, доволенъ Москвою и отпустилъ, говоря: J'espère, que nous vous verrons aussi souvent qu'à Pétersbourg.

*

Москва, 26 Іюля 1830.

Я тебѣ давеча сказалъ въ кратцѣ, что былъ у Вел. Князя. Представлялись Шульгинъ Ал. Серг., Голицынъ князь Андрей, Ив. Ив. Дмитріевъ и Обрѣзковъ. Его в-ство изволилъ позвать меня въ кабинетъ и продержалъ по крайней мѣрѣ ¾ часа; началъ съ тестя, входилъ въ подробности и сожалѣлъ о несчастіи, которое намъ готовится; потомъ пенялъ, что не остались мы для Петергофскаго праздника, хвалилъ оный, разсказывалъ о лѣченіи своемъ, образѣ жизни здѣсь, въ какихъ передъ симъ былъ безпрестанныхъ хлопотахъ, балахъ, разъѣздахъ, ученіяхъ, маневрахъ въ теченіе мѣсяца; о Варшавѣ разсказывалъ, объ Оскарѣ; спрашивалъ, здорова ли Ольга Александровна; говоря о Зонтагшѣ, хвалилъ талантъ, а еще болѣе нравъ ея и доброту. Говоря о водахъ, зашла рѣчь о Лодерѣ. Il me semble, dit s. a., qu'outre qu'il est vieux, il est malade; il a l'air hydropique! На это, я ему отвѣчалъ: Mais oui, et c'est tout naturel.—Comment naturel? Pourquoi cela?—Mais comment voulez vous qu'il n'y ait pas de l'eau dans l'Oder? В. К. очень засмѣялся и прибавилъ: Pas mal pour un commençant.—Qu'appellez vous commençant, Monseigneur? Il y a longtemps que je donne dans ceci, et mon frère aussi.—A propos, est-ce vrai que vous écrivez souvent, c'est-à-dire tous les jours?—Très vrai, Mons.—L'astucieux diplomate est un des habitués de votre frère?—Oui, monseigneur, ils sont liés.—Savez-vous que Polética fait décidément la cour à ma femme; je ne sais pas par quoi

cela finira?—Mais par un duel peut-être!.—Allons donc, je ne me batte jamais avec mes amis, et d'ailleurs je compte sur les principes de la gr.-duchesse.—Потомъ долго говорилъ объ Алжирѣ. Сла́вное, братецъ, дѣло!—Помилуйте, в. в.; король для дея Алжирскаго употребилъ силу, коею Бонапартъ покорилъ весь Египетъ и Сирію. Le roi Charles X a pris une massue pour tuer une mouche, mais que fera-t'on d'Alger?—Ну это дѣло Полетики и васъ всѣхъ дипломатовъ. Тутъ рѣчь зашла о Турецкой войнѣ, Варнѣ и Браиловѣ. Послѣ очень хвалилъ е. в. здѣшній кадетскій корпусъ.—Былъ ли ты тамъ?—Нѣтъ-съ!—Напрасно.—Я долженъ былъ везти туда Хозрева, да онъ занемогъ тогда и не былъ.—Отличное во всѣхъ отношеніяхъ заведеніе, я поѣду еще туда и возьму тебя съ собою; это стоитъ того посмотрѣть, дѣти здоровы, веселы, благонравны, учены, сыты, мило смотрѣть.—Я благодарилъ за предложеніе и охотно поѣду туда, особенно же съ е. в. Богъ знаетъ, о чемъ не было рѣчи. О покойномъ государѣ, о наводненіи 1824 года и пр. и пр. Отпуская меня, сказалъ: j'espère que nous nous verrons aussi souvent qu'à Pétersbg. Я думаю, я очень надоѣлъ Ив. Ив. Дмитріеву, который ждалъ, чтобы я вышелъ. Между тѣмъ собрались тутъ Юсуповъ, комендантъ, Ланжеронъ, кои приглашены были кушать у е. в. Не повѣришь, какъ онъ меня обласкалъ. Оттуда, какъ былъ я въ парадѣ, въ лентѣ, заѣхалъ я къ князю В. А.[1]) Бѣловъ его разбудилъ, говоря: вотъ и Алекс. Яковл. пріѣхалъ отъ Вел. Князя вамъ показаться и васъ навѣстить. Бѣдный больной, увидя меня, обрадовался и удивился, глядѣлъ на меня, какъ ребенокъ на игрушку, улыбался, указалъ мнѣ сѣсть возлѣ себя, разсматривалъ звѣзды мои и взялъ въ руку ленту Станиславскую, похваливая жестами. Эта минута была, кажется, пріятна ему столько же, какъ и мнѣ. Можетъ быть, она и послѣдняя будетъ между нами. Я все боюсь, что онъ вдругъ потеряетъ память, да и жизнь: очень слабъ.—Вел. Князю очень понравился каламбуръ, который читалъ я въ Furet: Alger a tourné la tête aux Français; les couturières de Paris ne veulent se servir que de dés d'Alger[2]).

Прежде нежели лечь спать и выкурить трубку, поговорю о концертѣ прощальномъ. Было немного. Этотъ театръ кажется пустъ, когда не весь набитъ: такъ обширенъ. Однакоже эта пустота произвела почти 7000 р., и Зонтагша никогда такъ хорошо не пѣла и не старалась. Пріемъ былъ ей удивительный. Я, право, и не знаю, что̀ она лучше всего пѣла. Арія эта Меркаданте ея тріумфъ, но какъ пѣла она божественно арію изъ Семирамиды, коей allegro очень не хорошъ; она его украсила прекраснѣйшими пассажами. Въ репетиціи

[1]) Тестю Булгакова, князю Хованскому.

[2]) Dés—наперстки и Алжирскіе де́и.

я восхищался изобиліемъ ея пассажей; разъ пять начинали, оркестръ шелъ нехорошо, и всякій разъ дѣлала она шутя различные пассажи. Швейцарскую пѣсню славно пропѣла, говорили всѣ знатоки; я не очень слышалъ вотъ почему. Оставя дѣтей въ ложѣ съ Марьей Егоровной, я пошелъ внизъ въ кресла, чтобы лучше слышать и видѣть: тутъ оба надобно! В. Князь, увидя меня, поклонился и сдѣлалъ знакъ головой, чтобы я къ нему пришелъ. Нашелъ я его передъ ложею въ комнаткѣ, отдыхающаго отъ жары. Тутъ были кн. Дм. Влад., который скоро ушелъ, комендантъ, Башиловъ и свита князева. Разговоръ былъ все объ Зонтагшѣ. Е. в. цитировалъ фразу изъ Furet (не зная, что говорилъ съ сочинителемъ оной), о короткомъ платьѣ и прекрасной ножкѣ. Какъ кончилась симфонія Спонтинія и должна была начинаться Швейцарская пѣсня, я хотѣлъ уйти; но В. К. пригласилъ меня въ ложу и посадилъ на второе мѣсто противъ себя и всѣхъ зрителей, ибо ложа его на сценѣ подъ императорскою. Я изъ учтивости уступалъ мѣсто коменданту, но онъ не принялъ и сѣлъ возлѣ меня. Такъ какъ В. К. часто разговаривалъ, то и не очень слышалъ я Зонштагшу; за то по окончаніи аріи я далъ тихонько тягу, какъ пришелъ кн. Дм. Влад., который занялъ обыкновенное свое мѣсто, т. е. то, гдѣ я сидѣлъ. Мнѣ очень было это лестно, ибо вся публика видѣла ласку е. в-ва ко мнѣ. Соловья безподобно пѣла. Да и какъ соловью было не хорошо пѣть Соловья? Всѣ хоромъ закричали фора, и она пропѣла еще разъ; такъ произносила, что слóва не было потеряно и прекрасно произносила, точно Русская.

Вотъ что посылаю Булгарину для Пчелы въ прилагаемомъ при семъ письмѣ. «26-го Іюля, къ сожалѣнію не токмо родныхъ его и друзей, но и всѣхъ жителей древней столицы, скончался въ Москвѣ, на 73 году жизни своея, тайный совѣтникъ, сенаторъ князь Василій Алексѣевичъ Хованскій. Покойный князь былъ усердный, преданный слуга государевъ; сердце его было украшено прекраснѣйшими качествами, а домъ его съ давняго времени служилъ съѣздомъ отборнѣйшему въ городѣ обществу. Всѣ посѣтители, особенно знаменитые иностранцы и путешественники, находили въ покойномъ князѣ ласку, хлѣбосольство, вѣжливость, любезность и всѣ вообще качества, украшающія коренного Русскаго барина».

*

Москва, 27 Іюля 1830.

Не стало добраго князя Василія Алексѣевича! Онъ скончался въ 7 часовъ безъ 10 минутъ утра. Я закрылъ ему глаза, мой милый и любезнѣйшій другъ. Я сказалъ княгинѣ *), что не время уже ее обма-

*) Вторая супруга покойнаго (слѣд. мачиха супруги А. Я. Булгакова) княгиня Елена Васильевна, урожденная Толстая. Дѣтей она не имѣла.

нывать, что у князя руки уже холодѣютъ, не совѣтовалъ ей входить къ умирающему, что ужасная хрипота въ горлѣ, и смотрѣть на него мучительно. Сказала, что не пойдетъ, много плакала, просила жить въ согласіи съ нею. Ежели съ вашей стороны, отвѣчалъ я, таже готовность, чтò съ нашей, то вѣрно останемся друзьями. Обнимала меня и просила болѣе думать о Наташѣ, нежели о бѣдномъ умирающемъ. Мы разстались очень нѣжно. Какъ я пришелъ къ князю, то хрипота унялась, онъ сталъ дышать рѣже. Безъ четверти въ 7, ощупавъ пульсъ, вижу, что пересталъ бить и рука здоровая (лѣвая) какъ ледъ. Кончено, сказалъ я людямъ. Всѣ мы заплакали, и я закрылъ ему глаза. Нѣсколько секундъ послѣ сего, князь вдругъ опять вздохнулъ тяжело и сталъ открывать глаза. Ощупавъ правую (разбитую) руку, мы очень удивились, найдя ее теплою еще. Тотъ вздохъ былъ точно послѣдній; но непонятно, что тогда какъ князь не дышалъ и мы опять закрывать стали ему глаза, въ большомъ пальцѣ правой, разбитой руки, продолжалась съ минуту сильная конвульсія. Тутъ видно сперлась вся кровь. Объявя княгинѣ несчастіе, я пошелъ къ покойнику, поцѣловалъ у него руку и поскакалъ домой.

Извѣстный литераторъ и профессоръ Мерзляковъ скончался вчера: это потеря для Университета.

*

Москва, 29 Іюля 1830.

Зонтагша за мною прислала, поѣду проститься, она ѣдетъ сейчасъ, вчера была у насъ прощаться, насъ не было, жена не могла ее принять. Карета дорожная готова, и лошади приведены у miss Henriette, а она сама изволитъ еще почивать. Вчера завеселилась у кн. Дм. Вл., гдѣ пѣла она и другіе и танцовали. Вел. Князь былъ очень веселъ по словамъ de l'inévitable Loder, котораго я нашелъ у Зонтагши. Секретарь ея меня увѣрилъ, что могу ѣхать домой, воротиться черезъ два часа и вѣрно застану ее еще здѣсь. Я такъ и сдѣлалъ, а зала тамъ набита прощальщиками; одна труппа Нѣмецкая составляетъ человѣкъ 30.

Очень меня утѣшило письмо Ламсдорфа, а безъ стишка не могъ таки обойтись. Scarron pour la gaîté, Bayard pour la droiture. Et surtout votre ami, jusqu'à — déconfiture. Обними за меня l'Hermite de la Moyka.

Я сію минуту отъ Зонтагши, посадилъ ее въ карету; множество было тутъ народу. Она заранѣе проситъ тебя извинить ее, ежели пошлетъ тебѣ письмо съ человѣкомъ; я сказалъ, что тѣмъ лучше, ибо

ты на дачѣ, а Марица нездорова. Вчера князь Дм. Вл. съ нею открылъ балъ, много пѣли, и она также. Вотъ письмо отъ князя Влад. Голицына толстаго. Онъ ей отдалъ домъ Лобанова что̀ въ Морской, бывшій Александра Львовича, который онъ нанимаетъ; онъ теперь пустой, то Зонштагша въ немъ жить будетъ. Доставь это письмо тотчасъ, вели взять расписку и мнѣ пришли.

*

Москва, 31 Іюля 1830.

Сюда пріѣхалъ Алексѣй Петр. Ермоловъ. Вел. Князь велѣлъ сказать ему, что узналъ, что онъ здѣсь и сожалѣетъ, что его не видитъ. Ермоловъ отвѣчалъ, что, ѣдучи сюда, никакъ не думалъ найти е. в. въ Москвѣ, что не можетъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, не имѣя ничего кромѣ фрака и сюртука. На это Вел. Князь приказалъ Бибикову написать ему, что увидитъ его у себя съ удовольствіемъ и во фракѣ. Вчера Ал. Петр. былъ у е. в., и теперь Богъ знаетъ что ни говорятъ, что Ермоловъ въ а̀рміи на мѣсто Дибича, и даже сюда на мѣсто Голицына.

Посмотри-ка, братъ, какая прекрасная табакерка здѣшней Московской работы вся. Вышло, что Лукутинъ мнѣ старый знакомый, говоритъ, что табакерки его посылаются и въ чужіе края черезъ Ригу и Лейпцигъ, даже въ Парижъ, что не успѣваетъ ихъ дѣлать, много требованій; тоскуетъ только, что два лучшіе живописца пьяницы, что съ такимъ талантомъ Французы сдѣлали бы себѣ страшную фортуну, а онъ долженъ ихъ запирать на ключи; за то какъ выпуститъ, такъ и пойдутъ пить надолго. Несчастіе это у нашихъ Русскихъ всѣхъ мастеровъ, а какіе есть таланты! Купецъ беретъ мнѣ сдѣлать все, что̀ хочу, по рисунку и образцу, который ему дамъ. Дороже не было у него табакерки 25 р., а та что̀ посылаю тебѣ стоитъ 12 р. Какая бездѣлица! Жаль, что выборы рисунковъ не хороши, хотя и отлично всѣ отдѣланы, какъ фигуры, такъ и пейзажи.

*

Москва, 1 Августа 1830.

Сію минуту былъ у меня издатель Телеграфа Полевой, человѣкъ очень пріятный и свѣдущій. Весь городъ наполненъ талантомъ Зонтагши, говоритъ онъ, я сказалъ объ ней два слова токмо слегка въ журналѣ моемъ; желалъ бы посвятить ей большую статью; не поможете ли мнѣ въ этомъ, в. п-во? Къ счастью остались у меня брульоны того, что̀ я тебѣ посылалъ, я обѣщалъ Полевому дать переводы съ оныхъ. Только что онъ уѣхалъ, пріѣхалъ Ланжеронъ, велѣлъ тебѣ много кланяться, называя тебя la perle des créatures de Dieu. Онъ

строилъ куры Ольгѣ. Долго мы политиковали съ Ланжерономъ, и онъ боится, что будутъ проказы, междоусобная война во Франціи. Чего хочется этому королю? Отложа уже другіе всѣ резоны, онъ показываетъ неблагодарность и презрѣніе къ памяти короля, который былъ по моему Французскимъ Саломономъ. Бѣда та, что пожаръ отъ Франціи пойдетъ въ другія государства: надобно будетъ вступиться всѣмъ державамъ, съ тою разницею, что прежде унимали народъ Французскій, а теперь надобно будетъ короля ввести въ разумъ.

*

Москва, 2 Августа 1830.

Меня бѣсятъ, право, Французы. Хорошъ и король! Отъ жиру бѣсятся. Ужъ мнѣ эти святоши, все толкуютъ объ обѣднѣ, цѣломудріи, а между тѣмъ сѣютъ раздоры и войну всюду. Посмотри, коли да не будетъ каша, и положеніе короля будетъ критическое. Дай Богъ еще, чтобы пожертвованіемъ министровъ могъ успокоить народъ и себя оградить—будетъ царствовать, но любви и уваженія лишится навсегда; думалъ, что взятіе Алжира развяжетъ ему руки дѣлать что хочетъ.

*

Москва, 4 Августа 1830.

Конечно можно было предвидѣть кутерьму въ Парижѣ. Вообрази, что здѣсь въ Субботу ввечеру уже говорили о возмущеніи въ Парижѣ. Еще до полученія мною почты, былъ у меня И. А. Нарышкинъ и сказывалъ, что король бѣжалъ и что корона предложена герцогу Орлеанскому, который отказалъ, прибавя, что можетъ только согласиться быть регентомъ до совершеннолѣтія дюка Бордоскаго и то съ согласія короля Карла. Отвѣтъ умный, ежели правда. Бѣда! Ежели державы вмѣшаются опять въ зарейнскія дѣла, то вещь будетъ деликатная, ибо теперь вина на сторонѣ не народа, а короля или правительства, по крайней мѣрѣ. Первыя извѣстія будутъ очень любопытны. Сообщай мнѣ что узнаешь, а на мою prudenza положись. Я и теперь говорю: удивляюсь, что братъ мнѣ этого не пишетъ.—Великому Князю приставляли піявку сегодня къ fondamento. Не знаю, естьли большая нужда, но знаю, что Лодерова страсть пачкать. Между тѣмъ вербуютъ народъ на пикникъ, который будетъ въ Среду въ Останкинѣ и который удостоитъ своимъ присутствіемъ Великій Князь. Есть уже 100 человѣкъ, слишкомъ по 25р. Многіе напрашиваются, коихъ не хотятъ. Башиловъ этимъ завѣдываетъ, а дамами командуетъ М. И. Корсакова. Я благодарилъ за приглашеніе и въ этотъ день надѣюсь быть на Троицкой дорогѣ *) уже.

*

*) Т. е. на дорогѣ въ Семердино.

Москва, 6 Августа 1830.

Эту ночь ужасно я промучился зубами и всею лѣвою стороною лица; не зналъ, что̀ дѣлать. Наташа положила мнѣ камфары въ ухо съ корпіею и велѣла сдѣлать подушку также на камфарѣ, боль по малу утихла, и къ утру я могъ часа три поспать. Нечего дѣлать, надобно будетъ послать за Жоли и ежели велитъ—вырвать зубъ. Я напрасно выѣхалъ вчера, да нельзя было дома остаться: только что я запечаталъ вчера почту къ тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, явился верхомъ лакей отъ Великаго Князя звать меня къ е. в. обѣдать въ два часа. Немного оставалось времени. Не зналъ, какъ ѣхать, послалъ верхомъ къ Анненкову узнать, какъ быть на обѣдѣ? Отвѣчалъ Анненковъ, что е. в. проситъ меня быть во фракѣ. Я нашелъ тамъ губернатора, который уѣхалъ скоро; остались трое, е. в., Гр. Ив. Виламовъ и я. Я бы тебѣ предложилъ, сказалъ мнѣ в. к., партію въ билліардъ, да я не смыслю ничего; а ты, я слышалъ, великій мастеръ. Стали болтать о Франціи. Е. в. разсказывалъ, что герцогиня Ангулемская была у ногъ короля, прося со слезами оставить тѣ 6 ordonnances безъ исполненія, но король отвергъ, сказавъ: J'ai l'exemple de mon malheureux frère; Louis XVI a péri pour n'avoir pas eu assez de fermeté! Спрашивалъ, есть ли что-нибудь офиціальнаго. Я отвѣчалъ, что нѣтъ, а что въ Петербургѣ много слуховъ разныхъ, но что всѣ они очень смутны. Е. в. очень хорошо разсуждалъ о послѣдствіяхъ, кои быть могутъ, что Бельгія можетъ возстать, можетъ и Рейнскія владѣнія Прусаковъ, армія вся составлена изъ тамошнихъ жителей; что, ежели Пруссія вступится, пошлетъ войска, то и мы будемъ вовлечены и пр.

Послѣ пріѣхалъ еще кн. Серг. Мих. Голицынъ, насъ семеро и обѣдало съ Бибиковымъ и двумя адъютантами е. в. За столомъ много смѣялись. Послѣ обѣда вышли мы на площадку къ саду. В. к. сѣлъ и насъ посадилъ около себя. Скажи мнѣ, Булгаковъ, выучилъ ли тебя братъ курить?—Я всегда курилъ, но братъ пріучилъ меня къ сигарамъ.—Безподобно! Гей! Принеси намъ сигаръ. Одну взялъ самъ, другую далъ Виламову, а третью мнѣ. Славныя сигары. Я вспомнилъ тебя и Петербургъ. Одну выкурили, а тамъ и по другой и по третьей. Бѣднаго кн. Серг. Мих. мы такъ закурили, что онъ отправился въ садъ погулять. Il faut l'habituer à fumer, dit Monseigneur.—Et pourquoi pas? Mon frère a habitué le prince Alexandre G. aux cigares, pourquoi le p-ce Serge G. ne prendrait pas le même gout? Вотъ Государя, прибавилъ В. К., я никакъ не могъ выучить курить: возьметъ сигару въ ротъ, пойдутъ слюни, и прощай! Богъ знаетъ, о чемъ ни была рѣчь, ибо мы просидѣли тутъ отъ двухъ часовъ до шести. Я, право, не знаю,

чѣмъ могъ я заслужить такія милости. За столомъ, видя, что не беру фруктовъ, е. в. велѣлъ отвезти гостинцы дѣтямъ, персики и сливы, изъявляя сожалѣніе, что не будутъ они на пикникѣ сегодня. Когда сталъ я откланиваться, жалъ руку, прибавя: Faites moi le plaisir, mon cher, quand vous savez quelque chose de la France, communiquez le moi, это лично для моего токмо любопытства и свѣдѣнія, и я тебя о семъ прошу. Я уже уходилъ, в. к. воротилъ. A propos: après demain je vais voir le corps des cadets de Moscou; venez chez moi à 6 heures du soir, nous irons ensemble. Буду стараться заслуживать милости сіи. Е. в. жаловался очень на геморроиды, піявки сдѣлали пользу, но не большую; прикладывалъ В. К. руку мою къ своему затылку, такъ и горитъ какъ печь, а отпустя насъ садился въ коляску ѣхать смотрѣть два Егерскіе полка. Не даетъ себѣ покою. 1-го Сентября будетъ въ Петербургѣ. Спрашивалъ про Полетику.

*

Москва, 7 Августа 1830.

Сію минуту были у меня Анненковъ и Долгоруковъ *). Послѣдній еще здѣсь и теперь разсказываетъ про вчерашній picnic. В. К. былъ невеселъ, уѣхалъ въ 11 часовъ, однакоже танцовалъ нѣсколько Польскихъ. Было довольно весело, только ужинъ скверный; нельзя было добиться пить, а въ жаръ такой стаканъ холодной воды лучше фейерверка, стоившаго 600 р. Множество было простаго народа, пришедшаго нарочно изъ Москвы погулять въ саду и посмотрѣть на илюминацію.

*

Москва, 8 Августа 1830.

Вчера былъ я съ е. в. въ Кадетскомъ корпусѣ, также былъ и гр. П. А. Толстой, а тамъ нашли мы многихъ другихъ, а именно Озерова, кн. Серг. Мих. Голицына, див. генерала Савоини, Кайсарова. В. К. входилъ въ величайшія подробности, все обходилъ, ужиналъ съ кадетами и даже велѣлъ имъ при себѣ раздѣться и лечь спать. В. К. прекрасно съ дѣтьми обходится, училъ ихъ, муштровалъ, но послѣ самъ рѣзвился съ маленькими и смѣшилъ ихъ. Собравъ роту одну вокругъ себя, спросилъ, кто у васъ шалилъ сегодня и былъ наказанъ, сказывайте правду. Одинъ признался: виноватъ, в. и. в. А что ты сдѣлалъ? Подрался съ товарищемъ. — А я было, прибавилъ В. К., хотѣлъ тебя взять къ себѣ въ адъютанты, пеняй на себя. Le petit ne s'est pas payé de cette raison et s'est mis à rire. Пріѣхавъ домой, я ногъ не чувствовалъ, а надобно было прежде заѣхать еще на минуту къ Долгоруко-

*) Князь Илья Андреевичъ, любимецъ великаго князя Михаила Павловича.

вымъ, гдѣ пѣли Цыганки и было маленькое собраніе, Урусовъ, Киндяковъ, графъ Васильевъ и пр. и много кавалеровъ. Извинясь передъ княгинею, я уѣхалъ домой и скоро завалился спать.

*

Москва, 9 Августа 1830.

Очень ты меня обрадовалъ графствомъ Закревскаго. Вѣрно и В. Князь обрадуется, ибо очень любитъ Арсенія Андреевича. Буду къ нему писать и поздравлю новое сіятельство. Что-то madame la comtesse, остепенится ли хоть немного?.

Бартенева, которая по старой привычкѣ всякій мѣсяцъ родить, была намедни на пикникѣ; только, видно, много суетилась, притащилась къ Чумагѣ просить комнатку, собиралась у него родить (видно, царя для Греціи), но, къ великой радости Чумаги, боли утихли, и она могла возвратиться въ Москву, куда прибывъ тотчасъ и родила. Желаю Марицѣ также благополучно родить, только дома и даже не на дачѣ.

Странно, что ничего нѣтъ изъ Франціи. Это молчаніе не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Здѣсь говорятъ, что кровопролитіе продолжалось три дня.

*

Москва, 11 Августа 1830.

Вчера, возвратясь домой, узналъ я, что Вел. Кн. присылалъ звать меня обѣдать. Было уже два часа, а онъ въ два часа изволитъ кушать; слѣдовательно нельзя было уже ѣхать. Отобѣдавъ дома, я одѣлся и пустился къ е. в. извиняться. Нашелъ его на террасѣ къ саду; были тутъ кн. Ив. Леонт. Шаховской, Каблуковъ, Башиловъ и Бибиковъ. Vous venez très à propos, сказалъ Вел. Кн., не давъ мнѣ время объяснить, почему не явился я обѣдать, и ударя по софѣ, на коей сидѣлъ, рукою, прибавилъ: Asseyez vous, mon cher, à côté de moi, дайте Булгакову сигару! Вы курите, князь?—Курю, в. в.—Дайте и князю сигару.—Que dites vous de Paris?—Mais, msgr, je ne sais rien de positif. Принесли сигары.—Затвори, братецъ, двери. Dans ce cas, продолжалъ В. К., je vais vous lire; j'ai les journaux jusqu'au 2 août. Послѣ чего В. К. изволилъ прочесть громко четыре пребольшие №№ Messager и Journal des Débats. Какъ не усталъ, и притомъ всегда была сигара во рту. Только иной разъ останавливался, дѣлая замѣчанія или восклицанія удивленія, гнѣва. Теперь я по милости е. в. все дѣло понимаю; все не официально тутъ, конечно, но главныя происшествія мнѣ извѣстны теперь. По мѣрѣ что очищалъ листы, В. К. посылалъ ихъ къ Ланжерону, живущему почти рядомъ, называя это слабительными и рвотными. При послѣднемъ листѣ, и колоннѣ даже, позвали В. К.—На, братъ Булга-

ковъ, сказалъ онъ, дочитывай-ка самъ и мнѣ скажешь, что̀ найдешь любопытнаго. Ланжеронъ не утерпѣлъ, самъ явился, вскорѣ и В. К. Тутъ пошли политиковать, и все разныя мнѣнія. Башиловъ предсказывалъ опять la terreur и ужасы революціи, Лажеронъ—что Орлеанскій будетъ король и пр. A défaut de l'astucieux diplomate de Pétersbg (Polética), que dit celui de Moscou? спросилъ у меня В. К.—Il n'y a pas de roi dans tout cela, Msgr. Orléans n'est que lieutenant. On veut voir ce que les puissances diront, on gagne du temps. Pour le roi et le dauphin c'est fini, le petit Bordeaux fera le Louis XV et d'Orléans le régent, comme son aïeul. Cela pourra tout concilier: l'enfant pourra être façonné comme on voudra, les ultra verront un gage pour eux dans l'avenir et les libéraux une garantie dans le régent. Ланжеронъ крѣпко спорилъ. Non, mon cher, on ne veut plus des Bourbons, c'est fini pour eux. Le fils d'Égalité sera roi, etc. Ужасныя пренія, какъ будто отъ насъ зависѣла судьба Франціи! — Какъ я хотѣлъ ѣхать, то В. К. отнялъ шляпу, говоря: Нѣтъ, оставайся съ нами; сію минуту явятся дѣти мои намеднишнія (кадеты корпуса), станемъ сами шалить и ихъ забавлять. Скоро явился Ушаковъ и штукъ 40 кадетовъ; ихъ потчивали чаемъ, фруктами, мороженымъ. В, К. точно обходился съ ними какъ отецъ съ дѣтьми. Послѣ пошли въ садъ, и е. в. всѣхъ насъ заставилъ и самъ игралъ съ ними въ barre. Какъ ихъ отправили домой и какъ я хотѣлъ отретироваться, Passons dans mon cabinet, сказалъ е. в. Ланжерону, Башилову и мнѣ; сѣлъ. Tout cela est bien, mais Orléans, mais Laffitte et Benjamin dans leurs lits, qui ne sont pas les lys des Bourbons.... C'est affreux! Ce massacre! Des innocents! Стали напоминать е. в., что пора къ Ив. Алек. Нарышкину, куда звали его на вечеръ. Encore 5 minutes; je vais me changer, car j'ai les pieds mouillés (былъ дождь, и трава въ саду была мокра).—Allez, Langéron, avec B-w, en avant, faites l'avant-garde, annoncez nous chez mad. N. Нечего дѣлать, я и званъ не былъ по трауру нашему, поѣхалъ и объяснилъ Ив. Ал., какъ дѣло было. Онъ очень былъ радъ, comme de raison, Грипсолелю*), qui est de la société de Msgr, и точно не звалъ оттого, что не видалъ меня и на пикникѣ, думая, что никуда еще не ѣзжу. Скоро прибылъ и В. К. Было человѣкъ съ 60: комендантша, Гончаровы, Брольша, Бутурлина, Новикова, Долгорукова съ сыномъ, дочерью и женихомъ ея, кн. Дм. Вл., Бороздинъ, Лодеръ, Урусовъ, князь Серг. Мих. Голицынъ и кое-кто еще. Вдругъ повели всѣхъ въ залу, гдѣ Albini представилъ сцены изъ le Gentilhomme sans argent и le Ci-devant jeune homme. Все это старое, извѣстное и не слишкомъ позабавило зрителей, а еще менѣе В. К. Онъ велѣлъ

*) ?.

мнѣ сѣсть возлѣ себя. Во время второй пьесы вдругъ спросилъ: Гдѣ твой сынъ?—Здѣсь, в. в., теперь у насъ на ваканціяхъ. — Какъ же тебѣ не стыдно, не привезешь его ко мнѣ?—Не смѣлъ!—Покажи мнѣ его, который годъ?—16!—Какъ время летитъ! Давно ли я его видѣлъ ребенкомъ; преуморительный, какъ онъ насъ смѣшилъ!—Теперь сталъ степеннѣе, в. в.—Привози непремѣнно!—Слушаюсь, в. в.—Ужо надобно везти, ибо завтра хочется отвезти своихъ въ Семердино. Право, братъ, не знаю, чѣмъ заслужить всѣ милости и ласки Вел. Кн.? Онъ готовитъ праздникъ для кадетовъ, велѣлъ мнѣ быть на ономъ и помогать ему ихъ позабавить; день не взятъ еще, надобно будетъ устроить это и воротиться для этого изъ деревни. Какъ посадили е. в. въ мушку съ дамами, то мы съ Долгорукимъ улизнули къ намъ, и онъ просидѣлъ у насъ до часу почти. Поутру возилъ онъ Костю въ Симоновъ къ обѣднѣ, тамъ славятся монахи пѣніемъ необыкновеннымъ, точно гармоника; не могъ Катѣ отказать, и я поѣхалъ туда съ нею, а Лёлька, еще покашливая, осталась дома. Подъ Симоновымъ вспомнилъ я молодость нашу, счастливыя, беззаботныя времена, въ кои ѣзжали мы туда съ Фастомъ, Приклонскимъ, Гришею Гагаринымъ верхомъ на каретныхъ лошадяхъ гулять! Пѣнье монаховъ точно имѣетъ что-то унылое, трогательное. Я стоялъ у самаго клироса, и казалось, что поютъ далеко. Послѣ ходили мы по гробницамъ, читали надписи. Какой это часто вздоръ, ложь!

*

Москва, 12 Августа 1830.

Не могу выразить тебѣ, любезнѣйшій братъ, сколь много я тронутъ всѣми милостями Великаго Князя! Я тебѣ писалъ, кажется, что онъ самъ изволилъ вспомнить о Костѣ и пенялъ мнѣ, что я не привезу его къ нему. Вчера по увѣдомленію Анненкова явились мы къ е. в. въ 8 часовъ вечера. Камердинеръ, видя, что мы скучаемъ одни ждать, засвѣтилъ биліардъ, и мы сыграли три партіи въ биліардъ. Е. в. нашелъ, что Костя очень выросъ: не мудрено въ шесть лѣтъ, что онъ его не видалъ.—Что это за мундиръ, что за нарядъ! Поди, поди-ка сюда! И съ сими словами В. К. потащилъ его въ биліардную, которая болѣе была освѣщена и началъ школьника разсматривать и распрашивать. Бибиковъ пришелъ доложить, не угодно ли въ саду посмотрѣть образцы водяныхъ штукъ, кои готовятъ къ фейерверку. В. К. даетъ праздникъ кадетамъ въ саду своемъ въ Воскресенье.—Очень хорошо, пойдемте, только дайте сигарку мнѣ и Булгакову. Костя таки не утерпѣлъ, пустилъ каламбуръ. Comment trouvez vous la fontaine? спросилъ В. К.—J'aime, Msgr., ses fables, отвѣчалъ Костя. Послѣ воротились мы въ домъ. В. К. позвалъ меня въ кабинетъ и Анненкова.

Костя остался въ залѣ. А гдѣ же мой гость? сказалъ В. К. Конст. Алекс., пожалуйте сюда, положи шляпу, садись и разсказывай мнѣ, и начались разные вопросы и воспоминанія о Царскомъ Селѣ. Подали чай. Начать хотѣли съ е. в., но онъ чашки не взялъ, указавъ камердинеру на меня, послѣ сего самъ изволилъ подать мнѣ сигарку. Разговоръ продолжался такимъ образомъ до 11 часовъ; была рѣчь о Наполеонѣ, о войнахъ съ нимъ, о послѣдней Турецкой, о Браиловѣ, Варнѣ, о Пажескомъ корпусѣ и шалостяхъ, кои тамъ были, о воспитаніи вообще, о Французскихъ дѣлахъ; вычислялъ е. в. хорошихъ офицеровъ, кои въ гвардіи и пр. Увидя, что время подходитъ для В. К. почивать, я самъ всталъ, чтобы ѣхать. Откланиваясь, пожалъ руку мнѣ, говоря: спасибо, что раздѣлилъ мое уединеніе. Потомъ звалъ насъ на Воскресенье къ себѣ. Je suis le cadet de ma famille et je donne une petite fête aux cadets d'ici; je vous prie d'être des nôtres.—Mais je ne suis pas cadet, Msgr.—Comment cela?—Je suis l'aîné de ma famille, отвѣчалъ Костя; таки не утерпѣлъ. В. К. изволилъ смѣяться, но впередъ запретъ каламбурамъ, тѣмъ болѣе, что нашъ парень не очень твердъ во Французскомъ діалектѣ. Слава Богу, все хорошо обошлось. Костя по сіе время внѣ себя отъ радости. Одно твердитъ: я, мальчишка, сидѣлъ въ кабинетѣ у В. К., пилъ чай съ е. в., званъ къ нему еще разъ!! Мнѣ кажется, я бы скорѣе умеръ, чѣмъ ослушаться или провиниться противъ такого начальника. Какъ онъ милостивъ и добръ. В. К. спрашивалъ у Кости, гдѣ онъ желаетъ служить.—Гдѣ велятъ родители, отвѣчалъ онъ.—Это такъ, отвѣчалъ е. в., но куда у тебя желаніе?—Въ военную службу! В. к. ничего не сказалъ тутъ, но послѣ мнѣ говорилъ одному: Pourquoi contrecarrer ses dispositions? Croyez-moi, mon cher, faites en un militaire; on est toujours à temps de revenir au civil. Confiez le moi, dans un ou deux ans il peut servir. В. К. меня поколебалъ многими резонами. Не скажу Костѣ, но между тѣмъ надобно будетъ подумать объ этомъ.

Надобно было видѣть, съ какимъ восхищеніемъ Костя разсказывалъ матери и сестрамъ свои похожденія. Мы нашли и Долгорукова у насъ. Сегодня вошелъ рано. Что̀ такое? У меня просьба, папенька, до васъ. Что̀ такое? Не пишите ничего дяденькѣ о визитѣ нашемъ.—Зачѣмъ?—Я пойду писать и все ему подробно опишу; пусть отъ меня перваго узнаетъ. Не смотря на обѣщаніе, пишу тебѣ, какъ было все, не полагаясь слишкомъ на терпѣніе Костино. Я, право, не знаю, какъ заслужить всѣ милости В. К.; стараюсь держать себя въ должномъ отдаленіи, но онъ своими ласками все болѣе меня сближаетъ къ себѣ. Прощаясь жалъ руку и сказалъ: Je vous remercie, *mon cher*, de partager ma solitude, allez demain voir l'exercice des houzards, ce sera

joli; est-ce que vos dames ne voudront pas aller? Et puis venez chez moi, j'aurai très probablement des nouvelles de Paris. Поэтому остаюсь я здѣсь еще сегодня, а завтра отвезу своихъ въ Семердино, въ Пятницу ворочусь сюда съ Костею, чтобы въ Воскресенье быть на праздникѣ у его высочества.

*

Письмо К. А. Булгакова къ его дядѣ.

12-е Августа 1830. Вторникъ.

Любезный дяденька!

Я никогда не забуду вчерашній день. Великій Князь Михаилъ Павловичъ такъ былъ добръ, что вспомнилъ намедни обо мнѣ, сказалъ папенькѣ, чтобы онъ меня привезъ къ нему, и намъ назначено было явиться вчера въ 8 часовъ вечера. Великій Князь возвратился съ какого-то ученья, мы ждали въ залѣ. Великій Князь, увидя меня, показался удивленнымъ ростомъ моимъ и сказалъ: «ты ли это?» А потомъ, такъ какъ въ залѣ было темно, то его высочество схватилъ меня за воротникъ, потащилъ въ биліардную, гдѣ горѣли лампы, и началъ разсматривать мой мундиръ университетскій и дѣлать разные вопросы; потомъ повелъ насъ въ свой садъ, гдѣ были сожжены образцы фейерверка, который готовятъ къ Воскресенью. Великій Князь такъ былъ милостивъ ко мнѣ и такъ меня ободрилъ ласками своими, что я пустился даже на каламбуры, любезный дяденька. Когда Великій Князь спросилъ меня *comment trouvez-vous la fontaine?* Я отвѣчалъ: j'aime beaucoup *ses fables*, *Monseigneur*. Его высочество очень смѣялся и сказалъ: А, и ты также упражняешься въ родѣ семъ? Это все еще ничего, любезный дяденька; но послѣ мы думали уѣхать, вмѣсто того В. К. позвалъ папеньку и полковника Анненкова въ кабинетъ свой. Я остался въ залѣ и не смѣлъ войти, но В. К. изволилъ закричать: Константинъ Александровичъ, пожалуйте сюда! Я вошелъ. В. К. приказалъ мнѣ положить шляпу, сѣсть, распрашивалъ меня о пансіонѣ и наукахъ, кои намъ преподаютъ, вспоминалъ, какъ мы играли съ медвѣдями въ Павловскѣ, приказалъ подать чаю, а папенькѣ самъ подалъ сигару, послѣ того долго разговаривалъ съ папенькой о Пажескомъ корпусѣ. Представьте себѣ, что В. К. удержалъ насъ до 11-ти часовъ. Могъ ли я ожидать когда-нибудь такого счастія? Право, дяденька, вы бы меня болѣе не могли приласкать. Когда мы стали откланиваться, то В. К. изволилъ сказать: Comme je suis le *cadet* de ma famille, je donne Dimanche une petite fête aux élèves des corps des cadets; ainsi je vous engage à venir, будемъ рѣзвиться. Я поклонился, ужасно обрадовался и сказалъ ему каламбуръ: Mais, Monsgr, je ne suis pas un cadet, je suis *l'aîné* de ma famille. Хорошо, хорошо, Конст. Алек., изволилъ онъ отвѣчать. Право, дядинька, я совсѣмъ не боялся В. К.: онъ такъ добръ, такъ милостивъ, что я говорилъ съ нимъ свободно такъ, какъ бы съ сестрицами. Маменька боялась все, что я совру что-нибудь, но папенька былъ мною доволенъ. В. К. спрашивалъ

еще, гдѣ хочу я служить; я не смѣлъ солгать и сказалъ, что буду служить, гдѣ велятъ, но что самъ очень желаю быть въ военной службѣ.

*

Москва, 13 Августа 1830.

Вчера Долгорукій приготовилъ намъ славныхъ верховыхъ лошадей, мы поѣхали втроемъ съ Костею въ каретѣ. У Петровскаго дворца ждали насъ лошади, и мы сѣли верхомъ смотрѣть на гусарскіе маневры. Великій Князь, увидя меня, велѣлъ къ себѣ подъѣхать, спрашивалъ, тутъ ли Костя, я указалъ. Множество было народу и дамъ.

*

Москва, 18 Августа 1830.

Теперь надобно мнѣ тебѣ разсказать, какъ все было у Великаго Князя. Точно былъ дождь, и Д. карета очень была кстати. Пріѣхавъ туда въ 6 часовъ, мы нашли тамъ только коменданта съ сынкомъ и Ник. Ив. Демидова; тамъ наѣхали: Серг. Ильичъ Мухановъ, князь Дм. Влад. и князь Серг. Мих. Голицыны, генер.-адъют. Чичеринъ, Башиловъ, полков. Лаптевъ съ сыномъ, Шереметевъ съ двумя пажиками, Ланжеронъ, Ив. Ал. Нарышкинъ; тамъ въ 22 каретахъ 4-хъ-мѣстныхъ привезли кадетовъ, поставили въ залу. Вел. Князь занятъ былъ бумагами и долго не выходилъ. Костю потрепалъ по плечу, спрашивалъ о деревнѣ, о сестрахъ. Est-ce que m-elle Olga se trouve aussi bien à la campagne qu'à un bal? Прошу быть веселымъ и вообразить себѣ, что и ты кадетъ. Потчивали ихъ чаемъ, мороженымъ, фруктами. Въ 10 часу зажгли прекрасный фейерверкъ; да виноватъ! Прежде рѣзвились въ саду, играли въ barre; но дѣло не шло на ладъ, и В. К. сказалъ Костѣ: ты вѣрно, братъ, мастеръ этого дѣла; вступись, выучи кадетовъ, они плохо знаютъ эту игру; шляпа тебѣ мѣшаетъ, вели дать себѣ фуражку. И подлинно, Костя славно все устроилъ, и пошло бѣганье; онъ на это мастеръ и привелъ въ камору В. К. трехъ плѣнныхъ. Послѣ фейерверка распустили кадетъ, на коихъ не можетъ нарадоваться В. К. Мнѣ говорилъ онъ не уѣзжать, но я Костѣ велѣлъ откланяться, благодарить е. в. Ему данъ былъ cornet съ фруктами, и я отправилъ его къ княгинѣ Е. В. разсказывать похожденія свои. Вел. Князь всѣмъ откланялся, а слѣдующимъ, т. е. князьямъ Голицынымъ, Ланжерону, Чичерину, Башилову и мнѣ, приказалъ идти за собою въ кабинетъ. Allons, messieurs, asseyons nous, чаю и сигарокъ! Самъ зажигалъ и подавалъ сигары тѣмъ, кои курятъ, т. е. кн. Дм. Вл., Чичерину, Башилову и мнѣ. Пили чай, послѣ чаю прибавилъ: Écoutez, messieurs, et vous surtout, m-r le *diplomate* (я), écoutez ce qui se dit et se fait à Paris: horreur, bêtise, démence. Mais il y a aussi des gens qui ont su parler. (Нечего мнѣ тебѣ разсказывать: ты все это долженъ знать).

Но когда сталъ е. в. читать рѣчь Шатобріана, то невольно я его прерывалъ восклицаніями, а когда я сталъ просить одинъ разъ прощеніе, то В. К. отвѣчалъ: Je conçois cela très bien, mon cher; car, quand j'ai lu ce discours la première fois cet après-diner, j'avais les larmes aux yeux. Langéron pleurait d'attendrissement, это я тебѣ говорю. Eh bien, mon cher, je suis tout fier, mais ce superbe discours, si politique, adroit et touchant, ne renferme-t-il pas mon idée que je vous ai communiquée il y a quelques jours: le salut de la France est l'abdication du roi, du dauphin, la royauté pour le petit Bordeaux, la régence pour d'Orléans. Этотъ показалъ мало ума и дальновидности; онъ могъ играть роль безподобную, ослѣпился престоломъ, поцарствовалъ бы 6—7 лѣтъ прекрасно, всѣми признанный, а можетъ быть и умеръ бы старъ и королемъ. Теперь же кто можетъ предвидѣть участь его? Comment trouvez vous ce discours, mon cher B.?—Superbe, Msgr, mais très adroit; remarquez que Châteaubriand n'a heurté personne. Comme il a su ménager Philippe en se dévouant pour Henri; ses sentiments sont beaux sans contredire, mais il s'est dit, si le duc de Bordeaux triomphe, j'aurais envahi le pouvoir, c'est moi qui régnerai. Ensuite Châteaubriand a épuisé son éloquence, car il a senti que de sa vie il n'aurait une occasion comme celle-là de déployer son éloquence et de défendre une belle cause dans un discours que l'univers entier lira et qui sera une page dans l'histoire de France. Comme le discours finit bien, énergiquement! Вел. Кн., видя мое восхищеніе, обѣщалъ прислать мнѣ завтра газету на домъ, прибавя: Ces sortes de choses doivent être lues avec attention et plusieurs fois.— Permettez-vous, Msgr, que je le copie, ce discours? — Avec plaisir!—Et avec la condition, ajouta Langéron, que B-w en fasse une copie pour moi aussi.—Volontiers, m-r le comte. Охъ спать захотѣлось! Дай-ка лягу, завтра встану пораньше и примусь продолжать. Прощай!

Читалъ В. К. рѣчи Neuville, Мартиньяка, Коньи, всѣ прекрасныя; видно, что писали люди честные, государственные, но не поэты, какъ Шатобріанъ. Читалъ также Вел. Кн. гнусную рѣчь какого-то Поденаса, не устыдившагося назвать Карла X извергомъ свирѣпымъ и хуже Людовика XI. Потомъ продолжалъ чтеніе Ланжеронъ. Nous fesions avec L. et Msgr les fraix de la conversation, dont le p-ce Dmitri ne s'est mêlé que rarement; les autres se taisaient et écoutaient. Allons, messieurs, maintenant voyons, le duc d'Orléans sera-t-il reconnu roi?— Par qui, Msgr? спросилъ Langéron.—Mais par nous, par mon frère par exemple. Всѣ молчали: Opinez, Bulgakow, le premier: vous êtes le plus jeune ici, je ne me compte pas. Я рѣшительно отвѣчалъ: Non, Msgr. Sa nomination n'est pas légale; je sais que la France professe les senti-

ments de Châteaubr.—Et comment n'a-t-il eu que 10 voix pour lui?—C'est l'effet de la terreur du moment. Ce moment passera; nous avons vu pendant la révolution une poignée de scélérats mener la France entière à l'échafaud, ce qui certes n'était pas le voeu de la France, mais d'une faction. Les racines de la légitimité sont trop profondes, et la Sainte-Alliance n'est pas dissoûte encore. Comment reconnaître roi celui qui donna une pension de 1500 francs à l'auteur *de l'hymne des Marseillais*, à celui qui souffre qu'on abolisse la religion du pays, qui arbore la cocarde tricolore?.. Князь Дм. Влад. сказалъ тутъ: Mais Louis XVI l'avait arborée. Vous vous rappelez. Ceci ne prouverait rien...—Non, mon prince, Louis XVI y fut forcé, mais les horreurs du duc d'Orléans sont tout-à-fait gratuites; un mot de lui eût donné une toute autre impulsion aux esprits... C'est sâle à dire, ajouta Langéron, mais il a mis un pied dans la merde, et il y a entraîné la France avec lui... И у насъ была какъ камера депутатовъ. Вел. Князь былъ совершенно согласенъ со мною и сказалъ: вы увидите, что Мармонъ будетъ у насъ фельдмаршаломъ; вѣрную гвардію и lanciers de la garde мы наградимъ какъ героевъ, а Орлеанскаго не признàемъ, да и царствованіе его будетъ не продолжительно. Долго мы очень политиковали. Два раза Ланжеронъ говорилъ: Il est temps, Msgr, que vous vous couchiez; но онъ все отвѣчалъ: encore un cigare или encore un quart d'heure, и мы разошлись въ 12 часовъ. Вел. Кн., прощаясь, пожалъ мнѣ руку и сказалъ: Donc point d'Orléans!—Point de fils *de l'Égalité*, отвѣчалъ я.—Когда ты собираешься въ деревню?—Надняхъ, в. в.—Такъ надобно чаще видаться; я тоже не долго здѣсь пробуду, пріѣзжай завтра обѣдать ко мнѣ.—Слушаю, в. в.—Вотъ тебѣ сигарка на дорогу.—Право, не знаю, чѣмъ всѣ эти милости заслужить; онъ меня такъ къ себѣ привязалъ, что я съ нимъ обходился свободно и смѣло, какъ бы съ тобою. В. К. желалъ слышать пѣніе Цыганъ. Башиловъ звалъ е. в. къ себѣ ужо на вечеръ, чтобы ихъ послушать. Съ тѣмъ чтобы не было никого, сказалъ В. К. Да кого сами изволите назначить? В. К. назвалъ человѣкъ съ 12, тутъ же и меня. Башиловъ показалъ мнѣ списокъ. Стало быть, я сегодня весь день проведу съ его высочествомъ.

*

Москва, 19 Августа 1830.

Вчера имѣлъ я честь обѣдать у В. К. Были тутъ Мухановъ Серг. Ильичъ, князь С. М. Голицынъ, Чичеринъ и Шеншинъ, генер.-адъютантъ. Чтò новаго, спросилъ меня В. К. за столомъ?—Ничего, в. в., а только по вашему представленію благодарность здѣшнему кадетскому корпусу.—Какъ ты это знаешь?—По приказамъ.—Съ тобою они?—Со мною, в. в., и подалъ ихъ. Вообрази, что онъ еще не зналъ! Позволь

мнѣ послать это?—Извольте взять и дѣлать что угодно. Фельдъегерь былъ призванъ, и е. в. послалъ его къ Ник. Ив. Демидову, а потомъ велѣлъ проѣхать въ корпусъ и тамъ дать прочесть Ушакову и обоихъ съ милостію поздравить. Я могъ приказами другую сдѣлать радость Хрущовымъ, коихъ дѣти наконецъ попали въ офицеры. Я тотчасъ послалъ верхомъ курьера къ нимъ въ подмосковную. Послѣ обѣда по обыкновенію курили у е. в. и разговаривали о всякой всячинѣ. Даже рѣчь была о Рушковскомъ, о коемъ разсказывалъ я: c'est déjà fait, v. m. i., и другія подробности, имитуя его голосъ. В. К. очень смѣялся и, кажется, старичка нашего жалуетъ. Какъ сталъ раскланиваться, то сказалъ мнѣ: à revoir chez Bachiloff, куда я и явился въ 8 часовъ. Крошечный домъ, мало было, но все-таки жарко. В. К. былъ очень веселъ, и Башиловъ очень милъ. Были тутъ: двое Голицыныхъ Дм. Вл. и Серг. Мих., Ланжеронъ, комендантъ, Чичеринъ, Лодеръ, Араповъ, Мухановъ об.-полицм., Шереметевъ молодой и я. Началось тѣмъ, что актеръ Щепкинъ, стоя тутъ, какъ будто гость, просто во фракѣ, вдругъ выступилъ и продекламировалъ пресмѣшную сцену. Не угодно ли вамъ чаю, в. в.?—Почему нѣтъ? Башиловъ вышелъ приказать; черезъ минуту является толстый Нѣмецъ Карлъ Карловичъ въ шитомъ кафтанѣ, въ большомъ напудренномъ парикѣ, съ подносомъ и чаемъ; вообрази себѣ удивленіе и смѣхъ Великаго Князя, узнавая въ Нѣмцѣ Башилова самого. Ну уже посмѣялись мы. Послѣ этого пѣли и плясали Цыганки. Кажется, что онѣ не очень плѣнили е. в. Послѣ того пѣлъ Булаховъ Черную Шаль, пѣлъ романсы Верстовскій, игралъ на арфѣ Виттъ, а на віолончели Маркý, были фрукты, мороженое и пр. Въ 11 часовъ разъѣхались, вечеръ былъ очень веселый.

Нѣтъ, Филипу не сдобровать. Всѣ его поступки не обдуманы, разумѣется рѣчь объ Орлеанскомъ. Зачѣмъ оплевывать Бурбоновъ? А онъ-то что? Развѣ не Бурбонъ самъ. Почему Roi des Francais, et pas de Françe? Почему Филипъ I, а не VII (кажется)? Частая перемѣна министровъ уже не хорошій знакъ. Скученъ этотъ кн. Дм. Вл., который до сихъ поръ не возвратилъ газетъ Вел. Кн., а мнѣ списать все хочется рѣчь Шатобріана. Въ городѣ нѣтъ ничего новаго. Слава Богу, что воды помогли Великому Князю; онъ и вчера мнѣ еще говорилъ, что не чувствуетъ уже въ правомъ боку обыкновенную свою боль и malaise этотъ, когда и боли нѣтъ. Лодеръ ходитъ какъ павлинъ.

*

Москва, 20 Августа 1830.

Часто что-то мѣняется министерство во Франціи. Это худой знакъ. Будутъ тамъ хлопоты и не шуточные. Права Бордоскаго малютки священны, неоспоримы. У Орлеанскаго все будетъ блоха эта за ухомъ.

Вчера долго я не засыпалъ, читалъ все журналы, кои имѣю по милости Великаго Князя. Засѣданія камеръ очень любопытны. Какіе тутъ подлецы и фанатики! Но есть и прекрасныя чувства и черты благородныя. Шатобріанъ великій плутяга: и республиканцевъ, и народъ, и молодежь, и Орлеанскаго, всѣхъ по головкѣ, а между тѣмъ смѣло защищалъ права Бордоскаго герцога.

*

Москва, 20 Августа 1830.

Я читалъ у Вел. Кн. журналы свѣжіе, но нѣтъ ничего кромѣ довольно смѣлыхъ статей на счетъ légitimité маленькаго Бордо. Увидимъ, будутъ ли точно держаться этой свободы книгопечатанія, для коей рѣзались три дня на улицѣ. Я не предвижу причины царствованію д'Орлеана. Престолъ долженъ окруженъ быть почтеніемъ, величіемъ. Я не могу проглотить, что Лафаетъ, подойдя къ королю и взявъ его, какъ бы я тебя, за руку, сказалъ, жавши оную по-англійски: voilà le roi qu'il *me* faut, cela vaut mieux qu'une république. Ну что ждать хорошаго?

*

Москва, 21 Августа 1830.

Пожалѣй о бѣдномъ Василіѣ Львовичѣ Пушкинѣ. Онъ скончался вчера у Вяземскаго и племянника-поэта на рукахъ, послѣ двухдневной болѣзни: параличъ въ мозгу. Однакоже онъ Вяземскаго узналъ и подалъ ему руку. Добрый былъ человѣкъ! Что̀ говорилъ о пѣночкахъ, горлицахъ и ручейкахъ, умретъ съ нимъ; но его Сосѣдъ Буяновъ останется памятникомъ дарованій его стихотворныхъ. Оставилъ онъ дѣтей побочныхъ *); только не знаю, успѣлъ ли онъ что сдѣлать для нихъ.

Бѣдный Глинка за пропускъ стиховъ противъ Юсупова, въ коихъ онъ однакоже не названъ, лишился мѣста цензора. Пятеро дѣтей! Жалокъ бѣдный, ѣсть нечего, а Юсуповъ между тѣмъ будетъ дарить въ одинъ разъ Ивановой то, чѣмъ бы семья Глинкина могла прокормиться десять лѣтъ! Вотъ такъ-то въ свѣтѣ.

*

Москва, 23 Августа 1830.

Сказали мнѣ, что Рушковскій боленъ, я поѣхалъ вчера навѣстить и проститься; но онъ однакоже хотя и не совсѣмъ здоровъ, но поѣхалъ на обѣдъ къ кн. Дм. Вл. Покуда мы тамъ говорили вмѣстѣ послѣ обѣда, то В. К. подошелъ ко мнѣ, и разговоръ начался втроемъ. Р. выкинулъ старую свою штуку: выговаривалъ е. в., что рѣдко пишетъ Вел. Княгинѣ. Его в. смѣялся очень и началъ оправдываться, что писалъ недавно съ Сумароковымъ и еще съ кѣмъ-то. Я разсказывалъ, что Ив.

*) Тутъ была какая-то Маргариточка.

Ал. тѣже пени дѣлалъ покойной импер. Маріи Ѳедоровнѣ за цесаревича. В. К. такъ смѣялся, что всѣ подошли послѣ спрашивать у меня, о чемъ была рѣчь. Вечеромъ были мы у коменданта, гдѣ чрезвычайно было пріятно. В. К. былъ очень веселъ и не переставалъ танцовать; Bachiloff menait la barque. В. К. всѣхъ заставилъ танцовать, Чичерина, Каблукова, Ив. Ал. Нарышкина, меня два раза посылалъ, но я не могъ по трауру.—Allons, donc, mon cher, il n'y a personne ici; но я просилъ уволить: именно были тутъ кумушки и языки, коихъ не жалую. В. К. остался до третьяго часу, чего никогда здѣсь не дѣлалось еще. Фастъ безподобно освѣтилъ Горное Правленіе, поставилъ на балконѣ прекрасный Н, который до самого конца горѣлъ какъ съ начала, чего не было съ Кремлевской илюминаціей князя Юсупова. Ай да Фастъ! И е. в. похвалилъ, а я ему сказалъ, чтò за птица Фастъ. Во время котиліона В. К. спросилъ меня: Qu'est-ce qui manque ici?—Mais il me paraît rien. La soirée est charmant, sans gêne, animée.—Non, il manque le Domino Rose. Вообрази, что еще помнитъ е. в.; спрашивалъ, когда туда ѣду?—Съ балу, в. в.—Чтò такъ?—Жена именинница во Вторникъ, в. в.—Не забудь ее отъ меня поздравить. Мы еще увидимся?—Смѣю спросить, когда изволите ѣхать, в. в.?—Въ Субботу.—Я пріѣду нарочно, чтобы в. в-ву откланяться. Было вчера человѣкъ 80, но общество все отборное; всѣ спрашивали, зачѣмъ меня нѣтъ.

*

Москва, 30 Августа 1830.

Пріѣхалъ вчера съ мыслями откланяться Великому Князю поутру, онъ вмѣсто того приказалъ быть къ себѣ обѣдать. Это былъ послѣдній, прощальный. Обѣдали двое Голицыныхъ, гр. П. А. Толстой, Ланжеронъ, М. М. Бороздинъ, Чичеринъ, генералъ Арсеньевъ, Лодеръ, Олсуфьевъ и домашніе. Очень было весело. Восхвалять стали красавицъ здѣшнихъ. Mais vous oubliez, m-rs, les belles des belles, и указалъ В. К. на меня. Тогда В. К. сказалъ: m-r B-w, bouchez les oreilles! и пошли въ запуски хвалить мамзелей нашихъ; говорили о таблò у кн. Дм. Вл., о маскарадѣ князя Волконскаго и пр. Послѣ обѣда В. К. вошелъ въ биліардную, гдѣ каминъ, позвалъ меня и началъ говорить о Фр. дѣлахъ, признàемъ ли новаго короля? Que faire, Msgr? Il le faut bien, on ne peut se brouiller et faire la guerre pour soutenir le petit Bordeaux, qui n'a pas eu de parti assez fort en France pour triompher. — Et le principe de ligitimité? Il y éprouvera une terrible échec. Tout le sang versé pour cela avant aura été versé sans utilité, ordonnera un exemple dangereux aux autres nations ;le cas est compliqué et délicat. Croyez vous à la stabilité du règne du roi des Français.—Nullement, Msgr, rien n'est

stable dans ce pays. La charte proclamait l'inviolabilité de la personne du roi. Le roi devait donc rester roi, malgré ses funestes ordonnances, et les ministres être accusés, jugés, pendus, si on le voulait. Au lieu de cette manche, tracée par la charte, on a tout à feu et à sang. Тутъ подошли другіе, и разговоръ сдѣлался всеобщимъ. Этотъ разъ не курили: le comité était plus grand. В. К. началъ прощаться. Какъ дошло до меня, спросилъ: Что̀ глаза твоего брата?—Слава Богу хорошо, в. в. Quelle commission me donnez vous pour votre frère?—Je lui écris tous les jours, v. a. Veuillez lui dire, s'il a le bonheur de vous voir, que vous m'avez laissé gros et gras. Le Grand-Duc se mit à rire et répondit: Не могу, в-е пр-во, не могу солгать вашему братцу и сказать то, чего нѣтъ; vous n'étes ni gros, ni gras. Поцѣловалъ и отпустилъ, пожавши руку раза два. Я, право, хоть бы и прослезиться, такъ тронутъ былъ, разставаясь съ добрымъ симъ, ласковымъ княземъ; онъ самъ всѣхъ здѣсь заколдовалъ, а потомъ удивляются, что такъ его всѣ любятъ и ласкаютъ. Ежели увидишь е. в. или кого изъ его свиты, то скажи имъ, братъ, какъ я, право, живо тронутъ всѣми его милостями.—Ужасы разсказываютъ про kholéra. Точно, что въ Саратовѣ уже умираютъ по 50 человѣкъ въ день. Я чаю, увеличено, но всѣ ожидаютъ спасительныхъ мѣръ отъ Закревскаго; эта довѣренность лестна для него.

*

Москва, 1 Сентября 1830.

Могу тебѣ возвѣстить то, что̀ ты, кажется, столько желаешь. Вчера княгиня Е. А. Долгорукова просила у меня формально руки Ольги для сына своего, мой милый и любезнѣйшій другъ. Послѣ имениннаго обѣда, который давалъ женихъ Пашковъ для Долгорукова и на коемъ было человѣкъ съ 20 (графъ Орловъ-Денисовъ, Вяземскій, двое Пушкиныхъ, Норовъ, Лачиновъ, Сушковъ, гр. Васильевъ, Путята и пр.), Д. при кофе сказалъ мнѣ: Maman désirait vous parler; passez, je vous prie, chez elle.—Avec plaisir, mon cher. Послѣ первой трубки спросилъ опять: Quand irez vous chez maman?—Mais est-ce que cela presse?—Sûrement.—J'irai d'ici. Четверть часа послѣ предложилъ мнѣ Д. ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и тотчасъ. Я охотно согласился и подумалъ тотчасъ, что это нетерпѣніе происходило вѣрно отъ извѣстной причины, въ чемъ и не усумнился, когда Норовъ сказалъ мнѣ на ухо: Дай Богъ, чтобы поѣздка ваша увѣнчалась успѣхомъ. J'arrive chez la p-ce. Après les premiers compliments d'usage et ayant embrassé son fils, elle me pria de passer dans son cabinet. J'ai à vous parler d'une affaire très importante pour *vous* et pour *moi*, mon cher m-r B-w.—Je suis à vous, p-ce.—Je ne sais si vous vous en êtes apperçu: mon Alexandre est amoureux fou de votre fille.—De la quelle, p-ce?—D'Olga, la cadette.

J'aurais cru plutôt de Катя, car il est plus souvent occupé d'elle.— Alexandre est timide, il aborde m-elle Olga avec crainte, avec l'autre il est plus à son aise, et puis il espère par elle entrer dans les bonnes grâces de sa soeur.

*

Москва, 8 Сентября 1830.

Здѣсь всѣ трусятъ холеры; чеснокъ вздорожалъ 6-ю рублями. На всѣхъ чеснокъ, особенно на людяхъ; въ клобѣ все приготовлено на чеснокѣ. Сестрѣ Долгорукова, которая трусить очень, обѣщался я сдѣлать подарокъ: un pôt de pomade à ail! У князя Д. В. собрался вчера комитетъ всѣхъ главнѣйшихъ здѣшнихъ докторовъ. Панчулидзевъ пишетъ изъ Саратова, что тамъ умерло 2000 человѣкъ и что онъ самъ занемогъ и избавился отъ смерти, пустивъ себѣ крови полтора фунта; но въ Пензѣ, Тамбовѣ и Рязани все, кажется, спокойно.

*

Семердино, 17 Сентября 1830.

Какъ скоро замутятъ во Франціи, то и въ другихъ земляхъ пакости начинаются. Смотри-ка, и тихій Дрезденъ вздумалъ шалить! Принцъ Орлеанскій умно и молодецки поступилъ; однакоже Бельгійцы таки поставятъ, кажется, на своемъ. Филипъ не мой король. На что было ужъ брать это званіе, ежели хочешь оное унижать? Пусть бы назвался чѣмъ другимъ, а не королемъ. Не могу переварить этого, что король, цалуя Лафайета на смотрѣ національной гвардіи и уронивъ нечаянно его шляпу, нагнулся, поднялъ и подалъ ему оную. Безполезная подлость!

*

Семердино, Суббота, 20 Сентября 1830.

Въ восемь часовъ утра жена будитъ меня съ словами: mon cher, Dolgorouky est arrivé! Неожиданная эта вѣсть меня нѣсколько встревожила, но я не хотѣлъ показать это женѣ. Всталъ, одѣлся, повторяя ей: L'amour est impatient, il se sera accroché à quelque chose pour venir ici; cela lui aura paru plus court que d'attendre jusqu'à Lundi que nous arrivions à Moscou. Выбѣгая на крыльцо, вижу подлинно его коляска; бѣгу въ баню, гдѣ его пристанище. Какими судьбами? Savez vous qu'à Moscou on est dans l'inquiétude: trois étudians de l'université sont morts avec les indices du choléra - morbus. Après avoir parfumé tous les élèves de l'université et de gymnase *), on les a tous licencié, des cordons vont être établis autour de Moscou, il n'y a que trois barrières de libres. Il y aura une quarantaine à Троица. Le mal paraît avoir été apporté de Yaroslaw, il existe très positi-

*) Въ то время въ Москвѣ была всего одна гимназія (нынѣ Первая).

vement à Муромъ, j'ai craint d'être coupé de vous, et je me suis dépêché d'arriver ici. J'ai aussi voulu me rapprocher de grande-maman pour voir s'il vaut mieux qu'elle reste à sa terre de Троица, ou qu'elle vienne à Moscou. Votre emplacement ici est superbe, sur une élévation; il est possible que maman vienne nous rejoindre ici! Мы только что вступили въ разговоръ, курьеръ за курьеромъ отъ Наташи; побѣжалъ къ ней, ее успокоить; но она въ батюшку своего: боится всего, что̀ походитъ на болѣзнь. Тотчасъ встала съ постели, посылать за попомъ пѣть молебенъ, ну деготь во всѣ углы, приказала всѣмъ мужикамъ запастись можжевельникомъ и курить онымъ въ избахъ по утрамъ и на ночь, никого изъ тѣхъ мѣстъ не принимать къ себѣ и безъ спроса никуда не отлучаться.—Норовъ просился ѣхать съ Закревскимъ и быть имъ употреблену; ревность очень похвальная; Закревскій сказалъ, что множество имѣетъ уже лишнихъ чиновниковъ, но ежели представится надобность, пришлетъ за Норовымъ. Все неожиданныя явленія! Мы встаемъ изъ за стола, слышимъ колокольчикъ, ѣдетъ кто-то проселочною дорогою изъ ближней деревни въ коляскѣ въ шесть лошадей. Кто можетъ это быть? Военный лакей на козлахъ. Мы узнаёмъ къ удивленію нашему полковника А. С. Талызина, служащаго при князѣ Дм. Влад., коимъ онъ посланъ для учрежденія карантина въ какомъ-то селеніи, 4 версты отъ Троицы (въ Зубцовѣ); съ нимъ нашъ исправникъ Рязановъ. Мы убѣдили его выйти изъ коляски и отобѣдать у насъ; послѣ чаю онъ тотчасъ отправился далѣе. Теперь у насъ точно пересѣкается сообщеніе со всѣми окружностями кромѣ однакоже Москвы, куда можемъ ѣхать, а это-то и важно для насъ. Онъ повторилъ то, что̀ мы знали уже отъ Д-ва; но только не доказано, чтобы студенты университетскіе умерли точно отъ холеры. Они просто объѣлись фруктовъ и варенья, но надобно было взять мѣры, чтобы успокоить напуганную Москву. Говорили тамъ, что самъ Государь изволитъ пожаловать въ древнюю столицу, ежели подлинно болѣзнь туда проникнетъ. Отеческое попеченіе Государя точно внушить можетъ ему эту поѣздку; но дай-то Богъ, чтобы не было въ томъ нужды. Мнѣ кажется, что Москвѣ не предстоитъ опасности, а что холера слѣдуетъ направленію Волги. Какъ бы въ Тверь не пробралась! Боже избави вашихъ низкихъ, сырыхъ, болотистыхъ мѣстъ: тамъ холера была бы гибельна. Вотъ мысль, которая меня тревожитъ, а за Москву я не боюсь нимало.

Всѣ эти революціи, возникающія въ одно время въ Парижѣ, Брюселѣ, Касселѣ, Брауншвейгѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ и пр. заставляютъ меня бояться, что они слѣдствіемъ какого либо обширнаго тайнаго заговора адскаго противу спокойствія цѣлой Европы. Якобинцы ли это или Илюминаты, не знаю. Поведеніе Филипа I-го, право, гадко. По-

звалъ къ себѣ обѣдать сапожника какого-то, за то что онъ отличился въ возмущеніи 27, 28, 29 чиселъ?

*

Москва, 24 Сентября 1830.

Городъ раздѣленъ на три класса: безстрашные, объятые ужасомъ и равнодушные. Вторые, право, смѣшны. Семействъ съ сорокъ бѣжало отсюда, а куда? Къ вамъ! Какую же безопасность найдутъ они въ болотахъ, низкихъ и сырыхъ вашихъ мѣстахъ? Уѣхали семьи: К. А. Кологривова, Жихарева, Гедеонова etc., другіе сами себя оцѣпили. Умора! Рядомъ со мною живетъ кн. Хилкова, родня Наташи; я тотчасъ пошелъ было къ ней исполнить комиссію Кати къ княжнѣ; все заперто, на дворѣ ужасный дымъ, курится навозъ; я было думалъ пожаръ, стучу, не пускаютъ! Кого вамъ? Княгиню Хилкову! Нѣтъ ея! Княжну! Нѣтъ ея. Наконецъ стучусь во флигель. Дома ли княгиня? Дома-съ! Странно мнѣ показалось. Поваръ узналъ меня въ окно. Ахъ, в. п., что̀ вамъ угодно?—Помилуй, что это вы заперлись?—Да вотъ, батюшка, княгиня третій день изволила запереться, ни къ себѣ не пускаетъ, ни изъ дому никому не велитъ выходить, провизію всю извели, ѣсть нечего ни барынѣ, ни намъ; не знаемъ что дѣлать.—Да что за причина?—Да вотъ, батюшка, бояться изволитъ каліоры, чумы! — Да доложи княгинѣ обо мнѣ, я ее успокою, все тихо благополучно въ Москвѣ и около.—Не смѣю, в. п., не приказала намъ и говорить съ проходящими. Cela dit, захлопнулъ поваръ окно и скрылся. Вотъ тебѣ и комиссія Катинькина. Каковы наши барыни? Умора! Сказываютъ, что à la tête du tremblement кн. Тат. Вас. Голицына и кн. Серг. Мих., что они сообщили свой ужасъ всѣмъ прочимъ колебавшимся. Князь распустилъ учебныя заведенія и, говорятъ, хочетъ запереть Восп. Домъ. Страхъ сообщился народу, и 40 т. работниковъ оставили городъ, повторяя: пойдемъ лучше умереть на родинѣ нашей. По большой дорогѣ только и видно, что кучи людей, идущихъ сотнями въ разныя мѣста. Это можетъ тоже родить неудобства. Точно городъ раздѣленъ по частямъ: въ нашей кн. П. П. Гагаринъ и Лодеръ. Всѣ медики меня увѣряютъ, что не запомнятъ эпохи, гдѣ бы смертность такъ была мала, какъ теперь. Для успокоенія умовъ (это очень умно) раздаются всякой день рапорты: всѣмъ покойнѣе, всякій видитъ число умирающихъ въ городѣ и чѣмъ именно умерли. Нѣтъ дня, разумѣется, чтобы не говорили: умеръ мѣщанинъ, умерла баба, мальчикъ холерою, и выходитъ все вздоръ. На улицахъ смрадъ отъ навоза, который жгутъ многіе; пусть лучше берутъ предосторожности и излишнія: какъ зло будетъ на носу, то уже поздно тогда дѣйствовать. Минута такова, что надобно бы человѣка съ головою и дѣятельностію. Ты знаешь, какъ я

люблю душевно князя Д. Вл.; ужъ конечно самый благонамѣренный и благороднѣйшій человѣкъ, но слабый и перѣшительный, у него же на бѣду нелады съ Мухановымъ; этому отдають справедливость, дѣлаетъ все, что̀ отъ него зависить. Впрочемъ, право, истины не узнаешь, столько толковъ. Дѣло въ томъ, что гнѣздо зла въ Нижнемъ; говорили объ Ярославлѣ и Владимирѣ, но, кажется, не правда. Я радъ, что Волковъ въ Ярославлѣ: онъ не упуститъ взять хорошія мѣры.

Норовъ *) таки отправляется сражаться съ холерою, подъ предводительствомъ своего министра. Здѣсь умеръ вице-губернаторъ Поснѣловъ; сказали тоже, что холерою, а его съ мѣсяцъ назадъ разбили лошади, и онъ все томился. Много охотниковъ на его мѣсто; говорятъ, что кн. Дм. Вл. представилъ толстого князя Влад. Серг. Голицына. Говорятъ, появился у васъ портретъ Козарскаго; пришли-ка этого молодца, посмотримъ на геройскую его рожу.

*

Москва, 26 Сентября 1830.

О другомъ не слышишь здѣсь какъ о холерѣ, такъ что, право, надоѣло. Мы были довольны, веселы у княгини Хованской вечеромъ; является Обрѣзковъ, разсказываетъ, что у него кучеръ умираетъ холерою, всѣхъ дамъ перепугалъ по пустякамъ. Я у людей его спрашивалъ. Кучеръ просто напился, и его рвало безпощадно. Конечно должно быть расположеніе такое въ воздухѣ, что кто въ другое время умеръ бы другимъ, теперь умираетъ отъ холеры; но и эти примѣры рѣдки и по строгимъ мѣрамъ, кои берутъ, не дадутъ злу вкорениться. Графа Ростопчина камердинеръ Алексѣй, съ коимъ не одну ночь я дежурилъ въ послѣднюю болѣзнь графа, умеръ вчера со всѣми признаками холеры, но самъ виноватъ: говорили ему пустить кровь, не хотѣлъ, и сдѣлались конвульсіи ужасныя. Жаль его, добрый былъ человѣкъ. Будьте совершенно покойны за насъ; кто наблюдаетъ, что̀ должно, тому нечего бояться, а опасна болѣзнь для нижнихъ классовъ людей. Посылаю тебѣ вторую вѣдомость. Поутру были по цѣлому городу и во всѣхъ приходахъ крестные ходы и молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. Церемоніи сіи имѣли нѣчто торжественное. Во всѣхъ церквахъ читали священники проповѣдь, сочиненную для сего случая Филаретомъ. Ежели достану, пришлю ее тебѣ; а объ ней много различныхъ толковъ.

*

Москва, 26 Сентября 1830.

Сегодня въ восьмомъ часу вечера совершилось, съ Божьею помощію, обрученіе Ольги въ присутствіи княгини Е. А., дочери ея Надежды Сергѣевны, Пашкова (кузена жениха), Лачинова, Обрѣзкова,

---

*) Это Авраамъ Сергѣевичъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія.

жены его и дочери, и Фаста. Княгиня Хованская вчера благословляла ихъ образомъ, чтобы сегодня не быть, боясь вреднаго для здоровья ея смущенія. Священникъ обмѣнялъ ихъ кольцами. Потомъ благословили ихъ образами я, Наташа и княгиня Е. А.*); обѣ онѣ очень плакали; признаюсь, что я съ трудомъ уцѣлѣлъ. Ольга такъ рыдала, что я боялся, чтобы не сдѣлалось что-нибудь; но послѣ успокоилась и очень была весела. Священникъ рѣшилъ наше недоумѣніе, о коемъ я тебѣ писалъ, ибо послѣ размѣна колецъ велѣлъ женихамъ поцѣловаться. Послѣ въ нашемъ совѣтѣ было рѣшено цѣловаться имъ, здороваясь, въ первый разъ встрѣчаясь и прощаясь, когда нѣтъ свидѣтелей. Всѣ тутъ перецѣловались и поздравляли счастливую чету. Пили чай; являлись всѣ люди, даже кучера поздравлять, и Д. всѣхъ цѣловалъ, Ванюшкѣ велѣлъ дать себѣ списокъ, чтобы ихъ подарить. Ольгѣ подарилъ онъ двѣ шали, бѣлую, а другую vert de gris, безподобныя, заплачены по словамъ Пашкова 11 т.; я подобныхъ не видывалъ. Послѣднюю она тотчасъ обновила. Спасибо Ольгѣ: она, благодаря своего жениха, сдѣлала тотчасъ доброе дѣло. Ты помнишь эту сироту бѣдную, что взяли мы по 8-му году, Клавдиньку; она попросила жениха, въ память радостнаго сего дня, дать ей на приданое что-нибудь. Il a répondu qu'il se chargerait de sa dot et de son établissement. Cela a rendu bien heureuse Olga.

Я ѣздилъ къ Норову, не засталъ его дома, и все было заперто, не могъ его пригласить на церемонію; но онъ пріѣхалъ самъ позже. Nous avons fait écrire à Olga une lettre à la grande-maman Wassilieff. La p-sse l'a extrêmement cajolé. Après le thé on s'est dispersé. Natalie a conduit les promis chez la p-sse Khavansky, qui les embrasse comme des enfants à elle, et nous sommes revenus souper chez nous. Образа, коими были благословлены, достопамятны: нашимъ императрица Елисавета Петровна благословила бабку Наташину, Нарышкину, а другой также благословеніе царское прадѣду Долгорукова. Княгиня Е. А. сказывала мнѣ, что читала со слезами письмо твое къ Ольгѣ и приложенныя молитвы, собиралась сама къ тебѣ писать, и сынъ также. Говоря со мною обо всемъ съ откровенностію, ввѣрила мнѣ секретъ одинъ, который тебѣ должно знать, а именно что А. М. Хитрова стряпала съ Нессельродшею женить Д-ва на дочери ея, но что онъ ей объявилъ безъ обиняковъ, что никакія выгоды и почести его не ослѣпятъ, и что никогда иначе не женится, какъ по любви и по своему выбору. Чтобы графиня Н. не стала мстить!

*) Княгиня Екатерина Алексѣевна Долгорукая, дочь министра финансовъ графа Алексѣя Ивановича Васильева и супруги его Варвары Сергѣевны (ур. княжны Урусовой). Она была въ то время вдовою. Сынъ ея, кн. Александръ—женихъ. Ея дочь, Надежда Сергѣевна передъ тѣмъ вышла за Сергѣя Ивановича Пашкова.

27-го Суббота

Башиловъ пріѣзжалъ поздравлять насъ вчера и исполнить комиссію Великаго Князя ко мнѣ, но не засталъ. Я былъ теперь у него. Онъ очень мнѣ обрадовался, поздравлялъ, ибо великой обожатель Ольги, бросилъ дѣла *холерныя*, коими занимался, и сталъ читать письмо Великаго Князя. Писано чужою рукою, подписано: искренно доброжелательный Михаилъ, а потомъ приписка руки его в-ва: прошу моимъ именемъ кланяться А. Я. Булгакову. Башиловъ мнѣ совѣтуетъ писать къ е. в., благодарить за память сію и за то что Анненковъ мнѣ писалъ, а въ тоже время возвѣстить е. в-ву о помолвкѣ Ольги, о коей Вел. Кн. ему Башилову часто очень говорилъ съ великою похвалою и съ участіемъ обо мнѣ. Я самъ такн думалъ сдѣлать это. Сегодня никакъ не успѣю, но къ Понедѣльнику приготовлю письмо. Башиловъ превозноситъ до небесъ Фаста, который, тогда какъ никто и въ наймы отдавать не хочетъ дома, свой домъ въ Слободѣ отдалъ подъ гошпиталь безденежно на это время. Князь Дм. Вл. положилъ довести это до свѣдѣнія Государя, а Фастъ вчера ни гугу! Башиловъ поѣхалъ именемъ всего комитета его благодарить, а нашъ чудакъ отвѣчалъ: Я долженъ васъ благодарить, что вы доставили мнѣ случай быть полезнымъ обществу и городу, въ коемъ я родился и 50 лѣтъ живу безвыѣздно.—Я почелъ приличнымъ съѣздить самому къ Малиновскому и объявить ему объ обрученіи Ольги, ибо писалъ къ Наумову, чтобы онъ сообщилъ радость мою всѣмъ Архивскимъ моимъ сослуживцамъ; но сказали, что е. п. изволитъ-де почивать (въ полдень?). Честь приложена! Онъ, говорятъ, трусить: оцѣпился.

*

Москва, 29 Сентября 1830.

Прежде всего долженъ я тебя успокоить, мой милый и любезнѣйшій братъ, на счетъ холеры. Ты по моимъ прежнимъ письмамъ долженъ былъ замѣтить, сколько былъ я покоенъ. Повѣрь, что холера въ одномъ воображеніи медиковъ, трусовъ или тѣхъ, кои спекулируютъ на награжденіи и высочайшія милости. Всякое головокруженіе, рвоту или поносъ принимаютъ теперь за холеру, и тѣ коимъ пускаютъ кровь, коихъ лѣчатъ отъ мнимой холеры, тѣ только и умираютъ. Ну можетъ ли быть, чтобы въ такомъ городѣ какъ Москва не болѣе умирало двухъ и до четырехъ человѣкъ болѣзнію столь прилипчивою, какія бы ни брали предосторожности. Ежели бы язва сія точно была, она болѣе бы находила жертвъ. Не помнятъ, чтобы когда-нибудь менѣе теперешняго умирало, ибо обыкновенная пропорція смертности въ Москвѣ отъ 20 до 30 человѣкъ въ день. Есть здѣсь болѣзнь, но это не *холера*, а просто страхъ, трусость; отъ оныхъ точно умираютъ

многіе, потому что всѣ безъ нужды пускаютъ себѣ тотчасъ кровь. Я много вчера еще спорилъ съ Лодеромъ, и онъ сознался наконецъ, что я правъ. Князь Дм. Вл. получилъ вчера рескриптъ на Французскомъ языкѣ отъ Государя. Императоръ, по безпредѣльному своему отеческому попеченію о Москвѣ, изъявляетъ готовность пріѣхать въ Москву, чтобы успокоить умы. Дай Богъ, чтобы сего не было, ибо не предстоитъ надобности; а ежели бы и была точно зараза, то какъ подвергнуть оной главнаго, перваго виновника счастія и спокойствія Россіи? Да что бы вышло? Что народъ по обыкновенію весь бы столпился въ Кремлѣ, чтобы видѣть Царя, и зараза отъ прикосновенія болѣе бы распространилась. По симъ уваженіямъ Государь не одобрилъ и крестныхъ ходовъ, кои были по всѣмъ приходамъ здѣсь.—Башиловъ пріѣзжалъ Ольгу и насъ поздравлять, читалъ женѣ приписку Великаго Князя обо мнѣ въ письмѣ е. в-ва къ нему. И онъ сказывалъ, что все кажется благополучно въ городѣ, по крайней мѣрѣ въ его части города.

Уфъ! былъ у меня Брокеръ, да часа полтора отнялъ у меня золотого времени, говоря все о дѣлахъ своего Ростопченка, который начинаетъ уже мотать: вытребовалъ уже 20 т., теперь еще 40 т. проситъ, выходя въ военную службу. Прибѣжалъ Ванюшка: Государь пріѣхать изволилъ! Жена вѣритъ, я нѣтъ. Въ письмѣ Императора къ Голицыну е. и. в. ему лично предписываетъ отправлять къ нему всякой день эстафету съ извѣстіями о состояніи Москвы; такъ зачѣмъ самому трудиться? А можетъ быть и нарочно хотѣлъ Государь застать все врасплохъ. Вотъ и отъ Фаста записка. Нѣтъ, видно, онъ изъ окна увидѣлъ кейзерштандартъ на дворцовой крышкѣ [1]). Поскачу сію минуту узнать правду. Вотъ тебѣ на! То-то будетъ тревога! Теперь я радуюсь прибытію государеву; ибо, право, все здѣсь благополучно.

*

Москва, 30 Сентября 1830.

Столица наша казалась пустою, мертвою, вдругъ оживилась; забыли о холерѣ, и самые трусы: всѣ однимъ заняты, неожиданнымъ прибытіемъ Государя. Вотъ что я узналъ, мой милый и любезнѣйшій другъ. Императоръ изволилъ прибыть въ одиннадцатомъ часу утра, прямо въ домъ князя Дмитрія Владимировича. Бросились было докладывать; не велѣлъ никому трогаться съ мѣста, а только показать одному дорогу къ князеву кабинету. Онъ, по своему обыкновенію долго нѣжиться и работать въ постелѣ, недавно всталъ [2]), былъ въ халатѣ

---

[1]) Фавстъ Петровичъ жилъ въ Горномъ Правленіи, что̀ нынѣ Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.

[2]) Что̀ вѣрно не очень понравилось Государю: въ теперешнее время можно и должно бы въ 6 часовъ быть на ногахъ. *Примѣч. Булгакова.*

своемъ передъ зеркаломъ маленькимъ, чистилъ ротъ. Государь подошелъ тихонько къ нему. Вообрази же себѣ удивленіе князя, увидѣвшаго въ зеркалѣ лицо Государя за нимъ стоявшаго. По приказанію, полученному имъ отъ Государя, увѣдомлять его ежедневно эстафетами о состояніи Москвы, могъ ли князь Д. В. вообразить, что Государь прибылъ въ Москву самъ? Онъ вскочилъ со стула испуганный. Первыя слова Государя были: «J'espère, mon prince, que tout le monde se porte à Moscou aussi bien que vous?» послѣ чего сѣлъ и разспрашивалъ князя обо всемъ. Потомъ его величество поѣхалъ къ Иверской Божьей Матери, гдѣ молился стоя на колѣняхъ. Несмѣтная толпа сопровождала обожаемаго Царя до дворца, гдѣ е. в. изволилъ переодѣться, принять Филарета и, надѣвъ ленту, пойти въ соборъ. Тутъ встрѣтилъ его митрополитъ со словами: «благословенъ грядый на спасеніе града сего!» Изъ собора вышедши, Государь поѣхалъ объѣзжать городъ, а послѣ кушать изволилъ у князя Дм. Владимировича и сказывалъ, что дорога не хороша, что ѣхать изволилъ 49 часовъ (поэтому, кажется, надобно бы заключить, что и дорога, и лошади были хороши, напротивъ). Государь здоровъ, кажется не усталъ съ дороги, только красенъ и загорѣлъ. Вотъ что разсказывалъ П. И. Озеровъ, пріѣхавшій отъ князя Дм. Вл-ча. Сколько пробудетъ Государь здѣсь, будетъ ли представленіе е. в., еще не извѣстно, но онъ очень успокоился насчетъ мнимой здѣсь холеры. Напрасно надѣлали такую тревогу. Толкуютъ, что по 100 и болѣе больныхъ въ сутки, но гдѣ по 20 до 30 человѣкъ умираютъ въ день, тамъ 100 человѣкъ ничего: изъ сихъ 100 больныхъ 80 на другой же день выздоравливаютъ. Самыя вѣдомости ежедневныя должны совершенно успокоивать всѣхъ. Что̀ ни говори, а холера чума. Может ли быть, чтобы въ городѣ, какъ Москва, умирало бы чумою только по 2 и 4 человѣка въ день, ежели точно чума существуетъ? Нѣтъ однако худа безъ добра, и ежели мѣры взятыя не прекратили зла, коего нѣтъ, то онѣ зло предупредили, можетъ быть; а это не бездѣлица. Я замѣчаю, что многіе уже мысли свои перемѣняютъ; первый сосѣдъ мой Л. А. Яковлевъ, который утверждалъ, что холера точно существуетъ. Ежели бы я раздѣлялъ страхъ, коимъ многіе объяты, то пребываніе здѣсь Государя меня бы мучило. Всѣ тронуты великодушіемъ Государя и отважностію его сюда пріѣхать. Нечего ему бояться: Богъ его спутникъ всюду! Заготовляю это письмо заранѣе и пишу прежде нежели лечь спать. У насъ ужинали княгиня Е. А. съ женихомъ, Пашковы, Фастъ, Обрѣзковы, Норовъ, Соковнинъ и Лачиновъ; ждали Палена, но не бывалъ. Княгиня, кажется, не менѣе сына своего влюблена въ Ольгу, которая ее восхищала пляскою Русскою, надѣвала сарафанъ для этого и была точно прелестна.

Будь совершенно покоенъ. Право, все вздоръ. Вчера говорятъ, что Государь изволилъ присутствовать въ холерномъ этомъ комитетѣ. Схожу къ Яковлеву узнать, правда ли и что̀ было. Я знаю, что онъ получилъ отъ кн. Д. Вл. приглашеніе къ 6 часамъ на чрезвычайное собраніе. Мы твоему совѣту таки послѣдуемъ: какъ только уѣдетъ Государь, и мы въ Семердино, гдѣ намъ гораздо покойнѣе, веселѣе и безопаснѣе. Умираю-хочу видѣть Государя хотя издали; ежели бы не шелъ снѣгъ (съ коимъ поздравляю) поѣхалъ бы въ Кремль глазѣть съ народомъ. Вотъ тебѣ объявленіе 28 и 29 чиселъ.

Я весь растроганъ! Башиловъ прислалъ мнѣ сію минуту письмо вел. князя Михаила Павловича отъ 25; оно наполнено опасеніями, какъ и твое ко мнѣ. Е. в-во своею рукою приписалъ P. S., который мы цѣловали и со слезами читали. Вотъ краснорѣчіе души! Я заставилъ Ольгу читать. Онъ грустилъ по Москвѣ, скорбитъ, что не можетъ быть ей полезенъ, спрашиваетъ, гдѣ *мы*, проситъ увѣрить насъ, сколько онъ раздѣляетъ наше безпокойство и страхъ, проситъ чаще и подробнѣе ему писать и пр. Да я тебѣ завтра доставлю копію. Право, ангелъ это! Какъ я радъ, что въ письмѣ моемъ къ его высочеству сдѣлалъ я приписку, которая его успокоитъ. Время покажетъ, что холеры не было здѣсь.

*

Москва, 1 Октября 1830.

Мѣры предосторожности будутъ умножены. Съ завтрашняго дня прервется совершенно сообщеніе города со всѣми губерніями. Мнѣ жаль, что отрѣзаны будемъ отъ Кости и Паши. Нечего дѣлать! Я уже отправилъ курьера верхомъ въ Семердино, чтобы тамъ всѣхъ успокоить, и послалъ имъ нужныя провизіи. Ты спросишь, любезнѣйшій другъ, отчего послѣдовало все это? Право, не знаю. Пусть покажутъ мнѣ одержимыхъ холерою, я охотно стану ходить за ними. Не явное ли это противорѣчіе? Холера существуетъ, т. е. чума: такъ зачѣмъ же допускать скопища въ Кремлѣ? Я теперь оттуда, видѣлъ крестный ходъ и народу конечно тысячъ двадцать. Вѣдь это: сообщать, распространять заразу! Я замѣчаю, что страхъ въ дворянствѣ; а народъ мелкій покоенъ, а кажется ему-то бы и бояться, но у него видно болѣе здраваго ума. Все это, сказываютъ, произошло отъ Фр. Алекс. Юни, который умеръ вчера натурально холерою, а онъ съ годъ, какъ былъ все боленъ. Ему совѣтовали не брать должность сверхъ силъ его, надобно много рыскать, кричать, браниться, а онъ слабъ, послушалъ усердіе свое одно, побранился съ докторами, взволновалъ желчь и умеръ въ двое сутокъ. Что̀ тутъ удивительнаго? Я тебя прошу вѣрить мнѣ: право, холера въ воображеніи у трусовъ и въ расчетахъ докторовъ,

кои надѣются великихъ наградъ. Сказываютъ, что послѣ завтра представленіе у Государя. Ежели буду имѣть счастіе его видѣть и случай представиться, я смѣло скажу мнѣніе свое Государю. Княгиня Долгорукая пріѣхала къ намъ, перепугана, искать утѣшенія. Que faut-il faire, mon cher m. B-w? А сынъ ей отвѣчаетъ: Il n'y a qu'un remède; il faut rester à côté d'Olga, ne pas la quitter, и это хорошее лѣкарство. Но я княгиню просилъ быть покойною и совершенно выбилъ изъ головы ея смутныя мысли.

Видѣлъ Рушковскаго, отъ коего Голицынъ требуетъ окуривать всѣ письма. Вообрази, какой это наводитъ страхъ въ губерніяхъ: въ Москвѣ чума! Да ежели до того дошло здѣсь, то берите ужъ мѣры серіозныя, какъ то было въ Одессѣ: заприте театры, церкви, рынки, всѣ сходбища, падите къ ногамъ Государя, чтобы онъ уѣхалъ отъ насъ. Что это за полумѣры? Смѣсь отчаянія и безпечности.

Вотъ тебѣ выписки съ собственноручнаго P. S. въ Башиловомъ письмѣ отъ великаго князя Михаила Павловича. Какъ онъ добръ и милостивъ. Да Государь-то какой ангелъ? Всѣмъ извѣстно, какъ онъ любитъ императрицу и дѣтей своихъ, а онъ оставляетъ непринужденно все, что̀ сердцу его дорого, цѣнно, чтобы летѣть въ Москву, которую описали ему жертвою смертоносной лютой заразы! Это будетъ въ исторіи его написано золотыми буквами.

Жена моя сію минуту подымала Иверскую Божію Матерь. Я очень радъ, что Рушковскій со мною однихъ мнѣній, да и всякій благоразумный человѣкъ тоже долженъ говорить. Я имѣлъ счастіе видѣть издали Государя у окна, къ коему изволилъ подходить. Сегодня допущены были къ его величеству глава и купцы главнѣйшіе.

*

Москва, 2 Октября 1830.

Государь двое сутокъ слишкомъ здѣсь, а ты 27-го не зналъ еще, что е. в. выѣхать изволилъ изъ Петербурга. Я имѣлъ счастіе видѣть его хотя издали, давеча; теперь нетерпѣливѣе буду ждать счастія ему представиться, ежели будемъ допущены мы мелкотравчатые. Я теперь отъ княгини, гдѣ мы вечеръ проводили очень пріятно, пѣли и Пескатори, и «que le Roi vive», а Лазаревъ пѣлъ своего «Mon capitaine, l'en souviens tu». Онъ и поетъ лучше, и голосъ сталъ лучше; уже не въ носъ, какъ прежде. Норовъ явился поздно, божился, что всклепали на него, что женится, а переѣхалъ только на третью квартиру. Къ княгинѣ принесли вѣдомость № 9 о состояніи города, которая дамъ встревожила, и подлинно прежнія слова: «умерло отъ признаковъ *болѣе*

или *менѣе* холеры», замѣнены яснымъ показаніемъ: «холерою умерло 28». А я все-таки не вѣрю холерѣ. На улицахъ ловятъ всѣхъ пьяныхъ и полупьяныхъ (а пьютъ очень много, оказія славная съ горя), берутъ въ больницы, бродягъ также. Все это считается больными. Доктора поддерживаютъ, что̀ прежде говорили; выгода ихъ, чтобы было сказано, что ихъ стараніями холера уничтожена. Что̀ будетъ, Богу извѣстно; но до сихъ поръ вижу я обыкновенныя болѣзни, бывающія всякой годъ въ это время отъ огурцовъ, капустныхъ кочерыжекъ, яблоковъ и пр. Не я одинъ такъ думаю; но il partito contrario сильнѣе. Во всякомъ случаѣ будь покоенъ на нашъ счетъ. Я тебѣ всегда буду писать правду.

Я видѣлъ у Фаста теперь Польчевскаго, живущаго у него и присланнаго отъ Канкрина для выставки. Онъ говорилъ съ Арндомъ; этотъ ему сказалъ, что рапорты хороши и что всѣ больные отъ *холеры* вылѣчиваются, что болѣзнь по видимому слабѣетъ. *Думаютъ*, что Государь отправиться изволитъ обратно послѣзавтра и выдержитъ три дня карантина въ Твери. Купцы подносили вчера хлѣба-соль Государю. Е. и. в. милостиво съ ними разговаривалъ. Титовъ мнѣ разсказывалъ, что онъ имъ сказалъ: «По рапортамъ холера лишила Россію 20 т. человѣкъ; берите ваши мѣры заранѣе, друзья мои! Я былъ самъ въ яблочномъ ряду, плоды вредны теперь; я предложилъ торги на время прекратить; одинъ благоразумный купецъ изъявилъ свое согласіе тотчасъ, а прочіе сказали, что ихъ это разоритъ. Продажа должна прекратиться, я сказалъ уже князю Голицыну, отнеситесь къ нему, дабы отвратить разореніе, коего боитесь!» Государь принялъ хлѣбъ соль и ихъ отпустилъ.

Теперь былъ у меня Путята*), коего братъ у Закревскаго адъютантомъ; онъ имѣетъ письмо отъ брата изъ Пензы отъ 24-го. Онъ пишетъ, что тамъ все здорово, что ѣдутъ далѣе въ Саратовъ и Симбирскъ для того, чтобы взять чиновниковъ и центральный комитетъ уничтожить, ибо и тамъ все благополучно, а есть только малое число больныхъ по деревнямъ.

*

Москва, 3 Октября 1830.

Былъ я во дворцѣ. Два раза видѣлъ издали Государя. Онъ изволилъ одинъ ѣздить сперва, потомъ воротился домой взять кн. Серг. Мих., который его ожидалъ; ѣздили вмѣстѣ въ какое-то заведеніе и при мнѣ воротились. Во дворцѣ, прежде чѣмъ быть допущену на верхъ, большая проформа: надобно облить руки хлорною водою и пополоскать ротъ. Я долго сидѣлъ у гр. П. А. Толстого, коему свою пѣсню

*) Дмитрій Васильевичъ.

читалъ. Онъ говорилъ: ce que vous dites, je le disai à l'Empereur tous ces jours-ci, je me moquais des poltrons; mais depuis hier *il paraît* que le mal s'est déclaré. Я все-таки свое толкую, что нѣтъ холеры. Кто болѣе рыскаетъ всюду почталіоновъ, священниковъ, кои больныхъ исповѣдываютъ и причащаютъ, солдатъ, кои въ кучѣ живутъ? Нѣтъ больныхъ, ни мертвыхъ такого рода ни въ почтамтѣ, ни между попами, ни въ казармахъ. Le c-te me dit à cela, que le mal n'est pas épidémique, qu'il ne se gagne pas par le contact, mais qu'il est dans l'air, что это повѣтріе.—Бенкендорфъ пріѣхалъ въ ночи; я ѣду уже, а онъ мнѣ на лѣстницѣ попадается. Обнялись, и первый вопросъ: est-ce vrai que votre fille se marie?—Je venais pour vous l'annoncer.—Avec qui? Avec le p-ce Alex. Dolgorouky!—Mais c'est un charmant parti, je me réjouis. Мы говоря шли вверхъ по лѣстницѣ въ его компату, вдругъ гоффурьеръ: пожалуйте къ Государю. Venez, mon cher, demain chez moi de bonne heure, il faut que nous causions. Такъ мы и разстались.

Въ городѣ нѣтъ ничего особеннаго; скорѣе лучше, чѣмъ хуже. Доказано, что мрутъ только пьяницы, обжоры, отощанные и тѣ кои сильно простужаются. Я получилъ вчера премилое и длинное письмо, самое дружеское, отъ кн. П. Мих. Волконскаго, въ отвѣтъ на мое, которое ты, видно, рѣшился ему послать.—Генералъ Алексѣевъ Илья Ив., бывшій въ молодость нашу полицмейстеромъ здѣсь, умеръ.

*

Москва, 4 Октября 1830.

Фл.-ад. Кокошкинъ пожалованъ генераломъ-маіоромъ. Государь былъ давеча у кн. Урусовой. Такъ врасплохъ засталъ, что князь едва успѣлъ выбѣжать, чтобы снять сюртукъ и надѣть фракъ. Очень былъ веселъ и милостивъ, спрашивалъ: трусятъ ли холеры? Князь отвѣчалъ, что по сю пору въ глаза ея не видалъ. Государь отвѣчать изволилъ: «Я указомъ объявилъ, что есть холера, для того только, чтобы брали мѣры предосторожности противъ нея». Градскому головѣ нашему Государь изволилъ сказать: «Жаль, что случилось это препятствіе, а я хотѣлъ пріѣхать сюда съ императрицею посмотрѣть на выставку».—Богъ дастъ, в. и. в., и въ Генварѣ будетъ выставка. «Кто знаетъ?» отвѣчалъ Государь, «Богъ дастъ и мы пріѣдемъ». Мы до сихъ поръ удивляемся и радуемся неожиданному прибытію Государя. Сколько сдѣлало и сдѣлаетъ это добра! А кого не тронула до глубины души попечительность Государя о подданныхъ своихъ? Эта черта одна заслуживаетъ монументъ. Видали мы градоначальниковъ, которые въ смертныя времена бѣжали изъ Москвы въ Марѳино. Счастіе наше (ты знаешь, какъ я Голицына люблю), этотъ бы не послѣдовалъ примѣру Салтыкова, не

укрылся бы въ свое Рожествено, но если бы не взялъ всѣхъ мѣръ, кои нужны были въ сихъ обстоятельствахъ, Богъ знаетъ, что бы вышло. Теперь всѣ покойны только отъ того, что могутъ сказать: Государь здѣсь!

Посылаю тебѣ стихи Глинки. Сюжетъ единственный! Можно бы лучше воспѣть. Чтò зѣваетъ И. И. Дмитріевъ? Вотъ бы случай показать свой талантъ. Я очень радъ, что доброму Глинкѣ Государь пожаловалъ 3000 р. пенсіона и право выбрать себѣ мѣсто; приказалъ ему сказать, что отрѣшеніе его отъ мѣста цензора не долженъ онъ почитать немилостію, но слѣдствіемъ обстоятельствъ. У бѣднаго Глинки куча дѣтей, а человѣкъ онъ самый благонамѣренный, благородный, только чудакъ большой. Мухановъ об.-полиц. было умеръ, а отъ испугу и отецъ его; но, слава Богу, оба вышли изъ опасности; но это не имѣетъ никакой связи съ холерою.

Болтаемъ съ Дишкою *), вдругъ Катенька закричала: l'Empereur, l'Empereur! подбѣжала къ окошку и успѣла еще поклониться. Государь въ колясочкѣ парою, одинъ. Повернулъ въ переулокъ, чтò возлѣ насъ. Не во Вдовій ли Домъ изволилъ поѣхать? Надобно ѣхать обратно. Мы и расположились у окошка, чтобы его не прозѣвать. Только минутъ 10 спустя опять изволилъ назадъ проѣхать, всѣмъ намъ очень милостиво поклонился и улыбнулся. Всѣ мы нашли, что онъ потолстѣлъ и краснѣе сталъ, но это можетъ и отъ погоды: земля покрыта снѣгомъ и холодно.

Вотъ тебѣ и сегодняшнее объявленіе о состояніи города. Прочти со вниманіемъ, умерло въ день *20* человѣкъ, изъ заболѣвшихъ холерою 212-ти человѣкъ умерло *13*. Къ первому числу Октября всѣхъ больныхъ 224. Въ числѣ больныхъ всегда множество пьяныхъ, кои выспятся и объявятся вылѣченными, бродяги, нищіе и тому подобные. Дишка видѣлъ Лазарева, которому Бенкендорфъ сказывалъ давеча, что всѣ почти вылѣчиваются, а умирающихъ мало и что болѣзнь ослабѣваетъ. Когда же была она въ своей силѣ? Какъ умирало 2, 3 и 4 человѣка въ день, что ли? П. И. Озеровъ слегъ; скажутъ, что заразился. Нѣкто Лармè купецъ и молодой Тютчевъ умерли, сказываютъ, что холерою; не знаю о Тютчевѣ, но Лармè уморилъ его докторъ. Обрѣзковъ явился d'un air de triomphe: Ну что, вѣришь ли холерѣ?— Нѣтъ!—Да ты читалъ афишку?—Читалъ, такъ что же?—Какъ что?—

---

*) Т. е. съ княземъ Александромъ Сергѣевичемъ Долгоруковымъ (тогда женихомъ Ольги Александровны Булгаковой).

224 умершихъ!—Пустяки! Подай афишку. Подали и читали. Онъ смѣшалъ больныхъ съ умершими; но правда, что напечатано безтолково.

*

Москва, 6 Октября 1830.

Въ бюллетенѣ, что̀ я тебѣ послалъ, показано такое большое число больныхъ, что Государя это поразило. Онъ приказалъ изслѣдовать, и вышло, что ошибкою тѣхъ же больныхъ выписывали въ двухъ разныхъ частяхъ, за что была нагонка, ибо и въ городѣ всѣ перепугались.

Болѣзнь ослабѣваетъ, говорятъ эти господа. Изъ Смоленска прислалъ губернаторъ тамошній какого-то шляхтича (я подозрѣваю, не Жидъ ли).—Чтобы Государю, послѣ милостей его и Императрицы, не показалось странно, что мы не довели до свѣдѣнія ихъ импер. величествъ о перемѣнѣ судьбы Ольги, я давеча поѣхалъ во дворецъ. Бенкендорфъ былъ занятъ, не могъ меня принять; я пошелъ къ Храповицкому, который очень меня обласкалъ, поздравлялъ, спросилъ: знаетъ ли Государь о свадьбѣ нашей? Я отвѣчалъ, что мнѣ это неизвѣстно. Да развѣ вы согласія у Императрицы не просили? Вѣдь Ольга Александровна фрейлина?—Нѣтъ, фрейлина старшая ея сестра; но я писалъ князю П. М. Волконскому и просилъ его доложить Государю, ежели случай представится. Я повторилъ Храповицкому то, что̀ писалъ князю Петру Михаиловичу. Можетъ быть, онъ и передастъ Государю нашъ разговоръ. Жаль мнѣ очень, что не было и не будетъ, кажется, представленія у двора. Государь принялъ только хлѣбъ-соль отъ купцовъ и принималъ сенаторовъ и тѣхъ чиновниковъ, кои имѣютъ части города въ своемъ вѣдомствѣ, и то на минуту выходить къ нимъ изволилъ; остановясь отъ нихъ шаговъ на пять, всѣмъ вмѣстѣ говорилъ, благодарилъ за ихъ усердіе и попеченіе, прося продолжать это до совершеннаго окончанія болѣзней. Всѣмъ было пріятно видѣть, что Государь принимаетъ предосторожности, гдѣ нужно, и не подходилъ къ лицамъ, кои все обращаются въ кругу больныхъ и гошпиталей. Сказываютъ, что е. и. в. обѣщалъ это Императрицѣ, прощаясь съ ея величествомъ. Государь того мнѣнія, что холера не сообщается прикосновеніемъ, по дыханіемъ и что зло въ воздухѣ, что это повѣтріе, какъ бываетъ, что глаза у всѣхъ болятъ, гриппы и т. п. Въ такомъ смыслѣ и графъ П. А. Толстой со мною говорилъ. Я заходилъ къ Арндту, который велѣлъ тебѣ кланяться. Я ему сказалъ свой образъ мыслей наотрѣзъ. Онъ отвѣчалъ: V. e. donne dans l'excès contraire. Sûrement ce n'est pas le choléra des Indes, ni même d'Astrackan, le mal est affaibli, il n'a plus ses symptomes effrayans ordinaires; il ne doit pas inspirer l'effroi que beaucoup de personnes éprouvent; mais le mal

existe; il est combattu par les bonnes précautions, qui ont été prises d'avance: le nombre des malades diminue et les guérisons s'opèrent plus facilement; je suis de l'avis que le mal, loin d'empirer, va tout-à-fait disparaitre. Все это должно тебя совершенно успокоивать, и Бенкендорфъ сказалъ, что Государь скоро изволитъ отбыть отсюда, развѣ бы послѣдовало что нибудь новаго и новыя опасности. Башиловъ, шутя, сдѣлалъ доброе дѣло. Говоря о смерти Алексѣева, прибавилъ, что нечѣмъ похоронить, двухгодовая болѣзнь разорила ихъ, просилъ графа Толстого молвить словечко Государю. Сегодня рано Императоръ прислалъ 5000 р. на похороны и кромѣ того сына простилъ. Давеча везли мимо насъ покойника съ военною церемоніею и двумя орудіями.

Государь, бывши у княг. Урусовой, спросилъ у нея, что̀ новаго въ Москвѣ?—Всѣ заняты, в-е в-во, холерою, а другая новость свадьба Булгаковой.—Какой Булгаковой?—Младшей дочери нашего Булгакова.—Ольги?—Точно такъ!—Быть не можетъ, ея не вывозили въ Петербургѣ, ей 13 лѣтъ; за кого же она выходитъ?—За молодого князя Долгорукова; мнѣ самъ отецъ это объявлять пріѣзжалъ, женихъ намъ родня.—Я удивляюсь, что не слышалъ объ этомъ ничего; она чрезвычайно умна, мила и прекрасная собою, прибавилъ Государь. Это пересказывала княгинѣ Долгорукой молодая княжна Урусова, прибавя: je n'étais pas là quand l'Empereur était chez nous, mais maman m'a conté cela.—Ольга прибѣжала toute essoufflée. Что̀ такое? L'Empereur vient de passer devant nous. Ah papa! comme il a souri en me voyant près de mon promis et comme il nous a salué avec bonté!

Сказали, что домъ Хрущовыхъ оцѣпятъ, что тамъ трое занемогли холерою злою. Я тотчасъ туда поѣхалъ, ибо хочу убѣдиться въ существованіи этой холеры, коей не вѣрю. Разспрашивалъ людей: просто объѣлись новаго кушанья, которое старуха Улыбышева велѣла готовить вмѣсто *щей*, кои будто вредны (Русскому человѣку вредны щи, на коихъ онъ возросъ!) Отъ непривычки и излишества сдѣлались рвоты и судороги, вотъ тебѣ и холера. Посадили въ кареты и повезли можетъ быть, морить кровопусканіемъ. А третій, швейцаръ ихъ, остерегся да не ѣлъ ничего, на другой день и выздоровѣлъ; онъ мнѣ это и разсказывалъ. Вотъ исторія всѣхъ нашихъ холеръ.

Башиловъ былъ у насъ, привозилъ письмо къ нему Великаго Князя, въ коемъ его высочество ему пишетъ: «Bien des choses à B-w, je le félicite de tout mon coeur sur les promesses de sa fille, en désirant que m-elle Olga soit heureuse». Спасибо е. в., что насъ любитъ и помнитъ. Башиловъ совѣтуетъ писать и благодарить е. в. Я радъ, что писалъ

ему уже, а можетъ быть и еще напишу. Письмо Великаго Князя тронуло меня, оно наполнено благоговѣніемъ и дружбою къ Государю. И онъ тоже прославляетъ сердце своего августѣйшаго брата и любовь его къ подданнымъ. «J'ai fait», прибавляетъ онъ, mon devoir, j'ai desiré partager les dangers de l'Empereur, mais j'ai du me conformer à la volonté de s. m. i». Скажи Полетикѣ, какъ мы чувствуемъ милости Великаго Князя. Москва его чрезмѣрно полюбила; онъ, право, всѣхъ обворожилъ своею ласкою и откровеннымъ обхожденіемъ.

Сію минуту былъ у насъ генералъ-адъютантъ Храповицкой, по высочайшему повелѣнію: Государь прислалъ его поздравить Ольгу съ помолвкою, а насъ съ зятемъ и приказалъ у Ольги за него поцѣловать ручку, что̀ Храповицкой и исполнилъ. Долго сидѣлъ, говорилъ, что Государь сожалѣетъ, что насъ не видитъ. Я просилъ Хр. доложить Государю, что верхомъ счастія сочту видѣть его в-во и благодарить лично за милость его къ намъ. Хр. сказалъ: Можетъ быть и можно вамъ будетъ видѣть Государя; я доложу. Я проводилъ до кареты дорогого посла, а Ольга до лѣстницы; тутъ онъ поцѣловалъ руку и сказалъ: C'est déjà pour moi et pas pour s. m. l'Empereur. Какъ жаль, что Наташи дома нѣтъ, а женихъ былъ тутъ; его очень обласкалъ Матѳей Евгр., который тоже говорилъ, что Государь желаетъ знать, когда и гдѣ будетъ свадьба?

*

Москва, 7 Октября 1830.

Посѣщеніе Храповицкаго разнеслось по цѣлому городу въ одну минуту: Норовъ и Лазаревъ пріѣзжали спрашивать, правда ли и какъ это было? Я тебѣ не помню, что̀ написалъ въ радости моей, то не худо повторить поподробнѣе. Государь проѣхалъ два раза мимо насъ, и оба раза кланялся намъ, т. е. Катѣ и Ольгѣ, которая стояла у окошка съ женихомъ. Я писалъ тогда тебѣ вверху, обѣ прибѣгали мнѣ разсказывать, что Государь проѣзжалъ и кланялся. Вдругъ Яковъ прибѣжалъ сказать, что пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Храповицкій. Я думалъ, что отдать мнѣ намеднишній мой визитъ, сбѣжалъ внизъ. Матв. Евгр., увидя меня, сказалъ: Я пріѣхалъ по приказанію Государя, поздравить васъ и Нат. Васил. (а ея дома не было) съ помолвкою Ольги Александровны; а у васъ, сказалъ онъ обернувшись къ Ольгѣ, Государь приказалъ мнѣ поцѣловать ручку, что̀ и исполнилъ. Хотѣли мы и не умѣли благодарить. Я представилъ жениха, коего М. Е. обнялъ и поздравилъ, что входитъ въ такое хорошее семейство. Онъ поговорилъ нѣсколько съ Катенькою, которая была за фортепьяно, и я повелъ его въ гостиную и посадилъ на канапе. Государь, сказалъ онъ,

желаетъ знать, когда и гдѣ будетъ свадьба? Вѣроятно въ Москвѣ, но не знаемъ еще сами, когда. Я говорялъ о намѣреніи князя проситься въ Лондонъ съ чрезвычайнымъ посольствомъ, но что мы отмѣнили, ибо нескоро еще послѣдуетъ коронація короля Аглицкаго. Mariez le prince avant, et puis qu'il aille à Londres avec sa femme. Cela occasionerait trop de depenses et d'embarra; il a préféré de renoncer à ce voyage tout-à-fait. Le g-l me dit, que l'Empereur avait appris ce mariage par la p-ce Ouroussoff Екат. Павл. Alors je lui fis part de ma lettre au prince Wolkonsky que j'avais prié, si l'occasion s'en présentait, de porter à la connaissance de s. m. i. le changement de sort d'Olga, mais que l'Empereur outre temps étant parti de Pétersbourg, le p-ce Pierre ne put pas remplir ma prière. Le g-l Xp. m'a répondu qu'il avait dit tout cela à l'Empereur le jour que je lui en avais parlé la première fois chez lui. Je lui lu quelques fragments de la réponse du p-ce Pierre à ma lettre. Ensuite il fit question de Pétersbourg, de vous, de l'opéra Italien, et me conta que l'Empereur avait été mécontent d'Abreskof de Twer, qui garde longtemps le feldjäger qui devait porter à Impératrice de l'arrivée de s. m. i. ici, qu'Abr. avait substitué une estafette à feldjäger, que l'Impératrice avait été fort inquiète car, aulieu de Mercredi elle n'apprit que Vendredi l'arrivée de s. m. i. à Moscou. Il nous donna bonnes nouvelles sur l'état sanitaire de Moscou. Посидѣлъ съ часочекъ. Я пошелъ его провожать, онъ удерживалъ; но я сказалъ, ежели бы вы пріѣхали сами собою, и тутъ я бы столь дорогого гостя проводилъ до передней, но такъ Государю угодно было его прислать, то я обязанъ выйти на улицу. Я сказалъ, что сочту верхомъ счастія для себя, ежели бы удостоился пасть къ стопамъ Императора и лично его благодарить за столь великую милость. Храповицкій отвѣчалъ, что Государь принимаетъ только должностныхъ, имѣющихъ дѣло по мѣрамъ, кои берутъ здѣсь противу заразы, но что онъ его величеству доложитъ. Симъ кончилось лестное это посѣщеніе для насъ.

Стоимъ ли мы того, чтобы Государь прислалъ г.-адъютанта своего, столь старшаго чиномъ противъ меня? Дишка поскакалъ тотчасъ къ матери разсказывать, она очень была обрадована. Вечеромъ была у насъ и все распрашивала, какъ это было. Я поѣхалъ къ кн. Хованской ей разсказать, но она уже знала отъ Киселева Серг. Дм., который случился у насъ какъ пріѣхалъ Храповицкій, и все видѣлъ, да видно и поѣхалъ барабанить. Вотъ какова наша курноска, принчипеска!

Бюллетени я къ тебѣ исправно посылаю; а теперь, зная, что ты доставляешь ихъ Великому Князю, еще болѣе буду наблюдать. Только

полиція нерадиво ихъ намъ доставляетъ; я уже бранился, а теперь хватился за умъ, сталъ дарить деньги хожалому, такъ лучше все пошло. Государь уѣхалъ въ 10 часовъ съ половиною.

*

Москва, 8 Октября 1830.

Государь изволилъ отбыть въ Тверь вчера въ половинѣ одиннадцатаго, любезнѣйшій братъ. Благомыслящіе и разсудительные люди порадуются этому: ежели нѣтъ холеры, то и высочайшее присутствіе уже не нужно; а ежели есть и усилилась она, какъ нѣкоторые врали и утверждаютъ, то надобно Бога благодарить, что Государь отъ зла и опасностей удалился. Здѣсь болѣе трусовъ, чѣмъ чего другого; они и дамы уже завыли: Ну, Государя нѣтъ! Теперь пойдетъ каша! Уже прибыло умершихъ! Болѣе больныхъ! etc. Глупо многіе поступаютъ, да и мѣры берутся такимъ образомъ, чтобы всѣхъ пугать. Эта старая баба Лодеръ былъ у меня вчера съ извѣстіемъ, что Государь уѣхалъ, къ чему прибавилъ съ видомъ важнымъ: No! Je suis charmé que l'Empereur soit parti, la femme de *стопникъ* de l'Empereur (что это за чинъ новый?), est tombée malade de choléra, l'Empereur se plaignant d'un mal de tête; sûrement ce n'est rien, mais enfin, il est bon que s. m. soit partie. Меня, право, взорвало! Ну скажи эдакую вѣсть какой-нибудь кумѣ, или въ клобѣ, посмотри, что̀ сдѣлается въ Москвѣ! А у этого стараго хрыча и вральмана Арбатская часть вся на рукахъ. Ихъ бы дѣло успокоивать, предохранять, лѣчить, а не уныніе наводить, пугать и убивать напрасными кровопусканіями. Да отъ однихъ этихъ каретъ-полудрогъ сколько умерло! Посади туда мнительнаго человѣка, повези его въ гошпиталь, гдѣ не воздухъ, а облако хлора, и здоровый умретъ. Нѣтъ, братъ, совсѣмъ дѣло это не такъ повели; можно бы и должно брать всѣ мѣры, но иначе. Il faudrait les choses, mais pas les noms, qui effrayent plus que le mal. У Фаста солдатъ объѣлся; прошло бы, но по строгому приказанію надобно тащить въ больницу, садиться въ насмоленную карету, отправиться въ больницу, что̀ въ Пашковомъ домѣ (тутъ шефъ нашъ Обрѣзковъ), пустятъ кровь и уморятъ. Такъ-то мы разсуждали съ Фастомъ. Только что прочелъ записку отъ Фаста, въ коей также говоритъ объ этомъ случаѣ. Является Обрѣзковъ какъ нарочно. Спасибо твоему другу!— А что?—Прислалъ намъ солдата въ холерѣ. Je vous l'avais dit, ma chère, сказалъ я женѣ. Ужъ онъ вралъ, вралъ! А Пашиньку онъ такъ напугалъ, встревожилъ, что Санградо-Попандопуло опять ей кровь пустилъ; она блѣдная какъ смерть, воображаетъ себѣ, что и у нея холера, а сама знаетъ, что вѣчно страдала судорогами въ желудкѣ. Полно объ этихъ дуракахъ и сумасшедшихъ.

Я наконецъ видѣлъ Волкова. Государь чрезвычайно его обласкалъ, давалъ ему двѣ длинныя конференціи и очень много говорилъ о дѣлахъ, особенно о холерѣ. Волковъ во многомъ со мною согласенъ. Волковъ выпроводилъ Государя за заставу.

Государь изволилъ быть прощаться у Урусовой. Вообрази мое отчаяніе: пять минутъ послѣ того, что̀ я уѣхалъ отъ княгини, е. в-во пріѣхалъ. Что бы мнѣ помѣшкать четверть часа? Судьба, видно! Государь сказалъ княгинѣ, что видѣлъ Ольгу съ женихомъ у окна. Il m'a paru être un très beau garçon, прибавилъ Государь.

*

Москва, 30 Октября 1830.

Право, не о чемъ безпокоиться и нечего бояться. Безъ страха не было бы больныхъ, а безъ этихъ каретъ, увѣренности въ холерѣ, худого лѣченія и этихъ наскоро составленныхъ гошпиталей, не было бы столько мертвыхъ. Сказываютъ, что центральный комитетъ перемѣстится сюда, и хорошо бы было. Закревскій взялъ бы еще лучшія мѣры. Смотри, какіе вздоры печатаются въ этихъ бюллетеняхъ! Я знаю, что Закревскій и кн. Дм. Вл. не большіе пріятели; однакоже о ссорѣ между ними я не слыхалъ, да мало ли что врутъ. Государь, осматривая, не знаю какое, заведеніе 7 числа, простудился и за обѣдомъ почувствовалъ такое головокруженіе, что принужденъ былъ выйти изъ-за стола, но это не имѣло послѣдствій, благодареніе Богу. Онъ удивлялся здоровью Юсупова, который былъ съ нимъ тутъ же, и тому нужды нѣтъ. Однако въ тотъ же вечеръ ѣздилъ Государь къ Урусовой прощаться. Самъ изволилъ заговоритъ о Дишкѣ княгинѣ: «Вы бы сказали мнѣ, что это сынъ каламбура Николаевича, я бы тотчасъ узналъ, кто женихъ Ольги Александровны. Я не зналъ, что его мать Васильева. Я, ѣдучи мимо Булгаковыхъ, видѣлъ у окна жениха; молодецъ! Теперь помню, что видалъ его въ Петербургѣ». Вотъ слова Государя. Княгиня также хвалила Дишку и прибавила: теперь мы съ Булгаковыми породнимся.

Великій Князь очень къ намъ милостивъ, за обѣдомъ вѣрно будетъ говорить тебѣ о Москвѣ. Я, писавши къ е. в-ву, употребилъ выраженіе всемилостивый государь, потому что Башиловъ далъ мнѣ форму эту, да и Норовъ говоритъ, что такъ должно титуловать его высочество, къ коему и онъ самъ не разъ писалъ. Впрочемъ тебѣ вѣрю болѣе и впредъ такъ буду поступать, а лучше всего писать по-французски, такъ еще и каламбурчикъ подвернется.

*

Москва, 10 Октября 1830.

Не знаю, правда ли, но вчера слышалъ я, что Закревскаго ожидаютъ сегодня и что ему приготовлены комнаты въ домѣ тетки его Мельгуновой. Нашъ князь много трудится и дѣлаетъ для нашего спокойствія все, что̀ отъ него зависитъ; но бѣда та, что не имѣютъ довѣренности къ мѣрамъ, кои онъ беретъ. По городу ходятъ разныя розсказни, кои наводятъ страхъ или уныніе на умы слабые, а это большинство. Попасть въ гошпиталь или умереть почитаютъ однимъ. Есть анекдотъ о мѣщанинѣ, котораго похоронили живого, а онъ ушелъ какъ-то чудесно съ кладбища. Говорятъ, что священникамъ запрещено ходить на дома исповѣдывать и причащать и пр. Конечно лучше всего не вѣрить подобнымъ разсказамъ, но зачѣмъ ихъ разсѣяваютъ? Разговоры сіи понудили начальство какъ бы оправдываться передъ публикою въ прилагаемомъ при семъ 16-мъ отчетѣ о состояніи города. Всякій замѣтитъ, что здѣсь выздоравливаютъ изъ 500 больныхъ токмо 8, а въ Ярославлѣ изъ 69—*20*; въ Рыбинскѣ изъ 198—*65* выздоровѣвшихъ: стало быть, тамъ лучше лѣчать или обходятся съ больными. Ежели центральная комиссія переведется въ Москву, все пойдетъ лучше. Положимъ, что мрутъ холерою, а не обыкновенными осенними болѣзнями; но мы видимъ, что въ нашемъ классѣ ни одинъ еще не умеръ мнимою этою холерою, а все въ народѣ. Отчего? Оттого, что мы лѣчимся дома сами, или нашими обыкновенными докторами; а простолюдина сажаютъ въ фатальную карету, гдѣ уже дѣлается ему хуже, да отвозятъ въ гошпиталь, гдѣ все сдѣлано наскоро, стало не хорошо, гдѣ есть только наружное устройство для глазъ, а истинная помощь не подается, и гдѣ большая часть умираетъ отъ кровопусканія. Доктора сами не подходятъ къ больнымъ или только въ глазахъ начальствующихъ, когда они тутъ; больные на рукахъ фельдшеровъ и сидѣлокъ. Не всѣ усердны и безстрашны, какъ генералъ Сталь; онъ въ своей больницѣ только что не ночуетъ (кажется Сущевская), самъ принимаетъ, осматриваетъ и сортируетъ больныхъ и за всѣмъ глядитъ. Прокалываютъ письма какъ изъ чумного города, а другія важнѣйшія мѣры пренебрегаютъ; въ заставахъ смотрятъ строго за выѣзжающими и въѣзжающими, кои не откупаются деньгами, а между тѣмъ пѣшіе уходятъ со всѣхъ сторонъ, перелѣзая черезъ валъ. Мнѣ говорятъ, что я долженъ три дня окуриваться на заставѣ. Поѣду къ князю Дм. Вл.; ежели подлинно такъ, нечего дѣлать, я не въ правѣ требовать для себя исключенія, а непремѣнно хочу ѣхать за дѣтьми и сюда ихъ привезти.

Видѣлъ я Сталя у князя. Много говорилъ съ нимъ. Съ такими людьми весело говорить и о печальной матеріи. Очень желалъ я узнать

что нибудь о благополучномъ прибытіи Государя въ Петербургъ, но ничего не слыхалъ: ни плацъ-маіоръ, ни полиція не знали ничего. Миллеръ сказывалъ, что Государя множество народа провожало у заставы, что онъ милостиво всѣмъ кланялся, но сказалъ: «Прощайте, братцы, ступайте по домамъ, ни одинъ не смѣй переходить за шлагбаумъ». А они было бросились провожать.

*

Москва, 11 Октября 1830.

Холера идетъ къ концу, ибо истощила жертвы свои, т. е. квасъ, пьяницъ, обжоръ, нуждающихся и не принимающихъ предосторожностей. Вотъ что мнѣ говорили вчера генералъ Сталь, пріятель Волкова, и докторъ одинъ. Когда я писалъ Великому Князю, точно страхъ былъ пустой, смертность была хуже другихъ годовъ, царствовали обыкновенныя осеннія болѣзни, кои послѣ усилились отъ разныхъ причинъ, а можетъ быть и отъ холернаго повѣтрія; но все-таки это не та болѣзнь, которая опустошала Астрахань нынѣ и Оренбургъ въ прошломъ году. Перетрусились напрасно, мѣры не совсѣмъ взяли хорошія, да и тѣ слабо исполнялись. Я радъ, что былъ въ деревнѣ тогда и не попалъ въ этотъ комитетъ, а то бы много было бы у меня непріятностей и споровъ. Кто не пишетъ къ кому-нибудь въ Петербургъ? Всякій! Такъ вѣрно, что и у васъ должны быть вѣсти весьма сокрушительныя о бѣдной Москвѣ. Дѣло въ томъ, pour en finir, что болѣзнь не въ прикосновеніи, ибо въ казармахъ, фабрикахъ и всѣхъ скопищахъ вообще нѣтъ больныхъ. Болѣзнь не въ воздухѣ, ибо мы глотаемъ одинъ воздухъ съ простымъ народомъ, между нами никто не умиралъ отъ холеры, а въ народѣ много умираетъ, какъ говорятъ. Стало быть, смертность отъ невоздержанія, пьянства, худой или неумѣренной пищи. Voilà ce que je manderai au Grand-Duc, car il faudra que je réponde et remercie son altesse impériale.

*

Москва, Октября 1830.

Не могу теперь сомнѣваться въ существованіи холеры; но и теперь, повѣрь мнѣ, что изъ десятка, коихъ смерть относятъ къ холерѣ, вѣрно 6 и 7 не ею умираютъ. У господъ-медиковъ вышла война; всѣ вооружились противъ Маркуса, Лодеръ и Пфеллеръ отошли. Маркусъ хочетъ командовать всѣми, онъ конечно и знающъ и умнѣе ихъ всѣхъ.

*

Москва, 14 Октября 1830.

Въ городѣ опять болѣе стали безпокоиться, потому что въ бюллетенѣ № 21 больные прибавились, и выздоровѣло опять менѣе. Какъ меня увѣряли, Хлѣбниковъ вылѣчиваетъ въ домахъ по 50 и 60 чело-

вѣкъ въ день, за что несетъ гоненіе отъ медиковъ. С. А. Волкова мнѣ говорила, что Брянчанинову точно онъ жизнь спасъ. Главное, захватить въ первую минуту и сильный потъ произвесть, онъ сказалъ Волкову, и мы этого держимся. Всего спасительнѣе: 1-е, не отягощать досыта желудка; 2-е, вино пить, но не напиваться; 3-е, на желудкѣ носить фланель; 4-е, не ѣвши не выѣзжать со двора и имѣть на ногахъ теплое.

*

Москва, 15 Октября 1830.

Государь изволилъ уѣхать отсюда именно 7-го во Вторникъ, т. е. въ тотъ день, что̀ писалъ тебѣ кн. Алек. Никол. Il était donc d'avance très bien instruit du projet de s. m. i. Немудрено, что у васъ говорятъ много пустяковъ объ насъ, когда и здѣсь разсказамъ нѣтъ конца. Самарина Ѳ. В. уморили, а онъ и боленъ не былъ; а кто подлинно умеръ, такъ разсказываютъ ужасныя подробности, коихъ не бывало, и ужъ нѣтъ другой смерти, какъ холерою.

Вчера видѣлъ я флиг.-адъютанта графа Ивелича, который по имянному повелѣнію отправляется сегодня въ Саратовъ къ Закревскому. Что-то уже не говорятъ о пріѣздѣ сюда Финскаго графа нашего, а очень бы хотѣлось мнѣ его видѣть.

*

Москва, 16 Октября 1830.

У насъ, слава Богу, все благополучно, и берутся всѣ мѣры. Всякое утро и ложась спать всѣ беремъ ложку чайную магнезіи мы и весь домъ; это Волкову совѣтовалъ Хлѣбниковъ, яко самое спасительное средство, и Волковъ дѣлаетъ это у себя тоже. Одно меня только мучаетъ, что Костя, Пашка отрѣзаны отъ насъ. Къ нимъ ѣхать нельзя никакъ: надобно 14 дней карантина. Я надѣюсь, что прежде нежели настанутъ холода и зима, все пройдетъ; теперь я все думаю какъ бы ихъ сюда провезти. Не понимаю, зачѣмъ карантинъ тѣмъ, кои изъ благополучнаго мѣста ѣдутъ въ Москву; а съ Субботы, говорятъ, городъ оцѣпится еще тѣснѣе войсками.

Князь Дм. Вл. замученъ, худо вспомоществуемъ. Въ полиціи, попахъ и медикахъ дѣйствуетъ корысть. Тутъ бы надобно твердую, рѣшительную голову и скорыя средства. Вотъ, слышалъ я, какъ дѣлаетъ Закревскій: у него ро̀дъ дозоровъ, составленныхъ изъ медиковъ, фельдшеровъ съ разными лѣкарствами, пьявками etc. объѣзжаютъ городъ; приказано вездѣ, гдѣ занеможетъ кто холерою, то на крышки выставлять платокъ бѣлый въ видѣ знамя, а ночью фонари; гдѣ команда видитъ знаки сіи, туда тотчасъ въѣзжаетъ, спрашиваетъ больного и тотчасъ дѣйствуетъ къ его спасенію. Я всегда здѣсь повторялъ Яковлеву и всѣмъ, что должно опубликовать средства, къ коимъ больные

тотчасъ должны прибѣгать сами въ ожиданіи докторовъ, коихъ иной часовъ 8 ищутъ, а этого времени довольно, чтобы умереть. Вѣдомости даже о числѣ занемогающихъ и умершихъ не вѣрны, а потому Государь приказалъ, чтобы присылали ему подлинные списки отъ всѣхъ 20 частей за подписаніемъ сенаторовъ и тѣхъ, кои завѣдываютъ частями городскими и изъ коихъ Голицынъ прежде составлялъ рапорты свои е. и. в-ву. Всѣ требуютъ Иверскую подымать, и въ народѣ молва, что городъ только тогда избавится холеры, когда икона Божіей Матери объѣздитъ всѣ части города. Народъ нашъ набоженъ. Это и исполняется, но медленно, ибо по 200 и 300 требованій въ день. Мы третій день не можемъ имѣть образъ; говорятъ, что въ Субботу повезутъ по Арбату, и тогда выйдемъ на улицу встрѣчать. Я слышу теперь, что у князя Дм. Вл. умерла въ домѣ женщина, говорятъ, что холерою; а Киселева Пр. Петр. меня увѣряла, что княгиня Тат. Васил. переѣзжаетъ жить къ Авд. Селив. Небольсиной [1]), а князь Дм. Вл. въ домъ Александрова, что̀ рядомъ. Жаль, ежели онъ это сдѣлаетъ; это никому бодрости не придастъ, а какъ ручаться, что и въ домѣ Небольсиной кто нибудь не умретъ? Такъ они и будутъ странствовать изъ дома въ домъ.

*

Москва, 17 Октября 1830.

Скорѣе меня, кажется, никто не получаетъ бюлетеней, но завтра обращусь прямо къ источнику, въ типографію. Послѣ того, что̀ печатали въ нихъ о тѣхъ, кои трусятъ и тѣмъ наживаютъ себѣ скорѣе болѣзни, не слѣдовало бы начальнику города давать собою примѣръ страха; а князь Д. В. оставилъ домъ намѣстническій, который теперь весь окуриваютъ, и переѣхалъ жить въ лачужку. Пусть бы княгиня это дѣлала и сохраняла дѣтей своихъ (остается еще рѣшить, почему одинъ домъ безопаснѣе другого); но князю должно всѣми силами сохранять ввѣренный ему городъ. Cela a fait une mauvaise impression et le mit en butte au moins aux plaisanteries de la malignité.

Княгиня Урусова, которую я ѣздилъ поздравлять съ шифромъ Наташи [2]) ея, велѣла тебѣ кланяться. Она опять разсказывала мнѣ о посѣщеніи Государя. Е. и. в. изволилъ ей сказать: J'ai une grâce à vous demander.—Veuillez, Sire, me donner vos ordres.—Ne vous opposez pas aux désirs de votre fils Jean de servir dans la marine; il a cela à coeur, et cela me sera agréable. Натурально, она согласилась охотно. И Бенкендорфъ ей говорилъ, что желаніе Государя есть, чтобы наши дворяне поступали на службу съ толикою славою и пользою сопряженную.

---

[1]) Нынѣ домъ Софійской дѣтской больницы, на Ермолаевской Садовой.

[2]) Княжна Наталья Александровна Урусова, позднѣе супруга графа Ипполита Павловича Кутайсова.

Прочти-ка Глинкины прекрасные стихи Государю въ № 123 СПб. Вѣдомостей, и кои оканчиваются словами: всѣ ѣдуть изъ Москвы, а онъ..... въ Москву! Прекрасная мысль.

*

Москва, 17 Октября 1830.

Фасту сказывали, что на больницѣ, что̀ въ Смоленскомъ рынкѣ, нашли прибитою и припечатанною съ четырехъ угловъ слѣдующую надпись: «Ежели доктора Нѣмцы не перестанутъ морить Русской народъ, то мы ихъ головами вымостимъ Москву!» Ежели это не умыселъ людей неблагонамѣренныхъ, то все-таки шалость вредная. Вѣрно не отыщутъ; впрочемъ въ городѣ спокойно, а это важное обстоятельство въ сіи смутныя времена.

*

Москва, 20 Октября 1830.

Вотъ завелось чего отъ роду не бывало между нами, споры! Да и о чемъ еще, о негодной холерѣ. Нѣтъ, братъ, я не спорю, да и спорить нельзя противъ очевидности. Я очень сознаюсь, что холера существуетъ; но я нахожу, что страхъ почти всеобщій не соразмѣренъ съ истинною опасностію. Бездна умерло людей, коимъ жить бы должно: потому что предались страху, отчаянію, были испуганы, пили, простужались, не брали предосторожности, не захватывали болѣзнь сначала, а главное, что были жертвою незнанія докторовъ или худого присмотра въ больницахъ. Я вижу, что виноватъ; признаюсь тебѣ, что многое могъ бы не писать Полетикѣ, коего нескромность я не одинъ разъ замѣтилъ; впрочемъ я ничего такого не говорилъ ему, что̀ требовало бы тайну. Вотъ ты другое дѣло, и я свободно могу толковать съ тобою о нашихъ обстоятельствахъ. Итакъ, братъ, теперь не Голицына бы надобно здѣсь, а человѣка твердаго, рѣшительнаго, дѣятельнаго. Онъ голову потерялъ совершенно, а переѣздъ его въ лачужку, какова Александрова домъ, жилище столь неумѣстное для генералъ-губернатора, особенно въ это время, совершенно уронилъ его въ общемъ мнѣніи. Слава Богу еще, что слушается Волкова, коему надобно приписать всѣ хорошія мѣры, кои берутся, а то бы право не хорошо было здѣсь.

Что̀ ты скажешь, когда узнаешь, что доктора въ госпиталяхъ не подходятъ къ больнымъ, а пользуютъ ихъ издалека. Фельдшера и сторожа: вотъ истинные хранители больныхъ. За исключеніемъ малаго числа*) г-да начальствующіе не ѣздятъ въ свои госпитали, или бы-

*) Къ этому малому числу принадлежалъ графъ Александръ Никитичъ Панинъ завѣдуя временною больницею на Тверской. Больные опасались идти въ ванну: онъ самъ садился въ нее, чтобы они видѣли ея незараженность и послѣдовали его примѣру.

ваютъ тамъ только въ конторахъ, а больныхъ никогда не видятъ. Ежели боятся, на что было брать на себя добровольно хлопоты такіе и опасности? Но полно о семъ; теперь ты видишь, что я не Ѳома невѣрный.

Кн. Серг. Мих. таки запираетъ Воспит. Домъ. Много кричать на это въ Москвѣ. Когда много умирало тамъ, то впустили Государя, обманули е. в-во; но безпорядки не ускользнули отъ его прозорливости, и онъ главнаго доктора Пфелера велѣлъ разжаловать въ фельдшера, но Голицынъ упросилъ; кончилось однимъ выгнаніемъ изъ службы, и велѣно его судить. Теперь же и служащіе тутъ говорятъ, что все благополучно, и пятый день нѣтъ умершихъ, а запираютъ заведеніе, на что была Государемъ дана власть князю Дм. Вл., но могъ бы онъ ею и не пользоваться безъ нужды.

Жаль, что наполняютъ только пустяками бюлетени. Ну что это за глупости о разсказахъ въ Аглинскомъ клобѣ! Хотятъ дѣлать à la Rostopchine, да не то; говорятъ о слухахъ, смущающихъ людей робкихъ; но это не слухъ, что князь Д. В. переѣхалъ отъ страху изъ дому своего. Поэтому робкіе теряютъ и послѣднюю свою бодрость. Между новыми жертвами бѣдный Бранденбургъ, молодой Могилевскій, что̀ женатъ на Бутурлиной, сестрѣ Русскаго Жомини, и какой-то князь Урусовъ. Больно слышать, что въ такое смутное время есть люди, кои какъ будто ищутъ умножить гнѣвъ Божій. Разсказывалъ намъ вчера Новосильцовъ ужасную исторію: въ городѣ къ Красному селу нашли ночью богатаго одного огородника и шесть человѣкъ еще изъ его семьи зарѣзанными. Полагать надобно, что тутъ дѣйствовала цѣлая шайка. Ужасно! А въ Субботу была ограблена совершенно церковь Іоанна Богослова, что̀ на бульварѣ Тверскомъ, насупротивъ И. Н. Корсакова. Вяземскій пишетъ мнѣ изъ деревни, въ коей отрѣзанъ ото всѣхъ, не знаетъ совершенно ничего. Письмо его отъ 7-го изъ подъ Подольска; скорѣе бы дошло письмо изъ Парижа. Только знаетъ, что Государь прибылъ въ Москву, что это прекраснѣйшая историческая черта, и прибавляетъ: Государь перемѣнилъ пословицу предковъ: близъ Царя близъ смерти. Онъ сказалъ: близъ народа близъ смерти и сблизился съ нимъ.

*

Москва, 21 Октября 1830.

Между умершими отъ холеры я помѣстилъ вчера Бранденбурга, нашего Петропавловскаго школьнаго товарища; но это вышло вздоръ: онъ здоровъ, и мнѣ очень пріятно извѣстить тебя о семъ, любезнѣйшій братъ. Вотъ такъ-то здѣсь врутъ и морятъ часто здоровыхъ. Долго я сегодня сидѣлъ у Волкова, и много мы говорили съ нимъ о всякой всячинѣ. Много есть ничтожныхъ, напрасныхъ мѣръ, кои только стѣс-

няютъ всѣ сословія, а иныя, нужныя, пренебрегаются. Сегодняшнія извѣстія хороши, слава Богу; но бюллетень получимъ только завтра. Сашка велѣлъ тебя поцѣловать. Мад. Krouse пишетъ о насчастіяхъ случившихся въ семействѣ Алексѣя Бобринскаго, что женатъ на гр. Самойловой. Онъ, ходя около паровыхъ машинъ, хотѣлъ одну поправить; руку въ нее втянуло и раздробило ему три пальца. Этого мало; возвращаясь домой, узнаётъ, что сына его Сашку, лѣтъ 7-ми, прогуливали въ коляскѣ, лошади стали бить, вывалили коляску и несчастному малюткѣ переѣхали обѣ ноги. Богъ знаетъ, что̀ будетъ съ нимъ; ежели и живъ останется, можетъ быть калѣкою на всю жизнь*). Безъ содраганія не могу подумать о бѣдной графинѣ С. А. Ужъ подлинно несчастіе никогда не приходитъ одно.

Я заѣзжалъ навѣстить Рушковскаго, который исхудалъ весь отъ хлопотъ; у него такъ сильно курятъ хлорою, что способу нѣтъ выдержать. Теперь доказано, что надобно весьма умѣренно это употреблять, а то падаетъ на зубы и на глаза; а всего лучше частое куреніе уксуса съ мятою. Княгиня Нат. Ник. Голицына, пріѣхавшая отъ князя Дм. Вл. Голицына, сказывала у кн. Хованской давеча, что кн. Серг. Михайловичъ не довольствуется тѣмъ, что закрытъ Воспитательный Домъ, просилъ у князя Дм. Вл. войска, коимъ съ завтрашняго дня оцѣпить хочетъ заведеніе это. На что? Гдѣ же эта ужасная опасность и смертность? Кобылинскій, который тутъ служитъ, сказывалъ, что въ эти пять дней все было у нихъ благополучно и больныхъ совсѣмъ не было; но у страха глаза велики.

*

Москва, 22 Октября 1830.

Какъ будто я оспариваю существованіе холеры! Отъ чего же умираетъ по 200 человѣкъ въ день?

Ты читалъ всѣ мои письма къ Великому Князю: развѣ я утверждаю это? Ему не писалъ я это, ни другому; но тебя увѣряю, что небреженіе, худыя мѣры, нерадѣніе или оплошность докторовъ. Бездна умерла такихъ людей, кои остались бы живы, а прослыли жертвою холеры. Все это когда-нибудь да выйдетъ наружу. Худо описывать вещи черными красками, но я не вижу ничего дурного не смотрѣть на нихъ глазами слѣпого страха, какъ смотрятъ тѣ, кои другихъ должны бы ободрять. Такъ судятъ Волковъ, Сталь, Брокеръ, Норовъ и многіе другіе. Послушай, что̀ говорятъ купцы-старожилы и даже мужики. Право, оба Голицыны могли бы во многомъ принять у нихъ совѣты. Впрочемъ я всегда готовъ жертвовать тебѣ мнѣніями своими: ежели

*) Опасеніе не оправдавшееся: ребенокъ выздоровѣлъ. Это графъ Александръ Алексѣевичъ, здравствующій донынѣ къ утѣшенію семьи, друзей и знакомыхъ своихъ.

Великій Князь удостоитъ меня еще письмами своими, то ограничу себя учтивыми отвѣтами, уклоняясь отъ всякихъ размышленій касательно холеры. Внезапное возвращеніе сюда Данзаса, коему князь Д. В. ввѣрилъ Троицкій карантинъ, подало поводъ къ слухамъ о безпокойствахъ въ той странѣ. Изъ мухи сдѣлали слона, какъ Волковъ мнѣ разсказывалъ, и слава Богу. Кн. Серг. Мих. точно оцѣпилъ Воспитательный Домъ, но не войскомъ, а своими сторожами.

Я увѣренъ былъ, что письмо его высочества будетъ тебѣ пріятно читать. Здѣсь слухъ пронесся, что какъ скоро Государь будетъ въ Петербургѣ, Великій Князь отправится въ Москву. Я какъ-то не вѣрю этому, но всѣ радуются одному этому слуху.

*

Москва, 23 Октября 1830.

Новосильцовъ меня насмѣшилъ, разсказывая, что былъ Бартеневъ *) у князя Д. Вл., чтобы оправдываться. Сказалъ Новосильцову: Mon cher, il faut que je parle au prince absolument, que je me justifie; je suis dans la bouche de tout le monde.—Pourquoi cela?—Mais il est dit dans un des bulletins passés que quelqu'un au clob Anglais avait dit à l'oreille à son ami une nouvelle fausse et absurde.—Eh bien?—Et bien, tout le monde sait ou se doute que *c'est moi*, et c'est m-r Woeykoff. Qui se sent morveux, se mouche, dit Novosiltzow, en partant d'un éclat de rire, car vous n'êtes pas nommé dans l'affiche. Князь тоже очень смѣялся и велѣлъ сказать Бартеневу, чтобы было ему это наукою, чтобы не вралъ пустяки впередъ, что онъ приписываетъ его вѣтренности все это, а не худому намѣренію.

Ты мнѣ возвратилъ письмо Великаго Князя. Я нимало не сержусь и не обижаюсь симъ, ибо вѣрю тебѣ слѣпо. Свѣсь ты все въ своемъ благоразуміи и дѣлай что хочешь. Вел. Князь проситъ меня писать къ нему: *Si cela n'est pas une indiscrétion, donnez-moi de vos nouvelles, je vous assure qu'elles m'intéressent vivement. Его слова.* А я неучъ неблагодарная, когда е. в. пишетъ мнѣ двѣ страницы своею рукою, отвѣчаю чѣмъ? Молчаніемъ. Башиловъ писалъ Вел. Князю: B-w m'a lu la longue lettre qu'il a adressée à v. a. i.; il a craint de vous ennuyer, je l'ai assuré qu'elle vous sera agréable. Въ письмѣ моемъ къ Вел. Князю отъ 18-го я ссылаясь на письмо мое отъ 13-го; стало быть и второе письмо отъ 18-го не надобно ему отдавать. Кромѣ Башилова, у коего самого есть гошпиталь на рукахъ, я читалъ Волкову письмо; онъ можетъ знать лучше всякаго настоящее положеніе дѣлъ и болѣзни; онъ письмо одобрилъ. Все-таки я послалъ оное къ тебѣ. Ты въ немъ хулишь мое мнѣніе. Да что я за Катонъ? Почему же не

*) Арсеній Ивановичъ, Костромской помѣщикъ, отецъ славной пѣвицы.

могу я ошибаться? Развѣ мнѣніе мое вредно для общества? Да кабы никто не боялся и не вѣрилъ холерѣ, было ли бы хуже? Я думаю, всѣ были бы покойнѣе, напротивъ того. Гдѣ же я опровергаю существованіе холеры? Ты говоришь: письмо мое можетъ идти далѣе. Положимъ, что и самъ Государь прочтетъ; что же тутъ вреднаго для меня? Пусть прочтетъ князь Дм. Вл. и всякой. Напрасно ты думаешь, что я одинъ моего мнѣнія; но и мое мнѣніе могло измѣниться, по мѣрѣ, что̀ число больныхъ умножилось. Я такъ заторопился, что, прочтя наскоро письмо твое, не видалъ, что ты говоришь, что возвращаешь письмо съ замѣтками твоими. Я сдѣлаю какъ ты хочешь, перепишу письмо съ твоими поправками; мнѣ только больно то, что прослыву свиньею въ глазахъ Великаго Князя, а признаюсь, что дорожу его ласкою: можетъ быть, Богъ посылаетъ мнѣ въ немъ покровителя, коего я не имѣлъ еще счастія до сихъ поръ найти ни въ комъ. Ласкаютъ всѣ, но тѣмъ все и кончается.

*

Москва, 24 Октября 1830.

Съ чего ты взялъ, что я холерѣ не вѣрю? По несчастію нельзя не вѣрить: она есть, умираютъ отъ нея; но я все таки того мнѣнія, что множество народу мретъ отъ другихъ причинъ. Упрямства нѣтъ съ моей стороны, но убѣжденіе собственное. Ежели бы я хотѣлъ порочить то, что̀ дѣлаютъ здѣсь, не то бы написалъ; но какое мнѣ дѣло! Тебѣ мало ли что̀ я пишу, но это изъятіе изъ правила, ибо ничего отъ тебя не скрываю. Я вижу по крайней мѣрѣ, что то, что̀ ты вымаралъ въ письмѣ моемъ, не есть ложь, но только оно несходно со мнѣніемъ большинства. Нѣтъ человѣка, который бы ни сказалъ здѣсь, что кн. Серг. Мих. перетрусилъ. Какое тутъ безчестіе ему? Я нимало не думалъ бранить его. Почему не сказать, что Сталь и Башиловъ усердствуютъ, тогда какъ другіе съ учрежденія ими больницъ и носу своего въ нихъ не казали. Все это я говорю, дабы только себя оправдать передъ тобою. Теперь баста; я тебя благодарю искренно за совѣты твои, я имъ слѣпо повѣрилъ, повинился и сдѣлалъ все, что̀ ты хотѣлъ.

Въ домѣ все у насъ благополучно. Дворникъ занемогъ. Евсей далъ знать полиціи, явился лѣкарь, и этотъ дуракъ объявилъ тотчасъ, что у него холера, испугалъ бѣднаго отца семейства, явилась карета съ мортусами, повезли его при слезахъ жены и дѣтей, а вышло, что просто индижестія, и дворнику гораздо лучше: на дняхъ выйдетъ. Я говорилъ эскулапу этому, что первый ихъ долгъ не пугать больного, а обнадеживать, что скоро выздоровѣетъ, а паче всего не произносить слово *холера*: во первыхъ, пугаетъ больного, а потомъ и цѣлый

домъ, откуда его берутъ. Но въ этихъ скотахъ нѣтъ никакого человѣколюбія, ни жалости.

Россини *) дозоръ взялъ было подъ караулъ, но онъ не дался, говоря, что не бродяга, велѣлъ себя проводить до дому нашего и тутъ сказалъ офицеру: извольте приказать спросить у А. Я. Булгакова, кто я, бродяга ли?—Я А. Я. знаю, отвѣчалъ офицеръ; желаю вамъ покойной ночи!—А вамъ, отвѣчалъ Россини, найти бездѣльниковъ, кои ограбили церковь Іоанна Богослова. Il fallait voir l'air de Rossini, en nous racontant cela.

*

Москва, 28 Октября 1830.

Пожалѣй о добромъ нашемъ комендантѣ: онъ скончался вчера вечеромъ. Добрый, честный, заслуженный мужъ. Дай Богъ, чтобы выборъ Государя палъ на хорошаго человѣка. Мы избалованы комендантами. Надобно мнѣ написать два слова Великому Князю, онъ его жалуетъ очень.

*

Москва, 29 Октября 1830.

Къ Волкову приходили, весь корпусъ, плацъ-адъютанты съ плацъ-маіорами à la tête, просить, чтобы онъ просилъ у Государя прежнее свое комендантское мѣсто. Дѣло несбыточное, но ему очень было это пріятно.

*

Москва, 30 Октября 1830.

Поздно я воротился съ двухъ похоронъ, мой милый и любезнѣйшій другъ. Сперва у Веревкина, а тамъ у Мосоловой. Фаста мы удержали дома; но онъ, признаться, и самъ уже не хотѣлъ ѣхать: погода прескверная. Ему лучше, слава Богу; а у насъ все благополучно. Много было у Веревкина и много слезъ, дай Богъ всякому такое оставлять имя по себѣ: служилъ 54 года съ честію и ревностію. Что же оставилъ вдовѣ и 8 дѣткамъ? 27 душъ и 100 т. долгу. Много мнѣ говорилъ его племянникъ объ отчаяніи бѣдной вдовы. Охъ, будь милліоны, сколько бы можно дѣлать добра! Меня это мучило всю дорогу что ѣхалъ назадъ. Вспомнилъ я добрую душу Михаила Павловича, дай-ка напишу ему письмо! Вѣдь прошу не себѣ и не своему, я мало зналъ даже Веревкина. Кто знаетъ, въ какую минуту можетъ придти и мое грѣшное письмо. Вотъ оно, все таки къ тебѣ посылаю. Ежели не одобришь, не отсылай къ его высочеству. Кажется, съ добрымъ намѣреніемъ худо дѣлать нельзя; но я предаю все на твой судъ и рѣшеніе, чтобы ты еще болѣе увѣрился, что я не сердитъ на тебя, а хочу всегда твоего совѣта.

*

*) Итальянецъ, учитель музыки.

Москва, 31 Октября 1830.

На похоронахъ коменданта видѣлъ я многихъ начальниковъ частей, яко то: Озерова, Урусова, Писарева, Гедеонова; съ ними говорилъ и вижу, что рѣчи ихъ клонятся къ тому, чтò я прежде говорилъ. Они рѣшительно объявляютъ, что болѣзнь не прилипчива. Всѣ окуражились и слѣдуютъ неустрашимости почтеннаго Сталя, видя, что риску нѣтъ. Дворникъ нашъ, котораго мортусы повезли на той недѣлѣ въ Арбатскую больницу въ смертоносной каретѣ, воротился сюда вчера здоровый совсѣмъ и очень хвалится попеченiями, кои имѣли объ немъ въ больницѣ. Призрѣнiе бѣдныхъ пищею, обувью и простыми предохранительными средствами очень уменьшило смертность. Эта мѣра, которую, первую привели въ дѣйствiе на Бутыркахъ, гдѣ устроились столы для бѣдныхъ, очень была спасительна. Вчера Волковъ долго сидѣлъ у меня и очень хвалилъ усердiе и состраданiе Сталя и здѣшняго викарнаго *).

*

Москва, 10 Ноября 1830.

Князь Юрiй Владимировичъ Долгорукiй умеръ въ прошедшую ночь. 95 лѣтъ вѣкъ необыкновенный, и онъ самъ часто твердилъ: Ну, я-такъ вотъ холеры не боюсь; ужъ мнѣ коли умирать, такъ одною только болѣзнiю: старостiю! Погасъ, сказываютъ, какъ свѣча или лампада, въ коей масла не стало. Онъ отдалъ 3000 душъ такъ называемой Вѣрочкѣ, чтò за княземъ Салтыковымъ, а прочее все его имѣнiе идетъ въ раздѣлъ ему же съ братьями его. Одна дама, по глупости или умышленно сказала Юсупову: Mon prince, c'est votre tour maintenant.—Pas du tout, madame, c'est le tour du comte Orloff (Влад. Григор.). Vous vous trompez, j'espère vivre aussi longtemps que vous. Старики не скоро соглашаются умирать.

*

Москва, 12 Ноября 1830.

Вмѣстѣ съ письмомъ твоимъ отъ 5 числа получилъ я газеты иностранныя. Наконецъ Францiя разродилась министерствомъ новымъ, нѣсколько дней была въ мукахъ. Тонъ благопрiятныхъ даже журналовъ не очень радостенъ для правительства Филипа. Чего ждать отъ сумасбродныхъ Французовъ? Хвастались своею хартiею, радовались на нее, зачѣмъ бы ее нарушать? По смыслу ея и надобно было судить министровъ виновныхъ, какъ и теперь судятъ; а зачѣмъ трогать неприкосновенную, священную по хартiи особу короля? Почему хартiя

*) Это былъ преосвященный Иннокентiй.

Филипа съ новымъ ея измѣненіемъ будетъ болѣе почтена? Пусть Лафитъ и былъ бы первый на биржѣ, по мѣсто ли его тамъ, куда посадили? Нечего хорошаго ожидать.

*

Москва, 13 Ноября 1830.

Письмо Великаго Князя очень было мнѣ пріятно, оно утѣшитъ очень бѣдную вдову*). Я знаю, что ей совѣтовали писать его высочеству. Я радуюсь, что имѣлъ случай ее предупредить. Видно, что очень занятъ Великій Князь, что не было приписочки его руки, и Башилова послѣднія три письма безъ приписокъ. Повремени прежде нежели отвѣчать его высочеству.

Князь Дм. Вл. переѣхалъ наконецъ опять въ домъ намѣстническій и хорошо сдѣлалъ. Всѣ находили, что неприлично было ему не жить тамъ, только оттого, что умерла тамъ какая-то женщина.—Директриса Французской трупы Карцова занемогла холерою, и актеры, кои не терпятъ ея, говорятъ: c'est bien, car vous verrez que la kholéra ne gagnera rien; c'est elle qui succombera, et pas la malade.

Пожаръ вчерашній былъ за Красными воротами, горѣли Куракинская больница и часть Запаснаго дворца, къ ней прилежащая; но не дали огню усилиться.

*

Москва, 15 Ноября 1830.

Болѣзнь идетъ такъ хорошо, что вчера умерло только 20 человѣкъ. Многіе начальники меня увѣряли, что холерныхъ уже очень мало поступаетъ (у Озерова, напримѣръ, изъ 29 больныхъ только одинъ) въ больницы. Полиція во зло употребляетъ выдачу свидѣтельствъ: являются совсѣмъ не холерные и остаются въ больницахъ нѣсколько дней, для того только, чтобы выйти одѣтыми, обутыми и съ 5 р. награжденія. Гдѣ не заведется злоупотребленіе? Вотъ такъ-то лѣкаришки съ засѣдателями ѣздятъ въ уѣздахъ по деревнямъ, гдѣ заставляютъ давать подписки, что у нихъ столько-то было больныхъ холерою, тогда какъ всѣ здоровы. Мужиковъ увѣряютъ, что показаніемъ симъ освободятся отъ подводъ и податей, а сами представляютъ отъ себя, что столько-то и столько-то вылѣчили отъ холеры. Вездѣ найдутся мерзавцы, пользующіеся общимъ бѣдствіемъ для выгодъ своихъ личныхъ.

Вели купить новое Козлова И. И. стихотвореніе «*Безумная*» и пришли мнѣ. Дишка желаетъ это.—Всѣ безъ изъятія ожидаютъ съ нетерпѣніемъ расцѣпленія города; подходитъ Рождество, это для Москвы и окружныхъ селеній, какъ другая Макарьевская ярмарка, большія

---

*) Т. е. вдову Московскаго коменданта Николая Никитича Веревкина.

дѣлаются продажи и закупки. Въ Коломнѣ были безпорядки, губернаторъ ѣздилъ усмирять; накопилось тамъ тысячи три мужиковъ, кои не знали чѣмъ себя и лошадей прокормить. Это тоже, что̀ было у Троицы; но все усмирили, слава Богу.

*

Москва, 21 Ноября 1830.

Пріѣхалъ навѣстить меня князь А. М. Урусовъ. Я къ нему выходилъ, и онъ становится хилъ, посидѣлъ довольно долго. Много толковали о холерѣ. Онъ тоже моего мнѣнія, что холера не прилипчива, спорилъ съ самимъ Государемъ, который ему изволилъ сказать: Экой ты братецъ спорщикъ, ну такъ останемся всякой при своемъ мнѣніи. Императоръ полагаться долженъ на то, что̀ ему доносятъ, а куда г-да медики врутъ и сбиваются во мнѣніяхъ своихъ! Ежедневные опыты доказываютъ, что болѣзнь не прилипчива; ни одинъ мортусъ не заразился, не умеръ, а они ли не терлись около больныхъ? У Волкова ли не брали предосторожностей въ домѣ? Навозъ дымился на дворѣ денно и нощно, въ передней устроена была карантинная, гдѣ всякій долженъ былъ омываться хлоровою водою, во всѣхъ комнатахъ стоялъ хлоръ и пр. Отчего же Вѣрочка занемогла холерою? Оттого, что ежели есть расположеніе къ болѣзни въ тѣлѣ, то не уйдешь; а ежели нѣтъ, то хоть спи съ больными въ одной постели. Всѣ здраво судящіе этого мнѣнія, и надобно удивляться, что позволяютъ Рейсу печатать брошюрку, въ коей онъ утверждаетъ, что холера не только сообщается людьми, но платьемъ, даже деньгами (а пошли-ка этому животному пукъ ассигнацій, возметъ не окуривши). Ежели вѣрить его словамъ, то минуты не должно имѣть покою; онъ велитъ одѣваться въ хлору, дышать ею, въ хлѣбъ класть, въ кареты и пр. Такое сумасбродство не слыхано! Да ежели бы и было справедливо, мнѣ кажется, что нужно успокоивать народъ, а не наводить на него уныніе и отчаяніе. Онъ говоритъ, что ежели зима прекратитъ эту заразу, то она весною опять явится. Это что за пророчество! Рейсъ напечаталъ 6000 экземпляровъ, и цѣль его обогатиться, ибо вранье его возбудило большое любопытство. Я не вѣрилъ всему этому, но Фил. Ив.*) мнѣ все это теперь подтвердилъ. Старикъ очень золъ и брюзжитъ. Болѣзнь оканчивается: такъ говорятъ, что она въ товарахъ, что надобно ихъ всѣ окурить. Да на это надобно года два. Въ Москвѣ можетъ быть на 10 милліоновъ одного чаю, хорошъ будетъ хлоровой чай! Хороши будутъ матеріи шелковыя! Это тоже что̀ разореніе купцовъ, и выйдетъ, что въ карманы курильщиковъ пойдутъ милліоны, а мнимое зло

*) Врачъ Пфелеръ.

не истребится. Большія идутъ о семъ пренія; чѣмъ кончатся, не знаютъ. Объ этой заразѣ куда много выдержалъ я споровъ; теперь почти всѣ пристаютъ къ моему мнѣнію. Волковъ сказывалъ, что подаянія на больницы временныя составили 253 т. Князь Дм. Вл. назначилъ Данзаса, чтобы считать всѣхъ. Сенаторы очень обижаются, что выбралъ мальчишку для этого.

*

Москва, 25 Ноября 1830.

Здѣсь много говорятъ о мерзкихъ шалунахъ, кои стекла били; но что̀ вчера объ нихъ разсказывали у князя А. М. Урусова, еще гнуснѣе. Никто не жалѣетъ о нихъ, но жаль несчастныхъ родителей: и печаль для нихъ, и пятно для фамилій.

Нѣтъ, каковъ маленькій Сергѣй Полторацкій *) въ Парижѣ! Это сынъ Дм. Марковича, что̀ женатъ на Киндяковой. Онъ держалъ рѣчь, ораторствовалъ и вошелъ, ты думаешь въ какое-нибудь ученое общество членомъ (ибо хорошій литераторъ) нѣтъ, вошелъ солдатомъ въ Парижскую національную гвардію! Можно ли дожить до бо́льшаго сраму? Отвергнуть себя ото всѣхъ связей съ Россіею, отречься отъ отечества. Какое же будутъ имѣть о Русскихъ понятіе Парижане, кои по вѣтренности своей привыкли о націяхъ вообще судить по образчикамъ, кои являются въ Парижѣ? Экой уродъ! Чѣмъ эта скотина будетъ жить, имѣя семейство? Онъ и такъ подъ опекою, за то что первое его вступленіе въ свѣтъ было проиграть 600 т. въ карты. Даже и шалуны здѣшніе ругаютъ его немилосердно, да и есть за что.

Кажется, дѣла Бельгійскія укрощаются, а зажигалы будутъ всѣми брошены, Бельгія обратится къ Голландіи, яко къ избавительницѣ своей. Во Франціи тоже не хорошо; развѣ вотъ теперь дѣла поправятся съ тѣхъ поръ, что̀ Полторацкій станетъ судно Лафаета выносить. Эта мерзость не выходитъ у меня изъ головы.

*

Москва, 27 Ноября 1830.

Вотъ не стало и пріятеля моего Неапольскаго короля. Спали мы съ нимъ въ Калабріи только что не на одной постели! Сколько разъ спрашивалъ онъ, бывало, меня: Par quoi est-ce que tout cela finira, mon cher B-w?—Par là, mon prince, que le roi, votre auguste père, ira reprendre son trône de Naples. Тогда увѣрялъ, что когда сбудется мое пророчество, онъ меня не забудетъ, и сбылось 10 лѣтъ послѣ, и онъ самъ вошелъ на престолъ, съ чѣмъ я его и поздравлялъ, но не было отвѣту. Altri tempi! Я все это напоминалъ его сестрѣ, герцогинѣ Орлеанской въ 1819 году въ Парижѣ; вотъ и она теперь сама королева,

*) По матери своей внукъ почтеннаго Коломенскаго купца Хлѣбникова.

а тогда по разговорамъ давала чувствовать, что не полагала царствованіе Лудовика XVIII прочнымъ. Угадала въ свою пользу. Вотъ такъ-то все перемѣняется на свѣтѣ, а нынѣшній король Неапольскій родился послѣ меня. Въ старики записываемся! Перемѣна въ Лондонѣ очень мнѣ не нравится. Одно имя Веллингтона было ручательствомъ покоя. Теперь Бельгійскіе бунтовщики носъ поднимутъ. Будетъ каша и въ Англіи, въ землѣ этихъ хваленыхъ умницъ. Штилингъ предсказалъ конецъ свѣта къ 1836 году; ужъ чуть не къ тому ли идетъ?

*

Москва, 28 Ноября 1830.

Здѣсь барабанятъ о Лазаревѣ, не только что онъ помолвленъ, но будто уже сдѣлалъ подарокъ въ 60 т. Катенькѣ. Мнѣ непріятны слухи эти. Я ничего не имѣю противъ Лазарева, но говорятъ (и вѣроятно это неправда), что Паскевичъ дурно его отрекомендовалъ Государю и что ему не позволено быть въ Петербургѣ впредь до приказанія. Это заставило меня въ письмѣ моемъ къ Великому Князю, при семъ прилагаемомъ, опровергнуть *деликатно* здѣшніе и ваши слухи. Я не называю его, но можно брать слухи, какъ всякому угодно. Прочти мое письмо и запечатавши отошли къ его высочеству.

Говорятъ, что Малиновскій помолвилъ дочь свою за Бакунина полковника, бывшаго адъютанта князя Дм. Вл. Голицына *). Ни ему, ни ей не завидую. Онъ шалунъ, говорятъ.

*

Москва, 29 Ноября 1830.

Зубная боль тѣмъ хороша, что мучаетъ, мучаетъ да вдругъ перестанетъ. Я рѣшился зуба не дергать и ничего не дѣлать, а обороняться терпѣніемъ. Счастливѣе всѣхъ тотъ, кто имѣетъ добродѣтель сію въ высшемъ градусѣ. Дай Богъ тебѣ силъ и все таки *терпѣнія*, а этому учатъ тебя съ утра до вечера. Я бы не воображалъ никогда, чтобы боль зубная могла быть столь мучительная. Я не стыдился плакать, ревѣть при цѣломъ домѣ, и какъ будто это облегчаетъ.

Ольга тебя обнимаетъ за Козлова «Безумную». Ея жениху очень былъ пріятенъ этотъ подарокъ. Она сказала ему, что выписала это именно для него черезъ меня. Прекрасное стихотвореніе.

Вчера, послѣ какихъ-нибудь 6 или 7 мѣсяцевъ, попалъ я въ клобъ. Какъ будто съ того свѣта явился, ибо клобные piliers не понимаютъ, что можно не бывать въ клобѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Иные поздравляли меня только съ Ольгиною помоловкою, а другіе даже и съ

---

*) Слухъ невѣрный: единственная дочь А. Ѳ. Малиновскаго, Екатерина Алексѣевна, вышла за князя Ростислава Алексѣевича Долгорукаго.

Катюшиною. Не думаю, чтобы Лазаревъ думалъ себѣ сіи тоны задавать; знаютъ, что часто у насъ бываетъ, а этого уже и довольно.

Пропасть насказали мнѣ вѣстей и всѣ преглупыя. Молодой Соболевскій, пріятель нашихъ Голицыныхъ, котораго чуть не ты ли и въ службу записалъ мальчишкою (онъ сынъ побочный Соймонова и А. И. Лобковой) за дѣломъ поѣхалъ въ Парижъ! Замѣшался въ толпѣ народной, штурмовавшей Hôtel de Ville въ прославленные ими три дня бунта, былъ раненъ и умеръ въ гошпиталѣ.

Экая скотина!
Экая кончина! *)

Андрея Семеновича Кологривова сынъ ушелъ отъ гувернера своего, коего обокралъ, бѣжалъ, написавъ сюда предерзкое бунтовщичье посланіе и записался въ службу. Къ кому же? Къ Минѣ, который отечество свое хочетъ поставить вверхъ дномъ. Экіе мерзавцы!

Юсупову сказали, что кн. Юр. Вл. Долгорукой оттого долго прожилъ, что дома сидѣлъ и берегся; теперь Юсуповъ только въ свою Экспедицію ѣздитъ, а отобѣдавши у себя надѣваетъ халатъ, скидаетъ даже штаны съ себя и никуда уже не выѣзжаетъ, забавляетъ себя пѣніемъ и балетами своихъ подданныхъ, играетъ въ бостонъ и ложится спать. Какъ бы хуже не было отъ этого?

*

Москва, 1 Декабря 1830.

Вѐсь городъ наполненъ прибытіемъ Государя въ Москву. Волковъ мнѣ сказывалъ, что присылаютъ къ нему безпрестанно спрашивать, правда ли это? Иной говоритъ, что кухня прибыла, другой, что Четвертинскій заготовилъ уже лошадей. У Дишки глазъ болитъ, мы всѣ вчера и обѣдали и ужинали у княгини Е. А. Вечеромъ поздно является маленькій (тамъ иныхъ и нѣтъ!) Сушковъ. L'Empereur vient d'arriver! Всѣ вскочили, и ну на меня: voilà, vous dites que ce n'est pas vrai!—Et je répète encore la même chose. Croyez-vous que l'Empereur ne veuille pas passer le 6 dans sa famille?—Да помилуйте, флагъ *видѣли*!—Во-первыхъ, нѣтъ флага ночью, а кабы былъ, кто его увидитъ теперь? Княгиня тотчасъ верхомъ человѣка въ Кремль узнать. Возвращается курьеръ. Ну что?—Государь еще не бывалъ, а ждутъ его всякую минуту.—Voyez-vous, voyez-vous?—Да кто тебѣ это сказывалъ?—Часовой!—Ну почему часовому знать? Освѣщенъ ли дворецъ?—Нѣтъ-съ, вездѣ кажется темно въ комнатахъ. Ну, какъ же это не вздоръ?—Да какъ же кн. Четвертинскій готовитъ лошадей?—Да развѣ нельзя готовить лошадей для другого какъ для Государя? Долго толко-

*) Этотъ слухъ о С. А. Соболевскомъ былъ ложный, равно какъ и о кончинѣ его, воспослѣдовавшей лишь 4 Октября 1870 года.

вали; во-первыхъ, Государь никогда напередъ не возвѣщаетъ прибытіе свое, что очень полезно для дѣлъ; да зачѣмъ сюда быть, накапунѣ 6-го числа? Дамы увѣряютъ, что онъ такъ шибко ѣздитъ, что къ 6-му можетъ воротиться въ Петербургъ. Какая же польза выйдетъ изъ суточнаго пребыванія его величества здѣсь?

Цѣлый вечеръ только и было рѣчи, что объ этомъ, и я увѣренъ, что сегодня весь городъ наполненъ будетъ этою вѣстью.

13 госпиталей заперто, на дняхъ запрутся еще Лефортовскій, Серпуховскій и Сущевскій; всѣхъ больныхъ остается 300 съ небольшимъ.

*

Москва, 2 Декабря 1830.

Какъ-то будутъ толковать о моей статьѣ въ № 142 Пчелы? Такъ какъ я не назывался, то мнѣ легко будетъ знать мнѣніе. Впрочемъ я Москву превозношу, да она не стоитъ того. Вчера пилъ я чай съ Волковыми, пріѣхалъ и Сталь. Онъ меня увѣрялъ, что 290 больныхъ, показываемыхъ въ билетахъ, суть выздоравливающіе, что холерою настоящею едва ли есть человѣкъ 60, что онъ возилъ самъ князя Дм. Вл. по многимъ госпиталямъ, чтобы увѣрить его въ томъ. Есть точно люди, старающіеся продлить мнѣніе о существованіи холеры, и такъ какъ и сами рапорты, получаемые изъ уѣздовъ, очень сбивчивы, то кн. Дм. Вл. просилъ Сталя объѣздить нѣкоторые, чтобы узнать истину. Дѣятельный и безстрашный Сталь отправляется сегодня въ Коломну, Серпуховъ, Подольскъ и еще куда-то изслѣдовать правду на мѣстѣ. Хорошо, кабы князь Д. Вл. давно принялся за такихъ людей и окружалъ бы себя подобными Сталю.

Вчера вечеромъ сидѣлъ я долго у Фаста. Онъ мнѣ читалъ прекрасную статью о нынѣшнемъ положеніи Москвы; жаль, что нельзя этого напечатать: онъ слишкомъ свободно говоритъ о многомъ и особенно о лицахъ здѣшнихъ. Онъ представляетъ, что сошлись пить чай дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ и мужикъ и отпивши начали болтать о холерѣ и всякой всячинѣ. Можетъ быть, чрезъ 20 лѣтъ и будутъ это читать съ удовольствіемъ и любопытствомъ. Ему во время болѣзни нечего было дѣлать, а времени свободнаго было много.

*

Москва, 3 Декабря 1830.

Никогда не было большой симпатіи между Русскимъ и Полякомъ, но здѣсь теперь и послѣднее чувство охолодѣло къ этимъ неблагодарнымъ. Куда они вѣтрены! Ужъ подлинно les Français du Nord. Ну къ чему могло вести безумное ихъ предпріятіе? Къ напрасному пролитію

ихъ же собственной крови! Стало, ею не дорожатъ. Отольются волку лютому! Найдутъ другого Суворова для нихъ; но я все той вѣры, что они сами выдадутъ зачинщиковъ, чтобы купить себѣ прощеніе. Что-то ваши Поляки говорятъ? Здѣсь нѣтъ ни одного.—Много здѣсь дѣлала шуму бѣшеная собака прекрупная, не могли ее никакъ поймать. У Кокошкина перекусала она человѣкъ семь, дня три назадъ бѣгала около насъ по Арбату, портному одному изгадила она все лицо. Наконецъ вчера ее убили въ Мѣщанской части, и такъ какъ она выбѣгала на промыселъ токмо вечеромъ и ночью и всегда кидалась на лицо, то сплели басню, что это былъ человѣкъ зашитый въ собачью шкуру и который грабилъ укушенныхъ имъ. Только она задала такой страхъ городу, что извозчики вечеромъ боялись уже ѣздить и быть на биржахъ своихъ.

*

Москва, 4 Декабря 1830.

Добру не бывать. Поляки разрушили навсегда свое собственное благополучіе, и надѣяться нельзя на тѣхъ, кои три раза искали гибели Россіи: въ 1794, въ 1812 и 1830 годахъ. Неужели готовиться намъ на четвертую измѣну? Нѣтъ, братъ, надобно на нихъ песочную дубинку Петра Великаго. Вотъ при Наполеонѣ были они какъ овцы; а онъ проливалъ кровь ихъ, для выгоды своей, въ Египтѣ, Италіи, Гишпаніи и кончилъ тѣмъ, что напрямикъ имъ сказалъ, что имъ быть націею нельзя. Они и послѣ того дрались за него, а насъ, своихъ благодѣтелей, рѣжутъ. Куда дѣвался Новосильцовъ? Чего же онъ зѣвалъ? И какъ полиція такъ дурно извѣщена была въ землѣ, гдѣ столько Жидовъ и гдѣ деньгами все сдѣлать можно? Здѣсь только и разговоровъ, что̀ о Варшавѣ; большая часть такъ озлоблена на Поляковъ, что одно твердятъ: надобно срыть Варшаву! Какъ будто всѣ тамъ виноваты? Это не Содомъ и Гомора.—Сашка мнѣ сказывалъ подъ секретомъ, что имѣлъ вчера по высочайшему повелѣнію съѣздъ 10 главнѣйшихъ медиковъ здѣшнихъ, чтобы толковать о холерѣ. Они собирались поутру у него и вечеромъ; большія были пренія, наконецъ рѣшено большимъ большинствомъ именно то, что̀ я всегда утверждалъ и тебѣ писалъ съ самаго начала, что болѣзнь не прилипчива, что это сильное повѣтріе, какъ бываетъ съ грипами, горячками, оспами, глазными болѣзнями и пр., что называть его чумою ни равнять съ оною нельзя; что холера издыхаетъ, что для оной достаточно оставить три гошпиталя; что ежели разцѣпленіе не снимать, покуда совершенно никто не будетъ занемогать рвотою, поносами и судорогами, то положеніе это можетъ продолжиться мѣсяцъ и годъ, можетъ быть. Протоколъ сей Волковъ съ утвержденіемъ своимъ отправляетъ къ Государю.

Москва, 8 Декабря 1830.

Здѣсь съ расцѣпленія города всѣ забыли о холерѣ, какъ будто ея вовсе нѣтъ въ городѣ. Въ Николаевъ день (хотя половина кабаковъ и заперта) выпито было въ городѣ безъ нѣсколькихъ рублей на 17000 р. въ одинъ день. Много занимаютъ всѣхъ Варшавскія дѣла. Очень всѣ озлоблены на Поляковъ за неблагодарность ихъ. Здѣсь графа Дибича женятъ на нашей красавицѣ Софьѣ Урусовой. Ему будетъ не до того теперь; слышно, что онъ приметъ роль Суворова во время óно, когда послала его Екатерина наказывать Поляковъ. Знала эта премудрая Государыня чтó дѣлала, раздѣливъ это царство безпокойное; Учрежденіе о губерніяхъ имъ бы, а не конституцію надобно. Извѣстія, кои я нашелъ въ Инвалидѣ о Варшавскихъ дѣлахъ, мнѣ не нравятся, но конецъ все долженъ быть плохой для нихъ: придется имъ пасть къ ногамъ Государя, но для нихъ padam do nog дѣло обыкновенное.

Въ какомъ я странномъ казусѣ! Получилъ я при письмѣ отъ Родофиникина грамоту Персидскую отъ Эмира-Низама, бывшаго здѣсь дядькою Хозрева-Мирзы; только переводъ не приложенъ, а я не знаю чтò это такое? Не могу отыскать нашего переводчика Архивскаго Мамигонова, чтобы узнать содержаніе. Завтра утромъ хотѣлъ быть, а здѣсь слухъ, что Шахъ умеръ. Ужъ не меня ли хотятъ на царство, оттого что знаю нѣсколько словъ по-персидски?

Всѣ радуются расцѣпленію города: велика милость, и никогда не забудется 6 Декабря 1830 года. Пріѣхалъ нашъ староста; говоритъ, что мужики около Москвы въ такой радости, что описать нельзя. Надобно и то взять въ уваженіе, что *тысячу* часовыхъ стоятъ на бивуакахъ за заставами. Каково это въ теперешній холодъ, и какъ не искуситься ему гривною, которую предлагаютъ не одинъ, а 20 проходящихъ всякій день, чтобы нарушить правила оцѣпленія? Стало быть, мѣра сія не могла исполняться съ должною исправностію.

*

Москва, 9 Декабря 1830.

Письмо Эмира-Низама заключаетъ дружескія фразы отъ Хозрева и увѣренія, что онъ *въ жизнь свою мало видалъ подобныхъ мнѣ характеромъ и убѣжденіемъ*. Вотъ, сударь, какіе комплименты! Но это все fumo senza arrosto.

*

Москва, 11 Декабря 1830.

Есть письмо къ Кутайсовымъ отъ князя А-ра Ѳедор. Голицына, служащаго въ Варшавѣ. Онъ говоритъ, что 17 или 18-го ѣхалъ съ женою на званый чай въ Бельведеръ, что на дорогѣ былъ остановленъ толпою, которая, узнавъ куда они ѣдутъ, ихъ остановила и заставила воротиться подъ эскортою домой. Князь одѣлся въ сюртукъ и ушелъ

пѣшкомъ изъ дому узнать что̀ такое? Добравшись до Бельведера, онъ нашелъ тамъ кровопролитіе, а домъ Цесаревича разграбленнымъ. Надобно думать, что тоже послѣдовало и съ ихнимъ домомъ; ибо княгиня*) говоритъ: vous ne saurez croire dans quel besoin nous vivons, nous dormons sur de la paille etc.

*

Москва, 12 Декабря 1830.

Слава Богу, что знаютъ хоть что-нибудь о Цесаревичѣ, что е. в. въ живыхъ. Каково-то будетъ бунтовщикамъ разсчитываться! Солдаты наши пойдутъ какъ львы на нихъ, ибо оскорбленіе, неблагодарность, измѣна тутъ явны. Какъ я радъ, что Норовъ прибылъ къ вамъ. Обними его дружески за насъ всѣхъ. То-то, я чаю, скучалъ, въ карантинахъ сидя. Всѣ мы очень обрадовались знать его съ тобою. Онъ малый прекрасный, вѣтреный повидимому, но солидный въ правилахъ своихъ и дружбѣ. Я вспомнилъ по немъ о себѣ. Помнишь, какъ я въ Вѣну пріѣхалъ и, не нашедъ тебя дома, пустился искать тебя въ театрѣ, напалъ тамъ только на Гришу Гагарина, съ коимъ нашелъ тебя наконецъ на улицѣ и, думая сдѣлать тебѣ пріятный сюрпризъ, и кинувшись тебя вдругъ обнимать, чуть не уморилъ отъ радости и удивленія. Съ тѣхъ поръ разссорился я съ сюрпризами на всегда. За великое счастье почитаю, что письмо Москвича удостоилось не токмо прочтенія Государя, но и одобренія его величества. Тутъ кромѣ сущей правды ничего нѣтъ. Имени я выставить не хотѣлъ, но не чуждаюсь статьи сей при случаѣ; однакоже Шаликовъ велѣлъ спросить, можетъ ли онъ перепечатать ее въ Московскихъ газетахъ; я отвѣчалъ, что не имѣю права его разрѣшать, а пусть спроситъ у сочинителя. Тогда подумалъ онъ, что статья Погодина и къ нему адресовался, а этотъ отвѣчалъ: статья не моя, а А. Я. Булгакова. Булгаринъ вѣрно узналъ отъ Бенкендорфа. Когда увидишь Александра Христофоровича, то спроси par manière de conversation; я бы желалъ знать правду. Это слишкомъ для меня лестно.

*

Москва, 13 Декабря 1830.

Теперь вижу яснѣе Варшавскія дѣла, кои съ величайшею подробностью описаны въ Гамбургскихъ газетахъ. Не стану разсуждать, ибо надобно бы написать страницы цѣлыя. Прокламаціи умно и осторожно написаны; нѣтъ въ нихъ Бельгійскаго Якобинскаго духу, но не говорятъ они и то, что спокойствіе и счастіе ихъ въ рукахъ нашего

*) Княгиня Надежда Ивановна, ур. гр. Кутайсова. Отъ покойнаго Государя Императора Александра Николаевича пишущій эти строки, осчастливленный нѣкогда его пріемомъ, слышалъ, что княгиня оставила особую памятную записку о событіяхъ того времени въ Варшавѣ и о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ.

Государя. Любецкаго удалили отъ правленія, видно, за приверженность къ Россіи, а она одна ихъ спасти можетъ; стало быть, лучшаго депутата нельзя было отправить къ намъ *).

*

Москва, 15 Декабря 1830.

Закревскій пишетъ мнѣ отъ 11-го изъ Тамбова, что получилъ высочайшее повелѣніе возвратиться скорѣе въ Петербургъ, что выѣзжаетъ 14-го черезъ Москву, гдѣ желаетъ меня видѣть; говоритъ, что тамъ съ бунтовщиками все кончилъ и представилъ Государю. Очень буду и я радъ его увидѣть.—Ежели Д. не останется въ коллегіи, то и мнѣ въ ней дѣлать нечего, надобно искать покровителя. Душа твоя не мнѣ одному, а цѣлому свѣту извѣстна, кому ты добра не дѣлалъ? Зачѣмъ же мнѣ идти на исключеніе и зачѣмъ поставить тебя въ непріятное положеніе съ гр. Н...? Продолжай благодѣтельствовать другимъ, а меня куда ведетъ эта служба? Къ 3000 р. жалованья. Это мнѣ дастъ Полевой завтра, да и гораздо болѣе, ежели захочу участвовать въ его трудахъ, а я тутъ не вижу ничего постыднаго.

Имѣвъ счастье нажить себѣ доброе имя и особенно быть Государю самому извѣстну, имѣя ежели не большія способности, то хоть равныя многимъ другимъ, коимъ очень везетъ, отчего же я такъ обиженъ, служа 33 года? Оттого что я не дерзокъ, и что начальникъ мой такъ меня любитъ. Ты самъ видѣлъ, какъ шло дѣло мое о лентѣ. Я тогда сказалъ графу самому въ его кабинетѣ, что ежели ея не получу, то приму за внушеніе оставить службу и что это сдѣлаю, и сдѣлалъ бы. Къ чему меня ведетъ моя служба теперешняя? Я, ей Богу, ни смерти, ни отставки Малиновскаго не желаю, да и что́ это за кладъ архивное управленіе? О другомъ жалѣть не буду какъ о мундирѣ коллежскомъ, который 33 года носимъ оба, да конецъ тотъ же во всемъ, со всѣмъ надобно наконецъ разстаться. А будетъ и ваканція, такъ другого посадятъ. Стоитъ ли труда ждать? Архивъ не почтдиректорство. Теперь, по всѣмъ новымъ штатамъ, начальникамъ отдѣленій полагается 3000 р. и болѣе жалованья.—Распускаютъ слухъ, что Закревскаго требуютъ, потому что Финляндія изъявляетъ желаніе опять быть за Швеціею. Что́ не выдумаютъ? Но это доказываетъ, что есть баламуты. Что̀ полиція смотритъ? Мухановъ опять слегъ. Не его это мѣсто. Надобно бы хорошенькую дубинку, смутное теперь время.

*

*) Мятежъ 1830—1831 года былъ затѣянъ Польскою знатью, чтобы воспрепятствовать освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ съ землею, каковое было приготовлено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Негласно помогала почти вся Европа, напуганная начавшимся внутреннимъ преуспѣніемъ Россіи и громкими нашими побѣдами.

Москва, 16 Декабря 1830.

Здѣсь разсказываютъ, что панъ Любецкій имѣетъ комиссію предложить Государю сохраненіе Польской короны съ тѣмъ чтобы присоединена была къ оной Литва. Ежели бы и могла придти такая безумная мысль Полякамъ, то вѣрно Любецкій не взялся бы явиться съ такимъ предложеніемъ. Надобно же врать что нибудь. Здѣсь также говорятъ, что Ожаровскій замѣшанъ въ Варшавскомъ заговорѣ. Хорошъ парень, ежели правда! Куда Поляки, кои у васъ, должны стыдиться всего этого. Что-то Потоцкой Stanislas? А у насъ Четвертинской на иномъ не мирится какъ что должно истребить нечестивую Варшаву. Русскимъ всѣмъ велѣно выѣхать изъ Парижа. Тяжело будетъ для нашей доброй княгини *). Она привыкла; а хорошо, что молодежь гонятъ оттуда.

*

Москва, 17 Декабря 1830.

Благодарю за манифестъ, а еще болѣе, что ихъ три экземпляра: могъ услужить Волкову однимъ, а другой отдалъ нашей доброй княгинѣ, которая пошлетъ къ матушкѣ своей графинѣ Васильевой. Всѣ почти говорятъ, что писано недовольно грозно. Я не такого мнѣнія. Кто сомнѣвается въ могуществѣ императора Россійскаго? Онъ могъ бы задавить Польшу, но вмѣсто того являетъ чувства великодушія: вы хотѣли убить брата моего, измѣнили присягѣ, пролили кровь; но я предлагаю вамъ средство заслужить прощеніе и кончить буйство; ежели же и умѣренность моя не откроетъ вамъ глазъ, то тогда уже пеняйте на себя. Вотъ смыслъ манифеста и воззванія къ Полякамъ. Вѣрно цѣлая Европа похвалитъ поведеніе нашего Государя. Въ воззваніи очень нравится мнѣ статья, гдѣ сказано, чтобы начальники корпусовъ шли безостановочно къ Полоцку, яко къ сборному мѣсту. Это славная загвоздка. Вотъ тутъ личины спадутъ, и мы узнаемъ, кто предатели и кто намъ вѣрны. Только увидишь, что въ Плоцкѣ тѣсноты не будетъ и что Поляки идутъ на гибель свою. Хорошо данное имъ имя безмозглыхъ. Нельзя у нихъ отнять нѣкоторыхъ качествъ, а ужъ вѣтрены, безразсудны какъ Французы. Съ ума сошли. Хлопицкій, который жемчужина между ними, и тотъ чтó вретъ въ своей прокламаціи? Французскія кокарды, трехцвѣтное знамя у Фр. консула доказываютъ, что Филиповы дѣтушки и тутъ носы свои совали. Ужасно какъ умы всѣ заняты Польскими дѣлами! Только и разговоровъ въ городѣ, даже женщины о другомъ не говорятъ.

Я прошу тебя, т. е. Брокеръ, объ одномъ. Онъ много уже переслалъ денегъ Ростопчину, который видно пошелъ по братѣ, мотаетъ,

*) Багратіонъ.

а еще подъ опекою. Теперь Брокеръ посылаетъ къ нему еще 20 т., въ коихъ не можетъ ему отказать, ибо молодецъ идетъ въ походъ, слѣдовательно имѣетъ законныя нужды. Просьба въ томъ, чтобы Андрюшѣ посылаемыя 20 т., кои вчера отправлены въ Петербургъ черезъ почту, не иначе выдать какъ чтобы онъ подписалъ прилагаемую здѣсь бумагу. Въ прежнихъ суммахъ Брокеръ имѣетъ росписки, но онѣ въ письмахъ выброшенныхъ, гдѣ онъ говоритъ глухо, безтолково: я получивъ деньги, не всегда означаетъ, какую именно сумму, а Брокеръ обязанъ отчетомъ дворянской опекѣ самъ. Этому молодцу какъ покажутъ деньги, онъ готовъ все подписать что̀ хотятъ, только подай ихъ. Пусть твой чиновникъ скажетъ, что имѣетъ это препорученіе отъ А. Ѳ. Брокера, коего очень симъ обяжешь.

*

Москва, 18 Декабря 1830.

Вчера, скоро послѣ пріѣзда Закревскаго, явился я къ нему, и онъ уже до вечера меня не отпустилъ, обѣдалъ у него, но еще порядочно наговориться не успѣли: все являлся, то одинъ, то другой. Онъ и теперь и все время своихъ разъѣздовъ былъ здоровъ, довольно обколесилъ и не безъ пользы. Не зналъ еще манифеста о Польшѣ и читалъ его съ удовольствіемъ. И онъ говоритъ: ежели изъ за этого не образумятся Поляки, то царство ихъ просто переименовать въ Россійскую губернію. Онъ остановился на Трехъ Горахъ, отправилъ еще съ дороги эстафету къ Государю и ожидать будетъ дальнѣйшихъ приказаній. Много распрашивалъ обо всѣхъ насъ и вообще о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, будучи очень назади извѣстіями политическими; просилъ сегодня всѣхъ своихъ къ нему привезти, самъ же онъ не выѣдетъ никуда до отвѣта изъ Петербурга. Съ нимъ только адъютанты и канцелярія. Въ Тамбовѣ онъ рѣшительно и удачно поступилъ и въ минуту привелъ все въ повиновеніе. Велѣлъ тебѣ очень кланяться и благодаренъ, что ты его не забывалъ письмами.

*

Москва, 16 Декабря 1830.

Долго меня задержалъ А. А., а тутъ надобно было ѣхать къ Ренненкампфу, бывшему у меня, не заставшему меня, а велѣлъ сказать, что сегодня утромъ ѣдетъ; боялся его не застать. Мы встрѣтились въ Газетномъ переулкѣ, ѣхали другъ къ другу, оба закричали: стой! Я сѣлъ къ нему въ сани и поѣхали въ его трактиръ, гдѣ болтали часа три; желалъ онъ очень прочесть газеты, не имѣя понятія о дѣлахъ въ Европѣ. Я съѣздилъ къ Рушковскому и привезъ ему все это. Онъ ѣдетъ въ Ригу, а оттуда къ вамъ. Онъ очень скоро пріѣхалъ. Шахъ живъ, дѣлалъ разныя каверзы противъ Абаса - Мирзы, получа отъ

старшаго сына, а его брата, подарки; но Аб.-М. поколотилъ братца своего (это не по нашему) и тѣмъ опять снискалъ дружбу своего папеньки. Хозреву хорошо; онъ дѣдушкѣ разсказываетъ по ночамъ все, что̀ здѣсь дѣлалъ, видѣлъ и слышалъ. Шахъ далъ ему въ жены свою кузину и очень его ласкаетъ, позволилъ ему убрать домъ свой по европейски. Ренeнкампфъ говоритъ, что меня они очень помнятъ и любятъ и что хотѣли прислать мнѣ орденъ съ Долгорукимъ, который оттуда возвращается въ Петербургъ. Бѣднаго Ренeнкампфа ограбили горцы на дорогѣ, такъ что онъ доженъ былъ здѣсь сдѣлать себѣ полный гардеробъ. У него была эскорта, и они дрались съ этими разбойниками. Ренeнкампфъ кончилъ размежеваніе съ Персіею, и у насъ теперь будетъ прочная, прекрасная граница.

*

Москва, 20 Декабря 1830.

Здѣсь говорили уже дня три, что Любецкій пріѣхалъ въ Петербургъ и не былъ принятъ. Только онъ выходитъ все пустое лицо, ибо теперь не признаютъ въ Варшавѣ то правительство, коего онъ былъ членомъ. Мнѣ теперь кажется сомнительною и роль князя Чарторижскаго. Хлопицкій, который также дѣйствовалъ именемъ императора нашего, теперь говоритъ о независимости Польши, объ увеличеніи ея предѣловъ въ ущербъ Россіи! Все это сумасбродство ужасное. Конечно Государь можетъ узнать правду отъ самовидца происшествій, но кто знаетъ, до какой степени можно вѣрить Любецкому? Нечего говорить, всѣ тамъ хороши! Надобно сѣтовать о крови, которую прольютъ для этихъ свиней. Одно желаю знать, кто зачинщики и главы этой гнусной измѣны? Не повѣришь, какъ велико здѣсь негодованіе на Поляковъ. Ты увидишь, что милосердое воззваніе нашего Государя ничего не произведетъ.

Любецкій въ отвѣтѣ своемъ Грабовскому говоритъ о правительственномъ совѣтѣ Государя, а это перевели conseil administratif просто, не прибавя de l'Empereur или de S. M. I., а это важная разница, коею былъ я тотчасъ пораженъ. Лавалю, а еще болѣе Косаковскому какъ Поляку, должно бы быть очень осторожными. Читая Гамбургскія газеты, нельзя не почитать Поляковъ сумасшедшими. Они такъ распѣтушились, что не знаютъ сами что̀ дѣлаютъ. Не вѣрю я, чтобы Влодекъ измѣнилъ. Я знаю или зналъ его образъ мыслей, онъ мало цѣнилъ Поляковъ. Онъ говаривалъ: il ne faut pas accuser, mais plaindre les Polonais; ils sont tous malades d'une fièvre chaude, qui ne passera jamais. Здѣсь большой споръ объ этомъ. Скажи мнѣ, носятъ ли Французы въ Петербургѣ трехцвѣтную кокарду? Кажется, должно такъ быть;

вѣдь это ихъ національная кокарда теперь. А со мною спорятъ, что нѣтъ. Волковъ пріѣзжалъ тащить обѣдать къ Закревскому, но я вчера сказалъ уже ему, что сегодня не буду обѣдать. Сашка сказывалъ, что въ Калугѣ было безпокойствіе: кто-то умеръ; сказали, что холерою, и его въ ту минуту закопали какъ холерою умершаго для избѣжанія заразы. Пришло 500 человѣкъ, выкопали тѣло, заставили оное отпѣть по обряду христіанскому и предать землѣ какъ слѣдуетъ. Непонятно упорство видѣть и теперь холеру вездѣ, и когда увѣрятся, что эту болѣзнь не должно ставить съ чумою наравнѣ? Всѣ удивляются инструкціи данной Закревскимъ губернаторамъ; это повтореніе того, что́ писалъ Рейсъ. Говорятъ о Мудровѣ и особенно о Чеботаревѣ весьма не хорошо; это Новиковскіе и Поздѣевскіе ученики, а они играютъ роль у Закревскаго. Я готовъ вѣрить, что все это вздоръ, но по дружбѣ моей къ Закревскому долженъ передать ему все, что̀ слышу и его предостеречь; онъ въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что онъ не докторъ и что всѣ мѣры касающіяся до холеры предоставляетъ медицинскому факультету.

*

Москва, 23 Декабря 1830.

Комендантъ нашъ новый точно тотъ Сталь, который славно дѣйствовалъ противъ холеры, и всѣ рады выбору пріемника добраго Веревкина. Москва всегда была счастлива комендантами, за то оберъ-полицмейстеры незавидные. Принесли объявленіе за подписаніемъ Муханова о карантинахъ; но написали, что никакъ понять нельзя. Пашковы наши, прочитавъ о снятіи карантина, къ Троицѣ поскакали, мужъ и жена къ старухѣ графинѣ Васильевой на три дня..... но не тутъ-то было! Ихъ не пустили: карантины не сняты. Такъ зачѣмъ публиковать, что съ Владиміромъ сообщенія свободны?—Вотъ тебѣ на! Попался и Полетика въ подагристы! Желаю ему терпѣнія. Какъ не его въ Царьградъ? Теперь не надобно тамъ зѣвать. Польша всегда намъ пакостила у Порты, а теперь еще болѣе будетъ интриговать, чтобы Турокъ на насъ напустить.

*

Москва, 24 Декабря 1830.

Я сію минуту отъ Закревскаго; ему хуже, ужо будутъ приставлять піявки къ горлу. Онъ получилъ фельдъегеря съ приказаніемъ отправиться немедленно въ Тулу, гдѣ повтореніе исторіи Тамбовской. Чтобы не терять времени, онъ отправилъ уже туда генерала Болховскаго, а самъ поѣдетъ когда будетъ въ силахъ переѣзжать въ городъ, въ домъ Мельгуновой, гдѣ будетъ ему покойнѣе.

*

Москва, 24 Декабря 1830.

Объявленіе такъ написано, что и грамотные ничего не понимаютъ, а вѣдь это печатается для всеобщаго свѣдѣнія. Я не говорю о такихъ ошибкахъ какъ напр. *пакета* вмѣсто *пикета*, но смыслу нѣтъ. Можно бы Муханову хорошенько посмотрѣть, прежде нежели подписывать имя свое. Отчего Journ de S-t Pétersb. называетъ нашего коменданта Stael? Онъ совсѣмъ не родня покойной умницѣ-разумницѣ, а Staal просто.—У васъ заблаговременно вооружаются противъ холеры; но кажется, не время уже ей показываться. Что̀ здѣсь пишутъ, такъ смѣшно. Мухинъ намаралъ какую-то глупую брошюрку подъ пару Рейсу; я ея еще не читалъ. И Закревскаго сбили съ пути; ужъ онъ вчера говорилъ мнѣ: провались эта холера совсѣмъ, это не мое дѣло, а совѣта медицинскаго, я не докторъ! Это такъ, но ежели за ними не смотрѣть, то Богъ знаетъ что они станутъ дѣлать.

*

Москва, 26 Декабря 1830.

Сегодня не знаю еще ничего о Закревскомъ, а вчера было ему хуже; хорошо было спалъ въ новомъ жилищѣ, но поутру была у него сильная поговорка съ генераломъ Мосоловымъ за поведеніе его съ крестьянками его. Арсеній погорячился, далъ ему урокъ, ругалъ немилосердно, что срамитъ и мундиръ генеральскій и званіе дворянское; это сдѣлало ему вредъ, горло болѣе заболѣло, и голосъ почти отнялся, такъ что говоритъ пришепетывая; объ отъѣздѣ своемъ ничего еще рѣшить не можетъ. Онъ получилъ отвѣтъ на первую свою эстафету: велѣно ему изъ Тулы возвратиться въ Петербургъ, подвергнувъ себя 14-дневному карантину на дорогѣ.

*

Москва, 28 Декабря 1830.

Брокеръ очень тебя благодаритъ за расписку Ростопчинскую; она была ему необходима. Этотъ соколъ много даетъ ему заботъ! Вообрази (сказано будь между нами), что онъ писалъ Брокеру, что ежели не вышлетъ къ нему 50 т., то получитъ въ отвѣтъ отъ него духовное завѣщаніе и извѣстіе, что онъ, Андрюша, застрѣлился, въ чемъ даетъ ему честное слово. Брокеръ поступилъ какъ умный человѣкъ: отвѣчалъ, что имѣніе его, доходы, деньги также; что онъ могъ бы тотчасъ выслать ему эти 50 т., но что не смѣетъ, что самъ подъ отвѣтомъ опеки дворянской; что по завѣщанію графа покойнаго онъ не обязанъ до совершеннолѣтія его давать ему кромѣ нужнаго на содержаніе; что, вѣря его честному слову, что онъ деньги эти не проигралъ въ карты и желая помочь его бѣдѣ, онъ проситъ его адресовать ему

ту особу, кому далъ на себя вексель (чего малолѣтный и дѣлать не можетъ); что онъ, Брокеръ, устроитъ все къ его спокойствію и убѣдитъ ту особу подождать и дать Брокеру дѣло уладить и пр. Брокеръ боится, что не вовлекли ли молодца въ тайное какое нибудь общество, взяли съ него клятву. 17 лѣтъ мальчикъ съ 150 т. дохода для нихъ лакомый кусочекъ! Что-то будетъ отвѣчать Андрюша Брокеру? Экое зеліе! Кабы ты видѣлъ, какъ хитро сплетено письмо его; можетъ быть, было оно ему диктовано этими мерзавцами.

Безногій Бахметевъ генералъ Алексѣй Николаевичъ женился вторично на какой-то Полячкѣ [1]), въ деревнѣ, въ 64 года; а дочь его Вава [2]), что́ отъ Шуазельши, т. е. Потоцкой, въ Вѣнѣ на родственномъ конгрессѣ съ Киселевой etc. etc.

*

Москва, 29 Декабря 1830.

Поѣхалъ я къ Закревскому, къ коему никого кромѣ самыхъ ближайшихъ не пускаютъ, потому что говорить ему, вредно; но обо мнѣ былъ особенный приказъ. Я читалъ ему, что́ пишешь объ Агр. Θедор., чему онъ очень обрадовался, не имѣя отъ нея прямо извѣстій. Онъ слабѣе немного и говоритъ въ полголоса, а все таки занимается: отправлялъ въ Тулу Апраксина гр. П. И.; ибо Болховскій, пріѣхавъ туда, занемогъ. Впрочемъ извѣстія успокоительны, все было увеличено, и командиръ ружейнаго завода брался съ одною своею командою содержать весь городъ въ повиновеніи. Арсеній не знаетъ еще самъ, когда туда попадетъ, но изъ Тулы будетъ еще сюда на одинъ день. Указъ присланный тобою онъ у меня отнялъ, да онъ и нужнѣе министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ желаетъ, чтобы секвестрованныя имѣнія обращены были на аренды вѣрнымъ слугамъ государевымъ; не сожалѣетъ, что Гежелинскаго прочь, называя его большимъ плутомъ. Велѣлъ тебѣ кланяться и ожидаетъ какихъ-то пакетовъ отъ тебя. У него съѣхался я съ Сашкою Волковымъ, коему кстати сказалъ, что его Пашка у тебя обѣдалъ и идетъ въ походъ; стало вздоръ, что гвардія остается [3]).

---

[1]) На княжнѣ Натальѣ Готфридовнѣ Четвертинской. Сынъ ихъ—графъ Николай Алексѣевичъ Протасовъ-Бахметевъ. Первая супруга А. Н. Бахметева, вдова графа Шуазели-Гуфье, была Викторина Станиславовна, ур. гр. Потоцкая, сестра графини Софьи Киселевой и Ольги Нарышкиной.

[2]) Варвара Алексѣевна, супруга Валерьяна Григорьевича Сталынина.

[3]) Къ несчастію, и гвардію пришлось послать въ походъ противъ Поляковъ.

ПОЛВѢКА НАЗАДЪ.

(Изъ воспоминаній пережитаго).

Жребій выпалъ мнѣ на долю, по выпускѣ изъ Института Путей Сообщенія, завѣдывать одною изъ шоссейныхъ дистанцій въ Западно-бѣлорусскомъ краѣ.

У дѣда моего было имѣніе въ Новгородской губерніи, но присоединеніе Грузіи къ Россіи застало его въ Тифлисѣ, на службѣ при князѣ Циціановѣ. Тамъ родился и воспитывался мой отецъ, а на службу поступилъ въ Астраханскую Контору Государственнаго Коммерческаго Банка (теперь просто Государственнаго). Въ Астрахани отецъ женился, и родился я. Тамъ же похоронены моя мать и младшая сестра. Злополучная Астраханская контора Банка просуществовала всего десять лѣтъ (съ 1822 по 1833 годъ), принесши ему отъ 2 до 3 милліоновъ убытка. Растраты, въ настоящемъ значеніи слова, не было; но Астраханское купечество, состоявшее почти исключительно изъ Армянъ, мастерски наполняло портфели Конторы кипами векселей, по которымъ нечего было получить, а пакгаузы заложенными негодными товарами, которыхъ некому было продать. По высочайшему повелѣнію на ревизію Конторы былъ посланъ сенаторъ Рупрехтъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири), и весь составъ служащихъ, за исключеніемъ отдѣленія кассы, былъ преданъ суду. Мой отецъ занималъ должность младшаго кассира, и потому бѣда эта его не коснулась. Продолжать службу въ Банкѣ, куда ему былъ открытъ доступъ, или въ другомъ вѣдомствѣ, онъ не пожелалъ. Бабушка (его мать) умирая оставила ему довольно значительный по тому времени капиталъ, что, въ соединеніи съ наслѣдственнымъ имѣніемъ, давало ему возможность, безъ службы, прилично жить и воспитывать меня. Мнѣ было 10 лѣтъ, когда мы пріѣхали въ Петербургъ: я для ученія, отецъ на жительство; но не прошло и года, какъ онъ заболѣлъ и принужденъ былъ вернуться въ Астрахань. Ради его болѣзни, мнѣ пришлось покинуть службу мою, на которой отпуски тогда не допускались, и я послѣдовать за нимъ.

Онъ скончался вскорѣ въ Пятигорскѣ, и я, почти еще юношей, былъ предоставленъ самому себѣ. Достаточными средствами для существованія я былъ обезпеченъ, но руководителя уже не существовало; а между тѣмъ я самъ сознавалъ, что былъ еще слишкомъ молодъ для самостоятельной жизни въ свѣтѣ, котораго вовсе не зналъ, но въ который долженъ былъ вступить. Разъ снявши мундиръ, послѣдній уже не привлекалъ меня въ соединеніи съ тѣмъ родомъ службы, который я прежде несъ; на другую же я не могъ разсчитывать: я не былъ вовсе подготовленъ къ служенію по другимъ вѣдомствамъ даже, чтобы управлять собственнымъ имѣніемъ мнѣ нужно было поучиться. Чѣмъ же мнѣ было заняться? Вопросъ этотъ я рѣшилъ во время чрезмѣрно-продолжительнаго пути до Петербурга, по убійственнымъ, въ осеннюю распутицу, грунтовымъ дорогамъ, въ лучшей и богатѣйшей части государства. Развѣ это въ порядкѣ вещей? Развѣ за границей существуютъ подобныя дороги?... Да и много еще «развѣ» просили отвѣта, котораго въ ту пору я не могъ дать, но далъ себѣ слово дать скоро. Поѣду за границу, посмотрю, какъ люди живутъ тамъ; можетъ, со временемъ пригодится, если чѣмъ нибудь вздумаю заняться.... За поѣздку въ иноземье я ухватился съ жадностью. Будь я позрѣлѣе, я сообразилъ бы тотчасъ, что въ то именно время, когда вся Европа, кромѣ Англіи, горѣла въ огнѣ разбушевавшихся революціонныхъ страстей, меня туда не отпустятъ; но я политикой не занимался и думалъ, что это прочтетъ всякій на моемъ открытомъ лицѣ. Подаю прошеніе тогдашнему Петербургскому генералъ-губернатору Шульгину. Онъ бросилъ только взглядъ на бумагу и съ недовольныхъ видомъ спросилъ:

— Что́ вамъ нужно за границей?

— Я желаю учиться.... Но, не докончивъ фразы, я былъ прерванъ:

— Получившему образованіе въ Русскомъ высшемъ учебномъ заведеніи нечему учиться за границей. Это вздоръ! Не затѣмъ вы собираетесь ѣхать... Вы знаете что́ теперь творится въ Европѣ?

— Знаю и не сочувствую. Но если это причина для отказа, то прошу объ увольненіи въ Англію, гдѣ спокойствіе не нарушалось.

— А кто будетъ тамъ держать васъ за руку? Вы поѣдете оттуда куда захотите....

— Не поѣду, ваше высокопревосходительство, если не позволено.

— Все равно. Государь Императоръ не разрѣшитъ вамъ выѣздъ никуда (до восшествія на престолъ Александра Николаевича, дворяне увольнялись за границу лишь съ разрѣшенія Государя); онъ увольняетъ туда въ настоящее время только людей лично ему извѣстныхъ; стало быть, не утруждайте напрасно меня, министра (внутреннихъ дѣлъ) и генерала Дуббельта, у которыхъ я долженъ собрать

о васъ справки. Прибавлю еще: вы ни въ чемъ не замѣчены до сихъ поръ, но просьба ваша объ отпускѣ за границу въ такое смутное время можетъ обратить на васъ вниманіе и повредить въ будущемъ, если при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ вы захотите побывать за предѣлами Россіи.

Коротко и ясно: сиди и молчи!.. Но послѣднія слова Шульгина доказывали, что если онъ и принялъ меня по солдатски, то въ душѣ былъ не злой человѣкъ. Мнѣ оставалось только взять назадъ прошеніе и откланяться, что́ я и сдѣлалъ.

Прошеніе я разорвалъ въ клочки, но досада не унималась; самолюбіе мое страдало страшно. Какъ это можно, думалось мнѣ, обращаться съ взрослымъ человѣкомъ какъ съ ребенкомъ, смѣяться въ глаза, заявляя категорически, что за границей учиться нечему?... Ахъ, незрѣлая молодость, наивная неопытность! Я еще не зналъ тогда, какъ не легка была жизнь въ столицѣ для лицъ безъ опредѣленныхъ занятій, хотя бы и съ независимымъ состояніемъ. Для такихъ лицъ существовала Москва, а Петербургъ не годился: здѣсь нуженъ былъ мундиръ, а безъ него малѣйшая опрометчивость, малѣйшее несоблюденіе неизвѣстныхъ вамъ обычаевъ, и вы имѣете дѣло съ крутой и нелюбезной столичной администраціей; да хорошо, еще, если съ ней, а не съ другой, оставляющей слѣды своего вмѣшательства надолго, а пожалуй и на всю жизнь.... Непредвидѣнный, безобидный случай въ скоромъ времени познакомилъ меня съ первой изъ нихъ.

Какъ проводить зимній сезонъ въ Петербургѣ благовоспитанному человѣку, не имѣющему ни родныхъ, ни знакомыхъ? Нельзя же каждый день бывать въ театрѣ или обречь себя на просиживаніе длинныхъ вечеровъ дома. Мнѣ представился случай записаться въ члены Дворянскаго Клуба, помѣщавшагося въ малыхъ залахъ С.Петербургскаго Дворянскаго Собранія (Клубъ этотъ впослѣдствіи закрылся). Тамъ всегда можно было найти хорошую партію въ одну изъ комерческихъ игръ по невысокой цѣнѣ, и я бывалъ тамъ почти ежедневно, даже послѣ театра съ цѣлью поужинать: столъ въ клубѣ былъ очень хорошъ и не дорогъ; повару платилось большое жалованье. Въ годовщину открытія клуба давался ежегодно большой обѣдъ, на который приглашались министры и вся высшая администрація столицы. Въ 1849 году обѣдъ пришелся въ Великій постъ; но тѣмъ не менѣе онъ состоялся, поубавилось только число креселъ и приборовъ, предназначавшихся для министровъ, приславшихъ отказы, за исключеніемъ двухъ. Министерскій столъ, за которымъ заняли мѣста и другія изъ приглашенныхъ высокопоставленныхъ лицъ, а также генералъ-губернаторъ Шульгинъ, оберъ-полицмейстеръ Г. . . въ и комендантъ баронъ Зальцъ (онъ же

директоръ нашего клуба) помѣщался посреди большой залы собранія; мы же, члены и гости, размѣстились за длинными столами расположенными вокругъ перваго, такъ что всѣмъ было видно, что̀ дѣлается за каждымъ изъ нихъ. Я въ первый разъ присутствовалъ на такомъ оффиціальномъ обѣдѣ. Немудрено, что онъ очень интересовалъ меня и что я менѣе обращалъ вниманіе на изысканныя произведенія героя дня, клубскаго повара, и вино (послѣднее въ особенности, такъ какъ я ничего не пилъ), чѣмъ на все окружающее и преимущественно министерскій столъ. Подали Шампанское. Одинъ изъ министровъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя, подняли бокалы, раздалось долго несмолкавшее ура и вмѣстѣ съ тѣмъ колоченіе ложками по столу, да такъ усердно, что заглушался гимнъ, непрерывно повторявшійся музыкантами.—Что́ за глупость, не давать возможности прослушать гимнъ, подумалъ я. И кому это пришло въ голову такъ нелѣпо проявлять свой восторгъ? Я посмотрѣлъ на Шульгина и Г. . . ва—оба стучали.... Значитъ, надо.... Постучалъ и я немного.... Ну, право же, это дико... Войди сюда, образованный Европеецъ: непремѣнно скажетъ, что здѣсь всѣ пьяны.... Кончилась наконецъ эта стукотня; допивались только бокалы съ виномъ; я тоже отпилъ немного изъ своего и, поставивъ его на столъ, сѣлъ на мѣсто. Не успѣла прислуга наполнить всѣ бокалы за членскими столами, какъ другой министръ предложилъ новый тостъ за здоровье Императрицы. Повторилось тоже, что́ и прежде было, но только покороче; да и не могло быть иначе: тостовъ было много, и старики, вѣроятно, порядкомъ устали; вѣдь почти половину обѣда пришлось стоять, кричать безъ умолку ура и барабанить по столу. Такъ вотъ каковы оффиціальные обѣды! Устанешь, не доѣшь, и только всего.... На слѣдующій день я уже долженъ былъ дать себѣ слово никогда болѣе на нихъ не бывать. А причина? Вотъ она.

Послѣ обѣда гости разъѣхались; остались одни члены клуба. Я собирался сѣсть за карточный столъ, когда замѣтилъ въ отдаленіи барона Зальца, разговаривавшаго съ другимъ директоромъ клуба барономъ Остеномъ и указывавшимъ на меня. Послѣдній тотчасъ же подошелъ ко мнѣ, взялъ подъ руку и, отведя въ сторону, спросилъ:

— Вы ничего за собой не чувствуете?

— Въ какомъ смыслѣ вашъ вопросъ?

— Въ такомъ, что у насъ наводилъ объ васъ справки Г. . . . , и надо думать, что не изъ простого любопытства. Баронъ Зальцъ далъ о васъ наилучшій отзывъ; но онъ не можетъ, по своему служебному положенію, говорить съ вами какъ бы хотѣлъ и потому поручилъ это мнѣ. Если вамъ нужно что либо припрятать, то торопитесь: у васъ могутъ сдѣлать обыскъ....

— На здоровье, баронъ! Пусть пороются: у меня ничего нѣтъ запрещеннаго.

— Пріятно слышать. Вашъ отвѣтъ особенно порадуетъ барона Зальца. Согласитесь сами, что ему, какъ старшему директору, будетъ очень непріятно, если одинъ изъ членовъ клуба будетъ арестованъ....

— Арестованъ?... Баронъ, вы начинаете пугать меня. Скажите, въ чемъ дѣло?

— Вы знакомы съ Петрашевскимъ?

— Въ первый разъ слышу фамилію...

— А съ Достоевскимъ? Онъ инженерный офицеръ, стало быть вашъ бывшій сослуживецъ.

— Между путейскими офицерами нѣтъ Достоевскаго, вѣроятно онъ инженеръ военный.

— Значитъ, и его не знаете; но можетъ быть, вы знаете кого нибудь изъ прочихъ... какъ бы это выразиться? Ну, хоть заподозрѣнныхъ въ политической неблагонадежности лицъ.

— Вы что-то скрываете отъ меня, баронъ. Могу васъ увѣрить, что я не занимаюсь никакими дѣлами до меня не касающимися, а тѣмъ болѣе политическими.

— Я и самъ такъ думалъ. Видя васъ ежедневно въ клубѣ, трудно было предположить, что у васъ находится еще время для посѣщенія тайныхъ собраній... Однако, чего хочетъ отъ васъ Г. . . въ? Вѣроятно пустякъ какой нибудь... Извольте, я скажу вамъ по секрету... Aber unter uns, mein lieber Freund, кончилъ онъ по-нѣмецки: въ прошлую ночь арестованы Петрашевскій и всѣ его соумышленники...

— Жаль несчастныхъ; но повторяю: до меня это не касается.

— Въ такомъ случаѣ, не о чемъ намъ больше разговаривать. Я пойду успокоить Зальца, а потомъ поговоримъ о тузахъ, короляхъ и дамахъ за зеленымъ столомъ. Я игралъ недурно, и Остенъ всегда охотно игралъ въ партіи со мною.

Играть я сѣлъ, но на этотъ разъ игралъ плохо. Какъ ни старался я успокоить себя, что мнѣ нечего бояться, но на сердцѣ было тяжело, и не напрасно: пріѣхавъ изъ клуба въ 2 часа ночи, я засталъ у себя частнаго пристава, получившаго приказаніе доставить меня въ канцелярію оберъ-полицмейстера. На вопросъ мой, нельзя ли отложить исполненіе приказанія до утра, онъ отвѣтилъ: разумѣется, можно; срокъ не назначенъ, а генералъ теперь уже спитъ.

— Что такое вы натворили?

— Право не знаю. Политикой я не занимаюсь...

— Какая политика! Будь это, такъ со мной прибыли бы жандармы и повезли бы васъ не къ оберъ-полицмейстеру... Такъ что

нибудь... Головомойкой дѣло обойдется... Прощайте! Въ 9 часовъ буду у васъ. Гора свалилась у меня съ плечъ отъ послѣднихъ словъ пристава. Стало быть, въ крѣпость я не попаду, а отъ головомойки самъ Александръ Павловичъ меня избавитъ: недаромъ же мы танцовали съ нимъ не разъ на губернаторскихъ балахъ (въ чинѣ полковника и званіи флигель-адъютанта, Г. . . въ въ серединѣ сороковыхъ годовъ производилъ рекрутскій наборъ въ одной изъ Бѣлорусскихъ губерній); онъ не могъ еще забыть меня и вѣрно пошутитъ надо мною, что я попался ему въ лапы.

Съ такими мыслями я заснулъ и съ такими же поѣхалъ съ приставомъ на Большую Морскую. Принявъ меня отъ пристава, дежурный чиновникъ показалъ мнѣ мѣсто въ пріемной и пошелъ съ докладомъ въ кабинетъ Г . . . ва, отдѣлявшійся только дверью отъ большой залы, въ которой меня усадили.—Приказали подождать, объявилъ чиновникъ, возвращаясь изъ кабинета въ свою дежурную комнату.

Я сѣлъ у окна. Проходитъ часъ, затѣмъ другой... Въ половинѣ 12-го выходитъ Г. . . въ въ мундирѣ и, на мой поклонъ, едва отвѣтивъ кивкомъ головы, быстро проходитъ черезъ залу.

Недоволенъ чѣмъ-то; вѣроятно, спѣшитъ на пожаръ, подумалъ я, но изъ любопытства спросилъ у чиновника, куда поѣхалъ генералъ?

— Сейчасъ къ генералъ-губернатору, а въ 12 часовъ поѣдетъ во дворецъ, съ докладомъ къ Государю.

— А я долженъ здѣсь ждать?..

— Разумѣется, ждать; вѣдь такъ вамъ приказано.

Такъ вотъ какъ начинается головомойка, разсуждалъ я самъ съ собою. Шутить изволите, ваше превосходительство: не за что мнѣ мылить голову, и напрасно вы такъ неделикатно поступаете со мной... Однако, какъ я ни разсуждалъ на тему о своей невиновности, все же просидѣлъ еще пять часовъ, наполовину арестованный. Въ половинѣ пятаго раздался звонокъ... Генералъ пріѣхалъ, объявилъ чиновникъ. Г. . . въ прошелъ, даже не взглянувъ на меня, но тотчасъ же отворилъ дверь кабинета и, остановившись на порогѣ, подозвалъ меня къ себѣ. Заговорилъ онъ хриплымъ басомъ, котораго я не замѣчалъ три года назадъ; можетъ быть, онъ усвоилъ эту манеру для приданія своимъ словамъ большей важности, а вѣрнѣе, это было слѣдствіемъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ (всѣмъ тогда извѣстная его слабость).

— Вы были вчера на обѣдѣ въ Дворянскомъ Собраніи. Господину генералъ-губернатору и многимъ другимъ бросилось въ глаза, что вы не пили за здоровье Государя Императора.

— Я легко пьянѣю отъ вина и потому не пью его.

— Мнѣ это говорили. Подумаешь, какая вы красная дѣвица! Но Шампанское и онѣ пьютъ; его всѣ пьютъ...

— Сколько могъ, я отпилъ изъ бокала.

— Довольно. Шампанскаго вы не пьете; а почему вы не стучали по столу?

— Стучалъ, но не все время.

— Да, постучали, когда замѣтили, что генералъ Шульгинъ обратилъ на васъ вниманіе.

— Напротивъ, генералъ: я застучалъ, когда увидалъ, что и вы и генералъ-губернаторъ стучите, а дотого считалъ неприличнымъ заглушать музыку, игравшую гимнъ.

— Вы слишкомъ много разсуждаете!.. Ваше дѣло брать примѣръ со старшихъ, а не умничать по своему...

— Я былъ въ первый разъ на большомъ офиціальномъ обѣдѣ и на будущее время не повторю ошибки...

— Совѣтую! Вы помѣщикъ? Я отвѣтилъ утвердительно.

— А по какому праву вы отпускаете усы?

— По праву отставного офицера.

— Офицеры Путей Сообщенія не имѣютъ этого права.

— А въ отставкѣ имѣютъ...

— Послушайте! Какъ вы смѣете мнѣ возражать? Я знаю, что́ говорю...

— И я знаю, ваше превосходительство.

— А, такъ вы хотите говорить со мной такимъ языкомъ? Вы его прикусите, когда я прикажу обрить васъ на барабанѣ...

— Лишать меня усовъ, когда они разрѣшены мнѣ закономъ, вы сами не захотите.

— Откуда вы взяли такой законъ? Позвать ко мнѣ секретаря, обратился онъ къ стоявшему у дверей дежурному чиновнику; да скажите ему, чтобы онъ посмотрѣлъ, есть ли въ законѣ что нибудь объ усахъ отставныхъ путейскихъ офицеровъ. Чиновникъ ушелъ. Такъ вотъ что, началъ снова Г. . . въ, повернувшись ко мнѣ: генералъ Шульгинъ помнитъ васъ съ прошлаго года, когда вы просились за границу, а со вчерашняго дня окончательно заподозрилъ васъ въ вольнодумствѣ. Собранными о васъ свѣдѣніями подозрѣніе его, къ счастью вашему, не подтвердилось, и вашъ вчерашній проступокъ пройдетъ на первый разъ безнаказаннымъ, но при повтореніи берегитесь! Будетъ худо... А что́ касается усовъ, то чтобы дать вамъ урокъ за ваши рѣзкіе отвѣты и споръ со мною... Онъ не договорилъ, потому что къ нему подошелъ секретарь съ однимъ изъ томовъ закона въ рукѣ. Ну, что? живо спросилъ онъ. — Офицеры корпуса Путей Сообщенія имѣютъ

право носить усы въ отставкѣ, послѣдовалъ отвѣтъ секретаря. Г. . . въ хмыкнулъ и топнулъ ногою.

— Какая безсмыслица! На службѣ нельзя, а въ отставкѣ можно... Можете идти домой! бросилъ онъ мнѣ сердито, уходя въ свой кабинетъ. Какого-то обѣщаннаго урока онъ мнѣ не далъ, но за то былъ такъ невѣжливъ, что не только не извинился въ напрасномъ задержаніи, но и не сказалъ даже прощайте, отпуская меня.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. Съ извозчикомъ не позволительно такъ обращаться, ворчалъ я, спускаясь по лѣстницѣ къ подъѣзду. Головомойка!.. Хороша головомойка!.. Безнаказанная наглость, и больше ничего! Почему, кажется, презрительно относиться къ человѣку, когда ясно, что онъ ни въ чемъ не виноватъ? Такъ нѣтъ, надо въ самой грубой формѣ показать свою власть надъ нимъ, зная напередъ, что отпора не получитъ. Однако получилъ... Недаромъ же бѣсился и хотѣлъ брить меня на барабанѣ, утѣшалъ я себя поребячески въ этой прискорбной и крайне-волновавшей меня исторіи. Вечеромъ, когда я въ клубѣ разсказалъ о безобразномъ пріемѣ меня Г. . . вымъ барону Остену, тотъ невольно пожалъ плечами, спросивъ въ тоже время, въ какомъ часу это было? Я сказалъ.—Хорошо позавтракалъ... Плюньте!.. Конечно, ничего иного не оставалось дѣлать, но я почти десять лѣтъ избѣгалъ даже мимолетной встрѣчи съ Г. . . вымъ. Много позднѣе, наступилъ однако часъ, когда мнѣ представилась возможность высказать ему все неприличіе его поведенія со мною.

Въ началѣ царствованія Александра Николаевича, въ Петербургѣ былъ большой пожаръ, истребившій до сотни домовъ въ Измайловскомъ полку. Государь прибылъ на пожаръ въ самомъ разгарѣ и увидѣлъ оберъ - полицмейстера не распоряжающимся локализаціей разбушевавшейся стихіи, а сидящимъ и дремлющимъ на кучкѣ бревенъ отъ разобраннаго дома. Г. . . ва разбудили; но Государь тотчасъ замѣтилъ, что дремота произошла не отъ утомленія, а отъ обильнаго завтрака. Черезъ нѣсколько дней появился высочайшій приказъ объ увольненіи генералъ-адъютанта Г. . . ва отъ должности С.-Петербургскаго оберъ-полицмейстера и въ отпускъ за границу впредь до излѣченія болѣзни. Туда и дорога! злорадствовалъ я. Прошло три года. Я женился и съ молодой женой поѣхалъ за границу. Паспортныхъ стѣсненій тогда уже не было. Случайно заѣхали мы въ Гессенскій курортъ Наугеймъ, небольшой городокъ невдалекѣ отъ Франкфурта на Майнѣ, привлекавшій посѣтителей не столько своими минеральными водами, сколько рулеткой. Наугеймская рулетка не была мѣстомъ свиданія Европейской аристократіи, какъ Баденъ-Баденъ, Висбаденъ и Гомбургъ, но тѣмъ не менѣе исправно обирала свои жертвы,

не требуя отъ нихъ за это ни шикарныхъ костюмовъ, ни роскошныхъ экипажей для выѣздовъ на прогулку, ни швырянія денегъ въ бездонные карманы Парижскихъ дамъ полусвѣта; однимъ словомъ, это былъ скромный Нѣмецкій, а не всемірный разбойничій домъ. Вхожу въ него и не безъ удивленія вижу сидящаго за рулеточнымъ столомъ бывшаго грознаго С.-Петербургскаго оберъ-полицмейстера. Онъ обрюзгъ и постарѣлъ. Игралъ онъ на серебряныя деньги. Очень жалкимъ показался онъ мнѣ въ какомъ-то коломянковомъ балахонѣ, послѣ блестящаго генералъ-адъютантскаго мундира, ловко сидѣвшаго на немъ и прекрасно обрисовывавшаго его стройную фигуру. Я подсѣлъ къ нему.

— Вы меня не узнаёте, генералъ? спросилъ я у него. Онъ посмотрѣлъ на меня мутными отъ алкоголя глазами и отвѣчалъ: — Не помню, но лицо ваше мнѣ знакомо.—Не припомните ли, какъ вы хотѣли сбрить мнѣ усы на барабанѣ? — Ахъ, да! Теперь припоминаю, хотя давно это было... Вы вѣдь инженеръ.... Помню, помню! Кажется, мы и раньше еще встрѣчались въ Западномъ краѣ и отплясывали на балахъ... Вы были тогда очень молоды; должно быть, только что окончили курсъ...—Совершенно вѣрно. У васъ прекрасная память... Однако, зная меня, вы жестоко обошлись со мной при новой встрѣчѣ въ Петербургѣ...—Не я, а служба!.. Мнѣ было вмѣнено въ обязанность собачиться, я и собачился... — Но вѣдь за мной не было никакой вины...—Потому и прошло благополучно.—Не совсѣмъ, генералъ! Я до сихъ поръ не могу забыть вашего пріема...—И все-таки не вините меня. Повѣрьте, что и тогда сердце было у меня не каменное, какъ и теперь и прежде; но что́ прикажете дѣлать, когда велятъ всѣмъ и каждому страхъ нагонять?... Вы поступали бы точно такъ же, если бы находились на моемъ мѣстѣ.—Не думаю, генералъ. — Напрасно. Посмотрите на меня: кажется, невесело живется; а могло быть хуже, да еще въ болѣе молодыхъ годахъ, если бы я въ извѣстные моменты не надѣвалъ на себя личины звѣря. Покойный Государь былъ очень добръ, но строгъ и такой же строгости требовалъ отъ служащихъ....—Думаю, что Государь требовалъ строгости въ отношеніи виновныхъ. — Прибавьте и сомнительныхъ въ благонадежности...—Чѣмъ же былъ я неблагонадеженъ? Неужели тѣмъ, что по незнанью не колотилъ ложкой по столу?—Тогда всякое лыко ставилось въ строку. Впрочемъ не я хотѣлъ засадить васъ подъ арестъ, а Шульгинъ; да и то благодаря открытому тогда и не вполнѣ еще разслѣдованному заговору. Но не безъ труда уговорилъ я его отпустить васъ, ссылаясь на то, что знаю васъ давно и что всѣ наведенныя справки говорятъ за васъ; онъ согласился, но на условіи, чтобы я хорошенько васъ отдѣлалъ, что̀ я, невзыщете, и исполнилъ.

Эта исповѣдь примирила меня съ нимъ. Болѣе мы не встрѣчались; онъ вскорѣ умеръ, проживъ въ Европѣ весь остатокъ жизни.

Продолжаю мой разсказъ, далеко не доходящій до времени моего послѣдняго свиданія съ Г. . . вымъ и прерванный изъ желанія повторить избитую истину, что мѣста часто портятъ характеръ человѣка. Положимъ, что у Г. . . ва порча эта была напускная, но это не измѣняетъ дѣла: напускное можетъ быть и у другихъ.

*

О поѣздкѣ за границу приходилось теперь оставить всякія мечты; къ тому же, скоро началась Венгерская кампанія, и тѣмъ закончился первый годъ моего тунеядственнаго препровожденія времени въ Петербургѣ. Но я былъ настойчивъ и не терялъ надежды, что такъ или иначе вырвусь, наконецъ, въ иноземье.

— Развѣ это такъ трудно сдѣлать, при вашихъ средствахъ? сказалъ мнѣ одинъ изъ чиновниковъ департамента полиціи съ которымъ я разговорился по этому поводу въ клубѣ.—Да, пойдите-ка, попросите Шульгина, чтобы онъ исходатайствовалъ мнѣ разрѣшеніе на поѣздку? — На что вамъ Шульгинъ и его ходатайство, когда вы можете имѣть законное право на выѣздъ за границу? Возьмите купеческое свидѣтельство 3-ей гильдіи и поѣзжайте, куда угодно.... — Сдѣлаться купцомъ?.. Что вы!.. Развѣ это возможно?—Почему же нѣтъ? Сдѣлался же отставной офицеръ Спиглазовъ папироснымъ фабрикантомъ (очень неудачно: его папиросы съ гильзами изъ какой-то массы вмѣсто бумаги, по своей ломкости, не пошли въ ходъ, и онъ обанкрутился). — Фабрикантъ, но не просто купецъ.... Меня вѣдь, при встрѣчѣ могутъ спросить: чѣмъ и гдѣ торгуете?—Фу, сколько въ васъ дворянской спѣси!.. Да пусть себѣ спрашиваютъ: вы не станете торговать въ мелочной лавочкѣ, но правомъ на ея открытіе воспользуетесь....—Такъ-то, такъ; но и этотъ совѣтъ безполезенъ: Шульгинъ не выпуститъ меня и съ купеческимъ свидѣтельствомъ....—По закону не можетъ, если съ нашей и III Отдѣленія сторонъ нѣтъ препятствій, но по предоставленной ему власти, конечно, можетъ. Да, вѣдь, Шульгинъ не одинъ въ Россіи: поѣзжайте въ Москву и запишитесь въ купечество тамъ. Это будетъ даже вамъ болѣе на руку: васъ тамъ никто не знаетъ.... — Подумаю!...

Другого средства не нашлось, а съ идеей сдѣлаться купцомъ я не мирился цѣлый годъ. Купецъ! Торгашъ! Вѣдь это позоръ! мерещилось мнѣ, да и не мнѣ одному въ тѣ времена, когда достоинство дворянина соразмѣрялось съ правомъ носить при гладко-выбритомъ подбородкѣ извѣстной длины бакенбарды, а купецъ, хотя бы и фабрикантъ, не смѣлъ дотрогиваться бритвой до своей бороды. Да, тогда только

баки закругленнымъхвостикомъ отъ виска до верхней губы или до последняго волоска выбритое лицо служили признакомъ порядочности человѣка на Руси, порядочности, впрочемъ лишь, показной, на самомъ же дѣлѣ часто не очень далекой отъ проявляемой нынѣ прилично-одѣтыми героями мостовыхъ и трактировъ. Въ жизни государства 50 лѣтъ немного, но въ этомъ отношеніи Россія много подвинулась впередъ: нѣтъ болѣе помѣщиковъ обращавшихся съ крестьянами, какъ нынѣ не позволяютъ обращаться съ животными; нѣтъ начальниковъ принимающихъ просителей и просительницъ въ халатѣ или еще безцеремоннѣе. Въ описываемое мною время, никто не возмущался разсказами, какъ министръ финансовъ Вронченко, въ жаркіе дни, принималъ съ докладами директоровъ департаментовъ, лицъ украшенныхъ тремя-четырьмя звѣздами, въ ночной сорочкѣ и туфляхъ на босую ногу. Какъ вспомню мои молодые годы, краска и нынѣ выступаетъ на лицѣ. Положимъ, я не смѣялся надъ лѣтнимъ, домашнимъ костюмомъ графа Вронченки, какъ не смѣялся надъ угрозой Г. . . ва обрить мнѣ на барабанѣ усы, но тѣмъ не менѣе поѣхать за границу съ прописью въ паспортѣ: по торговымъ дѣламъ, считалъ почему-то унизительнымъ для своей особы. Однако годъ размышленій не остался безслѣднымъ. Весною 1851 г., въ Лондонѣ, открывалась первая всемірная выставка! Стало-быть, теперь надо ѣхать, не взирая ни на какія препятствія, рѣшилъ я окончательно. Но вѣдь купцомъ!.. Да, что же дѣлать, если вынуждаютъ?.. Представлю себѣ, что по возвращеніи изъ за границы я открою химическій или хоть гончарный заводъ, все равно: гильдейскія повинности платить надо. Разница въ томъ, что заплачу̀ ихъ годомъ раньше... Неизбѣжныя справки въ департаментѣ полиціи и III Отдѣленіи въ соединеніи съ троекратной публикаціей въ газетахъ о моемъ выѣздѣ за границу задержали меня въ Москвѣ; но паспортъ добытъ.

Наконецъ, я одной ногой уже за границей, вступивъ въ Кронштатѣ на бортъ парохода «Траве», содержавшаго товаро - пассажирское сообщеніе между Петербургомъ и Любекомъ. Онъ шелъ первымъ весеннимъ рейсомъ и набилъ свои каюты пассажирами до сверхъкомплекта, пока нашъ исключительно-пассажирскій казенный пароходъ, ходившій до Штеттина, чинился и красился въ гавани. Къ чему спѣшить? Командиръ, флотскій офицеръ и команда матросовъ не были заинтересованы въ выручкѣ парохода; а служба, хотя и оплачиваемая добавочнымъ окладомъ, успѣетъ еще надоѣсть за навигацію. Такъ разсуждали или допускали разсуждать у насъ. Ну, а Нѣмцы разсудили иначе: они пробрались между пловучимъ льдомъ, добрались до Кронштата, набрали полный грузъ, забрали столько пассажировъ, что

и размѣстить ихъ было трудно, и повезли Русскія денежки въ свой Vaterland. Обиднѣе всего было то, что на пароходѣ, содержавшемъ срочное и постоянное изъ года въ годъ сообщеніе съ Россіей, никто не понималъ ни слова по-русски. На мимику, какъ оказалось, были всѣ довольно туговаты... Вѣроятно, этотъ родъ объясненій Нѣмцамъ не по характеру. Нѣмцы, вѣдь, какъ извѣстно, небольшіе охотники до балетныхъ представленій, подтрунивалъ я надъ своимъ сосѣдомъ по кабинѣ, бѣсившемся, что еще, въ предѣлахъ Россіи, его никто не понимаетъ на родномъ языкѣ. А, вотъ, чисто-Нѣмецкой практичности у заправилъ Любецкой пароходной акціонерной компаніи оказалось достаточно: пароходъ Траве былъ преимущественно грузовый, но содержался въ образцовой чистотѣ и опрятности, каюты же для пассажировъ съ ихъ простой лакированной мебелью и экономно-разсчитанными въ ширину и длину койками могли быть устроены только съ задней мыслью: для Русскихъ и это хорошо; они вѣдь, у себя и этого не имѣютъ. Столъ былъ довольно обиленъ и изъ хорошей провизіи; видно было, что Нѣмцы соображались съ своимъ обычнымъ хорошимъ апетитомъ, но намъ приходилось остерегаться нѣкоторыхъ блюдъ; такъ, напр. жареная селедка съ вареньемъ могла и безъ качки вызвать морскую болѣзнь. У компаніи были болѣе быстроходные и лучше устроенные пароходы, но они выпускались на Петербургскую линію позднѣе, когда приходилось конкурировать съ казеннымъ пароходомъ.

Черезъ трое сутокъ Траве остановился у Любецкой пристани. Любекъ съ его кривыми улицами, средневѣковыми домами, съ высочайшими, крытыми черепицами крышами не заинтересовалъ меня, и черезъ $2^1/_2$ часа желѣзнодорожнаго сообщенія я въ Гамбургѣ. Вотъ это городъ иного сорта: на одинъ Альстеръ (небольшое озеро) съ окружающими его набережными можно смотрѣть часами и не налюбоваться. А уличное движеніе! А колоссальные отели съ сотнями лицъ за общимъ обѣденнымъ столомъ, объѣдающихся неизмѣнно-сервируемой за каждымъ обѣдомъ Stein-Butte (крупная морская камбала) и другими вкусными блюдами за 2 марки (по тогдашнему курсу 60 коп.) съ персоны! Да какъ же не пожить въ такомъ городѣ?

Снова я на морѣ, но въ морѣ Нѣмецкомъ, на пароходѣ Англійскомъ. Какая разница съ «Траве!» Здѣсь мебель краснаго дерева, зеркала надъ каминами, рояль для играющихъ и поющихъ, библіотека и газеты для читателей, каюты и койки—роскошь, а о столѣ и говорить нечего: чего стоилъ одинъ холодный завтракъ съ его primeur'ами на десяткѣ тарелокъ, пудовымъ ростбифомъ, окороками вядчины, телятины и баранины, сервированный къ утреннему кофе или шоколаду? Но это мимо. За переѣздъ, при такихъ условіяхъ, изъ Гамбурга въ Лондонъ въ

1-мъ классѣ платилось 2 фунта стерл. (по тогдашнему курсу 12 рубл.), тогда какъ на Любецкихъ пароходахъ за разстояніе немногимъ большее чѣмъ здѣсь брали безъ соображенія съ курсомъ 40 рублей. Не дурна параллель между Нѣмцами, везущими Русскихъ въ свою страну, и Англичанами Нѣмцевъ въ свою. А вѣдь Нѣмцы считались въ то время лучшими друзьями Россіи, въ признательность за спасеніе ихъ независимости, въ началѣ вѣка, когда Наполеонъ готовился изъ Берлина сдѣлать департаментскій городъ Франціи. Die HeiligeAllianz (Священный Союзъ) былъ еще въ полной силѣ, и ни одно Германское правительство и въ умѣ не смѣло облагать пошлиной Русскій хлѣбъ, напротивъ: Николай Павловичъ, при нѣсколько скудномъ урожаѣ въ Россіи, не разъ облагалъ хлѣбъ вывозною пошлиной до 10 коп. съ пуда. Курсъ нашихъ денегъ не понижался даже до al pari; обыкновенно за нашъ кредитный рубль платили 1 р. 5 к. золотомъ; вексельный курсъ на Парижъ доходилъ до 420 сант. за рубль или 24 к. за франкъ; Англійскій фунтъ стерлинговъ стоилъ 6 р., а Прусскій талеръ, или 3 марки, всего 90 копѣекъ. Но вексельные переводы не имѣли тогда такого развитія, какъ нынѣ, и иностранцы поневолѣ покупали наши товары за наличныя деньги, наводняя Россію своею звонкою монетой. Золотую монету правительство перечеканивало въ имперіалы и полуимперіалы, а серебряная оставалась въ ходу и водворяла на монетномъ рынкѣ настоящій хаосъ: мы не знали, куда дѣваться отъ Прусскихъ талеровъ, Французскихъ пятифранковиковъ, Испанскихъ дублоновъ, разныхъ кронъ и пр.; всѣ отнѣкивались отъ нихъ даже при значительной скидкѣ съ ихъ настоящей цѣны. Немудрено, что, при такомъ торговомъ балансѣ, графъ Канкринъ, не признававшій пользы желѣзныхъ дорогъ для Россіи при ея шестимѣсячной зимѣ съ саннымъ путемъ, считался геніальнымъ министромъ финансовъ. Думаю, что его счастливая звѣзда не блестѣла бы такъ ярко, если бы онъ дожилъ до того времени, когда всѣ закромы Европы стали засыпать Сѣверная и Южная Америка, Индія, Египетъ и подъ конецъ Австралія и когда нашему хлѣбу не только не подъ стать вывозныя пошлины, но милые сосѣди норовятъ стѣснить и его доступъ въ ихъ страну. Политика не знаетъ слова благодарность, торговля тѣмъ болѣе... На этомъ основаніи и Любецкая компанія пароходства начала довольно нахально высасывать деньги изъ кармановъ Русскихъ пассажировъ; а впослѣдствіи за такое дѣло, только въ бо́льшихъ размѣрахъ, взялся и знаменитый честный маклеръ Бисмаркъ, обложившій всѣ предметы ввоза изъ Россіи таможенной пошлиной, которая его преемникамъ кажется еще не довольно разорительной для насъ. Ихъ дѣло! Посмотримъ, къ чему приведутъ такіе хищническіе инстинкты. Желѣзныя дороги отняли у Любецкой параходной компа-

нія пассажировъ и возвратили ее вспять къ товаро-перевозному занятію; ну, а съ купца ей лишковъ не взять, да и конкуренція не дремлетъ. Очень можетъ быть, что найдутся мѣры для возвращенія и Германіи вспять на менѣе корыстолюбивыя дружескія отношенія...

Понятно, что по пріѣздѣ въ Лондонъ, первый визитъ мой былъ въ Гайдъ-паркъ, на выставку, въ Хрустальный дворецъ. Чудомъ изъ чудесъ показалась мнѣ эта громада изъ стекла и желѣза, около полуверсты длиною. Впослѣдствіи я видѣлъ это зданіе въ Сиднемѣ (Sydenham, въ 30 верстахъ отъ Лондона), но оно не производило уже первоначальнаго впечатлѣнія: присмотрѣлся. При первомъ знакомствѣ съ нимъ оно ошеломляло своей громадностью, матеріаломъ, изъ котораго было сооружено, а главное своей воздушностью и формой, не подходившей ни подъ одинъ изъ архитектурныхъ стилей; все это было ново, невидано и потому поражало. Внутри дворца было немало чудесъ науки и искусства, не только невиданныхъ наяву, но не снившихся мнѣ и во снѣ; и если бы я сталъ описывать все, чѣмъ я восторгался на выставкѣ, то изъ этого вышло бы не краткое описаніе моего пребыванія въ Лондонѣ, а подробнѣйшее всей выставки. 50 разъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ я посѣтилъ ее. За помѣщеніе съ полнымъ пансіономъ я платилъ 1 фунтъ стерл. въ день, другой уходилъ на разъѣзды по городу и на расходы на выставкѣ, третій на театръ или другія вечернія удовольствія, четвертый на разныя покупки и пятый самъ не знаю куда, но онъ уходилъ; итого почти 1000 р. въ мѣсяцъ. Взялъ я съ собой изъ Россіи нѣсколько болѣе 2-хъ тысячъ въ надеждѣ объѣхать съ ними всю Европу и прожить тамъ не менѣе полугода. А теперь, когда я покончилъ съ выставкой, въ карманѣ у меня осталось какихъ нибудь сотни 3—4 рублей. Куда было ѣхать съ ними иначе какъ домой?

Я прибылъ черезъ Остенде и Берлинъ въ Штеттинъ, и что же узнаю? Пароходъ дѣйствительно идетъ въ Петербургъ, но только не Русскій, а Прусскій, по соблюдаемой между тѣмъ и другимъ очереди. Везетъ же этимъ Нѣмцамъ! почти крикнулъ я, вступая на пароходъ. Отдавай имъ наши денежки!..

Отъ чего это у васъ такъ мало пассажировъ? спрашиваю у капитана.—А откуда имъ взяться, когда Любецкіе пароходы забираютъ всѣхъ до послѣдняго человѣка.—Эти нищенски устроенные пароходы? Что вы!..—Совсѣмъ не нищенскіе: компанія имѣетъ прекрасные пароходы и беретъ цѣны вдвое дешевле нашихъ...—Ну, на этотъ счетъ вы ошибаетесь: еще два мѣсяца назадъ я заплатилъ на ея пароходѣ дороже, чѣмъ у васъ.—Да! Въ Петербургѣ, когда нѣтъ, по вашей винѣ, конкуренціи. Кромѣ того, имѣя въ трюмахъ полный грузъ, паро-

ходъ не очень дорожитъ пассажирами, а въ Любекѣ другое дѣло: оттуда товаровъ идетъ немного, да и товары легковѣсные, она и набираетъ пассажировъ за дешевую цѣну.—Къ чему же вы допускаете такую конкуренцію? Казенный пароходъ можетъ убить всякую частную компанію, если захочетъ.—А конвенція съ Русскимъ правительствомъ на что? Мы не имѣемъ права ни на одинъ пфеннигъ понизить наши цѣны. — Такъ войдите въ соглашеніе, имѣя такія вѣскія данныя...—Пробовали да бросили. Развѣ ваше Морское Министерство, давая пароходъ, заботится о коммерческихъ выгодахъ, или капитанъ съ густыми эполетами, по джентельменски расшаркивающійся передъ своими пассажирами и пассажирками, захочетъ утруждать себя сопряженной съ отчетностью работой? Посмотрите, что̀ у него въ трюмѣ: только пассажирскій багажъ. Правда, много багажа, потому что дамы ваши возятъ съ собой неимовѣрное количество сундуковъ и чемодановъ, но все-таки нашлось бы мѣсто, ну хоть для тысячи - другой цибиковъ чая или нѣсколькихъ сотенъ кипъ хлопка того и другого груза, очень удобнаго и цѣннаго; но баринъ-капитанъ отвѣтитъ на предложеніе: мѣста нѣтъ, загруженъ, а возьметъ лишній запасъ каменнаго угля, за полученіе котораго выдастъ только квитанцію, предоставляя расчетъ и отчетность береговому агенту. Съ такимъ грузомъ онъ спокоенъ: по прибытіи на мѣсто нечего выгружать, и нѣтъ отвѣтственности за поврежденіе и убыль товара въ пути или до сдачи его на берегу. Вотъ ваши порядки, только мѣшающіе намъ, съ нескрываемою досадой закончилъ Нѣмецъ-капитанъ.

И онъ правъ! Tous les jours on apprend quelque chose, разсуждалъ я по поводу этого разговора у себя на Петербургской квартирѣ. Къ чему же лишаться доходовъ, намъ принадлежащихъ? Сто́итъ только дать возможность образованію частныхъ пароходныхъ компаній, и будутъ у насъ такіе же превосходные пароходы какъ Англійскіе, между Лондономъ и материкомъ. Но вотъ горе: для этого нужны люди, практически изучившіе такое дѣло за границей, а какъ его изучишь, когда вамъ авторитетно говорятъ, что въ иноземьи учиться нечему, и потому донельзя стѣсняютъ выѣздъ туда.

В. Шиманъ.

РЕВЕЛЬСКОЕ КРОВОПРОЛИТЬЕ 1858 ГОДА.

Около Юрьева дня 1858 г., вышелъ новый законъ, касающійся отправленія крестьянами барщины въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ имѣніи Анія, въ 36 в. отъ Ревеля, баронъ Унгернъ-Штернбергъ потребовалъ, чтобы съ каждаго двора отправились на мызу жать рожь всѣ люди, которые въ состояніи работать, такъ что крестьянская рожь должна была пропасть. Вслѣдствіе такого распоряженія, хозяева отправились къ помѣщику за объясненіемъ. Баронъ во всеуслышаніе заявилъ старшинѣ, что недовольные могутъ искать своего права у губернатора и если тотъ признаетъ ихъ претензію правильной, онъ откажется отъ своего распоряженія. Тогда всѣ хозяева отправились въ Ревель. Двое изъ нихъ, именно Микъ Ялакасъ и сельскій староста Юрій Агураюсъ, явились къ жандармскому полковнику Грессеру [1]) и попросили его совѣта. Онъ сказалъ имъ: Ступайте, только не болѣе трехъ, къ губернатору. Но губернаторъ Гринвальдъ былъ въ то время на о. Вормсѣ, гдѣ по случаю новаго закона также происходили безпорядки [2]). Принялъ ихъ вице-губернаторъ баронъ Розенъ, спросивъ, одни ли они пришли въ городъ или есть еще другіе. «По совѣту барона Унгернъ-Штернберга, пришли въ Ревель всѣ хозяева», отвѣчали они. Засимъ вице-губернаторъ приказалъ депутатамъ пригласить всѣхъ на Вышгородскую площадь, обѣщая разъяснить имъ новый законъ. Но какъ скоро всѣ 60 хозяевъ собрались на площади, со двора замка явилось войско и, окруживъ ихъ [3]), погнало съ барабаннымъ боемъ и музыкой по Морской улицѣ, мимо Ратуши, на «Русскій рынокъ», гдѣ въ настоящее время находится православная часовня [4]). Тамъ были сложены три или четыре воза сучковатыхъ палокъ-тычинокъ. При сѣченіи крестьянъ сломанная часть прутьевъ врѣзывалась въ тѣло несчастныхъ. Крестьяне одинъ послѣ другого были обнажаемы солдатами и повалены на землю. Экзекуція производилась слѣдующимъ образомъ: два солдата садились на ноги, одинъ на голову, двое сѣкли—одинъ съ каждой стороны, смѣняясь другими. Въ случаѣ кто-либо изъ истязуемыхъ такимъ образомъ переставалъ стонать или кричать, то дѣлали

---

[1]) Отецъ бывшаго С.пб. градоначальника.—[2]) По другимъ свѣдѣніямъ, г. Гринвальдъ находился въ Ревелѣ, но не пожелалъ вмѣшиваться въ этотъ споръ съ крестьянами.—[3]) Распоряжался процессіей совѣтникъ Губернскаго Правленія Швебсъ. — [4]) Преданіе говоритъ, будто бы экзекуція происходила на грунтѣ, принадлежавшемъ купцу Ротерману (гдѣ нынѣ зданіе Александровской гимназіи), но тотъ будто протестовалъ, сказавъ, что не имѣютъ права обращать его недвижимость въ лобное мѣсто.

короткій перерывъ и давали нюхать спиртъ или глотать водку, которой былъ принесенъ цѣлый ушатъ. Двумъ крестьянамъ, приходившимъ къ барону Унгернъ-Штернбергу, дано было по 300 палокъ, остальнымъ— по 200. Наказывали такъ жестоко, что на мостовой оказались лужи крови, и нѣкоторые изъ сѣченныхъ не въ состояніи были безъ помощи подняться на ноги. Одинъ крестьянинъ, чтобы не замарать себѣ голову кровью, хотѣлъ было подложить свой кафтанъ, но ему этого не было позволено *). По окончаніи экзекуціи была всѣмъ высѣченнымъ вторично предложена водка. Одни изъ нихъ пили, другіе отказывались. Двое крестьянъ настолько пострадали, что ихъ должно было положить на телѣгу навзничь и, были они, по распоряженію полковника Грессера, отправлены въ госпиталь. Прочіе же, подъ конвоемъ солдатъ, по Нарвской улицѣ были препровождены за городъ, и брошены на дорогѣ, гдѣ ихъ подобрали ихъ родные и знакомые. Кто не былъ въ силахъ стоять на ногахъ, того солдаты вели за руки и толкали въ спину.

Когда Аніаскіе крестьяне возвратились домой, то гакенрихтеръ (становой) Ф. Тритгофъ, созвавъ ихъ на мызу, утѣшалъ ихъ тѣмъ, что б. Унгернъ-Штернбергъ будто бы очень сожалѣетъ о случившемся, что желаетъ съ крестьянами примириться, обѣщаетъ оставить ихъ на вѣчное время на арендуемыхъ ими участкахъ, словомъ, всячески облегчить имъ ихъ положеніе. Говорилъ, что, наконецъ, не помѣщикъ виноватъ въ постигшемъ ихъ наказаніи, а *судъ*. Затѣмъ гакенрихтеръ увѣщевалъ крестьянъ не питать къ барону злобы, не замышлять коварства и не бунтовать. Все это были пустыя слова, ибо б. Унгернъ-Штернбергъ, спустя нѣсколько лѣтъ, согналъ многихъ изъ арендаторовъ съ ихъ участковъ и передалъ послѣдніе другимъ арендаторамъ.

Незнакомыхъ съ дореформенной администраціей въ Прибалтійскомъ краѣ не можетъ не поразить то обстоятельство, какъ могли чиновники, находящіеся на государственной службѣ, наказывать безъ суда ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ-арендаторовъ, отцовъ семействъ, точно они были злѣйшими преступниками. Но подобная расправа считалась обыкновеннымъ дѣломъ во всей Балтикѣ, гдѣ служебные посты находились въ рукахъ Балтовъ или ихъ друзей (какъ наприм. князь Суворовъ), руководимыхъ личными интересами, особенно, когда подобные описанному подвиги можно было представить высшему начальству, какъ усмиреніе бунта, и ожидать за это благодарности. Хитроумные Балты всегда умѣютъ устроить дѣло такъ, чтобы отвѣтственность за излишнюю жестокость наказанія падала на представителя *Русскаго* правительства и чтобы вооружать мѣстныхъ обывателей, Эстовъ и Латышей, противъ всего Русскаго. Такъ и въ изложенной драмѣ б. Унгернъ-Штернбергъ, умѣвшій настроить вице-губернатора, всю вину свалилъ на послѣдняго.

* * *

(Сообщено А. А. Чумиковымъ).

---

*) Чиновникъ по особымъ порученіямъ баронъ Штакельбергъ, присутствовавшій при поркѣ, поощрялъ солдатъ словами: „бейте крѣпче".

М. П. ПОГОДИНЪ Ѳ. И. ИНОЗЕМЦОВУ *).

Я очень жалѣю, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, что мнѣ не удалось привѣтствовать тебя вчера на прекрасномъ, сердечномъ обѣдѣ, данномъ въ честь твою въ залѣ Художественнаго Класса. Вина впрочемъ не моя: мѣсто досталось мнѣ вдалекѣ, гдѣ было не слыхать произносимыхъ рѣчей; притомъ онѣ слѣдовали одна за другою такъ быстро, и было ихъ столько, что я побоялся ужъ наконецъ напомнить бесѣдѣ съ своей стороны Демьянову уху. А ты можешь вообразить, сколько я желалъ присоединить свой голосъ къ общему выраженію благодарности и уваженія, и сказать тебѣ нѣсколько словъ, какъ двадцатипятилѣтній твой паціентъ, бывшій товарищъ по университету, и какъ Московскій обыватель! Лишь разнесся слухъ объ устройствѣ почетнаго обѣда, думалъ я такъ начать свою рѣчь, обращаясь къ участникамъ: «Вы поспѣшили подписываться обѣими руками, а я руками и ногами, да и всѣми пятью чувствами». Такое выраженіе показалось бы, разумѣется, страннымъ, и я попросилъ бы позволенія объяснить и оправдать его исторіей моихъ болѣзней, тобою излѣченныхъ.

«Пятнадцать лѣтъ назадъ, я упалъ съ дрожекъ, по дорогѣ въ университетъ, и повредилъ себѣ ногу. Всѣ почти Московскіе врачи у меня перебывали. Половина утверждала, что перелома не было, другая напротивъ; Ѳ. И. настоялъ, что у меня была fractura colli femoris, принялся лѣчить и чрезъ два-три мѣсяца поставилъ на ноги, на которыхъ и теперь стою твердо, явясь нынѣ, въ очевидное свидѣтельство, даже безъ палки. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, на той же улицѣ, на той же недѣлѣ, близъ прежняго рокового мѣста, упалъ я опять съ дрожекъ и ушибъ себѣ носъ. Лѣчить носы мастеровъ у насъ больше чѣмъ костоправовъ: иной двухъ перечесть не умѣетъ, самъ дальше своего носа не видитъ, а наклеитъ тебѣ такой носъ что любо! Ѳедоръ Ивановичъ началъ леченіе, конченное успѣшно достойнымъ его преемникомъ. Болѣли у меня уши, отъ того ли что я простудилъ ихъ, отъ того ли, что, въ послѣднее время, я наслушался много всякаго вздору,

*) О приснопамятномъ другѣ человѣчества Ѳедорѣ Ивановичѣ Иноземцовѣ см. въ „Русскомъ Архивѣ“ Воспоминанія С. А. Смирнова (*1870*, 718 и *1890*, III, 558) и Н. Н. Губерти (*1898*, I, 231), а также графа М. Д. Бутурлина (1872, 1457). П. Б.

особенно о Русской исторіи: начались сильныя опухоли, показалась кровь. Онъ употребилъ разныя средства, остановилъ кровь, и болѣзнь миновалась. Болѣли глаза, онъ прописалъ мнѣ воды, тѣ и другія примочки, и я опять принялся за свои корректуры, кои до сихъ поръ читаю безъ очковъ. Такимъ образомъ со всѣми моими чувствами у него была работа, кромѣ языка; но для языка у насъ есть независящія отъ аптеки и медицины средства, благодаря которымъ можно быть спокойну за нормальное его состояніе и своевременное исправленіе всякихъ аберрацій. Еще болѣла у меня часто грудь. Чрезъ каждые два года онъ посылалъ меня въ Маріенбадъ и Эмсъ. Въ послѣдній разъ онъ велѣлъ послѣ Эмса отвѣдать, если нужно, Карлсбада. Когда я кончилъ курсъ въ Эмсѣ, Франкъ подалъ совѣтъ ѣхать въ Вильдбадъ, Энихенъ прежде въ Ахенъ, Цицуринъ въ Крейцнахъ, Фейеръ въ Ниццу, а Хеліусъ въ Остенде. Я заключилъ, что болѣзни, видно, нѣтъ у меня нигдѣ, какъ нѣтъ и опредѣленнаго лекарства, воротился въ Москву, и здѣсь, благодаря совѣтамъ Ѳедора Ивановича, такъ окрѣпъ, что не имѣю нужду ни въ какомъ лѣкарствѣ, самъ даже готовъ полѣчить при случаѣ любого невѣжду хрѣномъ, перцемъ или горчицей».

«Какъ профессоръ, я смѣю свидѣтельствовать, что онъ исполнялъ свою обязанность честно, къ лекціямъ прилагалъ свою душу и старался передавать ученикамъ своимъ все что̀ самъ зналъ безъ утайки, заботился объ ихъ развитіи и самостоятельности. Двадцать пять лѣтъ почитать лекціи—это не шутка для того, кто занимается дѣлами не механически, не какъ нибудь, и всякое отдохновеніе послѣ такой работы—законно. Кромѣ аудиторіи и клиники Ѳ. И. завелъ у себя въ домѣ собственную больницу для вольноприходящихъ, въ которой, подъ его руководствомъ, практиковались ежедневно молодые люди, его ученики, по нѣскольку часовъ, и вся Москва произноситъ уже съ признательностію и любовію имена этихъ такъ называемыхъ его «молодцовъ». Многіе изъ нихъ заняли почетныя мѣста въ обществѣ».

«Наконецъ, Московскіе обыватели обязаны ему благодарностію за то, что въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, въ его домѣ, до 50 человѣкъ бѣдныхъ людей получали безмездно совѣты, лѣкарства, готовые, полные, консиліумы, и даже содержаніе. Лѣтомъ, не смотря ни на какую погоду, пріѣзжалъ онъ изъ Сокольниковъ всякій день, чтобы служить этому доброму дѣлу. Каждому изъ насъ случалось часто посылать бѣдняковъ къ нему съ записками».

Въ заключеніи я хотѣлъ коснуться ошибокъ, увлеченій, заблужденій, странныхъ выходокъ, въ коихъ иные тебя обвиняютъ. Они очень естественны. Кто молчитъ, тотъ, разумѣется, не можетъ проговориться. Кто ничего не дѣлаетъ, того, разумѣется, нельзя осудить ни за что, кромѣ

развѣ лѣности, а изъ работающихъ съ утра до вечера, и на старуху бываетъ проруха. Притомъ у нашей ученой братіи процессъ физіологическій и психологическій совершается часто иначе, вслѣдствіе разныхъ причинъ: усталости, напряженія, досады, оскорбленнаго самолюбія. Точекъ соприкосновенія у насъ гораздо больше, чѣмъ у прочихъ, точекъ соприкосновенія въ мѣстахъ самыхъ щекотливыхъ, самыхъ чувствительныхъ, въ родѣ noli me tangere, покрытыхъ у другихъ непроницаемой замшевой кожею. Мы имѣемъ слѣдовательно право на братское снисхожденіе къ нашимъ слабостямъ. «Ну да вы вычтите», сказалъ бы я противникамъ нашего любезнаго гостя, вычтите все обсуждаемое вами въ его дѣйствіяхъ изъ той суммы его добра, въ которой всѣ мы согласны и которую сами вы признать должны,—и я увѣренъ, что въ остаткѣ окажется значительная цифра, которой можно пожелать всякому изъ насъ для себя, хотя бъ даже и не столько, а полстолько или четверть столько. Вотъ за эту почтенную цифру предложилъ бы я выпить еще разъ въ честь Ѳедора Ивановича Иноземцова, полезнаго профессора, искуснаго врача, благонамѣреннаго гражданина, добраго человѣка. Живи!» Ничего этого я не могъ сказать тебѣ. Прими же хоть на письмѣ выраженіе искреннихъ моихъ чувствованій.

Сентября 7. (1859).

Михаилъ Погодинъ.

P. S. Нынѣ услышалъ я, что въ одной изъ рѣчей, къ тебѣ обращенныхъ, было сказано, что ученая медицина въ Московскомъ университетѣ началась только въ послѣднее время. Если это правда, то мнѣ жаль, что я не слыхалъ такого утвержденія: я напомнилъ бы имена Рихтера, Мудрова, Лодера, Дядьковскаго, Гильдебранта, Ризенко*), которыхъ нельзя обвинить въ отсталости отъ состоянія наукъ въ Европѣ. Довольно, если кому нибудь изъ ихъ преемниковъ посчастливится, подобно тебѣ, продолжать достойно начатое дѣло, а для начинанія мы пришли уже поздно. Suum cuique—это святое правило сохранять намъ должно преимущественно, и я очень былъ радъ узнать, что ты самъ въ этомъ исправилъ невѣрное воззрѣніе.

(„Русская Газета“ 1859, № 97).

*) Это были люди несомнѣнно-умные, мыслящіе, хорошіе практики, даже философы; но что касается до современнаго научнаго уровня, то, какъ преподаватели, они стояли ниже его. Они или оставались въ области тѣхъ философскихъ мечтаній, которыя въ Европѣ уже отошли въ область забвенія, или слѣдовали старой рутинѣ, чуждой прогрессу науки. Въ доказательство привожу одинъ примѣръ. На экзаменѣ изъ физіологіи попадался такой вопросъ: чѣмъ оплодотворяется жизненное начало? Студентъ долженъ былъ отвѣчать: жизненнымъ духомъ, ваше превосходительство, и получалъ отличную отмѣтку. Преподаваніе многихъ другихъ и отношеніе ихъ къ слушателямъ носило, съ современной точки зрѣнія, характеръ баснословный. *Одинъ изъ слушателей Ѳ. И. Иноземцова.*

СТАРОЕ О Г-НѢ ЩЕГЛОВѢ.

(И. Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб., 1902. м. 8-ка, 219 стр.).

1.

Лѣтомъ 1900 года г. Щегловъ сдѣлалъ „нескромную догадку", что Пушкинъ списалъ образъ своего Сальери съ Баратынскаго. Догадался онъ объ этомъ на томъ основаніи, что Баратынскій въ письмахъ къ Кирѣевскому дозволялъ себѣ неблагосклонные отзывы о стихахъ Пушкина (о его сказкахъ, о „Евгеніи Онѣгинѣ)", тогда какъ въ письмахъ къ самому Пушкину прославлялъ его поэзію. Слѣдовательно, вывелъ г. Щегловъ, Баратынскій завидовалъ Пушкину, а тотъ не могъ этого не замѣтить *). На страницахъ „Русскаго Архива" я тогда же указалъ г. Щеглову, что восторженные и болѣе холодные отзывы Баратынскаго о Пушкинѣ раздѣлены годами, и что слѣдовательно лицемѣрія въ нихъ нѣтъ. Судя строго, наприм., о „Евгеніи Онѣгинѣ" Баратынскій оговаривался: „въ разныя времена я думалъ о немъ разное". Отзывы Баратынскаго были критикой, а критиковать не значитъ завидовать. При этомъ я привелъ нѣсколько подобныхъ же неодобрительныхъ отзывовъ о стихахъ Пушкина отъ такихъ лицъ, какъ молодой Языковъ, Раевскій, Бестужевъ, Станкевичъ, позднѣе Хомяковъ, и спрашивалъ: неужели это все кандидаты въ Сальери? На этомъ споръ и долженъ былъ бы покончиться,

Г. Щегловъ, однако, въ новой статьѣ пытается какъ-нибудь обосновать свое мнѣніе. Онъ нашелъ ему два доказательства: первое, будто послѣ появленія „Моцарта и Сальери" Баратынскій разошелся съ Пушкинымъ, хотя этотъ и позолотилъ пилюлю, предпославъ ей свою хвалебную статью о Баратынскомъ. Второе, что Баратынскій не написалъ стиховъ на смерть Пушкина... Такія доказательства, конечно, можетъ выставлять лишь тотъ, кто хочетъ защищать свои слова во что бы ни стало; это, такъ сказать, бутафорскія доказательства, и отъ нихъ не остается ничего при самомъ бѣгломъ ихъ разборѣ. Прежде всего, хвалебная статья Пушкина не была предпослана „Моцарту и Сальери", потому что появилась въ печати по смерти Пушкина. Далѣе, Баратынскій вовсе не расходился съ Пушкинымъ послѣ

---

*) Какъ будто Пушкинъ могъ читать частныя письма Баратынскаго къ Кирѣевскому! Кирѣевскій же былъ не такой человѣкъ, чтобы сообщать ихъ содержаніе Пушкину. П. Б.

1832 года, какъ это видно изъ писемъ Пушкина. Думая о „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1832 года Пушкинъ писалъ: „Я дамъ въ нихъ Моцарта.... Пиши Баратынскому: онъ пришлетъ намъ сокровища“. Стиховъ на смерть Пушкина Баратынскій дѣйствительно не писалъ (какъ и многіе другіе друзья Пушкина), но выразилъ свои впечатлѣнія въ письмѣ, *котораго г. Щегловъ не знаетъ.*

У г. Щеглова, впрочемъ, были въ запасѣ еще два довода; но лучше бы для него, чтобъ ихъ не было. Онъ указывалъ, что при жизни Пушкина Баратынскій держался вдали отъ свѣта *), а послѣ его смерти сталъ усиленно посѣщать свѣтскіе и литературные кружки, и что Баратынскій виноватъ въ смерти Пушкина (для окончательнаго сходства съ Сальери!), не предложивъ ему въ 1837 году денегъ, нужныхъ тому для расплаты съ долгами и отъѣзда въ деревню. Признаемся, надо было много изворотливости, чтобы истолковать въ свою пользу то простое обстоятельство, что Баратынскій послѣ свадьбы жилъ въ деревнѣ и Казани, и что въ Петербургъ, на продолжительное время, онъ пріѣзжалъ оттуда лишь одинъ разъ, въ 1839 году, дѣйствительно уже послѣ смерти Пушкина. Что до втораго уголовнаго обвиненія, то оно не столько хитро, сколько наивно: Баратынскій не былъ такъ богатъ, чтобы меценатствовать Пушкину. Тотъ конечно и не согласился бы на это, да и причины гибели Пушкина лежатъ гораздо глубже, чѣмъ въ недостаткѣ денегъ.

Весь этотъ старый споръ не стоило бы извлекать вновь на Божій свѣтъ, еслибы г. Щегловъ не издалъ недавно книжки подъ притязательнымъ заглавіемъ „Новое о Пушкинѣ“, гдѣ имъ собраны всѣ его „неосторожныя догадки“, подкрѣпленныя другими такими же. Новаго, въ любомъ смыслѣ, тамъ очень мало; наоборотъ, замѣтно даже, что авторъ не узналъ ничего новаго ни о Пушкинѣ, ни о Баратынскомъ за тѣ полтора года, которые прошли со дня его первой догадки. Или онъ полагаетъ, что ему уже не осталось ничего узнавать? Но еслибы онъ дѣйствительно интересовался Баратынскимъ и Пушкинымъ, а не былъ только фельетонистомъ, котораго „Пушкинскій праздникъ, озарившій Майскіе дни 1899 года выбилъ изъ обычной беллетристической колеи“ (какъ онъ сообщаетъ въ предисловіи), онъ не могъ бы, рано или поздно, не узнать, что нашлось письмо Баратынскаго о смерти Пушкина, рѣшающее всѣ сомнѣнія о ихъ отношеніяхъ. Письму этому Баратынскій столь мало старался придать общеизвѣстность, что оно обнародовано больше чѣмъ спустя шестьдесятъ лѣтъ по его написаніи. Письмо напечатано въ 3-ей книгѣ сборника „Старина и Новизна“. Оно обращено къ князю П. А. Вяземскому. Вотъ что писалъ Баратынскій:

*) И это несправедливо: Баратынскій не чуждался общества, живя въ Москвѣ, въ домѣ своемъ на Спиридоновкѣ (нынѣ Бойцова, насупротивъ извѣстнаго дома И. И. Дмитріева, на мѣстѣ котораго воздвиглись палаты г-жи Морозовой). Но, конечно, Баратынскій не былъ человѣкомъ свѣтскимъ.—Прибавимъ еще, что сестра Пушкина была другомъ супруги Баратынскаго. П. Б.

„Пишу вамъ подъ громовымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во мнѣ, и не во мнѣ одномъ, ужасною вѣстью о погибели Пушкина. Какъ Русскій, какъ товарищъ, какъ семьянинъ, скорблю и негодую; мы лишились таланта первостепеннаго, можетъ быть еще не достигшаго своего полнаго развитія, который совершилъ бы непредвидѣнное, еслибы разрѣшились сѣти, разставленныя ему обстоятельствами, еслибы въ послѣдней, отчаянной его схваткѣ съ ними судьба преклонила вѣсы свои въ его пользу. Не могу выразить, что̀ я чувствую; знаю только, что я потрясенъ глубоко и со слезами, съ ропотомъ, недоумѣніемъ безпрестанно себя спрашиваю: зачѣмъ это такъ, а не иначе? Естественно ли, что великій человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, погибъ на поединкѣ, какъ неосторожный мальчикъ? Сколько тутъ вины его собственной, чужой, несчастнаго предопредѣленія? Въ какой внезапной неблагосклонности къ возникающему голосу Россіи Провидѣніе отвело око Свое отъ поэта, составлявшаго ея славу и еще бывшаго (что̀ бы ни говорили злоба и зависть) ея великою надеждою? Я навѣстилъ отца въ ту самую минуту, какъ его увѣдомили о страшномъ происшествіи. Онъ, какъ безумный, долго не хотѣлъ вѣрить. Наконецъ на общія, весьма неубѣдительныя увѣщанія, сказалъ: „Мнѣ остается одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтобы я его не забылъ“. Это было произнесено съ раздирающею ласковостью. Есть люди въ Москвѣ, узнавшіе объ общественномъ бѣдствіи съ отвратительнымъ равнодушіемъ, но участвующее пораженное большинство скоро принудитъ ихъ къ пристойному лицемѣрію. Е. Баратынскій. Февраля 5. 1837“.

Въ этомъ письмѣ полный отвѣтъ на клевету г. Щеглова: словно бы Баратынскій ее предвидѣлъ. Онъ поминаетъ о голосѣ злобы и *зависти*, унижавшемъ значеніе Пушкина, и говоритъ о людяхъ, которые будутъ принуждены лишь *лицемѣрно* выражать скорбь по поводу этого *общественнаго бѣдствія*. И послѣ этихъ словъ можно ли спрашивать, какъ то дѣлаетъ г. Щегловъ: „Что же Баратынскій? Какъ принялъ онъ извѣстіе о трагической кончинѣ своего литературнаго благодѣтеля?.. Скажите, такъ ли откликаются люди сердца на смерть близкаго имъ человѣка?“

2.

Объяснимся вполнѣ.

Г. Щегловъ въ своей книгѣ торжествуетъ побѣду. По его словамъ мой отвѣтъ на его вторую статью былъ „примирительнаго“ характера; я будто бы уступилъ его доводамъ, въ концѣ концовъ согласившись отнести Баратынскаго, какъ художественное дарованіе, къ типу Сальери. „Что̀ между прочимъ и требовалось доказать“, восклицаетъ тріумфаторъ-Щегловъ. Полно? Такъ ли? Это ли требовалось доказать?

Мысли у г. Щеглова отличаются фельетонной шаткостью. Онъ самъ въ точности не знаетъ, что̀ онъ хочетъ доказать: то, что Баратынскій дѣйствительно походилъ на Сальери? И чѣмъ? Дарованіемъ или завистничествомъ? Или то, что Пушкинъ могъ имѣть въ виду Баратынскаго, создавая

свой типъ Сальери? Г. Щегловъ не замѣчаетъ коренной разницы между этими мнѣніями и защищаетъ то одно, то другое, то третье. Я и въ первой статьѣ отстаивалъ только, что въ Баратынскомъ не было и не могло быть зависти къ Пушкину. Вотъ что́ требовалось доказать г. Щеглову, вотъ чего онъ не доказалъ, ни въ статейкахъ, ни въ книжкѣ, и чего онъ не докажетъ никогда.

Что же до того, походилъ ли Баратынскій на Сальери (Пушкинскаго) *по складу дарованій*, это вопросъ другой. Еще въ первой статьѣ я соглашался, что это единственная черта, „по которой можно хоть сколько-нибудь сближать Баратынскаго съ Сальери". Разсудочность—вотъ основное отличіе творчества у того и другого. Баратынскій, какъ Сальери въ драмѣ, повѣрялъ алгеброй гармонію. Баратынскому, какъ Сальери, не доставало генія, при полномъ пониманіи, въ чемъ состоитъ геніальность. Ибо геній есть нѣчто отдѣльное, что́ можетъ осѣнить голову и „гуляки празднаго", и такого мудреца, какимъ былъ Гёте. „Я не геній" — это слова самаго Баратынскаго. „Мнѣ предоставь, говорилъ онъ далѣе, „умомъ оспаривать сердечныя мечты". Это такъ; но какъ же отъ сходства въ разсудочности дарованія перейти къ сходству въ чувствѣ зависти, доходящей до убійства? Здѣсь бездна, которую г. Щегловъ, конечно, за заполнилъ своими летучими разсужденіями.

Имѣлъ ли Пушкинъ въ виду Баратынскаго, когда создавалъ образъ Сальери? Богъ вѣсть. Но если г. Щегловъ самъ обрѣтается въ „беллетристической колеѣ", то подобаетъ ему имѣть какое-нибудь понятіе о психологіи творчества. „Плодъ яблони со древа упадаетъ—законъ небесъ постигнулъ человѣкъ". Шелъ осенній скучный дождь, а Тютчевъ написалъ свое „Слезы людскія, о слезы людскія". Мимолетное, случайное—можетъ навести мечты поэта на тысячи образовъ, и эту дѣятельность творчества прекрасно выразилъ Пушкинъ, говоря о той, „съ которой *образованъ* Татьяны милый идеалъ". Я готовъ вѣрить, что Шекспиръ находилъ вокругъ себя образы для своихъ созданій, и все же ему не приходилось встрѣчаться ни съ Генрихомъ III, ни съ Отелло, ни съ Макбетомъ. Можетъ быть, иныя черты Сальери и взяты Пушкинымъ, безсознательно конечно, съ Баратынскаго; но для него это ни въ какомъ случаѣ не упрекъ и не обвиненіе.

3.

Остается еще одинъ вопросъ, еще одна догадка г. Щеглова, которую онъ особенно рѣзко выставилъ въ „примѣчаніяхъ" къ своей книгѣ (стр. 216). По мнѣнію г. Щеглова элегическое настроеніе стиховъ Баратынскаго въ значительной мѣрѣ было притворствомъ, „позёрствомъ". Въ чудесномъ портретѣ Баратынскаго, работы Брюлова, геніально схвачена, по словамъ г. Щеглова, „натянутость меланхолической позы вполнѣ сытаго человѣка и счастливѣйшаго семьянина, типическое позёрство весьма сродное меланхоліи Лермонтовскаго Грушницкаго". Г. Щегловъ смакуетъ одну эпиграмму на Баратынскаго, гдѣ поминается, что „онъ въ людяхъ ѣстъ и пьетъ за трехъ".

Согласно съ этимъ, выраженія Баратынскаго, какъ „таинство печали“ его души и „дикій адъ“ его жизни, г. Щегловъ объясняетъ страданіями обманутаго тщеславія и глубоко скрытаго эгоизма.

Все это обличаетъ въ г. Щегловѣ невдумчиваго и поверхностнаго читателя стиховъ Баратынскаго.

Пессимистическій взглядъ на міръ ни въ какомъ случаѣ не есть слѣдствіе только житейскихъ неудачъ. Это было бы слишкомъ мелко: можно быть бѣднякомъ и несчастнѣйшимъ человѣкомъ по обычному мнѣнію, а славить красоту и прелесть жизни. Можно, какъ Будда, уйти съ царскаго трона, чтобы проповѣдывать тщету всѣхъ земныхъ утѣхъ. Конечно, это азбука; но г. Щеглову надо ее уяснять. Когда Лермонтовскій пессимизмъ объяснили условіями его времени, г. Андреевскій вполнѣ вѣрно, замѣтилъ, что это фальшивое объясненіе „Точно послѣ Николаевской эпохи, говорилъ онъ, въ періодъ реформъ, открылась возможность “вѣчно любить“, или „сладкій недугъ страстей“ не сталъ исчезать „при словѣ разсудка“ Тоже и у Баратынскаго.

Грусть въ душѣ Баратынскаго была заложена глубоко, глубже чѣмъ всѣ мимолетныя его чувства. Ему не было надобности, какъ того требуетъ г. Щегловъ, ѣсть и пить поменьше, чтобы выразить свое уныніе. Никакое внѣшнее благополучіе не могло устранить вѣчныхъ, космическихъ причинъ его пессимизма. И наоборотъ, этотъ пессимизмъ не мѣшалъ ему, насколько онъ умѣлъ, наслаждаться внѣшними радостями жизни, какъ не мѣшалъ онъ и царю пессимизма—Шопенгауэру.

Съ первыхъ лѣтъ творческой дѣятельности Баратынскаго онъ писалъ и веселыя эпикурейскія стихотворенія, и тягостныя элегіи. Плетневъ въ 1822 г. прочилъ ему „свѣжихъ два вѣнка — Анакреона и Петрарки“, а немного спустя Пушкинъ назвалъ его Гамлетомъ. Эти два настроенія смѣнялись попеременно въ его душѣ до конца жизни, и еще въ 1840 году, послѣ самыхъ пессимистическихъ своихъ созданій, напечаталъ онъ стихи:

Мою звѣзду я знаю, знаю,
И мой бокалъ
Я наливаю, наливаю,
Какъ наливалъ.
Гоненьямъ рока, злобѣ свѣта
Смѣюся я:
Живетъ не здѣсь, въ звѣздахъ Моэта
Душа моя.
Когда жъ коснутся устъ прелестныхъ
Уста мои,
Не нужно мнѣ ни звѣздъ небесныхъ,
Ни звѣздъ Аи!

„Дикій адъ“ и „таинство печали“ заключались не въ отсутствіи внѣшнихъ житейскихъ удобствъ, а въ мучительности того міросозерцанія, къ которому приходилъ Баратынскій. Съ дѣтства онъ вчитался во Французскихъ филосо-

фовъ XVIII в., съ дѣтства усвоилъ духъ положительнаго знанія. Въ молодости Баратынскій склоненъ былъ къ пантеистическимъ воззрѣніямъ, даже съ матеріалистической окраской. Долгіе годы онъ почиталъ при этомъ выводы науки полной и окончательной истиной. Но его душа не могла удовлетвориться мыслью о исчезновеніи въ природѣ, о возвращеніи духа въ его давнюю отчизну, въ стихійное смятенье. Его умъ покорно уступалъ передъ доводами ему современной науки, которая не видѣла ничего за предѣлами вещества, но вся его душа возмущалась противъ этого. „Оспаривая умомъ сердечныя мечты“, Баратынскій не допускалъ въ своей поэзіи ничего сверхестественнаго, ни ангеловъ, ни демоновъ, пытался даже славить покорность желѣзному закону всемірной причинности. (Къ чему невольнику мечтанія свободы?). Но для этого онъ долженъ былъ подавлять въ себѣ самые завѣтные свои порывы. Это неизбѣжное притоворѣніе между умопостигаемымъ міромъ и жаждой безконечнаго создавало изъ жизни Баратынскаго „дикій адъ“.

Юношеская исторія, искупленная Финляндской ссылкой, могла казаться самому поэту причиною его мучительныхъ настроеній, но на дѣлѣ эта причина была въ немъ. И „таинство печали“ надо искать въ его разсудочныхъ стихахъ, а не въ мимолетныхъ прославленіяхъ вина или въ столь же мимолетныхъ жалобахъ на судьбу. Внутреннія противорѣчія въ своемъ міросозерцаніи замѣчаетъ, вѣроятно, каждый человѣкъ, но большинство закрываетъ на нихъ глаза. Баратынскій не хотѣлъ лгать самому себя. Онъ предпочелъ страдать, чѣмъ не принять до конца того, что ему казалось истиной. Конечно, самому г. Щеглову такія страданія совершенно недоступны; онъ не можетъ и представить себѣ, чтобы жажда цѣльности во взглядахъ на міръ была дѣйствительно жизненной потребностью. Вотъ почему онъ не понялъ Баратынскаго и грубо попрекаетъ его, что онъ владѣлъ Мурановымъ, ѣлъ и пилъ на обѣдахъ.

Я уже имѣлъ случай указывать, въ какомъ направленіи долженъ былъ разрѣшить для себя Баратынскій это внутреннее противорѣчіе. Баратынскій постепенно разочаровался въ своемъ юношескомъ кумирѣ—въ наукѣ, въ силѣ мысли. Памятникомъ этого разочарованія остались его Сумерки. Но за этимъ сверженіемъ кумира слѣдовало обрѣтеніе Бога, и эта пора жизни, это свое „послѣднее озареніе“ онъ не успѣлъ досказать намъ. Впрочемъ, отдѣльныя строфы въ „Осени“ и такіе стихи, какъ „Онъ и Она“, „Ахиллъ“ (1841 г.) и „Молитва“ (1843), для меня не оставляютъ сомнѣній: Баратынскій былъ близокъ къ тому, чтобы найти успокоеніе своимъ мучительнымъ сомнѣніямъ въ предвѣчномъ источникѣ всякаго цѣленія—въ вѣрѣ.

Валерій Брюсовъ.

СТИХИ ПРО ЧИНОВНИЧЕСТВО.

Стихи эти сообщены въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ достопочтеннымъ дѣятелемъ акцизнаго вѣдомства Александромъ Денисовичемъ Назыровымъ. Въ письмѣ отъ 3 Іюня 1894 г., онъ писалъ:

„Волнующій теперь чиновный міръ „Сводъ правилъ о ношеніи форменной одежды чинами гражданскаго вѣдомства“ живо напомнилъ мнѣ стихотвореніе, незнаю кѣмъ-то написанное въ царствованіе императора Николая I, которое и сообщаю вамъ, какъ памятникъ юмора нашихъ стариковъ“.

Вѣдь чиновники тоже, что воинство
Для отчизны въ гражданскомъ быту.
Посягать на ихъ честь и достоинство
Позволительно только врагу.

Вѣдь у нихъ все занятья важнѣйшія,
И чины, и финансы, и трудъ,
Да и служать все люди умнѣйшіе
И себя благородно ведутъ.

Вѣдь безъ нихъ бы невинные плакали,
Наслаждался бъ свободой злодѣй;
Вѣдь, подъ часъ, отъ единой каракули
Участь сотенъ зависитъ людей.

Вѣдь чиновникъ плохой—безъ амбиціи;
Нашъ чиновникъ не шутъ, не паяцъ
И не слѣдъ его безъ аммуниціи
Выпускать на какой-нибудь плацъ.

У кого же есть страсть иль желаніе
Не служить, а плясать качучу —
Есть на то и особыя званія
Я удерживать васъ не хочу.

МЕДАЛЬ НА ОБЪЯВЛЕНІЕ ВОЙНЫ ТУРКАМЪ.

(1828).

Медаль, о которой упоминается въ письмахъ А. А. Булгакова къ брату отъ 6 и 7 Іюня 1828 г. („Русскій Архивъ", 1901, выпускъ XI-й, 161) была выбита по случаю объявленія войны Туркамъ. Медаль эта (съ Русскою и Латинскою легендами) работы Губе подъ руководствомъ Лооса („Loos direxit", „Лоосъ сочинилъ") описана въ изданіи Археографической Комиссіи „Собраніе Русскихъ медалей" СПб. 1840. № 357, табл. XLIV.

Лицевая сторона: Николай I, императоръ Всероссійскій. Грудное изображеніе императора Николая, обращенное вправо, съ открытой шеей.

Оборотная сторона: Препояши мечъ твой по бедрѣ твоей, сильне. (На экземплярѣ съ Латинскою легендою значится: accinge femori gladium tuum, heros. Ps. 45. 4). Вѣра, въ образѣ женщины, вручаетъ стоящему передъ ней войну крестъ и мечъ; между ними на землѣ шлемъ. Въ обрѣзѣ: объяв. войн. 14 Апр. 1828. (Bell. turc. indict. XIV. apr. MDCCCXXVIII).

Андрей Игнатьевичъ Губе (Heinrich Gube) состоялъ старшимъ медальеромъ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ († 1848).

Лоосъ, Gottfried Bernhard Loos, (р. 1774 † 1843) былъ съ 1806 г. мюнцмейстеромъ въ Берлинѣ и въ 1812 г. основалъ тамъ медальное заведеніе (Medaillenmünzanstalt), выпустившее въ свѣтъ много прекрасныхъ коммеморативныхъ медалей.

Дѣйствительный членъ С.-Петербургскаго Археологическаго Института

А. А. Сиверсъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1901 годъ.

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
КЪ „РУССКОМУ АРХИВУ"
1901 ГОДА *).

---

*) „Русскій Архивъ" печатается въ 12 выпускахъ и состоитъ изъ трехъ книгъ, каждая съ особымъ счетомъ страницъ. Римская цифра Указателя означаетъ книгу, Арабская—страницу.

*

*

*

*

*

Въ 1902 году въ „Русскомъ Архивѣ“ будутъ печататься письма А. Я. Булгакова къ его брату и за ними отвѣтныя письма Константина Яковлевича, записки И. М. Снегирева, М. С. Сабининой, В. М. Шимана, академика Бернулли, бумаги Ѳ. В. Растопчина, князя В. А. Долгорукаго и др.

*

35.

1787 г. Августа 24. Сдѣлай милость, еще перепиши, и кой часъ перепишешь, пришли ко мнѣ.

36.

1787 г. 27 Августа. На сіи деньги, употребленныя по моему приказанію, заготовьте квитанцію генералу майору Дмитріеву-Мамонову.

37.

1787 г. 19 Сентября. Выправься, пожалуй. Сенатомъ сняты ли генералъ-губернаторскія и губернаторскія прещенія о невывозѣ хлѣба изъ губерній, и когда посланы указы; а буде не посланы, то напомните о семъ Колокольцову отъ меня [1]).

38.

Le 28 Octobre 1787. Le second tome de la Flora Rossica faites moi avoir en belle et bonne relieure de maroquin rouge [2]).

39.

1787 г. 21 Ноября. Освѣдомьтесь, много ли пудъ золота отложено на сервисъ золотой. Спросите о семъ у Степана Ѳедоровича [3]) и у оберъ-маршала, и чтò скажутъ, скажите мнѣ; такъ же, гдѣ то золото?

40.

1787 г. 27 Декабря № 80. Симбирскаго и Уфимскаго—объ отдачѣ Меленскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ на аренду купцу Устинову.

41.

1788 г. 6 Генваря. Въ 4-мъ дѣйствіи есть малое прибавленіе, которое я бъ желала, чтобъ актеры выучили, какъ скорѣе, такъ и лучше [4]).

42.

1788 г. 15 Генваря. Въ Эрмитажѣ находятся фонари, кои выписаны для ложи Рафаелевой, но не поставлены, а отданы спрятать, о чемъ можете навѣдаться у тамошнихъ камердинеровъ; изъ нихъ возьмите шесть такихъ, кои не выбраны изъ укладки, и отдайте ихъ совсѣмъ увязанные, такъ чтобы ихъ везти можно было, генералу-майору Дмитріеву-Мамонову, а *Кваренгію* прикажите на мѣсто тѣхъ выписать другіе такіе же.

43.

1788 г. 20 Генваря. По слѣдующимъ реестрамъ прикажите, чтобъ росписки... *(неокон.)*, и Вейтбрехтъ прислалъ ко мнѣ, чтò скорѣе, то лучше, требуемыя мною книги.

---

[1]) Ѳедоръ Михайловичъ Колокольцовъ (впослѣдствіи баронъ) отецъ Е. Ѳ. Муравьевой, былъ тогда оберъ-прокуроромъ Сената.

[2]) Т. е. Достаньте мнѣ вторую часть Россійской Флоры въ хорошемъ и красивомъ переплетѣ, въ красной кожѣ.

[3]) Стрекалова.

[4]) Эта записка относится къ комедіи „Разстроенная семья“, которую тогда писала Екатерина.

44.

1788 г. 29 Генваря. Достань, пожалуй, золотую медаль на рожденіе Александра Павловича. Онъ меня просилъ: у него нѣту.

45.

1788 г. 1 Февраля. Къ кн. Потемкину писать, чтобъ доктору Майеру далъ дозволеніе пріѣхать сюда.

Un bonnet fourré de zabel [1]), чай Китайскій и кофе Мекксксій, все сіе съ моимъ письмомъ отправьте къ Циммерману.

46.

1788 г. 7 Февраля. Александръ Васильевичъ, скажите батюшкѣ-духовнику, что Александръ Матвѣевичъ [2]) у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, который онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощами, чтобъ онъ отобралъ нѣсколько частицъ для того.

47.

1788 г. 29 Февраля. Stierneld [3]) пишетъ къ Александру Матвѣевичу, что къ нему изъ дворца кто-то приходилъ, когда онъ не былъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ сего вечера былъ въ Эрмитажѣ, прося знать дать, когда ему пріѣхать. Я думаю, что галиматью подобную составляютъ отъ ослышки слугъ, и для того васъ о семъ извѣщаю, чтобъ вы отнюдь не сего дня и не въ такой часъ, когда я дома, но во время бытности моей у обѣдни водили его посмотрѣть днемъ Эрмитажъ и антресоли, какъ я вамъ сего утра приказывала при графѣ Брюсѣ.

48.

1788 г. 5 Марта. Приказать конторѣ надъ строеніемъ приготовить покои, кои позади покоевъ великой княжны Маріи Павловны, чтобъ въ оныхъ въ Августѣ или въ концѣ Іюля можно было жить.

49.

1788 г. 7 Марта. Александръ Васильевичъ, прошу навѣдаться, нѣтъ ли на городовой верфи готовыхъ двѣ или три лодки такія, какъ въ Царскомъ Селѣ на прудѣ, и что онѣ стоятъ. А буде нѣтъ, то пошлите взять изъ Царскосельскихъ, хорошихъ, крѣпкихъ и хорошо выконопаченныхъ, и пошлите ихъ прямо къ Москвѣ, къ Карачинскому [4]); а сему отъ меня писано будетъ, что съ ними дѣлать.

50.

1788 г. 22 Марта. Написать въ отвѣтъ, что правило всякаго суда есть: въ чемъ застану, въ томъ и сужу. Ни майорскій патентъ, ни дипломъ на

---

[1]) Шапка собольяго мѣху.

[2]) Мамоновъ. Мать его, Анна Ивановна (ур. Бобарыкина), жила въ Москвѣ.

[3]) Шведъ-путешественникъ.

[4]) Карачинскій завѣдывалъ подмосковными дворцовыми селами.

неизвѣстный здѣсь орденъ..... не можетъ тутъ служить къ остановленію теченія правосудія, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ уже подозрѣнія являются во лживыхъ поступкахъ, какъ-то: фальшивый пашпортъ, двойное названіе и тому подобное. И для того, не смотря на предъявленный абшидъ и дипломъ, дать теченіе суду.

51.

1788 г. 30 Апрѣля. Александръ Васильевичъ, вы найдете въ двухъ ящикахъ моего стола, на креслахъ и около меня всѣ тѣ запечатанные пакеты, письма и книги, кои вы ко мнѣ привезти имѣете въ Царское Село.

52.

1788 г. 9 Мая. Я въ городѣ еще выбрала двухъ кандидатовъ на вице-губернаторскія мѣста, но донынѣ объ нихъ ничего не слышу.

53.

1788 г. 11 Мая. Чтобъ сенатскіе доклады отъ 1767 по 1786 г. были присланы отъ графа Безбородко къ Александру Васильевичу Храповицкому.

54.

1788 г. 31 Мая. Писать къ Черткову, чтобъ прислалъ ко мнѣ реестръ, кому розданы въ Саратовской губерніи земли, отъ кого и по какому указу въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

55.

1788 г. 1 Іюня. Кавалергардскіе капралы: Исаевъ, Леманъ, Ласунскій. Объ нихъ доложить.

56.

1788 г. Іюня 1. Написать къ Пассеку, чтобъ прислалъ реестръ по именамъ, какихъ лѣтъ и какой націи ученики у Іезуитовъ въ Полоцкой и другихъ сего ордена школахъ, и новиціяты учатся какъ давно и съ какимъ успѣхомъ?

57.

1788 г. 2 Іюня. Карту Балтики съ обѣими берегами и Финляндіи прошу положить ко мнѣ въ горницу [1]).

58.

1788 le 3 Juin. Dites au c-te Czernichew, que je le prie de remercier la comtesse de Wynne-Rosemberg de sa lettre, de ses sentimens pour moi et de son livre: Les Morlaques. Si je puis trouver du temps, je tâcherai de le lire. Présentement je suis trop occupée [2]).

---

[1]) Тогда начиналась война съ Швеціею.

[2]) Т. е. Скажите графу Чернышову, что я прошу его поблагодарить графиню Випне-Розембергъ за ея письмо, за ея чувства ко мнѣ и за ея книгу о Морлакахъ. Если найду время, постараюсь прочитать ее. Теперь я слишкомъ занята.

59.

24 Juin 1788. Une medaille d'or pour m-r Meister; les silhouettes d'Alexandre et de Constantin [1]).

60.

1788 г. Іюня 25. Переводить по-нѣмецки реляцію. Дворцовые штаты въ досужіе часы.

61.

1788 г. Іюня 28. Вице-губернатору заготовьте письмо, чтобъ изъ водяной коммуникаціи, сколько можетъ, доставилъ людей способныхъ въ гвардію.

62.

1788 г. Іюня 28. Реляція для чтенія въ церкви при молебнѣ въ Пятницу.—Объявленіе войны, манифестъ—поспѣетъ ли къ Воскресенью?

63.

1788 г. Іюня 29. Изъ приписанныхъ къ Софѣйску есть ли охотники въ солдаты, пока продолжится Шведская война? Кой часъ будетъ миръ, велю отпустить изъ службы.

Скажите городничему: рослыхъ велю брать въ гвардію. Ему же Токареву: что (чѣмъ) болѣе поставитъ, или уговоритъ, то почту за большую услугу [2]).

64.

1788 г. Іюля 1. Пошли, пожалуй, къ вице-канцлеру сказать, что когда сумасшедшая Шведская, Шлифомъ подписанная, нота ему не нужна уже будетъ, чтобъ онъ ее на часъ ко мнѣ прислалъ [3]).

65.

1788 г. Іюля 1. Заготовьте указъ, чтобъ корабль Побѣдоносецъ, который Грейгъ возвратилъ съ больными, и еще другой, вооружили и послали Грейгу въ подкрѣпленіе.

66.

1788 г. Іюля 1. Когда можно будетъ, начавъ со всѣхъ Финляндскихъ крѣпостей, оныя приводить въ самое лучшее состояніе, какъ-то: 1) Фридригсгамъ. 2) Вилманстрандъ. 3) Давидъ-городъ. 4) Выборгъ. 5) Нейшлотъ. 6) Кексгольмъ. 7) Шлиссельбургъ. 8) Кронштадтъ. 9) Санктпетербургскую.

Вездѣ подѣлать чугунные палисадники, платформы, лафеты запасные, пороху, ядеръ тройной комплектъ. Дополнить гарнизоны комплектъ. Провіантъ на годъ.

---

[1]) Т. е. 28 Іюня 1788. Золотую медаль г. Мейстеру, силуеты Александра и Константина.

[2]) Объ этихъ наборахъ, производимыхъ Петербургскимъ полицмейстеромъ Рылѣевымъ и Царскосельскимъ городничимъ Токаревымъ, см. отзывъ гр. Безбородки въ письмѣ къ В. С. Попову, въ Р. Арх. 1872, стр. 947.

[3]) Секретарь Шведскаго посольства Шлафъ подалъ ноту, быть или не быть войнѣ, и ставилъ неумѣренныя условія мира.

67.

1788 г. Іюля 2. Копію списать съ сумасшедшей Шведской ноты.

68.

1788 г. Іюля 3. Прикажите сумасшедшую ноту по-русски перевести. Да спросите у оберъ-полицмейстера, сколько съ каждой городовой части подписано дать рекрутъ вчерась и сегодня, и чтобъ попроворнѣй поторопили сіе дѣло.

69.

1788 г. Іюля 3. Одинъ экземпляръ манифеста о войнѣ, одинъ экземпляръ сумасшедшей ноты,—оба для кн. Потемкина. Хочу приложить къ моему сегодняшнему письму.

70.

1788 Іюля 11. Съ сей реляціи копію спишите и (напишите) письмо къ адмиралу Грейгу съ тѣмъ, что я ему сообщаю вѣсти Черноморскія, и что еще четвертое было, сраженіе, и что курьеръ съ симъ ѣдетъ и везетъ трофеи, а что было не знаю. А происходило оно въ виду стана генералъ-фельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго подъ Очаковомъ, гдѣ пятый день какъ траншеи уже открыты. Также напишите, что Пушкинъ и Михельсонъ начали Шведовъ щелкать въ Финляндіи, и что надѣюсь, что Богъ насъ повсюду не оставитъ.

71.

1788 г. Іюля 11. Александръ Васильевичъ, изъ Медицинской Коллегіи прикажите къ Кельхену отпустить двухъ лекарей, воспитанниковъ моего училища: Древиса и Шмидта; а ему отъ меня приказано устроить въ Ораніенбаумѣ госпиталь для раненыхъ.

72.

1788 г. 13 Іюля. Золотое блюдо съ надписью: Командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, яко строителю военныхъ судовъ.

На блюдо положить богато украшенную шпагу съ лаврами и надписью: командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, успѣхами увѣнчанному.

73.

1788 г. Іюля 18. Письмо графа Пушкина о Пардококскомъ дѣлѣ, въ коемъ имена офицеровъ отличившихся, принесите завтра поутру ко мнѣ.

74.

1788 г. Августа 4. По вложенной *запискѣ* увидите, что въ Преображенской полкъ нужно отпустить на Сентябрьскую треть мелкими ассигнаціями и мѣдными деньгами. Теперь прошу потребовать и отъ прочихъ трехъ гвардейскихъ полковъ, чего имѣютъ, либо не имѣютъ, дабы приказанія заготовить вамъ можно было къ моему подписанію, что къ нимъ изъ казначейства слѣдуетъ отпустить по теперешнимъ нуждамъ полковъ гвардіи.

75.

1788 г. Августа 8. Сенату сказать надлежитъ во второй департаментъ, что Якобій сюда пріѣхалъ и что онъ меня проситъ, чтобъ до него касающіяся дѣла скорѣе окончаніе получили. И для того Сенатъ имѣетъ сочинить изъ дѣлъ тѣхъ допросные пункты, по коимъ выслушать надлежитъ его отвѣты, дабы дѣло кончить можно было оправданіемъ праваго, либо обвиненіемъ виннаго.

76.

1789 г. Августа 10. Имѣетъ ли судъ свое теченіе и до чего уже дошелъ, который наряженъ въ изслѣдованіи непослушанія, индисциплины, и чрезъ то общее дѣло гибели въ такой отважной битвѣ, какъ была оборона самой, такъ-то сказать, столицы въ 6 д. Іюля 1788 г. Ибо кто тутъ не дѣлалъ свою должность и не боролся всѣми силами, тотъ уже къ чему можетъ быть способенъ, и какую отъ него въ какомъ дѣлѣ ожидать можно ревность и усердіе?

77.

1788 г. Августа 11. Изъ приложеннаго письма увидите, въ какомъ состояніи конногвардейская при дворѣ конюшня, и для того имѣете отъ меня изготовить приказаніе, чтобъ немедленно приступили къ совершенной починкѣ оной, чтобъ починка окончена была до зимы.

78.

1788. Августа 11. Скажите Степану Ѳедоровичу, чтобъ онъ не усалалъ въ армію шпагу, какъ золотую, такъ и съ брилліантами, также и блюдо золотое для кн. Потемкина, не показавъ мнѣ самой. Также навѣдайтесь, когда Кіевское паникадило поспѣетъ.

79.

1788 г. Августа 16. Спиши, пожалуй, копіи мнѣ [1]).

80.

1788 г. Августа 20. Сафонова проэктъ, поданной Генваря 6-гой 1787 г. принесите ко мнѣ на прочтеніе [2]).

81.

1788 г. 22 Августа. Бауръ клалъ силу соли въ градирѣ. Не всѣ варницы суть казенныя. Слѣдовательно частные люди варятъ, какъ имъ выгоднѣй, управители же на свою руку; приказаніе же о семъ частные заводы примутъ за отягощеніе, и отъ того подымутъ цѣну на соль.

На Старорусскомъ заводѣ сырены, кажется, кирпичныя, а не желѣзныя, а еще менѣе мѣдныя. Варить соль въ мѣди, кажется, и опасно.

— У Кашкина и у здѣшняго вице-губернатора навѣдываться о Сафоновѣ, что Сенатъ сдѣлалъ по его представленіямъ и проектамъ?

---

[1]) Съ стихотворенія Императрицы на короля Шведскаго.

[2]) Проектъ Сафонова касался добыванія соли.

— Вольнопромышленники, кои морскую соль варятъ, въ которой болѣе быть должно сырости, нежели въ вываренной, усушки и утечки не знаютъ.

82.

1788 г. Августа 26. Сіе письмо, сего дня полученное, пошлите казать вице-канцлеру. Я думаю писать къ Пушкину, чтобъ онъ Шведамъ и Финнамъ далъ выразумѣть, что какъ Датчане войну имъ объявили, то уже о мирѣ и перемиріи теперь не время говорить, развѣ Финны отстанутъ отъ Шведовъ.

83.

1788 г. Августа 27. Пожалуй, прикажи переписать, и когда переписано будетъ, то отдайте актерамъ, чтобъ выучили, буде можно, къ Александрову дню, чтобъ surpris-ою играть у гр. Мамонова въ комнатахъ. Буде же не могутъ выучить къ тому времени, то лучше отдать самому Александру Матвѣевичу *).

84.

1788 г. 12 Сентября. Есть Шведамъ теперь чѣмъ справедливо чваниться, понеже взяли у насъ слишкомъ сто пушекъ на Кильдюмѣ. Какимъ образомъ сіе транспортное судно отправлено было изъ Копенгагена и зачѣмъ, понынѣ не понятно. Знали, что Шведскіе фрегаты тутъ крейсируютъ, три (тремъ)? стопушечнымъ кораблямъ въ виду. Шведы увели оное, а стопушечные были зрителями. Повалишинъ былъ столь близокъ, что ему можно было доѣхать и свои пушки взять въ Копенгагенѣ съ транспортныхъ. Буде же шли къ городу, то на что́ ихъ отпустили безъ конвоя до безопасной вышины?

85.

1788 г. 12 Сентября. Что́ вѣстей о гребной флотиліи? Графу Брюсу приказать, чтобъ Петербургской и Выборгской губерніи исправники побережные дали сюда знать о благополучномъ ея пути.

86.

1788 г. Сентября 13. Отошлите къ гр. Чернышову, что́ ему надлежитъ.

87.

1788 г. Сентября 18. Къ Еропкину написать надлежитъ, чтобъ онъ графомъ Вахмейстеровъ обоихъ послалъ жить въ Калугу, о чемъ и дать знать Кречетникову, чтобъ онъ ихъ тамъ помѣстилъ и приличной имѣлъ за ними присмотръ.

88.

1788 г. Сентября 21. Съ сихъ бумагъ прикажите копіи списать. Также надлежитъ требовать ноту гр. Разумовскаго, поданную 18 Іюня Шведскому министерству и, списавъ копію, возвратить гр. Остерману.

---

*) Говорится о Французской комедіи, сочиненной Екатериною: Les voyages de m-me Bontemps.

89.

1788 г. Октября 7. Дайте о семъ приказаніи знать Сутерланду, чтобъ онъ видѣлъ, что я, кой часъ до меня доходитъ, умѣю взять мѣры для исправнаго платежа, чрезъ что возстановила и сохраняю кредитъ двадцать седьмой годъ.

90.

1788 г. Ноября 2. Много ли такихъ, кои въ послѣдней морской баталіи такъ изранены, какъ морскіе, такъ и сухопутные, кои службы никакой отправлять не могутъ, и много ли послѣ умершихъ осталось вдовъ и сиротъ, и много ли на ихъ содержаніе надобно, чтобъ мнѣ представлено было.

91.

1788 г. Ноября 13 NB. Въ уставѣ о соли сказано: къ которой соли народъ привычнѣе, ту и подрядить. NB. Елтонская соль народомъ не любима, и сія соль была ненавидима и тогда, когда графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ ее повсюду вводить хотѣлъ, тому лѣтъ съ 30 назадъ. Оная соль же съ грязью смѣшана, и возить ее трудно, ибо вверхъ по рѣкѣ идти должно.

92.

1788 г. Ноября 15. Въ Нѣмецкомъ иное убавлено, другое прибавлено, и для того надлежитъ съ точностію свидѣтельствовать [1]).

93.

1788 г. Ноября 27. Пожалуй, достань отъ князя Вяземскаго извѣстія, къ нему доставленныя отъ Сутерланда.

94.

1788 г. Декабря 26. Чтобъ казенныя палаты прислали, за кѣмъ по городамъ, селеніямъ и уѣздамъ отданы кабашные откупа, и за кѣмъ цѣлыя губерніи? Чтобъ при отдачѣ наблюдались 94, 95, 96 статьи устава. Какихъ причинъ ради казна подряжаетъ вино, а не откупщикъ кабашной, мнѣ теперь на память не приходитъ; а помнится, что тѣмъ обузданы откупщики въ вѣрномъ откупа платежѣ; а народъ получаетъ вино лучше, чище и безъ примѣси.

95.

1789 г. 6 Генваря. Объ отсылкѣ къ гр. Сегюру книги доктора Тейльса.

96.

1789 г. Генваря 7. Напишите къ Кречетникову, чтобъ онъ сію каналью оставилъ у себя, понеже она такъ ему мила, что онъ прилагаетъ толикое стараніе его отъ каторги освободить; но напередъ выправьтесь о дѣлѣ [2])

---

[1]) Относится до перевода Русскаго возраженія на упомянутую выше Шведскую ноту Шлафа.

[2]) Кречетниковъ ходатайствовалъ о какомъ-то Евреиновѣ, лишенномъ чиновъ за взятки.

97.

1789 г. Генваря 26. Прикажите Кельхену, чтобъ онъ либо самъ поѣхалъ на часъ къ Москвѣ осмотрѣть и приводить Екатерининскую больницу на здѣшнюю ногу, либо избралъ къ тому кого способнаго. Також де освѣдомьтесь, на какомъ основаніи та больница, подъ кѣмъ и на какомъ содержаніи.

98.

Le 26 Janvier, 1789. Au milieu, comme j'ai dit, une couronne de laurier et d'un côté de trophée maritime et de l'autre de trophée militare [1]).

99.

1789 г. Генваря 31. Заготовьте объ немъ указъ, что жалую его въ камеръ-юнкеры ко двору.

100.

1789 г. Февраля 6. Долго (ли) быть подобной срамотѣ, что ѳеатральные люди не заплачены осьмой мѣсяцъ? Я думаю разстаться съ господиномъ Стрекаловымъ вовсе, чтобъ лишиться сего безпокойства, при всѣхъ прочихъ хлопотахъ. Прошу о семъ навѣдаться подробно.

101.

1789 Февраля 8. Почему Сенатъ разсудилъ, Анненкову опредѣлилъ пенсіонъ, за благо не разсуждено мнѣ сообщить; хотя не по разсужденію, но по законамъ судить Сенатъ долженствуетъ. 1) Анненковъ 35 лѣтъ не выслужилъ. 2) Увѣчье не получилъ. И такъ о Анненковѣ не... *(недописано)* [2]).

102.

1789 г. Февраля 8. Изготовьте увольненіе Стрекалова отъ Кабинета ради возстановленія кредита и запрещеніе Карадыглину [3]), чтобъ неокладныхъ выдачъ не производилъ отнюдь безъ моего собственнаго подписанія, и прикажите, чтобъ онъ ко мнѣ принесъ самъ счеты долгамъ и по числамъ, которые старые, чтобъ я могла видѣть и приказать, какъ ихъ платить.

103.

1789 г. Февраля 24. Пришлите ко мнѣ Нѣмецкое письмо, мною полученное на Четверговой почтѣ отъ того человѣка, который пишетъ, что братъ его, бывъ докторомъ у насъ, попалъ въ Царьградъ и застрѣлился.

104.

1789 г. Марта 12. Envoyé cela au gen. Sprengporten [4]).

---

[1]) Т. е. 26 Января 1780. По срединѣ, какъ я говорила, лавровый вѣнокъ, съ одной стороны морскія, а съ другой воинскія трофеи. –Это награда Потемкину.

[2]) Не о Курскомъ ли вице-губернаторѣ Абрамѣ Ивановичѣ Анненковѣ идетъ здѣсь рѣчь? См. Дневникъ Храповицкаго подъ 2 Марта 1788.

[3]) Предокъ артистовъ Каратыгиныхъ? Въ написаніи Императрицы явственнѣе ихъ восточное имя. П. Б.

[4]) Т. е. Пошлите это къ генералу Спренгпортену.

105.

1789 г. Марта 13. Аренду Реку, генералъ-майору.

106.

1789 г. Марта 14. Александръ Васильевичъ, напишите къ Архарову, чтобъ узнать, правда ли въ приложенномъ письмѣ написано, и буде правда, чтобъ сюда далъ знать о числѣ душъ той деревни, чтобъ имъ можно было дать, какъ я давала, по 20 р. на дворъ [1]).

107.

1789 г. Апрѣля 4. Финскихъ крѣпостей починка. Арендная раздача: 1) по именнымъ указамъ; 2) вдовамъ и сиротамъ; 3) заслуженнымъ просителямъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ. Указъ о запрещеніи сухопутнаго ввоза шелковыхъ и проч. товаровъ. Придворной конторы долги. Кабинетные долги.

108.

1789 г. Апрѣля 4. Сказываютъ, что въ городѣ и въ лавкахъ офицерское сукно, какъ-то: зеленое, синее, красное, желтое сукно по 10 и 11 рублей аршинъ. Спросите, дѣлается ли на Ямбургской фабрикѣ таковыхъ цвѣтовъ и доброты сукно и прикажите сюда прислать и пустить въ продажу за обыкновенную цѣну, и то, что скорѣе, то лучше. Также прикажите въ Финляндію послать на продажу.

109.

1789 г. Апрѣля 13. Вдовѣ Мансуровой, у которой сынъ убитъ, дать три тысячи рублей.

110.

1789 г. 23 Апрѣля. Откажите сего вечера комедіевъ (sic) Эрмит....

111.

1789 г. 1 Іюня. Александръ Васильевичъ, поговорите съ преосвященнымъ Евгеніемъ о печатаніи его перевода Виргилія, да напишите къ Лужкову [2]), чтобъ книгу, большой инъ фоліо (sic) о Турціи, которую я нынѣшнюю зиму купила, послалъ къ тому же архіерею.

112.

1789 г. 30 Іюня. На взятіе Очакова: *Усердіемъ и храбростію.* На занятіе Крыма: *Кротостію смиренъ противникъ.* На нанессніе и устроеніе Екатеринославской губерніи: *Степи населилъ, устроилъ.*

113.

1789 г. Іюля 3. NB. Майора Бабарыкина перевесть изъ Семеновскаго въ конную гвардію. (Было написано, потомъ зачеркнуто). Корсакова въ Се-

[1]) Говорится о разоренныхъ крестьянахъ деревни Князевой, подавшихъ письмо Мамонову.

[2]) Александръ Ивановичъ Лужковъ, членъ Академіи и библіотекарь Екатерины.

меновскій полкъ. Принца Гессенъ-Филипсдаля выпустить въ армію полковникомъ. Фитингофова сына, майора легко-коннаго, въ камеръ-юнкеры. Конной гвардіи секундъ-ротмейстера Платона Зубова арміи полковникомъ и флигель-адъютантомъ [1]).

114.

1789 г. Іюля 7. Возьмите изъ генеральнаго кригсрехта реестръ морскихъ и сухопутныхъ, содержащихся тутъ, и принесите ко мнѣ. Мнѣ должно десятерыхъ простить.

115.

1789 г. 12 Іюля. Сей столпъ созданъ по повелѣнію благочестивой, самодержавной Великой Государыни Императрицы Екатерины II, на память усердія Рыбачей Слободы поселянъ, добровольно пятаго человѣка нарядившихъ къ службѣ ея величества и отечества въ 1788 году, во время Свейской войны.

116.

1789 г. 29 Іюля. Прикажи отыскать Галупіеву музыку, а именно оперу Дидону.

117.

1789 г. 5 Сентября. Скажите Дмитревскому и Крутитскому, чтобъ во второмъ дѣйствіи не примѣчали слова Потатчкина, а говорили между собою, какъ будто ихъ тутъ нѣту.

118.

1789 г. 17 Сентября. Вы можете отвѣтствовать святителю[2]), что менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами, безразсудный толкъ извѣстной переписки, которой одно злобой наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; понеже сама собою та переписка весьма невинна, и въ такое время, когда тотъ осьмидесяти-лѣтній старикъ старался своими, во всей Европѣ жадно читаемыми, сочиненіями прославить Россію, унизить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и предуспѣлъ. Въ такомъ виду и намѣреніи письма писанныя къ безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству.

119.

1789 г. 13 Октября. Скажите гофмаршаламъ, чтобъ послали камеръ-юнкера съ симъ письмомъ въ Гатчину, которой бы (посланный) завтра поутру великому князю и великой княгинѣ отъ меня кланялся и поздравлялъ ихъ со днемъ рожденія великой княгини и ей бы отдалъ мое письмо.

---

[1]) 22-хъ лѣтній П. А. Зубовъ появляется во дворцѣ съ 21 Іюня 1789.

[2]) Кто этотъ святитель, намъ неизвѣстно. Вѣроятно, Платонъ. Говорится по поводу появленія въ свѣтъ сочиненій Вольтера и его переписки съ Екатериною.

120.

1789 г. 30 Ноября. Медали мѣдныя историческія, кои у Александра Павловича, прошу достать для меня. Записки касательно Россійской исторіи, сколько напечатано, положите ко мнѣ на столъ; также Татищева послѣдній томъ и Лѣтописецъ третьенадесятаго вѣка.

121.

1789 г. Декабря 6. Тѣснота велика у банка ассигнаціоннаго по причинѣ размѣна мелкихъ ассигнацій. Нельзя ли умножить выпускъ оныхъ?

122.

Le 6 de Janvier 1790 г. Faites imprimer en Russe la traduction de Tatischef, des Discours de Reynolds [1]).

123.

Le 17 Février 1790 г. Faites moi avoir le Dictionaire philosophique de Voltaire relié, comme le reste que vous m'avez apporté [1]).

124.

1790 г. 17 Марта. Утѣха во укрѣпленіе смысла посреди хлопотъ.

125.

Le 1 d'Avril 1790 г. Le soir je voudrais qu'on joue la comédie Françoise à l'Hermitage [2]).

126.

1790 г. Апрѣля 22. Подписанныя (бумаги) отошлите къ графу Безбородкѣ, а не подписанныя привезите ко мнѣ въ Царское Село; также мой переводъ.

127.

1790 г. 27 Іюля. Александръ Васильевичъ, позовите къ себѣ конюшенныхъ подрядчиковъ и спросите у нихъ, сколько имъ должна конюшня, а у конюшенныхъ, для чего имъ не платятъ помѣсячно, или понедѣльно. Тогда люди меня не безпокоили бы. А потомъ мнѣ скажите, что выйдетъ.

128.

1790 г. Августа 31. Приказано Воспитательнаго Дома попечителямъ разсмотрѣть и разобрать дѣло Киршбаума съ Іоанномъ І. Бецкимъ. Сей нынѣ пишетъ и присылаетъ непрестанно ко мнѣ, говоря, что остается дѣло безъ разсмотрѣнія, а Домъ Воспитательный безъ попеченія. Освѣдомьтесь, въ какомъ положеніи то дѣло.

---

[1]) Т. е. 6 Января 1790 г. Прикажите напечатать по-русски переводъ Татищева, Разговоры Рейнольдовы. — [1]) Достаньте мнѣ Философическій лексиконъ Вольтера, переплетенный также, какъ и остальное что вы мнѣ приносили.

[2]) Т. е. Я желаю, чтобы вечеромъ играли Французскую комедію въ Эрмитажѣ.

129.

1790 г. Сентября 1. Увѣдомьте Ар. П. Кашкина, что архитектору Кваренгію мною приказано нѣкоторыя дѣлать перемѣны въ комнатахъ, кои по концу Китайской залы около малой лѣстницы, чтобъ ему дали помочи, когда потребуетъ [1]).

130.

1790 г. le 23 Sept. Abraham Gerrit, fleuriste à Amsterdam, vend des arbres d'Amérique, avec le nom de chaque arbre, à fl. 50 le 100, et de plus assortimens de fleurs, comme doubles hyacinthes en toutes les couleurs, tulipes, renoncules, anémones, narcisses, semences de fleurs Américaines. Faites moi avoir de cela pour un millier de florins pour le printems prochain [2]).

131.

1790 г. le 14 Dec. N'oubliez pas de dire au compositeur que le Эхъ, эхъ, не ладно! Ахъ не складно—du Père peut être une parodie ou doit tourner en ridicule les: Эхъ, эхъ, et Ахъ—des Enfans [3]).

132.

1791 г. 28 Марта. Прикажите мнѣ добрый компасъ сдѣлать на подобіе большихъ карманныхъ часовъ золотыхъ.

133.

1791 г. 3 Апрѣля. Была у меня книжка въ синей бумагѣ: les Causes de la révolution française. Велите отыскать между тѣми, кои я отдавала на прошедшей недѣлѣ.

134.

1791 г. Мая 23. Напишите сами отвѣтъ къ Спренгпортену и велите отписать отвѣтъ къ нему отъ графовъ Остермана и Безбородки.

135.

1791 г. 21 Іюля. Прошу къ завтрему достать третій томъ Щербатова исторіи.

136.

1791 г. Іюля 18. Выправьтесь, нѣтъ ли въ Лифляндіи деревни съ именемъ: Беренвигъ, либо Бардарикъ. Оно-то (sic) Медвѣжью голову.

---

[1]) Аристархъ Петровичъ Кашкинъ управлялъ Царскимъ Селомъ.

[2]) Т. е. 23 Сент. Абрагамъ Герритъ, цвѣтоводъ въ Амстердамѣ, продаетъ Американскія деревья, съ названіемъ каждаго дерева, по 50 флориновъ за 100, и сверхъ того подборы цвѣтовъ, какъ напр. двойные гіацинты всѣхъ цвѣтовъ, тюльпаны, ренонкулы, анемоны, нарцисы, семена Американскихъ цвѣтовъ. Достаньте мнѣ этого на тысячу флориновъ къ будущей веснѣ.

[3]) Т. е. 14 Дек. Не забудьте сказать композитору, что: „Эхъ, эхъ, не ладно! Ахъ не складно,“ слова отца, могутъ быть пародіею или должны обратить въ смѣхъ слова дѣтскія: „Эхъ, эхъ и ахъ“.—Относится къ оперѣ „Θедулъ съ дѣтьми“, сочиненной Екатериною.

137.

1791 г. Ноября 15. Отошлите сіе письмо обратно къ Апраксину [1]) и скажите ему, что я оное прошеніе не принимаю: понеже четыре судебныя мѣста, рѣша одинаково, тѣмъ самымъ опровергли его о семъ частное и пристрастное сужденіе.

138.

1791 г. Ноября 20. Вообще ото всѣхъ новыхъ затѣй, перебивокъ и расходовъ послѣ мира, который еще не заключенъ, на шесть лѣтъ прошу всѣхъ поудержаться. О запискѣ иностранныхъ и отдачѣ оныхъ въ рекруты надлежитъ Военной Коллегіи и Сенату сдѣлать разсмотрѣніе и положеніе и вносить докладомъ.

139.

1791 г. Декабря 9. Написать отъ меня письмо къ преосвященному Черниговскому съ просьбою, дабы приказалъ для меня сію книгу списать отъ слова до слова, и чтобъ далъ мнѣ знать, по сему списанію что́ разсудитъ заплатить писцамъ и за бумагу и прочія издержки, и просить, чтобъ по тетрадямъ, по мѣрѣ какъ спишутъ, ко мнѣ прислалъ [2]).

140.

1791 г. Декабря 11. У меня былъ каталогъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ. Онъ же печатанъ въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ. Но понеже каталогъ (т. е. рукописный) обстоятельнѣй, прошу, отыскавъ, положить ко мнѣ на столъ.

141.

1791 г. 22 Декабря. Въ повытьѣ у Еремѣева какіе-то Татары ходятъ болѣе года по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ, вмѣсто того деньги дать хотятъ. Спросите, что́ за дѣло.

142.

1792 г. 21 Февраля. Пошлите спросить, что̀ за живописецъ Французъ Доанъ выписанъ для Академіи Художествъ, кѣмъ рекомендованъ и почему принятъ, отъ кого имѣетъ предстательство.

143.

1792 г. 24 Февраля. Сравнительнаго словаря обѣихъ едицій по два экземпляра.

144.

1792 г. 26 Февраля. Родословныя книги изъ Щербатовой вивліоѳики.

145.

1792 г. 21 Марта. Рѣка Припеть и рѣка Горинъ, — укажите мнѣ на картѣ географической.

---

[1]) Графу Матвѣю Ѳедоровичу.

[2]) Рѣчь идетъ о лѣтописцѣ 1699 года, соч. Боболинскаго.

146.

1792 г. 22 Марта. Пожалуй, возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ моихъ записокъ, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des réflexions, qui me sont venues en lisant. Dites lui de ma part, que j'ai trouvé son ouvrage très intéressant et que la lecture m'en a amusé. Vous pouvez lui montrer ce billet [1]).

147.

1793 г. 7 Іюля. Достаньте отъ вице-канцлера, или отъ Безбородки, буде не уѣхалъ и завтра сюда не будетъ, вчерашней почты министерскія донесенія.

148.

1793 г. 16 Августа. Все сіе въ Таврическій дворецъ взять съ собою, а прочее, что̀ на столахъ, въ Зимній дворецъ. Державину велите забрать его бумаги, въ углу на столѣ лежащія.

149.

(Безъ озн. года и числа). Напишите письмо къ Тверскому воеводѣ или къ Новгородскому губернатору, отъ имени моего, содержанія такого, чтобъ призваны были къ воеводѣ Тверскіе жители, кои подписали челобитную сію, и оная имъ именемъ моимъ была возвращена съ тѣмъ, что какъ ихъ просьба ни воеводскимъ позволеніемъ, ни губернаторскимъ о ихъ нуждахъ мнѣніемъ, какъ попечителя, не провождаема, сверхъ того оная незаконнымъ образомъ писана и минуя порядокъ до моихъ рукъ дошла, я приказала, надравъ оную, имъ возвратить.

150.

(Безъ озн. года и числа). NB. Всѣ выписи изъ Блакстона прочесть (съ) перомъ въ рукахъ и замѣчая приличное для внесенія въ законы. Потомъ прочесть узаконенія наши по частямъ, и выписи, по тѣмъ частямъ поданныя генералъ-прокуроромъ, равномѣрно (съ) перомъ въ рукахъ, замѣчая, что̀ внести въ новое узаконеніе, что̀ оставить безъ внесенія.

151.

Je ne sais pas qui est cet honnête homme. Sa harangue au corps des cadets est bien écrite en allemand. Il faut lui faire un présent pour l'envoye de son livre. Pour la place qu'il me demande d'apprendre l'histoire à mes petits-fils, je ne saurois la lui donner parce qu'elle est occupée par m-r de la Harpe, qui s'en acquite parfaitement bien [2]).

Ce 15 Décembre 1788.

---

[1]) Т. е. Какъ размышленія, пришедшія мнѣ въ голову, когда я читала. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень занимательнымъ, и чтеніе его меня забавило. Вы можете показать ему эту записку.

[2]) Т. е. Я не знаю, кто этотъ честный человѣкъ. Его рѣчь въ кадетскомъ корпусѣ написана хорошимъ Нѣмецкимъ языкомъ. Нужно его чѣмъ-нибудь подарить за присылку книги. Что касается до его просьбы преподавать исторію моимъ внукамъ, то я не могу ее исполнить, потому что этимъ занимается г. Лагарпъ и исполняетъ свою должность отлично.

152.

Былъ докторъ Тейльсъ, котораго дѣти и внуки у насъ и нынѣ. Сей, бывъ въ Царьградѣ въ 1716 г. и до того у Голандскаго посла, велъ негоціаціи Петра I, когда Шафировъ и Толстой сидѣли въ семи башняхъ. Послѣ того сей Тейльсъ обнародовалъ на Французскомъ языкѣ въ малой книжкѣ свои негоціаціи. Сія книжка въ моей вивліоѳикѣ была, но не знаю, не отдала ли я ее графу Безбородку. Прошу ее отыскать. Буде отыщите, отдайте ее на прочтеніе графу Сегюру.

6 Генваря 1789.

II.

РАЗСКАЗЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О ВОЦАРЕНІИ ЕЯ *).

Кончина императрицы Елисаветы повергла въ уныніе всѣхъ Русскихъ, но въ особенности всѣхъ добрыхъ слугъ отечества, потому что въ ея преемникѣ видѣли государя съ необузданнымъ характеромъ, ограниченнымъ умомъ, ненавидящаго и презирающаго Русскихъ, совершенно незнающаго своей страны, неспособнаго сосредоточиться, скупого и мота, исключительно преданнаго своимъ прихотямъ и прихотямъ тѣхъ, которые рабски льстили ему. Какъ только власть перешла въ его руки, онъ предоставилъ дѣла двумъ или тремъ любимцамъ и предался всевозможному распутству. Онъ началъ тѣмъ, что отнялъ земли у духовенства, ввелъ множество довольно безполезныхъ нововведеній, главнымъ образомъ, въ войскахъ; онъ презиралъ законы, однимъ словомъ, правосудіе сдѣлалось предметомъ торга. Недовольство проникло всюду, и дурное мнѣніе, которое составилось о немъ, привело къ тому, что объясняли въ дурную сторону то немногое полезное, которое онъ дѣлалъ. Его болѣе или менѣе опредѣлившимися намѣреніями были слѣдующія: начать войну съ Даніей изъ-за Шлезвига, перемѣнить вѣроисповѣданіе, разойтись со своею женою, жениться на своей любимицѣ, вступить въ союзъ съ королемъ Прусскимъ, котораго онъ называлъ своимъ повелителемъ и которому, какъ онъ утверждалъ, онъ принесъ клятву въ вѣрности; онъ хотѣлъ предоставить ему часть своихъ войскъ. Онъ не скрывалъ почти ни одного изъ своихъ преднамѣреній.

Императрицѣ Екатеринѣ со времени кончины императрицы. ея тетки, дѣлались тайкомъ различныя предложенія: но она никогда не хотѣла слушать ихъ, постоянно надѣясь, что время и обстоятельства измѣнятъ что-либо въ ея несчастномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что она знала съ полной увѣренностью, что въ концѣ концовъ, принимая во вниманіе ея личность, никоимъ образомъ не могутъ коснуться ея положенія, не подвергаясь величайшей опасности. Народъ былъ привязанъ къ ней и смотрѣлъ на нее, какъ на свою

*) Съ дозволенія многоуважаемаго Николая Карловича Шильдера заимствуемъ эти страницы изъ его книги „Императоръ Павелъ Первый“, въ которой напечатанъ и Французскій ихъ подлинникъ. Они служатъ дополненіемъ къ тому, что напечатано изъ черновыхъ автобіографическихъ набросковъ Екатерины въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863. 1865 и 1866 годовъ. П. Б.

единственную надежду *). Образовались кружки людей, думавшіе о средствахъ помочь бѣдѣ своего отечества; каждыя изъ этихъ кружковъ обращался къ ней въ отдѣльности, и одни изъ нихъ совершенно не знали другихъ. Она выслушивала ихъ, не отнимала отъ нихъ всей надежды, но неизмѣнно просила ихъ подождать, полагая, что дѣло не дойдетъ до крайности, и признавая всякую перемѣну подобнаго рода за несчастіе. Она смотрѣла на свои обязанности и на добрую о себѣ славу, какъ на сильный оплотъ противъ честолюбія. Самая опасность, которой она подвергалась, придавала ей новый блескъ, и она сознавала все значеніе его. Петръ III напоминалъ мушку, не сходящую съ очень красиваго лица. Поведеніе Екатерины по отношенію къ народу всегда было безупречно; она постоянно думала, желала и хотѣла лишь счастья этого народа, и вся ея жизнь будетъ употреблена только на то, чтобы доставить Русскимъ пользу и благоденствіе.

Видя, однако, что положеніе дѣлъ все ухудшается, императрица дала знать различнымъ кружкамъ, что пора соединяться и подумать о средствахъ, чему чудесно помогла обида, публично нанесенная ей ея супругомъ. Вслѣдствіе этого порѣшили, что какъ только онъ вернется съ дачи, его арестуютъ въ его спальнѣ и объявятъ его неспособнымъ царствовать. Голова у него, дѣйствительно, пошла кругомъ и, безспорно, во всей имперіи у него не было болѣе сильнаго врага, чѣмъ онъ самъ. Всѣ не были одинаковаго мнѣнія: одни желали, чтобы это совершилось въ пользу его сына, другіе — въ пользу его жены.

За три дня до намѣченнаго времени нескромныя рѣчи одного солдата привели къ аресту капитана Пассека, одного изъ главныхъ участниковъ тайны. Прежде всего приступили къ дѣйствіямъ три брата Орловыхъ, старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи. Гетманъ и тайный совѣтникъ Панинъ говорили имъ, что это слишкомъ рано; но они, по собственному побужденію, отправили своего второго брата въ каретѣ въ Петергофъ, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексѣй Орловъ явился въ шесть часовъ утра 28-го Іюня стараго стиля. Какъ только она узнала, что Пассекъ арестованъ, и что въ видахъ собственной своей безопасности нельзя терять болѣе времени, она встала и поѣхала въ городъ, при въѣздѣ въ который была встрѣчена старшимъ Орловымъ и княземъ Барятинскимъ, отправившимися вмѣстѣ съ нею въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ, когда она пріѣхала, было всего 12 человѣкъ и одинъ унтеръ-офицеръ, и все казалось спокойнымъ. Всѣ солдаты были предупреждены, но находились у себя, и, когда они собрались, то провозгласили ее самодержавной императрицею. Радость солдатъ и народа была неописуемая. Оттуда ее повезли въ Семеновскій полкъ; Семеновцы вышли на встрѣчу къ ней, прыгая и крича отъ радости. Сопровождаемая такимъ образомъ, она отправилась въ Казанскую церковь, куда, съ проявленіемъ бурной радости, явились конногвардейцы. Пришла гренадерская рота Преображенскаго полка; эти извинялись, что яви-

*) Въ Государственномъ Архивѣ имѣется дѣло о томъ, что еще въ царствованіе Елисаветы Петровны какой-то дьяконъ во время богослуженія провозгласилъ на ектеньѣ Екатерину Императрицею. П. Б.

лись послѣдними, говоря, что ихъ офицеры хотѣли помѣшать имъ отправиться, что иначе, конечно, они были бы изъ первыхъ. Послѣ нихъ прибыла артиллерія и ея фельдцейгмейстеръ Вильбоа.

Такимъ образомъ, сопровождаемая восклицаніями безчисленной толпы, императрица прибыла въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались Синодъ, Сенатъ и всѣ сановники. Составили манифестъ и форму клятвеннаго обѣщанія, и всѣ признали ее самодержавной императрицей. Императрица собрала нѣчто въ родѣ совѣта, составленнаго изъ гетмана, тайнаго совѣтника Панина, князя Волконскаго, генералъ-фельдцейгмейстера и нѣсколько другихъ, на которомъ было рѣшено отправиться съ четырьмя гвардейскими полками, кирасирскимъ полкомъ и четырьмя полками пѣхоты въ Петергофъ, чтобы захватить Петра III. На этомъ совѣщаніи князь Волконскій высказалъ, что жаль, что нѣтъ вовсе легкой кавалеріи; едва только онъ успѣлъ произнести эти слова, какъ его вызвалъ одинъ офицеръ и сообщилъ, что полкъ гусарскій только что вступилъ въ предмѣстье.

Во время этого совѣщанія прибылъ отъ имени низложеннаго императора канцлеръ графъ Воронцовъ, чтобы высказать императрицѣ упреки за ея бѣгство и потребовать отъ нея объясненій этого. Она приказала впустить его и, когда онъ очень серьезно изложилъ въ подробности причины своего появленія, она сказала ему, что увѣдомитъ его о своемъ отвѣтѣ. Онъ вышелъ, а въ слѣдующей комнатѣ всѣ совѣтовали ему отправиться принести новую присягу въ вѣрности. Онъ возразилъ, что, для очищенія своей совѣсти, онъ желаетъ написать отвѣтное письмо, чтобы увѣдомить, къ чему привело его порученіе, а что затѣмъ онъ присягнетъ, что̀ и было разрѣшено ему. Послѣ него пріѣхали князь Трубецкой и фельдмаршалъ Александръ Шуваловъ. Они были посланы для того, чтобы удержать два первыхъ гвардейскихъ полка, шефами которыхъ они были, и чтобы убить императрицу. Они бросились къ ея ногамъ и передали ей о возложенномъ на нихъ порученіи, послѣ чего отправились принести присягу.

Когда все это было кончено, оставили великаго князя и нѣсколько отрядовъ, подъ вѣдѣніемъ Сената, для охраны города; а императрица верхомъ, во главѣ полковъ, въ мундирѣ, полковникомъ которыхъ она объявила себя, выступила изъ города. Шли всю ночь и утромъ прибыли къ небольшому монастырю въ двухъ миляхъ отъ Петергофа, куда князь Голицынъ, вицѣ-канцлеръ, доставилъ письмо отъ бывшаго императора къ императрицѣ, а нѣсколько времени спустя явился съ подобнымъ же порученіемъ генералъ Измаиловъ. Вотъ что подало поводъ къ этому.

28-го числа императоръ долженъ былъ пріѣхать обѣдать изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ, въ Петергофъ. Какъ только онъ узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ встревожился и послалъ въ городъ различныхъ лицъ; но такъ какъ всѣ дороги у столицы, по распоряженію императрицы, охранялись, то никто изъ нихъ не вернулся. Онъ зналъ, что два полка находились въ тридцати верстахъ отъ города; онъ послалъ привести ихъ для своей защиты, но эти полки отправились примкнуть къ императрицѣ. При подобномъ положеніи дѣла старый фельдмаршалъ Минихъ, генералъ

Измаиловъ и нѣсколько другихъ лицъ совѣтовали ему взять съ собою человѣкъ двѣнадцать и отправиться съ ними или къ арміи, или же броситься въ Кронштадтъ. Женщины, которыхъ было около него, по крайней мѣрѣ, тридцать, отсовѣтовали ему это, указывая на опасности. Онъ послушался ихъ и послалъ въ Кронштадтъ генерала Девьера, котораго адмиралъ Талызинъ, посланный императрицей, обезоружилъ по его прибытіи, о чемъ императоръ не имѣлъ ни малѣйшаго свѣдѣнія. Но, протянувъ со своей нерѣшительностью до вечера, онъ наконецъ рѣшился сѣсть съ женщинами и остатками своего двора на галеру и на двѣ яхты и отправиться въ Кронштадтъ, по прибытіи куда онъ потребовалъ, чтобы его впустили; но офицеръ, дежурившій на бастіонѣ у входа въ портъ, отказалъ въ этомъ и, хотя въ дѣйствительности пороха не было, пригрозилъ стрѣлять по галерѣ, гдѣ онъ сидѣлъ; услышавъ это, онъ приказалъ повернуть обратно и направился высадиться въ Ораніенбаумѣ, гдѣ легъ спать и откуда, на слѣдующій день, написалъ упомянутыя выши два письма, въ первомъ изъ которыхъ онъ выражалъ желаніе возвратиться въ Голштинію вмѣстѣ со своей милою и съ своими любимцами, а во второмъ предлагалъ отказаться отъ имперіи, прося лишь о сохраненіи жизни. А между тѣмъ у него было при себѣ 1.500 вооруженныхъ человѣкъ Голштинскаго войска, болѣе 100 пушекъ и нѣсколько Русскихъ отрядовъ.

Императрица послала обратно ген. Измайлова *) съ письмомъ, чтобы получить это отреченіе. Петръ III съ полной свободой написалъ этотъ актъ, а затѣмъ съ ген. Измайловымъ, своей милою и своимъ любимцемъ Гудовичемъ пріѣхалъ въ Петергофъ, гдѣ, чтобы предохранить его отъ возможности быть растерзаннымъ солдатами, къ нему приставили вѣрную охрану съ четырьмя офицерами подъ командою Алексѣя Орлова. Пока подготовляли его отъѣздъ въ Ропшу (загородный дворецъ, очень пріятный и вовсе не укрѣпленный) солдаты стали роптать и говорить, что прошло цѣлыхъ три часа, какъ они не видѣли императрицы; что, повидимому, князь Трубецкой примиряетъ ее съ ея супругомъ; что нужно предостеречь ее, чтобы она не довѣрялась этому; что, безъ всякихъ сомнѣній, ее обманули бы, погубили бы, а вмѣстѣ съ нею и ихъ. Какъ только Екатеринѣ стало извѣстно объ этихъ рѣчахъ, она пошла къ князю Трубецкому и сказала ему сѣсть въ карету и отправиться въ городъ, пока она пѣшкомъ будетъ обходить войска. Какъ только они увидѣли ее, возобновились крики радости и веселья.

Петра III отправили въ предназначенное для него мѣсто.

При наступленіи ночи, императрицѣ посовѣтовали возвратиться въ городъ, потому что въ теченіе двухъ сутокъ она не спала и почти ничего не ѣла; но войска просили не покидать ихъ, на что она съ удовольствіемъ согла-

*) Измайловъ, пріѣхавъ къ императрицѣ, бросился къ ея ногамъ и сказалъ: „признаете ли вы меня честнымъ человѣкомъ?“ Она сказала: „да“. „Тогда,—возразилъ онъ,—считайте меня вашимъ. Если вы довѣритесь мнѣ, я хочу предохранить мое отечество отъ большого пролитія крови. Чувствуешь удовольствіе отъ нахожденія въ обществѣ умныхъ людей. Я даю вамъ слово, что если вы отошлете меня назадъ, я одинъ доставлю вамъ Петра сюда“. Это онъ и выполнилъ. *Примѣчаніе Екатерины.*

силась, видя ихъ въ высшей степени восторженное отношеніе къ ней. На полъ-дорогѣ три часа отдыхали, и въ 10 часовъ утра, 30-го Іюля стараго стиля 1762 года, императрица верхомъ, во главѣ войскъ и артиллеріи, совершила свой въѣздъ въ Петербургъ при невыразимо радостныхъ кликахъ безчисленной толпы народа. Никогда нельзя было бы представить себѣ болѣе чуднаго зрѣлища. Ей предшествовалъ ея дворъ, а войска украсили дубовыми вѣтками свои шапки и шляпы (послѣднія они держали въ рукахъ; они затоптали ногами всѣ новыя одѣянія, данныя имъ Петромъ III).

Такимъ-то образомъ, тріумфально, она прибыла къ Лѣтнему дворцу, гдѣ собралось и ожидало ее все, что было въ столицѣ выдающагося и лучшаго. Великій князь вышелъ къ ней на встрѣчу до середины двора. Какъ только она увидѣла его, императрица сошла съ лошади и обняла его. Клики не прекращались. Пошли въ церковь, гдѣ, при громѣ орудій, былъ отслуженъ молебенъ. Весь денъ клики радости не переставали раздаваться среди народа, и никакихъ безпорядковъ не было.

Когда императрица легла спать, и едва она уснула, какъ капитанъ Пассекъ пришелъ разбудить ее, прося ее встать, потому что усталость, безсонныя ночи и вино разгорячили умы сильнѣе обыкновеннаго, а любовь къ ея особѣ возбудила въ Измайловскомъ полку опасенія относительно ея безопасности, и Измайловцы попросту двинулись въ походъ, чтобы прійти защитить ее. Когда явились сказать имъ, что опасаться нечего, и что она спитъ, они возразили, что въ этомъ отношеніи могутъ они и должны вѣрить лишь своимъ собственнымъ глазамъ. Императрица встала въ два часа ночи и вышла къ нимъ. Какъ только они увидѣли ее, раздались крики радости; но она рѣшительно сказала имъ, чтобы шли къ себѣ, дали ей уснуть и вѣрили своимъ офицерамъ, повиноваться которымъ она настойчиво совѣтовала имъ; они обѣщали ей это, извиняясь и дѣлая упреки другъ другу за то, что дали убѣдить себя разбудить ее. Такимъ образомъ, они очень спокойно направились домой, часто поворачивая назадъ головы, чтобы какъ можно дольше видѣть ее, такъ какъ въ Петербургѣ лѣтомъ почти не бываетъ ночей. Въ слѣдующіе два дня безпрерывно раздавались крики радости, но не было ни крайностей, ни безпорядковъ: въ высшей степени необычайное явленіе при столь сильныхъ волненіяхъ. Нѣсколько недѣль спустя, тревога за особу императрицы снова овладѣла войсками, и нѣсколько вечеровъ они собирались, чтобы помогать ей или увидѣть ее. Тогда она подписала приказъ о томъ, чтобы они не собирались болѣе, увѣряя ихъ, что она сама стоитъ на стражѣ своей безопасности, и что у нея совершенно нѣтъ враговъ. По поводу этого приказа они говорили между собою: „должно думать, оно дѣйствительно вѣрно, потому что не врагъ же она самой себѣ, чтобы считать себя въ безопасности, если бы это было не такъ“. Съ этого времени вездѣ водворилось полнѣйшее спокойствіе.

Камергеръ Пассекъ часто говорилъ о Петрѣ III, что этотъ государь не имѣлъ злѣйшаго врага, чѣмъ онъ самъ, потому что онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, что могло повредить ему. Шталмейстеръ Нарышкинъ, любимецъ этого государя, говорилъ при его жизни: „это—царство безумія; все наше время проходитъ за ѣдой, виномъ и дѣланіемъ сумасбродствъ“. Часто случалось, что этотъ государь отправлялся смотрѣть на смѣну караула, и тамъ онъ билъ солдатъ или зрителей или же совершалъ сумасбродства, и часто это происходило въ присутствіи несмѣтной толпы народа.

*

Въ день празднованія заключенія мира камергеръ Строгановъ получилъ приказаніе совершенно не выходить изъ дома, потому что онъ выказалъ участіе къ императрицѣ, которой императоръ публично нанесъ тяжелое оскорбленіе. Эта мѣра произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣ умы, расположенные, къ тому же, къ этой государынѣ и крайне ожесточенные дурнымъ поведеніемъ, несдержаннымъ характеромъ и ненавистью Петра III къ Русскому народу, которую даже онъ не давалъ себѣ труда скрывать. Это броженіе, безпрерывно усиливаясь, продолжалось до 27 Іюня. Намѣренія Петра III не составляли болѣе тайны. Они состояли въ томъ, чтобы вывести гвардейскіе полки и ввести въ городъ Голштинскія войска, заточить императрицу (приказанія арестовать ее уже были даны одинъ разъ и затѣмъ отмѣнены), жениться на своей милой, графинѣ Воронцовой, перемѣнить вѣру и произвести много другихъ перемѣнъ, столь же мало продуманныхъ. 27-го числа вечеромъ былъ арестованъ капитанъ Преображенскаго полка, по фамиліи Пассекъ; весь полкъ былъ встревоженъ этимъ происшествіемъ, такъ какъ было извѣстно, что онъ расположенъ въ пользу императрицы, и что поэтому-то его и арестовали. Всѣ проникнутые столь же хорошими намѣреніями, во главѣ которыхъ находились трое братьевъ Орловыхъ (старшій изъ которыхъ былъ капитаномъ артиллеріи) сразу поняли опасность, которой подвергалась государыня, если дѣла останутся въ такомъ положеніи. Часть ночи они употребили на то, чтобы предупредить гетмана, князя Волконскаго, тайнаго совѣтника Панина, а подъ утро капитанъ Алексѣй Орловъ отправился въ Петергофъ, чтобы предупредить императрицу объ опасностяхъ, которымъ она подвергалась, и чтобы доставить ее въ городъ, такъ какъ они были увѣрены, что достаточно ей показаться, чтобы склонить всѣхъ въ свою пользу. Въ шесть часовъ утра вышеназванный офицеръ прямо вошелъ въ ея спальню и попросилъ ее встать и спасти отечество, спасая самоё себя. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій императрица встала и сѣла въ карету, приготовленную для этой цѣли, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ и Русскихъ горничной и камердинера*). Такимъ-то образомъ она пріѣхала въ казармы Измайловскаго полка, гдѣ все, повидимому, пребывало

*) Имя камердинера намъ неизвѣстно, а горничною была Екатерина Ивановна Шарогородская. Она разсказывала, что дорогою Екатерина была не только спокойна, но шутила надъ тѣмъ, что онѣ обѣ не успѣли какъ слѣдуетъ нарядиться. П. Б.

въ величайшемъ спокойствіи, такъ какъ тамъ находилось только двѣнадцать человѣкъ и унтеръ-офицеръ съ барабанщикомъ, который тотчасъ же принялся бить тревогу. Черезъ три минуты вокругъ императрицы собрались офицеры и солдаты, послѣ чего ее попросили сѣсть въ карету. Она сѣла въ нее съ гетманомъ и отправилась въ Семеновскій полкъ, гдѣ была принята съ кликами невыразимой радости. Оттуда она поѣхала въ Казанскую церковь, гдѣ конный полкъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу съ проявленіемъ по истинѣ бѣшеной радости; народъ повторялъ крики, и всѣ были въ слезахъ и благодарили небо за свое освобожденіе. Оттуда она отправилась въ Зимній дворецъ, гдѣ собрались Сенатъ и Синодъ. Тамъ она приказала составить манифестъ, и была принесена присяга, а затѣмъ было собрано совѣщаніе, на которомъ было рѣшено двинуться въ Петергофъ. Императрица надѣла гвардейскій мундиръ и во главѣ 14.000 человѣкъ выступила изъ города.

*

Вотъ въ чемъ заключается участіе, которое принимала въ этомъ событіи княгиня Дашкова. Она была младшей сестрою любимицы Петра III и 19 лѣтъ отъ роду, болѣе красивая, чѣмъ ея сестра, бывшая очень безобразною. Если между ихъ лицами не было никакого сходства, то ихъ умы разнились еще болѣе. Младшая съ большимъ умомъ соединяла большой разумъ. Много стараній и чтенія, много предупредительности по отношенію къ Екатеринѣ привязали ее къ ней сердцемъ, душею и умомъ. Такъ какъ она нисколько не скрывала этой привязанности и думала, что судьба Россіи соединена съ личностью этой государыни, то поэтому она повсюду говорила о своихъ чувствахъ, что ей до крайности вредило у ея сестры и у самого у Петра III. Вслѣдствіе такого отношенія, котораго она нисколько не скрывала, нѣсколько офицеровъ, не имѣя возможности говорить съ Екатериною, обращались къ княгинѣ Дашковой, чтобы увѣрить императрицу въ ихъ преданности; но все это произошло долгое время спустя послѣ предложеній Орловыхъ, и даже рѣчи и происки послѣднихъ побудили первыхъ (не знавшихъ о прямыхъ путяхъ, которыми располагали Орловы) войти въ сношеніе съ императрицей черезъ посредство княгини Дашковой, считая послѣднюю болѣе близкой къ ней. Екатерина никогда не называла княгинѣ Орловыхъ, чтобы отнюдь не рисковать ихъ именами, такъ какъ большое рвеніе княгини и ея юный возрастъ заставляли опасаться, чтобы среди многихъ ея знакомыхъ не нашелся кто-либо, который неожиданно не выдалъ бы всего. Въ концѣ концовъ императрица посовѣтовала Орловымъ познакомиться съ княгиней, чтобы получить бо́льшую возможность сойтись съ упомянутыми выше офицерами и посмотрѣть, какую пользу они могли бы извлечь изъ нихъ; потому что, какъ бы хорошо ни были настроены эти офицеры, по признанію самой княгини Дашковой, они были менѣе рѣшившимися, чѣмъ Орловы, которые съ намѣреніями соединяли и средства выполненія. Къ тому же, вся смѣлость княгини Дашковой (и, дѣйствительно, она много проявила ея) ни къ чему не привела бы, такъ какъ у нея было болѣе льстецовъ, чѣмъ людей, вѣрившихъ въ нее, а характеръ ея семьи постоянно возбуждалъ нѣ-

которое недовѣріе. Наконецъ, княгиня или, скорѣе, черезъ ея посредство Пассекъ, съ одной стороны, а Орловы, съ другой, потребовали, чтобы Екатерина дала имъ что-либо написанное ею, чтобы такимъ образомъ они получили возможность убѣдить своихъ друзей въ ея согласіи; она послала черезъ княгиню записку, составленную приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Да будетъ воля Господа Бога и поручика Пассека! Я согласна на все, что̀ можетъ быть полезно отечеству". А Орловымъ она написала: „Смотрите на то, что̀ вамъ скажетъ тотъ, который показываетъ вамъ эту записку, такъ, какъ будто я говорю вамъ это. Я согласна на все; что̀ можетъ спасти отечество, вмѣстѣ съ которымъ вы спасете меня, а также и себя". И ту и другую записки она подписала своимъ именемъ. Легко понять, что эти записки были разорваны, какъ только онѣ выполнили свое назначеніе.

*

Когда поручикъ Пассекъ былъ арестованъ, караулившіе его солдаты открыли ему двери и окна, чтобы онъ могъ бѣжать; потому что, говорили они, ты страдаешь за доброе дѣло. И, не смотря на то, что онъ долженъ былъ ожидать пытки и не могъ предвидѣть, что̀ произойдетъ; не смотря на то, что всѣ посвященные въ тайну рѣшили, что въ случаѣ если произойдетъ событіе, подобное тому, что̀ произошло съ нимъ, нужно тотчасъ же приступить къ дѣлу: онъ, тѣмъ не менѣе, имѣлъ рѣшимость остаться въ своемъ заточеніи, чтобы ничего не испортить; потому что цѣлый полкъ былъ бы поднятъ на ноги, и для того, чтобы искать его, могли бы запереть городъ.

*

Когда Петръ III узналъ, что императрица уѣхала изъ Петергофа, онъ пріѣхалъ туда, повсюду искалъ ее, даже подъ кроватью, допрашивалъ всѣхъ оставшихся, но никакъ не могъ рѣшиться на что-нибудь. Всѣ, окружавшіе его, давали ему различные совѣты, изъ которыхъ онъ выбралъ самый слабый: прогуливался взадъ и впередъ по саду, а затѣмъ выразилъ желаніе пообѣдать.

*

Когда императрица отправлялась изъ Петергофа, она потеряла болѣе получаса времени, проходя садами, и вслѣдствіе этого не нашла кареты и была узнана на улицѣ нѣкоторыми прохожими. Съ нею были лишь одна горничная, никоимъ образомъ не хотѣвшая оставить ее, и ея первый камердинеръ, искавшій карету.

Въ то время, какъ она направлялась съ войсками въ Петергофъ, народъ сообразилъ, что Петръ III можетъ пріѣхать водою. Нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженныхъ камнями и палками, собрались на Васильевскомъ островѣ, на берегу моря, при входѣ въ Неву, твердо рѣшившись потопить всякое судно, которое прибыло бы съ моря.

*

Когда адмиралъ Талызинъ былъ посланъ въ Кронштадтъ, мы всѣ считали его погибшимъ человѣкомъ, потому что не представлялось понятнымъ,

чтобы императоръ не подумалъ объ этомъ портѣ и крѣпости; до Ораніенбаума было водою только одна миля, тогда какъ до города—четыре, а онъ былъ посланъ лишь въ полдень. Когда онъ пріѣхалъ, онъ дѣйствительно нашелъ генерала Девьера съ 2.000 человѣкъ, выстроенныхъ на пристани. Послѣдній спросилъ его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ ускорить отплытіе флота".—„А что говорятъ и дѣлаютъ въ городѣ?" „Ничего", отвѣчалъ онъ. „Куда вы направляетесь теперь?" „Я собираюсь отдохнуть; я умираю отъ жары". Тотъ его пропустилъ. Онъ вошелъ въ одинъ домъ, вышелъ изъ него черезъ заднюю дверь и пошелъ къ коменданту Нумерсу, которому сказалъ: „Послушай, въ городѣ совершенно другія вѣсти, чѣмъ здѣсь; всѣ принесли присягу въ вѣрности императрицѣ; я совѣтую тебѣ сдѣлать тоже самое. У меня здѣсь 4.000 матросовъ, у тебя лишь 2.000 человѣкъ. Вотъ мой сказъ: рѣшайся". Тотъ отвѣтилъ, что поступитъ такъ, какъ ему будетъ угодно. „Такъ вотъ—отвѣчалъ онъ—ступай, обезоружь генерала Девьера". Онъ пошелъ на это; отозвалъ его въ сторону, взялъ у него его шпагу, и всѣ принесли присягу въ вѣрности.

*

Когда гренадерская рота перваго гвардейскаго полка пришла близъ Казанской церкви на встрѣчу къ императрицѣ, они захотѣли составить непосредственную охрану экипажа императрицы; но гренадеры Измайловскаго полка возразили имъ съ горькими упреками, что они явились послѣдними, и что они никоимъ образомъ не уступятъ имъ. Это была очень опасная минута, потому что, если бы первые заупрямились, то дѣло дошло бы до штыковъ; но ничуть не бывало: они отвѣчали, что виноваты во всемъ ихъ офицеры, задержавшіе ихъ, и затѣмъ самымъ кроткимъ образомъ принялись идти передъ лошадьми императрицы.

*

Ярость солдатъ противъ Петра III была чрезмѣрная. Вотъ образчикъ ея. Послѣ принесенія присяги на вѣрность, пока происходило совѣщаніе, войскамъ, выстроеннымъ вокругъ Зимняго деревяннаго дворца, было разрѣшено надѣть прежнюю форму. Одинъ изъ офицеровъ вздумалъ сорвать свой золотой знакъ и бросить его своимъ солдатамъ, думая, что они обратятъ его въ деньги. Они же съ жадностью набросились на него и, поймавъ собаку, надѣли его ей на шею. Украшенную подобнымъ образомъ собаку гоняли съ яростнымъ гиканьемъ. Они топтали ногами все исходившее отъ этого государя, что только попадалось имъ.

*

По выступленіи изъ города, вечеромъ 28-го числа, первая остановка была въ 10-ти верстахъ отъ города, на постояломъ дворѣ, называемомъ Краснымъ Кабачкомъ. Здѣсь все имѣло видъ настоящаго похода. Солдаты разлеглись на большой дорогѣ; офицеры и множество горожанъ, слѣдовавшихъ изъ любопытства, и все, что могло вмѣститься въ этомъ домѣ,—всѣ вошли въ него. Никогда еще день не былъ болѣе богатъ приключеніями. У каждаго было свое, и всѣ хотѣли разсказывать. Были необыкновенно веселы, и ни-

кто не чувствовалъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Можно было бы подумать, что все уже кончено, хотя въ дѣйствительности никто не могъ предвидѣть конца, которымъ завершится эта великая катастрофа. Не знали даже, гдѣ находится Петръ III. Слѣдовало предполагать, что онъ бросился въ Кронштадтъ, но никто не думалъ объ этомъ. Однако, Екатерина не была такъ спокойна, какъ это казалось; она смѣялась и шутила, говорила съ тѣми и другими черезъ всю комнату, а когда у нея подмѣчали мгновенія разсѣянности, сваливала вину того на утомленіе отъ пережитаго дня. Захотѣли уложить ее спать. Она было бросилась на кровать, но, не будучи въ состояніи закрыть глаза, лежала недвижимо, чтобы не разбудить княгини Дашковой, лежавшей возлѣ нея. Случайно повернувъ голову, она увидала, что у княгини ея большіе голубые глаза были раскрыты и устремлены на нее, что̀ заставило ихъ обѣихъ громко расхохотаться отъ того, что обѣ онѣ считали одна другую заснувшею и взаимно оберегали сонъ одна другой. Онѣ отправились присоединиться къ остальнымъ и, нѣсколько времени спустя, снова пустились въ путь

*

Утромъ 28-го Іюня Воронежскій полкъ былъ въ Красномъ Селѣ, въ 27-ми верстахъ отъ Петербурга. Нѣмецкій офицеръ, посланный отъ Петра III, пріѣхалъ туда нѣсколько ранѣе посланнаго императрицею, чтобы двинуть этотъ полкъ въ Петергофъ, и они готовились выступить въ путь, не зная въ чемъ дѣло, когда пріѣхалъ полковникъ Олсуфьевъ съ однимъ гвардейскимъ офицеромъ, чтобы привести ихъ къ присягѣ Екатеринѣ. Полковой командиръ колебался *). Одинъ гренадеръ проронилъ нѣсколько словъ, не понравившихся Нѣмецкому офицеру, и тогда этотъ выхватилъ шпагу и хотѣлъ нанести ею ударъ солдату, тогда всѣ остальные стали кричать, что нужно идти въ Петербургъ, чтобы присоединиться къ Екатеринѣ. Они двинулись въ путь, и, когда государыня выступала изъ города, она встрѣтила ихъ. Такъ какъ они были утомлены, она хотѣла оставить ихъ въ городѣ, но они прошли съ нею еще 23 версты; тамъ имъ было приказано сдѣлать привалъ на дачѣ, называемой Стрѣльна-Мыза, такъ какъ нѣсколько не довѣряли полковому командиру, и въ туже ночь, когда всѣ вернулись въ городъ, этотъ полкъ тоже возвратился туда. Такимъ образомъ въ 24 часа онъ сдѣлалъ 43 версты, что̀ составляетъ 10½ Нѣмецкихъ миль.

*

Когда императрица сходила съ лошади у Лѣтняго дворца, по возвращеніи изъ Петергофа, давка была такъ велика, что ее вели подъ руки, что̀ представляло прекрасную картину. Это имѣло видъ, какъ будто она была вынуждена сдѣлать все то, что̀ передъ тѣмъ произошло, что̀, въ дѣйствительности, и было справедливо; потому что, если бы она отказалась, то подвергалась бы опасности раздѣлить участь Петра III; такимъ образомъ, не было выбора.

*

*) Шефомъ этого полка былъ принцъ Гольштейнъ-Бекскій, полковникомъ Семенъ Масловъ.

Когда императрица побѣдоносно возвратилась въ городъ и удалилась затѣмъ въ свою спальню, капитанъ Орловъ упалъ къ ея ногамъ и сказалъ: „Я вижу васъ императрицей самодержицей; мое отечество освобождено изъ цѣпей, и оно будетъ счастливо подъ вашимъ управленіемъ. Я исполнилъ свой долгъ; я сослужилъ службу вамъ, моему отечеству и самому себѣ. Мнѣ остается попросить васъ лишь объ одной милости: позвольте мнѣ удалиться въ мои деревни. Я родился честнымъ человѣкомъ; дворъ могъ бы испортить меня; я молодъ, милости могли бы заставить ненавидѣть меня. У меня есть состояніе, я буду счастливъ на покоѣ, покрытый славою, такъ какъ я далъ васъ моему отечеству“.

Императрица отвѣчала ему, что заставить ее прослыть неблагодарною по отношенію къ человѣку, которому она считала себя наиболѣе обязанною, значило бы испортить ея дѣло; что простой народъ не могъ бы повѣрить столь большому великодушію, но думалъ бы, что она подала ему какой-нибудь поводъ къ неудовольствію, или даже что она недостаточно вознаградила его. Нужно было какъ бы прибѣгнуть къ воздѣйствію власти, чтобы заставить его остаться, и онъ былъ до слезъ огорченъ красной лентой св. Александра и камергерскимъ ключемъ, которые она пожаловала ему, что приносило съ собою чинъ генералъ-маіора.

*

Для поѣздки въ Ропшу съ Петромъ III императрица назначила капитана Алексѣя Орлова, князя Барятинскаго и трехъ другихъ офицеровъ. Они выбрали 100 человѣкъ изъ различныхъ гвардейскихъ полковъ. Данныя имъ приказанія гласили сдѣлать жизнь этому государю столь пріятной, насколько они могли, и доставлять ему для его забавы все, чего онъ ни пожелаетъ Предполагалось изъ этого мѣста перевезти его въ Шлиссельбургъ, а черезъ нѣкоторое время, въ зависимости отъ обстоятельствъ, отправить его съ его любимцами въ Гольштинію: до такой степени его личность представлялась мало опасной.

*

Послѣ смерти императрицы Елисаветы дочь герцога Курляндскаго Бирона, вышедшая замужъ за барона Черкасова, и которую Петръ III любилъ когда-то, не смотря на то, что она была горбата, добилась того, что этотъ императоръ приказалъ возвратить ея отца изъ Ярославля, куда сослала его покойная императрица. Этому много способствовало естественное нерасположеніе, которое императоръ почувствовалъ къ принцу Карлу Саксонскому во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ; онъ до такой степени ревниво относился къ нему, что достаточно было назвать его имя, чтобы вызвать въ немъ гнѣвъ. Онъ обѣщалъ дочери возвратить отцу герцогство и, дѣйствительно, предполагалъ поступить такъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ принцъ Георгъ Гольштинскій, который вмѣстѣ со своими сторонниками заставилъ императора измѣнить свое намѣреніе и склонилъ его принудить Бирона и его сыновей отказаться отъ Курляндіи въ пользу принца

Гольштинскаго. Въ своей горести Бироны обратились къ императрицѣ, которая не могла сдѣлать ничего другого, какъ увѣрить ихъ, что правота ихъ дѣла извѣстна ей, но что не отъ нея зависитъ помочь имъ. Въ день восшествія Екатерины на престолъ Бироны должны были подписать этотъ актъ отреченія, какъ вдругъ положеніе вещей измѣнилось. Биронъ былъ выпущенъ. У императрицы не было никакихъ основаній снова посадить его въ тюрьму; его дочь постоянно была предана ей, и тысячу разъ его права были признаны дѣйствительными. Россія не должна была кормить эту семью на свой счетъ. Поэтому было принято рѣшеніе возвратить ему Курляндію, а возможность создать въ первые же дни своего царствованія „герцога" тоже не была непріятна Екатеринѣ.

III.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ АББАТА ДЕНИНЫ[1]).

Въ 1788 году, т. е. черезъ два года по кончинѣ Фридриха Великаго, появилась въ Берлинѣ книга нѣкоего аббата-вольнодумца Денины (впослѣдствіи библіотекаря у Наполеона): „Опытъ о жизни и царствованіи Фридриха II-го, короля Прусскаго, служащій вмѣсто предисловія къ изданію его посмертныхъ сочиненій" (вышедшихъ тогда-же). Ст.-секретарь Храповицкій поднесъ Екатеринѣ эту книгу 1-го Марта 1789 г. Содержаніе было особенно любопытно и, такъ сказать, современно для Екатерины: излагалась жизнь самаго замѣтнаго изъ людей ея вѣка, имѣвшаго столь важное значеніе въ ея собственной судьбѣ. Можно даже предположить, что чтеніе книги Денины и появленіе въ свѣтъ Записокъ Фридриха Великаго (на первый разъ весьма въ сокращенномъ видѣ) могли побудить Екатерину къ составленію собственныхъ ея Записокъ [2]). Она увлеклась чтеніемъ Фридриховой біографіи, и 9 Марта показала Храповицкому свои замѣчанія на поляхъ книги. Черезъ мѣсяцъ, 10 Апрѣля, она дала ихъ прочитать ему, „никому не показывая". Храповицкій однакоже списалъ ихъ для себя, и они сохранились въ его бумагахъ, которыя впослѣдствіи были подарены его наслѣдниками Московскому Румянцовскому Музею. П. Б.

*

Денина. Фридрихъ-Вильгельмъ [3]), желая сдѣлать угодное императору Карлу VI-му, рѣшился послѣдовать его указанію и выбралъ [4]) его племянницу, Елисавету Христину, дочь герцога Беверискаго Фердинанда-Альберта, изъ Брауншвейгскаго дома. Если правда, что у принца были другія склон-

---

[1]) Французскій подлинникъ см. выше, стр. 279—285.

[2]) Записки эти писаны никакъ не раньше 1784 года, потому что Государыня ссылается въ нихъ на ту часть Бюшингова Магазина, гдѣ напечатанъ Дневникъ камеръюнкера Берхгольца, а эта часть вышла въ свѣтъ въ 1784 году.

[3]) Отецъ Фридриха Великаго.

[4]) Въ жены своему сыну и наслѣднику, Фридриху Великому (р. 1712).

ности, то надо сказать, что онъ ими пожертвовалъ волѣ своего родителя и несомнѣннымъ достоинствамъ Брауншвейгской принцессы.

Екатерина. Повидимому такъ; но онъ поклялся не касаться ея и сдержалъ клятву.

Денина. Любимымъ его чтеніемъ былъ Лексиконъ Беля [1]). Онъ такъ часто говорилъ о немъ за столомъ и въ бесѣдахъ, что супруга его возъимѣла желаніе познакомиться съ этимъ твореніемъ. По ея просьбѣ, мѣстный священникъ-Французъ отмѣтилъ для нея тѣ мѣста, которыя честной женщинѣ можно читать безопасно.

Екатерина. Ну что же! Я его читала и нашла только, что оно отличается весьма философическимъ направленіемъ. Мнѣ казалось, что въ нѣмъ нѣтъ ничего такого, что̀ не могла бы читать честная женщина. Тѣмъ не менѣе я преклоняюсь передъ тонкимъ чувствомъ принцессы и должна признаться, что мнѣ подобная опасливость не приходила на умъ. Предполагать дурное было не въ моихъ свойствахъ.

Денина. Лейпцигъ, Берлинъ и Гамбургъ взаимною торговлею должны были послужить къ образованію народа и къ созданію народной словесности.

Екатерина. Посмотримъ, какова-то выдетъ эта народная словесность, коль скоро не прекратится теперешнее изувѣрное духовидчество [2]) и всѣ эти Нѣмецкіе принцы не перестанутъ только въ этомъ и находить удовольствіе. Словесность безъ философіи и безъ умовъ философическихъ процвѣтать не можетъ; а что̀ общаго у философіи съ шарлатанами, изступленными духовидцами и прочими подобными глупцами?

Денина. Нечего поэтому удивляться, что Фридрихъ привыкъ говорить и писать по-французски и охотно бесѣдовалъ только съ тѣми лицами, которыя объяснялись на этомъ языкѣ.

Екатерина. Онъ пріохотился къ Французскому, потому что отецъ его не любилъ этого языка. Нечего грѣха таить: Нѣмцы берутъ строгою выдержкою, Французы любезностью, Англичане точнымъ и глубокимъ изученіемъ.

Денина. Первымъ сочиненіемъ, поставившимъ Фридриха въ число авторовъ, было Анти-Макіавель, опроверженіе отвратительныхъ началъ, проведенныхъ Макіавелемъ въ его книгѣ о Государѣ.

Екатерина. Книга эта доказываетъ, что слова и дѣла не одно и тоже.

Денина. Винтерфельдъ, зять Миниха, подданный короля Прусскаго, былъ имъ посланъ въ Петербургъ и дѣйствовалъ тамъ съ полнымъ для Фридриха успѣхомъ. Винтерфельдъ не только воспрепятствовалъ проискамъ Вѣнскаго двора, желавшаго заручиться союзомъ съ Россіею, но и привлекъ

---

[1]) Бель (Bayle)—Французскій мыслитель и вольнодумецъ (1647—1706) прославился книгою: Dictionnaire historique et critique.

[2]) Наслѣдникъ Фридриха Великаго, ниже изображаемый Екатериною, держался масонства и былъ увлекаемъ въ дальнѣйшія развѣтвленія онаго, т. е. въ такъ называемое иллюминатство. Французы этимъ воспользовались.

на службу къ своему государю нѣсколько искусныхъ офицеровъ, между прочимъ Финка и Манштейна и, можетъ быть, предрасположилъ къ переходу въ Пруссію фельдмаршала Кейта.

Екатерина. Минихъ былъ тестемъ, а не зятемъ Винтерфельду. Фельдмаршалъ Кейтъ никогда и не подумалъ бы мѣнять службу, если бъ его не преслѣдовалъ канцлеръ графъ Бестужевъ, которому хотѣлось освободить мѣсто для пріятеля своего Апраксина. Сюда присоединились Англійскіе происки. Братъ фельдмаршала Кейта, принимавшій участіе въ Шотландскихъ волненіяхъ 1745 года, желалъ поступить въ Русскую службу; Англичане стали такъ хлопотать у Бестужева, что Кейту было отказано, а братъ его фельдмаршалъ подалъ въ отставку.

Денина. Маркизъ Ботта былъ посланникомъ Вѣнскаго двора въ Петербургѣ во время переворота, коимъ низвергнутъ молодой Иванъ съ правительницею Анною, принцессою Брауншвейгскою, и коимъ возведена на престолъ Елисавета. Ни Анна, ни супругъ ея Ульрихъ Брауншвейгскій не были лишены жизни при этомъ переполохѣ; но они лишились свободы въ ту минуту, когда дали выхватить изъ рукъ своихъ бразды правленія. Вѣнскій дворъ поддерживалъ правительницу Анну вѣроятно потому, что тогда уже было извѣстно, что на Елисавету будутъ сильно дѣйствовать министры и посланцы Франціи, находившейся въ то время въ отъявленной враждѣ съ Венгерскою королевою. Вѣнскій посланникъ получилъ тайныя приказанія всевозможными средствами добиться сверженія Елисаветы и возстановленія правительницы Анны и ея супруга, принца Брауншвейгскаго. Человѣкъ шесть или семь, мужчинъ и женщинъ, изъ лицъ самыхъ вліятельныхъ, были сообщниками Ботты.

Екатерина. Все это сущій вздоръ. Ботта не составлялъ заговора, но онъ часто посѣщалъ дома госпожъ Лопухиной и Ягужинской, гдѣ не стѣснялись въ отзывахъ объ Елисаветѣ, и эти отзывы были ей донесены. Во всемъ этомъ дѣлѣ, за исключеніемъ рѣзкихъ отзывовъ, не видно и слѣда заговора. Но то правда, что было желаніе открыть заговоръ, дабы погубить великаго канцлера графа Бестужева, который былъ деверемъ графини Ягужинской, вышедшей вторымъ бракомъ за брата канцлерова. Лопухина негодовала на императрицу Елисавету, потому что у ней отняли имѣніе, которое ей было пожаловано принцессою Анной [1]).

Денина. Большинство народа въ Бранденбургѣ, какъ и въ Саксоніи, продолжало держаться лютеранства и одинаково не любило какъ католиковъ, такъ и реформатовъ.

Екатерина. Лютеране, гдѣ они преобладаютъ, бываютъ весьма чужды вѣротерпимости.

Денина. Мнѣ говорили, что король [2]), во вторую Силезскую войну,

---

[1]) Графъ С. Р. Воронцовъ, въ 1763 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ, встрѣтился съ Боттою въ Италіи, и тотъ ему жаловался, что его оклеветали передъ Елисаветой Петровной. („Архивъ Князя Воронцова", XI, 349).

[2]) Т. е. Фридрихъ Великій.

обѣщалъ Бестужеву подарокъ въ сто тысячъ червонцевъ, если онъ помѣшаетъ своей государынѣ принять сторону Австріи и Саксоніи; по заключеніи же мира, сдѣлавшись весьма расчетливъ, король не позаботился исполнить это обѣщаніе. Но мнѣ кажется, что это обѣщаніе Бестужеву ста тысячъ должно относиться къ другому времени.

Екатерина. Это весьма сомнительно. Если былъ такой слухъ, то его одного было бы достаточно, чтобы сдѣлать изъ канцлера непримиримаго врага. Вѣрно то, что всѣ слывшіе друзьями Прусскаго короля были отъявленными врагами Бестужева, который большую ихъ часть устранилъ. Они отплатили ему, ибо, войдя въ силу, свергли его. Во главѣ ихъ былъ вице-канцлеръ Воронцовъ, давній сторонникъ Французско-Прусской стачки. Въ 1758 г., когда Франція воевала съ Пруссіею, онъ остался Французомъ и вошелъ въ связь съ господами Шуваловыми, для низверженія Бестужева. Вѣнскій дворъ заплатилъ неблагодарностью Бестужеву, которому онъ былъ обязанъ союзомъ съ Россіею. Бестужевъ желалъ, чтобы императрица помогла Маріи-Терезіи, согласно состоявшемуся между ними договору; но Маріи-Терезіи нужно было, чтобы Россія выставила на помощь ей всѣ свои силы, въ чемъ и успѣла.

Денина. Послѣ пораженія при Коллинѣ, понесенныхъ потерь, болѣзней, бѣгства солдатъ, Прусская армія убавилась слишкомъ на половину; въ ней было всего 80 тысячъ человѣкъ, считая и находившихся по крѣпостямъ, которыя необходимо было удерживать за собою. Непріятельскія же арміи, хотя и терпѣли тоже убыль, безпрестанно пополнялись, и въ нихъ считалось, по меньшей мѣрѣ, 400 тысячъ человѣкъ. Казалось, король долженъ былъ погибнуть; а вдобавокъ князья Германской имперіи, до того времени колебавшіеся, чью держать сторону, стали наперерывъ выражать приверженность къ Австрійскому дому и къ императору и такимъ образомъ умножали собою число враговъ короля.

Екатерина. Имперскіе князья походятъ на придворныхъ, обожающихъ насущнаго идола и поворачивающихся къ нему спиною, какъ только онъ очутится въ несчастіи или въ немилости.

Денина. Его геній и мужество не только не ослабѣвали, но въ самыхъ неудачахъ почерпали себѣ новую жизнь. Въ битвѣ при Росбахѣ...

Екатерина. Геній его познавался именно въ неудачахъ, въ дни же благоденствія онъ былъ недѣятеленъ. Великія дѣла всегда совершаются средствами не особенно большими.

Денина. Швеція, извергнувъ изъ среды своей великій избытокъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію, послѣ того, въ теченіи многихъ вѣковъ, не появлялась на театрѣ Европы. То порабощенная Датчанами, то стенавшая подъ игомъ своего духовенства и постоянно терзаемая междоусобіемъ, она не славилась ни громкими внѣшними подвигами, ни добрыми внутренними учрежденіями. Единственная ея особенность, заслуживающая вниманія, состояла въ томъ, что не только граждане, но и крестьяне, повсюду безправные, въ Швеціи могли, какъ и теперь могутъ, подавать голосъ въ народныхъ сеймахъ.

Екатерина. Великій избытокъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію, о которомъ говоритъ авторъ, принадлежалъ вовсе не Швеціи, а двинулся съ Востока и Юга Россіи. Сами Шведы признаютъ, что Одинъ былъ уроженецъ Дона. Одинъ былъ Славянинъ, какъ показываетъ самое его имя *). Швеція же не могла ни вмѣщать, ни прокармливать такого народонаселенія. Свобода боролась противъ тиранства.

Денина. Говорили, что напослѣдокъ онъ (король Прусскій) склонилъ на свою сторону великаго канцлера Бестужева, и что министръ этотъ послалъ приказаніе генералу Апраксину отступить изъ Прусскихъ предѣловъ. Правда, что въ это время графъ Бестужевъ уже не такъ враждовалъ противъ короля, какъ прежде; но невѣроятно, чтобы Прусскія деньги дѣйствовали на Бестужева сильнѣе Французскихъ и Австрійскихъ, такъ какъ онъ работалъ тому, кто больше давалъ.

Екатерина. Это ложь. Бестужевъ желалъ, чтобы Апраксинъ шелъ дальше.—И опять ложь: Бестужевъ былъ настойчиво-упрямъ, и никогда нельзя было купить его деньгами.

Денина. Австрійскій и Французскій министры, зная склонности великаго князя и не разсчитывая, чтобъ онъ перемѣнился, старались воспрепятствовать по крайней мѣрѣ его вліянію, пока царствовала Елисавета, и употребляли всѣ средства, чтобы очернить его въ глазахъ царствовавшей императрицы.

Екатерина. Трудновато было племяннику Елисаветы пользоваться на нее какимъ-нибудь вліяніемъ. Умомъ и характеромъ они были до такой степени несходны, что стоило имъ поговорить между собою пять минутъ, чтобы неминуемо повздорить. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Денина. По всему вѣроятію Бестужевъ порицалъ императрицѣ дружеское расположеніе, которое великій князь питалъ къ Фридриху, а великому князю выражалъ свое неудовольствіе на войну, которую императрица вела противъ Пруссіи. Такимъ образомъ великій канцлеръ былъ обвиненъ главнымъ образомъ въ томъ, что онъ старался возстановлять императрицу противъ великаго князя и великой княгини, а сихъ послѣднихъ противъ императрицы. Бестужевъ былъ замѣщенъ Воронцовымъ, человѣкомъ почтеннымъ, который пользовался славою испытанной честности и ни разу не измѣнилъ этой своей славѣ: но его мудрость и вліяніе не отвлекли императрицу отъ союза съ Австріею и Франціей.

Екатерина. Будучи врагомъ Прусскаго короля, Бестужевъ отнюдь не скрывалъ того, и никогда онъ не угодничалъ великому князю, который, замѣтимъ, потомъ и не возвратилъ его изъ ссылки. Воронцовъ же былъ отъявленный лицемѣръ, и вотъ онъ-то и работалъ тому, кто больше давалъ: нѣтъ иностраннаго двора, который бы не платилъ ему.

---

*) Извѣстно, что Екатерина увлекалась словопроизводствами. Она находила слѣды Славянства даже въ Южной Америкѣ и утверждала, что Г в а т е м а л а есть г а т ь м а л а я. Но тогда сравнительное языкознаніе было еще въ младенчествѣ, и кромѣ Екатерины почти никто имъ не занимался.

Денина. Въ твореніяхъ Фридриха увидятъ, съ какою откровенностью онъ признавался въ своихъ ошибкахъ и особенно въ той, которую онъ сдѣлалъ въ сраженіи подъ Франкфуртомъ, напавъ на непріятелей, и безъ того долженствовавшихъ ему уступить. Онъ довелъ ихъ до крайности и тѣмъ самымъ принудилъ наверстать въ концѣ сраженія то, что они потеряли въ началѣ.

Екатерина. Рижскій генералъ-губернаторъ Броунъ нерѣдко говорилъ, что если бы королемъ былъ онъ, то послѣ сраженія подъ Франкфуртомъ онъ не довѣрилъ бы болѣе начальства надъ арміей Фридриху, будь тотъ его генераломъ.

Денина. Въ первомъ порывѣ радости, испытанной Петромъ III, когда онъ увидалъ себя государемъ и получилъ возможность такъ блистательно доказать всему міру свою дружбу къ Прусскому королю, онъ самъ положилъ начало тому перевороту, вслѣдствіе котораго лишился престола и погибъ.

Екатерина. У Петра III-го первымъ врагомъ былъ онъ самъ: до такой степени всѣ дѣйствія его отличались неразуміемъ. Что въ другихъ обыкновенно возбуждаетъ жалость, то самое его приводило въ гнѣвъ. Онъ забавлялся тѣмъ, что билъ людей и животныхъ, и не только не трогался ихъ слезами и криками, а напротивъ раздражался ими еще больше, а въ гнѣвѣ онъ придирался ко всякому, кто былъ налицо. Любимцы его были весьма несчастливы. Они не смѣли разговаривать между собою, не возбуждая его недовѣрія; когда же оно въ немъ разыгрывалось, онъ ихъ наказывалъ розгами, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ *). Оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ, тайный совѣтникъ Волковъ потерпѣли такое наказаніе въ Ораніенбаумѣ, въ присутствіи дипломатическаго корпуса и сотни человѣкъ мужчинъ и женщинъ, собравшихся къ императору на праздникъ. Тогдашній Англійскій министръ Кейтъ выразилъ по этому случаю свое негодованіе графинѣ Брюсъ.....

Денина. Онъ заставилъ императрицу, свою супругу, украсить графиню Воронцову Екатерининскою лентою. Императрица естественно была задѣта этимъ за живое.

Екатерина. Никогда не заставлялъ онъ императрицу возлагать на графиню Воронцову Екатерининскую ленту, а потрудился возложить собственноручно. Онъ хотѣлъ на ней жениться и въ тотъ самый вечеръ, какъ возложена была лента, приказалъ адъютанту своему князю Барятинскому (впослѣдствіи министру во Франціи) арестовать императрицу въ ея покояхъ. Испуганный Барятинскій медлилъ исполненіемъ и не зналъ какъ ему быть, когда въ прихожей повстрѣчался ему дядя императора принцъ Георгій Голштинскій. Барятинскій передалъ ему, въ чемъ дѣло. Принцъ побѣжалъ къ императору, бросился передъ нимъ на колѣни и насилу уговорилъ отмѣнить приказаніе.

---

*) Это напоминаетъ собою образъ дѣйствій отца Фридриха Великаго; подъ его воздѣйствіемъ протекла несчастная молодость Петра III-го въ Голштиніи.

Денина. Дѣйствительно, она сначала объявила, что войска ея не выдутъ изъ Пруссіи и приказала даже арестовать въ Петербургѣ королевскаго посланника барона Гольца, который былъ у царя въ большой милости.

Екатерина. Баронъ Гольцъ не былъ арестованъ. Онъ находился при Петрѣ III-мъ въ Ораніенбаумѣ. Онъ попросилъ и получилъ охранную стражу для того, чтобы возвратиться въ Петербургъ.

Денина. Въ бумагахъ покойнаго императора оказалось много писемъ, которыя Прусскій король писалъ ему по поводу его домашнихъ нестроеній и по поводу его намѣренія послѣдовать примѣру Петра I-го, заточившаго въ монастырь свою первую супругу Евдокію. Фридрихъ совѣтовалъ ему воздержаться отъ столь рѣзкаго поступка, чтобы дѣло уладилось наилучшимъ способомъ, и оказывать супругѣ всякое уваженіе, сколько то будетъ совмѣстимо съ его собственнымъ спокойствіемъ.

Екатерина. Было письмо, въ которомъ Фридрихъ совѣтовалъ Петру III-му (затѣвавшему войну съ Даніею съ цѣлью возвратить отъ нея Шлезвигъ), чтобы онъ взялъ съ собою недовольныхъ и подозрительныхъ лицъ и оставилъ ихъ въ Кенигсбергѣ.

Денина. Убѣдившись въ добромъ расположеніи Фридриха, Екатерина не хотѣла однакоже дѣйствовать противъ Австріи.

Екатерина. Судя по предыдущему замѣчанію, нельзя сказать, чтобы доброе расположеніе Фридриха II-го къ императрицѣ было особенно надежно.

Денина. Во время войны Фридрихъ сочинялъ много стиховъ, въ элегическомъ духѣ; стихи эти содержали въ себѣ сѣтованія на частное горе и на общественныя бѣдствія.

Екатерина. Принцъ Генрихъ увѣрялъ, что король, братъ его, всегда имѣлъ у себя наготовѣ стихи и пускалъ ихъ въ ходъ, когда обстоятельства становились затруднительны, чтобы удивить свободою своего ума, способнаго и въ такихъ обстоятельствахъ заниматься развлеченіями.

Денина. Глава XXV. Король боится, что у него не окажется преемника. Кончина племянника нѣсколько встревожила Фридриха II-го. Изъ четырехъ сыновей, которые пережили короля Фридриха - Вильгельма I-го и которые всѣ были женаты, только у одного были дѣти мужского пола. Король не имѣлъ дѣтей и отказался отъ надежды имѣть ихъ. Принцъ Генрихъ, женатый уже болѣе двадцати лѣтъ, тоже былъ бездѣтенъ. Относительно принца Фердинанда, хотя супружество его продолжалось уже десять лѣтъ, еще можно было питать надежду, что у него будетъ царственный наслѣдникъ. Принцъ Прусскій Августъ, умершій въ 1758 году, оставилъ двухъ сыновей. Изъ нихъ старшій, нынѣшній король, имѣлъ тогда только одну дочь.

Екатерина. Вдобавокъ она еще не была отъ него; сама мать звала ей маленькой Моллеръ; Моллеръ былъ трубачемъ въ полку тогдашняго принца Прусскаго, Фридриха - Вильгельма, нынѣ короля. Первая жена не

могла его выносить [1]). Заодно съ Фридрихомъ II-мъ она считала этого принца тяжеловѣснымъ и скучнымъ глупцомъ [2]). Принцъ Делинь прозвалъ его Геркулесовой палицею. Находясь въ Петербургѣ въ 1780 году, тогдашній принцъ Прусскій отправился въ публичное засѣданіе Академіи Наукъ и тамъ при всѣхъ упалъ въ обморокъ. Злые языки стали говорить, что его королевское высочество лишился сознанія въ храмѣ познаній.

Денина. Первый бракъ принца Прусскаго не былъ счастливъ. Король любилъ принцессу Брауншвейгскую, будучи связанъ съ ея домомъ тройными родственными узами; мужъ оказывалъ всегда нѣжность этой любезнѣйшей женщинѣ, и тѣмъ не менѣе союзъ пришлось расторгнуть. Фридрихъ-Вильгельмъ женился вторымъ бракомъ на Фридерикѣ-Луизѣ, дочери Гессенъ-Дармштадтскаго ландграфа.

Екатерина. Она дѣйствительно славилась любезностью, въ чемъ никогда нельзя было попрекнуть ея супруга. Вторая жена, не имѣвшая ни красоты, ни любезности, ни ума, была выбрана Фридрихомъ нарочно въ наказаніе племяннику, не умѣвшему ужиться съ первою. Онъ говаривалъ, что дураку нужна дура.

Денина. Выборами руководила императрица Екатерина II-я, и это она доставила престолъ графу Понятовскому Станиславу-Августу, происходившему изъ знатнѣйшаго Польскаго семейства, особенно получившаго извѣстность со временъ Августа I-го. Графъ Понятовскій путешествовалъ по многимъ странамъ Европы, гдѣ снискалъ себѣ хорошую извѣстность, и позднѣе былъ посломъ Польской республики при Петербургскомъ дворѣ. Его умъ, дарованія, внѣшность естественно привлекли къ нему склонность и уваженіе Екатерины. Поддержка Россіи и значительная партія приверженцевъ внутри страны, привлеченныхъ къ нему его происхожденіемъ и его достоинствами, дали ему перевѣсъ надъ всѣми соперниками.

Екатерина. Онъ былъ только „посланникомъ“ Августа II-го. Россія выбрала его въ кандидаты на Польскій престолъ потому, что изо всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе правъ, и слѣдовательно долженъ былъ наиболѣе быть признателенъ Россіи.

Денина. Нѣкто, съ кѣмъ врядъ ли кто другой можетъ соперничать въ знаніи исторіи Фридриха II-го, говорилъ, что королю принадлежитъ первая мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ. Дѣйствительно, въ 1744 году Фридрихъ придумалъ союзъ этого рода.

Екатерина. Это неправда. Вооруженный нейтралитетъ родился въ головѣ Екатерины II-й и ни въ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно утро мысль эта была высказана устами Императрицы какъ будто по внезапному вдохновенію. Графъ Панинъ не

[1]) Она была Елисавета-Ульриха Брауншвейгская. Мужъ развелся съ нею въ 1769 году и женился на Луизѣ Гессенъ-Дармштадтской, старшей сестрѣ нашей великой княгини Натальи Алексѣевны.

[2]) Надо замѣтить, что въ то время, какъ писаны эти строки, между Россіею и Пруссіею была полная остуда.

хотѣлъ о ней слышать, потому что она принадлежала не ему, и потребовалось много труда уломать его. Разработка поручена была Бакунину, и напослѣдокъ онъ занялся ею.

Денина. Фридрихъ II-й имѣлъ при себѣ генерала Вунша и наслѣднаго принца, нынѣ царствующаго герцога Брауншвейгскаго. Принцъ Прусскій [1]) вскорѣ ихъ настигъ во главѣ дивизіи, составленной изъ Берлинскаго и Потсдамскаго гарнизоновъ.

Екатерина. Принцъ Прусскій началъ свое военное поприще тѣмъ, что упалъ съ лошади. Король по этому случаю обратился къ князю Репнину [2]) и сказалъ: „Вотъ какъ его королевское высочество, принцъ Прусскій, начинаетъ свою службу!"

Денина. Тѣмъ не менѣе Фридрихъ испытывалъ своихъ генераловъ и въ особенности племянника своего, принца Прусскаго. Иногда онъ нарочно посылалъ его въ такія опасныя мѣста, куда въ иныхъ государствахъ не посылаютъ простого гусарскаго офицера. Принцъ встрѣчалъ опасности съ такою отвагою и преодолѣвалъ ихъ такъ искусно, что король выразилъ ему свое удовольствіе, къ восхищенію всѣхъ присутствовавшихъ.

Екатерина. Королю хотѣлось дать ходъ своему племяннику, котораго онъ въ сущности презиралъ, между прочимъ вслѣдствіе происковъ графа Панина. Сей послѣдній взялъ принца Прусскаго подъ свое покровительство и давалъ ему деньги черезъ ландграфиню [3]), такъ какъ онъ приходился свойкомъ великому князю.

Денина. Глава IX. Громкое дѣло мельника.

Екатерина. Безспорно странно, до какихъ мелочей простирается желаніе повредить славѣ и громкому имени Фридриха, и это печатаютъ и продаютъ въ Берлинѣ! А великій человѣкъ не замѣщенъ понынѣ.

Денина. Вѣнскіе чиновники, которымъ императоръ поручилъ подобное дѣло, во многихъ статьяхъ, повидимому, пользовались тѣмъ сводомъ законовъ, коего три части были выданы великимъ канцлеромъ Фридриха II-го, тотчасъ послѣ смерти государя,

Екатерина. Увы! Слѣдовало бы удивляться и подражать ему; но это трудно, потому что не всякому открыта дорога въ Коринѳъ.

Денина. О веселости Фридриха.

Екатерина. Веселость Фридриха проистекала изъ его превосходства. Былъ ли когда великій человѣкъ, который бы не отличался веселостью и не имѣлъ въ себѣ неистощимый запасъ ея? Вотъ вопросъ.

Денина. Тѣ, которые жаловались на короля, что онъ всегда считалъ себя правымъ, охотнѣе ли соглашались, что они могутъ сами ошибаться?

---

[1]) Говорится о сраженіи при Коллинѣ, 10 Іюня 1757 года.

[2]) Впослѣдствіи фельдмаршалъ, князь Н. В. Репнинъ находился въ ранней молодости за границею.

[3]) Каролину, къ коей письма Екатерины напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1878 года (I, 385). Она была тещей обоихъ престолонаслѣдниковъ, Русскаго и Прусскаго, а перваго изъ нихъ воспитывалъ графъ Панинъ.

Екатерина. Онъ къ этому привыкъ по своей должности: государи не любятъ ошибаться.

Денина. Трудно постигнуть, какъ этотъ трудолюбивый государь и авторъ находилъ время и охоту столько читать и выслушивать писемъ, столько диктовать и подписывать отвѣтовъ. Но онъ находилъ время на это точно такъ, какъ и на дѣла, и на изученіе.

Екатерина. Читать и писать становится удовольствіемъ, коль скоро къ тому привыкнешь.

Денина. Военными качествами Фридрихъ II-й безспорно превышалъ всѣхъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и даже въ вѣка прошлые.

Екатерина. Фридрихъ II-й терялъ голову во время самаго дѣла и не зналъ тогда, какъ поступать. Въ этомъ соглашался родной братъ его Генрихъ.

Денина. Фридрихъ лучше, чѣмъ кто-либо сознавалъ трудность приводить въ движеніе и заставлять дѣйствовать большія арміи. Ему очень хорошо было извѣстно, что Александръ, Густавъ Адольфъ, Карлъ XII совершали великіе подвиги съ небольшими арміями.

Екатерина. Фельдмаршалъ Ласси, отецъ того, что въ службѣ императора, говаривалъ: „Дайте мнѣ отъ 25 до 30 т. человѣкъ, головы моей хватитъ на нихъ. Сто тысячъ человѣкъ мнѣ не подъ силу".

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ КНИГЪ

„АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА“ *).

Подписчикамъ „Русскаго Архива“ 1899 и 1900 годовъ было разослано безплатно по одной книгѣ „Архива Князя Воронцова“, согласно заявленіямъ о выбранной ими книгѣ по разосланному списку о содержаніи ихъ. Подписчикамъ „Русскаго Архива“ 1902 года, желающимъ пополнить свое собраніе, предлагаются имѣющіяся въ продажѣ книги „Архива Князя Воронцова“ *по цѣнѣ пониженной.*

III. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Конференціи. Письма А. П. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

IV. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. Доклады гр. М. Л. Воронцова. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

V. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографич. показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской. Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Съ планомъ взятія Берлина Русскими войсками.

VII. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Проектъ графа П. И. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложенъ портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ.

IX. Письма графа С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

X. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его брату и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосильцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

XII. Письма графа П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ, княгини Е. Р. Дашковой, Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письма графа А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ почерка гр. П. В. Завадовскаго.

XIII. Письма князя А. А. Безбородка и къ графамъ Воронцовымъ.

XIV. Письма князя Кочубея, гр. А. И. Маркова, кн. А. И. Вяземскаго, П. А. Левашова, И. П. Страхова.

XV. Письма А. Я. Протасова. Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управ-

*) Первыя двѣ книги вышли изъ продажи.

ленія въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта Младшаго.

XVI. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу, къ П. В. Завадовскому и гр. А. А. Безбородко. Переписка его съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею. Письма къ графу Остерману, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ. Записка о войскѣ.

XVII. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову. Д. П. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ. Письма Н. Н. Новосильцова.

XIX. Переписка графовъ С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ и С. К. Грейгомъ.

XX. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову, В. С. Тамары, А. Я. Италинскаго, барона Грима В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова. Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

XXI. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіей Наукъ. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову.

XXII. Переписка графовъ С. и А. Р. Воронцовыхъ съ баронами А. Л. и П. А. Николаи.

XXIII. Письма Н. М. Логинова къ графу С. Р. Воронцову.

XXIV. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго, П. А. Зубова, П. И. Измайлова, И. В. Гудовича. Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

XXV. Причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова, о царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. État de la famille du duc de Brunswic (1748). La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Rélation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Понятовскому. Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ графинѣ А. В. Браницкой.

XXVI. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ

„РУССКАГО АРХИВА"

1900 года.

Фельдмаршалъ князь Ф. В. Сакенъ. Его біографія и памятныя записки.

Письма А. Я. Булгакова къ брату его 1811—1820.

В. С. Норовъ. (Декабристъ). По его письмамъ. Н. П. Поливанова.

Письма К. Д. Кавелина къ Д. А. Валуеву изъ Петербурга въ Москву. 1842.

Русскій человѣкъ въ Парижѣ. Памятная книжка В. А. Муханова.

Записки Марѳы Степановны Сабининой.

Изъ жизни каторжныхъ въ Восточной Сибири. Воспоминанія И. В. Ефимова.

Крымская война. 1856. Изъ дневника князя Г. А. Долгорукаго.

Изъ Украинской старины. Воспоминанія Н. Д. Башкирцевой.

Ле-Пле объ освобожденіи Русскихъ крестьянъ.

Отъ Дуная до Царьграда. Воспоминанія В. В. Воейкова.

По поводу новаго изданія сочиненій Ѳ. И. Тютчева. Статья В. Я. Брюсова.

Къ столѣтію со дня рожденія Е. А. Баратынскаго. Статья В. Я. Брюсова.

Антикритика. Статья Е. А. Баратынскаго (по поводу разбора поэмы „Наложница", писаннаго Н. И. Надеждинымъ).

Изъ писемъ Н. С. Соханской (Кохановской) къ М. В. Вальховской. (1876—1884)

Профессоръ П. С. Щепкинъ и В. Г. Бѣлинскій. Замѣтки Д. М. Щепкина.

Ученіе Славянофиловъ. Статья К. С. Аксакова.

Записки маркиза Пасторе о 1812-мъ годѣ.

Дагестанскія воспоминанія объ А. П. Ермоловѣ. Е. И. Козубскаго.

Наваринскій бой. Разсказъ участника.

Воспоминанія князя А. В. Мещерскаго.

Записки сенатора К. Н. Лебедева.

Новонайденныя письма и стихотворенія В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго.

Письма Ѳ. И. Тютчева къ П. Я. Чадаеву.

Духовное происхожденіе М. С. Щепкина.

Суворовъ. Его характеристика.

О мнимомъ еретичествѣ Московскаго митрополита Зосимы. Ѳ. М. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1902 года.

(40-й годъ изданія)

Вступая въ сороковой годъ своего изданія „Русскій Архивъ“ повторяетъ сказанное при открытіи подписки на годъ 1901-й и снова заявляетъ свою радость тому, что мысль и дѣло, для которыхъ онъ начатъ въ 1863 году (въ то время, когда вслѣдъ за внутреннимъ обновленіемъ Россіи стали дѣйствовать враждебныя ей силы на нашихъ окраинахъ), мысль и дѣло нашего историческаго самосознанія плодотворно двинулись впередъ и находятъ себѣ выраженіе въ повременныхъ изданіяхъ, разсчитанныхъ на многочисленныхъ читателей, и въ цѣломъ рядѣ превосходныхъ работъ по исторіи Русскаго государства и Русскаго просвѣщенія.

Живо сочувствуя успѣху этихъ твердыхъ шаговъ исторической любознательности, „Русскій Архивъ“ продолжитъ и въ будущемъ году свой посильный трудъ, стараясь сохранять вѣрность своему первоначальному направленію, т. е. отыскивая въ рукописяхъ частныхъ лицъ и въ государственныхъ хранилищахъ показаній доселѣ не оглашенныхъ, а въ сообщаемыхъ ему бумагахъ предпочитая по возможности цвѣтистому и хлесткому дѣльное и цѣнное для бытописанія. И такъ, въ 1902-мъ году „Русскій Архивъ“ по прежнему посвященъ будетъ обнародованію историческихъ достопамятностей родной старины и ея изученію во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Условія подписки на „Русскій Архивъ“ остаются прежнія: **9** р. за **12** книжекъ съ пересылкою въ Россіи и **12** р. съ пересылкою въ чужіе края.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 до 5 часовъ. Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175.

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

сокую душу ея пріятельницы графини С. А. Самойловой (впослѣдствіи графини Бобринской), которую читатели „Русскаго Архива" (1881 и 1882) нѣсколько знаютъ по перепискѣ Кристина съ княжною Туркестановой. Прекрасная жизнь этой женщины можетъ послужить содержаніемъ особой книги.

К. Н. Михаиловъ. Никитскій женскій монастырь въ Москвѣ. Историческія розысканія по Московскимъ древностямъ и по дому бояръ Романовыхъ. С.-Пб. 1901. 8-ка XVI и 259 стр.

Г-нъ К. Н. Михаиловъ, очевидно человѣкъ молодой, проявилъ въ книжкѣ своей ту хлесткость, которою нѣкогда отличался М. И. Семевскій и отъ которой сей послѣдній исцѣлялся въ послѣдніе годы своей дѣятельности.

Книжка посвящена Великому Князю Николаю Михаиловичу и украшена одинадцатью картинками, въ томъ числѣ портретомъ нынѣшней досточтеннѣйшей игуменьи Паисіи. Историческія показанія и вновь найденрыя бумаги пересыпаны въ книжкѣ этой краснобайствомъ, къ заявленіямъ котораго принадлежатъ выходка противъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и предложеніе соединить пять большихъ Московскихъ архивовъ въ одно учрежденіе. Воображаемъ, что̀ изъ этого могло бы произойти!

И. П. Хрущовъ. Сборникъ литературныхъ, историческихъ и этнографическихъ статей и замѣтокъ. Спб. 1901. 8-ка IV и 503 стр.

Статьи, собранныя въ этой книгѣ, не новы. Самыя раннія изъ нихъ написаны еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Черезъ это многія данныя въ нихъ устарѣли. Самъ авторъ видѣлъ это и въ отдѣльномъ изданіи присоединилъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ особыя примѣчанія, въ которыхъ старается пополнить ихъ новыми свѣдѣніями Собраны рѣчи, произнесенныя на засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ. Въ силу необходимости они кратки, и изложеніе ихъ нѣсколько риторично. Можно бы не перепечатывать старыхъ журнальныхъ замѣтокъ о мелкихъ событіяхъ дня (изъ Голоса 1881 г.), какъ напр. о романѣ нѣкоего г. Шадрина.

Но въ книгѣ этой имѣемъ статьи, которыя вовсе не утратили своего значенія и не утратятъ его никогда. Таковы личныя воспоминанія автора о цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и о королевѣ Виртембергской Ольгѣ Николаевнѣ. Съ королевой Ольгой Николаевной авторъ встрѣтился въ Штутгартѣ, въ 1868 году. Онъ передаетъ ея слова о Тургеневѣ: „Теперь онъ что-то не ѣздитъ сюда; ему сказали, что я на него сержусь за то, что онъ назвалъ своего героя именемъ моего духовника; но это не такъ: я только говорила, что это было не очень-то пріятно". Въ 1869 г. И. П. Хрущовъ читалъ въ Штутгартѣ лекціи по Русской словесности въ присутствіи Ольги Николаевны, ея племянницы и племянника. Онъ сообщаетъ любопытные отзывы королевы о различныхъ явленіяхъ нашей словесности, древней и новой.

Не лишены значенія и „Впечатлѣнія на открытіи памятника Пушкину", какъ голосъ современника, стоявшаго близко къ празднованію 1880 г. И. П. Хрущовъ свидѣтельствуетъ, что при открытіи памятника „было много публики, но нельзя сказать, чтобы народъ на площади кипѣлъ". Любопытенъ разборъ малоизвѣстной книжки К. С. Рябинскаго о дѣтскихъ уличныхъ пѣсенкахъ, прибауткахъ, скороговоркахъ. Это особый родъ нашей народной словесности.

Со знаніемъ дѣла составлена статья о современныхъ дешевыхъ изданіяхъ для народа. Она доведена до 1881 г. Нѣкоторымъ продолженіемъ ея служатъ замѣчанія о изданіяхъ Общества Распространенія Полезныхъ книгъ. Авторъ состоялъ въ немъ предсѣдателемъ, и его дѣятельность въ этомъ званіи составляетъ выдающуюся и незабвенную заслугу его предъ Русскимъ обществомъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на „Замѣтки о Русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти". Замѣтки написаны въ 1867 году, но и теперь трудно указать болѣе живое описаніе уголка того края, гдѣ сохранился еще старинный Русскій языкъ, его простота, его образность, его роскошь въ словопроизводствѣ, гдѣ многимъ, не бывавшимъ въ городахъ, совершенно непонятны слова Татарскаго происхожденія, даже такія, какъ „лошадь" и „кнутъ". В. Б.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1902 года.

(Годъ 40-й).

«Русскій Архивъ» въ 1902 году будетъ по прежнему выходить **двѣнадцатью выпусками**, которые составятъ три книги, каждая съ особымъ счетомъ страницъ.

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1902 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива» на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и автографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву" для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» прошлыхъ лѣтъ получаются по слѣдующимъ цѣнамъ: **1874** годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ѳ. И. Тютчева и князя В. Ѳ. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы **1877**, **1879**, **1884** и **1886—1889** по 5 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 6 р.; годы **1890—1892**, **1894** и **1895** по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы **1897—1901** по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Оставшіеся въ розбити выпуски можно получать по **1 р.** съ перес.

Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя 30 лѣтъ изданія (1863—1892) съ Азбучнымъ Указателемъ. М. 1894. 240 стр. Цѣна **три** рубля.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногородняго на иногородный и заграничнаго на заграничный — **30** копѣекъ; Московскаго на иногородный—**90** копѣекъ; иногородняго на Московскій—**40** копѣекъ (*по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ*).

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ по полудни.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ.**